ПУШКИН

Письма последних лет

1834–1837

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ПУШКИН

Письма последних лет

1834—1837

1969

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
Ленинград

Ответственный редактор

Н. В. ИЗМАЙЛОВ

7-2-2

167-68 (I пол.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Громадное и многостороннее значение писем Пушкина, как существенной составной части его литературного наследия, признано давно и бесспорно. Эти письма служат важнейшим источником для изучения его биографии — личной, общественной, литературной, для изучения эволюции мировоззрения поэта, его литературно-общественных отношений и взглядов, его связей с эпохой и его исторической судьбы. В то же время письма Пушкина — документы чисто литературного значения, неразрывно связанные с зарождением и развитием пушкинской прозы — художественной, публицистической, критической, исторической, мемуарной. Изучение переписки поэта дает в ряде случаев ключ к его мыслям, воззрениям, к его творческим замыслам. Без обращения к письмам — точнее, к переписке Пушкина — невозможно построение его биографии и истолкование его творчества; это было ясно уже современникам поэта и его первому научному биографу П. В. Анненкову. Важнейшие документы общественно-политического значения видел в письмах Пушкина А. И. Герцен, публикуя их в «Полярной звезде». Начавшись вскоре после смерти Пушкина, публикация его писем в самых различных изданиях проходит через все последующие десятилетия вплоть до настоящего времени, и, хотя приток новых, неизвестных писем в последние годы значительно уменьшился, нет никаких оснований думать, что он совершенно иссяк: количество не дошедших до нас или неотысканных писем (не считая заведомо уничтоженных или погибших) так велико, что всегда остается надежда на появление новых находок.

С 1882 г., когда П. А. Ефремов впервые сделал попытку собрать известные тогда письма Пушкина (кроме его писем к невесте и жене, Наталье Николаевне) и издать их отдельным томом в редактируемом им собрании сочинений поэта,[1] письма его вошли во

[1] Сочинения А. С. Пушкина. Изд. восьмое (Ф. И. Анского). Под ред. П. А. Ефремова. Т. VII. М., 1882. Сюда вошли 375 писем к 77 адресатам, расположенные не в общей хронологии, как это принято в позднейших

все основные дореволюционные издания, включая так называемое «венгеровское».[2] В 1906—1911 гг. вышло под редакцией В. И. Саитова и при ближайшем участии Б. Л. Модзалевского трехтомное академическое издание переписки Пушкина, впервые объединившее, кроме писем самого Пушкина, все известные тогда письма к нему.[3]

Первые советские собрания сочинений Пушкина — как однотомные, под редакцией Б. В. Томашевского, так и шеститомные, начиная с издания в приложении к «Красной ниве» (1930—1931 гг.), — не содержали писем Пушкина. Лишь Полное собрание сочинений Пушкина в шести томах, первые пять томов которого вышли в издательстве «Academia» в 1936 г., дало в VI томе, выпущенном два года спустя Гослитиздатом, первое советское полное издание писем поэта, заключающее в себе 796 номеров; общим редактором тома писем был Л. Б. Модзалевский.[4] В этом издании впервые в советское время все письма, от первого до последнего, снабжены примечаниями; примечания составлены очень сжато, без документации и отсылок к литературе, без обоснования чтения текстов и аргументации определений датировок и адресатов, но дают точные справки о лицах и фактах, упоминаемых в каждом письме, и до сих пор, несмотря на появившиеся в послевоенные годы комментированные издания, являются во многом незаменимым пособием; в особенности это касается писем за 1834—1837 гг.

В 1937 г. вышел XIII том нового советского академического издания Полного собрания сочинений Пушкина (так называемого

изданиях, но группами по адресатам, каждая группа в порядке внутренней хронологии; порядок же адресатов определен не алфавитом, а датой первого письма к каждому из них.

[2] Пушкин. Изд. Брокгауза—Ефрона. Под ред. С. А. Венгерова. Т. V. СПб., 1911 (письма 1815—1825 гг.); т. VI, Пгр., 1915 (письма 1825—1837 гг.). Сюда вошло всего 733 письма. Общий обзор истории публикации писем Пушкина и их включения в собрания сочинений см. в изд.: Пушкин. Письма. Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского. Т. I. 1815—1825. М.—Л., 1926, стр. XL—XLIII. Все дореволюционные издания писем Пушкина, перечисленные здесь, кроме академического издания переписки (см. далее), имеют примечания, но очень краткие, научная и даже справочная ценность которых в настоящее время ничтожна.

[3] Сочинения Пушкина. Переписка. Изд. имп. Академии наук. Под ред. и с прим. В. И. Саитова. Т. I. СПб., 1906 (письма 1815—1826 гг.); т. II, 1908 (письма 1827—1832 гг.); т. III, 1911 (письма 1833—1837 гг.). Всего вошло в издание 713 писем Пушкина и 461 письмо к нему, не считая дубиальных. В издании отсутствуют какие бы то ни было примечания, даже элементарно-справочного характера, вследствие того что предположенные для примечаний отдельные дополнительные тома остались неизданными и даже едва ли начатыми подготовкой, — см. указанное издание писем Пушкина под редакцией Б. Л. Модзалевского (т. I, 1926, стр. XLV—XLVI).

[4] А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах. Под общей ред. М. А. Цявловского. (К столетию со дня гибели Пушкина, 1837—1937). Т. VI. М., Гослитиздат, 1938.

«большого» академического) под редакцией Д. Д. Благого, содержащий переписку поэта за 1815—1827 гг. За ним, в 1941 г., последовал XIV том, редактированный Н. В. Измайловым,[5] — второй том переписки, охватывающий 1828—1831 гг. Война прервала это издание, и лишь в 1948 г. вышел XV том под редакцией Н. В. Измайлова (переписка 1832—1833 гг.) и Д. Д. Благого (переписка 1834 г.). Наконец, в 1949 г. появился XVI том издания под редакцией Д. Д. Благого, содержащий последний, четвертый том переписки Пушкина (1835—1837 гг.). Все четыре тома заключают в себе 1376 писем — 804 письма Пушкина и 572 письма к нему, а также 23 документа в отделе «Деловых бумаг» и 10 — в отделе «Dubia», что в общем составляет большой прирост по сравнению с первым академическим изданием переписки под редакцией В. И. Саитова. К этому позднее прибавились еще три письма Пушкина (два новых и одно — пропущенное в томах переписки), напечатанные в дополнительном, Справочном (XVII) томе академического издания, вышедшем в 1959 г.[6]

В силу обстоятельств, в которых осуществлялось «большое» академическое издание сочинений Пушкина и его переписки, предполагавшийся всесторонний комментарий был всюду заменен краткими текстологическими и библиографическими справками, содержащими — в томах переписки — данные об источнике текста, о его публикациях и о времени введения данного письма в собрание сочинений; датировки писем, не имеющих авторских дат, введены в редакторских подзаголовках, но без всяких пояснений, т. е. остаются нераскрытыми и немотивированными. Слабой и далеко не достаточной заменой реального комментария являются алфавитные указатели (предметно-именные) к каждому тому переписки и сводный указатель ко всему изданию, пересмотренный и дополненный, в Справочном (XVII) томе. Развернутые комментарии к письмам, о которых заявлено было в предисловии к I тому издания (и глухо повторено также в предисловии к примечаниям XIII тома),[7] как известно, не были изданы, хотя частично и приготовлены коллективом сотрудников для переписки 1815—1825 гг. (рукопись этого большого труда, возглавлявшегося Г. А. Гуковским, к сожалению, утрачена в период ленинградской блокады).

Академическое издание переписки Пушкина заложило твердое основание для последующих изданий его писем. В 1949 и 1958 гг. были дважды выпущены «малые» академические издания его сочинений в десяти томах, где письма Пушкина, подготовлен-

---

[5] Подготовка тома была начата Д. П. Якубовичем, которому болезнь и смерть помешали завершить эту работу.

[6] Здесь же напечатаны пять новых писем к Пушкину.

[7] См.: «Обоснования новой датировки ‹отдельных писем›, как и всякого рода текстологических новаций, требующие, как правило, развернутого комментария, будут даны в особой серии материалов к академическому изданию» (*Акад.*, XIII, стр. 417).

ные Л. Б. Модзалевским и И. М. Семенко под редакцией Б. В. Томашевского, заняли X том.[8] В этих изданиях было отмечено, что они печатаются «по текстам» (или, в издании 1958 г., — «на основе») Полного собрания сочинений А. С. Пушкина, изданного Академией наук СССР. В первое из них (1949 г.) вошло 784 письма Пушкина, во второе (1958 г.) — 786 писем (здесь прибавились два неизвестных ранее письма — к Е. К. Воронцовой (№ 552) и к Г. Нордину (№ 654), вошедшие затем в Справочный, XVII том «большого» издания).[9] Кроме того, в оба издания входит по 8 писем, приписываемых Пушкину («Dubia»), и по 16 избранных «деловых бумаг». Все письма снабжены краткими пояснительными примечаниями, лишь очень немногим дополненными во втором издании и не повторяющими справочно-библиографических сведений, данных в «большом» академическом издании, но удовлетворяющими целям элементарного понимания содержания писем. Как видно, эти издания, в общем точные, доброкачественные и полезные, самостоятельных научно-исследовательских целей себе не ставят и нового в смысле подачи текстов не дают; примечания же по объему и полноте даже уступают примечаниям, данным в VI томе издания «Academia» — Гослитиздат (1938).

Последним по времени и лучшим по полноте и по качеству примечаний (из числа научно-популярных) должно считаться издание писем Пушкина, составляющее девятый и десятый тома Собрания его сочинений в десяти томах, выпущенного Гослитиздатом (М., 1962). Количество писем в этих томах (786), так же как и их тексты почти не отличаются от академического десятитомника 1958 г.; но раздел «Деловых бумаг» сокращен на 4 документа (два из них вошли в 7-й том издания, два других использованы в примечаниях к 6-му и 7-му томам); раздел же «приписываемых Пушкину» писем совсем опущен — очевидно, ввиду малой достоверности всех этих отрывочных текстов. Составленные И. М. Семенко примечания немного более подробны, чем примечания к письмам в академических десятитомниках, за счет прежде всего включения данных об адресатах и некоторых упоминаемых лицах; тем же автором написана вступительная статья «Письма Пушкина» (т. 9, стр. 389—407). Последней и наиболее содержательной — несмотря на ее краткость — работой, посвященной значению писем Пушкина, является принадлежащая Я. Л. Левкович глава «Письма» в книге «Пушкин. Итоги и проблемы изучения» (изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 529—534).

---

[8] В 1963—1964 гг. выпущено 3-е издание десятитомника, представляющее в том, что касается писем, перепечатку 2-го издания, не имеющую самостоятельного значения.

[9] Уменьшение общего количества писем на 20 номеров произошло за счет исключения некоторых совершенно незначительных черновых набросков, адресов на конвертах от несохранившихся писем и т. п.

Из этого краткого обзора изданий переписки или писем Пушкина можно видеть, что если последние издания, начиная с «большого» академического, в смысле текста удовлетворяют требованиям научной полноты и точности, то в смысле комментирования ни старые, дореволюционные издания, ни новые, 1937—1962 гг., не могут считаться соответствующими научным (и даже читательским) требованиям. Примечания в дореволюционных изданиях безнадежно устарели, даже как фактический материал; «старое» академическое издание переписки (1906—1911 гг.) лишено их вовсе; новое «большое» академическое издание (1937—1948 гг.) дает лишь первые необходимые справки источниковедческого и библиографического характера без комментариев в собственном смысле; последующие издания — 1949, 1958, 1962 гг. — своими краткими примечаниями едва могут удовлетворить элементарным требованиям читательского понимания текста, но не дают документированного раскрытия сообщаемых сведений, без чего эти примечания не могут быть названы комментариями. Несколько лучше в этом смысле, как уже говорилось, примечания в VI томе издания «Academia» — Гослитиздат (1938). Между тем письма Пушкина по разнообразию и количеству содержащихся в них фактических сообщений, по глубине и сложности суждений, громадному количеству упоминаемых лиц и произведений литературы, по обилию цитат и намеков, понятных адресату, но неясных, даже неуловимых для читателя, — словом, по богатству материала, данного притом в чрезвычайно лаконичной и своеобразной форме, — требуют развернутого и углубленного комментария, который бы опирался на широкую архивную и книжную документацию, обращал внимание как на общее содержание и значение каждого письма в ряду всей переписки с данным адресатом, в общем ряду биографических и творческих фактов и документов, так и на смысл каждой фразы, каждого слова и раскрывал бы их всеми средствами, доступными современному пушкиноведению. Это необходимо тем более, что многие факты и лица, упоминаемые в письмах, малоизвестны, неясны, забыты или вовсе до сих пор не раскрыты и не известны; что даже прямой смысл многих выражений и оборотов, употребляемых в эпистолярной речи Пушкина, изменился, забыт или непонятен современному, даже самому квалифицированному читателю; что формальное, внешнее изложение факта в примечании еще не раскрывает его, как не раскрывают отношений между Пушкиным и многими его современниками бесспорные, но внешние биографические данные. Такого комментария ни одно из рассмотренных нами изданий, дореволюционных или советских, не дает, да и не ставило себе целью дать читателю или исследователю пушкинских писем. Исключением является лишь одно издание, бегло упомянутое выше, на котором следует теперь остановиться подробнее, так как оно имеет непосредственное отношение к настоящему тому пушкин-

ских «Писем последних лет». Это — издание писем Пушкина, задуманное, подготовленное и начатое Б. Л. Модзалевским,[10] успевшим выпустить два первых его тома,[11] и продолженное его сыном, Л. Б. Модзалевским,[12] подготовившим и издавшим третий том, доведенный до конца 1833 г.,[13] на котором и остановилось это замечательное издание.

Б. Л. Модзалевский всем складом своего исследовательского ума, направлением и характером своей научной деятельности, всей суммой накопленных им познаний был призван, подготовлен и как бы предназначен для совершения такого громадного и специфического научного труда, как издание и комментирование писем любимого им поэта, литературного деятеля и человека — Пушкина.

В долгих и кропотливых занятиях архивными и печатными материалами, в изучении огромной исторической, мемуарной, эпистолярной, генеалогической литературы, в штудировании русской исторической журналистики Б. Л. Модзалевский стал несравненным знатоком Пушкина и его окружения, всей его эпохи и — гораздо шире — всей русской общественной жизни первых двух третей XIX в. Из его занятий выросла громадная, вмещающая сотни тысяч карточек библиографическая картотека, составляющая один из важнейших справочных источников в Рукописном отделе Пушкинского дома, — знаменитая «Картотека Б. Л. Модзалевского», в которой, однако, сознательно отсутствует одно имя — имя самого Пушкина. Специальной областью его интересов стали биографические сведения о людях пушкинской эпохи — писателях,

---

[10] Борис Львович Модзалевский (1874—1928) — выдающийся представитель старшего поколения пушкинистов нашего века, член-корреспондент Академии наук СССР, один из основателей и руководителей Пушкинского дома, историк литературы и общественной мысли, архивист и библиограф. Полный список его трудов до начала 1924 г. (597 номеров) см. в издании, выпущенном к 50-летию со дня его рождения: Борис Львович Модзалевский. Биографические даты. Список трудов. С портретом работы П. И. Нерадовского. Л., 1924, 40 стр. Второй, пересмотренный и дополненный список его трудов (652 номера), включающий и посмертные публикации, см. в брошюре: Памяти Бориса Львовича Модзалевского. 1874—1928. Биографические даты. Библиография трудов. Изд. Русского общ. друзей книги, М., 1928, 30 стр.

[11] П у ш к и н. Письма. Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского. Т. I. 1815—1825. Гос. изд., М.—Л., 1926, XLVIII и 539 стр.; т. II. 1826—1830. М.—Л., 1928, IV и 579 стр. В эти два тома вошли 392 письма (№№ 1—391 и № 170а — дополнение к I тому, ошибочно помеченное во II томе (стр. 125) как № 180а, ср.: *Акад.*, XIII, № 204).

[12] Лев Борисович Модзалевский (1902—1948) — историк литературы и архивист, продолжатель дела своего отца, исследователь жизни и творчества Пушкина и Ломоносова (см.: Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского дома, вып. II. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 81—82).

[13] **П у ш к и н.** Письма. Под ред. и с прим. Л. Б. Модзалевского. Т. III. 1831—1833. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, XVI и 720 стр. Здесь помещено 169 писем (№№ 392—560); всего же в трех томах содержится 561 письмо (см. выше, прим. 11).

государственных и общественных деятелях (в частности, о декабристах), членах их семей, предках и потомках, об их взаимоотношениях, общественном и имущественном положении, службе и т. д. На основе этих сведений, значительных и мелких, всегда необыкновенно точных и строго документированных, выросли многочисленные труды Б. Л. Модзалевского, биографические статьи и публикации. В числе их, например, свыше 300 статей в «Русском биографическом словаре» о самых разнообразных деятелях; комментированные документальные издания — «Архив Раевских» (тт. I—V, 1908—1915), «Архив декабриста <С. Г. Волконского>» (т. I, 1918; II том, приготовленный в рукописи, не был выпущен в свет); в позднейшее время — около 580 биографических справок к изданному под его редакцией, совместно с А. А. Сиверсом, так называемому «Алфавиту декабристов» (в издании: Восстание декабристов, т. VIII. Изд. Центрархива, М., 1925) — настольной книге каждого, кто занимается изучением истории движения дворянских революционеров и биографий его участников.

Пушкину посвящено множество трудов, исследований, статей, публикаций, справочных изданий Б. Л. Модзалевского. С 1903 г. бо́льшая их часть сосредоточивалась на страницах органа Пушкинской комиссии Академии наук «Пушкин и его современники», редактором которого он был почти до конца этого издания. Здесь помещен такой замечательный его труд, как «Библиотека А. С. Пушкина» (вып. IX—X, 1910, XIX и 442 стр.), — постраничное библиографическое описание 3700 томов (в 1522 номерах) личной библиотеки поэта, хранящейся в Пушкинском доме.[14]

С ранних пор Б. Л. Модзалевский стал заниматься историей предков Пушкина — Пушкиных и Ганнибалов. Первыми результатами этих занятий явились статьи «Родословная Ганнибалов» и «Род Пушкина», напечатанные в 1907 г.[15] После этого до самого конца жизни он продолжал собирать, пополнять и систематизировать архивные материалы к полной родословной росписи Пушкиных, которую, однако, ему не удалось закончить: она была издана уже посмертно отдельной брошюрой, завершенной и подготовленной М. В. Муравьевым.[16]

---

[14] Дальнейшие исследования — Л. Б. Модзалевского, Б. В. Томашевского, Д. П. Якубовича, Я. И. Ясинского и др. — внесли лишь отдельные дополнения и уточнения в эту работу.

[15] Б. Л. Модзалевский. 1) Родословная Ганнибалов. В кн.: Летопись Историко-родословного общества в Москве, вып. II. М., 1907, стр. 3—12; отд. оттиск; 2) Род Пушкина. В кн.: Пушкин. Изд. Брокгауза—Ефрона. Под ред. С. А. Венгерова. Т. I, стр. 1—24. Последняя статья, содержащая историю родов Пушкиных и Ганнибалов, перепечатана (с примечаниями М. В. Муравьева) в посмертном сборнике статей Б. Л. Модзалевского «Пушкин» (изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 17—63).

[16] Б. Л. Модзалевский и М. В. Муравьев. Пушкин. Родословная роспись. Изд. АН СССР, Л., 1932, 87 стр. (на правах рукописи).

Все эти и многие другие, крупные и мелкие труды Б. Л. Модзалевского о Пушкине, его эпохе и окружении являются «спутниками» и отчасти подготовительными этюдами к двум его капитальным изданиям — «Дневнику Пушкина» и «Письмам Пушкина».

Дневник Пушкина за 1833—1835 гг., до революции известный лишь в неполных и почти не раскрытых публикациях, был напечатан Б. Л. Модзалевским в 1923 г.[17] «Мы стремились, — писал в предисловии комментатор, — не оставить неразъясненным ни одного места Дневника, не обойти молчанием ни одного имени, ни одного события, о котором упоминает Пушкин <...>. Особенно много оказалось нужным сделать объяснений и дать справок по поводу упомянутых Пушкиным лиц (их в Дневнике оказалось названными до 150 человек из круга друзей Пушкина, его родных и знакомых, исторических, государственных и придворных деятелей, лиц царской фамилии, писателей, различных современников и иностранцев)». И действительно, обширные примечания к Дневнику, составленные Б. Л. Модзалевским, представляют собою ряд подробных и точных биобиблиографических справок о лицах (и исторических справок о событиях), упоминаемых Пушкиным. Каждая справка тщательно документирована, почти каждая выходит далеко за пределы того, что непосредственно нужно для понимания текста Дневника.[18] Вместе с тем главное внимание комментатора обращено на «personalia», некоторые события общественно-политической жизни разъясняются не как таковые, а «прикрепляются» к тем или иным лицам (например, запись 17 марта о совещании у Греча по поводу издания «Conversations Lexikon» прокомментирована по упомянутым здесь именам — Греча, Полевого, Свиньина и др.; см.: Дневник, стр. 9 и 105—110); наиболее же близкие к Пушкину лица или вовсе не имеют специальных справок (например, Жуковский), или справки о них и об их отношениях к Пушкину очень кратки (например, о Вяземском — стр. 46). Но полнота, точность и насыщенность справок превосходит все, известное до тех пор в пушкиноведении.[19]

Через три года после «Дневника», в 1926 г., вышел первый том «Писем Пушкина», приготовленный Б. Л. Модзалевским, —

Предисловие Б. Л. Модзалевского к «Росписи» помечено 27 декабря 1927 г. — за три месяца до его кончины (3 апреля 1928 г.).

[17] Дневник Пушкина 1833—1835. Под ред. и с объяснительными примечаниями Б. Л. Модзалевского и со статьею П. Е. Щеголева. Гос. изд., М.—Пгр., 1923, XXVI и 275 стр.

[18] Упоминаемые Пушкиным в дневнике и письмах 1834—1835 гг. лица и события часто оказываются одними и теми же; это значительно облегчило работу над комментированием писем и составлением персональных справок, позволив в ряде случаев ограничиться отсылками.

[19] Вышедшее одновременно с изданием Б. Л. Модзалевского другое, московское издание «Дневника А. С. Пушкина (1833—1835 гг.)» (Труды Гос. Румянцевского музея, вып. I, Гос. изд., М.—Пгр., 1923, VIII и

венец его пушкиноведческой деятельности, результат многолетней работы.[20] В издании сказались как сильные, так и слабые стороны исследовательских и публикаторских методов Б. Л. Модзалевского, уже проявившиеся в издании Дневника. Тексты писем, напечатанные с соблюдением орфографии подлинника (по так называемой старой орфографии) и с максимальным приближением к подлинной пунктуации, отличаются большой точностью и близостью к оригиналам — большей, нежели в позднейшем академическом и других изданиях, построенных на иных принципах. Не очень удачна система подачи черновых текстов, приближающаяся к транскрипционной, что очень понятно, так как система, выработанная в 30-х годах для академического издания, тогда еще не существовала. Но главным достоинством издания 1926—1928 гг. были комментарии (или примечания) к письмам. Уже цифровые соотношения размеров текста и комментариев в каждом из томов показывают, как громаден объем работы: в I томе на 174 страницы (корпусом), занятые текстами, приходится 364 страницы примечаний, набранных притом мелким шрифтом — петитом; во II томе — 125 страниц текста и 382 страницы примечаний также петитом.[21] В этих примечаниях господствуют те же черты, какие мы видели в примечаниях к Дневнику Пушкина: необыкно-

---

578 стр.) с примечаниями В. Ф. Саводника при участии М. Н. Сперанского представило его текст, сверенный с подлинником, со скрупулезной точностью, комментарии же, написанные в более свободной, повествовательной форме, чем у Б. Л. Модзалевского, дают значительно меньший справочно-библиографический и документальный материал, что заставляет и теперь предпочитать издание Модзалевского, как значительно более богатый и точный сборник справочных сведений.

[20] В предисловии к I тому «Писем» (стр. XLVII) Б. Л. Модзалевский писал: «Работа по настоящему изданию писем была начата еще в 1910 году, по несколько иной (более краткой, — *Ред.*) программе, для предположенного тогда Собрания сочинений Пушкина в серии „Академической библиотеки русских писателей“ ‹. . .› она прервалась в годы войны и возобновилась, уже по тому плану, как исполнена теперь, в 1918 г. — по приглашению, полученному редактором от А. М. Пешкова (Максима Горького), — для издательства З. И. Гржебина; первые два тома были закончены в начале 1920 года ‹. . .› в расчете на издание в свет всех четырех томов писем к 125-летию дня рождения Пушкина, исполнявшемуся в 1924 г.; расчет этот не оправдался, и настоящий том выходит лишь теперь, в 1926 году». В примечании к этим словам говорится: «Том II (письма 1826—1830 гг. и комментарий к ним) совершенно готов к изданию». Это предисловие помечено «1 июня 1926 г.»; том II вышел в свет в конце 1927 г. В предисловии к нему, помеченном «1 июля 1927 г.», сообщается: «III том „Писем“ ныне готовится к печати». Но для этого тома Б. Л. Модзалевский успел приготовить (и то не вполне) примечания лишь к первым 44 письмам (см. предисловие «От Института русской литературы» к III тому «Писем», стр. VIII—X).

[21] В III томе соотношение текстов и примечаний еще характернее: на 115 страниц текста (корпусом) приходится 551 страница примечаний; но нужно иметь в виду, что здесь примечания набраны на шпонах, т. е. с бо́льшими, чем в первых двух томах, расстояниями между строками, что увеличивает число страниц.

венное богатство фактического материала, основанного на исчерпывающем для своего времени подборе документальных источников, архивных и печатных; замечательная точность, конкретность и обоснованность сообщаемых сведений, подкрепленных большими выписками из переписки, мемуаров, документов современников Пушкина, из журналов 20-х годов, из писем к Пушкину от его корреспондентов;[22] преимущественное внимание к «personalia» — биографическим и генеалогическим справкам о каждом упоминаемом в письмах лице, даже случайном и не связанном с жизнью и деятельностью Пушкина, так что эти справки порою приобретают совершенно самостоятельное значение, захватывая множество лиц, связанных между собою родством или служебными отношениями, без прямой связи с Пушкиным. Все это делает примечания Б. Л. Модзалевского к письмам поэта (и примечания его сына к III тому писем) единственным в своем роде и незаменимым справочником о лицах и событиях русской общественной жизни первой трети XIX в. Но вместе с тем в них очевидно стремление комментатора (точнее — обоих комментаторов) не выходить за пределы непосредственного раскрытия конкретных имен и отдельных фактов и воздерживаться не только от обобщающих соображений и выводов, но и от наблюдений более общего историко-литературного и историко-общественного характера. Поэтому и литературно-общественные отношения Пушкина, столь важные и занимающие столь большое место в его письмах, остаются в тени, уступая основное место отношениям биографическим. В этом сказываются характерные особенности биографического и фактографического направления в пушкиноведении, убежденным адептом которого был всегда Борис Львович Модзалевский и которое от него воспринял его сын и продолжатель, Л. Б. Модзалевский.

В предисловии «От Института русской литературы» к III тому «Писем Пушкина» (1935) мы читаем справедливую характеристику примечаний Б. Л. Модзалевского к I и II томам. Комментарий, говорится здесь, «отражает в себе все достоинства и недостатки научных приемов своего автора. Широчайшая эрудиция и осведомленность в библиографии пушкинской эпохи — особенно в редких, малоизвестных и забытых источниках; полнота сведений, вплоть до самых мелочных, о всех событиях и лицах, упоминаемых в письмах Пушкина (и чем малоизвестнее лицо или событие, тем полнее и подробнее сведения о нем); громадное количество данных литературного, бытового, генеалогического характера; обширный справочный аппарат, дающий возможность читателю расширить и углубить в нужной ему мере данные ком-

[22] Последнее тогда было необходимо ввиду того, что письма к Пушкину, разбросанные по сотням изданий, были собраны лишь один раз — в академическом издании «Переписки» под редакцией В. И. Саитова, не имевшем никаких примечаний и в 20-х годах уже малоизвестном читателю.

ментатором сведения, — все это составляет неоспоримые достоинства комментария. Но, с другой стороны, эти достоинства обращаются в недостатки там, где за обилием отдельных справок затушевывается и исчезает — часто даже как бы обходится комментатором — обобщенное истолкование обстановки и смысла письма как литературного и исторического документа, где историко-литературный и социологический анализ — и, на его основе, синтетическое понимание документа — приносятся в жертву отдельным, расчлененным и обособленным, часто явно излишним, фактическим данным. Но, повторяем, обилие фактического материала так велико, а качество его — по точности, строгой проверенности, исключительной добросовестности — так высоко, что оно искупает в значительной мере недостатки издания <...>. Новое издание писем сразу и прочно вошло в научный обиход всех, кто изучает Пушкина, его эпоху, литературу и общественность первой трети XIX века».[23]

В заключении того же предисловия говорится: «Рассматривая III том писем Пушкина (подготовленный Л. Б. Модзалевским, — *Ред.*) как прямое продолжение издания, начатого покойным Б. Л. Модзалевским, Институт русской литературы оставляет за собою право при подготовке четвертого, последнего, тома (письма 1834—1837 годов) применить все новые требования текстологического и комментаторского порядка, предъявляемые теперь к такого рода изданиям».[24]

«Право» это, однако, не было осуществлено — ни тогда, ни позднее. Усиленная подготовка «большого» академического издания, построенного, как выше указывалось, на совершенно иных основаниях, отвлекло пушкинистов от работы над IV томом «Писем», тем более что деятельное участие в томах, посвященных переписке Пушкина (XIII томе и следующих), принял Л. Б. Модзалевский. Ему же, при участии других пушкинистов, были поручены подготовка текстов и составление примечаний для тома писем в шеститомном Собрании сочинений Пушкина (изд. «Academia» — Гослитиздат, т. VI, 1938), о котором говорилось уже выше. Затем наступила война, а в 1948 г. Л. Б. Модзалевский скончался, не оставив после себя, насколько известно, никаких даже подготовительных материалов для продолжения «Писем» Пушкина. Повлияла здесь, вероятно, и необходимость коренным образом изменить принципы издания — его текстологическую систему и систему комментариев. И только теперь, через 30 с лишним лет после выхода в свет III тома «Писем», Институт русской литературы (Пушкинский дом) осуществляет право, в то же время являющееся, конечно, и обязательством, издать письма

---

[23] Пушкин. Письма, т. III, 1831—1833. Изд. «Academia», М.—Л., 1935, стр. IX—X.

[24] Там же, стр. XI.

Пушкина 1834—1837 гг. и тем завершить издание, начатое 40 лет назад Б. Л. Модзалевским.

Но предлагаемое теперь издание не может, однако, быть названо IV томом издания Б. Л. и Л. Б. Модзалевских: слишком много прошло времени между изданием I—III томов и нынешним изданием, главное же — слишком изменились методы публикации текстов и комментирования их, слишком большие различия можно видеть между ним и первыми тремя томами. Издаваемый теперь том писем Пушкина последних лет его жизни не является в строгом смысле завершением трех томов прежнего издания 1926—1935 гг., и прежде всего потому, что он не содержит тех писем 1815—1833 гг., которые были пропущены или стали известны после выхода в свет III тома и не могли быть им учтены.[25]

Академическое издание переписки Пушкина, в котором письма 1834—1837 гг. занимают часть XV и весь XVI том, с добавлениями в XVII (Справочном) томе, внесло много нового в приемы их публикации. Переход от «старой» орфографии текстов к современной, «новой» сделал невозможным то буквальное следование орфографии, пунктуации и даже графике Пушкина, которое проводили в своем издании Б. Л. и Л. Б. Модзалевские; были выра-

---

[25] Приводим перечень писем Пушкина за 1815—1833 гг., по тем или иным причинам не вошедших в издание Б. Л. и Л. Б. Модзалевских (1926—1935) или опубликованных после выхода в свет III тома: 1) В. А. Жуковскому ‹23—30 декабря 1816 (?)› (*Акад.*, XVI, стр. 429, № 1373/4а); 2) В. К. Кюхельбекеру — приписка на письме В. И. Туманского от 11 декабря 1823 (*Акад.*, XIII, № 72); 3) П. А. Вяземскому ‹вторая половина (не позднее 24) сентября 1825› — приписка на отдельном нотном листе (*Акад.*, XIII, № 218, стр. 231); 4) Неизвестной ‹декабрь (не позднее 22) 1826› (*Акад.*, XIII, № 307); 5) П. А. Осиповой ‹1827 (?) или 1835 (?)› (*Акад., Спр. том,* стр. 73; обоснование вероятной датировки 1827 г. см.: Р. В. Иезуитова. Письмо Пушкина к П. А. Осиповой. *Врем. ПК, 1965*, стр. 37—44); 6) А. Ф. Смирдину от 25 сентября 1827 (*Акад.*, XIII, № 350); 7) П. А. Осиповой от 3 ноября ‹1828› (*Акад.*, XIV, № 394); 8) К. А. Собаньской ‹2 февраля 1830› (*Акад.*, XIV, № 441); 9) ей же, в тот же день (*Акад.*, XIV, № 443); 10) В. Ф. Вяземской — приписка на письме к ней П. А. Вяземского и Е. А. Карамзиной от марта 1830 (*Акад.*, XIV, № 449); 11) Д. Ф. Фикельмон от 25 апреля 1830 (*Акад.*, XVI, стр. 429—430, № 1347/466а; *Спр. том*, стр. 76); 12) Ф. Н. Глинке ‹12—13 августа 1830 (?)› (*Акад.*, XIV, № 511); 13) Д. Н. Блудову (?) ‹вторая половина октября 1831 (?)› (*Акад.*, XIV, № 698; ср.: *Письма*, т. III, стр. XIV — «...письмо будет включено в Приложения к тому IV писем Пушкина»); 14) А. А. Ананьину ‹первая половина (до 12) июля 1833› (*Акад.*, XV, № 826).

Кроме того, 10 писем Пушкина к Н. Н. Гончаровой 1830 г. и одно письмо к Н. И. Гончаровой от 26 июня 1831 г. были напечатаны в издании Модзалевских только в русских переводах (т. II, №№ 356, 357, 364, 367, 371, 372, 376, 380, 381, 385; т. III, № 431); они вошли во французских оригиналах в VI том издания «Academia» — Гослитиздат (т. VI) и в «большое» академическое издание (XIV, №№ 506, 507, 517, 520, 525, 526, 531, 537, 539, 544, 620). Несколько других писем, вошедших в издание Модзалевских по копиям и исправленных по подлинникам в «большом» академическом и следующих изданиях, нами не отмечаются.

ботаны новые орфографические и пунктуационные принципы, которые легли в основу всех последующих публикаций писем. Этим принципам следует и настоящее издание. Очень существенный, принципиального значения шаг вперед был сделан в системе подачи черновых текстов — в соответствии с общей текстологической системой обработки и публикации черновиков, принятой в «большом» академическом издании, но с некоторыми, необходимыми и вызываемыми специфическим характером эпистолярного материала, отступлениями от этой системы.

Но самая полнота и точность черновых текстов, вошедших в раздел «Другие редакции и варианты» академического издания, при коренной разнице в системе их подачи с тем, что мы видим в издании Модзалевских, делает, по нашему мнению, излишним в настоящем издании помещение полностью всех черновых текстов — кроме случаев значительных расхождений их с основными текстами. В этих случаях существенные черновые варианты, не вошедшие в основной текст, когда последний печатается по тому же черновику, даются в разделе «Из вариантов и других редакций». Здесь же помещаются полностью некоторые черновики, когда основной текст печатается по беловому и черновик представляет собой существенно отличающийся от него документ.[26]

Академическое издание внесло также немало уточнений, изменений и дополнений в состав, датировки и расположение текстов писем; архивно-библиографические справки к каждому письму дают полный свод материалов по истории текста, и этими справками не может не пользоваться широко каждый последующий редактор писем Пушкина. Но это не значит, что редактор нового издания писем имеет право механически и буквально воспроизводить всю текстологическую систему, введенную академическим изданием. Строго критическое отношение к ней, проверка всех текстов, беловых и черновых, по первоисточникам (из которых некоторые обнаружились уже после выхода в свет томов академического издания с перепиской Пушкина и даже после Справочного тома), критический пересмотр датировок, установленных редакторами академических томов переписки, были обязательны

[26] Отметим, кстати, что одно положение, выдвинутое в цитированном выше предисловии к III тому писем (1935), не могло быть принято ни академическим, ни последующими, ни настоящим изданием. «Спорным представляется, — говорилось в предисловии, — помещение черновых писем — в ряде случаев ненаписанных и неотправленных — совместно с беловыми», что объясняется «лишь традицией академического издания». Вследствие этого предполагалось «все черновые письма выделить во второй отдел, особо от беловых» (Письма Пушкина, т. III, стр. IX и X). Но, не говоря о том, что многие черновики должны заменять не дошедшие до нас, но заведомо посланные беловые тексты, в ряде других случаев трудно или невозможно решить, было ли отправлено данное письмо или нет, и черновик остается документом, необходимым для полноты и связности, для правильного понимания переписки Пушкина как биографического источника.

в процессе подготовки настоящего издания. В особенности это относится к пересмотру датировок, введенных редакцией академического издания в случаях отсутствия даты у Пушкина в ряде дружеских писем, в эпистолярных текстах, печатаемых по черновикам, или в так называемых «городских» — деловых, дружеских или светских — записках, не имеющих вовсе дат. Такой пересмотр необходим уже потому, что ни в академическом, ни в позднейших изданиях писем нет мотивировок введенных редакторами дат. Когда-то составлявшиеся сотрудниками академического издания обоснования датировок давно утрачены, восстановить их далеко не всегда легко, чаще невозможно, новые материалы и новые соображения дают иные основания для датировок, и поэтому пересмотр редакторских дат, введенных академическим и последующими изданиями, составил одну из важнейших и наиболее трудоемких задач для участников настоящего тома. В результате тщательного и всестороннего пересмотра, с привлечением многих новых материалов, были изменены датировки ряда писем, вплоть до их перенесения из одного года в другой; в особенности это коснулось писем 1836 г., богатого «городскими записками» к В. Ф. Одоевскому и др.

Пересмотру подверглись и принятые в академическом издании состав и расположение текстов. Нами не сохранены два раздела — «Деловые бумаги» и «Dubia», имеющиеся как в «большом», так и в «малых» академических изданиях. Из числа «деловых бумаг» отобраны те, в которых в какой-то мере есть элемент личного творчества Пушкина (а не только канцелярский штамп). Такие «бумаги», приравненные к письмам, введены в основной корпус последних (см. письма 3, 78, 121, 160, 197). В раздел «Dubia» за 1834—1837 гг. можно было бы внести лишь один текст, напоминающий эпиграмматический стиль Пушкина, но недостоверный и неустойчивый, почему он и не вводится в корпус писем; тем самым отпадает надобность в специальном разделе «Dubia».[27]

Наконец, существенной и принципиальной представляется разница между системой комментариев, принятой в первых трех

---

[27] Считаем уместным привести этот текст в нашем предисловии, чтобы не утратить его совсем. Это, как предполагается, отрывок из письма Пушкина к Д. В. Давыдову, относящийся, вероятно, к 1834—1836 гг. — периоду постоянного литературного общения между ними: «Сенковскому учить тебя русскому языку все равно, что евнуху учить Потемкина». См. «Русскую старину» (1872, апрель, стр. 638), где впервые опубликовано сыном поэта, В. Д. Давыдовым. Та же фраза, с заменой имени Сенковского именем А. И. Михайловского-Данилевского и в несколько иной, более распространенной редакции, напечатана П. И. Бартеневым в «Русском архиве» (1880, кн. III, стр. 228), а позже — в его же сборнике «А. С. Пушкин» (вып. I, М., 1881, стр. 13). Возможно, что это не отрывок из письма, а запись устного высказывания Пушкина. См.: *Акад.*, XVI, стр. 228, 364, «Dubia», № 9.

томах «Писем» Пушкина в издании Модзалевских и охарактеризованной выше, и системой, введенной настоящим изданием. Задачей последнего было — не уменьшая содержательности, документированности, полноты и всесторонности фактических примечаний, освободить комментарий от преобладания персональных, узкобиографических и генеалогических сведений, от биобиблиографических излишеств и всемерно углубить и расширить историко-литературный комментарий, рассматривая каждое письмо или группу писем как исторический документ большого и сложного значения, связанный с рядом других документов, вскрывая смысл каждого письма или данного сообщения в нем в историко-литературной и социально-исторической перспективе, в общей связи с окружающей обстановкой, и приводя анализ отдельных элементов писем к обобщающим выводам. С целью разгрузки примечаний в настоящем издании персональные справки о лицах, являющихся адресатами или упоминаемых в письмах Пушкина за 1834—1837 гг., выделены в особый раздел комментария — «Словарь имен» и изъяты из примечаний к письмам. Это дает возможность избежать повторений и сосредоточить в одной справке всю историю взаимоотношений Пушкина с данным лицом (если они были), обратив преимущественное внимание на их общественно-литературную сторону в тот период, который нашел отражение в письмах настоящего тома. В отношении исторических лиц современной и прошлых эпох, упоминаемых в письмах, но с которыми Пушкин не имел личных связей, справки содержат, где это необходимо, краткий свод упоминаний о них у Пушкина и анализ его суждений о них, его взглядов на их деятельность. С другой стороны, случайные, незначительные упоминания о лицах общеизвестных, не сыгравших роли в биографии Пушкина и не отразившихся в его творчестве, могут быть сведены к самым коротким справкам; всякие побочные сведения о службе и родственных взаимоотношениях случайных лиц, не касающиеся прямо Пушкина, в настоящем издании исключаются, в отличие от примечаний Б. Л. Модзалевского, где они были обильно представлены.

Очищенные таким образом от персональных справок, примечания к письмам заключают в себе два основных элемента: вводную текстологическую часть и собственно комментарий — к общему содержанию данного письма и к отдельным упоминаниям — общественно-политическим, литературным, бытовым и пр. и пр. (так называемый реальный комментарий).

Вводная часть комментария к каждому письму содержит: 1) справку об источнике текста, по которому печатается данное письмо, не повторяющую всех сведений, содержащихся в примечаниях к академическому изданию переписки Пушкина, но только самые основные из них, с необходимыми дополнениями и уточнениями (например, в примечании к письму 124, подлинник ко-

торого считался утраченным, а ныне обнаружен); 2) тексты почтовых штемпелей, канцелярских помет, резолюций, помет адресатов и всяких иных надписей, имеющихся на подлинниках; 3) справку о первой публикации текста, дающую опять-таки лишь основные данные и не повторяющую всех справок академического издания, но, где нужно, исправляющую и дополняющую их (например, к письмам 212, 246, 249 добавлено указание на первую публикацию в переводе («Полярная звезда на 1861 г.», кн. VI), пропущенное в академическом издании);[28] 4) справку о публикации данного письма в академическом издании (том — XV или XVI — и номер). Особым разделом дается обоснование датировки письма — там, где авторская дата отсутствует или требует дополнений, уточнений и исправлений. В особенности важно дать подробную мотивировку в тех случаях, когда датировка, введенная в академическое издание, исправляется и изменяется — иногда очень существенным образом. Некоторые письма редакция сочла необходимым перенести из одного месяца, и даже из одного года, в другой (например, письма 159, 175). В других случаях обоснование спорной датировки потребовало специального и кропотливого исследования (см. письмо 246). Некоторые даты остались, естественно, предположительными (они отмечены знаком вопроса) или не определенными точно. Нужно помнить, что во многих случаях стремление точно датировать «городские записки» (какими являются, например, многие записки к В. Ф. Одоевскому 1835—1836 гг.) приводит к ложной и кажущейся точности, почему их лучше оставлять с неопределенными датировками. Таково, например, и письмо 159, не поддающееся точному определению не только по дате, но и по адресату: предположительное разрешение того и другого вопроса потребовало специального исследования, собравшего все возможные данные, хотя и они не привели к определенным, бесспорным результатам. Случаев изменения адресата письма в настоящем томе немного, но некоторые из них имеют существенное значение, например установление адресата письма 141 как А. X. Бенкендорфа, а не А. Н. Мордвинова, что вытекает из всестороннего и заново продуманного и проработанного комментария к письму.

Вторая часть комментария объясняет отдельные темы, затрагиваемые в каждом письме. Как сказано выше, все «personalia» (справки об адресатах и упоминаемых лицах) выделены в особый раздел, поэтому никаких пояснений личного, биографического, генеалогического рода в комментариях не содержится, кроме необходимых для непосредственного понимания текста, например при отсутствии прямого указания на имя и фамилию упоминаемого

---

[28] См.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. Изд. «Наука», М.—Л., 1966, стр. 619; Н. Я. Эйдельман. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». Изд. «Мысль», М., 1966, стр. 166—168.

лица и, следовательно, при затруднительности отыскания его в биографических справках. Основная задача примечаний — выяснить смысл упоминаемых Пушкиным событий, крупных и мелких, их значение в его биографии и творчестве, его отношение к ним, взгляды на них и отзывы современников, критики, правительственных органов и т. д. Примечания к письмам и запискам, связанным одной общей темой, для большей цельности, связности и облегчения их понимания, а также во избежание повторений в некоторых случаях объединяются в один экскурс при первом из писем на данную тему (например, примечание к письму 42, поясняющее ряд писем к Бенкендорфу и к Жуковскому от конца июня—начала июля 1834 г., относящихся к одному вопросу — предполагавшейся отставке Пушкина; примечание к письму 50, поясняющее обстоятельства издания «Истории Пугачева», и т. д.).

В приложении к настоящему тому, как необходимая часть его аппарата, даются: 1) список условных сокращений; 2) указатели писем по адресатам, произведений Пушкина и личных имен, упоминаемых как в текстах писем Пушкина, так и в комментариях к ним и в персональных справках.

Письма Пушкина за 1834—1837 гг., вошедшие в издаваемый том, представляют собой не только механически выделенный отрезок материала, продолжающий III том издания 1926—1935 гг., но и целый, единый по существу, последний, заключительный период жизни Пушкина, через который проходят несколько важных и характерных для него биографических тем.

Назначение камер-юнкером высочайшего двора, подписанное Николаем I 31 декабря 1833 г. и, следовательно, открывающее этот период, определяет положение поэта в петербургском обществе и в глазах властей, определяет и его собственное самочувствие в последние три года жизни. Стремление освободиться от придворно-служебных пут вызывает неоднократные попытки одним ударом порвать их и стать свободным человеком: таковы столкновение с Бенкендорфом в конце июня 1834 г., столкновение с Уваровым (а тем самым и с Николаем I, с Бенкендорфом, с Репниным) в начале 1836 г. по поводу сатиры «На выздоровление Лукулла»; высшей точкой этой борьбы поэта с обществом явилось его столкновение с Геккерном и Дантесом в ноябре того же 1836 г., приведшее к последней дуэли.

Литературные труды, замыслы и предприятия Пушкина занимают важное место в письмах этих лет. В 1834 г. заканчивается подготовка к печати «Истории Пугачева» (или, как она была названа Николаем I, «Истории Пугачевского бунта»), ведется переписка с правительственными институтами о финансировании и технической организации издания, идет самый процесс печатания, в мельчайших своих моментах отраженный в письмах и записках

к М. Л. Яковлеву. Дальнейшие письма говорят о попытках Пушкина продолжить и углубить изучение архивных материалов о восстании Пугачева, а также посвящены занимавшим его трудам — истории Петра I и исследованию «Слова о полку Игореве».

Правда, далеко не все литературные замыслы и труды Пушкина этих лет нашли отражение в письмах. Но сложные, порою раздражающие и мучительные отношения его с цензурою, с Уваровым, Дондуковым-Корсаковым и цензорами, с соперничающими и враждебными литераторами — Булгариным и Гречем, с Сенковским и «Библиотекой для чтения», с Обществом любителей российской словесности, а также с дружественными, но не близкими ему литераторами — Дмитриевым, Лажечниковым, Погодиным и др. — отчетливо вырисовываются в письмах этого периода.

Многолетние и многократные попытки Пушкина организовать издание собственного журнала завершаются в конце 1835 г. разрешением на выпуск трехмесячного обозрения «Современник» — «Литературного журнала, издаваемого Александром Пушкиным». Переписка о нем с цензурой и литераторами-участниками — Вяземским, Одоевским, Гоголем, Давыдовым, Краевским, Дуровой, Ишимовой и др. — занимает важнейшее место в письмах 1836—начала 1837 г. (последнее написанное Пушкиным письмо, перед выездом его на место дуэли, — к А. О. Ишимовой, от 27 января 1837 г., — связано с изданием «Современника» на 1837 г.).

Через большое количество писем к разнообразным адресатам проходит тема, всегда неприятная, даже мучительная для Пушкина, но особенно тяготившая его именно в этот, последний период жизни: его материальное положение. Здесь выделяются, с одной стороны, переписка поэта, касающаяся управления имениями, с другой — денежные сношения с правительством, получение ссуд из казны на издание «Пугачева» и в других случаях, — ссуд, все более опутывавших поэта и привязывавших его к правительственному аппарату.

Особую группу в переписке Пушкина составляют его письма к жене, Наталье Николаевне. За 1834—1836 гг. их сохранилось (по-видимому, полностью) всего 38, причем письма с апреля по август 1834 г., написанные из Петербурга к жене, уехавшей в Полотняный завод, дают подробную хронику петербургской жизни, что делает их содержание исключительно разнообразным и значительным, особенно в сопоставлении с записями в дневнике того же времени.

И над всей перепиской — о чем бы она ни шла — ощущается веяние высокой мысли Пушкина, его беспредельно широкий и глубокий ум, проникающий в самую сущность современной и прошлой русской жизни. Вершиною в этом смысле среди многих подобных писем последних лет жизни поэта является замечательное обращение к П. Я. Чаадаеву от 19 октября 1836 г., написан-

ное в ответ на появившееся в «Телескопе» «Философическое письмо» московского мыслителя.

Таково в самых кратких чертах общее содержание писем этих лет по важнейшим темам. Естественно, что его богатство требует и соответствующего, углубленного и разностороннего комментария, каким стремится быть комментарий к предлагаемому изданию.[29]

В работе над подготовкой текстов настоящего тома, над составлением комментариев и персональных справок приняли участие сотрудники группы пушкиноведения Института русской литературы (Пушкинского дома) АН СССР. Тексты писем и комментарий к каждому из них распределяются между ними следующим образом.

---

[29] Эпистолярное наследие Пушкина в последние послевоенные десятилетия нашего века находит все большее признание и за пределами нашей страны, что связано с ростом международного — или, что то же, мирового — значения Пушкина: речь идет о зарубежных изданиях его писем в переводах на иностранные языки — немецкий, французский, английский — в более или менее полном составе. Укажем важнейшие из них.

Немецкий перевод избранных писем, выполненный Фегой Фрипп (Fega Frisch), вышел в Швейцарии в 1945 г. как четвертый выпуск прозаических сочинений Пушкина (Alexander Puschkin. Briefe. Bühl-Verlag, Herrliberg—Zürich, 1945, 493 стр.). Сборник содержит 260 писем, приведенных почти полностью, с краткими примечаниями и аннотированным указателем.

Значительно более полно и научно издание писем Пушкина во французских переводах, подготовленное известным исследователем, переводчиком и редактором Пушкина д-ром Андрэ Меньё. Это — третий выпуск издаваемого французским пушкинистом собрания сочинений Пушкина: Pouchkine. Oeuvres complètes. Publiées par André Meynieux. ‹Tome III›. Autobiographie. Critique. Correspondance. André Bonne, éditeur. Paris, ‹1958›. Книга заключает в себе 462 письма, т. е. почти две трети всего их количества. Они напечатаны в хронологическом порядке и — очевидно, для удобства французского читателя — перемежаются с критическими статьями, дневниками, мемуарами Пушкина. Материал тщательно и продуманно отобран и снабжен ценными примечаниями.

Наиболее полным как по текстам, так и по аппарату, притом последним по времени, является трехтомное издание под редакцией проф. Дж. Томаса Шоу, выпущенное двумя американскими университетами в 1963 г.: The Letters of Alexander Pushkin, vol. I—III. Translated, with Preface, Introduction and Notes by J. Thomas Shaw. Bloomington, Indiana University Press, and Philadelphia, University of Pennsylvania Press, ‹1963›, 880 стр. Издание содержит 674 письма Пушкина — почти весь их корпус, если не считать мелких записок и набросков, — и снабжено подробными примечаниями, а также вступительными статьями, поясняющими принципы отбора, перевода, комментирования текстов, характер, стилистику и значение писем Пушкина в связи с его биографией и современной ему общественно-политической и литературной обстановкой.

Все названные (и другие, менее значительные) издания показывают глубокий и все возрастающий интерес зарубежных исследователей и читателей к Пушкину — поэту, литературно-общественному деятелю и человеку.

Б. Л. Бессонов — письма к В. Ф. Одоевскому (кроме № 150);

В. Э. Вацуро — письма к А. Баранту, А. Х. Бенкендорфу (№№ 130, 137), Дж. Борро, К. П. Брюллову, А. Ваттемару, А. В. Веневитинову (?), П. А. Вяземскому, Л. Геккерну (№ 246 — совместно с Н. В. Измайловым), в Главное управление цензуры, С. Н. Глинке, Н. Б. Голицыну, Д. В. Давыдову, И. И. Дмитриеву (№ 182), М. А. Дондукову-Корсакову, А. А. Жандру, М. Н. Загоскину, А. О. Ишимовой, П. П. Каверину, П. А. Катенину, П. А. Корсакову, А. Л. Крылову, Е. П. Люценко, А. Н. Мордвинову, неизвестным (№№ 82, 88, 136, 181, 231, 233, 237, 243), А. В. Никитенко, в Петербургский цензурный комитет, П. А. Плетневу, М. П. Погодину, К. А. Полевому, в книжную лавку А. Ф. Смирдина, С. А. Соболевскому, в Съезжий дом (№№ 3, 160), А. Тардифу де Мелло, А. И. Тургеневу, в ресторан Фильетта, С. С. Хлюстину, И. Н. Хмельницкому, П. Я. Чаадаеву, Н. М. Языкову;

Р. В. Иезуитова — письма к А. И. Беклешовой, Н. И. Гончаровой, Н. И. Гречу, Д. К. Нессельроде, С. Д. Нечаеву, П. А. Осиповой, Н. Н. Пушкиной (№ 174), И. А. Яковлеву;

Н. В. Измайлов — письма к Л. Геккерну (№ 246 — совместно с В. Э. Вацуро), В. Ф. Одоевскому (№ 150);

Я. Л. Левкович — письма к А. Х. Бенкендорфу (кроме №№ 130, 137, 141), Л. В. Дубельту, В. А. Жуковскому, Н. Н. Пушкиной (кроме № 174).

Н. Н. Петрунина — письма к Д. Н. Бантышу-Каменскому, А. Х. Бенкендорфу (№ 141), А. А. Бобринскому, В. Д. Вольховскому, Е. К. Воронцовой, Н. В. Гоголю, И. И. Дмитриеву (кроме № 182), А. Жобару, А. П. Керн (?), П. А. Клейнмихелю, Д. М. Княжевичу, Н. М. Коншину, М. А. Корфу, А. А. Краевскому, И. И. Лажечникову, А. Н. Муравьеву, П. В. Нащокину, Г. Нордину, В. А. Перовскому, В. А. Поленову, Н. Г. Репнину, В. Д. Сухорукову, К. Ф. Толю, Н. И. Ушакову, А. А. Фукс, М. Л. Яковлеву;

О. А. Пини — письма к Л. М. Алымовой, О. д'Аршиаку, В. А. Дурову, Н. А. Дуровой, Е. Ф. Канкрину, Н. Н. Карадыкину, Н. И. Павлищеву, И. М. Пеньковскому, А. А. Плюшару, Л. С. Пушкину, С. Л. Пушкину, Ф. А. Скобельцыну, В. А. Соллогубу, Г. А. Строганову.

Теми же лицами составлены персональные справки (см. примечание к ним на стр. 360). Общую редакцию тома, пересмотр французских (и других иноязычных) текстов и переводов, а также подготовку раздела «Из вариантов и других редакций» выполнил Н. В. Измайлов. Им же написано и предисловие к изданию.

ТЕКСТЫ ПИСЕМ

1. Д. К. Нессельроде

30 января 1834 г. Петербург

Voici Angèle, Monsieur le Comte. Ma femme l'avait prêtée à Mme Hitrof — je vous en demande pardon et vous remercie beaucoup.

Je vous salue de tout mon cœur.

A. Pouchkine.

30 janvier.

Адрес: Monsieur le Comte Dmitri Nesselrode.

Перевод:

Вот «Анжель», граф. Моя жена одолжила ее госпоже Хитровой — прошу вас извинить меня и очень вас благодарю.

Приветствую вас от всего сердца.

А. Пушкин.

30 января.

Адрес: Графу Дмитрию Нессельроде.

2. А. Х. Бенкендорфу

7—10 февраля 1834 г. Петербург

(Черновое)

En soumettant à Sa Majesté la série II de Pougatchef,[1] je prends la liberté d'entretenir Votre excellence de circonstances qui me regardent et de recourir à V.<otre> bienveillance accoutumée.

En permettant l'impression de cet ouvrage, S.<a> M.<ajesté> a assuré ma fortune. La somme que je pourrai en retirer[2] me met à même d'accepter une succession[3] à laquelle j'avais été forcé de renoncer faute d'une <quarantaine> de mille roubles qui me

manquaient. Cet ouvrage me les procurera — si je puis moi-même en être l'éditeur — sans avoir recours au libraire — 15 000 me suffiraient.

Je demande deux choses,[4] l'une qu'on me permette d'imprimer mon ouvrage à mes frais dans une imprimerie particulière qui dépendrait de Mr S.<péransky> — la seule où je suis sûr de n'être pas friponné — l'autre, de recevoir en emprunt pour deux ans 15 000, somme qui me permettra de mettre à l'édition tout le temps et le soin que je devrais.

Je n'ai d'autre droit à la grâce que je sollicite, que les bontés que j'ai déjà reçues — et qui me donnent le courage et la confiance d'y recourir encore. — C'est à la protection de V<otre> Ex<cellence> que je confie ma très humble requête.

Je suis, M^r le Comte,
de Vot<re> Exc<ellence>
le très <humble> <...>

Перевод:

Представляя его величеству серию II Пугачева,[1] приемлю смелость обратиться к вашему сиятельству по поводу обстоятельств, меня касающихся, и прибегнуть к вашей обычной благосклонности.

Разрешая напечатание этого труда, его величество обеспечил мое благосостояние. Сумма, которую я могу за него выручить,[2] даст мне возможность принять наследство,[3] от которого я вынужден был отказаться за отсутствием сорока тысяч рублей, недостававших мне. Этот труд мне их доставит, если я сам буду его издателем, не прибегая к услугам книгопродавца. 15 000 было бы мне достаточно.

У меня две просьбы: [4] первая — чтобы мне разрешили отпечатать мое сочинение за мой счет в той типографии, которая подведомственна г-ну Сперанскому, — единственной, где, я уверен, меня не обманут; вторая — получить в виде займа на два года 15 000 — сумму, которая даст мне возможность посвятить изданию все необходимое время и старание.

У меня нет другого права на испрашиваемую мною милость, кроме тех благодеяний, которые я уже получил — и которые придают мне смелость и уверенность снова к ним прибегнуть. Покровительству вашего сиятельства вверяю я мою покорнейшую просьбу.

Остаюсь, граф, вашего сиятельства нижайший <...>

3. В Съезжий дом

11 февраля 1834 г. Петербург

Литейной части в Съезжий дом

Титулярного советника
Александра Сергеева сына
Пушкина

ОБЪЯСНЕНИЕ

Противу предъявленного мне объявления купца Петра Жадимеровского, Съезжему дому Литейной части имею честь объяснить: что действительно нанял я в прошлом 1832-м году квартиру в доме его и заключил с ним контракт, по коему обязался я платить впредь за каждую треть по равной сумме, то есть по 1100 рублей, что и выполнял я исправно.[1] В первых же числах июля 1833-<г>о года (а не первого августа, как несправедливо показывает г. Жадимеровский), перед наступлением последней трети, я с совершенного согласия Жадимеровского оставил сию квартиру и очистил оную по настоятельной просьбе и требованию его управителя, на что могу представить и свидетелей.[2] Вероятно, г. Жадимеровский не мог согласиться с новым своим жильцом; но сие до меня не касается, ибо г. Жадимеровский от меня денег уже не требовал, что по силе контракта должен был он учинить пред первыми числами августа. А что он сам полагал сей контракт уничтоженным, доказывается тем, что он отдавал оставленную мною квартиру от себя и на год, надбавя сверх платимой мною суммы еще 200 рублей, в чем в случае требования также представлю свидетелей. Что он, г. Жадимеровский, велел чрез своего управителя людям моим очищать квартиру прежде 1-го августа, то есть прежде наступления последней трети, то я на сие имею свидетелей. А что он говорит в объявлении своем, что будто бы я об отдаче квартиры в наймы, от имени моего, его просил, то совершенно несправедливо, ибо я сам легко бы мог отдать оную квартиру, если б оставалась она за мною, сбавя несколько противу положенной суммы; напротив того он Жадимеровский отдавал, как уже сказано, на год (а не на треть), надбавя еще 200 рублей лишних, следственно почитал себя полным хозяином дома и действовал от своего лица, а не по моей доверенности; в противном случае сие было бы с его стороны наглым плутовством, к коему я полагал и полагаю г. Жадимеровского не способным. Объяснившись таким образом, прошу предоставить сие дело на рассмотрение судебных мест.[3] В обеспечение же иска впредь до окончания дела представляю в силе своего права 7 свободных душ из моего имения, состоящего в Нижегородской губернии Алаторского уезда деревни Кистеневой, на которых документы прилагаю.[4]

Титулярный советник Александр Пушкин.

Февраля 11-го дня
1834-го года.

4. С. Д. Нечаеву

12 февраля 1834 г. Петербург

Милостивый государь,
Степан Дмитриевич,

Осмеливаюсь прибегнуть к Вашему высокопревосходительству со всепокорнейшею просьбою.

По воле государя императора протодиакон Царско-сельской придворной церкви за нетрезвость исключен из придворного ведомства и переведен в епархиальное. По предписанию же Синода, он должен быть отправлен в свою родную епархию. Протодиакон, человек уже не молодой и семейный, просит, как милости, быть оставлену в епархии здешней. Смысл высочайшего повеления будет исполнен равно, ибо в нем ни слова не было сказано о том, чтоб на *свою* епархию отправить его.

Протодиакон, не знаю почему, отнесся ко мне, полагая, что слабый мой голос удостоится Вашего внимания. Во всяком случае, я не мог отказаться от ходатайства и препоручаю моего клиента Вашему великодушному покровительству.

С глубочайшим почтением честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

12 февраля
1834.

5. А. Х. Бенкендорфу

26 февраля 1834 г. Петербург

Милостивый государь,
Александр Христофорович,

Не имея ныне способа, независимо от книгопродавцев, приступить к напечатанию мною написанного сочинения, осмеливаюсь прибегнуть к Вашему сиятельству со всепокорнейшею моею просьбою о выдаче мне из казны заимообразно, за установленные проценты, 20 000 рублей, с тем, чтоб я оные выплатил в два года, по срокам, которые угодно будет назначить начальству.

С глубочайшим почтением честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

26 февраля
1834.

6. А. Х. Бенкендорфу

27 февраля 1834 г. Петербург

Милостивый государь
Александр Христофорович,

Государю императору угодно было чрез Ваше сиятельство дозволить мне печатать Историю Пугачева в одной из типографий, зависящих от его высокопревосходительства М. М. Сперанского: осмеливаюсь прибегнуть к Вашему сиятельству с покорнейшею просьбою дать знать о том куда следует.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейший слуга.
Александр Пушкин.

27 февраля
1834.

7. А. Х. Бенкендорфу

5 марта 1834 г. Петербург

Милостивый государь,
граф Александр Христофорович,

Извещение Вашего сиятельства о высочайшей милости государя императора имел я счастие получить. Осмеливаюсь, милостивый государь, свидетельствовать Вашему сиятельству чувства глубочайшей благодарности за могущественное ходатайство, коего изволили меня удостоить.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

5 марта
1834.

8. Е. К. Воронцовой

5 марта 1834 г. Петербург

Madame la Comtesse,

Voici quelques scènes d'une tragédie[1] que j'avais l'intention d'écrire. J'avais désiré mettre à vos pieds quelque chose de moins imparfait; malheureusement j'avais déjà disposé de tous mes manuscrits, et j'ai mieux aimé avoir tort envers le public que de ne pas obéir à vos ordres.[2]

Oserai-je, Madame la Comtesse, vous parler du moment de bon-

heur que j'ai éprouvé en recevant votre lettre, à l'idée seule que vous n'aviez pas tout à fait oublié le plus dévoué de vos esclaves?

Je suis avec respect,
Madame la Comtesse,
Votre très humble et très
obéissant serviteur
Alexandre Pouchkine.

5 mars
1834.
Pétersburg.

Перевод:

Графиня,

Вот несколько сцен из трагедии,[1] которую я имел намерение написать. Я хотел бы положить к вашим ногам что-либо менее несовершенное; к несчастью, я уже распорядился всеми моими рукописями и предпочитаю лучше осрамиться перед публикой, чем ослушаться ваших приказаний.[2]

Осмелюсь ли, графиня, сказать вам о том мгновении счастья, которое я испытал, получив ваше письмо, при одной мысли, что вы не совсем забыли самого преданного из ваших рабов?

Почтительно остаюсь, графиня, вашим нижайшим и покорнейшим слугой

Александр Пушкин.

5 марта 1834.
Петербург.

9. Л. В. Дубельту

5 марта 1834 г. Петербург

Милостивый государь
Леонтий Васильевич,

Спешу Вас всепокорнейше известить, что уведомление о высочайшем соизволении государя императора печатать мною написанную Историю о Пугачеве в одной из типографий, подведомственных господину действительному тайному советнику Сперанскому, получить имел я честь.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою
Александр Пушкин.

5 февраля [a]
1834.
С.П.Б.

---

[a] *Описка, вместо* марта

10. В. Ф. Одоевскому

14—16 марта 1834 г. Петербург

Едете ли Вы на совещание к Гречу? Если да, то отправимся вместе; одному ехать страшно: пожалуй, побьют.

11. В. Ф. Одоевскому

16 марта 1834 г. Петербург

Дело идет о Конверсационс Лексиконе: я это пронюхал. Соглашаюсь с Вашим сиятельством,[a] что нынешний вечер имеет свою гадкую и любопытную сторону. Я буду у Г.‹реча›, ибо на то получил разрешение от Плетнева, который есть воплощенная совесть. Поедем; что за беда? Ведь это будет мирская сходка всей республики. Всего насмотримся и наслышимся — а в воровскую шайку не вступим.[1]

А. П.

Адрес: Его сиятельству
м. г. к.‹нязю› Владимиру Федоровичу
Одоевскому
etc.

12. Д. М. Княжевичу

22 марта 1834 г. Петербург

Милостивый государь
Дмитрий Максимович,

Извещение Вашего превосходительства о том, что государю императору угодно было пожаловать мне 20 000 рублей на напечатание Истории Пугачевского Бунта, с тем, чтоб оные заплатить через два года, получить имел я честь.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

1834
Марта 22.
С.П.Б.

---

[a] *На поле возле слова* сиятельством *поставлено* №3.

13. А. Х. Бенкендорфу

25 марта 1834 г. Петербург

Милостивый государь,
граф Александр Христофорович,

Всепокорнейше честь имею известить Ваше сиятельство, что сего 24 марта получено мною уведомление об отзыве г. министра финансов касательно всемилостивейше мне пожалованных заимообразно денег на издание Истории Пугачевского Бунта.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

25 марта
1834.
С.П.Б.

14. П. В. Нащокину

Между 23 и 30 марта 1834 г. Петербург

Ты не можешь вообразить, милый друг, как обрадовался я твоему письму.[1] Во-первых, получаю от тебя тетрадку: доказательство, что у тебя и лишнее время, и лишняя бумага, и спокойствие, и охота со мною болтать. С первых строк вижу, что ты спокоен и счастлив. Каждое слово уничтожает сплетни, половине коих я не верил, но коих другая половина сильно меня тревожила. У меня обедал Соболевский и Лев Серг.<еевич>. Прочитав твое письмо сперва про себя, потом во услышание твоих приятелей, все мы были довольны, все пожелали тебе счастия. Нат.<алья> Ник.<олаевна> нетерпеливо желает познакомиться с твоею Верою Александровною, и просит тебя заочно их подружить. Она сердечно тебя любит и поздравляет... Но сперва поговорим о деле, т. е. о деньгах.[2] Когда ты отправил меня из Москвы,[3] ты помнишь, что мы думали, что ты без моих денег обойдешься; оттого-то я моих распоряжений и не сделал. У меня была в руках, и весьма недавно, довольно круглая сумма;[4] но она истаила и до октября денег у меня не будет — но твои 3000[5] доставлю тебе в непродолжительном времени, по срокам, которые назначу, сообразясь с моими обстоятельствами. Здесь говорили, что ты проиграл *в долг* все, что тебе следовало получить с брата.[6] Ты не можешь вообразить, как это меня беспокоило; но теперь надеюсь на перемену жизни твоей. Тебе уже не нужно потрясений кенз-ель-ва и плие,[7] для рассеяния своего домашнего горя.

Говорят, что несчастие хорошая школа: может быть. Но счастие есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному, какова твоя, мой друг; какова и моя, как тебе известно. Конечно, мы квиты, если ты мне обязан женитьбою своей [8] — и надеюсь, что Вера Ал.‹ександровна› будет меня любить, как любит тебя Наталья Николаевна. Вообрази, что жена моя на днях чуть не умерла. Нынешняя зима была ужасно изобильна балами. На масленице танцовали уж два раза в день. Наконец настало последнее воскресение перед великим постом. Думаю: слава богу! балы с плеч долой. Жена во дворце. Вдруг, смотрю — с нею делается дурно — я увожу ее, и она, приехав домой — выкидывает.[9] Теперь она (чтоб не сглазить), слава богу, здорова и едет на днях в Калужскую деревню к сестрам, которые ужасно страдают от капризов моей тещи. Долг Вяземского я еще до получения твоего письма перевел на себя. Андрей Петрович [10] в ужасном положении. Он умирал с голоду и сходил с ума. Соболевский и я, мы помогали ему деньгами скупо, увещаниями щедро. Теперь думаю отправить его в полк капель-мейстером. Он художник в душе и в привычках, т. е. беспечен, нерешителен, ленив, горд и легкомыслен; предпочитает всему независимость; но ведь и нищий независимее поденщика. Я ему ставлю в пример немецких Гениев, преодолевших столько горя, дабы добиться Славы и куска хлеба. Сколько ты должен ему? Хочешь, я за тебя и ему заплачу? — Обстоятельства мои затруднились еще вот по какому случаю. На днях отец мой посылает за мною. Прихожу — нахожу его в слезах, мать в постеле — весь дом в ужасном беспокойстве. *Что такое? имение описывают. — Надо скорее заплатить долг. — Уж долг заплачен. Вот и письмо управителя.*[11] *— О чем же горе? — Жить нечем до октября. — Поезжайте в деревню. — Не с чем.* — Что делать? Надобно взять имение в руки, а отцу назначить содержание. Новые долги, новые хлопоты. А надобно: я желал бы и успокоить старость отца, и устроить дела брата Льва, который в своем роде такой же художник, как и Андрей Петрович, с той разницей, что за собою никакого художества не знает. Сестра Ольга Сергеевна выкинула и опять брюхата.[12] Чудеса да и только.

Вот тебе другие новости: я камер-юнкер с января месяца; [13] Медный Всадник не пропущен [14] — убытки и неприятности! зато Пугачев пропущен, и я печатаю его на счет государя. Это совершенно меня утешило; тем более, что, конечно, сделав меня камер-юнкером, государь думал о моем чине, а не о моих летах — и верно не думал уж меня кольнуть. Как скоро устрою свои дела, то примусь и за твои. Прощай, жди денег.

15. Н. В. Гоголю

Март—первые числа (не позднее 7) апреля 1834 г. Петербург

Вы правы — я постараюсь. До свидания.

А. П.

16. М. П. Погодину

Около (не позднее) 7 апреля 1834 г. Петербург

Радуюсь случаю поговорить с Вами откровенно. Общество Любителей[1] поступило со мною так, что никаким образом я не могу быть с ним в сношении. Оно выбрало меня в свои члены вместе с Булгариным,[2] в то самое время, как он единогласно был забалотирован в Англ.<ийском> клубе (NB в Петербургском),[3] как шпион, переметчик и клеветник, в то самое время, как я в ответ на его ругательства принужден был напечатать статью о Видоке,[4] мне нужно было доказать публике, которая в праве была удивляться моему долготерпенью, что я имею полное право презирать мнение Булгарина и не требовать удовлетворения от ошельмованного негодяя, толкующего о чести и нравственности. И что же? В то самое время читаю в газете Шаликова:[5] *Александр Сергеевич и Фаддей Венедиктович, сии два корифея нашей словесности,* удостоены etc. etc. Воля Ваша: это пощечина. Верю, что Общество, в этом случае, поступило как Фамусов, не имея намерения оскорбить меня.

Я всякому, ты знаешь, рад.[6]

Но долг мой был немедленно возвратить присланный диплом;[7] я того не сделал, потому что тогда мне было не до дипломов — но уж иметь сношения с Обществом Любителей я не в состоянии.

Вы спрашиваете меня о Медном Всаднике, о Пугачеве и о Петре. Первый не будет напечатан.[8] Пугачев выдет к осени.[9] К Петру приступаю со страхом и трепетом, как вы к исторической кафедре.[10] Вообще пишу много про себя, а печатаю поневоле и единственно для денег;[11] охота являться перед публикою, которая Вас не понимает, чтоб четыре дурака ругали Вас потом шесть месяцев в своих журналах[12] только что не поматерну. Было время, литература была благородное, аристократическое поприще. Ныне это вшивый рынок. Быть так.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Михайле Петровичу Погодину.
В Москве, в Университете.

17. А. В. Никитенко

Около (не позднее) 9 апреля 1834 г. Петербург

Милостивый государь
Александр Иванович,

Могу ли я надеиться на Вашу благосклонность? Я издаю Повести Белкина вторым тиснением, присовокупя к ним Пиковую Даму и несколько других уже напечатанных пиэс. Нельзя ли Вам все это пропустить? [1] Крайне меня обяжете.

С истинным почтением и преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Ваш покорнейший слуга
Александр Пушкин.

18. Г. А. Строганову

Около (не ранее) 11 апреля 1834 г. Петербург

Monsieur le Comte,

J'expie bien tristement les chimères de ma jeunesse. L'accolade de Lelewel me paraît plus dure qu'un exil en Sibérie; [1] je vous remercie cependant de ce que vous avez bien voulu me communiquer l'article en question: il me servira de texte à sermon.[2]

Veuillez, Monsieur le Comte, me mettre aux pieds de Madame Votre femme et agréer l'hommage de ma haute considération.

Alexandre Pouchkine.

Перевод:

Граф,

Весьма печально искупаю я заблуждения моей молодости. Лобзание Лелевеля представляется мне горше ссылки в Сибирь.[1] Благодарю вас однако ж за то, что вы соблаговолили сообщить мне данную статью: она послужит мне текстом для проповеди.[2]

Прошу вас, граф, повергнуть меня к стопам супруги вашей и принять выражение моего высокого уважения.

Александр Пушкин.

19. И. М. Пеньковскому

13 апреля 1834 г. Петербург

Батюшке угодно было поручить в полное мое распоряжение управление имения его; [1] посему утверждая доверенность им данную вам,[2] извещаю вас, чтобы отныне относились вы прямо ко мне по всем делам, касающимся Болдина. Немедленно при-

шлите мне счет денег, доставленных Вами Батюшке со времени вступления Вашего во управление, также и Вами взятых в займы и на уплату долга, а за сим и сколько в остатке непроданного хлеба, несобранного оброка и (если случится) недоимок.[3] Приступить Вам также и к подворной описи Болдина, дабы оная к сентябрю месяцу была готова.

13 апреля. А. Пушкин.

Адрес: В Арзамасском уезде в Нижегородской губернии
в село Абрамово, оттуда — в село Болдино,
г-ну Пеньковскому.

20. Н. Н. Пушкиной

17 апреля 1834 г. Петербург

17 апреля.

Что, женка, каково ты едешь? [1] что-то Сашка и Машка? [2] Христос с Вами! будьте живы и здоровы, и доезжайте скорее до Москвы. Жду от тебя письма из Нова-города; а покаместь, вот тебе отчет о моем холостом житье-бытье. Третьего дня возвратился я из Царского села в 5 часов вечера, нашел на своем столе два билета на бал 29-го апреля[3] и приглашение явиться на другой день к Литте,[4] я догадался, что он собирается мыть мне голову за то, что я не был у обедни. В самом деле в тот же вечер узнаю от забежавшего ко мне Жуковского, что государь был недоволен отсутствием многих камер-геров и камер-юнкеров и что он велел нам это объявить. Литта во дворце толковал с большим жаром, говоря: Il y a cependant pour les Messieurs de la Cour des règles fixes, des règles fixes. На что Нарышкин ему заметил: Vous vous trompez: c'est pour les demoiselles d'honneur.[а, 5] Я извинился письменно. Говорят, что мы будем ходить попарно, как институтки. Вообрази, что мне с моей седой бородкой придется выступать с Безобразовым или Реймарсом — ни за какие благополучия![6] J'aime mieux avoir le fouet devant tout le monde, как говорит M[r] Jourdain.[б, 7] Поутру сидел я в моем кабинете, читая Гримма [8] и ожидая, чтоб ты, мой ангел, позвонила, как явился ко мне Соболевский с вопросом, где мы будем обедать? Тут вспомнил я, что я хотел говеть, а между тем уж оскоромился. Делать нечего; решились отобедать у Дюме; [9] и покаместь стали приводить в порядок библиотеку. Тетка [10] приехала спросить о тебе и, узнав, что я в халате и оттого к ней не выхожу, сама вошла ко мне — я ис-

---

а Однако ж для придворных кавалеров существуют определенные правила, определенные правила <...>. Вы ошибаетесь: это для фрейлин.

б Пусть уж лучше меня высекут перед всеми *как говорит* г-н Журден.

полнил твою комиссию, поговорили о тебе, потужили, побеспокоились; и решились тебе подтвердить наши просьбы и требования — беречь себя и помнить наши наставления. Потом явился я к Дюме, где появление мое произвело общее веселие: холостой, холостой Пушкин! Стали подчивать меня шампанским и пуншем, и спрашивать, не поеду ли я к Софье Астафьевне? Все это меня смутило, так что я к Дюме являться уж более не намерен и обедаю сегодня дома, заказав Степану ботвинью и beaf-steaks.[в] Вечер провел я дома, сегодня проснулся в 7 часов, и стал тебе писать сие подробное донесение. — Посылаю тебе письмо матери,[11] пришедшее третьего дня — буду ей писать, а покаместь обнимаю и цалую тебя, и благословляю всех троих.

Адрес: Ее благородию
м. г. Натальи Николаевне Пушкиной
В Москве на Никитской в доме Гончарова.

21. Н. Н. Пушкиной

19 апреля 1834 г. Петербург

Душка моя, посылаю тебе два письма, которые я распечатал из любопытства и скупости (чтоб меньше платить на почту весовых денег), также и рецепт капель. Сделай милость, не забудь перечесть инструкцию Спасского[1] и поступать по оной. Теперь, женка, должна ты быть уже около Москвы. Чем дальше едешь, тем тебе легче; а мне! .. Сестры твои[2] тебя ждут; воображаю вашу радость; смотри, не сделайся сама девочкой, не забудь, что уж у тебя двое детей, третьего выкинула, береги себя, будь осторожна; пляши умеренно, гуляй по немножку, а пуще скорее добирайся до деревни. Цалую тебя крепко и благословляю всех вас. Что Машка? чай куда рада, что может в волю воевать! Теперь вот тебе отчет о моем поведении. Я сижу дома, обедаю дома, никого не вижу, а принимаю только Соболевского. Третьего дня сыграл я славную штуку со Львом Сергеевичем. Соболевский, будто ненарочно, зовет его ко мне обедать. Лев Серг.<еевич> является. Я перед ним извинился как перед гастрономом, что, не ожидая его, заказал себе только ботвинью да beafsteaks.[а] Лев Серг.<еевич> тому и рад. Садимся за стол; подают славную ботвинью; Лев Серг.<еевич> хлебает две тарелки, утирает осетрину, наконец требует вина; ему отвечают, нет вина. — Как, нет? — Алекс.<андр> Серг.<еевич> не приказал на стол подавать. И я объявляю, что с отъезда Нат.<альи> Ник.<олаевны> я на диэте — и пью воду. Надобно было видеть отчаяние и сардониче-

---

[в] Бифштекс (*англ.*).
[а] Бифштекс (*англ.*).

ский смех Льва Сергеича, который уже ко мне, вероятно, обедать не явится. Во все время Соболевский подливал себе воду то в стакан, то в рюмку, то в длинный бокал — и подчивал Льва Сергеича, который чинился и отказывался. Вот тебе пример моих невинных упражнений. С нетерпением ожидаю твоего письма из Новагорода и тотчас понесу его Кат.‹ерине› Ивановне. Покаместь — прощай, ангел мой. Цалую вас и благословляю. Вчера был у нас первый гром — слава богу, весна кончилась.

19 апреля.

Адрес: М. г. Наталии Николаевне
Пушкиной.
В Москве на Никитской в доме Гончарова.

22. Н. Н. Пушкиной

20 и 22 апреля 1834 г. Петербург

Пятница.

Ангел мой женка! сей час получил я твое письмо из Бронниц — и сердечно тебя благодарю. С нетерпением буду ждать известия из Торжка. Надеюсь, что твоя усталость дорожная пройдет благополучно и что ты в Москве будешь здорова, весела и прекрасна. Письмо твое послал я тетке, а сам к ней не отнес, потому что репортуюсь больным и боюсь царя встретить. Все эти праздники [1] просижу дома. К наследнику являться с поздравлениями и приветствиями не намерен; царствие его впереди; и мне, вероятно, его не видать. Видел я трех царей: первый [2] велел снять с меня картуз и пожурил за меня мою няньку; второй [3] меня не жаловал; третий [4] хоть и упек меня в камер-пажи под старость лет, но променять его на четвертого не желаю; от добра добра не ищут. Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим теской; [5] с моим теской [6] я не ладил. Не дай бог ему идти по моим следам, писать стихи, да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет. Теперь полно врать; поговорим о деле; пожалуй-ста, побереги себя, особенно с начала; не люблю я святой недели в Москве; не слушайся сестер, не таскайся по гуляниям с утра до ночи, не пляши на бале до заутренни. Гуляй умеренно, ложись рано. Отца не пускай к детям, он может их испугать и мало ли что еще.[7] Пуще береги себя во время регул — в деревне не читай скверных книг дединой библиотеки,[8] не марай себе воображения, женка. Кокетничать позволяю, сколько душе угодно. Верьхом езди не на бешеных лошадях (о чем всепокорно прошу Дм.‹итрия› Ник.‹олаевича›). Сверх того прошу не баловать ни Машку, ни Сашку

и, если ты не будешь довольна своей немкой или кормилицей, прошу тотчас прогнать, не совестясь и не церемонясь.

Воскресение. Христос воскрес, моя милая женка, грустно, мой ангел, грустно без тебя. Письмо твое мне из головы нейдет. Ты, мне кажется, слишком устала. Приедешь в Москву, обрадуешься сестрам; нервы твои будут напряжены, ты подумаешь, что ты здорова совершенно, целую ночь простоишь у всеночной, и теперь лежишь в растяжку в истерике и лихорадке. Вот что меня тревожит, мой ангел. Так что голова кругом идет и что ничто другое в ум не лезет. Дождусь ли я, чтоб ты в деревню удрала! Нынче великий князь присягал; я не был на церемонии,[9] потому что репортуюсь больным, да и в самом деле не очень здоров. Кочубей сделан канцлером; множество милостей; шесть фрейлен, между прочими твоя приятельница Натали Оболенская, а наша Машенька Вяземская все нет. Жаль и досадно. Наследник был очень тронут; государь также. Вообще, говорят, все это произвело сильное действие. С одной стороны я очень жалею, что не видал сцены исторической и под старость нельзя мне будет говорить об ней как свидетелю. Еще новость: Мердер умер; [10] это еще тайна для в.<еликого> князя, и отравит его юношескую радость. Аракчеев также умер.[11] Об этом во всей России жалею я один — не удалось мне с ним свидеться и наговориться. Тетка подарила мне шоколадный бильярд — прелесть. Она тебя очень цалует и по тебе хандрит. Прощайте, все мои. Христос воскрес, Христос с Вами.

23. Н. Н. Пушкиной

24 апреля 1834 г. Петербург

Вторник. Благодарю тебя, мой ангел, за письмо из-под Торжка. Ты умна, ты здорова — ты детей кашей кормишь — ты под Москвою. — Все это меня очень порадовало и успокоило; а то я был сам не свой. У нас святая неделя, шумная, бурная. Вчера был у Карамзиной и побранился с Тимерязевой. Сегодня пойду к тетке, с твоим письмом. Завтра напишу тебе много. Покаместь цалую тебя и всех Вас благословляю.

24. Н. Н. Пушкиной

28 апреля 1834 г. Петербург

Ну женка! насилу дождались мы от тебя письма. По моему расчету ты должна была приехать в Москву в великий четверг [1] (так и вышло), и целые девять дней не было от тебя известия. Тетка перепугалась. Я был спокойнее, зная уже, что ты до

Торжка дотащилась благополучно, и полагая, что хлопоты приезда и радость свидания помешают тебе в первые дни думать о письмах. Однако уж и мне становилось плохо. Слава богу! ты приехала, ты и Маша здоровы, Сашке лучше, вероятно он и совсем выздоровил. Не от кормилицы ли он болен? Вели ее осмотреть, да отыми его от груди, пора. Кланяйся сестрам. Попроси их от меня Машку не баловать, т. е. не слушаться ее слез и крику, а то мне не будет от нее покоя. Береги себя, и сделай милость, не простудись. Что делать с матерью? Коли она сама к тебе приехать не хочет, поезжай к ней[2] на неделю, на две, хоть это лишние расходы и лишние хлопоты. Боюсь ужасно для тебя семейственных сцен. Помяни господи царя Давида и всю кротость его![3] — С отцом пожалуй-ста не входи в близкие сношения и детей ему не показывай; на его, в его положении, невозможно полагаться.[4] Того и гляди откусит у Машки носик. Теперь вот тебе всепокорнейший отчет. Святую неделю провел я чинно дома, был всего вчерась (в пятницу) у Карамзиной да у Смирновой. На качелях не являлся;[5] завтра будет бал,[6] на который также не явлюсь. Этот бал кружит все головы и сделался предметом толков всего города. Будет 1800 гостей. Расчислено, что, полагая по одной минуте на карету, подъезд будет продолжаться 10 часов; но кареты будут подъезжать по 3 вдруг, следственно время втрое сократится. Вчера весь город ездил смотреть залу, кроме меня. Соболевский здесь, но занял у меня 50 р. и с тех пор ко мне не являлся. Лев Серг.<еевич> переезжает сегодня от Энг.<ельгардта> к родителям.[7] Честь имею тебе заметить, что твой извозчик спрашивал не рейнвейну, а ренского (т. е. всякое белое кисленькое виноградное вино называется ренским), впрочем твое замечание о просвещении русского народа очень справедливо и делает тебе честь, а мне удовольствие. Dis-moi ce que tu bois, je te dirai qui tu es.[а, 8] Пьешь ли ты ромашку или eau d'orange?[б] Тетка третьего дня заезжала ко мне узнать о твоем здоровьи и пококетничала со мною из <каре>ты. Сегодня отправлюсь к ней с твоим письмом. Прощай, мой ангел; цалую тебя и всех вас благословляю. Кланяюсь сестрам... Эх, хотелось бы отпустить une bonne plaisanterie,[в] да тебя боюсь. Adio.[г]

Суббота.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной. В Москве на Никитской в доме Гончарова.

[а] Скажи мне, что ты пьешь, и я скажу тебе, кто ты.
[б] Отвар из апельсиновых листьев.
[в] Крепкую шутку.
[г] Прощай *(итал.)*.

25. Н. Н. Пушкиной

30 апреля 1834 г. Петербург

Фомин понедельник.

Вчера был наконец дворянский бал.[1] С шести часов начался подъезд экипажей. Я пошел бродить по городу и прошел мимо дома Нарышкина. Народу толпилось множество. Полиция с ним шумела. Иллюменацию приготовляли. Не дождавшись сумерков, пошел я в Англ.‹ийский› клоб, где со мною случилось небывалое происшедствие. У меня в клобе украли 350 рублей, украли не в тинтере, не в вист, а украли, как крадут на площадях. Каков наш клоб? перещеголяли мы и московский![2] Ты думаешь, что я сердился, ни чуть. Я зол на Петербург и радуюсь каждой его гадости. Возвратясь домой, получаю твое письмо, милый мой ангел. Слава богу, ты здорова, дети здоровы, ты пай дитя; с бала уезжаешь прежде мазурки, по приходам не таскаешься. Одно худо: не утерпела ты, чтоб не съездить на бал кн.‹ягини› Галицыной. А я именно об этом и просил тебя. Я не хочу, чтоб жена моя ездила туда, где хозяйка позволяет себе невнимание и неуважение.[3] Ты не Mlle Sontag, которую зовут на вечер, а потом на нее и не смотрят.[4] Московские дамы мне не пример. Они пускай таскаются по передням, к тем, которые на них и не смотрят. Туда им и дорога. Женка, женка! если ты и в эдакой безделице меня не слушаешь, так как мне не думать... ну, уж бог с тобой. Ты говоришь: я к ней не ездила, она сама ко мне подошла. Это-то и худо. Ты могла и должна была сделать ей визит, потому что она штатс-дама, а ты камер-пажиха; это дело службы. Но на бал к ней нечего было тебе являться. Ей богу, досада берет — и письма не хочу продолжать.

26. Н. Н. Пушкиной

30 апреля 1834 г. Петербург

Жена моя милая, женка мой ангел — я сегодня уж писал тебе, да письмо мое как-то неудалось. Начал я было за здравие, да свел за упокой. Начал нежностями, а кончил плюхой. Виноват, женка. Остави нам долги наши, яколе и мы оставляем должником нашим.[1] Прощаю тебе бал у Галицыной и поговорю тебе о бале вчерашнем,[2] о котором весь город говорит и который, сказывают, очень удался. Ничего нельзя было видеть великолепнее. Было и не слишком тесно, и много мороженого, так что мне бы очень было хорошо. Но я был в народе, и передо мною весь город проехал в каретах (кроме поэта Кукольника, который проехал в каком-то старом фургоне, с каким-то оборванным мальчиком на запятках, что было истинное поэтическое явление). О туале-

тах справлюсь и дам тебе знать. Я писал тебе, что у меня в клобе украли деньги; не верь, это низкая клевета: деньги нашлись и мне принесены. Напрасно ты думаешь, что я в лапах у Соболевского, и что он пакостит твои мебели. Я его вовсе не вижу, а подружился опять с Sophie Karamzine. Она сегодня на свадьбе, у Бакуниной.[3] Есть еще славная свадьба: Воронцов женится — на дочери К. А. Нарышкина, которая и в свет еще не выезжает. Теперь из богатых женихов остался один Новомленский, ибо Сорохтин, ты говоришь, умре. Кого-то выберет он? Александру ли Николаевну или Кат.‹ерину› Ник.‹олаевну›? как думаешь? Это письмо, вероятно, получишь ты уже в Ярополице; Натальи Ивановне я уже писал; поцалуй за меня у ней ручки и скажи много нежного. Прощай, жена, цалую и благословляю тебя и Вас.

А. П.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной — в Москве на Никитской в доме Гончарова.

27. Д. Н. Бантышу-Каменскому

1 мая 1834 г. Петербург

Милостивый государь
Дмитрий Николаевич,

Позвольте принести Вам глубочайшую мою благодарность за письмо, драгоценный знак Вашей благосклонности, и за снимок с печати Самозванца,[1] который я тотчас и отдал гравировать.[2] Портрет его у меня есть и также гравируется.[3] С нетерпением буду ждать Биографию Пугачева,[4] которую изволите мне обещать с такою снисходительностию.

Жалею, что время не позволяет мне повергнуть мой труд Вашему рассмотрению. Мнения и замечания такого человека, каков Вы, послужили бы мне руководством и ободрили бы первый мой исторический опыт.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

1 мая
1834.
С. П. Б.

28. Н. И. Павлищеву

4 мая 1834 г. Петербург

Милостивый государь
Николай Иванович

Благодарю Вас за Ваше письмо.[1] Оно дельное и деловое; следовательно отвечать на него не трудно.

Согласясь взять на себя управление батюшкинова имения, я потребовал ясного расчета долгам казенным и частным, и доходам.[2]

Батюшка отвечал мне,[3] что долгу на всем имении *тысяч сто*, что процентов в год должно уплачивать *тысяч семь,* что недоимок *тысячи три*, а что доходов *тысяч 22.*[4]

Я просил все это определить с большею точностию, и батюшка не успев того сделать сам, я обратился в ломбард и узнал наверное, что

Долгу казенного	190 750
Что процентов ежегод.<ных>	11 826
Что недоимок	11 045
(Частных долгов полагаю около	10 000)

Сколько доходу, наверное знать не могу, но, полагаясь на слова батюшкины и ставя по 22 000, выдет, что, за уплатою казен.<ных> процентов, остается до 10 000.[5]

Из оных если батюшка положит по 1500 Ольге Серг.<еевне>, да по стольку же Л.<ьву> Серг<ееви>чу, то останется для него 7000. Сего было бы довольно для него, но есть недоимки казенные, долги частные, долги Льва Серг.<еевича>, а часть доходов сего года уже батюшкой получена и истрачена.

Покаместь не приведу в порядок и в известность сии запутанные дела, ничего не могу обещать О.<льге> С.<ергее>вне и не обещаю.[6] Состояние мое позволяет мне не брать ничего из доходов батюшкина имения, но *своих* денег я не могу и не в состоянии приплачивать.

На днях < . . . .>[а] 74 души не залож<енных . . . .>[б,7] *Надеюсь* получить тыся<ч . -. . . . если не>[в] будет запрещений на им<ении. Из>[г] них пришлю Вам долг Л.<ьва> С.<ергеевича>.[8]

С истинным почтением и преданностию остаюсь

Ваш покорнейший слуга
А. Пушкин.

4 мая 1834.
С.П.Б.

а *Угол листа оторван.*
б *Угол листа оторван.*
в *Угол листа оторван.*
г *Прорвано.*

Я еще не получил от батюшки доверенности, <а уж>е <?>[д] в один месяц *из моих* денег уплатил уже в один месяц 866 за батюшку, а за Л.<ьва> С.<ергеевича> 1330: более не могу.[9]

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Николаю Ивановичу Павлищеву
В Варшаву
Помощнику статс-секретаря Гос.<ударственного> совета.

29. Н. Н. Пушкиной

Около 5 мая 1834 г. Петербург

Что это, жена? вот уже 5 дней как я не имею о тебе известия. Надеюсь, что хлопоты отъезда и приезда[а] одни помешали тебе ко мне писать и что ты и дети здоровы. Пишу к тебе в Ярополец.[1] Не знаю, куда отправить тебе деньги, в Москву ли, в Волоколамск ли, в Калугу ли? На днях на что-нибудь решусь. Что тебе сказать о себе: жизнь моя очень однообразна. Обедаю у Дюме часа в 2, чтоб не встретиться с холостою шайкою. Вечером бываю в клобе. Вчера был у кн.<ягини> Вяземской, где находилась и твоя гр.<афиня> Сал<логуб>.[2] Оттуда поехал я к Одоевскому, который едет в Ревель. Тетку вижу часто, она беспокоится, что давно нет об тебе известия. Погода у нас славная, а у Вас, вероятно, еще лучше. Пора тебе в деревню на лекарство, на ванны и на чистый воздух.

Сей час, мой ангел, получил я твое письмо от 1-го мая. Благодарю тебя, что ты переждешь свои временные. Это мне доказывает твое благоразумие, и я тебя втрое за то люблю. Радуюсь, что ты хорошеешь, хоть это du superflu.[б] Сей час (в 5 ча<сов>) сидела у меня тетка, она тебя цалует. Летний сад полон. Все гуляют. Гр.<афиня> Фикельм.<он> звала меня на вечер. Явлюсь в свет в первый раз после твоего отъезда. За Салог.<уб> я не ухаживаю, вот-те Христос; и за Смирновой тоже. Смирнова ужасно брюхата, а родит через месяц. Все тебе кланяются. Завтра еще буду писать.

Не смей купаться — с ума сошла, что ли. После завтра обедаю у Спасского — и буду на тебя жаловаться. Я не поехал к Фикельм<он>, а остался дома, перечел твое письмо и ложусь спать. Брат Иван[3] у меня. Лев Серг.<еевич> и отец меня очень сердят, а Ольга С.<ергеевна> начинает уже сердить.[4] Откажусь ото всего — и стану жить припеваючи.

д *Прорвано.*
а *В подлиннике* приезды
б Уже слишком.

30. Н. Н. Пушкиной

12 мая 1835 г. Петербург

Какая ты дура, мой ангел! конечно, я не стану беспокоиться оттого, что ты три дня пропустишь без письма, так точно как я не стану ревновать, если ты три раза сряду провальсируешь с кавалер-гардом. Из этого еще не следует, что я равнодушен и не ревнив. Я отправил тебя из П.<етер>Б.<урга> с большим беспокойством; твое письмо из Бронницы еще более меня взволновало. Но когда узнал я, что до Торжка ты доехала здорова, у меня гора с сердца свалилась, и я не стал сызнова хандрить. Письмо твое очень мило; а опасения на счет истинных причин моей дружбы к Софьи К.<арамзиной> очень приятны для моего самолюбия. Отвечаю на твои запросы: Смирнова не бывает у К.<арамзиных>, ей не встащить брюха на такую лестницу; кажется, она уже на даче; гр.<афиня> С.<оллогуб> там также не бывает, но я видел ее у кн.<ягини> В.<яземской>. Волочиться, я ни за кем не волочусь. У меня голова кругом идет. Не рад жизни, что взял имение, но что ж делать? Не для меня, так для детей. Тетка вчера сидела у меня, она тебя цалует. Вчера был большой парад, который, говорят, не удался.[1] Царь посадил наследника под арест. Сюда ожидают Прусского принца[2] и много других гостей. Надеюсь не быть ни на одном празднике. Одна мне и есть выгода от отсутствия твоего, что не обязан на балах дремать да жрать мороженое. Пишу тебе в Ярополец, где ты должна быть с третьегодняшнего дня. Кланяюсь сердечно Нат.<алье> Ив.<ановне>, цалую тебя и детей. Христос с Вами.

Знаешь ты, что кн.<ягиня> Мещ.<ерская> и Sophie Kar<amzine>[3] едут за границу? Sophie уж плачет недели две, вероятно я довезу ее до Кронштата.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной. В Волоколамск в село Ярополиц.

31. Н. В. Гоголю

13 мая 1834 г. Петербург

Я совершенно с Вами согласен.[1] Пойду сегодня же назидать[a] Уварова, и к стати о смерти Телеграфа[2] поговорю и о вашей. От сего незаметным и искусным образом перейду к бессмертию, Его ожидающему.[3] Авось уладим.[4]

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Н. В. Гоголю
etc.

---

[a] *В подлиннике* нажидать

32. Н. Н. Пушкиной

16 мая 1834 г. Петербург

Давно, мой ангел, не получал я от тебя писем. Тебе видно было некогда. Теперь, вероятно, ты в Ярропольце и уже опять собираешься в дорогу.[1] Такая тоска без тебя, что того и гляди приеду к тебе. Говорил я со Спасским о Пирмонтских водах;[2] он желает, чтобы ты их принимала; и входил со мною в подробности, о которых по почте не хочу тебе писать, [потому что не хочу, чтоб письма мужа к жене ходили по полиции].[3] Пиши мне о своем здоровьи и о здоровьи детей, которых цалую и благословляю. Кланяюсь Н.<аталье> Ив.<ановне>. Тебя цалую. На днях получишь письма по оказии. Прощай, мой милый друг.

16 мая.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной в Волоколамск в село Ярополец.

33. Н. Н. Пушкиной

18 мая 1834 г. Петербург

Мой ангел! поздравляю тебя с Машиным рождением,[1] цалую тебя и ее. Дай бог ей зубков и здоровья. Того же и Саше желаю, хоть он не именинник. Ты так давно, так давно ко мне не писала, что несмотря на то, что беспокоиться попустому я не люблю, но я беспокоюсь. Я должен был из Ярропольца получить по крайней мере два письма. Здорова ли ты и дети? спокойна ли ты? Я тебе не писал, потому что был зол — не на тебя, на других. Одно из моих писем попалось полиции и так далее. Смотри, женка: надеюсь, что ты моих писем списывать никому не дашь; если почта распечатала письмо мужа к жене, так это ее дело, и тут одно неприятно: тайна семейственных сношений, проникнутая скверным и бесчестным образом; но если ты виновата, так это мне было бы больно. Никто не должен знать, чтó может происходить между нами; никто не должен быть принят в нашу спальню. Без тайны нет семейственной жизни. Я пишу тебе, не для печати; а тебе нечего публику принимать в наперсники. Но знаю, что этого быть не может; а свинство уже давно меня ни в ком не удивляет.

Вчера я был в концерте, данном для бедных в великолепной зале Нарышкина, в самом деле, великолепной.[2] Как жаль, что ты ее не видала. Пели новую музыку Вельгорского на слова Жуковского.[3] Я никого не вижу, нигде не бываю; принялся за работу и пишу по утрам. Без тебя так мне скучно, что поминутно думаю к тебе поехать, хоть на неделю. Вот уж месяц живу без тебя; дотяну до августа; а ты себя береги; боюсь твоих гуляний верь-

хом. Я еще не знаю, как ты ездишь; вероятно, смело; да крепко ли на седле сидишь? вот запрос. Дай бог тебя мне увидеть здоровою, детей целых и живых! да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином! [a,4] Неприятна зависимость; особенно когда лет 20 человек был независим. Это не упрек тебе, а ропот на самого себя. Благословляю всех Вас, детушки.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной в Волоколамск в село Ярополец.

34. А. Н. Мордвинову

26 мая 1834 г. Петербург

Милостивый государь
Александр Николаевич,

Осмеливаюсь беспокоить Ваше превосходительство покорнейшей просьбой о позволении мне перепечатать [a] в одну книгу сочинения мои в прозе, доныне изданные; [1] также и о позволении доставить Вильгельму Кюхельбекеру экземпляр всех моих сочинений.[2]

С глубочайшим почтением честь имею быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства
покорнейший слуга.
Александр Пушкин.

26 мая
1834.
С. П. Б.

35. Н. Н. Пушкиной

26 мая 1834 г. Петербург

Благодарю тебя, мой ангел, за добрую весть о зубке Машином. Теперь надеюсь, что и остальные прорежутся безопасно. Теперь за Сашкою дело. Что ты путаешь, говоря: *о себе не пишу, потому что не интересно.*[1] Лучше бы ты о себе писала, чем о S.<ollogoub>, о которой забираешь в голову всякой вздор [2] — на смех всем честным людям и полиции, которая читает наши письма.[3] Ты спрашиваешь, что я делаю. Ничего путного, мой ангел. Однако дома сижу до 4 часов и работаю. В свете не бываю; от фрака отвык; в клобе

---

[a] *В подлиннике* бариным
[a] *Переделано из начатого:* напе<чатать>

провожу вечера. Книги из Парижа [4] приехали, и моя библиотека растет и теснится. К нам в П.<етер>Б.<ург> приехал Ventriloque,[a,5] который смешил меня до слез; мне право жаль, что ты его не услышишь. Хлопоты по имению меня бесят; с твоего позволения, надобно будет кажется выдти мне в отставку и со вздохом сложить камер-юнкерской мундир, который так приятно льстил моему честолюбию и в котором, к сожалению, не успел я пощеголять. Ты молода, но ты уже мать семейства, и я уверен, что тебе не труднее будет исполнить долг доброй матери, как исполняешь ты долг честной и доброй жены. Зависимость и расстройство в хозяйстве ужасны в семействе; и никакие успехи тщеславия не могут вознаградить спокойствия и довольства. Вот тебе и мораль. Ты зовешь меня к себе прежде августа. Рад бы в рай, да грехи не пускают. Ты разве думаешь, что свинский Петербург не гадок мне? что мне весело в нем жить между пасквилями и доносами? Ты спрашиваешь меня о Петре? идет помаленьку; скопляю матерьялы — привожу в порядок — и вдруг вылью медный памятник, которого не льзя будет перетаскивать с одного конца города на другой, с площади на площадь, из переулка в переулок.[6] Вчера видел я Сперанского, Карамзиных, Жуковского, Вельгорского, Вяземского — все тебе кланяются. Тетка меня все балует — для моего рождения прислала мне корзину с дынями, с земляникой, клубникой — так что боюсь поносом встретить 36-ой год бурной моей жизни. Сегодня еду к ней с твоим письмом. Покаместь прощай, мой друг. У меня желчь, так извини мои сердитые письма. Целую вас и благословляю.

Деньги шлю на имя Дм.<итрия> Н.<иколаевича>.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной.
В Калуге на Полотняный Завод.

36. Н. Н. Пушкиной

3 июня 1834 г. Петербург

Что это, мой друг, с тобою делается? вот уж девятый день, как не имею о тебе известия. Это меня поневоле беспокоит. Положим: ты выезжала из Яропольца, все-таки могла иметь время написать мне две строчки. Я не писал тебе потому, что свинство почты [1] так меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силе. Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство à la lettre.[a] Без политической свободы жить очень

---

[a] Чревовещатель.
[a] Буквально.

можно; без семейственной неприкосновенности (inviolabilité de la famille) невозможно:[2] каторга не в пример лучше. Это писано не для тебя;[3] а вот что пишу для тебя. Начала ли ты железные ванны? есть ли у Маши новые зубы? и каково перенесла она свои первые? У меня отгадай кто теперь остановился? Сергей Ник.<олаевич>,[4] который приехал-было в Ц.<арское> С.<ело> к брату, но с ним побранился и принужден был бежать со всем багажом. Я очень ему рад. Шашки возобновились. Тетка уехала с Н.<атальей> Кир.<илловной>[5] — я еще у ней не был. Долгорукая Малиновская выкинула, но кажется здорова. Сегодня обедаю у Вяз<емского>, у которого сын именинник;[6] Карамзина уехала также. Писал я тебе, что Мещерские отправились в Италию, и что Sophie три дня сряду разливалась, обвиняя себя в жестокосердии и раскаиваясь в том, что оставляет Кат.<ерину> Андр.<еевну> одну? Я провожал их до пироскафа.[7] В прошлое воскресение представлялся я к вел.<икой> княгине.[8] Я поехал к ее выс.<очеству> на Кам.<енный> Остров в том приятном расположении духа, в котором ты меня привыкла видеть, когда надеваю свой великолепный мундир. Но она так была мила, что я забыл и свою несчастную роль и досаду. Со мною вместе представлялся цензор Красовский. Вел.<икая> кн.<ягиня> сказала ему: Vous devez être bien fatigué d'être obligé de lire tout ce qui paraît. Oui, Votre A.<ltesse> I.<mpériale>, отвечал он ей, d'autant plus que ce que l'on écrit maintenant n'a pas le sens commun.[б] А я стою подле него. Она, как умная женщина, как-то его подправила. Смирнова на сносях. Брюхо ее ужасно; не знаю, как она разрешится; но она много ходит и не похожа на то, что была прошлого году. Гр.<афиню> Сал.<логуб> встретил я недавно. Она велела тебя поцаловать, и тетка ее также. Я большею частию дома и в клобе. Веду себя порядочно, только то не хорошо, что расстроил себе желудок; и что желчь меня так и волнует. Да от желчи здесь не убережешься. Новостей нет, да хоть бы и были, так не сказал бы. Цалую всех вас, Христос с Вами. Отец и мать на днях едут в деревню;[9] а я хлопочу. Лев ходит пешком в Царское Село, а Соболевс<кий> в Ораниенбаум. Видно им делать нечего. Прощай, мой ангел. Не сердись на холодность моих писем. Пишу скрепя сердце.

3 июня.

[б] Вас, вероятно, очень утомляет обязанность читать все, что появляется. Да, ваше императорское высочество, <...> тем более что в том, что теперь пишут, нет здравого смысла.

37. Д. Н. Бантышу-Каменскому

3 июня 1834 г. Петербург

Милостивый государь
Дмитрий Николаевич,

Не знаю, как Вас благодарить за доставление бумаг, касающихся Пугачева.[1] Не смотря на то, что я имел уже в руках множество драгоценных матерьялов, я тут нашел неизвестные, любопытные подробности, которыми непременно воспользуюсь. Смирдину отдал я Вашу прекрасную статью о Панине. Он взял ее к себе с благодарностию. Не согласитесь ли Вы участвовать в его журнале и на каких условиях? [2]

Вы, вероятно, изволили слышать о торговом и литературном предприятии Плюшара, о русском Conversations Lexicon:[a] великое множество биографических статей, Вами заготовленных, могли бы войти в состав этого Лексикона. Не войдете ли Вы в сношение с Плюшаром? В таком случае прошу Вас выбрать меня в свои поверенные, а мы рады стараться.[3]

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию, честь имею быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

3 июня
1834.
С. П. Б.

38. И. И. Лажечникову

3 июня 1834 г. Петербург

(Черновое)

С живейшей благодарн.<остью> получил я письмо Ваше от 30 <марта> и рукопись о Пуг.<ачеве>. Рукопись была уже мне известна,[1] она сочинена ак.<адемиком> Рычк<овым>,[2] находившимся в Оренб.<урге> во время осады. В вашем списке я нашел некоторые любопытные прибавления, которыми непр<еменно> воспользуюсь.[3]

Несколько раз проезжая через Тверь, я всегда желал случая вам представиться и благодарить Вас во-первых за то истинное наслаждение, которое доставили вы мне Вашим первым романом,[4] а во-вторых и за внимание, которого вы меня удостоили.

С нетерпением ожидаем нового Вашего творения, из коего прекр.<асный> отрыв<ок> читал я в альм.<анахе> Макс.<имо-

---

[a] Энциклопедическом словаре (*нем.*).

вича>. Скоро ли он выдет? и как Вы думаете его выдать — ради бога, не по частям. Эти рассрочки выводят из терпения многоч.<исленных> ваш<их> читат<елей> и почитат<елей>.[5]

С глуб.<очайшим> и проч.

39. Н. Н. Пушкиной

8 июня 1834 г. Петербург

8 июня.

Милый мой ангел! я было написал тебе письмо на 4 страницах,[1] но оно вышло такое горькое и мрачное, что я его тебе не послал, а пишу другое. У меня решительно сплин. Скучно жить без тебя и не сметь даже писать тебе все, что придет на сердце. Ты говоришь о Болдине.[2] Хорошо бы туда засесть, да мудрено. Об этом успеем еще поговорить. Не сердись, жена, и не толкуй моих жалоб в худую сторону. Никогда не думал я упрекать тебя в своей зависимости. Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив; но я не должен был вступать в службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами.[3] Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас. Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать как им угодно. Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, не хочу быть шутом ниже у господа бога.[4] Но ты во всем этом не виновата, а виноват я из добродушия, коим я преисполнен до глупости, несмотря на опыты жизни.

Благодарю тебя за весы, роскошную вывеску моей скупости. Мне прислала их тетка без записки. Вероятно, она теперь в хлопотах и приготовляет Нат.<алью> Кир.<илловну> к вести о смерти кн.<язя> Кочубея, который до Вас не доехал, как имел намерения, и умер в Москве.[5] Денег тебе еще не посылаю. Принужден был снарядить в дорогу своих стариков.[6] Теребят меня без милосердия. Вероятно, послушаюсь тебя и скоро откажусь от управления имения. Пускай они его коверкают как знают; на их век станет, а мы Сашке и Машке постараемся оставить кусок хлеба. Не так ли? Новостей нет. Фикельмон болен[7] и в ужасной хандре. Вельгорский едет в Италию к больной жене; П.<етер>Б.<ург> пуст, все на дачах. Я сижу дома до 4 часов и пишу. Обедаю у Дюме. Вечером в клобе. Вот и весь мой день. Для развлечения вздумал было я в клобе играть, но принужден был остановиться. Игра волнует меня — а желчь не унимается. Целую Вас и благословляю. Прощай. Жду от тебя письма об Ярополице. Но будь

осторожна... вероятно и твои письма распечатывают: этого требует Государственная безопасность.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной *в Калуге* на Полотняный Завод.

40. Н. Н. Пушкиной

11 июня 1834 г. Петербург

Нашла за что браниться!.. за Летний сад [1] и за Соболевского. Да ведь Летний сад мой огород. Я вставши от сна иду туда в халате и туфлях. После обеда сплю в нем, читаю и пишу. Я в нем дома. А Соболевский? Соболевский сам по себе, а я сам по себе. Он спекуляции творит свои, а я свои. Моя спекуляция удрать к тебе в деревню. Что ты мне пишешь о Калуге? Что тебе смотреть на нее? Калуга немного гаже Москвы, которая гораздо гаже Петербурга. Что же тебе там делать? Это тебя сестры баламутят, и верно уж моя любимая.[2] Это на нее весьма похоже. Прошу тебя, мой друг, в Калугу не ездить. Сиди дома, так будет лучше. Тетка на даче, а я у ней еще не был. Еду сегодня с твоими письмами. Нат.<алья> Кир.<илловна> узнала о смерти Кочубея. Je ne croyais pas, сказала она, que la mort de К.<очубей> me fit tant de peine.[a] Она утешается тем, что умер — он, а не Маша.[3] Сегодня едут мои в деревню, и я их иду проводить, до кареты, не до Царского Села, куда Лев Серг.<еевич> ходит пешечком. Уж как меня теребили; вспомнил я тебя, мой ангел. А делать нечего. Если не взяться за имение, то оно пропадет же даром, Ольга Серг.<еевна> и Л.<ев> Серг.<еевич> останутся на подножном корму, а придется взять их мне же на руки, тогда-то напла́чусь и наплачу́сь, а им и горя мало. Меня же будут цыганить. Ох, семья, семья!

Пожалуйста, мой друг, не езди в Калугу. С кем там тебе знаться? с губернаторшей? [4] она очень мила и умна; но я никакой не вижу причины тебе ехать к ней на поклон. С невестой Дм.<итрия> Ник.<олаевича>? [5] Вот это дело другое. Ты слади эту свадьбу, а я приеду в отцы посаженые. Напиши мне, женка, как поживала ты в Яроп.<ольце>, как ладила с матушкой и с прочими. Надеюсь, что Вы расстались дружески, не успев поссориться и приревновать друг к другу. У нас ожидают Прусского принца. Вчера приехал Озеров из Берлина с женою в три обхвата. Славная баба; я, смотря на нее, думал о тебе и желал тебе воротиться из Завода такою же тетехой. Полно тебе быть спичкой. Прощай, жена. У меня на душе просветлело. Я два дня сряду

---

[a] Я не думала <...> что смерть Кочубея так огорчит меня.

получил от тебя письма и помирился от души с почтою и полицией. Чорт с ними. Что делают дети? благословляю их, а тебя цалую.

11 июня.

В тот же день.

Сей час от меня тетка. Она просит тебя к ней писать, а меня тебе уши выдрать. Она переезжает в Царское Село, в дом кн.<язя> Кочубея, с Нат.<альей> Кир.<илловной>, которая удивительно мила и добра; завтра еду с ней проститься. Зачем ты тетке не пишешь? какая ты безалаберная! Она просит, чтоб я тебя в Калугу пустил, да ведь ты махнешь и без моего позволения. Ты на это молодец. Сей час простился с отцом и матерью. У него хандра и черные мысли. Знаешь, что я думаю? не приехать ли мне к тебе на лето? Нет, жена, дела есть, потерпим еще полтора месяца. А тут я к тебе упаду как снег на голову; если только пустят меня. Охота тебе думать о помещении сестер во дворец.[6] Во-первых, вероятно, откажут; а во-вторых, коли и возьмут, то подумай, что за скверные толки пойдут по свинскому П.<етер>Б.<ургу>. Ты слишком хороша, мой ангел, чтоб пускаться в просительницы. Погоди; овдовеешь, постареешь — тогда пожалуй будь салопницей и титулярной советницей. Мой совет тебе и сестрам быть подале от двора; в нем толку мало. Вы же не богаты. На тетку нельзя вам всем навалиться. Боже мой! кабы Заводы были мои, так меня бы в П.<етер>Б.<ург> не заманили и московским калачом. Жил бы себе барином. Но вы, бабы, не понимаете счастия независимости и готовы закабалить себя навеки, чтобы только сказали про вас: Hier Madame une telle était décidément la plus belle et la mieux mise du bal. Прощай, Madame une telle,[б] тетка прислала мне твое письмо, за которое я тебя очень благодарю. Будь здорова, умна, мила, не езди на бешеных лошадях, за детьми смотри, чтоб за ними няньки их смотрели, пиши ко мне чаще; сестер поцалуй запросто, Дм.<итрия> Ник.<олаевича> также — детей за меня благослови. Цалую тебя. Еду на пироскафе провожать Вельгорского, который, вероятно, жену свою в живых не застанет.[7] Петр 1-ый идет; того и гляди напечатаю 1-ый том к зиме.[8] На *того* [9] я перестал сердиться, потому что, toute réflexion faite,[в] не он виноват в свинстве его окружающем. А живя в нужнике, по неволе привыкнешь к <----->, и вонь его тебе не будет противна, даром что gentleman.[г] Ух кабы мне удрать на чистый воздух.[10]

б Вчера на балу госпожа такая-то была решительно красивее всех и одета лучше всех. *Прощай*, госпожа такая-то.

в В сущности говоря.

г Джентльмен (*англ.*).

41. Н. Н. Пушкиной

Около (не позднее) 19 июня 1834 г. Петербург

Грустно мне, женка. Ты больна, дети больны. Чем это все кончится, бог весть. Здесь меня теребят и бесят без милости. И мои долги и чужие мне покоя не дают. Имение расстроено, и надобно его поправить, уменьшая расходы, а они обрадовались и на меня насели.[1] То — то, то другое. Вот тебе письмо Спасского. Если ты здорова, на что тебе ванны. Тетку видел на днях. Она едет в Царск.<ое> Село. Прощай, женка. Плетнев сей час ко мне входит.

А. П.

Цалую вас всех и благословляю детей.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной
в Калугу на Полотняный Завод.

42. А. Х. Бенкендорфу

25 июня 1834 г. Петербург

Monsieur le Comte,

Des affaires de famille nécessitant ma présence tantôt à Moscou, tantôt dans l'intérieur, je me vois obligé de me retirer du service et je supplie Votre Excellence de m'en obtenir la permission.

Je demanderais comme dernière grâce que l'autorisation que Sa Majesté a daigné m'accorder, celle de visiter les archives, ne me fut pas retirée.

Je suis avec respect,
Monsieur le Comte,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkine.

15[a] juin.
St Pétersbourg.

Перевод:

Граф,

Поскольку семейные дела требуют моего присутствия то в Москве, то в провинции, я вижу себя вынужденным оставить службу, и покорнейше прошу ваше сиятельство исходатайствовать мне соответствующее разрешение.

---

[a] *Описка, следует* 25

В качестве последней милости я просил бы, чтобы дозволение посещать архивы, которое соизволил мне даровать его величество, не было взято обратно.

Остаюсь с уважением, граф, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга.

15[a] июня. С.-Петербург. Александр Пушкин.

43. Н. Н. Пушкиной

26—27 июня 1834 г. Петербург

Ваше благородие всегда понапрасну лаиться изволите (*Недоросль*).[1]

Помилуй, за что в самом деле ты меня бранишь? что я пропустил одну почту? но ведь почта у нас всякой день; пиши сколько хочешь и когда хочешь; не то что из Калуги, из которой письма приходят каждые десять дней. Передпоследнее письмо твое было такое милое, что расцаловал бы тебя; а это такое безалаберное, что за ухо бы выдрал. Буду отвечать тебе по пунктам. Когда я представлялся в.<еликой> кн.<ягине>,[2] дежурная[3] была не С.<оллогуб>, а моя прищипленая кузинка Чичерина, до которой я не охотник, да хоть бы и С.<оллогуб> была в карауле, так уж если влюбляться. . .[4]——— Эх, женка! почта мешает, а то бы я наврал тебе с три короба. Я писал тебе, что я от фрака отвык, а ты меня ловишь во лжи как в petite misère ouverte,[a] доказывая, что я видел и того и другого, следственно в свете бываю; это ничего не доказывает. Главное то, что я привык опять к Дюме и к Английскому клобу; а этим нечего хвастаться. Смирнова родила благополучно, и вообрази: двоих. Какова бабенка, и каков красноглазый кролик Смирнов? — Первого ребенка такого сделали, что не пролез, а теперь принуждены на двое разделить.[5] Сегодня кажется девятый день — и слышно, мать и дети здоровы. Ты пишешь мне, что думаешь выдать Кат.<ерину> Ник.<олаевну> за Хлюстина, а Алекс.<андру> Ник.<олаевну> за Убри: ничему не бывать; оба влюбятся в тебя; ты мешаешь сестрам, потому надобно быть твоим мужем, чтоб ухаживать за другими в твоем присутствии, моя красавица. Хлюстин тебе врет, а ты ему и веришь; откуда берет он, что я к тебе в августе не буду? разве он пьян был от ботвиньи с луком? Меня в П.<етер>Б.<урге> останавливает одно: залог имения Нижегородского,[6] я даже и Пугачева намерен препоручить Яковлеву,[7] да и дернуть к тебе, мой ангел, на Полотняный Завод.

Туда бы от жизни удрал, улизнул![8] Цалую тебя и детей и благословляю вас от души. Ты, я думаю, так в деревне похоро-

---

а *Описка, следует* 25

а *Термин карточной игры (бостон).*

шела, что ни на что не похоже. Благодарю за анекдот о Дмитр.‹ии› Ник.‹олаевиче›.[9] Не влюблен ли он? Тетка в Царском Селе. На днях еду к ней. Addio, vita mia; ti amo.[б]

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной,
в Калуге на Полотняный Завод.

44. Н. Н. Пушкиной

28—29 июня 1834 г. Петербург

Мой ангел, сей час послал я к графу Литта извинение в том, что не могу быть на Петергофском празднике [1] по причине болезни. Жалею, что ты не увидишь; оно того стоит. Не знаю даже, удастся ли тебе когда-нибудь его видеть. Я крепко думаю об отставке.[2] Должно подумать о судьбе наших детей. Имение отца, как я в том удостоверился, расстроено до невозможности и только строгой экономией может еще поправиться. Я могу иметь большие суммы, но мы много и проживаем.[3] Умри я сегодня, что с Вами будет? мало утешения в том, что меня похоронят в полосатом кафтане,[4] и еще на тесном Петербургском кладбище, а не в церкви на просторе, как прилично порядочному человеку.[5] Ты баба умная и добрая. Ты понимаешь необходимость; дай сделаться мне богатым — а там, пожалуй, и кутить можем в свою голову. П.‹етер›-Б.‹ург› ужасно скучен. Говорят, что свет живет на Петергофской дороге. На Черной речке только Бобринская да Фикельмон. Принимают — а никто не едет. Будут большие праздники после Петергофа. Но я уж никуда не поеду. Меня здесь удерживает одно: типография.[6] Виноват, еще другое: залог имения.[7] Но можно ли будет его заложить? Как ты права была в том, что не должно мне было принимать на себя эти хлопоты, за которые никто мне спасибо не скажет, а которые испортили мне столько уж крови, что все пиявки дома нашего [8] ее мне не высосут. К стати о доме нашем: надобно тебе сказать, что я с нашим хозяином [а] побранился и вот почему. На днях возвращаюсь ночью домой; двери заперты. Стучу, стучу; звоню, звоню. На силу добудился дворника. А я ему уже несколько раз говорил прежде моего приезда не запирать — рассердясь на него, дал я ему отеческое наказание. На другой день узнаю, что Оливье на своем дворе декламировал противу меня и велел дворнику меня не слушаться и двери запирать с 10 часов, чтоб воры не украли лестницы. Я тотчас велел прибить к дверям объявление, писанное рукою Сергея Николаевича, о сдаче квартеры — а к Оливье написал письмо,[9] на которое дурак до сих пор не отвечал. Война же с дворником не прекра-

---

[б] **Прощай, жизнь моя, люблю тебя** (*итал.*).
[а] *В подлиннике* **хозяиным**

щается, и вчера еще я с ним повозился. Мне его жаль, но делать нечего; я упрям и хочу переспорить весь дом — включая тут и пиявок. Я перед тобой кругом виноват, в отношении денежном. Были деньги. . . и проиграл их. Но что делать? я так был желчен, что надобно было развлечься чем-нибудь. Всё Тот[10] виноват; но бог с ним; отпустил бы лишь меня восвояси. Письмо твое не перед мной: кажется есть что-то, на что обязан я возразить — но до другого дня. Пока прощай. Цалую тебя и детей, благословляю всех троих. Прощай, душа моя — кланяйся сестрам и братьям. Сергей Ник.‹олаевич› на днях в офицеры[11] произведен, и хлопочет о мундире.

А. П.

45. Н. Н. Пушкиной

30 июня 1834 г. Петербург

Твоя Шишкова ошиблась: я за ее дочкой Полиной не волочился, потому что не видывал, а ездил я к Александру Семеновичу Ш.‹ишкову› в Академию, и то не для свадьбы, а для жетонов,[1] pas autrement.[a] История же о княжнах[2] совершенно справедлива, и я не вижу тут ничего смешного. Благодарю тебя за милое и очень милое письмо. Конечно, друг мой, кроме тебя в жизни моей утешения нет — и жить с тобою в разлуке так же глупо, как и тяжело. Но что ж делать? После завтрого начну печатать Пуг.‹ачева›, который до сих пор лежит у Сперанского.[3] Он задержит меня с месяц. В августе буду у тебя. Завтра Петергофский праздник,[4] и я проведу его на даче у Плетнева вдвоем. Будем пить за твое здоровье. С хозяином Оливье я решительно побранился,[5] и надобно будет иметь другую квартиру, особенно если приедут с тобою сестры.[6] Serge еще у меня, вчера явился ко мне в офицерском мундире,[7] и молодец. История о том, как Ив.‹ан› Ник.‹олаевич› побранился с Юрьевым и как они помирились, уморительно смешна, но долго тебе рассказывать. Из деревни имею я вести неутешительные. Посланный мною новый управитель[8] нашел все в таком беспорядке, что отказался от управления и уехал. Думаю последовать его примеру. Он умный человек, а Болдино можно еще коверкать лет пять.

Прости, женка. Благодарю тебя за то, что ты обещаешься не кокетничать: хоть это я тебе и позволил, но все-таки лучше моим позволением тебе не пользоваться. Радуюсь, что Сашку от груди отняли, давно бы пора. А что кормилица пьянствовала, отходя ко сну, то это еще не беда; мальчик привыкнет к вину,

---

[a] Не иначе.

и будет молодец, во Льва Сергеевича. Машке скажи, чтоб она не капризничала, не то я приеду и худо ей будет. Благословляю всех вас — тебя цалую в особенности.

30 июня.

Пожалуй-ста не требуй от меня нежных, любовных писем. Мысль, что мои распечатываются и прочитываются на почте, в полиции, и так далее [9] — охлаждает меня, и я поневоле сух и скучен. Погоди, в отставку выду, тогда переписка нужна не будет.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной.
В *Калугу* на Полотняный Завод.

46. М. Л. Яковлеву

3 июля 1834 г. Петербург

Милостивый государь,
Михайло Лукьянович,

В следствии данного Вам начальством поручения [1] касательно напечатания рукописи моей, под названием История Пугачевского Бунта, и по личному моему с Вами о том объяснении, поспешаю вас уведомить:

1-е. Желаю я, чтоб означенная рукопись была напечатана в 8-ую долю листа, такого же формата, как Свод Законов.[2]

2-ое. Число экземпляров полагаю я 3000; из коих для 1200 прошу заготовить бумагу на счет казенный, а потребное количество оной для 1800 экз.‹емпляров› доставлю я сам в типографию.[3]

3-е. Что касается до шрифта и вообще до издания книги, то на всем полагаюсь на Ваше благоусмотрение.

С глубочайшим почтением честь имею быть,

милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою
Александр Пушкин.

3 июля
1834.
С. П. Б.

47. А. Х. Бенкендорфу

3 июля 1834 г. Петербург

Monsieur le Comte,

Il y a quelques jours que j'ai eu l'honneur de m'adresser à Votre Excellence pour en obtenir la permission de me retirer du service. Cette démarche étant inconvenante je vous supplie, Monsieur le

Comte, de ne pas y donner de suite. J'aime mieux avoir l'air d'être inconséquent que d'être ingrat.

Cependant un congé de quelques mois me serait indispensable.

Je suis avec respect,
Monsieur le Comte,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur

3 Juillet. Alexandre Pouchkine.

Перевод:

Граф,

Несколько дней тому назад я имел честь обратиться к вашему сиятельству с просьбой о разрешении оставить службу. Так как поступок этот неблаговиден, покорнейше прошу вас, граф, не давать хода моему прошению. Я предпочитаю казаться легкомысленным, чем быть неблагодарным.

Со всем тем отпуск на несколько месяцев был бы мне необходим.

Остаюсь с уважением, граф, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

3 июля. Александр Пушкин.

48. В. А. Жуковскому

4 июля 1834 г. Петербург

Получив первое письмо твое,[1] я тотчас написал графу Бенкендорфу,[2] прося его остановить мою отставку, *ma démarche étant inconsidérée*;[а] и сказал *que j'aimais mieux avoir l'air inconséquent qu'ingrat.*[б] Но в след за тем получил официальное извещение[3] о том, что отставку я получу, но что вход в архивы будет мне запрещен. Это огорчило меня во всех отношениях. Подал в отставку я в минуту хандры и досады на всех и на всё. Домашние обстоятельства мои затруднительны; положение мое не весело; перемена жизни почти необходима. Изъяснять это всё гр. Бенкендорфу мне не достало духа — от этого и письмо мое должно было показаться сухо, а оно просто глупо.

Впрочем, я уж верно не имел намерения произвести, что вышло. Писать письмо прямо к государю, ей-богу, не смею — особенно теперь. Оправдания мои будут похожи на просьбы, а он уж и так много сделал для меня. Сей час от меня Л.‹изавета›

[а] Так как мой поступок неосмотрителен.

[б] Что я предпочитаю казаться скорее легкомысленным, чем неблагодарным.

М.‹ихайловна›.[4] Она привезла еще мне два твои письма.[5] Это меня, конечно, трогает. Но что ж мне делать! Буду еще писать к гр. Бенкендорфу.[6]

Адрес: В. А. Жуковскому.

49. А. Х. Бенкендорфу

4 июля 1834 г. Петербург

Милостивый государь
граф Александр Христофорович.

Письмо Вашего сиятельства от 30 июня удостоился я получить вчера вечером. Крайне огорчен я, что необдуманное прошение мое, вынужденное от меня неприятными обстоятельствами и досадными, мелочными хлопотами, могло показаться безумной неблагодарностию и супротивлением воле того, кто доныне был более моим благодетелем, нежели государем. Буду ждать решения участи моей, но, во всяком случае, ничто не изменит чувства глубокой преданности моей к царю и сыновней благодарности за прежние его милости.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего сиятельства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

4 июля
1834.
С. П. Б.

50. М. Л. Яковлеву

5 июля 1834 г. Петербург

Вот тебе, мой благодетель, первая глава — с богом.

51. В. А. Жуковскому

6 июля 1834 г. Петербург

Я право сам не понимаю, что со мною делается. Идти в отставку, когда того требуют обстоятельства, будущая судьба всего моего семейства, собственное мое спокойствие — какое тут преступление? какая неблагодарность? [а, 1] Но государь может видеть в этом что-то похожее на то, чего понять все-таки не могу. В таком случае я не подаю в отставку и прошу оставить меня

а какая неблагодарность? *вписано.*

в службе. Теперь, отчего письма мои сухи? [2] Да зачем же быть им сопливыми? Во глубине сердца своего я чувствую себя правым перед государем; гнев его меня огорчает, но чем хуже положение мое, тем язык мой становится связаннее и холоднее. Что мне делать? просить прощения? хорошо; да в чем? К Бенкендорфу я явлюсь и объясню ему, что̀ у меня на сердце — но не знаю, почему письма мои неприличны. Попробую написать третье.

Адрес: В. А. Жуковскому.

52. А. Х. Бенкендорфу

6 июля 1834 г. Петербург

Monsieur le Comte,

Permettez-moi de vous parler à cœur ouvert. En demandant mon congé, je ne pensais qu'à des affaires de famille embarassantes et pénibles. Je n'avais en vue que l'inconvéniant d'être obligé de faire plusieurs voyages tandis que je serais attaché au service. Sur mon Dieu et sur mon âme, c'était ma seule pensée; c'est avec une douleur profonde que je la vois si cruellement interprêtée. L'Empereur m'a comblé de grâces dès le premier moment que sa royale pensée s'est portée sur moi. Il y en a auxquelles je ne puis penser sans une profonde émotion, tant il y a mis de loyauté et de générosité.[1] Il a toujours été pour moi une providence, et si dans le cours de ces huit ans il m'est arrivé de murmurer, jamais, je le jure, un sentiment d'aigreur ne s'est mêlé à ceux que je lui ai voué. Et dans ce moment, ce n'est pas l'idée de perdre un protecteur tout puissant qui me remplit de douleur, c'est celle de laisser dans son esprit une impression que par bonheur je n'ai pas méritée.

Je réitère, Monsieur le Comte, ma très humble prière de ne pas donner de suite à la demande que j'ai faite si étourdiment.

C'est en me recommandant à Votre puissante protection, que j'ose vous présenter l'hommage de ma haute considération.

Je suis avec respect,
Monsieur le Comte,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant serviteur
Alexandre Pouchkine.

6 Juillet.
S^t P.

Перевод:

Граф,

Позвольте мне говорить с вами вполне откровенно. Подавая в отставку, я думал лишь о семейных делах, затруднительных и тягостных. Я имел в виду лишь неудобство быть вынужденным предпринимать ча-

стые поездки, находясь в то же время на службе. Богом и душою моею клянусь, — это была моя единственная мысль; с глубокой печалью вижу, как ужасно она была истолкована. Государь осыпал меня милостями с той первой минуты, когда монаршая мысль обратилась ко мне. Среди них есть такие, о которых я не могу думать без глубокого волнения, столько он вложил в них прямоты и великодушия.[1] Он всегда был для меня провидением, и если в течение этих восьми лет мне случалось роптать, то никогда, клянусь, чувство горечи не примешивалось к тем чувствам, которые я питал к нему. И в эту минуту не мысль потерять всемогущего покровителя вызывает во мне печаль, но боязнь оставить в его душе впечатление, которое, к счастью, мною не заслужено.

Повторяю, граф, мою покорнейшую просьбу не давать хода прошению, поданному мною столь легкомысленно.

Поручая себя вашему могущественному покровительству, осмеливаюсь выразить вам мое высокое уважение.

Остаюсь с почтением, граф, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

6 июля. С.-П.

53. М. Н. Загоскину

9 июля 1834 г. Петербург

Милостивый государь
Михайло Николаевич,

Вы изволили вспомнить обо мне и прислали мне последнее, прекрасное Ваше творение; [1] и не слыхали от меня спасибо. Вы имеете полное право считать меня неучем, варваром и неблагодарным. Но виноват приятель мой Соболевский, который едет в Москву каждый день и уже седьмой месяц как взял от меня письмо, которое обещался немедленно Вам доставить.[2]

Обращаюсь к Вам с важным делом. Г. Александр, очень замечательное лицо (или даже лица),[3] собирается в Москву и предлогает Вам следующие условия: доход за представления пополам с дирекцией (издержки спектакля на ее счет) и бенефис.[4] Удостойте меня Вашим ответом и потешьте матушку Москву.[5]

С глубочайшим уважением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь,

Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

9 июля.

54. Н. Н. Пушкиной

11 июля 1834 г. Петербург

Ты, женка моя, пребезалаберная[a] (насилу слово написал). То сердишься на меня за С.‹оллогуб›, то за краткость моих писем, то за холодный слог, то за то, что я к тебе не еду. Подумай обо всем, и увидишь, что я перед тобою не только прав, но чуть не свят. С С.‹оллогуб› я не кокетничаю, потому что и вовсе не вижу, пишу коротко и холодно по обстоятельствам тебе известным,[1] не еду к тебе по делам, ибо и печатаю П.‹угачева›, и закладываю имения, и вожусь, и хлопочу — а письмо твое меня огорчило, а между тем и порадовало; если ты поплакала, не получив от меня письма, стало быть ты меня еще любишь, женка. За что целую тебе ручки и ножки.

Кабы ты видела, как я стал прилежен; как читаю корректуру — как тороплю Яковлева! Только бы в августе быть у тебя. Теперь расскажу тебе о вчерашнем бале. Был я у Фикельмон. Надо тебе знать, что с твоего отъезда я кроме как в клобе нигде не бываю. Вот вчерась как я вошел в освещенную залу, с нарядными дамами, то я смутился как немецкий профессор; насилу хозяйку нашел, насилу слово вымолвил. Потом, осмотревшись, увидел я, что народу не так-то много, и что бал это запросто, а не раут. Незнакомых дам несколько прусачек (наши лучше, не говоря уж о тебе), а одеты, как Ермолова во дни отчаянные.[2] Вот наелся я мороженого и приехал себе домой — в час. Кажется не за что меня бранить. О тебе в свете много спрашивают и ждут очень. Я говорю, что ты уехала плясать в Калугу. Все тебя за то хвалят и говорят: ай да баба! — а у меня сердце радуется. Тетка заезжала вчера ко мне и беседовала со мною в карете; я ей жаловался на свое житье-бытье; а она меня утешала. На днях я чуть было беды не сделал: с *тем*[3] чуть было не побранился — и трухнул-то я, да и грустно стало. С этим поссорюсь — другого не наживу. А долго на него сердиться не умею; хоть и он не прав. Сегодня был на даче у Плетнева; у него дочь имянинница. Только вместо его нашел я кривую кузину — и ничего. А он уехал в Ораниенбаум — в.‹еликую› княгиню учить.[4] Досадно было, да нечего делать. Прощай, женка — спать хочу. Цалую тебя и вас — и всех благословляю. Христос с Вами.

11 июля.

---

[a] *Было: а. Начато:* презаба *б.* презалаберная

55. П. А. Осиповой

29 июня и 13 июля 1834 г. Петербург

Je vous remercie de tout mon cœur, chère, bonne et aimable Прасковья Александровна, pour la lettre que Vous avez eu la bonté de m'écrire.[1] Je vois [a] que vous me gardez toujours la même amitié et le même intérêt. Je m'en vais vous répondre franchement sur ce qui regarde Reichman. Je le connais honnête homme, et pour le moment, c'est tout ce qu'il me faut. Je ne puis avoir de confiance ni en Michel, ni en Penkovsky, vu que je connais le premier et que je ne connais pas le second. N'ayant pas l'intention de venir m'établir à Boldino, je ne puis songer à relever un bien qui, entre nous soit dit, touche à une ruine complète; je veux seulement n'être pas volé, et payer les intérêts du Lombard. Les améliorations viendront ensuite. Mais soyez tranquille: Reichman vient de m'écrire que les paysans sont dans un tel état de misère, et les affaires en si mauvais train, qu'il n'a pu prendre sur lui l'administration de Boldino, et que dans ce moment il est à Malinniki.[2]

Vous ne saurez vous imaginer combien l'administration de ce bien me pèse. Il n'y a pas de doute que Boldino mérite d'être sauvé, quand ce ne serait que pour Olga et Léon, qui pour perspective ont la mendicité ou tout au moins, la pauvreté. Mais je ne suis pas riche, j'ai une famille à moi, qui dépend de moi, et qui sans moi tombera dans la misère. J'ai pris un bien qui ne me rapportera que des soucis, et des désagréments. Mes parents ne savent pas qu'ils sont à deux doigts d'une ruine totale. S'ils pouvaient prendre sur eux de rester quelques années à [Z<ouievo> <?>] [3] Michailovsky, les affaires pourraient s'arranger, mais cela ne se fera jamais.

Je compte vous voir cet été, et comme de raison m'arrêter à Trigorsky. Veuillez présenter mes hommages à toute votre famille et recevez encore une fois mes remerciements, et l'expressions de mon respect et de mon inaltérable amitié.

A. P.

29 juin.
St P. b.

13 juillet. Voici une lettre qui devait déjà être chez vous depuis deux semaines. Je ne sais comment elle n'est pas encore partie. Mes affaires m'arrêteront encore quelque temps à Pétersbourg. Mais j'ai toujours le projet de me présenter à votre porte.[4]

Перевод:

От всего сердца благодарю вас, дорогая, милая и любезная *Прасковья Александровна*, за письмо, которое вы были добры мне написать.[1] Вижу, что вы по-прежнему сохраняете ко мне былую дружбу и участие. Отвечу

---

[a] *В подлиннике описка:* vous

вам откровенно на то, что касается Рейхмана. Я знаю его за честного человека, а в данную минуту это все, что мне нужно. Я не могу довериться ни Михайле, ни Пеньковскому, ибо знаю первого и не знаю второго. Не имея намерения поселиться в Болдине, я не могу и помышлять о том, чтобы восстановить имение, которое, между нами говоря, близко к полному разорению; я хочу лишь одного — не быть обворованным, и платить проценты в Ломбард. Улучшения придут впоследствии. Но будьте покойны: Рейхман только что написал мне, что крестьяне так обнищали и дела идут так худо, что он не мог взять на себя управление Болдином и что в настоящую минуту он в Малинниках.[2]

Вы не можете себе представить, до чего управление этим имением мне в тягость. Нет сомнения, Болдино заслуживает того, чтобы его спасти, хотя бы ради Ольги и Льва, которым в будущем грозит нищенство или по меньшей мере бедность. Но я не богат, у меня самого есть семья, которая зависит от меня и без меня впадет в нищету. Я принял имение, которое не принесет мне ничего, кроме забот и неприятностей. Родители мои не знают, что они на волоске от полного разорения. Если б только они решились прожить несколько лет в [З‹уеве› ‹?›] [3] Михайловском, дела могли бы поправиться; но этого никогда не будет.

Рассчитываю повидаться с вами нынешним летом и, разумеется, остановиться в Тригорском. Будьте добры передать мое почтение всему вашему семейству и примите еще раз мою благодарность и выражение чувств моего уважения и неизменной дружбы.

А. П.

29 июня. С.-Пб.

13 июля. Вот письмо, которое должно было быть у вас уже две недели тому назад. Не знаю, как случилось, что оно до сих пор не отослано. Дела мои задержат меня еще на некоторое время в Петербурге. Но я по-прежнему надеюсь появиться у ваших дверей.[4]

56. Н. Н. Пушкиной

Около (не позднее) 14 июля 1834 г. Петербург

Ты хочешь непременно знать, скоро ли буду я у твоих ног? изволь, моя красавица. Я закладываю имение отца, это кончено будет через неделю.[1] Я печатаю Пугачева; это займет целый месяц. Женка, женка, потерпи до половины августа, а тут уж я к тебе и явлюсь и обниму тебя, и детей расцалую. Ты разве думаешь, что холостая жизнь ужасно как меня радует? Я сплю и вижу, чтоб к тебе приехать, да кабы мог остаться в одной из Ваших деревень под Москвою, так бы богу свечку поставил; рад бы в рай, да грехи не пускают. Дай сделаю деньги, не для себя, для тебя. Я деньги мало люблю — но уважаю в них единственный способ благопристойной независимости. А ‹о› каком соседе пишешь мне лукавые письма? кем это меня ты стращаешь? отселе вижу, что такое. Человек лет 36; отставной военный или служа-

щий по выборам. С пузом и в картузе. Имеет 300 душ и едет их перезакладывать — по случаю неурожая. А накануне отъезда сентиментальничает перед тобою. Не так ли? А ты, бабенка, за неимением Того [2] и другого, избираешь в обожатели и его: дельно. Да как балы тебе не приелись, что ты и в Калугу едешь для них. Удивительно! — Надобно тебе поговорить о моем горе. На днях хандра меня взяла; подал я в отставку.[3] Но получил от Жуковского такой нагоняй,[4] а от Бенкендорфа такой сухой абшид,[5] что я вструхнул, и Христом и богом прошу, чтоб мне отставку не давали. А ты и рада, не так? Хорошо, коли проживу я лет еще 25; а коли свернусь прежде десяти, так не знаю, что ты будешь делать, и что скажет Машка, а в особенности Сашка. Утешения мало им будет в том, что их папеньку схоронили как шута,[6] и что их маменька ужас как мила была на Аничковских балах.[7] Ну, делать нечего. Бог велик; главное то, что я не хочу, чтоб могли меня подозревать в неблагодарности. Это хуже либерализма. Будь здорова. Поцалуй детей и благослови их за меня. Прощай, цалую тебя.

А. П.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной
в Калугу на Полотняные Заводы.

57. Н. Н. Пушкиной

14 июля 1834 г. Петербург

Все вы, дамы, на один покрой. Куда как интересны похождения дурачка Д.[1] и его семейственные ссоры. А ты так и радуешься. Я чай, так и раскокетничалась. Что-то Калуга? Вот тут поцарствуешь! — Впрочем, женка, я тебя за то не браню. Все это в порядке вещей; будь молода, потому что ты молода — и царствуй, потому что ты прекрасна. Цалую тебя от сердца — теперь поговорим о деле. Если ты в самом деле вздумала сестер своих сюда привезти,[2] то у Оливье оставаться нам невозможно: места нет. Но обеих ли ты сестер к себе берешь? эй, женка! смотри... Мое мнение: семья должна быть *одна* под *одной* кровлей: муж, жена, дети покаместь малы; родители, когда уже престарелы. А то хлопот не наберешься, и семейственного спокойствия [не набер‹ешь›] не будет. Впрочем, об этом еще поговорим. Яковлев обещает отпустить меня к тебе в августе [3] — я оставлю Пугачева на его попечении. Август близок. Слава богу, дождались. Надеюсь, что ты передо мною чиста и права; и что мы свидимся, как расстались. Мне кажется, что Сашка начинает тебе нравиться. Радуюсь: он не в пример милее Машки, с которой ты напляшешься. Смирнова опять чуть не умерла.[4] Рассердилась на доктора, и

кровь кинулась в голову, слава богу, что не молоко. Она теперь принимает, но я у ней еще не был. Сегодня фейворок, или фейерверк — Сергей Н.<иколаевич> едет смотреть его; а я в городе останусь.[5] У нас третий день как жары — и мы не знаем, что делать. Сплю и вижу, чтоб из П.<етер>Б.<урга> убраться к тебе; а ты и не веришь мне, и бранишь меня. Сегодня съезжу к Плетневу. Поговорим о тебе. У меня большие хлопоты по части Болдина. Через год я на все это плюну — и займусь своими делами. Лев С.<ергеевич> очень себя дурно ведет. Ни копейки денег не имеет, а в домино проигрывает у Дюме по 14 бутылок шампанского.[6] Я ему ничего не говорю, потому что, слава богу, мужику 30 лет; но мне его жаль и досадно. Соболевский им руководствует, и что уж они делают, то господь ведает. Оба довольно пусты. Тетка в Царск.<ом> Селе. Я все к ней собираюсь, да не соберусь. Прощай. Обнимаю тебя крепко — детей благословляю — тебя также. Всякой ли ты день молишься, стоя в углу?

14 июля.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной
в Калуге на Полотняном заводе.

58. М. Л. Яковлеву

10—14 июля 1834 г. Петербург

Не мала ли?

59. М. Л. Яковлеву

17 июля 1834 г. Петербург

[Указы надобно будет] [1]
Вот и второй том.

60. Н. Н. Пушкиной

Около (не позднее) 26 июля 1834 г. Петербург

Наташа мой ангел, знаешь ли что? я беру этаж, занимаемый теперь Вяземскими.[1] Княгиня едет в чужие края, дочь ее больна не на шутку; боятся чахотки.[2] Дай бог, чтоб юг ей помог. Сегодня видел во сне, что она умерла, и проснулся в ужасе. Ради бога, берегись ты. Женщина, говорит Гальяни, est un animal naturellement faible et malade.[a,3] Какие же вы помощницы или работницы? Вы работаете только ножками на балах и помогаете мужьям мотать. И за то спасибо. Пожалуй-ста не сердись на меня за то,

---

[a] По природе своей есть животное слабое и болезненное.

что я медлю к тебе явиться. Право, душа просит; да мошна не велит. Я работаю до низложения риз. Держу корректуру двух томов вдруг,[4] пишу примечания, закладываю деревни — Льва Сергеича выпроваживаю в Грузию.[5] Все слажу — и сломя голову к тебе прискачу. Сей час приносили мне корректуру, и я тебя оставил для Пугачева. В корректуре я прочел, что Пугачев *поручил Хлопуше грабеж заводов.* Поручаю тебе грабеж Заводов — слышишь ли, моя Хло-Пушкина? ограбь Заводы и возвратись с добычею.[6] В свете я не бываю. Смирнова велела мне сказать, что она меня впишет в разряд иностранцев, которых велено не принимать. Она здорова, но чуть не умерла (Animal naturellement faible et malade). Цалую Машу и заочно смеюсь ее затеям. Она умная девчонка, но я от нее покаместь ума не требую; а требую здоровья. Довольна ли ты немкой и кормилицей? Ты дурно сделала, что кормилицу не прогнала. Как можно держать при детях пьяницу, поверя обещанию и слезам пьяницы?[7] Молчи, я все это улажу. До тебя мне осталось 9 листов. То есть как еще пересмотрю 9 печатных листов и подпишу: *печатать,* так и пущусь к тебе, а покаместь буду проситься в отпуск.[8] Новостей нет никаких; кроме того, что бедного маршала Мезона чуть не задавили на маневрах.[9] Знай наших. Цалую тебя и их. Господь вас благослови.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной.
В *Калугу* на Полотняный Завод.

61. Н. Н. Пушкиной

Около (не позднее) 30 июля 1834 г. Петербург

Что это значит, жена? Вот уже более недели, как я не получаю от тебя писем. Где ты? что ты? В Калуге? в деревне? откликнись. Что так могло тебя занять и развлечь? какие балы? какие победы? уж не больна ли ты? Христос с тобою. Или просто хочешь меня заставить скорее к тебе приехать. Пожалуйста, женка — брось эти военные хитрости, которые не в шутку мучат меня за тысячи верст от тебя. Я приеду к тебе, коль скоро меня Яковлев отпустит. Дела мои подвигаются. Два тома печатаются вдруг.[1] Для одной недели разницы не заставь меня все бросить и потом охать целый год, если не два и не три. Будь умна. Я очень занят. Работаю целое утро — до 4 часов — никого к себе не пускаю. Потом обедаю у Дюме, потом играю на бильярде в клубе — возвращаюсь домой рано, надеясь найти от тебя письмо и всякой день обманываюсь. Тоска, тоска...

С кн.<язем> Вяземским я уже условился. Беру его квартеру.[2] К 10 августу припасу ему 2500 рублей — и велю перетаскивать пожитки; а сам поскачу к тебе. Ждать не долго.

Прощай — будьте все здоровы. Цалую твой портрет,[3] который что-то кажется виноватым. Смотри ————

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной.
В Калугу на Полотняный Завод.

62. А. Ваттемару

Вторая половина июля 1834 г. Петербург

Monsieur,

La réponse de Mr Zagoskine ne m'est pas encore parvenue; dès que j'aurai reçu sa lettre, j'aurai l'honneur de vous la transmettre.[1]

A. Pouchkine.

Адрес: Monsieur
Monsieur Alexandre
в Галерной, дом Брискорн.

Перевод:

Милостивый государь,

Ответ г-на Загоскина еще не дошел до меня. Как только получу его письмо, буду иметь честь передать его вам.[1]

А. Пушкин.

Адрес: Милостивому государю господину Александру
в Галерной, дом Брискорн.

63. Н. Н. Пушкиной

3 августа 1834 г. Петербург

Стыдно, женка. Ты на меня сердишься, не разбирая, кто виноват, я или почта, и оставляешь меня две недели без известия о себе и о детях. Я так был смущен, что не знал, что и подумать. Письмо твое успокоило меня, но не утешило. Описание вашего путешествия в Калугу, как ни смешно, для меня вовсе не забавно. Что за охота таскаться в скверный уездный городишка, чтоб видеть скверных актеров, скверно играющих старую, скверную оперу? что за охота останавливаться в трахтире, ходить в гости к купеческим дочерям, смотреть с чернию губернский фейворок — когда в Петербурге ты никогда и не думаешь посмотреть на Каратыгиных и никаким фейвороком тебя в карету не заманишь. Просил я тебя по Калугам не разъезжать, да видно уж у тебя такая натура. О твоих кокетственных сношениях с соседом говорить мне нечего. Кокетничать я сам тебе позволил — но читать о том

лист кругом подробного описания вовсе мне не нужно. Побранив тебя, беру нежно тебя за уши и цалую — благодаря тебя за то, что ты богу молишься на коленах посреди комнаты. Я мало богу молюсь и надеюсь, что твоя чистая молитва лучше моих, как для меня, так и для нас. Ты ждешь меня в начале августа. Вот нынче уже 3-е, а я еще не подымаюсь;[1] Яковлев отпустит меня около половины месяца. Но и тут я не совсем еще буду свободен. Я взял квартеру Вяземских.[2] Надо будет мне переехать, перетащить мебель и книги, и тогда уже, благословясь, пуститься в дорогу. Дай бог приехать мне к твоим имянинам, я и тем был бы счастлив.

Вяземские здесь. Бедная Полина очень слаба и бледна. Отца жалко смотреть. Так он убит. Они все едут за границу. Дай бог, чтоб климат ей помог. Marie похорошела и в бедной и загнанной Москве[3] произвела большое действие. О тебе гремит еще молва, после минутного твоего появления.[4] Нашли, что ты похудела — я привезу тебя тетехой, по твоему обещанию: смотри ж! Не поставь меня в лгуны. На днях встретил я M^{de} Жорж. Она остановилась со мною на улице и спрашивала о твоем здоровье, я сказал, что на днях еду к тебе pour te faire un enfant.[а] Она стала приседать, повторяя: Ах, Monsi, vous me ferez une grande plaisir.[б] Однако я боюсь родов, после того, что ты выкинула. Надеюсь однако, что ты отдохнула. Видел я Смирнову; она начинает оправляться, но все еще плоха и желта. Тетка воротилась из Царского Села и была у меня. Она очень мила; но Наталья Кириловна сильно ей надоела.[5] Н.‹аталья› К.‹ирилловна› сердится на всех, особенно на князя Кочубея, зачем он умер и тем огорчил ее Машу. На княгиню также дуется и говорит: Mon Dieu, mais nous toutes nous avons perdu nos maris et cependant nous nous sommes consolées.[в] Тетка говорит, что ты ей вовсе не пишешь. Не хорошо. А она все за тебя хлопочет. Serge в лагери. Брата Ивана не вижу.[6] Прощай, Христос с Вами. Цалую Вас, тебя в особенности. Принесли корректуру.[7]

3 авг.

64. М. Л. Яковлеву

12 августа 1834 г. Петербург

А почему ж? Вольтер человек очень порядочный, и его сношения с Екатериною суть исторические.[1]

а Чтобы сделать тебе ребенка.
б Сударь, вы доставите мне большое удовольствие.
в Господи, да мы все потеряли наших мужей и однако же утешились.

65. М. Л. Яковлеву

12—16 августа 1834 г. Петербург

Вот 18-й лист. Справлялся я в других списках и смысла не нашел и там.[1] Из предисловия (ты прав, любимец Муз!) [2] должно будет выкинуть имя Вольтера,[3] хоть я и очень люблю его.

№ 14.[4]

66. С. А. Соболевскому

23 июля—13 августа 1833 г. или апрель—середина августа 1834 г. Петербург

Пожалуй-ста приезжай ко мне, к обеду: мне с тобою непременно надо поговорить.

А. Пушкин.

Воскресение.

Адрес: С. А. Соболевскому
etc.

67. Н. И. Гончаровой

21—25 августа 1834 г. Полотняный завод

Милостивая государыня матушка
Наталья Ивановна,

Как я жалею, что на пути моем из Петербурга не заехал я в Ярополец;[1] я бы имел и счастие с Вами свидеться, и сократил бы несколькью верстами дорогу, и миновал бы Москву, которую не очень люблю и в которой провел несколько лишних часов. Теперь я в Заводах,[2] где нашел всех моих, кроме Саши, здоровых, — я оставляю их еще на несколько недель и еду по делам отца в его нижегородскую деревню, а жену отправляю к Вам, куда и сам явлюсь как можно скорее. Жена хандрит, что не с Вами проведет день Ваших общих имянин; как быть! и мне жаль, да делать нечего. Покаместь, поздравляю Вас со днем 26 августа; и сердечно благодарю вас за 27-ое.[3] Жена моя прелесть, и чем доле я с ней живу, тем более люблю это милое, чистое, доброе создание, которого я ничем не заслужил перед богом. В Петербурге видался я часто с братом Ив.<аном> Ник.<олаевичем>, а Серг.<ей> Ник.<олаевич> и жил у меня почти до моего отъезда.[4] Он теперь в хлопотах обзаведения. Оба, слава богу, здоровы.

Цалую ручки Ваши и поручаю себя и всю семью мою Вашему благорасположению.

А. Пушкин.

68. А. И. Тургеневу

9 сентября 1834 г. Москва

Жена выбрала булавки и сердечно Вас благодарит. Само по себе разумеется, что Пугачев явится к вам первому,[1] как скоро выдет из печати. Симбирск осажден был не им, а одним из его сообщников,[а] по прозвищу Фирска.[2] Книгу оставлю у жены, которая вам ее и возвратит. Весь ваш — до свидания.

А. П.

Симбирск в 1671 году устоял противу Стеньки Разина, Пугачева того времени.[б]

Адрес: Его превосходительству
м. г. Александру Ивановичу
Тургеневу
etc.

69. А. И. Тургеневу

9 сентября 1834 г. Москва

Это все у меня уже есть — и будет напечатано в приложении.[1] Благодарен Полевому[2] за его доброе расположение к историографу Пугачева, камер-юнкеру и проч.[3] — Сей час еду, лошади уже заложены.

Адрес: А. И. Тургеневу
etc. etc.

70. С. А. Соболевскому

9 сентября 1834 г. Москва

Москва, 9 с.<ентября>

Пожалуй-ста, любезный Сергей Александрович, объясни жене, где живет notre ami l'usurier.[а, 1] Надеюсь на твою медлительность и полагаю наверное, что ты еще в Париже[2] — и что даже я там тебя застану по приезде моем в П.<етер>Б.<ург>.

Адрес: С. А. Соболевскому.
В Париже (что в П. Б. на Малой Морской).

а *В подлиннике описка:* сообщником
б *Приписка на обороте, после адреса, около печати.*
а Наш друг ростовщик.

71. Н. Н. Пушкиной

15 и 17 сентября 1834 г. Болдино

15 сент.

Почта идет во вторник, а сегодня только еще суббота; итак это письмо нескоро до тебя доберется. Я приехал третьего дня в четверг поутру [1] — вот как тихо ездят по губернским трактам — а я еще платил почти везде двойные прогоны. Правда, что отовсюду лошади были взяты под государя, который должен из Москвы проехать на Нижний.[2] В деревне встретил меня первый снег, и теперь двор перед моим окошком белешенек; c'est une très aimable attention,[а] однако я еще писать не принимался, и в первый раз беру перо, чтоб с тобою побеседовать. Я рад, что добрался до Болдина; кажется, менее будет мне хлопот, чем я ожидал. Написать что-нибудь мне бы очень хотелось. Не знаю, придет ли вдохновение.[3] Здесь нашел я Безобразова (что же ты так удивилась? не твоего обожателя,[4] а мужа моей кузины Маргаритки).[5] Он хлопочет и хозяйничает и, вероятно, купит пол-Болдина.[6] Ох! кабы у меня было 100 000! как бы я все это уладил; да Пуг.‹ачев›, мой оброчный мужичок, и половины того мне не принесет,[7] да и то мы с тобою как раз промотаем; не так ли? Ну, нечего делать: буду жив, будут и деньги..... Вот едет ко мне Безобразов — прощай.

Ух, на силу отвязался. Два часа сидел у меня. Оба мы хитрили — дай бог, чтоб я его перехитрил, на деле; а на словах, кажется, я перехитрил. Вижу отселе твою недоверчивую улыбку, ты думаешь, что я подуруша и что меня опять оплетут — увидим. Приехав в Москву, кончу дело в два дня; и приеду в П.‹етер›Б.‹ург› молодцом и обладателем села Болдина...

Сей час у меня были мужики, с челобитьем; [8] и с ними принужден я был хитрить — но эти наверное меня перехитрят... Хоть я сделался ужасным политиком, с тех пор, как читаю Conquête de l'Angleterre par les Normands.[б, 9] Это что еще? Баба с просьбою. Прощай, иду ее слушать.

Ну, женка, умора. Солдатка просит, чтоб ее сына записали в мои крестьяне, а его-де записали в выблядки, а она-де родила его только 13 месяцов по отдаче мужа в рекруты, так какой же он выблядок? Я буду хлопотать за честь оскорбленной вдовы.

17-го.

Теперь, вероятно, ты в Яропольце и, вероятно, уж думаешь об отъезде. С нетерпением ожидаю от тебя письма. Не забудь моего адреса: *в Арзамаском* уезде, в село Абрамово, оттуда в село Болдино. — Мне здесь хорошо, да скучно, а когда мне скучно,

---

[а] Это очень большая любезность.
[б] Завоевание Англии норманнами.

меня так и тянет к тебе, как ты жмешься ко мне, когда тебе страшно. Цалую тебя и деток и благословляю вас. Писать я еще не принимался.

72. Н. Н. Пушкиной

Около (не позднее) 25 сентября 1834 г. Болдино

Вот уж скоро две недели как я в деревне, а от тебя еще письма не получил. Скучно, мой ангел. И стихи в голову нейдут; и роман[1] не переписываю. Читаю Вальтер-Скотта[2] и Библию, а всё об вас думаю. Здоров ли Сашка? прогнала ли ты кормилицу? отделалась ли от проклятой немки? Какова доехала? Много вещей, [на] о которых беспокоюсь. Видно, нынешнюю осень мне долго в Болдине не прожить. Дела мои я кой-как уладил. Погожу еще немножко, не распишусь ли; коли нет — так с богом и в путь.[3] В Москве останусь дня три, у Нат.‹альи› Ив.‹ановны› сутки — и приеду к тебе. Да и в самом деле: не уж то близ тебя не распишусь? Пустое. Я жду к себе Языкова,[4] да видно не дождусь.

Скажи пожалуйста, брюхата ли ты? если брюхата, [бр] прошу, мой друг, быть осторожной, не прыгать, не падать, не становиться на колени перед Машей (ни даже на молитве). Не забудь, что ты выкинула и что тебе надобно себя беречь. Ох, кабы ты уж была в Петербурге. Но по всем моим расчетам ты прежде 3-го октября не доедешь. И как тебе там быть? без денег, без Амельяна, с твоими дурами няньками и неряхами девушками (не во гнев буде сказано Пелагеи Ивановне, которую заочно цалую). У тебя чай голова кругом идет. Одна надежда: тетка. Но из тетки двух теток не сделаешь — видно, что мне надобно спешить. Прощай, Христос Вас храни. Цалую тебя крепко — будьте здоровы.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной. В С. Петербурге. На Дворцовой Набережной у Прачечного мосту в доме Баташева.

73. Н. М. Языкову

26 сентября 1834 г. Болдино

Я был обрадован в моем уединении приездом Александра Михайловича,[1] который, к сожалению, пробыл у меня несколько часов. Блазнит он меня предложением ехать с ним в село Языково,[2] быть свидетелем его свадьбы,[3] обещаясь употребить меня с пользою — но мне невозможно — жена и дети. . . . .

Разговаривая о различных предметах, мы решили, что весьма не худо было бы мне приняться за альманах или паче за жур-

нал,[4] я и не прочь, но для того должен я быть уверен в Вашем содействии. Как думаете, сударь? Сами видите: щелкоперы нас одолевают. Пора, ей-ей пора дать им порядочный отпор. На днях отправляюсь в П.<етер>Б.<ург>.[5] Если вам будет досуг написать мне две строчки, адресуйте их на Дворцовую Набережную в дом Баташева — у Прачечного мосту.[6] — Ал.<ександр> Мих.<айлович> изволит спешить — и я кончаю письмо мое, поручая себя вашей благосклонности.

Ваш богомолец
А. Пушкин.

26 сент.
С. Болдино.

Искреннее мое почтение и мой поклон Петру Александровичу.[7]

Адрес: Н. М. Языкову.

74. М. Л. Яковлеву

19 октября 1834 г. Петербург

Ведь у тебя празднуем мы Годовщину?[1] не правда ли?

№ 14.[2]

19 окт.

Адрес: М. Л. Яковлеву.

75. А. А. Фукс

19 октября 1834 г. Петербург

19 октября 1834 года. С.П.Б.

Вчера, возвратившись в Петербург, после скучного, трехмесячного путешествия по губерниям,[1] я был обрадован неожиданной находкою: письмом[2] и посылкою[3] из Казани. С жадностию прочел я прелестные ваши стихотворения и между ими ваше послание ко мне,[4] недостойному поклоннику вашей музы. В обмен вымыслов, исполненных прелести, ума и чувствительности, надеюсь на днях[5] доставить вам отвратительно ужасную историю Пугачева. Не браните меня. Поэзия, кажется, для меня иссякла. Я весь в прозе: да еще в какой! .. право, совестно; особенно перед вами.[6]

Вы изволили написать, что барон Люцероде должен мне был доставить письмо еще в прошлом году; к крайнему сожалению моему, я его не получил, вероятно потому, что б.<арона> Люцероде я уже не застал в П.<етер>Б.<урге>, по возвращении моем из Оренбурга. Он уже был отозван в Дрезден.[7] Э. П. Перцов,

которого на минуту имел я удовольствие видеть в Петербурге, сказывал мне, что он имел у себя письмо от вас ко мне, но и тут оно до меня не дошло; он уехал из Петербурга, не доставя мне для меня драгоценный знак вашего благосклонного воспоминания. Понимаю его рассеянность в тогдашних его обстоятельствах,[8] но не могу не жаловаться, и великодушно ему прощаю, только с тем чтоб он прислал мне письмо, которое забыл мне здесь доставить.

Потрудитесь, милостивая государыня, засвидетельствовать глубочайшее мое почтение Карлу Федоровичу,[9] коего любезность и благосклонность будут мне вечно памятны.

С глубочайшим почтением и сердечною преданностию честь имею быть ‹. . .›

76. Н. В. Гоголю

Между 15 октября и 9 ноября 1834 г. Петербург

Перечел[1] с большим удовольствием; кажется, все может быть пропущено. Секуцию[2] жаль выпустить: она, мне кажется, необходима[a] для полного эфекта вечерней мазурки.[3] Авось бог вынесет. С богом!

А. П.

Адрес: Н. В. Гоголю etc.

77. И. М. Пеньковскому

10 ноября 1834 г. Петербург

Получил я ваше письмо от 30 окт.‹ября›[1] и спешу вам отвечать. Долг *мой* в Опекунской совет я заплачу сам,[2] а из доходов Болдина не должно тратить ни копейки. Что касается до 1270, требуемых за просрочку батюшкинова долга, то если можете найти такую сумму, то заплатите.[3] — Доверенность посылаю к Вам на следующей почте.[4] Вы хорошо сделали, что до сих пор не приступили к продаже хлеба. Невозможно, чтоб цены не возвысились. К счастью, могу еще подождать.

А. П.

10 ноября.

Адрес: В Арзамасской уезд Нижегородской губ.
в село Абрамово — оттоле в село Болдино,
его благородию
Осипу Матвеевичу
Пенковскому.

---

[a] *В подлиннике описка:* необходимо

78. И. М. Пеньковскому

20 ноября 1834 г. Петербург

Милостивый государь мой,
Осип Матвеевич!

По доверенности отца моего, статского советника Сергея Львовича Пушкина, имею я в своем ведении в Нижегородской губернии в селе Болдине по 8-ой ревизии 563 души, а в сельце Кистеневе в Сергачевском уезде 274 души, да сверх того в том же сельце Кистеневе 220 душ, собственно мне принадлежащих. По случаю пребывания моего в С.‹анкт›Петербурге прошу вас оное имение принять в полное Ваше распоряжение и управление, и буде случатся по оному дела, то следующие прошения, объявления и всякого роду бумаги от имени моего, за вашим рукоприкладством во все присутственные места, также и частным лицам, подавать, по тем делам выписки, экстракты и решения выслушивать, удовольствия или неудовольствие подписывать, на апелляции в высшие присутственные места, со взносом апелляционных денег, подавать; крестьян от обид и притеснений защищать, для работ и промыслов, по вашему рассуждению, отпускать, с законными видами, также и дворовых отпускать по паспортам с наложением оброка.

При том имеете вы наблюдать, чтобы казенные повинности и подати были в свое время сполна уплачены; положенный же с оброчных крестьян оброк получать без недоимок и ко мне высылать; буде окажутся дурного поведения и вредные вотчине крестьяне и дворовые люди, таковых отдавать во всякое время в зачет будущего рекрутства; если окажутся неспособными, то отдавать без зачету, предварительно меня о том уведомив. Словом прошу Вас в оном имении распоряжаться как бы я сам, высылая доходы на мое имя, что же вы к приращению доходов и к улучшению имения учините, впредь во всем вам верю и впредь спорить и прекословить не буду.

Двора его императорского величества камер-юнкер титулярный советник Александр Сергеев сын Пушкин.

20 ноября
1834 года.

Сия доверенность принадлежит Белорусскому дворянину Осипу Матвеевичу Пеньковскому.

‹Пометы на обороте:›

1834 года ноября 22 дня сие письмо С. Петербургской палаты гражданского суда в 1. департаменте двора его императорского величества камер-юнкер титулярный советник Александр Сергеев сын Пушкин явил

и объявил, что оное им собственноручно подписано и дано Белорусскому дворянину Осипу Матвееву сыну Пеньковскому.

Советник Кандорский.
Секретарь Протопопов.

У сей надписи его
императорского
величества сего
1 де‹партамента› палаты печать.

Коллежский регистратор Васильев.

По 13 книге № 346-й.

79. А. Х. Бенкендорфу

23 ноября 1834 г. Петербург

Милостивый государь
граф Александр Христофорович,

История Пугачевского Бунта отпечатана, и для выпуска оной в свет ожидал я разрешения Вашего сиятельства;[1] между тем позвольте обеспокоить Вас еще одною покорнейшею просьбою: я желал бы иметь счастие представить первый экземпляр книги государю императору, присовокупив к ней некоторые замечания, которых не решился я напечатать,[2] но которые могут быть любопытны для его величества. Осмеливаюсь прибегнуть к Вашему сиятельству для получения на то позволения.

Книгопродавец Смирдин хочет издать в одну книгу мои уже напечатанные стихи;[3] я осмелился их препроводить в канцелярию его превосходительства А. Н. Мордвинова, по предписанному пред сим порядку.

С глубочайшим почтением, совершенною преданностию и благодарностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

23 ноября
1834.
С.П.Б.

80. А. И. Тургеневу

Первая половина (не позднее 11) декабря 1834 г. Петербург

Письца у меня *французского* нет, российских сколько угодно.[1] Завтра же пригоню. Мне покаместь из Парижа ничего не надобно;[2] разве Папу Мейстера.[3]

81. А. Х. Бенкендорфу

17 декабря 1834 г. Петербург

Monsieur le Comte,

Je suis au désespoir d'importuner de nouveau Votre Excellence, mais M. Spéransky vient de me faire dire que l'histoire de la révolte de Pougatchef ayant été dans sa section par ordre de Sa Majesté l'Empereur, il lui est impossible de livrer l'édition *без высочайшего на то соизволения.* Je supplie Votre Excellence de me pardonner et de me tirer d'embarras.

Je suis avec le respect le plus profond,
Monsieur le Comte,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkine.

17 décembre
1834.

Перевод:

Граф,

Я в отчаянии от необходимости вновь докучать вашему сиятельству, но г. Сперанский только что сообщил мне, что так как история Пугачевского бунта отпечатана в его отделении по повелению его величества государя императора, то ему невозможно выдать издание **без высочайшего на то соизволения**. Умоляю ваше сиятельство извинить меня и устранить это затруднение.

Остаюсь с глубочайшим уважением, граф, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

17 декабря 1834.

82. Неизвестной

Декабрь 1834 г. — 6 января 1835 г. Петербург

(*Черновое*)

Permettez-moi, M<adame> l<a> C.<omtesse> — de me mettre à vos pieds pour <...>

Перевод:

Позвольте мне, графиня, повергнуть себя к вашим стопам, чтобы <...>

83. А. А. Бобринскому

6 января 1835 г. Петербург

Nous avons reçu une invitation de la part de Madame la Comtesse Bobrinsky: M^r^ et M^de^ Pouchkine *et sa sœur* etc. De là grande rumeur parmi mes femelles (comme dit l'Antiquaire de W. Scott[1]): *laquelle*? Comme je suppose que c'est simplement une erreur,[2] je prends la liberté de m'adresser à vous pour nous tirer d'embarras et mettre la paix dans mon ménage.

Je suis avec respect, Monsieur le Comte,
Votre très humble et
très obéissant serviteur
A. Pouchkine.

6 janvier
1835.

Адрес: Monsieur
le Comte Bobrinsky
etc.
de la part de Mr Pouchkine.

Перевод:

Мы получили следующее приглашение от имени графини Бобринской: Г-н и г-жа Пушкины *и ее сестра* и т. д. Отсюда страшное волнение среди моего бабья (как выражается Антикварий В. Скотта[1]): *которая*? Предполагая, что это попросту ошибка,[2] беру на себя смелость обратиться к вам, чтобы вывести нас из затруднения и водворить мир в моем семействе.

Остаюсь с уважением, граф, ваш нижайший и покорнейший слуга

А. Пушкин.

6 января 1835.

Адрес: Графу Бобринскому и пр. от г. Пушкина.

84. П. В. Нащокину

Около (не позднее) 8 января 1835 г. Петербург

Любезный Павел Воинович,

Не можешь вообразить, с каким удовольствием получил я наконец от тебя письмо. Но прежде всего поговорим о деле: Соболевский, с которым имею денежные дела, *немедленно* тебе доставит 2000 р.[1] Следственно будь покоен. Я бы нашел много что тебе сказать в извинение моей несостоятельности, но это по почте писать вещь излишняя; а дай бог, чтоб запоздалые мои деньги пришли к тебе в пору. Поздравляю тебя с дочкою Катериной Павловной; желаю роженице здоровья. (Ты не пишешь, когда она

родила).[2] Все лето рыскал я по России, и нигде тебя не заставал; из Тулы выгнан ты был пожарами;[3] в Москве не застал я тебя неделью; в Торжке никто не мог о тебе мне дать известия. Рад я, Павел Воинович, твоему письму, по которому вижу, что твое удивительное добродушие и умная, терпеливая снисходительность не изменились ни от хлопот новой для тебя жизни, ни от виновности дружбы перед тобою.[4] Когда бы нам с тобой увидиться![5] много бы я тебе наговорил; много скопилось для меня в этот год такого, о чем не худо бы потолковать у тебя на диване, с трубкой в зубах, вдали цыганских бурь[6] и Рахмановских наездов![7] Пиши мне, если можешь, почаще: *На Дворц.‹овой› набер.‹ежной›* в дом Балашева[а] у Прач.‹ешного› мосту (где жил Вяземской), а не к Смирдину, который держит твои письма по целым месяцам, а иногда, вероятно, их и затеревает. С любопытством взглянул бы я на твою семейственную и деревенскую жизнь. Я знал тебя всегда под бурею и в качке. Какое действие имеет на тебя спокойствие? видал ли ты лошадей, выгруженных на П.‹етер›Б.‹ургск›ой бирже? Они шатаются и не могут ходить. Не то ли и с тобою? О себе говорить я тебе не хочу, потому что не намерен в наперсники брать московскую почту, которая нынешний год делала со мною удивительные свинства;[8] буду писать тебе по оказии. Покамес‹ть›[б] обнимаю тебя от всего сердца ‹и›[в] цалую ручки у твоей роженицы.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Павлу Воиновичу Нащокину etc.
В Москве на Знаменьке против дома Апраксина,
в доме Дорошевича.

85. П. В. Нащокину

20 января 1835 г. Петербург

Посылаю тебе, любезный Павел Воинович, 1500 р., остальные 500 должны были к тебе явиться,[1] но вчера их у меня перехватил заимообразно молодой человек, находящийся в подмазке.[2] Соболезнуя положению, в котором и нам с тобою случалось обретаться, вероятно ты извинишь меня великодушно. Однако пожалуйста пришли мне полный счет моего долга.

Жена кланяется сердечно твоей Вере Александровне; она у M[de] Sichler[а] заказала ей шляпу, которая сегодня же и отправляется в Москву. Жена говорит, что, comme M[de] Нащокин est

---

[а] *Так в подлиннике, вместо* Баташева
[б] *Прорвано.*
[в] *Прорвано.*
[а] Мадам Сихлер.

brune et qu'elle a un beau teint,[б] то выбрала она для нее шляпу такого-то цвета, а не другого.[3] Впрочем, это дело дамское.

Ты видел, вероятно, Пугачева, и надеюсь, что его не купил. Я храню для тебя особый экземпляр. Каково время? Пугачев сделался добрым исправным плательщиком оброка, Емелька Пугачев оброчный мой мужик! Денег он мне принес довольно,[4] но как около двух лет жил я в долг, то ничего и не остается у меня за пазухой, а все идет на расплату. Теперь, обняв тебя от всего сердца и поцаловав ручку Вере Александровне, отправляюсь на почту.

20 янв.
1835.
С. П. Б.

86. А. Х. Бенкендорфу

26 января 1835 г. Петербург

Милостивый государь
граф Александр Христофорович,

Честь имею препроводить к Вашему сиятельству некоторые замечания,[1] которые не могли войти в Историю Пугачевского бунта, но которые могут быть любопытны. Я просил о дозволении представить оные государю императору, и имел счастие получить на то высочайшее соизволение.

При сем осмеливаюсь просить Ваше сиятельство о испрошении важной для меня милости: о высочайшем дозволении прочесть Пугачевское дело, находящееся в архиве.[2] В свободное время я мог бы из оного составить краткую выписку, если не для печати, то по крайней мере для полноты моего труда, без того не совершенного, и для успокоения исторической моей совести.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

26 янв.
1835.
С.П.Б.

[б] Так как госпожа *Нащокина* брюнетка и у нее прекрасный цвет лица.

87. Д. Н. Бантышу-Каменскому

26 января 1835 г. Петербург

Милостивый государь
Дмитрий Николаевич,

С благодарностию отсылаю к Вам статьи, коими по Вашему благорасположению ко мне пользовался я при составлении моей Истории. При них препровождаю и экземпляр Истории самой. Мнение Ваше о ней, во всяком случае, мне драгоценно:[1] похвала от настоящего историка, а не поверхностного рассказчика или переписчика, будет лестна для меня; а из укоризны научуся (чего, знаете вы сами, не дождуся от записных наших критиков).[2]

Прошу Вас взять на себя труд исправить две ошибки,[3] справедливо замеченные в Сыне Отечества: На стран. 129 *был уже в 15 верстах,* должно читать *в 50.* — И в примечании к пятой главе (16) вместо *Тобольск—Табинск.*

С глубочайшим почтением и благодарностию, честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

26 янв.
С.П.Б.

Адрес: Его превосходительству
милостивому государю
Дмитрию Николаевичу
Бантышу-Каменскому
в Москве
в книжную лавку Ширяева.

88. Неизвестной

Январь (?) 1835 г. Петербург

(Черновое)

M‹adame› la C‹omtesse›,

Voici le livre en question. Je vous supplie de ne pas le montrer à qui que ce soit. Si je n'ai pas eu le bonheur de vous l'apporter moi-même — Vous me permettrez de venir au moins le reprendre.

Перевод:

Графиня,

Вот книга, о которой шла речь. Умоляю вас не показывать ее кому бы то ни было. Если я не имел счастья лично принести ее вам, — вы позволите мне по крайней мере зайти за нею.

89. И. И. Дмитриеву

14 февраля 1835 г. Петербург

Милостивый государь Иван Иванович, молодой Карамзин показывал мне письмо[1] вашего высокопревосходительства, в котором укоряете вы меня в невежливости непростительной. Спешу оправдаться: я до сих пор не доставил вам своей дани, потому что поминутно поджидал портрет Емельяна Ивановича, который гравируется в Париже; я хотел поднести вам книгу свою во всей исправности.[2] Не исполнить того было бы с моей стороны не только скупостию, но и неблагодарностию: хроника моя обязана вам яркой и живой страницей,[3] за которую много будет мне прощено самыми строгими читателями.

Вы смеетесь над нашим поколением[4] и, конечно, имеете на то полное право. Не стану заступаться за историков[5] и стихотворцев моего времени; те и другие имели в старину, первые менее шарлатанства и более учености и трудолюбия, вторые более искренности и душевной теплоты. Что касается до выгод денежных, то позвольте заметить, что Карамзин первый у нас показал пример больших оборотов в торговле литературной.[6]

Не знаю, занимает ли вас участь нашей академии,[7] которая недавно лишилась своего секретаря, умершего на щите, то есть на последнем корректурном листе своего словаря.[8] Не известно, кто будет его преемником.[9] Святое место пусто не будет; но место непременного секретаря было довольно пустое, даже не будучи упразднено.

Современник ваш, о котором изволите упоминать в письме к А.‹ндрею› Н.‹иколаевичу› К.‹арамзину›, слава богу, здравствует и продолжает посещать книжную лавку Смирдина ежедневно, а академию по субботам. В лавке забирает он свои сочинения, всё еще нераспроданные, и раздает их в академии своим сочленам с трогательным бескорыстием.[10]

С глубочайшим почтением и преданностию честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою.

Александр Пушкин.

14 февраля
1835.
С. П. Б.

90. В. А. Перовскому

Около (не позднее) 27 февраля 1835 г. Петербург

Посылаю тебе Историю Пугачева[1] в память прогулки нашей в Берды;[2] и еще 3 экземпл.<яра>, Далю, Покотилову и тому охотнику, что вальшнепов сравнивает с Валленштейном или с Кесарем.[3] Жалею, что в П.<етер>Б.<урге> удалось нам встретиться только на бале. До свидания, в степях или над Уралом.

А. П.

Адрес: Его превосходительству
м. г. Василью Алексеевичу
Перовскому
etc.

91. Д. Н. Бантышу-Каменскому

2 апреля 1835 г. Петербург

Милостивый государь
Дмитрий Николаевич,

С крайней досадою узнал я, что давно уже отосланные Ваши бумаги[1] все еще находились в руках того, кому я их поверил.[2] Простите невольное мое прегрешение. Не знаю, получили ли вы Историю Пугачева.[3] Она была мною поручена вместе с Вашими бумагами тому же беспечному комисионеру.

Поручая себя Вашей благосклонности, с глубочайшим почтением и преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

2 апреля
1835.

Адрес: Его превосходительству
милостивому государю
Дмитрию Николаевичу
Б. Каменскому
etc. etc.

92. В. Ф. Одоевскому

Начало (до 11) апреля 1835 г. Петербург

За кого вы меня принимаете? Я слышал раз Дурака в Москве, и больше не буду.[1] Его надо слушать, однако, чтобы порядком побранить в [Review] [a] Летописце. Итак, подпишитесь, князь! извольте заплатить, Ваше сиятельство — стерпится слюбится. Не скупитесь. — А когда-то нам свидеться?

А. П.

93. А. Х. Бенкендорфу

Около (не позднее) 11 апреля 1835 г. Петербург

(Черновое)

J'ose soumettre à la décision de Votre Excell<ence>

En 1832 S.<a> M.<ajesté> a daigné m'accorder la permission d'être l'éditeur d'un journal politique et littéraire.[1]

Ce métier n'est pas le mien et me répugne sous bien des rapports, mais les circonstances m'obligent d'avoir recours à un moyen dont jusqu'à présent j'ai cru pouvoir me passer. Je demeure à P.<éters> b.<ourg> où grâce à S.<a> M.<ajesté> je puis me livrer à des occupations plus importantes et plus à mon goût, mais la vie que j'y mène entraînant à des dépenses, et les affaires de famille étant très dérangées, je me vois dans la nécessité soit de quitter des travaux historiques[2] qui me sont devenus chers, soit d'avoir recours aux bontés de l'E.<mpereur> auquelles je n'ai d'autres droits que les bienfaits dont il m'a déjà accablé.

Un journal m'offre le moyen de demeurer à P.<étersbourg> et de faire face à des engagements sacrés. Je voudrais donc être l'éditeur d'une gazette en tout pareille à la Сев.<ерная> Пчела,[3] et quant aux articles purement littéraires (comme critiques de longue haleine, contes, nouvelles, poëmes etc.), qui ne peuvent trouver place dans un feuilleton, je voudrais les publier à part, un volume tous les 3 mois dans le genre des Review Anglaises.[4]

Je vous demande pardon, mais je suis obligé de tout vous dire. J'ai eu le malheur de m'attirer l'inimitié de M^r le ministre de l'Instr.<uction> publ.<ique>, ainsi que celle de M^r le P.<rince> D.<ondoukof>, né Kors.<akof>.[5] Déjà tous les deux me l'ont fait sentir d'une manière assez désagréable. En entrant dans une carrière, où je vais dépendre d'eux, je serai perdu sans votre protection immédiate. J'ose donc vous supplier d'accorder à mon journal un censeur tiré de votre chancellerie; cela m'est d'autant plus indispensable que mon journal devant paraître en même temps que la Се.<верная>

---

[a] Обозрении *(англ.)*.

Пч.<ела>, je dois avoir le temps de traduire les mêmes articles sous peine d'être obligé de réimprimer le lendemain les nouvelles publiées la veille, ce qui suffirait déjà pour ruiner toute l'entreprise.

Перевод:

Осмеливаюсь представить на разрешение вашего сиятельства.

В 1832 г. его величество соизволил разрешить мне быть издателем политической и литературной газеты.[1]

Ремесло это не мое и неприятно мне во многих отношениях, но обстоятельства заставляют меня прибегнуть к средству, без которого я до сего времени надеялся обойтись. Я проживаю в Петербурге, где благодаря его величеству могу предаваться занятиям более важным и более отвечающим моему вкусу, но жизнь, которую я здесь веду, вызывает расходы, а дела семьи крайне расстроены, и я оказываюсь в необходимости либо оставить исторические труды,[2] которые стали мне дороги, либо прибегнуть к щедротам государя, на которые я не имею никаких других прав, кроме тех благодеяний, коими он меня уже осыпал.

Газета мне дает возможность жить в Петербурге и выполнять священные обязательства. Итак, я хотел бы быть издателем газеты, во всем сходной с *Северной Пчелой*;[3] что же касается статей чисто литературных (как-то: пространных критик, повестей, рассказов, поэм и т. п.), которые не могут найти место в фельетоне, то я хотел бы издавать их особо, один том каждые 3 месяца, по образцу английских Review.[a, 4]

Прошу извинения, но я вынужден сказать вам все. Я имел несчастье навлечь на себя неприязнь г. министра народного просвещения, так же как князя Дондукова, урожденного Корсакова.[5] Оба уже дали мне ее почувствовать довольно неприятным образом. Вступая на поприще, где я буду вполне от них зависеть, я пропаду без вашего непосредственного покровительства. Поэтому осмеливаюсь умолять вас назначить моей газете цензора из вашей канцелярии; это мне тем более необходимо, что моя газета должна выходить одновременно с *Северной Пчелой* и я должен иметь время для перевода тех же сообщений — иначе я буду принужден перепечатывать новости, опубликованные накануне; этого одного будет довольно, чтобы погубить все предприятие.

94. А. Х. Бенкендорфу

11 апреля 1835 г. Петербург

Милостивый государь,
граф Александр Христофорович,

Пользуясь драгоценным своим правом, имею счастие повергнуть на рассмотрение его величества сочинение, которое весьма желал бы я напечатать, по причинам, объясненным в предисловии.[1]

---

[a] Обозрений (*англ.*).

Ободренный вниманием, коего Вы всегда изволили меня удостоивать, осмеливаюсь просить Ваше сиятельство о дозволении объяснить Вам лично обстоятельство, собственно до меня касающееся.[2]

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейшим слугою
Александр Пушкин.

11 апреля
1835.
С. П. Б.

95. П. А. Катенину

20 апреля 1835 г. Петербург

(Отрывок)

Виноват я перед тобою, что так долго не отвечал на твое письмо.[1] Дело в том, что нечего мне было тебе хорошего отвечать. Твой Сонет чрезвычайно хорош, но я не мог его напечатать.[2] Ныне цензура стала так же своенравна и бестолкова, как во времена блаженного Красовского и Бирукова: пропускает такие вещи, за которые по делом ей голову моют, а потом с испугу уже ничего не пропускает.[3] Довольно передпоследнего стиха, чтоб возмутить весь цензурный комитет против твоего Сонета.

96. Л. С. Пушкину

23—24 апреля 1835 г. Петербург

J'ai tardé à vous répondre parce que je n'avais pas grand'chose à vous dire.[1] Depuis que j'ai eu la faiblesse de prendre en main les affaires de mon père, je n'ai pas touché 500 r. de revenus; et quant à l'emprunt des 13 000, il est déjà dépensé.[2] Voici le compte qui vous regarde:[3]

à Engelhardt		1330	
à la restauration		260	
à Dumé		220	(pour le vin)
à Pavlichtchef		837	
au tailleur		390	
à Plechtchéef		1500	
De plus vous avez reçu	en assign.⟨ats⟩	280	
(août 1834)	en or	950	
		5767	

Votre [de] lettre de change (10 000) a été rachetée.[4] Outre le loyer, la table et le tailleur qui ne vous ont rien coutés, vous avez donc reçu 1230 r.

Comme ma mère a été très mal, je garde encore les affaires malgré mille dégouts. Je compte les rendre au premier moment. Je tâcherai alors de vous faire avoir votre part des terres et des paysans.[5] Il est probable qu'alors vous vous occuperez de vos affaires et que vous perdrez de votre indolence et de la facilité avec laquelle vous vous laissez aller à vivre au jour la journée. [De ce moment adressez-vous à vos parents]. Je n'ai pas payé vos petites dettes de jeu, car je ne suis pas allé chercher vos compagnons — c'était eux qu'il fallait m'adresser.

Адрес: Его благородию
м.<илостивому> г.<осударю> Льву Сергеевичу Пушкину
в Тифлис.

Перевод:

Я медлил с ответом тебе, потому что не мог сообщить ничего существенного.[1] С тех пор, как я имел слабость взять в свои руки дела отца, я не получил и 500 р. дохода; что же до займа в 13 000, то он уже истрачен.[2] Вот счет, который тебя касается: [3]

Энгельгардту	1330	
в ресторацию	260	
Дюме	220	(за вино)
Павлищеву	837	
портному	390	
Плещееву	1500	
Сверх того ты получил: ассигнациями . . .	280	
(в августе 1834 г.) золотом	950	
	5767	

Твое заемное письмо (10 000) было выкуплено.[4] Следовательно, не считая квартиры, стола и портного, которые тебе ничего не стоили, ты получил 1230 р.

Так как матери было очень худо, я все еще веду дела, несмотря на сильнейшее отвращение. Рассчитываю сдать их при первом удобном случае. Постараюсь тогда, чтобы ты получил свою долю земли и крестьян.[5] Быть может, тогда ты займешься своими делами и потеряешь хоть отчасти свою беспечность и ту легкость, с которой ты позволяешь себе жить изо дня в день. [С этого времени обращайся к родителям]. Я не уплатил твоих мелких карточных долгов, потому что не трудился разыскивать твоих приятелей — это их следовало направить ко мне.

97. И. И. Дмитриеву

26 апреля 1835 г. Петербург

Милостивый государь Иван Иванович, приношу искреннюю мою благодарность вашему высокопревосходительству за ласковое слово и за утешительное ободрение моему историческому отрывку.[1] Его побранивают, и по делом:[2] я писал его для себя, не думая, чтоб мог напечатать, и старался только об одном ясном изложении происшествий, довольно запутанных. Читатели любят анекдоты, черты местности и пр.; а я все это отбросил в примечания.[3] Что касается до тех мыслителей, которые негодуют на меня за то, что Пугачев представлен у меня Емелькою Пугачевым, а не Байроновым Ларою,[4] то охотно отсылаю их к г. Полевому, который, вероятно, за сходную цену возмется идеализировать это лицо по самому последнему фасону.[5]

Вы спрашиваете, кто секретарь у нас в академии? Кажется, еще не решено. Улисс Лобанов и Аякс Федоров спорят об оружии Ахилесса.[6] Но оно достанется чуть ли не Языкову-Нестору (по крайней мере, издателю Нестора).[7] Вы пророк в отечествии своем.[8]

На академии наши нашел черный год: едва в Российской почил Соколов, как в академии наук явился вице-президентом <Дондуков-Корсаков.[9] Уваров> фокусник, а <Дондуков-Корсаков> его паяс. Кто-то сказал, что куда один, туда и другой; один кувыркается на канате, а другой — под ним на полу.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию, честь имею быть, вашего высокопревосходительства, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою. Александр Пушкин.

26 апреля
1835.
С. П. Б.

98. И. М. Пеньковскому

1 мая 1835 г. Петербург

Все ваши распоряжения и предположения одобряю в полной мере.[1] В июне думаю быть у Вас.[2] Дела мои в П.<етер>Б.<урге> приняли было худой оборот, но надеюсь их поправить. По условию с батюшкой, доходы с Кистенева отныне определены исключительно на брата Льва Сергеевича и на сестру Ольгу Сергеевну. Следственно все доходы с моей части отправлять, куда потребует сестра или муж ее Ник.<олай> Ив.<анович> Павлищев; а доходы с другой половины (кроме процентов, следующих в ломбард) от-

правлять ко Л.<ьву> С.<ергеевичу>, куда он прикажет. Болдино останется для батюшки.[3]

На днях буду писать вам обстоятельнее.

А. Пушкин.

1 мая.

Адрес: В Нижегородскую губернию в Арзамасской уезд в село Абрамово, оттуда в с. Болдино, управителю г. Пеньковскому.

99. Л. С. Пушкину

2 мая 1835 г. Петербург

Отец согласен дать тебе в полное управление половину Кистенева. Свою часть уступаю сестре (т. е. одни доходы). Я писал о том уже управителю. У тебя будет чистого доходу около 2000 р. — Советую тебе предоставить платеж процентов управляющему — а самому получать только эту сумму. 2000 немного, но все же можно ими жить. Мать у нас умирала; теперь ей легче, по не совсем. Не думаю, чтоб она долго могла жить.[1]

А. П.

2 мая

Адрес: Его благородию м. г.
Льву Сергеевичу Пушкину
в Тифлис.

100. Н. И. Павлищеву

2 мая 1835 г. Петербург

Милостивый государь
Николай Иванович,

Я вам долго не отвечал, потому что ничего утвердительного не мог написать. Отвечаю сегодня на оба Ваши письма:[1] вы правы почти во всем, а в чем не правы, о том нечего толковать. Поговорим о деле. Вы требуете сестрину, законную часть; Вы знаете наши семейственные обстоятельства; вы знаете, как трудно у нас приступать к чему-нибудь дельному или деловому. Отложим это до другого времени. Вот распоряжения, которые на днях предложил я батюшке, и на которые он, слава богу, согласен. Он Л.<ьву> С.<ергеевич>у отдает половину Кистенева; свою половину уступаю сестре (т. е. доходы), с тем, чтоб она получала доходы и платила проценты в ломбард: я писал о том уже управителю. Батюшке остается Болдино.[2] С моей стороны это, конечно, не пожертвование, ни одолжение, а расчет для будущего. У меня у самого семейство и дела мои не в хорошем состоянии. Думаю оставить П.<етер>Б.<ург> и ехать в деревню, если только этим не навлеку на себя неудовольствия.

За фермуар и за булавку дают 850 руб. Как прика́жите?[3] Не худо было бы Вам приехать в П.<етер>Б.<ург>, но об этом успеем списаться.

Я до сих пор еще управляю имением, но думаю к июню сдать его.[4] Матушке легче, но ей совсем не так хорошо, как она думает; лекаря не надеются на совершенное выздоровление.

Сердечно кланяюсь Вам и сестре.

А. Пушкин.

2 мая.

101. П. А. Осиповой[a]

Около (не позднее) 3 мая 1835 г. Петербург

Адрес: Ее высокородию
м. г. Прасковье Александровне Осиповой
в Остров

102. Н. И. Гончаровой

16 мая 1835 г. Петербург

Милостивая государыня матушка
Наталья Ивановна,

Имею счастие поздравить Вас со внуком Григорьем[1] и поручить его Вашему благорасположению. Наталья Николаевна родила его благополучно, но мучилась долее обыкновенного — и теперь не совсем в хорошем положении — хотя, слава богу, опасности нет никакой. Она родила в мое отсутствие, я принужден был по своим делам съездить во Псковскую деревню[2] и возвратился на другой день ее родов. Приезд мой ее встревожил, и вчера она пространа; сегодня ей легче. Она поручила мне испросить Вашего благословения ей и новорожденному.

Вчера получен от Вас ящик с шляпою и с запискою, которую я жене не показал, чтоб ее не огорчить в ее положении. Кажется, она не удовлетворительно исполнила вашу комиссию, а по записки она могла бы заключить, что Вы на нее прогневались.

Цалую ручки Ваши и имею счастие быть с глубочайшим почтением и душевной преданностию

Вашим покорнейшим
слугою и зятем
А. Пушкин.

Адрес: Ее Высокоблагородию
м. г. Натальи Ивановне Гончаровой
[в Москв] В Волоколамск.

Другой рукой: в с. Ярополиц.

[a] *Самое письмо утрачено, сохранился лишь конверт с адресом.*

103. С. С. Хлюстину

25 мая 1835 (?) г. Петербург

Je vous supplie de m'excuser. Il me sera impossible de venir dîner chez vous. Ma femme s'est tout à coup trouvée très mal. Veuillez de grâce m'envoyer l'adresse de Monsieur de Circourt.

t.<out> à V.<ous>

Pouchkine.

25 mai.

Адрес: Monsieur
Mr Klustine etc.

Перевод:

Очень прошу вас извинить меня. Мне невозможно будет отобедать у вас. Жена вдруг почувствовала себя очень плохо. Будьте добры сообщить мне адрес господина Сиркура.

Весь ваш Пушкин.

25 мая.

Адрес: Милостивому государю господину Хлюстину и проч.

104. М. П. Погодину

Май (после 15 ?) 1835 г. Петербург

(Черновое)

Милостивый государь
Михайло Петрович,

Сей час получил я последнюю книжку Библиотеки д<ля> Ч<тения>, и увидел там какую-то повесть с подписью *Белкин* — и встретил Ваше имя.[1] Как я читать ее не буду, то спешу Вам объявить, что этот Белкин не мой Белкин и что за его нелепости я не отвечаю.

Это письмо доставит Вам г.<осподин> С.<емен>, издатель *Живописного Ежегодника.* Он собирается описать Москву,[2] отсылаю его к ее любовнику.

Скажите Наблюдателям, чтоб они были немножко аккуратнее в доставлении.[3]

105. А. Х. Бенкендорфу

Вторая половина апреля—май 1835 г. Петербург

(Вторая черновая редакция)

En demandant la permission d'être l'éditeur d'une gazette [litt.<éraire> et pol.<itique>] je sentais moi-même tous les inconvénients de cette entreprise. Je m'y voyais forcé par de tristes circonstances. Ni moi, ni ma femme nous n'avons encore notre fortune; celle de

mon père est si dérangée que j'ai été obligé d'en prendre la direction pour assurer un avenir au reste de ma famille. Je ne voulais devenir journaliste que pour ne pas me reprocher d'avoir négligé un moyen qui me donnant 40 000 de revenu me mettait hors d'embarras. Mon projet n'ayant pas eu l'agrément de S.<a> M.<ajesté>, j'avoue que me voilà soulagé d'un grand poids. Mais aussi je me vois obligé d'avoir recours aux bontés de l'Empereur qui maintenant est mon seul espoir. Je vous dem.<ande> la permission M^{r} le C.<omte> de vous exposer ma situation et de remettre ma requête en votre protection.

Pour payer toutes mes dettes et pouvoir vivre, arranger les affaires de ma famille et être enfin libre de me livrer sans tracas à mes travaux h<istoriques> et à mes occupations, il me suffit de trouver à faire un emprunt de 100 000. Mais en Russie c'est impossible.

L'Emp<ereur>, qui jusqu'à présent ne s'est pas lassé de me combler de grâce, mais qu'il m'est pénible <...> en daignant me prendre à son service m'a fait la grâce de me fixer 5000 d'ap.<pointements>. Cette somme représente les intérêts d'un capital de 125 000. Si, au lieu de mes appointements, S.<a> M.<ajesté> me faisait la grâce de m'en donner le capital en *emprunt* pour 10 ans et sans intérêts — [je serais parfaitement heureux et tranquille].

Перевод:

Испрашивая разрешение стать издателем [литературной и политической] газеты, я сам чувствовал все неудобства этого предприятия. Я был к тому вынужден печальными обстоятельствами. Ни у меня, ни у жены моей нет еще состояния; дела моего отца так расстроены, что я вынужден был взять на себя управление ими, дабы обеспечить будущность хотя бы остальной моей семьи. Я хотел стать журналистом для того лишь, чтобы не упрекать себя в том, что пренебрегаю средством, которое, давая мне 40 000 дохода, избавило бы меня от затруднений. Теперь, когда проект мой не получил одобрения его величества, я признаюсь, что с меня снято тяжелое бремя. Но зато я вижу себя вынужденным прибегнуть к щедротам государя, который теперь является моей единственной надеждой. Я прошу у вас позволения, граф, описать вам мое положение и поручить мое ходатайство вашему покровительству.

Чтобы уплатить все мои долги и иметь возможность жить, устроить дела моей семьи и наконец без помех и хлопот предаться своим историческим работам и своим занятиям, мне было бы достаточно получить взаймы 100 000 р. Но в России это невозможно. Государь, который до сих пор не переставал осыпать меня милостями, но к которому мне тягостно <...>, соизволив принять меня на службу, милостиво назначил мне 5000 р. жалованья. Эта сумма представляет собой проценты с капитала в 125 000. Если бы вместо жалованья его величество соблаговолил дать мне этот капитал в виде *займа* на 10 лет и без процентов, — [я был бы совершенно счастлив и спокоен].

106. А. Х. Бенкендорфу

1 июня 1835 г. Петербург

Monsieur le Comte,

Je suis honteux d'importuner toujours Votre Excellence, mais l'indulgence et l'intérêt que Vous avez toujours daigné me témoigner seront l'excuse de mon indiscrétion.

Je n'ai pas de fortune; ni moi, ni ma femme n'avons encore la part qui doit nous revenir. Jusqu'à présent je n'ai vécu que des fruits de mon travail. Mon revenu fixe, ce sont les appointements que l'Empereur a daigné m'accorder. Travailler pour vivre n'a pour moi, certes, rien d'humiliant; mais accoutumé à l'indépendance, il m'est tout-à-fait impossible d'écrire pour de l'argent; et l'idée seule suffit pour me réduire à l'inaction. La vie de Pétersbourg est horriblement chère. Jusqu'à présent j'ai envisagé avec assez d'indifférence les dépenses que j'ai été obligé de faire, un journal politique et littéraire, entreprise purement mercantile, me donnant tout de suite les moyens d'avoir 30 à 40 000 de revenu. Cependant cette besogne me répugnait tellement, que je n'ai songé à y avoir recours qu'à la dernière extrémité.[1]

Je me vois dans la nécessité de couper court à des dépenses qui ne m'entraînent qu'à faire des dettes et qui me préparent un avenir d'inquiétude et d'embarras, sinon de misère et de désespoir. Trois ou quatre ans de retraite à la campagne, me mettront de nouveau dans la possibilité de venir reprendre à Pétersbourg des occupations que je dois encore aux bontés de Sa Majesté.[2]

J'ai été comblé des bienfaits de l'Empereur, je serais au désespoir que Sa Majesté put supposer dans mon désir de m'éloigner de P.‹éters›b.‹our›g un [a] autre motif que celui d'une absolue nécessité.[3] Le moindre signe de mécontentement ou de soupçon, suffirait pour me retenir dans la position où je me trouve, car enfin j'aime mieux être gêné dans mes affaires, que perdu dans l'opinion de celui qui a été mon bienfaiteur, non comme Souverain, non par devoir et par justice, mais par un libre sentiment de bienveillance noble et généreuse.

C'est en remettant mon sort entre vos mains, que j'ai l'honneur d'être avec le respect le plus profond,

Monsieur le Comte,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkine.

1 juin
S[t]P.b.

---

[a] *В подлиннике описка:* une

Перевод:

Граф,

Мне совестно постоянно надоедать вашему сиятельству, но снисходительность и участие, которые вы всегда ко мне проявляли, послужат извинением моей нескромности.

У меня нет состояния; ни я, ни моя жена не получили еще той части, которая должна нам достаться. До сих пор я жил только своим трудом. Мой постоянный доход — это жалованье, которое государь соизволил мне назначить. В работе ради хлеба насущного, конечно, нет ничего для меня унизительного; но, привыкнув к независимости, я совершенно не умею писать ради денег; и одна мысль об этом приводит меня в полное бездействие. Жизнь в Петербурге ужасающе дорога. До сих пор я довольно равнодушно смотрел на расходы, которые я вынужден был делать, так как политическая и литературная газета — предприятие чисто торговое — сразу дала бы мне способ получить от 30 до 40 тысяч дохода. Однако дело это внушало мне такое отвращение, что я намеревался взяться за него лишь при последней крайности.[1]

Ныне я поставлен в необходимость покончить с расходами, которые лишь вовлекают меня в долги и готовят мне в будущем только тревоги и хлопоты, а может быть — нищету и отчаяние. Три или четыре года уединенной жизни в деревне снова дадут мне возможность по возвращении в Петербург возобновить занятия, которыми я еще обязан милостям его величества.[2]

Я был осыпан благодеяниями государя, я был бы в отчаяньи, если бы его величество заподозрил в моем желании удалиться из Петербурга какое-либо другое побуждение, кроме совершенной необходимости.[3] Малейшего признака неудовольствия или подозрения было бы достаточно, чтобы удержать меня в теперешнем моем положении, ибо, в конце концов, я предпочитаю быть стесненным в моих делах, чем потерять во мнении того, кто был моим благодетелем не как государь, не по долгу и справедливости, но по свободному чувству благожелательности возвышенной и великодушной.

Вручая судьбу мою в ваши руки, честь имею быть с глубочайшим уважением, граф, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

1 июня. С. П. Б.

107. Н. И. Павлищеву

3 июня 1835 г. Петербург

Милостивый государь
Николай Иванович,

Вы желаете знать, что такое состояние батюшки; посылаю Вам о том ведомость.

В селе Болдине душ по 7-ой ревизии 564.

В сельце Кистеневе (Тимашеве тож) 476.

Покойный Вас.<илий> Льв.<ович> владел *другой половиною Болдина*, в коей было также около 600 душ. Эта часть продана, спустя 3 года после отречения от наследства самого наследника.[1] Я не мог взять на себя долги покойника, потому что уж и без того был стеснен; а брат Л.<ев> С.<ергеевич> кажется не мог бы о том и подумать, ибо на первый случай надобно было бы уплатить по крайней мере 60 000. Жаль, что вы в то время не снеслись со мною; кабы я мог думать, что Вы примите на себя управление этим имением, я бы мог от него не отступиться.

Вы хотите иметь доверенность на управление части Кистенева, коего доходы уступаю сестре: с охотою; напишите мне только: переслать ли Вам оную, или сами Вы за нею приедете.[2] Переговорить обо всем не худо было б.

Весь ваш
А. Пушкин.

3 июня
1835.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Николаю Ивановичу Павлищеву
etc. etc.
в Варшаву,
Г. помощнику статс-секретаря.

108. В. А. Дурову

16 июня 1835 г. Петербург

Милостивый государь
Василий Андреевич,

Искренне обрадовался я, получа письмо Ваше, напомнившее мне старое, любезное знакомство, и спешу Вам отвечать.[1] Если автор Записок согласится поручить их мне, то с охотою берусь хлопотать об их издании. Если думает он их продать в рукописи, то пусть назначит сам им цену. Если книгопродавцы не согласятся, то, вероятно, я их куплю. За успех, кажется, можно ручаться. Судьба автора так любопытна, так известна и так таинственна, что разрешение загадки должно произвести сильное, общее впечатление. Что касается до слога, то чем он проще, тем будет лучше. Главное: истина, искренность. Предмет сам по себе так занимателен, что никаких украшений не требует. Они даже повредили бы ему.

Поздравляю Вас с новым образом жизни;[2] жалею, что изо ста тысячей способов достать 100 000 рублей ни один еще Вами

с успехом, кажется, не употреблен.[3] Но деньги [будут] — дело наживное. Главное, были бы мы живы.

Прощайте — с нетерпением ожидаю ответа.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию, честь имею быть,

милостивый государь,
Ваш
покорнейший слуга
А. Пушкин.

16 июня
1835.
С. П. Б.

На Дворцовой набережной дом Баташева.

109. А. А. Краевскому

18 июня 1835 г. Петербург

Не написал я ничего братии московской.[1] Но сделайте милость: поправьте передпоследний стих в *Туче*

И ветер, *лаская листочки* древес.[2]

Адрес: Его высокоблагородию
милостивому государю
...... г-ну Краевскому[3]
у Обухова моста в доме Сухаревой.

110. А. Х. Бенкендорфу (?)

20-е числа (после 23) мая—июнь 1835 г.

(Черновое)

Vous m'avez permis d'exposer à V.‹otre› Exc.‹ellence› ‹. . .›

Перевод:

Вы позволили мне изложить вашему сиятельству ‹. . .›

111. С. Л. Пушкину

20-е числа (после 23) мая—июнь 1835 г. Петербург

(Черновое)

Votre revenu est de

[22000] *последнее* долгу на имении 176
11800[а] à la maison — 11800
1500 à Léon 1500
1500 à Olga 1500
500 à l'intendant 600[б]
22⟨000⟩ 15400[в]
15200[г]
7000

la dette est de — la dette —
d'arriéré — d'arriéré —
[vous] donc vous avez à payer de plus

Vous avez gagné *1600*

220⟨00⟩ 16000[д] de payé —
15400 2500[е] — de ⟨*нрзб.*⟩
[25] 6600[ж] 2000 devoir⟨?⟩pa⟨yer⟩⟨?⟩

Перевод

Ваш доход равняется
* [22000] *последнее* долгу на имении 176 *
11800[а] в дом — 11800
1500 Льву 1500
1500 Ольге 1500
500 управляющему 600[б]
22⟨000⟩ 15400[в]
15200[г]
7000

долг равняется — долг —
недоимки — недоимки —
[вы] итак вы должны платить больше

Вы выручили *1600*

220⟨00⟩ 16000[д] уплаченных
15400 2500[е] — от ⟨*нрзб.*⟩
[25] 6600[ж] 2000 должно ⟨?⟩ платить ⟨?⟩

а *Переделано из* 12 000
б *Переделано из* 500
в *Переделано из* 15 300
г *Переделано из* 15 000
д *Переделано из* 15 000
е *Переделано из* 2000
ж 6600 *заключено в рамку.*

112. Густаву Нордину

Май—июнь (?) 1835 г. Петербург

Veuillez, Monsieur, recevoir mes très sincères remerciements pour votre aimable contre-bande.[1] Me pardonnerez-vous de vous importuner encore? Il me serait bien nécessaire d'avoir l'ouvrage sur l'Allemagne[2] de ce mauvais sujet de Heine.[3] Oserai-je espérer que vous aurez la bonté de le faire prendre aussi?[4]

Agréez, Monsieur, l'assurance de ma haute considération.

A. Pouchkine.

Адрес:

Monsieur
Monsieur le Chamb‹ellan› Nordin
etc. etc.
de la part de Mr Pouch‹kine›.[a]

Перевод:

Соблаговолите, милостивый государь, принять мою самую искреннюю благодарность за вашу любезную контрабанду.[1] Простите ли вы меня, если я еще вас затрудню? Мне было бы весьма необходимо иметь книгу о Германии[2] этого негодника Гейне.[3] Смею ли я надеяться, что вы будете так добры, что достанете также и ее?[4]

Примите, милостивый государь, уверение в моем высоком уважении.

А. Пушкин.

Адрес:

Милостивому государю
Господину камергеру Нордину и проч. и проч.
от г-на Пушкина.

113. А. Х. Бенкендорфу

4 июля 1835 г. Петербург

Милостивый государь
граф Александр Христофорович,

Государю угодно было отметить на письме моем к Вашему сиятельству,[1] что не льзя мне будет отправиться на несколько лет в деревню иначе, как взяв отставку. Предаю совершенно судьбу

---

a *Последние шесть слов написаны не Пушкиным.*

мою в царскую волю, и желаю только, чтоб решение его величества не было для меня знаком немилости и чтоб вход в архивы, когда обстоятельства позволят мне оставаться в Петербурге, не был мне запрещен.[2]

С глубочайшим почтением, преданностию и благодарностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

4 июля
1835.
С. П. Б.

114. Н. И. Гончаровой

14 июля 1835 г. Петербург

Милостивая государыня матушка
Наталия Ивановна,

Искренно благодарю Вас за подарок, который изволили Вы пожаловать моему новорожденному[1] и который пришел очень к стати. Мы ждали Дмитрия Николаевича[2] на крестины,[3] но не дождались. Он пишет, что дела задержали его, а что его предположения касательно графини N. не исполнились.[4] Кажется он не в отчаянии. Жену я, по вашему препоручению, поцаловал как можно нежнее; она цалует Ваши ручки и сбирается к Вам писать. Мы живем теперь на даче, на Черной речке,[5] а отселе думаем ехать в деревню и даже на несколько лет: того требуют обстоятельства. Впрочем, ожидаю решения судьбы моей от государя,[6] который очень был ко мне милостив, и коего воля будет для меня законом.

Обращаюсь к Вам с просьбою и с домашними объяснениями: до сих пор главные наши хлопоты состоят в том, что не можем сладить с поварами, которые в Петербурге избалованы и дороги непомерно. Если в Ярополице есть у Вас какой-нибудь ненужный Вам повар (только был бы хорошего, честного и не-развратного поведения), то Вы бы сделали нам истинное благодеяние, отправя его к нам — особенно в случае нашего отъезда в деревню. Простите меня, что я без церемонии и прямо к Вам обращаюсь — надеясь на Вашу снисходительность и благосклонность.

Жена, дети и свояченицы[7] — все, слава богу, у меня здоровы — и цалуют Ваши ручки. Маша[8] просится на бал и говорит,

что она танцовать уже выучилась у собачек. Видите, как у нас скоро спеют; того и гляди будет невеста.

С глубочайшим почтением и преданностию имею счастие быть,

милостивая государыня матушка,

Вашим покорнейшим слугою и зятем[a]

А. Пушкин.

14 июля

115. А. Х. Бенкендорфу

22 июля 1835 г. Петербург

Monsieur le Comte,

J'ai eu l'honneur de me présenter à la porte de Votre Excellence, sans avoir eu le bonheur de La trouver chez Elle.

Accablé des bontés de Sa Majesté, c'est à Vous, Monsieur le Comte, que je viens m'adresser pour vous rendre grâce de l'intérêt que Vous avez bien voulu me témoigner et pour vous exposer franchement ma situation.

Pendant les cinq dernières années de mon séjour à Pétersbourg j'ai contracté près de soixante mille roubles de dettes.[1] J'ai été de plus obligé de prendre en mains les affaire de ma famille,[2] cela m'a si fort embarassé, que j'ai été obligé de renoncer à un héritage[3] et que les seuls moyens que j'eus de mettre ordre à mes affaires, étaient — ou de me retirer à la campagne — ou bien d'emprunter, une fois pour toutes, une forte somme d'argent. Mais ce dernier parti est presqu'impossible en Russie, où la loi accorde au créancier une trop faible garantie, et où les emprunts sont presque toujours des dettes entre amis et sur parole.

La reconnaissance n'est pas pour moi un sentiment pénible; et certes, mon dévouement à la personne de l'Empereur, n'est troublé par aucune arrière pensée de honte ou de remords; mais je ne puis me dissimuler que je n'ai absolument aucun droit aux bienfaits de Sa Majesté et qu'il m'est impossible de rien demander.

C'est donc à Vous, Monsieur le Comte, que je remets encore une fois à décider de mon sort, et c'est en vous suppliant d'agréer l'hommage de ma haute considération, que j'ai l'honneur d'être avec respect et reconnaissance,

Monsieur le Comte,

de Votre Excellence

le très humble et très obéissant

serviteur

Alexandre Pouchkine.

22 juillet

1835.

St. Pétersbourg.

---

[a] *Переделано из* тестем

Перевод:

Граф,

Я имел честь явиться к вашему сиятельству, но, к несчастью, не застал вас дома.

Осыпанный милостями его величества, к вам, граф, должен я обратиться, чтобы поблагодарить за участие, которое вам было угодно проявлять ко мне, и чтобы откровенно объяснить мое положение.

В течение последних пяти лет моего проживания в Петербурге я задолжал около шестидесяти тысяч рублей.[1] Кроме того, я был вынужден взять в свои руки дела моей семьи;[2] это вовлекло меня в такие затруднения, что я был принужден отказаться от наследства,[3] и единственными средствами привести в порядок мои дела были: либо удалиться в деревню, либо единовременно занять крупную сумму денег. Но последний исход почти невозможен в России, где закон предоставляет слишком слабое обеспечение заимодавцу и где займы суть почти всегда долги между друзьями и на слово.

Благодарность для меня чувство не тягостное; и, конечно, моя преданность особе государя не смущена никакой задней мыслью стыда или угрызений совести; но не могу скрыть от себя, что я не имею решительно никакого права на благодеяния его величества и что мне невозможно просить чего-либо.

Итак, вам, граф, еще раз вверяю решение моей участи и, прося вас принять уверение в моем высоком уважении, имею честь быть с почтением и признательностью, граф, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга.

Александр Пушкин.

22 июля 1835. С.-Петербург.

116. В. Д. Вольховскому

22 июля 1835 г. Петербург

Обращаюсь к тебе, почтенный мой Владимир Дмитриевич, с дружеской и покорнейшей просьбою: граф Забела едет служить в Грузию под твоим начальством.[1] Друзья и родственники просят для него твоего покровительства и благорасположения, которое и необходимо ему в его положении.[2] Знаю, что мое предстательство в этом случае совершенно лишнее; но я радуюсь случаю издали напомнить тебе о старом, лицейском товарище, искренно тебе преданном.

Посылаю тебе последнее мое сочинение, Историю Пугачевского Бунта. Я старался в нем исследовать военные тогдашние действия и думал только о ясном их изложении, что стоило мне немалого труда, ибо начальники, действовавшие довольно запутанно, еще запутаннее писали свои донесения, хвастаясь или

оправдываясь равно бестолково.[3] Все это нужно было сличать, поверять etc.; мнение твое касательно моей книги во всех отношениях было бы мне драгоценно.[4]

Будь здрав и счастлив.

А. Пушкин.

22 июля
1835.
С. П. Б.

117. А. Х. Бенкендорфу

26 июля 1835 г. Петербург

Monsieur le Comte,

Il m'en coute au moment où je recois une grâce inattendue [1] d'en demander deux autres, mais je me décide à avoir recours en toute franchise à Celui qui a daigné être ma Providence.

De mes 60 000 de dettes, la moitié sont des dettes d'honneur. Pour les acquitter je me vois dans la nécessité de contracter des dettes usuraires, ce qui redoublera mes embarras, ou bien me mettra dans la nécessité d'avoir de nouveau recours à la générosité de l'Empereur.

Je supplie donc Sa Majesté de me faire une grâce pleine et entière: premièrement, en me donnant la possibilité d'acquitter ces 30 000 roubles; et en second lieu en daignant me permettre de regarder cette somme, comme un emprunt et en faisant, en conséquence, suspendre le payement de mes appointements jusqu'à ce que ma dette soit liquidée.

C'est en me recommendant à votre indulgence, que j'ai l'honneur d'être avec le respect le plus profond et la reconnaissance la plus vive,

Monsieur le Comte,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkine.

26 juillet
1835.
St Pétersbourg.

Перевод:

Граф,

Мне тяжело в ту минуту, когда я получаю неожиданную милость,[1] просить еще о двух других, но я решаюсь прибегнуть со всей откровенностью к тому, кто соизволил быть моим провидением.

Из 60 000 моих долгов половина — долги чести. Чтобы расплатиться с ними, я вижу себя вынужденным занимать у ростовщиков, что усугубит мои затруднения или же поставит меня в необходимость вновь прибегнуть к великодушию государя.

Итак, я умоляю его величество оказать мне милость полную и совершенную: во-первых, дав мне возможность уплатить эти 30 000 рублей и, во-вторых, соизволив разрешить мне смотреть на эту сумму как на заем и приказав, следовательно, приостановить выплату мне жалованья впредь до погашения этого долга.

Поручая себя вашей снисходительности, имею честь быть с глубочайшим уважением и живейшей благодарностью, граф, вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

26 июля 1835. С.-Петербург.

118. А. А. Фукс

15 августа 1835 г. Петербург

15 августа 1835. С. П. Б.

Долго мешкал я доставить вам свою дань,[1] ожидая из Парижа портрета Пугачева; наконец его получил,[2] и спешу препроводить вам мою книгу. Надеясь на вашу снисходительность, я осмелился отправить на ваше имя один экземпляр для доставления г. Рыбушкину, от которого имел честь получить любопытную историю о Казани.[3]

Препоручаю себя драгоценному вашему благорасположению и дружеству почтенного Карла Федоровича (перед которым извиняюсь в неисправности издания моей книги).[4]

С глубочайшим почтением и преданностию честь имею быть <...>

119. Е. П. Люценко

19 августа 1835 г. Петербург

Милостивый государь, Ефим Петрович!

Мне право совестно за хлопоты, по которым ввожу ваше превосходительство.[1] Смирдин не сдержал своего слова; полагаю, в самом деле обстоятельства его запутаны.[2] Печатание вашей поэмы не может стоить 1500 рублей; он ошибается.[3] Отъезд мой в деревню мешает мне взяться самому за это дело.[4] Сейчас писал я барону Корфу, прося его походатайствовать за вас, как за лицеиста.[5] Надеюсь, что с своей стороны сделает он все возможное.

С истинным почтением и совершенной преданностью честь имею быть вашего превосходительства, милостивый государь, покорнейшим слугою.

А. Пушкин.

19 Августа 1835 г.

120. В. А. Поленову

28 августа 1835 г. Петербург

Милостивый государь,
Василий Алексеевич,

Честь имею обратиться к Вашему превосходительству с покорнейшею просьбою.

Государь император изволил мне приказать распечатать дело о Пугачеве для составления Исторической выписки.[1] В осьми связках,[2] доставленных мне из С. П<етербургск>ого Сената, не нашел я главнейшего документа: допроса, снятого с самого Пугачева в следственной Комиссии, учрежденной в Москве.[3] Осмеливаюсь покорнейше просить Ваше превосходительство, дабы приказали снестись о том с А. Ф. Малиновским,[4] которому, вероятно, известно, где находится сей необходимый документ.[5]

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства
покорнейшим слугою
Александр Пушкин.

28 августа
1835.
С. П. Б.

121. В Главное управление цензуры

28 августа 1835 г. Петербург

Честь имею обратиться в Главный Комитет Ценсуры с покорнейшею просьбою о разрешении встретившихся затруднений.

В 1826 году государь император изволил объявить мне, что ему угодно быть самому моим ценсором.[1] В следствие высочайшей воли все, что с тех пор было мною напечатано, достовляемо было мне прямо от его величества из 3-го отделения собственной его канцелярии при подписи одного из чиновников: *С дозволения Правительства.* Таким образом были напечатаны: Цыганы, повесть (1827), 4-ая, 5-ая, 6-ая, 7-ая и 8-ая главы Евгения Онегина,

романа в стихах (1827, 1828, 1831, 1833), Полтава (1829), 2-ая и 3-ая часть Мелких стихотворений, 2-ое, *исправленное* издание поэмы Руслан и Людмила (1828), Граф Нулин (1828), История Пугачевского бунта и проч.

Ныне, по случаю *второго*, *исправленного* издания Анджело,[2] перевода из Шекспира (неисправно и со своевольными поправками напечатанного книгопродавцем Смирдиным), г. попечитель С.<анкт> П.<етер>Б.<ургского> учебного округа изустно объявил мне, что не может более позволить мне печатать моих сочинений, как доселе они печатались, т. е. с надписью чиновника собственной его величества канцелярии.[3] Между тем никакого нового распоряжения не воспоследовало, и таким образом я лишен права печатать свои сочинения, дозволенные самим государем императором.

В прошлом мае месяце государь изволил возвратить мне сочинение мое,[4] дозволив оное напечатать, за исключением собственноручно замеченных мест. Не могу более обратиться для подписи в собственную канцелярию его величества, и принужден утруждать Комитет всеуниженным вопросом: какую новую форму соизволит он предписать мне для представления рукописей моих в типографию?[5]

Титулярный советник Александр
Пушкин.

28 августа
1835.

122. Е. Ф. Канкрину

6 сентября 1835 г. Петербург

Милостивый государь,
граф Егор Францович,

Обращаясь к Вашему сиятельству с покорнейшей просьбою, осмеливаюсь утрудить внимание Ваше предварительным объяснением моего дела.

В следствие домашних обстоятельств принужден я был проситься в отставку, дабы ехать в деревню на несколько лет. Государь император весьма милостиво изволил сказать, что он не хочет отрывать меня от моих исторических трудов, и приказал выдать мне 10 000 рублей, как вспоможение.[1] Этой суммы недостаточно было для поправления моего состояния. Оставаясь в Петербурге, я должен был или час от часу более запутывать мои дела, или прибегать к вспоможениям и к милостям, средству, к которому я не привык, ибо до сих пор был я, слава богу, независим и жил своими трудами.

И так осмелился я просить его величество о двух милостях: 1) о выдаче мне, *вместо вспоможения, взаймы 30 000 рублей, нужных мне в обрез*, для уплаты необходимой; 2) о удержании моего жалования, до уплаты сей суммы. Государю угодно было согласиться на то и на другое.[2]

Но из Государственного Казначейства выдано мне вместо 30 000 р. только 18 000, за вычетом разных процентов и 10 000 (десяти тысяч рублей), выданных мне заимообразно на напечатание одной книги.[3] Таким образом я более чем когда-нибудь нахожусь в стесненном положении, ибо принужден оставаться в Петербурге, с долгами недоплаченными и лишенный 5 000 рублей жалования.

Осмеливаюсь просить Ваше сиятельство о разрешении получить мне с полна сумму, о которой принужден я был просить государя, и о позволении платить проценты с суммы, в 1834 году выданной мне, пока обстоятельства дозволят мне внести оную с полна.

Препоручая себя благорасположению Вашего сиятельства, с глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

6 сентября
1835.

123. Н. Н. Пушкиной

14 сентября 1835 г. Михайловское

Хороши мы с тобой. Я не дал тебе моего адреса, а ты у меня его и не спросила; вот он: в Пск.‹овскую› губ.‹ернию› в Остров, в село Тригорское. Сегодня 14-ое сентября. Вот уж неделя, как я тебя оставил, милый мой друг; а толку в том не вижу.[1] Писать не начинал и не знаю, когда начну. Зато беспрестанно думаю о тебе, и ничего путного не надумаю. Жаль мне, что я тебя с собою не взял. Что у нас за погода! Вот уж три дня, как я только что гуляю то пешком, то верьхом. Эдак я и осень мою прогуляю, и коли бог не пошлет нам порядочных морозов, то возвращусь к тебе не сделав ничего. Пр.‹асковьи› Ал.‹ександровны› еще здесь нет. Она или в деревне у Бегичевой, или во Пскове хлопочет. На днях ожидают ее. Сегодня видел я месяц с левой стороны,[2] и очень о тебе стал беспокоиться. Что наша экспедиция? виделась ли ты с графиней К.‹анкриной›, и что ответ?[3] На всякой случай если нас гонит граф К.‹анкрин›, то у нас остается граф

Юрьев;[4] я адресую тебя к нему. Пиши мне как можно чаще; и пиши все что ты делаешь, чтоб я знал, с кем ты кокетничаешь, где бываешь, хорошо ли себя ведешь, каково сплетничаешь и счастливо ли воюешь с твоей однофамилицей.[а,5] Прощай, душа: цалую ручку у Марьи Александровне и прошу ее быть моею заступницею у тебя. Сашку цалую в его круглый лоб.[6] Благословляю всех вас. Теткам Ази и Коко[7] мой сердечный поклон. Скажи Плетневу, чтоб он написал мне об наших общих делах.[8]

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной.
В С. Петербург, в доме Баташева у Прачечного мосту на Дворцовой набережной.

124. А. И. Беклешовой

14—18 сентября 1835 г. Тригорское

Мой ангел, как мне жаль, что я Вас уже не застал, и как обрадовала меня Евпр.‹аксия› Ник.‹олаевна›, сказав, что вы опять собираетесь приехать в наши края! Приезжайте, ради бога; хоть к 23-му. У меня для вас три короба признаний, объяснений и всякой всячины. Можно будет, на досуге, и влюбиться. Я пишу к Вам, а наискось от меня сидите Вы сами во образе Марии Ивановны.[1] Вы не поверите, как она напоминает прежнее время

И путешествия в Опочку

и прочая.[2] Простите мне мою дружескую болтовню. Цалую ваши ручки.

А. П.

125. Н. Н. Пушкиной

21 сентября 1835 г. Михайловское

Жена моя, вот уже и 21-ое, а я от тебя еще ни строчки не получил. Это меня беспокоит поневоле, хоть я знаю, что ты мой адрес, вероятно, узнала не прежде как 17-го, в Павловске.[1] Не так ли? к тому же и почта из П.‹етер› Б.‹урга› идет только раз в неделю. Однако я все беспокоюсь и ничего не пишу, а время идет. Ты не можешь вообразить, как живо работает воображение, когда сидим одни между четырех стен, или ходим по лесам, когда никто не мешает нам думать, думать до того, что голова закружится. А о чем я думаю? Вот о чем: чем нам жить будет? Отец не оставит мне имения; он его уже вполовину промотал; Ваше имение на волоске от погибели.[2] Царь не позволяет мне ни записаться в помещики, ни в журналисты.[3] Писать книги для денег,

---

а *В подлиннике описка:* однофолицей.

видит бог, не могу. У нас ни гроша верного дохода, а верного расхода 30 000.[4] Все держится на мне, да на тетке.[5] Но ни я, ни тетка не вечны. Что из этого будет, бог знает. Покаместь, грустно. Поцалуй-ка меня, авось горе пройдет. Да лих, губки твои на 400 верст не оттянешь. Сиди да горюй — что прикажешь! Теперь выслушай мой журнал: был я у Вревских третьего дня и там ночевал. Ждали Пр.<асковью> Алекс.<андровну>, но она не бывала. Вревская очень добрая и милая бабенка, но толста как Мефодий, наш Псковский архиерей. И незаметно, что она уж не брюхата; все та же, как когда ты ее видела. Я взял у них Вальтер-Скотта[6] и перечитываю его. Жалею, что не взял с собою английского.[7] К стати: пришли мне, если можно, Essays de M. Montagne[8] — 4 синих книги, на длинных моих полках. Отыщи. Сегодня погода пасмурная. Осень начинается. Авось засяду. Жду Пр.<асковью> Ал.<ександровну>, которая, вероятно, будет сегодня в Тригорское. — Я много хожу, много езжу верьхом, на клячах, которые очень тому рады, ибо им за то дается овес, к которому они не привыкли. Ем я печеный картофель, как маймист,[9] и яица в смятку, как Людвик XVIII. Вот мой обед. Ложусь в 9 часов; встаю в 7. Теперь требую от тебя такого же подробного отчета. Цалую тебя, душа моя, и всех ребят, благословляю вас от сердца. Будьте здоровы. Бель-сёрам[10] поклон. Как надобно сказать: бель серы, иль бель сери? Прощай.

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной
в С. Петербург на Дворцовой Набережной в доме Баташева.

126. Н. Н. Пушкиной

25 сентября 1835 г. Тригорское

Пишу тебе из Тригорского. Что это, женка? вот уж 25-ое, а я все от тебя не имею ни строчки. Это меня сердит и беспокоит. Куда адресуешь ты свои письма? Пиши *Во Псков*, Ее высокородию Пр.<асковье> Ал.<ександровне> Осиповой для доставления А. С. П., известному сочинителю — вот и всё. Так вернее дойдут до меня твои письма, без которых я совершенно одурею. Здорова ли ты, душа моя? и что мои ребятишки? Что дом наш, и как ты им управляешь? Вообрази, что до сих пор не написал я ни строчки; а все потому, что не спокоен. В Михайловском нашел я все по-старому, кроме того, что нет уж в нем няни моей,[1] и что около знакомых старых сосен поднялась, во время моего отсутствия, молодая, сосновая семья,[2] на которую досадно мне смотреть, как иногда досадно мне видеть молодых кавалергардов на балах, на которых уже не пляшу. Но делать нечего; всё кругом меня говорит, что я старею, иногда даже чистым, русским языком. Наприм.<ер> вчера мне встретилась знакомая баба, которой

не мог я не сказать, что она переменилась. А она мне: да и ты, мой кормилец, состарелся да и подурнел.[3] Хотя могу я сказать вместе с покойной няней моей: хорош никогда не был, а молод был. Все это не беда; одна беда: не замечай ты, мой друг, того, что я слишком замечаю. Что ты делаешь, моя красавица, в моем отсутствии? расскажи, что тебя занимает, куда ты ездишь, какие есть новые сплетни, etc. Карамзина и Мещерские, слышал я, приехали.[4] Не забудь сказать им сердечный поклон. В Тригорском стало просторнее, Евпраксея Ник.<олаевна> и Ал.<ександра> Ив.<ановна> замужем, но Пр.<асковья> Ал.<ександровна> всё та же и я очень люблю ее. Веду себя скромно и порядочно. Гуляю пешком и верьхом, читаю романы В.<альтер> Скотта, от которых в восхищении, да охаю о тебе. Прощай, целую тебя крепко, благословляю тебя и ребят. Что Коко и Азя? замужем или еще нет? Скажи, чтоб без моего благословения не шли. Прощай, мой ангел.

127. Н. Н. Пушкиной

29 сентября 1835 г. Михайловское

Душа моя, вчера получил я от тебя два письма; они очень меня огорчили. Чем больна Кат.<ерина> Ив.<ановна>? [1] ты пишешь *ужасно больна*. Следственно есть опасность? с нетерпением ожидаю твой *bulletin*.[а] Все это происходит от нечеловеческого образа ее жизни. Видать ли, чтоб гр.<афиня> Полье вышла наконец за своего принца? [2] Канкрин шутит — а мне не до шуток.[3] Г.<осударь> обещал мне *Газету*, а там запретил; заставляет меня жить в П.<етер> Б.<урге>, а не дает мне способов жить моими трудами.[4] Я теряю время и силы душевные, бросаю за окошки деньги трудовые, и не вижу ничего в будущем. Отец мотает имение без удовольствия, как без расчета; твои теряют свое, от глупости и беспечности покойника Аф.<анасия> Ник.<олаевича>.[5] Что из этого будет? Господь ведает. Пожар твой произошел, вероятно, от оплошности твоих фрейлен,[6] которым без меня житье! слава богу, что дело ограничилось занавесками. Ты мне переслала записку от M[d] Kern; [7] дура вздумала переводить Занда и просит, чтоб я сосводничал ее со Смирдиным. Чорт побери их обоих! Я поручил Ан.<не> Ник<олаевн>е отвечать ей за меня, что если перевод ее будет так же верен, как она сама верный список с M[d] Sand, то успех ее несомнителен, а что со Смирдиным дела я никакого не имею. — Что Плетнев? думает ли он о нашем общем деле? [8] вероятно, нет. Я провожу время очень однообразно. Утром дела не делаю, а так из пустого в порожнее переливаю. Вечером езжу в Тригорское, роюсь в старых книгах да орехи

[а] Бюллетень.

грызу. А ни стихов, ни прозы писать и не думаю.[9] Скажи Сашке, что у меня здесь белые сливы, не чета тем, которые он у тебя крадет, и что я прошу его их со мною покушать. Что Машка? какова дружба ее с маленькой Музика?[10] и каковы ее победы? Пиши мне также новости политические. Я здесь газет не читаю — в Англ.<ийский> Клоб не езжу и Хитрову не вижу.[11] Не знаю, что делается на белом свете. Когда будут цари? и не слышно ли чего про войну и т. под.? Благословляю Вас — будьте здоровы. Цалую тебя. Как твой адрес глуп, так это объедение! В Псковскую губернию в село Михайловское. Ах ты, моя голубушка! а в какой уезд, и не сказано. Да и Михайловских сел, чаю, не одно; а хоть и одно, так кто ж его знает. Экая ветреница! Ты видишь, что я все ворчу: да что делать? не чему радоваться. Пиши мне про тетку — и про мать. Je remercie Vs sœurs,[б] как пишет Нат.<алья> Ив.<ановна>, хоть право не за что.

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной
в С. Петербург у Прачечного мосту на Неве в доме Баташева.

128. Н. Н. Пушкиной

2 октября 1835 г. Михайловское

2 окт.

Милая моя женка, есть у нас здесь кобылка, которая ходит и в упряже и под верхом. Всем хороша, но чуть пугнет ее что на дороге, как она закусит поводья, да и несет верст десять по кочкам да оврагам — и тут уж ничем ее не проймешь, пока не устанет сама.

Получил я, ангел кротости и красоты! письмо твое, где изволишь ты, закусив поводья, лягаться милыми и стройными копытцами, подкованными у M^{de} Katherine. Надеюсь, что теперь ты устала и присмирела. Жду от тебя писем порядочных, где бы я слышал тебя и твой голос — а не брань, мною вовсе не заслуженную, ибо я веду себя как красная девица. Со вчерашнего дня начал я писать (чтобы не сглазить только). Погода у нас портится, кажется осень наступает не на шутку. Авось распишусь.[1] Из сердитого письма твоего заключаю, что К.<атерине> И.<ванов>не лучше; ты бы так бодро не бранилась, если б она была не на шутку больна. Все-таки напиши мне обо всем, и обстоятельно. Что ты про Машу ничего не пишешь? ведь я, хоть Сашка и любимец мой, а всё люблю ее затеи. Я смотрю в окошко и думаю: не худо бы, если вдруг въехала на двор карета — а в карете сидела бы Нат.<алья> Ник.<олаевна>! да нет, мой друг. Сиди себе

б Благодарю ваших сестер.

в П.<етер> Б.<урге>, а я постараюсь уж поторопиться и приехать к тебе прежде сроку. Что Плетнев? [2] что Карамзины, Мещерские? etc. — пиши мне обо всем. Целую тебя и благословляю ребят. —

Адрес: М. г. Натальи Николаевне Пушкиной
в С. Петербург у Прачечного мосту на Неве в доме Баташева.

129. П. А. Плетневу

Около (не позднее) 11 октября 1835 г. Михайловское

Очень обрадовался я, получив от тебя письмо (дельное по твоему обычаю).[1] Постараюсь отвечать по пунктам и обстоятельно: ты получил Путешествие от цензуры; [2] но что решил комитет на мое всеуниженное прошение? [3] Ужели залягает меня осленок Никитенко и забодает бык Дундук? Впрочем, они от меня так легко не отделаются.[4] Спасибо, великое спасибо Гоголю за его Коляску, в ней альманак далеко может уехать; но мое мнение: даром Коляски не брать; а установить ей цену; Гоголю нужны деньги.[5] Ты требуешь имени для альманака: назовем его Арион или Орион; я люблю имена, не имеющие смысла; шуточкам привязаться не к чему. Лангера заставь также нарисовать виньетку без смысла.[6] Были бы цветочки, да лиры, да чаши, да плющ, как на квартере Алекс.<андра> Ив.<ановича> в комедии Гоголя. Это будет очень натурально.[7] В ноябре я бы рад явиться к Вам; тем более, что такой бесплодной осени отроду мне не выдавалось. Пишу, через пень колоду валю. Для вдохновения нужно сердечное спокойствие, а я совсем не спокоен. Ты дурно делаешь, что становишься нерешителен. Я всегда находил, что все тобою придуманное мне удавалось. Начнем альманак с Путешествия, присылай мне корректуру, а я перешлю тебе стихов. Кто будет наш цензор? Радуюсь, что Сенковский промышляет именем Белкина; [8] но нельзя ль (разумеется из-за угла и тихонько, например в М.<осковском> Набл.<юдателе>) объявить, что настоящий Белкин умер и не принимает на свою долю грехов своего омонима? [9] Это бы, право, было не худо.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Петру Александровичу Плетневу.
В С. Петербург у Обухова мосту в доме г-жи Сухоревой башни.[10]

130. А. Х. Бенкендорфу

Октябрь (11—23) 1835 г. Михайловское

(Черновое)

Обращаюсь к В.<ашему> с.<иятельству> с жалобой и покорнейшею просьбою.

По случаю затруднения цензуры [в пропуске] издания одного из моих стихотворений[1] принужден я был во время Ваш.<его> отсут.<ствия> обратиться в Ценсурн.<ый> комитет с просьбой о разрешении встретив.<шегося> недоразумения.[2] Но Комитет не удостоил просьбу мою ответом. Не знаю, чем мог я заслу<жить> таковое небрежение — [может быть, в бумаге моей не соблюдены указные форм<ы>] но ни один из русск.<их> писателей не притеснен более моего.

[Сочинения мои, одобренные государем, остановлены при их появлении] — печатаются с своевольными поправками ценсора, жалобы мои оставлены без внимания. Я не смею печатать мои сочинения — ибо не смею <...>

131. Е. Ф. Канкрину

23 октября 1835 г. Петербург

Милостивый государь,
граф Егор Францович,

Возвратясь из деревни,[1] узнал я, что Ваше сиятельство изволили извещать меня о высочайшем соизволении государя на покорнейшую просьбу, Вам принесенную мною.[2] Приношу Вашему сиятельству искреннюю, глубокую мою благодарность за снисходительное внимание, коим удостоили Вы меня посреди Ваших трудов, и за благосклонное ходатайство, коему обязан я успехом моего дела.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

23 октября
С. Петербург.

132. П. А. Осиповой

Около (не позднее) 26 октября 1835 г. Петербург

Me voici, Madame, arrivé à Pétersbourg.[1] Imaginez-vous que le silence de ma femme provenait de ce qu'elle s'était mis dans la tête d'adresser ses lettres à Опочка. Dieu sait d'où cela lui est venu.

En tout cas je vous supplie d'y envoyer un de nos gens, pour faire dire au maître de poste que je ne suis plus à la campagne et qu'il renvoye tout ce qu'il a à Pétersbourg.

J'ai trouvé ma pauvre mère à l'extrémité, elle était venue de Pavlovsk pour chercher un logement, et elle est tombée subitement en faiblesse chez M^d^ Княжнин, où elle s'était arrêtée. Rauch et Spaski n'ont aucune espérance.[2] Dans cette triste situation j'ai encore le chagrin de voir ma pauvre Natalie en but à la haine du monde. On dit partout qu'il est affreux qu'elle soit si élégante, quand son beau-père et sa belle-mère n'ont pas de quoi manger, et que sa belle-mère se meurt chez des étrangers. Vous savez ce qu'il en est. On ne peut pas dire à la rigueur qu'un homme qui a 1200 paysans soit dans la misère.[3] C'est mon père qui a quelque chose, et c'est moi qui n'ai rien. En tout cas Natalie n'a que faire dans tout cela; c'est moi qui devrait en répondre. Si ma mère s'était venue établir chez moi, Natalie, comme de raison, l'aurait reçue. Mais une maison froide, remplie de marmaille et encombrée de monde n'est guère convenable à une malade.[4] Ma mère est mieux chez elle. Je l'ai trouvée déjà déménagée; [5] mon père est dans un état bien à plaindre. Quant à moi, je fais de la bile, et je suis tout abasourdi.

Croyez m'en, chère Madame Ossipof, la vie toute süsse Gewohnheit qu'elle est, a une amertume qui finit par la rendre dégoutante et c'est un vilain tas de boue que le monde. J'aime mieux Тригорское. Je vous salue de tout mon cœur.

Адрес: Ее высокородию
м. г. Прасковьи Александровне
Осиповой.
Во Псков — оттоле в село Тригорское.

Перевод:

Вот я, сударыня, и прибыл в Петербург.[1] Представьте себе, что молчание моей жены объяснялось тем, что ей взбрело на ум адресовать письма в Опочку. Бог знает, откуда она это взяла. Во всяком случае умоляю вас послать туда кого-нибудь из наших людей сказать почтмейстеру, что меня нет больше в деревне и чтобы он переслал все у него находящееся обратно в Петербург.

Бедную мать мою я застал почти при смерти, она приехала из Павловска искать квартиру и вдруг почувствовала себя дурно у госпожи Княжниной, где остановилась. Раух и Спасский потеряли всякую надежду.[2] В этом печальном положении я еще с огорчением вижу, что бедная моя Натали стала мишенью для ненависти света. Повсюду говорят: это ужасно, что она так наряжается, в то время как ее свекру и свекрови есть нечего и ее свекровь умирает у чужих людей. Вы знаете, как обстоит дело. Нельзя, конечно, сказать, чтобы человек, имеющий

1200 крестьян, был нищим.[3] Стало быть, это у отца моего кое-что есть, а вот у меня нет ничего. Во всяком случае, Натали тут ни при чем, и отвечать за нее должен я. Если бы мать моя решила поселиться у нас, Натали, разумеется, ее бы приняла. Но холодный дом, полный детворы и набитый народом, едва ли годится для больной.[4] Матери моей лучше у себя. Я застал ее уже перебравшейся.[5] Отец мой в положении, всячески достойном жалости. Что до меня, я исхожу желчью и совершенно ошеломлен.

Поверьте мне, дорогая госпожа Осипова, хотя жизнь — и süsse Gewohnheit,[а] однако в ней есть горечь, делающая ее в конце концов отвратительной, а свет — мерзкая куча грязи. *Тригорское* мне милее. Кланяюсь вам от всего сердца.

133. И. И. Лажечникову

3 ноября 1835 г. Петербург

Милостивый государь,
Иван Иванович!

Во-первых, должен я просить у вас прощения за медленность и неисправность свою. Портрет Пугачева получил месяц тому назад,[1] и, возвратясь из деревни, узнал я, что до сих пор экземпляр его Истории вам не доставлен.[2] Возвращаю вам рукопись Рычкова,[3] коей пользовался я по вашей благосклонности.

Позвольте, милостивый государь, благодарить вас теперь за прекрасные романы, которые все мы прочли с такою жадностию и с таким наслаждением. Может быть, в художественном отношении *Ледяной Дом* и выше *Последнего Новика*,[4] но истина историческая в нем не соблюдена,[5] и это со временем, когда дело Волынского[6] будет обнародовано, конечно, повредит вашему созданию;[7] но поэзия останется всегда поэзией, и многие страницы вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык. За Василия Тредьяковского, признаюсь, я готов с вами поспорить.[8] Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей. В деле же Волынского играет он лицо мученика. Его донесение Академии[9] трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать без негодования на его мучителя. О Бироне можно бы также потолковать. Он имел несчастие быть немцем; на него свалили весь ужас царствования Анны, которое было в духе его времени и в нравах народа. Впрочем, он имел великий ум и великие таланты.[10]

Позвольте сделать вам филологический вопрос, коего разрешение для меня важно: в каком смысле упомянули вы слово *хобот* в последнем вашем творении и по какому наречию?[11]

[а] Сладкая привычка (*нем.*).

Препоручая себя вашей благосклонности, честь имею быть с глубочайшим почтением,

милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою
Александр Пушкин.

3 ноября 1835 г.
С. Петербург.

134. П. А. Клейнмихелю

19 ноября 1835 г. Петербург

Милостивый государь
Петр Андреевич,

Возвратясь из путешествия,[1] нашел я предписание Вашего высокопревосходительства,[2] коему и поспешил повиноваться. Книги и бумаги, коими пользовался я по благосклонности его сиятельства графа Чернышева, возвращены мною в Военное министерство.[3]

Обращаюсь к Вашему высокопревосходительству с покорнейшею просьбою: в Главном Штабе находится одна, мне еще неизвестная книга, содержащая последние письма и донесения генерала Бибикова (1774 года).[4] Мне было бы необходимо справиться с сими документами; осмеливаюсь просить на то соизволения Вашего высокопревосходительства.

С глубочайшим почтением честь имею быть, милостивый государь,

Вашего высокопревосходительства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

19 ноября
1835.

135. П. А. Осиповой

26 декабря 1835 г. Петербург

Enfin, madame, j'ai eu la consolation de recevoir votre lettre du 27 Nov‹embre›.[1] Elle a été près de 4 semaines en chemin. Nous ne savions que penser de votre silence. Je ne sais pourquoi je vous suppose à Pskov et c'est là que je vous adresse cette lettre. La santé de ma mère est améliorée, mais ce n'est pas encore une convalescence. Elle traîne, cependant la maladie s'est calmée.[2] Mon père est bien à plaindre. Ma femme vous remercie de votre souvenir et se recommande à votre amitié. Ребятишки также. Je vous souhaite

santé et bonne fête, et je ne vous dis rien de mon inaltérable dévouement.

L'Empereur vient d'accorder la grâce de la plupart des conspirateurs de 1825, entre autres à mon pauvre Кюхельбекер.[3] По указу должен он быть поселен в южной части Сибири. C'est un beau pays, mais je le voudrais savoir plus près de nous; et peut-être lui permettra-t-on de se retirer sur les terres de Mme Glinka, sa sœur. Le gouvernement a toujours eu pour lui de la douceur et de l'indulgence.

Quand je songe que 10 ans sont écoulés depuis ces malheureux troubles, il me parait que j'ai fait un rêve. Que d'événements, que de changements en tout, à commencer par mes propres idées — ma situation, etc., etc. En vérité, il n'y a que mon amitié pour vous et votre famille que je retrouve en mon âme toujours la même, toujours pleine et entière.

26 Déc.

Votre lettre de change est prête et je vous l'enverrai la prochaine fois.[4]

Адрес: Ее высокородию
милостивой государыне
Прасковье Александровне Осиповой.

Перевод:

Наконец, сударыня, я был утешен получением вашего письма от 27 ноября.[1] Оно было около 4 недель в дороге. Мы не знали, что и думать о вашем молчании. Не знаю, но полагаю, что вы в Пскове, и туда адресую это письмо. Матери моей лучше, но до выздоровления еще далеко. Она слаба, однако ж болезнь утихла.[2] Отец всячески достоин жалости. Жена моя благодарит вас за память и поручает себя вашей дружбе. *Ребятишки также*. Желаю вам здоровья и хороших праздников; ничего не говорю о моей неизменной преданности.

Государь только что оказал свою милость большей части заговорщиков 1825 г., между прочим и моему бедному *Кюхельбекеру.[3] По указу должен он быть поселен в южной части Сибири*. Край прекрасный, но мне бы хотелось, чтобы он был поближе к нам; и, может быть, ему позволят поселиться в деревне его сестры г-жи Глинки. Правительство всегда относилось к нему с кротостью и снисходительностью.

Как подумаю, что уже 10 лет протекло со времени этого несчастного возмущения, мне кажется, что все это я видел во сне. Сколько событий, сколько перемен во всем, начиная с моих собственных мнений, моего положения и проч., и проч. Право, только дружбу мою к вам и вашему семейству я нахожу в душе моей все тою же, всегда полной и нераздельной.

26 дек.

Ваше заемное письмо готово, и я вышлю его вам в следующий раз.[4]

136. Неизвестному

Около (не позднее) 31 декабря 1835 г. (?) Петербург

[Si tout est fini faites-moi un signe quelconque].

Перевод:

[Если все кончено, дайте мне какой-нибудь знак].

137. А. Х. Бенкендорфу

31 декабря 1835 г. Петербург

Милостивый государь
граф Александр Христофорович,

Имею счастие повергнуть на рассмотрение его величества записки Бригадира Моро де Бразе о походе 1711 года, с моими примечаниями и предисловием.[1] Эти записки любопытны и дельны. Они важный исторический документ, и едва ли не единственный (опричь Журнала самого Петра Великого).[2]

Осмеливаюсь беспокоить Ваше сиятельство покорнейшею просьбою. Я желал бы в следующем 1836 году издать 4 тома статей чисто литературных (как-то: повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности; на подобие английских трехмесячных Reviews.[a] Отказавшись от участия во всех наших журналах, я лишился и своих доходов. Издание таковой Review доставило бы мне вновь независимость, а вместе и способ продолжать труды мною начатые. Это было бы для меня новым благодеянием государя.[3]

Препоручая себя всегдашней вашей благосклонности, честь имею быть с глубочайшим почтением и совершенной преданностию,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейший слуга
Александр Пушкин.

31 дек.
1835.
С. П. Б.

138. М. Л. Яковлеву

1833—1835 г. Петербург

Милый Михайло Лукьянович, я надеялся с тобою обедать сегодня — невозможно. Как бы о том дать знать Эристову?[1] Извини меня великодушно.

№ 14.[2]

---

[a] Обозрений *(англ.)*.

139. Н. А. Дуровой

19 января 1836 г. Петербург

Милостивый государь
Александр Андреевич,

По последнему письму Вашему от 6го янв.<аря> чрезвычайно меня встревожило.[1] Рукописи вашей я не получил, и вот какую подозреваю на то причину. Уехав в деревню на 3 месяца, я пробыл в ней только 3 недели, и принужден был наскоро воротиться в П.<етер>Б.<ург>.[2] Вероятно, Ваша рукопись послана в Псков. Сделайте милость, не гневайтесь на меня. Сей час еду хлопотать; задержки постараюсь вознаградить.

Я было совсем отчаявался получить Записки, столь нетерпеливо мною ожидаемые. Слава богу, что теперь попал на след.[3]

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть

Вашим усерднейшим и покорнейшим слугою

А. Пушкин.

19 янв.
1836.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Александру Андреевичу Александрову
в Елабуге etc.

140. П. В. Нащокину

10-е числа января 1836 г. Петербург

Мой любезный Павел Воинович,

Я не писал к тебе потому, что в ссоре с Московскою почтою.[1] Услышал я, что ты собирался ко мне в деревню. Радуюсь, что не собрался, потому что там меня бы ты не застал. Болезнь матери моей заставила меня воротиться в город.[2] О тебе были разные слухи, касательно твоего выигрыша;[3] но что истинно меня утешило, так это то, что все в голос оправдывали тебя, и тебя одного. Думаю побывать в Москве,[4] коли не околею на дороге. Есть ли у тебя угол для меня? То-то бы наболтались! а здесь не с кем. Денежные мои обстоятельства плохи[5] — я принужден был приняться за журнал. Не ведаю, как еще пойдет. Смирдин уже предлагает мне 15 000, чтоб я от своего предприятия отступился и стал бы снова сотрудником его Библиотики,[6] но хотя это было бы и выгодно, но не могу на то согласиться. Сенковский такая бестия, а Смирдин такая дура — что с ними связываться невозможно. Желал бы я взглянуть на твою семейственную

жизнь, и ею порадоваться. Ведь и я тут участвовал, и я имел влияние на решительный переворот твоей жизни.[7] Мое семейство умножается,[8] растет, шумит около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и [смерти] старости нечего бояться. Холостяку в свете скучно: ему досадно видеть новые, молодые поколения; один отец семейства[a] смотрит без зависти на молодость, его окружающую. Из этого следует, что мы хорошо сделали, что женились. — Каковы твои дела? Что Кнерцер и твой жиденок-лекарь, которого Наталья Николаевна так не любит? А у ней пречуткое сердце. Смотри, распутайся с ними: это необходимо. Но обо всем этом после поговорим. До свидания, мой друг.

Адрес: П. В. Нащокину etc.

141. А. Х. Бенкендорфу

Середина (между 16 и 20) января 1836 г. Петербург

(Черновое)

Je vous supplie de me pardonner mon importunité, mais comme je n'ai pu hier me justifier devant le ministre — [1]

Mon ode[2] a été envoyée à Moscou sans aucune explication. Mes amis n'en avaient aucune connaissance.[3] Toute espèce d'allusion en est soigneusement éloignée. La partie satyrique porte sur la vile avidité d'un héritier, qui au moment de la maladie de son parent [fait déjà mettre les scelets sur les effets qu'il convoite. J'avoue qu'une anecdote pareille avait été répandue et que j'ai recueilli une expression poëtique échappée à ce sujet].[4]

Il est impossible d'écrire une ode satyrique sans que la malignité n'y trouve tout de suite une allusion. Derj<avine> dans son Вельможа, peignit un sybarite plongé dans la volupté [sourd au cris du peuple], qui s'écrie

Мне миг <покоя моего
Приятней, чем в исторьи веки>.[5]

On applica ces vers à Patem<kine> et à d'autres — [cependant toutes ces déclamations étaient des lieux communs — qui avaient été répété mille fois —] C'est à d.<ire> dans la satyre [peinture] des vices les plus bas et les plus communs peints <...>

Au fond c'étaient des vices de grand seigneur et je ne puis savoir jusqu'à quel point Derj.<avine> était innocent de toute personnalité.[6]

Le public dans le portrait d'un vil avare, d'un drôle qui vole le bois de la couronne, qui présente à sa femme des comptes infidèles, d'un plat-pied qui devient bonne d'enfants chez les gr<ands> s.<eigneurs>, etc.[7] — a, dit-on, reconnu un grand seigneur, un homme riche, un homme honoré d'une charge importante.

---

[a] *В подлиннике описка:* семейство

Tant pis pour le public — il me suffit à moi de n'avoir pas (non seulement nommé) ni même insinué à qui que ce soit que mon ode ‹...›

Je demande seulement qu'on me prouve que je l'ai nommé — quel est le trait de mon ode qui puisse lui être appliqué ou bien — que j'ai insinué ‹...›

Tout celà est bien vague; toutes ces accusations sont des lieux communs.

Il m'importe peu que le public ait tort ou raison. Ce qui m'importe beaucoup c'est de prouver que jamais en aucune manière je n'ai *insinué* à personne que mon ode était dirigée contre qui que ce soit.

Перевод:

Умоляю вас простить мне мою настойчивость, но так как вчера я не мог оправдаться перед министром —[1]

Моя ода[2] была послана в Москву без всякого объяснения. Мои друзья совсем не знали о ней.[3] Всякого рода намеки тщательно удалены оттуда. Сатирическая часть направлена против гнусной жадности наследника, который во время болезни своего родственника [приказывает уже наложить печати на имущество, которого он жаждет. Признаюсь, что подобный анекдот получил огласку и что я воспользовался поэтическим выражением, проскользнувшим на этот счет].[4]

Невозможно написать сатирическую оду без того, чтобы злоязычие тотчас не нашло в ней намека. Державин в своем *Вельможе* нарисовал сибарита, утопающего в сластолюбии, [глухого к воплям народа], и восклицающего:

*Мне миг ‹покоя моего
Приятней, чем в исторьи веки›*.[5]

Эти стихи применяли к Потемкину и к другим [между тем все эти выражения были общими местами, которые повторялись тысячу раз]; другими словами, в сатире наиболее низменные и наиболее распространенные пороки, описанные ‹...›

В сущности, то были пороки знатного вельможи, и мне не известно, насколько Державин был неповинен в каких-либо личных нападках.[6]

В образе низкого скупца, негодяя, ворующего казенные дрова, подающего жене фальшивые счета, подхалима, ставшего нянькой в домах знатных вельмож, и т. д.,[7] — публика, говорят, узнала вельможу, человека богатого, человека, удостоенного важной должности.

Тем хуже для публики — мне же довольно того, что я (не только не назвал), но даже не намекнул кому бы то ни было, что моя ода ‹...›

Я прошу только, чтобы мне доказали, что я его назвал, — какая черта моей оды может быть к нему применена, или же, что я намекал ‹...›

Все это очень неопределенно; все эти обвинения суть общие места.

Мне неважно, права ли публика или неправа. Что для меня очень важно, — это доказать, что никогда и ничем я не *намекал* решительно никому на то, что моя ода направлена против кого бы то ни было.

142. С. С. Хлюстину

4 февраля 1836 г. Петербург

Monsieur,

Permettez-moi de redresser quelques points où vous me paraissez dans l'erreur. Je ne me souviens pas de vous avoir entendu citer quelque chose de l'article en question. Ce qui m'a porté à m'expliquer, peut-être, avec trop de chaleur, c'est la remarque que vous m'avez faite de ce que j'avais eu tort la veille de prendre au cœur les paroles de Senkovsky.

Je vous ai répondu: «Я не сержусь на Сенковского; но мне нельзя не досадовать, когда порядочные люди повторяют нелепости свиней и мерзавцев». Vous assimiler à des свиньи и мерзавцы est certes une absurdité, qui n'a pu ni m'entrer dans la tête, ni même m'échapper dans toute la pétulence d'une dispute.

A ma grande surprise, vous m'avez répliqué que vous preniez entièrement pour votre compte l'article injurieux de S.‹enkovsky› et notamment l'expression «обманывать публику».

J'étais d'autant moins préparé à une pareille assertation venant de votre part, *que ni la veille, ni à notre dernière entrevue, vous ne m'aviez absolument rien dit qui eût rapport à l'article du journal.* Je crus ne vous avoir pas compris et vous priais de vouloir bien vous expliquer, ce que vous fîtes dans les mêmes termes.

J'eus l'honneur alors de vous faire observer, que ce que vous veniez d'avancer devenait une toute autre question et je me tus. En vous quittant je vous dis que je ne pouvais laisser cela ainsi. Cela peut être regardé comme une provocation, mais non comme une menace. Car enfin, je suis obligé de le répéter: je puis ne pas donner suite à des paroles d'un Senkovsky, mais je ne puis les mépriser dès qu'un homme comme vous les prend sur soi. En conséquence je chargeais m-r Sobolévsky de vous prier de ma part de vouloir bien vous rétracter purement et simplement, ou bien de m'accorder la réparation d'usage. La preuve combien ce dernier parti me répugnait, c'est que j'ai dit nommément à Sobolévsky, que je n'exigeai pas d'excuse. Je suis fâché que m-r Sobolévsky a mis dans tout cela sa négligence ordinaire.

Quant à l'impolitesse que j'ai eue de ne pas vous saluer, lorsque vous m'avez quitté, je vous prie de croire que c'était une distraction tout-à-fait involontaire et dont je vous demande excuse de tout mon cœur.

J'ai l'honneur d'être, monsieur, votre très-humble et très-obéissant serviteur.

A. Pouchkine.

4 février.

Перевод:

Милостивый государь,

Позвольте мне восстановить истину в отношении некоторых пунктов, где вы, кажется мне, находитесь в заблуждении. Я не припоминаю, чтобы вы цитировали что-либо из статьи, о которой идет речь. Заставило же меня выразиться с излишней, быть может, горячностью сделанное вами замечание о том, что я был неправ накануне, принимая близко к сердцу слова Сенковского.

Я вам ответил: *«Я не сержусь на Сенковского; но мне нельзя не досадовать, когда порядочные люди повторяют нелепости свиней и мерзавцев»*. Отождествлять вас с *свиньями и мерзавцами* — конечно, нелепость, которая не могла ни прийти мне в голову, ни даже сорваться с языка в пылу спора.

К великому моему изумлению, вы возразили мне, что вы всецело принимаете на свой счет оскорбительную статью Сенковского, и в особенности выражение *«обманывать публику»*.

Я тем менее был подготовлен к такому заявлению с вашей стороны, *что ни накануне, ни при нашей последней встрече вы мне решительно ничего не сказали такого, что имело бы отношение к статье журнала.* Мне показалось, что я вас не понял, и я просил вас не отказать объясниться, что вы и сделали в тех же выражениях.

Тогда я имел честь вам заметить, что все только что высказанное вами совершенно меняет дело, и замолчал. Расставаясь с вами, я сказал, что так оставить это не могу. Это можно рассматривать как вызов, но не как угрозу. Ибо, в конце концов, я вынужден повторить: я могу оставить без последствий слова какого-нибудь Сенковского, но не могу пренебрегать ими, как только такой человек, как вы, произносит их от себя. Вследствие этого я поручил г-ну Соболевскому просить вас от моего имени не отказать просто-напросто взять ваши слова обратно или же дать мне обычное удовлетворение. Доказательством того, насколько последний исход был мне неприятен, служит именно то, что я сказал Соболевскому, что не требую извинений. Мне очень жаль, что г-н Соболевский отнесся ко всему этому со свойственной ему небрежностью.

Что касается невежливости, состоявшей будто бы в том, что я не поклонился вам, когда вы от меня уходили, то прошу вас верить, что то была рассеянность совсем невольная, в которой я от всего сердца прошу у вас извинения.

Имею честь быть, милостивый государь, ваш нижайший и покорнейший слуга А. Пушкин.

4 февраля.

143. Н. Г. Репнину

5 февраля 1836 г. Петербург

Mon Prince,

C'est avec regret que je me vois contraint d'importuner Votre Excellence; mais Gentilhomme et père de famille, je dois veiller à mon honneur et au nom que je dois laisser à mes enfants.

Je n'ai pas l'honneur d'être personnellement connu de Votre Excellence. Non seulement jamais je ne Vous ai offensé,[1] mais par des motifs à moi connus, je vous ai porté jusqu'à présent un sentiment vrai de respect et de reconnaissance.[2]

Cependant un Mr Bogolubof a publiquement répété des propos outrageants pour moi, et cela comme venant de Vous. Je prie Votre Excellence de vouloir bien me faire savoir à quoi je dois m'en tenir.[3]

Je sais mieux que personne la distance qui me sépare de Vous: mais Vous qui êtes non seulement un grand seigneur, mais encore le représentant de notre ancienne et véritable noblesse à laquelle j'appartiens aussi, j'espère que Vous comprendrez sans peine l'impérieuse nécessité qui m'a dicté cette démarche.

Je suis avec respect
de Votre Excellence
Le très humble et très obéissant
serviteur
Alexandre Pouchkine.

5 février
1836.

Перевод:

Князь,

С сожалением вижу себя вынужденным беспокоить ваше сиятельство; но, как дворянин и отец семейства, я должен блюсти мою честь и то имя, которое оставлю моим детям.

Я не имею чести быть лично известен вашему сиятельству. Я не только никогда не оскорблял вас,[1] но по причинам, мне известным, до сих пор питал к вам искреннее чувство уважения и признательности.[2]

Однако же некий г-н Боголюбов публично повторял оскорбительные для меня отзывы, якобы исходящие от вас. Прошу ваше сиятельство не отказать сообщить мне, как я должен поступить.[3]

Лучше нежели кто-либо я знаю расстояние, отделяющее меня от вас; но вы не только знатный вельможа, но и представитель нашего древнего и подлинного дворянства, к которому и я принадлежу; вы поймете, надеюсь, без труда настоятельную необходимость, заставившую меня поступить таким образом.

С уважением остаюсь вашего сиятельства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

5 февраля 1836.

144. В. А. Соллогубу

Первые числа февраля 1836 г. Петербург

(*Черновое*)

Vous vous êtes donné une peine inutile en me donnant une explication que je ne vous avais pas demandée. Vous vous êtes permis d'adresser à ma femme des propos in[décents] et vous vous êtes vanté de lui avoir *dit des impertinences*.

Les circonstances ne me permettent pas de me rendre à Twer avant la fin du mois de mars. Veuillez m'excuser.

Перевод:

Вы взяли на себя напрасный труд, давая мне объяснение, которого я у вас не требовал. Вы позволили себе обратиться к моей жене с не[приличными] замечаниями и хвалились, что *наговорили ей дерзостей*.

Обстоятельства не позволяют мне отправиться в Тверь раньше конца марта месяца. Прошу меня извинить.

145. Н. Г. Репнину

11 февраля 1836 г. Петербург

Милостивый государь
князь Николай Григорьевич,

Приношу Вашему сиятельству искреннюю, глубочайшую мою благодарность за письмо,[1] коего изволили меня удостоить.

Не могу не сознаться, что мнение Вашего сиятельства касательно сочинений, оскорбительных для чести частного лица, совершенно справедливо. Трудно их извинить, даже когда они написаны в минуту огорчения и слепой досады. Как забава суетного или развращенного ума, они были бы непростительны.[2]

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию, есмь,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

11 февраля
1836.

146. А. А. Фукс

20 февраля 1836 г. Петербург

Милостивая государыня
Александра Андреевна,

Я столько перед Вами виноват, что не осмеливаюсь и оправдываться. Недавно возвратился я из деревни и нашел у себя письмо,[1] коим изволили меня удостоить. Не понимаю, каким образом мой

бродяга Емельян Пугачев не дошел до Казани, место для него памятное: видно шатался по сторонам и загулялся по своей привычке. Теперь гр. Апраксин снисходительно взялся доставить к Вам мою книгу.[2] При сем позвольте мне, милостивая государыня, препроводить к Вам и билет на получение *Современника*, мною издаваемого. Смею ли надеяться, что Вы украсите его когда-нибудь произведениями пера вашего? [3]

Свидетельствую глубочайшее мое почтение любезному, почтенному Карлу Федоровичу, поручая себя вашей и его благосклонности.

Честь имею быть с глубочайшим почтением и совершенною преданностию,

милостивая государыня,
Вашим
покорнейшим слугою
Александр Пушкин.

С.П.Б.
20 февр.
1836.

147. П. А. Вяземскому

Февраль (после 15) 1836 г. Петербург

Поздравляю с благополучным возвращением из-под цензуры. Посылаю Ф.‹он› Визина.[1] Послания Хвостова не имею, да и не видывал.[2] Знаешь ли ты, что Ф.‹он› Визин написал Феологический памфлет: *Аввакум Скитник?* [3]

148. П. П. Каверину

Февраль 1836 г. (?) Петербург

Mille pardons, mon cher Kaverine, si je vous fais faux bond — une circonstance imprévue me force à partir de suite.

Перевод:

Тысяча извинений, милый Каверин, за то, что я не сдержу слова — непредвиденное обстоятельство заставляет меня выехать немедленно.

149. С. Д. Нечаеву

Июнь 1827 г. или февраль (?) 1836 г. Петербург

Возвратите мне, любезный Сергей [1] Дмитриевич, не посылку, но письмо: я забыл в нем сказать нужное. Когда в путь?

А. Пушкин.

150. В. Ф. Одоевскому

Конец февраля 1836 г. Петербург

Весьма и весьма доволен и благодарен.[1] Если в неделю можно будет отпечатать по пяти листов, то это славно — и дело наше в шляпе.[2] Корректуру путешествия[3] прикажите однако присылать ко мне. Тут много ошибок в рукописи.[4] Что ваша повесть Зизи?[5] Это славная вещь.

А. П.

Адрес: Его сиятельству
Кн. Одоевскому
etc.

151. В. Д. Сухорукову

14 марта 1836 г. Петербург

Любезнейший Василий Дмитриевич.

Пишу к вам в комнате вашего соотечественника, милого молодого человека,[1] от которого нередко получаю об вас известия. Сейчас сказал он мне, что вы женились.[2] Поздравляю вас от всего сердца, желаю вам счастья, которое вы заслуживаете по всем отношениям. Заочно кланяюсь Ольге Василиевне и жалею, что не могу высказать ей все, что про вас думаю, и все, что знаю прекрасного.

Писал ли я Вам после нашего разлучения в Арзерумском дворце?[3] Кажется, что не писал; простите моему всегдашнему недосугу и не причисляйте мою леность к чему-нибудь иному. — Теперь поговорим о деле. Вы знаете, что я сделался журналистом (это напоминает мне, что я не послал вам Современника;[4] извините, — постараюсь загладить мою вину). Итак, сделавшись собратом Булгарину и Полевому, обращаюсь к Вам с удивительным бесстыдством, и прошу у вас *статей*. В самом деле, пришлите-ка мне что-нибудь из ваших дельных, добросовестных, любопытных произведений. В соседстве Бештау и Эльбруса живут и досуг и вдохновение. Между тем и о цене (денежной) не худо поговорить. За лист печатн.‹ый› я плачу по 200 руб. — Не войдем ли мы и в торговые сношения.[5]

Простите; весь ваш
А. П.

14 Марта 1836.
С. П. Б.

152. П. А. Вяземскому

Около (не ранее) 17 марта 1836 г. Петербург

Ура! наша взяла. Статья Козловского прошла благополучно;[1] сей час начинаю ее печатать. Но бедный Тургенев!... все политические комеражи его остановлены.[2] Даже имя Фиески и всех министров вымараны; остаются одни православные буквы наших русских католичек да дипломаток.[3] Однако я хочу обратиться к Бенкендорфу — не заступится ли он? Ты мне говорил о своих стихах к Потоцкой:[4] получил ли ты их? по крайней мере не вспомнишь ли их?

А. П.

153. М. А. Дондукову-Корсакову

18 марта 1836 г. Петербург

Милостивый государь,
князь Михаил Александрович,

Пользуясь позволением, данным мне Вашим сиятельством,[1] осмеливаюсь прибегнуть к Вам с покорнейшею просьбою.

Ценсурный комитет не мог пропустить письма из Парижа как статью, содержащую политические известия:[2] для разрешения оной позволите ли, милостивый государь, обратиться мне к гр. Бенкендорфу? или прикажите предоставить сие комитету?[3]

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

18 марта
1836.
С. П. Б.

154. А. Л. Крылову

20—22 марта 1836 г. Петербург

(*Черновое*)

Милостивый государь,
Александр Лукич,

Князь М. А. Корсаков писал мне, что Письма из Парижа будут рассмотрены в высшем комитете. Препровождаю[a] их к Вам; одно замечание: Письма из Парижа Тургенева печатаются в М.‹осковском› Наблюдателе, не как статьи политические, а литературные.[1]

---

[a] *В подлиннике* Препровождая

155. А. Жобару

24 марта 1836 г. Петербург

Monsieur, j'ai reçu avec un véritable plaisir votre charmante traduction de l'ode à Luculle et la lettre si flatteuse [1] qui l'accompagne. Vos vers sont aussi jolis qu'ils sont malins, ce qui est beaucoup dire.[2] S'il est vrai, comme vous le dites dans votre lettre, qu'on ait voulu légalement constater que vous aviez perdu l'esprit,[3] il faut convenir, que depuis vous l'avez diablement retrouvé!

La bienveillance que vous paraissez me porter et dont je suis fier, m'autorise à vous parler en pleine confiance. Dans votre lettre à M-r le ministre de l'instruction publique, vous semblez disposé à imprimer votre traduction en Belgique [4] en y joignant quelques notes nécessaires, dites-vous, pour l'intelligence du texte: j'ose vous supplier, Monsieur, de n'en rien faire. Je suis fâché d'avoir imprimé une pièce que j'ai écrite dans un moment de mauvaise humeur.[5] Sa publication a encouru le déplaisir de quelqu'un dont l'opinion m'est chère et que je ne puis braver sans ingratitude et sans folie.[6] Soyez assez bon pour sacrifier le plaisir de la publicité à l'idée d'obliger un confrère. Ne faites pas revivre avec l'aide de votre talent une production qui sans cela tombera dans l'oubli qu'elle mérite. J'ose espérer que vous ne me refuserez pas la grâce que je vous demande,[7] et vous prie de vouloir bien recevoir l'assurance de ma parfaite considération.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur, Votre très-humble et très-obéissant serviteur. A. Pouchkine.

24 Mars 1836.
St.-Pétersbourg.

Перевод:

Милостивый государь, с истинным удовольствием получил я ваш прелестный перевод оды к Лукуллу и столь лестное письмо,[1] его сопровождающее. Ваши стихи столь же изящны, сколько язвительны, а этим многое сказано.[2] Если правда, как вы говорите в вашем письме, что хотели законным порядком признать вас потерявшим рассудок,[3] то нужно согласиться, что с тех пор вы его чертовски приобрели.

Расположение, которое вы, по-видимому, ко мне питаете и которым я горжусь, дает мне право говорить с полным доверием. В вашем письме к г-ну министру народного просвещения вы, кажется, высказываете намерение напечатать ваш перевод в Бельгии,[4] присоединив к нему несколько примечаний, необходимых, говорите вы, для понимания текста; осмеливаюсь умолять вас, милостивый государь, отнюдь этого не делать. Мне самому досадно, что я напечатал пьесу, написанную в минуту дурного расположения духа.[5] Ее опубликование навлекло на меня неудовольствие одного лица, мнением которого я дорожу и пренебречь которым не могу, не оказавшись неблагодарным и безрассудным.[6] Будьте

настолько добры пожертвовать удовольствием гласности ради мысли, что вы оказываете услугу собрату. Не воскрешайте с помощью вашего таланта произведения, которое без этого впадет в заслуженное им забвение. Смею надеяться, что вы не откажете мне в любезности, о которой я прошу;[7] вместе с тем покорно прошу вас принять уверение в моем совершенном уважении.

Имею честь быть, милостивый государь, ваш покорнейший и нижайший слуга. А. Пушкин.

24 марта 1836. С.-Петербург.

156. С. Н. Глинке

Около (не позднее) 26 марта 1836 г. Петербург

Милостивый государь,
Сергей Николаевич,

Искренно благодарю вас за любезное письмо Ваше[1] (извините галлицизм).[2] *Современник* мой еще не вышел — а выйдет со временем. Вы [тотчас] первый его получите.

Как адресовать письма к Федору Николаевичу?[3]

Весь Ваш
А. Пушкин.

Адрес: Его высокородию
м. г. Сергею Николаевичу
Глинке.
На Сергеевской в доме Болдырева № 37, на дворе.

157. В. А. Дурову

17 и 27 марта 1836 г. Петербург

Милостивый государь
Василий Андреевич,

Очень благодарю Вас за присылку записок и за доверенность, Вами мне оказанную. Вот мои предположения: I) я издаю журнал: во второй книжке оного (т. е. в июле месяце) напечатаю я *Записки о 12 годе* (все или часть их)[1] и тотчас перешлю Вам деньги по 200 р. за лист печатный. II) Дождавшись других записок брата Вашего, я думаю соединить с ними и Записки о 12 годе; таким образом книжка будет толще, и следственно дороже.

Полные Записки, вероятно, пойдут успешно после того, как я о них протрублю в своем журнале.[2] Я готов их и купить, и напечатать в пользу автора — как ему будет угодно, и выгоднее.

Во всяком случае будьте уверены, что приложу все возможное старание об успехе общего дела.

Братец Ваш пишет, что летом будет в П.<етер>Б.<урге>. Ожидаю его с нетерпением. Прощайте, будьте счастливы, и дай бог Вам разбогатеть с легкой ручки храброго Александрова,[3] которую ручку прошу за меня поцаловать.

Весь Ваш
А. Пушкин.

17 марта
1836.
С. П. Б.

Сей час прочел переписанные Записки: прелесть! живо, оригинально, слог прекрасный. Успех несомнителен. *27 марта.*

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Василью Андреевичу
Дурову etc. etc.
в Елабуге.

158. Джорджу Борро

Конец октября 1835 г.—март 1836 г. Петербург

Александр Пушкин с глубочайшей благодарностию получил книгу господина Борро[1] и сердечно жалеет, что не имел чести лично с ним познакомиться.[2]

159. А. П. Керн (?)

Май 1833—март 1836 г. Петербург

Je vous prie, chère Анна Петровна, d'envoyer chez moi Arnt, mais n'en dites rien aux grands parents.

А. П.

Перевод:

Прошу вас, милая *Анна Петровна*, прислать ко мне Арндта, но только не говорите об этом бабушке и дедушке.

160. В Съезжий дом

4 апреля 1836 г. Петербург

Литейной части в съезжий дом.

От камер-юнкера Пушкина

Отзыв

В следствии предъявленного мне от г. обер-полицмейстера предписания [a] С.‹анкт› Петербургской казенной палаты о востребовании 10 000 рублей с процентами, должных мною, имею честь объяснить:

Что по новому распоряжению г. Министра финансов платеж сей суммы отсрочен и разделен на другие сроки.[1]

Александр Пушкин.

4 апреля
1836.
С. П. Б.

161. В. Ф. Одоевскому

Начало (не позднее 5) апреля 1836 г. Петербург

У меня в 1 № не будет ни одной строчки вашего пера. Грустно мне; но времени нам не достало — а за меня приятели мои дали перед публикой обет выдать *Совр.‹еменник›* на Фоминой.[1]

Думаю 2 № начать статьею вашей, дельной, умной и сильной — и которую хочется мне наименовать *О вражде к просвещению*; [2] ибо в том же № хочется мне поместить и *Разбор Постоялого Двора* под названием *О Некоторых романах*.[3] Разрешаете ли Вы?

О Сегиеле, кажется, задумалась ценсура.[4] Но я не очень им доволен — к тому же как отрывок он в печати может повредить изданию полного вашего произведения.

Я еду во вторник.[5] Увижу ли Вас дотоле?

Весь Ваш
А. П.

Разговор Недовольных [6] не поместил я, потому что уже Сцены Гоголя [7] были у меня напечатаны — и что Вы могли друг другу повредить в ефекте.

Адрес: Князю Владимиру Федоровичу
Одоевскому
etc.

---

[a] *В подлиннике* предъявленного мне предписания от г. обер-полицмейстера предписания

162. М. А. Дондукову-Корсакову

6 апреля 1836 г. Петербург

Милостивый государь
князь Михаил Александрович,

Осмеливаюсь обратиться к Вашему сиятельству с покорнейшею просьбою.

Конечно, я не имею права жаловаться на строгость цензуры: все статьи, поступившие в мой журнал, были пропущены. Но разрешением оных обязан я единственно благосклонному снисхождению Вашего сиятельства, ибо цензор, г. Крылов, сам от себя не мог решиться их пропустить.[1] Чувствуя в полной мере цену покровительства, Вами мне оказанного, осмеливаюсь однако ж заметить, во-первых, что мне совестно и неприлично поминутно беспокоить Ваше сиятельство ничтожными запросами, между тем как я желал бы пользоваться правом, Вами мне данным,[2] только в случаях истинно затруднительных и в самом деле требующих разрешения высшего начальства; во-вторых, что таковая двойная цензура отымает у меня чрезвычайно много времени, так что мой журнал не может выходить в положенный срок. Не жалуюсь на излишнюю мнительность моего цензора; знаю, что на нем лежит ответственность, может быть, не ограниченная Цензурным Уставом; но осмеливаюсь просить Ваше сиятельство о дозволении выбрать себе еще одного цензора;[3] дабы таким образом вдвое ускорить рассматривание моего журнала, который без того остановится и упадет.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

6 апреля
1836.
С. П. Б.

163. М. П. Погодину

14 апреля 1836 г. Михайловское

Милостивый государь
Михайло Петрович,

Пишу к Вам из деревни, куда заехал в следствии печальных обстоятельств.[1] Журнал мой вышел без меня, и, вероятно, Вы его уж получили.[2] Статья о Ваших афоризмах писана не мною, и я

не имел ни времени, ни духа ее порядочно рассмотреть.[3] Не сердитесь на меня — если вы ею недовольны. Не войдете ли Вы со мною в сношения литературные и торговые? [4] В таком случае прошу от Вас объявить без обиняков ваши требования. Если увидите Надежина,[a] благодарите его от меня за Телескоп.[5] Пошлю ему Современник. Сегодня еду в П.<етер>Б.<ург>.[6] А в Москву буду в мае — порыться в Архиве, и свидеться с Вами.

Весь Ваш А. П.

14 апр.
Михайловское.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Михаилу Петровичу
Погодину.
В Москве,
в Университет.

164. Н. М. Языкову

14 апреля 1836 г. Тригорское [1]

Отгадайте, откуда пишу к Вам, мой любезный Николай Михайлович? из той стороны

— где вольные живали etc.[2]

где ровно тому десять лет пировали мы втроем — Вы, Вульф и я;[3] где звучали ваши стихи и бокалы с Емкой,[4] где теперь вспоминаем мы Вас — и старину. Поклон Вам от холмов Михайловского, от сеней Тригорского, от волн голубой Сороти, от Евпраксии Николаевне, некогда полувоздушной девы, ныне дебелой жены, в пятой раз уже брюхатой, и у которой я в гостях.[5] Поклон Вам ото всего и ото всех Вам преданных сердцем и памятью!

Алексей Вульф здесь же, отставной студент и гусар, усатый агроном, Тверской Ловлас [6] — по-прежнему милый, но уже перешагнувший за тридцатый год. Пребывание мое во Пскове не так шумно и весело ныне, как во время моего заточения, во дни как царствовал Александр; но оно так живо мне вас напомнило, что я не мог не написать Вам несколько слов в ожидании, что и Вы откликнетесь. Вы получите мой Современник; желаю, чтоб он заслужил Ваше одобрение.[7] Из статей критических моя одна: о Кониском.[8] Будьте моим сотрудником непременно.[9] Ваши стихи — вода живая; наши — вода мертвая; мы ею окатили Современника; опрысните его Вашими кипучими каплями.[10] Послание к Давыдову — прелесть! [11] Наш боец чернокудрявый окрасил было свою седину, замазав и свой белый локон,[12] но после Ваших стихов

[a] *Так в подлиннике.*

опять его вымыл — и прав. Это знак благоговения к поэзии. Прощайте — пишите мне, да к стати уж напишите и к Вяземскому ответ на его послание, напечатанное в Новосельи (помнится) и о котором вы и слова ему не молвили.[13] Будьте здоровы и пишите. То есть: *Живи и жить давай другим.*[14] Весь Ваш А. П.

14 апр.

Пришлите мне ради бога *стих об Алексее бож.‹ием› человеке*,[15] и еще какую-нибудь Легенду. *Нужно.*

Адрес: Николаю Михайловичу
Языкову,
в Симбирск — в село Языково.[a]

165. А. Н. Мордвинову

28 апреля 1836 г. Петербург

Милостивый государь
Александр Николаевич,

Спешу препроводить к Вашему превосходительству полученное мною письмо.[1] Мне вручено оное тому с неделю, по моему возвращению с прогулки, оно было просто отдано моим людям безо всякого словесного препоручения неизвестно кем. Я полагал, что письмо доставлено мне с Вашего ведома.[2]

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего превосходительства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

28 апр.
1836.
С. П. Б.

166. М. А. Дондукову-Корсакову

Вторая половина (после 16) апреля 1836 г. Петербург

(Черновое)

Письмо, коего В.‹аше› с.‹иятельство› удостоили меня,[1] и статью о взятии Дрез‹дена› имел я счастие получить.[2]

Хотя ценсура и не могла допустить [к] печати оправдание генер.‹ала› Дав‹ыдова›, — тем не менее, м.‹илостивый› г.‹осу-

---

[a] *Неизвестной рукой переделано:* в Симбирской губ. *и приписано:* в Корсунь.

дарь>, благодарен я В.<ашему> с.<иятельству> за внимание, коим изволи<ли> почтить мою покорнейшую просьбу.

С глубоч.<айшим> почт<ением>
и совершен<ной преданностию>

167. Н. Н. Пушкиной

4 мая 1836 г. Москва

4 мая, Москва, у Нащокина —
противу Старого Пимена,
дом г-жи Ивановой.

Вот тебе, царица моя, подробное донесение: путешествие мое было благополучно. $1^{го}$ мая переночевал я в Твери, а $2^{го}$ ночью приехал сюда.[1] Я остановился у Нащокина. Il est logé en petite maîtresse.[а] Жена его очень мила. Он счастлив и потолстел. Мы, разумеется, друг другу очень обрадовались и целый вчерашний день проболтали бог знает о чем. Я успел уже посетить Брюлова.[2] Я нашел его в мастерской какого-то скульптора, у которого он живет. Он очень мне понравился. Он хандрит, боится русского холода и прочего, жаждет Италии, а Москвой очень недоволен. У него видел я несколько начатых рисунков, и думал о тебе, моя прелесть. Не уж-то не будет у меня твоего портрета, им писанного! невозможно, чтоб он, увидя тебя, не захотел срисовать тебя; пожалуй-ста не прогони его, как прогнала ты Прусака Криднера.[3] Мне очень хочется привести Брюлова в П.<етер> Б.<ург.> А он настоящий художник, добрый малой, и готов на всё. Здесь Перовский его было заполонил; перевез к себе, запер под ключ и заставил работать. Брюлов насилу от него удрал. Домик Нащокина доведен до совершенства — недостает только живых человечиков.[4] Как бы Маша им радовалась! Вот тебе здешние новости. Акулова, долгоносая певица, вчера вышла за вдовца Дьякова. Сестра ее Варвара сошла с ума от любви. Она была влюблена и надеялась выдти замуж. Надежда не сбылась. Она впала в задумчивость, стала заговари<ва>ться. Свадьба сестры совершенно ее помутила. Она убежала к Троице. Ее насилу поймали, и увезли. Мне очень жаль ее. Надеятся, что у ней белая горячка, но вряд ли. Видел я свата нашего Толстого;[5] дочь у него также почти сумасшедшая, живет в мечтательном мире, окруженная видениями, переводит с греческого Анакреона и лечится омеопатически. Чедаева, Орлова, Раевского и Наблюдателей (которых Нащокин называет les treize[б, 6]) еще не успел видеть. С Наблюдателями[7] и книгопродавцами намерен я кокетничать и

а Он обставился щегольски.
б Тринадцать.

постараюсь как можно лучше распорядиться с Современником.[8] — Вот является Нащокин, и я для него оставляю тебя. Целую и благословляю тебя и ребят. Кланяюсь дамам твоим. Здесь говорят уже о свадьбе Marie W.‹iazemsky› [9] — я секретничаю покамест. Прости — мой друг — целую тебя еще раз.

Адрес: Ее высокоблагородию
м. г. Натальи Николаевне Пушкиной
в С. Петербург у Прачечного мосту в доме Баташева.

168. Н. Н. Пушкиной

6 мая 1836 г. Москва

Вот уж три дня как я в Москве, и все еще ничего не сделал: Архива не видал,[1] с книгопродавцами не сторговался,[2] всех визитов не отдал, к Солнцевым на поклонение не бывал. Что прикажешь делать? Нащокин встает поздно, я с ним забалтываюсь — глядь, обедать пора, а там ужинать, а там спать — и день прошел. Вчера был у Дмитриева, у Орлова, Толстого; сегодня собираюсь к остальным. Поэт Хомяков женится на Языковой, сестре поэта.[3] Богатый жених, богатая невеста. Какие бы тебе московские сплетни передать? что-то их много, да не вспомню. Что Москва говорит о П.‹етер›Б.‹ург›е, так это умора. Например: есть у Вас некто *Савельев,* кавалергард, прекрасный молодой человек, влюблен он в Idalie Политику и дал за нее пощечину Гринвальду. Савельев на днях будет расстрелян.[4] Вообрази, как жалка Idalie! И про тебя, душа моя, идут кой-какие толки, которые не вполне доходят до меня, потому что мужья всегда последние в городе узнают про жен своих, однако ж видно, что ты кого-то [5] довела до такого отчаяния своим кокетством и жестокостию, что он завел себе в утешение гарем из театральных воспитанниц. Не хорошо, мой ангел: скромность есть лучшее украшение Вашего пола. Чтоб чем-нибудь полакомить Москву, которая ждет от меня, как от приезжего, свежих вестей, я рассказываю, что Алекс.‹андр› Карамзин (сын историографа) хотел застрелиться из любви pour une belle brune,[a] но что, по счастью, пуля вышибла только передний зуб.[6] Однако полно врать. Пошли ты за Гоголем и прочти ему следующее: видел я актера Щепкина, который ради Христа просит его приехать в Москву прочесть Ревизора. Без него актерам не спеться. Он говорит, комедия будет карикатурна и *грязна* (к чему Москва всегда имела поползновение). С моей стороны я то же ему советую: не надобно, чтоб Ревизор упал в Москве, где Гоголя более любят, нежели в П.‹етер›Б.‹ург›е.[7] При сем *пакет* к Плетневу, для *Современника*; [8]

---

[a] К одной прекрасной брюнетке.

коли цензор Крылов не пропустит, отдать в комитет, и ради бога, напечатать во 2 №. Жду письма от тебя с нетерпением, что твое брюхо,[9] и что твои деньги? Я не раскаиваюсь в моем приезде в Москву, а тоска берет по Петербурге. На даче ли ты? [10] Как ты с хозяином управилась? [11] что дети? Экое горе! Вижу, что непременно нужно иметь мне 80 000 доходу. И буду их иметь. Не даром же пустился в журнальную спекуляцию — а ведь это все равно что золотарьство, которое хотела взять на откуп мать Безобразова: очищать русскую литературу, есть чистить нужники и зависеть от полиции. Того и гляди что... Чорт их побери! У меня кровь в желчь превращается. Цалую тебя и детей. Благословляю их и тебя. Дамам кланяюсь.

169. П. А. Вяземскому

7 мая 1836 г. Москва

Вот в чем дело:

Рязанским губернатором [1] было сделано представление (№ 11483) касательно пенсии, следующей вдове Степана Савельевича Губанова, губернского землемера. Жена его в крайности и просит ускорить время получения оной пенсии.

Пожалуйста, мой милый, сделай это через Д. В. Дашкова, от которого дело это зависит. Очень обяжешь и Акулова,[а] у которого пишу тебе эту записку [2] и который о том же тебя просит.[3]

А. Пушкин.

7 мая.

170. Н. Н. Пушкиной

10 мая 1836 г. Москва

Сей час получил от тебя письмо, и так оно меня разнежило, что спешу переслать тебе 900 р. — Ответ напишу тебе после, теперь, покаместь, прощай. У меня сидит Ив.‹ан› Н.‹иколаевич›.[1]

171. Н. Н. Пушкиной

11 мая 1836 г. Москва

Очень, очень благодарю тебя за письмо твое, воображаю твои хлопоты, и прошу прощения у тебя за себя и книгопродавцев.[1] Они ужасный мове-тон, как говорит Гоголь, т. е. хуже, нежели мошенники.[2] Но бог нам поможет. Благодарю и Одоевского за его

[а] *Переделано из начатого:* О‹кулова›

типографические хлопоты.[3] Скажи ему, чтоб он печатал как вздумает — порядок ничего не значит. Что записки Дуровой? [4] пропущены ли Цензурою? они мне необходимы — без них я пропал. Ты пишешь о статье *Гольцовской.* Что такое? Кольцовской или Гоголевской? — Гоголя печатать, а Кольцова рассмотреть.[5] Впрочем, это не важно. Вчера был у меня Ив.<ан> Ник.<олаевич>. Он уверяет, что дела его идут хорошо. Впрочем, Дм.<итрий> Ник.<олаевич> [6] лучше его это знает. Жизнь моя пребеспутная. Дома не сижу — в Архиве не роюсь. Сегодня еду во второй раз к Малиновскому.[7] На днях обедал я у Орлова, у которого собрались Московские Наблюдатели, между прочим жених Хомяков. Орлов умный человек и очень добрый малый, но до него я как-то не охотник по старым нашим отношениям; [8] Раевский (Ал.<ександр>), который прошлого разу казался мне немного приглупевшим, кажется опять оживился и поумнел. Жена его собою не красавица — говорят, очень умна. Так как теперь к моим прочим достоинствам прибавилось и то, что я журналист, то для Москвы имею я новую прелесть. Недавно сказывают мне, что приехал ко мне Чертков. От роду мы друг к другу не езжали. Но при сей верной оказии вспомнил он, что жена его мне родня, и потому привез мне экземпляр своего *Путешествия в Сицилию.*[9] Не побранить ли мне его en bon parent? [а] Вчера [об<едал>] ужинал у кн.<язя> Фед.<ора> Гагарина, и возвратился в 4 часа утра — в таком добром расположении, как бы с бала. Нащекин здесь одна моя отрада. Но он спит до полудня, а вечером едет в клоб, где играет до света. Чедаева видел всего раз. Письмо мое похоже на тургеневское — и может тебе доказать разницу между Москвою и Парижем.[10] Еду хлопотать по делам Современника. Боюсь, чтоб книгопродавцы не воспользовались моим мягкосердием и не выпросили себе уступки вопреки строгих твоих предписаний. Но постараюсь оказать благородную твердость. Был я у Солнцовой. Его здесь нет, он в деревне. Она зовет отца к себе в деревню на лето. Кузинки пищат, как галочки. Был я у Перовского, который показывал мне недоконченные картины Брюлова.[11] Брюлов, бывший у него в плену, от него убежал и с ним поссорился. Перовский показывал [б] мне Взятие Рима Гензериком [12] (которое стоит Последн.<его> дня Помп.<еи>), приговаривая: Заметь, как прекрасно подлец этот нарисовал этого всадника, мошенник такой. Как он умел, эта свинья, выразить свою канальскую, гениальную мысль, мерзавец он, бестия. Как нарисовал он эту группу, пьяница он, мошенник. Умора. Ну прощай. Цалую тебя и ребят, будьте здоровы — Христос с Вами.

11 мая.

а По-родственному.

б *В подлиннике* показывая

172. К. А. Полевому

11 мая 1836 г. Москва

Милостивый государь
Ксенофонт Алексеевич,

Я не отвечал на последнее письмо Ваше,[1] надеясь лично с Вами увидеться. Книгопродавец Фариков доставил мне книгу,[2] которую сделали Вы мне честь прислать на мое имя. Что касается до Современника, то Фариков не захотел взять его от меня, переслав Вам его сам от себя. Деньги (275 р.), о которых Вы мне изволите писать, также мне им не доставлены.[3] Покорнейше прошу, если впредь угодно будет Вам иметь дело со мною, ничего не поручать г. Фарикову — ибо он кажется человек не надежный и не аккуратный.

С истинным почтением честь имею быть

Вашим покорнейшим слугою
А. Пушкин.

11 мая.

173. Н. Н. Пушкиной

14 и 16 мая 1836 г. Москва

Что это, женка? так хорошо было начала и так худо кончила! Ни строчки от тебя; уж не родила ли ты? [1] сегодня день рождения Гришки,[2] поздравляю его и тебя. Буду пить за его здоровье. Нет ли у него нового братца или сестрицы? погоди до моего приезда. А я уж собираюсь к тебе. В Архивах я был,[3] и принужден буду опять в них зарыться месяцев на 6; что тогда с тобою будет? А я тебя с собою, как тебе угодно, уж возьму. Жизнь моя в Москве степенная и порядочная. Сижу дома — вижу только мужеск пол. Пешком не хожу, не прыгаю — и толстею. На днях звал меня обедать Чертков, приезжаю — а у него жена выкинула. Это нам не помешало отобедать очень скучно и очень дурно. С литературой московскою кокетничаю как умею; но Наблюдатели меня не жалуют.[4] Любит меня один Нащекин. Но тинтере [5] мой соперник, и меня приносят ему в жертву. Слушая толки здешних литераторов, дивлюсь, как они могут быть так порядочны в печати и так глупы в разговоре. Признайся: так ли и со мною? право боюсь. Баратынский однако ж очень мил. Но мы как-то холодны друг ко другу. Зазываю Брюлова к себе в П.‹етер› Б.‹ург› [6] — но он болен и хандрит. Здесь хотят лепить мой бюст.[7] Но я не хочу. Тут арапское мое безобразие предано будет бессмертию во всей своей мертвой неподвижности; я говорю: У меня

дома есть красавица, которую когда-нибудь мы вылепим. Видел я невесту Хомякова.[8] Не разглядел в сумерках. Она, как говорил покойный Гнедич, pas un bel femme, но une jolie figurlette.[а, 9] Прощай, на минуту: ко мне входят два буфона. Один маиор-мистик;[10] другой пьяница-поэт;[11] оставляю [не] тебя для них.

14 мая.

Насилу отделался от буфонов — в том числе от Норова. Все зовут меня обедать, а я всем отказываю. Начинаю думать о выезде. Ты уж, вероятно, в своем загородном болоте.[12] Что-то дети мои и книги мои? Каково-то[б] перевезли и перетащили тех и других? и как перетащила ты свое брюхо? Благословляю тебя, мой ангел. Бог с тобою и с детьми. Будьте здоровы. Кланяюсь твоим наездницам. Цалую ручки у К.‹атерины› Ив.‹ановны›. Прощай.

А. П.

Я получил от тебя твое премилое письмо — отвечать некогда — благодарю и цалую тебя, мой ангел. 16 мая.

174. Н. Н. Пушкиной

18 мая 1836 г. Москва

Жена, мой ангел, хоть и спасибо за твое милое письмо, а все-таки я с тобою побранюсь: зачем тебе было писать: Это мое последнее письмо, более не получишь. Ты меня хочешь принудить приехать к тебе прежде 26.[1] Это не дело. Бог поможет, Современник и без меня выдет. А ты без меня не родишь. Можешь ли ты из полученных денег дать Одоевскому 500? нет?[2] Ну, пусть меня дождутся — вот и все. Новое твое распоряжение, касательно твоих доходов, касается тебя, делай как хочешь; хоть кажется лучше иметь дело с Дм.‹итрием› Ник.‹олаевичем›, чем с Нат.‹альей› Ив.‹ановной›.[3] Это я говорю только dans l'intérêt de Mr Durier et M^{de} Sichler;[а, 4] а мне все равно. Твои петербургские новости ужасны. То, что ты пишешь о Павлове, помирило меня с ним. Я рад, что он вызывал Апрелева. — У нас убийство может быть гнусным расчетом: оно избавляет от дуэля и подвергается одному наказанию — а не смертной казни. Утопление Сталыпина — ужас! не уж то невозможно было ему помочь? У нас в Москве все, слава богу, смирно: бой Киреева с Яром произвел великое негодование в чопорной здешней публике. Нащокин заступается за Киреева очень просто и очень умно: что за беда, что гусарский

а Не красавица, но хорошенькая фигурка (*франц. искаженное*).
б *В подлиннике* какого-то
а В интересах мсье Дюрье и мадам Сихлер.

поручик напился пьян и побил трахтирщика, который стал обороняться? Разве в наше время, когда мы били немцев на Красном Кабачке, и нам не доставалось, и немцы получали тычки сложа руки?[5] По мне драка Киреева гораздо простительнее, нежели славный обед ваших кавалергардов,[6] и благоразумие молодых людей, которым плюют в глаза, а они утираются батистовым платком, смекая, что если выдет история, так их в Аничков не позовут.[7] Брюлов сей час от меня. Едет в П.<етер>Б.<ург> скрепя сердце; боится климата и неволи.[8] Я стараюсь его утешить и ободрить; а между тем у меня у самого душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист. Будучи еще порядочным человеком, я получал уж полицейские выговоры[9] и мне говорили: *Vous avez trompé*[б] и тому подобное. Что же теперь со мною будет? Мордвинов будет на меня смотреть как на Фаддея Булгарина и Николая Полевого,[10] как на шпиона; чорт догадал меня родиться в России с душою и с талантом! Весело, нечего сказать. Прощай, будьте здоровы. Цалую тебя.

18

Адрес: Натальи Николаевне Пушкиной.
В С. Петербург в доме Баташева у Прачечного моста на набережной.

175. И. И. Лажечникову

20 (?) мая 1836 г. Тверь

Я все еще надеялся, почтенный и любезный Иван Иванович, лично благодарить вас за ваше ко мне благорасположение, за два письма,[1] за романы и пугачевщину,[2] но неудача меня преследует. — Проезжаю через Тверь на перекладных и в таком виде, что никак не осмеливаюсь к вам явиться и возобновить старое, минутное знакомство.[3] — Отлагаю до сентября, то есть до возвратного пути;[4] покаместь поручаю себя вашей снисходительности и доброжелательству.

Сердечно вас уважающий
Пушкин.

б Вы обманули.

176. А. А. Краевскому

Около (не ранее) 25 мая 1836 г. Петербург

Милостивый государь
Александр Андреевич,

Вчера был я у Вас и не имел удовольствия застать Вас дома. Завтра явлюсь к Вам поутру. Не имею слов для изъяснения глубочайшей моей благодарности — Вам и к.‹нязю› Одоевскому. До свидания

весь Ваш
А. П.

177. П. В. Нащокину

27 мая 1836 г. Петербург

Любезный мой Павел Воинович,

Я приехал к себе на дачу 23-го в полночь, и на пороге узнал, что Нат.‹алья› Ник.‹олаевна› благополучно родила дочь Наталью за несколько часов до моего приезда. Она спала. На другой день я ее поздравил и отдал вместо червонца твое ожерелье, от которого она в восхищении. Дай бог не сглазить, все идет хорошо. Теперь поговорим о деле. Я оставил у тебя два порожних экз.‹емпляра› Современника. Один отдай кн. Гагарину, а другой пошли от меня Белинскому [1] (тихонько от Наблюдателей, NB) [2] и вели сказать ему, что очень жалею, что с ним не успел увидеться. *Во-вторых*, я забыл взять с собою твои Записки; перешли их, сделай милость, поскорее.[3] *В-третьих,* деньги, деньги! Нужно их до зареза.[4]

Путешествие мое было благополучно, хотя три раза чинил я коляску, но слава богу — на месте, т. е. на станции, и не долее 2-х часов *en tout.*[a]

Второй № Современника очень хорош, и ты скажешь мне за него спасибо. Я сам начинаю его любить, и, вероятно, займусь им деятельно.[5] Прощай, будь счастлив в тинтере [6] и в прочем. Сердечно кланяюсь Вере Алекс.‹андровне›. Ее комиссий [7] сделать еще не успел. На днях буду хлопотать.

27 мая.

Вот тебе анекдот о моем Сашке. Ему запрещают (не знаю зачем) просить чего ему хочется. На днях говорит он своей тетке: Азя! дай мне чаю: я просить не буду.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Павлу Воиновичу Нащокину etc.
в Москве у Старого Пимена в доме Ивановой.

---

[a] В общем.

178. Л. С. Пушкину

3 июня 1836 г. Петербург

Вот тебе короткий расчет нашего предполагаемого раздела:[1] 80 душ и 700 десятин земли в Пск.<овской> губ<ерн>ии стоят (полагая 500 р. за душу вместо обыкновенной цены 400 р.).

	—40000	р.
Из оных выключается $7^{\text{ая}}$ часть на отца	5714	
Да $14^{\text{ая}}$ часть на сестру	2857	
Итого	8571	—

Отец наш отказался от своей части и предоставил ее сестре.
На нашу часть остается разделить поровну . . . 31429 р.
На твою часть придется . . . . 15715.

Прежде сентября месяца мы ничего не успеем сделать.

Напиши, какие у тебя долги в Тифлисе,[2] и, если успеешь, то купи свои векселя, покаместь кредиторы твои не узнали о твоем наследстве.

Из письма твоего к Ник.<олаю> Ив.<ановичу>[3] вижу, что ты ничего не знаешь о своих делах. Твой вексель, данный Болтину, мною куплен[4] — долг Плещееву заплочен (кроме 30 червонцев, о которых он писал ко мне, когда уже отказался я от управления нашим имением).[5] Долг Ник.<олаю> Ив.<ановичу> также заплочен.[6] Из мелочных не заплочен долг Гута,[7] *и некоторые другие, которые ты знаешь*, говорит мне Ник.<олай> Ив.<анович>.

3 июня.

Мнение мое: эти 15 000 рассрочить тебе на 3 года — ибо, вероятно, тебе деньги нужны и ты на получение доходов с половины Михайловского согласиться не можешь. — О положенном тебе отцом[8] буду с ним говорить, хоть это, вероятно, ни к чему не поведет. Отдавая ему имение, я было выговорил для тебя независимые доходы с половины Кистенева. Но видно отец переменил свои мысли. Я же ни за что не хочу более вмешиваться в управление или разорение имения отцовского.

179. А. А. Краевскому

6 июня 1836 г. Петербург

В статье Вяземского о Юлии Кес.<аре> и Наполеоне[1] есть ошибки противу языка в собственных имянах. Например: Тарквин вместо Тарквиний, Парфы вместо Парфяне, Тиверий вместо Тиберий — и другие. Исправьте, сделайте милость, если заметите.[2]

6 июня.

180. Н. А. Дуровой

Около 10 июня 1836 г. Петербург

Вот начало ваших записок. Все экземпляры уже напечатаны и теперь переплетаются. Не знаю, возможно ли будет остановить издание. Мнение мое, искренное и бескорыстное — оставить как есть. *Записки амазонки* — как-то слишком изысканно, манерно, напоминает немецкие романы. *Записки Н. А. Дуровой* — просто, искренне и благородно.[1] Будьте смелы — вступайте на поприще литературное столь же отважно, как и на то, которое Вас прославило. Полумеры никуда не годятся.

Весь Ваш А. П.

Дом мой к Вашим услугам. На Дворцовой Набережной, дом Баташева у Прачечного мосту.[2]

181. Неизвестной

Около 14 июня 1836 г. Петербург

(*Черновое*)

Je suis encore plus malheureux que coupable — M[d] la Comtesse ‹. . .›

Перевод:

Я еще более несчастен, чем виновен, — графиня ‹. . .›

182. И. И. Дмитриеву

14 июня 1836 г. Петербург

Милостивый государь Иван Иванович, возвратясь в П.‹етер› Б.‹ург›, имел я счастие найти у себя письмо от вашего высокопревосходительства.[1] Батюшка поручил мне засвидетельствовать глубочайшую свою благодарность за участие, принимаемое вами в несчастии, которое нас постигло.[2]

Благосклонный ваш отзыв о Современнике ободряет меня на поприще, для меня новом.[3] Постараюсь и впредь оправдать ваше доброе мнение.

Замечание о вашем омониме украсит второй № Современника и будет напечатано слово в слово.[4] Ваш Созий не сын Юпитера, и его встреча с вами для него невыгодна во всех отношениях.[5]

Дай бог вам здоровье и многие лета! Переживите молодых наших словесников, как ваши стихи переживут молодую нашу словесность.[6]

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь, вашего высокопревосходительства покорнейшим слугою. Александр Пушкин.

14 июня.
С. П. Б.

183. И. М. Пеньковскому

14 июня 1836 г. Петербург

Возвратясь из Москвы, нашел я у себя письмо ваше.[1] Надеюсь, что квитанция из Моск.‹овского› совета Вами уже получена.[2] Оброка прибавлять не надобно.[3] Если можно и выгодно Кистенево положить на пашню, то с богом.[4] Но вряд ли это возможно будет.

Батюшка намерен нынешний год побывать у вас; но вряд ли сберется. Жить же в Болдине, вероятно, не согласится.[5] Если не останется он в Москве, то, думаю, поселится в Михайловском.

Очень благодарен Вам за ваши попечения о нашем имении. Знаю, что в прошлом году вы остановили батюшку в его намерении продать это имение и тем лишить, если не меня, то детей моих, последнего верного куска хлеба.[6] Будьте уверены, что я никогда этого не забуду.

А. П.

14 июня
1836.
С. П. Б.

О Михайле и его семье буду к Вам писать.[7]

184. Д. В. Давыдову

14 июня 1836 г. Петербург

(Черновое)

[Я сей час из Москвы —]

Статью о Дрезд.‹ене› не могу тебе прислать, прежде нежели ее не напечатают, ибо она есть ценсурный документ. Успеешь наглядеться на ее благородные раны.[1]

Покаместь благодарю за позволение — напечатать ее и в настоящем ее виде. [Чорт побери генерал-лейтенанта Винценгероде!] — А жаль, что не тиснули мы ее во 2-м № Соврем.‹енника›, который у меня весь полон Наполеоном? [2] куда бы к стати тут же было [принести ему в жертву] заколоть у подножия Вандомской колоны генерала Винценгероде, как жертву примирительную! — я было и рукава засучил! Вырвался, проклятый; бог с ним, чорт его побери.[3]

Вяз.<емский> советует мне напечатать *твои очи* без твоего позволения.[4] — Я бы рад, да как-то боюсь. Как думаешь — ведь можно бы — без имени? . .

От Язык.<ова> жду писем.

185. Н. И. Ушакову

Около (не ранее) 14 июня 1836 г. Петербург

(Черновое)

Возвратясь из Москвы, имел я честь получить [от Н.<иколая> Ив.<ановича> Павл.<ищева>] вашу книгу[1] — [одну из самых красноречивых, которые когда-либо были написаны —] [и с жадностию] ее прочел.

Не берусь судить о ней как о произведении ученого военного человека, но восхищаюсь ясным, красноречивым и живописным изложением. Отныне великое имя [гр.<афа> Эрив.<анского>] покорителя Эривани, Арзр.<ума> и В.<аршавы>[2] соединено будет с имен.<ем> его блестящего историка. С изумлением увидел я, что вы и мне даровали бессмертие — одною чертою вашего пера.[3] [Эта черта дороже мне всевозможных триумфов, радуюсь, что] Вы впустили меня в храм Славы, как некогда гр. Эриван<ский> позволил мне въехать вслед за ним в завоеванный Арзрум.

С глубоч.<айшим> etc.

186. А. А. Краевскому

18 июня 1836 г. Петербург

Я разрешил типографии печатать *Париж*[1] прежде последних двух статей: *о Ревизоре*[2] и *о нов.<ых> кн<ига>х*,[3] ибо *Париж*, благо, готов; а *те* еще не переписаны, и в тисках у Крылова не бывали. Простите, будьте здоровы, так и мы будем живы —

весь Ваш

18 июня. А. П.

Адрес: Его благородию
А. А. Краевскому
от Пушкина.

187. Н. А. Дуровой

Около (не ранее) 25 июня 1836 г. Петербург

Очень вас благодарю за ваше откровенное и решительное письмо. Оно очень мило, потому что носит верный отпечаток вашего пылкого и нетерпеливого характера. Буду отвечать вам *по пунктам*, как говорят подьячии.[1]

1) Записки ваши еще переписываются. Я должен был их отдать только такому человеку, в котором мог быть уверен. От того дело и замешкалось.

2) Государю угодно было быть моим цензором: это правда; но я не имею права подвергать его рассмотрению произведения *чужие*. Вы, конечно, будете исключением, но для сего нужен предлог, и о том-то и хотелось мне с вами переговорить, дабы скоростью не перепортить дела.

3) Вы со славою перешли одно поприще; вы вступаете на новое, вам еще чуждое. Хлопоты сочинителя вам непонятны. Издать книгу нельзя в одну неделю; на то требуется по крайней мере месяца два. Должно рукопись переписать, представить в цензуру, обратиться в типографию и проч., и проч.

4) Вы пишите мне: *действуйте, или дайте мне действовать*. Как скоро получу рукопись переписанную, тотчас и начну. Это не может и не должно мешать вам действовать с вашей стороны. Моя цель — доставить вам как можно более выгоды и не оставить вас в жертву корыстолюбивым и неисправным книгопродавцам.

5) Ехать к государю на маневры мне невозможно по многим причинам. Я даже думал обратиться к нему в *крайнем случае*, если цензура не пропустит ваших записок. Это объясню я вам, когда буду иметь счастие вас увидеть лично.

Остальные 500 рублей буду иметь вам честь доставить к 1-му июлю.[2] У меня обыкновенно (как и у всех журналистов) платеж производится только по появлении в свет купленной статьи.

Я знаю человека, который охотно купил бы ваши записки; но, вероятно, его условия будут выгоднее для него, чем для вас. Во всяком случае, продадите ли вы их или будете печатать от себя, все хлопоты издания, корректуры и проч. извольте возложить на меня. Будьте уверены в моей преданности и ради бога не спешите осуждать мое усердие.

С глубочайшим почтением и преданностию честь имею быть, милостивый государь,

вашим покорнейшим слугою
Александр Пушкин.

P. S. На днях выйдет 2-й № Современника. Тогда я буду свободнее и при деньгах.[3]

188. А. А. Краевскому

Конец июня 1836 г. Петербург

Муравьев заметил важную ошибку в своей сцене: [1] целый стих выпущен —

Кто за великого магистра?

К.‹нязь› Б.‹оэмунд›. Я! (стр. 103)

Что нам делать? перепечатать ли страницу или поместить в *Errata* [a]? [2]

189. И. А. Яковлеву

9 июля 1836 г. Петербург

Любезный Иван Алексеевич,

Я так перед тобою виноват, что и не оправдываюсь. Деньги ко мне приходили и уходили между пальцами — я платил чужие долги, выкупал чужие имения — а свои долги остались мне на шее. Крайне расстроенные дела сделали меня несостоятельным... и я принужден у тебя просить еще отсрочки до осени.[1] Между тем поздравляю тебя с приездом.[2] Где бы нам увидеться? я в трауре [3] и не езжу никуда, но рад бы тебя встретить, хоть ты мой и заимодавец. Надеюсь на твое слишком испытанное великодушие,

весь твой
А. Пушкин.

9 июля 1836
Кам. Остр.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Ивану Алексеевичу
Яковлеву
etc.

190. Н. И. Павлищеву

13 июля 1836 г. Петербург

Я очень знал, что приказчик плут, хотя, признаюсь, не подозревал в нем такой наглости. Вы прекрасно сделали, что его прогнали и что взялись сами хозяйничать.[1] Одно плохо; по письму Вашему вижу, что, вопреки моему приказанию, приказчик успел уже все распродать. Чем же будете Вы жить покаместь? Ей богу, не ведаю. Ваш Полонский ко мне не являлся.[2] Но так как я еще

---

[a] Опечатки (*лат.*).

не имею доверенности от Льва Сергеевича, то я его и не отыскивал.[3] Однако где мне найти его, когда будет до него нужда. Батюшка уехал из П.<етер>Б.<урга> 1 го июля — и я не получал об нем известия.[4] Письмо сестры перешлю к нему, коль скоро узнаю, куда к нему писать. Что ее здоровье? От всего сердца обнимаю ее. Кланяюсь также милой и почтенной моей Праск.<овье> Алекс.<андровне>, которая совсем меня забыла. Здесь у меня голова кругом идет, думаю приехать в Михайловское, как скоро немножко устрою свои дела.[5]

13 июля.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Николаю Ивановичу
Павлищеву.
В гор. Остров, оттуда во Врев.

191. Никитин, И. С. Мальцов, С. А. Соболевский, Пушкин и Ф. И. Доливо-Добровольский К. П. Брюллову

Июнь (10—25) или июль (6—23) 1836 г. Петербург

Подпоручик Никитин свидетельствует свое почтение Карлу Павловичу.

Мальцов
Соболевский
и Пушкин

свидетельствуют Брюлову свое почтение.

Ниже текста Пушкина приписано: Доливо-Добровольский —
Сбоку, рукою С. А. Соболевского: Romano[а,1] живет на Невском проспекте, в доме Таля, против Малой Морской, на квар. *Мальцова*, con *carcioffi*.[б]

192. Н. И. Павлищеву

Около (не позднее) 13 августа 1836 г. Петербург

Пришлите мне, сделайте одолжение, *объявление о продаже* Михайловского, составя его на месте; я так его и напечатаю.[1] Но постарайтесь на месте же переговорить с *лучшими* покупщиками. Здесь на Михайловское один из наших соседей, знающий и край и землю нашу, предлагал мне 20 000 рубл.! Признаюсь, вряд ли кто даст вдвое, а о 60 000 я не смею и думать. На сделку вами предлагаемую[2] не могу согласиться и вот почему: батюшка

а Римлянин *(итал.)*.
б С артишоками *(итал.)*.

никогда не согласится выделять Ольгу, а полагаться на Болдино мне невозможно. Батюшка уже половину имения прожил и проглядел, а остальное хотел уже продать. Вы пишете, что Михайловское будет мне игрушка, так — для меня; но дети мои ничуть не богаче Вашего Лёли; [3] и я их будущностью и собственностию шутить не могу. Если взяв Михайловское понадобится вам его продать, то оно мне и игрушкою не будет. Оценка ваша в 64 000 выгодна; но надобно знать, дадут ли столько. Я бы и дал, да денег не хватает, да кабы и были, то я капитал свой мог бы употребить выгоднее. Кланяюсь Ольге; дай бог ей здоровья — а нам хороших покупщиков. Нынче осенью буду в Михайловском — вероятно, в последний раз. Желал бы Вас еще застать.

А. П.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Николаю Ивановичу
Павлищеву.
В Остров,
в село Врев.

193. А. Л. Крылову

Первая половина августа 1836 г. Петербург

Пушкин покорнейше просит Александра Лукича представить сию статью куда следует для разрешения.

194. А. А. Жандру

Июль—август 1836 г. Петербург

(Черновое)

Осмеливаюсь тебя беспокоить просьбою за молодого человека мне незнакомого, но который находится в обст.‹оятельствах›, требующих немедленной помощи. Г.‹осподин› Хм.‹ельницкий› на днях приехал из Малор‹оссии›, [желая определиться во флот —]. Он здесь без денег и без покровителей. Ему 23 года. Судя по его разговору и по письму, мною от него полученному, он умен и имеет благородные чувства. [Вот в чем просьба моя к тебе, умный [мой] и благородный А‹ндрей› ‹Андреевич›] Вот в чем дело: он желает определиться во флот, но до сих пор не имел доступа до кн. Менщ‹икова›. Я обещался его тебе представить, отвечая за твою готовность сделать ему добро, коли только будет возможно.

195. А. А. Краевскому

Конец июля—август 1836 г. Петербург

Сей час отправлюсь в Ценсуру — думаю мои статьи [1] переслать к кн. Корсакову — до свидания.

196. Д. В. Давыдову

Август 1836 г. Петербург

(Черновое)

Ты думал, что твоя статья о партизанск<ой> войне [1] пройдет сквозь ценсуру цела и невредимо.[a] Ты ошибся: она не избежала красных чернил. Право, кажется, военные ценсоры марают для того, чтоб доказать, что они читают.[2]

Тяжело, нечего сказать. И с одною ценсурою напляшешься; каково же зависить от целых четырех? [3] Не знаю, чем провинились русские писатели, которые не только смирны, но даже сами от себя согласны с духом правительства. Но знаю, что никогда не бывали они притеснены, как нынче: даже и в последнее пятилетие царств.<ования> покойн.<ого> имп.<ератора>, когда вся литература сделалась рукописною благодаря Красовскому и Бирукову. [Одно спасение нам, если государь успеет сам сие прекратить и разрешит].

Ценсура — дело земское; от нее отделили опричину — а опричники руководствуются не уставом, а своим крайним разумением.[4]

197. В Петербургский цензурный комитет

5 сентября 1836 г. Петербург

Автор статьи: *Александр Радищев,* покорнейше просит Комитет о возвращении ему сей статьи, не допущенной к помещению в журнале.

5 сентября
1836.

198. П. А. Корсакову

Около (не позднее) 27 сентября 1836 г. Петербург

Милостивый государь,
Петр Александрович,

Некогда, при первых моих шагах на поприще литературы, Вы подали мне дружескую руку.[1] Ныне осмеливаюсь прибегнуть снова к Вашему снисходительному покровительству.

а *Так в подлиннике.*

Вы один у нас умели сочетать щекотливую должность цензора с чувством литератора (лучших, не нынешних времен).[2] Знаю, как Вы обременены занятиями:[3] мне совестно Вас утруждать; но к Вам одному можем мы прибегать с полной доверенностию и с искренним уважением к Вашему окончательному решению. Пеняйте ж сами на себя.

Осмеливаясь препроводить на разрешение к Вам первую половину моего романа,[4] прошу Вас сохранить тайну моего имени.

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою
А. Пушкин

199. М. Л. Яковлеву

Около (не ранее) 9 октября 1836 г. Петербург

Я согласен со мнением 39 №.[1] Нечего для двадцатипятилетнего юбилея изменять старинные обычаи Лицея.[2] Это было бы худое предзнаменование. Сказано, что и последний лицеист, *один* будет праздновать 19 октября.[3] Об этом не худо [повторить] напомнить.

№ 14.[4]

‹*Приписки:*›

‹*П. Ф. Гревениц* (?):› Согласен с мнением № 14 и № 39. № 40.
‹*Неизвестный лицеист:*› С № 39 сог.‹ласен.›. № 33.
‹*П. Н. Мясоедов:*› С № 39. № 41.
‹*С. Д. Комовский:*› С № 39. № 35.[5]

200. Н. И. Гречу

13 октября 1836 г. Петербург

Милостивый государь
Николай Иванович,

Искренне благодарю Вас за доброе слово о моем Полководце. Стоическое лице Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории. Не знаю, можно ли вполне оправдать его в отношении

военного искусства; но его характер останется вечно достоин удивления и поклонения.

С истинным почтением и преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашим
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

13 окт.
1836

Адрес: Его высокородию
милостивому государю
Николаю Ивановичу
Гречу etc.
За Синим мостом на Мойке в собств. доме.

201. М. А. Корфу

14 октября 1836 г. Петербург

Вчерашняя посылка твоя [1] мне драгоценна во всех отношениях и останется у меня памятником. Право, жалею, что государственная служба [2] отняла у нас историка. Не надеюсь тебя заменить. Прочитав эту номенклатуру, я испугался и устыдился: большая часть цитованных книг мне неизвестна. Употреблю всевозможные старания, дабы их достать.[3] Какое поле — эта новейшая Русская история! И как подумаешь, что оно вовсе еще не обработано и что кроме нас, русских, никто того не может и предпринять! — Но история долга, жизнь коротка,[4] а пуще всего, человеческая природа ленива (русская природа в особенности). До свидания. Завтра, вероятно, мы увидимся у Мясоедова.[5]

Сердцем тебе преданный
А. П.

14 Окт.

202. П. Я. Чаадаеву

19 октября 1836 г. Петербург

19 oct.

Je vous remercie de la brochure que vous m'avez envoyée.[1] J'ai été charmé de la relire, quoique très étonné de la voir traduite et imprimée.[2] Je suis content de la traduction: elle a conservé de l'énergie et du laisser-aller de l'original.[3] Quant aux idées, vous savez que je suis loin d'être tout à fait de Votre avis.[4] Il n'y a pas de doute que le Schisme nous a séparé du reste de l'Europe et que nous n'avons pas participé à aucun des grands événements qui l'ont remuée; mais nous avons eu notre mission à nous. C'est la Russie, c'est son immense étendue qui a absorbé la conquête Mogole. Les

tartares n'ont pas osé franchir nos frontières occidentales et nous laisser à dos. Ils se sont retirés vers leurs déserts, et la civilisation Chrétienne a été sauvée.[5] Pour cette fin, nous avons dû avoir une existance tout à fait à part, qui en nous laissant Chrétiens, nous laissait cependant tout à fait étrangers au monde Chrétien, en sorte que notre martyre ne donnait aucune distraction à l'énergique développement de l'Europe catholique. Vous dites que la source où nous sommes allés puiser le Christianisme était impure, que Byzance était méprisable et méprisée etc. — hé, mon ami! Jésus Christ lui-même n'était-il pas né juif et Jérusalem n'était-elle pas la fable des nations? l'évangile en est-il moins admirable? Nous avons pris des Grecs l'évangile et les traditions, et non l'esprit de puérilité et de controverse. Les mœurs de Byzance n'ont jamais été celles de Kiov. Le clergé Russe, jusqu'à Théophane, a été respectable, il ne s'est jamais soulié des infamies du papisme et certes n'aurait jamais provoqué la réformation, au moment ou l'humanité avait le plus besoin d'unité.[6] Je conviens que notre clergé actuel est en retard. En voulez-vous savoir la raison? c'est qu'il est barbu; voilà tout. Il n'est pas de bonne compagnie. Quant à notre nullité historique, décidément je ne puis être de votre avis. Les guerres d'Oleg et de Sviatoslav, et même les guerres d'apanage, n'est-ce pas cette vie d'effervescence aventureuse et d'activité âpre et sans but qui caractérise la jeunesse de tous les peuples? [7] l'invasion des tartares est un triste et grand tableau. Le réveil de la Russie, le développement de sa puissance, sa marche vers l'unité (unité Russe, bien entendu), les deux Ivan, le drame sublime commencé à Ouglitch et terminé au monastère d'Ipatief [8] — — quoi? tout cela ne serait pas de l'histoire, mais un rêve pâle et à demi-oublié? Et Pierre le Grand qui à lui seul est une histoire universelle! Et Catherine II qui a placé la Russie sur le seuil de l'Europe? et Alexandre qui vous a mené à Paris? [9] et (la main sur le cœur) ne trouvez-vous pas quelque chose d'imposant dans la situation actuelle de la Russie, quelque chose qui frappera le futur historien? Croyez<-vous> qu'il nous mettra hors l'Europe? Quoique personnellement attaché de cœur à l'E.<mpereur>, je suis loin d'admirer tout ce que je vois autour de moi; comme homme de lettre, je suis aigri; comme homme à préjugés, je suis froissé — [je] mais je vous jure sur mon honneur, que pour rien au monde je n'aurais voulu changer de patrie, ni avoir d'autre histoire que celle de nos ancêtres, telle que Dieu nous l'a donnée.[10]

Voici une bien longue lettre. Après vous avoir contredit il faut bien que je vous dise que beaucoup de choses dans votre épitre sont profondément vraies. Il faut bien avouer que notre existence sociale est une triste chose. Que cette absence d'opinion publique, cette indifférence pour tout ce qui est devoir, justice et vérité, ce mépris cynique pour la pensée et la dignité de l'homme, sont une chose vraiment désolante. Vous avez bien fait de le dire tout haut. Mais je crains que vos opinions [reli<gieuses>] historiques ne vous fassent

du tort... enfin je suis fâché de ne pas m'être trouvé près de vous lorsque vous avez livré votre manuscript aux journalistes. Je ne vais nulle part, et ne puis vous dire si l'article fait effet.[11] J'espère qu'on ne le fera pas mousser. Avez-vous lu le 3me № du Современник? L'article Voltaire et John Tanner sont de moi. Козловский serait ma providence s'il voulait une bonne fois devenir homme de lettre. Adieu, mon ami. Si vous voyez Orlof<?> et Rayewsky<?>[12] dites-leurs bien des choses. Que disent-ils de votre lettre, eux qui sont si médiocrement Chrétiens?

Перевод:

19 окт.

Благодарю за брошюру, которую вы мне прислали.[1] Я с удовольствием перечел ее, хотя очень удивился, что она переведена и напечатана.[2] Я доволен переводом: в нем сохранена энергия и непринужденность подлинника.[3] Что касается мыслей, то вы знаете, что я далеко не во всем согласен с вами.[4] Нет сомнения, что Схизма отъединила нас от остальной Европы и что мы не принимали участия ни в одном из великих событий, которые ее потрясали, но у нас было свое особое предназначение. Это Россия, это ее необъятные пространства поглотили монгольское нашествие. Татары не посмели перейти наши западные границы и оставить нас в тылу. Они отошли к своим пустыням, и христианская цивилизация была спасена.[5] Для достижения этой цели мы должны были вести совершенно особое существование, которое, оставив нас христианами, сделало нас, однако, совершенно чуждыми христианскому миру, так что нашим мученичеством энергичное развитие католической Европы было избавлено от всяких помех. Вы говорите, что источник, откуда мы черпали христианство, был нечист, что Византия была достойна презрения и презираема и т. п. Ах, мой друг, разве сам Иисус Христос не родился евреем и разве Иерусалим не был притчею во языцех? Евангелие от этого разве менее изумительно? У греков мы взяли Евангелие и предания, но не дух ребяческой мелочности и словопрений. Нравы Византии никогда не были нравами Киева. Наше духовенство, до Феофана, было достойно уважения, оно никогда не пятнало себя низостями папизма и, конечно, никогда не вызвало бы реформации в тот момент, когда человечество больше всего нуждалось в единстве.[6] Согласен, что нынешнее наше духовенство отстало. Хотите знать причину? Оно носит бороду, вот и все. Оно не принадлежит к хорошему обществу. Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться. Войны Олега и Святослава и даже удельные усобицы — разве это не та жизнь, полная кипучего брожения и пылкой и бесцельной деятельности, которой отличается юность всех народов?[7] Татарское нашествие — печальное и великое зрелище. Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавшаяся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре,[8] — — как, неужели все это не история, а лишь бледный и

полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж?[9] и (положа руку на сердце) разве не находите вы что-то значительное в теперешнем положении России, что-то такое, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератор — я раздражен, как человек с предрассудками — я оскорблен, — [я] но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал.[10]

Вышло предлинное письмо. Поспорив с вами, я должен вам сказать, что многое в вашем послании глубоко верно. Действительно, нужно сознаться, что наша общественная жизнь — грустная вещь. Что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству — поистине могут привести в отчаяние. Вы хорошо сделали, что сказали это громко. Но боюсь, как бы ваши [религиозные] исторические воззрения вам не повредили... Наконец, мне досадно, что я не был подле вас, когда вы передали вашу рукопись журналистам. Я нигде не бываю и не могу вам сказать, производит ли статья впечатление.[11] Надеюсь, что ее не будут раздувать. Читали ли вы 3-й № *Современника*? Статьи «Вольтер» и «Джон Теннер» — мои. *Козловский* стал бы моим провидением, если бы решительно захотел сделаться литератором. Прощайте, мой друг. Если увидите Орлова ‹?› и Раевского ‹?›,[12] передайте им поклон. Что говорят они о вашем письме, они, столь посредственные христиане?

203. С. Л. Пушкину

20 октября 1836 г. Петербург

Mon cher père, voilà d'abord mon adresse: на Мойке близ Конюшенного мосту в доме кн. Волконской.[1] J'ai été obligé de quitter la maison de Batachef, dont l'intendant est un coquin.[2]

Vous me demandez des nouvelles de Natalie et de la marmaille. Grâce à Dieu tout le monde se porte bien. Je n'ai pas de nouvelle de ma sœur qui est partie malade de la campagne.[3] Son mari après m'avoir impatienté par des lettres parfaitement inutiles ne donne plus signe de vie, quand il s'agit de régler ses affaires. Envoyez-lui, je vous prie, une *доверенность* pour la part que vous avez donnée à Olga; cela est indispensable. Léon est entré au service, et me demande de l'argent; mais je ne suis pas en état d'entretenir tout le monde; je suis moi-même très dérangé, chargé d'une nombreuse famille, la faisant vivre à force de travail et n'osant envisager l'avenir. Pavlichtchef me reproche les dépenses que je fais, quoique je ne suis à charge à personne, et que je n'ai de compte à rendre qu'à

mes enfants. Il prétend qu'ils seront toujours plus riches que son fils; je n'en sais rien; mais je ne puis, ni ne veux faire le généreux à leurs dépens.

J'avais compté aller à Михайловское; je n'ai pas pu. Ça va encore me déranger pour un an, au moins. A la campagne j'aurais beaucoup travaillé; ici je ne fais rien, que de la bile.

Adieu, mon cher père, je vous baise les mains et vous embrasse de tout mon cœur.

20 oct.
1836.

Адрес: Его высокородию
м. г. Сергею Львовичу
Пушкину
в Москве
На Лубянке в доме Митькова.

Перевод:

Дорогой отец, прежде всего — вот мой адрес: *на Мойке близ Конюшенного мосту в доме кн. Волконской*.[1] Я вынужден был покинуть дом Баташева, управляющий которого негодяй.[2]

Вы спрашиваете у меня новостей о Натали и о детворе. Слава богу, все здоровы. Не получаю известий о сестре, которая уехала из деревни больною.[3] Ее муж, выводивший меня из терпения совершенно бесполезными письмами, не подает признаков жизни теперь, когда нужно устроить его дела. Пошлите ему, пожалуйста, *доверенность* на ту часть, которую вы выделили Ольге; это необходимо. Лев поступил на службу и просит у меня денег; но я не в состоянии содержать всех; я сам в очень расстроенных обстоятельствах, обременен многочисленной семьей, содержу ее своим трудом и не смею заглядывать в будущее. Павлищев упрекает меня за то, что я трачу деньги, хотя я не живу ни на чей счет и не обязан отчетом никому, кроме моих детей. Он утверждает, что они все равно будут богаче, чем его сын; этого я не знаю, но не могу и не хочу быть щедрым за их счет.

Я рассчитывал побывать в *Михайловском* — и не мог. Это расстроит мои дела по меньшей мере еще на год. В деревне я бы много работал; здесь я ничего не делаю, а только исхожу желчью.

Прощайте, дорогой отец, целую ваши руки и обнимаю вас от всего сердца.

20 окт. 1836.

204. П. А. Корсакову

25 октября 1836 г. Петербург

Милостивый государь
Петр Александрович,

Спешу отвечать на вопросы ваши.[1] Имя девицы Мироновой вымышлено. Роман мой основан на предании, некогда слышанном мною, будто бы один из офицеров, изменивших своему долгу и перешедших в шайки Пугачевские, был помилован императрицей по просьбе престарелого отца, кинувшегося ей в ноги.[2] Роман, как изволите видеть, ушел далеко от истины. О настоящем имени автора я бы просил вас не упоминать, а объявить, что рукопись доставлена через П. А. Плетнева, которого я уже предуведомил.[3]

Позвольте, милостивый государь, вновь засвидетельствовать глубочайшее почтение и сердечную мою благодарность.

Честь имею быть,
милостивый государь,
Вашим покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

25 окт.

205. А. Н. Муравьеву

Октябрь (после 9?) 1836 г. Петербург

Сердечно благодарен за статью, которую [вы] я так долго ожидал.[1] Я перед вами кругом виноват, я не только должен, но еще и желал бы с Вами поговорить — когда я Вас застану? [2]

А. Пушкин.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Андрею Николаевичу
Муравьеву
etc.

206. В. Ф. Одоевскому

Октябрь (?) 1836 г. Петербург

Конечно, Княжна Зизи [1] имеет более истины и занимательности, нежели Сильфида.[2] Но всякое даяние Ваше благо. Кажется, письмо тестя [3] — холодно и слишком незначительно. Зато в других много прелестного. Я заметил одно место знаком (?) — оно пока-

залось мне не вразумительно. Во всяком случае Сильфиду ли, Княжну ли,[а] но[б] оканчивайте и высылайте. Без Вас пропал Современник.

А. П.

207. Е. Ф. Канкрину

6 ноября 1836 г. Петербург

Милостивый государь
граф Егор Францович.

Ободренный снисходительным вниманием, коим ваше сиятельство уже изволили меня удостоить, осмеливаюсь вновь беспокоить вас покорнейшею моею просьбою.[1]

По распоряжениям, известным в министерстве вашего сиятельства, я состою должен казне (без залога) 45 000 руб., из коих 25 000 должны мною быть уплачены в течение пяти лет.

Ныне, желая уплатить мой долг сполна и немедленно, нахожу в том одно препятствие, которое легко быть может отстранено, но только вами.

Я имею 220 душ в Нижегородской губернии, из коих 200 заложены в 40 000.[2] По распоряжению отца моего, пожаловавшего мне сие имение, я не имею права продавать их при его жизни, хотя и могу их закладывать как в казну, так и в частные руки.

Но казна имеет право взыскивать, что ей следует, несмотря ни на какие частные распоряжения, если только оные высочайше не утверждены.

В уплату означенных 45 000 осмеливаюсь предоставить сие имение, которое верно того стоит, а вероятно и более.

Осмеливаюсь утрудить Ваше сиятельство еще одною, важною для меня просьбою. Так как это дело весьма малозначуще и может войти в круг обыкновенного действия, то убедительнейше прошу ваше сиятельство не доводить оного до сведения государя императора, который, вероятно, по своему великодушию, не захочет таковой уплаты (хотя оная мне вовсе не тягостна), а может быть и прикажет простить мне мой долг, что̀ поставило бы меня в весьма тяжелое и затруднительное положение: ибо я в таком случае был бы принужден отказаться от царской милости, что и может показаться неприличием, напрасной хвастливостию и даже неблагодарностию.[3]

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть, милостивый государь, вашего сиятельства покорнейшим слугою

Александр Пушкин.

6-го Ноября 1836 г.

[а] *Переделано из* Сильфида ли, Княжна ли

[б] *В подлиннике* но *написано дважды.*

208. Н. Б. Голицыну

10 ноября 1836 г. Петербург

St.-Pétersbourg, 10 Nov. 1836.

Merci mille fois, cher Prince, pour votre incomparable traduction de ma pièce de vers, lancée contre les ennemis de notre pays.[1] J'en avais déjà vû trois,[2] dont une d'un puissant personnage *de mes amis*,[3] et aucune ne vaut la vôtre. Que ne traduisites-vous pas cette pièce en temps opportun, je l'aurais fait passer en France pour donner sur le nez à tous ces vociférateurs de la Chambre des députés.[4]

Que je vous envie votre beau climat de Crimée: [5] votre lettre a réveillé en moi bien des souvenirs de tout genre. C'est le berceau de mon Онегин: [6] et vous aurez sûrement reconnu certains personnages.[7]

Vous m'annoncez une traduction en vers de mon Бахчисарайский Фонтан.[8] Je suis sûr qu'elle vous réussira comme tout ce qui sort de votre plume, quoique le genre de littérature auquel vous vous adonnez soit le plus difficile et le plus ingrât que je connaisse. A mon avis rien n'est plus difficile que de traduire des vers russes en vers français, car vû la concision de notre langue, on ne peut jamais être aussi bref. Honneur donc à celui qui s'en acquitte aussi bien que vous.

Adieu, je ne désespère pas de vous voir bientôt dans notre capitale; vû votre facilité de locomotion.[9] Tout à vous,

A. Pouchkine.

Перевод:

С.-Петербург, 10 ноября 1836.

Тысячу раз благодарю вас, милый князь, за ваш несравненный перевод моего стихотворения, направленного против недругов нашей страны.[1] Я видел уже три перевода,[2] из которых один сделан высокопоставленным лицом из числа *моих друзей*,[3] но ни один не стòит вашего. Отчего вы не перевели этой пьесы в свое время, — я бы послал ее во Францию, чтобы щелкнуть по носу всех этих крикунов из Палаты депутатов.[4]

Как я завидую вашему прекрасному крымскому климату: [5] письмо ваше разбудило во мне множество воспоминаний всякого рода. Там колыбель моего *Онегина*: [6] и вы, конечно, узнали некоторых лиц.[7]

Вы обещаете перевод в стихах моего *Бахчисарайского Фонтана*.[8] Уверен, что он вам удастся, как все, что выходит из-под вашего пера, хотя тот род литературы, которому вы предаетесь, — самый трудный и неблагодарный из всех, какие я знаю. По-моему, нет ничего труднее, чем переводить русские стихи французскими, ибо, при сжатости нашего

языка, никогда нельзя быть столь же кратким. Итак, честь и слава тому, кто справляется с этим так удачно, как вы.

Прощайте, я еще не отчаялся скоро увидеть вас в нашей столице, ибо знаю, как вы легки на подъем.[9]

Весь ваш А. Пушкин.

209. В. А. Соллогубу

17 ноября 1836 г. Петербург

Je n'hésite pas à écrire ce que je puis déclarer verbalement. J'avais provoqué Mr G. Heckern en duel, et il l'a accepté sans entrer en aucune explication. C'est moi qui prie Messieurs les témoins de cette affaire de vouloir bien regarder cette provocation comme non avenue, ayant appris par la voix publique que Mr Georges Heckern était décidé à déclarer ses projets de mariage avec Mlle Gontcharof, après le duel. Je n'ai nul motif d'attribuer sa résolution à des considérations indignes d'un homme de cœur.

Je vous prie, Monsieur le Comte, de faire de cette lettre l'usage que vous jugerez à propos.

Agréez l'assurance de ma parfaite considération.

A. Pouchkine.

17 Novembre
1836

Перевод:

Я не колеблюсь написать то, что могу заявить словесно. Я вызвал г-на Ж. Геккерна на дуэль, и он принял вызов, не входя ни в какие объяснения. И я же прошу теперь господ свидетелей этого дела соблаговолить рассматривать этот вызов как не имевший места, узнав из толков в обществе, что г-н Жорж Геккерн решил объявить о своем намерении жениться на мадемуазель Гончаровой после дуэли. У меня нет никаких оснований приписывать его решение соображениям, недостойным благородного человека.

Прошу вас, граф, воспользоваться этим письмом так, как вы сочтете уместным.

Примите уверение в моем совершенном уважении.

А. Пушкин.

17 ноября 1836.

210. М. Л. Яковлеву

19 ноября 1836 г. Петербург

Милый и почтенный мой Михайло Лукьянович! виноват! я было тебя зазвал сегодня к себе отобедать, а меня дома не будет.

До другого раза прости великодушно. Не забудь записку о святых [1] доставить мне грешному.

Адрес: Его высокородию
м. г. Михаилу Лукьяновичу
Яковлеву etc. etc.
У Казанского моста в доме казенной типографии.

211. Л. Геккерну

17—21 ноября 1836 г. Петербург

(Реконструированный текст) [a]

Monsieur le Baron,

Avant tout permettez-moi de faire le résumé de tout ce qui vient de se passer.[1] — La conduite de Mr Votre fils m'était entièrement connue depuis longtemps et ne pouvait m'être indifférente; mais comme elle était restreinte dans les bornes des convenances et que d'ailleurs je savais combien <sur ce> point ma femme méritait ma confiance et mon <res>pect, je me contentais du rôle d'observat<eu>r sauf à intervenir lorsque je le jugerai à p<ropos. Je> savais bien qu'une belle figure, une p<assion> malheureuse, une persévérance de deux <années finissent> <?> toujours par produire qu<elque effet> sur le cœur d'une jeune personne et qu'alors le mari, à moins qu'il ne fût un sot, deviendrait tout naturellement le confident de sa femme et le maître de sa conduite. Je vous avouerai que je n'étais pas sans inquiétude. Un incident, qui dans tout autre moment m'eut été très désagréable, vint fort heureusement me tirer d'affaire: je reçus des lettres anonymes. Je vis que le moment était venu, et j'en profitai. Vous savez le reste: je fis jouer à Mr Votre fils un rôle si grotesque et si pitoyable, que ma femme, étonnée de tant de plattitude, ne put s'empêcher de rire et que l'émotion, que peut-être avait-elle ressentie pour cette grande et sublime passion, s'éteignit dans le dégoût le plus calme et le mieux mérité.

Mais vous, Monsieur le Baron, vous me permettrez d'observer que le rôle à Vous dans toute cette affaire n'est <pas des plus convenables>. Vous, le représentant d'une tête couronnée, vous avez été

---

[a] Текст письма реконструирован по сохранившимся рукописям. В основу его положен первый перебеленный текст со всеми последующими исправлениями, дающими последнее чтение второго перебеленного текста (см. стр. 200—204 наст. изд.) со включением некоторых мест из черновых текстов. Отсутствующие в рукописях слова, части слов и фразы, восстановленные предположительно, заключены в ломаные скобки; многоточиями в таких же скобках обозначены отсутствующие в рукописях места, не поддающиеся восстановлению.

paternellement le maquereau de votre bâtard ou soi-disant tel; toute la conduite de ce jeune homme a été dirigée par vous. C'est vous qui lui dictiez les pauvretés ‹qu'il venait› débiter et les niaiseries qu'il s'est m‹êlé d'écrire›. Semblable à une obscène vieille, vous alliez guette‹r› ma femme dans tous les coins pour lui parler de votre fils et lorsque, malade de vérole, il était retenu chez lui miné de remèdes, vous disiez, infâme que vous êtes, qu'il se mourait d'amour pour elle; vous lui marmottiez: rendez-moi mon fils —

Vous voyez que j'en sais long; mais attendez, ce n'est pas tout: je vous disais bien que l'affaire se compliquait. Revenons aux lettres anonymes. Vous vous doutez bien qu'elles vous intéressent.

Le 2 de novembre vous eûtes de M-r votre fils une nouvelle ‹qui vous› fit beaucoup de plaisir. Il vous dit ‹qu'›à la suite d'une conversation ‹j'étais irr›ité, que ma femme crai‹gnait...›, ‹q›u'elle en perdait la tête. ‹Vous résolutes de› frapper un coup que l'on croyait décisif. ‹Une› lettre anonyme fut composée par vous et ‹.......›

Je reçus trois exemplaires ‹de la dizaine que› l'on avait distribuée. ‹Cette lettre . . . . › avait été fabriquée avec si peu de précaution ‹qu'au› premier coup d'œuil je fus sur les trâc‹es de l'au›teur. Je ne m'en inquiétais plus, j'étais sûr de trouver mon drôle. Effectivement, avant trois jours de recherches, je savais positi‹vement› à quoi m'en tenir. —

Si la diplomatie n'est que l'art de savoir ce qui se fait chez les autres et de se jouer de leurs projets, Vous me rendrez la justice d'avouer que vous avez été vaincu sur tous les points.

Maintenant j'arrive au but de ma lettre.[2] Peut-être désirez-vous savoir ce qui m'a empêché jusqu'à présent de vous déshonorer aux yeux de notre cour et de la vôtre. Je m'en vais vous le dire.

Je suis, vous le voyez, bon, ingénu ‹..........› mais mon cœur est sensible ‹.......› Un duel ne me suffit plus ‹......› non, et quelle que soit son issue, ‹je ne me jugerai pas› assez vengé ni par la ‹mort ....› de M-r votre fils, ni par ‹son mariage qui aurait› tout l'air d'un bonne ‹plaisanterie› (ce ‹qui, d'ailleurs,› m'embarrasse fort peu), ni ‹enfin› par la lettre que j'ai l'honneur de vous ‹écrire et› dont je garde la copie pour mon usage ‹particul›ier. Je veux que vous vous donniez la peine ‹de trouver› vous-même les raisons qui seraient suffi‹santes pour› m'engager à ne pas vous cracher à la fi‹gure et pour an›éantir jusqu'à la trace de cette misérable affaire, dont il me sera facile de faire un excellent chapitre dans mon histoire du cocuage.[3]

J'ai l'honneur d'être, Monsieur le Baron,
Votre très humble et très obéissant
serviteur
A. Pouchkine.

Перевод:

Барон,

Прежде всего позвольте мне подвести итог всему тому, что произошло недавно.[1] — Поведение вашего сына было мне совершенно известно уже давно и не могло быть для меня безразличным; но так как оно не выходило из границ светских приличий и так как притом я знал, насколько жена моя заслуживает мое доверие и мое уважение, я довольствовался ролью наблюдателя, готовый вмешаться, когда сочту это своевременным. Я хорошо знал, что красивая внешность, несчастная страсть и двухлетнее постоянство всегда в конце концов производят некоторое впечатление на сердце молодой женщины и что тогда муж, если только он не глупец, совершенно естественно делается поверенным своей жены и господином ее поведения. Признаюсь вам, я был не совсем спокоен. Случай, который во всякое другое время был бы мне крайне неприятен, весьма кстати вывел меня из затруднения: я получил анонимные письма. Я увидел, что время пришло, и воспользовался этим. Остальное вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь потешную и жалкую, что моя жена, удивленная такой пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызывала в ней эта великая и возвышенная страсть, угасло в отвращении самом спокойном и вполне заслуженном.

Но вы, барон — вы мне позволите заметить, что ваша роль во всей этой истории была не очень прилична. Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему незаконнорожденному или так называемому сыну; всем поведением этого юнца руководили вы. Это вы диктовали ему пошлости, которые он отпускал, и глупости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о вашем сыне, а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, истощенный лекарствами, вы говорили, бесчестный вы человек, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына —

Вы видите, что я много знаю: но подождите, это не все: я же говорил вам, что дело осложнилось. Вернемся к анонимным письмам. Вы, конечно, догадываетесь, что они вас касаются.

2-го ноября вы узнали от вашего сына новость, ‹которая вам› доставила большое удовольствие. Он сказал вам, ‹что› вследствие одного разговора ‹я взб›ешен, что моя жена опаса‹ется…›, что она теряет голову. ‹Вы решили› нанести удар, который вам казался окончательным. Анонимное письмо было составлено вами и ‹…›

Я получил три экземпляра ‹из десятка, который› был разослан. ‹Это письмо …› было сфабриковано с такой неосторожностью, ‹что› с первого же взгляда я напал на сле‹ды ав›тора. Я больше не беспокоился об этом, я был уверен, что найду негодника. В самом деле, после менее чем трехдневных розысков я знал положи‹тельно›, как мне поступить.

Если дипломатия есть лишь искусство узнавать о том, что делается у других, и расстраивать их намерения, то вы должны отдать мне справедливость, признав, что были побеждены по всем пунктам.

Теперь я подхожу к цели моего письма.[2] Быть может, вы желаете знать, что помешало мне до сих пор обесчестить вас в глазах дворов нашего и вашего. Так я скажу вам это.

Я, как видите, добр, простодушен ⟨...⟩, но сердце мое чувствительно ⟨...⟩. Поединка мне уже недостаточно ⟨...⟩ нет, и каков бы ни был его исход, ⟨я не почту себя⟩ достаточно отомщенным ни ⟨смертью...⟩ вашего сына, ни ⟨его женитьбой, которая⟩ совсем имела бы вид забавной ⟨шутки⟩ (что, ⟨впрочем⟩, меня нимало не смущает), ни ⟨наконец⟩ письмом, которое я имею честь вам писать и список с которого сохраняю для моего ⟨лич⟩ного употребления. Я хочу, чтобы вы дали себе труд самому ⟨найти⟩ основания, которые были бы доста⟨точны для того⟩, чтобы побудить меня не плюнуть вам в ли⟨цо и чтобы уни⟩чтожить самый след этого подлого дела, из которого мне легко будет составить отличную главу в моей истории рогоносцев.[3]

Имею честь быть, барон, вашим нижайшим и покорнейшим слугою

А. Пушкин.

212. А. Х. Бенкендорфу

21 ноября 1836 г. Петербург

Monsieur le comte!

Je suis en droit et je me crois obligé de faire part à Votre Excellence de ce qui vient de se passer dans ma famille.[1] Le matin de 4 Novembre, je reçus trois exemplaires d'une lettre anonyme, outrageuse pour mon honneur et celui de ma femme. A la vue du papier, au style de la lettre, à la manière dont elle était rédigée, je reconnus dès le premier moment qu'elle était d'un étranger, d'un homme de la haute société, d'un diplomate.[2] J'allai aux recherches.[3] J'appris que sept ou huit personnes avaient reçu le même jour un exemplaire de la même lettre, cachetée et adressée à mon adresse sous double enveloppe.[4] La plupart des personnes qui les avaient reçues, soupçonnant une infamie, ne me les envoyèrent pas.

On fut, en général, indigné d'une injure aussi lâche et aussi gratuite; mais tout en répétant que la conduite de ma femme était irréprochable, on disait que le prétexte de cette infamie était la cour assidue que lui faisait M-r Dantès.

Il ne me convenait pas de voir le nom de ma femme accollé, en cette occasion, avec le nom de qui que ce soit.[5] Je le fis dire à M-r Dantès. Le baron de Heckern vint chez moi et accepta un duel pour M-r Dantès, en me demandant un délai de 15 jours.[6]

Il se trouve, que dans l'intervalle accordé, M-r Dantès devint amoureux de ma belle sœur M-elle Gontcharoff, et qu'il la demanda en mariage.[7] Le bruit public m'en ayant instruit, je fis demander

à M-r d'Archiac (second de M-r Dantès) que ma provocation fut regardée comme non avenue.[8] En attendant je m'assurai que la lettre anonyme était de M-r Heckern, ce dont je crois de mon devoir d'avertir le gouvernement et la société.[9]

Etant seul juge et gardien de mon honneur et de celui de ma femme, et par conséquant ne demandant ni justice, ni vengeance, je ne peux ni ne veux livrer à qui que ce soit les preuves de ce que j'avance.

En tout cas, j'espère, M-r le comte, que cette lettre est une preuve du respect et de la confiance que je porte à votre personne.

C'est avec ces sentiments que j'ai l'honneur d'être

Monsieur le comte,

Votre très humble et très obéissant serviteur

A. Pouchkine.

21 Novembre
1836.

Перевод:

Граф!

Считаю себя вправе и даже обязанным сообщить вашему сиятельству о том, что недавно произошло в моем семействе. Утром 4 ноября я получил три экземпляра анонимного письма, оскорбительного для моей чести и чести моей жены.[1] По виду бумаги, по слогу письма, по тому, как оно было составлено, я с первой же минуты понял, что оно исходит от иностранца, от человека высшего общества, от дипломата.[2] Я занялся розысками.[3] Я узнал, что семь или восемь человек получили в один и тот же день по экземпляру того же письма, запечатанного и адресованного на мое имя под двойным конвертом.[4] Большинство лиц, получивших письма, подозревая гнусность, их ко мне не переслали.

В общем, все были возмущены таким подлым и беспричинным оскорблением; но, твердя, что поведение моей жены было безупречно, говорили, что поводом к этой низости было настойчивое ухаживание за нею г-на Дантеса.

Мне не подобало видеть, чтобы имя моей жены было в данном случае связано с чьим бы то ни было именем.[5] Я поручил сказать это г-ну Дантесу. Барон Геккерн приехал ко мне и принял вызов от имени г-на Дантеса, прося у меня отсрочки на две недели.[6]

Оказывается, что в этот промежуток времени г-н Дантес влюбился в мою свояченицу, мадемуазель Гончарову, и сделал ей предложение.[7] Узнав об этом из толков в обществе, я поручил просить г-на д'Аршиака (секунданта г-на Дантеса), чтобы мой вызов рассматривался как не имевший места.[8] Тем временем я убедился, что анонимное письмо исходило от г-на Геккерна, о чем считаю своим долгом довести до сведения правительства и общества.[9]

Будучи единственным судьей и хранителем моей чести и чести моей жены и не требуя вследствие этого ни правосудия, ни мщения, я не могу

и не хочу представлять кому бы то ни было доказательства того, что утверждаю.

Во всяком случае надеюсь, граф, что это письмо служит доказательством уважения и доверия, которые я к вам питаю.

С этими чувствами имею честь быть, граф, ваш нижайший и покорнейший слуга А. Пушкин.

21 ноября 1836.

213. Е. Ф. Канкрину

Около (после) 21 ноября 1836 г. Петербург

(Черновое)

Ответ, коим В.<аше> с.<иятельство> изволили меня удостоить, имел я счастие получить. Крайне сожалею, что способ, который осмелился я предложить, оказался [в глазах В.<ашего> с.<иятельства>] неудобным. Во всяком случае почитаю долгом во всем окончательно положиться на благоусмотрение В.<ашего> с.<иятельства>.

Принося В.<ашему> с.<иятельству> искреннюю мою благод<арность> за внимание, коего изволили меня удо<стоить>, с глубочай<шим> <...>

214. В. Ф. Одоевскому

Конец ноября—начало декабря 1836 г. Петербург

Объявление готов поместить какое будет — лишь Вам по сердцу.[1] Для I № *Совр.*<еменника> думаю взять *Загадки*;[2] о Мифологии[3] еще не читал. На днях возвращу Вам рукопись.

215. В. Ф. Одоевскому

Начало декабря 1836 г. Петербург

Вот Вам *декабрь*.[1] Благодарю за статью — сей час сажусь за нее.[2] Повесть! Повесть![3] — —

216. В. Ф. Одоевскому

7 декабря 1836 (?) г. Петербург

Очень вам благодарен — я вечно дома, а перед Вами кругом виноват — да чорт знает как я излепился.

7 дек.

217. А. Г. Баранту

16 декабря 1836 г. Петербург

Monsieur le Baron,

Je m'empresse de faire parvenir à Votre Excellence les renseignements que vous avez désiré avoir touchant les règlements qui traitent de la propriété littéraire en Russie.

La littérature n'est devenue chez nous une branche considérable d'industrie que depuis une vingtaine d'années environ. Jusque là elle n'était regardée que comme une occupation élégante et Aristocratique.[1] M[de] de Staël disait en 1811: *en Russie quelques gentilshommes se sont occupés de littérature.* (10 ans d'Ex.<il>).[2] Personne ne songeant à retirer d'autre fruit de ses ouvages que des triomphes de société, les auteurs encourageaient eux-mêmes la contrefaçon et en tiraient vanité, tandis que nos académies donnaient l'exemple du délit en toute conscience et sécurité. La première plainte en contrefaçon a été portée en 1824.[3] Il se trouva que le cas n'avait pas été prévu par le législateur. La propriété littéraire a été reconnue en Russie par le souverain actuel. Voici les propres termes de la loi:

Tout auteur ou traducteur d'un livre a le droit de l'éditer et de le vendre comme propriété acquise (non héréditaire).

Ses héritiers légitimes ont le droit d'éditer et de vendre ses ouvrages, (dans le cas que la propriété n'en soit pas alliénée) pendant l'espace de 25 ans.

25 ans passés, à dater du jour de sa mort, ses œuvres et traductions deviennent la propriété du public. *Loi du 22 avril 1828.*

L'amendement du 28 avril de la même année explique et complette ces règlements. En voici les principaux articles.

Une œuvre littéraire soit imprimée soit manuscripte ne saurait être vendue ni du vivant de l'auteur ni après sa mort pour satisfaire ses créanciers, à moins qu'il ne l'aie exigé lui-même.

L'auteur a le droit, nonobstant tout engagement antérieur, de faire une nouvelle édition de son ouvrage si les deux tiers en sont changés ou bien entièrement refondus.

Sera regardé comme contre-facteur 1) celui qui en réimprimant un livre n'aurait pas observé les [règlement] formalités voulues par la loi, 2) celui qui vendrait un manuscript ou le droit de l'imprimer à deux ou plusieurs personnes à la fois, sans en avoir eu le consentement, 3) *celui qui publierait la traduction d'un ouvrage imprimé en Russie (ou bien avec l'approbation de la censure Russe) en y joignant le texte même*, 4) *qui réimprimerait dans l'étranger un ouvrage publié en Russie, ou bien avec l'approbation de la censure Russe, et en vendrait les exemplaires en Russie.*[4]

Ces règlements sont loin de résoudre toutes les questions qui pourront se présenter à l'avenir.[5] La loi ne stipule rien sur les œuvres posthumes. Les héritiers légitimes devraient en avoir la pro-

priété entière avec tous les privilèges de l'auteur lui-même. L'auteur d'un auvrage pseudonime ou bien attribué à un écrivain connu, perd-il son droit de propriété et quelle est la règle à suivre en cette occasion? la loi n'en dit rien.

La contrefaçon des livres étrangers n'est pas défendue et ne saurait l'être. Les libraires Russes auront toujours beaucoup à gagner, en réimprimant les livres étrangers, dont le débit leur sera toujours assuré, même sans exportation; au lieu que l'étranger ne saurait réimprimer des ouvrages Russes faute de lecteurs.

La prescription pour le délit de contrefaçon est fixé à deux ans.

La question de la propriété littéraire est très simplifiée en Russie où personne ne peut présenter son manuscript à la censure sans en nommer l'auteur et sans le mettre par cela même sous la protection immédiate du gouvernement.[6]

Je suis avec respect,
Monsieur le Baron,
de Votre Excellence
le très humble et très obéissant serviteur
Alexandre Pouchkine.

16 decembre
1836
St P. b.

Перевод:

Барон,

Спешу сообщить вашему превосходительству сведения, которые вы желали иметь относительно правил, определяющих литературную собственность в России.

Литература стала у нас значительной отраслью промышленности лишь за последние лет двадцать или около того. До тех пор на нее смотрели только как на изящное и аристократическое занятие.[1] Г-жа де Сталь говорила в 1811 г.: *в России несколько дворян занялись литературой.* (10 лет изгнания).[2] Никто не думал извлекать из своих произведений других выгод, кроме успехов в обществе, авторы сами поощряли их перепечатку и тщеславились этим, между тем как наши академии со спокойной совестью и ничего не опасаясь подавали пример этого правонарушения. Первая жалоба на перепечатку была подана в 1824 г.[3] Оказалось, что подобный случай не был предусмотрен законодателем. Литературная собственность была признана нынешним государем. Вот подлинные выражения закона:

Всякий автор или переводчик книги имеет право ее издать и продать как собственность благоприобретенную (не наследственную).

Его законные наследники имеют право издавать и продавать его произведения (в случае, если право собственности не было отчуждено) в течение 25 лет.

По истечении 25 лет, считая со дня его смерти, его произведения становятся общественным достоянием. *Закон 22 апреля 1828 г.*

Приложение от 28 апреля того же года объясняет и дополняет эти правила. Вот его главные статьи:

Литературное произведение, напечатанное или находящееся в рукописи, не может быть продано ни при жизни автора, ни после его смерти для удовлетворения его кредиторов, если только он сам того не потребует.

Автор имеет право, не взирая на все прежние обязательства, выпустить новое издание своего произведения, если две трети в нем изменены или же совершенно переделаны.

Будет считаться виновным в контрафакции: 1) тот, кто, перепечатывая книгу, не соблюдает [правил] формальностей, требуемых законом, 2) тот, кто продаст рукопись или право ее напечатания двум или нескольким лицам одновременно, не имея на то согласия, 3) *тот, кто издаст перевод произведения, напечатанного в России (или же с одобрения русской цензуры), присоединив к нему подлинный текст,* 4) *кто перепечатает за границей произведение, изданное в России или же с одобрения русской цензуры, и будет продавать экземпляры в России.*[4]

Эти правила далеко не разрешают всех вопросов, которые могут возникнуть в будущем.[5] В законе нет никаких условий относительно посмертных произведений. Законные наследники должны были бы обладать полным правом собственности на них, со всеми преимуществами самого автора. Автор произведения, изданного под псевдонимом или же приписанного известному писателю, теряет ли свое право собственности, и какому правилу следовать в таком случае? Закон ничего не говорит об этом.

Перепечатывание иностранных книг не запрещается и не может быть запрещено. Русские книгопродавцы всегда сумеют получать большие барыши, перепечатывая иностранные книги, сбыт которых всегда будет им обеспечен даже без вывоза, тогда как иностранец не может перепечатывать русские произведения из-за отсутствия читателей.

Срок давности по делам о перепечатывании определен в два года.

Вопрос о литературной собственности очень упрощен в России, где никто не может представить свою рукопись в цензуру, не назвав автора и не поставив его тем самым под непосредственную охрану со стороны государства.[6]

Остаюсь с уважением, барон, вашего превосходительства нижайший и покорнейший слуга

Александр Пушкин.

16 декабря 1836. С.-Пб.

218. П. А. Вяземскому

Декабрь (18—22?) 1836 г. Петербург

Письмо твое прекрасно.[1] Форма *М.⟨илостивый⟩ г.⟨осударь⟩ С⟨ергей⟩ С⟨еменович⟩* или *О etc.*, кажется, ничего не значит, главное: дать статье как можно более ходу и известности.[2] Но во всяком случае, цензура не осмелится ее пропустить,[3] а Уваров сам на себя розог не принесет.[4] Бенкендорфа вмешать тут мудрено и неловко. Как же быть? Думаю оставить статью, какова она есть, а в последствии времени выбирать из нее все, что будет можно выбрать — как некогда делал ты в Лит.⟨ературной⟩ Газете со статьями, не пропущенными Щегловым.[5] Жаль, что ты не разобрал Устрялова по формуле, изобретенной Воейковым для Полевого,[6] а куда бы хорошо! Стихи для тебя переписываю.[7]

219. Н. М. Коншину

21—22 декабря 1836 г. Петербург

Письмо Ваше [1] очень обрадовало меня, любезный и почтенный Николай Иванович, как знак, что вы не забыли еще меня.[2] Докладную записку сегодня же пущу в дело. Жуковского увижу и сдам ему Вас с рук на руки.[3] С Уваровым — увы! — я не в таких дружеских сношениях; [4] но Жуковский, надеюсь, все уладит. Заняв место Ложечникова, не займетесь ли вы, по примеру вашего предшественника, и романами? а куда бы хорошо! [5] Все-таки Вы меня забыли, хоть наконец и вспомнили. И я позволяю себе дружески Вам за то попенять.

Не будете ли вы в П.⟨етер⟩Б.⟨урге⟩? — В таком случае надеюсь, что я вас увижу.[6] Ответ постараюсь доставить Вам как можно скорее

А. П.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Николаю Ивановичу
Коншину
etc. etc.

220. П. А. Осиповой

24 декабря 1836 г. Петербург

24 dec.

Vous ne saurez croire, ma bien chère Прасковия Александровна, combien votre lettre m'a fait plaisir.[1] Je n'avais pas de Vos nouvelles depuis plus de quatre mois; et ce n'est qu'avant hier que Mr Lvof m'en a données; le même jour j'ai reçu votre lettre. J'avais espéré vous voir en automne, mais j'en ai été empêché en partie par mes affaires, en partie par Павлищев, qui m'a mis de mauvaise humeur,

en sorte que je n'ai pas voulu avoir l'air de venir à Михайловское pour arranger le partage.[2]

C'est avec bien du regret que j'ai été obligé de renoncer à [perdre] être votre voisin, et j'espère encore ne pas perdre cette place que je préfère à bien d'autres. Вот в чем дело: J'avais proposé d'abord de prendre le bien à moi tout seul, en m'engageant de payer mon frère et ma sœur les parts qui leur reviennent à raison de 500 r. par âme. Павлищев оценил Михайловское в 800 р. душу — я с ним и не спорю, но в таком случае принужден был отказаться и предоставил имение продать. Перед своим отъездом писал он ко мне, что он имение уступает мне за 500 р. душу, *потому что ему деньги нужны.* Je l'ai envoyé promener, en lui disant que si le bien coutait le double, je ne voulais pas en profiter aux dépens de ma sœur et de mon frère. La chose en est restée là. Voulez-vous savoir quel serait mon désir? J'aurais voulu vous savoir propriétaire de Михайловское, et moi, me réserver l'усадьба avec le jardin et une dizaine de дворовые.[3] J'ai grande envie de venir un peu à Тригорское cet hiver. Nous eussions parlé de tout cela. En attendant je vous salue de tout mon cœur. Ma femme vous remercie de votre souvenir. Не привезти ли мне вам ее? — Mes hommages à toute votre famille; à Евпраксея Николаевна[4] surtout.

Перевод:

24 дек‹абря›.

Вы не поверите, дорогая *Прасковия Александровна*, какую радость доставило мне ваше письмо.[1] Я не имел от вас известий больше четырех месяцев; и только позавчера г-н Львов сообщил мне их; в тот же день я получил ваше письмо. Я надеялся повидаться с вами осенью, но мне помешали отчасти мои дела, отчасти *Павлищев*, который привел меня в плохое настроение, так что я не захотел, чтобы казалось, будто я приехал в *Михайловское* для устройства раздела.[2]

Лишь с большим сожалением вынужден я был отказаться от того, чтобы [потерять] быть вашим соседом, и я все еще надеюсь не потерять этого места, которое предпочитаю многим другим. *Вот в чем дело*: сначала я предложил взять все имение на себя одного, обязуясь выплачивать моему брату и моей сестре причитающиеся им части, из расчета по 500 р. за душу. *Павлищев оценил Михайловское в 800 р. душу — я с ним и не спорю, но в таком случае принужден был отказаться и предоставил имение продать. Перед своим отъездом писал он ко мне, что он имение уступает мне за 500 р. душу, *потому что ему деньги нужны**. Я послал его к чорту, заявив, что, если имение стоит вдвое дороже, я не хочу наживаться за счет брата и сестры. На этом дело остановилось. Хотите знать, чего бы я хотел? Я желал бы, чтобы вы были владелицей *Михайловского*, а я — я оставил бы за собой *усадьбу* с садом и десятком *дворовых*.[3] У меня большое желание приехать этой зимой ненадолго в *Тригорское*. Мы переговорили бы обо всем этом. А тем временем шлю вам привет от всего сердца. Жена благодарит вас за память.

Не привезти ли мне вам ее? Передайте от меня поклон всему семейству; *Евпраксее Николаевне* [4] в особенности.

221. В. Ф. Одоевскому

Последние числа декабря 1836 г. Петербург

Вигель мне сказывал, что он вам доставил критику статьи Булгарина.[1] Если она у Вас, пришлите мне ее. Получили ли вы 4 № Соврем.<енни>ка и довольны ли Вы им?

Адрес: Е.<го> с.<иятельству>
кн. Одоевскому
etc.

222. В. Ф. Одоевскому

Около (не позднее) 29 декабря 1836 г. Петербург

Так же зло, как и дельно. Думаю, что цензура однако ж не все уничтожит — на всякой случай спрос не беда.[1] Не увидимся ли в Академии Наук, где заседает кн. Д—<ундук>? [2]

223. А. А. Плюшару

29 декабря 1836 г. Петербург

Monsieur,

Je suis parfaitement d'accord sur toutes les conditions que vous avez la complaisance de me proposer, concernant la publication d'un volume de mes poésies (dans votre lettre du 23 décembre 1836). Il est donc convenu que vous le ferez imprimer à 2500 ex.<emplaires> sur le papier que vous choisirez, que vous serez seul chargé de la vente de l'édition, à raison de 15% de remise, et que le produit des premiers volumes vendus servira à rembourser tous les frais de l'édition, ainsi que les 1500 roubles ass<ignats> que vous avez bien voulu m'avancer.

Veuillez recevoir, Monsieur, l'assurance de ma parfaite considération.

A. Pouchkine.

29 Décembre
1836
St. Pétersbourg.
à Mr Pluchart
en ville.

Перевод:

Милостивый государь,

Я совершенно согласен на все условия, которые вы были добры мне предложить относительно издания тома моих стихотворений (в вашем

письме от 23 декабря 1836 г.). Итак, решено, что вы распорядитесь отпечатать его в 2500 экземплярах, на бумаге, которую сами выберете, что вам одному будет поручена продажа издания с предоставлением 15% скидки и что доход с первых проданных томов пойдет на возмещение всех издержек по изданию, а также и 1500 рублей ассигнациями, которые вы любезно выдали мне вперед.

Благоволите принять, милостивый государь, уверение в моем совершенном уважении.

А. Пушкин.

29 декабря 1836. С.-Петербург.

Г-ну Плюшару
городское

224. В книжную лавку А. Ф. Смирдина

29 декабря 1836 г. Петербург

Дватцать пять экз. 4-го № Современника выдать по сей записки.

29 декабря 1836. А. Пушкин.

225. С. Л. Пушкину

Конец декабря 1836 г. Петербург

Il y a bien longtemps que je n'ai eu de vos nouvelles. Веневитинов m'a dit qu'il vous avait trouvé triste et inquiet, et que vous aviez le projet de venir à P.‹éters›b.‹ourg›.[1] Est-ce vrai? j'ai besoin d'aller à Moscou, en tout cas j'espère bientôt vous revoir.[2] Voici la nouvelle année qui nous arrive. — Dieu donne qu'elle nous soit plus heureuse que celle qui vient de s'écouler. Je n'ai pas de nouvelle de ma sœur,[3] ni de Léon. Celui-ci a dû être de l'expédition et ce qui est sûr c'est qu'il n'est ni tué, ni blessé. Ce qu'il avait écrit sur le Général Rozen, ne s'est trouvé fondé sur rien. Léon est susceptible et gâté par la familiarité de ses ci-devant chefs. Le G[l] Rozen ne l'a jamais traité en chien comme il le disait, mais en lieutenant capitaine, ce qui est tout autre chose.[4] Nous avons une nôce. Ma belle-sœur Catherine se marie au baron Heckern, neveu et fils adoptif de l'ambassadeur du Roi de Hollande.[5] C'est un très beau et bon garçon, fort à la mode, riche et plus jeune de 4 ans que sa promise. Les préparatifs du trousseau occuppent et amusent beaucoup ma femme et ses sœurs, mais me font enrager. Car ma maison a l'air d'une boutique de modes et de linge. Веневитинов a présenté son rapport sur l'état du gouvernement de Koursk. L'Empereur en a été frappé et s'est beaucoup informé de Веневитинов; il a dit à je ne sais plus

qui: faites-moi faire sa connaissance la première fois que nous nous trouverons ensemble. Voilà une carrière faite. J'ai reçu une lettre du cuisinier de Пещуров qui me propose de reprendre son élève. Je lui ai répondu que j'attendrai là-dessus vos ordres.[6] Le désirez-vous garder? et quelles ont été les conditions de l'apprentissage? Je suis très occuppé. Mon journal et mon Pierre le Grand me prennent bien du temps;[7] cette année j'ai assez mal fait mes affaires, l'année suivante sera meilleure à ce que j'espère. Adieu mon très cher père. Ma femme et toute ma famille vous emb<rassent> et vous baisent les mains. Mes respects et mes amitiés à ma tante[8] et à sa famille.

Перевод:

Уже довольно давно не получал я от вас известий. *Веневитинов* сказал мне, что он нашел вас грустным и встревоженным и что вы собирались приехать в Петербург.[1] Так ли это? мне нужно съездить в Москву, во всяком случае я надеюсь вскоре повидаться с вами.[2] Вот уж наступает новый год — дай бог, чтоб он был для нас счастливее, чем тот, который истекает. Я не имею никаких известий ни от сестры,[3] ни от Льва. Последний, вероятно, участвовал в экспедиции, и одно несомненно — что он ни убит, ни ранен. То, что он писал о генерале Розене, оказалось ни на чем не основанным. Лев обидчив и избалован фамильярностью прежних своих начальников. Генерал Розен никогда не обращался с ним как с собакой, как он говорил, но как с штабс-капитаном, что совсем другое дело.[4] У нас свадьба. Моя свояченица Екатерина выходит за барона Геккерна, племянника и приемного сына посланника короля Голландского.[5] Это очень красивый и добрый малый, он в большой моде и 4 годами моложе своей нареченной. Шитье приданого сильно занимает и забавляет мою жену и ее сестер, но приводит меня в бешенство. Ибо мой дом имеет вид модной и бельевой лавки. *Веневитинов* представил доклад о состоянии Курской губернии. Государь был им поражен и много расспрашивал о *Веневитинове*; он сказал уже не помню кому: познакомьте меня с ним в первый же раз, что мы будем вместе. Вот готовая карьера. Я получил письмо от *Пещуровского* повара, который предлагает взять назад своего ученика. Я ему ответил, что подожду на этот счет ваших приказаний.[6] Хотите вы его оставить? и каковы были условия ученичества? Я очень занят. Мой журнал и мой Петр Великий отнимают у меня много времени;[7] в этом году я довольно плохо вел свои дела, следующий год будет лучше, надеюсь. Прощайте, мой дорогой отец. Моя жена и все мое семейство обнимают вас и целуют ваши руки. Мое почтение и поклоны тетушке[8] и ее семейству.

226. В. Ф. Одоевскому

Ноябрь—декабрь 1836 (?) г. Петербург

Сделайте мне божескую милость, Ваше сиятельство: пришлите мне на несколько часов Наблюдателя.[1]

А. П.

227. В. Ф. Одоевскому

Ноябрь—декабрь 1836 (?) г. Петербург

Я дома больной, в насморке. Готов принять в моей коморке любезного гостя[1] — но сам из коморки не выду.

А. П.

228. В. Ф. Одоевскому

Ноябрь—декабрь 1836 г. Петербург

Я не очень здоров — и занят. Если вы сделаете мне милость ко мне пожаловать с г. Сахаровым, то очень меня обяжете.[1] Жду вас с нетерпением.

А. П.

229. В. Ф. Одоевскому

Конец ноября—декабрь 1836 г. Петербург

Статья г. Волкова в самом деле очень замечательна, дельна и умно написана и занимательна для всякого.[1] Однако ж я ее не помещу, потому что по моему мнению правительству вовсе не нужно вмешиваться в проэкт этого Герстнера.[2] Россия не может бросить 3 000 000 на попытку. Дело о новой дороге касается частных людей: пускай они и хлопочут. Все что можно им обещать — так это привиллегию на 12 или 15 лет. Дорога (железная) из Москвы в Нижний Новг.<ород> еще была бы нужнее дороги из Москвы в П.<етер>Б.<ург> — и мое мнение — было бы: с нее и начать...

Я, конечно, не против железных дорог; но я против того, чтоб этим занялось правительство. Некоторые возражения противу проэкта неоспоримы. Например: о заносе снега. Для сего должна быть *выдумана* новая машина, sine qua non.[a] О высылке народа, или о найме работников для сметания снега нечего и думать: это нелепость.[3]

Статья Волкова писана живо, остро. Отрешков отделан очень смешно;[4] но не должно забывать, что противу жел.<езных> дорог были многие из Госуд.<арственного> Совета;[5] и *тон* статьи вообще должен быть очень смягчен. Я бы желал, чтоб статья была напечатана особо или в другом журнале; тогда бы мы об ней представили выгодный отчет с обильными выписками.[6]

Я согласен с Вами, что эпиграф, выбранный Волковым, неприличен:[7] слова Петра I были бы всего более приличны; но на сей раз пришли мне следующие: А спросить у Немца; а не хочет ли он <--->?[8]

Адрес: Князю Одоевскому
etc.

---

[a] Как непременное условие (*лат.*).

230. В. Ф. Одоевскому

Декабрь 1836 г. Петербург

Батюшка, Ваше сиятельство! побойтесь бога: я ни Львову, ни Очкину, ни детям — ни сват ни брат. Зачем мне sot-действовать Детскому журналу?[1] уж и так говорят, что я в детство впадаю. Разве уж не за деньги ли? О, это дело не детское, а дельное. Впрочем поговорим.[2]

231. Неизвестному

1835—1836 гг. Петербург

(Черновое)

Сейчас получ‹ил› я из канц‹елярии› ‹...›

232. П. А. Вяземскому

Конец мая 1835 г.—1836 г. Петербург

Араб (женского р.‹ода› не имеет), житель или уроженец Аравии, аравитянин. *Караван был разграблен степными арабами.*

Арап, ж.‹енский род› *арапка*, так обыкновенно называют негров и мулатов. *Дворцовые арапы,* негры, служащие во дворце. *Он выезжает с тремя нарядными арапами.*

Арапник, от польского *Herapnik* (de *harap*, cri de chasseur pour enlever aux chiens la proie. *Reiff*). NB *harap* vient de Herab.[a]

А право, не худо бы взяться за Лексикон, или хоть за критику лексиконов.[1]

Адрес: Князю Вяземскому.

233. Неизвестному

Конец мая 1835 г.—1836 г. Петербург

(Черновое)

Mons‹ieur› le Ba‹ron›,

Ma f‹emme› et mes b‹elles-sœurs› ne manqueront pas de se rendre à l'invita[tion] de V.‹otre› Exce‹llence›.

Je m'empresse de profiter de cette ‹occasion› pour vous présenter l'ho‹mmage› de m‹on respect›.

---

[a] «Herapnik» (от «harap», возглас охотника, которым отнимают добычу у собак. Рейф). NB «harap» происходит от «Herab» («прочь» — *нем.*).

Перевод:

Барон,

Жена моя и свояченицы не преминут явиться на приглашение вашего превосходительства.

Спешу воспользоваться этим случаем, чтобы заверить вас в моем уважении.

234. М. Л. Яковлеву

1836 г. (?) Петербург

Смирдин меня в беду поверг:
У торгаша сего семь пятниц на неделе,
Его четверг на самом деле
Есть после дождичка четверг.[1]

Завтра получу деньги в 2 часа по полудни. А ввечеру тебе доставлю.[2]

Весь твой
А. П.

Адрес: М. Л. Яковлеву
etc. etc.

235. А. Тардифу де Мелло

1836 г. (?) Петербург

Vous m'avez fait trouver mes vers bien beaux, Monsieur. Vous les avez revêtus de ce noble vêtement, sous lequel la poésie est vraiment déesse,[1] *vera incessu patuit dea.*[a, 2] Je vous remercie de votre précieux envoi.

Vous êtes poëte et vous enseignez la jeunesse;[3] j'appelle deux bénédictions sur vous.

A. Pouschkine.

Перевод:

Вы заставили меня найти красоту в моих стихах, милостивый государь. Вы облекли их в ту благородную одежду, в которой поэзия становится поистине богиней,[1] *vera incessu patuit dea.*[a, 2] Благодарю вас за вашу драгоценную посылку.

Вы поэт и вы обучаете юношество;[3] призываю на вас двойное благословение.

А. Пушкин.

---

[a] В поступи истинная сказалась богиня (*лат.*).

236. Л. М. Алымовой

Март 1833—январь (до 26) 1837 г. Петербург

Милостивая государыня
Любовь Матвеевна,

Покорнейше прошу дозволить г-ну Юрьеву взять со двора Вашего статую медную, там находящуюся.[1]

С истинным почтением и преданностию честь имею быть, милостивая государыня,

Вашим покорнейшим слугою
Александр Пушкин.

237. Неизвестному

Неизвестные годы

В эту минуту не могу еще ничего сделать; через неделю надеюсь Вас увидеть и с Вами переговорить. Если сам не буду, приезжайте ко мне.

А. П.

Пожалуйста, не принимайте этого письма за отказ.

238. Н. И. Павлищеву

5 января 1837 г. Петербург

(Отрывок)

Пускай Михайловское будет продаваться. Если за него дадут хорошую цену, вам же будет лучше. Я посмотрю, в состоянии ли буду оставить его за собою.

239. Ф. А. Скобельцыну

8 января 1837 г. Петербург

Не можете ли Вы, любезный Федор Афанасьевич, дать мне взаймы на три месяца, или достать мне, три тысячи рублей. Вы бы меня чрезвычайно одолжили и избавили бы меня от рук книгопродавцев, которые рады меня притеснить.

А. Пушкин.

8 янв.
1837.

240. А. И. Тургеневу

16 января 1837 г. Петербург

Вот Вам Ваши письма.[1] Должно будет вымарать казенные официальные фразы, и также некоторые искренние, душевные слова, ибо не мечите etc. Чтó вы вставите, то постарайтесь написать почетче.[2] Думаю дать этому всему вот какое заглавие: труды, изыскания, *такого-то* или *А. И. Т.* в Римских и Парижских архивах. Статья глубоко занимательная.

Вот вам мои стихи к В.‹яземскому›.[3]

Так море, древний душегубец,
Воспламеняет гений твой;
Ты славишь лирой золотой
Нептуна грозного трезубец...
Не славь его: в наш гнусный век
Седой Нептун Земли союзник.
На всех стихиях человек
Тиран, предатель или узник.

16 янв.

241. В ресторан Фильетта

16 января 1837 г. Петербург

Envoyez-moi je vous prie un pâté de foie gras à 25 r.

A. Pouchkine.

16 Jan.

Перевод:

Пришлите мне, пожалуйста, паштет из гусиной печенки за 25 р.

А. Пушкин.

16 янв.

242. А. О. Ишимовой

25 января 1837 г. Петербург

Милостивая государыня
Александра Осиповна,

На днях имел я честь быть у Вас и крайне жалею, что не застал Вас дома.[1] Я надеялся поговорить с Вами о деле; П.‹етр› А.‹лександрович›[2] обнадежил меня, что Вам угодно будет принять участие в издании Современника. Заранее соглашаюсь на все Ваши условия и спешу воспользоваться Вашим благорасположением: мне хотелось бы познакомить русскую публику с произведениями Barry Cornwall. Не согласитесь ли Вы перевести не-

сколько из его Драматических очерков? В таком случае буду иметь честь препроводить к Вам его книгу.[3]

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивая государыня,
Вашим покорнейшим слугою
А. Пушкин.

25 янв.
1837.

Адрес: Ее высокоблагородию
милостивой государыне
Александре Осиповне
Ишимовой
В Фурштатской № 53, дом Ельтикова.

243. Неизвестному

Декабрь 1836 г.—январь (до 26) 1837 г. (?) Петербург (?)

‹I›

Je voudrais vous faire une question, mais elle sera inutile?

‹II›

heureusement non!

Перевод:

‹I›

Я хотел бы задать вам один вопрос, но не будет ли он напрасен?

‹II›

к счастью, нет!

244. Н. Н. Карадыкину

Декабрь 1836—январь (до 26) 1837 г. Петербург

Милостивый государь
Николай Николаевич.

Вы застали меня врасплох, без гроша денег. Виноват — сейчас еду по моим должникам сбирать недоимки, и коли удастся, явлюся к Вам.

Что это с Вами сделалось? Как вас повидать? Очень надо!

Весь ваш А. П.

Адрес: Его высокоблагородию
м. г. Николаю Николаевичу
Карадыкину etc.

245. А. В. Веневитинову (?)

Январь (до 26) 1837 г. Петербург

(Отрывок чернового)

<. . . . . . .>écrit que <. . . . .>
<. . . . . . .> P.<éters>b.<ourg>. Le fere<z-vous> <?> . . . . .
<. . . . . . .>par paren<té> <?> <. . . . .>
<. . . . . . .>carrière, <. . . . .>
<. . . . . . .><em>pereur <. . . . .>
<. . . . . . .>du gouvern<ement> <. . . . .>
<. . . . . . .> <p>arlé de vou<s> <. . . . .>
<. . . . . . .> <Vous> êtes touj<ours> <. . . . .>

Перевод:

<. . . . .> пишет, что <. . . . .>
<. . . . .> П. Б. Сделаете ли <вы> <?> <. . . . .>
<. . . . .> по род<ству> <?> <. . . . .>
<. . . . .> карьера, <. . . . .>
<. . . . .> <им>ператор <. . . . .>
<. . . . .> губерн<ии> <?> <. . . . .>
<. . . . .> <г>оворил о вас <. . . . .>
<. . . . .> <вы> всег<да> <. . . . .>

246. Л. Геккерну

26 января 1837 г. Петербург

Monsieur le Baron!

Permettez-moi de faire le résumé de ce qui vient de se passer. La conduite de Monsieur votre fils m'était connue depuis longtemps et ne pouvait m'être indifférente. Je me contentais du rôle d'observateur, quitte à intervenir lorsque je le jugerai à propos. Un incident, qui dans tout autre moment m'eut été très désagréable, vint fort heureusement me tirer d'affaire: je reçus les lettres anonymes. Je vis que le moment était venu et j'en profitai. Vous savez le reste: je fis jouer à Monsieur votre fils un rôle si pitoyable, que ma femme, étonnée de tant de lacheté et de plattitude, ne put s'empêcher de rire et que l'émotion que peut-être avait-elle ressentie pour cette grande et sublime passion, s'éteignit dans le mépris le plus calme et le dégout le mieux mérité.

Je suis obligé d'avouer, Monsieur le Baron, que votre rôle à vous n'a pas été tout à fait convenable. Vous, le représentant d'une tête couronnée, vous avez été paternellement le maquereau de Monsieur votre fils. Il parait que toute sa conduite (assez maladroite, d'ailleurs) a été dirigée par vous. C'est vous qui, probablement, lui dictiez les pauvretés qu'il venait débiter et les niaiseries qu'il s'est

mêlé d'écrire. Semblable à une obscène vieille, vous alliez guetter ma femme dans tous les coins pour lui parler de l'amour de votre bâtard, ou soi-disant tel; et lorsque malade de vérole, il était retenu chez lui, vous disiez qu'il se mourait d'amour pour elle; vous lui marmottiez: rendez-moi mon fils.

Vous sentez bien, Monsieur le Baron, qu'après tout cela je ne puis souffrir que ma famille aye la moindre relation avec la vôtre. C'était à cette condition que j'avais consenti à ne pas donner suite à cette sale affaire, et à ne pas vous déshonorer aux yeux de notre cour et de la vôtre, comme j'en avais le pouvoir et l'intention. Je ne me soucie pas que ma femme écoute encore vos exhortations paternelles. Je ne puis permettre que Monsieur votre fils après l'abjecte conduite qu'il a tenue ose adresser la parole à ma femme, ni encore moins qu'il lui débite des calembourgs de corps de garde, et joue le dévouement et la passion malheureuse tandis qu'il n'est qu'un lâche et qu'un chenapan. Je suis donc obligé de m'adresser à vous, pour vous prier de mettre fin à tout ce manège, si vous tenez à éviter un nouveau scandale devant lequel certes je ne reculerai pas.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur le Baron,
Votre très humble et très
obéissant serviteur.
Alexandre Pouchkine.

26 Janvier
1837.

Перевод:

Барон!

Позвольте мне подвести итог тому, что произошло недавно. Поведение вашего сына было мне известно уже давно и не могло быть для меня безразличным. Я довольствовался ролью наблюдателя, готовый вмешаться, когда сочту это своевременным. Случай, который во всякое другое время был бы мне крайне неприятен, весьма кстати вывел меня из затруднения: я получил анонимные письма. Я увидел, что время пришло, и воспользовался этим. Остальное вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь жалкую, что моя жена, удивленная такой трусостью и пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызывала в ней эта великая и возвышенная страсть, угасло в презрении самом спокойном и отвращении вполне заслуженном.

Я вынужден признать, барон, что ваша собственная роль была не совсем прилична. Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему сыну. По-видимому, всем его поведением (впрочем, в достаточной степени неловким) руководили вы. Это вы, вероятно, диктовали ему пошлости, которые он отпускал, и глупости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего незаконнорожденного или так называемого сына; а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть

дома, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына.

Вы хорошо понимаете, барон, что после всего этого я не могу терпеть, чтобы моя семья имела какие бы то ни было сношения с вашей. Только на этом условии согласился я не давать хода этому грязному делу и не обесчестить вас в глазах дворов нашего и вашего, к чему я имел и возможность и намерение. Я не желаю, чтобы моя жена выслушивала впредь ваши отеческие увещания. Я не могу позволить, чтобы ваш сын, после своего мерзкого поведения, смел разговаривать с моей женой и — еще того менее — чтобы он отпускал ей казарменные каламбуры и разыгрывал преданность и несчастную любовь, тогда как он просто трус и подлец. Итак, я вынужден обратиться к вам, чтобы просить вас положить конец всем этим проискам, если вы хотите избежать нового скандала, перед которым, конечно, я не остановлюсь.

Имею честь быть, барон, ваш нижайший и покорнейший слуга.

Александр Пушкин.

26 января 1837.

247. А. И. Тургеневу

26 января 1837 г. Петербург

Не могу отлучиться. Жду Вас до 5 часов.

248. К. Ф. Толю

26 января 1837 г. Петербург

Милостивый государь,
граф Карл Федорович,

Письмо, коего Ваше сиятельство изволили меня удостоить, останется для меня драгоценным памятником Вашего благорасположения, а внимание, коим почтили первый мой исторический опыт, вполне вознаграждает меня за равнодушие публики и критиков.[1]

Не менее того порадовало меня мнение Вашего сиятельства о Михельсоне, слишком у нас забытом. Его заслуги были затемнены клеветою; не льзя без негодования видеть, что̀ должен он был претерпеть от зависти или неспособности своих сверстников и начальников.[2] Жалею, что не удалось мне поместить в моей книге несколько строк пера Вашего для полного оправдания заслуженного воина. Как ни сильно предубеждение невежества, как ни жадно приемлется клевета; но одно слово, сказанное таким человеком, каков Вы, навсегда их уничтожает. Гений с одного

взгляда открывает истину, а *Истина сильнее царя*,[3] говорит священное писание.

С глубочайшим почтением и совершенною преданностию честь имею быть,

милостивый государь,
Вашего сиятельства
покорнейшим слугою.
Александр Пушкин.

26 Генваря
1837.

249. О. д'Аршиаку

Между 9 ч. 30 м. и 10 ч. утра 27 января 1837 г. Петербург

Monsieur le Vicomte,

Je ne me soucie nullement de mettre les oisifs de Pétersbourg dans la confidence de mes affaires de famille; je me refuse donc à tout pourparler entre seconds. Je n'amènerai le mien que sur la place du rendez-vous. Comme c'est Mr Heckern qui me provoque et qui est offensé, il peut m'en choisir un, si cela lui convient; je l'accepte d'avance quand ce ne serait que son chasseur. Quant à l'heure, au lieu je suis tout à fait à ses ordres. D'après nos habitudes à nous autres Russes, cela suffit. Je vous prie de croire, M[r] le Vicomte, que c'est mon dernier mot, et que je n'ai rien de plus à [ajouter] [a] répondre à rien de ce qui concerne cette affaire; et que je ne bouge plus que pour aller sur place.

Veuillez accepter l'assurance de ma parfaite considération

A. Pouchkine.

27 Janvier.

Перевод:

Виконт,

Я не имею ни малейшего желания посвящать петербургских зевак в мои семейные дела; поэтому я не согласен ни на какие переговоры между секундантами. Я привезу своего лишь на место встречи. Так как вызывает меня и является оскорбленным г-н Геккерн, то он может, если ему угодно, выбрать мне секунданта; я заранее его принимаю, будь то хотя бы его выездной лакей. Что же касается часа и места, то я всецело к его услугам. По нашим, по русским, обычаям этого достаточно. Прошу вас поверить, виконт, что это мое последнее слово и что более мне

---

[a] *Зачеркнуто в копии с подлинника.*

нечего [прибавить][a] ответить относительно этого дела; и что я тронусь из дома лишь для того, чтобы ехать на место.

Благоволите принять уверение в моем совершенном уважении.

А. Пушкин.

27 января.

250. А. О. Ишимовой

27 января 1837 г. Петербург

Милостивая государыня
Александра Осиповна,

Крайне жалею, что мне невозможно будет сегодня явиться на Ваше приглашение.[1] Покаместь, честь имею препроводить к Вам Barry Cornwall. Вы найдете в конце книги пьэсы, отмеченные карандашом, переведите их как умеете — уверяю Вас, что переведете как не льзя лучше.[2] Сегодня я нечаянно открыл Вашу Историю в рассказах, и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!

С глубочайшим почтением и совершенной преданностию честь имею быть,

милостивая государыня,
Вашим покорнейшим слугою.
А. Пушкин.

27 янв.
1837.

Адрес: Ее высокоблагородию
милостивой государыне
Александре Осиповне Ишимовой
на Фурштатской, дом Эльтикова, № 53.

---

[a] *Зачеркнуто в копии с подлинника.*

ИЗ ВАРИАНТОВ И ДРУГИХ РЕДАКЦИЙ

2а. А. Х. Бенкендорфу

(Начало первой черновой редакции) [a]

En soumettant à sa Majesté cette seconde partie [de l'histoire] [je supplie Votre Excellence de vouloir bien lui] j'ose rappeler à Votre Excellence que vous avez bien voulu me permettre de lui [parler —] présenter ma requête

Перевод:

Представляя его величеству эту вторую часть [истории], [умоляю ваше сиятельство соблаговолить] осмеливаюсь напомнить вашему сиятельству, что вам угодно было позволить мне [сказать] представить вам прошение

(Отдельный черновой набросок)

de cette manière je garderai une terre qui est depuis 200 ans dans [une] notre famille, et qui est le dernier des biens immenses que nous possédions jadis —

Перевод:

таким образом я сохраню имение, уже 200 лет принадлежащее [одному] нашему роду — последнее из огромных поместий, которыми мы некогда владели —

38а. И. И. Лажечникову

(Варианты чернового автографа)

...я всегда желал случая вам представиться | *а.* я всегда желал возобновить старое знакомство, но никогда не имел случая вам представиться — Вас, в это время (*не окончено*) *б.* я всегда желал случая вам представиться — возобновить старое наше знакомство

[a] *Сводку второй черновой редакции см. в основном тексте.*

...ради бога, не по частям | ради бога, не по частям, [а вдр<уг>]. Это должно вредить занимательности [це<лого>] и успеху книги. *Далее было: а.* Прошу Вас в пользу (*не окончено*) *б.* Последний способ вредит успеху книги несмотря (*не окончено*) *в.* Послед<ний> Новик решительно выводил нас из терпения своею (*не окончено*).

79а. А. Х. Бенкендорфу

(Первая черновая редакция)

Je [vous] supplie V.<otre> E.<xcellence> de vouloir bien m'autoriser à retirer de la typographie [de la 2me section de] l'édition de la révolte de Пугачев —

Перевод:

Прошу [вас] ваше сиятельство не отказать в выдаче мне разрешения взять из типографии [2-го отделения] издание Пугачевского бунта —

(Вторая черновая редакция)

Обращаюсь к В.<ашему> с.<иятельству> со всепокорнейшей просьбою [приказать] дозволить мне принять из ти.<пографии> 2-го отделе<ния> канцелярии е.<го> в.<еличества> издание П.<угачевского> б.<унта> — которое мне не выдадут без Вашего на то соизволения, объявленного etc.

104а. М. П. Погодину

(Варианты чернового автографа)

повесть с подписью Белкин | повесть подписанную Белкиным. — В ней, кажется, упоминают о Вас (*не окончено*).

и встретил Ваше имя | и встретил Ваше имя. Спешу оправдаться перед Вами. Этот Белкин, не я. Как я читать его не буду, то и не знаю (*не окончено*).

за его нелепости я не отвечаю | *Начато:* за его глупость отвечать

отсылаю его к ее любовнику | адресую его к Вам, как Историку и любовнику —

105а. А. Х. Бенкендорфу

(Первая черновая редакция)

En demandant la permission d'être l'éditeur d'une gazette litt.<éraire> et pol.<itique> je sentais moi-même tous les inconvénients

de cette entreprise — [а] Je m'y voyais forcé par de<s> circonstances pénibles.[б] [La réponse de S.<a> M.<ajesté> en n'y] [S.<a> M.<ajesté> n'ayant pas donné son consentement me délivre d'un grand poids mais mon embarras est toujours le même]

Je l'avais fait pour l'acquis de ma conscience afin [que] de ne pas me reprocher d'avoir négligé [les] [auc<un>] un moyen [qui était en ma puissance] qui me mettait hors d'embarras et qui assurait ma fortune.

Ma demande n'ayant pas eu l'agréement de S<a> M<ajesté>, me voilà délivré d'un grand poids mais l'extrème embarras des affaires de ma famille [в] m'oblige encore d'avoir recours [à ses bontés] [dont]

[L'Emp<ereur>] S.<a> M.<ajesté> en daignant me prendre à s.<on> service [г] me fit la grâce de m'assigner 5000 d'appointements [a fait pour moi plus que jamais je n'aurais osé espérer.] Cependant cette somme qui représente les intérêts de 125 000 toute énorme qu'elle est, [si l'on prend en considération,] [est] m'est d'un faible secours dans [une ville] ou je dépense près de 25 000. Ni moi ni ma femme nous n'avons pas encore de fortune assurée, celle de mon père [étant] est si dérangée que [je suis] j'ai été obligé [de la prendre] d'en prendre la direction pour assurer un avenir non à moi mais au reste de ma famille.

[Je me] [Si donc] S.<a> M.<ajesté> au lieu de ces 5000 par an d'appointements daignait [д] me faire la grâce de me prêter pour dix ans et s<ans> int<érêts> un capital [е] qui puisse me mettre à mon aise,[ж] [car alors les]

100 00<0> arrangerait toutes mes affaires et me donnerait la possibilité de [me livrer] vivre à P<éters>b.<ourg> et de me livrer sans trouble à des travaux.[з] — Mais chez nous il est impossible d'emprunter [и] une somme aussi forte.[к] [Il n'y a que l'Emp<ereur> qui]

[а] *Далее было: а.* Mais l'état de mes affaires dérangé non par ma faute *б.* Je m'y voyais forcé par l'état de mes affaires dérangé non par ma faute

[б] par de tristes circonstances

[в] *а.* de ma fortune étant toujours le même *б.* de mes affaires

[г] *Далее было: а.* me [fit] donnant 5000 d'appointements *б.* avec 5000 d'appointements *в.* me fit assigner 5000 d'appointements

[д] 5000, qui déjà sont une somme énorme, vu l'état de mes affaires

[е] *а.* daignait me prêter le capital qui la représente pour dix ans, et sans intérêts, je *б.* daignait m'en prêter 100 000 le capital qui par somme la représente pour dix ans *в.* daignait me faire la grâce de me prêter pour dix ans une somme

[ж] Mes affaires seraient arrangées, je pourrais [me livrer] vivre etc.

[з] me livrer à des travaux sans être troublé par [les] des embarras pén<ibles>

[и] Mais il est impossible en Russie d'avoir

[к] une somme pareille

Перевод:

Испрашивая разрешение стать издателем лит.‹ературной› и пол‹итической› газеты, я сам чувствовал все неудобства этого предприятия.[а] — Я видел себя к тому вынужденным тяжелыми[б] обстоятельствами. [Ответ Е.‹го› В.‹еличества› не] [Е.‹го› В.‹еличество›, не дав своего согласия, освобождает меня от тяжелого бремени, но мое затруднительное положение остается все таким же]

Я сделал это для очистки совести, дабы не упрекать себя, что я пренебрег [каким-либо] способом [который был в моей власти], который вывел бы меня из затруднений и обеспечил бы мое состояние.

Так как моя просьба не получила соизволения Е‹го› В‹еличества›, я чувствую себя освобожденным от тяжелого бремени, но крайняя затрудненность в делах моей семьи[в] заставляет меня вновь прибегнуть [к его благодеяниям] [которыми]

[Госуд‹арь›] Е.‹го› В.‹еличество›, соизволив принять меня в свою службу,[г] оказал мне милость назначить 5000 жалованья [сделал для меня больше того, на что я когда-либо посмел бы надеяться]. Однако эта сумма, представляющая собою проценты со 125 000, как она ни велика [если принять в соображение], является слабой для меня помощью в [городе], где я трачу около 25 000. Ни я, ни моя жена не имеем еще определенного состояния; имение моего отца так расстроено, что я был принужден [принять его] принять управление над ним, чтобы обеспечить будущее не для меня, но для остальной своей семьи.

[Я себя] [Если же] Е.‹го› В.‹еличество› вместо этих 5000 годового жалованья соизволил бы[д] оказать мне милость дать взаймы на десять лет и б‹ез› пр‹оцентов› капитал,[е] который мог бы меня обеспечить,[ж] [так как тогда]

100 00‹0› устроили бы все мои дела и дали бы мне возможность [отдаться] жить в П.‹етер›б.‹урге› и отдаться спокойно трудам. —[з] Но у нас нет возможности занять[и] столь крупную сумму.[к] [Один только Имп‹ератор›]

[а] *Далее было: а.* но положение моих дел, расстроенных не по моей вине *б.* я видел себя к тому вынужденным по состоянию моих дел, расстроенных не по моей вине.

[б] печальными обстоятельствами

[в] *а.* моего состояния остается тем же *б.* моих дел

[г] *Далее было: а.* назначив мне 5000 р. жалованья *б.* с жалованьем в 5000 р. *в.* ассигновав мне 5000 р. жалованья

[д] 5000, которые уже составляют громадную сумму, имея в виду положение моих дел

[е] *а.* соизволил бы дать мне в виде займа капитал, представляющий мое жалованье за десять лет, без процентов, я *б.* соизволил бы дать мне в виде займа капитал в 100 000, представляющий мое жалованье в течение 10 лет *в.* соизволил бы мне оказать милость и в виде займа дать мне на 10 лет сумму

[ж] Мои дела были бы устроены, и я мог бы [отдаться] жить и т. д.

[з] отдаться работе без тревоги перед мучительными затруднениями

[и] Но невозможно в России иметь

[к] такую сумму.

106а. А. Х. Бенкендорфу

(Черновое)

M[r] le Comte,

[Je V.<ous> demande pardon] Je suis tout honteux d'importuner toujours V.<otre> E.<xcellence> [avec des détails] mais l'indulgence et l'intérêt que V.<ous> avez toujours daigné me témoigner seront l'excuse de mon indiscrétion.

Je n'ai pas de fortune. Jusqu'à présent ni moi, ni ma femme, nous n'avons encore la part qui doit — je n'ai vécu que des fruits de mon travail, [Ma position dans le monde] [la vie de P.<éters>b.<ourg> absorbe les 5000] [Avec<?> les app<ointements> que S.<a> M.<ajesté> a daigné me] [Mais la vie de P.<éters>b.<ourg> est ex<céssivement>] Travailler pour vivre, [certes], n'a pour moi rien d'humiliant,[a] mais accoutumé à l'indépendance il m'est t<out> à f.<ait> impossible d'écrire pour de l'argent et l'idée seule suffit pour me réduire à une inaction complète. La vie de P.<éters>-b.<ourg> est chère. Jusqu'à présent j'ai envisagé avec assez d'indifférence les dépenses que [j'ai été] je suis obligé de faire; un journal Poli.<tique> et littér.<aire> me donnant tout de suite[б] le moyen d'avoir 40 000 de revenu — Cependant cette [gazette m<e>] besogne me répugnait tellement que je n'ai songé à avoir recours à la permission que S.<a> M.<ajesté> avait [jadis] daigné m'accorder, qu'à la dernière extrémité. —

Maintenant je me vois donc dans la nécessité de couper court à des dépenses qui ne m'entraînent <qu'>à faire [des] dettes et qui me préparent un avenir d'inquiétude et d'embarras, sinon de misère [et d'abandon] et de désespoir. [Je me dois à ma famille] [j'ai une famille, dont je suis le seul] 3 ou 4 ans de retraite à la campagne me mettront de nouveau dans la possibilité de reprendre à P.<éters>b.<ourg> des occupations que je dois à la bonté de l'E.<mpereur>.

J'ai été comblé des bienfaits de [S.<a> M.<ajesté>] l'Em.<pereur>, je serais au désespoir que S.<a> M.<ajesté> put supposer dans mon désir de m'éloigner de P.<éters>b.<ourg> autre [chose] motif que celui d'une absolue nécessité. [Non seulement l'Emp.<ereur> a eu pour moi en remettant mon sort entre vos mains une bonté si indulgente] C'est pourquoi je vous supplie, M[r] le Comte, au moindre signe de mécontentement ou de soupçon] N'ayant aucune ambition et peu de goût pour le grand monde, [ce n'est que]

---

[a] *После:* rien d'humiliant *следовало: а.* et la reconnaissance n'est pas un [sacri<fice>] sentiment pénible, mais le fait est qu'il m'est impossible d'écrire pour de l'argent et que cette idée nécessite <?> *б.* mais accoutumé à l'indépendance, il m'est physiquement impossible d'écrire pour de l'argent, et l'idée seule

[б] *а.* ayant eu la permission d'un journal Poli. et littér., qui me mettait tout de suite à même *б.* car un journal Poli. et litter. me mettait tout de suite à même

Le moindre signe de mécontentement [ou de soupçon] suffirait pour me retenir [dans] pour toujours dans la position ou je me trouve: Car [j'] enfin j'aime mieux être gêné dans mes affaires que *perdu* dans l'opinion [du] de celui qui [après avoir pu dix fois] [au lieu] [a mieux aimé être mon bienfaiteur que de] a été mon bienfaiteur non comme Souverain non par devoir [comme Souverain non] [ou] et par justice, mais par un libre sentiment de bienveillance [libre] indépendante et généreuse.

Перевод:

Граф,

[Прошу Вас извинить меня] Мне совестно постоянно надоедать Вашему Сиятельству [мелочами], но снисходительность и участие, которые Вы всегда ко мне проявляли, послужат извинением моей нескромности.

У меня нет состояния. Ни я, ни моя жена, мы не получили еще до сих пор той части, которая следует. Я жил только своим трудом [Мое положение в свете] [жизнь в Петербурге поглощает те 5000] [С <?> жалованьем, которое его величество соизволил мне] [Но жизнь в Петербурге чрез‹вычайно›] В работе ради хлеба насущного [конечно] нет ничего для меня унизительного,[a] но, привыкнув к независимости, я совершенно не умею писать ради денег, и одна мысль об этом приводит меня в полнейшее бездействие. Жизнь в Петербурге дорога. До сих пор я довольно равнодушно смотрел на расходы, которые [я был] я вынужден делать; политическая и литературная газета давала бы мне сразу[б] возможность получить 40 000 дохода. Однако [газета] работа эта внушала мне такое отвращение, что я намеревался воспользоваться разрешением, которое его величество [некогда] соизволил дать мне, лишь при последней крайности.

Ныне я поставлен в необходимость покончить с расходами, которые лишь вовлекают меня в долги и готовят мне в будущем только тревоги и хлопоты, а может быть — нищету [и беспомощность] и отчаяние. [Я нужен моей семье] [у меня семья, для которой я единственный]. 3 или 4 года уединенной жизни в деревне снова дадут мне возможность возобновить в Петербурге занятия, которыми я обязан милости государя.

Я был осыпан благодеяниями [его величества] государя, — я был бы в отчаяньи, если бы его величество заподозрил в моем желании удалиться из Петербурга [что-либо другое] какое-либо другое побуждение, кроме совершенной необходимости. [Государь, отдавая мою судьбу в ваши

---

[a] *а. После* ничего унизительного *следовало: а.* и благодарность не есть [жерт‹ва›] тягостное чувство, но дело в том, что для меня невозможно писать ради денег и что эта мысль требует <?> *б.* но, привыкнув к независимости, мне физически невозможно писать ради денег, и одна мысль

[б] *а.* разрешение на издание полит. и литер. газеты сейчас же вывело бы меня из затруднения *б.* так как полит. и литер. газета сейчас же вывела бы меня из затруднения

руки, не только проявил ко мне столь доброжелательное снисхождение] [Поэтому я умоляю вас, граф, при малейшем признаке неудовольствия или подозрения] Не имея никакого честолюбия и мало пристрастия к высшему свету, [только из]

Малейшего признака неудовольствия [или подозрения] было бы достаточно, чтобы удержать меня [в] навсегда в теперешнем моем положении: ибо [я] в конце концов, я предпочитаю быть стесненным в моих делах, чем *потерять* во мнении того, кто [мог бы десять раз] [вместо] [предпочел быть моим благодетелем, чем] был моим благодетелем, не как монарх, не по долгу [как монарх, нет] [или] и справедливости, но по свободному чувству благожелательности [свободной] независимой и великодушной.

115а. А. Х. Бенкендорфу

(Черновое)

Monsieur le Comte,

J'ai eu l'honneur de me présenter à la porte de Votre Excellence sans avoir eu le bonheur de La trouver chez elle [C'est à Vous M^r le Comte,] [Je prends la]

[Permettez-moi M^r le Comte, de]

[Accablé] [Accablé des bontés de S.<a> M.<ajesté> c'est à vous M^r le Comte que je voulais m'adresser pour vous remercier] Accablé des <bontés de S. M.> j'étais venu pour vous rendre grâce de l'intérêt que vous avez [daigné] bien voulu me témoigner et pour vous exposer ma situation

[La reconnaissance n'est pas]

[Dans les derniers 4 ou] 5 ans—60 000.

Pendant les 4 années de mon mariage j'ai contracté près de 60 000 r. de dettes. J'ai été de plus obligé de prendre en main [les affaires] [la fortune] les biens de ma famille. Cela m'a si fort embarassé, que [j'ai été] je suis obligé de renoncer à un héritage et que les seuls moyens que j'avais de mettre ordre à mes affaires, étaient — ou de me retirer à la campagne — ou bien d'emprunter une fois pour toutes une forte somme d'argent. [Ce dernier parti m'était presqu'impossible — vu qu'il est] mais il est presqu'impossible en Russie [de contracter d'autres dettes] [d'emprunter autrement, vu que les fortunes des nobles] [d'emprunter autrement que sur parole et] [vu que la loi accorde une trop faib<le>] [vu que la garantie que la] de faire de grands emprunts à moins de s'adresser à l'Empereur, car, vu la trop faible garantie que la loi accorde aux créanciers, [Les dettes que nous contractons sont donc] les emprunts [sont] [étant] sont pour la plupart des dettes entre amis et sur parole — —

La reconnaissance n'est pas pour moi un sentiment —

[Depuis le premier moment [que j'ai eu le bonheur de regard<er>] que l'Emp<ereur> a daigné jetter les yeux <sur> moi — je n'ai que des grâces à lui rendre] — et certes mon dévouement à la personne de l'Em<pereur> ne se mêle à aucun<e> arrière-pensée gênant<e> de honte ou de <remords> — Mais il m'est difficile de rien demander car je ne puis me dissimuler que je n'ai aucun droit au<x> bienf<aits> de l'Em<pereur> — [Je me borne donc à le supplier de me faire] Je m'y remets donc encore une fois —

C'est donc à V.<ous> M<onsieur le Comte> que je remets encore une fois à décider de mon sort, et c'est en Vous suppl.<iant> d'agréer l'hommage de ma haute considération, que je suis Mon<sieur> le Comte

de Votre Excel<lence>

Перевод:

Граф,

Я имел честь явиться к вашему сиятельству, но, к несчастью, не застал вас дома [К вам, граф] [Я беру]

[Разрешите мне, граф]

[Осыпанный] [осыпанный милостями его величества, к вам, граф, хотел я обратиться, чтобы поблагодарить вас] Осыпанный <милостями его величества> я пришел, чтобы поблагодарить вас за участие, которое [вы соизволили] Вам было угодно проявлять ко мне, и чтобы объяснить Вам мое положение. [благодарность не]

[За последние 4 или] 5 лет — 60 000 р.

В течение четырех лет после моей женитьбы я задолжал около 60 000 руб. Кроме того, я был вынужден взять в свои руки [дела] [состояние] имения моей семьи. Это вовлекло меня в такие затруднения [что я был], что я принужден отказаться от одного наследства, и единственными средствами, которыми я мог бы привести в порядок мои дела, были — либо удалиться в деревню, либо единовременно занять крупную сумму. [Этот последний исход был для меня почти невозможен, имея в виду, что] Но в России почти невозможно [делать другие долги] [брать взаймы иначе, поскольку дворянские состояния] [брать взаймы иначе, чем на слово и] [поскольку закон предоставляет слишком слабое] [Ввиду того, что гарантия его] делать большие займы, если только не обратиться к государю, ибо, принимая во внимание слишком слабое обеспечение, которое закон предоставляет заимодавцам [долги, которые мы делаем, являются] займы [суть] [будучи] суть в большинстве случаев долги между друзьями и на слово — — Благодарность не является для меня чувством —

[С первого мгновения [когда я имел счастье увидеть], как государь соизволил обратить <на> меня внимание, я мог испытывать к нему только благодарность] — и, конечно, к моей преданности особе государя не примешивается никакой задней мысли, связанной со стыдом или <угрызениями совести> — Но мне трудно что-либо просить, ибо не могу скрыть

от себя, что я не имею никакого права на благодеяния государя [я ограничиваюсь тем, что умоляю его сделать для меня] Итак, я обращаюсь еще раз —

Итак, вам, граф, еще раз я вверяю решение моей участи и, прося вас принять уверение в моем высоком уважении, остаюсь, граф, вашего сиятельства

143а. Н. Г. Репнину

(Первая черновая редакция)

On [prétend] dit que M^{r} le Pr.<ince> R.<epnine> s'est permis des propos [inconvenants] outrageants [en parlant d'] La pers<onne> offen<sée> prie M^{r} le Pr.<ince> R<epnine> de vouloir bien rester neutre dans une affaire qui ne le concerne nullement. [Cette démarche est dictée] non par un[sentiment de] crainte ou même de prudence, mais uniquement par l'affection et l'intérêt que la personne offensée porte à M^{r} le P.<rince> R.<epnine> — pour des motifs à elle connus.

Перевод:

[Утверждают] Говорят, что кн‹язь› Р‹епнин› позволил себе [неприличные] оскорбительные отзывы [говоря об]. Оскорбленное лицо просит кн‹язя› Р‹епнина› соблаговолить не вмешиваться в дело, которое его никак не касается. [Это обращение продиктовано] [не чувством] страха, или даже осторожности, но единственно чувством расположения и преданности, которое оскорбленное лицо питает к кн‹язю› Р.‹епнину› по известным ему причинам.

(Варианты второй черновой редакции)

После à mes enfants *следовало:* Un [misérable] nommé Mr Bogolubof, a dernièrement répété dans les cafés des propos [infâmes] outrageants [pour moi], [en s'autorisant de Votre nom] [et cela en] Votre nom comme <?> droit <?> [J'ai la conviction de vous]

После de reconnaissance *следовало:* Je demande, mon prince, que vous retracteriez les propos [de Bogolubof] ou que je sache à quoi m'en tenir.

После qui m'a dicté cette démarche — *следовало*:

[Il faut que je sache à quoi m'en tenir. Si]

[Si jamais j'ai] offensé qui que ce soit, ce n'a jamais été que par inadvertence ou par représailles — dans [les deux] le premier cas j'ai toujours

Il me répugne de croire un Bogolubof.

Je supplie Votre Excellence [de désavouer [les prop<os>] [l'imputation] l'assertation d'un Bogolubof — ou que] de [me] vouloir bien me faire savoir à quoi je dois m'en tenir —

Перевод:

После моим детям *следовало*: [Какой-то негодяй] Некто Боголюбов на днях повторял в кофейных [позорные] оскорбительные [для меня] отзывы, [ссылаясь при этом] на ваше имя, как будто <?> вправе <?> [я уверен, что вы]

После и признательности *следовало*: Я прошу, князь, чтоб вы опровергли сказанное [Боголюбовым], или чтоб я знал, как я должен поступить

После заставившую меня поступить таким образом *следовало:*

[Мне необходимо знать, как я должен поступить. Если]

[Если, когда-нибудь] я оскорблял кого-либо, то только по легкомыслию или в качестве возмездия — в [обоих] первом случае я всегда

Мне противно думать, что какой-то Боголюбов

Умоляю ваше сиятельство [опровергнуть [отзывы] [обвинения] утверждения Боголюбова, или] не отказать сообщить мне, как я должен поступить —

144а. В. А. Соллогубу

(Отрывок белового текста) [а]

Vous vous êtes donné une peine inutile en me donnant une explication que je ne vous avais pas demandée. Vous vous êtes permis et vous vous êtes vanté d'avoir dit des impertinences à une <?> femme. Le nom que vous portez et la société que vous fréquentez m'obligent de vous demander raison de l'indécence de votre conduite.

Перевод:

Вы взяли на себя напрасный труд, давая мне объяснение, которого я у вас не требовал. Вы позволили себе наговорить дерзостей женщине <?> и хвалиться этим. Ваше имя и общество, в котором вы вращаетесь, обязывают меня привлечь вас к ответу за неприличие вашего поведения.

184а. Д. В. Давыдову

[Я сей час из Москвы —]

Статью о Дрезд.<ене> не могу тебе прислать прежде, нежели [а] ее не напечатают, ибо она есть ценсурный документ — Успеешь наглядеться на ее благородные [б] раны.

Покаместь благодарю за позволение — напечатать ее [и в этом] и в настоящем ее виде. [Чорт побери генерал-лейтенанта

[а] *Запись П. В. Анненкова со слов В. А. Соллогуба.*

[а] *Переделано из* пока <?>

[б] *Начато:* Успеешь нарадоваться благородным

Винценгероде!] — А жаль, что не тиснули мы ее во 2-м №[в] Соврем.<енника> [!], который у меня <?> весь[г] полон Наполеоном? Куда бы к стати тут же было [принести ему в жертву] заколоть у подножия Вандомской колоны генерала[д] Винценгероде как [о<чистительную>] [пр<имирительную>] жертву примирительную! — [Вырвался, проклятый] я было и рукава засучил! Вырвался, проклятый; бог с ним,[е] чорт его побери.

Вяз.<емский> советует мне напечатать *твои очи* без твоего позволения — [Как думаешь, я что-то] Я бы рад, да как-то боюсь. Как думаешь — ведь[ж] можно бы — без имени? . .

От Язык.<ова> жду писем —

202а. П. Я. Чаадаеву

(Отрывок черновой редакции)

<Pierre le Grand> [anéantit] domptat la noblesse [par l'Oukase] en publiant *la Табель о рангах*, le clergé — [en mettant son épée] en abolissant le patriarchat [(NB Napoléon disait à Alexandre: vous êtes *pope* chez vous; ce n'est pas si bête)] — Mais autre chose est de faire une révolution, autre chose est [de la conserver] d'en consacrer les résultats. [Jusqu'à Catherine II on a continué chez nous la révolution de Pierre au lieu de la consolider. Catherine II craignait encore l'Aristocratie; [et n'a pas mis de bornes à] Alexandre était [rév<olutionnaire>] jacobin lui-même;] Voilà déjà 140 ans que la *Табль о рангах* balaye la noblesse; et c'est l'Emp.<ereur> actuel, qui le premier a posé une digue (bien faible encore) contre le débordement d'une démocratie, pire que celle de l'Amérique (avez <-vous lu> Toqueville? [il m'a effrayé] je suis encore tout chaud et tout effrayé de son livre).

Quant au clergé il est en dehors de la société, [parce qu'il est barbu — voilà tout] il est encore barbu — [On ne le voit nulle part ni dans nos salons, ni dans la littérature, ni dans] il n'est pas de la bonne société. Il [n'est pas au dessus du peuple] ne veut pas être peuple. Nos souverains ont trouvé commode de le laisser là où ils l'ont trouvé. — Comme les énuques, il n'a de passion que le pouvoir — Aussi est-il redouté. Et [je connais] quelqu'un [qui] malgré toute son énergie a plié devant lui dans une occasion grave — [Ce dont j'ai enragé dans le temps].

[Vous en concluez que nous ne sommes pas] La religion est étrangère à nos pensées, à nos habitudes

---

в *Далее, после точки, начато: а.* Наполе<он> *б.* Тут за меня его *в.* В нем.

г У меня весь *вписано.*

д *а.* генерала *б.* Шмерца

е бог с ним *вписано.*

ж ведь *вписано.*

à la bonheur, mais il ne fallait pas le dire.

[Votre brochure a produit, à ce qu'il parait une grande sensation. Je n'en parle pas dans le monde, où [je suis]].

Ce qu'il fallait dire et ce que vous avez dit c'est que notre société actuelle est aussi méprisable que stupide; [qu'elle ne mérite même pas] que cette absence d'opinion publique, cette indifférence pour tout ce qui est devoir, justice, droit et vérité; [ce mépris] [cynique] [pour tout] ce qui n'est pas [le matériel, et l'utile] nécessité. Ce mépris cynique pour la pensée [pour le beau] et la dignité de l'homme. Il fallait ajouter (non comme concession [à la censure], mais comme vérité) que le gouvernement est encore le seul Européen de la Russie, [et que malgré tout ce qu'il a de lourd et de pénible et de cynique] et que tout brutal [et cynique] qu'il est, il ne tiendrait qu'à lui de l'être cent fois plus. Personne n'y ferait la moindre attention.

[La conquête [d'Igor] de Rourik [et d'Oleg], vaut bien celle du Bâtard Normand], — La jeunesse de la Russie s'est [développée] passée joyeusement dans les invasions d'Oleg et de Sviatoslas, et même dans [cet état de chose] les guerres d'apanage qui n'étaient que des duels continuels — effet [de] cette effervescence et de cette activité de la jeunesse des peuples dont vous parlez dans votre lettre. L'invasion est un triste et grand tableau — hé l'invasion des tartares n'est-ce pas un souvenir ‹. . .›

Перевод:

‹Петр Великий› [уничтожил] укротил дворянство [указом], опубликовав **Табель о рангах**, духовенство — [положив свою шпагу] отменив патриаршество [(NB. Наполеон говорил Александру: вы сами у себя поп, это совсем не так глупо)]. Но одно дело произвести революцию, другое дело это [ее сохранить] закрепить ее результаты. [До Екатерины II продолжали у нас революцию Петра, вместо того чтобы ее упрочить. Екатерина II еще боялась аристократии; [и не поставила границ тем] Александр сам был [рев‹олюционером›] якобинцем;] Вот уже 140 лет как **Табль о рангах** сметает дворянство; и нынешний император первый воздвиг плотину (очень слабую еще) против наводнения демократией, худшей, чем в Америке (читали ‹ли вы› Токвиля? [он напугал меня] я еще весь разгорячен его книгой и совсем напуган ею).

Что касается духовенства, оно вне общества [потому что бородато — вот и все] оно еще бородато [Его нигде не видно, ни в наших гостиных, ни в литературе, ни в] Оно не принадлежит к хорошему обществу. Оно [не выше народа] не хочет быть народом. Наши государи сочли удобным оставить его там, где они его нашли. Точно у евнухов — у него одна только страсть — к власти. Потому его боятся. И [я знаю] кого-то [кто] несмотря на всю свою твердость, согнулся перед ним в одном важном вопросе — [что в свое время меня взбесило]

[Вы из этого заключаете, что мы не] Религия чужда нашим мыслям и нашим привычкам

ну и прекрасно, но не следовало этого говорить.

Ваша брошюра произвела, кажется, большое впечатление. Я не говорю о ней в обществе, в котором [нахожусь].

Что надо было сказать и что вы сказали — это то, что наше современное общество столь же презренно, сколь глупо; [что оно не заслуживает даже], что это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всему, что есть долг, справедливость, право и истина; [это циничное презрение] [ко всему], что не является [материальным, полезным] необходимостью. Это циничное презрение к мысли, [красоте] и к достоинству человека. Надо было прибавить (не в качестве уступки [цензуре], но как правду), что правительство все-таки единственный Европеец в России [и что несмотря на все то, что в нем есть тяжкого, грубого, циничного] И сколь бы грубо [и цинично] оно ни было, только от него зависело бы стать во сто крат хуже. Никто не обратил бы на это ни малейшего внимания.

[Завоевания [Игоря] Рюрика [и Олега] сто́ят завоеваний Нормандского Бастарда]. Юность России [развилась] весело прошла в набегах Олега и Святослава и даже [в том порядке вещей] в усобицах, которые были только непрерывными поединками — следствием того брожения и той активности, свойственных юности народов, о которых вы говорите в вашем письме.

Нашествие — печальное и великое зрелище — да, нашествие татар, разве это не воспоминание <...>

209а. В. А. Соллогубу

(Первоначальный проект письма)

Monsieur le Baron Heeckeren m'a fait l'honneur d'accepter pour son fils Mr le B.<aron> G. Heeckeren une provocation en duel. Ayant appris *p<a>r hazard? par le bruit public?* que Mr G. Heeckeren était décidé à demander en mariage man belle-sœur Mlle C. Gontcharow, je prie Mr le Baron Heeckeren père de vouloir bien regarder ma provocation comme non avenue.

P<ou>r avoir tenu envers ma femme une conduite qu'il ne me convient p<a>s de souffrir (en cas que Mr Heeckeren exige que la provocation soit motivée).

Перевод:

Господин барон Геккерн оказал мне честь принять вызов на дуэль его сына г-на барона Ж. Геккерна. Узнав *случайно? по слухам?*, что г-н Ж. Геккерн решил просить руки моей свояченицы мадемуазель К. Гончаровой, я прошу г-на барона Геккерна-отца соблаговолить рассматривать мой вызов как не бывший.

За то, что он вел себя по отношению к моей жене так, как мне не подобает допускать (в случае, если господин Геккерн потребует указать причину вызова).

211а. Л. Геккерну

(Первый перебеленный текст)

Monsieur le Baron,

Avant tout permettez-moi de faire le résumé de tout ce qui vient de se passer. — La conduite de Mr Votre fils m'était entièrement connue et ne pouvait m'être indifférente; mais comme elle était restreinte dans les bornes des convenances et que d'ailleurs je savais combien ma femme méritait ma confiance et mon <. . . . . . .>
<. . . . .> t<. . .> sauf
<. . . . .>[а]
sur le cœur <. . .> j<. . .> perso<. . . . . >
mari, à moins qu'il ne fut un sot, deviendrait tout naturellement le confident de sa femme et le maître de sa conduite. Je vous avouerai que je n'étais pas sans inquiétude. Un incident, qui dans tout autre moment m'eut été très désagréable, vint fort heureusement me tirer d'affaire: je reçus des lettres anonymes. Je vis que le moment était venu, et j'en profitai. Vous savez le reste: je fis jouer à Mr Votre fils un rôle si grotesque et si pitoyable, que ma femme, étonnée de tant de plattitude, ne put s'empêcher de rire et que l'émotion, que peut-être avait-elle ressenti pour cette grande et sublime passion, s'éteignit dans le dégout le plus calme et le mieux mérité.

Mais vous, Monsieur le Baron, quel a été votre rôle à vous dans toute cette affaire? Vous le représentant d'une tête couronnée, vous avez été le ma<. . . . .>
<. . . . .>[б]
vieille, vous alliez guette<r> <. . . . .>
les coins pour lui parler de votre fils, et lorsque malade de vérole, il était retenu chez lui [miné] de remèdes, vous disiez, infâme que vous êtes, qu'il se mourait d'amour pour elle; vous lui marmottiez: rendez-moi mon fils — Ce n'est pas tout.

[Vous voyez que j'en sais long: mais attendez, ce n'est pas tout: je vous disais bien que l'affaire se compliquait. Revenons aux lettres anonymes. Vous vous doutez bien qu'elles vous intéressent.]

Le 2 de novembre vous eûtes [de] avec M^{r} votre fils [une nouvelle <. . . . . .> fit beaucoup de plaisir. Il vous dit] [après une] à la suite d'une conversation <. . . . .>
<[. . . . .>ité, que ma femme crei-]
<. . . . .> lettre anonyme
<[. . . . .>u'elle en perdait la tête]
<. . . . .> frapper un coup décisif.
<. . . . .>mposée par vous et
<. . . . .>plaires [de la lettre ano-]
<. . . . .>'on avait distribué)

[а] *Отсутствуют 4 строки текста.*
[б] *Отсутствуют 5 строк текста.*

<. . . . .> avait été fabriquée avec
<. . . . .>[в]
tais sûr de trouver mon <. . . . .>
inquiétais plus. Effectivement, avant trois jours de recherches, je [*нрзб.*] savais à quoi m'en tenir — Si la diplomatie n'est que l'art de savoir ce qui se fait chez les autres et de se jouer de leurs projets, Vous me rendrez la justice d'avouer que vous avez été vaincu sur tous les points.

Maintenant j'arrive au but de ma lettre: [Peut-être désirez vous savoir ce qui m'a empêché jusqu'à présent de vous déshonorer aux yeux de notre cour et de la vôtre. Je m'en vais vous le dire.]

Je suis, vous le voyez, bon injénu, <. . . . .>
mais mon cœur est sensib<. . . . .>
Un duel ne me suffit pl<. . . . .>
et quelque soit son is<. . . . .>
assez vengé ni par la <. . . . .>
votre fils ni par la lettre <. . . . .>
<. . . . .>[г]
qu'à la trâce de cette misérable affaire dont il me sera facile de faire un excellent chapitre dans [l'] mon histoire du cocuage.

J'ai l'honneur d'être, Monsieur le Baron,
Votre très humble et très obéissant serviteur
A. Pouchkine.

Перевод:

Барон,

Прежде всего позвольте мне подвести итог всему тому, что произошло недавно. — Поведение вашего сына было мне полностью известно и не могло быть для меня безразличным; но так как оно не выходило из границ светских приличий и так как притом я знал, насколько жена моя заслуживает мое доверие и мое <...> с тем <...> на сердце <...> м<...> женщины <...> муж, если только он не глупец, совершенно естественно делается поверенным своей жены и господином ее поведения. Признаюсь вам, я был не совсем спокоен. Случай, который во всякое другое время был бы мне крайне неприятен, весьма кстати вывел меня из затруднения: я получил анонимные письма. Я увидел, что время пришло, и воспользовался этим. Остальное вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь потешную и жалкую, что моя жена, удивленная такой пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызывала в ней эта великая и возвышенная страсть, угасло в отвращении самом спокойном и вполне заслуженном.

Но вы, барон, какова была ваша роль во всей этой истории? Вы, представитель коронованной особы, вы свод<......> старухе вы под-

---

в *Отсутствуют 4 строки текста.*
г *Отсутствуют 5 строк текста.*

стерегали ‹. . .› по всем углам, чтобы говорить ей о вашем сыне, а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, [истощенный] лекарствами, вы говорили, бесчестный вы человек, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына. Это не всё.

[Вы видите, что я много знаю, но подождите, это не всё: я говорил вам, что дело осложнилось. Вернемся к анонимным письмам. Вы, конечно, догадываетесь, что они вас касаются].

2-го ноября у вас был [от] с вашим сыном [новость ‹. . .› доставила большое удовольствие. Он сказал вам] [после одного] вследствие одного разговора ‹. . . .›ешен, что моя жена опаса‹. . .› анонимное письмо [‹. . . . . .› что она теряет голову] ‹. . . . .› нанести решительный удар ‹. . .›ставленное вами и ‹. . .›пляра [ано‹нимного› письма] ‹. . . . .› были разосланы ‹. . . . .› было сфабриковано с ‹. . . . .› был уверен, что найду моего ‹. . . . .› не беспокоился больше. В самом деле, после менее чем трехдневных розысков я уже знал, как мне поступить. Если дипломатия есть лишь искусство узнавать о том, что делается у других, и расстраивать их намерения, вы должны отдать мне справедливость, признав, что были побеждены по всем пунктам.

Теперь я подхожу к цели моего письма. [Быть может, вы желаете знать, что помешало мне до сих пор обесчестить вас в глазах дворов нашего и вашего. Так я скажу вам это]. Я, как видите, добр, простодушен ‹. . .› но сердце мое чувствитель‹но . . . .› Поединка мне у‹же› недостаточно ‹. . . . .› и каков бы ни был его ис‹ход . . .› достаточно отомщенным ни ‹. . . . .› вашего сына, ни письмом ‹. . . . .› самый след этого подлого дела, из которого мне легко будет составить отличную главу в моей истории рогоносцев.

Имею честь быть, барон, вашим нижайшим и покорнейшим слугою.

А. Пушкин.

(Второй перебеленный текст)

Monsieur le Baron,

Avant tout permettez-moi de fa‹. . . . .›
de ce qui vient de se pa‹. . . . .›
La conduite de M. V‹. . . . .›
connue depuis longtemps et ne pouvait ‹. . . . .›
(comme elle était restreint‹. . . . .›
convenances, et que d'ai‹. . . . .›
point ma femme méritait ma confiance et ‹. . . . .›
pect), je me contentais du rôle d'observa‹. . . . .›
à intervenir lorsque je le jugerai à p‹. . . . .›
savais bien qu'une belle figure, une p‹. . . . .›
malheureuse, une persévérance de deux ‹. . . . .›
‹. . . . .›toujours par produire quelque‹. . . .›
‹. . . . .› d'une jeune personne et qu'alors le
‹. . . . .› moins qu'il ne fût un sot, deviendrait

<. . . . .>rellement le confident de sa femme et le
<. . . . .>e sa conduite. (Je vous avouerai que je n'étais
<. . . . .>ns inquiétude). Un incident, que dans tout
<. . . . .>ment m'eut été très désagréable, vint
<. . . . .>sement me tirer d'affaire. Je reçus des
<. . . . .>mes. Je vis que le moment était venu
<. . . . .> fitai. Vous savez le reste. Je fis jouer à
<. . . . .> si [grotesque et si] pitoyable,
<. . . . .> de tant de plattitude, ne
<. . . . .> et que l'émotion que peut-
<. . . . .> pour cette grande et sublime
<. . . . . .>, s'éteignit <. . . . .> le dégout le plus calme et
<. . . . .>x mérité.
<. . . .>ous, Monsieur le Baron, vous me permettrez d'observer
que le rôle à <. . . > toute cette affaire n'est <. . . .> Vous
le représentant d'<. . . . .>ronnée vous avez été le maquereau
<. . . . . .>de votre soi disant bâtard; [a] toute la conduite de ce
jeune homme a été dirigée par vous <. . . . .>
C'est vous qui lui dictiez les pauvretés <. . . . .>
débiter et les niaiseries qu'il s'est m<. . . . .>
Semblable à une obscène vieille vous al<. . . . .>
ma femme dans tous les coins pour lui pa<. . . . .>
fils, et lorsque malade de vérole il était re<. . . . .>
<. . . . .>[б]
fils une conférance, ou <. . . . .>
un coup que l'on croyait <. . . . .>
nyme fut composée par <. . . . .>
je reçus trois exemplai<. . . . .>
l'on avait distribuée <. . . . .>
été fabriquée avec si peu de précaution, <. . . . .>
premier coup d'œil je fus sur les trâc<. . . . .>
teur. Je ne m'en inquiétais plus, j'éta<. . . . .>
trouver mon drôle. Effectivement, a<. . . . .>
jours de recherches, je savais positi<. . . . .>
<. . . . .>[в]
<. . . . .> non, et quelque soit son
<. . . . .> pas assez vengé, ni par
<. . . . .>it M[r] votre fils, ni par
<. . . . .>ut l'air d'une bonne
<. . . . .> (c<. . . . . .> m'embarrasse fort peu), ni
<. . . . .> par la lettre que j'ai l'honneur de vous é-
<. . . . .> dont je garde la copie pour mon usage
<. . . . .>ier. Je veux que vous vous donniez la peine

[a] *Исправлено карандашом:* de votre bâtard ou soi-disant tel;
[б] *Отсутствуют 5 строк текста.*
[в] *Отсутствуют 5 строк текста.*

<. . . . .> vous-même les raisons qui seraient suffi-
<. . . . .> m'engager à ne pas vous cracher à la fi-
<. . . . .>éantir jusqu'à la trâce de cette misérable
<. . . . .>[г]

Перевод:

Барон,

Прежде всего позвольте мне по<двести> <...> тому что пр<оизошло> <...>

Поведение ваш<его> <...> известно уже давно и не могло <.....> так как оно не выходило из границ <...> приличий и так как при<том> <.....> насколько жена моя заслуживает мое доверие и <...ува>жение, я довольствовался ролью наблюда<теля> <...> вмешаться, когда сочту это с<воевременным>. Я хорошо знал, что красивая внешность, стр<асть> <...> несчастная и двух<летнее> постоянство <.....> всегда производят некоторое <.....> молодой женщины, и что тогда <...> если только он не глупец, делается <есте>ственно поверенным своей жены и <.....> ее поведения. (Признаюсь вам, я не был <.....> спокоен). Случай, который во всякое <... вре>мя был бы мне крайне неприятен, вывел <... кста>ти меня из затруднения. Я получил <... анони>мные. Я увидел, что время пришло <....> <восполь>зовался. Остальное вы знаете: я заставил играть <.....> столь (потешную и столь жалкую) <.....> такой пошлостью не <.....> и то чувство, которое, быть может, <.....> эта великая и возвышенная <.....> угасло <.....> отвращении самом спокойном и <вполн>е заслуженном.

<....в>ы, барон, вы мне позволите заметить, что роль <...> во всей этой истории <.....> вы, представитель <ко>ронованной <...> вы сводничали <...> вашему так называемому незаконнорожденному сыну. Всем поведением этого юнца руководили вы. Это вы диктовали ему пошлости <...> отпускал, и глупости, которые он о<смеливался...>. Подобно бесстыжей старухе вы под<.....> мою жену по всем углам, чтобы гов<.....> сыне, а когда, заболев сифилисом, он был должен <.....>

<.....> сыном на совещании, на котором <.....> удар, казавшийся <.....> <ано>нимное письмо было составлено <...> я получил три экземпляра <.....> был разослан <.....> было сфабриковано с такой неосторожностью, <.....> первого взгляда я напал на сле<д... ав>тора. Я больше не беспокоился об этом, я был <.....> найду негодника. В самом деле, после менее <......>дневных розысков я уже знал поло<.....>

<......> нет и каков бы ни был его <.....> достаточно отомщенным ни <...> вашего сына <.....> ни <...сов>сем имела бы вид забавной <...> (ч<то ...> меня нимало не смущает) ни письмом, которое я имею честь вам п<исать> <...> список которого я сохраняю для моего <...>ного употребления. Я хочу, чтобы вы дали себе труд <.....> самому основания, которые были бы достат<очны> <....> побудить меня не плюнуть вам в ли<цо> <..... унич>тожить самый след этого подлого <......>

г *Отсутствуют 5 строк текста — окончание письма с подписью.*

246a. Л. Геккерну

(Автокопия)

Monsieur le Baron. — Permettez-moi de faire le résumé de ce qui vient de se passer. La conduite de M^r votre fils m'était connue depuis longtemps et ne pouvait m'être indifférente. Je me contentais du rôle d'observateur, sauf à intervenir lorsque je le jugerai à propos. Un incident qui dans tout autre moment m'eut été très désagréable, vint fort heureusement me tirer d'affaire. Je reçus les lettres anonymes. Je vis que le moment d'agir était venu et j'en profitai. Vous savez le reste: je fis jouer à M^r votre fils un rôle si pitoyable, que ma femme étonnée de tant de plattitude ne put s'empêcher de rire et que l'émotion que peut-être avait-elle ressenti pour cette sublime passion, s'éteignit dans le mépris le plus calme et le mieux mérité. — Vous me permettrez de dire, M^r le Baron, que votre rôle à vous dans toute cette affaire n'a pas été des plus convenables. Vous le représentant d'une tête couronnée, vous avez été paternellement le maquereau de votre bâtard ou soit disant tel. Toute sa conduite (assez maladroite, d'ailleurs) a été probablement dirigée par vous; c'est vous, probablement, qui lui dictiez les pauvretés qu'il venait débiter, et les niaiseries qu'il s'est mêlé d'écrire. Semblable à une obscène vieille vous alliez guetter ma femme dans tous les coins pour lui parler de l'amour de votre fils et lorsque malade de vérole, il était retenu chez lui par les remèdes, vous disiez qu'il se mourait d'amour pour elle; vous lui marmottiez: rendez-moi mon fils. Vous sentez bien qu'après tout cela [il ne pou<vait>] je ne pouvais souffrir qu'il y eut des relations entre ma famille et la vôtre. C'était à cette condition que j'avais consenti à ne pas donner suite à cette sale affaire et à ne pas vous déshonorer aux yeux de notre cour et de la vôtre comme j'en avais le pouvoir et l'intention. Je ne <me> soucie pas que ma femme écoute encore vos exhortations paternelles. Je ne puis permettre que M^r votre fils, après l'abjecte conduite qu'il a tenue, ose encore lui adresser la parole, encore moins qu'il lui fasse la cour et débite des calembourgs de corps de garde, tout en jouant le dévouement et la passion malheureuse, tandis qu'il n'est qu'un pleutre et qu'un chenapan. Je suis donc obligé de vous prier, Monsieur le B.<aron>, de faire finir tout ce manège, si vous tenez à éviter un nouveau scandale devant lequel certes je ne reculerai pas.

J'ai l'honneur d'être etc.

Перевод:

Барон. — Позвольте мне подвести итог тому, что произошло недавно. Поведение вашего сына было мне известно уже давно и не могло быть для меня безразличным. Я довольствовался ролью наблюдателя, готовый вмешаться, когда сочту это своевременным. Случай, который во всякое другое время был бы мне крайне неприятен, весьма кстати вывел меня из затруднения. Я получил анонимные письма. Я увидел, что время дей-

ствовать пришло, и воспользовался этим. Остальное вы знаете: я заставил вашего сына играть роль столь жалкую, что моя жена, удивленная такой пошлостью, не могла удержаться от смеха, и то чувство, которое, быть может, и вызывала в ней эта возвышенная страсть, угасло в презрении самом спокойном и вполне заслуженном.

Вы позволите мне сказать вам, барон, что ваша роль во всей этой истории была не из самых приличных. Вы, представитель коронованной особы, вы отечески сводничали вашему незаконнорожденному или так называемому сыну. Всем его поведением (впрочем, достаточно неловким), вероятно, руководили вы. Это вы, вероятно, диктовали ему пошлости, которые он отпускал, и глупости, которые он осмеливался писать. Подобно бесстыжей старухе, вы подстерегали мою жену по всем углам, чтобы говорить ей о любви вашего сына; а когда, заболев сифилисом, он должен был сидеть дома, чтобы лечиться, вы говорили, что он умирает от любви к ней; вы бормотали ей: верните мне моего сына.

Вы хорошо понимаете, барон, что после всего этого [нель<зя>] я не могу терпеть, чтобы были какие бы то ни было отношения между моей и вашей семьями.

Только на этом условии согласился я не давать хода этому грязному делу и не обесчестить вас в глазах дворов нашего и вашего, к чему я имел и возможность и намерение. Я не желаю, чтобы моя жена еще выслушивала ваши отеческие увещания. Я не могу позволить, чтобы ваш сын, после своего мерзкого поведения, смел бы еще разговаривать с моей женой, и еще того менее, чтобы он волочился за ней и отпускал ей казарменные каламбуры, в то же время разыгрывая преданность и несчастную любовь, тогда как он просто трус и негодяй. Итак, я вынужден просить вас, барон, положить конец всем этим проискам, если вы хотите избежать нового скандала, перед которым, конечно, я не остановлюсь.

Имею честь быть и проч.

249а. О. д'Аршиаку

(Черновое)

[Comme c'est Mr Heck<ern> fils [qui se] trouve offensé [je n'ai nul envie de]]

Je ne me soucie nullement[а] de mettre les oisifs de P.<étersbourg> dans la confidence [de mon] de mes démélés de famille, en allant à la recherche d'un second: personellement, je n'en ai pas besoin — Comme [c'est] M^r H<eckern fils> qui me provoque et qui se croit offensé, qu'il m'en trouve un,[б] s'il ne peut absolument s'en passer,

[а] *После* Je ne me soucie nullement *следовало: а.* d'aller chercher des seconds *б.* de mettre les oisifs de P. dans la confidence [de mon] de mes démélés de famille, ni d'aller chercher des seconds

[б] *а.* Comme c'est M. H— qui [est] se croit <?> offensé qu'il cherche un *б.* Comme c'est M. mon beau-frère qui me provoque et qui [est] se croit offensé qu'il aille m'en chercher un, *в.* Comme ce sont ces gens-là qui me provoque<nt> et qui se croi<ent> offensé<s> qu'il<s> m'en touvent un,

je l'accepte d'avance, quand ce ne serait que [son] chasseur. Quant à l'heure au lieu etc. je suis tout à fait à ses ordres. D'après nos habitudes, à nous autres Russes, cela suffit. — Et sur ce, j'ai l'honneur ‹de› [vous averti‹r›] que je n'ai rien à répondre aux lettres de MM les Heckern. Je vous prie de croire, M^r le V‹icomte› — que c'est mon dernier mot, et que je ne bouge plus que pour aller sur la place du rendez-vous

Перевод:

[Так как это г-н Геккерн-сын [себя] считает оскорбленным [я не имею никакого желания]]

Я не имею ни малейшего желания[а] посвящать петербургских зевак в [мое] мои семейные распри, отыскивая себе секунданта; лично я в нем не нуждаюсь — Так как вызывает меня и считает себя оскорбленным г-н Г‹еккерн-сын›, пусть он его мне и находит,[б] если он не может совершенно без него обойтись, я заранее его принимаю, будь то хотя бы его выездной лакей. Что же касается часа и места и проч., то я всецело в его распоряжении. По нашим, русским обычаям, этого достаточно. За сим, я имею честь [сообщить Вам], что более мне нечего ответить на письма господ Геккернов. Прошу вас поверить, виконт, что это мое последнее слово и что я тронусь из дому лишь для того, чтобы ехать на место встречи.

[а] *После* Я не имею ни малейшего желания *следовало: а.* идти отыскивать секундантов *б.* посвящать петербургских зевак [в мое] в мои семейные распри, ни идти искать себе секундантов.

[б] *а.* так как г-н Геккерн [есть] считает себя ‹?› оскорбленным, пусть он мне его и ищет *б.* так как это мой зять вызывает меня и [есть] считает себя оскорбленным, пусть он и идет и находит его мне *в.* так как эти люди вызывают меня и считают себя оскорбленными, пусть они мне и находят его.

КОММЕНТАРИИ

I

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Д. К. Нессельроде. — Печатается по тексту первой публикации: сб. «На чужой стороне», т. V, изд. «Ватага» и «Пламя», Прага—Берлин, 1924, стр. 177. Подлинник неизвестен. *Акад.*, XV, № 876.

Год написания устанавливается предположительно. Романтическая драма А. Дюма-отца «Angèle» («Анжель»), о которой идет речь, была впервые поставлена в Париже 28 декабря 1833 г. и вскоре напечатана отдельным изданием (Angèle, drame en cinq actes et en prose, par Alex. Dumas (et Anicet Bourgeois). Représentée sur le théâtre de la Porte Saint-Martin, le 28 décembre 1833. Paris, Charpentier, 1834). Это издание должно было быть новинкой в начале 1834 г., но не в 1835 или 1836 г., и получено Д. К. Нессельроде тотчас по выходе в свет, дипломатическим путем, минуя обычную почту и цензуру. О новизне издания свидетельствует и то, что Н. Н. Пушкина дала его на прочтение Е. М. Хитрово, т. е. последняя его еще не имела, хотя получала заграничные издания через зятя, гр. К. Фикельмона. Отзывов Пушкина о драме «Angèle» не дошло до нас, но его внимание к современной французской литературе, и в частности к романтической драматургии В. Гюго, А. Дюма и др., несомненно. См.: *Письма к Хитрово*, стр. 209—215 (в статье Б. В. Томашевского); Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. Изд. «Сов. писатель», Л., 1960, стр. 363—369 и 473. Б. В. Томашевский говорит о дате письма к Нессельроде: «неизвестного года, вероятно 1834».

2. А. Х. Бенкендорфу. — Черновой подлинник (вторая редакция): *ИРЛИ*, № 841, лл. 62_2—61_2. Беловой текст неизвестен. Впервые: *РС*, 1884, т. XLIV, ноябрь, стр. 370. Вероятно, письмо в этой форме не было переписано и отправлено, и Пушкин ограничился тем, что просил Бенкендорфа о свидании, решив изложить свои просьбы лично. 10 февраля он получил от Бенкендорфа приглашение на 11-е число (*Акад.*, XV, № 879). *Акад.*, XV, №№ 878, 878а, стр. 227.

Существует также первая черновая редакция: *ИРЛИ*, № 1498, на обороте письма П. В. Нащокина к Пушкину (*Акад.*, XV, № 873). Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 78. *Акад.*, XV, № 878а, стр. 226.

Отдельный черновой набросок: *ИРЛИ*, № 620. Впервые: *ПиС*, вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 256. *Акад.*, XV, № 878а, стр. 227.

Основанием для датировки служит то, что отдельный набросок к этому письму написан на обороте письма Н. М. Коншина к Пушкину от 7 февраля 1834 г. (*Акад.*, XV, № 877), а 10 февраля Пушкин получил приглашение от Бенкендорфа, и необходимость в письме отпала.

[1] Цензурная рукопись «Истории Пугачева» была разделена Пушкиным на два тома; том II состоял из конца главы V (от вступления в главное начальство князя Щербатова), глав VI, VII и VIII (см.: *Рук. ПД, 1964*, №№ 1210—1213). При печатании «Истории» Пушкин объединил оба тома в одну, 1-ю часть, заняв 2-ю часть целиком приложениями. 8 марта 1834 г. Бенкендорф вернул II том «Истории Пугачева» Пушкину и сообщил, что он одобрен Николаем I, «за исключением некоторых мест, где его императорским величеством собственноручно сделаны отметки» (*Акад.*, XV, № 893). В письме от 24 марта 1834 г. (*Акад.*, XV, № 903) Бенкендорф передал Пушкину волю Николая I изменить заглавие его труда и вместо «Истории Пугачева» печатать «История Пугачевского бунта». Пометы Николая см. в статье Т. Г. Зенгер «Николай I — редактор Пушкина» (*ЛН*, т. 16—18, стр. 525—533); см. также: Анна Чхеидзе. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Тбилиси, 1963, стр. 129—132 и сл.

[2] Рассчитывая получить 40 тыс. руб. от продажи «Истории Пугачева», Пушкин составил список предстоящих уплат (см.: *Рукою П.*, стр. 377—380), однако надежды его не оправдались. Книга вышла в последних числах декабря 1834 г., а в феврале 1835 г. поэт записал в дневнике: «В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже — не покупают» (*Акад.*, XII, стр. 337). По подсчету П. Е. Щеголева, Пушкин выручил от продажи «Истории Пугачева» не больше 20 тыс. руб. После смерти Пушкина в его квартире оказалось 1775 экземпляров «Истории», оставшихся из 3000 напечатанных. См.: П. Е. Щеголев. 1) Бюджет А. С. Пушкина в последний год его жизни. «Прожектор», 1929, № 11, стр. 23; 2) Материальный быт Пушкина. «Искусство», 1929, № 3—4, стр. 42; см. также: Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. Изд. Всесоюзн. книжн. палаты, М., 1962, стр. 359—370.

[3] Наследство — часть Болдина, принадлежавшая В. Л. Пушкину, который умер 10 августа 1830 г. Имение было заложено в Опекунском совете. Осенью 1833 г. Пушкин предполагал, приняв это наследство, выкупить часть В. Л. Пушкина и соединить обе части имения, но вскоре принужден был отказаться от этого намерения (см.: *Акад.*, XV, №№ 851, 858, 865). Комментируемое письмо к Бенкендорфу свидетельствует, что в действительности отказ Пушкина не был окончательным и поэт не терял надежды выкупить Болдино. Только в 1835 г. часть Василия Львовича была продана с аукциона полковнику С. В. Зыбину за 220 тыс. руб. (см.: *П. и мужики*, стр. 111—112), но даже и после этого Пушкин сожалел, что наследственное имение ушло из его рук (см. письмо 115).

[4] Свои пожелания Пушкин, очевидно, изложил устно при личном свидании 11 февраля 1834 г. (см.: *Акад.*, XV, № 879). Затем он повторил свои просьбы в письмах к Бенкендорфу от 26 и 27 февраля (см. письма 5, 6), написанных после следующего личного свидания с шефом жандармов 26 февраля 1834 г. (см.: *Акад.*, XV, № 882). По-видимому, во время этих свиданий была уточнена и сумма ссуды — вместо 15 тыс. Пушкин просил и получил 20 тыс. руб. См. комментарий к письмам 5 и 6.

3. В Съезжий дом. — Писарская копия, бывшая в архиве Пушкина: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 3, № 121. Подлинник неизвестен. Перед подписью помета: «(На подлинном подписано)»; вероятно, автографической была только подпись. Впервые: «Красная нива», 1929, 9 июня, № 24, стр. 8. *Акад.*, XV, стр. 209, Дел. бум., № 15.

[1] Пушкин нанимал квартиру в доме Жадимеровского на углу Морской и Гороховой улиц (ныне дом 26/14 по ул. Герцена), сроком с 1 декабря 1832 г. по 1 декабря 1833 г. (см.: П. Е. Щеголев. Квартирная тяжба Пушкина. «Красная нива», 1929, 9 июня, № 24, стр. 7; Литературные памятные места Ленинграда. Лениздат, 1959, стр. 172, 562). Текст контракта см.: «Красная нива», 1929, 9 июня, № 24, стр. 7—8. Сохранились три расписки о получении денег от Пушкина приказчиком Жадимеровского И. Ананьиным: 2 декабря 1832 г. Пушкин внес 1000 руб., 10 де-

кабря — 1000 руб. (за период с 1 декабря 1832 до 1 апреля 1833 г.); из третьей расписки (недатированной) следует, что Пушкин внес 1100 руб., оплатив квартиру до 1 августа 1833 г. (там же, стр. 8; см. также: *Рукою П.*, стр. 765—767).

[2] В мае 1833 г. Пушкин с семьей переехал на дачу (Каменный остров, дача Доливо-Добровольского) и больше на квартиру в доме Жадимеровского не возвращался. 1 сентября 1833 г., в его отсутствие, Н. Н. Пушкина заключила новый контракт на наем квартиры в доме А. К. Оливио (или Оливье) на Пантелеймоновской улице (ныне ул. Пестеля, дом 5). См.: *Лит. арх.*, т. I, стр. 72—73. В своем «объявлении» полиции Жадимеровский показывал: «С 1-го августа г. Пушкин, выехав из сей квартиры, просил меня о позволении отдать оную другому лицу, но как бы охотника на мою квартиру приискать не мог, то и просил меня оную отдать кому пожелаю — что мне и удалось, а именно с 27 ноября сего года лейб-гвардии Конно-гренадерского полка прапорщику Александру Николаевичу Хомутову» («Красная нива», 1929, 9 июня, № 24, стр. 8).

[3] Дело было передано в 4-й департамент С.-Петербургского надворного суда, где решено 15 апреля 1835 г. в пользу Жадимеровского. Пушкин обжаловал решение, и дело 26 августа 1835 г. перешло для ревизии в 1-й департамент С.-Петербургской палаты гражданского суда. Решение надворного суда было оставлено в силе, а из дела была составлена «записка» для прочтения обеими сторонами. 6 марта 1836 г. Пушкин отказался читать «записку» и «чинить» по ней «рукоприкладство», т. е. утвердить подписью свое согласие с ее содержанием, и 10 июня 1836 г. на Пушкина был наложен штраф в 53 руб. 17 коп. за неправильную подачу апелляции (см.: *Акад.*, XVI, стр. 230, Дел. бум., № 21; «Красная нива», стр. 9; *Рукою П.*, стр. 780—781; *Лет. ГЛМ*, кн. 5, стр. 102; А. С. Пушкин. Расписки в судебном деле. [Публ. Э. Э. Найдича]. *Лит. арх.*, [вып.] 3, стр. 28—32; В. В. Данилов. Новейшие публикации автографов Пушкина (1949—1954). *П. Иссл. и мат.*, т. I, стр. 379—380).

[4] В имении Кистенево Сергачского уезда (здесь ошибочно — Алаторского) за Пушкиным числилось 200 душ, заложенных еще в 1831 г.; семь свободных душ — по предположению П. Е. Щеголева, прирост населения, зафиксированный 8-й ревизией в 1833 г. (см.: *П. и мужики*, стр. 96). Одновременно с решением надворный суд предписал Лукояновскому земскому суду описать и оценить семь свободных душ в Кистеневе для продажи их и выплаты Жадимеровскому 1063 руб. $33^1/_2$ коп. и процентов, а также уплаты 106 руб. 30 коп. штрафных. Дело кончилось уже после смерти Пушкина, 24 мая 1837 г., когда опека выплатила Жадимеровскому искомую сумму (*Лет. ГЛМ*, кн. 5, стр. 100—103).

4. С. Д. Нечаеву. — Копия, снятая с подлинника С. Г. Рункевичем: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 7, № 23. Подлинник неизвестен. На нем были пометы: рукой С. Д. Нечаева — «Принесть ко мне состоявшееся о нем повеление»; неизвестной рукой — «Дан паспорт для следования в Смоленскую епархию». Впервые: «Христианское чтение», 1896, т. CCI, ч. I, вып. 1, стр. 154 (и в отдельном оттиске статьи «Из церковно-общественной жизни второй четверти нашего столетия», стр. 37). *Акад.*, XV, № 880.

Письмо написано во исполнение просьбы Н. М. Коншина (см. его письмо к Пушкину от 7 февраля 1834 г.: *Акад.*, XV, № 877). Коншин просил Пушкина найти «доброго человека», который бы замолвил слово обер-прокурору Синода С. Д. Нечаеву за протодьякона царскосельской придворной церкви Ф. Ф. Лебедева, исключенного за пьянство из придворного ведомства и переведенного в епархиальное (см.: *ПиС*, вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 252—255). Пользуясь неопределенностью «высочайшего» постановления о протодьяконе, Н. М. Коншин просил Пушкина исхлопотать через С. Д. Нечаева дозволение Лебедеву остаться в «здешней епархии», однако ходатайство Пушкина не помогло. Письмо опоздало, так

как еще 5 ноября 1833 г. Синод предписал протодьакону явиться за получением паспорта «для следования в Смоленскую епархию».

5. **А. Х. Бенкендорфу.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 593. Пометы: канцелярская — «№ 1261. 3 марта 1834/2»; рукою А. Х. Бенкендорфа, карандашом — «М‹инистру› Ф‹инансов›. Госуд‹арь› прик‹азал› на этом осно‹вании› выдать ему 20 т‹ыс›. р.»; рукою Л. В. Дубельта — «М‹инистру› Ф‹инансов›. Государь приказал на этом основании выдать Пушкину 20 т‹ыс›. р. — ». Впервые: *Ефр., 1903*, т. VII, стр. 521. *Акад.*, XV, № 884.

Это письмо, так же как и следующее, написано вследствие личного разговора Пушкина с Бенкендорфом, состоявшегося 26 февраля 1834 г. (*Акад.*, XV, № 882), и является официальной просьбой о ссуде на печатание «Истории Пугачева». Письмо входило в дело III отделения «О выдаче заимообразно 20 т‹ыс›. р. камер-юнкеру двора его величества Александру Сергеевичу Пушкину на издание „Истории Пугачевского бунта“» (*ИРЛИ,* ф. 244, оп. 16, № 101; *Дела III отд.*, стр. 243—256). Ссуда была Пушкину выдана на два года (см. письма 12 и 13). Проект указа о выдаче Пушкину ссуды был подписан Николаем I 16 марта (*Акад.*, XV, № 903), но уже за неделю до этого, 8 марта, М. М. Сперанский записал распоряжение Николая печатать «Историю Пугачева» на казенный счет (*ПиС*, вып. XVI, стр. 78). Пушкину пришлось оплатить только часть бумаги, пошедшей на печатание 1800 экземпляров его книги (из 3000 экз. общего тиража). Казне же печатание «Истории» обошлось в 3291 руб. 25 коп. (там же, стр. 86).

6. **А. Х. Бенкендорфу.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 594. Пометы: канцелярская — «№ 1262. 3 марта 1834/2»; рукою А. Х. Бенкендорфа — «Написать Сперанскому, а Пушкину отвечать»; рукою А. Н. Мордвинова — «Спер.‹анскому› разр.‹ешено› печ.‹атать› в его тип.‹ографии› ром.‹ан› Пушк.‹ина›. А. М.» и «Сперанскому, что государь приказал Историю Пугачева, соч. Пушкина, напечатать в типографии 2-го Отд.‹еления› соб.‹ственной› е. и. в. канцелярии под его ведомством находящейся». Впервые: *Ефр., 1903*, т. VII, стр. 522. В бумагах Пушкина сохранился первый, неотправленный беловой текст письма, совпадающий с окончательным, но с другой датой — «26 февраля 1834» (*ИРЛИ*, № 258; впервые. *Шляпкин*, стр. 92). *Акад.*, XV, №№ 885 и 885а.

Это письмо, как и предыдущее, написано после свидания Пушкина с Бенкендорфом 26 февраля 1834 г. «История Пугачева» была напечатана, как и просил Пушкин, в типографии II отделения собственной е. и. в. канцелярии. Уведомление о разрешении Бенкендорф через Л. В. Дубельта сообщил Пушкину 4 марта 1834 г. (см.: *Акад.*, XV, № 889; см. также письмо 9). 4 марта Бенкендорф сообщил о распоряжении Николая I Сперанскому. Отношение Бенкендорфа на имя Сперанского и другие документы «Дела о напечатании „Истории Пугачевского бунта“» в архиве бывшего II отделения собственной е. и. в. канцелярии см.: *ПиС*, вып. XVI, стр. 77—92.

7. **А. Х. Бенкендорфу.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 595. Пометы: канцелярская — «6 марта 1834/2»; рукою Л. В. Дубельта — «к докладу» и «к сведению». Впервые: *Ефр., 1903*, т. VII, стр. 523. *Акад.*, XV, № 891.

Письмо является ответом на официальное письмо А. Х. Бенкендорфа от 4 марта 1834 г. (*Акад.*, XV, № 888) о том, что Николай I дал разрешение на выдачу Пушкину ссуды в 20 тыс. руб. ассигнациями «за указаны проценты». См. письмо 12, а также письма 2, 5, 6 и письма к Пушкину Бенкендорфа (*Акад.*, XV, №№ 888, 903) и Д. М. Княжевича (*Акад.*, XV, № 899).

8. **Е. К. Воронцовой.**— Фотокопия: *ИРЛИ, Рук. ПД, 1964*, Приложение, № 42. Подлинник в Государственном архиве в Кракове (Польша), в фонде гр. Потоцких. Впервые: по подлиннику — «Pamiętnik Literacki», Warszawa—Wroclaw, 1956, rocznik XLVII, zeszyt 1, стр. 179—188; в СССР — *Изв. ОЛЯ*, 1956, т. XV, вып. 3, стр. 251. *Акад.*, *Спр. том*, стр. 71—72.

Письмо (см. о нем: М. П. Алексеев. Новое письмо Пушкина. *Изв. ОЛЯ,* 1956, т. XV, вып. 3, стр. 250—254) представляет собой ответ на письмо Е. К. Воронцовой от 26 декабря 1833 г. Вопрос об отправителе последнего, скрывшемся за вымышленной подписью «E. Wibelman», долгое время вызывал споры (см.: *Шляпкин*, стр. 188; *Труды и дни*, стр. 297; З. А. Бориневич-Бабайцева. Пушкин и одесские альманахи. В кн.: Пушкин, вып. II. Под ред. М. П. Алексеева. Одесса, 1926, стр. 60—62), и только в 1936 г. было доказано, что оно написано Е. К. Воронцовой (см.: Е. Б. Чернова. К истории переписки Пушкина и Е. К. Воронцовой. *П. Врем.*, т. 2, стр. 336—339). Е. К. Воронцова просила Пушкина принять участие в альманахе «Подарок бедным», который готовился Новороссийским женским благотворительным обществом призрения бедных, и сообщала ему не дошедшую до нас программу издания (см.: *Акад.*, XV, № 868).

[1] Рукопись, посланная Пушкиным вместе с письмом, неизвестна. Из драматических произведений Пушкина ко времени написания письма уже существовали, но не были ни опубликованы, ни поставлены «Скупой рыцарь» и «Каменный гость», а также пять сцен и начало шестой сцены драмы «Русалка», к работе над которой поэт не возвращался после 1832 г. Поскольку Пушкин характеризует свой замысел как незавершенный, наиболее вероятно, что речь идет о сценах из «Русалки» (см.: М. П. Алексеев. Новое письмо Пушкина, стр. 253).

[2] Экземпляр альманаха «Подарок бедным» (Одесса, 1834) сохранился в библиотеке Пушкина (см.: *Библ. П.*, № 451). В альманахе участвовали: в отделе поэзии — Е. П. Ростопчина, С. Е. Раич, В. Г. Тепляков, С. П. Шевырев и др.; в отделе прозы — А. С. Стурдза, N. N. (Н. Ф. Павлов). И. В. Киреевский и др. Баллада В. А. Жуковского «Братоубийца», присланная автором в последний момент, не попала в оглавление и занимает в книге 4 последние страницы, напечатанные и вклеенные, очевидно, в то время, когда часть тиража уже разошлась (ср., например, экземпляр пушкинской библиотеки, где баллада отсутствует). Сцены, посланные Пушкиным Воронцовой, в альманахе не появились. Из счета, предъявленного А. Ф. Смирдиным Пушкину, видно, что его письмо было отправлено в Одессу лишь 16 марта (Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 445, 447). Воронцова обратилась к Пушкину, когда бóльшая часть альманаха была, вероятно, уже собрана (его цензурное разрешение датировано 10 января 1834 г.), а в начале марта он уже вышел в свет (извещение о продаже см.: «Молва», 1834, № 10, стр. 145; номер разрешен цензурой 9 марта). Высказывалось предположение, что промедление Пушкина с ответом объясняется отчасти рассеянной светской жизнью, которую поэт вел в это время: зима 1834 г. изобиловала балами (см.: М. П. Алексеев. Новое письмо Пушкина, стр. 253—254). Возможно, что оно связано и с тем, что Воронцова, просившая Пушкина направить свой ответ через Смирдина, писала ему также на имя последнего, а Смирдин доставил Пушкину ее письмо с запозданием (см. жалобы Пушкина П. В. Нащокину на неаккуратность Смирдина в письме 84).

9. **Л. В. Дубельту.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 596. Пометы: канцелярская — «6 марта 1834/2»; рукою Л. В. Дубельта — «к докладу» и «к сведению». Впервые: *Ефр.*, *1903*, т. VII, стр. 523. *Акад.*, XV, № 892.

В автографе письмо ошибочно датировано «5 февраля». Дата исправляется на основании канцелярской пометы «6 марта» и письма Дубельта

от 4 марта 1834 г. (*Акад.*, XV, № 889), на которое настоящее письмо является ответом.

В письме от 4 марта Дубельт по поручению Бенкендорфа уведомлял Пушкина, что Бенкендорф «сообщил г-ну действительному тайному советнику Сперанскому о высочайшем соизволении, чтобы сочиненная ‹...› история Пугачева напечатана была в одной из подведомственных ему типографий» (*Акад.*, XV, № 889). Письмо Дубельта в свою очередь является ответом на письмо Пушкина к Бенкендорфу от 27 февраля 1834 г. (см. письмо 6). Самое же разрешение Николая I на напечатание книги в одной из типографий II отделения было сообщено Пушкину Бенкендорфом при одном из личных свиданий — вероятно, 26 февраля 1834 г. (см.: *Акад.*, XV, № 882).

10. В. Ф. Одоевскому. — Печатается по тексту первой публикации: *РА*, 1870, № 10, стлб. 1940—1941. Подлинник неизвестен. *Акад.*, XV, № 895. Обоснование датировки и комментарий см. ниже (письмо 11).

11. В. Ф. Одоевскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1499. Впервые: *Изв. ОРЯС*, 1896, т. I, кн. 2, стр. 395. *Акад.*, XV, № 896.

Датировка писем 10 и 11 определяется следующим. В 1834 г. А. А. Плюшар предпринял издание «Энциклопедического лексикона» («Конверсационс Лексикон»). В связи с этим многим ученым и литераторам, в том числе Пушкину и Одоевскому, было разослано печатное приглашение участвовать 16 марта 1834 г., в пятницу, в квартире Н. И. Греча в «предварительном суждении об одном важном литературном предприятии»; приглашение было датировано 14 марта (*Изв. ОРЯС*, 1896, т. I, кн. 2, стр. 394). Совещание состоялось в назначенный срок. Пушкин и Одоевский на нем присутствовали. Следовательно, их переписка по этому поводу могла иметь место не ранее 14 и не позднее 16 марта, что и определяет даты обоих писем — 10-го, написанного по получении приглашения, и 11-го, написанного позднее первого, в самый день совещания. См. также записку П. А. Вяземского к Одоевскому: «...я слышал от Пушкина, что он зван и, кажется, едет; следовательно, можете снестись с ним ‹...›. Советую Вам заблаговременно ‹...› привести свои дела в порядок» (там же). Последняя фраза иронически намекает на характер собрания «воровской шайки», о котором пишет и Пушкин.

[1] Пушкин оговорил свое участие в «Энциклопедическом лексиконе» следующим условием: «Согласен участвовать, если имени моего не будет упомянуто и если все условия редакции будут мне известны и сообразны с моими предположениями. А. Пушкин» (*ИРЛИ*, № 1655; отрезано от листа с расписками участников совещания, будущих сотрудников «Энциклопедического лексиона»; самый лист с подписями не сохранился, см.: *Лит. арх.*, т. 3, стр. 24—27; *П. Иссл. и мат.*, т. I, стр. 379; неточное изложение той же записи см.: *Никитенко*, т. I, стр. 139). О совещании у Греча см. записи Пушкина в дневнике от 17 марта и 2 апреля 1834 г. (*Акад.*, XII, стр. 321—322, 323; *Дн. Модз.*, стр. 9, 11, 105—107; *Дн. Сав.*, стр. 46, 49, 318—322, 354). См. также: Н. И. Греч. Записки о моей жизни. Изд. «Academia», М.—Л., 1930, стр. 597. Вследствие сделанной им оговорки Пушкин, а вместе с ним В. Ф. Одоевский, С. Ф. Гаевский и Е. П. Зайцевский были «выключены из числа издателей „Conversation's Lexicon"» (запись в дневнике Пушкина 2 апреля 1834 г. — *Акад.*, XII, стр. 323). Тем самым исключалось и участие Пушкина в «Лексиконе» в качестве автора.

Первый том «Энциклопедического лексикона» поступил в продажу в 1835 г. При жизни Пушкина, который был подписчиком этого издания, вышло 7 томов. В библиотеке Пушкина сохранились тома I—IV (*Библ. П.*, № 439).

12. Д. М. Княжевичу. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 597 (из дела Департамента Государственного казначейства № 73 «О выдаче камер-юнкеру Пушкину на напечатание „Истории Пугачевского бунта“ в ссуду 20 000 руб. на 2 года без процентов и без вычета в пользу увечных», — *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 16, № 48). Канцелярские пометы: «22 марта № 731» и «22 марта 1834, № 5317». Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 87. *Акад.*, XV, № 900.

Письмо входит в официальную переписку по делу о ссуде Пушкину 20 тыс. руб. (ср. письма 5, 122, 131) и служит ответом на письмо Д. М. Княжевича от 21 марта 1834 г. (*Акад.*, XV, № 899; ср.: *Арх. опеки*, стр. 120— 121).

Просьба Пушкина, изложенная в письме к Бенкендорфу от 26 февраля 1834 г. (см. письмо 5), послужила началом для дела III отделения о выдаче Пушкину заимообразно 20 тыс. руб. на издание «Истории Пугачевского бунта» (см.: *Дела III отд.*, стр. 243—256). В действительности «История Пугачева» печаталась по «высочайшему повелению», данному 8 марта 1834 г., на казенный счет (см. отметку М. М. Сперанского на письме к нему А. Х. Бенкендорфа от 4 марта 1834 г.: *ПиС*, вып. XVI, стр. 78). Размеры просимой Пушкиным ссуды указывают на то, что с самого начала он связывал с ее получением надежду на погашение некоторых неотложных долгов. Это подтверждают и расчеты Пушкина на обороте письма Д. М. Княжевича (см.: *Рукою П.*, стр. 363). В тот же день, когда было написано настоящее письмо, 22 марта 1834 г., Пушкин дал Государственному казначейству обязательство о возврате ссуды. По этому обязательству Пушкин, а в случае его смерти наследники его должны были выплатить долг «в течение двух лет по равным частям по истечении каждого года» (см.: *Арх. опеки*, стр. 121). Однако вследствие запутанных денежных обстоятельств Пушкин не смог через год, к 22 марта 1835 г., внести необходимую сумму. И когда в августе 1835 г. в ответ на его просьбу (см. письмо 117) последовал высочайший указ о выдаче ему новой ссуды в 30 тыс. руб., министр финансов Е. Ф. Канкрин распорядился удержать из этой суммы 10 тыс. руб. «с причитающимися за просрочку процентами по ссуде 20 т[ыс]. рублей, в 1834 г. ему произведенной» (*Арх. опеки*, стр. 122). Потребовались письмо Пушкина к Канкрину с просьбой об отмене этого распоряжения (см. письмо 122) и докладная записка Канкрина Николаю I, чтобы получить новую ссуду полностью. Тогда же были изменены условия выплаты ссуды, выданной в 1834 г.: она была рассрочена «на четыре года, начиная с 1836 года, без процентов» (см. письмо Е. Ф. Канкрина к К. К. Родофиникину от 10 октября 1835 г.: *Арх. опеки*, стр. 123). В связи с этим 22 ноября 1835 г. Пушкин дал новое «Обязательство по ссуде 20 000 рублей» (там же, стр. 123—124; ср. письмо 160). Однако, как свидетельствует дальнейшая переписка, к выплате этой ссуды Пушкин не смог приступить и в 1836 г.; после его смерти сумма в 20 тыс. руб. в числе других его долгов была сложена со счетов Государственного казначейства (см.: *Арх. опеки*, стр. 118—119).

13. А. Х. Бенкендорфу. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 598. Пометы: канцелярская — «№ 1868. 2 апреля 1834/2»; рукою Л. В. Дубельта (?) — «к сведен‹ию›»; неизвестными почерками — «в канц‹елярии› его сият.‹ельства›», «не у нас». Впервые: *Ефр., 1903*, т. VII, стр. 524. *Акад.*, XV, № 904.

Написано в ответ на письмо Бенкендорфа от 24 марта, в котором сообщалось, что министр финансов «имел счастие подносить государю императору проект указа» о выдаче Пушкину заимообразно 20 тыс. руб. и что Николай подписал этот указ «16-го сего марта» (*Акад.*, XV, № 903; см.: *Дела III отд.*, стр. 154). Это письмо Бенкендорфа впервые официально уведомляло Пушкина о распоряжении Николая I, данном при подписании указа о выдаче ссуды на напечатание книги, — пременить название его труда «История Пугачева» на «Историю Пугачевского бунта». Пушкин, однако, уже знал об этом из сообщений министра финансов, в частности

из письма Д. М. Княжевича от 21 марта 1834 г. (*Акад.*, XV, № 899), и в ответном письме Княжевичу (см. письмо 12) называет свою «Историю» согласно «высочайшему» повелению.

14. П. В. Нащокину. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1500. Впервые: «Москвитянин», 1851, ч. VI, № 23, стр. 468 (с пропусками, с зашифровкой всех имен и с ошибочным присоединением отрывка из письма 85). Полностью в кн.: Девятнадцатый век, кн. I. М., 1872, стр. 397—399. *Акад.*, XV, № 897.

Ответ на неизвестное нам письмо Нащокина. Основания для датировки: 1) письмо не могло быть написано Пушкиным ранее 22 марта, когда он получил упомянутую здесь «довольно круглую сумму» (см. ниже, прим. 4); 2) разговор Пушкина с отцом, в результате которого поэт взял на себя управление его имением, произошел не ранее 23 марта (ср. письма С. Л. Пушкина к О. С. Павлищевой от 23 марта и 6 апреля 1834 г.: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 20, № 29, лл. 182, 185); 3) письмо, как это видно из его содержания, написано Пушкиным до получения письма Нащокина, датируемого около (не позднее) 24 марта, которое пришло в Петербург вечером 30 марта (*Акад.*, XV, № 901, стр. 279). Датировка концом (между 23 и 30) марта 1834 г. подтверждается и упоминанием Пушкина о том, что жена его «здорова и едет на днях в Калужскую деревню». Между тем в начале апреля Н. Н. Пушкина снова заболела, и ее отъезд был отложен на 15 апреля (см. письмо Н. О. Пушкиной к О. С. Павлищевой от 6 апреля 1834 г.: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 20, № 29, л. 184; см. также письмо 20).

[1] Это не дошедшее до нас письмо Нащокина к Пушкину было, по-видимому, первым после женитьбы Нащокина на В. А. Нагаевой (Нарской), которая состоялась 28 января 1834 г. (см.: *ГИАМО*, Дело Московского дворянского депутатского собрания о дворянстве поручика П. В. Нащокина).

[2] Из письма Нащокина к Пушкину от января (не позднее 26) 1834 г. видно, что Пушкин был ему должен «4 т‹ысячи› считая проченты». В связи с предстоявшей женитьбой Нащокин писал: «Еще прошу тебя позаботится об деньгах, ибо мне никогда так они не нужны, как теперь» (*Акад.*, XV, № 873). О долге Пушкина Нащокин напоминал ему также в ряде последующих писем, обрисовывая в них свое отчаянное положение (*Акад.*, XV, №№ 901, 920, 924, 929, 962). К выплате долга Пушкин смог приступить лишь 19 июня 1834 г. (*Акад.*, XII, стр. 331).

[3] Имеется в виду остановка Пушкина в Москве в ноябре 1833 г. при его возвращении из Оренбурга и Болдина. Он вернулся в Петербург 18 или 19 ноября (см. письмо Н. О. Пушкиной к О. С. Павлищевой от 24 ноября 1833 г.: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 20, № 29, л. 158); следовательно, из Москвы он выехал 14 или 15 ноября.

[4] «Довольно круглая сумма» — казенная ссуда в 20 тыс. руб., полученная Пушкиным 22 марта 1834 г. на издание «Истории Пугачевского бунта». Эти деньги он, по-видимому, сразу же употребил для погашения неотложных долгов (ср.: *Арх. опеки,* стр. 120—121; см. комментарий к письму 12).

[5] Как видно из комментируемого письма, а также из следующего письма Нащокина к Пушкину (*Акад.*, XV, № 901), Пушкин по просьбе Нащокина взял на себя уплату его долга П. А. Вяземскому. Этим объясняется расхождение в указании суммы долга Пушкина Нащокину здесь и в цитированном выше письме Нащокина (*Акад.*, XV, № 873).

[6] Имеется в виду старший брат Нащокина Василий Воинович. Еще в конце 1831 г. Нащокин безуспешно пытался получить с него деньги — вероятно, в счет причитавшейся ему доли отцовского имения (*Акад.*, XIV, № 718). Пушкин очень интересовался ходом этого дела (см.: *Акад.*, XV, №№ 721, 729; *Письма*, т. III, стр. 466—467).

[7] Кенз-ель-ва (франц. quinze elle va) — ставка в карточной игре в 15 раз больше первоначальной (ср. упоминание в рукописи II главы «Евгения Онегина»: *Акад.*, VI, стр. 564). Плие — удвоенная ставка.

[8] По воспоминаниям В. А. Нащокиной, «когда Пушкин задумал жениться на Н. Н. Гончаровой, то спросил Нащокина, что он думает о его выборе? Тот посоветовал жениться». Точно так же Пушкин одобрил выбор своего друга и «приказал» ему жениться на В. А. Нагаевой (Нарской). *См.: П. в восп. совр.*, стр. 441; ср.: *Рассказы о П.*, стр. 41; *Акад.*, XV, № 862.

[9] Описанный Пушкиным случай произошел 4 марта 1834 г. Ср. запись в его дневнике от 6 марта (*Акад.*, XII, стр. 320).

[10] Андрей Петрович — А. П. Есаулов.

[11] Управитель нижегородского имения С. Л. Пушкина — И. М. Пеньковский.

[12] 8 октября 1834 г. у Павлищевых родился сын Лев (см. письмо Н. И. Павлищева к Пушкину: *Акад.*, XV, № 1008).

[13] Указ о пожаловании Пушкина камер-юнкером был подписан Николаем I 31 декабря 1833 г. (см.: *Акад.*, XII, стр. 318; *Дн. Модз.*, стр. 79—81; Л. В. Крестова. Почему Пушкин называл себя «русским Данжо»? *П. Иссл. и мат.*, т. IV, стр. 267—277).

[14] «Медный всадник» был представлен Пушкиным на цензуру Николаю I при письме к А. Х. Бенкендорфу от 6 декабря 1833 г. (*Акад.*, XV, № 864). 12 декабря поэма была возвращена Пушкину с замечаниями Николая I, заставившими поэта отказаться от ее печатания (см. запись в его дневнике от 14 декабря 1833 г. и предыдущее письмо к Нащокину: *Акад.*, XII, стр. 317; XV, № 865; ср. запись в дневнике А. И. Тургенева от 15 октября 1834 г.: *РЛ*, 1964, № 1, стр. 130). Замечания Николая I опубликованы Т. Г. Зенгер-Цявловской (*ЛН*, т. 16—18, стр. 521—524); об их роли в истории текста поэмы см.: О. С. Соловьева. «Езерский» и «Медный всадник». История текста. *П. Иссл. и мат.*, т. III, стр. 334—335.

15. Н. В. Гоголю. — Фотокопия: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 1, Приложение 2, № 3. Подлинник в библиотеке Украинской Академии наук (Киев), в составе коллекции писем Гоголя к М. А. Максимовичу; поверх текста записки Пушкина и перпендикулярно к ней Гоголь написал письмо к Максимовичу. Впервые: *Сб. ОРЯС*, 1877, т. XVIII, № 3, стр. 2. *Акад.*, XV, № 909.

Основанием для датировки является дата письма Гоголя к Максимовичу, написанного поверх (т. е. позднее) пушкинской записки, — 7 апреля 1834 г. (*Гоголь*, т. X, стр. 309—310). Записка, как можно предполагать, связана с хлопотами Гоголя и Максимовича о получении кафедр во вновь открывавшемся Киевском университете (см.: А. А. Назаревский. Забытый автограф Пушкина. В кн.: *П. Врем.*, т. 4—5, стр. 490—493). Пушкин был в курсе этого замысла и по просьбе Гоголя ходатайствовал за него перед С. С. Уваровым (см. письма Гоголя к Пушкину от 23 декабря 1833 г., от первой половины мая и от 13 мая 1834 г. (*Акад.*, XV, №№ 867, 936, 937), его же письмо к Максимовичу (*Гоголь*, т. X, № 197), а также письмо Пушкина к Гоголю — письмо 31).

С. И. Пономарев, впервые опубликовавший этот автограф, предположил, что он представляет собой конец несохранившейся записки или письма Пушкина к Гоголю (*Сб. ОРЯС*, 1877, т. XVIII, № 3, стр. 2); это предположение было повторено в ряде изданий. Однако рассмотрение автографа показывает, что он содержит полный текст записки (см.: А. А. Назаревский. Забытый автограф Пушкина, стр. 492), которая являлась, по-видимому, ответом на несохранившееся письмо Гоголя, присланное с нарочным, и была с тем же нарочным отослана к Гоголю.

16. М. П. Погодину. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1398. Почтовые штемпеля: «С. Петербург 1834 апре. 7», «Получено 1834 апреля 10». Впервые: «Москвитянин», 1842, т. V, № 10, стр. 468 (отрывок). *Акад.*, XV, № 910.

Датируется на основании петербургского почтового штемпеля.

[1] Общество любителей — Общество любителей российской словесности при Московском университете, основанное в 1811 г. Погодин, избранный секретарем Общества в 1834 г., принимал энергичные меры к оживлению его деятельности и для этого обратился к Гоголю, Языкову и другим с просьбой об участии (см. письмо Гоголя к Погодину от 13 марта 1834 г.: *Гоголь,* т. X, стр. 302—303; *Барсуков,* т. IV, стр. 240—246). По-видимому, одновременно или несколько ранее было направлено и первое письмо Погодина к Пушкину, до нас не дошедшее, равно как и ответ Пушкина (отрицательный), на который Погодин откликнулся письмом от 24 марта (*Акад.,* XV, № 902). Попытки Погодина активизировать работу Общества успехом не увенчались; организационное заседание состоялось только 30 октября; в дальнейшем деятельность Общества прекратилась и возобновилась только в 1858 г. (см.: Общество любителей российской словесности... Историческая записка и материалы за сто лет. М., 1911, стр. 39—40 и 94—95; см. также: П. Савельев. Участие Надеждина в трудах Московского общества любителей российской словесности. *БЗ,* 1858, № 17, стлб. 541—544).

[2] Избрание Пушкина и Булгарина в члены Общества состоялось 29 декабря 1829 г. и вызвало раздражение Пушкина и Вяземского; последний в письме от 2 января 1830 г. советовал Пушкину отказаться от «постыдного членства» (*Акад.,* XIV, № 426); см.: *Письма,* т. II, стр. 405—407; Н. К. Пиксанов. Пушкин и Общество любителей российской словесности. В кн.: Пушкин. Сборник первый. ГИЗ, М., 1924, стр. 4—11.

[3] Смысл этой пометы, по-видимому, в обычном для Пушкина противопоставлении Петербурга и Москвы, петербургского и московского английских клубов. Членом московского английского клуба Пушкин был избран в марте 1829 г. (*Акад.,* XIV, № 407), но посещал его и раньше, с 1826 г. В московском клубе, несмотря на официальный запрет, процветали азартные игры, и Пушкин принимал в них участие (см.: «Новое время», 1914, 14 июля, стр. 4—5). В 1833 г. Пушкин, по-видимому, выбыл из числа членов московского английского клуба, потому что «позабыл возобновить свой билет» и не хотел платить «300 рублей штрафу» (*Акад.,* XV, № 840). С 1832 г. Пушкин состоял членом петербургского английского клуба (С.-Петербургского английского собрания), основанного в 1770 г. и помещавшегося с 1830 г. на углу набережной Мойки и Демидова переулка, и особенно часто посещал его в 1834 г. (см.: *Письма,* т. III, стр. 528; *Дн. Сав.,* стр. 352—353; *Лит. арх.,* т. I, стр. 71). О порядке избрания новых членов Пушкин записал в дневнике под 2 апреля 1834 г.: «Закон говорит именно, что раз забалотированный человек не имеет уже никогда права быть избираемым. Но были исключения» (*Акад.,* XII, стр. 323). М. Н. Лонгинов, вступивший в клуб в конце 40-х годов, сообщает, что «были люди высокопоставленные, но никогда не рискнувшие подвергнуться испытанию баллотировки в члены, непринятие в которые производило большое впечатление в городе» (М. Л‹онгинов›. Воспоминания. В кн.: Столетие С.-Петербургского английского собрания (1770—1870). СПб., 1870, стр. 33). Забаллотирование Булгарина произошло в апреле 1827 г.; 27 апреля Вяземский писал Н. А. Муханову в Петербург: «Сделайте одолжение, поблагодарите от меня членов вашего Английского клуба, отвергнувших Булгарина» (Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина, ч. X. СПб., 1902, стр. 407). Ср., впрочем, рассказы В. Бурнашева (вообще недостоверные) о забаллотировании Булгарина в 1830 г. («Заря», 1871, № 4, стр. 22).

[4] Статья «О записках Видока» («В одном из № Лит‹ературной› газеты упоминали...») напечатана в «Литературной газете» от 6 апреля 1830 г. (№ 20). См.: М. И. Сухомлинов. Полемические статьи Пушкина. В кн.: М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. 2. СПб., 1889, стр. 267—275; Н. Замков.

К истории пушкинской заметки о «Записках Видока». *ПиС*, вып. XXIX—XXX, стр. 71—77.

[5] «Газета Шаликова» — «Московские ведомости», издававшиеся князем П. И. Шаликовым, где был напечатан отчет о собрании Общества, в котором сказано: «Секретарем Общества прочтено ‹...› предложение об избрании в члены Общества корифеев словесности нашей: А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, Ф. В. Булгарина — и отечественного композитора музыки А. Н. Верстовского. Единодушное согласие членов было подтверждено удовольствием публики, изъявившей оное в громких рукоплесканиях» (*М. вед.*, 1830, № 1, 1 янв., стр. 10).

[6] Цитата из «Горя от ума» (действие II, явление 3 — реплика Фамусова).

[7] Диплом Общества был прислан Пушкину с запозданием, 21 марта 1830 г., при письме председателя Общества А. А. Писарева (*Акад.*, XIV, № 455); по получении письма Пушкин обратился к Н. А. Полевому с недоуменным вопросом: «Что делать мне с Писаревым, с его обществом и с моим дипломом?» (там же, № 457; ответ Полевого — № 458). От переписки с Обществом Пушкин отказался, так как был отвлечен работой в «Литературной газете» и сватовством к Н. Н. Гончаровой.

[8] О запрещении «Медного всадника» см. письмо 14, прим. 14.

[9] Об истории печатания «Истории Пугачевского бунта» см. письма 6, 9, 13.

[10] Скрытая цитата из вступительной лекции курса всеобщей истории, прочитанной Погодиным после избрания его ординарным профессором всеобщей истории Московского университета в 1833 г.: «Со страхом и трепетом вступаю я на эту кафедру ‹...›. Никогда не чувствовал я так живо недостатка в своих сведениях, никогда не видал я так ясно всех трудностей, сопряженных с преподаванием сей науки, и не имел так мало надежды преодолеть их...» (*ЖМНП*, 1834, ч. I, отд. II, стр. 31; *Барсуков*, т. IV, стр. 135). Лекция эта очень нравилась Пушкину (см.: Биографический словарь профессоров и преподавателей ... Московского университета..., ч. II. М., 1855, стр. 245).

[11] К весне 1834 г. в портфеле Пушкина был ряд ненапечатанных, законченных и незаконченных произведений. С начала 1834 г. он стал печататься в новом журнале, издаваемом Смирдиным под негласной редакцией Сенковского, — «Библиотека для чтения». Здесь в январе—марте 1834 г. были помещены «Гусар», «Сказка о мертвой царевне...», «Будрыс и его сыновья», «Воевода», «Пиковая дама» и пр. (см.: *П. в печ.*, стр. 105, 109—110 и сл.). «Для денег» рассчитывал Пушкин напечатать и «Историю Пугачева».

[12] Впервые эту формулу Пушкин употребил в автобиографическом наброске «Участь моя решена. Я женюсь...» (1830); в вариантах его («поэма ‹...› критикуется в [Северн‹ой› Пчеле] журнале дураком» — *Акад.*, VIII, стр. 957) был намек на критику Булгариным 7-й главы «Онегина» (*СПч.*, 1830, № 37, 1 апреля). В дальнейшем указание на конкретное лицо было снято, и замечание Пушкина превратилось в обобщенную характеристику современной ему «торговой» журналистики (*Акад.*, VIII, стр. 408); в этом значении оно, по-видимому, употреблено и в данном письме.

17. А. В. Никитенко. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 599. Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 94. *Акад.*, XV, № 911.

Датируется по ответному письму Никитенко от 9 апреля 1834 г. (*Акад.*, XV, № 912).

[1] Согласно уставу о цензуре 1828 г. (§ 48), книги при переиздании проходили цензуру обычным порядком, хотя бы при перепечатке и не было изменений в тексте. При этом учитывались многочисленные устные и письменные распоряжения по цензуре, сделанные в промежуток времени между первым и последующим изданием цензуруемой книги. Однако в цен-

зурной практике произведения, достаточно хорошо известные, обычно просматривались с меньшей строгостью и с меньшим соблюдением формальностей. «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» вышли впервые в 1831 г.; «Пиковая дама» была напечатана в марте 1834 г. (*БдЧ*, 1834, т. II, кн. 3, отд. I, Русская словесность, стр. 109—140). В новом издании, о котором идет речь, — «Повести, изданные Александром Пушкиным» (СПб., 1834) — к этим произведениям были добавлены «Две главы из исторического романа» («Арап Петра Великого»), появившиеся в «Северных цветах на 1829 год» и в «Литературной газете» (1830, 1 марта, № 13). В тексте при переиздании были сделаны небольшие изменения. К 9 апреля у Никитенко была только «Пиковая дама», которую он уже цензуровал для «Библиотеки для чтения». В ответном письме к Пушкину от 9 апреля (*Акад.*, XV, № 912) Никитенко просил прислать ему остальные тексты, выражая полную готовность «исполнить желание» Пушкина. Но, по-видимому, между 9 и 11 апреля Пушкин получил «Анджело» со стихами, вычеркнутыми Уваровым, в чем он обвинил и Никитенко (см.: *Никитенко*, т. I, стр. 140—142). 26 мая Пушкин обратился в III отделение к А. Н. Мордвинову, надеясь облегчить выпуск книги и гарантировать ее от цензурных изъятий (см. письмо 34). Рукопись была передана от Никитенко цензору В. Н. Семенову, который подписал разрешение на выпуск книги 19 июля 1834 г.

18. **Г. А. Строганову.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 603. Впервые: *РА*, 1866, стлб. 1748. *Акад.*, XV, № 914.

Датируется на основании записи от 11 апреля 1834 г. в дневнике (*Акад.*, XII, стр. 325—326).

Письмо написано по получении Пушкиным от гр. Г. А. Строганова номера франкфуртской французской газеты «Journal de Francfort» (1834, 12 апреля н. ст. (31 марта ст. ст.), № 101) со статьей, явно инспирированной русскими правительственными кругами и напечатанной как корреспонденция из Петербурга от 27 февраля. В своем дневнике под 11 апреля 1834 г. Пушкин переписал (в сокращении) начало и конец статьи, представлявшей собою возражение на речь И. Лелевеля, произнесенную 25 января 1834 г. в Брюсселе, «в годовщину свержения Николая с польского престола, а также в память русского восстания 1825 г. и гибели русских патриотов». В этой речи Лелевель дважды упомянул Пушкина, называя его выразителем «политических устремлений русской молодежи». При этом он привел две якобы написанные Пушкиным «сказочки», представляющие иносказательное изображение борьбы народов против деспотизма и обличающие николаевскую самодержавную власть. Первую из них, по словам Лелевеля, «недавно один молодой русский поэт (в примечании под строкой назван Пушкин, — *Ред.*) послал царю <. . .>. За эту сказочку царь послал молодого поэта в самые отдаленные края государства. Русская молодежь поняла сказочку и применила ее к своему царю» (намек на восстание декабристов). Вторую «сказочку» «упомянутый молодой поэт прислал царю из глубины изгнания». Источник первой «сказочки» неизвестен; вторая пересказывает переведенную из Сегюра басню Д. В. Давыдова «Река и зеркало», ходившую по рукам и в некоторых сборниках приписывавшуюся Пушкину; обе они последнему не принадлежат, и Лелевель, приводя их в своей речи, был введен в заблуждение.

Статья, напечатанная во «Франкфуртской газете» и частично выписанная Пушкиным, останавливалась в особенности на упоминаниях Лелевеля о Пушкине и приписанных им Пушкину «сказочках». Возражая Лелевелю, но ссылаясь на то, что сам он якобы не знает, действительно ли Пушкин «в годы, когда его замечательный талант был еще в брожении и не освободился от накипи, написал строфы (т. е. «сказки», — *Ред.*), приводимые Лелевелем», автор статьи сообщал, что Пушкин находится не в отдаленной ссылке, а в Петербурге, «что его видят часто при дворе и что он пользуется милостью и благожелательством своего государя» (*Акад.*, XII,

стр. 325—326; перевод с французского). Как речь Лелевеля, так и двусмысленная и уклончивая «защита» неизвестного автора статьи не могли не взволновать Пушкина, что и выразилось в его письме к Г. А. Строганову. См.: Н. О. Лернер. Пушкин и Лелевель. *ИВ*, 1905, № 8, стр. 620—623; В. Каллаш. Заметки о Пушкине. *ПиС*, вып. V, стр. 110—115; *Дн. Модз.*, стр. 152—154; *Дн. Сав.*, стр. 399—404.

[1] Пушкин употребил старофранцузский термин «акколада» (поцелуй при посвящении в рыцари), намекая на то, что Лелевель в своей речи идейно объединил его и декабристов с польской повстанческой эмиграцией, чего он никак не мог принять в силу своих убеждений.

[2] Эти слова, а также длинные выписки из статьи «Франкфуртской газеты» в дневниковой записи показывают, что Пушкин, по-видимому, хотел написать ответ на речь Лелевеля и одновременно на компрометирующую его статью газеты. Это намерение, видимо, не было исполнено — по крайней мере в бумагах поэта не сохранилось никаких следов работы над подобным ответом. Самый номер газеты, вероятно, был им возвращен Строганову.

19. **И. М. Пеньковскому.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 600. Почтовый штемпель: «С.-Петербург. Отделение I-а. 1834 апр. 13»; помета рукою И. М. Пеньковского: «25 апреля полу<чено>». Впервые: *РА*, 1890, кн. I, стр. 435—436. *Акад.*, XV, № 915.

[1] Намерение взять управление нижегородскими имениями Пушкиных в свои руки возникло у Пушкина, по-видимому, еще в конце 1833 г., по возвращении из Болдина. «Отца видел, он очень рад моему предложению взять Болдино», — писал он 24 ноября 1833 г. П. В. Нащокину (*Акад.*, XV, № 862; см. также письмо 14). Затруднительное денежное положение родителей Пушкина, создавшееся к весне 1834 г., еще более укрепило его в этом намерении. Принимая управление Болдиным, Пушкин через С. А. Соболевского получил справку от Опекунского совета о положении дел по займам Сергея Львовича, заключенным под залог крепостных душ (см. в письме Соболевского к Пушкину: *Акад.*, XV, № 930). Отправив данное письмо, Пушкин фактически вступил в управление имением. См.: *П. и мужики*, стр. 112—146; Хозяйственный архив А. С. Пушкина (по нижегородским владениям). *Лет. ГЛМ*, кн. I, стр. 86—193.

[2] С. Л. Пушкин выдал доверенность И. М. Пеньковскому, принятому им на должность управляющего имениями Болдино и Кистенево, 25 сентября 1833 г. (см.: *П. и мужики*, стр. 230—232). Доверенность А. С. Пушкина Пеньковскому была выдана 20 ноября 1834 г. (см. письмо 78).

[3] Пеньковский в письме к Пушкину от 7 мая 1834 г. (*Акад.*, XV, № 934) сообщил о посылке им ведомостей: «Сколько мною принято от Михайлы Иванова <Калашникова> <...> разного хлеба <...>, то же по оброчным сумам села Болдина и Кистенева» (*Лет. ГЛМ*, кн. I, стр. 156—159). Счет отправленного С. Л. Пушкину оброка за первую треть 1834 г. (по Болдину — 852 руб., по Кистеневу — 685 руб.) устанавливается по письмам Пеньковского к С. Л. Пушкину от 26 февраля, 26 марта, 16 и 23 апреля 1834 г. (*Лет. ГЛМ*, кн. I, стр. 140—141, 146—147, 150—151). Отсутствие данных о посылке 100 руб. по Болдину и 150 руб. по Кистеневу объясняется, по-видимому, утратой одного письма Пеньковского от начала 1834 г. Подворная опись Болдина была составлена Пеньковским в январе 1834 г. и препровождена им при письме к С. Л. Пушкину от 12 февраля; в сентябре того же 1834 г. составлена подворная опись Кистенева по части А. С. Пушкина (*Лет. ГЛМ*, кн. I, стр. 127—139, 175—179).

20. **Н. Н. Пушкиной.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1502. Почтовые штемпеля: «С.-Петербург 1834 апре. 17» и «Получено 1834 апреля 21». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 5—6. *Акад.*, XV, № 917.

[1] Н. Н. Пушкина выехала 15 апреля с двумя детьми в Полотняный завод. Дата ее отъезда определяется записью в дневнике поэта 16 апреля: «Вчера проводил Н<аталью> Н<иколаевну> до Ижоры» (*Акад.*, XII, стр. 326).

[2] У Пушкиных в это время было двое детей — Александр и Мария (в письмах Пушкин называет их Сашкой и Машкой).

[3] Описание дворянского бала 29 апреля см. в письме 25.

[4] О вызове к графу Литте и сообщении Жуковского Пушкин сделал запись в дневнике 16 апреля, которая почти дословно повторяет текст письма к Н. Н. (*Акад.*, XII, стр. 326).

[5] Игра слов: «les règles» значит и «правила», и «регулы». Каламбур К. А. Нарышкина впоследствии был приписан самому Пушкину (см. запись неизвестного лица со слов одного из братьев Н. Н. Пушкиной о том же случае: *РС*, 1892, № 7, стр. 31).

[6] О недовольстве Пушкина своим камер-юнкерством см.: *Дн. Модз.*, стр. 79—81; Л. В. Крестова. Почему Пушкин называл себя «русским Данжо»? *П. Иссл. и мат.*, т. IV, стр. 267—277.

[7] Пушкин неточно (по памяти) цитирует реплику г-на Журдена, героя комедии Мольера «Le bourgeois gentilhomme» («Мещанин во дворянстве», действие III, сцена III), который на иронический вопрос своей жены: «N'irez-vous pas l'un de ces jours au collège vous faire donner le fouet à votre âge?» (Не пойдете ли вы на этих днях в школу, чтобы там, в вашем возрасте, давать себя сечь?) — отвечает: «Pourquoi non? Plût à Dieu d'avoir tout à l'heure le fouet devant tout le monde, et savoir ce qu'on apprend au collège!» (Почему бы нет? Дай бог мне сейчас же быть высеченным на глазах у всех и знать то, чему учат в школе!).

[8] В библиотеке Пушкина было отдельное издание «Литературной корреспонденции» Гримма в 15 томах: Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot depuis 1753 jusqu'en 1790... Paris, 1829—1831. См.: *Библ. П.*, № 831.

[9] «У Дюме» — в ресторане Дюме на Малой Морской улице, в доме Классена (теперь ул. Гоголя, дом 15).

[10] Тетка — Екатерина Ивановна Загряжская.

[11] Письмо матери Н. Н. Пушкиной — Н. И. Гончаровой не сохранилось.

21. **Н. Н. Пушкиной.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1503. Почтовые штемпеля: «С.-Петербург 1834 апре. 19» и «Получено 1834 апре.<...>». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 6—7. *Акад.*, XV, № 918.

[1] Речь идет о медицинских указаниях доктора И. Т. Спасского. Беспокойство Пушкина о здоровье Н. Н. Пушкиной объясняется ее недавним выкидышем (см. письмо 14; ср. ниже: «третьего выкинула»).

[2] Сестры — А. Н. и Е. Н. Гончаровы, которые жили в это время в Москве, в доме Гончаровых на углу Большой Никитской (теперь ул. Герцена) и Скарятинского переулка.

22. **Н. Н. Пушкиной.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1504. Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 7—8, с цензурным выпуском слов «с порфирородным своим тезкой». *Акад.*, XV, № 919.

Дата определяется отмеченными Пушкиным днями недели: «пятница» и «воскресенье». Далее он поздравляет жену с праздником пасхи. В 1834 г. пасха приходилась на 22 апреля.

Письмо Пушкина было вскрыто на почте, прочтено полицией и потом Николаем I. Пушкин, узнав об этом от Жуковского (записка которого не сохранилась), был крайне оскорблен и раздражен, что и выразил в дневниковой записи от 10 мая (*Акад.*, XII, стр. 328—329). Эпизод с письмом обострил отношения между царем и Пушкиным (см.: П. Е. Щеголев. Пушкин о Николае I. В кн.: *Дн. Модз.*, стр. XXIV; см. также письмо 33).

[1] «Праздники» — по случаю совершеннолетия вел. кн. Александра Николаевича, будущего Александра II (1818—1881). Пушкин сказался больным, чтобы не присутствовать на церемонии присяги наследника, к чему обязывало его придворное звание (ср. запись в дневнике Пушкина с пометой «среда на святой неделе»: *Акад.*, XII, стр. 327).

[2] «Первый» — Павел I. Упомянутый Пушкиным эпизод рассказан П. В. Анненковым как пояснение к записи «Юсупов сад» в программе автобиографических записок поэта (П. В. Анненков. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874, стр. 28). Встреча с Павлом I произошла в Юсуповом саду в Петербурге (см.: *Летопись*, т. I, стр. 5).

[3] «Второй» — Александр I, по распоряжению которого Пушкин был сослан сперва на юг, потом в Михайловское.

[4] «Третий» — Николай I, пожаловавший Пушкина в камер-юнкеры, что ставило 35-летнего Пушкина в смешное положение (см. комментарий к письмам 14, 20); отсюда ироническое определение «в камер-пажи».

[5] «Порфирородный теска» — вел. кн. Александр Николаевич, наследник, впоследствии Александр II. Сашка — сын поэта, А. А. Пушкин.

[6] «С моим теской» — с Александром I.

[7] Предупреждение Пушкина связано с психическим состоянием Н. А. Гончарова, отца Натальи Николаевны, который с 1834 г. впал в буйное помешательство.

[8] В библиотеке в Полотняном заводе, судя по предостережению Пушкина, были собраны эротические издания XVIII в. Пушкин, несколько раз бывавший в имении Гончаровых, занимался в гончаровской библиотеке и хорошо знал ее состав. Сохранились воспоминания дворовых о занятиях Пушкина в Полотняном заводе, записанные в конце прошлого века. Раз его видели несущим целый ворох старинных книг. См.: А. Средин. Полотняный завод. «Старые годы», 1910, июль—сентябрь, стр. 28—29.

[9] О церемониале присяги наследника см.: *СПч.*, 1834, 21 апреля, № 91, стр. 361—362; описание самого торжества см.: там же, № 92, стр. 365—367 и № 93, стр. 369—370. Дневниковая запись о присяге (по-видимому, со слов Е. И. Загряжской), сделанная 25 апреля (у Пушкина: «Середа на святой неделе» — *Акад.*, XII, стр. 327), характерна рядом иронических замечаний по поводу реакции зрителей («кто не плакал, тот отирал сухие глаза» — ср. сцену «Девичье поле. Новодевичий монастырь» в «Борисе Годунове»), а также неудачного текста, «об евнухах», выбранного для «слова» митрополитом Филаретом, и пр.

[10] О смерти К. К. Мердера см. запись в дневнике Пушкина 25 апреля (*Акад.*, XII, стр. 327) и 3 мая 1834 г. (там же, стр. 328).

[11] А. А. Аракчеев умер 21 апреля 1834 г. О его смерти см. запись в дневнике Пушкина 25 апреля, также отмечающую равнодушие, с которым встретило петербургское общество это известие (*Акад.*, XII, стр. 327).

23. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 602. Впервые, с пропусками: *Анненков*, т. I, стр. 389—390. *Акад.*, XV, № 921.

Датируется на основании пометы Пушкина «Вторник» и фразы «у нас святая неделя»: в 1834 г. вторник на святой неделе приходился на 24 апреля.

24. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1505. Почтовые штемпеля: «С.-Петербург 1834 апре. 28» и «Получено 1834 мая 1». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 8—9. *Акад.*, XV, № 923.

Датируется на основании петербургского почтового штемпеля и пометы Пушкина «Суббота».

[1] Великий четверг в 1834 г. приходился на 19 апреля.

[2] Н. И. Гончарова была в это время в своем имении Ярополье под Москвой.

[3] Цитата из Псалтыря (псалом 131, стих 1).

[4] См. прим. 7 к письму 22.

[5] Качели и балаганы на Адмиралтейской площади, где на святой неделе устраивались народные гуляния. См. статью «Народные увеселения на святой неделе»: *СПч.*, 1834, 27 апреля, № 93.

[6] Бал, который давало дворянство Петербургской губернии 29 апреля 1834 г. по случаю совершеннолетия наследника в. кн. Александра Николае-

вича в доме Д. Л. Нарышкина (набережная Фонтанки, теперь дом 21), в зале, специально приготовленном для этого случая А. П. Брюлловым. Пушкин на нем не был (см. письмо 25 и запись в дневнике от 3 мая: *Акад.*, XII, стр. 327—328; *Дн. Модз.*, стр. 167—169).

[7] Л. С. Пушкин, несмотря на отсутствие денег, жил в лучшей в Петербурге гостинице в доме В. В. Энгельгардта (на Невском проспекте, угол Екатерининского канала, теперь дом 30). О. С. Павлищева писала о Л. С. Пушкине мужу: «Вообрази, что он здесь взял первый номер в доме Энгельгардта, за который он платил двести рублей в неделю» (*ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 200). Пушкину пришлось выкупать брата из дома Энгельгардта (см.: *П. и мужики*, стр. 129, ср. стр. 369; см. письмо 96).

[8] Перефразировка шутливого афоризма Брийя-Саварена (A. Brillat-Savarin) из его книги «Physiologie du goût» («Физиология вкуса») (см.: *Библ. П.*, стр. 310, № 1261): «Dis-moi ce que tu manges» (Скажи мне, что ты ешь) и т. д. Этот афоризм в свою очередь представляет перефразировку старинной поговорки: «Dis-moi qui tu hantes...» и т. д. (Скажи мне, кого ты посещаешь (или: с кем ты водишься), и я скажу тебе, кто ты).

25. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1506. Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 10. *Акад.*, XV, № 925.

Датируется на основании пометы Пушкина «Фомин понедельник», т. е. первый понедельник после святой недели (в 1834 г. — 30 апреля).

[1] См. прим. 6 к письму 24.

[2] Противопоставление петербургского и московского английских клубов см. также в письме Пушкина к М. П. Погодину (письмо 16).

[3] В чем выразилось невнимание и неуважение кн. Т. В. Голицыной к Н. Н. Пушкиной, не установлено.

[4] Речь идет о характерной черте великосветского быта: артисты-гастролеры, приглашавшиеся для выступлений на светских балах, не рассматривались как полноправные гости. Ср. рассказ А. В. Мещерского о том, какой скандал произвело приглашение им на танец Полины Виардо — знаменитой артистки, выступавшей перед гостями на балу в качестве певицы (см.: *РА*, 1901, кн. I, стр. 496).

26. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1507. Почтовые штемпеля: «С.-Петербург 1834 маия 1» и «Получено 1834 Маия 5 ‹?›». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 10—11. *Акад.*, XV, № 926.

Датируется по петербургскому почтовому штемпелю и по словам «я сегодня уж писал тебе» (см. письмо 25).

[1] Цитата из молитвы «Отче наш».

[2] См. прим. 6 к письму 24.

[3] Е. П. Бакунина 30 апреля 1834 г. вышла замуж за А. П. Полторацкого.

27. Д. Н. Бантышу-Каменскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 604. Впервые: *РС*, 1871, апрель, стр. 527. *Акад.*, XV, № 927.

Ответ на письмо Бантыша-Каменского от 10 апреля 1834 г., где он спрашивал: «...не нужен ли вам портрет Пугачева для сочиняемой Истории его? ‹...› не имеете ли вы надобности в верном описании примет, обыкновенной одежды и образа жизни Пугачева, почерпнутых мною из писем частных особ к покойному моему родителю? — Если вам нужна и биография, я могу выслать оную. При сем прилагаю рисунок с печати самозванца» (*Акад.*, XV, № 913).

[1] Печать Пугачева («Б‹ольшая› Г‹осударственная› П‹ечать› П‹етра› Т‹ретьего› Имп‹ератора› и Самодерж‹ца› Всерос‹сийского›. 1774») воспроизведена в «Истории Пугачевского бунта» (т. II, Карты и снимки, л. 2; см.: *Акад.*, IX, между стр. 158—159).

[2] Имя гравера неизвестно. Отпечатано, как и вся «История Пугачевского бунта», в Типографии II отделения собственной е. и. в. канцелярии.

[3] Гравюра с портрета Пугачева была по заказу Пушкина, направленному через книжный магазин Ф. М. Беллизара и К°, изготовлена в Париже неизвестным гравером и там же отпечатана (см. письма Беллизара к Пушкину от 7 августа 1835 г. и от 24 марта 1836 г., содержащие счет за выполненную работу и напоминания о сроках платежей: *Акад.*, XVI, №№ 1085, 1162). «Пушкинская» гравюра восходит к портрету, писанному с натуры неизвестным художником в Симбирске вскоре после поимки Пугачева и распространенному в пушкинскую эпоху в авторских повторениях и копиях. Сопоставление известных ныне гравированных и живописных портретов Пугачева этого типа показывает, что оригиналом для «пушкинской» гравюры послужила копия с симбирского портрета, хранившаяся в имении П. А. Вяземского Остафьево. Перерисовка с нее и была, по-видимому, отправлена Пушкиным в Париж (см.: Н. Петрунина. Портрет, приложенный А. С. Пушкиным к «Истории Пугачева». *Врем. ПК, 1964,* стр. 48—53).

[4] Речь идет о биографии Пугачева, позднее включенной Бантышом-Каменским в «Словарь достопамятных людей русской земли» (т. 4, М., 1836, стр. 231—235; см.: *ЛН*, т. 58, стр. 224—228). Б.-К. прислал биографию Пушкину при письме от 7 мая 1834 г., предоставив ее в «полное распоряжение» поэта (*Акад.*, XV, № 933). Среди бумаг Пушкина список, однако, не сохранился.

28. Н. И. Павлищеву. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 665. Почтовые штемпеля: «С. Петербург 1834 маия 5» и «Weywer 23 maii». Впервые: *ИВ*, 1888, февраль, стр. 317. *Акад.*, XV, № 931.

[1] Письмо Павлищева от 26 апреля 1834 г. (*Акад.*, XV, № 922). С него начинается переписка Пушкина с Павлищевым, связанная целиком с имущественными делами по управлению имениями Пушкиных.

[2] См. прим. 1 к письму 19.

[3] Ответ С. Л. Пушкина был сообщен Пушкину, вероятно, устно.

[4] По-видимому, эта цифра несколько преувеличена (см.: *П. и мужики,* стр. 67).

[5] Справку из Опекунского совета о положении дел по займам отца под залог крепостных душ Пушкин получил от Соболевского (*Акад.*, XV, № 930). Перечень некоторых частных долгов С. Л. Пушкина см.: *П. и мужики*, стр. 130; *Лит. арх.*, т. I, стр. 69—70.

[6] Узнав о решении Пушкина управлять имением, родители сообщили О. С. Павлищевой о том, что он взял на себя уплату долгов брата и выплату ежегодного содержания сестре — на первых порах до 1500 руб. ежегодно. См. неизданное письмо Пушкиных к О. С. Павлищевой от 6 апреля 1834 г.: *ИРЛИ,* ф. 244, оп. 20, № 29; см. также: *П. и мужики,* стр. 129.

[7] Воспользовавшись советом С. А. Соболевского (см.: *Акад.*, XV, № 930), Пушкин прибег к новой ссуде под залог 74 душ, получив за них 19 июля 1834 г. фактически 13 242 руб. См. помету Пушкина на справке из Опекунского совета о займах С. Л. Пушкина (*Акад.*, XV, стр. 141) и приходо-расходные записи Пушкина (*Рукою П.*, стр. 369, 371, 374—375).

[8] Долг Л. С. Пушкина Павлищеву в сумме 837 руб., уплаты которого требовал Павлищев (*Акад.*, XV, № 922), Пушкин уплатил 23 июля (*П. и мужики*, стр. 216, 219, 223).

[9] Эти долги отца и брата Пушкин уплатил в апреле 1834 г. (см.: *П. и мужики*, стр. 215).

29. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1508. Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 13. *Акад.*, XV, № 932.

Основанием для датировки служит фраза Пушкина: «вот уже 5 дней как я не имею о тебе известия»; письмо от жены Пушкин получил 29 апреля (см. письмо 25).

[1] Ярополец — имение Н. И. Гончаровой, матери Н. Н. Пушкиной, под Волоколамском; сюда Н. Н. Пушкина должна была заехать проездом из Москвы в Полотняный завод (калужское имение Гончаровых).

[2] Н. Н. ревновала Пушкина к графине Н. Л. Соллогуб (см. также письмо 35).

[3] Брат Иван — И. Н. Гончаров.

[4] Имеются в виду расходы на содержание родителей и выплата долгов Льва Сергеевича, которые Пушкин взял на себя, согласившись управлять имением, а также завязавшаяся неприятная переписка с Н. И. Павлищевым (см. письмо 28).

30. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1509. Почтовый штемпель: «С.-Петербург 1834 маия 14». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 11. *Акад.*, XV, № 935.

Датируется на основании записи в дневнике Пушкина от 12 мая: «Вчера был большой парад» (*Акад.*, XII, стр. 329).

[1] О параде 11 мая 1834 г. Пушкин записал в дневнике 12 мая почти в тех же словах (*Акад.*, XII, стр. 329).

[2] Наследный принц прусский Фридрих-Вильгельм приехал в Россию 13 июня и пробыл до 1 августа 1834 г. См. запись в дневнике Пушкина: *Акад.*, XII, стр. 331.

[3] Е. Н. и П. И. Мещерские с сыном Николаем, в сопровождении С. Н. Карамзиной, уехали за границу 26 мая 1834 г. Пушкин провожал их до пироскафа (парохода), шедшего из Кронштадта в немецкий порт Любек, от которого начиналось путешествие по Германии (см.: *Дн. Модз.*, стр. 186). Путешествие их (по Германии, Швейцарии, Италии) продолжалось больше года (см.: *Карамзины*, стр. 29—30). Настроение С. Н. Карамзиной перед отъездом выражено в ее письме к И. И. Дмитриеву от 25 мая 1834 г.: «Я еду завтра с Мещерскими на пароходе в чужие края на целый год. Хочу, чтобы последние строки мои были к Вам. Мне грустно неизъяснимо, и все желание мое путешествовать, и вся радостная физиономия Швейцарии, Италии — все исчезло в моем воображении и заменилось одной тоскою. Пожелайте нам счастливого возвращения в милую Россию» (Письма Карамзина к Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 439—440).

31. Н. В. Гоголю. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1510. Впервые: *БЗ*, т. 1, 1858, № 3, стлб. 76. *Акад.*, XV, № 938.

Ответ на письмо Н. В. Гоголя от 13 мая 1834 г. (*Акад.*, XV, № 937), написанный, по-видимому, тотчас по его получении.

[1] Письмо Гоголя и ответ на него Пушкина связаны с попыткой Гоголя получить кафедру всеобщей истории в Киевском университете (см. письмо 15). Из писем Гоголя, относящихся к середине и второй половине мая 1834 г. — К. С. Сербиновичу, М. А. Максимовичу (*Гоголь*, т. X, №№ 208 и 209) и др., — видно, что С. С. Уваров обещал Гоголю место «экстраординарного профессора и деньги на подъем» (*Гоголь*, т. X, стр. 318), но не спешил с окончательным решением. Тяготясь неопределенностью и желая ускорить ответ министра, Гоголь 13 мая обратился к Пушкину с просьбой помочь ему и упомянуть в разговоре с Уваровым, что тяжелая болезнь требует скорейшего отъезда Гоголя из Петербурга.

[2] Высочайшее повеление о запрещении «Московского телеграфа» последовало 3 апреля 1834 г. в результате настойчивых представлений С. С. Уварова (см.: М. И. Сухомлинов. Н. А. Полевой и его журнал «Московский телеграф». *ИВ*, 1886, № 3, стр. 503—528; № 4, стр. 14—40; Д. Н. ‹Н. Ф. Дубровин›. Н. А. Полевой, его сторонники и противники по «Московскому телеграфу». *РС*, 1903, № 2, стр. 259—270; см. также: *Дн. Модз.*, стр. 128—130). По-видимому, закрытие ненавистного Уварову журнала было в это время излюбленной темой его разговоров, на что и намекает Пушкин, шутливо предлагая связать в разговоре с ним «смерть Телеграфа» с опасениями за жизнь Гоголя, которому вреден петербургский климат.

[3] Намек на широко известное в обществе тщеславие Уварова. См., например, отзыв о нем баварского дипломата гр. Оттона Брея: *РС*, 1902, № 1, стр. 139.

[4] Был ли Пушкин у Уварова, неизвестно. Предполагавшееся назначение Гоголя в Киев не состоялось.

32. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1511. Почтовый штемпель: «С. Петербург 1834 маия 18». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 12—13. *Акад.*, XV, № 941.

[1] Из Яропольца, где Н. Н. Пушкина гостила у матери, она должна была ехать в Полотняный завод.

[2] Пирмонтские воды — минеральные источники в городе Пирмонте (Pyrmont) в западной Германии. Очевидно, воду этих источников можно было получать и в Петербурге.

[3] О перлюстрации письма Пушкина к жене см. комментарий к письму 22.

33. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1512. Почтовый штемпель: «С. Петербург 1834 маия 18». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 12. *Акад.*, XV, № 942.

Датируется на основании почтового штемпеля.

[1] М. А. Пушкина родилась 19 мая 1832 г.

[2] О зале в доме Д. Л. Нарышкина см. выше, прим. 6 к письму 24. Концерт с благотворительной целью состоялся 17 мая (см.: *СПч.*, 1834, № 110, 17 мая, стр. 437).

[3] Имеется в виду «Песнь на присягу наследника», сочиненная к торжеству присяги Жуковским и положенная на музыку гр. Мих. Ю. Виельгорским. Сообщение об этом см.: *СПч.*, 1834, № 108, 15 мая, стр. 430; № 110, 17 мая, стр. 437; № 121, 30 мая, стр. 482.

[4] О намерении Пушкина выйти в отставку и переехать на жительство в деревню см. комментарий к письму 42. В настоящем и ряде последующих писем (35, 39, 40) поэт постепенно подготавливает любившую светскую жизнь Н. Н. к мысли об этом.

34. А. Н. Мордвинову. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1739. Впервые: Письма Пушкина и к Пушкину. СПб., 1903, стр. 24. *Акад.*, XV, № 944.

Сведения по истории этого письма см.: Р. Е. Теребенина. Новые поступления в пушкинский рукописный фонд. *Врем. ПК, 1965,* стр. 19—22.

[1] Речь идет о книге «Повести, изданные Александром Пушкиным», бывшей в цензуре у А. В. Никитенко. Основанием для обращения к Мордвинову было то, что с 1826 г. Николай I был верховным цензором произведений Пушкина, которые пересылались ему через III отделение. Об аналогичной попытке Пушкина найти защиту у III отделения от цензуры Министерства народного просвещения см. комментарий к письму 17.

[2] Кюхельбекер, заключенный в то время в Свеаборгской крепости, в письме к А. Г., Н. Г. и Ю. Г. Глинкам от 27 апреля 1834 г. просил Пушкина прислать ему сочинения свои и Жуковского (*Лет. ГЛМ*, кн. 3, стр. 171). Об этом Пушкину стало известно, по-видимому, через С. Н. Дирина (см. прим. 2 к письму 165). Ответ Мордвинова на просьбу Пушкина неизвестен, однако из счета книжной лавки А. Ф. Смирдина явствует, что 23 июня С. Н. Дирин получил за счет Пушкина экземпляр всех его сочинений, которые затем переслал Кюхельбекеру (см.: Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 445—447). 16 сентября Кюхельбекер писал Н. Г. Глинке о восторге, с которым он читает присланные сочинения (см.: Ю. Н. Тынянов. В. К. Кюхельбекер. В кн.: В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы, т. I. Изд. «Сов. писатель», Л., 1939, стр. LII).

35. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1513. Почтовые штемпеля: «С.-Петербург. 29 маия 1834» и «Калуга июня 5 1834». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 13—14. *Акад.*, XV, № 947.

Основанием для датировки в настоящем издании служит то, что в письме ничего не говорится о представлении вел. кн. Елене Павловне, а в следующем письме к Н. Н. Пушкиной, от 3 июня (№ 36), Пушкин пишет: «В прошлое воскресение представлялся я к вел‹икой› княгине». Воскресенье приходилось в 1834 г. на 27 мая (о том, что Пушкин считал это событие заслуживающим внимания, свидетельствует его запись в дневнике, где также указан день представления — 27 мая, см.: *Акад.*, XII, стр. 330). Кроме того, в письме от 3 июня Пушкин пишет, что «девятый день» не имеет известий от жены, т. е. письмо от Н. Н. было получено им 26 мая, в день его рождения, и естественно, что поэт сразу на него ответил. Вероятно, и подарок от Е. И. Загряжской ко дню рождения Пушкина был сделан в самый день 26 мая, о чем поэт сразу же написал жене. Письмо могло случайно не попасть в тот же день на почту, отсюда и поздняя дата почтового штемпеля.

[1] Из всех писем 1831—1836 гг. Н. Н. к Пушкину до нас дошло только одно, от 14 мая 1834 г., написанное ею вместе с Н. И. Гончаровой (*Акад.*, XV, № 939).

[2] См. прим. 2 к письму 29.

[3] О перлюстрации писем Пушкина к жене см. комментарий к письму 22.

[4] Пушкин выписывал из Парижа книги через магазины Ф. Беллизара (Ferdinand Bellizard) и Пратана (J. Prathan), а также через фирму Бере и Руа (Beré et Roy) (см.: Л. Б. Модзалевский. Из архива Пушкина. *Лит. арх.*, т. I, стр. 36—37; Сборник статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова, Изд. АН СССР, Л., 1934, стр. 444; *Арх. опеки*, стр. 46—51). В 1834—1835 гг., в связи со своими историческими занятиями, Пушкин особенно интенсивно закупал книги. См. письмо к нему Беллизара от 7 августа 1835 г., в котором указывается: «за вычетом всех уплат, от вас поступивших, счет наших поставок за 1834 г. все еще достигает суммы в 1566 руб. 38 коп.» (*Акад.*, XVI, № 1085); в письме от 25 марта 1836 г. Беллизар, представляя новый счет за 1835 г., снова напоминает Пушкину, что за поставки 1834 г. последний остался должен магазину 1100 руб. (*Акад.*, XVI, № 1162). Эти долги Пушкина были погашены опекой.

[5] Речь идет о чревовещателе — Александре Ваттемаре, который в июне 1834 г. дал в Петербурге, в Александринском театре, четыре представления. Рецензию на них см.: *СПч.*, 1834, № 129. См. письмо 62.

[6] Возможно, что в этих словах содержится намек на известные жителям Петербурга обстоятельства установки памятников Петру I (1744 г., скульптор К. Растрелли) и Суворову (1801 г., скульптор М. И. Козловский) и обелиска «Румянцева победам» (1799 г., проект архитектора Бренна): прежде чем найти для них окончательное место, их действительно переносили «с одного конца города на другой, с площади на площадь» (см.: Л. Медерский. Архитектурный облик пушкинского Петербурга. В кн.: Пушкинский Петербург. Лениздат, 1949, стр. 311, 317—318).

36. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1514. Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 14—15. *Акад.*, XV, № 948.

[1] «Свинство почты» — см. комментарий к письму 22.

[2] Почти ту же мысль о преимуществе для человека и поэта личной свободы над политической Пушкин в 1836 г. выразил в стихотворении «Из Пиндемонте».

[3] Пушкин имеет в виду чиновников, занимающихся перлюстрацией писем, а также (и более всего) царя, читающего перлюстрированные письма.

[4] Сергей Николаевич Гончаров, брат Н. Н. Пушкиной, некоторое время жил у И. Н. Гончарова, офицера лейб-гвардии Гусарского полка, стоявшего в Царском Селе.

[5] Наталья Кирилловна Загряжская, вместе с которой Е. И. Загряжская поселилась на даче в Царском Селе.

[6] Сын — Павел Петрович Вяземский.

[7] См. прим. 3 к письму 30.

[8] Великая княгиня — Елена Павловна. Пушкин представлялся ей 27 мая 1834 г.; его дневниковая запись повторяет рассказ, содержащийся в письме; после записи слов Красовского в дневнике следует: «В‹еликая› кн‹ягиня› скорей от него отошла. — Говорила со мной о Пугачеве» (*Акад.*, XII, стр. 330).

[9] С. Л. и Н. О. Пушкины уехали на лето в Михайловское 11 июня.

37. Д. Н. Бантышу-Каменскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 607. Впервые: *РС*, 1871, апрель, стр. 527. *Акад.*, XV, № 949.

Черновая редакция: *ИРЛИ*, № 606. Впервые: *Шляпкин*, стр. 96—97. *Акад.*, XV, № 949а.

[1] Бантыш-Каменский при письме от 7 мая 1834 г. послал Пушкину: «1) Биографию Пугачева; 2) разные краткие биографии, числом двадцать, отличившихся в сие смутное время верностию к престолу и содействовавших самозванцу; 3) биографию графа Петра Ивановича Панина» (*Акад.*, XV, № 933). Оценку этих материалов и степени использования их в «Истории Пугачева» (а позднее и в «Капитанской дочке») см.: *ЛН*, т. 58, стр. 222—228; А. И. Чхеидзе. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Тбилиси, 1963, стр. 63, 104—105.

[2] Статья Бантыша-Каменского «Граф Панин» была тогда же напечатана Смирдиным в «Библиотеке для чтения» (1834, т. V, отд. III, стр. 1—14). На предложение Пушкина и в дальнейшем участвовать в журнале Бантыш-Каменский в письме от 14 июня 1834 г. ответил принципиальным согласием (*Акад.*, XV, № 953). Однако при жизни Пушкина биография Панина осталась единственной статьей Бантыша-Каменского, помещенной им в «Библиотеке для чтения», — вероятно, в связи с возникшим у него замыслом издания биографий в виде «Словаря достопамятных людей Русской земли» (тт. I—V, 1836).

[3] От участия в «Conversations Lexicon» Плюшара Бантыш-Каменский уклонился, не желая «жертвовать шестилетним трудом своим для славы издателя». «Биографии мои, — писал он в указанном выше письме, — будут поглощены множеством предметов сего Лексикона».

38. И. И. Лажечникову. — Черновой подлинник: *ИРЛИ*, № 601. Беловой текст неизвестен. Впервые: *Шляпкин*, стр. 97—98. *Акад.*, XV, №№ 916, 916а.

Письмо Пушкина — ответ на письмо И. И. Лажечникова от 30 марта 1834 г. (*Акад.*, XV, № 905). Письмо написано на левом полулисте гончаровской бумаги № 128 (*Рук. ПД*, *1937*, стр. 321). Правый полулист того же фабричного листа (это подтверждается полным совпадением линии отрыва) послужил для чернового письма к Д. Н. Бантышу-Каменскому, беловой текст которого имеет дату «3 июня 1834» (см. письмо 37). Как свидетельствуют палеографические данные, Пушкин по окончании письма к Бантышу-Каменскому набросал и черновик письма Лажечникову. Однако последнее, видимо, не было отправлено или не дошло до адресата, так как: 1) оно сохранилось только в черновом виде; 2) это единственное известное нам письмо Пушкина к Лажечникову, не приведенное и не упомянутое Лажечниковым в его воспоминаниях о поэте; 3) по своему содержанию письмо Пушкина предполагало ответ, а между тем ответ Лажечникова не сохранился.

[1] Как позднее указал сам Пушкин, он «имел в руках три списка Осады Оренбурга (Летописи Рычкова), доставленные ‹...› гг. Спасским, Языковым, Лажечниковым» (*Акад.*, IX, стр. 101). Первый список «Лето-

писи» был получен им летом 1833 г. от Г. И. Спасского (*Акад.*, XV, № 829), второй список — от одного из братьев Языковых, по всей вероятности 29—30 сентября 1833 г., во время посещения Пушкиным с. Языкова по дороге из Оренбурга в Болдино, где он, очевидно, пользовался этим списком в работе над «Историей Пугачева».

[2] Это не единственный случай, когда Пушкин называет П. И. Рычкова академиком (см., например: *Акад.*, IX, стр. 389—390), не видя, вероятно, разницы между званиями академика и члена-корреспондента Академии наук, особенно в XVIII в.

[3] В настоящее время известно около 10 списков «Летописи» Рычкова (по разысканиям Р. В. Овчинникова в его неизданном исследовании «Пушкин в работе над архивными документами по истории Пугачева»). В числе других Пушкин пользовался, видимо, списком, хранящимся ныне в Саратовском областном историческом архиве (см.: *Акад.*, IX, стр. 797). Данных о том, насколько и в чем именно воспользовался Пушкин списком, полученным от Лажечникова, нет. Во всяком случае он мог служить ему для уточнения отдельных неясных мест при публикации текста «Летописи» во II томе «Истории Пугачевского бунта» (см. письмо 65).

[4] Первый роман Лажечникова — «Последний Новик» (тт. I, II, М., 1831; т. III, 1832; т. IV, 1833). Экземпляр романа с дарительной надписью автора сохранился в библиотеке поэта (см.: *Библ. П.*, № 207). Других отзывов Пушкина о «Последнем Новике», кроме тех, которые дошли до нас в его письмах к Лажечникову (см. письмо 133), не сохранилось. Посылка при письме от 19 декабря 1831 г. (*Акад.*, XIV, № 717) первых двух книг «Последнего Новика» и позднее, по оказии, окончания романа (см. об этом: И. И. Лажечников. Знакомство мое с Пушкиным. *РВ*, 1856, т. I, февраль, кн. 2, стр. 614), а также упомянутое выше письмо от 30 марта 1834 г. с приложением «Летописи» Рычкова — вот те знаки внимания, о которых говорит здесь Пушкин.

[5] Речь идет о романе «Ледяной дом». В альманахе М. А. Максимовича «Денница на 1834 год» (стр. 129—152) была напечатана глава «Ледяная статуя». Полностью «Ледяной дом» вышел в свет в августе 1835 г. (*СПч.*, 1835, № 190, 26 августа, стр. 755). Уже в 1833 г. две части романа были не только написаны, но и процензурованы (цензурное разрешение I части — 14 февраля 1833 г., II части — 20 августа 1833 г.). Однако неудачный опыт издания «Последнего Новика» (который печатался по частям, так что от издания первой до выхода последней его части прошло более полутора лет) заставил Лажечникова отложить издание «Ледяного дома» до окончания романа, ограничившись до тех пор публикацией отдельных его глав в «Деннице» и «Телескопе» («Телескоп», 1834, ч. XX — «Язык»; 1835, ч. XXV — «Бирон и Волынский»). Черновые варианты письма подтверждают, что именно историю издания «Последнего Новика» Пушкин имел в виду, говоря о «рассрочках», которые «выводят из терпения» «читателей и почитателей» Лажечникова. Общее недовольство этими «рассрочками» сказалось и в рецензиях на роман «Последний Новик»: *СПч.*, 1831, №№ 109, 196; 1832, № 172; «Сев. Меркурий», 1831, № 62, стр. 251—252; «Телескоп», 1831, ч. IV, стр. 509—514.

39. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1515. Почтовые штемпеля: «С. Петербург 8 июня 1834» и «Калуга июня 14 1834». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 15—16. *Акад.*, XV, № 950.

[1] Это письмо не сохранилось.

[2] По-видимому, в ответ на письмо Пушкина от 29 мая 1834 г. Н. Н., не соглашаясь с его доводами о необходимости переезда всей семьей в деревню, советовала ему одному уехать на осенние месяцы в Болдино для творческой работы.

[3] Речь идет о ссуде из казны на печатание «Истории Пугачева», опутавшей его материальными обязательствами по отношению к правительству.

[4] Пушкин имеет в виду письмо Ломоносова к И. И. Шувалову от 19 января 1761 г., впервые опубликованное в альманахе «Урания... на 1826 год» (М., 1825, стр. 54—58), где есть следующие строки: «Не токмо у стола знатных господ или у каких земных владетелей дураком быть не хочу, но ниже́ у самого господа бога, который мне дал смысл, пока разве отнимет». Ср. цитацию этих слов в главе «Ломоносов» в «Путешествии из Москвы в Петербург» (*Акад.*, XI, стр. 254). Ту же очень импонировавшую ему формулу Пушкин вспомнил в дневнике в связи со своим камер-юнкерством (запись от 10 мая 1834 г.: *Акад.*, XII, стр. 329).

[5] Кн. В. П. Кочубей скоропостижно умер в Москве проездом в свои имения в ночь со 2-го на 3 июня. Ср. запись в дневнике Пушкина 19 июня (*Акад.*, XII, стр. 331; *Дн. Модз.*, стр. 201—203). Кочубей был женат на воспитаннице Н. К. Загряжской — М. В. Васильчиковой.

[6] С. Л. и Н. О. Пушкины уезжали в Михайловское (см. письмо 36). В приходо-расходных записях Пушкина по управлению Болдиным отмечены денежные выплаты родителям (см.: *П. и мужики*, стр. 132, 216, 219; *Рукою П.*, стр. 362—374 и сл.).

[7] О болезни гр. Фикельмона см. запись в дневнике Пушкина 2 июня 1834 г. (*Акад.*, XII, стр. 331).

40. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1516. Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 16—18. *Акад.*, XV, № 951.

[1] С 1 сентября 1833 г. до середины августа 1834 г. Пушкины жили на Пантелеймоновской улице в доме Оливье (теперь ул. Пестеля, дом 5), близ Летнего сада, расположенного на другом берегу Фонтанки; один из входов в сад был со стороны Пантелеймоновской улицы.

[2] Вероятно, так Пушкин иронически называет Е. Н. Гончарову.

[3] Маша — Мария Васильевна Кочубей.

[4] Калужским губернатором в это время (с 1 октября 1831 по 17 марта 1837 г.) был Илларион Михайлович Бибиков; жена его — Екатерина Ивановна, рожд. Муравьева-Апостол (сестра декабристов С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов).

[5] Невестой Д. Н. Гончарова Пушкин в шутку называет графиню Надежду Григорьевну Чернышеву, которой тот был увлечен. Это увлечение и неудачное сватовство Д. Н. Гончарова Пушкин юмористически описал жене в августе 1833 г. после поездки в Ярополец (*Акад.*, XV, № 839).

[6] Узнав из письма Н. Н. Пушкиной, что она собирается хлопотать о назначении сестер фрейлинами, Пушкин отнесся к этому резко отрицательно, опасаясь разговоров, связывающих имя Н. Н. с царем, от которого зависело назначение.

[7] Виельгорский уезжал в Италию к больной жене (см. письмо 39). Л. К. Виельгорская умерла значительно позднее, в 1853 г.

[8] О работе Пушкина в 1834 г. над «Историей Петра I» сохранилось очень мало сведений (см. письма 16, 35). В это время, по-видимому, он предполагал издавать «Историю» в нескольких частях или томах, по мере их обработки. Но затем эта мысль была оставлена, тем более что печатание «Истории Пугачева», занявшее вторую половину года, отвлекло все его внимание. См.: П. С. Попов. Пушкин в работе над «Историей Петра I». *ЛН*, т. 16—18, стр. 474—479; И. Л. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 3-е. М., 1962, стр. 49—50.

[9] «На того» — т. е. на Николая I по поводу перлюстрации писем.

[10] Пушкин в это время все более укреплялся в намерении выйти в отставку (см. письмо 42 и комментарий к нему).

41. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1517. Почтовый штемпель: «С. Петербург 19 июн. 1834». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 18. *Акад.*, XV, № 955.

Датируется соответственно почтовому штемпелю.

[1] Взявшись управлять Болдиным, Пушкин рассчитывал поправить дела семьи и спасти родовое имение от разорения (см. письма №№ 14, 19, 28). При этом он должен был обеспечивать содержание родным: 6 апреля родители написали в Варшаву дочери О. С. Павлищевой, что Александр взял на себя уплату долгов Льва Сергеевича и выплату ежегодного содержания Ольге Сергеевне (*ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 200). Это сообщение вызвало поток наглых писем Павлищева, который требовал денежных компенсаций (*Акад.*, XV, №№ 922, 1008; XVI, №№ 1035, 1050). Пушкин отказался удовлетворить эти требования до приведения имения в порядок (см. письмо 28). Однако выплачивать содержание родителям и рассчитываться с долгами брата ему пришлось. П. Е. Щеголев опубликовал приходо-расходную тетрадь, которую Пушкин вел в период управления имением, с апреля 1834 г. по июнь 1835 г., когда он отказался от управления (см.: *П. и мужики*, стр. 215—228, 126—146; см. также: *Рукою П.*, стр. 364—374). Анализ этих записей показывает, что расходы значительно превысили доход от имения. Еще не получив ничего из доходов, Пушкин в апреле из своих денег заплатил 866 руб. за отца и 1330 руб. за брата (см. письмо 28). В мае и июне расход еще увеличился (см.: *П. и мужики*, стр. 131—137). 9 июня Пушкин подвел итог: расходы равнялись 4584 руб., а единственная приходная запись от 8 июня — 400 руб. К этим 400 руб. за все время управления имением прибавилось только 260 руб. оброку, так как бóльшая часть доходов Болдина отсылалась управляющим в Опекунский совет на уплату процентов за заложенные души. Чтобы раздобыть денег, Пушкин прибегнул к испытанному средству — заложил оставшиеся свободными от залога 74 кистеневских души, за которые он 20 июля получил 13 242 руб. Однако и эта мера не спасла положение, и в июне 1835 г. Пушкин отказался от управления имением. Тем не менее ему удалось погасить скопившиеся недоимки и спасти имение от угрозы описи и аукционной продажи (там же, стр. 146).

42. А. Х. Бенкендорфу. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 608. Пометы: рукою А. Н. Мордвинова — «Он служит по Министерству иностранных дел»; канцелярская — «ответ.‹ствовано› 30 июня № 2393». Впервые, в кратком изложении: *РС*, 1874, август, стр. 712; полностью: *Ефр., 1903*, т. VII, стр. 558. *Акад.*, XV, № 958.

Ошибка Пушкина в дате исправляется по смыслу и соответственно письму Бенкендорфа к Пушкину («Письмо ваше ко мне от 25-го сего июня» и т. д., см.: *Акад.*, XV, № 965).

Первое из писем, относящихся к официальной переписке по поводу предполагавшейся отставки Пушкина (см. письма 47—49, 51, 52; см. также: *Акад.*, XV, №№ 965, 966, 969, 973).

Решение Пушкина выйти в отставку диктовалось свойственным ему всегда стремлением к независимости — материальной, личной и общественной. Пушкин надеялся, что отъезд в деревню поправит его денежные дела, предотвратит разорение семьи, обеспечит будущее детей, а главное — даст возможность спокойно заниматься творческой работой (ср. письма 125, 127). Пожалование в камер-юнкеры и необходимость нести придворную службу утвердили его в намерении уйти в отставку. Начиная с мая почти во всех письмах к Н. Н. Пушкиной он пишет об отставке, подготавливая жену к этой мысли (см. письма 33, 35, 39, 40, 44).

Выйти в отставку Пушкину не удалось. Ход событий представляется в следующем виде. На просьбу Пушкина Бенкендорф ответил 30 июня сухим письмом, в котором сообщал, что царь никого не хочет удерживать на службе против воли, но что после отставки Пушкину будет закрыт вход в архивы (*Акад.*, XV, № 965). Это делало невозможным продолжение исторических занятий Пушкина, в частности работы над

«Историей Петра». Но еще до получения ответа Бенкендорфа Пушкин отказался от своего намерения (см. письма 47 и 48), так как был предупрежден Жуковским об опасности ссоры с правительством. Жуковский узнал о просьбе поэта от царя, который, видимо, выразил ему свое недовольство отставкой Пушкина. 2 июля Жуковский писал Пушкину: «Государь опять говорил со мною о тебе» («опять» позволяет предположить, что это был второй разговор Николая с Жуковским об отставке Пушкина и что о недовольстве царя Жуковский успел рассказать Пушкину 1 июля, когда тот был в Петергофе на празднике). Николай сказал Жуковскому, что он Пушкина «не удерживает», но что в случае отставки «все между ними кончено»; Пушкин «может, однако, еще возвратить письмо свое» (*Акад.*, XV, № 966). Получив письмо Жуковского 2 или 3 июля, Пушкин 3 июля написал Бенкендорфу письмо с просьбой остановить отставку (см. письмо 47) и уже после этого получил ответ Бенкендорфа на свое прошение об отставке, посланный 30 июня (*Акад.*, XV, № 965), а также новое письмо от встревоженного Жуковского, от 3 июля (*Акад.*, XV, № 969). Жуковский предупреждал Пушкина, что он может «повредить себе на целую жизнь», и убеждал его написать Николаю I. Вопреки совету Жуковского, Пушкин написал 4 июля второе письмо не самому Николаю, а снова Бенкендорфу (см. письмо 49), и это письмо Бенкендорф переправил вместе с первым Жуковскому, который снова выразил свое недовольство Пушкину (письмо от 6 июля — *Акад.*, XV, № 973). Он нашел, что в письме «есть кое-что живое, но его нельзя употребить в дело», ибо в нем Пушкин не пишет ничего о том, хочет ли «оставаться в службе или нет». Первое же письмо Пушкина от 3 июля (Жуковский называет его «последним»), в котором он просил, «чтобы все осталось по старому», по мнению Жуковского, «так сухо, что оно может показаться государю новой неприличностию». Жуковский искренне верил в доброе отношение царя к Пушкину, просьбу об отставке он рассматривал как проявление горячности Пушкина, а стремление поэта к независимости считал неблагодарностью. Вместе с тем он хорошо понимал, в какое тяжелое положение поставил бы себя Пушкин своей отставкой, которая не даст ему независимости, но еще усилит подозрительность и надзор III отделения (на которое Жуковский, идеализируя царя, возлагал всю ответственность за притеснения, тяготившие поэта).

Результатом увещеваний Жуковского явилось последнее письмо Пушкина к Бенкендорфу, от 6 июля (письмо 52). Однако вопрос о «прощении» был решен между Бенкендорфом и Николаем уже раньше, после первой просьбы Пушкина остановить отставку — в письме от 3 июля (письмо 47). Это письмо цитирует Бенкендорф в недатированной докладной записке царю, которую, основываясь на упоминаниях писем Пушкина к Бенкендорфу от 3 июля и к Жуковскому от 4 июля, можно датировать 5 июля. В ней шеф жандармов писал: «Письмо Пушкина ко мне и другое, от него Жуковскому (письмо 48, — *Ред.*). Так как он сознается в том, что просто сделал глупость, и предпочитает казаться лучше непоследовательным, нежели неблагодарным (ср. письмо 47, — *Ред.*), так как я еще не сообщал о его отставке ни князю Волконскому, ни графу Нессельроде, то я предполагаю, что Вашему Величеству благоугодно будет смотреть на его первое письмо (письмо 42, — *Ред.*), как будто его вовсе не было. Перед нами мерило человека; лучше чтобы он был на службе, нежели предоставлен себе!!». Резолюция Николая гласит: «Я ему прощаю, но позовите его, чтобы еще раз объяснить ему всю бессмысленность его поведения и чем все это может кончиться; то, что может быть простительно двадцатилетнему безумцу, не может применяться к человеку тридцати пяти лет, мужу и отцу семейства» (*Стар. и нов.*, 1903, кн. 6, СПб., стр. 10—11; подлинник по-французски). Через три недели поэт записал в дневнике: «Прошедший месяц был бурен. Чуть было не поссорился я со двором, — но все перемололось. Однако это мне не пройдет» (*Акад.*, XII, стр. 331).

43. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1518. Почтовые штемпеля: «С. Петербург, 27 июн. 1834» и «Калуга <...> июля 1834». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 18—19. *Акад.*, XV, № 960.

Основанием датировки является петербургский почтовый штемпель, а также слова Пушкина, что после родов А. О. Смирновой (она родила 18 июня) «сегодня кажется девятый день».

[1] Неточная цитата из комедии Фонвизина «Недоросль»; в подлиннике: «Ваше благородие завсегда без дела лаяться изволите» (действие III, явление VII, слова Цыфиркина).

[2] Великая княгиня — Елена Павловна (см. письмо 36).

[3] Т. е. дежурная фрейлина великой княгини.

[4] Намек, вероятно, на императрицу Александру Федоровну (ср. запись в дневнике 8 апреля 1834 г.: «Я ужасно люблю царицу, несмотря на то, что ей уж 35 лет и даже 36», — *Акад.*, XII, стр. 324).

[5] Друзья А. О. Смирновой опасались за благополучный исход родов, так как в 1832 г. она при тяжелых родах потеряла ребенка (см.: *ОА*, т. III, стр. 211—212). 18 июня 1834 г. Смирнова родила двойню, один ребенок через несколько месяцев умер, другим была дочь Ольга.

[6] Речь идет о закладе 74 крепостных душ из дер. Кистеневой (см. письмо 28, прим. 7 и письмо 41, прим. 1; см. также: *Акад.*, XV, № 930). Оформление операции по залогу было закончено 19 июля, и 20 июля Пушкин получил деньги из Опекунского совета («ломбарда») за удержанием долга — 13 242 руб. (см. его помету на письме С. А. Соболевского: *Акад.*, XV, № 930, стр. 141: *Рукою П.*, стр. 374—375).

[7] О печатании «Истории Пугачева» см. письма 6, 9, а также письма Пушкина к М. Л. Яковлеву (письма 46, 50, 58, 59, 64, 65) и ответные письма последнего (*Акад.*, XV, №№ 981, 983, 989).

[8] Измененная цитата из стихотворения Жуковского «Горная дорога» («Туда бы от жизни ушел, улетел. . .»).

[9] Анекдот о Д. Н. Гончарове неизвестен.

44. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1519. Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 19—20. *Акад.*, XV, № 961.

Основанием для датировки являются слова Пушкина о том, что Сергей Николаевич «хлопочет о мундире». 29 июня С. Н. Гончаров явился к Пушкину уже в мундире (см. письмо 45).

[1] Петергофский праздник устраивался ежегодно 1 июля, в день рождения императрицы Александры Федоровны. В следующем письме к Н. Н. (письмо 45) Пушкин еще раз подтверждает, что не собирается быть на празднике, однако имеется свидетельство В. В. Ленца, относящееся именно к 1834 г., что он все же там был: «Весь двор длинной вереницей линеек совершал процессию <...>. На одном из этих диванов на колесах я увидел Пушкина, смотревшего угрюмо (1834). Он только что получил звание камер-юнкера. Кроме членов двора, никто не имел права на место в линейках. Может быть, ему не нравилось это» (В. В. Ленц. Приключения лифляндца в Петербурге. *РА*, 1878, кн. I, стр. 451—452). На петергофском празднике в придворной линейке видел Пушкина и В. А. Соллогуб. Он не указывает дату встречи, но ему запомнилось, что «из-под треугольной шляпы» лицо Пушкина «казалось скорбным, суровым и бледным» (*Соллогуб*, стр. 594). По-видимому, подав прошение об отставке (письмо 42), Пушкин не решился пренебречь служебными придворными обязанностями и на праздник явился.

[2] См. письмо 42.

[3] Вскоре после женитьбы Пушкин писал П. В. Нащокину: «Женясь, я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро» (7 октября 1831 г. — *Акад.*, XIV, № 687). Однако в 1831 г. он еще не предвидел в полной мере всех своих расходов. По подсчету самого Пушкина, сделанному в июне—июле 1835 г., годовые расходы на квартиру, лошадей, кухню, платья и театр составляли 30 тыс. руб. (*Рукою П.*, стр. 380—381).

Этот подсчет не исчерпывал всех возможных затрат, так как в мае 1836 г. Пушкин писал Н. Н. о необходимости иметь 80 тыс. руб. доходу (письмо 168). Помещичьи доходы Пушкина шли главным образом на содержание родных и на уплату процентов в Опекунский совет (см. письмо 41). «Царское жалованье» (Пушкин получал его с 14 ноября 1831 г.) составляло 5000 руб. ассигнациями в год. Основным источником дохода были литературные заработки. Исчерпывающих данных о размере гонораров Пушкина в 30-е годы мы не имеем. Известно, что в 1830 г. Пушкин продал Смирдину право переиздания всех ранее вышедших сочинений на четыре или три с половиной года из расчета по 600 руб. в месяц, что за «Бориса Годунова» в 1831 г. он получил от Смирдина 10 тыс. руб. и в том же году за «Повести Белкина» еще столько же (см.: С. Гессен. Книгоиздатель Александр Пушкин. Изд. «Academia», Л., 1930, стр. 103—120). Были поступления от продажи «Стихотворений Александра Пушкина» (чч. I—IV, 1829—1835), «Повестей» (1834); большие гонорары платила «Библиотека для чтения» (известно, что за стихотворение «Гусар», напечатанное в № 1 за 1834 г., Пушкин получил 1000 рублей серебром). Однако гонорары не могли даже в малой степени покрыть расходы семьи. Большой урон наносила Пушкину цензура. В 1833 г. был запрещен «Медный всадник». «Это мне убыток», — писал Пушкин Нащокину (*Акад.*, XV, № 865). Не оправдались надежды на доход от «Истории Пугачева» (см. прим. 2 к письму 2; см. также: Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, главы 32—36).

[4] Т. е. в мундире камер-юнкера, на котором спереди были нашиты золотые галуны.

[5] Аналогичное сопоставление городского и сельского кладбищ содержится в стихотворении 1836 г. «Когда за городом, задумчив, я брожу...».

[6] Речь идет о печатании «Истории Пугачева».

[7] Залог части душ в Кистеневе. См. прим. 6 к письму 43.

[8] Намек на сложные денежные отношения с родными. См. прим. 1 к письму 41.

[9] Письмо Пушкина к домовладельцу Оливье неизвестно. О переезде Пушкиных на новую квартиру см. письмо 45.

[10] «Тот» — Николай I.

[11] С. Н. Гончаров был произведен в прапорщики 22 июня 1834 г.

45. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1521. Почтовые штемпеля: «С.-Петербург 2 июля 1834» и «в Калуге получ‹ено› июля 8 1834». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 20—21. *Акад.*, XV, № 964.

[1] Жетоны выдавались членам Российской академии за посещение заседаний, а затем оплачивались. Пушкин состоял членом Академии с 7 января 1833 г. По имеющимся документальным данным, он присутствовал на семи заседаниях в 1833 г. и на одном заседании (8 декабря) в 1834 г. (см.: Л. Б. Модзалевский. Пушкин — член Российской академии. По материалам Архива Академии наук СССР. «Вестник АН СССР», 1937, № 2—3, стр. 244—250). Судя по настоящему письму, эти данные, по-видимому, неполны.

[2] «История о княжнах» неизвестна.

[3] «История Пугачева» печаталась в подведомственной М. М. Сперанскому типографии II отделения собственной е. и. в. канцелярии (см. письма 2, 6). Книга поступила в набор 5 июля 1834 г. (см. письма 46, 50).

[4] О петергофском празднике см. письмо 44.

[5] О ссоре Пушкина с Оливье см. письмо 44.

[6] Наталья Николаевна хотела взять сестер в Петербург, чтобы извлечь их из деревенского заточения, избавить от деспотизма матери и ввести в свет. Пушкин отнесся к проекту жены неодобрительно (см. письмо 57), но в конце концов не возражал, представляя себе тяжелую семейную обстановку Гончаровых. В виду приезда своячениц он снял

квартиру на Гагаринской набережной в доме Баташева (теперь набережная Кутузова, дом 32; см. письмо 60). Е. Н. и А. Н. Гончаровы делили с семьей поэта расходы по дому. Мать поэта Н. О. Пушкина писала дочери, что сестры Гончаровы «снимают прекрасный дом пополам с ними. Он (Пушкин, — *Ред.*) говорит, что это устраивает его в отношении расходов, но несколько стесняет, т. к. он не любит отступать от своих привычек хозяина дома» (письмо от 7 ноября 1834 г.: *ЛН*, т. 16—18, стр. 790).

[7] См. прим. 11 к письму 44.

[8] Новый управитель — немец-агроном Карл Рейхман — приехал в Болдино 30 мая 1834 г., а 9 июня уже уехал обратно в Тверь (см. письмо И. М. Пеньковского к Пушкину от 12 июня 1834 г.: *Акад.*, XV, № 952). Причины своего отказа от управления сам Рейхман объяснил в письме Пушкину от 22 июня 1834 г. (*Акад.*, XV, № 956): запутанность дел, разорение крестьян, злоупотребления Михаила Калашникова. Внезапный приезд Рейхмана на место, занятое недавно назначенным Пеньковским, которого Пушкин еще почти не знал, очень повредил хозяйству и «обескуражил» Пеньковского (по его словам в указанном письме к Пушкину). Однако хороший отзыв о нем Рейхмана заставил Пушкина сохранить за Пеньковским управление имением.

[9] «И так далее» — намек на чтение царем перлюстрированных писем к Н. Н. Пушкиной.

46. М. Л. Яковлеву. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 609. Впервые: *РС*, 1870, февраль, стр. 162. *Акад.*, XV, № 967.

Письмо представляет собой официальный ответ на неизвестный (возможно, устный) запрос Яковлева. Этот запрос был вызван в свою очередь предложением начальника II отделения собственной е. и. в. канцелярии М. А. Балугьянского Комитету для надзора за печатанием Полного собрания законов «предоставить г. директору Типографии относительно потребной на печатание бумаги, формата оной и числа экземпляров, кои долженствуют быть напечатаны, снестись с г. Пушкиным» (отношение от 28 июня 1834 г. см.: *ПиС*, вып. XVI, стр. 82) и последовавшим за ним отношением Комитета к Яковлеву. По получении письма Пушкина Яковлев сообщил о его пожеланиях Комитету (там же, стр. 82—83). Вследствие этого Балугьянский распорядился: «В рассуждении заготовления бумаги на печатание сочинения г. Пушкина, формата оной, шрифта и вообще издания книги исполнить по желанию сочинителя» (там же, стр. 84).

[1] Поручение относительно напечатания в типографии II отделения «Истории Пугачевского бунта» было сообщено М. Л. Яковлеву отношением Комитета (см. выше) от 19—24 марта 1834 г. (в настоящее время оно неизвестно). В нем Комитет исходил из распоряжения II отделения от 19 марта 1834 г. за подписью М. А. Балугьянского (см.: *ПиС*, вып. XVI, стр. 79), опиравшегося в свою очередь на письмо Бенкендорфа от 4 марта 1834 г. к М. М. Сперанскому с пометой последнего от 8 марта 1834 г. (там же, стр. 78).

[2] Формат «Свода законов Российской империи» избран Пушкиным не случайно. «Свод» (равно как и «Полное собрание законов Российской империи»), составлявшийся II отделением собственной е. и. в. канцелярии, печатался в особой типографии, где директором был М. Л. Яковлев и где было разрешено печатать «Историю Пугачевского бунта». Очевидно, по техническим причинам для типографии было удобно печатать «Историю» в формате «Свода законов», которому соответствовала и имевшаяся бумага.

[3] Заготовление бумаги для 1800 экз. за счет самого Пушкина объясняется тем, что тираж, установленный для «Свода» и для «Полного собрания законов», составлял 1200 экз. (см.: П. М. Майков. Второе отделение собственной е. и. в. канцелярии. 1826—1882. СПб., 1906, стр. 156). Очевидно, то же количество экземпляров «Истории Пугачевского бунта» было отпе-

чатано на казенный счет, на остальные же 1800 экземпляров бумага была заготовлена типографией, а Пушкину был предъявлен счет, оплаченный им 31 декабря 1834 г. (см. расписку М. Л. Яковлева в кн.: *Лит. арх.,* т. I, стр. 33; ср.: Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, стр. 364).

47. А. Х. Бенкендорфу. — Печатается по тексту первой публикации: *БЗ*, т. III, 1861, № 9, стр. 257. Местонахождение подлинника в настоящее время неизвестно. *Акад.*, XV, № 968.

Написано после получения Пушкиным письма Жуковского от 2 июля 1834 г. (*Акад.*, XV, № 966), в котором последний сообщал о разговоре с Николаем I по поводу прошения Пушкина об отставке (см. комментарий к письму 42).

48. В. А. Жуковскому. — Печатается по тексту первой публикации: *БЗ*, т. III, 1861, № 9, стр. 259—260. Местонахождение подлинника в настоящее время неизвестно. *Акад.*, XV, № 970.

Датируется по содержанию и по связи с другими письмами, относящимися к отставке Пушкина (см. комментарий к письму 42).

[1] Письмо от 2 июля (*Акад.*, XV, № 966).

[2] См. письмо 47.

[3] Письмо Бенкендорфа от 30 июня (*Акад.*, XV, № 965).

[4] Лизавета Михайловна — Е. М. Хитрово.

[5] Два варианта письма Жуковского от 3 июля (*Акад.*, XV, № 969), из которых второй написан специально для показа Бенкендорфу. Жуковский упрекал Пушкина в том, что он, желая подать прошение об отставке, не сказал об этом ни ему, ни Вяземскому, и советовал написать покаянное письмо прямо Николаю I (подробнее см. комментарий к письму 42).

[6] Письмо Пушкина к Бенкендорфу датировано тем же днем, 4 июля (письмо 49).

49. А. Х. Бенкендорфу. — Печатается по тексту первой публикации: *БЗ*, т. III, 1861, № 9, стр. 257—258. Местонахождение подлинника в настоящее время неизвестно. *Акад.*, XV, № 971.

Написано после получения письма Бенкендорфа от 30 июня 1834 г. (*Акад.*, XV, № 965) и письма Жуковского от 3 июля (*Акад.*, XV, № 969). См. комментарий к письму 42.

50. М. Л. Яковлеву. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1223е. Впервые: «Нива», 1914, № 15, стр. 290. *Акад.*, XV, № 972.

Датируется на основании типографской пометы перед заглавием первой главы наборной рукописи «Истории Пугачевского бунта» — «$18\frac{VII}{5}34$».

Записка написана на обложке первой главы наборной рукописи «Истории Пугачевского бунта» при отправке главы в типографию; вслед за этим был начат набор книги. Между тем, как явствует из письма М. А. Балугьянского в Комитет для надзора за печатанием Полного собрания законов от 28 июня 1834 г. (*ПиС*, вып. XVI, стр. 81—82), рукопись «Истории Пугачева» была не позднее 28 июня получена во II отделении и тогда же переслана в типографию. Таким образом, после первого поступления рукописи в типографию отдельные ее главы возвращались Яковлевым Пушкину. В ряде случаев поводом для этого могли быть отдельные замечания Яковлева. Причиной же возвращения Пушкину первой главы было, по-видимому, желание Пушкина внести в текст дополнительные изменения. Последние, однако, до сих пор не изучены (см. письма 58, 59, 64, 65; см. также: *Акад.*, XV, №№ 981, 983, 989).

51. В. А. Жуковскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1522. Впервые: *РА*, 1870, № 7, стлб. 1371—1372. *Акад.*, XV, № 974.

Датируется по связи с другими письмами к Жуковскому и Бенкендорфу, в частности по тому, что написано в ответ на письмо Жуковского, датирующееся 6 июля (*Акад.*, XV, № 973). См. комментарий к письму 42.

[1] Пушкин имеет в виду слова Жуковского: «Государь огорчен твоим поступком; он считает его с твоей стороны неблагодарностию».

[2] Пушкин отвечает на слова Жуковского: «Бенкендорф прислáл мне твои письма (письма 47, 49, — *Ред.*) <. . .> последнее (письмо 47, — *Ред.*), в коем просишь, чтобы все осталось по старому, так сухо, что оно может показаться государю новою неприличностию».

52. А. Х. Бенкендорфу. — Печатается по тексту первой публикации: *БЗ*, т. III, 1861, № 9, стр. 258—259. Местонахождение подлинника в настоящее время неизвестно. *Акад.*, XV, № 975.

Последнее письмо, относящееся к переписке по поводу неудавшейся отставки Пушкина. Написано после получения письма Жуковского от 6 июля (*Акад.*, XV, № 973). См. комментарий к письму 42 и письмо 51.

[1] По-видимому, Пушкин намекает между прочим и на дело о «Гавриилиаде» (1828 г.), которое было прекращено после того, как поэт, упорно отрицавший свою причастность к поэме, наконец, написал письмо непосредственно Николаю I. Письмо это, в запечатанном виде переданное царю, до нас не дошло, но можно предположить, что оно содержало признание Пушкина в своем авторстве. Очевидно, Пушкин рассчитывал на то, что настоящее письмо его будет показано Бенкендорфом царю и что намек его будет понят.

53. М. Н. Загоскину. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1523. На подлиннике помета рукой Загоскина: «Получ.<ено> 14 ч.<исла> июля 1834. № 121». Впервые: *РА*, 1868, стлб. 973. *Акад.*, XV, № 976.

[1] Пушкин имеет в виду роман М. Н. Загоскина «Аскольдова могила» (М., 1833). Экземпляр, присланный автором Пушкину, не сохранился.

[2] Это письмо Пушкина к Загоскину неизвестно. Возможно, что к нему относится запись П. В. Анненкова: «Загоскину пишет ответ с Соболевским на 4 страницах» (Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 343); сохранившиеся письма Пушкина к Загоскину по объему значительно меньше. С. А. Соболевский собирал в Петербурге печатные тексты песен для издания, задуманного П. В. Киреевским и Н. М. Языковым; о намерении его привезти в Москву собранные тексты Киреевский писал Языкову еще 21 февраля 1834 г., выражая недоумение по поводу задержки Соболевского; 8 января 1835 г. он с раздражением сообщал, что Соболевский еще зимой 1834 г. «писал об своем немедленном выезде в Москву», после чего «беспрестанно возобновлялся слух, что Соболевский через два дня выезжает», но «об нем нет ни слуху ни духу!» (Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову. Ред., вступит. статья и комм. М. К. Азадовского. Изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 62, 70).

[3] Г<осподин> Александр — А. Ваттемар (см. письмо 62).

[4] О выступлениях А. Ваттемара в Москве никаких сведений не обнаружено ни в переписке современников, ни в московских журналах и газетах; вероятнее всего, они не состоялись. 11 (23) августа Ваттемар вместе с Вяземским выехал из Петербурга за границу (см. письмо Вяземского к сыну от 16 (28) августа из Любека: Nina Kauchtschischwili. L'Italia nella vita e nell'opera di P. A. Vjàzemskij. Milano, [1964], pp. 16, 265).

[5] Ответ Загоскина не сохранился, и был ли он написан, неизвестно.

54. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1524. Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 21—22. *Акад.*, XV, № 977.

[1] Намек на перлюстрацию писем.

[2] Ср. запись в дневнике 5 декабря 1834 г. о бале у Салтыкова: «N. N. сказала: Voilà M-me Jermolof la sale (Lassale) (Вот г-жа Ермолова грязная, — *Ред.*). Ермолова и Курваль (дочь ген. Моро) всех хуже одеваются» (*Акад.*, XII, стр. 333). Под «днями отчаянными», очевидно, подразумевается период, когда муж Ермоловой, М. А. Ермолов, после декабрьского восстания был в отставке (с конца 1825 г. до 29 октября 1832 г., см.: *Дн. Модз.*, стр. 220).

[3] «С тем» — с Николаем I. Пушкин имеет в виду свою попытку получить отставку (см. комментарий к письму 42).

[4] Елену Павловну, преподавателем которой был П. А. Плетнев.

55. П. А. Осиповой. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1520. Впервые: в русском переводе — *СПб. вед.*, 1866, 29 июня, № 175; во французском оригинале — *РА*, 1867, стлб. 147—148. *Акад.*, XV, № 978.

[1] Ответ на письмо П. А. Осиповой от 17 июня (и также, вероятно, от 24 июня) 1834 г. (*Акад.*, XV, №№ 954, 957).

[2] Не доверяя ни прежнему болдинскому управителю М. И. Калашникову, ни назначенному С. Л. Пушкиным осенью 1833 г. управителем в Болдино И. М. Пеньковскому, Пушкин по рекомендации А. Н. Вульфа послал туда К. Рейхмана, лично ему знакомого (см.: *Акад.*, XV, № 838). Известие о назначении Рейхмана очень встревожило П. А. Осипову, считавшую его неумелым и не вполне честным управляющим (см.: *Акад.*, XV, № 954). Но еще до получения ее письма Пушкиным Рейхман отказался от должности и, покинув Болдино, вернулся в Малинники (см.: *Акад.*, XV, №№ 952, 956; см. письмо 45). Сам Пушкин не собирался жить в Болдине и лично им управлять; его мечтой было, получив отставку, поселиться в Михайловском.

[3] Зуево — другое название Михайловского (см.: *Акад.*, XVI, стр. 137).

[4] Намерение Пушкина побывать в Михайловском летом 1834 г. не осуществилось. Между первой датой письма (29 июня) и датой его отправки (13 июля) обстоятельства изменились, возможность получить отставку отпала, и это заставило его отказаться от поездки в Михайловское.

56. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1525. Почтовые штемпеля: «С. Петербург. Отделение 1-а, 1834 июл. 14» и «Калуга получ.‹ено› июля ‹. . .›». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 22—23. *Акад.*, XV, № 979.

Датируется на основании петербургского почтового штемпеля и по связи с письмами 54 и 57.

[1] С залогом имения было покончено 20 июля. См. письмо 43, прим. 6.

[2] «Того» — Николая I.

[3] См. письмо 42 к Бенкендорфу и ряд следующих писем.

[4] О письмах Жуковского от 2, 3 и 6 июля по поводу отставки Пушкина (*Акад.*, XV, №№ 966, 969, 973) см. комментарий к письму 42.

[5] «Абшид» — отставка (военный термин XVIII в.). См. письмо Бенкендорфа от 30 июня 1834 г. (*Акад.*, XV, № 965).

[6] Т. е. в камер-юнкерском мундире (ср. письмо 44, прим. 4).

[7] Аничковские балы — придворные балы в «собственном» (Аничковом) дворце для тесного круга приглашенных, близких ко двору и лично к царской семье (в отличие от балов в Зимнем дворце, куда допускался широкий круг дворянства и даже купечества). Свое камер-юнкерство Пушкин связывал с желанием Николая I видеть Н. Н. на этих балах (см. запись Пушкина в дневнике 1 января 1834 г.: *Акад.*, XII, стр. 318).

57. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1526. Почтовый штемпель: «С. Петербург. 16 июл. 1834». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 23—24. *Акад.*, XV, № 980.

[1] Неустановленное лицо.

[2] См. прим. 6 к письму 45.

[3] М. Л. Яковлев мог «отпустить» Пушкина после подписания к печати всей корректуры «Истории Пугачевского бунта» (см. письма 58—60, 65; см. также: *Акад.*, XV, №№ 981, 983).

[4] См. прим. 5 к письму 43.

[5] Вероятно, речь идет об ежегодном фейерверке в гвардейском лагере в Красном Селе. Ср. письмо С. Н. Карамзиной к Анд. Н. Карамзину от 15—17 июля 1836 г. (*Карамзины*, стр. 76).

[6] В приходо-расходной книжке Пушкина 20 июля сделана запись: «За Льва Серг. заплачено Дюме 220 р.». За проигранное братом вино Пушкин заплатил в самый день получения денег из ломбарда под залог кистеневских крестьян (см. прим. 7 к письму 24; *П. и мужики*, стр. 216, 136—137; ср.: *Рукою П.*, стр. 366, 374).

58. **М. Л. Яковлеву.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1223ж. Впервые: *Academia*, т. VI, стр. 368. *Акад.*, XV, № 982.

Речь идет о размерах VIII главы «Истории Пугачева», которая первоначально была по объему значительно меньше других и кончалась словами: «Пугачев посадил в воеводы господского мужика и пошел к Саратову» (*Акад.*, IX, стр. 71). Записка Пушкина написана на л. 118 наборной рукописи «Истории Пугачева», при шмуцтитуле VIII главы. Тут же и ответ Яковлева: «Весьма мало. Всего лучше сделать одну главу VIII (из первоначальных VIII и IX, — *Ред.*). — В таком случае просим дополнить sommaire (перечень содержания, — *Ред.*) и возвратить все в типографию» (*Акад.*, XV, № 983). VIII глава была послана в типографию между 5 (типографская помета перед началом I главы) и 17 июля (когда был сдан II том). Однако эта датировка поддается некоторому уточнению. Весь день 6 июля Пушкин был занят хлопотами, связанными с его неудавшейся попыткой выйти в отставку (см. комментарий к письму 42), и последующие главы книги едва ли могли быть сданы в типографию ранее субботы 7 июля. С другой стороны, даже для общего просмотра II тома перед отправкой его в набор Пушкину потребовался по меньшей мере один день — 16 июля, а в воскресенье 15 июля типография не работала. Таким образом, главы II—IX (по первоначальному счету) были отправлены в типографию между 7 и 14 июля. Как показывает анализ наборной рукописи, главы III—V и VI—IX могли быть сданы только после I и II глав и тоже в разные сроки. Дело в том, что на шмуцтитулах III—V глав сохранились типографские пометы, обращающие внимание Пушкина на отсутствие здесь перечней содержания (ср. записку Яковлева на шмуцтитуле III главы: *Акад.*, XV, № 981). Начиная с VI главы Пушкин приписывает эти перечни без напоминаний. Это означает, что до III—V глав через типографию уже прошли первые две главы, которые Пушкин снабдил оглавлениями, и дает право утверждать, что он получал рукопись для окончательного просмотра не целиком, а частями, каждый раз добавляя «соммеры» (к III и V главам они написаны чернилами, к IV — карандашом, обведенным чернилами рукою Яковлева). На окончательный просмотр и добавления к III—V главам потребовался по меньшей мере один день — понедельник 9 июля. Рукопись VI главы не дает оснований судить о сроках и обстоятельствах ее отправки в типографию, но VII и VIII главы были отправлены вместе, так как в их названиях (на шмуцтитулах) цифровое обозначение, принятое в I—VI главах, заменено словами «седьмая» и «восьмая». Таким образом, они не могли быть сданы ни ранее 10-го, ни позднее 14 июля. Поэтому и комментируемую записку можно приблизительно датировать 10—14 июля 1834 г.

По совету Яковлева Пушкин объединил VIII и IX главы, а также и перечни их содержания. При этом, приписывая на шмуцтитуле VIII главы перечень содержания IX главы, он зачеркнул чернилами комментируемую записку.

59. **М. Л. Яковлеву.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1223з. Впервые: «Нива», 1914, № 15, стр. 290. *Акад.*, XV, № 984.

Датируется на основании типографской пометы на шмуцтитуле наборной рукописи II тома «Истории Пугачевского бунта»: «18$\frac{17}{VII}$34». Здесь же на шмуцтитуле написана при отправке II тома в типографию и настоящая записка.

[1] Речь идет о разделе II тома, который первоначально был озаглавлен «Указы и манифесты императрицы Екатерины II, относящиеся к Пугачевскому бунту». Вероятно, Пушкин хотел написать, что указы должны быть расположены в хронологической последовательности, но передумал и вместо этого приписал в скобках непосредственно за названием раздела: «(по хронолог‹ическому› порядку)» (*ИРЛИ*, № 1223, л. 276; *Акад.*, IX, стр. 460).

60. **Н. Н. Пушкиной.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1527. Почтовый штемпель: «С.-Петербург. 26 июл. 1834». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 24—25. *Акад.*, XV, № 985.

Датируется соответственно почтовому штемпелю.

[1] Квартира в бельэтаже дома Баташева на Гагаринской набережной (теперь набережная Кутузова, дом 32), в которой Вяземские жили с осени 1832 г. (см.: Пушкинский Петербург. Лениздат, 1949, стр. 384), освобождалась ввиду их отъезда (см. ниже). В дом Баташева Пушкин переехал в середине августа 1834 г. и жил до сентября 1836 г. (сперва в бельэтаже, потом этажом выше). Сохранилось два контракта на наем квартиры в доме Баташева, от 1 мая 1835 г. и 1 мая 1836 г.; второй контракт был расторгнут Пушкиным досрочно после ссоры с управляющим (см. письмо 203). См.: *Рукою П.*, стр. 788—791; см. также: А. Яцевич. Пушкинский Петербург. Изд. Пушк. общ., Л., 1935, стр. 63—67.

[2] В. Ф. Вяземская с детьми уезжала в Италию (объявление об их отъезде см.: *СПб. вед.*, 1834, 5 августа; 14 августа там же сообщалось об отъезде П. А. Вяземского). Заболевшая чахоткой дочь Вяземских Прасковья умерла в Риме 11 марта 1835 г.

[3] Пушкин цитирует «Диалог о женщинах» аббата Фердинанда Галиани, из его книги «Correspondence inédite de l'Abbé Ferdinand Galliani, conseiller du Roi de Naples. . .» (Paris, 1818, p. XXXV). Книга была в библиотеке Пушкина (*Библ. П.*, № 931).

[4] О ходе работы по изданию «Истории Пугачевского бунта» см. письма 58, 59, 64, 65.

[5] Л. С. Пушкин в конце 1832 г. вышел в отставку в чине капитана и с середины октября 1833 г. жил в Петербурге, где, как писал Пушкин жене 6 ноября 1833 г., «бил баклуши» (*Акад.*, XV, № 858) и делал долги. Пушкин был против поступления его в гражданскую службу, считая, что «на седле он все-таки далее уедет, чем на стуле в канцелярии» (там же). Тем не менее 14 апреля 1834 г. Л. С. определился чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел, но уже 30 июля подал прошение об отставке, предполагая перейти с гражданской службы в военную. С этим намерением, очевидно, и связана его поездка в Тифлис. 1 августа Н. О. Пушкина писала дочери: «Александр ‹. . .› нам сообщает, что Леон вновь хочеть вступить в Грузинскую армию» (*ЛН*, т. 16—18, стр. 789; письмо Пушкина к родным неизвестно). Однако на военную службу Л. С. Пушкин вернулся только 13 июля 1836 г. и был прикомандирован к Гребенскому казачьему полку (см.: Л. Н. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 39).

[6] «Заводы» — Полотняный завод, имение Гончаровых, где была в это время Н. Н. Пушкина. Пушкин строит каламбур, имея в виду следующее место из III главы «Истории Пугачевского бунта»: «Пугачев наименовал его (Хлопушу, — *Ред.*) полковником и поручил ему грабеж и возмущение заводов. Хлопуша оправдал его доверенность» (т. 1, СПб., 1834, стр. 37; ср.: *Акад.*, IX, стр. 23—24).

[7] См. письмо 45.

[8] См. письмо 57.

[9] Ср. запись в дневнике Пушкина, в основном совпадающую с письмом (*Акад.*, XII, стр. 331). Более подробно это происшествие описано в письме К. Я. Булгакова к брату, А. Я. Булгакову, от 28 июля 1834 г. (*РА*, 1904, кн. I, стр. 426).

61. **Н. Н. Пушкиной.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1528. Почтовые штемпеля: «С.-Петербург. Отделение 1-а. 1834 июл. 30» и «Калуга получено августа 5 1834». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 25. *Акад.*, XV, № 986.

Датируется соответственно петербургскому почтовому штемпелю.

[1] Два тома «Истории Пугачевского бунта».

[2] См. прим. 1 к письму 60.

[3] Вероятно, акварельный портрет, написанный в 1831 г. А. П. Брюлловым.

62. **А. Ваттемару.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 610. Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 155. *Акад.*, XV, № 987.

Датируется по соотношению с письмом к М. Н. Загоскину (см. письмо 53).

[1] См. письмо 53, прим. 4 и 5.

63. **Н. Н. Пушкиной.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1529. Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 25. *Акад.*, XV, № 988.

[1] 4 августа Пушкин подал прошение об отпуске на три месяца в Нижегородскую и Калужскую губернии; 15 августа он получил отпуск и выехал из Петербурга 16 или 17 августа (см. комментарий к письму 65).

[2] См. прим. 1 и 2 к письму 60.

[3] Аналогичная характеристика Москвы дана в «Путешествии из Москвы в Петербург» (*Акад.*, XI, стр. 240—241, 246—247), где Пушкин указывает на упадок дворянской Москвы и сравнивает ее с Петербургом.

[4] Н. Н. Пушкина была в Москве несколько дней в конце апреля—начале мая 1834 г., проездом из Петербурга в Полотняный завод (см. письма Пушкина к ней — 20—23, 25, 26, 30).

[5] Е. И. Загряжская проводила лето в Царском Селе вместе с Н. К. Загряжской.

[6] Serge — С. Н. Гончаров; брат Иван — И. Н. Гончаров.

[7] Корректуру «Истории Пугачевского бунта».

64. **М. Л. Яковлеву.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1223и. Впервые: А. Пушкин, Сочинения, ред. Б. Томашевский, ГИХЛ, Л., 1936, стр. 908—909. *Акад.*, XV, № 990.

Датируется по положению в наборной рукописи «Истории Пугачева»: написано на полях Предисловия, переписанного рукой Яковлева. Там же — три других пушкинских записи: две поправки, внесенные им в текст Предисловия, и помета «Печатать. 12 авг. А. П.». Как следует из палеографического анализа, все эти записи, включая записку, сделаны в один день — 12 августа 1834 г.

Записка — ответ на поставленный тут же, на полях Предисловия, вопрос Яковлева: «Нельзя ли без Вольтера? Ето хорошо для весьма немногих, но для 2500 читателей ‹*2 (?) слова стерлись*› весьма противно» (*ИРЛИ*, № 1223и, л. 2 об.; *Акад.*, XV, № 989 — приведено только начало записки). Речь идет о последней фразе Предисловия (*Акад.*, IX, стр. 1). Предложение Яковлева исследователи обычно объясняли цензурными соображениями (см.: Д. П. Якубович. Пушкин в библиотеке Вольтера. *ЛН*, т. 16—18, стр. 920—921; Б. В. Томашевский. Пушкин и французская литература. *ЛН*, т. 31—32, стр. 40; М. П. Алексеев. Библиотека Вольтера в России. В кн.: Библиотека Вольтера. Каталог книг. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 38—40; А. И. Чхеидзе. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Тбилиси, 1963, стр. 153). Это, однако, вызывает сомнение: пушкинский ответ Яковлеву нелогичен, если предположить, что речь идет о цензуре; Яковлев пе-

реписывал Предисловие с рукописи, на которой были пометы Николая I, не коснувшиеся имени Вольтера; наконец, в тексте IV главы и в примечаниях к VIII главе «Истории Пугачева» приводятся обширные цитаты из переписки Вольтера с Екатериной II и — более того — имя Вольтера вынесено в перечень содержания IV главы, а следовательно, и в оглавление I тома, которое следует в книге непосредственно за Предисловием. Все это к 12 августа было хорошо известно Яковлеву, так как Предисловие печаталось в последнюю очередь.

[1] Имеется в виду часть переписки Вольтера с Екатериной II, связанная с пугачевским восстанием. Говоря об историческом значении этой переписки, Пушкин стремится, по-видимому, обосновать упоминание Вольтера в ряду русских деятелей, названных в Предисловии к «Истории Пугачева». В дальнейшем, однако, он признал возражение Яковлева резонным (см. письмо 65) и исключил имя Вольтера, потому что последний (в отличие от других поименованных в Предисловии исторических лиц) не принимал непосредственного участия в восстании или его подавлении.

65. **М. Л. Яковлеву.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 611. Впервые: *Ефр.*, *1882*, т. VII, стр. 346. *Акад.*, XV, № 991.

Датируется по связи с предыдущей запиской Пушкина к Яковлеву от 12 августа 1834 г. (см. письмо 64); написано не ранее этого дня и до отъезда Пушкина из Петербурга в Полотняный завод. О времени же его отъезда мы знаем следующее: 15 августа помечено свидетельство об отпуске Пушкина (см.: *Гастфрейнд. Документы*, стр. 42), а к 16 августа относятся его последние (перед отъездом) записи в тетради «Щеты по части управления Болдина и Кистенева» (см.: *Рукою П.*, стр. 366). Вопрос усложняется записью в дневнике Пушкина от 28 ноября 1834 г.: «Я был в отсутствии — выехал из П‹етер›б‹урга› за 5 дней до открытия Александровской колонны» (*Акад.*, XII, стр. 332), т. е. до 30 августа 1834 г. (см.: *Дн. Модз.*, стр. 208); тем самым отъезд Пушкина должен был бы датироваться 25 августа (см.: *Труды и дни*, стр. 319; М. А. Цявловский. Хронологическая канва биографии А. С. Пушкина. *Путеводитель*, стр. 20). Между тем в письме от 21 августа Л. С. Пушкин сообщал из Москвы родителям, что на одном из вечеров он встретил «Александра, который был только проездом и пробыл в Москве всего 4 часа» (известно в пересказе Н. О. Пушкиной; см. ее письмо к О. С. Павлищевой от 7 сентября 1834 г.: *ЛН*, т. 16—18, стр. 789). Эта встреча не могла произойти позднее вечера 20 августа; поездка летом из Петербурга в Москву продолжалась около четырех суток, и, чтобы оказаться в Москве к вечеру 20 августа, Пушкин должен был выехать из Петербурга вечером 16 августа или ранним утром 17-го. Все это дает основание датировать письмо 12—16 августа.

[1] Имеется в виду 18-й лист корректуры II тома «Истории Пугачева» (История Пугачевского бунта, т. II. СПб., 1834, стр. 273—288) с окончанием части VII «Летописи» П. И. Рычкова и началом «Прибавления первого» к ней. При работе над «Историей Пугачева» Пушкин располагал тремя списками летописи (см. прим. 1 к письму 38). Речь идет о темном месте в конце VII части «Летописи» Рычкова. За словами: «но первый, как сказывали, при поимке ограблен и убит гусарами» (*Акад.*, IX, стр. 332) — в наборной рукописи следует: «Из артиллерии своей оный злодей не доходя до пильной мельницы и так ни одной уже пушки у него не осталось» (в вариантах — *Акад.*, IX, стр. 469—470 — не отмечено). Из печатного текста эти слова были исключены.

[2] Начальные слова «Послания И. М. Муравьеву-Апостолу» (1814—1815) К. Н. Батюшкова. Цитированы Пушкиным также в письме к П. А. Плетневу около (не позднее) 14 апреля 1831 г. (*Акад.*, XIV, № 592).

[3] См. комментарий к письму 64.

[4] Среди лицеистов первого выпуска принято было подписываться номерами своих комнат в Лицее. Комната Пушкина имела № 14 (см.: Я. Грот.

Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Изд. 2-е. СПб., 1899, стр. 285—286).

66. **С. А. Соболевскому.** — Подлинник: *ЦГАЛИ*, ф. 261, бумаги С. А. Соболевского, № 5, «Souvenirs 1833—1836», лл. 222—223. Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 163. *Акад.*, XV, № 992.

Датировка предположительная. Периоды наиболее частого общения Пушкина с Соболевским в 1830-е годы — конец июля—начало августа 1833 г. (Соболевский вернулся из-за границы 22 июля 1833 г. и 17 августа выехал из Петербурга вместе с Пушкиным, см.: М. Беляев. Соболевский о Пушкине. (Из переписки С. А. Соболевского с М. Н. Лонгиновым). *ПиС*, вып. XXXI—XXXII, стр. 41; А. К. Виноградов. Мериме в письмах к Соболевскому. Московское худ. изд., М., 1928, стр. 47). Последнее воскресенье до 17 августа — 13 августа. Более вероятно, однако, отнесение письма к апрелю—августу 1834 г., когда Пушкин часто виделся с Соболевским в отсутствие Натальи Николаевны (см. письма 20, 21, 24, 26, 36, 40, 57); 16 или 17 августа Пушкин выехал в Москву (см. комментарий к письму 65).

67. **Н. И. Гончаровой.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1530. Впервые: *РА*, 1897, кн. I, стр. 116. *Акад.*, XV, № 995.

Датировка предположительная. Письмо написано по приезде Пушкина в Полотняный завод из Москвы, а следовательно, не ранее 21—22 августа (о том, что Пушкин выехал из Москвы 20 августа, см. комментарий к письму 65). От Москвы до Полотняного завода примерно 160 верст, которые Пушкин проехал часов за 16, и, таким образом, 21 августа он мог быть уже в имении Гончаровых. Письмо содержит поздравление Н. И. Гончаровой с именинами (26 августа); отсюда вытекает, что оно было написано не позднее 25 августа — крайней даты, возможной для своевременного его получения.

[1] Ярополец — имение матери Н. Н. Пушкиной, Н. И. Гончаровой (в девичестве Загряжской), в Волоколамском уезде Московской губернии, в 115 верстах от Москвы (см.: *ПиС*, вып. III, стр. 27; Ярополец. Сб. статей. Изд. Общ. изучения Московской обл., М., 1930, стр. 5—16, 44—60; В. Гиляровский. Ярополец. «Столица и усадьба», 1914, № 5, стр. 1—3; В. Краснов. Усадьба Гончаровых. Там же, стр. 3—6).

[2] О пребывании Пушкина в Москве на пути в Полотняный завод см. комментарий к письму 65.

[3] 26 августа — день именин Н. И. Гончаровой и Н. Н. Пушкиной. 27 августа — день рождения Н. Н. Пушкиной (см.: *Акад.*, XV, № 840).

[4] Иван Николаевич и Сергей Николаевич — Гончаровы, братья Н. Н. Пушкиной (см. письмо 36, прим. 4, и письмо 44).

68. **А. И. Тургеневу.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 612. Впервые: *Р. библ.*, 1911, № 5, стр. 20. *Акад.*, XV, № 996.

Датируется по содержанию и по связи с письмом 69 (датируемым 9 сентября), которому комментируемое письмо предшествует. В тот же день, 9 сентября, состоялся разговор Пушкина и Тургенева о Симбирске, Пугачеве и Разине. См. комментарий к письму 69.

[1] Тургенев очень интересовался «Историей Пугачева» и 17 декабря 1834 г. писал Жуковскому из Москвы: «Скажи Пушкину, что ожидают здесь все его Пугачевщины, и я со всеми. Мне нужно иметь ее прежде отъезда, а 3-го Генваря надеюсь или страшусь уже не быть здесь» (*ЛН*, т. 58, стр. 116; ср.: *ИРЛИ*, ф. 309, № 4714б, л. 49 об.). «История Пугачевского бунта» вышла в конце декабря; 28 декабря 1834 г. в «Северной пчеле» о ней сообщалось как об уже вышедшей книге (см.: *П. в печ.*, стр. 117). Пересылка экземпляра Тургеневу по каким-то причинам задерживалась. 19 января 1835 г. он просил Жуковского напомнить Пушкину о присылке книги «с своим аутографом — на память старины священной»: «Пушкину скажи, что я долго ожидал от него Пугачева и беру с собой для Орл<ова>

чужой экз<емпляр>» (*ИРЛИ*, ф. 309, № 4714в, л. 4). Ту же просьбу повторяет он в письме из Вены 15 (27) февраля: «Экз<емпляр> Орлова Пугачевщины читал посол и переходит из русских рук в руки. Я ожидал здесь получить другой экз<емпляр> для себя» (*ЛН*, т. 58, стр. 116). Тургенев получил книгу только в конце 1835 г.; около 1 (13) декабря 1835 г. он писал из Парижа Вяземскому: «Наконец добился я здесь Пушкина „Пугачева"» (там же, стр. 118).

[2] Замечание Пушкина об осаде Симбирска является продолжением разговора с Тургеневым, происходившего в день написания настоящего письма, 9 сентября 1834 г. Тургенев в качестве коренного симбирского уроженца интересовался историческим прошлым Симбирска: его родовое имение Тургенево находилось в Алатырском уезде Симбирской губернии. 9 сентября Тургенев записал в дневнике: «<Слушал не>сколько страниц Пугачева. Много любопытного и оригинального. <*Текст поврежден*> сказав, что П<ушкин> расшевелил душу мою, заснувшую в степях Башкирии. <Симбирск> всегда имел для меня историческую прелесть. <Он устоял> против Пуг<ачева> и Разина» (М. Гиллельсон. Пушкин в дневниках А. И. Тургенева 1831—1834 годов. *РЛ*, 1964, № 1, стр. 129). В «Истории Пугачева» есть описание действий Фирски (Фирса Иванова) в районе Симбирска (*Акад.*, IX, стр. 74). Ассоциация Разина и Пугачева для Пушкина в это время весьма характерна; она отразилась и в «Истории Пугачева» (см., например: *Акад.*, IX, кн. 1, стр. 148 — описание казни Пугачева; там же, стр. 51 и 112; кн. 2, стр. 497 — запись рассказа о «казачке Разиной»; об этом рассказе см.: Н. В. Измайлов. Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Труды Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 290—291). Ср. также в воспоминаниях П. Х. Граббе, встретившегося с Пушкиным у Н. Н. Раевского в 1834 г.: «Он занят был в то время историею Пугачева и Стеньки Разина; последним, казалось мне, более» (П. Х. Граббе. Поездка в Петербург в 1834 году. *РА*, 1873, № 5, стлб. 786).

69. **А. И. Тургеневу.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 613. Впервые: *Р. библ.*, 1911, № 5, стр. 20—21. *Акад.*, XV, № 998.

Основанием датировки как этой, так и предшествующей записки к А. И. Тургеневу (письмо 68) служит замечание Тургенева в письме к В. А. Жуковскому от 9 сентября: «Везу письмо к поэту Пушк<ину>; он собирается сегодня в Питер или в деревню». В тот же день Тургенев, очевидно по возвращении от Пушкина, дописывает свое письмо: «Полдень. Пушк<ин> едет в деревню, а жена недели через две в Петербург» (*ИРЛИ*, ф. 309, № 4714б, л. 46).

[1] О какой книге или рукописи из собрания Тургенева, относящейся, по-видимому, к пугачевскому восстанию, пишет Пушкин, неизвестно.

[2] О котором из братьев Полевых идет речь — не вполне ясно. Скорее, это Николай Полевой (а не Ксенофонт). В августе—сентябре 1834 г. А. И. Тургенев близко общался с Н. А. Полевым, который по его просьбе помогал ему в разборе выписок из исторических материалов о России, сделанных Тургеневым в Ватиканском архиве (см. записки Н. А. Полевого к Тургеневу: *ИРЛИ*, ф. 309, № 1022б; одна из них датирована 8 сентября 1834 г., т. е. написана накануне письма Пушкина; в тот же день, 8 сентября, А. И. Тургенев был у Полевого, с которым «болтал <...> о торговле, о купечестве в Москве», см.: *ИРЛИ*, ф. 309, № 305, л. 11). Вероятно, в эти дни Тургенев и передал принятое затем Пушкиным предложение Полевого — продавать в Москве «Историю Пугачевского бунта». Посредником между Пушкиным и Полевым был С. А. Соболевский; 19 ноября К. А. Полевой напомнил ему об обещании прислать 200 экземпляров книги Пушкина (*ЛН*, т. 16—18, стр. 750—752). К. А. Полевой заведовал в это время книжной торговлей Полевых, которая возникла при конторе «Московского телеграфа» и продолжала существовать после запрещения журнала.

Ср. в «Записках» К. А. Полевого: «Мы купили за наличные деньги, разумеется с уступкою, несколько сотен экземпляров „Истории Пугачевского бунта“ Пушкина, и они были немедленно распроданы» (*Полевой*, стр. 331). По-видимому, от Полевого Пушкин получил 2000 руб., отмеченные в его расчетах, связанных с продажей книги (*Рукою П.*, стр. 379). О быстрой распродаже книги Пушкина А. И. Тургенев писал 19 января 1835 г. из Москвы В. А. Жуковскому: «Здесь все ‹экземпляры› разобраны. Нет ни одного в лавках» (*ИРЛИ*, ф. 309, № 4714в, л. 4). Однако коммерческий успех книги был недолговременным (см.: *Рукою П.*, стр. 378—380; см. также письмо 2, прим. 2).

[3] Ирония Пушкина относится к полемике вокруг «литературной аристократии», в которой братья Полевые заняли резко «антиаристократическую» позицию (см. свод литературы: *П. Итоги и проблемы*, стр. 221 и сл.). В январе 1834 г. Вяземский писал Булгакову: «Александр Пушкин, поэт Пушкин — теперь камер-юнкер Пушкин. Что скажет о том Полевой?» (*РА*, 1884, № 4, стр. 426). Поэтому у Пушкина были основания ожидать от Полевого враждебного отношения к его камер-юнкерству и к «Истории Пугачевского бунта», концепция которой расходилась с историческими воззрениями Полевого (ср. письмо 89 и прим. 5 к нему).

70. С. А. Соболевскому. — Подлинник: *ЦГАЛИ*, ф. 261, бумаги С. А. Соболевского, № 5, «Souvenirs 1833—1836», лл. 220—221. Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 163. *Акад.*, XV, № 997.

Записка послана Пушкиным с Натальей Николаевной, отъезжавшей в Петербург (см. комментарий к письму 69).

[1] «Наш друг ростовщик» — возможно, подполковник А. П. Шишкин, которого Соболевский называл «самым добрым и честным ростовщиком» («Искусство», 1929, № 3—4, стр. 46). У Шишкина были в закладе вещи Пушкина, Соболевского, Н. Н. Пушкиной и А. Н. Гончаровой; наиболее ранний документально засвидетельствованный заклад — ориентальный жемчуг, принадлежавший Наталье Николаевне, и серебро С. А. Соболевского — относится к 1 апреля 1835 г.; можно думать, однако, что дело с Шишкиным Пушкин и Соболевский имели и ранее (см.: *Арх. опеки*, стр. 131 и сл.).

[2] О «медлительности» Соболевского см. письмо 53. «Париж» — гостиница, помещавшаяся на Малой Морской улице, в доме Калержи (дом 108 2-го квартала 1-й Адмиралтейской части; на месте нынешнего дома 4 по ул. Гоголя). См.: Н. Н. Фокин. О памятных местах Пушкинского Петербурга. В кн.: Пушкин и его время, вып. 1. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1962, стр. 542—543. Соболевский жил здесь до лета 1835 г. (см.: А. К. Виноградов. Мериме в письмах к Соболевскому. Московск. худ. изд., М., 1928, стр. 53).

71. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1531. Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 26—27. *Акад.*, XV, № 1000.

[1] Пушкин выехал из Москвы 9 сентября вечером (см. письмо 69), а в Болдино приехал 13-го утром.

[2] Николай I с 6 сентября по 25 октября совершал поездку по некоторым губерниям России (см.: *СПч.*, 1834, № 205, 12 сентября; № 244, 27 октября). 16 сентября он выехал из Москвы через Калугу в Орел (см.: *СПч.*, 1834, № 218, 27 сентября).

[3] Третья болдинская осень прошла для Пушкина без творческого подъема. Была написана только «Сказка о золотом петушке», как показывает помета в беловой рукописи: «Болдино. 20 снт. 1834 10ч—53м» (*Акад.*, III, стр. 1121).

[4] «Твоего обожателя» — С. Д. Безобразова. Ср. в письмах Пушкина к Н. Н. Пушкиной от 8 и 11 октября 1833 г.: *Акад.*, XV, №№ 851, 852.

[5] Кузина Маргаритка — М. В. Васильева, по мужу Безобразова (муж ее — П. Р. Безобразов).

[6] «Пол-Болдина» — часть Болдина, принадлежавшая В. Л. Пушкину и после его смерти (20 августа 1830 г.) находившаяся в опеке. Так как М. В. Безобразова была незаконной дочерью В. Л. Пушкина и не имела прав на наследование имением, муж ее должен был вести переговоры с Пушкиным, сыном законного наследника — С. Л. Пушкина, имевшим доверенность от отца на управление землями Пушкиных. Дело осложнялось тем, что В. Л. Пушкин, стремясь обеспечить будущее М. В. Безобразовой и ее матери А. Н. Ворожейкиной, выдал им заемные письма на 110 тыс. руб. Пушкин, мечтавший о воссоединении обеих частей Болдина, хотел выкупить часть В. Л. Пушкина (см. в письме его к жене от 6 ноября и к Нащокину в декабре 1833 г.: *Акад.*, XV, №№ 858, 865), но это было для него непосильно, и он предпочел отказаться от наследства. Приезд в Болдино Безобразова означал новый этап этих переговоров, однако они, видимо, оказались бесплодными, и часть В. Л. Пушкина была продана с аукциона; приобрел ее полковник С. В. Зыбин за 220 тыс. руб. (см.: *П. и мужики*, стр. 111).

[7] О неоправдавшихся надеждах Пушкина на доход от «Истории Пугачева» см. прим. 2 к письму 2.

[8] В своей «челобитной», датированной 15 сентября 1834 г. (см.: *Акад.*, XV, № 999), болдинские крестьяне жаловались Пушкину на М. И. Калашникова, управлявшего Болдиным до И. М. Пеньковского.

[9] Сочинение Огюстена Тьерри «Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands ‹. . .›, par Augustin Thierry» (Troisième édition. Paris, 1830, 4 vol.) сохранилось в библиотеке Пушкина, см.: *Библ. П.*, № 1433. Пушкин взял его с собою в поездку. Чтение Тьерри, историка новой французской школы, было связано с давним интересом Пушкина к истории западноевропейских (английской и французской) революций и к их истокам, начиная с раннего средневековья.

72. **Н. Н. Пушкиной.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1532. Почтовая пометa: «26-го сентября 1834 года Абра‹мова› ‹ст›анция»; почтовый штемпель: «Получено 1834 окт. 4 полдень». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 28. *Акад.*, XV, № 1001.

Датируется на основании почтового штемпеля и слов Пушкина: «Вот уж скоро две недели как я в деревне». В Болдино он приехал 13 сентября (см. письмо 71).

[1] Вероятно, «Капитанская дочка», над которой Пушкин начал работать с конца января 1833 г. и писал в несколько приемов. Об этапах работы над романом см. в кн.: А. С. Пушкин. Капитанская дочка. Изд. «Наука», М., 1964, стр. 155—172. Если это так, то речь идет о ранней редакции романа, не дошедшей до нас, в которой герой носил, вероятно, фамилию Башарина. Но не лишена вероятия и другая гипотеза — о том, что в комментируемом письме речь идет не о «Капитанской дочке», а о «Дубровском», первые две части которого были вчерне написаны в 1832—1833 гг. (там же, стр. 159).

[2] В библиотеке поэта сохранились издания романов Вальтера Скотта на английском языке — «The Prose Works of Sir Walter Scott» (tt. I, V, VI. Paris, 1827), «Tales of my Landlord. . .» (Paris, 1831), а также несколько томов его поэм и стихотворений (см.: *Библ. П.*, №№ 584, 1363, 1364, 1369). Кроме того, сохранилось два тома романов на французском языке — «Peveril du Pic» (Paris, 1824) и «Woodstock» (Paris, 1826) — из полного собрания его сочинений (см.: *Библ. П.*, №№ 1366, 1368). Что именно из В. Скотта читал Пушкин в Болдине, неизвестно. Ср. письмо к Н. Н. Пушкиной от 21 сентября 1835 г. (письмо 125).

[3] Пушкин выехал из Болдина, по-видимому, около 1 октября. 4 октября в 10 час. утра он приехал в Москву (см.: *ЛН*, т. 58, стр. 113) и, пробыв там несколько дней, вернулся около 15 октября в Петербург, на что указывает запись в дневнике 28 ноября: «воротился к 15-му окт‹ября› в П‹етер›б‹ург›» (*Акад.*, XII, стр. 332). Это подтверждается и записью

в дневнике А. И. Тургенева от 15 октября: «вечер у Пушкина...» (*РЛ*, 1964, № 1, стр. 130). Заезжал ли Пушкин в Ярополец, неизвестно.

[4] Речь идет об А. М. Языкове, который 26 сентября пробыл у Пушкина «несколько часов» (см. письмо 73).

73. Н. М. Языкову. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 614. Впервые: *ИВ*, 1884, № 5, стр. 327. *Акад.*, XV, № 1003.

[1] Александр Михайлович — А. М. Языков. О своем намерении заехать к Пушкину он сообщил В. Д. Комовскому еще 13 сентября. Сохранилось свидетельство самого Языкова о его разговоре с Пушкиным. Пушкин показывал ему «историю Пугачева <...> несколько сказок в стихах, в роде Ершова, и историю рода Пушкиных» (*ИВ*, 1883, № 12, стр. 539).

[2] Село Языково — родовое село Языковых в Симбирской губернии, на берегу р. Урени, в одной версте от тракта из Симбирска в Корсунь. См. о нем: В. Н. Поливанов. Село Языково. *ИВ*, 1896, № 12, стр. 987—990.

[3] Речь идет о свадьбе А. М. Языкова с Наталией Алексеевной Наумовой.

[4] См. письма Пушкина к Бенкендорфу, написанные весной 1835 г. (письма 93, 94), и к Плетневу (письмо 129).

[5] См. письмо 72, прим. 3.

[6] Ответ Языкова неизвестен.

[7] Ошибочно, вместо Петру Михайловичу — брату Н. М. Языкова.

74. М. Л. Яковлеву. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 615. Впервые: *ОЗ*, 1861, кн. 12, стр. 37. *Акад.*, XV, № 1006.

К 1834 г. отнесено по следующим основаниям: письмо написано на бумаге с водяным знаком «А. Гончаров 1832», которую Пушкин употреблял в 1833—1835 гг. (см.: *Рук. ПД*, *1937*, стр. 339, № 135); из этих трех лет он встретил 19 октября в Петербурге только однажды, в 1834 г., вернувшись около 15 октября из Болдина (см. прим. 3 к письму 72). В 1833 г. Пушкин находился в этот день в Болдине и приехал в Петербург лишь 20—21 ноября (см. письмо Н. О. Пушкиной к О. С. Павлищевой от 24 ноября 1833 г.: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 20, № 29, л. 71), а в 1835 г. — в Михайловском, откуда вернулся 23 октября (см. письмо О. С. Павлищевой к Н. И. Павлищеву от 24 октября 1835 г.: *ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 184).

[1] Речь идет о праздновании 23-й годовщины открытия Лицея. Ответ Яковлева на записку Пушкина неизвестен. Однако из других источников мы знаем, что эта годовщина, как обычно, праздновалась у Яковлева и что Пушкин на ней присутствовал (см.: К. Грот. Празднование лицейских годовщин при Пушкине и после него. *ПиС*, вып. XIII, стр. 54—55; здесь же приведен написанный Яковлевым краткий протокол этой встречи).

[2] См. прим. 4 к письму 65.

75. А. А. Фукс. — Печатается по тексту первой публикации. Впервые (по подлиннику, но без обращения и заключения): «Прибавления к Казанским губернским ведомостям», 1844, № 2, 10 января, стр. 24. Подлинник неизвестен. *Акад.*, XV, № 1007.

[1] Пушкин сознательно допускает здесь неточность: он вернулся в Петербург к 15 октября (см. прим. 3 к письму 72) и путешествие его продолжалось менее двух месяцев — с 16 или 17 августа (см. комментарий к письму 65).

[2] Письмо А. А. Фукс, на которое отвечает Пушкин, до нас не дошло, так же как и ее ответ на настоящее письмо Пушкина. 13 ноября 1834 г. она сообщала Н. М. Языкову, что получила письмо Пушкина, и далее писала: «Пушкин возвратился в Петербург, обещает скоро прислать мне историю Пугачева и, кажется, будет моим защитником у жестоких журналистов» (*ЛН*, т. 58, стр. 116).

[3] Посылка Фукс содержала вновь вышедшую ее книгу «Стихотворения Александры Фукс» (Казань, 1834). Эта книга с дарительной надписью сочинительницы сохранилась в библиотеке поэта (см.: *Библ. П.*, № 411).

[4] Стихотворение А. А. Фукс «На проезд Александра Сергеевича Пушкина чрез Казань» (ук. изд., стр. 175—179). Историю его создания Фукс изложила в воспоминаниях «Александр Сергеевич Пушкин в Казани» (*PC*, 1899, № 5, стр. 262) и в письме к Пушкину от 20 января 1834 г. (*Акад.*, XV, № 872). Впервые стихотворение было напечатано в казанском журнале «Заволжский муравей» (1834, ч. 1, № 1, стр. 15—18). Журнальный оттиск и был, по-видимому, послан Пушкину при письме от 20 января 1834 г., но в библиотеке поэта не сохранился.

[5] «История Пугачевского бунта» вышла из печати лишь в конце декабря 1834 г. и 28 декабря поступила в продажу (см.: *СПч.*, 1834, № 295, 28 декабря, стр. 1273). Однако во второй половине октября Пушкин, видимо, рассчитывал на более скорый выход своего труда (см. письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 24 октября 1834 г.: *OA*, т. III, стр. 262), хотя к этому времени печатание книги еще не было завершено: лишь 12 ноября Пушкин подписал к печати раздел «Карта и снимки».

[6] В письме к Пушкину от 20 января 1834 г. Фукс, препровождая ему свое стихотворное послание, писала: «Я ласкаю себя надеждою иметь удовольствие читать ответ ваш» (*Акад.*, XV, № 872). Та же просьба повторялась, видимо, и в том ее письме, на которое комментируемое письмо служит ответом. Но Пушкин от поэтического ответа уклонился (ср. записанное Фукс рассуждение Пушкина о прозе и поэзии по поводу книги Г. Н. Городчанинова «Сочинения и переводы в прозе и стихах»: *PC*, 1899, № 5, стр. 261).

[7] Сообщая Пушкину, что письмо к нему было послано через барона Люцероде в прошлом (т. е. 1833) году, А. А. Фукс ошибалась. Письмо это от 20 января 1834 г. (*Акад.*, XV, № 872), посланное ею одновременно в два адреса — в Болдино и в Петербург на имя Люцероде, в конечном счете дошло до Пушкина, причем, вероятно, через Болдино, так как оно могло быть получено в Петербурге не ранее конца января—начала февраля, а к этому времени барон Люцероде выехал из России (см. письмо П. А. Вяземского к И. И. Дмитриеву от 1 октября 1833 г.: *PA*, 1868, стлб. 634). В бумагах Пушкина сохранился немецкий перевод стихотворения Фукс «На проезд А. С. Пушкина чрез Казань», выполненный Люцероде (см.: *Шляпкин*, стр. 343—345), но Пушкин получил этот перевод от самой Фукс, как видно из ее письма к Н. М. Языкову от 12 марта 1835 г., где она пишет: «Я вчера получила очень приятное письмо из Саксонии от ‹...› барона Люцероде. Он пишет, что многие из моих стихов переведены на немецкий язык, а которые он перевел сам, прислал ко мне. А я посылаю их к вам и на будущей почте пошлю к Пушкину» (*ИРЛИ*, ф. 348, № 19.4.85).

[8] Обстоятельства встречи с Перцовым, на которые намекает Пушкин, не выяснены. Высказывалось предположение, что Перцов приезжал в Петербург в связи с доносом, поданным на него в III отделение (см.: Н. Калинин. Пушкин в Казани. Казань, 1942, стр. 34, 70). Однако этот донос был получен III отделением лишь в октябре 1834 г., т. е. уже после отъезда Перцова из Петербурга (см.: *КА*, 1926, т. XVI, стр. 120). Поэтому более вероятна другая версия, связывающая поездку Перцова в Петербург с его предстоявшей женитьбой на В. Н. Мандрыке (см.: П. П. Перцов. Что я слышал о Пушкине. «30 дней», 1937, № 2, стр. 80). Письмо А. А. Фукс, которое он должен был доставить Пушкину, неизвестно.

[9] Карл Федорович — К. Ф. Фукс, муж адресатки.

76. Н. В. Гоголю. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1533. Впервые: *БЗ*, т. I, 1858, № 3, стлб. 75. *Акад.*, XV, № 1009.

Датировка письма основана на том, что оно, несомненно, написано после возвращения Пушкина из Болдина, т. е. после 15 октября; в его сопровождении Пушкин возвратил автору беловую рукопись «Невского проспекта» (см.: *Гоголь*, т. III, стр. 645), непосредственно перед представ-

лением ее Гоголем в цензуру. Дата цензурного разрешения «Арабесок», в составе которых печатался «Невский проспект», — 10 ноября 1834 г. В «Реестре рукописей и книг, поступивших для рассмотрения в СПб. цензурный комитет. 1834» рукопись «Разные сочинения Н. Гоголя» (как названы здесь «Арабески») записана как поступившая 10 ноября и тогда же одобренная (*ЦГИА*, ф. 777, оп. 27, № 198). При отсутствии других свидетельств о времени сдачи «Арабесок» в цензуру с достоверностью можно утверждать лишь то, что это произошло не позднее 9 ноября 1834 г., а следовательно, и пушкинское письмо написано не позднее этого дня. Поэтому можно предположительно датировать письмо Пушкина временем между 15 октября и 9 ноября 1834 г.

[1] Единственные данные, свидетельствующие о времени работы Гоголя над «Невским проспектом», — даты настоящего письма и цензурного разрешения. Выражение «перечел» указывает на то, что Пушкин, вероятно, познакомился с «Невским проспектом» еще до своего отъезда из Петербурга, состоявшегося 16 или 17 августа 1834 г. (см. письмо 65).

[2] Имеется в виду сцена расправы немца Шиллера и его друзей над поручиком Пироговым (*Гоголь*, т. III, стр. 44). Письмо Пушкина свидетельствует о том, что Гоголь, еще до передачи повести в цензуру, опасался, что «секуция» не будет пропущена, и во избежание столкновения с цензурой хотел эту сцену выпустить сам. Поскольку цензурная рукопись до нас не дошла, мы не знаем, возникла ли сокращенная (по сравнению с черновым текстом) редакция «секуции» в «Арабесках» как результат прямого цензурного вмешательства (т. е. после чтения рукописи Пушкиным) или явилась следствием гоголевской автоцензуры; поэтому нельзя с точностью ответить на вопрос, какой текст сцены был известен Пушкину в рукописи. Попытки утверждать, что в письме Пушкина имеется в виду «секуция» в редакции «Арабесок» (А. Л. Слонимский. Вопросы гоголевского текста. *Изв. ОЛЯ*, 1953, т. XII, вып. 5, стр. 414) или, наоборот, в редакции чернового автографа (В. Ермилов. Что противопоказано текстологии? *РЛ*, 1959, № 1, стр. 125, 127—128), равно безосновательны до появления новых документальных данных.

[3] Пушкин имеет в виду «эффект» от сопоставления двух сцен «Невского проспекта» — «секуции» и «вечерней мазурки», в которой высеченный Пирогов «так отличился <...>, что привел в восторг не только дам, но даже и кавалеров» (*Гоголь*, т. III, стр. 45). Видеть «эффект вечерней мазурки» в том, что будто бы только из этой сцены становится ясно, что Пирогов был высечен (А. Л. Слонимский. Вопросы гоголевского текста, стр. 414), представляется необоснованным.

77. И. М. Пеньковскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 616. Почтовый штемпель: «С.-Петербург 12 ноября 1834». Впервые: *РА*, 1890, кн. I, № 3, стр. 436. *Акад.*, XV, № 1013.

[1] Это письмо неизвестно. О содержании его упоминается в письме Пеньковского к Пушкину от 19 февраля 1835 г. (*Акад.*, XVI, № 1038).

[2] Долг по своей части имения в сельце Кистеневке в Московский опекунский совет Пушкин не уплатил, и Пеньковский 19 марта 1835 г. внес за него 7200 руб., заимствовав их из сумм болдинской экономии. Тем самым была предотвращена опись Кистенева (см.: *П. и мужики*, стр. 99—100; письма Пеньковского к Пушкину см.: *Акад.*, XVI, №№ 1025, 1028, 1038, 1044).

[3] Эту сумму в счет долга С. Л. Пушкина в Опекунский совет Пеньковский уплатил 2 января 1835 г. (*Лит. арх.*, т. I, стр. 140). Квитанцию Пеньковский переслал Пушкину при описи от 4 июня 1835 г. (*Акад.*, XVI, № 1071; *П. и мужики*, стр. 217; см. также указанные выше его письма к Пушкину).

[4] Доверенность Пушкина И. М. Пеньковскому на управление Болдиным и Кистеневым см. письмо 78.

78. И. М. Пеньковскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 738. Впервые: *РА*, 1890, кн. 1, стр. 436—437; вновь по подлиннику: *Рукою П.*, стр. 770—771. *Акад.*, XV, Дел. бум., № 18.

Осуществляя решение взять управление нижегородскими имениями в свои руки, Пушкин осенью 1834 г. посетил Болдино и поручил И. М. Пеньковскому вести на месте все хозяйственные и административные дела по управлению Болдиным и Кистеневым. Во исполнение этого устного распоряжения Пушкин и выдал Пеньковскому настоящую доверенность, взамен бывшей у него доверенности от С. Л. Пушкина.

Настоящая доверенность в основном текстуально совпадает с доверенностью, выданной Пеньковскому С. Л. Пушкиным (см.: *П. и мужики*, стр. 231). Но Пушкин изменил в ней один пункт, который в доверенности С. Л. Пушкина был изложен в более мягкой форме, ограничивавшей права управляющего. Именно вместо слов «буде окажутся ~ меня о том уведомив», в первой доверенности (С. Л. Пушкина) читалось: «Из крестьян или дворовых людей кто-либо окажется ослушным или уличенным в преступлении, таковых без пристрастия предавать суду и меня известить» (*П. и мужики*, стр. 115—125). Доверенность была отправлена Пушкиным Пеньковскому после 22 ноября, вероятно одновременно с «Положением о довольствии» Пеньковскому (см.: *Рукою П.*, стр. 769—770). В своем письме к Пушкину от 6 января 1835 г. Пеньковский подтвердил получение доверенности, которую он называет «вереющее» (вместо «верющее») письмо (*Акад.*, XVI, № 1025).

79. А. Х. Бенкендорфу. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 617. Пометы: канцелярская — «3232/№ 3813. Декабря 4/1834»; рукою А. Х. Бенкендорфа — «от Пушкина»; рукою А. Н. Мордвинова — «Доложено государю. 2-го декабря 1834. Ответствовано». Слова «я желал бы иметь ~ для его величества» подчеркнуты карандашом. Полностью впервые: *Ефр.*, *1903*, т. VII, стр. 581—582. *Акад.*, XV, № 1014.

Черновики письма (первая и вторая редакции): *ИРЛИ*, № 330. Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 171. *Акад.*, XV, № 1014а, стр. 229—230.

[1] Для выпуска «Истории Пугачевского бунта» вместо обычного билета на выпуск требовалось разрешение Бенкендорфа, так как книга проходила не по общей цензуре, а печаталась «с дозволения правительства». 16 декабря Бенкендорф послал отношение М. М. Сперанскому, которым предлагалось отпустить Пушкину тираж книги (см.: *Дела III отд.*, стр. 141; *ПиС*, вып. XVI, стр. 89—90). Однако и после этого Пушкин не получил тиража, так как Сперанский потребовал «высочайшего соизволения» на его выпуск, о чем Пушкин написал Бенкендорфу 17 декабря (см. письмо 81). Получив второе письмо Пушкина, Бенкендорф представил Николаю I записку, на которой тот написал: «Можно ему выдать, ежели ничего другого нет, как то, что я читал» (*Дела III отд.*, стр. 145). М. М. Сперанский распорядился выпустить книгу, если при сличении ее с «оригиналом, удостоенным высочайшего прочтения», в ней не окажется «никаких существенных перемен» (там же, стр. 144). Однако сличавший чиновник не заметил, что Пушкин проделал дополнительную работу, внося исправления вплоть до корректуры (см. его переписку с М. Л. Яковлевым, — письма 50, 58, 59, 65; см. также: *Акад.*, XV, №№ 981, 983; А. И. Чхеидзе. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Тбилиси, 1963, стр. 130—156). В конце декабря тираж книги был выдан Пушкину. См. письмо Бенкендорфа на имя М. М. Сперанского от 23 декабря 1834 г. (*Дела III отд.*, стр. 146; *ПиС*, вып. XVI, стр. 87), а также предписание начальника II отделения М. Балугьянского Комитету для надзора за печатанием Полного собрания законов от 24 декабря 1834 г. (*ПиС*, вып. XVI, стр. 88).

[2] Имеются в виду эпизоды, факты, а главное оценки событий восстания, которые Пушкин, по цензурным соображениям, не включил в книгу. См. «Замечания о бунте»: *Акад.*, IX, кн. 1, стр. 369—376; кн. 2, стр. 799.

Николай I, которому Бенкендорф доложил просьбу Пушкина, «соизволил отозваться, что изволит назначить время», когда примет Пушкина, тем самым разрешив ему «представить первый экземпляр книги» (см. письмо А. Н. Мордвинова к Пушкину от 4 декабря 1834 г.: *Акад.*, XV, № 1016); однако встреча не состоялась, и 26 января Пушкин переслал «Замечания о бунте» Бенкендорфу для представления Николаю (см. письмо 86).

[3] Речь идет о четвертой части «Стихотворений Александра Пушкина», куда вошли произведения, опубликованные в 1834 г. в «Библиотеке для чтения», и «Разговор книгопродавца с поэтом», напечатанный в 1825 г. вместе с первой главой «Онегина». 4 декабря рукопись была возвращена Пушкину (см. сопроводительное письмо из III отделения от 4 декабря 1834 г.: *Акад.*, XV, № 1015), что, однако, не означало разрешения к печати, так как в это время Уваров желал постепенно отменить установленный в 1826 г. порядок и подчинить Пушкина общей цензуре. Рукопись, пройдя цензурование А. В. Никитенко, была разрешена им к печати 29 апреля 1835 г., но книга появилась в продаже лишь во второй половине сентября (см.: *П. в печ.*, стр. 124—126).

80. А. И. Тургеневу. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 618. Впервые: *Р. библ.*, 1911, № 5, стр. 20. *Акад.*, XV, № 1017.

Датируется предположительно на том основании, что с половины октября по начало декабря 1834 г. Тургенев, будучи в Петербурге, особенно часто общался с Пушкиным (см.: М. Гиллельсон. Пушкин в дневниках Тургенева. *РЛ*, 1964, № 1, стр. 130—134), а 11 декабря выехал в Москву, чтобы оттуда отправиться за границу (см. его дневник: *ИРЛИ*, ф. 309, № 305, л. 25 об.; см. письмо 68, прим. 1). Записка Пушкина написана незадолго до отъезда Тургенева из Петербурга.

[1] Поиски переписчика Тургеневым были связаны с подготовкой к печати материалов по русской истории, найденных им в иностранных архивах (подробно: *ОА*, т. III, Примечания, стр. 629—631). 23 октября 1834 г. он сообщал из Петербурга Вяземскому, что проект издания одобрен правительством и велено выдать 5000 руб. на переписку рукописей (*ОА*, т. III, стр. 259).

[2] Тургенев собирался немедленно выехать в Москву и затем за границу для продолжения работы в архивах, но болезнь задержала его в Петербурге. Поездка его состоялась лишь в феврале 1835 г. (15 февраля он был в Вене — см. письмо 68, прим. 1); июнь—июль этого года он провел во Франции.

[3] Интерес Пушкина к книге Ж. де Местра (de Maistre) «О папе» поддерживался в это время, по-видимому, беседами с А. И. Тургеневым о «Философических письмах» Чаадаева, в которых Тургенев видел влияние «Мейстера и Ламенне» (см. запись о разговоре с Пушкиным 16 октября 1834 г.: *РЛ*, 1964, № 1, стр. 130). Экземпляр книги Ж. де Местра, изданной анонимно (Du Pape. Par l'Auteur des Considérations sur la France. Seconde édition, augmentée et corrigée par l'auteur. Lyon, 1821), с подчеркиваниями, пометами и несколькими написанными на полях (не Пушкиным) словами, сохранился в библиотеке Пушкина (*Библ. П.*, № 896). Происхождение этого экземпляра неизвестно — возможно, что его прислал или привез из Парижа А. И. Тургенев.

81. А. Х. Бенкендорфу. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 619. Помета рукою А. Н. Мордвинова: «Послана записка госуд.‹арю›». Впервые: *Ефр., 1903*, т. VII, стр. 584. *Акад.*, XV, № 1019.

Письмо является вторичной просьбой Пушкина о разрешении выдать ему из типографии II отделения тираж отпечатанной «Истории Пугачевского бунта». См. письмо 79 и прим. 1 к нему.

82. Неизвестной (графине). — Черновой подлинник: *ИРЛИ*, № 201. Впервые: *Шляпкин*, стр. 36. Полностью, но с ошибочной датой «1832—1833»: *Письма*, т. III, стр. 117. *Акад.*, XVI, № 1023.

Дата определяется записью Пушкина на том же листке — черновым автографом стихотворения «Что же сухо в чаше дно...», датированного в беловом автографе (*ИРЛИ*, № 202) «6 янв. 1835».

Адресат письма определению не поддается.

83. А. А. Бобринскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1534. Впервые: «Атеней. Историко-литературный временник», кн. III, Л., 1926, стр. 76. *Акад.*, XVI, № 1024.

[1] Антикварий — мистер Олдбок, герой романа В. Скотта «Антикварий» (1816). Пушкин приводит его излюбленное выражение (англ. «womankind», во франц. переводе и у Пушкина «femelles»), которое впервые встречается в третьей главе первой книги романа. См. сохранившееся в библиотеке Пушкина издание: The prose Works of Sir Walter Scott, vol. I. Published by A. and W. Galignani. Paris, 1827, p. 311 (*Библ. П.*, № 1369). Ср.: В. Скотт, Собрание сочинений, т. 3, Гослитиздат, М.—Л., 1961, стр. 38 (здесь: бабы).

[2] «Sa sœur» — «ее сестра» вместо «ses sœurs» — «ее сестры» (А. Н. и Е. Н. Гончаровы).

84. П. В. Нащокину. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1535. Почтовые штемпеля: «С. Петербург, 8 генв. 1835» и «Получено 1835 генваря 11». Впервые: «Москвитянин», 1851, ч. VI, № 23, стр. 468 (отрывок). Полностью, но без обращения и адреса: «Девятнадцатый век», кн. I, М., 1872, стр. 399—400. *Акад.*, XVI, № 1026.

Датируется по петербургскому почтовому штемпелю.

Ответ на письмо Нащокина, датируемое около (не позднее) 12 декабря 1834 г. (*Акад.*, XV, № 1018).

[1] С. А. Соболевский был посредником между Пушкиным и К. А. Полевым и должен был получить деньги, вырученные Полевым от продажи «Истории Пугачевского бунта» (см. письмо 69, прим. 2; см. также: *Акад.*, XVI, № 1030). 21 января 1835 г. Нащокин писал Пушкину, что обещанных денег он в Москве не получил и получить не может (см.: *Акад.*, XVI, № 1030). Но уже 20 января Пушкин, видимо узнав от Соболевского, что тот иначе распорядился суммой, назначенной в уплату Нащокину, сам послал последнему 1500 руб. (см. письмо 85).

[2] Е. П. Нащокина родилась 19 ноября 1834 г. (см.: А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. II. СПб., 1895, стр. 465).

[3] В 1834 г. Тула горела дважды — в апреле и 29 июня (в петров день). См.: А. Я. Булгаков. Современные происшествия и воспоминания мои. *ЦГАЛИ*, ф. 79, оп. 1, № 8, л. 119—122; № 9, л. 62 (неизд.).

[4] Под «новой жизнью» Пушкин имеет в виду жизнь Нащокина после женитьбы, под «виновностью дружбы» — то, что он не смог вовремя вернуть Нащокину долг, несмотря на отчаянные его просьбы (см.: *Акад.*, XV, №№ 901, 920, 924, 929, 962, 1018).

[5] Ближайшая (и последняя) встреча Пушкина и Нащокина произошла в Москве, когда Пушкин со 2 по 20 мая 1836 г. жил у Нащокина.

[6] До женитьбы Нащокина его московский дом, где он жил со своей сожительницей цыганкой Ольгой Андреевной, был, по словам Пушкина, «такая бестолочь и ералаш, что голова кругом идет» (*Акад.*, XIV, № 716; ср.: *Акад.*, XV, №№ 770, 796).

[7] Имеется в виду заимодавец Нащокина и Пушкина А. Ф. Рохманов.

[8] Под «свинствами» московской почты Пушкин имеет в виду перлюстрацию его письма к жене от 20 и 22 апреля 1834 г., доставленного полицией Николаю I (см. комментарий к письму 22).

85. П. В. Нащокину. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1536. Впервые: с пропусками — «Москвитянин», 1851, ч. VI, № 23, стр. 467—468; полностью — «Девятнадцатый век», кн. I, М., 1872, стр. 400. *Акад.*, XVI, № 1029.

[1] О денежных расчетах между Пушкиным и Нащокиным см. письмо 14, прим. 2, 5, и письмо 84, прим. 1.

[2] Неустановленное лицо. «Подмазка» — положение, когда игрок, не имея возможности играть самостоятельно, присоединяется к ставке играющего с правом получить свою долю в выигрыше.

[3] Н. Н. Пушкина выполняла просьбу Нащокина, писавшего Пушкину около (не позднее) 12 декабря 1834 г.: «Попроси Наталью Николаевну из должных тобою денег — купить жене моей для выезду шляпку — и модный материи на платья четыре» (*Акад.*, XV, № 1018).

[4] Речь идет об «Истории Пугачевского бунта», которая вышла в свет около 28 декабря 1834 г. (см.: *П. в печ.*, стр. 117). С ее изданием Пушкин связывал надежду на выход из материальных затруднений. Однако надежды эти не оправдались. В первые дни «История» раскупалась быстро (см. прим. 2 к письму 69), но деньги, вырученные за нее, ушли на уплату долгов. Однако уже в феврале Пушкин констатировал, что «Пугачева <...> не покупают» (*Акад.*, XII, стр. 337). После смерти поэта бо́льшая часть тиража книги оказалась нераспроданной (см.: П. Щеголев. Бюджет А. С. Пушкина в последний год жизни. «Прожектор», 1929, № 11, стр. 22—23; *Рукою П.*, стр. 377—380; Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, стр. 359—370).

86. А. Х. Бенкендорфу. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 621. Помета рукою А. Х. Бенкендорфа: «Государь принял и велел его благодарить; [приказал нап<исать>] позволяет Пушкину читать все дело, и просит сделать выписку для государя, дать знать где следует, должно быть М.<инистру> Юстиции»; канцелярские пометы: «№ 288. 29 генв. 1835» и «пис.<ано> Министру Юстиции 2 фев. № 432». Впервые: в отрывке — *РС*, 1874, август, стр. 712; полностью — *Ефр., 1903*, т. VII, стр. 586. *Акад.*, XVI, № 1033.

[1] См. прим. 2 к письму 79. Беловая рукопись «Замечаний о бунте», представленная через Бенкендорфа Николаю I, не сохранилась. Из канцелярии III отделения, куда она поступила после прочтения ее царем, рукопись была взята секретарем Бенкендорфа П. И. Миллером, который давал ее списывать Н. В. Путяте и П. И. Бартеневу, а также, вероятно, И. П. Шульгину, опубликовавшему ее текст в «Заре» в 1870 г. См.: *Акад.*, IX, стр. 799, 803.

[2] Николай I разрешил Пушкину прочесть и сделать выписки из секретного Пугачевского дела (см.: Н. В. Измайлов. Об архивных материалах Пушкина для «Истории Пугачева». *П. Иссл. и мат.*, т. III, 1960, стр. 442; Р. В. Овчинников. Архивные разыскания А. С. Пушкина по истории восстания Е. И. Пугачева. Автореф. канд. дисс. М., 1965). 21 января 1835 г. министр юстиции Д. В. Дашков сообщил Бенкендорфу, что «дело о Пугачевском бунте» передано в Государственный архив для занятий Пушкина (переписку между Бенкендорфом и Дашковым по этому поводу см.: *Дела III отд.*, стр. 149—151). Эти документы, хранящиеся в «осьми запечатанных связках», содержали материалы только судного дела. Следственное же дело, в том числе и важнейший документ — допрос, снятый с Пугачева в Москве, — Пушкин до конца августа 1835 г. не получил (см. письмо 120), а позднее был занят подготовкой истории Петра I и изданием «Современника». По поводу недоступности для него «дела о Пугачеве» Пушкин выразил сожаление в предисловии к «Истории Пугачева» (*Акад.*, IX, стр. 1).

87. Д. Н. Бантышу-Каменскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 621. Впервые: *РС*, 1871, апрель, стр. 527—528. *Акад.*, XVI, № 1034.

Ответ на письмо Д. Н. Бантыша-Каменского от 9 января 1835 г. с просьбой вернуть биографии участников пугачевского восстания и его подавления, присланные им Пушкину (*Акад.*, XVI, № 1027; см. также письмо 27 и *Акад.*, XV, № 933).

[1] Сведениями о том, как оценил Бантыш-Каменский «Историю Пугачева», мы не располагаем. В письме к Пушкину от 18 апреля 1835 г. он только подтвердил комплиментарной фразой получение подаренной ему Пушкиным книги (*Акад.*, XVI, № 1048), а в биографии Пушкина, включенной во второе издание «Словаря достопамятных людей», ограничился краткой исторической справкой об этом труде, не давая ему никакой оценки (см.: Словарь достопамятных людей русской земли, составленный Бантыш-Каменским, ч. II. СПб., 1847, Прибавление, стр. 90).

[2] Противопоставляя «настоящего историка» «поверхностному рассказчику или переписчику», Пушкин, по-видимому, намекал на рецензию В. Б. Броневского на «Историю Пугачева», только что появившуюся в «Сыне отечества» (1835, № 3, стр. 177—186) за подписью «П. К.». Это противопоставление вполне соответствует той характеристике исторического метода Броневского, которая дана была Пушкиным позднее, в статье «Об „Истории Пугачевского бунта“. (Разбор статьи, напечатанной в «Сыне отечества», в январе 1835 года)» (*Совр.*, 1836, т. III, стр. 109—134; ср. письмо 97, прим. 3, 5).

[3] Позднее, в том же возражении Броневскому, Пушкин признал справедливыми указания своего оппонента «на *одну* ошибку и на *три* важные опечатки» (*Акад.*, IX, стр. 379).

88. **Неизвестной** (графине). — Черновой подлинник: *ИРЛИ*, № 232. Ниже черновика, но раньше него, было начато беловое письмо, вероятно то же самое. Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 121. *Акад.*, XVI, № 1036.

Датируется предположительно, по записанному на том же листе денежному расчету, сделанному в конце 1834—начале 1835 г. в связи с выходом в свет «Истории Пугачевского бунта». См.: *Рукою П.*, стр. 377—380.

Адресат не установлен, так же как и книга, о которой говорится в письме; вероятно, это одно из заграничных, запрещенных в России изданий, получавшихся Пушкиным через знакомых — преимущественно дипломатов.

89. **И. И. Дмитриеву.** — Печатается по тексту первой публикации: *РА*, 1866, стлб. 1722—1724. Подлинник неизвестен. *Акад.*, XVI, № 1037.

[1] Упомянутое здесь, а также в ответе Дмитриева (*Акад.*, XVI, № 1039) его письмо к «молодому Карамзину» неизвестно. Дмитриев мог состоять в переписке с обоими старшими сыновьями Карамзина — Андреем и Александром. Поскольку, однако, мы располагаем свидетельствами о его переписке лишь с Андреем (см. письмо последнего к И. И. Дмитриеву от весны 1836 г. в кн.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. Изд. имп. Акад. наук, СПб., 1866, стр. 440), то и в данном случае адресатом Дмитриева был скорее всего Андрей Ник. Карамзин.

[2] Речь идет об «Истории Пугачевского бунта». О портрете Е. И. Пугачева см. прим. 3 к письму 27. В Петербурге он был получен около 18 июля 1835 г. На задержку с портретом Пушкин ссылался также при посылке «Истории» А. А. Фукс и И. И. Лажечникову (см. письма 118 и 133). При комментируемом письме книга не была послана Дмитриеву (*Акад.*, XVI, № 1039). Так и не дождавшись портрета Пугачева, Пушкин послал «Историю» Дмитриеву в конце марта—начале апреля 1835 г.; ее получение Дмитриев подтвердил письмом от 10 апреля (*Акад.*, XVI, № 1045). Книга с дарительной надписью «Его высокопревосходительству милостивому государю Ивану Ивановичу Дмитриеву от Автора в знак глубочайшего почтения, преданности и благодарности» (*Рукою П.*, стр. 722) сохранилась (см.: *Рук. ПД, 1964*, № 1685).

[3] По просьбе Пушкина (см.: *Акад.*, XV, № 816) Дмитриев предоставил в его распоряжение свои рукописные воспоминания о казни Пугачева. Они были использованы в VIII главе «Истории Пугачева» и полностью приведены в примечаниях к ней со ссылкой на рукописный источник (см.:

Акад.. IX, стр. 79—80, 147—148). Помимо записок Дмитриева, Пушкин воспользовался в своем труде его устными рассказами о пугачевщине (см.: *Акад.*, IX, стр. 497—498). Анализ этих записей и степени использования их в «Истории Пугачева» см. в кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 108—116.

[4] Литературные взгляды Дмитриева сложились в 1790-х годах под влиянием Н. М. Карамзина, который навсегда остался для него высшим авторитетом. Отход литературы 1830-х годов от норм карамзинской школы воспринимался им как «анархия, рабское обезьянство новизнам иностранным, холопский язык, мечтание о мечтательности или бессильное стремление производить в читателях судороги, отрицание принятых правил и вкуса и наглое презрение к предшествовавшим авторам» (письмо И. И. Дмитриева к П. А. Вяземскому от 6 ноября 1830 г.: *Стар. и нов.*, 1898, кн. II, СПб., стр. 162; ср. другие аналогичные суждения Дмитриева о литературе 1830-х годов: там же, стр. 163, 170, 178, 179, 185, 200; *РС*, 1898, № 5, стр. 312; 1902, № 10, стр. 86).

[5] Под «историками» своего времени Пушкин понимает здесь в первую очередь Н. А. Полевого (ср. ироническое замечание о нем в следующем письме Пушкина к Дмитриеву — письме 97). В 1829 г. Полевой напечатал статью о Карамзине-историке («Московский телеграф», 1829, № 12, стр. 467—500), предварявшую выход его «Истории русского народа» (тт. I—VI, 1829—1833), направленной против исторической концепции Карамзина. Выступление Полевого вызвало полемику, связанную с оценкой исторических трудов Карамзина. В ней принял участие и Пушкин, подчеркнувший свое уважение к «бессмертному труду» историка (*Акад.*, XI, стр. 120). Дмитриев болезненно реагировал на каждое выступление «Московского телеграфа», неуважительное к памяти Карамзина (см.: *Стар. и нов.*, 1898, кн. II, стр. 159, 170, 174 и др.). В словах Пушкина о недостатке у современных ему историков «учености и трудолюбия» можно видеть, кроме того, отзвук статьи В. Б. Броневского об «Истории Пугачевского бунта», появившейся в «Сыне отечества» в январе 1835 г. (см. прим. 2 к письму 87).

[6] Почти в тех же выражениях Пушкин писал о Карамзине еще в 1830 г., в черновой записке к А. Х. Бенкендорфу по поводу замышлявшегося им издания политической газеты (*Акад.*, XIV, Дел. бум., № 7). Взгляды Карамзина на просветительную роль издательской деятельности и книжной торговли изложены в его статье «О книжной торговле и любви ко чтению в России» (1802). Здесь он высоко оценивает издательскую деятельность Н. И. Новикова, а в росте книжных оборотов в России усматривает доказательство значительных «успехов разума» (Сочинения Карамзина. Изд. 4-е. Т. VII. В Типогр. А. Смирдина, СПб., 1834, стр. 215). Продолжая традиции Новикова, Карамзин сделал литературу своей профессией и «узаконил право писателя получать деньги за свой творческий труд» (Г. А. Гуковский. Русская литература XVIII века. Учпедгиз, М., 1939, стр. 496). Уже в молодые годы, не служа и не имея чинов, он многократно характеризовал свою работу как работу «для подспорья копиельку своему» (см.: Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 99; ср.: М. Погодин. Н. М. Карамзин. Материалы для биографии, т. I. М., 1866, стр. 269, 278, 280—281 и др.). Приохотив своими альманахами и журналами широкие круги общества к чтению, Карамзин способствовал тем самым росту тиражей русских изданий, что позволило ему смотреть на издательскую деятельность как на источник дохода (см.: М. Погодин. Н. М. Карамзин. . ., т. I, стр. 337—338, 383, 389). Позднее, печатая «Историю государства Российского», он подчеркивал свою экономическую зависимость от ее успеха (там же, т. II, стр. 435—436; *Стар. и нов.*, 1887, кн. I, СПб., стр. 128, 135, 149, 153).

Взгляды Карамзина на значение книжной торговли были известны Пушкину (см., например: *Акад.*, XI, стр. 104). Деятельность самого Пуш-

кина способствовала дальнейшему расширению круга русской читающей публики. Вынужденный уже с начала 1820-х годов рассматривать издание своих произведений как источник существования, Пушкин декларировал право писателя на литературный заработок в «Разговоре книгопродавца с поэтом» (1824; ср. набросок 1835 г. «На это скажут мне с улыбкою неверной»: *Акад.*, II, стр. 324; III, стр. 410) и исторически обосновал его в упомянутом письме к Бенкендорфу от 19 июля—10 августа 1830 г. Это право Пушкину приходилось отстаивать и в дальнейшем в борьбе как против аристократического пренебрежения к «торговле литературной» (одним из фактов этой борьбы является комментируемое письмо с апелляцией к непререкаемому для Дмитриева авторитету Карамзина), так и против Булгарина и других представителей рептильной журналистики, видевших в Пушкине-журналисте опасного конкурента и обвинявших его в «корыстолюбии». См.: *Акад.*, XI, стр. 154; ср.: С. Гессен. Книгоиздатель Александр Пушкин. Изд. «Academia», Л., 1930; Т. Гриц, В. Тренин, М. Никитин. Словесность и коммерция. Изд. «Федерация», М., 1929; в последней книге (стр. 265—271 и др.) охарактеризованы взгляды Пушкина на «торговое» направление в литературе. Дмитриев сопоставлял «денежные выгоды» Пушкина и писателей XVIII в. и в своих мемуарах (И. И. Дмитриев, Сочинения, т. II, СПб., 1895, стр. 20).

Актуальность вопроса, затронутого Пушкиным, подтвердила первая книжка «Московского наблюдателя», появившаяся около 16 марта 1835 г. Она открывалась статьей С. П. Шевырева «Словесность и торговля», где «торговые обороты в литературе» осуждались с противоположных Пушкину, романтических позиций. В последовавшей полемике тезисы, близкие к пушкинским, отстаивал Гоголь в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» (*Совр.*, 1836, т. I).

[7] Российская академия, членами которой состояли И. И. Дмитриев с 18 июля 1797 г. и Пушкин с 7 января 1833 г. (см.: М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. VII. СПб., 1885, стр. 57, 82).

[8] Секретарь — П. И. Соколов, непременный секретарь Российской академии с 19 апреля 1802 г. (см.: М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. VII, стр. 616), умерший в ночь с 9 на 10 января 1835 г. (*СПч.*, 1835, № 11, 14 января, стр. 41). За три месяца до смерти Соколова вышел в свет его двухтомный «Общий церковно-славяно-российский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и российском наречиях употребляемых <...>, составленное П<етром> С<околовым>» (СПб., 1834; извещение о выходе: *СПч.*, 1834, № 226, 6 октября, стр. 901). Книга сохранилась в библиотеке Пушкина (*Библ. П.*, № 363). О «Словаре» Соколова см. статью И. М. Мальцевой в кн.: Из истории слов и словарей. Изд. ЛГУ, Л., 1963, стр. 102—118.

[9] Преемником П. И. Соколова стал Д. И. Языков (см. письмо 97 и прим. 7 к нему).

[10] Под «современником» Дмитриева Пушкин разумеет стихотворца-графомана графа Д. И. Хвостова, который с 5 июля 1791 г. состоял членом Российской академии (см.: М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. VII, стр. 166—167). В 1834 г. вышел последний том «Полного собрания стихотворений гр. Хвостова» (тт. I—VII. Изд. 3-е. СПб., 1828—1834). О широкой рассылке автором этого издания см., например: *Барсуков*, кн. III, стр. 92; *РС*, 1911, кн. 8, стр. 338. Пушкин и прежде не раз писал об известном обыкновении Хвостова самому скупать свои стихи (см.: *Акад.*, I, стр. 323; XIII, №№ 80, 210). Дмитриев вполне разделял общее ироническое отношение к Хвостову — противнику карамзинского направления (см., например, письма его к П. А. Вяземскому: *Стар. и нов.*, 1898, кн. II, СПб., стр. 133, 142, 162, 224). В письме к Пушкину от 4 марта 1835 г. Дмитриев отвечал: «Благодарю <...> за добрую весть о моем сверстнике: приятно мне слышать о двойной благостыне его» (*Акад.*, XVI, № 1039).

90. В. А. Перовскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 625. Впервые: Сборник Пушкинского дома на 1923 г., Пгр., 1922, стр. 18. *Акад.*, XVI, № 1053.

Датируется по следующим соображениям. При письме посылается «История Пугачевского бунта», вышедшая в свет около 28 декабря 1834 г.; следовательно, оно написано не ранее начала 1835 г. По адресу видно, что письмо отправлено не по почте, а с нарочным; по содержанию это прощальная записка, посланная Пушкиным Перовскому перед отъездом последнего из Петербурга, и одновременно сопроводительная к четырем экземплярам «Истории». В конце 1834—начале 1835 г. В. А. Перовский провел в Петербурге около двух месяцев: приехав 20 декабря (см.: *СПб. вед.*, 1834, № 299, 23 декабря, стр. 1561), он выехал обратно в Оренбург 27 февраля 1835 г. (*СПб. вед.*, 1835, № 50, 2 марта, стр. 200). Датой отъезда Перовского и определяется крайняя дата письма.

[1] Экземпляр «Истории Пугачевского бунта», посланный Пушкиным Перовскому, не сохранился (см. о его судьбе: *Рукою П.*, стр. 710), но до нас дошла часть лицевой обложки первого тома с дарительной надписью на ее внутренней стороне: «Его превосходительству Василью Алексеевичу Перовскому от Автора» (*ИРЛИ*, № 1684).

[2] Станица Бёрды (или Бёрда) расположена в 7 верстах от Оренбурга. Здесь зимой 1773/74 г. находилась военная ставка Пугачева. Пушкин посетил Бёрды 19 сентября 1833 г., во время своей поездки по пугачевским местам, предпринятой в поисках материалов для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». См. письмо поэта к Н. Н. Пушкиной от 2 октября 1833 г. (*Акад.*, XV, № 849) и записи, сделанные им со слов «старухи в Берде» (*Акад.*, IX, стр. 496—497). См. также: В. И. Даль. Воспоминания о Пушкине. В кн.: Л. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 417—419; Е. З. Воронина. Письма к Е. Л. Энгельке от 25 сентября, от 20 и от 26 ноября 1833 г. *РА*, 1902, кн. 8, стр. 643—649, 658—660; Д. Н. Соколов. Пушкин в Оренбурге. *ПиС*, вып. XXIII—XXIV, стр. 74—81; Н. Прянишников. Пушкин в Оренбурге. В кн.: Пушкин в Оренбурге. Оренбург, 1937, стр. 27—31. Об использовании бердских впечатлений и материалов в «Истории Пугачева» и «Капитанской дочке» см.: Н. В. Измайлов. Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки». В кн.: Пушкин. Исследования и материалы. Труды третьей Всесоюзной Пушкинской конференции. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 271, 277—281, 287—298 и др. Упоминание Пушкина о «прогулке нашей в Берды» может быть понято в том смысле, что в ней участвовал Перовский. Но этому противоречат воспоминания В. И. Даля, который пишет: «Мы поехали в Берды, бывшую столицу Пугача <. . .>. Я взял с собою ружье, и с нами было еще человека два охотников» (Л. Майков. Пушкин, стр. 417), не упоминая об участии в поездке (ни в замышлявшейся охоте) Перовского. С этим согласуется рассказ казачки И. А. Бунтовой о приезде Пушкина в станицу, записанный в том же 1833 г. Е. З. Ворониной (*РА*, 1902, кн. 8, стр. 660).

[3] Охотник, фамилию которого Пушкин, видимо, запамятовал, — К. Д. Артюхов. Даль сохранил в своих воспоминаниях охотничий рассказ Артюхова, о котором вспоминает Пушкин: «„Пиль, Фингал! Как свечка загорелся, столбом взвился. . .“ — „Кто, кто?“ — перебил Пушкин с величайшим вниманием и участием. „Кто-с? разумеется кто: слука, вальдшнеп. Тут царап его по сарафану. . . А он (продолжал Артюхов, раскинув руки врозь, как на кресте), — а он только раскинет крылья, головку набок — замрет в воздухе, умирая как Брут!“. Пушкин расхохотался и, прислав ему через год на память „Истор. Пугач. бунта“, написал: „Тому офицеру, который сравнивает вальдшнепа с Валенштейном“» (*РС*, 1907, октябрь, стр. 66). Об этом случае Даль упоминает также в рассказах «Болгарка» и «Охота на волков» (В. И. Даль, Полное собрание сочинений, т. IV, СПб., 1897, стр. 331; т. VII, СПб., 1898, стр. 105—106); ср. также: Рассказы В. И. Даля о Пушкине. В кн.: *Рассказы о П.*, стр. 22. Экземпляр

«Истории Пугачевского бунта», посланный Пушкиным Артюхову, не сохранился.

91. Д. Н. Бантышу-Каменскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 623. Впервые: *РС*, 1871, апрель, стр. 528. *Акад.*, XVI, № 1042.

[1] См. письмо 87 и комментарий к нему.

[2] По-видимому, С. А. Соболевского. Ср. письмо 53, прим. 2, и письмо 70, прим. 2.

[3] Получение экземпляра «Истории Пугачевского бунта», а также своих материалов Бантыш-Каменский подтвердил письмом к Пушкину от 18 апреля 1835 г. (*Акад.*, XVI, № 1048).

92. В. Ф. Одоевскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1537. Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 257. *Акад.*, XVI, № 1063, с датой «апрель—май 1835 г.».

Датируется по связи содержания с черновым письмом Пушкина к гр. А. Х. Бенкендорфу (см. письмо 93) и с запиской В. Ф. Одоевского к Пушкину (*Акад.*, XVI, № 1064), предположительно датируемыми началом апреля 1835 г. В этих документах, равно как и в комментируемой записке Пушкина, содержится упоминание о «Летописце», нигде более в переписке Пушкина не встречающееся. Этим названием Пушкин заменяет первоначальное обозначение издания — «Review» («Обозрение»), в рукописи зачеркнутое. «Review» мыслилось Пушкиным как приложение к ежедневной политической газете, об издании которой он ходатайствовал перед Бенкендорфом весной 1835 г. Видимо, записка была написана незадолго до того, как в издании газеты и «Review» было отказано, —скорее всего в начале (до 11) апреля 1835 г., так как уже 2 мая Пушкин пишет о своем намерении оставить Петербург и надолго поселиться в Михайловском (см. письмо 100), а 1 июня Пушкин обратился к Бенкендорфу с просьбой об отставке (см. письмо 106). Записка Одоевского к Пушкину, содержащая проект программы «Летописца», написана, судя по ее содержанию, в 1835 г. и, разумеется, до того времени, как Пушкин стал хлопотать об отставке и об отъезде в деревню. В писарской копии этой записки (*ИРЛИ*, ф. 244, оп. 2, № 130; подлинник — *ГПБ*, ф. 539, оп. 2, № 145) имеется примечание, принадлежащее, по-видимому, Одоевскому: «Здесь речь идет о первой мысли относительно Современника в 1835 году». В первой части «Летописца» Одоевский предлагал дать «обозрение политики, наук и литературы» в Европе и в России с 1830 по 1834 г. включительно.

[1] О ком идет речь, не установлено.

93. А. Х. Бенкендорфу. — Черновой подлинник: *ИРЛИ*, № 640. Впервые: *Шляпкин*, стр. 113—114. *Акад.*, XVI, №№ 1065, 1065а (с датировкой: апрель—май 1835 г.).

По-видимому, письмо не было ни перебелено, ни отправлено. Вместо этого Пушкин 11 апреля просил у Бенкендорфа свидания (см. письмо 94), которое и состоялось 16 апреля (см.: *Акад.*, XVI, № 1047). Основанием для такого предположения служит то обстоятельство, что ни в бумагах Пушкина, ни в делах III отделения не сохранилось документов, связанных с разрешением или отказом в разрешении на издание газеты, о которой пишет Пушкин в данном письме. Между тем в следующем письме (письмо 106) Пушкин вспоминает и о своей просьбе издавать газету, и об отказе Николая. Это позволяет предположить, что разговор о газете шел устно, при личном свидании с Бенкендорфом. Вторая тема письма — жалоба на Уварова и Дондукова-Корсакова — также требовала обстоятельного личного объяснения. Ограничиться общими словами в письме было недостаточно, так как речь шла о недоверии министра народного просвещения Уварова к цензуре царя (см. письма 94 и 121).

[1] В июле 1831 г. Пушкин обратился к Бенкендорфу с просьбой разрешить ему издавать политическую и литературную газету (см.: *Акад.*, XIV, Дел. бум., № 9; там же, № 7 — первоначальный проект записки,

относящийся к концу июля—началу августа 1830 г.). Хлопоты о газете, названной «Дневник», затянулись на год. Когда же в середине 1832 г. разрешение было получено, Пушкин отказался от издания, очевидно потому, что в правительственных кругах разрешение газеты ставили в зависимость от ее тона и характера. Пушкин понимал, что издавать независимую политическую газету в России невозможно, а становиться официозным журналистом не хотел. Общую сводку материалов о «Дневнике» см. в статье Н. К. Пиксанова «Несостоявшаяся газета Пушкина „Дневник" (1831—1832)» (*ПиС*, вып. V, стр. 30—74), а также в комментариях Л. Б. Модзалевского (*Письма*, т. III, стр. 489—500) и в кн.: *Рукою П.*, стр. 761—764.

[2] Пушкин в это время собирал материалы для истории Петра I.

[3] В «Северной пчеле», кроме политических новостей и внутренних известий, помещались литературные и театральные известия и обзоры. Газета носила официозный характер и пользовалась монопольным правом печатать политические новости. Мысль уничтожить эту монополию возникла у Пушкина давно (см. указанный выше проект записки 1830 г., а также письмо к М. П. Погодину от первой половины сентября 1832 г.: *Акад.*, XV, № 768). Замысел газеты 1835 г. отличается от проекта «Дневника» тем, что чисто литературная часть (художественные произведения и большие критические статьи) должна была быть выделена в трехмесячные сборники, составляющие приложение к газете.

[4] Получив отказ на просьбу издавать газету, Пушкин не оставил мысли об издании квартальников по образцу английских «Reviews». Мысль эта позднее воплотилась в издании «Современника». Обращаясь к Бенкендорфу 31 декабря 1835 г. с просьбой об издании «Современника», Пушкин определил характер будущего журнала почти в тех же словах, какими он в комментируемом письме описывал приложение к задуманной газете (см. письмо 137). Говоря об английских «Reviews», Пушкин имел в виду «The Edimburgh Review» и «The Quarterly Review» — журналы чисто критические, которые печатали рецензии на книги и другие издания. Таким образом, журнальные замыслы Пушкина были связаны прежде всего со стремлением к созданию национальной литературной критики, способной организовать общественное мнение (подробнее см.: Б. В. Казанский. Западные образцы «Современника». *П. Врем.*, т. 6, стр. 375—381). Об этом же свидетельствуют и более ранние журнальные замыслы Пушкина, например еще в письме к П. А. Катенину от первой половины февраля 1826 г.: *Акад.*, XIII, № 245.

[5] См. обоснование датировки, а также прим. 2 к письму 94 и письмо 121.

94. А. Х. Бенкендорфу. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 624. Помета рукою А. Н. Мордвинова: «Завтра в 10 часов утра». Впервые: *Ефр., 1903,* т. VII, стр. 589—590. *Акад.*, XVI, № 1046.

[1] Речь идет о «Путешествии в Арзрум», предисловие к которому (2-я редакция) помечено 3 апреля 1835 г. (*Акад.*, VIII, стр. 1027, 1065). Мы не знаем другого сочинения Пушкина, в предисловии к которому он объяснял бы причины, вызвавшие его публикацию. В предисловии к «Путешествию» Пушкин указывал, что публикация его путевых записок — ответ на книгу Виктора Фонтанье (V. Fontanier. Voyages en Orient, entrepris par les ordres du Gouvernement Français de 1830 à 1833. Deuxième voyage en Anatolie. Paris, 1934; см.: *Библ. П.*, № 920). Фонтанье обращал внимание на то, что «выдающийся поэт нашел на войне сюжет не поэмы, а сатиры». Это было равносильно обвинению Пушкина в политической неблагонадежности и требовало ответа. Кроме того, Пушкин был задет ироническим упоминанием Фонтанье о «бардах, находящихся в свите Паскевича». Подробнее см.: Я. Л. Левкович. К цензурной истории «Путешествия в Арзрум». *Врем. ПК, 1964*, стр. 34—37.

[2] Можно предположить, что, передавая «Путешествие в Арзрум» на просмотр Николаю I, Пушкин хотел пожаловаться на цензурные при-

теснения со стороны Уварова и Дондукова-Корсакова (см. письмо 121). С решением вопроса о цензуре Пушкин связывал и возможность издания газеты («Летописец»), задуманной им в начале 1835 г. совместно с В. Ф. Одоевским (см. письмо 92 и письмо Одоевского от апреля—мая 1835 г.: *Акад.*, XVI, № 1064). Эта связь ясно подчеркнута в неотправленном письме 93, основная тема которого — издание газеты и порядок прохождения рукописей Пушкина через цензуру — и должна была обсуждаться на свидании с Бенкендорфом. Ответом на настоящее письмо является письмо к Пушкину А. Н. Мордвинова от 15 апреля 1835 г. с приглашением к Бенкендорфу «завтра 16-го апреля, в 10 часов утра» (*Акад.*, XVI, № 1047).

95. П. А. Катенину. — Копия С. Д. Полторацкого с письма Катенина к П. В. Анненкову от 24 апреля 1853 г., с цитацией этого отрывка: *ГБЛ*, архив Полторацкого. Подлинник неизвестен. Впервые: «Лит. критик», 1940, № 7—8, стр. 231. *Акад.*, XVI, стр. 431, № 1375/1048а.

Датируется на основании сообщения Катенина в указанном выше письме к Анненкову.

[1] Письмо Катенина, на которое отвечает Пушкин, неизвестно. Оно не может быть письмом от 4 января 1835 г. (*Акад.*, XVI, № 1022), к которому приложен «Сонет», начинающийся стихом «Кто принял в грудь свою язвительные стрелы. . .». Общность этого последнего письма и сонета доказывается одинаковостью бумаги и совпадением сгибов на том и другом.

[2] Сонет Катенина, о котором пишет Пушкин, — очевидно, «Кавказские горы», посланный автором Пушкину при неизвестном письме, но раньше письма от 4 января 1835 г., на что указывает фраза в последнем: «Лето провел ‹. . .› в клетке между воспетых мною гор» (*Акад.*, XVI, № 1022). Сонет, посланный при письме от 4 января 1835 г., не имеет в себе ничего противоцензурного, тогда как в сонете «Кавказские горы» 9-й и 13-й (предпоследний) стихи читаются:

Цепь пресловутая всепетого Кавказа,
. . . .
Творенье божье ты иль чертова проказа?

(«Лит. критик», 1940, № 7—8, стр. 234). Именно об этом стихе пишет Катенину Пушкин: «Довольно передпоследнего стиха, чтобы возмутить весь цензурный Комитет против твоего Сонета», на что Катенин отвечал в письме от 16 мая 1835 г.: «Что ж до Сонета, то я почти недоумеваю, в чем провинился, разве что не велят чертаться» (т. е. поминать черта, как в 13-м стихе сонета «Кавказские горы»; см.: *Акад.*, XVI, № 1060). См. не совсем точные примечания Г. В. Ермаковой-Битнер к обоим сонетам в кн.: П. А. Катенин, Избранные произведения, изд. «Сов. писатель», М.—Л., 1965 (Библиотека поэта. Большая серия. Второе издание), стр. 695—696 и 697; см. также: В. Н. Орлов. Неизданная басня П. А. Катенина. *ЛН*, т. 60, кн. 1, стр. 583; «Лит. критик», 1940, № 7—8, стр. 230—236.

[3] Аналогичный отзыв о цензуре см. в дневнике за февраль 1835 г. в связи с изъятием трех строк из «Сказки о золотом петушке» (*Акад.*, XII, стр. 337); под оплошностями цензуры Пушкин, видимо, понимает пропуск ряда статей в «Московском телеграфе» и недавнюю историю с напечатанием в «Библиотеке для чтения» (1834, № 12) перевода стихотворения В. Гюго «Красавице», сделанного М. Д. Деларю; за «кощунственные» строки в нем цензор Никитенко был посажен на гауптвахту (запись от 22 декабря 1834 г. — *Акад.*, XII, стр. 335; *Никитенко*, т. I, стр. 160 и сл.).

96. Л. С. Пушкину. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1261. Почтовый штемпель: «С. Петербург 24 апре. 1835». Впервые: «Библиографические записки», т. I,

1858, № 4, стлб. 113—114 (и отд. оттиск, стр. 65—66). Датируется на основании почтового штемпеля. *Акад.*, XVI, № 1049.

[1] Письмо Л. С. Пушкина, на которое отвечает Пушкин, неизвестно.

[2] За управление имениями отца Пушкин взялся с весны 1834 г. (см. письмо 19). Заем в 13 тыс. руб. — сумма, полученная 19 июля 1834 г. от залога 74 душ крестьян дер. Кистенево (см.: *Акад.*, XV, № 930; *Рукою П.*, стр. 374—375).

[3] Долги Л. С. Пушкина, перечисленные в списке, были уплачены или приняты на себя Пушкиным. 3 мая 1834 г. Пушкин выдал В. В. Энгельгардту (за «первый номер в доме Энгельгардта, за который он (Л. С. Пушкин, — *Ред.*) платил двести рублей в неделю»; см.: *ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 200) вексель сроком до 3 мая 1835 г. на сумму 1330 руб. (*Рукою П.*, стр. 804; см. также записи Пушкина: там же, стр. 369, 377). Деньги были выплачены Энгельгардту опекой, уже после смерти Пушкина (*ПиС*, вып. XIII, стр. 105). О других долгах Л. С. Пушкина см.: *Рукою П.*, стр. 365, 371 (в ресторацию); стр. 366, 369, 371 (Дюме); *П. и мужики*, стр. 216, 219, 223 (Н. И. Павлищеву); *Рукою П.*, стр. 365, 369 (портному). Часть долга Л. С. Пушкина А. П. Плещееву в размере 1500 руб. (весь долг — 2000 руб. и 30 червонцев) Пушкин уплатил 28 декабря 1834 г. (*Рукою П.*, стр. 367, 370; см. письмо 178).

[4] Л. С. Пушкин выдал 27 ноября 1833 г. И. А. Болтину заемное письмо на проигранные ему в карты 10 тыс. руб. (*Лит. арх.*, т. I, 1938, стр. 67—68). В приходо-расходных записях Пушкина значится: «Дек. 2-го куплен вексель в 10 000 за 2500» (*Рукою П.*, стр. 372). В январе 1836 г. О. С. Павлищева писала мужу: «Если ты получил мое последнее письмо, то знаешь, что делает Лев, но то, что мне недавно сообщил Александр, что-то новое. Он проиграл теперь 30 000 рублей. Александр хочет купить вексель — и напрасно. Ему это удалось однажды. Лев проиграл Болтину 10 000 и примирился этаким манером на 2000. Соболевский говорит: „Придется же Алекс. Серг. его кормить. Кормить-то не беда, а поить накладно“» (*ПиС*, вып. XXIII—XXIV, стр. 202—203; *ЛН*, т. 16—18, стр. 798). О долгах Л. С. Пушкина см. также: *П. и мужики*, стр. 128—129, 136—142; *Акад.*, XVI, № 1035.

[5] См. в письме Н. И. Павлищева к Пушкину от 31 января 1835 г. (*Акад.*, XVI, № 1035).

97. И. И. Дмитриеву. — Печатается по тексту первой публикации: *РА*, 1866, стлб. 1724—1725. Подлинник неизвестен. *Акад.*, XVI, № 1051.

Ответ на письма И. И. Дмитриева от 4 марта и 10 апреля 1835 г. (*Акад.*, XVI, №№ 1039, 1045). В последнем Дмитриев благодарил Пушкина за присылку «Истории Пугачевского бунта».

[1] По получении «Истории Пугачевского бунта» Дмитриев писал Пушкину 10 апреля 1835 г.: «Наконец и моя русская библиотека красуется новым плодом любимого нашего автора! Сердечно благодарю вас за приятный гостинец и за ваше хотя и церемонное, но не меньше обязательное надписание» (*Акад.*, XVI, № 1045). Экземпляр книги с надписью Пушкина сохранился (см. прим. 2 к письму 89).

[2] Слова Пушкина служат ответом на замечание Дмитриева: «Сочинение ваше подвергалось и здесь разным толкам, довольно смешным, но никогда дельным <...> дивились, как вы смели напоминать о том, что некогда велено было предать забвению» (*Акад.*, XVI, № 1045). Сам Пушкин в феврале 1835 г. писал в дневнике: «В публике очень бранят моего Пугачева, а что хуже не покупают. Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге как о возмутительном сочинении» (*Акад.*, XII, стр. 337). Современники еще раньше констатировали неуспех нового сочинения Пушкина. Так, в дневнике М. П. Погодина от 8 и 11 января записано: «Прочел Пугачева. Занимательная повесть. Простоты образец <...>. Ругают Пушкина за Пугачева» (*ПиС*, вып. XXIII—XXIV, стр. 120; ср. также: *Барсуков*, т. IV, стр. 272). Первый печатный отклик на «Историю» — рецензия В. Б. Броневского

в «Сыне отечества» (см. прим. 2 к письму 87 и прим. 5 к письму 89). Затем появились отзывы в «Северной пчеле» (1835, № 38, 17 февраля, стр. 149—152; автор — Е. Ф. Розен) и в «Библиотеке для чтения» (1835, т. X, отд. 5, стр. 21—38; без подписи). Написанная для «Московского наблюдателя» статья М. П. Погодина «Несколько слов об Истории Пугачевского бунта А. С. Пушкина» была, по-видимому, задержана цензурой и в журнале не появилась (напечатана: *РА*, 1865, № 1, стлб. 103—107). В 1836 г. Булгарин поместил в «Северной пчеле» статью «Мнение о литературном журнале: Современник, издаваемый А. С. Пушкиным на 1836 год», содержащую выпад против «Истории Пугачева» (*СПч.*, 1836, № 129, 9 июня, стр. 515—516). Кроме того, до нас дошли письменные отзывы современников об «Истории» — А. М. Языкова (см.: Д. Садовников. Отзывы современников о Пушкине. *ИВ*, 1883, декабрь, стр. 539), К. А. Буха (*Акад.*, XVI, № 1101) и некоторые другие. До написания Пушкиным комментируемого письма вышли в свет рецензии Броневского и Розена, которые Пушкин и имел в виду, отвечая Дмитриеву. Первая из них расценивала «Историю Пугачевского бунта» как «мертво-рожденное дитя» (*Сын от.*, 1835, № 3, стр. 178). Автор второй, Розен, писал, возражая Броневскому: «При таких стесненных обстоятельствах, при такой неясности предмета, при чрезвычайной строгости к себе самому, в историческом отношении, автор исполнил все, чего только можно было ожидать от его первоклассного дарования» (*СПч.*, 1835, № 38, 18 февраля, стр. 150).

[3] Ср. замечание Розена: «Нам кажется, автор довел историческую строгость до излишества: бо́льшую часть примечаний он мог бы поместить в тексте, и книга этим выиграла бы, без сомнения» (там же, стр. 152).

[4] Лара — герой одноименной поэмы Байрона (1814); бунт против общества побуждает его, аристократа по происхождению, возглавить народное восстание.

[5] Об отношении к «Истории Пугачевского бунта» той части публики, которая подходила к ее оценке с привычными критериями ходульно-романтической историографии, Дмитриев писал Пушкину 10 апреля: «Бо́льшая часть лживых романтиков желали бы, чтоб История ваша и в расположении и в слоге изуродована была всеми припасами Смирдинской школы, и чтобы была гораздо погрузнее» (*Акад.*, XVI, № 1045). Сожаление о том, что «История Пугачевского бунта» «писана вяло, холодно, сухо, а не пламенной кистию Байрона» (*Акад.*, IX, стр. 379), было высказано Броневским (*Сын от.*, 1835, № 3, стр. 177). «Притязания» Броневского нашел «странными» уже Е. Ф. Розен, приветствовавший в «Истории Пугачевского бунта» «мудрую экономию и изящное устройство материала; точное, истинно художественное разделение света и тени, и, наконец, неподражаемую сжатость слога, где не найдете даже ни одного лишнего эпитета» (*СПч.*, 1835, № 38, 18 февраля, стр. 150).

[6] Спор между Улиссом (Одиссеем) и Аяксом о доспехах павшего Ахиллеса — один из популярных сюжетов древнегреческого изобразительного искусства и послегомеровского эпоса. Пушкину этот сюжет был, вероятно, известен по «Метаморфозам» Овидия (кн. XIII). Иронически сопоставляя борьбу М. Е. Лобанова и Б. М. Федорова за освободившееся после смерти П. И. Соколова (см. письмо 89 и прим. 8 к нему) место непременного секретаря Российской академии со спором древнегреческих героев, Пушкин исходит из традиции «ироикомических» поэм XVIII—начала XIX в. с характерной для них перетасовкой высоких античных образов и явлений современной действительности.

[7] Игра слов, основанная на совпадении имен древнегреческого героя — мудрого и рассудительного Нестора (одного из героев «Илиады» и «Одиссеи») и Нестора-летописца. Д. И. Языков, который действительно был 23 марта 1835 г. назначен на должность непременного секретаря Российской академии (см.: *ЖМНП*, 1836, кн. 4, стр. CXIII; ср.: *Лит. арх.*, т. I, стр. 13), перевел на русский язык и издал книгу «Нестор. Русские летописи на древле-славенском языке, сличенные, переведенные и объясненные Ав-

густом Лудовиком Шлёцером» (чч. I—III. СПб., 1809—1819). Книга была в библиотеке Пушкина (см.: *Библ. П.*, № 431).

[8] Перефразировка евангельского изречения (Евангелие от Матфея, гл. XIII, стих 57). Пушкин, называя И. И. Дмитриева пророком, имеет в виду слова в его письме от 4 марта 1835 г.: «Почиет Соколов, но бдит еще Языков. И на что лучше его в приемники? работящ и любознателен, к тому же и к новизнам не падок» (*Акад.*, XVI, № 1039).

[9] Кн. М. А. Дондуков-Корсаков был назначен вторым вице-президентом имп. Академии наук 7 марта 1835 г. (*СПб. вед.*, 1835, № 61, 15 марта, стр. 243). Он был известен в обществе как креатура министра народного просвещения С. С. Уварова (в чьем ведении находилась Академия наук). Ср. эпиграмму Пушкина на Дондукова-Корсакова «В Академии наук...» (*Акад.*, III, стр. 388).

98. И. М. Пеньковскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 626. Почтовый штемпель: «С. Петербург 3 мая 1835». Впервые: *РА*, 1890, кн. I, № 3, стр. 437. *Акад.*, XVI, № 1054.

[1] См. письмо к Пушкину И. М. Пеньковского от 9 апреля 1835 г. (*Акад.*, XVI, № 1044), на которое настоящее письмо служит ответом. Предыдущее письмо Пушкина к Пеньковскому от 27 января 1835 г. не сохранилось (*Акад.*, XVI, № 1038). Ответное письмо Пеньковского см.: *Акад.*, XVI, № 1071.

[2] В Болдино Пушкин в июне 1835 г. не поехал и до конца жизни там уже не был. Ср. в письме О. С. Павлищевой к Н. И. Павлищеву от 31 августа 1835 г.: *ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 162.

[3] Решив к концу июня—началу июля 1835 г. сложить с себя управление нижегородским имением отца, Пушкин в связи с этим поручил Пеньковскому выплаты Льву Сергеевичу и Ольге Сергеевне, которых об этом известил 2 мая (см. письма 99, 100, 107; см. также: *П. и мужики,* стр. 142 и сл.). О решительном нежелании Пушкина самому управлять Болдиным О. С. Павлищева писала 31 января 1836 г. мужу (см.: *ПиС*, вып. XXIII—XXIV, стр. 210). Но, отказавшись от управления нижегородским имением, Пушкин и в 1836 г. продолжал заниматься делами по управлению Михайловским (см. его переписку об этом с Н. И. Павлищевым 1835—1836 гг.).

99. Л. С. Пушкину. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1261. Почтовый штемпель: «С. Петербург 3 маия 1835». Впервые: *БЗ,* т. I, 1858, № 4, стр. 113 (и отд. оттиск, стр. 64—65). *Акад.*, XVI, № 1055.

См. примечания к письмам Пушкина к И. М. Пеньковскому и Н. И. Павлищеву (письма 99, 101).

[1] См. в письме Н. О. Пушкиной к О. С. Павлищевой: *ЛН*, т. 16—18, стр. 791. Н. О. Пушкина умерла 29 марта 1836 г.

100. Н. И. Павлищеву. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 627. Впервые: *ИВ*, 1888, февраль, стр. 318. *Акад.*, XVI, № 1056.

[1] Ответ на письма Павлищева от 31 января и 25 апреля 1835 г. (*Акад.*, XVI, №№ 1035, 1050), в которых Павлищев настойчиво добивался, чтобы Пушкин, по договоренности с отцом, отдал Л. С. Пушкину его часть из Болдинского имения, а Ольге Сергеевне выделил причитающуюся ей «законную долю» из Михайловского. В письмах к Пушкину за 1835—1836 гг. Павлищев неоднократно и в различных вариантах предлагал раздел имущества, заботясь о собственной выгоде (*Акад.*, XVI, №№ 1035, 1050, 1227, 1238, 1247, 1269). Своими письмами Павлищев так досаждал Пушкину, что О. С. Павлищева советовала мужу прекратить писать ее брату: «...он бросит твои письма в огонь, не распечатывая их, — верь мне» (*ПиС*, вып. XXIII—XXIV, стр. 211). Действительно, Пушкин часто не дочитывал письма Павлищева и это делал за него Соболевский (там же, вып. XVII—XVIII, стр. 200). В данном случае, отказываясь обсуждать вопрос о разделе Михайловского, Пушкин предлагает иное решение и отказывается

в пользу сестры от доходов по своей части Кистенева, чтобы избавить себя от домогательств Павлищева. О реакции Ольги Сергеевны на это решение см.: *ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 162—163, 165; *П. и мужики*, стр. 144—146, 236—237.

[2] См. письма 98, 99; *Акад.*, XVI, № 1071.

[3] Пушкин продал фермуар, принадлежавший О. С. Павлищевой, за эту сумму и вручил ей деньги в начале сентября, когда она приехала в Петербург (*ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 163, 164).

[4] Управление Болдиным Пушкин передал И. М. Пеньковскому в конце июня или в самом начале июля 1835 г.

101. П. А. Осиповой. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1538. Почтовый штемпель: «С. Петербург 3 маия 1835». Впервые: *Рук. ГПБ*, 1929, № 126. *Акад.*, XVI, № 1057. Представляет собой конверт с адресом от несохранившегося письма.

2 мая 1835 г. Пушкин подал прошение о предоставлении ему 28-дневного отпуска на поездку по делам в Псковскую губернию (см.: *Гастфрейнд. Документы*, стр. 43—44) и выехал туда 5 мая. Несохранившееся письмо к П. А. Осиповой было написано за несколько дней до отъезда, вероятно с целью предупредить ее о своем приезде. Однако оно, по-видимому, было получено ею уже после приезда Пушкина, которого в Тригорском не ждали (см. письмо 102, прим. 2).

102. Н. И. Гончаровой. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1539. Почтовый штемпель: «С. Петербург. Отделение 1-е, 1835 мая 17». Впервые: *КА*, 1936, № 4 (77), стр. 183—185. *Акад.*, XVI, № 1059.

Дата письма определяется почтовым штемпелем, а также датами рождения сына и возвращения Пушкина из поездки (см. ниже).

[1] Младший сын А. С. Пушкина Григорий родился 14 мая 1835 г.

[2] Цель поездки была неясна близким поэта. Так, Надежда Осиповна в письме к дочери от 7 мая 1835 г. писала: «Сообщу тебе новость, третьего дня Александр уехал в Тригорское, он должен вернуться не позднее 10 дней, ко времени разрешения Наташи. Ты может быть думаешь, что он по делам — вовсе нет, только ради удовольствия путешествовать и в такую плохую погоду! Мы были очень удивлены, когда он накануне отъезда пришел с нами проститься. Его жена очень этим опечалена. Надо сознаться, что твои братья большие оригиналы и никогда не перестанут быть таковыми» (*ЛН*, т. 16—18, стр. 792). О том же свидетельствует и С. Л. Пушкин в письме к дочери от 17 мая 1835 г.: «14-го, т. е. во вторник, между 7 и 8 часами веч. Наташа родила мальчика, которого они назвали Григорием, не знаю собственно почему. Александр совершил десятидневное путешествие в Тригорское, только для того, чтобы съездить туда и обратно и провести там три дня. Он вернулся в среду ‹15 мая› в 8 ч. утра. — Наташа разрешилась накануне» (там же). Неожиданность этой поездки подтверждает и П. А. Осипова, записавшая в календаре-месяцеслове: «Майя 8-го неожиданно приехал в Тригорское Александр Серьгеич *Пушкин*. Пробыл до 12-го числа и уехал в Петерб‹ург› обратно, а между тем Н. Н. 14-го родила сына Григорья» (*ПиС*, вып. I, стр. 144).

Действительными причинами поездки Пушкина были, вероятно, с одной стороны, необходимость посоветоваться с П. А. Осиповой о хозяйстве (в связи с домогательствами Павлищева, см. письмо 100), а также о предполагаемом переезде с семьею в деревню (см. письмо 105); с другой же — нежелание присутствовать при родах Н. Н. Пушкиной (то же было и в мае 1836 г. при рождении дочери, Н. А. Пушкиной; см. письмо 177).

103. С. С. Хлюстину. — Фотоснимок: *ИРЛИ*, *Рук. ЛД*, *1964*, Приложение, № 45. Подлинник в Музее Мицкевича в Париже (Bibliothèque polonaise. Musée Mickiewicz). Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 319; вторично, по фотоснимку: *Лет. ГЛМ*, кн. I, стр. 336—337. *Акад.*, XVI, № 1062.

Датируется 1835 г. потому, что, во-первых, гр. А. де Сиркур и его жена приезжали в Россию ненадолго именно в 1835 г. (см. письмо П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 25 октября 1835 г.: *ОА*, т. III, стр. 274); во-вторых, недомогание Н. Н. Пушкиной могло быть связано с недавними трудными родами (см. письмо 102). Датировка 1836 г. менее вероятна потому, что в 1836 г. Пушкин вернулся из Москвы прямо к себе на дачу на Каменный остров лишь в полночь 23 мая и часть 24 мая провел с женой (см. письмо 177), а по характеру записки можно предполагать, что приглашение от Хлюстина было получено накануне.

104. М. П. Погодину. — Черновой подлинник: *ИРЛИ*, № 644. Беловой текст неизвестен. Впервые: *Шляпкин*, стр. 99—100. *Акад.*, XVI, № 1058.

Датировка письма определяется упоминанием № 17 «Библиотеки для чтения» (вышедшего в свет 1 мая, см.: *СПч.*, 1835, № 96, 2 мая, стр. 381) как «последней книжки» журнала; следующий, 18-й номер вышел в первых числах июня. 5 мая Пушкин уехал в Тригорское (*ЛН*, т. 16—18, стр. 792), откуда вернулся 15 мая. Письмо, вероятно, написано после возвращения Пушкина, когда А. Семен вступил в свои издательские права и мог именоваться «издателем Живописного ежегодника».

[1] В № 17 «Библиотеки для чтения» за подписью «А. Белкин» напечатана «Потерянная для света повесть» с ироническим упоминанием о Погодине: «Максим Козмич учился в семинарии и сверх того читал повесть М. П. Погодина о московском извозчике, который нашел мешок с деньгами, отдал хозяину и сам повесился; он знает, что такое *психологическая* и очень часто употребляет это слово» (стр. 148). Вся повесть полемически направлена против «московской литературы», отличающейся «неподдельною народностью», без «малейшего следа подражания иностранному». Автором повести был сам Сенковский (см.: Собрание сочинений Сенковского (Барона Брамбеуса), т. V, СПб., 1858, стр. 297—315; т. I, стр. CXXII).

[2] Речь идет о «Живописном обозрении достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития...», фактическим издателем которого был Н. А. Полевой; план этого издания был подан им в цензуру, но встретил противодействие Уварова; Полевой вынужден был передать номинально права издателя владельцу типографии А. Семену (*Полевой*, стр. 332 и 485), что задержало выход издания до июля 1835 г. Объявление о ежегодном выпуске «Живописного обозрения» А. Семен напечатал в «Северной пчеле» (1835, № 133, 17 июня, стр. 529—532; дата цензурного разрешения на титульном листе первой части — 7 июня 1835 г.). По-видимому, в конце мая А. Семен вел с Пушкиным какие-то предварительные переговоры о его участии в «Живописном обозрении». О своем намерении обозреть «в быстром живописном путешествии» в числе других городов Москву издатель сообщил во «Введении» («Живописное обозрение», 1835, т. I, л. 1, стр. 1); намерение это реализовано не было; в объявлении о продолжении издания было сообщено об открывшейся возможности «придать „Живописному обозрению“ отечественную самобытность» и перечислены московские достопримечательности, сведения о которых должны появиться в издании (*СПч.*, 1835, № 220, 1 октября, стр. 879—880; см. также «К читателям»: «Живописное обозрение», 1835, т. I, л. 24, приложение).

[3] «Наблюдатели» — редакция журнала «Московский наблюдатель», в которую входил и Погодин. Запаздывание этого журнала стало с самого начала хроническим; издатели были крайне неаккуратны и в рассылке экземпляров даже ближайшим сотрудникам (см., например, письмо А. И. Тургенева А. Я. Булгакову от 8 (20) февраля 1836 г.: Письма Александра Тургенева Булгаковым. Соцэкгиз, М., 1939, стр. 189; см. также: *ОА*, т. III, стр. 275). Пушкин, очевидно, ожидал вторую книжку журнала (получила билет на выпуск еще 23 апреля, см.: *ГИАМО*, ф. 31, оп. 5, св. 256, ед. хр. 89, лл. 109—110).

105. А. Х. Бенкендорфу. — Черновой подлинник: *ИРЛИ*, № 634. Впервые: *Шляпкин*, стр. 106—108. *Акад.*, XVI, № 1066.

Первая черновая редакция: *ИРЛИ*, № 634. Впервые: *Шляпкин*, стр. 108—109. *Акад.*, XVI, № 1066а.

Письмо в этом тексте не было, очевидно, ни перебелено, ни отправлено. Написано после свидания с Бенкендорфом 16 апреля (см. письмо 94) и, вероятно, после вторичного разговора с ним или с А. Н. Мордвиновым, когда Пушкину было объявлено, что Николай I не дал ему разрешения на издание газеты. На основе этих черновых было затем написано письмо к Бенкендорфу от 1 июня 1835 г. (см. письмо 106). Этими обстоятельствами определяется датировка настоящего письма.

106. А. Х. Бенкендорфу. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 629. Пометы: канцелярская — «1 Juin 1835»; А. Х. Бенкендорфа — «encore parler à l'Emp.‹ereur› lorsqu'il y aura d'autres papiers à lui soumettre»; резолюция Николая I — «Нет препятствия ему ехать куда хочет, но не знаю как разумеет он согласить сие со службой; спросить хочет ли отставки ибо иначе нет возможности его уволить на столь продолжительный срок». Впервые полностью: *Ефр.*, *1903*, т. VII, стр. 595—596. *Акад.*, XVI, № 1068.

Черновик письма: *ИРЛИ*, № 628. Впервые: *Шляпкин*, стр. 101—103. *Акад.*, XVI, № 1068а.

Это — первое письмо Пушкина к Бенкендорфу из ряда писем к нему и к Е. Ф. Канкрину (см. письма 113, 117, 122, 131), связанных с новой попыткой поэта устроить материальные дела семьи. Письмо вызвано отказом Николая I в разрешении на издание газеты, переданным, по-видимому, устно, через Бенкендорфа; единственным документальным подтверждением отказа является настоящее письмо (см. комментарий к письму 105). Письмо далось Пушкину не сразу. Сперва возникла мысль попросить у царя взаймы 100 тыс. руб. (см. письмо 105 и его первую черновую редакцию), но она была затем отброшена как неосуществимая. Вместо этого Пушкин просил разрешения уехать в деревню на три-четыре года. Прямого отказа на эту просьбу он не получил, однако вместо отпуска на 3—4 года Николай предложил ему отпуск сперва на 6, потом на 4 месяца.

[1] Получив в 1832 г. разрешение на издание газеты «Дневник», Пушкин, однако, не стал ее издавать (см. прим. 1 к письму 93).

[2] Пушкин имеет в виду свою работу над историей Петра I и данное ему разрешение пользоваться материалами государственных архивов.

[3] Намек на отношение Николая I к попытке Пушкина выйти в отставку в июне 1834 г. Николай пригрозил тогда, что в случае отставки все между ним и Пушкиным «будет кончено» и поэт будет лишен права на вход в архивы, «так как право сие может принадлежать единственно людям, пользующимся особенной доверенностью начальства» (см. письмо 42), т. е. фактически ему были бы запрещены занятия русской историей XVIII в.

107. Н. И. Павлищеву. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 630. Почтовые штемпеля: «С. Петербург, 5 июн. 1835» и «Warszawa 22/6». Впервые: *ИВ*, 1888, февраль, стр. 317—318. *Акад.*, XVI, № 1070.

[1] Несмотря на желание А. С. Пушкина удержать половину Болдина, принадлежавшую В. Л. Пушкину, она была продана с аукциона в 1835 г. полковнику С. В. Зыбину за 220 тыс. руб. (см. письмо 71, прим. 6).

[2] Доверенность Павлищеву Пушкиным не была выдана — вероятно, потому, что он вскоре сложил с себя управление отцовским имением, поручив свою часть И. М. Пеньковскому.

108. В. А. Дурову. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 631. Впервые: *РС*, 1890, сентябрь, стр. 665. *Акад.*, XVI, № 1072.

[1] Письмо В. А. Дурова, на которое отвечает Пушкин, неизвестно;

очевидно, в нем Дуров предлагал Пушкину издать воспоминания сестры, Н. А. Дуровой (Александрова). С этим же предложением вскоре обратилась к Пушкину и сама Н. А. Дурова (см. ее письмо от 5 августа 1835 г.: *Акад.*, XVI, № 1084). Рукопись записок была получена Пушкиным только весной 1836 г. (см. письма Пушкина к Н. А. и В. А. Дуровым — письма 139, 157).

[2] «Новый образ жизни» — женитьба В. А. Дурова.

[3] О попытках Дурова достать 100 тыс. руб. см. запись Пушкина в «Table-Talk» от 3 октября 1835 г., где (не точно) приводятся выдержки из настоящего письма и из письма Дурова, на которое оно служит ответом (*Акад.*, XII, стр. 167—168, ‹XXXVI›).

109. **А. А. Краевскому.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1540. Почтовый штемпель: «Городск. почта 1835 июн. 18 полдень». Впервые: Отчет Публичной библиотеки за 1889 г., СПб., 1893, стр. 58. *Акад.*, XVI, № 1073.

Датируется на основании почтового штемпеля.

[1] «Братия московская» — члены редакции журнала «Московский наблюдатель» — В. П. Андросов, С. П. Шевырев, М. П. Погодин и др., выразители образующегося славянофильства в его правом и левом течениях. См.: Очерки по истории русской журналистики и критики, т. I. Изд. ЛГУ, Л., 1950, стр. 370—382 (статья Н. И. Мордовченко). Посредничая между Пушкиным и «Московским наблюдателем», Краевский пытался, видимо, закрепить связь Пушкина с новым журналом. Публикация стихотворения «Туча», полученного при содействии Краевского, и позднее оды «На выздоровление Лукулла» — таковы, однако, единственные факты сотрудничества Пушкина в «Московском наблюдателе». Об обстоятельствах передачи Пушкиным Краевскому своего стихотворения, предшествовавших настоящей записке, см. в записи Бартенева со слов Краевского: *РА*, 1892, кн. 8, стр. 489—490.

[2] Стихотворение «Туча» появилось в майской книжке «Московского наблюдателя» (ч. II, 1835, май, кн. II, стр. 175), вышедшей с опозданием, около 31 июля 1835 г. (см.: *П. в печ.*, стр. 123, № 1070). Сохранился автограф стихотворения, в который рукою Краевского внесена пушкинская поправка (*ИРЛИ*, № 975; факсимиле в кн.: *Рук. ГПБ*, между стр. 12 и 13). Стих до исправления читался так: «И ветер, колебля вершины древес» (*Акад.*, III, стр. 963). Исправление вошло в первопечатный текст.

[3] Отсутствие в письме обращения, а также форма адреса свидетельствуют о незнании Пушкиным имени и отчества Краевского и показывают, что знакомство их находилось в самой начальной стадии.

110. **А. X. Бенкендорфу** (?). — Черновой подлинник: *ИРЛИ*, № 1094. Беловой текст неизвестен. Впервые как письмо к «Неизвестному»: *Academia*, стр. 406. *Акад.*, XVI, № 1074.

Написано на третьей странице письма М. П. Бутурлина к Пушкину (*Акад.*, XVI, № 1061), датированного «23 майя 1835», что определяет датировку черновика, который, возможно, является одним из набросков письма к Бенкендорфу от 1 июня 1835 г.; см. письмо 106.

111. **С. Л. Пушкину.** — Черновой подлинник: *ИРЛИ*, № 1094. Беловой текст неизвестен. Впервые: *PC*, 1884, декабрь, стр. 5. *Акад.*, XVI, № 1075.

Написано на третьей странице письма М. П. Бутурлина к Пушкину (*Акад.*, XVI, № 1061), датированного «23 майя 1835», что определяет датировку наброска.

Записи представляют, очевидно, подготовительные данные к отчету Пушкина отцу при сдаче управления нижегородскими имениями (см. письма 28, 99, 100).

112. **Густаву Нордину.** — Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, *Рук. ПД. 1964*, Приложение, № 44. Подлинник в Королевской библиотеке в Сток-

гольме (собрание Л. Мандерстрема). Впервые: «Огонек», 1956, № 43, стр. 17. *Акад., Спр. том*, стр. 72.

Датируется предположительно по следующим данным. Книга Г. Гейне «De l'Allemagne», о которой идет речь, вышла в свет в Париже около 20 (8) апреля 1835 г.; предисловие Гейне к первому ее тому помечено 8 апреля (27 марта) (см.: Oeuvres de H. Heine, vol. V, Paris, Eugène Renduel, 1835, p. XIII), а 22 (10) апреля Гейне уже отправил экземпляр вышедшей книги Каролине Жобер (см.: Heine-Briefe. Gesammelt und herausgegeben v. H. Daffis. Bd. II. Pan-Verlag, Berlin, 1907, SS. 50—51). Книга интересовала Пушкина как новинка, но до того, как он узнал о ее выходе и обратился к Нордину, должно было пройти некоторое время. Кроме того, в конце апреля Пушкин получал «контрабанду» еще через К.-Л. Фикельмона (см.: *Акад.*, XVI, № 1052). Письмо могло быть написано и позднее, чем здесь датировано.

[1] «Контрабанда» — иностранные издания, запрещенные русской цензурой к ввозу в Россию и получавшиеся Пушкиным через знакомых дипломатов (ср. письмо к Пушкину К.-Л. Фикельмона от 27 апреля 1835 г.: *Акад.*, XVI, № 1052). О каких именно книгах идет здесь речь, неизвестно.

[2] В V и VI томах французского собрания своих сочинений (Paris, 1835) Гейне под общим названием «О Германии» («De l'Allemagne») объединил «Романтическую школу», «К истории религии и философии в Германии» и ряд примыкающих к ним статей и рецензий. В России книга «О Германии» была запрещена Комитетом иностранной цензуры 7 октября 1835 г. (см.: И. С. Тургенев, Сочинения, т. XII, Гослитиздат, М.—Л., 1933, стр. 598—599). О содержании отдельных ее глав Пушкин мог знать по их публикациям в журналах «L'Europe littéraire» (1833) и «Revue des Deux Mondes» (1834). Вопрос о том, в связи с чем книга «О Германии» была «необходима» Пушкину, требует специального исследования (см. статью: Э. Э. Найдич. Письмо Пушкина к Густаву Нордину. *П. Иссл. и мат.*, т. II, стр. 218—223).

[3] Ср. письмо А. О. Смирновой к П. А. Вяземскому от 25 декабря 1835 г. (6 января 1836 г.), где она пишет: «Я читаю Гейне, он сущий дьявол, скажите это Пушкину» (*ЛН*, т. 58, стр. 118).

[4] Нордин, по-видимому, выполнил просьбу Пушкина: в библиотеке поэта сохранились оба тома сочинения Гейне «О Германии» (см.: *Библ. П.*, № 976).

113. А. X. Бенкендорфу. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 633. Помета рукою А. X. Бенкендорфа: «Есть ли ему нужны деньги государь готов ему помочь, пусть мне скажет; есть ли нужно дома побывать то может взять отпуск на 4 месяца». Впервые полностью: *Ефр.*, *1903*, т. VII, стр. 597—598. *Акад.*, XVI, № 1076.

Черновик письма: *ИРЛИ*, № 632. Впервые: *Шляпкин*, стр. 104. *Акад.*, XVI, № 1076а.

На основании этого письма Пушкин получил с 27 августа 1835 г. отпуск на 4 месяца (по 23 декабря), которым воспользовался лишь частично, с 7 сентября по 23 октября (см.: *Дела III отд.*, стр. 161; *Гастфрейнд. Документы*, стр. 45—46).

[1] Речь идет о резолюции Николая I на письме Пушкина к Бенкендорфу от 1 июня 1835 г. (см. письмо 106).

[2] При попытке Пушкина выйти в отставку в июне 1834 г. ему пригрозили запретить работать в государственных архивах (см. письма 42 и 106).

114. Н. И. Гончаровой. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1541. Впервые: *КА*, 1936, № 4 (77), стр. 186—189. *Акад.*, XVI, № 1079.

[1] Новорожденному — сыну Григорию (см. письмо 102).

[2] Д. Н. Гончаров жил в это время в имении Гончаровых — Полотняном заводе, делами которого управлял.

[3] Крестины Г. А. Пушкина происходили 22 мая 1835 г. Восприемниками новорожденного были Жуковский и Е. И. Загряжская (см.: *Арх. опеки*, стр. 357).

[4] Графиня N — Надежда Григорьевна Чернышева, в которую был влюблен Д. Н. Гончаров (см. в письме Пушкина к Н. Н. Пушкиной от 26 августа 1833 г.: *Акад.*, XV, № 839). В настоящем письме Пушкин намекает на неудавшееся сватовство Д. Н. Гончарова к Н. Г. Чернышевой.

[5] Дача — дом Миллера под Петербургом, в Новой деревне, на набережной Черной речки, которую снимали Пушкины летом 1835 г., в настоящее время не существует (ныне набережная Черной речки, угол Языкова пер., дом 57); дачу на Черной речке Пушкины снимали и раньше, летом 1833 г. (см. о ней: *ЛН*, т. 16—18, стр. 783).

[6] Пушкин намеревался, получив длительный отпуск или отставку, переехать с семьею на 3—4 года в деревню (см. письма 100, 106, 113 и переписку С. Л. и Н. О. Пушкиных с О. С. Павлищевой: *ЛН*, т. 16—18, стр. 793—794; см. также письмо О. С. Павлищевой мужу: *ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 162). Письмо к Н. И. Гончаровой написано в ожидании окончательного решения Николая I и отражает надежду Пушкина на благоприятный исход его просьбы. Отсюда и его хлопоты по устройству дел, связанных с предполагаемым переездом. Планы Пушкина не осуществились: фактически запретив Пушкину отъезд из Петербурга, Николай I предоставил ему заем в счет будущего жалованья (см. письма 115, 117).

[7] Свояченицы — сестры Н. Н. Пушкиной, Екатерина и Александра Николаевны Гончаровы, жившие с осени 1834 г. вместе с Пушкиными.

[8] Старшая дочь Пушкиных — Мария, которой было три года (род. 19 мая 1832 г.).

115. А. Х. Бенкендорфу. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 636. Пометы: канцелярская — «№ 1944, 26 июля 1835»; рукою А. Х. Бенкендорфа — «L'Empereur lui propose 10 m‹ille› roubles et 6 mois de congé au bout des quels il verra (в подлиннике ошибочно: vaira, — *Ред.*) s'il doit prendre son congé ou non» (Император предлагает ему 10 тысяч рублей и отпуск на 6 месяцев, после которого он посмотрит, должен ли он брать отставку или нет). Впервые: *PC*, 1880, май, стр. 98—99. *Акад.*, XVI, № 1081.

Черновик письма: *ИРЛИ*, № 635. Впервые: *Шляпкин*, стр. 109—110 (начало письма) и 101—102 (окончание). *Акад.*, XVI, № 1081а.

Письмо является ответом на записанную Бенкендорфом резолюцию Николая I на письме Пушкина от 4 июля 1835 г. (см. письмо 113). Цель письма — подсказать царю, что предлагаемые им меры вовсе не годятся и только затрудняют положение Пушкина.

[1] О расходах и денежных делах Пушкина см. прим. 3 к письму 44.

[2] 13 апреля 1834 г. Пушкин взялся за управление имением отца. См. прим. 1 к письму 19.

[3] Наследство — часть Болдина, принадлежавшая В. Л. Пушкину. См. прим. 3 к письму 2.

116. В. Д. Вольховскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 637. Впервые: *PC*, 1890, январь, стр. 104. *Акад.*, XVI, № 1082.

[1] В. Д. Вольховский с 17 ноября 1832 г. был начальником штаба Кавказского корпуса (до 9 ноября 1837 г.).

[2] Выпущенный из Павловского кадетского корпуса за какую-то провинность с гражданским чином 14-го класса, К. П. Забела оставался в том же чине после четырех лет службы в Петербурге. Поэтому, быть может, он и отправился на Кавказ, где его карьера протекала более успешно (см. Словарь, стр. 404).

[3] Впервые Пушкин упомянул о предпринятом в «Истории Пугачева» изучении «тогдашних военных действий, доселе худо известных», как о главном достоинстве своего исторического труда уже в письме к А. Х. Бенкендорфу от 6 декабря 1833 г., представляя рукопись на цен-

зуру Николаю I (*Акад.*, XV, № 864). Позднее он повторил это в статье «Об „Истории Пугачевского бунта“» (*Акад.*, IX, стр. 389).

[4] Ответ В. Д. Вольховского на настоящее письмо, а также мнение его об «Истории Пугачевского бунта» неизвестны.

117. А. Х. Бенкендорфу. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 639. Помета рукою А. Х. Бенкендорфа: «L'Empereur lui accorde 30 ‹mille› roubles en retenant comme il le demande ses appointements» (Император отпускает ему 30 тысяч рублей с удержанием, как он того просит, его жалованья). Пометы канцелярские: «№ 1973, 29 июля 1835 г. Т.‹айному› Сов.‹етнику› Родофиникину 1 августа 2590», «ему же 1 августа 2591. Мин.‹истру› финансов 1 августа 2592». Впервые: *РС*, 1880, май, стр. 99—100. *Акад.*, XVI, № 1083.

Черновик письма: *ИРЛИ*, № 638. Впервые: *Шляпкин*, стр. 110—111. *Акад.*, XVI, № 1083а.

[1] Имеются в виду безвозвратная ссуда в 10 тыс. руб. и 6 месяцев отпуска́, которые были предложены Пушкину Николаем I в ответ на его просьбу об отставке и денежном займе (см. письма 106, 113, 115 и резолюцию Николая на письме 115). Частичное удовлетворение просьбы (в письме 115 Пушкин писал о своем 60-тысячном долге) не могло устроить дела Пушкина и вместе с тем ставило его в еще более затруднительное положение по отношению к правительству. В настоящем письме он снова просит о займе у казны, но теперь уже 30 тыс. руб. и в счет его будущего жалованья. Эти просьбы были удовлетворены. 1 августа Бенкендорф сообщил волю Николая I о выдаче Пушкину 30 тыс. руб. «в ссуду ‹...› с тем, чтобы в уплату сей суммы удерживаемо было производящееся ему жалованье» министру финансов Е. Ф. Канкрину и 2 августа — управляющему Министерством иностранных дел К. К. Родофиникину (см.: *Дела III отд.*, стр. 162—163). О дальнейшем продвижении дела о ссуде см. письма Е. Ф. Канкрина к Бенкендорфу (там же, стр. 164, 168—169) и письма Пушкина к Канкрину (см. письма 122, 131). Кроме того, 1 августа Бенкендорф передал Родофиникину распоряжение Николая о предоставлении Пушкину отпуска на 4 месяца (*Дела III отд.*, стр. 161).

118. А. А. Фукс. — Печатается по тексту первой публикации. Подлинник неизвестен. Впервые (по подлиннику, но без обращения и заключительных слов): «Прибавления к Казанским губернским ведомостям», 1844, № 2, 10 января, стр. 25. *Акад.*, XVI, № 1086.

[1] Речь идет об «Истории Пугачевского бунта». Из ответного письма Фукс от 15 ноября 1835 г. (сохранилось в отрывках, см.: *Акад.*, XVI, № 1108) следует, что этой посылки Пушкина она не получила.

[2] В Париже изготовлялась и печаталась гравюра с портрета Пугачева, предназначенная для «Истории Пугачева» (см. письмо 27). В Петербурге портрет был получен около 18 июля 1835 г. На задержку с гравюрой Пушкин ссылался также при посылке «Истории Пугачева» И. И. Дмитриеву и И. И. Лажечникову (см. письма 89 и 133).

[3] «Краткая история города Казани. Соч. адъюнкта М. Рыбушкина» (Казань, 1834) сохранилась в библиотеке Пушкина в неразрезанном виде и без дарительной надписи автора (см.: *Библ. П.*, № 339).

[4] Вероятно, Пушкин имеет здесь в виду опечатки в «Истории Пугачевского бунта». Часть их была сразу же устранена путем перепечатки отдельных страниц (см. письмо М. Л. Яковлева к Пушкину от 5 сентября 1835 г.: *Акад.*, XVI, № 1089); другие, из числа оставшихся невыправленными, были отмечены В. Б. Броневским в рецензии на «Историю Пугачева» (*Сын от.*, 1835, № 3, стр. 183—185; ср.: П у ш к и н. Об «Истории Пугачевского бунта». *Акад.*, IX, стр. 377—393; ср. также письмо Пушкина к Д. Н. Бантышу-Каменскому от 26 января 1835 г. — письмо 87). Полный список «Опечаток первого издания „Истории Пугачева“» см.: *Акад.*, IX, стр. 482—484.

119. Е. П. Люценко. — Печатается по тексту первой публикации. Подлинник неизвестен. Впервые (по подлиннику): «Русские ведомости», 1899, № 119, 2 мая, стр. 3. *Акад.*, XVI, № 1087.

[1] «Хлопоты» — в связи с затруднениями в издании переведенной Люценко повести в стихах А. Виланда «Pervonte, oder Die Wünsche» («Перфонтий, или Желания»). Рукопись была процензурована П. Гаевским 3 марта 1835 г. (*ЦГИА*, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 28, лл. 20 об.—21 об.). Цензурное разрешение подписано 12 марта; таким образом, издание поэмы задерживалось уже на пять месяцев из-за отсутствия издателя. Перевод Люценко был выпущен под заглавием «Вастола, или Желания. Повесть в стихах соч. Виланда, изд. А. Пушкиным» (СПб., 1836), без имени переводчика (см.: Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, стр. 420—426).

[2] Запутанность дел А. Ф. Смирдина объясняется тем, что во второй половине 1830-х годов он стал расширять свое предприятие, реорганизуя типографию, предпринимая одновременное издание большого количества книг и вкладывая значительные капиталы в издание «Библиотеки для чтения», а затем и «Сына отечества»; все это заставляло его постепенно ограничивать число новых, в особенности малодоходных, изданий, каким был перевод «Вастолы»; см. письма Н. Полевого А. Ф. Вельтману от 20 декабря 1837 г. (*РС*, 1901, № 5, стр. 409) и К. А. Полевому от 20 марта 1841 г. (Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. СПб., 1888, стр. 514—515).

[3] Цифра, названная Люценко Смирдиным, несомненно ошибочна. Настоящую стоимость издания Пушкин устанавливал, вероятно, по ближайшим случаям из собственной издательской практики; так, типографские расходы по «Истории Пугачевского бунта» (набор и печать) составили (из расчета 41.5 листа по 40 руб. за лист) 1660 руб. (*ПиС*, вып. XVI, стр. 86). Стопа бумаги (около 4.6 листа) стоила 15 руб. По этим расчетам печатание «Вастолы» (7 листов) при среднем тираже в 1500 экземпляров обошлось бы в 770 руб. Возможно, что стоимость издания была намеренно завышена Смирдиным, полагавшим, что «Вастола» не будет коммерчески рентабельной.

[4] Пушкин предполагал поехать в нижегородское имение (Болдино); затем, уступая настояниям Наталии Николаевны, изменил план, согласившись на поездку в Тригорское и Михайловское (см. письма О. С. Павлищевой к мужу от 31 августа и 12 сентября 1835 г.: *ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 162, 164), куда выехал 7 сентября (*Труды и дни*, стр. 341).

[5] Ни письмо Пушкина к М. А. Корфу, ни ответ последнего до нас не дошли. Корф, бывший лицейский товарищ Пушкина, с 6 декабря 1834 г. исполнял должность государственного секретаря. Обращение к нему имело целью, очевидно, устроить служебное положение Люценко. Лицеистом Пушкин называет Люценко, помня о его недолгой службе в Лицее. О дальнейших событиях, связанных с изданием книги Люценко, см. Словарь, стр. 424.

120. В. А. Поленову. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1542. Входило в состав дела № 27 Министерства иностранных дел «О допущении к занятиям в архивы Александра Пушкина для извлечения материалов по истории Петра Великого и к прочтению дела о Пугачевском бунте...» (*ИРЛИ*, ф. 244, оп. 16, № 123). Канцелярская помета: «№ 24. — 8-го сентября 1835». Впервые: *Гастфрейнд. Документы*, стр. 19—20 (с воспроизведением). *Акад.*, XVI, № 1088.

Написано перед перерывом в архивных занятиях, вызванным отъездом Пушкина в Михайловское и Тригорское (см. прим. 1 к письму 123). Ответ Поленова на это письмо Пушкина неизвестен и, возможно, был передан ему в устной форме.

[1] В ответ на просьбу Пушкина, изложенную в письме к Бенкендорфу от 26 января 1835 г., — см. письмо 86.

[2] См. прим. 2 к письму 86.

[3] Следственная комиссия по делу Пугачева была учреждена в Москве 27 сентября 1774 г.; следствие производил обер-секретарь Тайной экспедиции С. И. Шешковский. Основной допрос Пугачева продолжался с 4 по 14 ноября 1774 г. (протокол см.: *КА*, 1935, кн. 2—3, стр. 159—224); с 14 ноября по 11 декабря 1774 г. проходили дополнительные допросы (ныне: *ЦГАДА*, бывш. Гос. архив, разр. VI, д. 512, чч. I—III). О существовании следственной комиссии Пушкин мог знать из сентенции от 10 января 1775 г., опубликованной в «Полном собрании законов Российской империи» (т. XX, стр. 1—12) и в книге «Ложный Петр III» (т. 2, М., 1809, стр. 94—140). См. главу V диссертации Р. В. Овчинникова «Архивные разыскания А. С. Пушкина по истории восстания Е. И. Пугачева» (рукопись в *ИРЛИ*).

[4] В соответствии с просьбой Пушкина в Московский главный архив Министерства иностранных дел, которым заведовал А. Ф. Малиновский, 20 сентября 1835 г. был послан запрос. Первоначально он был заготовлен от имени Поленова, но затем был подписан членом совета Министерства иностранных дел К. К. Родофиникиным. В запросе предлагалось произвести разыскания в Московском главном архиве и в случае нахождения там допроса Пугачева доставить его в Петербург «вместе с другими бумагами, какие по делу о Пугачеве отыщутся; если же в Архиве их не находится, то почтить ‹...› уведомлением, не известно ли ‹...›, куда они поступили» (цит. по отпуску: *ИРЛИ,* ф. 244, оп. 16, № 123, лл. 9—10). Из ответа Малиновского от 30 сентября 1835 г. следует, что ни допроса Пугачева, ни каких-либо других о нем бумаг в Московский главный архив «официально не поступало». Но в Архиве были обнаружены и при том же письме отправлены в Петербург пугачевские материалы, «приватно собранные» Г.-Ф. Миллером и Н. Н. Бантышом-Каменским (см.: *Гастфрейнд. Документы*, стр. 20). Как установил Р. В. Овчинников, основная часть пугачевских материалов Московского главного архива была выписана в Петербург в 1826 г. по требованию М. М. Сперанского в связи с разработкой обряда следствия и суда над декабристами. Эти бумаги, переданные затем в Петербургский Сенатский архив, и составили те запечатанные 8 связок, с которыми Пушкин был уже знаком в момент написания данного письма. О содержании присланных Малиновским бумаг Миллера и Бантыша-Каменского и о знакомстве с ними Пушкина см.: П. Софинов. А. С. Пушкин — исследователь пугачевского движения. «Ист. журнал», 1937, № 2, стр. 50; Р. В. Овчинников. 1) О разыскании материалов «Пугачевского портфеля» Г.-Ф. Миллера. «Ист. архив», 1962, № 5, стр. 216—219; 2) Архивные разыскания А. С. Пушкина по истории восстания Е. И. Пугачева. Автореф. ‹канд.› дисс. М., 1965, стр. 15—16.

[5] Следственное дело о Пугачеве Пушкину так и не удалось получить, хотя оно находилось в Петербурге. В 1810 г. это дело в составе архива Тайной экспедиции Сената по предписанию министра юстиции И. И. Дмитриева было передано в Санктпетербургский архив старых дел. В 1830 г. была учреждена комиссия во главе с сенатором С. Ф. Мавриным для просмотра и классификации хранившихся в этом архиве материалов. В состав комиссии входил Поленов, который разбирал дела Тайной экспедиции Сената и выявил при этом пугачевское следственное дело. 17 июня 1834 г. Архив старых дел был упразднен, а в октябре 1835 г. материалы следствия над Пугачевым поступили во вновь образованный Государственный архив Министерства иностранных дел, которым управлял тот же Поленов. Вызывает недоумение, что Поленов, через руки которого лишь недавно прошло интересовавшее Пушкина дело, не сообщил о его местонахождении не только Пушкину, но и К. К. Родофиникину. Р. В. Овчинников, впервые обративший внимание на участие Поленова в разборке Архива старых дел, предположил, что Поленов «из чиновничьего сверхусердия» сознательно дезинформировал «поднадзорного» поэта (Р. В. Овчинников. Архивные разыскания А. С. Пушкина по

истории восстания Е. И. Пугачева, глава V, стр. 5, 20—23). Однако вряд ли Поленов решился бы нарушить повеление Николая I и одновременно ввести в заблуждение свое министерское начальство. Скорее здесь проявилось формально-бюрократическое отношение Поленова и к просьбе Пушкина и, ранее, к своей деятельности в комиссии Маврина.

121. В Главное управление цензуры. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 741. Помета неизвестной рукой: «списать». Впервые: по копии — *РС*, 1880, № 5, стр. 101; по подлиннику — *РС*, 1903, № 6, стр. 645—646. *Акад.*, XVI, Дел. бум., № 20.

Черновик письма: *ИРЛИ*, № 740. Впервые: *Шляпкин*, стр. 104—105. *Акад.*, XVI, Дел. бум., № 20а.

[1] Николай I объявил это Пушкину при первом их свидании в Москве 8 сентября 1826 г.; 30 сентября Бенкендорф направил Пушкину письмо, где было подтверждено, что «государь император сам будет и первым ценителем произведений <...> и цензором» поэта (*Акад.*, XIII, № 283). «Высочайшую цензуру» должны были проходить все без исключения произведения Пушкина, в том числе и мелкие стихотворения (см.: *Акад.*, XIII, № 303); в дальнейшем, однако, Бенкендорф отправлял Николаю I для просмотра только крупные произведения, остальные цензуровались либо самим шефом жандармов, либо кем-либо по его поручению (см.: М. Сухомлинов. Император Николай Павлович — критик и цензор сочинений Пушкина. *ИВ*, 1884, январь, стр. 55—87; Т. Зенгер. Николай I — редактор Пушкина. *ЛН*, т. 16—18, стр. 514 и сл.).

[2] Впервые поэма «Анджело» появилась в альманахе Смирдина «Новоселье» (ч. 2) в 1834 г. Рукопись «Анджело» была просмотрена только что вступившим в должность министра народного просвещения Уваровым, который исключил из нее несколько строк (стихи 169—173 и 186—189). 11 апреля 1834 г. Никитенко отметил в дневнике, что Пушкин «взбесился», увидав изъятия, и требует от Смирдина замены точками выпущенных строк. 14 апреля Никитенко сообщил Плетневу, что строки исключены по требованию министра (*Никитенко*, т. I, стр. 141—142). Несмотря на это объяснение, Пушкин продолжал обвинять Никитенко; см., например, дневниковую запись последнего от 17 января 1836 г. (там же, т. I, стр. 179) о том, что Пушкин не хочет простить ему за «Анджело». В черновике настоящего письма Пушкин указывал, что «скудоумные» исправления сделаны «Г. Ценс<ором> Ник<итенко> и Книгопр<одавцем> Смирдиным»; в беловом тексте слова эти были смягчены. Вторично поэма была напечатана в составе «Поэм и повестей» Пушкина (ч. 2, СПб., 1835; вышли в свет в конце августа 1835 г., см.: *П. в печ.*, стр. 124); в этом издании были сохранены цензурные изъятия.

[3] Попечителем Петербургского учебного округа в 1835 г. был князь М. А. Дондуков-Корсаков, который передал Пушкину распоряжение Уварова. Ср. запись в дневнике Никитенко от 9 апреля 1834 г.: «Прежде государь сам рассматривал его (Пушкина, — *Ред.*) поэмы, и я не знал, имею ли я право цензировать их. Теперь министр приказал мне поступать в отношении к Пушкину на общем основании» (*Никитенко*, т. I, стр. 140).

[4] «Путешествие в Арзрум» (см. письмо 94).

[5] Письмо Пушкина Уваров переслал в копии, вместе со своим письмом, в III отделение А. Н. Мордвинову (*Дела III отд.*, стр. 165—167). Отзыв на это III отделения неизвестен. Ответ же на запрос Пушкина из Главного управления цензуры был составлен 26 сентября 1835 г. за № 312. Так как в печати он неизвестен, приводим его по отпуску (*ИРЛИ*, ф. 244, оп. 16, № 66, л. 5) полностью:

«Господину титулярному советнику Пушкину. По поданному вами в Главное управление цензуры прошению относительно формы для представления в типографию рукописей ваших сочинений, Управление определило объявить вам, что рукописи, издаваемые с особого высочайшего разрешения, печатаются независимо от цензуры Министерства народ-

ного просвещения, но все прочие издания, назначаемые в печать, должны на основании высочайше утвержденного в 22 день ‹апреля› 1828 года Устава о цензуре, быть представляемы в Цензурный комитет, которым рассматриваются и одобряются на общих цензурных правилах.

О сем канцелярия Главного управления цензуры, по предписанию Господина министра нар‹одного› пр‹освещения›, имеет честь вас уведомить.

Под‹писал› Мин‹истр› нар‹одного› пр‹освещения› С. Уваров. Верно: Правитель дел В. Комовский».

Очевидно, еще до получения этого ответа Пушкин стал писать письмо с жалобою на Уварова Бенкендорфу (см. письмо 130), но не послал его.

122. Е. Ф. Канкрину. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 642; входил в дело Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов 1834 г., № 7, «О ссуде камер-юнкеру Пушкину на напечатание Истории Пугачевского бунта 20 т.‹ысяч› р.‹уб.› без процентов на 2 года», лл. 36—37 (*ИРЛИ*, ф. 244, оп. 16, № 47; см.: *Бюлл. РО*, вып. VI, стр. 92, № 889). Канцелярские пометы: «16 сентяб. 1835, № 979», «17 сентяб. 1835, № 4361». Впервые: *РА*, 1890, кн. II, № 5, стр. 97—98. *Акад.*, XVI, № 1090.

[1] Николай I предложил сначала Пушкину ссуду в 10 тыс. руб. и отпуск на 6 месяцев, а затем согласился на его просьбу выдать ему 30 тыс. руб. в виде ссуды без процентов с удержанием его жалованья. См. письма 115, 117.

[2] См. письма Бенкендорфа Канкрину и Канкрина Бенкендорфу: *Дела III отд.*, стр. 163—164.

[3] В 1834 г. Пушкину было выдано 20 тыс. руб. на печатание «Истории Пугачева» с условием уплаты в течение двух лет (см.: *Акад.*, XV, № 888). В 1835 г. вместо отпущенной ему Николаем I ссуды в 30 тыс. руб. с последующим удержанием в уплату его жалованья (см.: *Гастфрейнд. Документы*, стр. 47—51, 55—58; *Дела III отд.*, стр. 162—164, 168—169) Пушкин получил лишь 18 231 руб. 67 коп., вследствие вычета 10 тыс. руб. с процентами в погашение половины первой ссуды в 20 тыс. руб., выданной ему в 1834 г. Просьбу Пушкина, выраженную в настоящем письме, Е. Ф. Канкрин доложил Николаю I. «На всеподданнейшей докладной моей о сем записке, — сообщил он К. К. Родофиникину, — его императорское величество 30 сентября/12 октября сего года собственноручно написать изволил „Исполнить“» (*Лет. ГЛМ*, кн. 5, стр. 123). О том же Канкрин письмом от 10 октября 1835 г. сообщил А. Х. Бенкендорфу (*Дела III отд.*, стр. 168—169) и известил самого Пушкина (см. письмо 131).

123. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1543. Почтовые штемпеля: «Новоржева 1835 сент. 16 дня» и «Получено 1835 сен. 21 утро». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 29. *Акад.*, XVI, № 1091.

[1] Получив отпуск на 4 месяца (см. комментарий к письму 113), Пушкин 7 сентября уехал в Михайловское, чтобы поработать в деревне в осенние месяцы, наиболее для него плодотворные, но уже 23 октября вернулся в Петербург (см. письмо О. С. Павлищевой к Н. И. Павлищеву от 24 октября 1835 г.: *ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 184). Вернуться раньше времени его вынудило ухудшение здоровья матери (см. письмо 132).

[2] Ср. стихотворение Пушкина «Приметы» (1829).

[3] «Экспедиция» Н. Н. Пушкиной к графине Е. З. Канкриной была связана с просьбой Пушкина к гр. Е. Ф. Канкрину не удерживать старый долг из выданной ему в 1834 г. ссуды (см. письмо 122).

[4] «Граф Юрьев» — В. Г. Юрьев, ростовщик, которого Пушкин иронически называет этим титулом по аналогии с графом Канкриным.

[5] «С твоей однофамилицей» — с графиней Э. К. Мусиной-Пушкиной.

[6] Мария Александровна — дочь Пушкиных Маша; Сашка — их сын Александр.

[7] Азя и Коко — сестры Н. Н. Пушкиной А. Н. и Е. Н. Гончаровы.

[8] «Общие дела» — альманах, который Пушкин задумал издавать совместно с Плетневым после того, как в мае 1835 г. ему было отказано в издании газеты (см. письма 93, 105). По-видимому, для этого альманаха Н. Н. Пушкина 18 августа 1835 г. просила Д. Н. Гончарова прислать 85 стоп бумаги гончаровской фабрики (см.: М. Яшин. Пушкин и Гончаровы. По неизвестным эпистолярным материалам. «Звезда», 1964, № 8, стр. 175—177). Письмо Плетнева к Пушкину не сохранилось; см. письмо 129 — ответное письмо Пушкина. Получив возможность издавать «Современник», Пушкин оставил мысль об альманахе (см. письмо 129, прим. 6).

124. А. И. Беклешовой. — Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, *Рук. ПД*, *1964*, Приложение, № 43. Подлинник, считавшийся утраченным, теперь находится в собрании автографов С. Лифаря в Париже (см. сообщение об этом: «Сов. Россия», 1965, № 141, 17 июня). Впервые: *РА*, 1899, кн. III, стр. 172. *Акад.*, XVI, № 1092.

Основания для датировки письма следующие. Пушкин приехал в Михайловское 10 или 11 сентября (на дорогу уходило обычно 3 дня). Письмо написано не ранее 14 сентября, после первого посещения Пушкиным (13 сентября) имения Вревских Голубова (см. «Вседневный журнал на 1835 г.» Б. А. Вревского, запись от 13 сентября: *ПиС*, вып. XXI—XXII, стр. 392), так как в настоящем письме Пушкин упоминает о своем разговоре с Е. Н. Вревской, от которой он услышал о намерении А. И. Беклешовой вновь побывать у своих родных. Пушкин просит А. И. Беклешову приехать в Тригорское «хоть к 23-му <сентября>» (т. е. ко дню рождения П. А. Осиповой, об этом см.: *Акад.*, XIII, № 216), надеясь, таким образом, что она сможет приехать раньше этого крайнего срока. К моменту нового посещения поэтом Голубова, состоявшегося 19—20 сентября (о нем см. письмо к Н. Н. Пушкиной от 21 сентября — письмо 125), приглашение было уже отослано, и поэт с нетерпением ожидал приезда Беклешовой. Об этом писала Е. Н. Вревская в письме А. Н. Вульфу от 4 октября 1835 г.: «Поэт по приезде сюда был очень весел, хохотал и прыгал по-прежнему, но теперь, кажется, впал опять в хандру. Он ждал Сашиньку с нетерпением, надеясь, кажется, что пылкость ее чувств и отсутствие ее мужа разогреет его состаревшие физические и моральные силы» (*ПиС*, вып. XIX—XX, стр. 106 и 107). Однако Беклешова в Тригорское не приехала (см. письмо 126).

[1] Мария Ивановна — М. И. Осипова, сестра А. И. Беклешовой (Осиповой) по отцу (об их поразительном сходстве см.: *ПиС*, вып. XIX—XX, стр. 108).

[2] Поэт шутливо напоминает о своем прежнем увлечении А. И. Осиповой (Беклешовой) — Алиной, Сашенькой, как называли ее близкие и родные, отразившемся в стихотворении эпохи ссылки в Михайловское «Признание», из которого он цитирует одну строку (см.: *Акад.*, III, стр. 29).

125. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1544. Почтовые штемпеля: «Новоржева 1835 сент. 23 дня» и «Получено 1835 сен. 28 утро». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 29—30. *Акад.*, XVI, № 1093.

[1] В Павловске жили родители Пушкина С. Л. и Н. О. Пушкины, от которых Н. Н. Пушкина и могла узнать почтовый адрес Михайловского (ср. письмо 123, где дается адрес Тригорского). 17 сентября был день именин Н. О. Пушкиной.

[2] Огромное состояние Гончаровых было почти разорено дедом Н. Н. Пушкиной А. Н. Гончаровым, который владел 3450 душами, но оставил после себя около полутора миллиона долгу. Все имения и недвижимость, включая дом в Москве, были заложены. От залога уцелел только майорат — Полотняный завод, управление которым после смерти А. Н. Гончарова перешло к Д. Н. Гончарову. Сестрам выделялись ежегодные суммы из доходов, при этом на долю Н. Н. Пушкиной — наименьшая часть. Так, за 1836 г. Наталья Николаевна получила 1210 руб. (см.: М. Яшин.

Пушкин и Гончаровы. По неизвестным эпистолярным материалам. «Звезда», 1964, № 8, стр. 172; там же даются подробные сведения о положении дел в имениях Гончаровых).

³ Пушкин имеет в виду отказ царя в отставке и в издании журнала или газеты (см. письма 93, 105, 106, 113, 115).

⁴ См. письмо 44.

⁵ Тетка — Е. И. Загряжская.

⁶ По-видимому, Пушкин взял у Вревских сочинения Вальтера Скотта во французском переводе Дефоконпре (Defauconpret); некоторые тома этого издания сохранились в библиотеке Пушкина — быть может, из библиотеки Вревских (см.: *Библ. П.*, №№ 1366 и 1368). Кроме того, Пушкин пользовался библиотекой в Тригорском, где были сочинения В. Скотта в немецких и французских переводах (см.: Б. Л. Модзалевский. Каталог библиотеки села Тригорского. *ПиС*, вып. I, №№ 40, 135, 136, 294, 295).

⁷ См. прим. 2 к письму 72.

⁸ Essais de Michel de Montaigne. Nouvelle édition. Paris, 1828. 4 тома. Книга сохранилась в библиотеке Пушкина в разрезанном виде, но заметок в ней нет (см.: *Библ. П.*, № 1185).

⁹ Маймист — петербургское прозвище финнов.

¹⁰ Бель-сёры (belles-sœurs) — свояченицы, сестры Н. Н. Пушкиной А. Н. и Е. Н. Гончаровы; Пушкин строит каламбур на русской транскрипции французского названия.

126. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1545. Оттиск почтового штемпеля, бывшего на утраченном конверте: «Псков 1835 сент. 2 <...>». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 30—31. *Акад.*, XVI, № 1095.

¹ Арина Родионовна умерла 31 июля 1828 г. в Петербурге, в доме О. С. Павлищевой. Воспоминанию о ней посвящено в большей своей части стихотворение «Вновь я посетил» (см. ниже).

² Следующим днем (после письма), т. е. 26 сентября, помечена беловая рукопись стихотворения «Вновь я посетил», в котором есть близкое этому письму описание «знакомых старых сосен»:

...Они все те же,
Все тот же их, знакомый уху шорох —
Но около корней их устарелых
(Где некогда все было пусто, голо)
Теперь младая роща разрослась,
Зеленая семья: кусты теснятся
Под сенью их как дети...

Однако грустная нота письма, досада на быстротекущее время в стихотворении заменяются размышлением о мудром законе жизни.

³ Ср. обмен теми же репликами в «Истории села Горюхина», в описании приезда И. П. Белкина в родную усадьбу: «Женщинам говорил я без церемонии: „Как ты постарела" — и мне отвечали с чувством: „Как вы-то, батюшка, подурнели"» (*Акад.*, VIII, стр. 129).

⁴ С. Н. Карамзина и Е. Н. Мещерская с мужем и сыном вернулись из путешествия по Германии, Швейцарии, Италии (см. письмо 30).

127. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1546. Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 31—32. *Акад.*, XVI, № 1096.

¹ Катерина Ивановна — Е. И. Загряжская.

² Слухи о предстоящем замужестве графини Полье распространялись еще в 1834 г. (см. запись в дневнике Пушкина 17 марта 1834 г.: *Акад.*, XII, стр. 322). Это сообщение оправдалось только в 1836 г.

³ Намек на вычет, сделанный Министерством финансов при выдаче Пушкину 30-тысячной ссуды, что противоречило указанию Николая I, а Пушкина ставило в безвыходное положение (см. письма 122 и 123).

[4] Летом 1832 г. Пушкин получил разрешение на издание газеты «Дневник», но не смог им воспользоваться (см. прим. 1 к письму 93). В апреле 1835 г. он снова просил разрешения издавать газету «во всем подобную „Северной пчеле"» и получил отказ (см. письма 93, 94, 105). Не удалось ему и уехать в деревню «на 3—4 года»; вместо этого ему был предложен и дан четырехмесячный отпуск (см. письма 105, 113, 114, 115).

[5] См. прим. 2 к письму 125.

[6] У Пушкиных был большой штат прислуги, в том числе четыре горничных, две няни, кормилица (см.: *П. и мужики*, стр. 171).

[7] Записка А. П. Керн к Пушкину неизвестна, так же как и письмо к ней А. Н. Вульф, написанное по поручению Пушкина. А. П. Керн, нуждаясь в деньгах, перевела роман Жорж Санд «André». О. С. Павлищева сообщала мужу 9 ноября 1835 г.: «Угадай, что делает Аннета Керн? Она переводит, но что бы ты думал? — Жорж Санд!! Но не ради удовольствия, а для денег. Она просила Александра замолвить за нее слово у Смирдина, но Александр не церемонится, когда надо отказать. Он сказал ей, что совсем не знаком со Смирдиным» (*ЛН*, т. 16—18, стр. 795). Однако в письме к мужу от 31 января 1836 г. О. С. Павлищева писала, что А. П. Керн «возится с цензурами, с книгопродавцами» (*ПиС*, вып. XXIII—XXIV, стр. 212). Перевод, по-видимому, не был напечатан, так как в библиографических росписях Смирдина сведений о нем нет. А. П. Керн в своих записках о нем не упоминает. Слова Пушкина о том, что Керн — «верный список с M^d^ Sand», содержат язвительный намек на невысокую нравственную репутацию обеих, с одной стороны, отражающий ходячее в обществе мнение об одной из главных представительниц современной французской романистики, с другой — имеющий в виду ревнивое отношение Н. Н. Пушкиной к А. П. Керн. См. в кн.: Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. Л., 1960, стр. 168, 421—422.

[8] «Общее дело» — задуманный Пушкиным с Плетневым альманах (см. письмо 123).

[9] Установить, что именно было написано Пушкиным в Михайловском осенью 1835 г., с точностью невозможно; точно датировано этим временем лишь стихотворение «Вновь я посетил» (см. прим. 2 к письму 126). Но можно предполагать, что Пушкин в «михайловскую осень» 1835 г. был занят рядом замыслов в стихах и в прозе, ни один из которых не был доведен до конца; к ним относятся обращения к Плетневу и другим друзьям о возможности продолжения «Евгения Онегина» (*Акад.*, III, стр. 395—397; последний набросок — «В мои осенние досуги» — помечен в перебеленном автографе: «[15] 16 ‹сент›ября»), «Я думал, сердце позабыло» (там же, стр. 401), перевод из Барри Корнуола — «О бедность! затвердил я наконец...» (там же, стр. 402), «Если ехать вам случится» (там же, стр. 403) и некоторые другие. Возможно, что к этому времени относятся и наброски драматических произведений на темы из истории западноевропейского феодализма: «От этих знатных господ», «И ты тут был?» (*Акад.*, VII, стр. 254—255, 257). По-видимому, в Михайловском написаны первые главы повести «Египетские ночи» и, возможно, повесть «Мария Шонинг». Но бо́льшая часть этих датировок предположительна.

[10] Нераскрытый намек.

[11] От Е. М. Хитрово, связанной с дипломатическими кругами, Пушкин получал новейшие политические известия. Другим источником политических новостей был Английский клуб.

128. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1547. Почтовый штемпель: «4 октября». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 32. *Акад.*, XVI, № 1098.

[1] «Расписаться» Пушкину так и не удалось (см. письмо 129 — к П. А. Плетневу), так как 23 октября он уже вернулся в Петербург (см. письмо О. С. Павлищевой к мужу от 24 октября 1835 г.: *ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 184). Ср. прим. 9 к письму 127.

² Вопрос относится к изданию альманаха (см. письма 123, 127 и 129).

129. П. А. Плетневу. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 643. Почтовые штемпеля: «Остров <?> 1835 11 октябр.» и «Получено 1835 окт. 16 утро». Помета рукой Плетнева: «20. Из Михайловского». Впервые: отрывок — *РА*, 1869, стлб. 2068; полностью — *ВЕ*, 1881, март, стр. 12—13. *Акад.*, XVI, № 1102. Датируется на основании островского почтового штемпеля.

¹ Это письмо неизвестно.

² «Путешествие в Арзрум» Пушкин предполагал напечатать отдельным изданием (см. письмо 94; *Путеводитель*, стр. 298; *Рукою П.*, стр. 879—880; *Лет. ГЛМ*, кн. I, стр. 317—320). Рукопись «Путешествия» была одобрена цензором В. Н. Семеновым 28 сентября 1835 г. и получена Плетневым из цензуры 29 сентября (*Бюлл. РО*, вып. VI, стр. 85, № 817). От замысла отдельного издания Пушкин затем отказался в связи с проектом издания альманаха, а позднее — журнала «Современник».

³ Прошение — в Главное управление цензуры (см. письмо 121).

⁴ Ожидая неблагоприятного ответа, Пушкин, по-видимому, собирался обратиться с жалобой к Бенкендорфу. Возможно, что черновой набросок письма к Бенкендорфу (письмо 130), связанный с этим намерением, начат после получения письма Плетнева в Михайловском. Дундук — кн. М. А. Дондуков-Корсаков.

⁵ В письме от 7 октября 1835 г. Гоголь писал Пушкину о своем тяжелом материальном положении и расчетах на литературные гонорары (*Акад.*, XVI, № 1100).

⁶ Каламбурно-иносказательные наименования журналов — характерный прием журнальной полемики в 1830-е годы (см., например: В. Каллаш. Пушкин, Н. Полевой и Булгарин. *ПиС*, вып. II, стр. 32—49). В 1836 г. в связи с выходом «Современника» А. О. Смирнова-Россет писала: «Опасаюсь, чтобы название „Современник“ не щекотало целомудренных ушей Греча, Булгарина и К° и они отомстят, указывая на слишком современную аллюру нашего издания» (*РА*, 1884, № 4, стр. 430). П. А. Вяземский вспоминал, что Пушкин «сердился» на предложенное им название журнала «Современник» (*Вяземский*, т. II, стр. 371). Ср. совершенно аналогичные советы Баратынского И. Киреевскому в письме от 8 октября 1831 г. в связи с замыслом журнала «Европеец»: «Европеец <...> будет понят журналистами в обидном смысле; а зачем вооружать их прежде времени? Нельзя ли назвать журнал *Северным Вестником*, *Орионом* (ср. в настоящем письме Пушкина, — *Ред.*) или своенравно, но вместе незначительно, вроде *Nain jaune* («Желтый карлик», — *Ред.*), издаваемого при Людовике XVIII наполеонистами?» (Е. А. Боратынский. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. Гослитиздат, М., 1951, стр. 504). Говоря о «виньетке без смысла», Пушкин, возможно, имел в виду обезопасить будущий альманах от нареканий со стороны цензуры и III отделения, которые в это время становятся чрезвычайно подозрительны ко всяким (в том числе и мнимым) аллюзиям. Так, к 1827 г. относится переписка Бенкендорфа с ген. Волковым по поводу виньетки на обложке издания «Цыган», в выборе которой Бенкендорф усматривал антиправительственный умысел (см.: *Лемке*, стр. 482; *Дела III отд.*, стр. 260—261). Та же виньетка вызвала подозрения и по отношению к «Телескопу» (см.: М. Лемке. Чаадаев и Надеждин. «Мир божий», 1905, октябрь, стр. 128—130; см. также: Б. Томашевский. Мелочи о Пушкине. *П. Врем.*, т. 2, стр. 294—296). 22 мая 1835 г. Московский цензурный комитет запретил «виньетку, изображающую чудовище, поражаемое кинжалом рукою невидимого» (ЦГИА, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 28, л. 45). Предположения некоторых исследователей о том, что в названии «Арион» есть намек на декабристскую направленность будущего альманаха (см., например: М. П. Еремин. Пушкин-публицист. Гослитиздат, М., 1963, стр. 246—247), не убедительны. Альманах был задуман Пушкиным после

запрещения Николаем I политической газеты (см. письмо 93); замысел был оставлен, когда было получено разрешение на издание «Современника» (см. письмо 137); все упоминаемые в письме произведения были напечатаны в первом томе журнала.

[7] Парафраза слов Александра Ивановича из незавершенной комедии Гоголя «Владимир 3-й степени». В оригинале: «корзиночки, лира, вокруг сухарики, бубны и барабан» — «очень натуральная» роспись на потолках казенной квартиры Ивана Петровича. Отрывок из комедии Гоголя, известной Пушкину в рукописи, был напечатан в «Современнике» под названием «Утро делового человека. Петербургские сцены» (*Совр.*, 1836, т. I, стр. 227—241).

[8] См. письмо 104.

[9] В «Московском наблюдателе» такого объявления не появилось. Отклик на использование псевдонима «А. Белкин» в повести «Турецкая цыганка» находим в «Литературных заметках» А. Кораблинского (А. Ф. Воейкова), опубликованных в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду». «Известно, — писал он, — что это псёдоним нашего гениального поэта, нашего очаровательного прозаика, *А. С. Пушкина*. Бедняжка, навьюча на себя это знаменитое имя, забыл, что оно задавит его, как *Ахиллесова* броня Фирса. Дорого бы мы дали, чтобы узнать имя этого господина; мы только можем по слогу догадываться...» (*Лит. приб.*, 1836, № 3, 8 января, стр. 22; заметка датирована 21 октября 1835 г.). Там же появился и разбор «Потерянной для света повести» с намеком на авторство Сенковского (там же, № 9, 29 января, стр. 70—71; заметка от 23 ноября 1835 г.; см. также заметку от 1 декабря 1835 г.: там же, № 15, 19 февраля). Прямое указание на принадлежность псевдонима Сенковскому есть и в статье Гоголя «О движении журнальной литературы» (*Совр.*, 1836, т. I, стр. 197).

[10] Каламбур, основанный на совпадении фамилии петербургской домовладелицы с названием старинной башни в Москве (теперь не существующей). Квартиру в доме А. М. Сухаревой на Фонтанке (см.: А. Яцевич. Пушкинский Петербург. Л., 1935, стр. 15) Плетнев занимал до 1839 г.

130. А. Х. Бенкендорфу. — Черновой подлинник: *ИРЛИ*, № 645. Беловой текст неизвестен. Впервые: *Шляпкин*, стр. 106. *Акад.*, XVI, № 1104.

В академическом издании датировано: «Около(не ранее) 23 октября 1835 г. Петербург», но, по-видимому, написано в середине (между 11 и 20) октября в Михайловском. Основания для датировки см. ниже.

[1] «Одного из моих стихотворений» — поэмы «Анджело» (см. письмо 121).

[2] Письмо Пушкина в Главное управление цензуры от 28 августа 1835 г. (см. письмо 121) рассматривалось в заседании 9 сентября (*ИРЛИ*, ф. 244, оп. 16, № 66, л. 3—3 об.). 23 сентября (т. е. почти через месяц после жалобы Пушкина) Уваров направил копию его просьбы со своим письмом в III отделение (в связи с отъездом Бенкендорфа на имя А. Н. Мордвинова, см.: *Дела III отд.*, стр. 165); аналогичным письмом от 26 сентября за № 312 был уведомлен и Пушкин (см. письмо 121; см. также: *Дела III отд.*, стр. 165; *Ефр., 1905*, т. VIII, стр. 462). О решении Главного управления цензуры (см. прим. 2 к письму 121) Пушкину стало известно не сразу, так как он был в Михайловском и вернулся лишь 23 октября (см. письмо 131). Около (не позднее) 11 октября он осведомлялся у Плетнева о судьбе своего прошения (см. письмо 129); вероятнее всего, слова письма «они от меня так легко не отделаются» означали намерение обратиться с жалобой к Бенкендорфу. Можно думать, что настоящее письмо и есть набросок этой жалобы, оставшийся неоконченным и неотосланным, так как, вернувшись в Петербург, Пушкин узнал об ответе Главного управления цензуры.

131. Е. Ф. Канкрину. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 646; входил в дело Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов, л. 52

(см. письмо 122). Канцелярские пометы: «30 октября 1835», «31 ‹октября 1835›», «№ 24029/5102». Впервые: *РА*, 1890, кн. II, № 5, стр. 98. *Акад.*, XVI, № 1103.

[1] Узнав о болезни матери, Пушкин вернулся из Михайловского раньше, чем предполагал, — 23 октября (*ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 184), и в тот же день направил Канкрину настоящее письмо.

[2] Письмо Канкрина к Пушкину с этим извещением неизвестно; возможно, что распоряжение Николая I о ссуде Пушкину было сообщено устно при свидании Н. Н. Пушкиной с Канкриным или — что менее вероятно — с его женой (см. письма 122 и 123).

132. П. А. Осиповой. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1548. Почтовый штемпель: «С.-Петербург. Отделение 1-е. Окт. 26». Впервые: в русском переводе — *СПб. вед.*, 1866, 29 июня, № 175; во французском оригинале — *РА*, 1867, № 1, стлб. 151—153. *Акад.*, XVI, № 1105.

Датируется на основании почтового штемпеля.

[1] Письмо написано по возвращении Пушкина из Михайловского, откуда поэт выехал 20 октября и прибыл в Петербург 23 октября (см.: *ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 184).

[2] Обострение болезни матери заставило Пушкина возвратиться в Петербург раньше предположенного времени. О болезни Н. О. Пушкиной см. письмо О. С. Павлищевой к мужу от 24 октября 1835 г.: *ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 181—182.

[3] По данным ревизии 1833 г., в с. Болдине (в части С. Л. Пушкина) числилось 564 души крепостных, в с. Кистеневе — 524 души. В с. Михайловском (принадлежавшем Н. О. Пушкиной) было 80 душ. Все это и составляет примерно те 1200 душ, о которых пишет Пушкин в своем письме.

[4] В квартире Пушкиных на Дворцовой набережной, в доме Баташева, кроме его собственной семьи, в которой было к этому времени трое детей, жили также и сестры Н. Н. Пушкиной — А. Н. и Е. Н. Гончаровы. О возникающих в связи с этим неудобствах писала своему мужу и О. С. Павлищева, защищая Пушкина от упреков его недоброжелателей (см.: *ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 186—187; ср.: *ЛН*, т. 16—18, стр. 795).

[5] По возвращении из Павловска родители Пушкина и О. С. Павлищева сняли маленькую, неудобную квартиру на углу Шестилавочной улицы (теперь ул. Маяковского) и Графского переулка, в доме Какушкина (*ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 182).

133. И. И. Лажечникову. — Печатается по тексту второй публикации (см. ниже) с восстановлением пропущенных слов по *Ефр., 1882*. Подлинник неизвестен. Впервые, без даты и с цензурным пропуском: *РВ*, 1856, т. I, февраль, кн. 2, стр. 614—615; вторично, с тем же пропуском: И. И. Лажечников, Собрание сочинений, т. VII, СПб., 1858, стр. 318—320. Полностью: *Ефр., 1882*, т. VII, стр. 370—371. *Акад.*, XVI, № 1107.

Написано Пушкиным по получении от Лажечникова дарственного экземпляра «Ледяного дома» (в библиотеке Пушкина роман не сохранился).

[1] О портрете Пугачева см. прим. 3 к письму 27. На основании комментируемого письма Н. О. Лернер считал, что гравюра была получена из Парижа около 3 октября (*Труды и дни*, стр. 343). Между тем она прибыла в Петербург около 18 июля, а 15 августа Пушкин уже послал А. А. Фукс экземпляр «Истории Пугачевского бунта», снабженный портретом (см. письмо 118). Неточность Пушкина объясняется, видимо, его желанием оправдать свою задержку с посылкой к Лажечникову «Истории».

[2] Пушкин возвратился из поездки в Михайловское и Тригорское 23 октября (см. письмо 131, прим. 1). Давал ли он кому-нибудь поручение о рассылке в его отсутствие «Истории Пугачева», неизвестно.

[3] Список «Летописи» П. И. Рычкова, присланный Пушкину Лажечниковым при письме от 30 марта 1834 г. (*Акад.*, XV, № 905; см. прим. 1 к письму 38).

[4] Об отношении Пушкина к роману Лажечникова «Последний Новик» см. письмо 38 и прим. 4 и 5 к нему.

[5] Упрек Пушкина связан с его общими требованиями к историческому роману (см. сводку суждений поэта в кн.: С. М. Петров. Исторический роман А. С. Пушкина. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 3—60). Пушкин настаивал на верности романиста исторической истине, при которой «романическое происшествие без насилия входит в раму обширнейшую происшествия исторического» (*Акад.*, XI, стр. 92). Лажечников же отстаивал право писателя на свободное обращение с фактами истории во имя высшей, поэтической истины. В письме к Пушкину от 22 ноября 1835 г. он утверждал: «Историческую верность главных лиц моего романа старался я сохранить, сколько позволяло мне поэтическое создание, ибо в историческом романе истина всегда должна уступить поэзии, если та мешает этой. Это — аксиома» (*Акад.*, XVI, № 1110). Об искажении образов исторических лиц в «Ледяном доме» (Бирона, Волынского, Тредьяковского) из числа первых критиков романа писали О. И. Сенковский (*БдЧ*, 1835, т. XII, Критика, стр. 28—34) и Н. А. Полевой (*Сын от.*, 1838, т. V, отд. IV, стр. 69).

[6] Упоминаемое Пушкиным следственное дело Волынского в настоящее время хранится в ЦГАДА (VI разряд бывш. Госархива, ф. 6, 1740 г., №№ 194—197, 199, 208). Изложение этого дела и извлечения из него см. в кн.: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. X (т. XX). Соцэкгиз, М., 1963, стр. 681—686. Пушкин мог судить о его содержании по «Записке об Артемии Волынском», составленной в 1831 г. Д. Н. Блудовым по указанию Николая I на основании подлинного дела. Писарская копия «Записки» сохранилась среди бумаг Пушкина (см.: *Дела III отд.*, стр. 191; ныне: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 3, № 152) и предназначалась им для публикации в «Современнике» (см.: Н. Петрунина. Два замысла Пушкина для «Современника». *РЛ*, 1966, № 4, стр. 157—159). После смерти Пушкина сжатое изложение «Записки» было опубликовано А. А. Краевским в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара (т. XI, СПб., 1838, стр. 464—473), полностью же она напечатана лишь в 1858 г. («Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1858, кн. 2, отд. V, стр. 135—170).

[7] Следуя поэтической традиции Рылеева, Лажечников идеализировал Волынского, представив его бескорыстным патриотом и гражданином (см.: М. В. Нечкина. «Ледяной дом» И. И. Лажечникова. В кн.: И. И. Лажечников. Ледяной дом. Гослитиздат, М., 1958, стр. 28—31; Н. Г. Ильинская. Роман И. И. Лажечникова «Ледяной дом». (Общественно-политическая проблематика). Уч. зап. Ленингр. пед. инст. им. А. И. Герцена, 1958, т. 184, вып. 6, стр. 49—57). У Пушкина же сложилось иное, более сложное отношение к Волынскому. Этому способствовали его занятия историей Петра I и знакомство с вышеупомянутой «Запиской об Артемии Волынском», где приводится множество неблагоприятных исторических свидетельств о нем. Лажечников в ответе Пушкину отстаивал свою трактовку образа Волынского, ставя под сомнение объективность источников, на которые опирался Пушкин (*Акад.*, XVI, № 1110). Но первый же биограф Волынского, выступивший после опубликования «Записки», как бы оправдывая предсказание Пушкина, начал свою статью полемикой с идеализацией Волынского, которой «много способствовал „Ледяной дом“ г. Лажечникова, долгое время заменявший собою для характеристики Волынского все исторические материалы и научные исследования» (И. Шишкин. Артемий Петрович Волынский. *ОЗ*, 1860, кн. 2, стр. 451).

[8] В ответном письме Пушкину Лажечников писал: «В моем романе я заставил Тредьяковского говорить и действовать как педанта и подлеца: в этом случае я не погрешил ни как историк, ни как художник» (*Акад.*, XVI, № 1110). Этому традиционному взгляду на Тредьяковского противостояла другая оценка его деятельности, впервые сформулированная

А. Н. Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву» и в статье 1801 г. «Памятник дактило-хореическому витязю». Радищев высоко отозвался здесь о Тредьяковском как теоретике стиха. Примыкая к Радищеву, Пушкин в «Путешествии из Москвы в Петербург» писал о Тредьяковском: «Его филологические и грамматические изыскания очень замечательны. Он имел о русском стихосложении обширнейшее понятие, нежели Ломоносов и Сумароков <...>. В „Тилимахиде“ находится много хороших стихов и счастливых оборотов <...>. Вообще изучение Тредьяковского приносит более пользы, нежели изучение прочих наших старых писателей» (*Акад.*, XI, стр. 253—254). Тенденциозное изображение Тредьяковского в «Ледяном доме» вызвало возражение также у О. И. Сенковского, писавшего, что Тредьяковский в романе — «самая неудачная карикатура, какую только человек с дарованием может создать» (*БдЧ*, 1835, т. XII, Критика, стр. 29). В ответе Пушкину и в позднейших воспоминаниях (*РВ*, 1856, т. I, февраль, кн. 2, стр. 617—620) Лажечников отстаивал свою трактовку образа Тредьяковского, однако при переиздании «Ледяного дома» в 1858 г. он, по наблюдениям новейшего исследователя, «по-видимому под влиянием критических замечаний Пушкина, исключает некоторые особенно резкие характеристики Тредьяковского» (см. примечания Н. Г. Ильинской в кн.: И. И. Лажечников, Сочинения в двух томах, т. II, Гослитиздат, М., 1963, стр. 687).

[9] Имеется в виду рапорт В. К. Тредьяковского имп. Академии наук от 10 февраля 1740 г. с жалобами на «бесчестье и увечье», нанесенные ему Волынским. Пушкин был знаком с этим документом: список рапорта после смерти поэта был найден в его бумагах (см.: *Дела III отд.*, стр. 191; ныне: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 3, № 153). По признанию Лажечникова, когда он писал «Ледяной дом», донесение Тредьяковского в Академию еще не было ему известно (*РВ*, 1856, т. I, февраль, кн. 2, стр. 617). Оно было опубликовано в 1845 г. («Москвитянин», № 2, отд. IV, Материалы, стр. 43—46). В. Г. Белинский, познакомившись с «историей истязания» Волынским Тредьяковского и как бы развивая мысль Пушкина, писал в том же году: «И писатели нашего времени берут сторону Волынского в этом позорном факте <...>. Бедный Тредьяковский! тебя до сих пор едят писаки и не нарадуются досыта, что в твоем лице нещадно бито было оплеухами и палками достоинство литератора, ученого и поэта!» (*Белинский*, т. IX, стр. 189—190).

[10] На это замечание Пушкина Лажечников отвечал: «Сам Бирон. О! Никакое перо, даже творца Онегина и Бориса Годунова, не в состоянии снять с него позорное клеймо, которое История и ненависть народная, передаваемая от поколения поколению, на нем выжгли». И далее: «Не соглашусь также с Вами и в том, чтобы ужасы Бироновского тиранского управления были в духе того времени и в нраве народа. Приняв это положение, надобно будет все злодеяния правителей отнести к потребностям народным и времени» (*Акад.*, XVI, № 1110). В воспоминаниях о Пушкине Лажечников снова писал: «Со всем уважением к памяти Пушкина, скажу: оправдание Бирона почитаю непостижимою для меня *обмолвкой* великого поэта» (*РВ*, 1856, т. I, февраль, кн. 2, стр. 621). Лажечников не понял пушкинской оценки Бирона, связанной с его концепцией русской истории XVIII в. В «Заметках по русской истории XVIII века» (1822) Пушкин охарактеризовал Бирона как «кровавого злодея» (*Акад.*, XI, стр. 14). Но в тех же «Заметках» он рассматривал «гордые замыслы Долгоруких» и другие попытки «аристократии» к установлению олигархического образа правления как основную консервативную тенденцию русской истории XVIII в., грозившую «вечною чертою» отделить существование народа от существования дворян, заградив «для проччих сословий путь к достижению должностей и почестей государственных» (*Акад.*, XI, стр. 14—15). В этой связи воспринимал Пушкин исторический смысл деятельности Бирона, пресекшего, по его словам, «мощною рукою» «заговоры старшего боярства» (*Акад.*, XI, стр. 498; ср.: *Акад.*, V, стр. 402; см. об этом:

Н. Петрунина. Два замысла Пушкина для «Современника», стр. 155). Кроме того, Пушкина не могла удовлетворить точка зрения официальной историографии, противопоставлявшей «кровавого злодея» Бирона добродетельной государыне и переносившей на него одного вину за все ужасы бироновщины. «Пушкин обвинял прежде всего „дух времени“ в целом, деспотическую монархию XVIII века, вне прямой зависимости от качеств отдельных лиц»; он переносил центр тяжести «с *личности* тирана на *условия*, ее порождающие» (А. И. Грушкин. Пушкин 30-х годов в борьбе с официозной историографией. *П. Врем.*, т. 4—5, стр. 227; ср. также: Н. Г. Ильинская. Роман И. И. Лажечникова «Ледяной дом», стр. 59—62). Наконец, лажечниковский образ Бирона (так же как образы Волынского и Тредьяковского) своей однолинейностью противостоял пушкинскому идеалу широкого, многостороннего изображения характеров, выраженному им в известной заметке «Лица, созданные Шекспиром» (*Акад.*, XII, стр. 159—161).

[11] В «Ледяном доме» Лажечников дважды воспользовался словом «хобот» в значении, необычном для современного Пушкину словоупотребления (см.: И. И. Лажечников. Ледяной дом, ч. II. М., 1835, стр. 48; ч. III, стр. 53). На вопрос Пушкина он ответил: «Всякой лихой сказочник, вместо того чтобы сказать: таким-то образом, таким-то путем, пощеголяет выражением: *таким-то хоботом.* Я слышал это бывало от моего старого дядьки, слыхал потом не раз в народе Московском, следственно по наречию Великороссийскому» (*Акад.*, XVI, № 1110). Вопрос Пушкина связан с его работой над «Словом о полку Игореве» и вызван поисками истолкования стиха, напечатанного в 1-м издании «Слова» как «нъ рози нося имъ хоботы пашутъ» (Ироическая песнь о походе на половцев <...> Игоря Святославича. М., 1800, стр. 37). Ср. запись «въ хоботы — съ зади» на обороте письма П. Я. Чаадаева к Пушкину от 1-й половины мая 1836 г. (*Рукою П.*, стр. 220). См.: V. Bobrov. Chobot oder pobyt? Archiv für slavische Philologie, Bd. XXV, 1903, SS. 158—159; Н. Лернер. Из истории занятий Пушкина «Словом о Полку Игореве». В кн.: Пушкин, 1834 год. Пушк. общ., Л., 1934, стр. 106—107; Н. К. Гудзий. Пушкин в работе над «Словом о полку Игореве». В кн.: Пушкин. Сб. статей под ред. А. Еголина. Гослитиздат, М., 1941, стр. 288—289; Я. И. Ясинский. Из истории работы Пушкина над лексикой «Слова о полку Игореве». *П. Врем.*, т. 6, стр. 373—374.

134. П. А. Клейнмихелю. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 647. Входило в состав дела канцелярии Инспекторского департамента Военного министерства «О доставлении в канцелярию Военного министерства сведения: имеются ли в архиве сего департамента донесения графа Суворова-Рымникского 1794 и 1799 годов, приказы его и следственное дело о Пугачеве; здесь же <...> и переписка, производившаяся по сему предмету...», 1833—1836 гг. (*ИРЛИ,* ф. 244, оп. 16, № 43). Пометы: канцелярские — «Инспекторского Департамента. По Канцелярии № 6906. Получено 21 ноября 1835 года. № 1132»; рукою П. А. Клейнмихеля — «Показать мне сие дело. 1 дек<абря>». Впервые: *РВ*, 1862, т. XLII, декабрь, стр. 641, без обращения и заключения; полностью: *Переписка*, т. III, стр. 250—251. *Акад.*, XVI, № 1109.

[1] Речь идет о поездке в Михайловское и Тригорское, из которой Пушкин возвратился 23 октября (см. прим. 1 к письму 131).

[2] Предписание — официальное письмо П. А. Клейнмихеля к Пушкину от 24 сентября 1835 г. с просьбой вернуть выданные поэту в 1833 г. из Архива Инспекторского департамента 12 книг, относящихся к деятельности А. В. Суворова и к пугачевскому восстанию (*Акад.*, XVI, № 1094).

[3] Названия «книг и бумаг», которыми пользовался Пушкин, известны из «Ведомости», приложенной к указанному письму Клейнмихеля к Пушкину. Перечень материалов для «Истории Пугачева», содержавшихся в этих книгах, см.: Н. В. Измайлов. Об архивных материалах Пушкина

для «Истории Пугачева». В кн.: *П. Иссл. и мат.*, т. III, стр. 442—445. Канцелярская помета на той же «Ведомости» свидетельствует, что Пушкин вернул бывшие у него книги 11 ноября 1835 г. (*Акад.*, XVI, стр. 50).

[4] По просьбе Пушкина Клейнмихель приказал Архиву «отыскать и доставить в возможной скорости книгу, в которой содержатся последние письма и донесения генерала Бибикова 1774 года» (записка управляющего канцелярией Инспекторского департамента в Архив от 19 декабря 1835 г.: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 16, № 43, л. 31). В ответ на это управляющий Архивом П. Д. Румянцев сообщил 24 декабря, что он располагает лишь 8 книгами, включающими донесения Бибикова, уже известные Пушкину. Между тем Пушкину «желательно иметь какую-то неизвестную еще книгу с письмами генерала Бибикова 1774-го года, которая, как он объясняет, находится в Главном штабе» (там же, л. 32). 22 января 1836 г. канцелярия Инспекторского департамента представила Клейнмихелю справку, из которой явствовало, что книги, интересующей Пушкина, «ни в здешнем Архиве Инспекторского департамента, ни в Московском отделении не отыскано; по частной же справке оказалось, что упоминаемые г-м Пушкиным письма и донесения генерала Бибикова хранятся в Архиве Генерального штаба» (там же, л. 33). На основании этой справки, а также резолюции Клейнмихеля от 23 января («Так и ответить, т. е. что нет») был составлен ответ Пушкину, отправленный 29 января за подписью Клейнмихеля и содержащий лишь уведомление о том, что нужной ему книги «ни в здешнем, ни в Московском архиве Инспекторского департамента нет» (*Акад.*, XVI, № 1126), без указания на возможность ее нахождения в другом архиве — Генерального штаба. Окончательные результаты поисков Пушкина неизвестны.

135. П. А. Осиповой. — Печатается по тексту второй публикации. Подлинник неизвестен. Впервые: в русском переводе — *СПб. вед.*, 1866, 29 июня, № 175; во французском оригинале — *РА*, 1867, стлб. 150—151. *Акад.*, XVI, № 1112.

[1] Письмо П. А. Осиповой к Пушкину (см. запись Осиповой в ее календаре 28 ноября 1835 г.: «писала — А. С. Пушкину», — *ПиС*, вып. I, стр. 144), ответом на которое является настоящее письмо, неизвестно.

[2] О болезни Н. О. Пушкиной см. подробнее в письме 132. О временном улучшении ее здоровья в декабре 1835 г. писала и О. С. Павлищева в письме к мужу от 6 декабря 1835 г. (*ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 196), однако Пушкин был прав, утверждая, что это улучшение не означает выздоровления: 29 марта 1836 г. Н. О. Пушкина скончалась.

[3] Имеется в виду указ 14 декабря 1835 г., несколько облегчивший наказание «заговорщикам 1825 года» — ссыльным декабристам, среди которых был и Кюхельбекер. По первой амнистии, состоявшейся в ноябре 1832 г. (см.: «Русский инвалид», 1832, 25 ноября, № 299). Кюхельбекер не получил смягчения своей участи. См.: О. К. Буланова. Роман декабриста. Изд. 3-е. Изд. Всесоюзн. общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев. М., 1933, стр. 215. Указом 14 декабря Кюхельбекер освобождался от содержания в крепости и направлялся на поселение в южную Сибирь — в г. Баргузин Иркутской губернии. Пушкин, знавший о попытках родственников Кюхельбекера выхлопотать ему разрешение поселиться в смоленском имении его сестры Ю. К. Глинки (с. Закуп Духовщинского уезда), надеялся, что Николай I удовлетворит это ходатайство. Именно на такой исход дела и рассчитано упоминание о Кюхельбекере в комментируемом письме. Пушкин, как известно, знал о перлюстрации своих писем. Отсюда чрезвычайная осторожность поэта в оценке и самих событий 1825 г., и «милостей» Николая I осужденным. Фраза о том, что правительство всегда относилось к Кюхельбекеру «с кротостью и снисходительностью», свидетельствует о прекрасной осведомленности Пушкина во всех делах Кюхельбекера, и в частности о тех мелких «милостях», которые

ему время от времени оказывал Николай I. Естественно, что «опасный государственный преступник» не получил разрешения поселиться в европейской части России, вблизи от важнейших общественно-культурных центров, в нормальных бытовых условиях, что по существу обозначало бы прекращение ссылки. И на этот раз дело ограничилось мелкими уступками — разрешением переехать из Баргузина под Курган, а оттуда в Тобольск, где 11 августа 1846 г. Кюхельбекер и скончался (см.: *ЛН*, т. 59, вып. 1, стр. 396—398).

[4] Против приписки — помета рукою П. А. Осиповой: «je ne l'ai jamais reçue» (я никогда его не получала). Речь идет о старом долге С. Л. Пушкина (см.: *Лит. арх.*, т. I, стр. 69), который Осипова просила поэта (весной 1834 г. принявшего на себя управление отцовскими имениями) вернуть ей еще в ноябре 1834 г. (см.: *Акад.*, XV, № 1010). Пушкин не смог тогда заплатить этот долг, однако помнил о нем (см.: *Рукою П.*, стр. 369, 377, 379). К 1836 г. долг возрос до 2000 руб. (см.: *Рукою П.*, стр. 383—384).

136. Неизвестному лицу. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 648. Впервые: *Шляпкин*, стр. 115 (как вариант черновика письма к А. Х. Бенкендорфу, см. ниже). *Акад.*, XVI, № 1115.

Датировка определяется тем, что текст записки находится среди черновика письма к А. Х. Бенкендорфу от 31 декабря 1835 г. (см. письмо 137): он написан после начальных фраз письма, но до заполнения страницы и продолжения письма, и зачеркнут, вероятно, во время составления дальнейшего текста письма к Бенкендорфу.

Ни адресат записки, ни вызвавшие ее обстоятельства не установлены.

137. А. Х. Бенкендорфу. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 649. Пометы: рукой Бенкендорфа — «Государь позволил через Ценсуры о чем уведомить Уварова»; канцелярские — «№ 76. 10 генваря 1836» и «пис‹ано› Мин‹истру› Народн‹ого› Просвещения 14 генваря № 154». Впервые, в отрывке: *РС*, 1874, август, стр. 713; полнее: *Ефр., 1903*, т. VII, стр. 625; полностью: *Дела III отд.*, стр. 170. *Акад.*, XVI, № 1116.

Черновик письма: *ИРЛИ*, № 648. Впервые: *Шляпкин*, стр. 115—116.

[1] «Записки бригадира Моро-де-Бразе» впервые появились лишь в посмертном томе «Современника» (1837, т. VI, № 2, стр. 218—300) с многочисленными цензурными купюрами (см.: *Акад.*, X, стр. 293—339).

[2] «Журнал Петра Великого» — «Журнал, или Поденная записка, имп. Петра Великого», изданный М. М. Щербатовым в 1770 г.

[3] Вследствие этого письма Пушкина, на просьбу которого Николай I дал согласие (см. выше), Бенкендорф 14 января 1836 г. обратился с письмом к С. С. Уварову (последний ответил ему 16 января, см.: *Дела III отд.*, стр. 171—172; см. также дела Главного управления цензуры об издании «Современника»: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 16, № 69; оп. 27, № 23; *Бюлл. РО*, вып. VI, стр. 85—86, №№ 818 и 819).

138. М. Л. Яковлеву. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 650. Впервые: *РС*, 1887, январь, стр. 109. *Акад.*, XV, № 1020.

Датировка письма предположительна и не может быть определена по его содержанию: такая встреча Пушкина, Д. А. Эристова и М. Л. Яковлева могла произойти в любой из 1830-х годов. Возможным основанием является лишь бумага, использованная для записки: она употреблялась Пушкиным в 1833—1834 гг. и отчасти в 1835 г. (по каталогу Б. В. Томашевского — бумага № 130 или 131; см.: *Рук. ПД, 1937*, стр. 339). Поэтому записку и можно датировать предположительно 1833—1835 гг.

[1] Просьбу Пушкина М. Л. Яковлев выполнил, переслав его записку Д. А. Эристову. Это видно из того, что подлинник ее принадлежал последнему (см.: *Рук. ПД, 1937*, № 650).

[2] См. прим. 4 к письму 65.

139. П. А. Дуровой. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 651. Почтовый штемпель: «С. Петербург Отделение I-а 836 ген. 20». Впервые: *PC*, 1890, сентябрь, стр. 666. *Акад.*, XVI, № 1120.

[1] В письме от 6 января 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1118) Дурова запрашивала Пушкина о судьбе своих записок, посланных ею через издателя Н. Р. Мамышева (см. письмо 108, а также письма Дуровой к Пушкину: *Акад.*, XVI, №№ 1084, 1097).

[2] 7 сентября 1835 г. Пушкин выехал из Петербурга в Михайловское и вернулся через полтора месяца — 23 октября (см. письма 123 и 131).

[3] Записки Н. А. Дуровой в трех тетрадях были ею 4 апреля 1835 г. направлены Н. Р. Мамышеву в Гатчину для издания. Не получая от него ответа, Дурова просила Мамышева отослать их Пушкину, адресовав в «Псковскую губернию, в город Остров, в село Тригорское. . .» (см. письмо Н. А. Дуровой к Н. Р. Мамышеву от 23 сентября 1835 г.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 г., СПб., 1893, стр. 195). Мамышев отослал одну часть записок по указанному ею адресу, но рукопись, как об этом сообщает Дурова в письме к Пушкину от 17 февраля 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1140), не найдя Пушкина в деревне, возвратилась к ней обратно. Другая часть записок, остававшаяся в Гатчине у Мамышева, была им отослана к Пушкину и получена последним после отправки настоящего письма (см. там же). Дальнейшую историю записок Дуровой см.: письма 157, 180, 187; *Акад.*, XVI, №№ 1209, 1219, 1237, 1314.

140. П. В. Нащокину. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1554. Впервые, с большими пропусками: «Москвитянин», 1851, ч. VI, № 23, декабрь, кн. I, стр. 466—467; почти полностью: «Девятнадцатый век», кн. I, М., 1872, стр. 400—401. *Акад.*, XVI, № 1122.

Датируется по содержанию: письмо не могло быть написано ранее 10 января 1836 г., когда был разрешен «Современник» (см. комментарий к письму 137), а отсутствие упоминаний о неприятностях, связанных с выходом в свет оды «На выздоровление Лукулла», и спокойный тон письма говорят о том, что оно написано Пушкиным до этих событий, развернувшихся между 16 и 20 января (см. комментарий к письму 141). Дата «10-е числа января» подтверждается и связью комментируемого письма с письмом Нащокина к Пушкину (*Акад.*, XVI, № 1123): эти два письма, по-видимому, разошлись в пути. Нащокин рассказывает о пребывании К. П. Брюллова в Москве (куда тот приехал, очевидно, в 10-х числах января 1836 г.; 2 января Брюллов был еще в Одессе, см.: «Одесские ведомости», 1836, 3 января; *М. вед.*, 1836, № 8, 25 января, стр. 164—166) и его чествованиях москвичами. Центральным событием их был обед, данный Брюллову 28 января 1836 г. Московским художественным классом, «художниками, литераторами и любителями» (*М. набл.*, 1835, октябрь, кн. II, стр. 1—4 второй пагинации (журнал выходил с опозданием); *М. вед.*, 1836, № 11, 5 февраля, стр. 229—230). Об этом обеде Нащокин и пишет Пушкину, сообщая, что, по слухам, «артисты хотят дать ему (Брюллову, — *Ред.*) обед по подписки». Следовательно, письмо Нащокина написано за несколько дней до 28 января.

[1] Московской почтой было перлюстрировано письмо Пушкина к жене от 20 и 22 апреля 1834 г. (см. комментарий к письму 22), и Пушкин опасался возможности новых перлюстраций.

[2] Речь идет о пребывании Пушкина в Михайловском в сентябре — октябре 1835 г.; Пушкин вернулся в Петербург 23 октября, гораздо раньше, чем думал (см. письмо 123). По поводу своей несостоявшейся поездки в Михайловское сам Нащокин сообщал Пушкину: «Я уже и был на готове ехать прошедшим путем (т. е. в ноябре—начале декабря, — *Ред.*), но Брянчанинову вздумалось взять с меня расписку о невыезде из городу, после этого не только ехать, но и говорить нечего» (*Акад.*, XVI, № 1123).

[3] Н. И. Куликов вспоминает, что вскоре после женитьбы и возвращения в Москву Нащокин вел игру «в английском клубе, где от графа Мусина-Пушкина, проигравшего огромные суммы», на его долю «достался порядочный куш», и это на некоторое время поправило его материальные дела (*РС*, 1880, кн. 12, стр. 993). «Разные слухи» по поводу этого выигрыша, видимо, и послужили причиной того, что московский полицеймейстер Д. П. Брянчанинов взял с Нащокина подписку о невыезде из Москвы.

[4] О намерении Пушкина на два месяца и более «зарыться» в московские архивы О. С. Павлищева сообщала мужу еще 6 декабря 1835 г. (см.: *ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 196). 26 февраля 1836 г. К. В. Нессельроде дал предписание о командировании Пушкина «в Московский главный архив для занятий по делам службы» (*Гастфрейнд. Документы*, стр. 52—53). Однако хлопоты по изданию «Современника», затем болезнь и смерть матери задержали Пушкина в Петербурге; побывать в Москве ему удалось только в мае 1836 г. (см. письмо 168 и сл.).

[5] К началу 1836 г. у Пушкина было 28 726 руб. 72 коп. частного долга (см.: *Арх. опеки*, стр. 3), а из 50 000 руб. казенной ссуды (см. письма 12 и 117) были, по-видимому, выплачены лишь 1666 руб. $66^1/_2$ коп., т. е. треть годового жалованья Пушкина. Между тем в 1836 г. Пушкин не имел в перспективе никаких реальных доходов: от своей доли доходов с нижегородского имения он отказался в пользу сестры (см. письмо 98), а жалованье Пушкина по условиям последней полученной им ссуды шло целиком на ее погашение (см. письма 117 и 122). Сообщая Нащокину о запутанности своих денежных обстоятельств, Пушкин, по-видимому, не сознавал еще того, что в 1836 г. он не будет иметь и литературных заработков: в связи с изданием «Современника» он вынужден был печататься только в этом журнале, лишившись тем самым обычных своих гонораров. «Современник» же вместо ожидаемых доходов принес ему новые убытки (см.: П. Е. Щеголев. Бюджет А. С. Пушкина в последний год жизни. «Прожектор», 1929, № 11, стр. 22—24).

[6] В «Библиотеке для чтения» Пушкин печатался с основания журнала в 1834 г. до мая 1835 г. Среди заметок П. В. Анненкова сохранилась запись о том, что издатель «Библиотеки» А. Ф. Смирдин платил Пушкину по 11 руб. за стих и предлагал 2000 руб .в год, «лишь бы писал, что хотел» (Б. Модзалевский. Пушкин. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 340; о гонорарах Пушкина в изданиях Смирдина см. также: Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, стр. 330 и сл.). От сотрудничества в «Библиотеке для чтения» Пушкин отказался в связи с замыслом собственного периодического издания — трехмесячного журнала «Современник». Предлагая Пушкину «15 000 отступного за восстановление прежних отношений», Смирдин исходил не только из желания сохранить в Пушкине сотрудника своего журнала, но и из опасений конкуренции (см.: *Путеводитель*, стр. 59).

[7] Имеются в виду разрыв Нащокина с цыганкой Ольгой Андреевной и его женитьба на В. А. Нагаевой. Пушкин очень одобрял и поддерживал Нащокина в этот решительный для него момент (см. письмо 14).

[8] К этому времени у Пушкина было трое детей (дочь Мария, сыновья Александр и Григорий) и ожидалось появление четвертого — дочери Натальи, которая родилась 23 мая 1836 г.

141. А. Х. Бенкендорфу. — Черновой подлинник: *ИРЛИ*, № 652. Беловой текст неизвестен. Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 471—472 (№ 1173, в дополнениях). *Акад.*, XVI, №№ 1128, 1128а.

Датируется по содержанию и по двум записям в дневнике А. В. Никитенко. 17 января Никитенко записал: «Вчера была моя обыкновенная пятница. Пушкин написал род пасквиля на министра народного просвещения <...>. Пьеса наделала много шуму в городе. Все узнают в ней, как нельзя лучше, Уварова» (*Никитенко*, т. I, стр. 179). Следовательно, к 16 января книжка «Московского наблюдателя» со стихотворением «На выздоровление

Лукулла» была новостью, причем собравшимся на вечере у Никитенко еще не было известно об объяснении Пушкина с Бенкендорфом; о последнем же Никитенко упомянул в дневниковой записи от 20 января: «Весь город занят „Выздоровлением Лукулла“. Враги Уварова читают пьесу с восхищением, но большинство образованной публики недовольно своим поэтом <...>. Государь через Бенкендорфа приказал сделать ему строгий выговор» (там же, стр. 180). Комментируемое письмо написано, по-видимому, на следующий день после объяснения с Бенкендорфом, т. е. после первой записи в дневнике Никитенко и до второй его записи или в один день с ней. Исходя из этого письмо датируется серединой (между 16 и 20) января 1836 г.

Что касается адресата письма, то В. И. Саитов считал им гр. А. Х. Бенкендорфа (*Переписка*, т. III, стр. 471). Б. Л. Модзалевский, ошибочно отождествив с Бенкендорфом упоминаемого в письме «министра», напечатал письмо как обращенное к неизвестному (Неизданный Пушкин. «Атеней», Пб., 1922, стр. 223—224). В издании «Academia» (т. VI, стр. 574) и во всех последующих изданиях письмо предположительно адресовано А. Н. Мордвинову. Однако записи в дневнике Никитенко и ряд других мемуарных свидетельств (П. В. Нащокина в записи Н. И. Куликова — *РС*, 1881, кн. 8, стр. 616—618; Ф. Ф. Вигеля (?) в записи П. И. Бартенева — *Лет. ГЛМ*, стр. 534—535; сенатора К. И. Фишера в его записках — *ИВ*, 1908, кн. 1, стр. 50) показывают, что Пушкин вынужден был давать объяснения Бенкендорфу и причиной для этого послужило неудовольствие Николая I, вызванное появлением оды (см. письмо 155). Не удовлетворенный результатами этого разговора, Пушкин на следующий день пытался продолжить свои объяснения в письменной форме. Письмо такого содержания могло быть обращено только к Бенкендорфу, но никак не к его помощнику. Однако же сохранился только черновой текст письма: вероятно, оно не было ни перебелено, ни отправлено.

[1] Министр — очевидно, С. С. Уваров. По свидетельствам современников — например Н. И. Куликова (*РС*, 1881, кн. 8, стр. 617) и К. И. Фишера (*ИВ*, 1908, № 1, стр. 50), — Уваров обратился к Бенкендорфу с жалобой на Пушкина и просил доложить о его памфлете Николаю I. Вынужденный давать объяснения, Пушкин и в разговоре с Бенкендорфом и в настоящем письме из тактических соображений отрицал, что ода его написана «на личность», считая это лучшим способом официального «оправдания перед министром». Возможно, что Бенкендорф по распоряжению Николая I предложил Пушкину лично объясниться с Уваровым, но эта встреча не состоялась, почему Пушкин и начал письмо с уведомления о том, что он «не смог вчера оправдаться перед министром» (см. выше, в обосновании датировки и адресата).

[2] «Моя ода» — «На выздоровление Лукулла». Была напечатана в журнале «Московский наблюдатель» (1835, ч. IV, сентябрь, кн. II, стр. 191—193). Журнал выходил с большим опозданием (цензурное разрешение книжки — от 22 декабря 1835 г., известие о ее раздаче московским подписчикам — в «Московских ведомостях» от 1 января 1836 г.; см.: *П. в печ.*, стр. 127, № 1124). В Петербурге книжка была, видимо, новостью еще в середине января 1836 г. (ср.: *Никитенко*, т. I, стр. 179). О действительных фактах биографии Уварова, которые легли в основу пушкинского замысла, см. в комментарии к оде Н. О. Лернера: *Венг.*, т. VI, стр. 482—483; ср.: *Лет. ГЛМ*, стр. 534—535.

[3] По недостоверному свидетельству Н. И. Куликова, стихи Пушкина не были приняты ни одной петербургской редакцией по очевидности содержавшихся в них намеков на Уварова. Тогда Пушкин переслал их в «Московский наблюдатель», редакция которого напечатала их «спроста», «не зная истинной цели» оды (см.: Н. И. Куликов. Нащокин и Пушкин. *РС*, 1881, кн. 8, стр. 616; А. В. Веневитинов. Письмо к М. П. Погодину от 21 января 1836 г. *ЛН*, т. 16—18, стр. 716; Записки Н. Н. Мурзакевича. 1806—1883. *РС*, 1887, кн. 1, стр. 43). Данных о знакомстве современников

Пушкина с одой до ее публикации в «Московском наблюдателе» не сохранилось, за исключением письма А. А. Краевского к М. П. Погодину от 17 января 1836 г. (*ЛН*, т. 16—18, стр. 716).

[4] Пушкин имеет в виду слова гр. Ю. П. Литты, приведенные П. А. Вяземским в его письме к А. И. Тургеневу от 25 октября 1835 г.: «Здесь было пронесся лживый слух о смерти богача Шереметева, который в Воронеже. В Комитете министров кто-то сказал, qu'il avait la fièvre scarlatine. «Et vous vous avez la fièvre de l'attente» ‹что у него скарлатинная лихорадка›. «А у вас лихорадка ожидания»› сказал громогласным голосом своим Литта, оборотившись к Уварову, который один из наследников Шереметева. Уж прямо как из пушки выпалило» (*ОА*, т. III, стр. 277; ср.: *Лет. ГЛМ*, стр. 535). «Поэтическим выражением» гр. Литты Пушкин воспользовался в строфе III оды. Эта фраза письма зачеркнута Пушкиным, так как она слишком прямолинейно вскрывала связь оды с историей о шереметевском наследстве.

[5] Начало 18-й строфы оды «Вельможа» (1794). См.: Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. I, СПб., 1864, стр. 632.

[6] Вспоминая о появлении оды Державина, «столь изобильной сатирическою солью и яркими картинами», И. И. Дмитриев писал, что оно «последовало по кончине князя Потемкина, при генерал-прокуроре графе Самойлове. Общество находило в ней много намеков на счет того и другого» (И. И. Дмитриев. Взгляд на мою жизнь. М., 1866, стр. 56). Державин в своих «Объяснениях» на оду указал, что сатирические строфы ее направлены против кн. Г. А. Потемкина, гр. П. А. Зубова и гр. А. Н. Самойлова (см.: Сочинения Державина. . ., т. III, СПб., 1866, стр. 633—636). «Объяснения» Державина (в изд. 1834 г.) были в библиотеке поэта (см.: *Библ. П.*, № 219; ср.: Сб. статей к сорокалетию ученой деятельности А. С. Орлова, Л., 1934, стр. 445), он использовал их в качестве исторического источника (см.: *Акад.*, IX, стр. 110, 114). Однако в этом издании комментарии к сатирической части оды напечатаны с большими купюрами, а местами и переписаны наново так, что отдельные места, представляющие сатиру на Зубова и Самойлова, изображены как общая сатира «на нравы» (см.: Объяснения на сочинения Державина, им самим диктованные родной его племяннице, Елисавете Николаевне Львовой, в 1809 году, ч. I. СПб., 1834, стр. 32—35). Сопоставляя свою оду с державинским «Вельможей», Пушкин указывал на ее широкую связь с одической традицией Державина, чем ослаблялось «применение» оды к современному случаю (см.: Б. П. Городецкий. Лирика Пушкина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 341).

[7] Прозаическое изложение четвертой строфы оды «На выздоровление Лукулла». А. И. Тургенев в письме к П. А. Вяземскому от 9/21 марта 1836 г. писал: «Спасибо переводчику с *латинского.* (Жаль, что не с *греческого!*). Биографическая строфа будет служить эпиграфом всей жизни арзамасца-отступника. Другого бы забыли, но Пушкин заклеймил его бессмертным поношением» (*ЛН*, т. 58, стр. 120). Все без исключения детали пушкинской характеристики наследника Лукулла находят подтверждение в мемуарных свидетельствах современников об Уварове (см. дневниковую запись Пушкина от февраля 1835 г.: *Акад.*, XII, стр. 337; ср.: письмо А. И. Тургенева к П. А. Вяземскому от 15 апреля 1824 г. — *ОА*, т. III, стр. 33; записки сенатора К. И. Фишера — *ИВ*, 1908, № 1, стр. 49; рассказ Ф. Ф. Вигеля в записи П. И. Бартенева — *Лет. ГЛМ*, стр. 534—535).

142. С. С. Хлюстину. — Печатается по тексту первой публикации. Местонахождение подлинника неизвестно. Впервые: *РА*, 1884, кн. II, стр. 448. *Акад.*, XVI, № 1130.

Письмо — ответ на письмо Хлюстина к Пушкину от 4 февраля 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1129). Напоминая подробности состоявшегося накануне разговора, Хлюстин писал: «Я повторил в виде цитаты замечания г-на Сенковского, смысл которых сводился к тому, что вы обманули публику.

Вместо того чтобы видеть в этом, поскольку дело касалось меня, простую цитату, вы нашли возможным счесть меня эхом г-на Сенковского» и т. д. (*Акад.*, XVI, стр. 79). Цитата — из статьи Сенковского о поэме Виланда «Вастола», изданной Пушкиным (см. письмо 119): «Некоторые <...> намекают <...>, что Александр Сергеевич только дал ему (переводчику «Вастолы», — *Ред.*) напрокат свое имя, для того чтобы лучше покупали книгу, и что он желал сделать этим благотворительный поступок <...>. Мы с негодованием отвергаем все подобные намеки, как клевету завистников великого поэта. Пушкин не станет обманывать публики двусмысленностями, чтоб делать кому добро» и т. д. (*БдЧ*, 1836, т. XIV, кн. 2, стр. 34). Ответ Хлюстина, написанный в тот же день, см.: *Акад.*, XVI, № 1131. Несмотря на то что Хлюстин не был удовлетворен объяснениями Пушкина, дуэль между ними удалось предотвратить — очевидно, при посредничестве Соболевского (хотя Пушкин и упрекал его во всегдашней «небрежности»). Немного спустя Хлюстин был избран Пушкиным для переговоров с В. А. Соллогубом по поводу предположенной дуэли (см.: *Акад.*, XVI, № 1148; см. также письмо 144).

143. Н. Г. Репнину. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 653. Впервые: *РА*, 1864, стлб. 1081 (2-е изд., стлб. 977). *Акад.*, XVI, № 1133.

Первая черновая редакция: *ИРЛИ*, № 1555. *Акад.*, XVI, № 1133а.

Вторая черновая редакция: *ИРЛИ*, № 654. *Акад.*, XVI, № 1133а.

[1] Письмо связано с появлением в печати оды «На выздоровление Лукулла» и реакцией на нее при дворе и в кругах, близких к С. С. Уварову (см. письмо 141). В этих условиях до Пушкина дошел слух об оскорбительных для него отзывах кн. Н. Г. Репнина. Вызванное этим раздражение поэта особенно отчетливо сказалось в первой черновой редакции настоящего письма, написанной от третьего лица, — вероятно, в намерении вручить письмо Репнину через секунданта. От резкого тона этого текста Пушкин отказался во втором черновике, который лег в основу окончательной редакции письма. Слух, вызвавший настоящее письмо, объясняется тем, что Н. Г. Репнин, как и С. С. Уваров, был одним из наследников бездетного (тогда) гр. Д. Н. Шереметева: они были женаты на сестрах (урожд. графинях Разумовских), кузинах Шереметева (см. комментарий Б. Л. Модзалевского в кн.: Неизданный Пушкин. «Атеней», Пб., 1922, стр. 219). Пушкин мог думать, что Репнин отнес на свой счет его сатиру, между тем как это вовсе не входило в намерения поэта.

[2] «Чувство уважения и признательности» Пушкина к Репнину связано, вероятно, с деятельностью Репнина на посту генерал-губернатора Малороссии. Кроме того, Пушкин уважал в Репнине представителя двух древних родов — Репниных и Волконских, продолжателя фамилии сподвижника Петра I А. И. Репнина, упомянутого в III песни «Полтавы», и старшего брата декабриста С. Г. Волконского (см. Словарь, стр. 460).

[3] Этой фразой Пушкин ставил Репнина перед необходимостью либо отказаться от слов, приписанных ему Боголюбовым, либо подтвердить их. В последнем случае письмо Пушкина получало значение вызова на дуэль. Ответ Репнина (см.: *Акад.*, XVI, № 1136) предотвратил возможность такого исхода. Однако, отрицая приписанные ему Боголюбовым оскорбительные выражения по адресу поэта, Репнин поставил их в связь с одой «На выздоровление Лукулла» и тем самым дал Пушкину понять, что причина, вызвавшая эти рассказы, ему известна. Отсюда можно предположить, что клевреты Уварова (к которым принадлежал Боголюбов) распространяли в обществе лживую версию, по которой сатира Пушкина на Уварова относилась и к другому наследнику Шереметева — Репнину. См. письмо 145.

144. В. А. Соллогубу. — Черновой подлинник: *ИРЛИ*, № 343. Впервые, в русском переводе, в кн.: *Соллогуб*. стр. 523, в примечании; во французском оригинале: *ЛН*, т. 16—18, стр. 1131. Беловой подлинник неизвестен. *Акад.*, XVI, № 1135.

Беловой текст (отрывок) печатается по записи П. В. Анненкова (*ИРЛИ*, ф. 244, оп. 17, № 83), сделанной около 1854 г. со слов гр. В. А. Соллогуба, приведшего его по памяти. Впервые в кн.: Б. Л. Модзалевский. Пушкин. «Прибой», Л., 1929, стр. 375. Запись сделана очень точно, судя по черновику Пушкина и по русскому переводу, опубликованному Соллогубом также, по-видимому, по памяти (*РА*, 1865, 1-е изд., стлб. 750; 2-е изд., стлб. 1217—1218). *Акад.*, XVI, № 1135а.

Письмо — ответ на письмо В. А. Соллогуба от конца января (?) 1836 г. из Твери, известное по черновику (*Акад.*, XVI, № 1127). Переписка была вызвана тем, что после одного из петербургских балов в конце 1835 г. Пушкин, заподозрив Соллогуба в развязном поведении по отношению к Н. Н. Пушкиной, вызвал его на дуэль (см.: *Соллогуб*, стр. 520—528). Вызов Пушкина не дошел до Соллогуба, так как последний тогда же выехал по службе в г. Ржев; о вызове он узнал позднее, будучи в Твери, из письма Андрея Н. Карамзина, и тогда же написал объяснение. Комментируемое письмо Пушкина было передано Соллогубу С. С. Хлюстиным. В бумагах Соллогуба сохранился черновой текст его другого, более позднего письма к Пушкину (*Акад.*, XVI, № 1148; *Соллогуб*, стр. 523), оставшегося, вероятно, неотправленным (см.: А. С. Поляков. О смерти Пушкина. Пб., 1922, стр. 9). Пушкин, как видно, не был удовлетворен объяснением, данным Соллогубом, и дуэль должна была состояться в Твери, где находился в это время Соллогуб и куда в конце марта хотел приехать Пушкин. Но так как поездка его в Москву задержалась до конца апреля, а Тверь он проезжал 1 мая, то встреча их не состоялась, что видно из письма к нему Соллогуба от того же дня — 1 мая 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1186), переданного Пушкину секундантом Соллогуба князем Козловским, ибо Соллогуб должен был выехать в этот день из Твери (*Соллогуб*, стр. 525). Примирение между ними, как об этом рассказывает Соллогуб, состоялось в Москве у Нащокина в самый день приезда туда Пушкина, 4 мая 1836 г. (*Соллогуб*, стр. 525—526). О несостоявшейся дуэли Пушкина с Соллогубом см.: *Соллогуб*, стр. 520—528; М. Голубцова. Письма гр. В. А. Соллогуба к А. С. Пушкину по поводу их дуэли. Отчет имп. Российского исторического музея в Москве за 1913 г., М., 1914, стр. 107—115; А. С. Поляков. О смерти Пушкина, стр. 6—11, 76—78.

145. Н. Г. Репнину. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 655. Впервые: *РА*, 1864, стлб. 1083 (2-е изд., стлб. 979). *Акад.*, XVI, № 1137.

Черновик письма: *ИРЛИ*, № 654. *Акад.*, XVI, № 1137а.

[1] Письмо Репнина от 10 февраля 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1136), присланное в ответ на письмо Пушкина от 5 февраля (см. письмо 143). Репнин писал: «Г-на Боголюбова я единственно вижу у С. С. Уварова и с ним никаких сношений не имею, и никогда ничего на ваш счет в присудствии его не говорил, а тем паче прочтя послание Лукуллу. Вам же искренно скажу, что гениальный талант ваш принесет пользу отечеству и вам славу, воспевая веру и верность русскую, а не оскорблением частных людей». Из черновика этого письма, помеченного 8 февраля, видно, что письмо Пушкина от 5 февраля Репнин получил 7-го (*ИРЛИ*, № 653, л. 2). Письмом Пушкина столкновение его с Репниным было исчерпано: поэт вовсе не желал ссоры, а тем более поединка с уважаемым им человеком. Только поэтому он принял назидание, высказанное ему Репниным, и его резкий отзыв об оде «На выздоровление Лукулла».

[2] Ср. сходные определения памфлета в письме Пушкина к А. Жобару от 24 марта 1836 г. (см. письмо 155).

146. А. А. Фукс. — Калькированная копия с подлинника: *ЦГАЛИ*, ф. 384, оп. 1, ед. хр. 70. Подлинник неизвестен. Впервые (без обращения и заключения): «Прибавления к Казанским губернским ведомостям», 1844, № 2, стр. 25—26. *Акад.*, XVI, № 1141.

[1] Письмо Фукс от 15 ноября 1835 г. (*Акад.*, XVI, № 1108), в котором

она сообщала Пушкину о получении его письма от 15 августа (см. письмо 118), а также о том, что посылка с «Историей Пугачева» до нее не дошла. Из последней к этому времени поездки в деревню Пушкин вернулся 23 октября 1835 г. (см. прим. 1 к письму 131), т. е. ранее, чем было написано письмо Фукс, на которое поэт здесь отвечает. Позднее, вплоть до 8 апреля (см. письмо 161), когда Пушкин выехал в Михайловское на похороны матери, он безвыездно жил в Петербурге. Упоминание о недавнем возвращении из деревни вызвано, очевидно, желанием Пушкина оправдать свое долгое молчание.

[2] На этот раз посылка Пушкина и его письмо дошли до Фукс, хотя и не скоро, как видно из письма ее к поэту от 24 мая 1836 г., где она сообщала, что получила их в день своих именин, т. е. 18 мая (*Акад.*, XVI, № 1200).

[3] В ответном письме (см. прим. 2) Фукс писала Пушкину о посылке ему для «Современника» целого ряда своих сочинений. Ни одно из них в журнале Пушкина напечатано не было. После его смерти некоторые из них нашлись в его бумагах. В протоколе «посмертного обыска» (выражение М. А. Цявловского) от 19 февраля 1837 г. под № 18 отмечены «Проза и стихотворения разных лиц для „Современника“ <...>, комедия „Она похудела“» (см.: *Дела III отд.*, стр. 192; ср. в кн.: М. А. Цявловский. Статьи о Пушкине. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 283, 292, 308). В работе М. А. Цявловского (Статьи о Пушкине, стр. 308) приведено примечание В. А. Жуковского к пункту «Чужие манускрипты и стихотворения для „Современника“» в «Описи бумагам» Пушкина: «Один отдан в редакцию „Современника“, другие уничтожены». Однако повесть «Основание города Казани» из числа рукописей, посланных в «Современник», уже в начале 1837 г. вышла отдельным изданием (Казань, 1836) и была послана Фукс Пушкину при письме от 8 февраля 1837 г. (см.: *Лит. арх.*, т. I, стр. 15; *Акад.*, XVI, стр. 234; письмо это не застало Пушкина в живых). О судьбе двух других рукописей Фукс сообщала Н. М. Языкову письмом от 7 февраля 1837 г.: «Путешествие мое по скитам цензура не пропустила, вся рукопись облита красными чернилами и, как слышно, рукою митрополита <...>. Водевиль мой скоро начнется печататься» (*Лит. арх.*, т. I, стр. 17). Комедия-водевиль Фукс «Она похудела» была напечатана в Казани в 1837 г. с посвящением Э. П. Перцову (см.: *Письма*, т. III, стр. 626).

147. П. А. Вяземскому. — Подлинник: *ИРЛИ*. № 1574. Помета рукою П. А. Вяземского: «Полный каталог. Каталог Сопикова». Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 285. *Акад.*, XVI, № 1215.

В академическом издании письмо датировано концом мая—первой половиной июня 1836 г. Однако оно написано во второй половине февраля, по-видимому непосредственно вслед за выходом из цензуры «Фонвизина» — 15 февраля.

[1] Сочинение Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине», написанное еще в 1832 г., было возвращено ему из цензурного комитета 15 февраля 1836 г. по одобрении его цензором П. А. Корсаковым (см.: Новонайденный автограф Пушкина. Подгот. текста, статья и комментарий В. Э. Вацуро и М. И. Гиллельсона. Изд. «Наука», М.—Л., 1968, стр. 3, 68). 25 февраля 1836 г. Вяземский писал И. И. Дмитриеву из Петербурга: «Мой Ф.<он>Визин вышел здрав и невредим из цензуры. Готовлю его к печати и занимаюсь теперь приведением в порядок примечаний и исторических приложений» (*РА*, 1868, стлб. 643).

[2] Стихотворение А. С. Хвостова «Послание к творцу послания, или Копия к оригиналу», широко известный в XVIII в. рукописный памфлет на Фонвизина и его «Послание к слугам моим», было опубликовано Вяземским в приложении к изданию биографии Фонвизина (1848). В 1836 г. Вяземский был озабочен поисками текста этого памфлета. С аналогичной просьбой он обращался к И. И. Дмитриеву в письме от 25 февраля 1836 г.: «Нет ли <...> в бумагах ваших известного послания А. С. Хвостова

к Ф.‹он›Визину, где он называет его *людских умов безмен* и пр.?» (*РА*, 1868, стлб. 643—644). 15 марта он, получив, очевидно, положительный ответ Дмитриева, писал: «Ожидаю по благосклонному обещанию вашему известного послания А. С. Хвостова» (там же, стлб. 645).

[3] В ответной записке Вяземский спрашивал: «Где отыскать *Аввакума Скитника*?» (*Акад.*, XVI, № 1216). О том же он справлялся у Дмитриева 15 марта: «Мне говорили также о каком-то феологическом памфлете Ф.‹он›Визина под названием *Аввакум Скитник*. Известен ли он вам?» (*РА*, 1868, стлб. 645). Вяземский имеет в виду сообщение Пушкина (ср. в печатном тексте «Фонвизина»: «Пушкин говорил мне о каком-то феологическом памфлете, писанном будто Фон-Визиным, под названием *Аввакум Скитник*» (*Вяземский*, т. V, стр. 184)). Сочинения этого Вяземский не нашел и предположил, что Пушкин ошибочно приписал Фонвизину «Жизнь некоторого мужа и перевоз куриозной души его через Стикс реку» — памфлет, автором которого устная традиция называла А. В. Олсуфьева (там же). Это произведение (выходившее также под заглавиями «Жизнь некоторого аввакумовского скитника, в Брынских лесах жительствовавшего, и куриозный разговор души его при перевозе чрез Стикс-реку» и «Житие господина NN, служащее введением в историю его в царстве мертвых») впервые напечатано в 1780 г., а во втором издании (1788 г.) и в третьем (1791 г.) сброшюровано вместе с «Посланием к слугам моим» Д. И. Фонвизина (издания 1788 г.). Авторство его приписывалось А. В. Олсуфьеву, М. Д. Чулкову, С. П. Колосову; последняя версия наиболее распространена. Сомнения в ней и дополнительные доводы в пользу авторства М. Д. Чулкова см.: Л. Б. Светлов. Русский антиклерикальный памфлет XVIII века. В сб.: Вопросы истории религии и атеизма, т. XI, Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 373—394.

148. **П. П. Каверину.** — Печатается по тексту первой публикации. Подлинник, бывший в семейном архиве Кавериных в с. Катрине, в настоящее время неизвестен. Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 460. *Акад.*, XVI, № 1142.

Датировка устанавливается предположительно. По сообщению Ю. Н. Щербачева, в феврале 1836 г. Каверин ненадолго приезжал в Петербург. Находившиеся в его бумагах выписки из различных источников, в том числе литературных, одна из которых — конец стихотворения Пушкина «На выздоровление Лукулла», имеют дату: «11 февраля 1836 г. Петербург». Как явствует из даты на ближайшей по времени выписке, 12 марта Каверин уже был в Москве (см.: Ю. Н. Щербачев. Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. М., 1912, стр. 60, 141).

149. **С. Д. Нечаеву.** — Печатается по тексту: *Переписка*, т. III, стр. 459. Подлинник неизвестен. Впервые упомянуто с приведением отрывка без даты С. Г. Рункевичем, см.: «Христианское чтение», 1896, т. CCI, ч. I, вып. 1, январь—февраль, стр. 154. *Акад.*, XVI, № 1143.

Основанием для датировки служит упоминаемый в письме отъезд Нечаева, с которым Пушкин передает письмо и посылку для кого-то из своих знакомых или близких. Из многочисленных (известных нам) отъездов С. Д. Нечаева наиболее вероятными для определения даты письма Пушкина представляются два: в июне 1827 г. и в феврале 1836 г.

Вернувшись из командировки (в Пермскую губ.), Нечаев, служивший до этого в Москве, 13 июня 1827 г. получил служебное назначение в Петербург, см.: «Братское слово», 1893, № 7, стр. 532—542; И. Я. Чистович. Руководящие деятели духовного просвещения в России. СПб., 1894. Перед окончательным переездом в Петербург Нечаев должен был съездить в Москву, куда скорее всего пересылались упоминаемые Пушкиным письмо и посылка.

Не исключено, однако, что настоящее письмо было написано позднее, в феврале 1836 г., когда, будучи уже обер-прокурором Синода, Нечаев взял 4-месячный отпуск для поездки в Крым к смертельно больной жене.

См.: Ф. В. Благовидов. Обер-прокуроры святейшего Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. Изд. 2-е. Казань, 1900, стр. 416.

[1] Пушкин допускает ошибку в имени Нечаева: Сергей вместо Степан.

150. В. Ф. Одоевскому. — Подлинник: *ИРЛИ*. № 1558. Впервые: *РА*, 1864, стлб. 820 (изд. 2-е, стлб. 1011). *Акад.*, XVI, № 1152.

Датировка письма определяется его содержанием, связанным с началом печатания I тома «Современника» на 1836 г. (см. ниже).

[1] Пушкин благодарит Одоевского за его посредничество в устройстве печатания «Современника» в Гуттенберговой типографии в Петербурге, владельцем которой был Борис Алексеевич Враский, свойственник Одоевского (их жены были сестрами — урожд. Ланскими).

[2] «Современник» выходил объемом по 20 печатных листов в каждом томе. Статьи, по мере их утверждения цензурой и окончательной правки (во второй корректуре), подписывались к печати и сразу же печатались полным тиражом в том порядке, в каком они помещались в журнале. Договорившись в типографии о печатании 5 листов в неделю, Пушкин мог рассчитывать на изготовление всего тиража в течение месяца, т. е. на выпуск первой книжки в срок — к 1 апреля 1836 г., в конце первой четверти года, как полагалось для трехмесячного (квартального) журнала и как было объявлено книгопродавцами Лисенковым и Глазуновым в Прибавлениях №№ 42 и 49 к «С.-Петербургским ведомостям» (от 22 февраля и 1 марта 1836 г., стр. 342 и 406, см.: *П. в печ.*, стр. 129). На самом деле том, подписанный к печати цензором А. Крыловым 31 марта, вышел в свет 11 апреля 1836 г. (ср. также письмо 161, где говорится о данном приятелями Пушкина «обете» перед публикой «выдать Совр.‹еменник› на Фоминой», т. е. между 5 и 12 апреля). Этими данными (и следующими ниже соображениями) определяется датировка письма Пушкина.

[3] Говоря о «корректуре путешествия», Пушкин, очевидно, имел в виду первую корректуру «Путешествия в Арзрум», занимавшего листы 2—5 (стр. 17—84) первой книги «Современника», что дает дополнительные основания для датировки настоящего письма. Никакое другое произведение, из числа помещенных в четырех книжках журнала за 1836 г., не может быть названо «путешествием» в прямом смысле. Несколько кратких рецензий Гоголя в разделе «Новые книги», посвященных сочинениям о путешествиях («Плавание по Белому морю. . .» Я. Озерецковского. «Походные записки артиллериста» И. Р.‹адожицкого›, «Путешествие вокруг света», изданное под руководством Дюмон-Дюрвиля), занимают в общей сложности две страницы и о них не может идти речи. Письма А. И. Тургенева «Париж. Хроника русского», напечатанные в I книге журнала (стр. 258—295), и продолжение их, помещенное в IV книге (стр. 234—266), никогда не назывались в переписке Пушкина «путешествием», но обозначались им (а вслед за ним и Вяземским, и Дондуковым-Корсаковым) как «Письма (или «письмо») из Парижа» (см.: *Акад.*, XVI, стр. 93, 94, 114), «Париж» (там же, стр. 128), наконец, просто «письма» (там же, стр. 218). Статья А. И. Тургенева «Отрывок из записной книжки путешественника. . .», о которой, по-видимому, говорится в последнем случае, — единственная из всех, которая может быть условно названа «путешествием», но она отпадает по хронологическим соображениям (см. прим. 1 к письму 240). Таким образом, речь в комментируемом письме может идти только о «Путешествии в Арзрум» Пушкина.

[4] Наборная рукопись «Путешествия в Арзрум», как и другие наборные рукописи «Современника», до нас не дошла, и поэтому трудно судить о том, какие «ошибки в рукописи» имел в виду Пушкин. Вероятно, ошибки в писарской копии «Путешествия», сделанной для типографии, вызваны были обилием грузинских, турецких и прочих личных и географических имен в автографе, неясных для переписчика.

[5] Вопрос Пушкина о повести Одоевского «Княжна Зизи» также связан с изданием «Современника». Время работы автора над повестью и ее окон-

чания неизвестно. Вопрос Пушкина указывает на то, что сюжет повести был ему известен, но работа над ней Одоевского не была еще закончена. Позднее Одоевский предназначал ее для «Русского сборника» (см.: П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский... Т. I, ч. II, М., 1913, стр. 109), но издание это не состоялось, и повесть была предложена автором редакции «Московского наблюдателя», который не поместил ее. В конце 1836 г. Пушкин думал вновь о помещении ее в «Современнике» (см. письмо 206). Повесть была позднее опубликована в обновленных Краевским «Отечественных записках» (1839, т. I, отд. III, стр. 3—70).

151. **В. Д. Сухорукову.** — Печатается по тексту первой публикации. Подлинник неизвестен. Впервые: «Донской вестник», 1869, № 46, 24 ноября. *Акад.*, XVI, № 1150.

Датировка «14 марта» не может быть проверена за отсутствием подлинника, хотя она вызывала сомнения (см.: *Academia*, т. VI, стр. 578; *Акад.*, XVI, стр. 310), так как в письме говорится о «Современнике» как о вышедшем в свет, в то время как I том журнала вышел лишь 11 апреля 1836 г. (см.: *П. в печ.*, стр. 129). Однако ни 14 апреля, ни 14 мая Пушкина не было в Петербурге (он уезжал сначала в Михайловское, затем в Москву). Возможно, что Пушкин имел в виду посылку Сухорукову билета на получение журнала (см.: *Academia*, т. VI, стр. 578). Такие билеты он рассылал в феврале, после публикации в «Северной пчеле» (1836, № 27, 3 февраля, стр. 105) объявления об издании «Современника» (см., например, письмо 146).

[1] Неустановленное лицо. А. А. Карасев, перепечатывая комментируемое письмо (*РА*, 1899, № 2, стр. 159), предположил, что это мог быть знакомый Сухорукова Ф. И. Шумков, впоследствии генерал. Предположение Карасева, основанное на том, что письмо было опубликовано впервые по сообщению Ф. И. Шумкова и у него же (а затем у его наследников) хранился подлинник письма, было безоговорочно принято в ряде новейших изданий писем Пушкина. Однако ему противоречат как возраст Шумкова, которому в 1836 г. было около 30 лет (см.: Исторический очерк образования и развития Артиллерийского училища. 1820—1870. СПб., 1870, стр. 34 — 1-й паг., стр. 10 — 2-й паг.), так и то, что после окончания в 1828 г. Артиллерийского училища Шумков служил на Кавказе и нет сведений даже о наездах его в столицу, между тем как упоминаемый Пушкиным «молодой человек» в 1836 г. долго жил в Петербурге. А. М. Линин в статье «Историк войска Донского В. Д. Сухоруков и А. С. Пушкин» (в кн.: Пушкин. 1837—1937. Азчериздат, Ростов н/Д., 1937, стр. 110 и 123) полагал, что «молодым человеком» мог быть приятель и земляк Сухорукова Сербинов или участвовавший по поручению генерала И. Ф. Богдановича в переработке «Исторического описания Земли войска Донского» В. М. Пудавов. Говоря о Сербинове, А. М. Линин опирался на сообщение С. Соболева («Донской вестник», Новочеркасск, 1868, № 33), что Пушкин в 1829 г. в Новочеркасске проездом с Кавказа останавливался в доме родителей Сербинова. Однако в позднейшей своей работе «А. С. Пушкин на Дону и Кубани» А. М. Линин показал, что сообщению Соболева противоречат другие сведения о пребывании Пушкина в Новочеркасске (см.: А. Линин. А. С. Пушкин на Дону. Обл. изд., Ростов н/Д., 1941, стр. 46—51). Кроме того, ничего не известно о том, жили ли Сербинов и Пудавов в Петербурге в 1836 г. Для решения вопроса необходимы дальнейшие разыскания.

[2] Сухоруков женился в начале 1836 г. в Пятигорске на дочери статского советника Ольге Васильевне Швецовой (см.: «Донская газета», 1877, № 1, 2 января, стр. 3).

[3] О вечерах, проведенных в арзрумском «сераскировом дворце» в разговорах «с умным и любезным Сухоруковым», Пушкин вспоминает в V главе «Путешествия в Арзрум» (*Акад.*, VIII, стр. 479). Пушкин оставил Арзрум 19 июля 1829 г. (там же, стр. 482).

[4] См. выше, обоснование датировки письма.

[5] Статей Сухорукова в «Современнике» не появилось. Объясняется это, по-видимому, его положением поднадзорного и ссыльного, в котором он находился с начала 1827 г. (см.: А. М. Линин. А. С. Пушкин на Дону, стр. 97 и сл.): попытка Сухорукова сотрудничать в «Тифлисских ведомостях» (1829) вызвала личное неудовольствие Николая I и новые преследования (см.: В. С. Шадури. Декабристская литература и грузинская общественность. Изд. «Заря Востока», Тбилиси, 1958, стр. 258—264).

152. П. А. Вяземскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 660. Впервые: *Р. библ.*, 1911, № 5, стр. 21. *Акад.*, XVI, № 1156.

Датируется по содержанию. Записка, по всей вероятности, предшествует письму 153, помеченному 18 марта. Переписка с Дондуковым-Корсаковым свидетельствует, что цензурный комитет согласился с сомнениями цензора А. Л. Крылова по поводу статьи А. И. Тургенева «Письма из Парижа» («Хроника русского»), и она по установленному порядку была затем передана в Главное управление цензуры. Ближайшее перед тем заседание комитета было 17 марта; в его протоколах, однако, упоминания «Писем из Парижа» нет; очевидно, решение носило предварительный, полуофициальный характер, позднее получив документальное закрепление.

[1] Статья Козловского — «Разбор Парижского математического ежегодника на 1836 год» (*Совр.*, 1836, т. I, стр. 242—257), переданная Пушкину через Вяземского. В сопроводительном письме Вяземский писал: «Он (Козловский, — *Ред.*) позволяет переправить ее в языке как угодно. Какие же будут требования от ценсуры, то нужно его уведомить» (*Акад.*, *Спр. том*, стр. 74). Возможность цензурных затруднений при печатании статьи обусловливалась тем, что Козловский далеко выходил за пределы своей темы, ставя общие вопросы о распространении просвещения и популяризации науки, в том числе и в «нижних слоях» русского общества (см.: *ЛН*, т. 58, стр. 288).

[2] «Политические комеражи» (франц. commérage — сплетни, пересуды) — в письмах из Парижа А. И. Тургенева (напечатаны под названием «Париж. (Хроника русского)», см.: *Совр.*, 1836, т. I, стр. 258—295). Письма Тургенева, помимо литературных и научных новостей, содержали сведения об отставке министров (Гизо и Тьера), о новых кандидатурах в правительство, а также о политическом процессе Фиески и других участников бонапартистского заговора против короля. Письмо Пушкина Вяземский послал А. И. Тургеневу вместе со своим письмом от 19 января—23 марта 1836 г., где он сообщал: «Из записки ко мне Пушкина увидишь ты, что ценсура тебя сечет и рубит» (*ОА*, т. III, стр. 290). О цензурной истории «Хроники русского» А. И. Тургенева см. прим. 2 к письму 153. Цензурные изъятия, произведенные в статье А. Л. Крыловым, были частично восстановлены, по-видимому по разрешению Уварова (цензурный экземпляр статьи не сохранился). В печатном тексте имена Фиески и министров названы полностью, однако опущен большой фрагмент текста, содержащий описание процесса. См.: А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.). Изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 514 и сл. (комм. М. И. Гиллельсона).

[3] Пушкин имеет в виду обозначенные в печатном тексте инициалами фамилии С. П. Свечиной, М. А. Свистуновой, Е. В. Мейендорф, С. С. Киселевой, Т. И. Шуваловой, Л. Н. Жюльвекур-Всеволожской.

[4] Стихотворение П. А. Вяземского «Роза и кипарис. (Графине М. А. Потоцкой)», напечатанное в «Современнике» (1836, т. I, стр. 226).

153. М. А. Дондукову-Корсакову. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1559. Впервые: в отрывке — «Красная газета», 1931, 23 апреля, № 96 (2763), вечерний выпуск; полностью — *ЛН*, т. 16—18, стр. 547. *Акад.*, XVI, № 1157.

[1] В письме к Пушкину от 19 января 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1121), сообщая о назначении А. Л. Крылова цензором «Современника», Дондуков-

Корсаков выражал сожаление по поводу «неудовольствий», причиненных Пушкину Петербургским цензурным комитетом. Как председатель комитета, Дондуков просил Пушкина в будущем адресоваться прямо к нему в случае цензурных затруднений, обещая «отклонить все препятствия» к исполнению его требований, «если они будут сообразны с правилами, для цензурных комитетов изданными».

[2] О цензурных препятствиях к напечатанию «Писем из Парижа» (см. письмо 152) Пушкину стало неофициально известно уже к 18 марта. Но лишь 23 марта цензор Крылов обратился в комитет с письменным донесением (датированным 22 марта), где писал о статье: «Находя в оной наряду со сведениями литературного содержания и такие известия, которые помещают исключительно в повременных изданиях политических, как-то: о Фиески с другими подсудимыми, переменах министерства, спорах об уменьшении процентов и т. п., я почитаю сам не в праве допустить к напечатанию такого рода письмо вполне, без разрешения начальства; почему, отметив карандашом сомнительные места, имею честь представить оные на благоусмотрение комитета. Вместе с тем долгом почитаю обратить внимание комитета и на другую статью, для того же повременного издания, под заглавием: „Применение системы Галля и Лафатера к изображениям пяти подсудимых" (т. е. Бешера, Фиески, Буаро, Пепена и Морея). Последняя статья хотя и не принадлежит к разряду новостей политических, однако ж относится до одного из тех предметов, о которых я имею честь испрашивать разрешения» (*ЦГИА*, ф. 777, оп. 1, ед. хр. 1321, л. 11). 25 марта Дондуков-Корсаков письмом в Главное управление цензуры сообщил, что комитет, «основываясь на том, что в журнале „Современник" должны быть помещаемы статьи чисто литературные, признал себя не вправе дозволить г. цензору Крылову одобрить к напечатанию в оном предметы, могущие подать повод к политическим суждениям», и «по желанию издателя», т. е. Пушкина, предоставил Дондукову-Корсакову испросить разрешения Главного управления цензуры (*ЛН*, т. 16—18, стр. 548; подлинник: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 16, № 130, л. 2—2 об., с пометой о том, что Уваров «читал и возвратил г. председателю»); в заседании же комитета 7 апреля Дондуков-Корсаков объявил, что министр словесно разрешил одобрить статью, за исключением отмеченных карандашом мест (см.: *ЛН*, т. 16—18, стр. 548).

[3] Можно думать, что эти слова — тактический маневр. По установленному порядку Пушкин (равным образом как и Цензурный комитет) должен был обращаться не к Бенкендорфу, а в Главное управление цензуры, председателем которого был Уваров. Однако Пушкин стремился найти заступничество у Бенкендорфа (см. письмо 152). Дондуков-Корсаков ответил Пушкину 20 марта, что «обстоятельство сие будет представлено комитетом на разрешение Главного управления цензуры» (*Акад.*, XVI, № 1159); это вызвало раздраженную помету Пушкина: «С Ценз‹урой› спорить-де можно, а с В.‹ашей› М.‹илостью› нет» (там же, стр. 94).

154. А. Л. Крылову. — Черновой подлинник: *ИРЛИ*, № 658. Отправленный беловой текст неизвестен. Впервые: *Шляпкин*, стр. 116. *Акад.*, XVI, № 1160.

Обоснование датировки — см. комментарий к письмам 152 и 153.

[1] Некоторые из предшествующих писем Тургенева были напечатаны в «Московском наблюдателе» (см.: Письмо из Флоренции в Симбирск. *М. набл.*, 1835, ч. I, март, кн. 2, стр. 296—327; апрель, кн. 1, стр. 529—550; Отрывки из заграничной переписки. *М., набл.*, 1835, ч. IV, октябрь, кн. 2, стр. 624—633; ч. V, ноябрь, кн. 2, стр. 250—264). Пушкин указывает на прецедент, так как жанр литературно-общественной хроники вызывал подозрения цензуры; характер же писем Тургенева давал возможность отнести их к «литературным» и таким образом обойти цензурные препятствия. Вяземский писал Тургеневу 8 апреля 1836 г.: «Разумеется, пуще всего нужно литературности и невинной уличной и салонной жизни. Политика,

то есть газетная политика, не годится, или умеренно, потому что дозволен только журнал литературный, но историческую политику милости просим» (*ОА*, т. III, стр. 312—313). Отвечая Вяземскому, Тургенев указывал, что в современной жизни грани между литературой и политикой стираются и что в стихах «На выздоровление Лукулла» «гораздо больше *политики*», чем в его «невинных донесениях о Фиэски» (*ЛН*, т. 58, стр. 122—123). О дальнейшей цензурной истории «Писем из Парижа» см. комментарий к письму 153.

155. А. Жобару. — Печатается по тексту первой публикации: *РС*, 1880, июль, стр. 563. Подлинник неизвестен. *Акад.*, XVI, № 1161.

Черновик письма: *ИРЛИ*, № 658. *Акад.*, XVI, № 1161а.

Ответ на письмо А. Жобара к Пушкину от 16 марта 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1155), к которому были приложены ода «На выздоровление Лукулла» во французском переводе Жобара и копия его издевательского «посвятительного послания» С. С. Уварову, отправленные им последнему при письме от 13 января 1836 г. (см.: *РС*, 1880, июль, стр. 558—561).

[1] Перевод оды к Лукуллу, сделанный Жобаром, а также его письмо к Уварову были еще до получения их Пушкиным от самого Жобара сообщены поэту Д. В. Давыдовым при письме от 8 февраля 1836 г. «Перевод, — писал Давыдов, — довольно плох, но есть смешные места; что ж касается до письма, я, читая его, хохотал как дурак. Злая бестия этот Жобар и ловко доклевал Журавля, подбитого Соколом» (*Акад.*, XVI, № 1134).

[2] Опасаясь, быть может, перлюстрации или нескромности своего адресата, Пушкин ограничился общей похвалой его переводу, уклонившись от высказываний о содержании оды. Однако в ответном письме Жобар, видевший в Пушкине своего единомышленника в борьбе против Уварова, вновь вернулся к этой теме (см.: *Акад.*, XVI, № 1177).

[3] Первая попытка объявить Жобара сумасшедшим была предпринята еще в 1824 г. М. Л. Магницким (см.: Е. Феоктистов. Материалы для истории просвещения в России, I. Магницкий. СПб., 1865, стр. 121—122). Мыслью Магницкого воспользовался Уваров, когда Жобар 2 мая 1835 г. успел где-то на улице Петербурга подать Николаю I записку: «Sire, Daignez m'entendre. Jobard» (Государь, благоволите выслушать меня. Жобар). Однако Жобар добился освидетельствования в московском губернском правлении, присутствие которого (20 июля 1835 г.) нашло его «совершенно в здравом состоянии рассудка» (*РС*, 1880, июль, стр. 557).

[4] В письме к С. С. Уварову от 13 января 1836 г. Жобар писал по поводу оды «На выздоровление Лукулла»: «Твердо решившись познакомить Европу с этим необыкновенным произведением, я предполагаю переслать в Брюссель моему брату, литографу, типографу, издателю и редактору „Индюстриеля“, этот перевод с примечаниями, каких может потребовать уразумение текста» (*РС*, 1880, июль, стр. 561).

[5] Ср. письмо к Н. Г. Репнину от 11 февраля 1836 г. (см. письмо 145).

[6] Речь идет о Николае I. См. письмо 141.

[7] На это Жобар отвечал: «Повинуюсь вам, но лишь временно. Я послал одну копию его (перевода, — *Ред.*) моему брату в Бельгию и другую — моему отцу во Францию ‹...›, но со специальным условием ничего не печатать без моего распоряжения» (*Акад.*, XVI, № 1177).

156. С. Н. Глинке. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 657. Впервые: *Ефр.*, *1903*, т. VII, стр. 374. *Акад.*, XVI, № 1163.

Основанием датировки служит ответное письмо Глинки, написанное 26 марта 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1164).

[1] Это письмо не сохранилось.

[2] Глинка был известен как пурист и галлофоб в области языка (ср. его сатирическое изображение в «Доме сумасшедших» Воейкова; анекдоты о его галлофобии (сменявшейся по временам галломанией) см.: *Полевой*, стр. 251 и сл.; см. также: К. Я. Грот. Материалы к биографиям

русских писателей. Ф. Н. Глинка и П. А. Плетнев. *Изв. ОРЯС*, 1903, т. VIII, кн. 2, стр. 102). «Галлицизмом» Пушкин, очевидно, называет эпитет «любезное» в приложении к письму (франц.: «Votre aimable lettre»).

[3] Федор Николаевич — Ф. Н. Глинка. Адреса его С. Н. Глинка не знал (*Акад.*, XVI, № 1164). В 1835 г., выйдя в отставку, Ф. Н. Глинка поселился в Москве, на Садовой улице, близ Сухаревой башни, где приобрел небольшой дом (см. записки Н. В. Берга: *РС*, 1891, № 2, стр. 247; Е. Бакунина. Ф. Н. и А. П. Глинки. Там же, № 4, стр. 218).

157. В. А. Дурову. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 656. Почтовый штемпель: «С. Петербург. 18 апре. 1836». Впервые: *РС,* 1890, сентябрь, стр. 666. *Акад.,* XVI, № 1165.

Письмо Пушкина, начатое 17 марта, после получения им записок Н. А. Дуровой, было дописано 27 марта, после того как записки были переписаны. Отправил же его Пушкин, судя по почтовому штемпелю, лишь 18 апреля — очевидно, после возвращения из Михайловского, куда он выезжал на похороны матери. См. также письма 108 и 139; *Акад.,* XVI, №№ 1084, 1097, 1118, 1140.

[1] Воспоминания Н. А. Дуровой о 1812 годе были напечатаны во втором томе «Современника» 1836 г.

[2] Полные записки Н. А. Дуровой («брата Вашего») были изданы уже без участия Пушкина ее родственником И. Бутовским в том же 1836 г. под названием: «Кавалерист-девица, происшествие в России, в 2 частях. Издал Иван Бутовский. СПб.». В другом своем автобиографическом сочинении Дурова пишет, что Плетнев советовал ей не обременять Пушкина изданием ее воспоминаний (Н. А. Дурова. Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения. В кн.: Надежда Дурова. Записки кавалерист-девицы. Изд. «Сов. Россия», М., 1962, стр. 150—151). Пушкин в четвертом томе «Современника» откликнулся на первую часть издания Бутовского небольшой заметкой (*Акад.*, XII, стр. 135).

[3] Александров Александр Андреевич — псевдоним Дуровой.

158. Джорджу Борро. — Печатается по тексту в кн.: William J. Knapp. Life, writings and correspondence of G. Borrow. London, 1899, vol. I, p. 225 (опубликовано здесь по подлиннику, местонахождение которого неизвестно). В СССР впервые: «Вестник ЛГУ», 1949, № 6, стр. 137. *Акад.*, XVI, стр. 431, № 1377/1166а.

Датируется на основании письма к Борро его друга Дж. Гасфельдта, где он описывает свое посещение Пушкина, и ответного письма Борро из Мадрида от 23 мая 1836 г. Письмо Гасфельдта с вложенной запиской Пушкина было получено Борро «более двух недель назад», т. е. в начале мая, а отправлено, как явствует из него, до возвращения Жуковского в Петербург из Царского Села (Жуковский был в Петербурге 4 апреля 1836 г. — ср. письмо его к Стурдзе: *РС*, 1902, май, стр. 389; точная дата его возвращения неизвестна). Таким образом, Гасфельдт посетил Пушкина не позднее конца марта 1836 г. и не ранее конца октября 1835 г. (книга Борро «Талисман», имеющая цензурное разрешение 24 августа, вышла из печати в Петербурге в начале сентября; с 7 сентября до 23 октября 1835 г. Пушкин был в отъезде; Гасфельдт сообщал, что посетил Пушкина вскоре после того, как узнал, что тот находится в городе).

[1] «Книга господина Борро» — переплетенные вместе два издания: «Таргум, или Стихотворные переводы с тридцати наречий» (Targum, or metrical translations from thirty Languages and Dialects, by George Borrow, St.-Petersburg, 1835) и «Талисман» (The Talisman. From the Russian of Alexander Pushkin. With other pieces, St.-Petersburg, 1835). Книга эта сохранилась в библиотеке Пушкина (см.: *Библ. П.,* стр. 174, № 666).

[2] Борро уехал из Петербурга 28 августа 1835 г., и книга была поднесена Пушкину Гасфельдтом, который писал Борро в Мадрид: «Вскоре после того, как я узнал, что Пушкин находится в городе, я навестил его

и преподнес ему Вашу книгу. Он принял ее с очевидным удовлетворением. Он очень сожалел, что не познакомился с Вами, пока Вы были здесь. Он спросил меня, переписываюсь ли я с Вами, и, получив утвердительный ответ, просил выразить Вам свою благодарность. Воспользовавшись удобным случаем, я мгновенно вытащил из своего кармана этот лист бумаги и просил его написать несколько слов, которые вы найдете ниже» (W. J. Knapp. Life, writings and correspondence of G. Borrow, vol. 1, p. 225; см. также: М. П. Алексеев. Письмо Пушкина к Джорджу Борро. «Вестник ЛГУ», 1949, № 6, стр. 136).

159. А. П. Керн (?). — Печатается по фотокопии: *ИРЛИ*, *Рук. ПД*, *1964*, Приложение, № 41. Местонахождение подлинника (до второй мировой войны хранившегося в библиотеке Лейпцигского университета) неизвестно. Впервые, по подлиннику (с предположительным адресованием А. П. Керн и датировкой, также предположительной, 1825 г.): И. А. Шляпкин. К биографии А. С. Пушкина. (Малоизвестные и неизвестные документальные данные). СПб., 1899, стр. 30. Перепечатано (с тем же адресатом и датировкой декабрем 1825 г.): *Шляпкин*, стр. 127. Вновь напечатано по подлиннику В. Выриным в еженедельнике «Россия и славянство» (Париж, 1930, № 81, 14 июня, стр. 6) с факсимиле, с предположительным адресованием А. П. Малиновской и датировкой «между маем 1833 и мартом 1836». В издании «Academia» (т. VI, стр. 450, № 783) помещено в число писем «неизвестных годов» с заголовком «А. П. Керн (?) ‹1830-е годы (?) Петербург›». *Акад.*, XV, № 890 (как письмо к А. П. Малиновской).

И адресат, и время написания записки могут быть определены только предположительно. По почерку и упоминанию о Н. Ф. Арендте («Arnt») видно, что она написана в Петербурге, в годы после ссылки поэта. Ключом к определению смысла записки (а отсюда и к установлению ее даты и адресата) может служить просьба Пушкина не сообщать о вызове врача «бабушке и дедушке» («aux grands-parents»). Если предположить, что «бабушка и дедушка», которых Пушкин боится взволновать известием, — Н. О. и С. Л. Пушкины (в издании «Academia» они обозначены как «лица неустановленные») и что речь идет о болезни кого-то из их внуков, то записка не могла быть написана до 6 мая 1833 г. (день первого приезда Н. О. и С. Л. Пушкиных в Петербург после рождения первой их внучки — Марии Александровны; см. письмо Н. О. и С. Л. Пушкиных к О. С. Павлищевой от 8 мая 1833 г.: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 20, № 29, лл. 115—116) и после 28 марта 1836 г. (29 марта Н. О. скончалась). Экстренное приглашение Арендта могло быть вызвано несчастным случаем с Н. Н. Пушкиной, происшедшим 4 марта 1834 г. и отмеченным в дневнике Пушкина 6 марта (*Акад.*, XII, стр. 320), чем определяется и предположительная датировка в академическом издании.

Из обращения видно, что адресат Пушкина — некая Анна Петровна, из содержания записки — что она достаточно близкая знакомая Пушкина и его родных, тесно связана и постоянно общается со стариками Пушкиными, должна знать, кто такой «Arnt», и иметь возможность его «послать» к Пушкину. Нам известны две Анны Петровны из числа близких знакомых Н. О. и С. Л. Пушкиных. Первая, А. П. Малиновская, жена директора Московского архива Министерства иностранных дел А. Ф. Малиновского, связанная с Пушкиными старинной дружбой, жила постоянно в Москве и бывала в Петербурге лишь наездами, которые участились после свадьбы (18 января 1833 г.) и переезда в Петербург единственной ее дочери Екатерины Алексеевны (в замужестве кн. Долгоруковой). Однако из переписки старших Пушкиных с О. С. Павлищевой видно, что во время приездов А. П. Малиновской в Петербург они виделись с нею редко (см., например: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 20, № 29, лл. 21, 168; № 78, л. 9). Кроме того, было бы странно со стороны Пушкина обратиться с просьбой

о присылке Арендта к даме, которая была в Петербурге кратковременной гостьей.

Вторая Анна Петровна — А. П. Керн. Вспоминая о своих встречах с Пушкиным в 1827—1829 гг., она писала: «С Пушкиным я опять увиделась в Петербурге, в доме его родителей, где я бывала почти всякий день...» (А. П. Керн. Воспоминания. Изд. «Academia», Л., 1929, стр. 264). Близость ее с Н. О. и С. Л. Пушкиными сохранялась и в последующие годы, хотя с самим поэтом после его женитьбы она встречалась лишь эпизодически (см. там же, стр. 278). Тем не менее из двух названных возможных адресатов письма более вероятным представляется А. П. Керн.

160. В Съезжий дом. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 744. Помета: «Принял надзиратель Констанский (?)». Впервые: «Речь», 1911, № 99, 13 апреля. *Акад.*, XVI, Дел. бум., № 22.

Письмо представляет собой «отзыв», т. е. официальное объяснение, Пушкина о причинах задержки в погашении ссуды в 20 тыс. руб., полученной им на печатание «Истории Пугачева» (см. письма 5, 12, 122, 123, 131). 10 тыс. руб. — сумма очередного платежа, срок которого истек 9 марта 1835 г. В ответ на требование С.-Петербургской казенной палаты об уплате этих денег Пушкин подал настоящий «отзыв», который петербургский обер-полицеймейстер генерал С. А. Кокошкин препроводил в палату при отношении № 5440 от 17 июля 1836 г. (см.: *Рукою П.*, стр. 785—786).

[1] Пушкин ссылается на распоряжение Николая I о рассрочке ссуды на четыре года, начиная с 1836 г., переданное ему через Канкрина; условия платежей были оговорены в подписанном Пушкиным обязательстве от 22 ноября 1835 г. (см.: *Рукою П.*, стр. 785).

161. В. Ф. Одоевскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1561. Впервые: *РА*, 1864, стлб. 820—821 (изд. 2-е, стлб. 1011—1012). *Акад.*, XVI, № 1169.

Письмо датируется по следующим соображениям. 29 марта 1836 г., в воскресенье, умерла в Петербурге Н. О. Пушкина, и Пушкин собирался ехать в Святые Горы хоронить ее. Фраза «Я еду во вторник» написана не ранее чем в последний вторник марта (31 числа). Фомина неделя была в том году с 5 по 12 апреля. Письмо написано до нее — следовательно, между 31 марта и 5 апреля.

[1] Первый том «Современника» вышел 11 апреля 1836 г., т. е. еще на фоминой неделе (*П. в печ.*, стр. 129).

[2] Первоначальный заголовок статьи Одоевского: «Бабушка. Предисловие к Ночи (?), или Пагубные следствия просвещения» (*ГПБ*, ф. 539, переплет 83, лл. 21—37; см.: П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский..., т. I, ч. II. М., 1913, стр. 125—126). В дальнейшем статья была отредактирована специально для «Современника». В журнале (т. II, стр. 206—217) она называется «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе». Эпиграф из «Горя от ума» («О господи, когда ж исчезнет этот дух пустого, рабского, слепого подражанья!») сменился строками из «Сцен из жизни Петра Великого» М. П. Погодина (*М. набл.*, 1835, т. IV, кн. II, октябрь, цензурное разрешение 26 января 1836 г.; впервые (фрагмент) под заглавием «Отрывок из драматической поэмы» в альманахе: «Новоселье», ч. I, СПб., 1833, стр. 519). Пушкин почти не принимал участия в работе над вторым томом и предоставил порядок расположения статей на усмотрение Одоевского (см. письмо 172), который, вопреки предположению Пушкина, не поместил свою статью в начале книги.

[3] Разбор романа «Постоялый двор. Записки покойного Горянова, изданные его другом Н. П. Маловым» (СПб., 1835; автор А. П. Степанов), написанный, по-видимому, Одоевским, на страницах пушкинского «Современника» не появлялся. В третьем томе «Современника» была помещена

статья Одоевского «Как пишутся у нас романы», но в ней «Постоялый двор» не упоминается.

[4] «Сегелиель» (у Пушкина ошибочно «Сегиель») — незаконченный роман В. Ф. Одоевского. Отрывок, предназначавшийся для «Современника», впервые был напечатан позднее, в «Сборнике на 1838 год...», под заглавием: «Сегелиель — Дон-Кихот XIX столетия. Сказка для старых детей. (Отрывок из 1-й части)» (1832 г.). Сведений о том, что «Сегелиель» был представлен в начале 1836 г. в цензуру, не обнаружено. По данным С.-Петербургского цензурного комитета, рукопись была доставлена 1 сентября 1836 г. (*ЦГИА*, ф. 777, оп. 27, № 200).

[5] Пушкин уехал в Михайловское в среду, 8 апреля (см.: *Труды и дни*, стр. 355).

[6] Среди драматических произведений Одоевского сцены с подобным названием не обнаружены. П. Н. Сакулин высказал предположение, что «Разговор недовольных» — один из первоначальных вариантов «Сцен из ежедневной жизни», позднее напечатанных за подписью В. Безгласного в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» (1837, № 17), см.: П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма..., т. I, ч. II, стр. 157.

[7] «Сцены Гоголя» — отрывок из незавершенной комедии «Владимир 3-й степени», помещенной в первом томе «Современника» на 1836 г. под названием «Петербургские сцены».

162. М. А. Дондукову-Корсакову. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1560. Помета М. А. Дондукова-Корсакова: «Назн‹ачить› цензору Г‹аевскому›». Слова «что таковая двойная цензура ~ в назначенный срок» отчеркнуты, на полях: «NB». Впервые: *Шляпкин*, стр. 116—118. *Акад.*, XVI, № 1170.

Черновик письма: *ИРЛИ*, № 659. *Акад.*, XVI, № 1170а.

[1] До 6 апреля Крылов представил в цензурный комитет следующие статьи для «Современника», которые он не решался пропустить самостоятельно: повесть Гоголя «Коляска» (рассматривалась в заседании 3 марта, пропущена с изменениями), статью Гоголя «Петербург и Москва (из записок дорожного)» (рассматривалась 20 марта, пропущена с изменениями) и «Париж. Хроника русского» А. И. Тургенева (см. прим. 2 к письму 153). Во всех трех случаях комитет согласился с Крыловым, поэтому благодарность Дондукову-Корсакову за «покровительство» не более как формула вежливости.

[2] См. прим. 1 к письму 153.

[3] 10 апреля Дондуков-Корсаков уведомил Пушкина о назначении вторым цензором «Современника» П. И. Гаевского (*Акад.*, XVI, № 1172). В тот же день, 10 апреля, письмо Пушкина вместе с распоряжением Дондукова-Корсакова было направлено секретарю комитета О. В. Семенову, который на следующий же день, 11 апреля, сообщил о них Крылову и Гаевскому (*ИРЛИ*, ф. 244, оп. 27, ед. хр. 23, лл. 9—13). А. В. Никитенко в связи с этим записал 14 апреля в дневнике: «Пушкина жестоко жмет цензура. Он жаловался на Крылова и просил себе другого цензора, в подмогу первому. Ему назначили ‹П. И.› Гаевского. Пушкин раскаивается, но поздно. Гаевский до того напуган гауптвахтой, на которой просидел восемь дней, что теперь сомневается, можно ли пропускать в печать известия вроде того, что такой-то король скончался» (*Никитенко*, т. I, стр. 182). Дата записи, по-видимому, поставлена ошибочно при редактировании дневника С. А. Никитенко: Пушкин 14 апреля не мог знать о решении Дондукова, так как с 8 по 15 апреля его не было в Петербурге (см. комментарий к письму 163). Никаких сведений об участии Гаевского в цензуровании «Современника» не сохранилось.

163. М. П. Погодину. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1562. Почтовый штемпель: «Получено 1836 апреля 28». Впервые: «Москвитянин», 1842, ч. V, № 10, стр. 468—469 (без обращения). *Акад.*, XVI, № 1174.

[1] 8 апреля Пушкин уехал в псковскую деревню на похороны матери.

[2] Позволительный билет на выпуск в свет I тома «Современника» был

выдан 9 апреля. Часть тиража была получена уже 11 апреля, остальная — по-видимому, 13 апреля (см.: В. Г. Березина. Из истории «Современника» Пушкина. *П. Иссл. и мат.*, т. I, стр. 302). 13 апреля Вяземский послал только что вышедшую книгу И. И. Дмитриеву (см.: *РА*, 1868, стлб. 647).

[3] Рецензия на «Исторические афоризмы Михайла Погодина» (*Совр.*, 1836, т. I, стр. 296—302) была написана Гоголем и для публикации переработана: был устранен ряд критических замечаний и произведена значительная стилистическая правка. Возможно, что переработка была осуществлена по указаниям Пушкина (см.: *Гоголь*, т. VIII, стр. 564—569, 770). Рецензия Гоголя безусловно положительна, и слова Пушкина о возможном недовольстве Погодина объясняются крайней щепетильностью и болезненным самолюбием автора, особенно высоко ценившего как раз свои «Исторические афоризмы». Последние, однако, вызвали нападки со стороны как Сенковского (*БдЧ*, 1836, т. 15, март, отд. VI, стр. 54—59), так и друзей Погодина (Загряжского, В. П. Титова); особенно обеспокоили Погодина нарекания духовенства, усмотревшего «нехристианский дух и похвалу цивилизации французской» (см.: *Барсуков*, т. IV, стр. 261, 360 и сл.; см. также неизданные письма Погодина Сербиновичу от 19 февраля 1834 г. и б. д.: *ЦГИА*, ф. 1661, оп. 1, № 1377, лл. 14 и 143). Рецензия в «Современнике» была первым ответом критикам Погодина, прежде всего Сенковскому, за ней последовали другие (см., например, в статье В. Андросова «Как пишут критику»: *М. набл.*, 1836, апрель, кн. 1, стр. 490—491).

[4] Предложение Пушкина соответствовало намерениям Погодина, который, однако, предполагал принять более близкое участие в журнале: передать в него часть статей, назначенных в «Московский наблюдатель», или даже издавать журнал вместе (см. запись в дневнике от 23 января 1836 г.: *ПиС*, вып. XXIII—XXIV, стр. 120). 1 мая Погодин ответил Пушкину согласием, отклоняя всякие переговоры об оплате, и предложил несколько статей по русской и славянской истории, ироническое критическое обозрение журналов и др. (*Акад.*, XVI, № 1187). 23 июня он отправляет Пушкину статью «Об историческом поветрии» и четыре рецензии, обещая прислать еще в № 3 «листа на 3 или 4» (*Шляпкин*, стр. 242—245; *ЛН*, т. 16—18, стр. 722; т. 58, стр. 130; *Акад.*, XVI, № 1218). Статьи эти напечатаны не были; из статей Погодина при жизни Пушкина в «Современнике» была опубликована лишь «Прогулка по Москве» (под псевдонимом «Пешеход») (*Совр.*, 1836, т. III, стр. 260—265).

[5] В библиотеке Пушкина сохранились номера «Телескопа» с 1832 г.; за 1836 г. — №№ 1—12, 14 и 16 (*Библ. П.*, № 527). Надеждин посылал свой журнал Пушкину с января 1831 г. (*Акад.*, XIV, № 557). До отъезда в Михайловское Пушкин мог получить первые пять книжек журнала (цензурное разрешение № 5—21 марта 1836 г.). Пушкин передает благодарность Надеждину через Погодина, так как ему были известны их приятельские отношения еще в конце 1820-х—начале 1830-х годов. В 1830 г., с отходом Надеждина от «Вестника Европы», Погодин усиленно пытался сблизить его с Пушкиным (*ПиС*, вып. XXIII—XXIV, стр. 104—105). В 1835 г. Погодин и Надеждин совместно совершают заграничное путешествие; 4—5 апреля, по возвращении в Москву, между ними происходит размолвка в связи с защитой Надеждиным статей Белинского в «Телескопе» и «Молве» (*Барсуков,* т. IV, стр. 354 и сл.). О начавшемся конфликте, углубившемся затем полемикой Надеждина и Шевырева, Пушкину в это время, по-видимому, еще не было известно.

[6] Пушкин выехал в Петербург 14 апреля вместе с бароном Б. А. Вревским и прибыл туда 16 апреля. См.: *ПиС*, вып. XXI—XXII, стр. 395 (записи во «Вседневном журнале на 1836 год» барона Б. А. Вревского).

164. Н. М. Языкову. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 661. Почтовый штемпель: «В Карсуне получено 7 маия 1836». Впервые, с сокращениями и пропус-

ками цензурного и редакционного характера: *Анненков,* т. I, стр. 414; полностью: *ИВ*, 1884, № 5, стр. 328. *Акад.*, XVI, № 1175.

[1] По-видимому, письмо написано в Тригорском, на обратном пути из Голубова (имения бар. Б. А. Вревского) в Петербург; в тот же день, 14 апреля, Пушкин был и в Михайловском (см. письмо 163 и прим. 6 к нему).

[2] «Где вольные живали» — цитата из стихотворения Языкова «Тригорское».

[3] Языков приезжал в Тригорское из Дерпта между 15 и 20 июня 1826 г.; тогда же состоялось его знакомство с Пушкиным (см.: *Летопись*, стр. 710 и 789; *Письма*, т. II, стр. 200—202).

[4] «Емкой» в дружеском кругу называли жженку из рома и вина. См. в послании Пушкина «К Языкову» (1826; *Акад.*, III, стр. 22) и в дневниках Вульфа (А. Н. Вульф. Дневники. Изд. «Федерация», М., 1929, стр. 363 — запись под 24 июля 1833 г.: «угостил я их емкою, „сим напитком благородным", прославленным Пушкиным и Языковым»; см. также стр. 39).

[5] Е. Н. Вревской было известно об отсылке Пушкиным письма Языкову; 28 мая она писала А. Н. Вульфу: «Надеюсь, что этот год буду иметь счастие быть прославленной им (Языковым, — *Ред.*): вероятно, Пушкина письмо оживит у него воспоминания о Тригор‹ском›» (*ПиС*, вып. XIX—XX, стр. 107). Вревская была беременна пятым ребенком — дочерью Прасковьей, которая родилась 21 июня 1836 г. (данные картотеки Б. Л. Модзалевского). Пушкин нередко подшучивал над беременностью Е. Н. Вревской (см.: *ПиС,* вып. XIX—XX, стр. 107).

[6] «Тверским Ловласом» назван здесь А. Н. Вульф. Он же — «Ловлас Николаевич» в письме к нему Пушкина от 16 октября 1829 г. (*Акад.*, XIV, № 419). Ср. письмо Пушкина (*Акад.*, XIV, № 393), где он называет «Тверским Ловеласом» самого себя, а Вульфа — «С.-Петербургским Вальмоном». Ловлас — герой романа Ричардсона «Кларисса Гарлоу» (1748), безнравственный соблазнитель; Вальмон — такого же типа герой романа Шодерло де Лакло «Опасные связи» (1782).

[7] В ответном письме от 1 июня Языков писал: «Ваш Современник цветет и красуется: жаль только, что выходит редко; лучше бы книжки поменьше, да чаще» (*Акад.*, XVI, № 1203). О положительном отношении братьев Языковых к первому номеру «Современника» свидетельствует и письмо А. М. Языкова к В. Д. Комовскому: «„Современник" действительно легок, но эта легкость и хороша в литературном журнале — у нас все берегут свои головы, все боятся их ломать над книгами (над вистом дело другое!). „Коляска" — славная штука; даже почти все в „С‹овременнике›" можно прочитать с удовольствием, дай бог ему здоровья и многолетия! — Тург‹енев› тоже хорош!» (письмо от 30 апреля 1836 г. из Москвы, неиздано, см.: *ИРЛИ*, ф. Языковых, 19.4.104 (Яз. IV, I).

[8] Статья «Собрание сочинений Георгия Кониского, архиепископа белорусского» (*Совр.*, 1836, т. I, стр. 85—100). Существует предположение, что замечание Пушкина содержит намек на непричастность его к статье Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» (там же, стр. 192—225), с которой он был не во всем согласен (см.: Е. И. Рыскин. Журнал А. С. Пушкина «Современник». 1836—1837. Указатель содержания. Изд. «Книга», М., 1967, стр. 36); ср. также в письме 163 указание Пушкина на непринадлежность ему статьи об «Исторических афоризмах» Погодина.

[9] О готовящемся издании «Современника» Языков знал уже в конце марта и выражал опасение, как Пушкин «сладит с трудом, требующим постоянного сидения за мелочами» (письмо Вульфу от 28 марта: *PC*, 1903, кн. 3, стр. 487). В начале апреля переговоры с Языковым о сотрудничестве в «Современнике» ведет Д. Давыдов, который 6 апреля сообщает Пушкину: Языков «готов и поступает под знамены твои» (*Акад.*, XVI, № 1171); о том же он пишет к Вяземскому 14 и 27 апреля (см.: Письма поэта-партизана Д. В. Давыдова к князю П. А. Вяземскому. Пгр., 1917,

стр. 46, 48). Отвечая Пушкину, Языков обещает прислать стихи и сообщает, что везет в Москву законченную им «Жар-птицу» (*Акад.*, XIV, № 1203); отрывок из нее (под названием «Драматическая сказка об Иване-царевиче, Жар-птице и о Сером волке») был напечатан в «Современнике» (1836, т. II, стр. 229—246).

[10] Аналогичный образ см. в эпиграмме Пушкина «Там, где древний Кочерговский...» (1829). См.: М. С. Альтман. Б. Томашевский. К истории текста эпиграммы «Там, где древний Кочерговский». *П. Врем.*, т. 1, стр. 218. По сказочному мотиву, «мертвая вода» обладает способностью собирать воедино разрозненные части трупа, исцелять раны, а «живая вода» — воскрешать его и стимулировать жизненные силы.

[11] Стихотворение Языкова «Д. В. Давыдову» («Жизни баловень счастливый...») напечатано в «Московском наблюдателе» (1835, август, кн. 2, стр. 471). Пушкин высоко ценил это стихотворение; Гоголь вспоминал о «восторге», испытанном Пушкиным во время первого чтения: «В первый раз увидел я тогда слезы на лице Пушкина» (*Гоголь*, т. VIII, стр. 387—388).

[12] Портретная характеристика Давыдова из стихотворения Языкова «Д. В. Давыдову» («Ты, боец чернокудрявый, с белым локоном на лбу») была популярной в дружеском кругу. Ср., например, цитацию ее в записке Вяземского к Пушкину от 22 января 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1124) и в статье Пушкина «Французская академия» (*Совр.*, 1836, т. II, стр. 15; *Акад.*, XII, стр. 46).

[13] Имеется в виду послание Вяземского «К Языкову» («Новоселье», СПб., 1834, стр. 570). Вяземский ждал ответа Языкова на свое послание; 14 июня 1836 г. Д. В. Давыдов писал Языкову: «Мне Вяземский пишет — вот слова его: „Знает ли Языков мое послание к нему, напечатанное во 2-м томе „Новоселья“? Если знает, что он не откликнется?“» (*PC*, 1884, кн. 7, стр. 135). В письме Пушкину Языков сообщал: «Ответ на послание кн‹язя› Вяземского будет скоро — виноват я грешный перед ним, но ведь я был немощен и хил — поправляюсь и исправлюсь» (*Акад.*, XVI, № 1203). 14 сентября сам Вяземский сообщает жене о болезненном состоянии Языкова (*ЛН*, т. 16—18, стр. 810). Ответ свой «Князю П. А. Вяземскому» Языков написал лишь в 1844 г.

[14] «Живи и жить давай другим» — цитата из стихотворения Державина «На рождение царицы Гремиславы...».

[15] Интерес Пушкина к легенде об Алексее, по-видимому, объясняется его работой в это время над статьей «Александр Радищев» (окончена 3 апреля); в приложениях к ней цитируется глава «Клин», где Радищев описывает исполнение стариком-нищим этого духовного стиха (*Акад.*, XII, стр. 37). В 1834 г. в «Путешествии из Москвы в Петербург» Пушкин говорит об этом стихе более подробно (*Акад.*, XI, стр. 258). Языков послал легенду об Алексее с братом для передачи Пушкину, предупредив, однако, что «это не то, ее должно взять у Петра Киреевского, сличенную со многими списками» (*Акад.*, XVI, № 1203).

165. А. Н. Мордвинову. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 662. Входило в состав дела III отделения о В. К. Кюхельбекере, л. 42. Канцелярские пометы: «№ 1016. 29 апреля 1836», «Ответ 30 апреля № 1416. Ген.‹ерал› Губ.‹ернатору› Восточ‹ной› Сибири — 1417». Впервые: *PC*, 1902, кн. 4, стр. 95. *Акад.*, XVI, № 1181.

[1] Письмо Кюхельбекера от 12 февраля 1836 г. из Баргузина (*Акад.*, XVI, № 1138). 28 апреля А. Н. Мордвинов письменным отношением предложил Пушкину доставить Бенкендорфу письмо «Кюхельберга» и от имени Бенкендорфа осведомлялся, через кого оно получено (*Акад.*, XVI, № 1180). С 1828 г. Кюхельбекеру была разрешена переписка только с ближайшими родственниками; нарушение этого условия могло повести к полному запрещению переписки. 17 августа 1833 г. он просил мать

передать Пушкину, чтобы тот не писал ему в крепость (Ю. Тынянов. В. К. Кюхельбекер. В кн.: В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы, т. I. Изд. «Сов. писатель», Л., 1939, стр. L—LI; см. также: В. Н. Орлов. В. К. Кюхельбекер в крепостях и ссылке. (Новые материалы). В кн.: Декабристы и их время. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 30, 38—39). О письме Кюхельбекера Бенкендорф запрашивал и генерал-губернатора Восточной Сибири Броневского; 30 июня Кюхельбекер был допрошен (см.: А. Гуревич. Пушкин и Сибирь. Красноярск, 1952, стр. 23—24, 140) и показал, что «в феврале месяце, но какого точно числа не припомнит, писал письмо к г. камер-юнкеру Александру Сергеевичу Пушкину и отправил оное в общем конверте с другими письмами к родным (но к кому именно, не упомнит) установленным порядком, то есть чрез здешний Словесный суд с надписью на конверте на имя г. состоящего в должности иркутского гражданского губернатора; более же писем г. Пушкину не писал и ни чрез кого помимо установленного порядка не отправлял» (*ИРЛИ*, ф. 244, оп. 25, № 147, л. 1—1 об.). В конце июля 1836 г. Пушкин написал Кюхельбекеру ответное письмо (до нас не дошедшее) с предложением сотрудничать в «Современнике». Кюхельбекер послал Пушкину поэму «Юрий и Ксения» и статью «Поэзия и проза»; последняя не дошла до Пушкина, так как была задержана III отделением на основании распоряжения Бенкендорфа, согласно которому «государственным преступникам» запрещалось выступать в печати (см.: В. Н. Орлов. Статья Кюхельбекера «Поэзия и проза» (1835—1836). *ЛН*, т. 59, стр. 381—382).

[2] Письма Кюхельбекера с упоминаниями о Пушкине обычно доставляли ему племянники Кюхельбекера Б. и Н. Глинки, а также С. Н. Дирин (1814—1839), пасынок Н. Ф. Брейткопф, близкой приятельницы Кюхельбекеров и Глинок. Полагая, что все письма Кюхельбекера проходят через III отделение, Пушкин ошибочно считал Дирина агентом III отделения (см.: И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Гослитиздат, 1950, стр. 39—40). О Дирине и Пушкине см. также: *ЛН*, т. 16—18, стр. 573—574; см. письмо 34.

166. М. А. Дондукову-Корсакову. — Черновой подлинник: *ИРЛИ*, № 658. Беловой текст неизвестен. Впервые: *Шляпкин*, стр. 119. *Акад.*, XVI, №№ 1184 и 1184а.

Дата определяется временем возвращения Пушкина в Петербург из Михайловского (16 апреля, см. прим. 6 к письму 163).

[1] Письмо Дондукова-Корсакова от 10 апреля 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1172). См. прим. 3 к письму 162.

[2] Статья о взятии Дрездена написана Д. Давыдовым. См. письмо 184.

167. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1564. Почтовые штемпеля: «Москва 1836 маия 5» и «Получено 1836 май 8 утро». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 33—34. *Акад.*, XVI, № 1188.

[1] Пушкин выехал в Москву для занятий в Архиве Коллегии иностранных дел и по делам «Современника», по-видимому, 29 апреля (этим днем датировано его письмо к А. Н. Мордвинову, см. письмо 165).

[2] К. П. Брюллов в 10-х числах января 1836 г. по распоряжению Николая I вернулся в Москву из Италии, где он пробыл 13 лет (см. комментарий к письму 140). Первое время Брюллов жил у писателя А. А. Перовского, от которого переехал к художнику-любителю Е. И. Маковскому. Вот как изображает причины переезда современник: «А. А. Перовский движимый рвением отстранять все то, что могло бы помешать занятиям художника, приказал отказывать всем этим близким (т. е. друзьям, приходившим навещать Брюллова, — *Ред.*). Когда Брюллов узнал об этом, в ту же минуту, не думавши захватить чемоданов, ни даже белья, приехал к Маковскому, жившему в Кремле, и прожил у него две недели» (Н. Рамазанов. Материалы для истории художеств в России, кн. I.

М., 1863, стр. 186; ср.: Воспоминания Е. И. Маковского о К. П. Брюллове, бывшем в Москве в 1836 году. В кн.: К. П. Брюллов в письмах, документах и воспоминаниях современников. Сост. Н. Г. Машковцев. Изд. 2-е, доп. Изд. Акад. художеств СССР, М., 1961, стр. 129). После Маковского Брюллов жил у скульптора И. П. Витали (в доме Демидова на Кузнецком мосту), где и познакомился с ним Пушкин. Какие рисунки Брюллова видел Пушкин, неизвестно. Портрет Н. Н. Пушкиной, который Пушкин собирался заказать Брюллову, написан не был. Е. И. Маковский записал рассказ И. Т. Дурнова об одной встрече Пушкина с Брюлловым. «Дурнов рассказывал, что, навещавши К. П. не так здорового в картире г. Перовского; встретил там А. С. Пушкина. У них шел оживленный разговор, что̀ писать из русской истории. Поэт говорил о многих сюжетах из истории Петра Великого. К. П. слушал с почтительным вниманием. Когда Пушкин кончил, К. П. сказал: „я думаю, вот какой сюжет просится под кисть“ — и начал объяснять кратко, ярко, с увлечением поэта, так что Пушкин завертелся и сказал, что он ничего подобного лучше не слышал и что он видит картину писанную перед собою. Дурнов не сказал, какой сюжет» (Воспоминания Е. И. Маковского о К. П. Брюллове..., стр. 129).

[3] По-видимому, речь идет об А. И. Клиндере.

[4] «Домик Нащокина» — выполненный по заказу Нащокина миниатюрный домик, точно воспроизводящий в уменьшенном виде обстановку квартир П. В. Нащокина (в 1830—1836 гг. он переменил 5 квартир), в которых постоянно останавливался Пушкин во время своих приездов в Москву. Пушкин с интересом относился к затее своего друга и в письмах Н. Н. Пушкиной 8 декабря 1831 г. и около 30 сентября 1832 г. упоминает о ней (*Акад.*, XIV, № 710; XV, № 772). Историю «домика» и его современное состояние см.: Г. И. Назарова. Нащокинский домик. В кн.: Пушкин и его время. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1962, стр. 499—510.

[5] «Свата нашего Толстого» — Ф. И. Толстого, через которого Пушкин весной 1829 г. сделал предложение Н. Н. Гончаровой.

[6] Намек на роман Бальзака «Histoire des treize» («История тринадцати»), бывший тогда новинкой.

[7] «Наблюдатели» — редакция и сотрудники журнала «Московский наблюдатель» (см. прим. 1 к письму 110). Многие из них были друзьями Пушкина, он считал их своими союзниками и обращался к ним за сотрудничеством (например, к М. П. Погодину и Н. М. Языкову — см. письма 163, 164). В дальнейшем направление «Московского наблюдателя» наметило разногласия между его участниками и Пушкиным. Для Пушкина была неприемлема салонно-аристократическая ориентация журнала, демонстративно противопоставившего себя не только «Библиотеке для чтения», но и «Телескопу» и «Молве», руководящая роль в которых принадлежала Белинскому. См. в кн.: Тринадцатая Всесоюзная Пушкинская конференция. Тезисы докладов. Л., АН СССР, 1961, стр. 10—11. Несмотря на расхождения с «наблюдателями», Пушкин рассчитывал, находясь в Москве, завербовать среди них сотрудников для «Современника», однако это ему не удалось (см. письмо 173). Никто из членов редакции не принял участия в его журнале. Из произведений сотрудников «Московского наблюдателя» в «Современнике» было напечатано только одно стихотворение Баратынского (в III томе) и «Жар-птица» Н. М. Языкова (во II томе), но и Баратынского, и Языкова в это время направление «Московского наблюдателя» не удовлетворяло полностью. О сотрудничестве Языкова в «Современнике» см. в письме 164. Сотрудничество в «Современнике» М. П. Погодина было незначительным (см. письмо 163).

[8] Речь идет о продаже «Современника» в Москве. По-видимому, наладить продажу журнала московскими книгопродавцами Пушкину не удалось (см. письмо 171). 8 октября 1836 г. А. А. Краевский писал М. П. Погодину: «Говорил я Пушкину о присылке в Москву Соврем<еннника> на комиссию. Он отвечал ни то, ни се. Беззаботность его может взбесить и агнца!» (*ЛН*, т. 16—18, стр. 717).

[9] Дочь П. А. и В. Ф. Вяземских, Мария, 22 мая 1836 г. вышла замуж за П. А. Валуева.

168. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1565. Впервые, с пропусками: *ВЕ*, 1878, март, стр. 34—35. *Акад.*, XVI, № 1190.

Датируется на основании слов Пушкина «Вот уж три дня как я в Москве»: в Москву он приехал «2-го ночью», т. е. в ночь на 2 мая (см. письмо 167).

[1] Архив Коллегии иностранных дел, где Пушкин собирался искать материалы для Истории Петра.

[2] См. прим. 8 к письму 167.

[3] А. С. Хомяков 5 июня 1836 г. женился на младшей сестре Н. М. Языкова Екатерине.

[4] Случай с пощечиной, данной будто бы П. Л. Савельевым командиру Кавалергардского полка Р. Е. Гринвальду, неизвестен. По-видимому, устная молва в искаженном виде передавала рассказ о ссоре Савельева со штабс-капитаном Горголи в ноябре 1835 г. за игрой в карты, когда Савельев обвинил Горголи в шулерстве.

[5] «Кого-то» — Николая I.

[6] Случай с А. Н. Карамзиным, о котором пишет Пушкин, неизвестен и, вероятно, выдуман самим Пушкиным. «Прекрасная брюнетка» — очевидно, Н. Н. Пушкина.

[7] Весной 1836 г. Щепкин готовил в Москве постановку «Ревизора». В феврале 1836 г. Гоголь обещал быть в апреле—мае в Москве и прочесть комедию актерам (см. его письмо к М. П. Погодину от 21 февраля 1836 г.: *Гоголь*, т. XI, стр. 35). После неудачной, как ему казалось, постановки комедии в Петербурге (19 апреля) на сцене Александринского театра Гоголь отказался руководить постановкой в Москве (см. его письмо к Щепкину 29 апреля 1836 г.: там же, стр. 38). Щепкин не только сам горячо убеждал Гоголя приехать в Москву (см.: М. С. Щепкин. 1788—1863. Записки, письма, рассказы. СПб., 1914, стр. 169—170), но и обратился за помощью к Пушкину. Строки из письма Пушкина, написанные для передачи Гоголю, совпадают с письмом Щепкина.

[8] Содержание «пакета» для «Современника» неизвестно; возможно, в нем находилась заметка «Уведомление», касающаяся И. И. Дмитриева (*Совр.*, 1836, т. II, стр. 310).

[6] Н. Н. Пушкина родила дочь Наталью 23 мая 1836 г. (см. письмо 177).

[10] Пушкины в начале 1836 г. сняли дачу на Каменном острове в доме Доливо-Добровольского (ныне участок дома 20/18 по набережной Большой Невки). См.: М. Яшин. Дача на Каменном острове. «Нева», 1965, № 2, стр. 187—203.

[11] Пушкины с середины августа 1834 г. жили в доме Баташева на Гагаринской набережной (см. письмо 60). 1 мая датирован новый контракт на 1836/37 г., подписанный Пушкиным перед отъездом из Петербурга (см.: *Рукою П.*, стр. 788—789).

169. П. А. Вяземскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1462. Впервые: *РВ*, 1899, июнь, стр. 393. *Акад.*, XVI, № 1191.

Датируется 1836 г. по содержанию. Пушкин был в Москве 7 мая также и в 1831 г.; однако более тесное общение его с М. А. Окуловым относится к 1836 г. (см. письмо 167). Вяземский в это время находился в Петербурге.

[1] Рязанским губернатором в 1836 г. был С. В. Перфильев.

[2] М. А. Окулов жил в здании гимназии у храма Христа-спасителя (ныне Волхонка, дома 16 и 18; см.: Н. П. Чулков. Пушкин-москвич. В кн.: А. С. Пушкин в Москве. М., 1930, стр. 85, 90).

[3] Судьба ходатайства Пушкина неизвестна.

170. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1567. Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 37. *Акад.*, XVI, № 1192.

Датируется на основании фразы Пушкина из письма от 11 мая (см. письмо 171): «Вчера был у меня Ив.‹ан› Ник.‹олаевич›».

[1] Иван Николаевич — И. Н. Гончаров.

171. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник *ИРЛИ*, № 1568. Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 35—36. *Акад.*, XVI, № 1193.

[1] Речь идет об организации продажи «Современника» в Москве, у К. А. Полевого, Ширяева, Глазунова и др. Практичная Н. Н. беспокоилась, что Пушкин организует продажу «Современника» на невыгодных условиях.

[2] Неточная цитата из «Ревизора» — слова из письма Хлестакова к Тряпичкину: «Судья Ляпкин-Тяпкин ужасный мове-тон», а также из реплики судьи о значении этого «французского слова»: «Еще хорошо, если только мошенник, а может быть и того еще хуже» («Ревизор», действие V, явление VIII, в редакции 1836 г.; см.: *Гоголь*, т. III, стр. 456).

[3] Пушкин благодарит В. Ф. Одоевского за хлопоты, связанные с печатанием второй книги «Современника». Сохранилось письмо Одоевского к Н. Н. Пушкиной от 10 мая 1836 г. с рядом обращенных к Пушкину вопросов, касающихся печатания журнала (*Акад.*, XVI, стр. 232). Из письма видно, что Одоевский уже обращался к Н. Н. Пушкиной по хозяйственным делам «Современника» — вероятно, в устной беседе; содержание этой беседы Н. Н. и сообщила в письме, на которое отвечает Пушкин.

[4] Отрывки из записок Н. А. Дуровой были напечатаны во втором томе «Современника».

[5] Возможно, что Н. Н. по просьбе Одоевского запрашивала Пушкина, помещать ли во втором томе «Современника» стихи А. В. Кольцова. В этом томе напечатано его стихотворение «Урожай». Ничего из произведений Гоголя здесь помещено не было (повесть «Нос» вошла в третий том журнала). Может быть, однако, речь касается статьи о «Ревизоре», которую должен был написать сам Одоевский. Но в письме от 10 мая последний сообщил Н. Н. Пушкиной, что «завален срочною работою, так что не успел даже написать статьи о Ревизоре, что необходимо» (*Акад.*, XVI, стр. 232). Статья была написана Вяземским.

[6] Дмитрий Николаевич — Д. Н. Гончаров.

[7] Т. е. в Архив Коллегии иностранных дел, директором которого был А. Ф. Малиновский.

[8] «Старые отношения» — встречи с М. Ф. Орловым в кишиневский период жизни Пушкина. Пушкин намекает на свои разногласия с ним в это время.

[9] «Путешествие в Сицилию» — книга А. Д. Черткова «Воспоминание о Сицилии» (чч. 1, 2. М., 1835—1836). Отзыва на эту книгу в «Современнике» не появилось.

[10] Имеются в виду письма из Парижа А. И. Тургенева, напечатанные под названием «Париж. (Хроника русского)» в первом томе «Современника», где сообщались новости парижской политической, общественно-литературной и театральной жизни. Сопоставление имеет, конечно, иронический смысл по отношению к Москве, нелюбимой Пушкиным.

[11] Об отношениях А. А. Перовского с Брюлловым см. письмо 167.

[12] Н. Рамазанов передает разговор Пушкина с Брюлловым по поводу эскиза к этой картине: «Когда А. С. Пушкин, посетивши К. П., заметил ему, что картина, произведенная по этому эскизу, может стать выше Последнего дня Помпеи, он отвечал: Сделаю выше Помпеи!» (Н. Рамазанов. Материалы для истории художеств в России, кн. I. М., 1863, стр. 185—186).

172. К. А. Полевому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1464. Впервые: «Красная нива», 1929, № 24, 9 июня, стр. 15. *Акад.*, XVI, № 1194.

[1] Это письмо Полевого не сохранилось. В первом своем письме, от 15 февраля, Полевой предлагал Пушкину свои услуги в качестве комиссионера по продаже «Современника» в Москве (*Акад.*, XVI, № 1139; см. также письмо 69). Объявление о продаже «Современника» у Полевого появилось в прибавлении к «Московским ведомостям» от 4 марта 1836 г., № 19: «В книжной лавке Полевого, на Тверской, в доме г-жи Мятлевой, принимается подписка на журнал, издаваемый в С. Петербурге А. С. Пушкиным: Современник. Цена за 4 тома в год 30 руб. ассиг. Первый том выйдет в начале апреля; почему желающие получить его немедленно по выходе благоволят подписываться не позже марта месяца» (стр. 526). Обращение к Полевому, очевидно, входило в программу переговоров с московскими книгопродавцами, о которых Пушкин писал Н. Н. Пушкиной 11 мая, обещая «оказать благородную твердость» (см. письмо 171). См.: Н. В. Измайлов. Пушкин и Ксенофонт Полевой. (Комментарий к неизданному письму). «Красная нива», 1929, № 24, 9 июня, стр. 15.

[2] Речь идет о книге «Михаил Васильевич Ломоносов, соч. Ксенофонта Полевого. Два тома» (М., 1836). Присланный экземпляр не сохранился. Книга, как заслуживающая внимания, была отмечена звездочкой в списке вышедших книг, напечатанном в «Современнике» (1836, т. II, стр. 313).

[3] По-видимому, речь идет о подписной плате на «Современник». Условия договоренности Пушкина с Полевым неизвестны. Первый том «Современника» поступил в продажу в Петербурге 15 апреля (*П. в печ.*, стр. 129).

173. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1570. Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 36—37. *Акад.*, XVI, № 1196.

[1] Н. Н. Пушкина родила дочь Наталью 23 мая, за несколько часов до возвращения Пушкина (см. письмо 177).

[2] Г. А. Пушкин родился 14 мая 1835 г.

[3] См. прим. 1 к письму 168.

[4] См. прим. 7 к письму 167.

[5] Тинтере — род карточной игры.

[6] В № 126 «Прибавлений к С.-Петербургским ведомостям» от 7 июня имя Брюллова упоминается среди приехавших в Петербург с 23 по 28 мая. Возможно, что он ехал вместе с Пушкиным (см.: М. Яшин. Дача на Каменном острове. «Нева», 1965, № 2, стр. 192—193).

[7] По-видимому, лепить бюст Пушкина собирался скульптор И. П. Витали, в доме которого в это время жил К. П. Брюллов и куда заходил Пушкин. Однако только после смерти поэта Витали вылепил его бюст по заказу П. В. Нащокина. См. письмо к нему П. А. Вяземского от 24 мая 1837 г.: *ЛН*, т. 16—18, стр. 146.

[8] Невеста Хомякова — Е. М. Языкова.

[9] Намек на плохое знание французского языка Гнедичем, любившим употреблять французские выражения. Следует: «une belle femme» и «figurette».

[10] «Майор-мистик» — вероятно, А. С. Норов.

[11] «Пьяница-поэт» — неизвестное лицо.

[12] «Загородное болото» — см. прим. 10 к письму 168.

174. Н. Н. Пушкиной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1571. Почтовые штемпеля: «Москва 1836 маия 18» и «Получено 1836 май 21 утро». Впервые: *ВЕ*, 1878, март, стр. 37—38. *Акад.*, XVI, № 1197.

[1] 26 мая — день рождения Пушкина.

[2] Вероятно, Н. Н. Пушкина просила Пушкина вернуться раньше предполагаемого времени, ссылаясь на близкие роды и дела по II тому «Современника». Комментируемое письмо является ответом не только Н. Н. Пушкиной, но и В. Ф. Одоевскому, письмо которого от 10 мая 1836 г. о делах «Современника», адресованное Н. Н., но предназначенное Пушкину, Н. Н. переслала в Москву (*Акад.*, XVI, стр. 232, Приложение I). Письмо Одоев-

ского сохранилось в бумагах П. В. Нащокина (теперь: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 20, № 64), у которого Пушкин останавливался в Москве в мае 1836 г. — следовательно, было в руках Пушкина (см.: «Искусство», 1923, № 1, стр. 324—325). Одоевский, в частности, просил денег для уплаты работникам типографии, где печатался «Современник»; при этом он не называл точной суммы, однако на обороте его письма сделаны цифровые вычисления, дающие сумму в 594 руб. Возможно, это и есть те 500 руб., которые Пушкин просит Н. Н. дать Одоевскому (из 900 руб., полученных ею от Пушкина, — см. письмо 170).

[3] Н. Н. Пушкина должна была получать свою часть из общих доходов семейства Гончаровых, которыми с 1832 г. ведал старший брат, Д. Н. Гончаров; фактически она получала гораздо меньше своих братьев и сестер (см.: М. Яшин. Пушкин и Гончаровы. «Звезда», 1964, № 8, стр. 172). В письме Н. Н. Пушкиной (нам не известном), вероятно, речь шла о том, чтобы просить Н. И. Гончарову о назначении дочери содержания из доходов своего имения — Ярополца. См. опубликованное М. Яшиным письмо Н. Н. Пушкиной к брату от 2 января 1841 г. (там же, стр. 180—181). Пушкин сомневался в целесообразности такого намерения, имея в виду неуживчивость Н. И. Гончаровой, ее равнодушие к детям и скупость.

[4] Дюрье и Сихлер — владельцы модных магазинов в Петербурге. Намек на то, что суммы, получаемые Н. Н. Пушкиной от Гончаровых, идут исключительно на ее наряды.

[5] Яр — содержатель московского ресторана (на Петербургской дороге). «Красный кабачок» — загородный трактир под Петербургом, излюбленный «золотой молодежью», а также посещаемый петербургскими немцами-ремесленниками.

[6] «Славный обед ваших кавалергардов» — случай этот неизвестен.

[7] В Аничковом («собственном его величества») дворце в Петербурге давались балы с узким кругом приглашенных, близких ко двору. Пушкин имеет в виду общество кавалергардов, окружавшее сестер Гончаровых (в том числе, вероятно, и Дантеса).

[8] О Брюллове см. письма 167, 171, 173. Пушкин, видимо, вместе с ним вернулся в Петербург (см.: М. Яшин. Дача на Каменном острове. «Нева», 1965, № 2, стр. 192). Слова «боится климата» (петербургского) имеют, конечно, иносказательный смысл. Мрачные настроения Брюллова были хорошо понятны Пушкину, так как напоминали о его собственном положении журналиста, зависимого от правительства.

[9] Под «еще порядочным человеком» Пушкин понимал свое прежнее, относительно независимое положение, не связанное изданием журнала. О «полицейских выговорах» и т. п. см.: *Акад.*, XIII, №№ 296, 329; XIV, №№ 418, 438, 452; XV, № 733 и др. См. также письма 47, 49 и 52.

[10] Пушкин полагал, что Н. Полевой, подобно Булгарину, был связан с III отделением.

175. И. И. Лажечникову. — Печатается по тексту первой публикации: *РВ*, 1856, т. I, февраль, кн. 2, стр. 622. Подлинник неизвестен. *Акад.*, XV, № 993.

Лажечников писал, что настоящее письмо было последним письмом, полученным им от Пушкина, «помнится, в 1836 г.». П. А. Ефремовым (*Ефр., 1903*, т. VII, стр. 639) оно датировано «1 мая 1836 г.». В издании «Academia» (т. VI, стр. 373) письмо отнесено предположительно ко «второй половине (после 20) августа 1834 г. (?)». С датой «около 20 августа 1834 г. (?)» вошло в академическое собрание сочинений (см. выше). К августу 1834 г. письмо было отнесено на следующих основаниях: 1) по связи с первым — неперебеленным и неотправленным — письмом Пушкина к Лажечникову от 3 июня 1834 г. (см. письмо 38), где поэт также пишет, что, «проезжая через Тверь», он «всегда желал случая» представиться Лажечникову и благодарить его за внимание; 2) к августу 1834 г. Пушкин получил от Лажечникова два письма (*Акад.*, XIV, № 717; XV,

№ 905); к маю 1836 г. к ним прибавилось еще одно, вызванное письмом-отзывом Пушкина о «Ледяном доме» (*Акад.*, XVI, № 1110); 3) упоминание Пушкина о «возвратном пути» в сентябре: в 1834 г. он в августе проехал через Тверь по пути в Полотняный завод, а вернулся в Петербург к 15 октября. В настоящем издании эта датировка пересмотрена, так как: 1) письмо не могло быть написано раньше конца октября 1835 г.: в нем Пушкин благодарит Лажечникова за «романы», между тем как второй его роман, «Ледяной дом», вышел в свет в конце августа 1835 г. (см.: *СПч.*, 1835, № 190, 26 августа) и был получен Пушкиным от автора, вероятно, по возвращении из поездки в Михайловское и Тригорское, т. е. не ранее 23 октября (см. прим. 1 к письму 131); 2) сам Лажечников в воспоминаниях «Знакомство мое с Пушкиным» (*РВ*, 1856, т. I, февраль, кн. 2, стр. 622) определенно указывает, что комментируемое письмо было получено им после спора с Пушкиным о «Ледяном доме», который имел место в ноябре 1835 г. (см. письмо 133); 3) после этого Пушкин проезжал через Тверь лишь по дороге в Москву и обратно в мае 1836 г. Судя по упоминанию о «возвратном пути» в сентябре (см. ниже, прим. 4), письмо написано на пути из Москвы в Петербург, куда Пушкин вернулся в ночь с 23 на 24 мая (см. письмо 177), проехав Тверь, вероятно, 20 мая.

[1] См. прим. 4 к письму 38. Как уже говорилось выше, к маю 1836 г. Пушкин получил от Лажечникова не два, а три письма. Однако первое письмо не связано с последующими и отделено от них большим промежутком времени. Пушкин же, по-видимому, ведет счет письмам Лажечникова начиная со второго его письма (от 30 марта 1834 г.), на которое он написал вчерне ответ (см. письмо 38), но не отправил его.

[2] См. письма 38 и 133.

[3] Знакомство это произошло, очевидно, в декабре 1819 г. (см.: *Летопись*, стр. 198), когда вмешательством Лажечникова была устранена дуэль между Пушкиным и майором Денисевичем. Лажечников напомнил Пушкину об этом случае в письме от 19 декабря 1831 г. (*Акад.*, XIV, № 717); ср. также его воспоминания «Знакомство мое с Пушкиным» (*РВ*, 1856, т. I, февраль, кн. 2, стр. 609—613).

[4] Встреча Пушкина с Лажечниковым так и не состоялась. «Возвратный путь» в сентябре — по-видимому, предполагавшееся Пушкиным, но не состоявшееся возвращение его в Москву для работы в архивах (см. письмо 173).

176. А. А. Краевскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1563. Впервые: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 г., СПб., 1893, стр. 60. *Акад.*, XVI, № 1179.

Датируется по содержанию. Записка связана с участием Краевского и Одоевского в подготовке и издании «Современника». На время майской поездки Пушкина в Москву пришлась основная работа по составлению и печатанию II тома. Краевский был привлечен к работе над «Современником», по-видимому, в середине мая: 8—10 мая он еще не участвовал в издании журнала (см. письмо И. И. Граффа к В. Ф. Одоевскому от 8 мая 1836 г.: *ЛН*, т. 58, стр. 132; письмо В. Ф. Одоевского к Н. Н. Пушкиной от 10 мая: *Акад.*, XVI, стр. 232). Отсюда следует, что записка написана сразу же по возвращении Пушкина из Москвы (он вернулся в Петербург «23-го в полночь», см. письмо 177) — около (не ранее) 25 мая. Ошибка Пушкина в имени Краевского (Александр Андреевич вместо Андрей Александрович) говорит о том, что к этому времени они не были еще достаточно знакомы. В позднейшем письме к М. Ф. Де-Пуле от 29 апреля 1877 г. Краевский сообщает, что Плетнев просил его помочь в работе над II томом «Современника» во время отсутствия Пушкина. «Возвратясь из Москвы, Пушкин ‹...› пришел ко мне, не застал и оставил записку, в которой благодарил за все хлопоты» (*ЛН*, т. 58, стр. 126; ср.: *РС*, 1889, сентябрь, стр. 709—710). Этот том «Современника» вышел в первых числах (не позднее 7) июля 1836 г., см.: *П. в печ.*, стр. 129—130.

177. П. В. Нащокину. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1573. Почтовые штемпеля: «С. Петербург 2 июня 1836» и «Получено 1836 июн<. . .>». Впервые, с выпуском ряда мест: «Москвитянин», 1851, ч. VI, № 23, декабрь, кн. 1, стр. 467; полностью: *Переписка*, т. III, стр. 325—326. *Акад.*, XVI, № 1201.

Письмо написано на даче (на Каменном острове), чем объясняется большой разрыв между датами письма и почтового штемпеля.

[1] Приехав в Москву, Пушкин должен был сразу же познакомиться с только что вышедшим номером «Молвы» (1836, ч. XII, № 7, цензурное разрешение 30 апреля), где была напечатана статья В. Г. Белинского «Несколько слов о „Современнике“». Спеша здесь дать «отчет публике» о первой книжке журнала и выделяя как «самые интересные» статьи «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» (автором этой статьи Белинский считал, по-видимому, самого Пушкина) и «Новые книги», критик писал в заключение: «Останемся при желании, чтобы новый журнал совершенно выполнил те надежды и ожидания, которые подает имя его издателя» (*Белинский*, т. II, стр. 184). Статья Белинского могла вызвать у Пушкина желание лично с ним встретиться и завязать литературные отношения, однако же свидание, которому содействовал Нащокин, не состоялось из-за спешного отъезда Пушкина в Петербург (см. в кн.: Тринадцатая Пушкинская конференция. Тезисы докладов. Изд. АН СССР, Л., 1961, стр. 9—10). По словам Н. И. Куликова, Нащокин даже «указал Пушкину на Белинского» (*РС*, 1881, кн. 8, стр. 599). Нащокин исполнил поручение Пушкина. Это подтверждается письмом Белинского к Гоголю от 20 апреля 1842 г., где говорится: «Меня радуют доселе и всегда будут радовать, как лучшее мое достояние, несколько приветливых слов, сказанных обо мне Пушкиным и, к счастию, дошедших до меня из верных источников <. . .>. Я понимаю, что́ такое человек, как Пушкин, и что́ такое одобрение со стороны такого человека, как Пушкин» (*Белинский*, т. XII, стр. 109). Ср.: И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Гослитиздат, М., 1950, стр. 294. М. П. Погодин в позднейших воспоминаниях отнес эпизод с пересылкой Белинскому книги ко времени выхода «Литературных мечтаний» и ошибочно сообщил, что этой книгой являлся «Борис Годунов» (см.: «Огонек», 1950, № 6, стр. 24).

[2] Пушкин имеет в виду руководителей журнала «Московский наблюдатель». Желание Пушкина сохранить от них в тайне свои сношения с Белинским было вызвано тем, что Белинский только что, в статье «О критике и литературных мнениях „Московского наблюдателя“» («Телескоп», 1836, №№ 5 и 6), резко выступил против этого журнала и его ведущего критика Шевырева.

[3] Начало воспоминаний П. В. Нащокина, где он в форме письма к Пушкину рассказывает о роде Нащокиных, о своем отце и о своем детстве (см.: *Акад.*, XII, стр. 287—292). Высоко ценя нащокинский талант рассказчика, Пушкин неоднократно убеждал его писать воспоминания. С 1830 г., когда поэт со слов Нащокина записал начало его мемуаров (см.: *Акад.*, XI, стр. 189—192), эти «мемории», задуманные скорее Пушкиным, нежели самим Нащокиным, неоднократно упоминаются в их переписке (см.: *Акад.*, XV, №№ 777, 783, 796, 920). Однако Нащокин под разными предлогами откладывал начало работы вплоть до приезда Пушкина в Москву в мае 1836 г., когда он, «повинуясь» желанию поэта, начал, наконец, свои записки. Пушкиным был подсказан не только самый их замысел, но и эпистолярная форма (см. письмо Пушкина к Нащокину от 2 декабря 1832 г.: *Акад.*, XV, № 777). Просьбу Пушкина переслать записки Нащокин выполнил: рукопись с многочисленными поправками Пушкина сохранилась среди бумаг поэта. Публикуя ее впервые, Л. Б. Модзалевский высказал предположение, что Пушкин думал поместить записки в «Современнике», но либо «за недосугом», либо «убедившись в невозможности опубликовать записки без коренной их переделки» отказался от этой мысли (*Рукою П.*, стр. 125).

[4] О постоянном участии Нащокина в денежных делах Пушкина см. прим. 2 и 5 к письму 14. К началу 1834 г. Пушкин был должен Нащокину

4000 рублей. Этот долг, по-видимому, не был до конца погашен и ко времени написания комментируемого письма (см.: *Акад.*, XV, № 873; см. письма 84 и 85). Из позднейшего письма Нащокина к Пушкину, датируемого концом октября—ноябрем 1836 г., видно, что в ответ на просьбу Пушкина Нащокин выслал ему деньги; к этому времени Пушкин был ему снова должен «со старым счетом» три тысячи (*Акад.*, XVI, № 1280). Этот долг Нащокину Пушкин уже не успел выплатить; после его смерти он был погашен опекой (см.: «Искусство», 1923, № 1, стр. 327—328; ср.: *ПиС*, вып. XIII, стр. 131—132; *Арх. опеки*, стр. 147—149).

[5] Во втором томе «Современника», кроме двух статей Пушкина («Российская Академия» и «Французская Академия»), наибольший интерес представляют «Записки Н. А. Дуровой», «Персидский анекдот» С. Казы-Гирея, «Урожай» А. В. Кольцова, отрывки из «Драматической сказки об Иване-царевиче, Жар-птице и Сером волке» Н. М. Языкова и три статьи П. А. Вяземского, в том числе разбор «Ревизора». Кроме того, первоначально в состав тома входила очередная часть «Хроники русского в Париже» А. И. Тургенева, исключенная из него уже по возвращении Пушкина в Петербург (см. письмо 186). Все основные материалы этого тома были известны Пушкину и ранее (см. письма 157, 161, 164, 169, 172; *Акад.*, XVI, №№ 1166, 1178, 1203; *ЛН*, т. 58, стр. 131—132). Исключение могли составлять лишь статьи Вяземского «Наполеон и Юлий Цезарь» и «Разбор комедии г. Гоголя „Ревизор“» (за последнюю Вяземский взялся не ранее середины мая, см.: *Акад.*, XVI, стр. 232), которые печатались уже по возвращении Пушкина из Москвы в Петербург. Кроме того, стихотворение Кольцова «Урожай» было, вероятно, включено в том, когда Пушкин был уже в Москве (см. письмо 171; см. также: *ЛН*, т. 58, стр. 126). Предполагая деятельно заняться «Современником», Пушкин имел, по-видимому, в виду не только личное наблюдение за изданием журнала, но и степень своего авторского участия в нем (третий том состоит в основном из сочинений самого Пушкина).

[6] Тинтере — род карточной игры.

[7] Комиссии (поручения) состояли, очевидно, из заказов в модных мастерских. См. письмо Нащокина к Пушкину от конца октября—начала ноября 1836 г.: *Акад.*, XVI, № 1280.

178. Л. С. Пушкину. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1261. Впервые: *БЗ*, т. I, 1858, № 4, стлб. 114. *Акад.*, XVI, № 1205.

[1] После смерти матери Пушкин с братом и сестрой О. С. Павлищевой получили в наследство ее имение Михайловское, которое Пушкин хотел оставить за собой, выплатив Л. С. Пушкину и О. С. Павлищевой их части деньгами. Л. С. Пушкин охотно согласился на предложение брата (*Акад.*, XVI, № 1224, с приложением доверенности на имя Пушкина; *П. и мужики*, стр. 146—151). Однако Н. И. Павлищев, письмо к которому Пушкина (с теми же, очевидно, расчетами и с предложением выплатить сестре, вместе с частью, переданной ей отцом, 8571 руб.) до нас не дошло, решительно не согласился с шурином. В ответном письме (*Акад.*, XVI, № 1227) он почти открыто упрекал Пушкина в неверных расчетах, указывал ему, что в Михайловском не 700, а 1965 десятин земли, что душа в нем стоит не 500, а 1000 руб., а общая стоимость составляет не 40, а 80 тыс. руб.; «уступив» часть этой суммы и соглашаясь на оценку в 64 тыс. руб. (800 руб. за душу), он исчислял долю Л. С. Пушкина в 25 тыс. руб. (вместо 15 700), а долю своей жены — в 13 700 руб. (вместо 8500). На этих условиях он предлагал Пушкину выкупить для себя все имение, а в случае несогласия — продать его «в чужие руки». Переписка по этим вопросам продолжалась до конца жизни Пушкина. См. письма 192, 203, 238 и др.; *Акад.*, XVI, №№ 1238, 1240, 1245—1247, 1269, 1318, 1345, Приложение III (стр. 233) и др.

[2] Л. С. Пушкин в письме от начала июля отвечал брату, что его долги «простираются до 2000 за квартиру и стол...» (*Акад.*, XVI, № 1224).

[3] Это письмо к Н. И. Павлищеву неизвестно.

[4] О долге Л. С. Пушкина И. А. Болтину см. прим. 4 к письму 96.

[5] В действительности Пушкин уплатил не весь долг брата Плещееву. См. письма последнего к Пушкину: *Акад.*, XVI, №№ 1077, 1257; историю этого долга см.: *П. й мужики*, стр. 138—141.

[6] О долге Л. С. Пушкина Павлищеву см. письма 28, 96.

[7] О долге варшавскому виноторговцу Гуту Л. Н. Павлищев сообщает, что Лев Сергеевич, «уезжая из Варшавы в начале 1834 года <...> не позабыл угостить на прощанье весь Финляндский полк в ресторане некоего Гута, вследствие чего и получился знаменитый Гутовский долг капитана, очень беспокоивший Александра Сергеевича» (Л. Н. Павлищев. Из семейной хроники. *РС*, 1897, сентябрь, стр. 562). Долг Гуту не был заплачен до конца 40-х годов (см. неизданное письмо О. С. Павлищевой Н. И. Павлищеву от 16 сентября 1848 г.: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 20, № 94).

[8] «Положенное отцом» — содержание Л. С. Пушкина, обещанное С. Л. Пушкиным из доходов Кистенева (см. письмо 99).

179. А. А. Краевскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1575. Впервые: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 г., СПб., 1893, стр. 59. *Акад.*, XVI, № 1206.

[1] Статья П. А. Вяземского «Наполеон и Юлий Цезарь» о книге «Précis des guerres de Jules César, par l'Empereur Napoléon, écrit à l'île Sainte Hélène sous la dictée de l'Empereur par M. Marchand, suivi de plusieurs fragments inédits et authentiques, etc. etc.» (Paris, 1836) (*Совр.*, 1836, т. II, стр. 247—266, за подписью «В.»).

[2] Пожелание Пушкина было выполнено (см.: *Совр.*, 1836, т. II, стр. 258, 260—261).

180. Н. А. Дуровой. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1576. Впервые: *РА*, 1872, кн. I, стлб. 199. *Акад.*, XVI, № 1210.

Датировка устанавливается на основании письма Дуровой к Пушкину от 7 июня 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1209), на которое настоящее письмо является ответом.

[1] Дурова была встревожена тем, что в предисловии к изданию части ее «Записок» (см.: *Акад.*, XII, стр. 64), печатавшихся во II томе «Современника», Пушкин раскрыл ее псевдоним и озаглавил эти воспоминания «Записки Н. А. Дуровой, издаваемые А. Пушкиным»; в своем письме Дурова предлагала озаглавить их «Своеручные записки русской амазонки, известной под именем Александрова» и издать полностью отдельной книгой, изъяв из «Современника». «Записки» появились в журнале под заглавием, данным Пушкиным (*Совр.*, 1836, т. II, стр. 53—132).

[2] Пушкин предлагал Дуровой, приехавшей в Петербург 25 мая, остановиться в его городской квартире, так как он жил в это время на даче на Каменном острове.

181. Неизвестной. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1572. Впервые: *Рукою П.*, стр. 214. *Акад.*, XVI, № 211.

Датировка записки устанавливается на основании палеографических данных: она написана на листе бумаги, который послужил Пушкину и для писем Д. Давыдову и И. И. Дмитриеву от 14 июня, написанных теми же пером и чернилами (см. комментарий к письмам 182, 184 и особенно 185); поверх нее записан черновик письма к Н. И. Ушакову (письмо 185). Адресат не установлен. Возможно, что формула «Madame la Comtesse» является не обращением, а упоминанием (*Рукою П.*, стр. 215).

182. И. И. Дмитриеву. — Печатается по тексту первой публикации: *РА*, 1866, стлб. 1725—1726. Местонахождение белового автографа в настоящее время неизвестно. Черновой автограф: *ИРЛИ*, № 1120. *Акад.*, XVI, №№ 1212, 1212а.

[1] Пушкин вернулся из Москвы в Петербург 23 мая (см. письмо 177) и отвечает на письмо Дмитриева от 5 мая (*Акад.*, XVI, № 1189).

[2] Дмитриев выражал соболезнование С. Л. Пушкину в связи со смертью Н. О. Пушкиной.

[3] По поручению Пушкина Вяземский 13 апреля послал Дмитриеву только что вышедший первый том «Современника» и билет на получение следующих книжек (*РА*, 1868, стлб. 647). В указанном письме Дмитриев писал Пушкину: «Журнал ваш расшевелил и освежил меня на целую неделю и заставил позабыть сводных братьев своих». Более развернутый отзыв Дмитриев дал в письме к Вяземскому от 4 мая, сообщая, что он очень доволен «Современником», в частности «Путешествием в Арзрум», «Долиной Ажитугай» Султана Казы-Гирея и статьей П. Б. Козловского «Разбор парижского математического ежегодника»; особенно высоко он оценил «обзор русской словесности» (статью Гоголя «О движении журнальной литературы»), который, как он полагал, составлен Пушкиным или Плетневым. «Можно надеяться, — писал Дмитриев, — что „Современник" перещеголяет „Наблюдателя"» (*Ст. и нов.*, 1898, кн. 2, стр. 187).

[4] В «Московских ведомостях» (1834, № 5) появилось «Библиографическое известие» с хвалебным отзывом о вновь вышедшем журнале «Библиотека для чтения», в частности о статьях Сенковского, Полевого и Погодина; заметка была подписана «Ив. Дм.». Посылая заметку Вяземскому в письме от 19 января 1834 г., Дмитриев сообщал, что по Москве распространился слух о его авторстве, в то время как издатель Ширяев «из угождения Смирдину» напечатал эту статью под начальными буквами его «Созия» — «какого-то мальчика-корректора Ивана же Дмитриева». В том, что издатель не счел нужным отграничить автора заметки от известного писателя, Дмитриев видел «тупость, если не глупость, редактора или явные виды низкого корыстолюбия» и просил довести об этом до сведения С. С. Уварова и напечатать разъяснение в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» (*Ст. и нов.*, 1898, кн. 2, стр. 178). Отвечая на это письмо 18 апреля 1834 г., Вяземский сообщал, что он передал Уварову жалобу Дмитриева, но по совещании с Жуковским решил не давать дальнейшего хода делу, не веря в надежность «Инвалида» и тем более «Северной пчелы» (*РА*, 1868, стлб. 637—638). В 1836 г. случай повторился: в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» (1836, 25 марта, № 25, стр. 193) была помещена за подписью «И. Дмитриев» эпиграмма-эпиграф «За Эвридикою и в ад Орфей сходил», очевидно заимствованная издателем А. Ф. Воейковым из «Опыта русской анфологии» М. Яковлева (СПб., 1828), где она была впервые ошибочно приписана И. И. Дмитриеву (см. неизданное письмо Дмитриева Н. Полевому от 5 июня 1828 г.: *ЛОИИ*, ф. 238, оп. 2, ед. хр. 272/306). «Объяснение» по этому поводу появилось в «Московском наблюдателе» (1836, март, кн. 2, стр. 372—373), но не удовлетворило Дмитриева, как «по высокопарным отзывам» о нем самом, так и «по неограниченной грубости» против его «Созия». Текст замечания, присланного Дмитриевым, был помещен в «Современнике» (1836, т. II, стр. 310) под названием «Уведомление» (с датой: «Москва, 1836, апреля 21»).

[5] Как и Дмитриев, Пушкин имеет в виду миф об Амфитрионе, широко известный хотя бы по одноименной комедии Мольера, где слуга Амфитриона Созий встречается со своим двойником, перевоплотившимся Меркурием, выдающим себя за настоящего Созия и избивающим его («Amphitryon», действие I, сцена II).

[6] Аналогичную формулу вежливости Пушкин употребил и в письме к Дмитриеву от 14 февраля 1832 г.: «Переживите наше поколение, как мощные и стройные стихи ваши переживут щедушные нынешние произведения» (*Акад.*, XV, № 737).

183. И. М. Пеньковскому. — Подлинник: ***ИРЛИ***, № 664. Впервые: *РА*, 1890, кн. 1, стр. 438. *Акад.*, XVI, № 1213.

[1] Письмо Пушкина — ответ на письмо Пеньковского от 28 апреля 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1182), в котором последний сообщал, что оброк, собранный им с крестьян части с. Кистенева, принадлежащей Пушкину (900 руб.), он переслал в Московский опекунский совет в счет выплаты долга Пушкина по заложенному имению.

[2] Квитанция от 6 апреля 1836 г. была получена Пеньковским (*ИРЛИ*, ф. 244, оп. 22, № 1).

[3] Пеньковский, следуя совету Н. И. Павлищева, для увеличения дохода с Кистенева видел одно средство — увеличить оброк и спрашивал в своем письме мнение Пушкина.

[4] О переводе кистеневских крестьян «на пашню», т. е. на барщину вместо оброка, Пеньковский не писал Пушкину. Последний, видимо, считал это средство более действенным для увеличения дохода и менее обременительным для крестьян.

[5] Пеньковский предлагал овдовевшему С. Л. Пушкину поселиться в Болдине (см.: *Акад.*, XVI, № 1182). Из письма М. И. Калашникова к Пушкину от 22 декабря 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1315) можно понять, что С. Л. Пушкин летом 1836 г. приезжал в Болдино. Ср., однако: *Лет. ГЛМ*, кн. I, стр. 88; *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 22, № 138.

[6] См. письмо Пеньковского к Н. Н. Ланской от 29 июля 1849 г. (*П. и мужики*, стр. 194).

[7] Это письмо, касающееся М. И. Калашникова и его детей — Василия и Ольги, неизвестно (ср. указанное письмо Калашникова к Пушкину).

184. Д. В. Давыдову. — Черновой подлинник: *ИРЛИ*, № 1120. Впервые: *PC*, 1884, декабрь, стр. 540. Отправленный беловой текст неизвестен. *Акад.*, XVI, № 1202.

Ответ на письмо Давыдова от 18 мая (*Акад.*, XVI, № 1198). Датируется по соотношению с письмом И. И. Дмитриеву от 14 июня (письмо 182); палеографические данные обоих писем (чернила, перо) идентичны (см. комментарий к письму 185). Кроме того, письмо стоит в прямой стилистической связи с другими письмами, несомненно написанными друг за другом (см. письма 182, 183, 185); все они начинаются словами: «Я сейчас из Москвы» или «Возвратясь из Москвы» (см.: *Рукою П.*, стр. 215).

[1] «Статья о Дрездене» — статья «Занятие Дрездена. 1813 года 10 марта. (Из дневника партизана Дениса Давыдова)», напечатанная в «Современнике» (1836, т. IV, стр. 5—31). Статья была искажена военной цензурой. Давыдов просил вернуть ему оригинал статьи: «дай мне полюбоваться на благородные его раны и рубцы, полученные в неровной борьбе, смело предпринятой и храбро выдержанной, — я его оставлю *дома до поры и до время*» (*Акад.*, XVI, № 1198). Пушкин, однако, не мог этого сделать до выхода печатного текста, так как этот последний должен был сверяться с цензурным экземпляром рукописи, без чего книга не могла быть выпущена в продажу. В последующих письмах от 7 июля (*Акад.*, XVI, № 1225), 20 июля (*Акад.*, XVI, № 1232) и 13 октября 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1261) Давыдов вновь настойчиво просит прислать рукопись статьи, так как он затерял черновик. Ту же просьбу он повторяет и 23 ноября 1836 г., настаивая на присылке хотя бы точной копии с указанием цензурных изъятий (*Акад.*, XVI, № 1299). О времени получения Давыдовым рукописей его статей, напечатанных в «Современнике» (этой и следующей, см. ниже, прим. 2), ничего неизвестно; однако в 1837—1838 гг. они, по-видимому, были уже у него. В 1838 г., рассчитывая облегчить прохождение пяти своих статей через военную цензуру, Давыдов приложил к ним и «старые тетради с их полученными от ценсуры ранами», как удостоверение, что он принял предложенные ему исправления (см. письмо Давыдова Н. В. Путяте от 23 марта 1838 г.: *ЛН*, т. 19—21, стр. 304).

[2] Поводом к систематической публикации материалов о Наполеоне и войне 1812 г. была приближающаяся 25-летняя годовщина войны. Во II томе «Современника» появились «Записки Н. А. Дуровой», статьи

Вяземского «Наполеон и Юлий Цезарь» и «Новая поэма Э. Кине». О позиции, занятой «Современником» в освещении событий 1812 г., см.: Б. Мейлах. Пушкин и его эпоха. М., 1958, стр. 234—238; М. П. Еремин. Пушкин-публицист. М., 1963, стр. 248—255. II том «Современника» получил цензурное разрешение лишь 30 июня 1836 г., т. е. по условиям печатания статья Давыдова могла бы в него попасть. Однако Давыдов сам задерживал появление статьи. В письме от 18 мая он обещал Пушкину прислать, если успеет, ко «2-му номеру» другую статью («О партизанской войне»), которую и отослал 3 июня (*Акад.*, XVI, № 1225), предупредив, что это вступление к большому сочинению «Опыт партизанского действия», изданному ранее и переделанному (*Акад.*, XVI, № 1204; см. также комментарий В. Н. Орлова к кн.: Д. Давыдов. Военные записки. Гослитиздат, М., 1940, стр. 453). 10 июня Давыдов послал дополнения и исправления (*Акад.*, XVI, №№ 1207, 1225). 7 июля он писал: «Я бы желал, чтоб *прежде* Дрездена была напечатана статья „О партизанской войне" и, кажется, об этом уже писал; пожалоста сделай так» (*Акад.*, XVI, № 1225). 20 июля и 10 августа 1836 г. Давыдов опять повторил свою просьбу напечатать «О партизанской войне» прежде «Занятия Дрездена» (*Акад.*, XVI, №№ 1232, 1241).

[3] Статья «Занятие Дрездена» имела целью реабилитировать Давыдова, занявшего город вопреки распоряжениям начальства и в ослушание приказа заключившего двухдневное перемирие с защищавшим Дрезден генералом Дюрютом. Давыдов был обвинен в нарушении приказа и лишен командования, и лишь личное распоряжение Александра I и заступничество Кутузова спасли его от военного суда. Виновником этих неприятностей Давыдов считал своего корпусного командира генерала Винцентероде, который, по его мнению, стремился приписать себе заслугу взятия Дрездена. «Оправдание» Давыдова было изъято цензурой, как противоречащее коренным началам службы и строгой воинской подчиненности (*ЦГВИА*, ф. 494, оп. 1, д. 4, лл. 10—11; указано Р. В. Овчинниковым).

[4] «Твои очи» — стихотворение Давыдова «Я помню — глубоко. . .», посланное Пушкину в письме от 6 апреля 1836 г. В стихотворении отразились настроения Давыдова, связанные с его мучительным поздним чувством к дочери пензенского помещика Е. Д. Золотаревой; посылая стихотворение, Давыдов просил его не печатать и не давать никому списывать (*Акад.*, XVI, № 1171). Давыдов опасался конфликта с женой в случае распространения стихотворения; еще в 1834 г. он выражал свое неудовольствие Вяземскому, напечатавшему в «Библиотеке для чтения» обращенное к Золотаревой стихотворение «Вальс» с пометой «Пенза»; одновременно было напечатано с той же пометой и другое стихотворение посвященного Золотаревой цикла — «Моя звездочка» (см.: Письма поэта-партизана Д. В. Давыдова к князю П. А. Вяземскому. Пгр., 1917, стр. 42). Отвечая 7 июля 1836 г. на письмо Пушкина, Давыдов подтвердил свою просьбу: «*Очи* не позволяю тебе печатать ни за что, даже и без подписи» (*Акад.*, XVI, № 1225). Впервые стихотворение появилось в издании стихотворений Давыдова 1840 г.

185. Н. И. Ушакову. — Черновой подлинник: *ИРЛИ*, № 1572. Впервые: *РС*, 1884, декабрь, стр. 540. Отправленный беловой текст неизвестен. *Акад.*, XVI, №№ 1214, 1214а.

Письмо к Ушакову написано на левой части правого полулиста голубой гончаровской бумаги, подобной бумаге № 96 (см.: *Рук. ПД, 1937*, стр. 314). но с водяным знаком 1833 г. (среди автографов, принадлежавших Пушкинскому дому в 1937 г., не отмечена). На той же бумаге (левый полулист) написаны черновики писем к И. И. Дмитриеву и к Д. В. Давыдову от 14 июня 1836 г. (*ИРЛИ*, № 1120). Из совмещения краев этих полулистов видно, что для письма к Ушакову и для писем к Дмитриеву и к Давыдову Пушкин использовал две части одного листа бумаги. По-видимому, письмо Ушакову было написано не ранее 14 июня. Это подтвер-

ждает и сходство его начала с первыми словами других писем, написанных 14 июня. Однако если палеографические данные писем к И. И. Дмитриеву, к И. М. Пеньковскому, к Д. В. Давыдову и к неизвестной совпадают полностью (перо, чернила, для черновиков — бумага), то письмо к Ушакову написано хотя и на той же бумаге, и теми же чернилами, но другим пером. Поэтому осторожнее датировать его временем «около (не ранее) 14 июня 1836 г.». Ср.: *Рукою П.*, стр. 215.

[1] Книга Н. И. Ушакова «История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах» (в двух частях. СПб., 1836), с дарительной надписью: «Александру Сергеевичу Пушкину приносит автор с искреннейшим уважением. 1 Майя 1836. С.-Петербург», сохранилась в библиотеке поэта (см.: *Библ. П.*, № 402). В апреле—начале мая 1836 г. Ушаков был в Петербурге (см.: Стороженки. Фамильный архив, т. II. Киев, 1906, стр. 32, 34—35, 420), однако книгу его Пушкин получил через Н. И. Павлищева, с которым Ушаков был знаком по Варшаве и который оставался в Петербурге до середины июня 1836 г. (см.: *Акад.*, XVI, № 1221). Вероятно, Ушаков не мог вручить ее лично из-за отсутствия Пушкина, который 1 мая находился на пути в Москву (см. письмо 167).

[2] Подразумевается гр. И. Ф. Паскевич-Эриванский, светлейший князь Варшавский.

[3] Во II томе своей «Истории» (стр. 305—306, прим. 3) Ушаков описал участие Пушкина в перестрелке 14 июня 1829 г. Пушкин изобразил события этого дня в III главе «Путешествия в Арзрум» (*Акад.*, VIII, стр. 467). Ср. также воспоминания М. И. Пущина (в кн.: И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Письма. Гослитиздат, М., 1956, стр. 364—365) и рассказ В. Д. Сухорукова Ф. П. Хоперскому в записи И. С. Ульянова (приведен в кн.: А. М. Линин. А. С. Пушкин на Дону. Ростов н/Д., 1941, стр. 169, прим. 59; ср.: «Донская газета», 1877, № 3, 9 января, стр. 1).

[4] О том, что участие в походе на Арзрум было предпринято им с разрешения Паскевича, полученного через Н. Н. Раевского, Пушкин писал во II главе «Путешествия в Арзрум» (*Акад.*, VIII, стр. 457, 459; ср. первую редакцию предисловия к «Путешествию»: *Акад.*, VIII, стр. 1022). На разрешение Паскевича сослался Пушкин и в ответе на требование А. Х. Бенкендорфа объясниться, «по чьему позволению» предпринял он «сие путешествие» (*Акад.*, XIV, № 418). Ко времени получения этого ответа Пушкина (*Акад.*, XIV, № 420) до Бенкендорфа, вероятно, уже дошло официальное уведомление военного губернатора Тифлиса С. С. Стрекалова от 24 октября 1829 г., в котором тот на запрос Бенкендорфа писал: «Путешествие Пушкина из Тифлиса в Арзерум произведено им по дозволению его сиятельства г. генерал-фельдмаршала графа Паскевича Эриванского, изъясненному в предписании его ко мне от 8-го числа минувшего июня месяца за № 194-м» (И. К. Ениколопов. Пушкин на Кавказе. Изд. «Заря Востока», Тбилиси, 1938, стр. 190).

186. А. А. Краевскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1577. Впервые: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 г., СПб., 1893, стр. 58—59. *Акад.*, XVI, № 1217.

Адрес написан не Н. Н. Пушкиной (?), как указано в академическом издании (*Акад.*, XVI, стр. 325), а самим Пушкиным, но очень торопливо и небрежно.

[1] «Париж. Хроника русского» — парижские письма-дневники А. И. Тургенева. Печатались без указания имени автора в «Современнике» начиная с I тома (см. письма 152—154; *Акад.*, XVI, № 1159). Предназначенная Пушкиным для II тома часть «Хроники русского» была отпечатана, но затем изъята из тома (см.: *РА*, 1900, № 2, стр. 380; *ОА*, т. III, стр. 329) в связи с «просьбой и требованием» Тургенева остановить печатание и вернуть ему рукописи его корреспонденций по той причине, что в I томе они были опубликованы без необходимых, по мнению автора, купюр, и он опасался, что в таком виде — ввиду содержавшихся в них сведений интимно-быто-

вого характера — они произведут в парижском обществе скандальное впечатление (см. письмо Тургенева к Жуковскому и Вяземскому от 20—21 мая (1—2 июня) 1836 г.: *ЛН*, т. 58, стр. 128—130). Решение Тургенева упрочилось, по-видимому, при знакомстве со статьей Булгарина «Мнение о литературном журнале „Современник“», где «Хроника русского» охарактеризована как «несвязная болтовня», «стоящая того, чтобы из нее сделать водевиль, если не комедию» (*СПч.*, 1836, № 129, 9 июня, стр. 516). Не разделяя опасений Тургенева (см.: *ОА*, т. III, стр. 321), Пушкин и Вяземский все же исполнили его пожелание: вместо «Парижа» во II книге «Современника» (стр. 311—312) появилась заметка Вяземского «От редакции. (Для очистки совести нашей)» (неосновательно приписывалась Пушкину; сводку литературы и обоснование авторства Вяземского см.: *Рыскин*, стр. 47—50). В заметке объяснены мотивы, по которым редакция поместила в журнале «отрывки из дружеских писем, или, лучше сказать, домашнего журнала <...> в том виде, в каком они представлены публике»; попутно «Хроника русского» была взята под защиту от нападок Булгарина. Тронутый появлением этой заметки, Тургенев переменил решение, и продолжение «Хроники», в которое вошли отчасти и материалы, подготовленные для II тома «Современника», появилось в IV томе (стр. 234—266). См.: *ОА*, т. III, стр. 323, 325—326, 328—329.

[2] Статья П. А. Вяземского «Ревизор, комедия, соч. Н. Гоголя. С.-Петербург. 1836» напечатана за подписью «В.» во II томе «Современника» (стр. 285—309).

[3] Перечень «Новые русские книги, вышедшие с апреля месяца 1836 года» (*Совр.*, 1836, т. II, стр. 313—318).

187. Н. А. Дуровой. — Печатается по тексту первой публикации: Пушкинский сборник. (В память столетия дня рождения поэта). СПб., 1899, стр. V—VI. Подлинник неизвестен. *Акад.*, XVI, № 1220.

Письмо — ответ на письмо Н. А. Дуровой («Александрова») к Пушкину от 24 июня 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1219), что и определяет приблизительную датировку его.

[1] В письме от 24 июня 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1219) Дурова выражала беспокойство по поводу дальнейшей судьбы ее полных записок, рукопись которых она вручила Пушкину для отдельного издания вместе с воспоминаниями о 1812 г., печатавшимися во II томе «Современника». Дурова просила срочно вернуть ей рукопись для переписки и настаивала на том, чтобы Пушкин показал ее записки Николаю I даже в том случае, если последний будет на маневрах. В конце письма она писала: «Я только до 1-го июля обещаю вам терпение, но с 1-го, пришлете или не пришлете мне мои записки, действую сам»; это свидетельствовало о ее намерении предпринять самостоятельное издание. Видя полное непонимание Дуровой ни условий, в которые был поставлен Пушкин по отношению к Николаю I, ни условий литературно-издательского и журнального дела, Пушкин пытался терпеливо и спокойно разъяснить ей положение дел. Но из позднейших писем Дуровой к Пушкину (*Акад.*, XVI, №№ 1237, 1314) видно, что она решила действовать самостоятельно и по существу прервать деловые отношения с ним.

[2] Речь идет об остатке гонорара, причитавшегося Дуровой за первую часть ее записок, помещенную во II томе «Современника».

[3] Цензурное разрешение II тома подписано 30 июня 1836 г., билет на выпуск в свет выдан 3 июля (см.: *ЦГИА*, ф. 777, оп. 27, № 29, л. 30). Книжка вышла между 3 и 7 июля (см.: *П. в печ.*, стр. 130).

188. А. А. Краевскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1578. Впервые: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 г., СПб., 1893, стр. 59. *Акад.*, XVI, № 1223.

Датируется по содержанию: записка Пушкина написана, очевидно, незадолго до выхода в свет II тома «Современника», когда был уже отпечатан его тираж и можно было исправить типографский пропуск или пере-

печаткой одного листа (двух страниц), или указанием в списке опечаток. II том журнала вышел между 3 и 7 июля 1836 г. (см. письмо 187); следовательно, записка написана не раньше конца июня.

[1] Сцены из трагедии А. Н. Муравьева «Битва при Тивериаде», напечатанные без имени автора во II томе «Современника» (стр. 155—179).

[2] Пропущенный стих (см. VIII сцену IV действия: *Совр.*, 1836, т. II, стр. 163, а не 103, как у Пушкина) был восстановлен, для чего перепечатан один лист (стр. 163—164).

189. И. А. Яковлеву. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1579. Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 345. *Акад.*, XVI, № 1226.

[1] Речь идет о старом, вероятнее всего карточном долге Пушкина И. А. Яковлеву, которому Пушкин еще весною 1829 г. задолжал 6000 рублей (см.: *Акад.*, XIV, № 412). Пушкин просил у Яковлева отсрочки, но не смог с ним расплатиться, как намеревался, до его отъезда за границу (в декабре 1829 г.). Он хорошо помнил об этом «долге чести»; так, он, по-видимому, предполагал отдать Яковлеву часть долга (3900 руб.) из 20 тыс. руб., выданных государственным казначейством весной 1834 г. на печатание «Истории Пугачевского бунта» (см.: *Рукою П.*, стр. 363; *Арх. опеки*, стр. 120—121). Однако материальное положение Пушкина в этот период было очень затруднительным (см. реестр долгов, составленный в августе 1836 г., в кн.: *Рукою П.*, стр. 383—386), и летом 1836 г. он снова вынужден был просить Яковлева об отсрочке до осени, видимо надеясь расплатиться с ним из доходов от издания III и IV томов «Современника». Но и осенью Пушкин не смог отдать старый долг Яковлеву. Свои деньги тот получил уже после смерти Пушкина от опеки, выплатившей все частные долги поэта (см.: *Арх. опеки*, стр. 12, 111—112).

[2] Видимо, Яковлев незадолго до этого вернулся из Парижа.

[3] «В трауре» — по поводу смерти матери, Н. О. Пушкиной (29 марта 1836 г.).

190. Н. И. Павлищеву. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 665. Почтовый штемпель: «С. Петербург, 14 июл. 1836». Впервые: *ИВ*, 1888, февраль, стр. 318—319. *Акад.*, XVI, № 1228.

[1] В письме от 27 июня 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1221), на которое отвечает Пушкин, Павлищев сообщал, что, приехав в Михайловское, он обнаружил «проделки, обличающие и плутовство, и лень, и невежество» управителя немца Рингеля, прогнал его и стал хозяйничать сам.

[2] Полонский Василий Иванович — поверенный Павлищева, который должен был помочь Пушкину составить объявление о продаже Михайловского.

[3] Доверенность брата от 2 июля 1836 г. на право распоряжения Михайловским была получена Пушкиным позднее (см.: *Акад.*, XVI, № 1224).

[4] С. Л. Пушкин поехал, по-видимому, в Болдино (см. письмо 183).

[5] Это намерение не осуществилось.

191. Никитин, И. С. Мальцов, С. А. Соболевский, Пушкин и Ф. И. Доливо-Добровольский К. П. Брюллову. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 677. Впервые: *П. Врем.*, т. II, стр. 17. *Акад.*, XVI, № 1236.

Записка может быть датирована 10—25 июня или 6—23 июля, когда авторы и адресат записки были в Петербурге (см.: М. Яшин. Дача на Каменном острове. «Нева», 1965, № 2, стр. 193).

Коллективное приветствие Брюллову, по-видимому, послано ему во время дружеской встречи на даче Пушкина на Каменном острове. На обороте записки — карандашный автопортрет Брюллова. См.: Л. Модзалевский. Коллективная записка к К. П. Брюллову. *П. Врем.*, т. II, стр. 17—19.

[1] «Римлянин» — К. П. Брюллов.

192. Н. И. Павлищеву. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 666. Почтовые штемпеля: «С. Петербург 13 авгу. 1836» и «Остров <?> 19 август. 1836»; почтовая помета: «№ 3-й и 3-го вр<еменного> поч<тового> отд<еления>». Впервые: *ИВ*, 1888, февраль, стр. 319. *Акад.*, XVI, № 1243.

Датируется по почтовому штемпелю.

[1] О расчетах и предложениях Павлищева по имениям Пушкиных см. письмо 178, прим. 1. В письме от 1 августа Павлищев сообщил Пушкину «окончательную» оценку Михайловского — 64 тыс. руб. (*Акад.*, XVI, № 1238), а в случае несогласия Пушкина предложил сделать публикацию о продаже (см. также: *ПиС*, вып. XIII, стр. 129; *П. и мужики,* стр. 146—151).

[2] Павлищев в том же письме от 1 августа предлагал Пушкину «еще одну сделку»: выделить О. С. Павлищевой ее часть Болдина (80 душ), оцениваемую в 48 тыс. руб., и обменять эту часть на часть Михайловского, принадлежащую братьям Пушкиным и стоящую (также по его, Павлищева, расчету) свыше 50 тыс. руб. Сам он возьмет Михайловское на себя, заложит его за 12 тыс. руб., уплатив Л. С. Пушкину 5143 руб., а остальные их части наследства (20 тыс. Л. С. Пушкину и 25 тыс. А. С. Пушкину) будут сочтены возмещенными обмененной с ними частью Болдина. Все дело было в согласии С. Л. Пушкина выделить Ольге ее болдинскую часть. Но С. Л. Пушкин 7 августа писал Пушкину, посылая ему письмо Павлищева с проектом раздела и реализации Михайловского, исходя из оценки в 64 тыс. руб.: «Письмо г-на Павлищева, наполненное подробностями об управлении Михайловским и о разделе жениного наследства, растерзало мне душу и разбило сердце — я провел бессонную ночь. Оно так неприлично и написано даже чрезвычайно невежливо, без малейшего внимания ни к моему положению, ни к тому, что так мало времени прошло с моего несчастья. — Это человек очень жадный, очень корыстный и весьма мало понимающий в том, что он берет на себя» (*Акад.*, XVI, № 1240; перевод с французского). Пушкин, как видно из настоящего письма, разгадал обманную суть предлагаемой Павлищевым кабальной сделки и решительно отклонил ее. См. следующие письма к нему Павлищева — от 21 августа, написанное до получения им настоящего письма, и 28 августа, написанное после получения отказа Пушкина (*Акад.*, XVI, №№ 1246, 1247). Письма наполнены новыми назойливыми предложениями, имеющими целью получить от Пушкина какие-либо деньги.

[3] Лёля — Л. Н. Павлищев, сын Н. И. Павлищева.

193. А. Л. Крылову. — Подлинник на заглавном листе авторизованной копии статьи «Александр Радищев»: *ИРЛИ*, № 1118. Помета рукой А. Л. Крылова: «Не дозволено к напечатанию предписанием Главного Управления Цензуры от 26 августа 1836 г., № 271. Цензор А. Крылов». Впервые: *Ефр., 1882*, т. V, стр. 364. *Акад.*, XVI, № 1244.

Датируется приблизительно, по времени представления Крыловым статьи в Цензурный комитет. См. «Временник Пушкинского дома. 1914» (Пгр., 1915, стр. 15, № 50), а также комментарий к письму в Петербургский цензурный комитет (письмо 197).

194. А. А. Жандру. — Черновой подлинник: *ИРЛИ*, № 1580. Впервые: *РС*, 1884, декабрь, стр. 540. Полнее: *Переписка*, т. III, стр. 356—357. Беловой текст неизвестен. *Акад.*, XVI, № 1249.

Основание для датировки дает перечень статей и материалов для III тома «Современника», набросанный на обороте письма А. И. Хмельницкого (см. ниже). Перечень полностью не опубликован (см.: *Рук. ПД, 1937*, № 814); он составлен не ранее первой декады июля 1836 г., судя по упоминанию эпиграмм Д. Давыдова, посланных автором Пушкину при письме от 7 июля (*Акад.*, XVI, № 1225; *ИРЛИ*, № 814; в автографе: «Эпигр.»), и, по-видимому, не позднее сентября, так как в подробное перечисление еще не вошел «Джон Теннер», датируемый сентябрем

1836 г. (*Акад.*, XII, стр. 448). В пользу датировки письма Хмельницкого июлем—августом 1836 г. говорит также упоминание летнего адреса Пушкина (дача Доливо-Добровольского) и его же петербургской квартиры в доме Баташева, откуда Пушкин переехал в сентябре 1836 г. (см. письмо 60). См. также: *ЛН*, т. 16—18, стр. 583.

Обращение Пушкина к Жандру вызвано письмом А. И. Хмельницкого к Пушкину (*Акад.*, XVI, № 1248). Хмельницкий сообщал о своем безвыходном положении и о безуспешных поисках работы. «Определение мое во флот, — писал он, — зависит от моего личного объяснения с князем Меньшиковым, а это объяснение по милости адъютантов откладывалось со дня на день». Письму предшествовала личная встреча Хмельницкого с Пушкиным. Судьба ходатайства Пушкина неизвестна.

195. А. А. Краевскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1581. Впервые: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1889 г., СПб., 1893, стр. 60. *Акад.*, XVI, № 1250.

Датировка записки определяется следующими данными. Она относится ко времени редакционной работы А. А. Краевского в «Современнике» — с середины мая 1836 г. (см. комментарий к письму 176) и касается статей Пушкина, которые предназначались для журнала, но были задержаны цензором А. Л. Крыловым, что вызвало обращение Пушкина к председателю Цензурного комитета кн. М. А. Дондукову-Корсакову. По обстоятельствам цензурования статей Пушкина для «Современника» (см.: Временник Пушкинского дома. 1914. Пгр., 1915, стр. 14, № 44) видно, что речь не может идти о II и IV томах. Пушкин имеет в виду статьи, предназначенные для III тома, почти целиком заполненного его собственными произведениями. Материалы III тома цензуровались в последних числах июля и в августе (см.: Временник Пушкинского дома. 1914, стр. 14—16, №№ 46—51; *ЦГИАЛ*, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 29, л. 45 об.). К этому времени и относится комментируемая записка.

[1] Какие статьи Пушкина имеются в виду, не ясно. Цензурные дела, относящиеся к III тому «Современника», дошли до нас не полностью: отсутствуют журналы заседаний Цензурного комитета за № 30 от 25 августа и № 32 от 7 сентября. См. цензурные дела ЦГИА (ф. 777, оп. 27) и ИРЛИ (перечень их в кн.: Временник Пушкинского дома. 1914, стр. 13—16). Сохранившиеся дела дают сведения лишь об одновременном прохождении цензуры статьей «Александр Радищев» и стихотворением «Полководец» (см. там же, стр. 15—16, №№ 50, 51), к которым по обстоятельствам цензурования (см. письмо 193 и комментарий к нему) не может быть отнесена настоящая записка. Быть может, речь идет о статьях «Вольтер» и «Об „Истории Пугачевского бунта“», которые Пушкин получил из переписки около 14 августа 1836 г. (см.: *Лит. арх.*, т. I, стр. 34), т. е. незадолго до заседания Цензурного комитета 25 августа, материалы которого не сохранились. Возможно также, что Пушкин одновременно представлял Дондукову-Корсакову статьи, которые затем рассматривались на разных заседаниях комитета.

196. Д. В. Давыдову. — Черновой подлинник: *ИРЛИ*, № 1582. Впервые: *РА*, 1880, кн. III, стр. 228. Полностью: *Переписка*, т. III, стр. 355—356. Беловой текст неизвестен. *Акад.*, XVI, № 1251.

Датируется по соотношению с письмом Уварова с заключением Военно-цензурного комитета о статье Давыдова (см. ниже).

[1] Статья Д. Давыдова «О партизанской войне», напечатанная в III томе «Современника». См. письмо 184 и прим. 2 к нему.

[2] В письмах к Пушкину от 18 мая (*Акад.*, XVI, № 1198) и 2 июня 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1204) Давыдов выражал уверенность, что его статья «может пройти бодро и смело мимо Ценсурного комитета» (см. также письмо его к Н. М. Языкову 14 июня 1836 г.: *РС*, 1884, июль, стр. 135). Однако статья встретила цензурные затруднения. 16 июля

цензор А. Л. Крылов подал донесение, в котором справлялся, «не надлежит ли статью сию, как заключающую изложение предмета воинского искусства, с применением к современному быту России, препроводить на заключение цензуры Военного министерства» (*ЦГИА*, ф. 777, оп. 1, № 1321, лл. 22—23). 23 июля статья была направлена в Главное управление цензуры, а оттуда — в цензуру Военного министерства. 10 августа было получено письмо Уварова, в котором сообщалось решение Военно-цензурного комитета: «Рукопись сия может быть допущена к напечатанию с <...> изменениями, которые означены красными чернилами и сделаны в тех местах, где сочинитель заблуждается или употребляет неприличные выражения» (*ЦГИА*, ф. 777, оп. 1, № 1321, лл. 25—26 об.).

[3] Пушкин говорит здесь о характерной черте цензурной политики второй половины 1830-х годов — развитии множественности цензур, отразившейся уже в цензурном уставе 1828 г. (см.: А. М. Скабичевский. Очерки истории русской цензуры (1700—1863). СПб., 1892, стр. 249—252). Помимо общей цензуры Министерства народного просвещения, существовали духовная цензура, подчиненная Синоду, военная цензура, цензура Министерства двора, просматривавшая статьи о театрах, цензура иностранная и т. д. Кроме официальных цензурных комитетов, существовала практика проверки статей в соответствующих министерствах и ведомствах; замечания каждого ведомства учитывались при одобрении статьи. К августу 1836 г. Пушкин имел столкновения с общей и военной цензурой; кроме того, 15 апреля 1836 г. он получил выговор от Бенкендорфа в связи с напечатанием без его разрешения в I томе «Современника» статьи «Долина Ажитугай» Султана Казы-Гирея, корнета лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона (*Акад.*, XVI, № 1176). Вся эта регламентация и бессмысленные цензурные строгости пагубно отражались в первую очередь на периодической печати.

[4] Пушкин противопоставляет идею общей государственной цензуры с единым обязательным для всех цензурным уставом («земщину») реально существовавшим многочисленным цензурам, находившимся в «удельном владении» министров, которые произвольно вводили новые ограничения, не предписанные уставом. Цензурный террор, начавшийся в 1830-х годах (см., например: *Никитенко*, т. I, стр. 89, 95), приобрел новые формы при Уварове, который прямо требовал, чтобы цензоры не ограничивались в своей деятельности рамками устава (там же, стр. 130). В 1833 г. Уваров в официальном циркуляре предлагал цензорам неуклонно следовать как уставу, так и всем распоряжениям и предписаниям, которые были даны после обнародования устава и в значительной мере шли с ним вразрез (см.: *РС*, 1903, № 3, стр. 572—573; *Лемке*, стр. 85).

197. В Петербургский цензурный комитет. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 745. Помета неизвестной рукой: «списать». Впервые: «Русская школа», 1899, № 5—6 (май—июнь), стр. 452. *Акад.*, XVI, стр. 231, Дел. бум., № 23.

О статье Пушкина «Александр Радищев» цензор А. Л. Крылов 16 июля 1836 г. подал донесение председателю Санкт-Петербургского цензурного комитета Дондукову-Корсакову. «Не зная, в какой степени может быть допущено возобновление подобного факта в периодическом издании, и находя, с другой стороны, что некоторые сведения должны быть заимствованы из официальных бумаг», цензор предлагал представить статью в Главное управление цензуры (*ЦГИА*, ф. 777, оп. 1, № 1321, лл. 22—23). В заседании 18 августа комитет согласился с Крыловым (*ИРЛИ*, ф. 244, оп. 16, № 79, л. 2—2 об.; Временник Пушкинского дома. 1914. Пгр., 1915, стр. 15, № 50; «Известия Академии наук», VI серия, 1911, стр. 516; текст донесения см. также: М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. I. СПб., 1889, стр. 651). 24 августа статья была представлена Уварову, а 26 августа последовало ее запрещение (*ИРЛИ*, ф. 244, оп. 16, № 68, л. 3), о чем было официально объявлено в заседании Цензурного комитета 1 сентября 1836 г. (Времен-

ник Пушкинского дома. 1914, стр. 16, № 51; «Известия Академии наук», VI серия, 1911, стр. 516). В соответствии с цензурным уставом рукопись была оставлена при делах комитета. 15 сентября прошение Пушкина было направлено в Главное управление цензуры, и 16 сентября 1836 г. последовало согласие министра «на возвращение статьи „Александр Радищев“ автору ее, с пометкою на оной, что сия рукопись не допущена Цензурным комитетом и сообщить о том Московскому комитету». 22 сентября комитет постановил: «исполнить по предписанию». См.: *Рукою П.*, стр. 793—794.

198. П. А. Корсакову. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 667. Помета (позднейшая и ошибочная) рукой П. А. Корсакова: «Получено 1 ноября 1836». Впервые: *ИВ*, 1895, июнь, стр. 923—924. *Акад.*, XVI, № 1255.

Датируется по ответному письму Корсакова от 28 сентября (*Акад.*, XVI, № 1256).

[1] В 1817 г. П. А. Корсаков издавал журнал «Северный наблюдатель», где были помещены стихотворения Пушкина «Певец», «На смерть стихотворца», «К ней», «Послание Лиде», «Пробуждение» (см.: *П. в печ.*, стр. 12—13, №№ 27—29, 31, 32). Лицейские поэты поддерживали связь с П. А. Корсаковым через брата его, лицеиста Н. А. Корсакова. В ответном письме Пушкину, вспоминая о начале его поэтической деятельности, Корсаков писал: «Не одна дружба ваша к покойному брату Николаю, — сознание гениальности вашей — заставляла меня радоваться вашим успехам» (*Акад.*, XVI, № 1256).

[2] В литературных кругах Корсаков пользовался репутацией мягкого и благожелательного цензора. Н. В. Кукольник писал о нем: «Ни один из лучших писателей наших не имел ничтожного случая пожаловаться на его несправедливость» («Иллюстрация», 1846, ч. II, т. 2, № 6, стр. 84). Очень характерен отзыв Булгарина, известного своими ссорами с цензорами: «После смерти П. А. Корсакова — вы (т. е. Никитенко, — *Ред.*) остались один *человек* в цензуре» (*PC*, 1900, январь, стр. 176; письмо к Никитенко от 30 апреля 1844 г.).

[3] Кукольник, близко общавшийся с Корсаковым, вспоминал: «Литература <...> отнимала у него по наружности все время; несмотря на то, срочные и бессрочные издания ценсуровались с удивительною быстротою <...>. Он иногда садился в карету с корректурным листом журнала, иногда в гостях улучал минуту, чтобы уединиться в чужом кабинете и просмотреть ценсурные корректуры» («Иллюстрация», 1846, ч. II, т. 2, № 6, стр. 84). О своей занятости Корсаков писал и Пушкину: «Хотя времени у меня весьма мало, но вы должны быть исключением из общего правила» (*Акад.*, XVI, № 1256).

[4] Роман «Капитанская дочка», впервые опубликованный в IV томе «Современника» за 1836 г. Цензурное разрешение на выпуск журнала было подписано 11 ноября 1836 г. цензором А. Крыловым. По всей вероятности, рукопись романа была переслана Корсакову не для журнала, а для отдельного издания, о замысле которого известно из «Записок» И. П. Сахарова. «Как теперь помню, — писал Сахаров, — сколько было хлопот с „Капитанскою дочкою“: Пушкин настаивал, чтобы отдельно напечатана была эта повесть; а Краевский и Врасский, хозяин типографии Гутенберговой, не соглашались и, кажется, поставили на своем» (*PA*, 1873, № 6, стр. 974). После опубликования романа в журнале Пушкин, по-видимому, не отказался от мысли об отдельном издании и воспользовался предложением книгопродавца Л. Жебелева сброшюровать новый роман с нераспроданными экземплярами «Повестей» (1834), с тем чтобы продавать их как новое издание «Романов и повестей». 8 января 1837 г. «Романы и повести» прошли цензуру. Цензором этого издания как раз и был П. А. Корсаков. Однако в свет оно не вышло, и сохранился только один его экземпляр (см.: Л. Б. Модзалевский. Новые материалы об изданиях Пушкина. *Звенья*, т. II, стр. 246 и сл.; см. также: Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях

Пушкина. М., 1962, стр. 402—406, гл. 37 — «Сожженное издание „Романов и повестей“ 1837 г.»). Корсаков ответил Пушкину 28 сентября (*Акад.*, XVI, № 1256), прося разъяснений по поводу анонимности «Капитанской дочки» и предлагая ему свидание, чтобы переговорить о «паре слов» романа, вызвавших у него затруднение. Ответ Пушкина на это письмо не сохранился. См. также письмо 204.

199. М. Л. Яковлеву. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 668. Впервые: *ОЗ*, 1861, кн. 12, стр. 37. *Акад.*, XVI, № 1264.

Написано в ответ на обращение Яковлева, вызванное предложением Е. А. Энгельгардта о совместном праздновании лицеистами первых трех выпусков двадцатипятилетия со дня основания Лицея. Это пожелание Энгельгардт высказал Яковлеву утром 9 октября (см. письмо М. Л. Яковлева к М. А. Корфу от того же дня в статье К. Я. Грота «Празднование Лицейских годовщин при Пушкине и после него»: *ПиС*, вып. XIII, стр. 58). Соглашаясь с Энгельгардтом, Корф в тот же день отвечал Яковлеву: «Как тут дело не в моем личном, а в *общем* мнении, то, кажется, всего бы лучше собрать голоса и решить большинством <...>. Так я завтра скажу и Егору Антоновичу» (там же, стр. 59). Связь записки Пушкина и приписок других лицеистов первого выпуска с этим предложением Корфа была отмечена уже К. Я. Гротом (там же, стр. 58). В академическом издании (*Акад.*, XVI, № 1264) последней возможной датой сбора голосов сочтено 15 октября, когда лицеисты первого выпуска встретились на обеде у П. Н. Мясоедова (см. письмо 201). Однако записка написана Пушкиным дома (на бумаге гончаровской фабрики), приписки же сделаны разными чернилами и перьями, т. е. в несколько приемов. По-видимому, записка Пушкина и первые приписки относятся ко времени сразу же или вскоре по получении Яковлевым письма Корфа — около (но не ранее) 9 октября 1836 г.

[1] «№ 39» — «лицейская» подпись М. Л. Яковлева. См. письмо 65. Мнение Яковлева известно нам из его письма к Корфу от 9 октября 1836 г.: «Пусть Егор Антонович <...> соединяет под свои знамена 2-й, 3-й и прочие выпуски и воздаст честь и хвалу существованию Лицея, но пусть нас, стариков, оставит в покое» (*ПиС*, вып. XIII, стр. 58).

[2] «Старинный обычай», по которому «лицейские» первого курса праздновали годовщины в своем узком кругу, сложился как результат противоречия между «вольным» духом пушкинского выпуска и настроениями последующих курсов. Однако к 1836 г. и сами первокурсники по-разному относились к данной традиции, ибо к этому времени углубились идейные расхождения в их собственной среде (см.: Б. В. Томашевский. Пушкин, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 695). Если Пушкин решительно возражал против предложения Энгельгардта, то Корф, соглашаясь с этим предложением, так объяснял свою позицию: «Лицейские воспоминания между нами всеми могут быть точно так же живы и *громки*, а о другом, постороннем, едва ли тут кто и затеет говорить, да, кажется, и лета наши уже не те, чтобы опасаться иметь при нашем разговоре свидетелей» (*ПиС*, вып. XIII, стр. 59). Из писанного Пушкиным протокола празднования двадцатипятилетия Лицея видно, что на обеде читались «письма, писанные некогда отсутствующим братом Кюхельбекером» к С. Д. Комовскому (см.: *Рукою П.*, стр. 737), т. е. произошло то, от чего предостерегал Яковлева Корф, — затрагивались «посторонние», политические предметы (см.: Б. С. Мейлах. Пушкин и его эпоха. М., 1958, стр. 164—166). «Обычаи Лицея» были нарушены после смерти Пушкина, в 1837 г. (см.: *ПиС*, вып. XIII, стр. 63 и сл.).

[3] Имеется в виду последний лицеист первого выпуска. В стихотворении «19 октября» Пушкин писал:

Кому ж из нас под старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

(*Акад.*, II, стр. 428).

Таким «последним лицеистом» оказался кн. А. М. Горчаков, который, однако, отступил от лицейских обычаев и воспоминаний и даже отказался, под предлогом старческой слабости, участвовать в торжествах при открытии памятника Пушкину в Москве в 1880 г.

[4] «Лицейская» подпись Пушкина. См. письмо 65.

[5] Авторы первых двух приписок могут быть установлены лишь предположительно. По сведениям, сообщенным в 1872 г. И. В. Малиновским, в первое трехлетие лицейской жизни № 40, по-видимому вначале занятый Гурьевым, пустовал, а в № 33 жил А. А. Дельвиг, умерший в 1831 г. (см.: Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Изд. 2-е. СПб., 1899, стр. 286). Вероятно, эти приписки, вопреки лицейской традиции, подписаны номерами комнат второго трехлетия. Из 11 присутствовавших на юбилее Лицея в 1836 г. (см.: *Рукою П.*, стр. 736—737) их могли сделать пять человек: П. Ф. Гревениц, А. И. Мартынов, А. Д. Илличевский, Ф. Х. Стевен, К. К. Данзас; Пушкин, Яковлев и Корф выразили свое мнение в письмах, Мясоедову (№ 41) и Комовскому (№ 35) принадлежат 3-я и 4-я приписки, Юдин исключается по почерку. На основании почерка наиболее вероятным автором первой приписки представляется П. Ф. Гревениц, а предположение о принадлежности второй приписки А. И. Мартынову (см.: *Academia*, т. VI, стр. 586; *Акад.*, XVI, стр. 168) отпадает.

200. Н. И. Гречу. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1583. Впервые: *РС*, 1880, август, стр. 807. *Акад.*, XVI, № 1259.

Записка является ответом на письмо Н. И. Греча от 12 октября 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1258) по поводу стихотворения Пушкина «Полководец», посвященного Барклаю де Толли. Оно было напечатано (без подписи) в III томе «Современника», который вышел из печати 30 сентября 1836 г. (см.: Л. А. Черейский. К стихотворению Пушкина «Полководец». *Врем. ПК, 1963*, стр. 56). Стихотворение Пушкина, содержащее весьма положительную оценку исторических заслуг и личности Барклая де Толли, встретило восторженный прием не только у Греча, но и у Булгарина, поместившего в «Северной пчеле» хвалебный отзыв о стихотворении и перепечатавшего его целиком (*СПч.*, 1836, № 236, 15 октября). Попытка реакционных журналистов использовать «Полководца» для пропаганды своих взглядов заставила Пушкина внести некоторые коррективы и уточнения в оценку Барклая де Толли. В ответной записке он более сдержанно оценивает его военные заслуги, хотя и пишет о нем как об «одном из замечательнейших» лиц «в нашей истории». Позиция Пушкина, стремящегося к восстановлению исторической справедливости по отношению к полководцу, чья деятельность еще не получила всесторонней объективной оценки, была воспринята некоторыми современниками как попытка зачеркнуть огромные заслуги Кутузова в войне 1812 г. (см.: В. А. Мануйлов и Л. Б. Модзалевский. «Полководец» Пушкина. В кн.: *П. Врем.*, т. 4—5, стр. 150—162). Л. И. Голенищев-Кутузов писал в своем дневнике (17 октября 1836 г.), что, несмотря на отдельные «прекрасные» места, стихи Пушкина о Барклае «противны истине». Он отметил также недовольство стихотворением дочери Кутузова Е. М. Хитрово, как якобы обидным для памяти ее отца (там же, стр. 151—152). Ознакомившись с перепечаткой стихотворения Пушкина в «Северной пчеле» (от 15 октября), Голенищев-Кутузов решил выступить с возражениями поэту (см. запись 1 ноября 1836 г.: там же, стр. 153—154). 3 ноября рукопись возражений была представлена в Цензурный комитет и полностью одобрена С. Уваровым (там же, стр. 154). В письме к Пушкину от 4 ноября 1836 г. Е. М. Хитрово предупредила поэта о том, что цензура пропустила статью, направленную против «Полководца» (*Акад.*, XVI, № 1278). 5 ноября она была отпечатана отдельной брошюрой и появилась в печати в виде приложения-вкладыша к воскресному номеру «Санкт-Петербургских ведомостей» (от 8 ноября 1836 г., № 256; см.: Л. А. Черейский. К стихотворению Пушкина «Полководец», стр. 57).

Пушкин ответил Голенищеву-Кутузову и другим своим критикам (в том числе и Булгарину с Гречем) в IV томе «Современника» «Объяснением», где подчеркнул огромную историческую роль Кутузова и разъяснил мотивы, приведшие его к выдвижению фигуры Барклая де Толли (*Акад.*, XII, стр. 133—134). Полемика с Пушкиным была продолжена Булгариным в статье «Правда о 1812 годе» (*СПч.*, 1837, 11 января, № 7).

201. М. А. Корфу. — Печатается по тексту первой публикации: *РА*, 1872, стлб. 198. Подлинник неизвестен. *Акад.*, XVI, № 1263.

[1] Ответ на письмо М. А. Корфа от 13 октября 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1260), в котором Корф, сообщая о своем замысле «составить полный библиографический каталог всех книг и пр., когда-либо изданных о России ‹. . .› на всех языках ‹. . .›», и о том, что он «собрал огромный запас материалов», писал далее: «Последний наш разговор о великом твоем труде («Истории Петра I», — *Ред.*) припомнил мне эту работу. Из разрозненных ее остатков я собрал все то, что было у меня в виду о Петре В.‹еликом› и посылаю тебе, любезный Александр Сергеевич ‹. . .›, если, впрочем, ты найдешь тут что-нибудь новое. Это одна голая, сухая библиография, и легче было выписывать заглавия, чем находить самые книги, которых я и десятой части сам не видал. Впрочем, в теперешней моей выборке я ограничился решительно одними *специальностями* о Петре В.‹еликом›, его веке и его людях, не приводя никаких *общих* исторических курсов и т. п.».

[2] Служебная карьера Корфа началась сразу же по окончании Лицея и особенно успешной была с середины 1820-х годов; к моменту написания этого письма Корф имел уже чин тайного советника, звание статс-секретаря и исполнял должность государственного секретаря.

[3] Библиографический список, присланный Пушкину, сохранился в бумагах поэта и опубликован (*Акад.*, X, стр. 466—478). Впоследствии по материалам Корфа Р. Минцлов составил обширную библиографию (Петр Великий в иностранной литературе. Подробный каталог иностранных сочинений о России. (Rossica). СПб., 1872). О действительном значении списка для работы Пушкина над «Историей Петра» см.: И. Л. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 3-е. Изд. «Сов. писатель», М., 1962, стр. 111—115. Видимо, в ответ на любезность Корфа «Пушкин перед смертью ссудил его разными, старинными и весьма интересными книгами о России» (см. письмо А. И. Тургенева к В. А. Жуковскому от 28 марта 1837 г. и статью о нем М. А. Цявловского в кн.: Московский пушкинист, т. I. Изд. «Никитинские субботники», М., 1927, стр. 27—32).

[4] Перефразировка афоризма Гиппократа (в латинском переводе: «Ars longa, vita brevis») — «Искусство долго, жизнь коротка».

[5] П. Н. Мясоедов в середине 1830-х годов жил в своей тульской деревне, но, как видно из писем Е. А. Энгельгардта к Ф. Ф. Матюшкину и М. А. Корфа и М. Л. Яковлева к В. Д. Вольховскому, в октябре 1836 г. он приезжал в Петербург и давал обед своим бывшим однокурсникам. Этот обед, назначенный на 15 октября, Пушкин, вероятно, и имеет в виду (см.: *Гастфрейнд. Товарищи П.*, т. III, стр. 371).

202. П. Я. Чаадаеву. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1584. На последней странице (л. 4 об.) рукою Пушкина: «Ворон ворону глаза не выклюнет — Шотландская пословица, приведенная В‹альтером› Ск‹оттом› в Woodstock». Впервые: *РА*, 1884, кн. II, стр. 453—455. *Акад.*, XVI, № 1267.

Черновик письма: *ИРЛИ*, № 669; начало и конец утрачены. Впервые (по неточной копии П. В. Анненкова): *Ефр.*, *1903*, т. VII, стр. 664—665. *Акад.*, XVI, № 1267а.

Письмо не было послано Чаадаеву, так как сразу же после написания его Пушкин узнал о репрессиях, постигших адресата и журнал: «Телескоп» был запрещен, цензор А. В. Болдырев, подписавший номер, уволен от должности, а редактор журнала Н. И. Надеждин сослан в Усть-Сысольск; сам Чаадаев был по «высочайшему повелению» отдан под меди-

цинский надзор для выяснения его психического состояния (см.: *Лемке*, стр. 411—448). Пушкину стало известно об этом от К. О. Россета (см.: *Акад.*, XVI, № 1270), который рекомендовал ему «еще раз прочесть» свое письмо к Чаадаеву, а еще лучше — не посылать почтой. Неотправленное письмо осталось в бумагах Пушкина, откуда было извлечено Жуковским, и затем хранилось у него (по-видимому, в момент просмотра бумаг Пушкина оно уже было у Жуковского, так как не имеет жандармской нумерации). См.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1884 г., СПб., 1887, стр. 38; П. Бартенев. К биографии А. С. Пушкина, вып. II. М., 1885, стр. 85. В письме Жуковскому от 5 июня 1837 г. Чаадаев просил прислать ему хотя бы копию письма (см.: *РС*, 1903, октябрь, стр. 185—186; см. также: *РА*, 1884, кн. I, стр. 453; А. Н. Веселовский. В. А. Жуковский. СПб., 1904, стр. 395 и прим.). Текст письма был известен друзьям Пушкина; 15 декабря 1836 г. А. И. Тургенев записал: «Читал письмо к Чаадаеву не посланное» (*Щеголев*, стр. 278); 2 февраля 1837 г. Жуковский читал его присутствующим у В. Ф. Вяземской (*П. Врем.*, т. I, стр. 238—239).

[1] Брошюра «Философические письма к г-же *** ‹Е. Д. Пановой›. Письмо 1», отдельный оттиск из журнала «Телескоп» (1836, т. XXXV, № 15; вышел в свет 3 октября; см.: *М. вед.*, 1836, № 80). Было отпечатано 25 оттисков; один из них был передан Пушкину Чаадаевым через кн. И. С. Гагарина (см.: П. Я. Чаадаев, Сочинения и письма, под ред. М. О. Гершензона, т. I, М., 1913, стр. 198). В библиотеке Пушкина он не сохранился. Письмо Чаадаева Пушкин знал и ранее: оно находилось в числе тех «Философических писем», о которых идет речь в их переписке 1831 г. (*Акад.*, XIV, №№ 613, 626, 627, 681) и которые Пушкин предполагал издать. См.: *Лет. ГЛМ*, кн. I, стр. 502; *Письма*, т. III, стр. 334—336.

[2] Об оплошности цензуры, пропустившей «Философическое письмо», Пушкин говорил и у Карамзиных (см. письмо С. Н. Карамзиной А. Н. Карамзину 3 (15) ноября 1836 г.: *Карамзины*, стр. 128, 278, 372).

[3] Чаадаев был известен как блестящий стилист. Переводу его письма в «Телескопе» предпослано предисловие издателя, где о всей серии писем сказано: «В подлиннике они писаны на французском языке. Предлагаемый перевод не имеет всех достоинств оригинала относительно наружной отделки» и т. д. В русском тексте письма имеются неточности и цензурные искажения; Пушкин не обратил на них внимания, так как не имел под руками оригинала. См.: П. Бартенев. К биографии А. С. Пушкина, вып. II, стр. 88. Переводчиком, по-видимому, был Н. Х. Кетчер (см.: *РС*, 1870, кн. 5, стр. 606); существовала версия о принадлежности перевода В. Г. Белинскому (см.: *РС*, 1870, кн. 2, стр. 165), поддержанная и некоторыми новейшими исследователями (см.: П. С. Шкуринов. П. Я. Чаадаев. Изд. МГУ, 1960, стр. 26), однако это предположение не имеет строгой фактической основы.

[4] Чаадаев рассматривал всемирную историю как единый процесс духовного совершенствования, движущей силой которого является божественный разум, воплотившийся в религии. Во втором письме (по счету Гагарина; во всей серии это письмо занимает 6-е место; см.: Д. Шаховской. Неизданные «Философические письма» П. Я. Чаадаева. *ЛН*, т. 22—24, стр. 9) Чаадаев оценивает реформацию как разрушение первоначального единства христианского мира и отдает исключительное предпочтение католицизму (см.: П. Я. Чаадаев, Сочинения и письма, под ред. М. Гершензона, т. I, М., 1913, стр. 94—119; русский перевод: т. II, М., 1914, стр. 126—152). Исходя из этой же общей концепции, Чаадаев рассматривает историческое развитие России как путь к социальному и духовному тупику, причину которого он видит в религиозном обособлении и отделенности от духовных (т. е. религиозных) стремлений общехристианского европейского мира (см.: П. Я. Чаадаев, Сочинения и письма, т. II, стр. 118 и сл.). Мысли Чаадаева о том, что схизма (разделение церквей) и ориентация на духовно разложившуюся византийскую церковь опре-

делили собой пороки русского православия и русского национального характера, очень близки к ряду высказываний идеологов европейского католицизма — Ж. де Местра и Бональда, к которым, по-видимому, и восходят. См.: Ch. Q u é n e t. Tchaadaev et les lettres philosophiques. Contribution à l'étude du mouvement des idées en Russie. Paris, 1931, pp. 156—157. О своем несогласии с концепцией Чаадаева Пушкин писал Вяземскому еще 3 августа 1831 г., указывая, что, потеряв с реформацией в единстве, христианство выиграло в народности: «Греческая церковь — дело другое: она остановилась и отделилась от общего стремления христианского духа» (*Акад.*, XIV, № 651). Возражал Чаадаеву и А. И. Тургенев (см. приписку его на письме Вяземского Пушкину от 14 и 15 июля 1831 г.: *Акад.*, XIV, № 629).

[5] Эти строки письма — близкий перевод начала статьи Пушкина 1834 г. «О ничтожестве литературы русской» (*Акад.*, XI, стр. 268). В своих возражениях Чаадаеву и в обосновании роли России для исторических судеб Европы Пушкин в 1836 г. опирается также на высказывания западных историков; ср. относящуюся к концу 1836 г. его заметку при чтении «Нестора» Шлецера: «XXXIV стр. Мнение Шлецера о русск.‹ой› истории — NB. статья Чедаева» (*Акад.*, XII, стр. 208). Речь идет о раннем труде Шлецера «Опыт о русских летописях» («Probe russischer Annalen», 1767), процитированном на указанной Пушкиным странице «Нестора»; здесь сказано, что история России имеет особое преимущество перед историей других стран и «чрезвычайно важна по непосредственному своему влиянию на всю прочую, как европейскую, так и азиатскую, древнюю историю» (см.: А. Л. Ш л е ц е р. Нестор..., ч. I. СПб., 1809, стр. XXXIV).

[6] Пушкин здесь отвечает, по-видимому, не только на «Философическое письмо», но и на устные беседы с Чаадаевым. Мысль о подчинении восточной церкви светской власти в 1-м письме Чаадаева не развернута; в письме же Пушкина возражения ей занимают значительное место. Ср., например, рассуждения Чаадаева о «духовной власти», отданной «на произвол земных владык», что являлось якобы характерным для церковной истории Византии (П. Я. Ч а а д а е в, Сочинения и письма, т. I, стр. 268 и сл.). Противоположный пример — подчинения Николая I требованию митрополита Филарета об удалении учителя наследника протоиерея Г. П. Павского — Пушкин приводит в черновом тексте письма (ср. стр. 197—198 и дневниковую запись Пушкина в феврале 1835 г.: *Акад.*, т. XII, стр. 336—337; *Дн. Модз.*, стр. 240 и сл.).

[7] Пушкин отвечает на слова Чаадаева, что история всех европейских народов начинается с периода «бурного волнения, страстного беспокойства, деятельности необдуманной и бесцельной», которая составляет героический период истории и основу национальной поэзии и предания. «Этого периода бурной деятельности, кипучей игры духовных сил народных, у нас не было совсем» (П. Я. Ч а а д а е в, Сочинения и письма, т. I, стр. 79; т. II, стр. 111). Ср. также более раннее замечание Пушкина о времени Игоря и Святослава как «героическом периоде нашей истории» (А. Н. В у л ь ф. Дневники. Изд. «Федерация», М., 1929, стр. 137).

[8] Речь идет о смерти царевича Димитрия в Угличе 15 мая 1591 г., о периоде смуты и короновании Михаила Романова 14 марта 1613 г. в Ипатьевском монастыре.

[9] Чаадаев принимал участие в войне 1812 г.; в 1814 г. он был в числе русских офицеров, вступивших в Париж. О его службе см.: «Русская мысль», 1896, № 4, стр. 143 и сл.

[10] См. черновик письма (202а). В черновой редакции Пушкин дает более детализированную и противоречащую официозной концепцию истории России; окончательный вариант сильно смягчен, возможно с учетом перлюстрации письма. Критика общества и оценка деятельности правительства в черновике также более развернуты. Пушкин отправляется не от умозрительной концепции, как Чаадаев, а от конкретных фактов общественной и литературной жизни, в которой он принимал непосред-

ственное участие, в частности от борьбы с «торговым направлением» в литературе и с выдвижением буржуазного начала («демократии») в общественной жизни (ср., например, его заметку 1836 г. «Джон Теннер»). Представления Пушкина о буржуазной демократии основывались в числе других источников и на книге Токвиля «О демократии в Америке» (A.-Ch. T o q u e v i l l e. De la Démocratie en Amérique... 4 éd. Paris, 1836; см.: *Библ. П.*, № 1440), на которую он ссылается в черновике. Более критичны и его высказывания о правительстве (по поводу заявления, что правительство — «единственный европеец в России», см. сводку литературы в статье: С. Л. А б р а м о в и ч. Крестьянский вопрос в «Путешествии из Москвы в Петербург». *П. Иссл. и мат.*, т. IV, стр. 222; см. также анализ современной жизни по «Дневнику» Пушкина и литературу вопроса в статье: Л. В. К р е с т о в а. Почему Пушкин называл себя «русским Данжо»? Там же, стр. 274—277).

[11] Это неверно и, по-видимому, тоже дань осторожности (см. черновой текст письма). О сенсации, произведенной письмом Чаадаева см.: М. Г е р ш е н з о н. П. Я. Чаадаев. СПб., 1908, стр. 140—144; *Лемке*, стр. 408 и сл. Пушкин сам принимал участие в дискуссиях по поводу письма Чаадаева (*Карамзины*, стр. 128).

[12] Имена Орлова и Раевского тщательно вычеркнуты и восстанавливаются предположительно.

203. С. Л. Пушкину. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 670. Почтовые штемпеля: «С. Петербург 20 октя. 1836» и «Получено <...> октября 23 <?>». Впервые: *ПиС*, вып. XXXVII, стр. 1. *Акад.*, XVI, № 1268.

[1] Пушкин с семьей, вернувшись с дачи на Каменном острове, поселился в доме княгини С. Г. Волконской по набережной реки Мойки, во 2-й Адмиралтейской части (ныне дом 12). Контракт на наем квартиры заключен 1 сентября 1836 г. (см.: *ПиС*, вып. XIII, стр. 94—95; *Рукою П.*, стр. 791—793). Квартира, стоимостью 4300 руб. асс. в год, была снята на 2 года; она занимала «от одних ворот до других, нижний этаж, из одиннадцати комнат состоящий, со службами: кухнею и при ней комнатою в подвальном этаже, взойдя на двор направо; конюшнею на шесть стойлов, сараем-сеновалом, местом в леднике и на чердаке и сухим для вин погребом» (*Рукою П.*, стр. 791). После революции в квартире был открыт мемориальный музей (см.: А. А. П л а т о н о в. Последняя квартира Пушкина. Изд. АН СССР, Л., 1927; М. Д. Б е л я е в. Квартира, где умер Пушкин. Л., 1930; Е. Ф р е й д е л ь. Музей-квартира А. С. Пушкина. Лениздат, Л., 1956).

[2] В доме С. А. Баташева Пушкин прожил с августа 1834 г. по май 1836 г.: сначала в бельэтаже, в квартире, где до него жил Вяземский, а затем в третьем этаже, в квартире поменьше и подешевле (см.: *Рукою П.*, стр. 788—791; см. письмо 60, прим. 1). Предполагая расторгнуть контракт на наем этой квартиры, Пушкин писал в конце августа петербургскому обер-полицеймейстеру С. А. Кокошкину, приложив копию контракта. Письмо это не сохранилось, но из ответного письма С. А. Кокошкина от 5 сентября 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1253) видно, что поэт просил Кокошкина сообщить ему, как он должен поступить, чтобы иметь право нарушить контракт с домовладельцем.

[3] О. С. Павлищева после перенесенной болезни уехала из Михайловского в Варшаву. См. письмо С. Л. Пушкина к Пушкину от 7 августа 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1240) и письма О. С. Павлищевой к отцу из Михайловского (*ПиС*, вып. XII, стр. 75—79).

204. П. А. Корсакову. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 671. Впервые: *ИВ*, июнь, 1895, стр. 924. *Акад.*, XVI, № 1272.

[1] Настоящее письмо является ответом на письмо Корсакова от 25 октября 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1271), в котором последний спрашивал: «существовала ли девица Миронова и действительно ли была у покойной

императрицы?». В цензурной практике этого времени строго ограничивалось проникновение в печать сведений об императорской фамилии, не заимствованных из официальных источников; исторические анекдоты допускались выборочно; так, например, 28 апреля 1836 г. комитет разрешил пропустить замечание Екатерины II в статье Пушкина «Российская Академия» — место, вызвавшее сомнение у цензора Крылова (*ЦГИА*, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 29, л. 25—25 об.). Замечая, что роман «ушел далеко от истины», Пушкин учитывал цензурную практику 1830-х годов, когда публикация исторических материалов о пугачевщине была крайне затруднена, в то время как роман на историческую тему, как «поэтический вымысел», мог не встретить цензурных препятствий.

[2] Пушкин ссылается на устное предание о М. А. Шванвиче, перешедшем на сторону Пугачева и якобы помилованном Екатериной по просьбе его отца и в результате заступничества А. Г. Орлова. Ср. набросок плана 1833 г.: «Мол‹одой› Шв‹анвич› взят — Отец едет просить. Орлов. Екатер‹ина›» (*Акад.*, VIII, кн. 2, стр. 929; см.: Г. Блок. Путь в Берду. (Пушкин и Шванвичи). «Звезда», 1940, № 11, стр. 143). Ср. также набросок недописанного предисловия, относящегося к 1836 г.: «Анекдот, служащий основанием повести, нами издаваемой, известен в Оренбургском краю» и т. д. (*Акад.*, VIII, кн. 2, стр. 928). Непосредственный источник этого предания неизвестен; по-видимому, как и другие записи о Шванвиче, он восходит к рассказам современников, в том числе знакомых отца и старшего брата М. А. Шванвича (см. подробно в кн.: А. С. Пушкин. Капитанская дочка. Изд. «Наука», М., 1964, стр. 156 и сл.).

[3] Отвечая Пушкину на его сентябрьское письмо (см. письмо 198), Корсаков соглашался сохранить анонимность повести, но требовал указания «представителя рукописи» для занесения в регистр Цензурного комитета (*Акад.*, XVI, № 1256). В 1836 г. в «Реестрах рукописей и книг» цензурных комитетов существовали графа «Заглавие книги или рукописи, имя соискателя, переводчика или издателя, если оно известно» и, наряду с этим, графа «От кого представлена». Требование Корсакова было обусловлено политикой ограничения (а в некоторые периоды даже запрещения) анонимов, проводимой с начала 1830-х годов (*Лемке*, стр. 58 и сл.). «Представитель рукописи» в известной мере брал на себя ответственность за ее содержание.

205. А. Н. Муравьеву. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 663. Впервые: *Ефр., 1905*, т. VIII, стр. 592. *Акад.*, XVI, № 1279.

Записка относится ко времени подготовки IV тома «Современника», которым Пушкин занялся вплотную после выхода III тома (около 9 октября). 11 ноября IV том был разрешен цензурой. К этому промежутку времени и может относиться комментируемая записка, но скорее всего ко второй или третьей декаде октября: статья Муравьева была особенно нужна Пушкину, когда он еще не отказался от идеи об отдельном издании «Капитанской дочки» (см. письмо 198) и при комплектовании IV тома испытывал недостаток в художественной прозе. С этим связано, по-видимому, письмо Пушкина к В. Ф. Одоевскому (письмо 206), а также и решение Пушкина напечатать в «Современнике» «Капитанскую дочку», чему способствовали настояния А. А. Краевского и Б. А. Враского (см. воспоминания И. П. Сахарова: *РА*, 1873, кн. I, стлб. 974). Первое свидетельство об этом решении содержится в письме П. А. Вяземского к А. И. Тургеневу от 2 ноября 1836 г. (*ОА*, т. III, стр. 347).

[1] Речь идет, по всей вероятности, о статье Муравьева «Вечер в Царском Селе», которая была напечатана без подписи в «Современнике» (1836, т. IV, стр. 219—231); принадлежность статьи перу Муравьева доказана Е. Рыскиным (см.: *Рыскин*, стр. 60—62). Другая статья Муравьева, появившаяся в «Современнике», — его предисловие к «Битве при Тивериаде» (см.: *Совр.*, 1836, т. II, стр. 140—154) — помечена 30 ноября 1833 г. и была, по-видимому, передана в журнал одновременно с отрывками

из трагедии. Едва ли поэтому слова Пушкина о статье, которую он «так долго ожидал», могут быть отнесены к этому, первому выступлению Муравьева в «Современнике».

[2] О какой своей «вине» перед А. Н. Муравьевым говорит здесь Пушкин, не ясно. Возможно, что речь идет о задержке гонорара за «Битву при Тивериаде». Е. Рыскин высказал предположение, что Пушкин мог благодарить Муравьева за содействие при прохождении через духовную цензуру его рецензий на книги «Об обязанностях человека» С. Пеллико и «Словарь о святых», напечатанных в III томе «Современника» (*Рыскин*, стр. 62). Такое предположение маловероятно, так как документальных сведений о передаче этих статей в духовную цензуру не имеется, да и Пушкин, если бы была такая помощь со стороны Муравьева, мог сказать об этом прямо, а не обиняком.

206. В. Ф. Одоевскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1588. Впервые: *РА*, 1864, стлб. 821 (изд. 2-е, стлб. 1012). *Акад.*, XVI, № 1337, с датой «конец ноября—декабрь 1836 г.».

Датируется по истории опубликования повести Одоевского «Сильфида». Написанная летом 1836 г. (авторская помета в конце текста) и представленная в Петербургский цензурный комитет 25 августа (*ЦГИА*, ф. 777, оп. 27, ед. хр. 200), «Сильфида» предназначалась для «Московского наблюдателя», куда и была направлена сразу же после ее утверждения в цензуре. В конце сентября 1836 г. Одоевский узнал, что его повесть отклонена редактором журнала В. П. Андросовым (*ГПБ*, ф. 391 (А. А. Краевского), лит. А, л. 45 об.). В ноябре (не позже 16-го) Одоевский отдал «Сильфиду» Вяземскому для альманаха «Старина и новизна» (см. программу альманаха: *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, № 948). До весны 1837 г. повесть находилась у Вяземского (см.: Из собрания автографов имп. Публичной библиотеки. СПб., 1898, стр. 77). Просьба Пушкина дать «Сильфиду» (или «Зизи») для «Современника» относится скорее всего к октябрю 1836 г., когда формировался IV том. Одоевский ждал в это время разрешения на издание журнала «Северный зритель». В первых числах ноября Одоевскому было отказано в издании (см.: *Карамзины*, стр. 119, 132). К этому времени Пушкин решился печатать в IV томе «Капитанскую дочку», что исключало публикацию «Сильфиды» в том же томе.

[1] О повести Одоевского «Княжна Зизи» см. письмо 150.

[2] Повесть Одоевского «Сильфида» была опубликована в I томе «Современника» за 1837 г.

[3] «Письмо тестя» — в повести «Сильфида». Это замечание Пушкина Одоевский принял к сведению, исправив указанное место текста (см.: *РА*, 1864, стлб. 821, прим. 5).

207. Е. Ф. Канкрину. — Печатается по тексту первой публикации: *РА*, 1890, кн. II, № 5, стр. 98—99. Подлинник, бывший в деле Особенной канцелярии по кредитной части (Министерство финансов, № 7, лл. 59—60), по свидетельству Б. Л. Модзалевского на наборной рукописи III тома «Переписки», хранящейся в ИРЛИ (ф. 244, оп. 7, № 48), уже в 1902 г. там не находился, и в настоящее время местонахождение его неизвестно. *Акад.*, XVI, № 1281.

[1] Просьба Пушкина вызвана тем двусмысленным положением, в котором он оказался в связи с распространением анонимного пасквиля, намекавшего на близость Николая I к Наталии Николаевне; Пушкин получил пасквиль 4 ноября, т. е. за два дня до его письма к Канкрину. Письмо является свидетельством стремления Пушкина в те дни освободиться от зависимости по отношению к казне, т. е. к Николаю I, и от царских «милостей». При этом Пушкин явно не желал, чтобы его просьба была доведена до сведения Николая I, надеясь, что ее удастся исполнить распоряжением министра финансов и в сфере компетенции его министерства.

[2] Двести душ, принадлежавших условно Пушкину в с. Кистеневе, были заложены еще в 1831 г. (*Акад.*, XIV, № 577). Но, как указывает П. Е. Щеголев, даже помимо этого Пушкин не имел никакой возможности платить долг имением, потому что он уже «отказался от ничтожных доходов с крепостных имений и предоставил их сестре и брату» (*Щеголев*, стр. 467).

[3] В ответ на предложение Пушкина Е. Ф. Канкрин 21 ноября 1836 г. писал ему: «. . . имею честь сообщить, что с моей стороны полагаю приобретения в казну помещичьих имений вообще неудобными и что во всяком подобном случае нужно испрашивать высочайшее повеление» (*Акад.*, XVI, № 1296; см. также письмо 213).

208. Н. Б. Голицыну. — Печатается по тексту первой публикации: *Сын от.*, 1840, т. I, № 4, стр. 916—917, с исправлением опечаток по второй публикации (*БЗ*, 1858, т. I, № 16, стр. 497). Подлинник неизвестен. Расхождения публикаций см.: *Акад.*, XVI, стр. 340. *Акад.*, XVI, № 1284.

[1] Ода «Клеветникам России» в переводе Н. Б. Голицына появилась в печати в 1839 г.: «Aux détracteurs de la Russie. (Клеветникам России). Traduit de Pouschkine par le traducteur de „Чернец"» (Moscou, De l'impr. d'A. Semen, 1839).

[2] Один из переводов, о которых идет речь, — перевод, присланный Пушкину Е. М. Хитрово (*Акад.*, XIV, № 685, письмо Пушкина к Хитрово от конца сентября—начала октября 1831 г.) и поправленный самим поэтом (см.: *Письма к Хитрово*, стр. 133). Второй — либо прозаический перевод, сохранившийся в бумагах Пушкина (*ИРЛИ*, ф. 244, оп. 3, № 37) и принадлежавший графине А. Г. Лаваль (см. упоминание о нем: П. Е. Щеголев. Два перевода «Клеветникам России». В кн.: П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. ГИХЛ, М.—Л., 1931, стр. 357; *Письма*, т. III, стр. 419; текст перевода не опубликован), либо перевод барона П. А. Вревского «Aux calomniateurs de la Russie», сделанный, вероятно, в конце 1834 г. (см.: *ПиС*, вып. XXI—XXII, стр. 386—388). Третий — перевод С. С. Уварова (см. ниже).

[3] Речь идет о вольном переводе С. С. Уварова «Aux détracteurs de la Russie. Imitation libre de Pouchkine», присланном Пушкину при письме Уварова от 8 октября 1831 г. (*Акад.*, XIV, № 688). Пушкин ответил Уварову вежливым письмом, но не без скрытой иронии, так как переложение Уварова носило резко шовинистический характер (*Акад.*, XIV, № 693). См.: П. Е. Щеголев. Два перевода «Клеветникам России», стр. 352—357.

[4] Стихотворение «Клеветникам России» было непосредственным откликом на дебаты во французской Палате депутатов, где раздавались призывы к вооруженной поддержке польского восстания. См.: М. Беляев. Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово. В кн.: *Письма к Хитрово*, стр. 275 и сл.; В. А. Францев. Пушкин и польское восстание 1830 и 1831 гг. В кн.: Пушкинский сборник. Прага, 1929, стр. 65—208.

[5] В 1836—1837 гг. Голицын жил в Крыму в усадьбе Артек, принадлежавшей его сестре, Т. Б. Потемкиной (*БЗ*, 1858, т. I, № 16, стр. 497).

[6] Воспоминания о Крыме отразились в «Путешествии Онегина» (*Акад.*, VI, стр. 199—200), а также в строфе XXXII первой главы и в строфе IV восьмой главы романа; в черновиках XLVI строфы первой главы есть рисунок Золотых ворот Карадага. См.: Б. Томашевский. Пушкин. Книга первая (1813—1824). Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 480—484. О крымских впечатлениях Пушкина см. также: А. Л. Бертье-Делагард. Память о Пушкине в Гурзуфе. *ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 77—155; Б. Л. Недзельский. Пушкин в Крыму. Симферополь, 1929.

[7] По-видимому, речь идет о семье Раевских.

[8] Этот перевод был напечатан в 1838 г.: La fontaine de Bagtsché-sarai Poème russe d'Al. Pouchkine. Traduit en vers libres par le prince Nicolas

Boris Golitzin, traducteur du Pénitent noir (Чернец). Moscou, De l'impr. d'A. Semen, 1838.

[9] Голицын подолгу жил в Петербурге и в своем имении в Новооскольском уезде.

209. В. А. Соллогубу. — Печатается по фотоснимку с подлинника: *Рук. ПД, 1964*, Приложение, № 46. Подлинник, бывший в Военно-судном деле о дуэли Пушкина с Дантесом (*ИРЛИ*, ф. 244, оп. 18, № 70, лл. 53 и 60; см.: *Бюлл РО*, вып. VIII, стр. 16, № 81) и замененный в нем официальной копией, теперь находится, вероятно, в семейном архиве баронов Дантесов-Геккернов. Впервые (по копии в деле): *Дело о дуэли*, стр. 50—51. *Акад*., XVI, № 1290.

Первоначальный проект письма (подлинник, написанный неизвестной рукой): *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 18, № 194. Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 409—410. *Акад*., XVI, Приложение II, стр. 232—233.

Письмо Пушкина является ответом на письмо его секунданта В. А. Соллогуба от 17 ноября. Письмо Соллогуба было написано по согласованию с д'Аршиаком, секундантом Дантеса. Последнего Пушкин вызвал на дуэль после получения им 4 ноября анонимного пасквиля (*Акад*., XVI, № 1289). Деятельное участие В. А. Жуковского, Е. И. Загряжской, а также барона Геккерна, добившихся двухнедельной отсрочки дуэли, и сватовство Дантеса к Е. Н. Гончаровой привели к тому, что Пушкин согласился на примирение. Сыгравшее решающую роль в отказе Пушкина от дуэли сватовство Дантеса, проект которого существовал еще до вызова, до сих пор не совсем объяснено и мотивы его не вполне ясны. Предположение о том, что женитьба Дантеса состоялась вследствие «высочайшего указания» (см.: М. Яшин. Хроника преддуэльных дней. «Звезда», 1963, № 8, стр. 168—173; № 9, стр. 169—173), находит подтверждение в «Записках дочери Николая I — великой княжны Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской», изданных на немецком языке за рубежом (Traum der Jugend, Goldner Stern. Günther Neske, Pflingen, Würtemberg, 1955; в русском переводе записки изданы в 1963 г. в Париже). Историю вызова и переговоров, связанных с ним, см.: *Соллогуб*, стр. 520—528; ср.: Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Л., 1929, стр. 376—381. Ход событий, документы, в том числе данное письмо Пушкина, подробно анализируются в кн.: *Щеголев*, главы 6—10.

210. М. Л. Яковлеву. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 672. Впервые: *БЗ*, 1861, т. III, № 10, стлб. 288—289. *Акад*., XVI, № 1291.

Датируется на основании пометы на подлиннике рукой М. Л. Яковлева: «19 (переделано из 29, — *Ред.*) ноября 1836».

[1] Что имеется в виду под «запиской о святых», не ясно. В. П. Гаевский писал со слов Яковлева, что настоящее письмо «относится к изданному тогда (в 1836 г., — *Ред.*) М. Л. Яковлевым и князем Д. А. Эристовым, при содействии Пушкина, „Словарю историческому о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых"» (*БЗ*, 1861, т. III, № 10, стлб. 288). Остается, однако, неясным, подразумевает ли Пушкин под «запиской» самый «Словарь» или какие-то рукописные материалы, с ним связанные. Высказывалось предположение, что Яковлев обещал Пушкину составить записку о «Словаре о святых», на которую Пушкин мог бы опереться, рецензируя «Словарь» в «Современнике» (1836, т. III, стр. 310—314) (см.: *Academia*, т. VI, стр. 591; *Акад. в 10 т.*, т. X, стр. 752; *Гослит. в 10 т.*, т. X, стр. 413—414). Однако III том «Современника» поступил в продажу 9 октября (см.: *П. в печ.*, стр. 132), т. е. полутора месяцами ранее, чем, согласно помете Яковлева, была написана комментируемая записка. Кроме того, в своей рецензии на «Словарь о святых» Пушкин исходит из печатного предисловия издателей, приводя из него обширную цитату, а остальные части

рецензии написаны им, по-видимому, без участия Яковлева (см.: *Акад.*, XII, стр. 101—103).

211. Л. Геккерну. — Подлинник: *ИРЛИ*, №№ 1585, 1586. Впервые: *РС*, 1880, июль, стр. 516—517, 519. *Акад.*, XVI, №№ 1294, 1294а.

Текст письма реконструируется по двум, сохранившимся не полностью, автографам: 1) беловому первой редакции (№ 1585а) с внесенными в него поправками, превратившими его в черновой; подлинник разорван на 16 кусков, из которых сохранилось 11, а 5 утрачено; 2) переписанному с текста № 1586а беловому второй редакции (№ 1586б), также превращенному поправками в черновой; подлинник разорван на 32 куска, из которых сохранилось 16 и 16 утрачено. Недостающие части текста восполняются, насколько возможно, по материалам письма к Геккерну от 26 января 1837 г. (письмо 246) и обрывков черновых к нему (*ИРЛИ*, №№ 684—688). Беловой (окончательный) текст письма неизвестен: он, вероятно, не был составлен, и письмо, несомненно, не было послано по назначению. Реконструированный текст впервые опубликован в академическом издании (*Акад.*, XVI, стр. 189—191) и принят во всех последующих изданиях, с некоторыми исправлениями, внесенными Б. В. Томашевским в десятитомном («малом») академическом издании (т. X, 1949, стр. 602—604). История текста письма и связанных с ним обстоятельств см. в работах: Б. В. Казанский. Письмо Пушкина Геккерену. *Звенья*, т. VI, стр. 5—92; Н. В. Измайлов. История текста писем Пушкина к Геккерену. *Лет. ГЛМ*, кн. I, стр. 338—357.

Датировка письма определяется промежутком времени от 17 ноября 1836 г., когда на балу у С. В. Салтыкова была оглашена официально помолвка Дантеса и Е. Н. Гончаровой (см.: *Соллогуб*, стр. 369; *Щеголев*, стр. 105—106; Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 380—381), до 21 ноября, когда это письмо было прочитано Пушкиным В. А. Соллогубу, а последний, рассказав о нем Жуковскому, остановил его отсылку (см. ниже). В тот же день, 21 ноября, было написано Пушкиным и письмо к Бенкендорфу (см. письмо 212). Предложенная Б. В. Казанским датировка «между 13 и 17 ноября 1836 года» (*Звенья*, т. VI, стр. 24) недостаточно обоснована и не была принята ни одним из позднейших изданий писем Пушкина.

[1] По сообщению В. А. Соллогуба, бывшего секундантом Пушкина в замышлявшейся, но не состоявшейся дуэли его с Дантесом (между 4 и 17 ноября 1836 г.), Пушкин, при посещении его Соллогубом «через несколько дней» после отказа от дуэли (см. письмо 209), сказал последнему: «„...я не хочу ничего делать без вашего ведома. Пойдемте в мой кабинет“. — Он запер дверь и сказал: „Я прочитаю вам мое письмо к старику Гекерну. С сыном уже покончено... Вы мне теперь старичка подавайте“. Тут он прочитал мне всем известное письмо к голландскому посланнику» («всем известным» Соллогуб называет это письмо потому, что считает его тождественным позднейшему письму, от 26 января 1837 г. (см. письмо 246), что является ошибочным). Далее он пишет: «...это было в субботу (приемный день кн. Одоевского)». Суббота в ноябре 1836 г. приходилась на 21-е, что подтверждает и точность воспоминаний Соллогуба и датировку письма (см.: *Соллогуб*, стр. 370; иную, более раннюю, но близкую к этой устную редакцию того же эпизода, в записи П. В. Анненкова, см. в кн.: Б. Л. Модзалевский. Пушкин, стр. 381). Письмо, следовательно, является возмездием Геккерну — взамен несостоявшегося поединка Пушкина с его приемным сыном. Главной целью Пушкина было представить и разоблачить гнусную роль Геккерна в истории взаимоотношений между Дантесом и Н. Н. Пушкиной: голландский посол выступает сводником своего побочного сына (о том, что Дантес — его побочный сын, ходили слухи, ни на чем, впрочем, не основанные) или «так называемого сына» (намек на противоестественные отношения между Геккерном и Дантесом); он же, по убеждению Пушкина, является авто-

ром анонимного письма — «диплома», полученного Пушкиным 4 ноября и разосланного многим лицам (см. письмо 212 и примечания к нему).

[2] Считая себя одержавшим победу и над Дантесом, которого он, по его мнению, уничтожил в глазах Н. Н. Пушкиной и покрыл позором, заставив прибегнуть к женитьбе, и над Геккерном, поведение которого он разоблачил, Пушкин в заключение оставляет за собою право поступить с сохраненной им копией письма по своему усмотрению, т. е. предать гласности все происшедшее и довести о поведении Геккерна и Дантеса до сведения правительства и общества. Это право он и осуществил в письме к Бенкендорфу, написанном в тот же день, 21 ноября, — вероятно, после разговора с Соллогубом и даже после разговора с Жуковским (который мог прийти к нему, услышав от Соллогуба о письме, прямо от Одоевского: последний жил в Мошковом переулке, в нескольких шагах от квартиры Пушкиных на Мойке). После отказа Пушкина от посылки письма к Геккерну еще увеличивалось значение письма к Бенкендорфу. Последнее же содержало тот же материал, что и письмо к Геккерну, выдвигало против него и Дантеса те же обвинения, но было написано более сжато, в очень сдержанном и деловом тоне, рассчитанном на то, что его прочтет Николай I, как оно на самом деле и произошло (см. примечания к письму 212).

[3] Намек на анонимный «диплом», в котором Пушкин назначался «историографом ордена рогоносцев».

212. А. Х. Бенкендорфу. — Печатается по тексту первой публикации французского оригинала. Местонахождение подлинника неизвестно. Впервые: в русском переводе — «Полярная звезда на 1861 г., издаваемая Искандером и Н. Огаревым», кн. VI, Лондон, 1861, стр. 132—133; во французском оригинале, по подлиннику, — *Аммосов*, стр. 43 (с русским переводом, отличающимся от перевода в «Полярной звезде»). *Акад*., XVI, № 1295.

Черновик письма: *ИРЛИ*, № 673. Разорван на мелкие клочки, из которых сохранились четыре, остальные утрачены. Впервые: *Переписка*, т. III, 1911, стр. 417—419; точнее: *Звенья*, т. VI, стр. 59—62 (с репродукцией между стр. 88 и 89). *Акад*., XVI, № 1295а.

Адресатом письма считались предположительно гр. А. Х. Бенкендорф или гр. К. В. Нессельроде. В «Полярной звезде» письмо определяется как «адресованное, кажется, на имя графа Бенкендорфа»; в книжке Аммосова на стр. 43 дана та же формула, но на стр. 9 о письме сказано без колебаний, что «Пушкин <...> писал об этом (т. е. о пасквильных дипломах, — *Ред.*) графу Бенкендорфу». С тем же адресатом печатал его П. А. Ефремов (*Ефр., 1882*, т. VII, стр. 399—400). П. Е. Щеголев счел более вероятным, что письмо обращено к Нессельроде (*Щеголев*, стр. 456). В 1928 г. Щеголев обнаружил в камер-фурьерском журнале запись о свидании Пушкина с царем в присутствии Бенкендорфа 23 ноября 1836 г. (опубликовано в статье: П. Е. Щеголев. Царь, жандарм и поэт. Новое о дуэли А. С. Пушкина. «Огонек», 1928, № 24, стр. 4—5; ср. в кн.: П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. Изд. 3-е. Гослитиздат, М.—Л., 1931, стр. 140—149). Это дает основание утверждать, что настоящее письмо было доложено Николаю I, следствием чего явилось свидание поэта с царем, и что адресатом письма и передатчиком его царю был присутствовавший на свидании Бенкендорф. Однако Щеголев в названной статье еще колебался между Бенкендорфом и Нессельроде. Окончательное суждение было высказано Б. В. Казанским (см. его статью «Письмо Пушкина Геккерену»: *Звенья*, т. VI, стр. 9).

[1] Один экземпляр анонимного письма Пушкин получил сам по городской почте (см. в письме Вяземского к вел. кн. Михаилу Павловичу: *Щеголев*, стр. 259). Второй экземпляр был получен теткой В. А. Соллогуба А. И. Васильчиковой и в тот же день передан Соллогубом Пушкину. Третий экземпляр получила и переслала Пушкину Е. М. Хитрово (см.: *Соллогуб*, стр. 357—358).

[2] Известны два экземпляра диплома (см.: *Бюлл. РО*, вып. VIII, № 1). Они написаны на довольно толстой бумаге хорошего качества, без водяных знаков. Мнение Пушкина вызвано, по-видимому, отзывом М. Л. Яковлева, директора Государственной типографии, который сказал Пушкину, что бумага пасквиля идет из какого-нибудь посольства (см.: *Гастфрейнд. Товарищи П.*, т. II, стр. 261—262). О том, что бумага, «должно быть», иностранная, писал и Вяземский: он же склонялся к мнению, что ошибки в правописании надписи на конверте выдают иностранца (см.: Н. Ф. Бельчиков. П. А. Вяземский об авторе анонимного пасквиля на Пушкина. В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 117—131). Однако графический анализ надписи, проделанный Б. В. Томашевским, это мнение опровергает (Б. В. Томашевский. Мог ли иностранец написать анонимный пасквиль на Пушкина. Опыт графического анализа. В кн.: Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Изд. «Атеней», Пб., 1924, стр. 131—133). Аммосов, со слов Данзаса, сообщил, что письма «были писаны на бумаге одинакового формата с бумагою князя Гагарина» (*Аммосов*, стр. 9—10). Это послужило одним из поводов к подозрению Гагарина в составлении пасквиля (см. также письмо С. А. Соболевского к С. М. Воронцову от 7 февраля 1862 г. в кн.: Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина, стр. 25). Однако качество бумаги само по себе не могло быть достаточной уликой. Отвечая на подозрения, Гагарин писал, что он употреблял бумагу из английского магазина и что, «вероятно, половина Петербурга покупала тут бумагу» (Опровержение иезуита Ивана Гагарина по поводу смерти Пушкина. «Биржевые ведомости», 1865, 16 июля). Бумага Геккерна и Дантеса, которая дошла до нас из архива III отделения, «имеет водяные знаки тогдашней русской фабрики с гербом императора Николая и более тонкая, чем бумага анонимного пасквиля» (*Поляков*, стр. 15). Замечание Пушкина о содержании письма, уличающее иностранца, можно сопоставить с рассказом Соллогуба о д'Аршиаке, который в начале декабря 1836 г. показывал ему «несколько печатных бланков с разными шутовскими дипломами на разные нелепые звания». Рассылкой подобных дипломов занималось венское общество. Среди них был и печатный образец диплома, полученного Пушкиным. «Таким образом, — заключает Соллогуб, — гнусный шутник, причинивший ею смерть, не выдумал даже своей шутки, а получил образец от какого-то члена дипломатического корпуса и списал» (*Соллогуб*, стр. 371). О существовании подобных дипломов мог знать и Пушкин (может быть, от Е. М. Хитрово или от когонибудь из членов дипломатического корпуса). Это могло укрепить его в мнении, что автором диплома был Геккерн.

[3] Заподозрив сразу Геккерна (подтверждение этого см. в письме Вяземского к вел. кн. Михаилу Павловичу: *Щеголев*, стр. 259), Пушкин стал проверять свои данные и пришел к убеждению, что автором письма является именно он. 12 или 13 ноября он заявил В. Ф. Вяземской, что знает составителя диплома (см. письмо Жуковского к Пушкину от 14—15 ноября 1836 г.: *Акад.*, XVI, № 1287; М. Яшин датирует его 16 ноября, см. его статью: Хроника преддуэльных дней. «Звезда», 1963, № 8, стр. 180). Чем была вызвана эта уверенность, мы не знаем. Можно предположить, что она связана с обстоятельствами сватовства Дантеса, которые недавно стали известны. В 1955 г. было опубликовано свидетельство великой княжны Ольги Николаевны о том, что Дантесу «было приказано» жениться на сестре Н. Н. Пушкиной (см. письмо 209). Эта публикация позволяет думать, что «приказание» императора и составляло предмет «откровений» Геккерна Жуковскому 9 ноября (см. запись в дневнике Жуковского: *Щеголев,* стр. 308), т. е. было «материальным доказательством» того, что «дело, о коем теперь идут толки (т. е. женитьба Дантеса, — *Ред.*), затеяно было еще гораздо прежде» вызова (письмо Жуковского к Пушкину от 11—12 ноября 1836 г.: *Акад.*, XVI, № 1286). Щеголев писал, что «Пушкин мог считать Геккерена участником фабрикации пасквиля только при принятии

его как намека на Николая» (*Щеголев,* стр. 466), так как задачей пасквиля было не только оскорбить Пушкина, но и отвлечь его внимание от Дантеса в сторону царя. Факт вынужденного сватовства дополнительно объяснял, почему анонимное письмо метило в царя. Досада Геккернов на Николая за вмешательство в судьбу Дантеса, злоба на Наталью Николаевну, не поддающуюся сводничеству, и ненависть к Пушкину заставили их объединить эти имена в пасквиле. Николай I, по-видимому, поверил в участие Геккерна в составлении пасквиля. Иначе трудно было бы объяснить его непримиримое отношение к голландскому посланнику после дуэли, когда Геккерн был удален из Петербурга; в письме к брату Михаилу Николай назвал его «гнусной канальей» (см.: *Щеголев,* стр. 468—469). Мнение Пушкина об участии Геккерна в составлении пасквиля разделялось некоторыми современниками (см.: Н. М. Смирнов. Из памятных записок. *РА*, 1882, кн. I, стр. 234—235; см. также письмо П. А. Вяземского к вел. кн. Михаилу Павловичу от 14 февраля 1837 г.: *Щеголев,* стр. 259). Мнение исследователей отводит Геккерну роль вдохновителя идеи (см.: *Щеголев,* стр. 453; Н. Ф. Бельчиков. П. А. Вяземский об авторе анонимного пасквиля на Пушкина, стр. 130; Б. В. Казанский. Гибель Пушкина. «Звезда», 1928, № 1, стр. 102—117), а в качестве исполнителей называются князья П. В. Долгоруков и И. С. Гагарин. О возможном участии ряда других лиц в составлении и распространении пасквиля см.: *Щеголев,* стр. 435—514.

[4] Кроме указанных выше А. И. Васильчиковой и Е. М. Хитрово, аналогичные письма получили: В. Ф. Вяземская (*РА*, 1882, кн. I, стр. 234), М. Ю. Виельгорский (см. письмо Жуковского к Пушкину от 10 ноября 1836 г.: *Акад.*, XVI, № 1285), А. О. Россет и Карамзины (см.: Н. М. Смирнов. Из памятных записок. *РА*, 1882, кн. I, стр. 234).

[5] Эта фраза подтверждает, что намек пасквиля на связь Н. Н. Пушкиной с Николаем I был понят поэтом. Об этом свидетельствует и его письмо к Е. Ф. Канкрину от 6 ноября (письмо 207) с заявлением о желании немедленно уплатить долг казне. Пушкин не хотел оставаться в денежной зависимости от царя, которого сплетня объявила любовником его жены.

[6] Пушкин послал вызов Дантесу 4 ноября, в день получения пасквиля (см.: М. Яшин. Хроника преддуэльных дней. «Звезда», 1963, № 8, стр. 161). В тот же день вечером его посетил Геккерн (Дантес был на дежурстве) и попросил отсрочки на 24 часа, т. е. до возвращения Дантеса с дежурства. 5 и 6 ноября Геккерн снова был у Пушкина и в один из этих визитов получил согласие Пушкина на двухнедельную отсрочку (см. там же, стр. 164).

[7] Эта фраза написана для того, чтобы уязвить Дантеса и чтобы подчеркнуть, что Пушкин ничего не знает о вмешательстве царя и о своеобразной попытке Николая I оградить Наталью Николаевну от притязаний Дантеса. В действительности Дантес послал предложение Екатерине Гончаровой 4 ноября, т. е. в самый день получения Пушкиным пасквиля (см.: А. Россет. Из рассказов про Пушкина. *РА,* 1882, кн. I, стр. 247). О том, что сватовство Дантеса было вынужденным, Пушкин узнал от Жуковского 9 ноября (см. выше, прим. 3).

[8] Пушкин имеет в виду свое письмо к В. А. Соллогубу с отказом от дуэли (письмо 209). Это письмо было показано Соллогубом секунданту Дантеса д'Аршиаку (см.: *Щеголев*, стр. 103—105; *Соллогуб*, стр. 367—369).

[9] Этими словами Пушкин прямо выражал желание, чтобы его письмо было доведено до сведения Николая I, что и было исполнено Бенкендорфом. Результатом этого явилась аудиенция, тотчас (23 ноября) и вне всяких правил данная царем Пушкину и шефу жандармов (см. выше, вводную часть примечаний к настоящему письму).

213. Е. Ф. Канкрину. — Черновой подлинник: *ИРЛИ*, № 674. Впервые: *Шляпкин*, стр. 99, с отнесением к А. Х. Бенкендорфу и с датой

«1834—35 г.». Адресат и дата письма установлены Б. П. Городецким (см.: *П. Врем.*, т. I, стр. 234—235). Беловой текст неизвестен; возможно, письмо не было отправлено по назначению. *Акад.*, XVI, № 1297.

Предположительная датировка устанавливается на основании письма Е. Ф. Канкрина к Пушкину от 21 ноября 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1296).

Настоящее письмо вызвано отрицательным ответом Е. Ф. Канкрина (*Акад.*, XVI, № 1296) на предложение Пушкина относительно возврата его долга казне, изложенное в его письме к Канкрину от 6 ноября 1836 г. (см. письмо 207). После смерти Пушкина его долг казне был списан по повелению царя «с избавлением взыскания оных с имения покойного или пенсиона его наследников» (*Гастфрейнд. Документы*, стр. 58).

214. В. Ф. Одоевскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1557. Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 270. *Акад.*, XVI, № 1147.

Датируется в соответствии со сроками подготовки и издания книги И. П. Сахарова «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков», а также по связи с запиской Одоевского к Пушкину с предложением «напечатать у себя *предисловие* к книге Сахарова вместо объявления об оной» (*Акад.*, XVI, № 1146; эта записка, как и настоящее письмо Пушкина, датирована в академическом издании: «февраль—начало марта 1836 г.»). Первая часть книги была набрана в ноябре 1836 г. (см. переписку Сахарова с Одоевским: *ГПБ*, ф. 539, оп. 2, № 975, л. 1; № 53, л. 1; ф. 678 (Сахарова), № 42, л. 30—30 об.); вторая ее часть подписана в цензуре 29 декабря 1836 г. Переписка между Пушкиным и Одоевским по поводу «Сказаний» должна относиться к этому времени — к концу ноября—началу декабря 1836 г.

[1] Объявление о книге И. П. Сахарова (как и «предисловие» к ней) в «Современнике» не появилось.

[2] Речь идет о I томе журнала за 1837 г. «Загадки», о которых пишет Пушкин, в нем, однако, не были помещены и впервые появились во второй части «Сказаний русского народа» (СПб., 1837) под заглавием «Русские народные загадки» (стр. 151—182, №№ 1—150).

[3] Впервые было опубликовано в «Сказаниях русского народа» под заглавием «Славяно-русская мифология» (стр. 1—62).

215. В. Ф. Одоевскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 680. Впервые: *ПиС*, вып. XVI, стр. 12. *Акад.*, XVI, № 1343.

Записка датируется временем в конце 1836 г., когда готовился I (V) том «Современника» на 1837 г. (он вышел после смерти Пушкина, но часть материалов была подписана цензурой одновременно с IV томом — 11 ноября 1836 г.).

[1] «Декабрь» — возможно, декабрьский номер одного из журналов, понадобившийся Одоевскому.

[2] О какой статье идет речь, не ясно. В ноябре—декабре 1836 г. Одоевский присылал Пушкину для I тома «Современника» на 1837 г. статьи И. П. Сахарова, Ф. Ф. Вигеля и М. С. Волкова (см. комментарий к письму 221). Возможно, что это — «предисловие» Одоевского к первой части книги Сахарова (см. письмо 214, прим. 1).

[3] Повести Одоевского «Сильфида» или «Княжна Зизи» (см. письма 150 и 206).

216. В. Ф. Одоевскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1590. Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 458. *Акад.*, XVI, № 1304.

Год написания записки устанавливается предположительно. Наиболее вероятен 1836 г., к концу которого сношения Пушкина с Одоевским по делам «Современника» (в связи с подготовкой первой книги (V тома) на 1837 г.) стали особенно тесными. К участию Одоевского в составлении этого тома и может относиться благодарность Пушкина.

217. А. Г. Баранту. — Печатается по репродукции при статье Г. Л. Лозинского в изд.: Временник Общества друзей русской книги, вып. II. Париж, 1928, стр. 89—90. Впервые (по подлиннику): сб. «Недра», кн. III, М., 1924, стр. 171—173. Подлинник в 1928 г. был у коллекционера В. П. Катенева (Париж). *Акад.*, XVI, № 1311.

Письмо является ответом на официальное письмо Баранта за № 1538 от 11 декабря 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1305), в котором Барант, по поручению французской комиссии для выработки законодательства об авторском праве и литературной собственности, обратился к Пушкину с просьбой сообщить ему соответствующие положения русского авторского права и высказать свои соображения о возможных путях его улучшения. С письмом, аналогичным по содержанию (за № 1537, также от 11 декабря 1836 г.), но преследующим только цели получения официальной информации о существующих в России узаконениях, Барант обратился к вице-канцлеру гр. К. В. Нессельроде (см. копию письма, а также препроводительную Нессельроде С. С. Уварову и ответ Уварова от 20 января 1837 г.: *ЦГИА*, ф. 772, оп. 1, ед. хр. 240).

[1] Эта часть письма непосредственно связана с давними размышлениями Пушкина о современном положении литературы и представляет собой сокращенное изложение преамбулы чернового письма к Бенкендорфу, составленного между 19 июля и 10 августа 1830 г. (*Акад.*, XIV, стр. 252—253). Пушкин рассматривал профессионализацию литературного труда как историческую закономерность, возражая реальным и потенциальным оппонентам (ср. письмо 89 — письмо к И. И. Дмитриеву от 14 февраля 1835 г.). См. в кн.: Сергей Гессен. Книгоиздатель Александр Пушкин. (Литературные доходы Пушкина). Изд. «Academia», Л., 1930, стр. 123 и сл.; Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, pass.; André Meynieux. Pouchkine homme de lettres et la littérature professionnele en Russie. Paris, 1966.

[2] Неточная цитата из 16-й главы мемуаров г-жи де Сталь «Dix années d'exil»; в подлиннике: «Quelques gentilshommes russes ont essayé de briller en littérature, et ont fait preuve de talent dans cette carrière» (Несколько русских дворян попробовали блистать в литературе и проявили дарования в этой деятельности) (см.: Oeuvres complètes de M-me la Baronne de Staël, t. XV. Paris, 1821, p. 308). Известен давний интерес Пушкина к этой книге: первая ссылка на нее сделана им в «Заметках по русской истории XVIII века» в 1822 г. (*Акад.*, XI, стр. 17), т. е. через год после появления книги. В 1825 г. Пушкин резко выступил в защиту книги де Сталь от критики А. А. Муханова (*Акад.*, XI, стр. 27; см. также письмо к П. А. Вяземскому от 15 сентября 1825 г.: *Акад.*, XIII, стр. 227). На цитированное место он ссылался также и в «Путешествии из Москвы в Петербург» (*Акад.*, XI, стр. 228, 255; см.: В. Ф. Ржига. Пушкин и мемуары m-me de Staël о России. *Изв. ОРЯС*, 1914, т. XIX, кн. 2, стр. 52; Б. Томашевский. «Кинжал» и m-me de Staël. *ПиС*, вып. XXXVI, стр. 87). Книга г-жи де Сталь сохранилась в библиотеке Пушкина в составе посмертного издания ее сочинений (том XV; см.: *Библ. П.*, № 1406; цитированное место не разрезано).

[3] Речь идет о контрафакции Е. Ольдекопа, перепечатавшего в 1824 г. без согласия Пушкина «Кавказского пленника» вместе с немецким переводом. Жалоба С. Л. Пушкина на нарушение авторских прав сына (находившегося в ссылке) не повела к судебному преследованию Ольдекопа, так как случаи контрафакции в законодательстве не были предусмотрены; однако цензурный комитет счел необходимым запретить произвольную перепечатку произведений Пушкина (заседание от 7 июля 1824 г.). 20 июля 1827 г. Пушкин обратился к Бенкендорфу, имея целью добиться официального запрещения контрафакций; в результате последовавшей переписки в цензурный устав 1828 г. было внесено соответствующее правило. См.: Пушкин. Статьи и материалы. Под ред. М. П. Алексеева.

Вып. 1. Одесса, 1925, стр. 6—11; «Недра», кн. III, М., 1924, стр. 175—177; *Лемке*, стр. 486.

[4] Пушкин приводит в пересказе §§ 135 и 136 цензурного устава 1828 г. и §§ 2 и 5 приложения к уставу — «Положения о правах сочинителей». Можно думать, что статьи устава Пушкин изучал по «Полному собранию законов Российской империи», подаренному ему Николаем I в 1832 г., где в третьем томе второй серии собрания были перепечатаны устав (№ 1979) и «Положение о правах сочинителей» (№ 1980).

[5] Результатом изучения Пушкиным цензурного устава явился набросок, условно озаглавленный «План статьи о правах писателя» и датируемый 1835 г. Новейший анализ его см.: Е. С. Шальман. «План статьи о правах писателя» Пушкина. *Изв. ОЛЯ*, 1964, т. XXIII, вып. 6, стр. 531—538. В ряде мест набросок Пушкина перекликается с ответом Баранту (ср. записи: «О правах <...> — писателя, анонима, наследника» — *Акад.*, XII, стр. 209—210).

[6] О требованиях цензуры называть имя автора каждого сочинения или по крайней мере лица, представляющего сочинение в цензуру, см. письмо 204, прим. 3.

218. П. А. Вяземскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1490. Впервые в ст.: П. П. Вяземский. А. С. Пушкин (1816—1837) по документам Остафьевского архива и по личным воспоминаниям. «Берег», 1880, № 114, 17 июля, стр. 1; отд. оттиск: СПб., 1880, стр. 53. *Акад.*, XVI, № 1339.

Датируется по содержанию. Начало работы Вяземского над «письмом» — статьей о диссертационном сочинении Н. Г. Устрялова (см. ниже) — относится, по-видимому, ко второй половине ноября (см.: *Акад.*, XVI, № 1300); 9 ноября он еще книгу Устрялова не читал (см. письмо к А. И. Тургеневу: *ОА*, т. III, стр. 356). В конце ноября состоялась защита диссертации Устрялова, вызвавшая острую дискуссию (см.: *Никитенко*, т. I, стр. 189; запись от 8 декабря). К середине декабря книга была в центре внимания петербургских научных кругов (см. записи в дневнике А. И. Тургенева под 9 и 18 декабря 1836 г. о его беседах с Кругом в связи с критикой Карамзина у Устрялова: *Щеголев*, стр. 277, 279). 18 декабря Тургенев, близко общавшийся в это время с Пушкиным и Вяземским, сообщал из Петербурга И. С. Аржевитинову, что «Вяземский напечатает в 4 № „Соврем<енника>“ пылкое опровержение против речей Устрялова и кольнет протектора его — Уварова» (*ИРЛИ*, разр. III, оп. 1, № 2026, л. 14 об., копия). Можно думать, что к этому времени статья была готова, так как IV том уже печатался (цензурное разрешение было получено еще 11 ноября, но билет на выпуск подписан лишь 22 декабря, см.: Н. И. Фокин. К истории создания «Капитанской дочки». «Ученые записки Уральского пед. института», т. IV, вып. 3, 1957, стр. 124). Возможно, что письмо Пушкина написано уже после сообщения Тургенева, но до выхода IV тома «Современника», т. е. между 18 и 22 декабря.

[1] Статья Вяземского по поводу диссертации Н. Г. Устрялова «О системе прагматической русской истории» (СПб., 1836) была написана в форме письма к Уварову. В книге Устрялова содержалась критика ряда положений исторической концепции Карамзина, сопровождаемая полемическими выпадами. 27 октября Устрялов послал свою книгу Пушкину с запиской, где просил «прейти об ней молчанием в „Современнике“» (*Акад.*, XVI, № 1273); книга эта сохранилась в библиотеке Пушкина вместе с другим экземпляром, адресованным М. Ю. Виельгорскому, на котором Вяземский сделал карандашные отметки (см.: *Библ. П.*, стр. 107—108, № 399). Опасения Устрялова диктовались боязнью возможных ассоциаций с «Философическим письмом» Чаадаева, которое рассматривалось как политическое выступление. «Письмо» Вяземского с критикой Устрялова было прочитано Пушкиным, и он предлагал смягчить некоторые

острые политические формулировки, в целом разделяя концепцию Вяземского (см.: *Акад.*, XII, стр. 285—286; *ЛН*, т. 16—18, стр. 606).

[2] Рукопись «письма» не сохранилась; в существующем варианте, переданном для печати самим Вяземским в 1875 г., оно начинается обращением к Уварову: «Милостивый государь Сергей Семенович» (*Вяземский*, т. II, стр. 214).

[3] О намерении Вяземского напечатать «письмо» в «Современнике» см. выше. «Письмо» Вяземского было совершенно неприемлемо в цензурном отношении, так как затрагивало чрезвычайно острые вопросы об «исторической оппозиции», о «Философическом письме» Чаадаева, о полемике декабристов с «Историей государства Российского» Карамзина и т. д. и содержало указание на «сцепление несообразностей и противоречий правительства в благих намерениях его и в противодействующем исполнении оных» (*Вяземский*, т. II, стр. 226). Вяземский подвергал резкой критике деятельность руководимого Уваровым Министерства народного просвещения, якобы поддерживающего эти противоречия и поощряющего «историческую оппозицию».

[4] Уваров, по должности министра народного просвещения, был и председателем Главного управления цензуры.

[5] Речь идет о второй части статьи Вяземского «О московских журналах», предназначавшейся для «Литературной газеты» и запрещенной Главным управлением цензуры 26 февраля 1830 г. (первая часть статьи была напечатана в № 8 «Литературной газеты» от 5 февраля 1830 г., стр. 60—62). Ряд положений и словесных формулировок из запрещенной части статьи с резкими отзывами о Полевом вошел в другие статьи Вяземского, помещенные в газете: «О наших модо-литературных журналах» (1830, № 35), «Объяснения некоторых современных вопросов литературных», статья II (1830, № 31), «Несколько слов о полемике» (1830, № 18). См.: Н. Замков. К истории «Литературной газеты» барона А. А. Дельвига. *РС*, 1916, май, стр. 252—257.

[6] Под «формулой, изобретенной Воейковым для Полевого» Пушкин понимает, очевидно, «Хамелеонистику» — основанные на сопоставлении цитат саркастические разборы журнальных промахов Полевого и Булгарина, печатавшиеся в «Славянине», «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» (библиографию их см.: *Полевой*, стр. 403—405). Указание на «Хамелеонистику» как удобную форму журнального памфлета есть у Пушкина в статье «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (*Акад.*, XI, стр. 212); ср. также в статье Гоголя «О движении журнальной литературы...» и в «Ответе издателю» А. Б. (Пушкина) определение ее как «ряда статеек в своем роде классических», сущность которых в том, чтобы давать «шутливые разборы того, что не стоит быть разобрано не в шутку» (*Совр.*, 1836, т. I, стр. 205—206; т. III, стр. 327; *Акад.*, XII, стр. 97).

[7] О каких именно стихах идет речь, неизвестно. Вяземский готовил в это время альманах «Старина и новизна»; Пушкин был в курсе этой работы и даже уступил Вяземскому часть материала, предназначенного для «Современника» (см. письма Вяземского И. И. Дмитриеву: *РА*, 1868, стлб. 649—652). Еще во второй половине октября Вяземский напоминал Пушкину об обещанных им стихах: «Дай же мне стихи, которые ты мне даешь» (*Акад.*, XVI, № 1276). Материалы этого невышедшего сборника были частично переданы Вяземским в первый том «Современника» за 1837 г., который он собирался редактировать сам. В первом томе за 1837 г. были напечатаны следующие стихи Пушкина: «Герой» (прислано М. П. Погодиным, см.: *Совр.*, 1837, т. I, стр. 143), «Д. В. Давыдову» (прислано Давыдовым в письме к Вяземскому от 23 мая 1837 г., см.: *Ст. и нов.*, 1917, т. XXII, Пгр., стр. 69) и «Последние три стихотворения А. С. Пушкина» («Лицейская годовщина», «Молитва» и «Отрывок» — «Вновь я посетил...»). Возможно, что Пушкин предполагал передать Вяземскому какие-то из этих последних стихотворений.

219. **Н. М. Коншину.** — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1591. Рукой Н. М. Коншина дважды исправлено его отчество, ошибочно написанное Пушкиным, и сделана помета: «22 декабря 1836. Письмо Александра Сергеевича Пушкина». Впервые: *PC*, 1880, август, стр. 808. *Акад*., XVI, № 1313.

Датируется по связи с письмом Коншина от 20 декабря 1836 г. (*Акад*., XVI, № 1312), на которое служит ответом, и соответственно помете адресата (см. выше), дата которой может означать или дату написания письма Пушкиным, или дату его получения Коншиным, жившим в Царском Селе (письмо послано не по почте, а с нарочным). Отсюда и неопределенность датировки.

[1] В письме к Пушкину от 20 декабря 1836 г. Коншин сообщал о своем желании получить место директора Тверской гимназии, освобождавшееся в связи с выходом в отставку И. И. Лажечникова. Но так как «желающих слишком много», то он просил Пушкина поговорить с Жуковским, чтобы тот помог ему, похлопотав за него перед Уваровым. К своему письму Коншин приложил и докладную записку для передачи через Жуковского министру.

[2] Пушкин не виделся с Коншиным, вероятно, с лета 1831 г., когда они встречались в Царском Селе, и забыл даже его отчество (Иванович вместо Михайлович).

[3] По-видимому, Пушкин выполнил свое обещание и передал докладную записку Коншина Жуковскому. 12 мая 1837 г. Коншин был назначен директором училищ Тверской губернии — должность, совмещавшуюся с должностью директора Тверской гимназии (см.: *ЖМНП*, 1837, кн. 6, стр. CCXXVIII). В деле о его назначении (*ЦГИАЛ*, ф. 733, оп. 30, д. 270) записки, однако, нет.

[4] Об отношениях между Пушкиным и Уваровым см. Словарь, стр. 477—478.

[5] Пушкин, по-видимому, не знал, что еще в 1834 г. Коншин издал исторический роман «Граф Обоянский, или Смоленск в 1812 году». По мнению позднейшего его биографа, роман этот — самое неудачное из произведений Коншина (см.: А. И. Кирпичников. Н. М. Коншин. В кн.: А. И. Кирпичников. Очерки по истории новой русской литературы, т. II. Изд. 2-е, доп. М., 1903, стр. 109—110). «Граф Обоянский» вызвал резкую критику молодого В. Г. Белинского, который нашел, что «в нем нет ни слога, ни мыслей, ни создания, ни характеров, ни занимательности». Выступая против «дюжинных литературных производителей» (и в их числе против Коншина), Белинский противопоставлял им «истинный талант» Лажечникова (*Белинский*, т. I, стр. 124, 126). «Граф Обоянский» остался единственным опытом Коншина в области исторического романа, а неуспех его был, по-видимому, толчком, побудившим его, вопреки совету Пушкина, вовсе отказаться от художественной прозы и посвятить себя историческим разысканиям (см.: А. Кирпичников. Н. М. Коншин, стр. 111, 115—116).

[6] Сведений о последующих встречах или переписке Пушкина и Коншина не сохранилось. Однако после смерти Коншина И. И. Рагозинников опубликовал слышанный от Коншина рассказ о посещении им Пушкина по тому же делу утром 27 января, в день дуэли («Ярославские губ. ведомости», 1864, часть неофиц., № 17—18, 23 и 30 апреля, стр. 127—128; перепечатано: *PA*, 1877, № 3, стр. 402—403; *PC*, 1887, август, стр. 464—465; «Русская мысль», 1897, май, стр. 162—164). Ряд фактов и бытовых деталей свидетельствует о недостоверности сообщения Рагозинникова. Однако уже А. И. Кирпичников предполагал, что в рассказе этом, быть может, есть зерно истины и Коншин был у поэта в январе 1837 г. (см.: А. Кирпичников. Н. М. Коншин, стр. 112—114). Действительно, из названного выше дела об отставке Лажечникова и назначении Коншина видно, что в конце января 1837 г. оно вступило в новую стадию, в связи с чем Лажечников приезжал в Петербург (см.: *PB*, 1856, т. I, февраль, кн. 2, стр. 622), а Коншин возобновил свои

хлопоты. В этих условиях его обращение к Пушкину было вполне естественно.

220. П. А. Осиповой. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 675. Помета рукой П. А. Осиповой: «reçu le 6 de Janvier 1837». Впервые: *Р. библ.*, 1911, № 5, сентябрь, стр. 22—23, с репродукцией двух средних страниц. *Акад.*, XVI, № 1317.

[1] Имеется в виду письмо П. А. Осиповой к Пушкину от 15 декабря 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1310), в котором она благодарила Пушкина за присланный им III том «Современника» и спрашивала, верно ли сообщение, полученное от С. Л. Пушкина, о намерении поэта продать Михайловское.

[2] О намерении побывать летом или осенью 1836 г. в Михайловском для литературной работы и для устройства дел по разделу имения Пушкин не раз писал Н. И. Павлищеву и С. Л. Пушкину (см. письма 190, 192, 203). Дела, задержавшие Пушкина в Петербурге, были связаны прежде всего с изданием «Современника» (на лето и осень 1836 г. пришлась работа над III и IV томами журнала), а позднее — с событиями ноября 1836 г., вызванными анонимным пасквилем.

[3] Сложный и мучительный для Пушкина вопрос о судьбе Михайловского, унаследованного после смерти Н. О. Пушкиной ее мужем и тремя детьми, отражен в переписке Пушкина с отцом, братом Л. С. Пушкиным и выступавшим от имени своей жены О. С. Павлищевой Н. И. Павлищевым. См. письма 178, 190, 192, 203; см. также: *Акад.*, XVI, №№ 1221, 1224, 1227, 1238, 1240, 1245—1247, 1269, 1318, Приложения, III; *П. и мужики*, стр. 146—151; М. Яшин. Дача на Каменном острове. «Нева», 1965, № 2, стр. 190—192. В ответном письме (*Акад.*, XVI, № 1345) П. А. Осипова, отказываясь от покупки Михайловского, предложила другой план сохранения его в руках Пушкина. Вопрос о Михайловском после смерти поэта остался неразрешенным до 1842 г., когда имение было выкуплено опекунством в пользу детей Пушкина (см.: *Арх. опеки*, стр. 267—268, 312).

[4] Евпраксия Николаевна — Е. Н. Вревская.

221. В. Ф. Одоевскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1587. Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 422. *Акад.*, XVI, № 1302.

Датировка письма определяется тем, что упоминаемый Пушкиным IV том «Современника» вышел в свет 22 декабря 1836 г. (см.: Н. Фокин. К истории создания «Капитанской дочки» А. С. Пушкина. «Ученые записки Уральского пед. института», 1957, т. 4, вып. 3, стр. 124). Ответное письмо Одоевского, начинающееся словами: «Я хотел было послать к вам статью Виг‹еля›...» (*Акад.*, XVI, № 1303), написано после двукратного прочтения «Капитанской дочки», что также определяет дату записки Пушкина.

[1] Статья — по-видимому, самого Вигеля, — содержащая «критику статьи Булгарина», неизвестна. Недатированное письмо Вигеля к Пушкину с просьбой отредактировать и опубликовать — очевидно, в «Современнике» — его статью «Быстрый взгляд на историю славян» (*Акад.*, XVI, № 1308), едва ли говорит о той же «критике». Упомянутая в том же письме «маленькая статья» Вигеля и ее французский перевод не обнаружены, и датировка письма Вигеля, данная в академическом издании («ноябрь—первая половина декабря 1836 г.»), ничем не подтверждается. О какой статье Булгарина идет речь, не установлено — возможно, о «Моем перевоспитании по методе взаимного обучения» (*СПч.*, 1836, №№ 255 и 256, 7 и 8 ноября).

222. В. Ф. Одоевскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1592. Впервые: *РА*, 1864, стлб. 824 (изд. 2-е, стлб. 1014). *Акад.*, XVI, № 1320.

Датировка записки определяется вопросом Пушкина «Не увидимся ли в Академии наук?», относящимся к годичному акту Академии, происхо-

дившему 29 декабря, а также связью ее с предыдущей запиской к Одоевскому (см. письмо 221) и ответом Одоевского (*Акад.*, XVI, № 1303).

[1] Речь идет, по-видимому, о не дошедшей до нас «критике статьи Булгарина», написанной, вероятно, Вигелем (см. письмо 221). В ответном письме Одоевский выражал опасение, что, хотя «статья прекрасна», «цензура, наверное, уничтожит в ней лучшую половину» (*Акад.*, XVI, № 1303). Ответом на это мнение и служат слова Пушкина: «Так же зло, как и дельно» и т. д.

[2] Перефразировка начала эпиграммы Пушкина на кн. М. А. Дондукова-Корсакова (и одновременно на не названного в ней Уварова) — «В Академии наук заседает князь Дундук...». Известно, что Пушкин присутствовал на академическом акте, во время которого, по словам А. А. Краевского, он вспоминал ту же эпиграмму (запись рассказа Краевского М. И. Семевским см.: *РС*, 1880, сентябрь, стр. 220; ср. запись П. И. Бартенева: *РА*, 1892, кн. II, стр. 490).

223. А. А. Плюшару. — Печатается по фотоснимку с подлинника: *Рук. ПД, 1964*, Приложение, № 47. Подлинник, из собрания Фердинанда Дрира, в библиотеке Пенсильванского исторического общества в Филадельфии (США). Копия в деле Опеки над детьми и имуществом Пушкина: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 19, № 125, л. 256. На копии надписи: рукою А. А. Плюшара — «Nota: Les 1500 ont été comptés à M-r Pouschkine, le 22 décembre 1836» (Примечание: 1500 р. выплачены г. Пушкину 22 декабря 1836); рукою гр. М. Ю. Виельгорского — «J'ai vu l'original de la lettre, Le Comte M. Wielhorsky» (Я видел оригинал письма. Граф М. Виельгорский). Впервые: по копии — *ПиС*, вып. XIII, стр. 126; по фотокопии — *П. Иссл. и мат.*, т. II, стр. 224—228. *Акад.*, XVI, № 1321; *Спр. том*, стр. 75.

Письмо Пушкина является официальным ответом на письмо Плюшара от 23 декабря 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1316), представляющее собой выражение тех условий, о которых договорились книгопродавец и поэт по поводу предположенного издания сборника стихотворений Пушкина. Плюшар брал на себя все расходы по изданию сборника, считая стоимость издания в 50 руб. с листа, независимо от количества листов будущей книги, при тираже в 2500 экземпляров. За ним оставалось исключительное право продажи сборника, причем, помимо возмещения всех издательских расходов и погашения аванса в 1500 руб., полученного Пушкиным из денег, вырученных от продажи первой части тиража, Плюшар отчислял в свою пользу 15% всей стоимости проданных экземпляров. Эти условия были очень тяжелы и невыгодны для Пушкина, который предпринимал издание для скорейшего получения значительной суммы денег, а по договору с Плюшаром мог рассчитывать на нее лишь в неопределенном будущем, в зависимости от хода продажи книги и по выплате всех расходов по изданию. В архиве поэта сохранилась неполная рукопись предполагавшегося сборника стихотворений, переписанных рукой переписчика с печатных текстов четырех частей «Стихотворений Александра Пушкина», вышедших в 1829, 1832 и 1835 гг. (*Рук. ПД, 1964*, №№ 848—859). Ни одного нового, не издававшегося ранее произведения включать в сборник, по-видимому, не предполагалось. Книга была коммерческим предприятием, задуманным в связи с тяжелым материальным положением Пушкина, чем и воспользовался Плюшар. Смерть Пушкина помешала осуществлению издания. Подробно см.: Л. Б. Модзалевский. Новое о неосуществленном издании стихотворений Пушкина 1836 г. «Книжные новости», 1936, № 7, стр. 19; Н. В. Измайлов. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов. *П. Иссл. и мат.*, т. II, стр. 44—48.

224. В книжную лавку А. Ф. Смирдина. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 747. Впервые: «Читатель и писатель», 1928, № 4—5, 11 февраля, стр. 2. *Акад.*, XVI, № 1322.

Записка без указания адреса, но несомненно направленная в книжную лавку А. Ф. Смирдина, так как осталась в бумагах Смирдина и хранилась

у его наследников, откуда поступила в ИРЛИ в 1927 г. (см.: Отчет АН СССР за 1927 г., Л., 1928, стр. 176). По предположению Б. Л. Модзалевского, записка была дана Пушкиным доверенному Смирдина для получения отпечатанных экземпляров «Современника» из квартиры Пушкина или от переплетчика (Б. Модзалевский. К истории пушкинского «Современника». «Читатель и писатель», 1928, № 4—5, 11 февраля, стр. 2). Смирдин забирал экземпляры журнала партиями, сразу же по отпечатании, не дожидаясь выхода всего тиража (ср. расписку Н. Н. Пушкиной в получении 2000 руб. ассигнациями за 100 экземпляров I тома «Современника», датированную 11 апреля 1836 г.: там же, стр. 2). Двадцать пять экземпляров «Современника» могли быть одной из таких партий, причем не первой, так как билет на выпуск IV тома был получен еще 22 декабря, а переплетные работы начаты до рождества и окончены к 4 января (см. дату на счете за них: *Лет. ГЛМ*, кн. 5, стр. 117). Возможно, однако, что в записке идет речь об экземплярах той части тиража, которая уже находилась в лавке Смирдина; экземпляры могли понадобиться Пушкину для рассылки или для других целей. По-видимому, аналогичное назначение имела и другая записка, сохранившаяся в обрывке в бумагах Пушкина: «... ‹пятьде›сят (?) экз‹емпляров›. Пушкин» (*Акад.*, XVI, № 1359).

225. С. Л. Пушкину. — Печатается по фотоснимку: *Рук. ПД*, *1964*, Приложение, № 48. Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 433—434. Подлинник был в 1940 г. в библиотеке Института Оссолинских (Львов). В настоящее время местонахождение его неизвестно. *Акад.*, XVI, № 1342 (сверено с подлинником Д. Д. Благим в 1940 г.).

Датировка определяется содержанием письма, в частности упоминанием о приближающемся Новом годе.

[1] С. Л. Пушкин провел зиму 1836/37 г. в Москве и в Петербург не приезжал.

[2] Пушкин предполагал поехать в Москву для занятий в архивах материалами к истории Петра I.

[3] Последнее письмо Павлищева, с краткими сведениями об О. С. Павлищевой, полученное Пушкиным, было от 22 октября 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1269). Более позднее письмо, от 24 декабря 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1318), еще не дошло до него.

[4] О жалобах Л. С. Пушкина на своего нового начальника, командира Отдельного Кавказского корпуса генерала Г. В. Розена, Пушкин, вероятно, узнал от отца через А. В. Веневитинова; письмо Л. С. Пушкина к отцу, содержавшее эти жалобы, до нас не дошло. Раньше Л. С. Пушкин служил под начальством Н. Н. Раевского, с которым у него были товарищеские отношения. В письме к отцу от 27 декабря 1836 г., оставшемся, вероятно, неизвестным поэту, Л. С. Пушкин дает уже иную оценку генералу Г. В. Розену (см.: *ПиС*, вып. VIII, стр. 49).

[5] Сведения о женитьбе Дантеса на Е. Н. Гончаровой уже не были новостью для С. Л. Пушкина, которому О. С. Павлищева писала 3/15 ноября 1836 г. из Варшавы: «Вы мне сообщаете новость о браке Гончаровой» (*ПиС*, вып. XII, стр. 88, с ошибочной датой «2 ноября»). Однако письмо О. С. Павлищевой, по-видимому, должно датироваться по старому стилю, т. е. 15/27 ноября (см.: М. Яшин. История гибели Пушкина. «Нева», 1968, № 2, прим.; см. также письмо 209).

[6] Письмо Пушкина к крепостному повару А. Н. Пещурова, как и письмо самого повара к Пушкину, неизвестно.

[7] Речь идет об основных занятиях Пушкина этого времени: издании IV и подготовке V тома «Современника», составлении истории Петра I.

[8] Тетушка — сестра С. Л. Пушкина Е. Л. Сонцова, у которой жил С. Л. Пушкин.

226. В. Ф. Одоевскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1553. Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 263. *Акад.*, XVI, № 1325.

Записка датируется предположительно. Первый номер «Московского наблюдателя» вышел в марте 1835 г. Последней при жизни Пушкина была октябрьская книжка за 1836 г., вышедшая в январе 1837 г. Между этими датами Пушкин мог обращаться к Одоевскому с просьбой прислать «Московский наблюдатель» в любое время, когда они оба были в Петербурге. Конец 1836 г. был временем активных деловых сношений Пушкина с Одоевским в связи с изданием «Современника». По этому соображению, а также по характеру бумаги, на которой писаны в большинстве письма Пушкина этого периода (почтовой, золотообрезной, без водяных знаков) и датируется настоящая записка.

[1] О каком номере «Московского наблюдателя» идет речь, неизвестно. В библиотеке Пушкина сохранились №№ 1—5 за 1835 г. и №№ 1—12, 14 и 15 за 1836 г. (*Библ. П.*, №№ 479, 480). Высылка Пушкину экземпляров «Московского наблюдателя» нередко задерживалась. Так, он не был в числе тех, кто получил первую книжку журнала сразу же после ее выхода (см. письмо Н. А. Мельгунова к С. П. Шевыреву из Петербурга от 24 мая 1835 г. с просьбой к В. П. Андросову прислать экземпляр специально для Пушкина: *ГПБ*, ф. 850, № 370, л. 17 об.; см. также письмо 105 — письмо Пушкина к Погодину). У Одоевского в это время уже был собственный экземпляр.

227. В. Ф. Одоевскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1551. Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 458. *Акад.*, XVI, № 1326.

Записка датируется предположительно — по тем же основаниям (биографическим и палеографическим), что и предыдущая (письмо 226). О своем нездоровье Пушкин сообщал Одоевскому и в другой записке — см. письмо 228.

[1] О каком «любезном госте» идет речь, неизвестно; возможно, что это И. П. Сахаров (ср. письмо 228).

228. В. Ф. Одоевскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1556. Впервые: *РА*, 1864, стлб. 823 (изд. 2-е, стлб. 1014). *Акад.*, XVI, № 1145 (с датой «февраль— начало марта 1836 г.»).

Датируется по связи с перепиской Пушкина и Одоевского, касающейся книги Сахарова «Сказания русского народа...» (см. письма 214, 215; см. также: *Акад.*, XVI, № 1146), т. е. последними месяцами 1836 г., но более широким промежутком времени (в записке Пушкин сообщает о своем нездоровье и зовет к себе Одоевского с Сахаровым; в своем письме Одоевский, наоборот, говорит о своей длительной болезни и приглашает Пушкина).

[1] О совместном посещении Пушкина И. П. Сахаровым и Одоевским сведений не сохранилось.

229. В. Ф. Одоевскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1589. Впервые: *РА*, 1864, стлб. 822—823 (изд. 2-е, стлб. 1012—1013). *Акад.*, XVI, № 1338.

Датируется по содержанию (см. ниже) — тем временем в конце 1836 г., когда Пушкин при деятельном участии Одоевского собирал и готовил материал для I (V) тома «Современника» за 1837 г.

[1] Статья М. С. Волкова была заказана Одоевским (см.: В. С. Виргинский. Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX в. М., 1949, стр. 157). Уже после написания настоящего письма Пушкин предполагал опубликовать ее в I томе «Современника» за 1837 г., но не успел этого сделать (*РС*, 1880, август, стр. 804).

[2] Речь идет о проекте проведения железной дороги между Петербургом и Москвой. Автор проекта, австрийский инженер Ф.-А. фон Герстнер, представил 6 января 1835 г. докладную записку Николаю I о необходимости сооружения железной дороги между Петербургом, Москвой, Нижним Новгородом и Казанью. Об отношении Пушкина к этому проекту см.: П. Н. Сакулин. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский..., т. I, ч. I. М., 1913, стр. 571, 608—611; М. П. Алексеев. Пуш-

кин и наука его времени. *П. Иссл. и мат.*, т. I, стр. 116—119; В. С. Виргинский. Возникновение железных дорог в России. . ., стр. 157—158.

[3] Учитывая неудобство использования рабочей силы для очистки путей от снега, Герстнер к этому времени уже предложил механическое приспособление против снежных заносов (*СПч.*, 1836, 29 июля, № 171).

[4] Имеется в виду брошюра: Наркиз Атрешков. Об устроении железных дорог в России. СПб., 1835. Автор брошюры доказывал, что «устроение железной дороги между С.-Петербургом и Москвою совершенно невозможно, очевидно бесполезно и крайне невыгодно» (стр. 67).

[5] Проект вызвал возражения главноуправляющего путями сообщений гр. К. Ф. Толя и министра финансов гр. Е. Ф. Канкрина, но был поддержан Николаем I.

[6] Отказ Пушкина опубликовать статью Волкова в «Современнике» не был окончательным (см. прим. 1). Вероятно, статья была отредактирована Одоевским (в 1836—1837 гг. Волков был за границей) и в отредактированном виде одобрена Пушкиным. Одоевский не счел возможным опубликовать статью в «посмертном» томе «Современника», так как Атрешков (Тарасенко-Отрешков), против которого была направлена статья Волкова, был назначен по желанию III отделения одним из опекунов детей Пушкина. Одоевский пытался опубликовать статью в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», но и там она не появилась. Текст ее неизвестен.

[7] Эпиграфом являлись слова из басни Крылова «Щука и кот»: «Беда, коль пироги начнет печи сапожник. . .» (см.: В. С. Виргинский. Возникновение железных дорог в России. . ., стр. 157).

[8] Источник «слов Петра I», шутливо предложенных Пушкиным в качестве эпиграфа, не выяснен; возможно, что эти слова восходят к устной традиции.

230. В. Ф. Одоевскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1594. Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 262—263. *Акад.*, XVI, № 1340.

Записка датируется по содержанию (см. ниже).

[1] «Детский журнал» («Детская библиотека, посвященная ее императорскому высочеству государыне великой княжне Марии Михайловне») издавался до 1836 г. включительно А. Н. Очкиным. С 1837 г. соиздателем журнала вместе с ним стал кн. В. В. Львов. С его приходом расширилась программа журнала и увеличился круг авторов. В связи с последним обстоятельством Одоевский, активный сотрудник «Детского журнала» и приятель В. В. Львова, обратился к Пушкину с просьбой «содействовать», причем последнее слово стало для Пушкина предметом каламбура: «sot»-действовать» — от франц. «sot» — «глупо». Переписка по этому поводу должна относиться к декабрю 1836 г., когда готовился первый номер журнала за 1837 г.

[2] Произведения Пушкина в «Детском журнале» не появились. Имя поэта отсутствует в перечне писателей, обещавших свое сотрудничество (см. № 1 за 1837 г.). Единственной формой участия Пушкина была его подпись, воспроизведенная факсимиле в том же № 1 за 1837 г.

231. Неизвестному. — Черновой подлинник: *ИРЛИ*, № 679. Впервые: *Рук. ПД, 1937*, стр. 242. *Акад.*, XVI, № 1327.

В академическом издании адресатом начатого письма назван предположительно А. Н. Мордвинов, однако форма начала заставляет предполагать скорее, что это записка по литературным делам, адресованная кому-то из близкого окружения Пушкина (Одоевскому, Краевскому, Вяземскому, Плетневу или иному).

Датируется по сорту бумаги — писчей, голубоватой; такой бумагой Пушкин пользовался с сентября 1835 г. (см.: *Рук. ПД, 1937,* стр. 336, № 250).

232. П. А. Вяземскому. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1549. Впервые: *РА*, 1874, кн. I, стр. 449. *Акад.,* XVI, № 1332.

Точной датировке не поддается; написано не ранее конца мая 1835 г. Упоминаемый в письме словарь Рейфа (т. I) вышел к 7 марта 1835 г. (*СПч.*, 1835, № 53, 7 марта); в начале этого года Вяземский был за границей и вернулся только в конце мая (см. письмо К. Я. Булгакова к А. Я. Булгакову от 29 мая 1835 г.: *РА*, 1904, кн. I, стр. 573).

Назначение лексикографической справки, сделанной Пушкиным для Вяземского, неизвестно. Возможно, что она была обоснованием каких-то замечаний Пушкина по поводу словоупотребления в статьях Вяземского (см., например, аналогичные замечания к статье «Наполеон и Юлий Цезарь» — в письме 179; см. также просьбу Вяземского в письме от конца марта 1836 г. «поправить» его статью «Новая поэма Э. Кине» для «Современника»: *Акад.*, XVI, № 1166). Не исключена также возможность, что письмо написано как своего рода «лексический комментарий» к «Арапу Петра Великого». Две главы из этого романа, известного Вяземскому еще в рукописи в марте 1828 г. (см.: *РА*, 1868, №№ 11—12, стлб. 1716; Архив бр. Тургеневых, вып. VI, Пгр., 1921, стр. 65; *ЛН*, т. 58, стр. 74), были включены под названием «Две главы из исторического романа» в «Повести, изданные Александром Пушкиным», вышедшие из печати к 27 августа 1834 г. (см.: *П. в печ.*, стр. 114), уже после отъезда Вяземского; к моменту его возвращения из Италии книга должна была еще быть для него новинкой и могла заново пробудить его интерес к роману. Слово «арап» сохранилось в обоих вариантах заглавия романа («Ибрагим, царский арап», «Арап Петра Великого»), подобранных издателями для посмертной публикации его в «Современнике» (*Совр.*, 1837, т. VI, стр. 97; *Карамзины*, стр. 315).

[1] Можно думать, что замечание Пушкина о необходимости «критики лексиконов» прямо или косвенно связано с его участием в работе Российской академии в 1833—1834 гг., где шли «наскучившие ему» «исключительные толки о словаре» (см.: П. А. Катенин. Воспоминания о Пушкине. *ЛН*, т. 16—18, стр. 639). Пушкин участвовал в заседании, где читались корректурные листы «Словаря Российского», подготавливаемого новым изданием (см.: Л. Б. Модзалевский. Пушкин — член Российской академии. (По материалам Архива Академии наук СССР). «Вестник АН СССР», 1937, № 2—3, стр. 247—249). В издании словарей и в восполнении пропусков в существующих словарях П. Соколова и Рейфа Академия видела одну из своих основных задач и в дальнейшем, см.: *ЖМНП*, 1835, декабрь, стр. 554—561; см. также книгу «Заседание, бывшее в императорской Российской Академии 18 января 1836» (СПб., 1836, стр. 9—10), рецензированную Пушкиным (*Акад.*, XII, стр. 43). Словарная справка, составленная Пушкиным, совершенно самостоятельна и более полна, нежели в современных ему словарях; см.: Общий церковно-славяно-российский словарь..., составленный П... С... ‹Соколовым›, ч. 1. СПб., 1834; Словарь Академии Российской..., ч. 1. А—Д. СПб., 1834. В первом из них не учтено слово «араб», во втором — «араб» и «арап». В словаре Рейфа (Dictionnaire russe-français..., vol. 1. St.-Pb., 1835) слова «арап» также нет; «араб» имеет объяснение «un nègre». По-видимому, Рейф смешал оба значения (ср. реплику в I главе «Арапа Петра Великого», где слова «царский арап» Пушкин перевел на французский язык как «le Nègre du czar»: *Акад.*, VIII, кн. 1, стр. 4). Эта неполнота и неточность словарных справок, по-видимому, и была причиной неудовлетворенности Пушкина. Этимологическая часть словарной статьи Пушкина полностью опирается на данные Рейфа, принятые и современными этимологическими словарями.

233. Неизвестному. — Черновой подлинник: *ИРЛИ*, № 1550. Впервые: *П. Врем.*, т. 2, стр. 425. *Акад.*, XVI, № 1333.

Датируется по бумаге — бледно-синей, верже, с водяным знаком «1834 МФАГ», которой Пушкин пользовался в 1835—1837 гг. (см.: *Рук. ПД, 1937*, стр. 314, № 96).

Т. Г. Зенгер-Цявловской было высказано предположение, что адресатом письма является барон Геккерн (см.: *Рукою П.*, стр. 110); однако сколько-нибудь твердых оснований для гипотезы об адресате нет; вероятнее, впрочем, что записка обращена к какому-либо другому барону — русскому или иностранному (Баранту, Люцероде и др.). См.: *П. Врем.*, т. 2, стр. 425.

234. М. Л. Яковлеву. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 678. Впервые: *БЗ*, 1861, № 10, стлб. 289. *Акад.*, XVI, № 1334.

Датируется предположительно, на основании сообщения В. П. Гаевского, что «записка эта <...>, по словам М. Л. Яковлева, относится к 1836 г.» (*БЗ*, 1861, № 10, стлб. 289).

[1] В 1836 г. Смирдин был одним из главных контрагентов Пушкина по распространению и продаже «Современника».

[2] Письмо касается неизвестных нам денежных расчетов Пушкина с Яковлевым. О «доставлении жизненных потребностей» (т. е. денег) Пушкиным упоминает и Яковлев в письме к поэту от 15 января 1837 г. (*Акад.*, XVI, № 1351), но остается неясным, связано ли это письмо с комментируемой запиской.

235. А. Тардифу де Мелло. — Печатается по тексту первой публикации в кн.: L'Armée russe. Par Tardif de Mello, auteur de l'Histoire intellectuelle de l'Empire de Russie, des peuples européens etc. Paris, 1854, pp. 59—60. В СССР впервые: «Звезда», 1930, № 7, стр. 240. Подлинник неизвестен. *Акад.*, XVI, № 1335.

Датируется условно 1836 г., так как сведения об общении Пушкина с Тардифом относятся к этому году (см. письмо Тардифа Пушкину из Парижа от 22 ноября 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1298), которое, однако, не связано с настоящим письмом Пушкина).

[1] Речь идет о посланном Тардифом Пушкину переводе «Кавказского пленника». Перевод этот, как и письмо, без сомнения сопровождавшее его, в архиве Пушкина не сохранились. Отрывки из перевода Тардифа, с прозаическим изложением остальных частей поэмы и восторженной характеристикой ее автора, были им напечатаны в 1854 г. в книге «Histoire intellectuelle de l'Empire de Russie...» (стр. 65—73; см.: П. Щеголев. Пушкин и Тардиф. «Звезда», 1930, № 7, стр. 236—237). Переводы Тардифа малоудачны (см.: В. Шульц, А. С. Пушкин в переводе французских писателей. «Древняя и новая Россия», 1880, № 5, стр. 24; № 6, стр. 315; H. Mongault. Pouchkine en France. «Revue de littérature comparée». 1937, № 1, janvier—mars, стр. 155—156), и в лестной оценке их Пушкиным несомненно есть доля иронии.

[2] Цитата из «Энеиды» Вергилия (песнь I, стих 405 — явление Венеры Энею).

[3] Сведений о педагогической деятельности Тардифа не сохранилось. В предисловии к «Histoire intellectuelle...» он вспоминал, что «посещал университеты Санкт-Петербурга и Харькова»; в 1830 г. он издал книгу «L'Abeille encyclopédique, ou Aperçu raisonné des connaissances humaines» («Энциклопедическая пчела, или Толковый обзор всех человеческих знаний»).

236. Л. М. Алымовой. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1471. Впервые: газ. «Труд», 1937, 10 февраля, № 33 (4835). *Акад.*, XVI, № 1356.

Письмо датируется по следующим соображениям. Оно написано не ранее марта 1833 г. — после получения Пушкиным письма кн. П. М. Волконского от 25 февраля 1833 г. (на имя Н. Н. Пушкиной, в ответ на ее письмо) с отказом приобрести в казну статую Екатерины II (*Акад.*, XV, стр. 213—214, Прилож. I). Статуя находилась в это время во дворе дома Алымовой на Фурштадтской улице, где Пушкины жили с мая по декабрь 1832 г., и оставалась там и позднее, по-видимому до конца жизни Пушкина, а может быть и долее. Денежные дела с ростовщиком

В. Г. Юрьевым были у Пушкина в разное время, в частности осенью 1835 г. (см. письмо 123). Условными пределами — март 1833—январь 1837 г. — можно датировать настоящее письмо.

[1] Продажа медной статуи Екатерины II, выполненной в Берлине по заказу прапрадеда Н. Н. Пушкиной — А. А. Гончарова, была ее дедом, А. Н. Гончаровым, поручена Пушкину, много времени потратившему на эти хлопоты (см. в письмах Пушкина: *Акад.*, XIV, №№ 487, 525; XV, № 763). Подробности, связанные с историей статуи и ее продажей, см.: Н. О. Лернер. Заметки о Пушкине. *РС*, 1913, декабрь, стр. 505—514; *Письма*, т. II, стр. 439—440; т. III, стр. 502—504. Состоялась ли тогда сделка с В. Г. Юрьевым, по которой, вероятно, он должен был взять статую в счет долга ему Пушкина, неизвестно.

237. Неизвестному. — Печатается по тексту первой публикации: «Российская библиография. Вестник русской печати», СПб., 1880, № 65 (13), стр. 313. Местонахождение подлинника, в 1879 г. бывшего в библиотеке Московского главного архива Министерства иностранных дел, в настоящее время неизвестно. *Акад.*, XVI, № 1323.

В академическом издании датировано 1827—1836 гг., однако содержание письма, при отсутствии его подлинника, не дает материала для суждения об адресате его и о датировке.

238. Н. И. Павлищеву. — Печатается по выписке, приведенной Н. И. Павлищевым в письме к П. А. Вяземскому из Варшавы от 27 марта/8 апреля 1837 г.: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 19, № 3 (Дело опеки над детьми и имуществом Пушкина. № 2), л. 7. Местонахождение подлинника неизвестно. В другом письме Павлищева, к М. Ю. Виельгорскому от 10/22 июня 1837 г. (там же, л. 8), дается иная редакция этого же места из письма Пушкина, возможно по памяти: «Пускай Михайловское продается, я посмотрю, могу ли удержать его за собою». Впервые: *Academia*, т. VI, стр. 446. *Акад.*, XVI, № 1344.

Письма Павлищева, обращенные к Вяземскому — как другу семьи Пушкина, а также к Виельгорскому — как члену опеки, учрежденной над детьми и имуществом Пушкина, касаются вопроса о судьбе Михайловского, в котором Павлищев проявлял большую заинтересованность. Получив письмо Пушкина от 5 января, написанное, по-видимому, в весьма резких тонах, Павлищев, озадаченный его отказом, ответил ему в примирительном тоне, снова предлагая, чтобы Пушкин оставил Михайловское за собой. Это письмо (от 16/4 февраля 1837 г.) Павлищев написал, когда поэта уже не было в живых (*Акад.*, XVI, стр. 233, Приложение III).

239. Ф. А. Скобельцыну. — Подлинник: *ЦГАЛИ*, ф. 195, оп. 1, ед. хр. 5083, л. 120 (Собрание автографов разных лиц). Впервые: *ИВ*, 1880, июнь, стр. 391. *Акад.*, XVI, № 1347.

Пушкин не получил просимых денег от Скобельцына. В записке Скобельцына П. А. Вяземскому, которой он сопровождает полученное им от Пушкина письмо, он сообщает, что не может удовлетворить просьбу Пушкина, так как сам находится в крайне стесненных обстоятельствах (*ИВ*, 1880, июнь, стр. 390—391; см. также: Венок на памятник Пушкину. СПб., 1880, стр. 337—340).

240. А. И. Тургеневу. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 681. Впервые: *Переписка*, т. III, стр. 440. *Акад.*, XVI, № 1352.

[1] Речь идет о письмах, написанных Тургеневым из Рима, Лондона и Парижа в апреле 1835—феврале 1836 г., где подробно изложена история его поисков архивных материалов по русской истории в западноевропейских архивах (материалы эти были изданы позднее под названием «Акты исторические, относящиеся к России, извлеченные из иностранных архивов и библиотек А. И. Тургеневым», тт. I, II, СПб., 1841 и 1842). По-ви-

димому, об этих письмах упоминает Тургенев в дневнике под 9 января («Дал Пушкину мои письма», см.: *Щеголев*, стр. 285). Они были напечатаны уже после смерти Пушкина под заглавием «Хроника русского», см.: *Совр.*, 1837, т. I (V), отд. II, стр. 22—51; ср. также: А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.). Издание подготовил М. И. Гиллельсон. Изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 99—112, 478, 517. Одновременно с письмами Тургенев передал Пушкину и ряд других статей и отрывков (о Жюльвекуре, о переписке Бонштеттена с г-жой де Сталь, «журнал о Шотландии» и др.); из них до нас дошла только статья «Отрывок из записной книжки путешественника. Веймар. Тифурт. Дом и кабинет Гете. Письмо к нему В. Скотта», опубликованная также в V томе «Современника» (стр. 294—310). Об этих материалах не может идти речь в данном случае: они исключаются как тематически, так и хронологически (Тургенев «кончил переписку *Веймарского дня*» с добавлениями только 23 января; в этот же день Пушкин «читал <...> и хвалил» статью, по-видимому ознакомившись с ней впервые, см.: *Щеголев*, стр. 289).

[2] Почерк Тургенева неразборчив. Пушкин пересылал ему уже готовые для печати, переписанные набело тексты. 31 января А. И. Тургенев писал брату, Н. И. Тургеневу: «...постараюсь вспомнить <...> все, что он сказал мне о некоторых письмах моих, кои уже были переписаны для печати в 5-ой книжке журнала его» (*ПиС*, вып. VI, стр. 59).

[3] Стихотворение «Так море, древний душегубец...» Пушкин переписал, по-видимому, по просьбе Тургенева. «За несколько дней, — писал позднее Тургенев, — 16 Генваря, прочел он мне наизусть множество стихов, коих я не знал, ибо они не были напечатаны. Одни более других мне понравились и тем уже, что написаны давно по случаю распространившего<ся> слуха, что будто брат Н<иколай> выдан Англичанами; стихи адресованы к другому поэту (Вяземскому, — *Ред.*), который написал стихи *К морю* и славил его» (письмо И. С. Аржевитинову от 30 января 1837 г., см.: *РА*, 1903, кн. I, стр. 144; в письме неточность: Пушкин читал Тургеневу стихи не 16-го, а 15 января, см.: *Щеголев*, стр. 287). 21 января А. И. Тургенев послал эти стихи в письме к Н. И. Тургеневу (см.: *Щеголев*, стр. 288; *ПиС*, вып. VI, стр. 47).

241. В ресторан Фильетта. — Подлинник: *ИРЛИ* (*Рук. ПД*, *1964*, № 1597). Помета рукой Н. Н. Пушкиной: «Nathalie Pouchkine 15 Fevrier 1837 —». Расписка: «Двадцать пять рублей от Опеки г. Пушкина получил 14-го маия 1837 г. Михайла Васильев». На 2-м листе помета: «На Моховой к Сергиевской дом баронессы Строгановой в контору». Впервые: *ПиС*, вып. XIII, стр. 127. *Акад.*, XVI, № 1353.

Ресторан Жана Фельетта (Фильетта) помещался в бывшем доме Косиковского, в здании, выходившем на Невский, Мойку и Морскую (ныне Невский пр., дом 15), т. е. в близком соседстве с квартирой Пушкина. По-видимому, заказ был сделан либо для семейного обеда, либо для импровизированного приема гостей. О паштете из гусиной печенки как об излюбленном и, по-видимому, обычном блюде гастронома Соболевского Пушкин в шутку упоминал в письме Н. Н. Пушкиной от 21 октября 1833 г. (*Акад.*, XV, № 853). Об уплате долга Пушкина опекой см. также: *Арх. опеки*, стр. 11, 96.

242. А. О. Ишимовой. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1598. Почтовый штемпель: «Городская почта 1837 января 25 вечер». Впервые (без обращения и заключения): *Совр.*, 1837, т. IV (VIII), стр. 76. *Акад.*, XVI, № 1354.

Черновик письма: *ИРЛИ*, № 682. *Акад.*, XVI, № 1354а.

[1] Пушкин был у Ишимовой в пятницу 22 января в три часа дня. Ишимова, как видно из ее ответного письма, считала, что Пушкин придет в четыре часа, и приехала домой через десять минут после его ухода (*Акад.*, XVI, № 1361).

[2] Петр Александрович — П. А. Плетнев.

[3] Об участии Ишимовой в «Современнике» и о ее переводах из Барри Корнуола см. письмо 250.

243. Неизвестному. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1596. В несколько раз сложенная записка, сохранившаяся среди бумаг, относящихся к работе Пушкина над «Словом о полку Игореве». Тексты (I) и (II) на двух сторонах листка. Впервые: *Рукою П.*, стр. 221—222. *Акад.*, XVI, № 1358.

Нахождение записки среди материалов к изучению «Слова о полку Игореве» позволяет условно датировать ее концом 1836—январем 1837 г.

По предположению Т. Г. Зенгер-Цявловской, записка могла быть тайно передана кому-либо как продолжение или начало разговора; возможно, что адресатом был кто-либо из домашних, например А. Н. Гончарова (*Рукою П.*, стр. 222).

244. Н. Н. Карадыкину. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 1595. Слова «Что это с Вами сделалось? Как вас повидать? Очень надо!» густо зачеркнуты (Карадыкиным?) и читаются с трудом. Расписка рукой Карадыкина: «1837-го года, майя 29 дня, следующие мне с покойного Александра Сергеевича Пушкина за бюро деньги триста рублей от опеки учрежденной над его имением получил. 10-го класса Николай Николаев сын Карадыкин». Впервые: *ПиС*, вып. XIII, стр. 117. *Акад.*, XVI, № 1357.

Пушкин не успел уплатить своего долга Карадыкину, и он был заплачен опекой.

245. А. В. Веневитинову (?). — Подлинник: *ИРЛИ*, № 676. Представляет собой клочок разорванного черновика; остальной текст неизвестен. Впервые: *Звенья*, т. VI, стр. 57—58 (как обрывок черновика письма к бар. Геккерну). Точнее: *Лет. ГЛМ*, кн. I, стр. 339.

Датируется условно концом января 1837 г.

Фрагменты слов и фраз могут в какой-то мере быть осмыслены из контекста письма С. Л. Пушкину от конца декабря 1836 г. (см. письмо 225); они сходны с той частью этого последнего, где речь идет об А. В. Веневитинове. Возможно, что адресатом настоящего письма и был как раз А. В. Веневитинов.

246. Л. Геккерну. — Копия в военно-судном деле о дуэли Пушкина с Дантесом: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 18, № 70, лл. 54 и 59. Подлинник неизвестен (предположительно — в семейном архиве баронов Дантесов-Геккернов, во Франции). На копии пометы: «С подлинным верно: Начальник отделения Шмаков» и «Подлинное письмо отправлено при отношении Генерал-Аудитора от 30 апреля 1837 г. № 1514, Директору канцелярии Военного министерства, для обращения г. Министру Иностранных дел. Начальник Отделения Шмаков». Впервые (по этой же копии) в кн.: Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. Под ред. П. М. фон Кауфмана. СПб., 1900, стр. 51—52. *Акад.*, XVI, № 1362.

Черновики (в отрывках): *ИРЛИ*, №№ 684—688. Впервые: *Звенья*, т. VI, стр. 52—56 (с воспроизведениями); *Лет. ГЛМ*, кн. I, стр. 350—352. *Акад.*, XVI, № 1362а («А», стр. 267—269).

Автокопия: *ИРЛИ*, № 683. Впервые: «Полярная звезда на 1861 год...», кн. VI. Лондон, 1861, стр. 133—134 (в переводе); *Аммосов*, стр. 47—49 (в оригинале, с репродукцией после стр. 70). *Акад.*, XVI, № 1362а («Б», стр. 269—270).

Дата письма, проставленная на копии, — 26 января 1837 г. — вызвала сомнение у Б. В. Казанского, доказывавшего ее ошибочность и предложившего датировать письмо 25 января (*Звенья*, т. VI, стр. 77—81). Основанием к датировке письма 25 января является письмо В. Ф. Вяземской (написанное вскоре после смерти Пушкина) с рассказом о вечере у нее 25 января, в понедельник, на котором присутствовали Пушкины, Геккерны и А. Н. Гон-

чарова. Вяземская пишет: «Смотря на Жоржа Дантеса, Пушкин сказал мне: „Что меня забавляет, это то, что этот господин веселится, не предчувствуя, что ожидает его по возвращении домой". — „Что же именно? — сказала я. — Вы ему написали?". Он сделал утвердительный знак и прибавил: „Его отцу". — „Как! Письмо уже послано?". — Он сделал тот же знак. Я сказала: „Сегодня?". — Он потер себе руки, опять кивая головой <...>. На следующий день, во вторник, они искали друг друга, объяснились. Дуэль с сыном была назначена на завтра» (*Звенья,* т. VI, стр. 78; ср.: «Новый мир», 1930, № 12, стр. 189). Этот же рассказ с некоторыми вариантами и неточностями передан трижды Бартеневым со слов Вяземской (см.: *РА,* 1888, кн. II, стлб. 310; 1908, кн. II, стр. 427; ср.: *Щеголев,* стр. 137, прим., и 139, прим.) и П. П. Вяземским (П. П. Вяземский. Собрание сочинений, 1876—1887, СПб., 1893, стр. 556). Кроме того, существуют два ближайших по времени пересказа — М. А. Горчаковой (*П. Врем.,* т. I, стр. 243—246) и в письме С. Н. Карамзиной от 30 января 1837 г. (*Карамзины,* стр. 167, 298); Карамзина добавляет при этом, что Пушкин грозил Геккерну, если «оскорбления будет недостаточно, оскорбить его публично на балу» (подлинник по-французски). Все эти свидетельства восходят к одному — именно к рассказу Вяземской, со слов которой пишут и Горчакова, и Карамзина; сообщение Бартенева, что Пушкин зашел вечером 26 января на минуту к Вяземской и сообщил ей, что будет драться с Дантесом, должно быть отвергнуто, как явно позднее наслоение (*П. Врем.*, т. I, стр. 247). Пытаясь совместить дату копии в военно-судном деле с рассказом Вяземской, Б. В. Казанский ввел допущение, что вечер у Вяземских был 26-го, а не 25 января; произведенный им расчет времени, остающегося до известных нам событий дуэли, послужил доказательством от противного и заставил вернуться к первоначальной дате вечера — 25 января, откуда и был сделан вывод о 25 января как дате написания и отсылки письма. Однако письмо В. Ф. Вяземской, по-видимому совершенно точное в передаче обстоятельств и характера ее разговора с Пушкиным, не может удостоверить того, насколько слова самого Пушкина соответствуют действительности. Они противоречат нескольким имеющимся данным. Наиболее очевидное из них — дата копии письма в военно-судном деле. Второе — показания суду Дантеса и Данзаса, называющих 26 января как дату отправки письма (Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном..., стр. 43, 61, 63, 75), причем Данзас несомненно говорит со слов самого Пушкина. К этим двум добавляется третье свидетельство — А. И. Тургенева: «3-го дня, в самый тот день, как я видел его два раза веселого, он (Пушкин, — *Ред.*) написал ругательное письмо к Геккерну-отцу» (письмо к А. И. Нефедьевой от 28 января 1837 г.: *ПиС*, вып. VI, стр. 49); как явствует из предшествующего текста письма, речь идет о 26 января (там же, стр. 48). Наконец, то же число («вторник», приходившийся на 26 января) называет и Геккерн; в письме к барону Верстолку от 30 января он сообщает, что получил письмо Пушкина, собираясь на обед к графу Строганову, посоветовавшись с которым показал письмо Дантесу, после чего Пушкину был направлен картель (*Щеголев,* стр. 325). Вряд ли есть основания считать сообщение это прямой фальсификацией; о том, что Геккерн по получении письма отправился для консультации к графу Строганову, который был «органом общественного мнения в большом свете», сообщает и А. И. Васильчикова (*Рассказы о П.*, стр. 39). Дружеские отношения Строганова с семейством Геккернов, сохранявшиеся и после дуэли, и известная враждебность к Пушкину дочери его И. Г. Полетики делают это утверждение тем более вероятным. Только после разговора со Строгановым Геккерн мог обратиться к д'Аршиаку для передачи картеля (*Акад.*, XVI, № 1363); таким образом, необходимо отвести показания княгини Горчаковой и С. Н. Карамзиной, что д'Аршиак «явился» к Пушкину «во вторник утром». Первоисточник — В. Ф. Вяземская — не говорит об «утре». Кроме того, из записки Пушкина к Тургеневу (см. письмо 247) известно, что он намеревался оставаться дома до 5 часов вечера, по-видимому в ожидании ответа;

если бы первая записка д'Аршиака (*Акад.*, XVI, № 1364), с просьбой принять его, послана была утром, то появление второй его записки (*Акад.*, XVI, № 1367), с уведомлением, что нижеподписавшийся ждет ответа Пушкина у себя до 11 часов вечера, а с 11 часов — на бале у графини Разумовской, было бы совершенно необъяснимо. Между тем, будучи послана после 5 часов, первая записка не застала Пушкина дома, и тогда естественны и отправка второго «уведомления», и поздний срок, назначенный д'Аршиаком. Первая встреча Пушкина с д'Аршиаком, по-видимому, состоялась лишь в 11 часов вечера, на бале у Разумовской. Таким образом, известные нам данные о событиях накануне дуэли сравнительно свободно укладываются в хронологический ряд, если допустить, что письмо было отправлено днем 26-го, а не 25 января. Другой вопрос — что́ заставило Пушкина в разговоре с Вяземской 25 января исказить действительное положение вещей, сказав, что письмо уже послано. Можно думать, что, приняв твердое решение о поединке, Пушкин всеми силами старался избежать помех, которых можно было ждать в первую очередь от ближайших друзей (например, при появлении Вяземского он прекратил переговоры с д'Аршиаком на бале у Разумовской). «Проговорившись» Вяземской под влиянием мгновенного раздражения, вызванного веселостью Дантеса, он, вероятнее всего, хотел создать у нее впечатление совершенной неотвратимости развернувшихся затем событий.

Письмо представляет собой переработку ноябрьского письма к Геккерну, тогда не посланного (см. письмо 211). Первая часть — от начала до слов «rendez-moi mon fils» («верните мне моего сына»), заканчивающих предпоследний абзац январского письма, — почти совпадает в обоих текстах. Переделывая ноябрьское письмо в конце января, Пушкин в этой первой половине сократил его, сделал некоторые обороты более сжатыми (например, отбросил начальные слова «Avant tout» — «прежде всего»), а главное исключил два пассажа, характеризовавшие поведение Н. Н. Пушкиной и ее отношение к Дантесу (см. Словарь, стр. 456—457): от слов «mais comme elle était restreinte» («но так как оно не выходило из границ») до слов «ma confiance et mon respect» («мое доверие и мое уважение») включительно; от слов «Je savais bien qu'une belle figure» («Я хорошо знал, что красивая внешность») до слов «je n'étais pas sans inquiétude» («я был не совсем спокоен») включительно. Переделаны некоторые выражения, относящиеся к Дантесу и к самому Геккерну. Так, опущено определение роли Дантеса «si grotesque» («столь потешную»); к слову «dégout» («отвращение»), характеризующему отношение Н. Н. Пушкиной к Дантесу, добавлено еще более острое — «mépris» («презрение»); «votre bâtard ou soi-disant tel» («вашему незаконнорожденному сыну или так называемому сыну») заменено на «Monsieur votre fils» («г-на вашего сына»), но слова «votre bâtard» и т. д. перенесены далее; исключены слова, обращенные к Геккерну, — «infâme que vous êtes» («бесчестный вы человек»). Но все это не меняет в основном содержания первой части письма.

Зато вторая часть ноябрьского письма, от слов «Vous voyez que j'en sais long: mais attendez, ce n'est pas tout» («Вы видите, что я об этом хорошо осведомлен; но погодите, это не все» — см. письмо 211) до конца, где говорилось об анонимных письмах и о розыске их автора и выводилось общее угрожающее заключение, в январском письме отброшена и заменена новым, более коротким текстом, в зависимости от новых обстоятельств: в последнем абзаце январского письма говорится о положении, создавшемся после свадьбы Дантеса и Е. Н. Гончаровой (10 января 1837 г.), о продолжающемся сводничестве Геккерна и ухаживании Дантеса за Н. Н. Пушкиной, что являлось нарушением тех условий, при которых Пушкин согласился в ноябре не предавать огласке поведение голландского посла и его приемного сына (обещание, по-видимому данное Пушкиным Николаю I при свидании 23 ноября, обязывало его не продолжать разоблачений Геккерна). Требуя от Геккерна, чтобы тот положил конец посягательствам Дантеса и своим собственным проискам по отношению к На-

талье Николаевне, Пушкин в случае невыполнения этих требований угрожал им новым «скандалом». Письмо не содержало прямого вызова, но было равносильно картелю, и Геккерн не мог не принять его, не рискуя полностью обесчестить себя в глазах обоих дворов, русского и голландского, и во мнении петербургского общества, даже в той его части, которая была к нему расположена. Понимая это и зная вместе с тем, что ему, как дипломату, принять вызов невозможно, Геккерн вынужден был сделать то, чего он так боялся в ноябре 1836 г., — согласиться на немедленный поединок Дантеса с Пушкиным (см.: *Щеголев*, стр. 131—136).

Что касается автокопии с письма, то, помимо опущения заключительной формулы, она дает ряд незначительных разночтений, не меняющих ни общего смысла, ни большинства отдельных формулировок, но показывающих, что она, вероятно, не копировалась непосредственно с подлинника, а писалась по памяти, возможно после отправки письма в голландское посольство; при этом Пушкин пользовался также черновиком (потом разорванным) и текстами ноябрьского письма (также разорванными, вероятно уже после того, как копия была изготовлена). Во всяком случае копия являлась документом, который мог быть предъявлен, если бы Геккерн утаил получение письма.

Перед дуэлью, находясь вместе со своим секундантом К. К. Данзасом у секунданта Дантеса д'Аршиака, Пушкин передал сделанную им копию Данзасу, который сохранил ее и давал переписывать (см.: *Аммосов*, стр. 17, 18—19; *Лет. ГЛМ*, т. I, стр. 338, 356). От Данзаса одна из копий (и другие документы) были доставлены А. И. Герцену и напечатаны им в «Полярной звезде на 1861 г.» (см. выше).

247. А. И. Тургеневу. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 689. Помета рукой А. И. Тургенева: «Последняя записка ко мне Пушкина на кануне Дуэля». Впервые: «Известия имп. Академии наук», 1904, т. XX, прил., стр. 70; *ПиС*, вып. II, стр. 8—9. *Акад.*, XVI, № 1365.

Датируется предположительно, на основании пометы А. И. Тургенева. Записка является, по-видимому, ответом на приглашение Тургенева. 25 января утром Пушкин и Тургенев читали вместе «бумаги», которые Пушкин «готовил для 5-ой книжки своего журнала» (*ПиС*, вып. VI, стр. 48; см. письмо 240 и прим. 1 и 2 к нему); вечером того же дня Тургенев получил от Сербиновича «выписку» — экстракт из своих парижских материалов, которую собирался показать Пушкину (*Щеголев*, стр. 290; см. также: И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 4-е. Изд. «Сов. писатель», М., 1964, стр. 169—170). 26 января, занимаясь чтением материалов своего архива, Тургенев, по-видимому, и пригласил к себе Пушкина; поскольку Пушкин отлучиться не мог, Тургенев зашел к нему сам и провел у него «часть утра» (*ПиС*, вып. VI, стр. 48; ср. в дневнике: «успел только прочесть Пушкину выписку из парижских бумаг Серб‹иновича›» — *Щеголев*, стр. 290). По предположению П. Е. Щеголева, Пушкин вынужден был оставаться дома, так как назначил час встречи д'Аршиаку (*Щеголев*, стр. 136). Более вероятно, что Пушкин, послав письмо Геккерну, с минуты на минуту ожидал секунданта Дантеса или Геккерна с формальным вызовом (см. письмо 246). Срок «5 часов», указанный Пушкиным, мог и не быть связан с ожиданием д'Аршиака; есть свидетельство, что накануне дуэли Пушкин обедал у барона М. Н. Сердобина вместе с Е. Н. Вревской (см. письмо М. Н. Сердобина С. Л. Пушкину 27 марта 1837 г.: *ПиС*, вып. VIII, стр. 65; ср. с этим свидетельство П. А. Осиповой, что Пушкин рассказал Е. Н. Вревской о готовящемся поединке; такой разговор мог произойти только 26 января; см.: О. И. Попова. Неопубликованное письмо П. А. Осиповой к А. И. Тургеневу. *П. Иссл. и мат.*, т. IV, стр. 369; см. также: *ПиС*, вып. VI, стр. 92). Не исключена возможность, что в пять часов Пушкин предполагал выехать на заранее назначенный обед, чтобы от Сердобиных направиться на бал к графине Разумовской.

248. К. Ф. Толю. — Печатается по фотокопии с подлинника: *ИРЛИ* (*Рук. ПД*, *1964*, Приложение, № 49). Местонахождение подлинника неизвестно. Впервые: *РС*, 1898, январь, стр. 48. *Акад.*, XVI, № 1366.

Ответ на письмо К. Ф. Толя от 25 января 1837 г. (*Акад.*, XVI, № 1355), в котором он выражает благодарность за полученную им 24 января «Историю Пугачевского бунта».

[1] Об отношении «публики и критики» к «Истории Пугачева» см. письмо 97.

[2] К. Ф. Толь в указанном выше письме писал Пушкину: «Я с удовольствием видел в вашей книге, что Михельсон был главным виновником ‹усмирения› сего важного возмущения, в чем, однако, современники его не хотели отдать ему справедливость. Я пользовался личною доверенностию генерала Михельсона ‹...› он в беседах своих со мною часто рассказывал мне о его действиях против Пугачева, и горько жаловался на интриги, которыми хотели затмить его службу». Роль И. И. Михельсона в военных действиях против Пугачева охарактеризована Пушкиным в V—VIII главах «Истории Пугачева». В конце VII главы и в прим. 5 к ней Пушкин высказал свою общую оценку Михельсона, «старого, заслуженного воина, проведшего всю жизнь на поле чести», полагая, что «история должна опровергнуть клевету» о том, что якобы он «мог предупредить взятие Казани, но что он нарочно дал мятежникам время ограбить город, дабы в свою очередь поживиться богатою добычею» (*Акад.*, IX, стр. 67; см.: А. Чхеидзе. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Тбилиси, 1963, стр. 268). В предисловии к «Истории Пугачева» Пушкин назвал Михельсона среди замечательнейших лиц, так или иначе связанных с историей восстания, поставив его имя между Бибиковым и Вольтером.

[3] Источник цитаты определить не удалось.

249. О. д'Аршиаку. Печатается по копии рукой д'Аршиака: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 18, № 70 (в военно-судном деле о дуэли Пушкина, лл. 104 и 109). Пометы рукой д'Аршиака: над текстом — «Copie d'une lettre de Mr de Pouchkine au Vicomte d'Archiak»; после даты — «entre 9h $^{1}/_{2}$ 10h du matin». Местонахождение подлинника в настоящее время неизвестно. Впервые в переводе: «Полярная звезда на 1861 г.», кн. VI, стр. 136 (там же на стр. 134—136 опубликованы письма к Пушкину Л. Геккерна (*Акад.*, XVI, № 1363) и д'Аршиака (*Акад.*, XVI, №№ 1364, 1367, 1369, 1371), в переводе; в академическом издании эта публикация не отмечена). В оригинале (по копии) впервые: *Аммосов*, стр. 56—57; вторично: *Дело о дуэли*, стр. 83—84. *Акад.*, XVI, № 1370.

Письмо Пушкина написано в ответ на настойчивые просьбы к нему д'Аршиака (в письмах от 26 и 27 января 1837 г., см.: *Акад.*, XVI, №№ 1364, 1367 и 1369) принять его у себя или прислать своего секунданта для переговоров об условиях дуэли. Ответ Пушкина, с отказом прислать заранее для переговоров секунданта, выбор которого он предоставляет самому Дантесу-Геккерну, показывает степень его раздражения. Ответ д'Аршиака на это письмо, с настойчивым повторением требования к Пушкину выбрать своего секунданта и прислать его для переговоров, см.: *Акад.*, XVI, № 1371.

250. А. О. Ишимовой. — Подлинник: *ИРЛИ*, № 691 (№ 692 — обертка с адресом от пакета с книгами). Впервые: *Совр.*, 1837, т. VIII, № 4, стр. 76 (без обращения и заключения). Полностью, по подлиннику: И. А. Шляпкин. К биографии Пушкина. (Малоизвестные и неизвестные документальные данные). СПб., 1899, стр. 29—30. *Акад.*, XVI, № 1372.

[1] В письме от 26 января, на которое отвечает Пушкин, Ишимова пригласила его к себе на 27 января (*Акад.*, XVI, № 1361). Письмо Пушкина написано в первой половине дня 27 января, перед выездом на место дуэли; по словам Жуковского, Пушкин «много писал» «часу до 11-го» (*П. Врем.*,

т. 3, стр. 374) и «за час перед тем, как ему ехать стреляться, написал письмо к Ишимовой» (*Щеголев*, стр. 177). Ишимова получила письмо с приложенным пакетом в третьем часу пополудни (Сочинения Александра Пушкина, т. VIII, СПб., 1838, стр. 309—310). В своей позднейшей автобиографии Ишимова вспоминала: «Человек его (Пушкина, — *Ред.*) с письмом и книгою отправлен был им ко мне перед самым отъездом его на смерть, и когда он пришел от меня, то Ал‹ександр› Серг‹еевич› уже привезен был раненым! Это письмо, как последнее писанное им, долго ходило по рукам и его родственников, и при дворе и возвращено было мне не ранее как месяцев через 10 одним из опекунов его детей, графом Строгановым» (А. О. Ишимова. Автобиография. Копия. *ИРЛИ,* ф. 273, оп. 2, № 10, л. 20).

[2] Пушкин послал Ишимовой книгу «The Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall» (Paris, 1829). Экземпляр книги с отметками Пушкина сохранился в библиотеке П. А. Плетнева (ныне в *ИРЛИ*). Отмечены: «Ludovico Sforza» («Лудовик Сфорца»), «Love cured by Kindness» («Любовь, излеченная снисхождением»), «The Way to Conquer» («Средство побеждать»), «Amelia Wentworth» («Амелия Уентуорт») и «The Falcon» («Сокол»). Эти сцены и были переведены Ишимовой и напечатаны в «Современнике» (*Совр.*, 1837, т. VIII (IV), стр. 75—175) под общим заголовком «Драматические очерки Бриана Уоллера Проктера». Этим экземпляром Пушкин, по-видимому, пользовался в Болдине; в нем вырвана страница 152, где находилась переведенная Пушкиным «Песня» («Пью за здравие Мери»), и подчеркнуто несколько слов в «Предисловии» к «Драматическим сценам» (см.: Д. Якубович. Книга из библиотеки Пушкина. «Известия ВЦИК», 1934, № 240, 12 октября, стр. 4).

II

СЛОВАРЬ ИМЕН, УПОМИНАЕМЫХ В ПИСЬМАХ ПУШКИНА 1834—1837 ГОДОВ [1]

Акулов см. Окулов Матвей Алексеевич.

Акулова см. Окулова Елизавета Алексеевна.

Александр Николаевич, вел. кн. (1818—1881) — воспитанник Жуковского и К. К. Мердера, впоследствии (с 1855 г.) император Александр II.

Амельян см. Емельян.

* **Александр I Павлович** (1777—1825) — император, правил с 1801 г., после смерти своего отца Павла I, в убийстве которого принимал косвенное участие. Пушкин, по его собственному выражению, «подсвистывал ему до самого гроба» (*Акад.*, XIII, № 240) рядом эпиграмм, из которых многие до нас не дошли (см.: Т. Г. Цявловская. Муза пламенной сатиры. Пушкин на юге. Труды Пушкинской конференции Одессы и Кишинева, т. II, Кишинев, 1961, стр. 147—198; С. М. Бонди. Подлинный текст и политическое содержание «Воображаемого разговора с Александром I». *ЛН*, т. 58, стр. 167—194). И после смерти А. поэт продолжал разоблачать его (см. зашифрованные строфы X главы «Евгения Онегина»); в одном из последних своих стихотворений «Я памятник себе воздвиг...» (1836), подводя итог своей поэтической деятельности, Пушкин поставил ее выше «Александрийского столпа», т. е. Александровской колонны в Петербурге — памятника А. (см.: М. П. Алексеев. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...». Проблемы его изучения. Изд. «Наука», Л., 1967, стр. 54—85, 225 и др.). Известны два черновых письма-прошения Пушкина на имя А., оба 1825 г. (*Акад.*, XIII, №№ 163 и 215). *Я. Л.*

** **Алымова** Любовь Матвеевна (р. 1808) — сестра владельцев дома на Фурштадтской улице (теперь ул. Петра Лаврова; дом был на месте № 20), где Пушкин жил с начала мая до 1 или 2 декабря 1832 г. См.: *Письма*, т. III, стр. 485—486; А. Яцевич. Пушкинский Петербург. Л., 1935, стр. 79, 81—83. Известно одно письмо Пушкина к А. *О. П.*

---

[1] Биографические справки даются о всех лицах (кроме литературных героев), упоминаемых в текстах писем Пушкина в настоящем томе. Лица, являющиеся адресатами Пушкина в 1834—1837 гг., отмечены двумя звездочками: **; бывшие адресатами только в письмах предшествующих лет (1815—1833 гг.) — одной звездочкой: *. Каждая справка (кроме чисто именных) помечена инициалами ее составителя: *Б. Б.* — Б. Л. Бессонов, *В. В.* — В. Э. Вацуро, *Р. И.* — Р. В. Иезуитова, *Н. И.* — Н. В. Измайлов, *Я. Л.* — Я. Л. Левкович, *Н. П.* — Н. Н. Петрунина, *О. П.* — О. А. Пини.

Анакреон (VI—V вв. до н. э.) — древнегреческий лирик, создатель жанра легкой, жизнерадостной поэзии, получившей название анакреонтической. Пушкин в лицейский период прибегал к темам А. В 1835 г. перевел три стихотворения А.: отрывок «Узнают коней ретивых», оду LVI («Поредели, побелели...») и оду LVII («Что же сухо в чаше дно?»). Первые два должны были войти в незавершенную повесть из древнеримской жизни («Цезарь путешествовал...», 1835).

Ананьин Иван — управляющий (приказчик) купца П. А. Жадимеровского; расписки его в получении денег за квартиру от Пушкина (1832—1833) см.: *Рукою П.*, стр. 767.

Анна Иоанновна (у Пушкина также Ивановна; 1693—1740) — русская императрица с 1730 г., дочь царя Ивана V Алексеевича, племянница Петра I. Пушкин причислял А. И. к числу «ничтожных наследников северного исполина» Петра I, при которых «азиатское невежество обитало при дворе» (*Акад.*, XI, стр. 14). История ее царствования входила в пушкинский замысел «Истории Петра Великого и его наследников до государя Петра III» (*Акад.*, XIV, Дел. бум., № 9). Из событий времени А. И. наибольший интерес Пушкина привлекало окончательное подавление боярской оппозиции (*Акад.*, XI, стр. 239), а также уничтожение закона о единонаследии, расцененное поэтом как одна из серьезнейших причин «падения постепенного дворянства» (*Акад.*, XII, стр. 206). О судьбе при А. И. своего предка Ганнибала — «личного врага Бирона» — Пушкин упомянул в примечаниях к I главе «Евгения Онегина» (*Акад.*, VI, стр. 530—531). *Н. П.*

Апраксин Петр Иванович, граф (1778—1852) — гвардейский офицер, в 1830-х годах генерал-майор жандармского корпуса, с 25 июня 1833 г. начальник Казанского жандармского округа (см.: Сборник биографий кавалергардов, т. III, СПб., 1906, стр. 94—95). О личном знакомстве Пушкина с А., так же как и о том, встречался ли Пушкин с А. в Казани во время путешествия 1833 г., сведений нет. Зиму 1836 г. А. провел в Петербурге, приехав туда в конце 1835 г. (см.: *М. вед.*, 1836, № 1, 1 января, стр. 23). *Н. П.*

Апрелев Александр Федорович (1798—1836) — коллежский советник, «имевший хорошее состояние и репутацию порядочного человека» (см.: *РВ*, 1881, № 10, стр. 718). Был смертельно ранен в день своей свадьбы с Надеждою Кобылиной (26 апреля 1836 г.) Н. М. Павловым — братом обольщенной им девушки, от женитьбы на которой отказался, несмотря на просьбы и требования Павлова (см.: *РА*, 1906, кн. III, стр. 433—434). А. прожил три дня и скончался «в ужасных страданиях». *Р. И.*

Аракчеев Алексей Андреевич, граф (1769—1834) — военный министр и временщик при Александре I, организатор военных поселений и вдохновитель самой крайней, тупой и жестокой реакции. Свое отношение к А. Пушкин выразил в эпиграммах 1817—1820 гг. — «Всей России притеснитель» и «В столице он капрал, в Чугуеве — Нерон». По рассказу Я. И. Сабурова, записанному Анненковым, А. сыграл решающую роль в высылке Пушкина из Петербурга в 1820 г. (см.: Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 337; ср.: М. Цявловский. Статьи о Пушкине. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 368). После смерти Александра I А. потерял прежнее влияние, но как исторический деятель прошлого царствования продолжал интересовать Пушкина, мемуариста и историка. *Я. Л.*

Арендт (у Пушкина — Арндт, Арнт, Arnt) Николай Федорович (1785—1859) — известный врач-хирург, лейб-медик Николая I (см.: *РБС*). Пушкин прибегал к медицинской помощи А. уже в первые годы после ссылки (см.: *Акад.*, XIV, № 360). А. был приглашен к раненому Пушкину в день последней дуэли поэта и руководил его лечением. Примененные им методы не раз служили предметом обсуждения (см., например: С. М. Лукьянов. О последних днях жизни и о смерти А. С. Пушкина с медицинской точки зрения. СПб., 1899, стр. 15—19, 28—29, 38—40; Ю. Г. Малис. Болезнь и смерть А. С. Пушкина. *Венг.*, т. VI, стр. 315—323; А. М. Заблу-

довский. Русская хирургия первой половины XIX века. «Новый хирургический архив», Днепропетровск, т. 39, кн. 1, 1937, стр. 18—24; Б. Казанский. Правда о смерти Пушкина. «Правда», 1936, № 342, 13 декабря, стр. 5; Н. Бурденко. Рана Пушкина. «Известия», 1937, № 32, 5 февраля, стр. 3; С. С. Юдин. Ранение и смерть Пушкина. «Правда», 1937, № 38, 8 февраля, стр. 4; Б. Казанский. Пушкин и немцы. «Ленинград», 1944, № 13—14, стр. 24; А. Гудимов. Рана Пушкина. «Медицинский работник», 1961, № 3, 10 января, стр. 4; Б. Мейлах. Дуэль, рана, лечение Пушкина. «Неделя», 1966, № 2, 2—8 января, стр. 11). В предсмертные часы Пушкина А. служил посредником между ним и Николаем I. В частности, с именем А. связана история письма Николая I (*см.*) к умирающему поэту. *Н. П*

Арина Родионовна см. Яковлева Арина Родионовна.

Артюхов Константин Демьянович — военный инженер, помещик Оренбургской губ. В 1819 г. окончил офицерский класс Главного инженерного училища в Петербурге. В 1832—1837 гг. директор Оренбургского Неплюевского училища. В 1839 г. участвовал в Хивинском походе В. А. Перовского. По сведениям П. И. Бартенева, из этого похода А. вернулся больным и вскоре умер (*РА*, 1902, № 8, стр. 648). По другим источникам (см.: Исторический очерк развития Главного инженерного училища. СПб., 1869, Приложение, стр. 61), А. в 1869 г. значится инженер-полковником в отставке (см. также: Б. Л. Модзалевский. Новинки пушкинского текста по рукописям Пушкинского дома. В кн.: Сборник Пушкинского дома на 1923 год. ГИЗ, Пгр., 1922, стр. 27—30). О знакомстве Пушкина с А. свидетельствуют современники — В. И. Даль (см.: В. И. Даль. Воспоминания о Пушкине. В кн.: Л. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 416—418; ср.: *РС*, 1907, № 10, стр. 65—66), а также Н. П. Иванов (см.: Н. П. Иванов. Хивинская экспедиция 1839—1840 гг. СПб., 1873, стр. 20—23). Вопреки сообщению Иванова в его поздних и крайне недостоверных мемуарах о «старом» и очень коротком знакомстве Пушкина и А. (на нем базируется Д. Н. Соколов в статье «Пушкин в Оренбурге»: *ПиС*, вып. XXIII—XXIV, стр. 70—74), поэт познакомился с А. 18 сентября 1833 г., в первый день по приезде в Оренбург. Об этом прямо пишет В. И. Даль (см.: *РС*, 1907, № 10, стр. 65). 19 сентября 1833 г. А. вместе с Далем и еще каким-то «охотником» сопровождал поэта во время поездки его в Берды (см.: Л. Майков. Пушкин, стр. 417; Е. З. Воронина. Письма из Оренбурга 1833 года. *РА*, 1902, кн. 8, стр. 660). *Н. П.*

** **д'Аршиак** (D'Archiac) Огюст, виконт (1811—конец 1840-х годов) — атташе французского посольства в Петербурге, родственник и друг Дантеса, был свидетелем при бракосочетании последнего с Е. Н. Гончаровой и секундантом Дантеса на дуэли с Пушкиным. Как сотрудник французского посольства, он в силу своей дипломатической неприкосновенности не подлежал русскому суду за участие в дуэли, но не мог и оставаться в России, вследствие чего посол бар. Барант отправил его курьером в Париж; 2 февраля 1837 г. д'А. покинул Петербург. По свидетельству современников, д'А. был «необыкновенно симпатичной личностью» (*Соллогуб*, стр. 366) и благожелательно относился к Пушкину. После первого вызова он сказал секунданту поэта Соллогубу, «что он сам всю ночь не спал: что он хотя не русский, но очень понимает, какое значение имеет Пушкин для русских»; вместе с Соллогубом он старался уладить ноябрьский конфликт (см.: *Щеголев*, стр. 101—105). Его доброе отношение к Пушкину подтверждается и отношением к нему друзей Пушкина после дуэли. Е. А. и С. Н. Карамзины, посылая с д'А. письмо к А. Н. Карамзину, пишут, что он «вел себя очень достойно», и советуют А. Н. Карамзину узнать от него подробности дуэли (*Карамзины*, стр. 169, 173), Вяземский просил д'А. письменно изложить ход поединка (письмо д'А. от 1 (13) февраля к Вяземскому см.: *Дело о дуэли*, стр. 52—53). А. И. Тургенев в дневнике отметил, что д'А. «поведение Пушкина на поле или на снегу битвы назвал „parfaite“» («превосходным») (*Щеголев*, стр. 292). Вместе с тем в составленном для Вяземского описании поединка д'А. стремился и облагородить

Дантеса. По этому поводу Данзас написал возражение (письмо к П. А. Вяземскому от 6 февраля 1837 г.: *Дело о дуэли*, стр. 54—55). Известны 4 записки д'А. к Пушкину по поводу дуэли (*Акад.*, XVI, №№ 1364, 1367, 1369, 1371) и ответное письмо Пушкина от 27 января. *Я. Л.*

Байрон (Byron) Джордж-Ноэль-Гордон, лорд (1788—1824) — великий английский поэт. Пушкин познакомился с его творчеством, по-видимому, еще во второй половине 1819 г. по французским переводам; в 1820 г. он читал Б. в подлиннике, изучая английский язык (см.: *Летопись*, стр. 237). Первое известное упоминание Пушкина о «байронической» поэзии — в письме его к А. А. Дельвигу от 23 марта 1821 г. (*Акад.*, XIII, № 20), первое ее отражение в творчестве Пушкина — элегия «Погасло дневное светило» (1820; *Акад.*, II, стр. 146—147). Увлечение Пушкина Б., по собственному признанию поэта, отразилось в южных поэмах, ряде стихотворений начала 1820-х годов, первых главах «Евгения Онегина». Опираясь на Б., Пушкин разрабатывает жанр «романтической» поэмы (см.: В. М. Жирмунский. Байрон и Пушкин. Из истории романтической поэмы. Изд. «Academia», Л., 1924). Новый взгляд на Б., включающий, помимо высокой оценки, критическое отношение и исторический анализ творчества поэта, складывается у Пушкина в 1824—1826 гг. в связи с общим сдвигом в его мировоззрении. С этого времени до конца 1820-х годов перекличка с Б. сопровождалась у Пушкина творческой полемикой с ним (см., например: *Акад.*, XIII, № 89). Наиболее полная оценка творческого пути Б., его метода, различных жанров его творчества дана Пушкиным в статьях «О драмах Байрона» (1827; *Акад.*, XI, стр. 51) и «О трагедии Олина „Корсер"» (1828; *Акад.*, XI, стр. 64). Сопоставление Пушкина с Б. — один из устойчивых мотивов критики 1820-х годов. В 1830-х годах Б. на Пушкина уже активно не воздействовал, но продолжал присутствовать в его сознании как крупное литературно-общественное явление. В стихотворении «К вельможе» поэзия Б. осмысляется как закономерное историческое звено в развитии европейской мысли после французской революции XVIII в. (1830; *Акад.*, III, стр. 219). Среди других упоминаний Пушкина о Б. в 1830 г. и позднее особое место занимают реплики на замечания критики о подражательной по отношению к Б. природе пушкинского «аристократизма». Все они связаны с размышлениями Пушкина о своеобразии русского исторического развития, о судьбах древнего и нового дворянства в России (*Акад.*, III, стр. 845; XI, стр. 141, 161). Это же направление мыслей Пушкина отразилось и в начатой им биографии Б. (1835; *Акад.*, XI, стр. 275—278). *Н. П.*

Бакунина Екатерина Павловна, по мужу Полторацкая (1795—1869), — старшая сестра А. П. Бакунина, товарища Пушкина по лицею, фрейлина, талантливая художница (ученица К. П. Брюллова), предмет первой юношеской любви поэта, «Катерина I» в его так называемом «дон-жуанском списке» (*Рукою П.*, стр. 629). О своей любви к Б. Пушкин записал в дневнике 29 января 1815 г. (*Акад.*, XII, стр. 297); этот эпизод сохранился в воспоминаниях двух однокашников Пушкина: С. Д. Комовского (Я. К. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. Изд. 2-е. СПб., 1899, стр. 220) и И. И. Пущина (И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Гослитиздат, М., 1956, стр. 61). Пушкин говорит о ней в ряде лицейских стихотворений («Итак я счастлив был», «К живописцу»), ею же внушен цикл элегий 1816 г., посвященных безнадежной, неразделенной любви (см.: *Гослит. в 10 т.*, т. I, примечания к стихотворениям «Осеннее утро», «Слово милой» — стр. 605, 607). Выйдя замуж 30 апреля 1834 г. за Александра Александровича Полторацкого, Б. уехала в усадьбу мужа — «похоронила себя где-то в деревне» (по словам М. А. Корфа; *ПиС*, вып. VIII, стр. 26). О Б. см.: *Гастфрейнд. Товарищи П.*, т. III, стр. 194—196; Н. Лернер. Милая Бакунина. В кн.: Н. Лернер. Рассказы о Пушкине. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 57—65; В. Я. Брюсов. Первая любовь Пушкина. *Венг.*, т. I, стр. 284—288. *Я. Л.*

Балашов см. Баташев Сила Андреевич.

** **Бантыш-Каменский** Дмитрий Николаевич (1788—1850) — историк, внук А. Д. Кантемира, сын историка и архивиста Н. Н. Бантыша-Каменского. В 1825—1828 гг. тобольский, а в 1836—1838 гг. виленский губернатор. В 1805 г. Б.-К. перевел роман М. Коттен «Матильда», в 1833 г. написал исторический роман «Княжна Мария Меншикова». Перечень исторических трудов Б.-К. см. в *РБС*. Интерес Пушкина к Б.-К. и их последующее личное знакомство связаны с историческими занятиями поэта. В 1828 г., работая над поэмой «Полтава», Пушкин пользовался «Историей Малой России» (М., 1822) Б.-К. (см.: *Акад.*, V, стр. 66; см. также: Л. Поливанов. Полтава. В кн.: Сочинения А. С. Пушкина с объяснениями их и сводом отзывов критики. Изд. Л. Поливанова. Т. 2. М., 1887, стр. 151—153, 170—204; Н. В. Измайлов. 1) К вопросу об исторических источниках «Полтавы». *П. Врем.*, т. 4—5, стр. 435, 436 и др.; 2) К истории создания «Полтавы» Пушкина. Уч. зап. Чкаловск. пед. инст., № 3, 1949, стр. 71; С. С. Барская. Пушкин в работе над историческими источниками «Полтавы». Уч. зап. Ташкентск. веч. пед. инст., вып. 12, 1961, стр. 54—90). III том «Истории Малой России. (От избрания Мазепы до уничтожения гетманства)» во втором, значительно дополненном издании (М., 1830) сохранился в библиотеке поэта (см.: *Библ. П.*, № 15). Существует мнение, что переиздание этой книги заставило Пушкина отказаться от собственного замысла «Истории Украины» (см.: *ЛН*, т. 58, стр. 214). Личное знакомство Пушкина с Б.-К. состоялось, по всей вероятности, в Москве, во второй половине декабря 1831 г. Ему предшествовал обмен письмами с изъявлением взаимного уважения (см.: *Акад.*, XIV, №№ 713, 714). В январе 1834 г. Б.-К. был в Петербурге (см.: И. М. Снегирев. Дневник, т. I, М., 1904, стр. 154—155), где, видимо, узнал о работе Пушкина над «Историей Пугачева». В связи с этим он предложил Пушкину воспользоваться материалами о Пугачеве, его сторонниках и участниках подавления восстания, подготовленными им для будущего «Словаря достопамятных людей русской земли». Это послужило предметом переписки Пушкина с Б.-К. в 1834—1835 гг. Ряд материалов, полученных от Б.-К., Пушкин использовал в «Истории Пугачева» (*Акад.*, IX, стр. 115, 775—777; см. также: *ЛН*, т. 58, стр. 222—228; А. И. Чхеидзе. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Изд. «Литература и искусство», Тбилиси, 1963, стр. 63, 104—105). К «Истории Малой России» Б.-К. Пушкин обращался также при работе над «Историей Петра» (см.: *Акад.*, X, стр. 262). Как на возможный источник пушкинской «Песни о Георгие Черном» указывалось на одно из ранних сочинений Б.-К. «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию». (М., 1810; см.: Н. Н. Трубицын. Два сербских юнака в изображении Пушкина. *ПиС*, вып. XXVIII, стр. 37—39, 44—46; см. также статью Д. Л. Джонсона, не знавшего о работе Трубицына: D. J. L. Johnson. Die Quelle von Puschkins «Pesnja o Georgii Černom». Zeitschr. für slavische Philologie, 1956, Bd. XXIV, H. 2, SS. 276—283). Поместив в первом издании «Словаря достопамятных людей русской земли» биографию А. П. Ганнибала, Б.-К. среди других источников сослался на «словесное предание», переданное ему Пушкиным (Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей русской земли, ч. II. М., 1836, стр. 15). Во II издании «Словаря» Б.-К. напечатал статью о Пушкине, где впервые упомянул о его ссылке и о последней дуэли (Словарь..., ч. II. СПб., 1847, Прибавление, стр. 58—105. См. об этом: *Письма*, т. III, стр. 451; Г. Винокур. Ранние биографии Пушкина. «Книжные новости», 1937, № 1, стр. 17). Когда в 1840-х годах друзья Пушкина отрицали принадлежность ему стихотворения «Язык и ум теряя разом», Б.-К. свидетельствовал в пользу его авторства (см.: *Письма к Хитрово*, стр. 42). Сохранилось 5 писем Пушкина к Б.-К. и 6 писем Б.-К. к поэту. *Н. П.*

** **Барант** (Barante) Амабль-Гильом-Проспер-Брюжер, барон (1785—1866) — французский политический деятель, дипломат, публицист и историк, в 1835—1841 гг. посол в России. Пушкин общался с Б. в конце 1836—начале 1837 г. По свидетельству А. И. Тургенева, на балу у гр. Фи-

кельмона 9 ноября 1837 г. Пушкин долго беседовал с Б. с русской и французской истории; Б. предлагал Пушкину перевести совместно на французский язык «Капитанскую дочку» (*Щеголев*, стр. 284; Письма А. И. Тургенева к Булгаковым. Соцэкгиз, М., 1939, стр. 203—204). Гибель Пушкина произвела тяжелое впечатление на Б.; в дни предсмертной болезни поэта Б. посещал его квартиру (Дневник А. И. Тургенева; письмо Жуковского С. Л. Пушкину 15 февраля 1837 г.: *Щеголев*, стр. 192, 292); после смерти Пушкина Б. отдал распоряжение о немедленном выезде д'Аршиака в Париж (*Щеголев*, стр. 385, 398) и составил донесение о происшедшем (*Щеголев*, стр. 372—373). Имеется одно письмо Б. к Пушкину (*Акад.*, XVI, № 1305) и ответ Пушкина. *В. В.*

Баратынский Евгений Абрамович (1800—1844) — поэт. В первой половине 20-х годов по своим дружеским связям и литературным убеждениям примыкал к передовому демократическому лагерю, возглавлявшемуся Пушкиным. Пушкин познакомился с Б. в Петербурге в 1819 г. и сразу стал восторженным поклонником его «прелестного таланта» (*Акад.*, XIII, № 38). Имя Б. в 1822—1830 гг. постоянно мелькает в письмах Пушкина, он считает его первоклассным элегиком (*Акад.*, XIII, № 28) и шутливо обещает: «...после него никогда не стану печатать своих элегий» (*Акад.*, XIII, № 74). К Б. обращены следующие стихотворения Пушкина: «Я жду обещанной тетради» (1822); «К Б. из Бессарабии» (1822); «К Б.» («Стих каждый в повести твоей», 1826). Кроме того, Пушкин цитирует стихи Б. («К Алексееву»), пишет о них в «Евгении Онегине» и в первом «Послании к цензору», использует их в качестве эпиграфов; Б. упоминается в «Черепе» (1827 г.). В 1827 г. в одной книжке выходят «Бал» Баратынского и «Граф Нулин». В этом же году Б. и Пушкин совместно пишут эпиграмму на Булгарина «Он точно, он бесспорно» (см.: Т. Цявловская. Новонайденный автограф Пушкина. *РЛ*, 1961, № 1, стр. 120—133). Пушкин трижды принимался за статью о Б.: в 1827 г. (рецензия на «Стихотворения Евгения Баратынского»), в 1828 г. (рецензия на «Бал») и в 1830 г. (см.: *Акад.*, XI, стр. 50, 74—76, 185—187), но ни одна из этих попыток не была доведена до конца; для задуманной Б. биографии Дельвига Пушкин стал набрасывать в 1831 г. свои заметки о последнем (*Акад.*, XII, стр. 338), а в 1832 г. хлопотал об издании «Полных стихотворений» Б. (*Акад.*, XV, № 777). После 1832 г. откликов на творчество Б. ни в произведениях, ни в переписке Пушкина нет, что объясняется появившимся в конце 20-х годов холодком в личных отношениях и постепенным расхождением их литературных позиций. В марте—апреле 1829 г. Б. писал Вяземскому о Пушкине и о себе: «Как-то из нас двух ничего не выходит, как из двух мафематических линий. Необходима третья, чтобы составить какую-нибудь фигуру» (*ЛН*, т. 58, стр. 88). В начале 30-х годов Б. находится среди участников «Литературной газеты», но связи его с кругом старых друзей уже слабеют. Постепенно меняется и его отношение к поэзии Пушкина. Преклонение и восторженные оценки стихов, «Евгения Онегина», «Бориса Годунова» сменяются оценками с осуждающими интонациями. В 1832 г. Б. резко отзывается об «Онегине» («Произведение блестящее, но почти все ученическое, потому что почти все подражательное»), позднее осуждает сказки. Смерть Пушкина потрясла Б. (см. его письмо к Вяземскому от 5 февраля 1837 г.: *Стар. и нов.*, кн. III, стр. 341—342). Сводку высказываний Б. о Пушкине см.: М. Л. Гофман. Баратынский о Пушкине. *ПиС*, вып. XVI, стр. 143—160. Из переписки Пушкина с Б. до нас не дошло ни одного письма Пушкина и сохранилось 3 письма Б. к нему (*Акад.*, XIII, №№ 235, 236; XIV, № 366). *Я. Л.*

Барклай де Толли Михаил Богданович, князь (1761—1818) — фельдмаршал, выдающийся полководец, один из героев Отечественной войны 1812 г., бывший (до 8 августа 1812 г.) главнокомандующим; в 1813—1814 гг. командовал союзными армиями в Европейском походе (см.: В. Глинка. Пушкин и военная галерея Зимнего дворца. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1949, стр. 35—43). Личность Б. де Т. издавна привлекала вни-

мание Пушкина. Однако первое по времени высказывание о Б. де Т. носит негативный характер (см. письмо к Катенину от 4 декабря 1825 г., в котором Пушкин ставит в заслугу вел. кн. Константину Павловичу «вражду с немцем Барклаем»: *Акад.*, XIII, № 230). К 1830 г. отношение Пушкина к Б. де Т. меняется: в зашифрованных строфах X главы «Евгения Онегина» есть намек на исторически прогрессивную роль Б. де Т. в Отечественной войне 1812 г. Окончательно складывается это новое понимание Б. де Т. в произведениях и письмах 1830-х годов: в стихотворении «Полководец», вызвавшем широкую полемику (см.: В. А. Мануйлов и Л. Б. Модзалевский. «Полководец» Пушкина. *П. Врем.*, т. 4—5, стр. 125—164; Л. А. Черейский. К стихотворению Пушкина «Полководец». *Врем. ПК,* 1963, стр. 56—58), и «Художнику» (см. комментарий Г. М. Коки в кн.: Пушкин об искусстве. М., 1962, стр. 49—52), а также в напечатанном в IV номере «Современника» «Объяснении» (по поводу стихотворения «Полководец»; см.: *Акад.*, XII, стр. 133—134). *Р. И.*

Барри Корнуолл см. Корнуолл Барри.

Баташев Сила Андреевич (1794—1838) — отставной полковник лейб-гвардии Гусарского полка, домовладелец. В его доме на Гагаринской (позднее Французской, у Пушкина: Дворцовой) набережной (теперь наб. Кутузова, 32) Пушкин снимал квартиру с середины августа 1834 г. по 1 сентября 1836 г. (См.: *Рукою П.*, стр. 775—777, 788—791).

Бегичева Анна Ивановна (1807—1879) — племянница П. А. Осиповой; впоследствии была замужем за адмиралом П. А. Колзаковым (1779—1864). См. о ней в «Дневниках» А. Н. Вульфа (изд. «Федерация», М., 1929, стр. 145, 148, 260—261). Ее письма за 1852—1874 гг. к А. Н. Вульфу см.: *ПиС*, вып. I, стр. 159—177.

Безобразов Михаил Александрович (1815—ум. до 1880) — с 1834 г. камер-юнкер, впоследствии камергер, автор реакционной «Записки о желаниях русского дворянства во время освобождения крестьян», поданной им Александру II в 1859 г. *Я. Л.*

Безобразов Петр Романович (1797—1856) — ротмистр, муж двоюродной сестры («кузины») поэта Маргариты Васильевны, побочной дочери В. Л. Пушкина.

Безобразов Сергей Дмитриевич (1801—1879) — с 1831 г. флигель-адъютант, ротмистр лейб-гвардии Кирасирского полка, «один из красивейших мужчин своего времени» (Н. И. Лорер. Записки декабриста. М., 1931, стр. 258). Осенью 1831 г., после окончания польской кампании, Б. приехал в Петербург и познакомился с Пушкиным. Имя Б. часто упоминается в письмах Пушкина, а его ухаживание за Н. Н. Пушкиной вызывает шутливые упреки поэта (*Акад.*, XV, №№ 771, 773, 851; наст. изд., письмо 71). В 1833 г. Б. женился на фрейлине Л. А. Хилковой (1811—1859), однако брак оказался несчастливым. Причиной этого явилось подозрение Б., что жена его была любовницей Николая I. В дневнике Пушкина имеется несколько записей о «семейных ссорах Безобразова с молодою своей женой» (1, 7, 26 января и 17 марта 1834 г.: *Акад.*, XII, стр. 318, 319). См.: М. А. Цявловский. Записи в дневнике Пушкина об истории Безобразовых. *Звенья*, т. VIII, стр. 1—15. *Я. Л.*

Безобразова Маргарита Васильевна, в девичестве Васильева (1810—1889), — побочная дочь В. Л. Пушкина (от его второй, неузаконенной жены А. Н. Ворожейкиной), двоюродная сестра Пушкина. Известно одно ее письмо к П. (*Акад.*, XIV, № 705).

Безобразова — мать С. Д. Безобразова (?), сведений о ней не сохранилось.

** **Беклешова** (урожд. Осипова) Александра Ивановна (1806?—1864) — падчерица П. А. Осиповой, дочь И. С. Осипова («Из псковской старины», I, 1916, стр. 16). Пушкин познакомился с нею в 1817 г.; во время пребывания в Михайловском (1824—1826) увлекся Б., что отразилось в посвященном ей стихотворении «Признание» (1826?). Имя ее значится в так наз. «дон-жуанском списке» Пушкина (см.: *Рукою П.*, стр. 629 и 635). Упомина-

ния о Б. в дружеской переписке Пушкина с А. Н. Вульфом и П. А. Осиповой, а также в письмах Пушкина к жене свидетельствуют, что интерес к Б. Пушкин сохранил и впоследствии, что подтверждается и единственным известным письмом Пушкина к Б. Писем Б. к Пушкину не сохранилось, вероятно, и не было. В 1833 г. А. И. Осипова вышла замуж за псковского полицеймейстера П. Н. Беклешова (см.: Л. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 182, 186—187), однако брак этот был несчастливым (см.: *ПиС*, вып. I, стр. 105; вып. XXI—XXII, стр. 344). Е. Н. Вревская объясняла неудачи супружеской жизни Б. чрезмерным «воображением и романтизмом» последней (*ПиС*, вып. XXI—XXII, стр. 413). Однако есть сведения и другого рода — о грубости и деспотизме П. Н. Беклешова (там же, стр. 290). См. подробнее: А. Н. Вульф. Дневники. Изд. «Федерация», М., 1929, со статьей П. Е. Щеголева, стр. 21—28, и др. *Р. И.*

Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848). Уже первая статья Б. «Литературные мечтания» (1834) несомненно привлекла внимание Пушкина, тем более что ее основной тезис перекликался с задуманной им статьей «О ничтожестве литературы русской» (*Акад.*, XI, стр. 268—272; см.: С. М. Бонди. Историко-литературные опыты Пушкина. *ЛН*, т. 16—18, стр. 441). В 1834—1836 гг. Пушкин постоянно читал «Телескоп» и «Молву», в которых печатался Б.; в книжках этих журналов, сохранившихся в его библиотеке (см.: *Библ. П.*, №№ 525—527), разрезаны страницы со статьями Б. Первый отклик Пушкина на статьи Б. (без упоминания его имени) — в наброске статьи о комедии М. Н. Загоскина «Недовольные» (конец декабря 1835 г.; *Акад.*, XII, стр. 11. См. об этом в примечаниях Н. К. Козмина в кн.: Сочинения Пушкина, т. IX_2, Изд. АН СССР, Л., 1929, стр. 839—842). Трудности, с которыми Пушкин столкнулся при издании «Современника», а также положительный отклик Б. на первую книжку журнала побудили друзей Пушкина (П. В. Нащокина, М. С. Щепкина, П. Я. Чаадаева) во время пребывания поэта в Москве в мае 1836 г. начать переговоры о его встрече с Б., которая не состоялась ввиду спешного отъезда Пушкина в Петербург (см. наст. изд., стр. 313). В «Письмо к издателю», напечатанное в III книжке «Современника» за подписью А. Б., Пушкин включил сочувственный отзыв о Б. как о «таланте, подающем большую надежду» (*Акад.*, XII, стр. 97). В том же номере журнала в статье «Мнение М. Е. Лобанова...» Пушкин отразил нападки Лобанова (*см.*) на критические суждения Б. После запрещения «Телескопа» в октябре 1836 г. Пушкин хотел вступить с Б. в переговоры о его сотрудничестве в «Современнике», но отказался от этого в связи со слухами о привлечении Б. к дознанию по делу о «Философическом письме» Чаадаева (см. письмо П. В. Нащокина к Пушкину: *Акад.*, XVI, № 1280; см. также: Переписка Белинского. *ЛН*, т. 56, стр. 233—234, 251—253; здесь же анализ литературы вопроса и источников). О взаимоотношениях Пушкина и Б. и оценке критиком творчества поэта см. также: *П. Итоги и проблемы*, стр. 36—49. *Н. П.*

** **Бенкендорф** Александр Христофорович, с 1832 г. граф (1783—1844) — генерал-адъютант Александра I, автор записки о тайных обществах, поданной царю в 1821 г. и обратившей на него позднее внимание Николая I. Был одним из наиболее активных членов следственной над декабристами комиссии, где, по-видимому, и сложилось у него мнение о Пушкине, имя которого неоднократно упоминалось на следствии. В феврале 1826 г. Б. была поручена организация секретного надзора в России, в том числе и над Пушкиным, в котором Б. видел только опасного вольнодумца (см.: Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором. Изд. 3-е. «Атеней», Л., 1925). С июля 1826 г. Б. стал во главе вновь организованных корпуса жандармов и III отделения собств. е. и. в. канцелярии, в которых было сосредоточено высшее полицейское наблюдение в стране. К Б. стекались все сведения о Пушкине, собранные тайными агентами и полученные на основании перлюстрированных писем. После вызова Пушкина из ссылки и свидания с Николаем I 8 сентября 1826 г. Б. стал посредником между царем и поэтом. С этого времени начинается переписка Пушкина

с Б. По словам М. А. Корфа, Б. «имел самое лишь поверхностное образование, ничему не учился, ничего не читал и даже никакой грамоты не знал порядочно» (*РС*, 1899, № 12, стр. 487). Царские замечания и решения Б. передавал Пушкину в холодно-официальных словах пополам со строгостью. В резкой форме Б. требовал от Пушкина объяснения о его поездках (в Москву, в Арзрум) и предписывал впредь испрашивать на каждую поездку разрешение, запрещал читать друзьям новые произведения до их предварительного просмотра и т. п. (см.: *Лемке*, стр. 465—526). Письма Б. к Пушкину способствовали созданию в старом пушкиноведении легенды о добром царе и жестоком недоброжелателе Б., который в отношении Пушкина превысил свои полномочия (см.: В. Я. Стоюнин. Пушкин. СПб., 1881, стр. 284—286). По сведениям, идущим от Данзаса, Б. знал о предстоящей дуэли Пушкина с Дантесом, но послал жандармов в Екатерингоф «будто бы по ошибке» (*Аммосов*, стр. 15—16). Известно 58 писем Пушкина к Б. и 36 писем Б. к Пушкину. *Я. Л.*

Бибиков Александр Ильич (1729—1774) — государственный деятель, генерал-аншеф. Участвовал в Семилетней войне (1756—1763). В 1763—1764 гг. возглавил подавление восстания заводских крестьян Урала и Сибири. В 1767 г. был председателем Комиссии для составления нового Уложения, а в 1771 г. — главнокомандующим в Польше. С выяснением размаха пугачевского восстания Б. был поставлен во главе войск, направленных против Пугачева. Работая над «Историей Пугачева», Пушкин отнес Б. «к числу замечательнейших лиц Екатерининских времен, столь богатых людьми знаменитыми», видел в нем «искусного, умного военачальника» (*Акад.*, IX, стр. 32, 54). В числе основных источников Пушкина для «Истории Пугачева» находятся военные донесения Б. (см.: *Акад.*, XVI, № 1094; см. письмо 134), книга сына Б. — А. А. Бибикова «Записки о жизни и службе Александра Ильича Бибикова» (см.: *Акад.*, IX, стр. 99, 110, 113; ср.: *Библ. П.*, № 33). Письма Б., относящиеся ко времени пугачевского восстания, опубликованы Пушкиным во втором томе «Истории Пугачева» (*Акад.*, IX, стр. 198—202). Из них он особенно ценил письмо к Д. И. Фонвизину от 29 января 1774 г., находя «замечательными» строки: «Ведь не Пугачев важен, да важно всеобщее негодование. А Пугачев чучела, которою воры Яицкие казаки играют» (*Акад.*, IX, стр. 45, 201). Близость пушкинской концепции истории Пугачева к этому суждению Б. не раз отмечалась в пушкиноведческой литературе (см., например: А. Чхеидзе. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Изд. «Литература и искусство», Тбилиси, 1963, стр. 57). *Н. П.*

Бибикова Екатерина Ивановна, урожд. Муравьева-Апостол (1795—1861), — сестра декабристов С. И. и М. И. Муравьевых-Апостолов, жена калужского губернатора И. М. Бибикова; принимала горячее участие в судьбе осужденных братьев (о ней см.: И. Д. Якушкин. Записки, статьи, письма. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 82, 83, 87, 91, 575—576. Письма к ней М. И. Муравьева-Апостола см.: М. Муравьев-Апостол. Воспоминания и письма. Изд. «Былое», Пгр., 1922, стр. 87—91). *Я. Л.*

Бирон Эрнст-Иоганн, герцог Курляндский (1690—1772) — фаворит императрицы Анны Иоанновны, обладавший фактически неограниченной властью. После ее смерти (1740) — кратковременный (в течение 22 дней) регент при малолетнем императоре Иване VI Антоновиче. Свергнут дворцовым переворотом, провозгласившим правительницей Анну Леопольдовну. Отрицательно оценивая личность Б., Пушкин видел исторически прогрессивный смысл его деятельности в окончательном подавлении аристократической оппозиции (см.: *Акад.*, V, стр. 400, 402; XI, стр. 14, 498, а также наст. изд., стр. 282—283). *Н. П.*

Бируков Александр Степанович (1772—1844) — цензор Петербургского цензурного комитета (1821—1826), известный своей бессмысленной придирчивостью, особенно к любовной лирике. Пушкин адресовал Б. оба «Послания к цензору», из которых первое имело форму памфлета, пред-

назначенного для распространения в списках (см. также письма к Вяземскому 1823 г.: *Акад.*, XIII, №№ 49, 50). О «глупости» и «притеснительности» Б. Пушкин писал неоднократно (*Акад.*, XIII, №№ 103, 181; XIV, № 444; XII, стр. 337); из исправлений, внесенных в его стихи Б., Пушкина особенно возмущало изменение в «Кавказском пленнике», нарушавшее эвфонию стиха (см. письмо Вяземскому 14 октября 1823 г. и Л. С. Пушкину 13 июня 1824 г.: *Акад.*, XIII, №№ 60 и 88). В дальнейшем имя Б. Пушкин, как и многие его современники, употребляет нарицательно, как обозначение ограниченного и придирчивого цензора. (См.: *Письма*, т. II, стр. 381—382; *Дн. Сав.*, стр. 541—542). *В. В.*

Бобринская Анна Владимировна, графиня, урожд. баронесса Унгерн-Штернберг (1769—1846), — вдова графа А. Г. Бобринского (побочного сына Екатерины II и Г. Г. Орлова). Была, по словам Вяземского, женщиной «отменного ума и сердца», «жила жизнью общежительною, гостеприимною ... все добивались знакомства с нею, все ездили к ней охотно» (*Вяземский*, т. VII, стр. 221—222). В 1827 г. из-за какого-то якобы неуважительного отзыва Пушкина о Б. чуть было не произошла у него дуэль с В. Д. Соломирским (см. письмо к нему Пушкина от 15 апреля 1827 г.: *Акад.*, XIII, № 325; Н. О. Лернер. Несостоявшаяся дуэль Пушкина в 1827 году. *PC*, 1907, № 7, стр. 101—102). Б. была расположена к Пушкину. В 1834 г. ее сын А. А. Бобринский был назначен церемониймейстером, поэтому «старая» Бобринская нередко выручала Пушкина, когда он нарушал правила придворного этикета (см. записи в дневнике Пушкина: *Акад.*, XII, стр. 319, 333). В последнее время Э. Г. Герштейн выразила сомнение в добром отношении Б. к Пушкину (Э. Герштейн. Вокруг гибели Пушкина. «Новый мир», 1962, № 2, стр. 211—226). Ей возражал М. И. Яшин (М. Яшин. Хроника преддуэльных дней. «Звезда», 1963, № 9, стр. 166—167). См.: *Дн. Модз.*, стр. 88—89. *Я. Л.*

Бобринская Софья Александровна, графиня, урожд. гр. Самойлова (1799—1866), — жена (с 1821 г.) гр. А. А. Бобринского (*см.*). В 1818—1820 гг. Б. увлекался В. А. Жуковский, посвятивший ей ряд стихотворений (см.: А. Н. Веселовский. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». СПб., 1904, стр. 173—184). Б. не раз упоминается в переписке П. А. Вяземского и А. И. Тургенева (см.: *ОА*, т. I—II). Вяземский характеризует ее как женщину «пленительной наружности», «редкой любезности», «необыкновенной образованности» (*Вяземский*, т. VII, стр. 223—225). В 1830-х годах Б. была интимной подругой императрицы Александры Федоровны (см.: Э. Герштейн. Вокруг гибели Пушкина. «Новый мир», 1962, № 2, стр. 212—215). Пушкин в 1830-х годах был частым посетителем салона Б. и ее мужа. А. С. Поляков высказал предположение о возможности отождествления Б. с «графиней Софией Б.», упоминаемой в письме Геккерна к Дантесу от 28—30 января 1837 г., однако счел более вероятным, что Геккерн имел в виду гр. С. И. Борх (А. С. Поляков. О смерти Пушкина. Пб., 1922, стр. 24—26). П. Е. Щеголев признал оба предположения равно возможными (*Щеголев*, стр. 445). В 1962 г. Э. Герштейн, опубликовав фрагменты дневника императрицы и ее писем к Б., решительно причислила Б. к «партии» покровителей Дантеса, а следовательно, врагов Пушкина (Э. Герштейн. Вокруг гибели Пушкина, стр. 215—226). Этот вывод был подвергнут аргументированной критике М. Яшиным, показавшим, что известные нам материалы не дают основания считать Б. врагом поэта (М. Яшин. Хроника преддуэльных дней. «Звезда», 1963, № 9, стр. 179—182). *Н. П.*

** **Бобринский** Алексей Алексеевич, граф (1800—1868) — внук Екатерины II. Окончил Московскую школу колонновожатых, служил в гвардии, с 1827 г. в Департаменте уделов, в 1833—1846 гг. в Министерстве финансов. С 1834 г. церемониймейстер двора (см.: Сборник биографий кавалергардов, т. III, СПб., 1906, стр. 393—397; *Дн. Модз.*, стр. 68—70; *Дн. Сав.*, стр. 210—211; *Письма*, т. III, стр. 616—617; Г. И. Студенкин. Родословие графов Бобринских. *PC*, 1890, № 4, стр. 222). Пушкин познакомился с Б., возможно,

еще до южной ссылки. В 1833 г. он причислял Б. к своим «старым знакомым» (*Акад.*, XV, № 840). О посещениях Пушкиным Б. см. его дневник (*Акад.*, XII, стр. 317, 319, 320), а также воспоминания А. А. Бобринского-сына (*РА*, 1910, кн. 2, стр. 317). О частых встречах Пушкина и Б. в салоне Фикельмон см.: *Вяземский*, т. VII, стр. 226. 18—19 апреля 1836 г. Вяземский писал Пушкину о доставлении им Б. первой книжки «Современника» (*Акад.*, XVI, № 1183). С начала 1834 г. Пушкин и Б. встречались также при дворе, причем Б., по своей должности церемониймейстера, и его мать гр. А. В. Бобринская оказывали не сведущему в этикете поэту мелкие услуги (см.: *Акад.*, XII, стр. 333 и 336). Сохранилось одно письмо Пушкина к Б. Письма Б. к Пушкину неизвестны. *Н. П.*

Боголюбов Варфоломей Филиппович (ок. 1785—1842) — воспитанник канцлера кн. А. Б. Куракина; был определен им в Коллегию иностранных дел, но способностей к дипломатической службе не проявил. В начале 1830-х годов числился при Герольдии, а в 1834 г. отставлен от службы в чине статского советника (см.: Неизданный Пушкин. Изд. «Атеней», Пб., 1922, стр. 219—221). В молодые годы Б. по службе сблизился с А. Х. Бенкендорфом и С. С. Уваровым (см. письма Б. к А. Б. Куракину: *РА*, 1893, кн. 3, стр. 233, 244, 295; *ЛН*, т. 33—34, стр. 231—232; ср.: Письма А. Тургенева к Булгаковым. М., 1939, стр. 85, 89, 112 и др.). Б. был принят в обществе, но с молодости ему сопутствовала сомнительная слава, находящая объяснение в мемуарах современников: Греч пишет о Б. как о «воришке» и передает слухи о связи его с III отделением (см.: Н. И. Греч. Записки о моей жизни. Изд. «Academia», М.—Л., 1930, стр. 568—571), Н. И. Куликов характеризует его как «креатуру Уварова», «уваровского шпиона-переносчика» (*РС*, 1881, № 8, стр. 606, 611. См. также: *РА*, 1898, кн. 1, стр. 532; 1900, кн. 3, стр. 357, 561, 576; *ОА*, т. II, стр. 169; и др.). По-видимому, Пушкин познакомился с Б. вскоре после окончания Лицея, но немногие свидетельства об их встречах относятся уже к 1830-м годам. По воспоминаниям Куликова, летом 1833 г. друзья упрекали Пушкина за то, что он постоянно общался с Б., который заискивал перед поэтом и «искал для него денег» в долг (*РС*, 1881, № 8, стр. 606, 611—612). Ввиду связей Б. с Уваровым ему отводили неблаговидную роль в событиях последнего года жизни Пушкина. В феврале 1836 г. Б. спровоцировал столкновение между Пушкиным и кн. Н. Г. Репниным (см. письма 143, 145). П. Е. Рейнбот высказывал даже предположение о том, что Б. являлся автором подметных писем (см.: Н. И. Греч. Записки о моей жизни, стр. 809; *Щеголев*, стр. 472; С. П. Жихарев. Записки современника, т. III. М.—Л., 1934, стр. 543—544). *Н. П.*

Болтин Илья Александрович (1795—1856) — отставной подполковник, действительный статский советник, которому Л. С. Пушкин выдал 27 ноября 1833 г. заемное письмо на проигранные ему в карты 10 тыс. руб. *О. П.*

** **Борро** (Borrow) Джордж (1803—1881) — английский писатель и переводчик; в 1833—1835 гг. жил в Петербурге. Страстный почитатель и переводчик Пушкина, Б., однако́, лично знаком с ним не был. Б. принадлежит заслуга первых переводов Пушкина на английский язык, изданных в 1835 г.; переводы его, впрочем, не отличаются художественными достоинствами и полным пониманием русского текста. В дальнейшем Б. перевел также «Цыган» и работал над переводом «Руслана и Людмилы». В 1838 г. в письме к Гасфельдту Б. выражал скорбь о гибели Пушкина как о потере «для всего мира». Известно одно письмо Пушкина к Б.; других, по-видимому, и не было. См.: М. П. Алексеев. Письмо Пушкина к Джорджу Борро. «Вестник ЛГУ», 1949, № 6, стр. 133—139. *В. В.*

** **Брюллов** Карл Павлович (1799—1852) — художник. В 1830-х годах приобрел широкую известность и признание в кругах близких Пушкину литераторов и любителей искусства (Жуковский, Гоголь, Перовский и др.). В 1836 г. Пушкин познакомился с Б. и часто общался с ним. 25 января 1837 г., за два дня до дуэли, Пушкин и Жуковский посетили мастерскую Б., где Пушкин пытался выпросить у художника понравившийся ему ри-

сунок «Съезд на бал к австрийскому посланнику в Смирне» (А. И. Мокрицкий. Воспоминание о Брюллове. *ОЗ*, т. CIII, 1855, отд. II, стр. 165—166; см. также: Н. Лернер. Пушкин у Брюллова. *Венг.*, т. VI, стр. 520—522). Высоко ценя талант Б., Пушкин неоднократно упоминает о нем в своих произведениях; так, мотивами «Последнего дня Помпеи» Б. навеяно стихотворение «Везувий зев открыл» (1834). Творчество Б., несомненно, служило Пушкину материалом и для теоретического осмысления; в черновике статьи о «Фракийских элегиях» он на материале творческой истории картин Б. ставит вопрос о сущности оригинального и подражательного таланта (*Акад.*, XII, стр. 372); тот же вопрос он затрагивал и ранее, в беседе по поводу картины Б. «Итальянское утро» в 1827 г. (см.: Н. Ашукин. Пушкин перед картиной Брюллова. *Звенья*, т. II, стр. 235—241). По свидетельству Е. И. Маковского, Пушкин предлагал Б. сюжет картины из истории Петра I (Н. А. Рамазанов. Материалы для истории художеств в России, кн. 1. М., 1863, стр. 187; Э. Ацаркина. Карл Павлович Брюллов. Жизнь и творчество. Изд. «Искусство», М., 1963, стр. 168). Б. предполагал написать портрет Пушкина; Б. приписывался и портрет Пушкина, который был на Пушкинской выставке в Москве (1899 г.). Однако, по свидетельству Т. Г. Шевченко (в повести «Художник») со слов самого Б., Пушкин не стал позировать и просил художника сделать портрет Натальи Николаевны, от чего в свою очередь отказался Б. В архиве Б. были автографы Пушкина, в частности стихотворение «Альфонс садится на коня» (см.: Ив. Кубасов. Вновь найденный черновой набросок стихотворения Пушкина «Альфонс». *РС*, 1900, кн. 2, стр. 309—315; Э. Ацаркина. Карл Павлович Брюллов, стр. 249—252). Существует одна коллективная записка к Б., подписанная и Пушкиным. *В. В.*

Булгарин Фаддей Венедиктович (1789—1859) — писатель и журналист, один из основных литературных и политических врагов Пушкина. Личное знакомство их состоялось не ранее 1827 г.: 26 ноября 1827 г. Б. встретился с Пушкиным у Дельвига (см.: *РВ*, 1875, август, стр. 597); 6 января 1828 г. Б. сообщает В. А. Ушакову о своем знакомстве с Пушкиным (см.: Щукинский сборник, IX, М., 1910, стр. 161; см. также: «Огонек», 1948, № 51, стр. 16); вплоть до начала 1830 г. Б. помещает в редактируемой им «Северной пчеле» апологетические отзывы о поэзии Пушкина (см. библиографию их: П. Н. Столпянский. Пушкин и «Северная пчела» (1825—1837). *ПиС*, вып. XIX—XX, стр. 117—190; вып. XXIII—XXIV, стр. 127—194). Связанный с III отделением, Б. был одним из непосредственных его осведомителей и сыграл немалую роль в надзоре за поэтом (Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором. Изд. 3-е. Изд. «Атеней», Л., 1925, стр. 34—54, 71—76); эта роль Б. стала одной из основных причин борьбы с ним Пушкина и близких ему писателей. В 1826 г. Б., по-видимому, был негласным цензором «Бориса Годунова» (Г. Винокур. Кто был цензором «Бориса Годунова»? *П. Врем.*, т. 1, стр. 203—214; см., впрочем: Б. П. Городецкий. Кто же был цензором «Бориса Годунова» в 1826 году? *РЛ*, 1967, № 4, стр. 109—119). Кульминация борьбы Пушкина с Б., отразившейся в ряде эпиграмм и журнальных статей и памфлетов, относится к 1830—1831 гг.; Б. выступал в «Северной пчеле» и «Сыне отечества» как автор пасквилей и печатных доносов, на которые Пушкин отвечал в «Литературной газете» и «Телескопе» (см.: М. И. Сухомлинов. Полемические статьи Пушкина. В кн.: М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи.., т. II. СПб., 1889, стр. 267—300; Вл. В. Гиппиус. Пушкин и журнальная полемика его времени. СПб., 1900; В. В. Каллаш. Пушкин, Н. Полевой и Булгарин. *ПиС*, вып. II, стр. 32—49; А. Г. Фомин. Пушкин и журнальный триумвират 1830-х гг. *Венг.*, т. V, стр. 451—492; Н. К. Замков. Архивные мелочи о Пушкине. *ПиС*, вып. XXIX—XXX, стр. 71—77; Н. О. Лернер. Пушкинологические этюды. *Звенья*, т. V, стр. 159—163; Вас. В. Гиппиус. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830—1831 гг. *П. Врем.*, т. 6, стр. 235—255; Б. П. Городецкий. К истории статьи Пушкина «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем». *Изв. ОЛЯ*,

1948, т. 7, вып. 4, стр. 329—340). В 1832 г. острота полемики идет на спад; распространяются необоснованные слухи, что Пушкин примирился с Б.; это связано с начавшимися переговорами между Пушкиным и Гречем об издании газеты (Н. К. Пиксанов. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831—1832). *ПиС*, вып. V, стр. 30—74). С изданием «Современника» полемика продолжается уже в менее резких формах, что отчасти связано с усилением цензурного надзора (см.: однако, в кн.: М. П. Алексеев. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...». Проблемы его изучения. Л., 1967, стр. 104—107). Борьбу с Б. Пушкин рассматривал как борьбу против так называемого «торгового» направления в литературе; антагонизм литературно-общественных позиций Пушкина и Б. выразился также в ряде произведений Пушкина, противопоставившего внешнему и в существе своем реакционному «демократизму» Б. свою концепцию просвещенного и передового дворянства (Б. Эйхенбаум. Литература и писатель. «Звезда», 1927, № 5, стр. 125—131; М. Гельфанд. Из истории классовой борьбы в русской литературе XIX в. «Литература и марксизм», 1930, кн. 4—5, стр. 55—97; В. Ф. Переверзев. Пушкин в борьбе с русским плутовским романом. *П. Врем.*, т. 1, стр. 164—188; В. Г. Березина. Из истории «Современника» Пушкина. *П. Иссл. и мат.*, I, стр. 287—289, 298—299, 302—304; Б. Мейлах. Об одном стихотворении Пушкина. *РЛ*, 1958, № 1, стр. 112—116; М. П. Еремин. Пушкин-публицист. Гослитиздат, М., 1963, стр. 350 и сл.). *В. В.*

Бутера ди Ридали, князь Джорджио Вильдинг (ум. 1841) — с декабря 1835 г. неаполитанский посланник в Петербурге, по отзыву современника, — человек умный и образованный (Franz Freiherr von Andlaw. Mein Tagebuch, 1-er Band. Frankf. am M., 1862, стр. 155). О его женитьбе на гр. В. П. Полье (*см.*) есть запись в дневнике Пушкина 17 марта 1834 г. (*Акад.*, XII, стр. 322). В двух донесениях своему правительству кн. Б. писал в благожелательном по отношению к Пушкину тоне о его дуэли, рассматривая смерть поэта как «общественное несчастье» (см.: *Щеголев*, стр. 377—379). *Я. Л.*

В. (у Пушкина — жиденок-лекарь, настоящее имя его неизвестно) — шарлатан, выдававший себя за доктора и алхимика. В начале 1830-х годов пользовался доверием П. В. Нащокина и обирал его, о чем свидетельствует В. В. Толбин в своих воспоминаниях о Нащокине (см.: М. Гершензон. Друг Пушкина П. В. Нащокин. «Русская мысль», 1904, № 4, стр. 112—113; *Венг.*, т. V, 1911, стр. 20—21). *Н. П.*

Валленштейн Альбрехт (1583—1634) — германский имперский полководец периода Тридцатилетней войны. Свою военную власть пытался использовать для проведения собственной политики. Обвиненный в сношениях с неприятелем, был отстранен от командования армией и убит по приказу императора. Пушкин был знаком с судьбой В. прежде всего по драматической трилогии Ф. Шиллера «Валленштейн» (1800). Упоминания о шиллеровском «Валленштейне» см. в письмах к Пушкину Н. Н. Раевского от 10 мая 1825 г. и Ф. Н. Глинки от 28 ноября 1831 г. (*Акад.*, XIII, № 169; XIV, № 706). Сопоставление некоторых мотивов «Валленштейна» Шиллера и пушкинского «Бориса Годунова» см.: Н. П. Верховский. Западноевропейская историческая драма и «Борис Годунов» Пушкина. В кн.: Западный сборник, I. Под ред. В. М. Жирмунского. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937, стр. 196—198, 223. *Н. П.*

** **Ваттемар** (Vattemar) Александр — французский драматический артист, мим и чревовещатель; известен также как крупный коллекционер автографов и автор проекта организованного обмена дублетами в международном масштабе между коллекционерами и библиотеками. В 1834 г. дал ряд сеансов в России. Общался с целым рядом крупнейших русских писателей (Крылов, Жуковский, Козлов); по сообщению шурина Пушкина С. Н. Гончарова, В. посетил Пушкина, который 16 июня 1834 г. вписал в его альбом евангельское изречение «Votre nom est Légion car vous êtes plusieurs» (Ваше имя — легион, ибо вас множество). В собрании В. были

автографы стихотворений Пушкина «Подражания древним» («Чистый лоснится пол...» и «Славная флейта, Феон...»), ныне находящиеся в ИРЛИ (№ 971); от С. Н. Гончарова идут также сведения о стихотворении, якобы написанном Пушкиным для В. и до нас не дошедшем. См.: О. С. Соловьева. Новые данные об автографах Пушкина. *Врем. ПК, 1962*, стр. 12—17, со сводом литературы. Известна одна записка Пушкина к В. Письма В. к Пушкину неизвестны. *В. В.*

Веневитинов Алексей Владимирович (1806—1872) — брат поэта Д. В. Веневитинова, дальний родственник Пушкина (*ПиС*, вып. XI, стр. 120). По окончании Московского университета служил в Москве и Петербурге. После донесения Николаю I об обследовании государственных имуществ Курской губернии (в июне 1836 г.) В. сделал большую чиновничью и придворную карьеру, вплоть до товарища министра уделов и сенатора (см.: *Письма*, т. III, стр. 320). Сохранились его воспоминания о посещении Пушкиным в 1826 г. дома Веневитиновых, где Пушкин рассказывал о своем свидании с Николаем I и читал «Бориса Годунова» (*РС*, 1880, № 3, стр. 674—675). См.: *Барсуков*, по указ.; *Письма*, т. III, стр. 320—321; см. также письма В. к В. Ф. Одоевскому (*РС*, 1904, № 4, стр. 203), С. Л. Пушкину (*ПиС*, вып. VIII, стр. 59—60); *РА*, 1884, кн. III, стр. 239; гр. Н. Е. Комаровский. Записки. М., 1912, гл. IV; К. Ф. Головин. Мои воспоминания, т. I. СПб., 1908, *О. П.*

* **Вигель** Филипп Филиппович (1786—1856) — чиновник и литератор, один из основателей «Арзамаса», автор ценных «Записок»; познакомился с Пушкиным в Петербурге, вероятно, в 1817 г. на собраниях «Арзамаса». В дальнейшем встречался с Пушкиным в Кишиневе и Одессе (1820—1824 гг.), в Москве (1827 и 1829 гг.) и в Петербурге (1830-е годы). Переписка между ними дошла до нас не полностью. Сохранилось одно письмо Пушкина к В. (1823) и 3 письма В. к Пушкину. Собираясь издавать газету, Пушкин летом 1831 г. обратился к В. за советом (*Акад.*, XIV, № 645). В конце 1836 г. В. прислал Пушкину статью, которую тот одобрил и хотел опубликовать в «Современнике». Пушкин ценил в В. собеседника и оставил о нем отзыв в дневнике (запись от 7 января 1834 г.: *Акад.*, XII, стр. 318). В. придерживался ультрамонархических воззрений; среди современников пользовался репутацией безнравственного и вместе с тем очень умного человека. Воспоминания В. о Пушкине см.: Ф. Ф. Вигель. 1) Записки, тт. 1—2, со статьей о нем С. Я. Штрайха. М., 1928 (по указ.); 2) Москва и Петербург. *РА*, 1893, № 7, стр. 576. Об отношениях между Пушкиным и В. см.: Материалы для биографического словаря одесских знакомых Пушкина. В кн.: Пушкин. Статьи и материалы, вып. III. Под ред. М. П. Алексеева. Одесса, 1926, стр. 29—32. *Б. Б.*

Виельгорская Луиза Карловна, графиня, урожд. принцесса Бирон (1791—1853), — жена гр. Мих. Ю. Виельгорского. По свидетельству В. А. Соллогуба, у графини был свой круг знакомых, не имевший ничего общего с литературным и артистическим окружением мужа. Приемы В. «отличались самой изысканной светскостью и соединяли в ее роскошных покоях цвет придворного и большого света» (*Соллогуб*, стр. 293—297, 403—404), поэтому отношения между нею и Пушкиным были только официально-светские в отличие от отношений между поэтом и мужем графини (см. ниже). *Я. Л.*

Виельгорский Михаил Юрьевич, граф (1788—1856) — гофмейстер двора, композитор-дилетант и знаток музыки; его романсы пользовались большой популярностью; им были положены на музыку стихотворения Пушкина «Песнь Земфиры» (из поэмы «Цыганы»), «Черная шаль» и «Шотландская песня», начата опера на сюжет «Цыган». Дом В. (в Москве, потом в Петербурге) был своеобразным музыкальным центром. Пушкин был дружен с В. На обеде 13 декабря 1836 г., после первого представления «Жизни за царя» («Ивана Сусанина») Глинки, В. участвовал вместе с Пушкиным, Вяземским и Жуковским в сочинении шутливого «Канона в честь М. И. Глинки», для которого В. вместе с В. Ф. Одоевским написал музыку.

В. был одним из тех, кто получил 4 ноября 1836 г. пасквильный «диплом» на имя Пушкина, он же улаживал (вместе с Жуковским) отношения Пушкина с Геккерном после первого вызова. Полученный В. экземпляр «диплома» поступил затем в III отделение (см.: *Поляков*, стр. 13—16, с репродукциями), теперь — в ИРЛИ (ф. 244, оп. 18, № 1; *Бюлл. РО*, вып. VIII, стр. 5—6, № 1). После дуэли Пушкина с Дантесом В. в числе ближайших друзей был неотлучно у постели умирающего поэта. По свидетельству А. И. Тургенева, Пушкин, прощаясь с друзьями, «Велгурскому сказал, что любит его» (*Щеголев*, стр. 291). По просьбе вдовы Н. Н. Пушкиной В. был назначен одним из трех опекунов детей поэта. Переписка между Пушкиным и В. неизвестна и, по-видимому, не существовала. *Я. Л.*

Винценгероде Фердинанд Федорович, барон (1770—1818) — генерал-от-кавалерии; служил в гессенской и австрийской армиях; в 1797 г. перешел на русскую службу, участвовал в войнах с Наполеоном. В 1812 г. организовал под Москвой серию партизанских набегов на французские части по Ярославской, Дмитровской и Рузской дорогам; в 1813 г. командовал корпусом, в который входил и отряд Д. В. Давыдова; последний имел с В. ряд столкновений. В. был типичным генералом немецкой военной школы на русской службе, педантом-теоретиком, во всем противоположным Д. В. Давыдову. *В. В.*

Витали Иван Петрович (1794—1855) — русский скульптор. В мае 1836 г., будучи в Москве, Пушкин заходил к Брюллову, который жил в квартире В. (Кузнецкий мост, дом Демидова, теперь д. № 14). После смерти Пушкина В. по заказу П. В. Нащокина и под его присмотром вылепил бюст Пушкина, впоследствии повторенный в мраморе и в бронзе, который заслужил высокую оценку современников (см. письма М. П. Погодина к П. А. Вяземскому от 29 апреля 1837 г.: *Стар. и нов.*, кн. 4, 1901, стр. 34, и Вяземского к Нащокину от 24 мая 1837 г.: *ЛН*, т. 58, стр. 146). См. также: М. Беляев, П. Рейнбот. Бюсты Пушкина работы Витали и Гальберга. *ПиС*, вып. XXXVII, стр. 200—204; Л. Февчук. Первые скульптурные изображения Пушкина. В кн.: Пушкин и его время. Вып. 1. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1962, стр. 395—407. Высокую оценку творчеству В. дал И. С. Тургенев в 1847 г. в «Современнике» (И. С. Тургенев, Полное собрание сочинений и писем, Сочинения, т. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1960, стр. 303—306). *Я. Л.*

Воейков Александр Федорович (1777—1839) — поэт, критик и журналист, профессор Дерптского университета; член «Арзамаса». В 1820 г. выступил с резким критическим отзывом о «Руслане и Людмиле», осуждая поэму с позиций нормативных поэтик XVIII в. (см.: Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 343 и сл.; Д. Д. Благой. «Руслан и Людмила» Пушкина. Уч. зап. МГУ, вып. 127, Труды кафедры русской литературы, кн. 3, 1948, стр. 47 и сл.). Позднее В. меняет тон отзывов о Пушкине, доводя его до панегирического (см. его рецензию на поэмы Пушкина: «Новости литературы», 1824, ч. 7, № 11, стр. 161—171; № 12, стр. 177—189; стихи В. о Пушкине: В. В. Каллаш. Puschkiniana, вып. II. Киев, 1903, стр. 103; см. также отзывы его о «Борисе Годунове»: *РА*, 1890, № 9, стр. 92—93, в письме В. М. Перевощикову 22 ноября 1826 г.). Человек совершенно беспринципный, В. систематически занимался контрафакциями; наиболее шумная из них — публикация в «Новостях литературы» (1824, июль) отрывка из «Братьев-разбойников», переданных Пушкиным в «Полярную звезду» (см.: *Лит. арх.*, I, стр. 422—423; «Памяти декабристов». Сб. материалов, I. Л., 1926, стр. 47, 69, 78—79; *Письма*, т. II, стр. 265). Связи с В., однако, Пушкин не прерывает и в 1825—1834 гг. печатает в его журналах ряд стихотворений и статей. В борьбе с Полевым и Булгариным В. — союзник Пушкина, который отзывался о нем как о первоклассном полемисте; существует свидетельство, что Пушкин восхищался двустишием из известной сатиры В. «Дом сумасшедших», направленным против Булгарина и Греча (*Лет. ГЛМ*, стр. 559); памфлеты против Булгарина, Греча, Полевого, а затем Сенковского В. печатал в издаваемых им журналах и

газетах «Славянин» и «Литературные прибавления к Русскому инвалиду»; в последней В. рекламировал в 1836 г. «Современник». Отзыв В. о «Современнике» см. также в его письме к А. А. Краевскому 29 августа 1836 г. (Отчет имп. Публичной библиотеки за 1891 г., СПб., 1894, прилож., стр. 3). Отклик В. на смерть Пушкина см. в его письме к Стороженко 4 февраля 1837 г. (*ПиС*, вып. VI, стр. 107—109). *В. В.*

Волков Матвей Степанович (1802—1873) — выдающийся инженер и разносторонний ученый своего времени. Окончив Институт Корпуса путей сообщения (лучшим в выпуске 1821 г.), В. был оставлен при институте и преподавал в нем до 1843 г. С начала 1840-х годов В. стал постоянным сотрудником «Отечественных записок», где поместил ряд статей о физиологии человеческого мозга, а также капитальное исследование «О музыкальных гаммах». В 1843 г., не сойдясь с новым начальником Главного управления путей сообщения П. А. Клейнмихелем, В. вышел в отставку в чине полковника и в звании профессора строительного искусства и переселился в Париж (*PC*, 1901, № 6, стр. 474). В 1850-е годы и позднее В. преимущественное внимание уделял политической экономии, развивая и пропагандируя идеи немецкого экономиста Тюнена (J. H. Tühnen, 1788—1850). В. состоял членом Вольного экономического общества и Московского общества сельского хозяйства (с 1839 г.). Разорившись после падения акций компании «Crédit mobilier», В. в 1873 г. переехал в Одессу, где и умер (А. И. Дельвиг. Мои воспоминания, т. III. М., 1913, стр. 299—300). Позднее В. был назван «замечательным русским экономистом XIX века, ... убежденным сторонником математического метода, писателем, которому современность до сих пор не воздала должного» (В. В. Самсонов. Теория чистого дохода у физиократов. Изв. Российск. Акад. наук, VI серия, 1917, № 17, стр. 1471). В недавнее время В. получил признание и как талантливый, прогрессивно мыслящий инженер (см.: В. С. Виргинский. Возникновение железных дорог в России до начала 40-х годов XIX в. М., 1949, стр. 97—99 и др.). О В., современнике Пушкина, см.: М. П. Алексеев. Пушкин и наука его времени. *П. Иссл. и мат.*, т. I, стр. 117—119. *Б. Б.*

Волынский Артемий Петрович (1689—1740) — государственный деятель. Один из младших сподвижников Петра I, был при нем послом в Персии, затем — астраханским губернатором. В связи с этим имя В. неоднократно встречается в подготовительных текстах и материалах Пушкина к «Истории Петра» (*Акад.*, X, по указ.). В бытность астраханским и позднее — казанским губернатором В. проявил себя жестоким крепостником и взяточником, вызвав недовольство подчиненных и дважды — возбуждение против него судебного дела. В царствование Анны Иоанновны В. выдвинулся сначала как противник боярской оппозиции, затем продолжал свою карьеру, опираясь на немецкие придворные круги. Его проект переустройства государственного управления рассчитан, в частности, на усиление роли русского среднего дворянства. Реальное содержание программы В. — это борьба за придворное влияние, которая могла вылиться в дворцовый переворот. Исход борьбы и поражение В. были решены вмешательством Бирона. В. и его сторонники были казнены 27 июня 1740 г. (см. о В.: Записка об Артемии Волынском. «Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете», 1858, кн. 2, стр. 135—170; Д. А. Корсаков. Из жизни русских деятелей XVIII века. Казань, 1891, стр. 283—330; Ю. Готье. «Проект о поправлении государственных дел» А. П. Волынского. «Дела и дни», 1922, кн. 3, стр. 1—31). До 1835 г. упоминания Пушкина о В. не дают оценки его личности или деятельности (см.: «Отрывки из писем, мысли и замечания» — *Акад.,* XI, стр. 53 — и подготовительные тексты к «Истории Петра»). Об оригинальном и весьма строгом взгляде Пушкина на В. свидетельствует его полемическое письмо к И. И. Лажечникову по поводу романа «Ледяной дом». Спор с Лажечниковым Пушкин намеревался продолжить частичной публикацией в «Современнике» «Записки об Артемии Волынском», составленной

Д. Н. Блудовым и основанной на документальных материалах (см.: Н. Петрунина. Два замысла Пушкина для «Современника». *РЛ*, 1966, № 4, стр. 153—160). В «Капитанской дочке» традиционно-идеализированное представление о В. вложено в уста старшего Гринева (*Акад.*, VIII, стр. 370). *Н. П.*

Вольтер (Voltaire) — псевдоним Мари-Франсуа Аруэ (Arouet; 1694—1778). С сочинениями В. Пушкин познакомился еще до поступления в Лицей по библиотеке отца. В лицейские годы «фернейский злой крикун» (*Акад.*, I, стр. 97; IV, стр. 279) — один из любимых писателей Пушкина. Его влияние ощущается в ряде произведений, начиная с поэмы «Монах» (1813). Сочинения В. служат для Пушкина-лицеиста источником сведений о западных литературах (см.: М. М. Покровский. Пушкин и античность. *П. Врем.*, т. 4—5, стр. 32—36; Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. Изд. «Сов. писатель», Л., 1960, стр. 91). В эти годы Пушкина особенно привлекали ироническое остроумие и скептицизм В. До 1825 г. Пушкин переводит ряд стихотворений В., в том числе начало 1 песни «Орлеанской девственницы», которую он считал лучшим произведением В. К середине 1820-х годов оценка В. у Пушкина усложняется в связи с общей переоценкой классицизма, и особенно классической трагедии. С одной стороны, Пушкин воспринимает теперь сказки В. и его «Девственницу» как образцы романтической поэзии (см.: *Акад.*, XI, стр. 38), с другой стороны, усиливается тяготение Пушкина к В. — философу и историку (см., например: *Акад.*, XIII, № 91). С этого времени Пушкин постоянно обращается к сочинениям В. как историческому источнику (см., например: Д. П. Якубович. Пушкин в работе над прозой. «Лит. учеба», 1930, № 4, стр. 55; Н. В. Измайлов. К вопросу об исторических источниках «Полтавы». *П. Врем.*, т. 4—5, стр. 442—444, 448—450; Я. И. Ясинский. Работа Пушкина над историей Французской революции. Там же, стр. 359—385). В 1830-х годах Пушкин занимался в библиотеке В. (см.: *Акад.*, XV, №№ 741 и 743; Д. П. Якубович. Пушкин в библиотеке Вольтера. *ЛН*, т. 16—18, стр. 905—922; И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 2-е. Изд. «Сов. писатель», М., 1958, стр. 136—145; М. П. Алексеев. Библиотека Вольтера в России. В кн.: Библиотека Вольтера. Каталог книг. Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 41—54), широко учитывая его труды в своих занятиях по русской истории XVIII в. (см.: *Акад.*, IX, стр. 40, 146—147; X, стр. 62, 152, 194 и др.). Итоговую оценку историко-культурного значения В. Пушкин дал в незавершенной статье 1834 г. «О ничтожестве литературы русской». Рассматривая В. как «великана» просветительной философии XVIII в., Пушкин отмечает, что стихи были для него лишь «важной отраслию умственной деятельности человека», а театр — средством для выражения «правил своей философии» (*Акад.*, XI, стр. 271—272). Под влиянием своего собственного сложного положения при дворе у Пушкина обостряется интерес к личности В., который в отношениях с монархами и обществом «никогда не умел сохранить своего собственного достоинства» (см. статьи «Вольтер», 1836, и «Последний из свойственников Иоанны д'Арк» (конец 1836—начало 1837 г.): *Акад.*, XII, стр. 75—81 и 153—155). Об эволюции взглядов Пушкина на В. см.: Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. Изд. «Сов. писатель», Л., 1960, стр. 122—132. *Н. П.*

** **Вольховский** Владимир Дмитриевич (1798—1841) — товарищ Пушкина по Лицею. При выпуске был награжден I золотой медалью и определился на службу в Гвардейский Генеральный штаб по квартирмейстерской части. Участвовал в экспедициях в Бухару (1820) и в Хиву (1825). Еще в лицейские годы В. был вовлечен И. Г. Бурцовым в созданную им «Священную артель», позднее был членом Союза спасения и Союза благоденствия. Привлекался к дознанию по делу декабристов, был оправдан, но внесен в «Алфавит декабристов» и в 1826 г. переведен на Кавказ, где служил под начальством Паскевича, участвовал в персидской и турецкой кампаниях 1826—1829 гг. и в дипломатических переговорах с Персией.

В 1830 г. В. был назначен в армию, действовавшую против польских повстанцев. В 1831—1837 гг. В. — генерал-майор, начальник штаба Отдельного кавказского корпуса. В 1837 г. по приказу Николая I отстранен от должности и назначен бригадным генералом в Западный край, а в 1839 г. из-за напряженных отношений с Паскевичем вынужден был выйти в отставку (см.: *Гастфрейнд. Товарищи П.*, т. I, стр. 1—286; *Дн. Модз.*, стр. 139—141; В. Шадури. Декабристская литература и грузинская общественность. Изд. «Заря Востока», Тбилиси, 1958, стр. 172—173, 236—237). В стихотворении Пушкина «Пирующие студенты» (1814) В. подразумевается в числе «спартанцев» (*Акад.*, I, стр. 59). С той же характеристикой, расширенной за счет перефразировки лицейского гимна (см.: К. Я. Грот. Пушкинский лицей. СПб., 1911, стр. 228), В. упоминается в стихотворении «19 октября 1825 г.» (*Акад.*, II, стр. 969). В лицейские годы имя В. встречается в дневнике Пушкина в тексте куплетов лицеистов на Карцева (см.: *Акад.*, XII, стр. 299). О встречах Пушкина с В. по окончании Лицея до ссылки см.: *Летопись*, стр. 140, 163. В 1829 г. Пушкин свиделся с В. во время Арзрумского похода, что отразилось в «Путешествии в Арзрум» (*Акад.*, VIII, стр. 466, 471). Последняя встреча Пушкина и В. произошла в Петербурге в 1834 г. (см.: *Акад.*, XII, стр. 324). При этом свидании Пушкин, видимо, напомнил В. о его старом обещании определить в Кавказский корпус Л. С. Пушкина (см.: *Гастфрейнд. Товарищи П.*, т. I, стр. 233). Из письма М. Л. Яковлева к В. от 22 июня 1837 г. видно, что В., узнав о смерти Пушкина, глубоко переживал гибель поэта, интересовался ее обстоятельствами и пушкинским «Современником» (см.: *Гастфрейнд. Товарищи П.*, т. I, стр. 156—157). Известно одно письмо Пушкина к В.; письма В. к Пушкину неизвестны. *Н. П.*

** **Воронцова** Елизавета Ксаверьевна, графиня, впоследствии княгиня, урожд. гр. Браницкая (1792—1880), — жена (с 1819 г.) новороссийского и бессарабского генерал-губернатора гр. М. С. Воронцова. Пушкин познакомился с В. в Одессе не ранее 6 сентября 1823 г. (см.: *Летопись*, стр. 404; ср.: Пушкин. Статьи и материалы. Под ред. М. П. Алексеева. Вып. III. Одесса, 1926. Здесь же (стр. 34—44, 95—96) см. наиболее полный свод материалов о биографии В. и ее отношениях с Пушкиным в одесский период. Отдельные (преимущественно хронологические) уточнения см.: Т. Г. Цявловская. Неясные места биографии Пушкина. *П. Иссл. и мат.*, т. IV, стр. 33; С. С. Ланда. Одесса. 1820—1824. В кн.: Здесь жил Пушкин. Лениздат, 1963, стр. 267—271). С перерывами, вызванными отлучками В. из Одессы, особенно продолжительными весной и летом 1824 г., Пушкин общался с ней до ссылки в Михайловское. Зимой 1823—1824 гг. Пушкин — постоянный посетитель дома и салона В. (см.: *Летопись*, стр. 422, 424, 425, 439 и др.; *Рукою П.*, стр. 300—301). Ряд источников говорит о несомненном увлечении Пушкина В. и о ее расположении к поэту (перечень источников см.: *Летопись*, стр. 413). В увлечении Пушкина В., ставшем через А. Н. Раевского известным гр. Воронцову, современники поэта и ряд исследователей усматривают одну из причин ссылки его в Михайловское. В том же направлении информировал И. И. Пущина и сам Пушкин (см.: И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Письма. Гослитиздат, М., 1956, стр. 79). Признана достоверной и версия о подарке В. Пушкину перстня-талисмана. О. С. Павлищева сообщает о письмах, запечатанных таким же перстнем, которые Пушкин получал в Михайловском (см.: П. В. Анненков. А. С. Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874, стр. 282—283); ср. с этим запись Пушкина о получении им письма В. 5 сентября 1824 г. (см.: *Акад.*, VI, стр. 322; ср.: *Рукою П.*, стр. 301—302). Сведения о переписке между Пушкиным и В. подкрепляются и рассказом домоправителя В. Г. И. Тумачевского об уничтожении ею после 1859 г. «небольшой связки с письмами Пушкина» (*РА*, 1912, т. II, стр. 159). Отрывок одного из писем Тумачевский воспроизвел по памяти (см.: *Акад.*, XIII, Dubia, № 5). Об интересе Пушкина к В. в последующие годы свидетельствуют письмо к нему А. Н. Раевского от 21 августа 1824 г. с сообщением о В. (*Акад.*,

XIII, № 97), вопрос поэта к В. Ф. Вяземской о судьбе В. и А. Н. Раевского в письме к П. А. Вяземскому от 1 сентября 1828 г. (*Акад.*, XIV, № 387) и его дневниковая запись от 8 апреля 1834 г. с приведением отзыва Я. Д. Бологовского о В. (*Акад.*, XII, стр. 325). Среди портретных зарисовок Пушкина 1823—1825 гг. первое (по количеству) место занимают портреты В. (см.: *Летопись*, стр. 404, 414, 415, 421 и др.). К В. с большей или меньшей вероятностью относят ряд стихотворений и набросков Пушкина 1823—1830 гг. (наиболее полный их перечень до 1826 г. см.: *Летопись*, стр. 413; ср. комментарий к этим стихотворениям в изд.: *Гослит. в 10 т.*, т. II), а Б. П. Городецкий даже говорит об «обширном лирическом цикле» Пушкина, связанном с именем В. (см.: Б. П. Городецкий. Лирика Пушкина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 278, 289—293, 358, 384—386). Об общении Пушкина с В. во время ее приездов в Петербург в 1830-х годах свидетельствует ее письмо к поэту от 26 декабря 1833 г. из Одессы за подписью «E. Wibelman» (*Акад.*, XV, № 868), из которого видно, что Пушкин обращался к В. с просьбой о поисках в родовых архивах Потоцких рукописи Яна Потоцкого. Сохранилось одно письмо Пушкина к В. и одно письмо В. к Пушкину. *Н. П.*

Воронцов-Дашков Иван Илларионович, граф (1790—1854) — обер-церемониймейстер двора, муж А. К. Нарышкиной, известный богач. Пушкин бывал на балах в его доме, в последний раз он был 23 января 1837 г., за четыре дня до дуэли. С. Н. Карамзина вспоминала об этом в письме к Андрею Н. Карамзину 30 января 1837 г.: «Считают, что на балу у Воронцовых в прошлую субботу раздражение Пушкина дошло до предела, когда он увидел, что его жена беседовала, смеялась и вальсировала с Дантесом» (*Карамзины*, стр. 167). См. также в письме П. А. Вяземского к вел. кн. Михаилу Павловичу: «Бал у Воронцовых, где, говорят, Геккерен был сильно занят г-жой Пушкиной, еще увеличил его раздражение» (*Щеголев*, стр. 262). *Я. Л.*

Воронцова-Дашкова Александра Кирилловна, графиня, урожд. Нарышкина, — жена гр. И. И. Воронцова-Дашкова, во втором браке баронесса де Пуальи (1818—1856), известная по стихотворениям Лермонтова («К портрету» — «Как мальчик кудрявый резва», 1840) и Некрасова («Княгиня», 1856). По сообщению М. Н. Лонгинова, В.-Д., возвращаясь с Островов днем 27 января 1837 г., «встретила Пушкина, едущего на острова с Данзасом, и направляющихся туда же Дантеса с д'Аршиаком. Она думала, как бы предупредить несчастие, в котором не сомневалась после такой встречи, и не знала, как быть, К кому обратиться? Куда послать, чтоб остановить поединок? Приехав домой, она в отчаянии говорила, что с Пушкиным непременно произошло несчастие» («Современная летопись», воскресное прибавление к *М. вед.*, 1863, № 18, май, стр. 13). В другой редакции записано Лонгиновым на экземпляре книги Аммосова, хранящемся в *ПД* (см.: *Щеголев*, стр. 448). *Я. Л.*

* **Вульф** Алексей Николаевич (1805—1881) — близкий знакомый Пушкина, сын П. А. Осиповой от первого брака. Тесное общение Пушкина с В. относится ко времени михайловской ссылки, когда В., студент Дерптского университета, приезжал в Тригорское на каникулы (*Летопись*, стр. 506, 774). Через В. Пушкин познакомился с Языковым, его товарищем по университету. Весной 1825 г. Вульф был посвящен в планы побега Пушкина за границу и собирался провезти его с собой под видом слуги (см.: М. А. Цявловский. Тоска по чужбине у Пушкина. В кн.: М. А. Цявловский. Статьи о Пушкине. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 138 и сл.). Общение Пушкина с В. продолжалось в 1827—1830 гг. В дневниках В. за эти годы содержатся ценные сведения о разговорах с Пушкиным, о работе Пушкина над «Арапом Петра Великого», «Полтавой», «Евгением Онегиным» и др.; рассказы В. о Пушкине были записаны позднее и М. И. Семевским (Прогулка в Тригорское: *СПб. вед.*, 1866, №№ 139 (24 мая), 146 (31 мая), 157 (11 июня), 163 (17 июня), 168 (22 июня), 175 (29 июня)). Сохранилось 7 писем Пушкина к В. (ответные письма неизвестны); они

носят откровенный и интимный характер, так как В. нередко был товарищем, а иной раз и соперником Пушкина в его любовных увлечениях (отсюда обозначение «тверской Ловлас», применяемое Пушкиным и к себе; см.: *Акад.*, XIV, № 393). Дневник В. является своеобразным памятником «любовного быта пушкинской эпохи», но наряду с этим свидетельствует о довольно широких интеллектуальных и, в частности, литературных интересах его автора. Лестную характеристику В. в этом отношении Пушкин дал в заметке о холере (1831?) (*Акад.*, XII, стр. 308—309). В 1829 г. В. поступил унтер-офицером в гусарский принца Оранского полк, участвовал в турецкой и польской кампаниях; в 1833 г. вышел в отставку и с этого времени жил в своих имениях Малинники и Тригорское, занимаясь сельским хозяйством. Встречи его с Пушкиным после 1833 г. были случайны (ср. запись в дневнике В. от 18 февраля 1834 г.). К концу жизни в нем усилились черты болезненной скупости и наклонность к эротомании. О В. см.: *Письма*, т. I, стр. 347; А. Н. Вульф. Дневники. Со статьей М. И. Семевского «Прогулка в Тригорское». Ред. и вступ. ст. П. Е. Щеголева. Изд. «Федерация», М., 1929; *ПиС*, вып. XXI—XXII. *В. В.*

* **Вульф** Анна Николаевна (1799—1857) — старшая дочь П. А. Осиповой от первого брака. Пушкин познакомился с ней летом 1817 г. в Михайловском. В. долго и безнадежно была в него влюблена. Ее имя, вероятно, значится в так называемом «дон-жуанском списке» (см.: *Рукою П.*, стр. 629 и 635). Ее неразделенная любовь отразилась в шести письмах к Пушкину за 1826 год. Прожив безрадостную, одинокую жизнь, «когда-то романтическая девушка, к среднему возрасту она стала неподвижной, скучающей и апатичной старой барышней» (М. Л. Гофман. Комментарий к «Дневнику» А. Н. Вульфа. *ПиС*, вып. XXI—XXII, стр. 208). В. и сестра ее Е. Н. Вревская были в Петербурге, когда происходили последние предцуэльные события, с ними поэт виделся за несколько дней до смерти. Пушкин посвятил ей несколько стихотворений мадригальных или насмешливых: «Хотя стишки на именины» (1825), «Я был свидетелем златой твоей весны» (1825) и др. Высказанное Алексеем Вульфом мнение о том, что В. — прототип Татьяны в «Евгении Онегине», не имеет реальных оснований. Сохранилось 2 письма Пушкина к В., оба 1825 г., написанных в шутливо-ироническом тоне (*Акад.*, XIII, №№ 174, 186), и 6 писем ее к Пушкину (там же, №№ 252, 255, 259, 267, 278, 281); вероятно, писем с обеих сторон, особенно от нее, было гораздо больше. О В. см.: *Письма*, т. I, стр. 363—364; т. II, стр. 145—146; В. В. Вересаев. Пушкин и Анна Вульф. *Звенья*, т. VI, стр. 179—182. *Я. Л.*

Вульф (Вревская) Евпраксия Николаевна (1809—1883) («Зизи», «Зина», «Euphrosine») — вторая дочь П. А. Осиповой, с 1831 г. замужем за бароном Б. А. Вревским. Пушкин познакомился с В. в 1817 г. (см. «Тригорское», 1817). В 1825—1826 гг. он посвятил ей стихотворения «Если жизнь тебя обманет» (1825) и «К Зине» (1826). Близкие дружеские отношения Пушкина и В. начинаются с 1826 г., когда В. принимала участие в совместных пирушках с Пушкиным и Языковым (ср. посвященное ей стихотворение Языкова «К баронессе Е. Н. Вревской» (1845); также упоминание В. в «Евгении Онегине», гл. V, строфа XXXII и надпись на подаренном ей экземпляре «Онегина»: «Твоя от твоих. 22 февр. 1828 г.»); в 1828 или 1829 г., по словам Вульфа, В. была увлечена Пушкиным (*Письма*, т. I, 363—364; *ПиС*, вып. XXI—XXII, стр. 224—227; версию об интимных отношениях между Пушкиным и В. см.: В. Вересаев. Заметки о Пушкине. Пушкин и Евпраксия Вульф. «Новый мир», 1927, № 1, стр. 185—194). В 1835—1837 гг. Пушкин часто общается с В. в Голубове и Петербурге (*ПиС*, вып. XIX—XX, стр. 106—110; вып. XXI—XXII, стр. 311—348, 388—398). В январе 1837 г. В. была одной из немногих близких друзей Пушкина, осведомленных в обстоятельствах, предшествующих дуэли (*РВ*, 1869, № 11, стр. 90; *ПиС*, вып. VIII, стр. 54; О. И. Попова. Неопубликованное письмо П. А. Осиповой к А. И. Тургеневу. *П. Иссл. и мат.*, т. IV, стр. 366—370). *В. В.*

* **Вяземская** Вера Федоровна, княгиня, урожд. княжна Гагарина (1790—1866), — жена (с 1811 г.) П. А. Вяземского. Обаятельная, живая, умная женщина («добрая и милая баба», как писал о ней Пушкин брату 24—25 июня 1824 г.: *Акад.*, XIII, № 88). Была одним из ближайших друзей Пушкина. Поэт познакомился с ней летом 1824 г. в Одессе, где она была участницей его проекта побега за границу и свидетельницей всех обстоятельств, связанных с высылкой его в Михайловское. Письмо Пушкина к В. от 3 ноября 1826 г. и ее ответ, полные неясных намеков, дают возможность предположить, что после высылки из Одессы Пушкин через В. получал известия, а может быть, и письма от Е. К. Воронцовой (*см.*). И позже Пушкин с большим доверием относился к В.: она была посвящена во все подробности его сватовства и брака с Н. Н. Гончаровой, его преддуэльной истории (см.: *Акад.*, XVI, № 1237), а после дуэли была неотлучно в квартире умирающего поэта. Ее воспоминания о Пушкине записал П. И. Бартенев (см.: *РА*, 1888, кн. II, № 7, стр. 305—312). В ее переписке с мужем часто и много говорится о Пушкине (см.: *ОА*, т. V, вып. 2; *Звенья*, тт. III—IV, VI, IX). Подробно об отношениях В. и Пушкина см.: М. П. Алексеев. Материалы для биографического словаря одесских знакомых Пушкина. В кн.: Пушкин. Статьи и материалы. Под ред. М. П. Алексеева, т. III, Одесса, 1926, стр. 48—50; В. В. Вересаев. Пушкин и княгиня Вяземская. *Звенья*, т. VI, стр. 171—176; *Письма*, тт. I—III, по указ. Известно 6 писем Пушкина к В., а также 4 приписки в письмах Пушкина к П. А. Вяземскому и 3 письма ее к Пушкину, все — совместно с П. А. Вяземским. Сохранилась, очевидно, далеко не вся их переписка. *Я. Л.*

Вяземская Мария Петровна, княжна, в замужестве Валуева (1813—1849), — дочь П. А. и В. Ф. Вяземских. 22 мая 1836 г. вышла замуж за П. А. Валуева (1814—1890), впоследствии графа и министра внутренних дел.

Вяземская Прасковья Петровна, княжна (1817—1835) — дочь П. А. и В. Ф. Вяземских. Умерла в Риме 11 марта 1835 г. от чахотки. Гоголь во время пребывания в Риме бывал на могиле П. П. Вяземской и писал об этом П. А. Вяземскому в письме от 25 июня 1838 г. (*Гоголь*, т. XI, стр. 156—157). Ее памяти посвящено стихотворение кн. З. А. Волконской «Князю П. А. В. на смерть его дочери» (*РА*, 1867, стлб. 313). *Я. Л.*

Вяземский Павел Петрович, князь (1820—1888) — сын П. А. и В. Ф. Вяземских. Пушкин, любивший детей, был дружен с маленьким Павлом и написал в его альбом шуточные стихи: «Душа моя, Павел» (1827). В. принадлежит работа «Александр Сергеевич Пушкин. По документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям» (1880).

** **Вяземский** Петр Андреевич, князь (1792—1878) — поэт и критик, один из ближайших друзей Пушкина. Начало их знакомства относится к 1816 г. (*Летопись*, стр. 94). В. одним из первых оценил поэтический талант Пушкина (см.: Ю. М. Лотман. Историко-литературные заметки. Труды по русской и славянской филологии, III, Тарту, 1960, стр. 311—312; Н. В. Измайлов. П. А. Вяземский и К. Н. Батюшков о Пушкине. *Врем. ПК, 1962*, стр. 29—30). Знакомство переросло в дружбу и тесное творческое общение, начавшееся совместным участием в кружке «Арзамас» и продолжавшееся до издания «Современника» и последних дней жизни Пушкина. В переписке и воспоминаниях В. содержится большое количество сведений о жизни Пушкина, его литературной деятельности и т. д. (см.: *ОА*, тт. I—V, по указ.; *Письма*, тт. I—III; *Летопись*; В. Нечаева. Пушкин в письмах Вяземского к жене (1830—1838). *ЛН*, т. 16—18, стр. 803—812; Пушкин в неизданной переписке современников (1815—1837). *ЛН*, т. 58, стр. 33—154; письма Вяземского к И. И. Дмитриеву: *РА*, 1868, № 4—5, стлб. 602—658; В. А. Жуковскому: *РА*, 1900, кн. 1, вып. 2, стр. 181—208; вып. 3, стр. 355—390; Н. П. Барсуков. Кн. П. А. Вяземский и Пушкин. *Стар. и Нов.*, кн. VIII, стр. 1—10; П. А. Вяземский. Записные книжки (1813—1848). Изд. АН СССР, М., 1963, по указ.; Из рассказов П. А. и В. Ф. Вязем-

ских о Пушкине. *РА*, 1888, № 7, стр. 305—312; П. П. Вяземский. Александр Сергеевич Пушкин (1826—1837). По документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям. СПб., 1880, и др.). В. принадлежит ряд статей о Пушкине, в том числе «Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова», приложенный в качестве предисловия к изданному им в 1824 г. «Бахчисарайскому фонтану» и содержащий обоснование принципов пушкинского романтизма (о Пушкине в критических статьях В. см.: Н. И. Мордовченко. Русская критика первой четверти XIX века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 174—182, 296—313; библиографию критических статей В. см.: М. И. Гиллельсон. Указатель статей и других прозаических произведений П. А. Вяземского с 1808 по 1837 год. Уч. зап. Горьковск. унив., 1963, сер. историко-филол., вып. 58, стр. 313—322). В 1830 г. В. принял активное участие в «Литературной газете»; к этому времени относится наиболее интенсивное творческое сотрудничество Пушкина и В. (ср. правку Пушкиным стихотворения В. «К ним», рецензию его на перевод «Адольфа» Б. Констана, принадлежащий Вяземскому, и др.; о литературных взаимоотношениях их см., например: *Рукою П.*, стр. 113—115; *Письма*, т. II, стр. 369—370, 478—479; Ив. Розанов. Кн. Вяземский и Пушкин. В кн.: Беседы. Сборник Общества истории литературы в Москве, кн. I. М., 1915, стр. 57—76). Отношения Пушкина и В. не лишены были и разногласий, которые иногда обусловливались апологетическим отношением В. к Карамзину и старшим литераторам карамзинского круга: И. И. Дмитриеву, В. А. Озерову и др. (*Вяземский*, т. I, стр. 158—161; Л. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 266—283; Н. Богословский. Спор Пушкина с Вяземским об Озерове. «Красная новь», 1937, № 1, стр. 98—104), неудовлетворенностью Пушкина отдельными сторонами критической деятельности В. (*Вяземский*, т. I, стр. 321—325; Н. О. Лернер. Распутанное недоразумение. (Из истории одной дружбы). В кн.: Н. О. Лернер. Рассказы о Пушкине. «Прибой», Л., 1929, стр. 108—116). В 1831 г. В. резко критиковал Пушкина за стих. «Клеветникам России» и его позицию в вопросе о Польше (*РА*, 1895. № 5, стр. 111; *РЛ*, 1964, № 1, стр. 126—127; П. А. Вяземский. Записные книжки, стр. 214—215). Зимой 1832—1833 гг. В. с семейством переехал на постоянное жительство в Петербург; с этого времени общение его с Пушкиным становится систематическим. В 1834—1835 гг. В. в заграничном путешествии (уехал 11 (23) августа 1834 г., вернулся 16 (28) мая 1835 г. См.: Nina Kauchtschischwili. L'Italia nella vita e nell' opera di P. A. Vjàzemskij. Milano, 1964, стр. 16, 265, 85). В конце 1835 г. Пушкин — один из немногих друзей, посещающих В. в период его тяжелой депрессии, вызванной смертью дочери (*РА*, 1888, № 7, стр. 294—295); в 1836 г. В. — активный участник «Современника». П. А. и В. Ф. Вяземские были в курсе последних событий семейной жизни Пушкина (*Щеголев*, по указ.; Н. Ф. Бельчиков. 1) П. А. Вяземский и смерть А. С. Пушкина. *КА*, 1937, № 1, стр. 248—250; 2) П. А. Вяземский об авторстве анонимного пасквиля на Пушкина. В кн.: Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959, стр. 117—131). После смерти поэта В. принял активное участие в издании «Современника» и «посмертном» издании сочинений. Стихи В., посвященные Пушкину, см.: В. В. Каллаш. 1) Русские поэты о Пушкине. М., 1899; 2) Puschkiniana, вып. II. Киев, 1903. В. принадлежит заслуга активной пропаганды творчества Пушкина за рубежом (В. Нечаева. Вяземский как пропагандист творчества Пушкина во Франции. *ЛН*, т. 58, стр. 308—326). Известно 74 письма Пушкина к В. и 44 письма В. к Пушкину. *В. В.*

Гагарин Федор Федорович, князь (1786—1863) — родной брат В. Ф. Вяземской; с 1804 г. был на военной службе, участвовал во всех крупных сражениях эпохи, отличаясь беззаветной храбростью. В 1832 г. вышел в отставку в чине генерал-майора. В обществе «слыл повесою, дуэлистом и игроком» (Записки графа М. Д. Бутурлина. *РА*, 1897, № 6, стр. 256; № 7, стр. 435—436). Молодечество Г. дало повод Герцену в «Былом и думах»

поставить его имя рядом с Денисом Давыдовым и другими удальцами. Был масоном и членом Военного общества, предшествовавшего Союзу благоденствия, но о существовании тайного общества не знал; привлекался к следствию по делу декабристов и был оставлен «без внимания» (см.: Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. Алфавит декабристов. Госиздат, Л., 1925, стр. 61). Живя в Москве, Г. часто общался с П. В. Нащокиным, А. И. Тургеневым, П. Я. Чаадаевым, В. А. Соллогубом. Последний хотел просить Г. быть его секундантом в несостоявшейся дуэли с Пушкиным (*Соллогуб*, стр. 525). Пушкин был с Г. в приятельских отношениях, неоднократно упоминает о нем в письмах, посылает ему поклоны через Нащокина (см.: *Акад.*, XIV, № 557; XV, №№ 862, 865; письма 171, 177). Подробнее о Г. см.: Сборник биографий кавалергардов, т. III, СПб., 1906, стр. 135—137; *Письма*, т. III, стр. 143—145. *Я. Л.*

Галиани (Galiani) Фердинанд (1728—1787) — итальянский аббат, экономист и писатель. В 1759—1769 гг. в качестве секретаря неаполитанского посольства был в Париже, где коротко познакомился со многими энциклопедистами и другими общественными деятелями и в течение нескольких лет поддерживал с ними переписку, выдержавшую четыре посмертных издания. Первое издание (1818 г.) было в библиотеке Пушкина (*Библ. П.*, № 931). Пушкин живо интересовался Г. (*ОА*, т. I, стр. 517—518), о котором упомянул в послании «К вельможе» (1830); отрывки из его переписки Пушкин цитировал в письмах к Вяземскому 10 июля 1826 г. (*Акад.*, XIII, № 272) и к жене около 26 июля 1834 г. Подробнее о Г. см.: *Письма*, т. II, стр. 169—170. *Я. Л.*

Гейне (Heine) Генрих (1797—1856) — великий немецкий поэт, сатирик и публицист. Первые русские переводы стихотворений Г. стали появляться в печати с 1827 г., фрагменты его прозаических произведений — с 1830 г. (см.: А. Г. Левинтон. Генрих Гейне. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. Изд. Всесоюзн. книжн. палаты, М., 1958, стр. 527—528). О знакомстве Пушкина с поэтическими произведениями Г. сведений нет; около 1835 г. в поле зрения поэта попадают прозаические его сочинения, запрещенные к ввозу в Россию. 27 апреля 1835 г. австрийский посланник К.-Л. Фикельмон доставил Пушкину (вероятно, по его просьбе) в качестве «контрабанды» II и III тома французского издания сочинений Г. (Oeuvres de Henri Heine, Paris, 1834—1835), содержащие «Путевые картины» (см.: *Акад.*, XVI, № 1052); в том же году поэт через Г. Нордина (*см.*) выписал книгу Г. «О Германии» (см. письмо 112). Эти сочинения сохранились в библиотеке Пушкина (см.: *Библ. П.*, № 976). Здесь же (№ 977) еще одна книга Г. — «De la France» (Paris, 1833). При разборе библиотеки во II томе указанных сочинений Г. («Reisebilder») был обнаружен пушкинский отрывок «Освобождение Европы придет из России...» (*Акад.*, XII, стр. 207, 485). О связи его с мыслями Г. о России см.: *Рукою П.*, стр. 211—213 (комментарий М. А. Цявловского и М. Г. Муравьевой); Э. Э. Найдич. Письмо Пушкина к Нордину. *П. Иссл. и мат.*, т. II, стр. 221—223 (здесь же — о возможных источниках пушкинских сведений о Г.); Е. Рубинова. Запись А. С. Пушкина при чтении «Путевых картин» Г. Гейне. Труды Казахск. гос. унив. им. С. М. Кирова, Кафедра русск. и зарубежн. лит., вып. 3, 1961, стр. 3—8. *Н. П.*

** **Геккерн** (Геккерен, Экерн), **Луи** Борхард де Беверваард (van Heeckeren de Beverwaard), барон (1791—1884) — голландский дипломат. С 1823 г. поверенный в делах в Петербурге, с 1826 г. голландский посланник при русском дворе. Осенью 1833 г., возвращаясь из Гааги в Петербург, встретился по дороге с Дантесом, ехавшим туда же, взял его под свое покровительство и затем усыновил. Покинув свой пост в Петербурге после дуэли Пушкина с Дантесом, Г. некоторое время оставался не у дел. С 1842 по 1875 г. занимал пост голландского посла в Вене, после чего до смерти жил на покое. Г. пользовался в петербургском свете большой известностью благодаря своему острому уму и злому языку. Мнения о нем,

приведенные П. Е. Щеголевым (*Щеголев*, стр. 22—23), не одинаковы, но в общем характеризуют его как черствого эгоиста, двуличного и лицемерного, беспринципного и безнравственного, не брезгавшего грязными и противозаконными средствами для своего обогащения. К известным свидетельствам следует прибавить ряд ценных записей в дневнике гр. Д. Ф. Фикельмон (*см.*), опубликованных А. В. Флоровским. В записи 9 июля 1829 г. Фикельмон характеризует Г. как «лицо хитрое, фальшивое, мало симпатичное; здесь считают его шпионом г-на Нессельроде — такое предположение лучше всего определяет эту личность и ее характер». В дальнейшем отношение ее к Г. смягчается: он становится «постоянным и очень любезным гостем» в салоне графини, куда приносит «свое остроумное и злое лицо», «хотя его считают человеком, опасным для общества». Из другой записи видно, что 12 января 1830 г. в устроенной гр. Фикельмон костюмированной поездке участвовали Пушкин и Г.: очевидно, около этого же времени состоялось их знакомство. После 1830 г. имя Г., по словам А. В. Флоровского, исчезает из дневника гр. Фикельмон: по-видимому, она отдалила его от своего дома. В рассказе о дуэли Пушкина она упоминает Геккерна без всякой оценки (см.: *П. Иссл. и мат.*, т. I, стр. 346—350). В истории отношений Дантеса к Н. Н. Пушкиной Г. играл, по общему признанию, роль сводника. Пушкин был убежден, что Г. является и автором анонимного письма-пасквиля, присланного поэту и его друзьям 4 ноября 1836 г. На чем была основана его уверенность — трудно сказать, так как прямых оснований для того, чтобы оскорбить Пушкина «дипломом», у Г. не было. Однако роль руководителя и вдохновителя светской «золотой молодежи», писавшей пасквиль (кто бы ни был персонально писавший), с его стороны вполне возможна. Доведя это свое убеждение до сведения Николая I (в письме к Бенкендорфу от 21 ноября 1836 г. и, вероятно, в личном свидании с царем 23 ноября), Пушкин настолько скомпрометировал посланника в глазах царя, что, когда поэт погиб, а обвинение им Г. в авторстве пасквиля стало известно в обществе, Николай счел нужным и полезным для себя лишить Г. своего доверия и потребовать его отзыва, причем не дал ему ни прощальной аудиенции, ни награды за 11-летнее пребывание на посту, а только послал традиционную алмазную табакерку, что было явной немилостью. (Секретное письмо Николая I к голландскому королю Вильгельму III, своему зятю, содержащее, вероятно, мотивы отставки Г., до сих пор неизвестно). Г. выехал из Петербурга 1 апреля 1837 г., предварительно распродав свое имущество, что вызвало крайне неблагоприятные для него отклики в петербургском обществе (см.: *Карамзины*, стр. 179, 305, 397). Известно 2 письма Пушкина к Г., первое из которых не было отправлено, и одно письмо Г. к Пушкину. Наиболее полный свод документальных материалов и биографических сведений о Г. см.: *Щеголев*, по указ. *Н. И.*

Гензерик (Гензерих или Гейзарих) — король германского племени вандалов (с 427 по 477 г.), при котором они перешли из Испании в Африку, где заняли большую часть римских владений, а в 450 г. н. э. взяли и разграбили Рим. Имя вандалов стало нарицательным для обозначения диких, ничего не щадящих варваров-грабителей.

Герстнер Франц-Антон (1793 или 1795—1840) — австрийский инженер, находившийся с 1834 по 1838 г. в России. Инициатор и строитель первой в России железной дороги между Петербургом и Павловском, автор проекта сооружения железных дорог от Петербурга до Москвы и от Москвы до Нижнего Новгорода и Казани. *Б. Б.*

** **Глинка** Сергей Николаевич (1775—1847) — поэт, прозаик, историк и журналист; в 1828—1830 гг. цензор «Московского телеграфа». С Г. связаны шумные цензурные истории — пропуск статьи Н. А. Полевого против Каченовского (1828), о которой Пушкин писал в статье «Отрывок из литературных летописей», а также памфлета «Утро в кабинете знатного барина», направленного против Пушкина (1830); смысла этого памфлета Г. не понял

(*Полевой*, стр. 431—434; *Письма*, т. II, стр. 391); за Г., отрешенного от должности цензора, ходатайствовал Вяземский. Ср.: Сочинения Пушкина, т. IX, 2, Изд. АН СССР, Л., 1929, стр. 114 и сл. В 1829—1830 гг. Г. посвятил Пушкину ряд стихотворений (см.: В. В. Каллаш. Русские поэты о Пушкине. М., 1899, стр. 60, 301). Известны посещения Г. Пушкина в конце августа 1830 г. (П. А. Вяземский. Записные книжки (1813—1848). Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 193) и 10 апреля 1831 г., когда он написал экспромт на женитьбу Пушкина («Дамский журнал», 1831, № 17, стр. 53; *Письма*, т. III, стр. 241); о беседах Г. и Пушкина упоминает также Вяземский (*Вяземский*, т. II, стр. 335). В 1836 г. Пушкин собирался печатать в «Современнике» записка Г. о войне 1812 г.; книга эта, вышедшая в 1836 г., была в библиотеке Пушкина (*ЛН*, т. 16—18, стр. 992). Известно одно письмо Пушкина к Г. и одно — Г. к Пушкину. *В. В.*

Глинка Федор Николаевич (1786—1880) — поэт, видный деятель умеренного крыла петербургских декабристов. Стихи Г. Пушкин знал еще в Лицее и дал им пренебрежительную характеристику («Послание В. Л. Пушкину», 1817). Г. был председателем Вольного общества любителей российской словесности; его политические взгляды оказали влияние и на Пушкина (см.: А. Н. Шебунин. Пушкин и «Общество Елизаветы». *П. Врем.*, т. 1, стр. 53—90; подробно о деятельности Г. в Вольном обществе и связях с Пушкиным см.: *Базанов*, стр. 96—97 и др. по указ.). В 1820 г. Г. ходатайствовал перед Милорадовичем об облегчении наказания Пушкина (Ф. Н. Глинка. Удаление А. С. Пушкина из С.-Петербурга в 1820 году. *РА*, 1866, № 6, стлб. 917—922) и тогда же напечатал свое приветственное послание «К Пушкину» (*Сын от.*, 1820, № 38, стр. 231—233), на которое Пушкин откликнулся стихотворением «Когда средь оргий жизни шумной» (по свидетельству Соболевского, «любимые стихи Пушкина»: *Лет. ГЛМ*, стр. 517; см. также: *Совр.*, 1856, № 7, отд. V, стр. 10), где высоко оценил гражданскую позицию Г. (см. также: *Акад.*, XIII, № 48). Высланный после восстания 1825 г., Г. служил в Петрозаводске, затем в Твери; в 1835 г. возвратился в Москву; в ссылке он продолжал литературную деятельность; в письмах этого периода неоднократны сочувственные упоминания о Пушкине (письмо к А. А. Ивановскому от 27 ноября 1827 г.: *РС*, 1889, № 7, стр. 123; В. В. Измайлову: «Московское обозрение», 1877, № 16, стр. 418 и др.). Пушкин иронически отзывался о религиозной экзальтированности Г. и стилистической какофонии некоторых его стихотворений (см.: *Акад.*, XIII, № 129; XIV, № 560), однако с выходом поэмы Г. «Карелия», посланной ему автором в феврале 1830 г. (см.: *Акад.*, XIV, № 447), написал сочувственную рецензию о ней в «Литературной газете» (1830, № 10, 15 февраля), отметив самобытность дарования Г.; отзыв этот Г. считал лучшей характеристикой своего творчества и неоднократно ссылался на него в письмах (М. Л. Гофман. Отзыв Пушкина о «Карелии» Ф. Н. Глинки. *ПиС*, вып. XXIII—XXIV, стр. 9—14; В. Базанов. Карельские поэмы Федора Глинки. ГИЗ КФССР, Петрозаводск, 1945, стр. 76—77). Пушкин виделся с Г. между 10 и 14 августа 1830 г., проезжая через Тверь с Вяземским (И. А. Шляпкин. Мелочи о Пушкине. *ПиС*, вып. XVI, стр. 106; П. А. Вяземский. Записные книжки. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 191); в ноябре 1831 г. Пушкин приглашал Г. участвовать в альманахе «Северные цветы» в память Дельвига и напечатал несколько его стихотворений (*Акад.*, XIV, № 703, 706). После смерти Пушкина Г. написал «Воспоминания о пиитической жизни Пушкина» (СПб., 1837); существуют воспоминания о чтении этих стихов А. Глинкой (в кн.: Памяти Дмитрия Ивановича Менделеева. Семейная хроника. СПб., 1908, стр. 155—156); Пушкина Г. упоминает и в ряде других стихотворений («Стихи о бывшем Семеновском полку. . .», «Мастерская Брюлова» и др.). О Г. и Пушкине см. также: Н. Лернер. Из отношений Пушкина и Ф. Н. Глинки. *ПиС*, вып. VII, стр. 73—76; Н. К. Замков. Пушкин и Ф. Н. Глинка. *ПиС*, вып. XXIX, стр. 78—97; *Письма*, т. I, стр. 288—229; т. III, стр. 149—150. *В. В.*

Глинка Юстина Карловна (1789(?)—1871) — сестра В. К. Кюхельбекера, бывшая замужем за Г. А. Глинкой (1776—1818), известным в начале XIX в. писателем и ученым, профессором кафедры русского языка и русской литературы в Дерптском университете (1803—1810), а начиная с 1811 г. — «кавалером» (помощником воспитателя) великих князей Николая и Михаила (вплоть до своей смерти в 1818 г.). Г. помогла брату скрыться после 14 декабря 1825 г., предоставив ему сначала возможность некоторое время пожить в имении Глинок Закуп Духовщинского уезда Смоленской губ. (см.: *ЛН*, т. 59, стр. 541), а затем — бежать в Варшаву. В годы тюрьмы и ссылки Кюхельбекера она организовала обширную переписку его с матерью, племянниками и другими родственниками (см.: *ЛН*, т. 59, стр. 395—478). Активнейшее участие Г. в делах ссыльного Кюхельбекера явилось почвой для возникновения контактов ее с Пушкиным, стремившимся со своей стороны также помочь ссыльному другу. Пушкин, по-видимому, получал от семейства Г. сведения о Кюхельбекере, о предпринимаемых Г. начинаниях для облегчения участи ссыльного брата, о планах и просьбах Кюхельбекера, который нередко передавал через Г. просьбы к Пушкину (*ЛН*, т. 59, стр. 410, 416) или обращался к Пушкину с поручениями сестре (*Акад.*, XVI, № 1239). После смерти брата она взяла на воспитание его сына и дочь. *Р. И.*

Гнедич Николай Иванович (1774—1833) — поэт, переводчик «Илиады», с 1811 г. служил в петербургской Публичной библиотеке. Литературная и общественная позиция Г. сближала его с декабристами и способствовала его влиянию на их литературные взгляды (см.: И. Н. Медведева. Н. И. Гнедич и декабристы. В кн.: Декабристы и их время. Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 101—154). Г. участвовал в собраниях «Зеленой лампы» и входил в кружок Оленина, где с ним часто встречался Пушкин; он просил Оленина заступиться за Пушкина, когда поэту угрожала ссылка (Ф. Н. Глинка. Удаление Пушкина из С.-Петербурга в 1820 году. *РА*, 1866, № 6, стлб. 920—921). Был первым издателем поэм Пушкина «Руслан и Людмила» (в 1820 г.) и «Кавказский пленник» (в 1822 г.), но при этом поступил недобросовестно и обсчитал Пушкина (см.: С. Я. Гессен. Книгоиздатель Александр Пушкин. Изд. «Academia», Л., 1930, стр. 32—41). В дальнейшем от издательских услуг Г. Пушкин отказался, но поддерживал с ним приятельские отношения и высоко ценил его творчество. Послание Пушкина 1821 г. «В стране, где Юлией венчанный» свидетельствует о полном взаимопонимании Пушкина и Г. Выход перевода «Илиады» в 1830 г. Пушкин приветствовал анонимной заметкой в «Литературной газете» («Илиада Гомерова, переведенная Гнедичем»), совпадающим с ней по мысли и фразеологически посланием «С Гомером долго ты беседовал один» (1832) и двустишием «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи» (1830). Пушкину принадлежит также эпиграмма «Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера» (1830), тщательно зачеркнутая им в рукописи. Эпиграмма свидетельствует, что Пушкин видел недостатки перевода, выразившиеся в обилии славянизмов (П. О. Морозов. Эпиграмма Пушкина на перевод Илиады. *ПиС*, вып. XIII, стр. 13—17). Возможно, однако, что эпиграмма вызвана просто каламбурным стечением обстоятельств (Гомер был слеп, а Г. крив). В свою очередь Г. был неизменным поклонником поэзии Пушкина. Послание Г. «Пушкину при прочтении сказки его о царе Салтане и проч.» (1831) является поэтическим итогом его мнений о Пушкине-поэте. Пушкин был на похоронах Г. Известно 9 писем Пушкина к Г. и 3 письма Г. к Пушкину. *Я. Л.*

** **Гоголь** Николай Васильевич (1809—1852). Впервые о Г. сообщил Пушкину Плетнев в письме от 22 февраля 1831 г. (*Акад.*, XIV, № 578). Личное их знакомство состоялось на вечере у того же Плетнева 20 мая 1831 г. (см.: В. В. Гиппиус. Литературное общение Гоголя с Пушкиным. Уч. зап. Пермского гос. унив., вып. 2, 1930, стр. 71). Летом 1831 г. Г. жил в Павловске и «почти каждый вечер» (*Гоголь*, X, стр. 214) встре-

чался с Пушкиным, жившим в Царском Селе. Здесь Пушкин ознакомился (еще до выхода их в свет) с «Вечерами на хуторе близ Диканьки», а Г. — с «Домиком в Коломне» и сказками Пушкина. С переездом Г. в Петербург между ними продолжается живое общение. По выходе I книжки «Вечеров» Пушкин дал о них восторженный отзыв в форме письма к издателю «Литературных прибавлений к Русскому инвалиду» А. Ф. Воейкову (см.: *Акад.*, XI, стр. 216). К 1833 г. относится неосуществившийся замысел Пушкина, Г. и В. Ф. Одоевского о совместном издании альманаха «Тройчатка». Тогда же Пушкин интересовался работой Г. над комедией «Владимир 3-й степени» (см.: *Акад.*, XV, №№ 850, 855; письмо А. М. Языкова к В. Д. Комовскому от 1 октября 1833 г.: *ИВ*, 1883, декабрь, стр. 537). 2 декабря 1833 г. Г. читал Пушкину «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» (см.: *Акад.*, XII, стр. 316). В 1833—1834 гг. Пушкин по просьбе Г. участвовал в хлопотах о предоставлении Г. кафедры профессора истории в Киевском университете (см. письма №№ 15, 31). 7 апреля 1834 г. Пушкин записал в дневнике, что Г. по его совету начал историю русской критики, в мае того же года поэт присутствовал на вечере у Д. В. Дашкова при чтении Г. комедии «Женихи» (*Акад.*, XII, стр. 324, 326). В октябре 1834 г. Пушкин вместе с Жуковским был в Петербургском университете на лекции Г. об Ал-Мамуне (см.: *ОЗ*, 1853, № 2, Смесь, стр. 120). Осенью и зимой 1834—1835 гг. Г. не раз прибегал к советам Пушкина при издании сборника «Арабески»; в этом сборнике была напечатана статья Г. «Несколько слов о Пушкине», где Пушкин впервые охарактеризован как русский национальный поэт (см.: Н. К. Гудзий. Гоголь — критик Пушкина. Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца, кн. XXIV, вып. I, 1914, отд. II, стр. 1—40; Д. Д. Благой. Гоголь-критик. В кн.: История русской критики, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958, стр. 305—311). В 1835 г. Г., по совету Пушкина и используя подсказанный им сюжет, начал «Мертвые души», о чем он тогда же сообщил Пушкину (*Акад.*, XVI, № 1100). В том же письме Г. просил у Пушкина сюжет для комедии, вследствие чего поэт, вероятно, передал ему сюжет «Ревизора» (*Гоголь*, VIII, стр. 439—440). Во время первого чтения комедии у Жуковского 18 января 1836 г. Пушкин «катался от смеха» (И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Гослитиздат, 1950, стр. 65). По окончании первых глав «Мертвых душ» Г. читал их Пушкину в первоначальном варианте (о впечатлении Пушкина от этого чтения см.: *Гоголь*, VIII, стр. 294). С января 1836 г. Г. стал деятельным сотрудником пушкинского «Современника». Здесь были напечатаны «Коляска», «Утро делового человека», статья «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году» и ряд рецензий Г. (I том; в этом же томе была помещена рецензия Пушкина на второе издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки»: *Акад.*, XII, стр. 27) и «Нос» (III том; с примечанием издателя: *Акад.*, XII, стр. 183). Статья «О движении журнальной литературы», напечатанная без подписи автора (снятой уже после цензурного разрешения журнала — см.: В. Г. Березина. Новые материалы о статье Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году». В кн.: Н. В. Гоголь. Статьи и материалы. Изд. Ленинградск. гос. унив., Л., 1954, стр. 70—85), была воспринята читателями как программная, что не входило в расчеты Пушкина и побудило его выступить в III томе «Современника» с «Письмом к издателю», подписанным «А. Б.». Пушкин внес ряд поправок и уточнений в данную Г. оценку современной журналистики, а в примечании от издателя указал, что статья Г. «не есть и не могла быть программою „Современника"» (*Акад.*, XII, стр. 94—98). См.: В. Г. Березина. Из истории «Современника» Пушкина. *П. Иссл. и мат.*, т. I, стр. 278—312; Д. Д. Благой. Гоголь-критик, стр. 312—317; Е. Рыскин. Пушкин или Гоголь? (О заключительной заметке к отделу «Новые книги» в пушкинском «Современнике»). *РЛ*, 1964, № 1, стр. 134—137. Пушкинское «Письмо к издателю», поставленное в связь с письмом Г. к Жуковскому

от 28 июня 1836 г., в котором он сообщал, что «даже с Пушкиным» он перед отъездом за границу «не успел и не мог проститься», в чем был виноват Пушкин (*Гоголь*, XI, стр. 50), послужило основанием для гипотезы об их взаимном охлаждении и даже ссоре, тем более что по отъезде Г. за границу (6 июня 1836 г.) переписки между ним и Пушкиным не было. Однако в том же письме к Жуковскому Г. обещает написать для «Современника» «кое-что... из немецкой жизни», из чего следует, что его литературные отношения с Пушкиным не были прерваны. Гибель Пушкина Г. воспринял как величайшую личную и национальную утрату (см. его письма к П. А. Плетневу от 28 (16) марта, к М. П. Погодину и к Н. Я. Прокоповичу от 30 (18) марта 1837 г.: *Гоголь*, XI, стр. 88—89, 91—94). К характеристике Пушкина, своих личных и литературных отношений с ним Г. вернулся в 1847 г. в «Выбранных местах из переписки с друзьями» и «Авторской исповеди» (*Гоголь*, VIII, стр. 229, 292, 294, 380—386, 439 и др.). Известно 4 письма Пушкина к Г. и 9 писем Г. к Пушкину. Как литературную обработку своего неотправленного письма к Пушкину от 25 мая 1836 г., Г. охарактеризовал в письме к С. Т. Аксакову от 5 марта 1841 г. (см.: *Гоголь*, XI, стр. 330) свой «Отрывок из письма, писанного автором вскоре после первого представления „Ревизора“ к одному литератору» (см.: *Гоголь*, IV, стр. 99—104), приложенный ко II изданию «Ревизора» (1841). Однако, несмотря на ряд доводов, высказанных в подтверждение этого свидетельства Г. (см.: А. Г. Гукасова. «Отрывок из письма, писанного автором...». Изв. АН СССР, 1957, т. XVI, вып. 4, стр. 335—345), уже самая дата, выставленная Г. под «Отрывком» (25 мая 1836 г. Пушкин находился в Петербурге), делает сомнительным, что в основе «Отрывка» лежит неизвестное нам письмо Г. к Пушкину. *Н. П.*

** **Голицын** Николай Борисович, князь (1794—1866) — литератор и музыкальный деятель, военный историк и богослов католической ориентации, в молодости военный, участник европейских походов 1813—1814 гг. Образованный дилетант, Г. был связан с художественными (прежде всего музыкальными) кругами Западной Европы; известна его длительная и обширная переписка с Бетховеном, посвятившим ему несколько сочинений. В 1830-е годы выступал как музыкальный критик, мемуарист и поэт; писал на французском языке и переводил на него русских поэтов. По свидетельству сына Г., Н. Н. Голицына, он познакомился с Пушкиным еще «в начале его литературной славы» и поддерживал отношения до самой смерти Пушкина (*БЗ*, 1858, № 16, стлб. 497); вероятно, Г. присутствовал при чтении оды «Вольность» в 1818 или в 1819 г. (*Летопись*, стр. 742). О связях Г. с Пушкиным вспоминает и младший сын Г., Ю. Н. Голицын; мемуары, где последний собирался рассказать о них, или не были написаны, или не сохранились (см.: Прошедшее и настоящее. Из записок князя Ю. Н. Голицына. СПб., 1870, стр. 9). По-видимому, какие-то из рассказов отца о Пушкине были записаны Н. Н. Голицыным, собиравшим еще в молодости материалы для словаря русских писателей (*Барсуков*, XIV, стр. 418). Г. перевел на французский язык стихотворение Пушкина «Клеветникам России» и «Бахчисарайский фонтан». Литература о Г.: С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей, т. II. СПб., 1910, стр. 13—14; список его французских сочинений см.: G. Ghennady. Les écrivains franco-russes. Dresden, 1874, стр. 23; биография и характеристика его как музыкального деятеля с дополнительными библиографическими данными: М. Алексеев. Русские встречи и связи Бетховена. В кн.: Русская книга о Бетховене. К столетию со дня смерти композитора (1827—1927). ГИЗ, Музыкальный сектор, М., 1927, стр. 92—110 (ГАХН. История русской музыки в исследованиях и материалах. Под ред. проф. К. А. Кузнецова. Т. 4). Известно одно письмо Пушкина к Г.; письмо Г. к Пушкину не сохранилось. *В. В.*

Голицына Татьяна Васильевна, княгиня, урожд. Васильчикова (1782—1841), — жена московского генерал-губернатора кн. Д. В. Голицына.

* **Гончаров** Афанасий Николаевич (род. около 1760, ум. в 1832) — внук основателя Полотняных заводов в Калужской губернии А. А. Гончарова, унаследовавший большое состояние в 3450 душ. Ветреный и расточительный, он ко времени женитьбы Пушкина на его внучке Н. Н. Гончаровой успел растратить почти все состояние и после смерти оставил около полутора миллионов рублей долгу. Н. Н. Пушкина до 6 лет жила у деда и была его любимой внучкой; перед женитьбой на ней поэта Г., по-видимому, хотел упрочить ее материальное положение. Сохранилось два проекта дарственной записи, по которой Г. назначил в приданое ей деревню Верхнюю Полянку с 280 душами крестьян, но при этом вместе с лежащим на них долгом. Стремясь спасти имущество жены и ее сестер, Пушкин посоветовал Г. составить заемные письма, которые те могли бы предъявить после смерти Г.; сохранился проект такого заемного письма, который так и остался неосуществленным (см.: А. Средин. Пушкин и «Полотняный завод». Известия Калужской ученой архивной комиссии, вып. XXI, 1911, стр. 30—46). После свадьбы Пушкина Г., преувеличенно представляя себе придворные связи поэта, докучал ему просьбами о хлопотах материального порядка перед правительством: то о разрешении переплавить на металл колоссальную медную статую Екатерины II, то о выдаче ему ссуды, то о разрешении на продажу майората и пр. См.: А. В. Средин. Полотняный завод. «Старые годы», 1910, июль—сентябрь, стр. 10, 22—28; *Письма*, т. II, стр. 425—426; т. III, стр. 252—253; Г. Коган. Полотняный завод. Госкультпросветиздат, М., 1951. Известно 8 писем Пушкина к Г. и 1 письмо Г. к Пушкину. *Я. Л.*

Гончаров Дмитрий Николаевич (1808—1859) — старший брат Н. Н. Пушкиной. После окончания университета был зачислен в Коллегию иностранных дел; 11 апреля 1829 г. получил звание камер-юнкера и был отправлен в Тегеран (в свите генерал-майора кн. Н. А. Долгорукова), где разбирал вещи убитого Грибоедова; именно от него Пушкин мог знать обстоятельства и подробности гибели автора «Горя от ума» (см.: Г. Коган. Полотняный завод, стр. 59—60). В июне 1830 г. вернулся из Персии. В 1832 г., пожертвовав удачно начавшейся дипломатической карьерой, Г. вступил в управление разоренным имением в качестве опекуна своего душевнобольного отца. В 1835 г. вышел в отставку и женился на княжне Е. Е. Назаровой. В письмах Г. к деду А. Н. Гончарову есть упоминания о встречах с Пушкиным в 1831 г. и характеристика семейного быта Пушкиных, где «царствует большая дружба и согласие»; из писем видно также, что Пушкин принимал живое участие в делах Гончаровых (Д. Д. Благой. Несколько писем членов семьи Гончаровых. *Лет. ГЛМ*, т. I, стр. 426—439). Тем не менее отношения между Пушкиным и Г. не были близкими, и в письмах Пушкина сквозит ироническое отношение к шурину (см. рассказ о сватовстве Г. к гр. Н. Г. Чернышевой: *Акад.*, XV, № 839); в свою очередь Г. после смерти Пушкина вполне дружественно относился к Дантесу (см. его письма к Е. Н. Дантес-Геккерн 1837 г.: *Щеголев*, стр. 338—341). В 1834 г. Пушкин гостил у него в имении две недели (см. запись в дневнике от 28 ноября 1834 г.: *Акад.*, XII, стр. 332). Г. давал деньги на расходы сестрам и братьям, в том числе Н. Н. Пушкиной. В сохранившихся приходо-расходных книгах за 1832 и 1834—1835 гг. обозначены выданные суммы. Из записей видно, что Н. Н. Пушкина получала значительно меньше, чем другие члены семьи (см.: В. Нечаева. Из Гончаровского архива. В кн.: Московский пушкинист, кн. I. Изд. «Федерация», М., 1930, стр. 106—115; М. Яшин. Пушкин и Гончаровы. «Звезда», 1964, № 8, стр. 172). После смерти Пушкина Н. Н. Пушкина с детьми и сестрой А. Н. Гончаровой два года (1837—1839) жила у Г. в Полотняном заводе. Переписки между Пушкиным и Г., по-видимому, не было. *Я. Л.*

Гончаров Иван Николаевич (1810—1881) — средний из братьев Н. Н. Пушкиной. В 1827—1829 гг. юнкер лейб-гвардии конно-пионерного эскадрона, с января 1829 г. корнет лейб-гвардии Уланского полка, с ко-

торым участвовал в Польской кампании 1831 г.; 13 ноября 1831 г. переведен в лейб-гвардии Гусарский полк, стоявший в Царском Селе, в 1840 г. вышел в отставку. В 1834—1837 гг. был сослуживцем Лермонтова по лейб-гвардии Гусарскому полку. А. Н. Муравьев, общавшийся с Г. в это время, вспоминает о нем как о «весьма блистательном» «светски образованном лейб-гусарском офицере» (А. Н. Муравьев. Мои воспоминания. «Русское обозрение», 1896, т. XXXVII, стр. 513). Привлекательная наружность помогала его успеху у женщин. О романических приключениях Г. с неодобрением писала А. Н. Гончарова брату Дмитрию в 1832 г. (*Лет. ГЛМ*, т. I, стр. 424). Об одном таком приключении с дочерью башмачника сообщал Пушкин жене в 1833 г. (*Акад.*, XV, № 845). В письмах Пушкина часто упоминается о встречах с Г., при этом Пушкин всегда ограничивается упоминанием о его посещениях, не прибавляя ничего, по чему можно было бы судить о его отношении к Г. Это позволило Т. Волковой сделать заключение, что знакомство их «было чисто внешнее», «без всякой душевной и родственной близости» (*Лет. ГЛМ*, стр. 396). Можно предположить, что Пушкин принимал некоторое участие в светской карьере Г. (см. его письмо к Е. М. Хитрово от конца января 1832 г., в котором вероятнее всего речь идет о Г.: *Акад.*, XV, № 730). В ноябре 1836 г. Г. помогал Жуковскому и Е. И. Загряжской уладить миром столкновение Пушкина с Дантесом (*Щеголев*, стр. 77—78), он же был в числе свидетелей при бракосочетании Е. Н. Гончаровой с Дантесом. Биографические сведения о И. Н. Гончарове см.: *Письма к Хитрово*, стр. 136—138; *Лет. ГЛМ*, стр. 395—396. *Я. Л.*

Гончаров Николай Афанасьевич (1788—1861) — отец Н. Н. Пушкиной, человек незаурядных способностей и хорошо образованный. В отличие от своего отца А. Н. Гончарова (*см.*) обладал значительными коммерческими способностями и практической сметкой, что помогло ему за время пребывания А. Н. Гончарова в 1808—1812 гг. за границей привести в порядок расстроенное имение и полотняную фабрику. С 1814 г. в нем стала проявляться наследственная душевная болезнь, которая к 1834 г. привела к тяжелому психическому расстройству. После смерти А. Н. Гончарова в 1832 г. семья выхлопотала опеку над Г. 18 февраля 1831 г. Г. расписался под «брачным обыском» Пушкина и, следовательно, присутствовал при бракосочетании дочери (*Лет. ГЛМ*, стр. 389—391, 428—429; Г. Коган. Полотняный завод. Госкультпросветиздат, М., 1951; А. В. Средин. Полотняный завод. «Старые годы», 1910, июль—сентябрь, стр. 12—28). *Я. Л.*

Гончаров Сергей Николаевич (1815—1865) — младший брат Н. Н. Пушкиной. Начал службу в 1832 г. в Киевском гренадерском полку в Петербурге, куда поступил унтер-офицером. В 1835 г. переведен корнетом в Ингерманландский гусарский полк, а в 1836 г. вышел в отставку в чине поручика. Характеристику Г. оставил в своих воспоминаниях (по поводу второй его женитьбы в 1847 г.) Г. Д. Щербачев: «Гончаров был во всех отношениях прелестный жених; ум, образование, благородное сердце и вместе с тем хорошее состояние и прекрасная наружность — все соединялось в нем» (*РА*, 1890, кн. I, стр. 219). Пушкин относился к Г. с большой симпатией и теплотой. Лето 1834 г. Г. жил у поэта, и Пушкин был «очень ему рад». Г. платил ему взаимной симпатией, об этом говорят его рассказы о Пушкине, записанные П. Бартеневым (*РА*, 1881, кн. II, стр. 497—498) и Толычевой (*РА*, 1877, кн. II, стр. 98—99). По словам Г. (в записи Толычевой), у Пушкина был «самый счастливый характер для семейной жизни: ни взысканий, ни капризов». *Я. Л.*

** **Гончарова** Александра Николаевна, «Александрина», «Азя» (1811—1891), — средняя из сестер Гончаровых. До 1834 г. жила с родителями в Москве и в имениях Гончаровых — Полотняном заводе и Яропольце. С осени 1834 г. вместе с сестрой Екатериной поселилась в Петербурге у Пушкиных. После смерти Пушкина сопровождала Н. Н. Пушкину в Полотняный завод, где они оставались до начала 1839 г. В январе 1839 г. была пожалована во фрейлины и продолжала жить с Н. Н. Пушкиной и ее

семьей до своего замужества. В 1852 г. вышла замуж за чиновника австро-венгерского посольства барона Фогеля фон Фризенгофа, уехала с мужем за границу и умерла в 1891 г. в Словакии, в родовом замке Фризенгофов Бродяны. Была похожа на Н. Н. Пушкину, но значительно проигрывала рядом с ней. О ее внешности см. отзывы О. С. Павлищевой (*ЛН*, т. 16—18, стр. 794) и С. Н. Карамзиной (*Карамзины*, стр. 108); недавно обнаруженные ее портреты опубликованы Н. А. Раевским (Н. А. Раевский. Если заговорят портреты. Изд. «Жазуши», Алма-Ата, 1965). Была умна, обладала волевым характером. О ее незаурядности свидетельствуют ее письма к брату Д. Н. Гончарову (см.: *Лет. ГЛМ*, стр. 419—425; М. И. Яшин. Пушкин и Гончаровы. «Звезда», 1964, № 8, стр. 182—189). Роль Г. в доме Пушкиных вызывает противоречивые суждения. Современники отмечали, что она была страстной почитательницей Пушкина и еще до замужества сестры «была влюблена в него заочно» (А. В. Трубецкой. Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу. *РС*, 1901, № 2, стр. 261; ср. в письмах С. Н. Карамзиной: *Карамзины*, стр. 165; А. Н. Вульф.: *ПиС*, вып. XXI—XXII, стр. 331), а потом вела у Пушкиных хозяйство, заботилась о детях (Из рассказов П. А. и В. Ф. Вяземских. *РА*, 1888, кн. II, № 7, стр. 309) и оказывала поэту материальную помощь: давала для заклада свое серебро (Б. Л. Модзалевский. Архив опеки над детьми и имуществом Пушкина. *ПиС*, вып. XIII, стр. 98). Пушкин относился к ней с большим доверием: единственная в семье поэта она знала о письме, посланном им Геккерну 26 января 1837 г. (А. И. Тургенев. Письмо к А. И. Нефедьевой 28 января 1837 г. *ПиС*, вып. VI, стр. 50). По воспоминаниям Нащокина, С. Н. Гончаров, бывший во время дуэли и смерти Пушкина в Москве, получал частые сообщения о ходе болезни поэта (*РС*, 1881, кн. VIII, стр. 619). Предполагают, что эти известия посылала ему Г. (см.: Т. Н. Волкова. Из семейной переписки Гончаровых. *Лет. ГЛМ*, стр. 393). Эти и другие свидетельства дали возможность биографам говорить о любви Г. к Пушкину и даже предполагать интимную близость между ними (*Щеголев*, стр. 119—120; Т. Н. Волкова. Из семейной переписки Гончаровых, стр. 393; Л. П. Гроссман. Пушкин. Изд. «Молодая гвардия», М., 1958, стр. 490). Мнение о дружественных отношениях Г. и Пушкина и об увлеченности ее поэтом оспаривается М. И. Яшиным (Яшин. Пушкин и Гончаровы, стр. 182—189). О Г. см. также: Н. А. Раевский. 1) Если заговорят портреты, стр. 9—43, 167—170; 2) В замке А. Н. Фризенгоф-Гончаровой. В кн.: *П. Иссл. и мат.*, т. IV, стр. 379—393. Одна записка Пушкина предположительно относится к Г. (см. письмо 243). *Я. Л.*

Гончарова Екатерина Николаевна, «Коко» (1809—1843), — старшая сестра Н. Н. Пушкиной. С осени 1834 г. вместе с сестрой А. Н. Гончаровой (*см.*) жила в Петербурге в семье Пушкиных, 6 декабря 1834 г. была пожалована во фрейлины. По свидетельству А. П. Араповой, Г., «далеко не красавица», «представляла собою довольно оригинальный тип — скорее южанки с черными волосами» («Новое время», 1907, № 11 413, стр. 6). Положительно отзывались о ее внешности О. С. Павлищева (*ЛН*, т. 16—18, стр. 794) и С. Н. Карамзина (*Карамзины*, стр. 108), однако насмешники называли ее «нескладной дылдой» и сравнивали с «ручкой метлы» (П. А. Вревский. Письмо Б. А. Вревскому 23 декабря 1836 г. *ПиС*, вып. XXI—XXII, стр. 397). Была влюблена в Дантеса и, по свидетельству В. Ф. Вяземской, «нарочно устраивала свидания Наталии Николаевны с Геккереном, чтобы только повидать предмет своей тайной страсти» (*РА*, 1888, кн. II, стр. 309; ср. в письме Ал. Н. Карамзина: *Карамзины*, стр. 190—191). 4 ноября 1836 г. Дантес сделал ей предложение, а 10 января 1837 г. состоялась их свадьба. Женитьба Дантеса до недавнего времени была одним из загадочных обстоятельств дуэли. Геккерны приписывали этот шаг благородству Дантеса, который якобы спасал репутацию любимой женщины, Н. Н. Пушкиной (Л. Геккерн. Письмо барону Верстолку 11 февраля (30 января) 1837 г. *Щеголев*, стр. 324). Некоторые

друзья поэта, например Н. М. Смирнов, предполагали, что Дантес мог жениться из трусости, «чтобы избежать дуэли» (*РА*, 1882, кн. I, стр. 235—236). Сам Пушкин в сватовстве Дантеса также видел лишь желание уклониться от дуэли и не верил в то, что свадьба состоится. Последнее засвидетельствовано С. Н. Карамзиной (*Карамзины*, стр. 151) и В. А. Соллогубом (*Соллогуб*, стр. 369). Однако, по сообщению Жуковского (*Акад.*, XVI, № 1286), проект сватовства Дантеса к Г. существовал еще до первого вызова (ср.: *Щеголев*, стр. 79—80). Высказывалось и предположение, что женитьба была вызвана беременностью Г. от Дантеса (см.: Л. П. Гроссман. Женитьба Дантеса. «Красная Нива», 1929, № 24, стр. 10—12), однако это опровергается датой рождения первого ребенка Г. (см.: М. Яшин. Хроника преддуэльных дней. «Звезда», 1963, № 8, стр. 169). М. И. Яшин высказал предположение, что Дантес женился по прямому указанию царя. Это нашло подтверждение в воспоминаниях вел. кн. Ольги Николаевны, дочери Николая I, которая прямо пишет, что Дантесу «было приказано жениться» (Сон юности. Записки дочери Николая I великой княжны Ольги Николаевны, королевы Вюртембергской. Париж, 1963, стр. 66—67). Пушкин не был на свадьбе свояченицы, а Н. Н. Пушкина «согласно воле своего мужа» «уехала сейчас же после службы, не оставшись на ужин» (Письмо Г. Фризенгофа к А. П. Араповой от 14 (16) марта 1887 г. «Красная Нива», 1929, № 24, стр. 10). Ранение и смерть Пушкина не огорчили Г., она была счастлива, что Дантес вне опасности (см.: Ф. Г. Толь. Со слов княгини Е. А. Долгоруковой. В кн.: Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных. Изд. М. и С. Сабашниковых, М., 1926, стр. 143); не осознавала она также свою причастность к гибели поэта (см.: *Карамзины*, стр. 179, 191). Уехав за границу после высылки Дантеса 1 апреля 1837 г., она уже не возвращалась в Россию и умерла 15 октября (н. с.) 1843 г. в Сульце (Эльзас) от родильной горячки, оставив четырех детей. *Я. Л.*

** **Гончарова** Наталья Ивановна (1785—1848) — мать жены Пушкина, была дочерью И. А. Загряжского и француженки, на которой тот женился в Париже, имея в России жену (А. С. Алексееву) с двумя дочерьми (Софьей и Екатериной); росла и воспитывалась вместе со сводными сестрами. Первая жена Загряжского ничем не отличала ее от родных дочерей и дала ей равную долю в наследстве. Отличаясь в молодости замечательной красотой, Г. блистала при дворе, где Загряжские были приняты (см.: *Рассказы о П.*, стр. 62—63; см. также ее портрет в «Старых годах»: 1910, № 7—9, стр. 88). В 1807 г. вышла замуж за Н. А. Гончарова, от которого имела троих сыновей (Дмитрия, Ивана, Сергея) и трех дочерей (Екатерину, Александру и Наталью, ставшую женой Пушкина). До 1815 г. Гончаровы жили в своем имении Полотняный завод (в 30 верстах от Калуги), после 1815 г. семейство переселилось в Москву, где жило в собственном доме на углу Скарятинского переулка и Б. Никитской улицы. В 1823 г. после раздела имений Загряжских между тремя сестрами Г. получила подмосковное имение Ярополец (Волоколамского уезда, 1396 душ крепостных). С этого времени Г. с дочерьми летом жила в Ярропольце, который в 30—40-х годах (до самой смерти Г.) был местом ее постоянного жительства. Подавленная болезнью мужа и материальными затруднениями (ее собственное имение, фактически лишенное надзора, почти не давало доходов), Г. с годами становилась все более вспыльчивой и раздражительной самодуркой и ханжой. О ее болезненной религиозности сообщал С. Н. Гончаров (*РА*, 1881, кн. II, стр. 497—498). От деспотического характера Г. в особенности страдали ее дочери (*Рассказы о П.*, стр. 64). Приняв неохотно второе предложение Пушкина ее дочери (6 апреля 1830 г.), она продолжала смотреть на будущего зятя недоверчиво, и отношения их были натянутыми (*Рассказы о П.*, стр. 64; Б. Л. Модзалевский. Пушкин, стр. 352—353; *ПиС*, вып. XXXVII, стр. 152—153). Прежде чем состоялась помолвка (6 мая 1830 г.), Пушкин, по настоянию Г., вынужден был обратиться через Бенкендорфа к Ни-

колаю I с просьбой разрешить ее сомнения относительно политической репутации жениха ее дочери (*Акад.*, XIV, №№ 463 и 470). О столкновениях Пушкина и Г. из-за различия политических убеждений вспоминал и С. Н. Гончаров (*РА*, 1881, кн. II, стр. 497—498). Другим источником разногласий были денежные претензии Г., не только не давшей никакого приданого своей дочери, но требовавшей от Пушкина денег на свадебные расходы (см.: *Акад.*, XIV, №№ 577, 585). Даже в день свадьбы Г. послала сказать жениху, что у нее нет денег на карету (см.: *Рассказы о П.*, стр. 64). Не менее важную роль в отношениях Пушкина и Г. играли ее светские предрассудки, бывшие одной из причин открытых ссор между нею и Пушкиным (о такой ссоре, происшедшей еще в августе 1830 г., см. его письма к невесте и к В. Ф. Вяземской: *Акад.*, XIV, №№ 517 и 518). После свадьбы (18 февраля 1831 г.) Г. стала вмешиваться в семейную жизнь Пушкиных, что послужило причиной разрыва с ней Пушкина и последовавшего отъезда молодых в Петербург. В письме к Н. И. Гончаровой (*Акад.*, XIV, № 620) Пушкин подробно объясняет причины своего возмущения, однако по настоянию жены письмо не было послано. После отъезда Пушкина Г. продолжала «интриговать» против зятя (см.: *Акад.*, XIV, №№ 602, 711), однако отсутствие непосредственных контактов способствовало нормализации их отношений. С 1833 г. они приобретают ровный, без острых углов характер. По дороге в Оренбургскую губернию Пушкин на два дня (23—24 августа) заезжал в Ярополец, где был весьма гостеприимно встречен Г. (см.: М. А. Цявловский. Пушкин и Наталья Ивановна Гончарова. К пребыванию Пушкина в Ярапольце 23—24 августа 1833 г. В кн.: Ярополец. М., 1930, стр. 5—14). Это, однако, не означало изменения мнения Пушкина о Г.: почтительно-сыновний тон трех последних писем Пушкина Г. отнюдь не затрагивает сущности сложившегося у него мнения (*Рассказы о П.*, стр. 64). Со стороны Г. эти отношения со временем стали доброжелательнее. Е. А. Долгорукова пишет, что Г. «полюбила Пушкина» (там же, стр. 64). В 1835 г. она в резком письме выговаривает сыну за то, что тот уехал, не дождавшись письма Натальи Николаевны с просьбой Пушкина относительно бумаги для будущего «Современника» (М. И. Яшин. Пушкин и Гончаровы. «Звезда», 1964, № 8, стр. 176—177). До нас дошло 7 писем Пушкина к Г. и 2 письма Г. к Пушкину. *Р. И.*

** **Греч** Николай Иванович (1787—1867) — критик, писатель и журналист, издатель «Сына отечества», позднее — вместе с Булгариным — «Северной пчелы». До 1820 г. был близок к либеральным кругам и к «Арзамасу»; в первой половине марта 1820 г. Г. распространяет эпиграмму Пушкина на Стурдзу и выступает в Вольном обществе любителей российской словесности против В. Н. Каразина в защиту Пушкина и близкой ему группы поэтов (*Базанов*, стр. 137 и след.). Г. представлял 1-ю песнь «Руслана и Людмилы» в заседании общества (*Базанов*, стр. 379; см. также: *ОА*, т. II, стр. 324, — о чтении им в обществе отрывка из «Братьев-разбойников» в мае 1823 г.); в журнале Г. «Сын отечества» печатается ряд стихотворений Пушкина и благожелательных откликов на его произведения. В связи с публикацией там послания Пушкина к В. Л. Пушкину (*Сын от.*, 1821, № 11, стр. 178—180) едва не возник конфликт между Пушкиным и Г. (*Акад.*, XII, стр. 303); однако взаимоотношения их восстановились, и Пушкин осенью того же года предложил Г. быть издателем «Кавказского пленника» (от чего Г. отказался). В «Опыте краткой истории русской литературы» (СПб., 1822, стр. 328) Г. поместил составленную им биографическую заметку о Пушкине (см.: Н. Лернер. Заметки о Пушкине. Из отзывов Н. И. Греча о Пушкине. *ПиС*, вып. XVI, стр. 70—73). 6 декабря 1827 г. Пушкин присутствовал на именинах Г. и переписал поздравительные куплеты хозяину (Б. Л. Модзалевский. Пушкин под тайным надзором. Изд. 3-е. [Л.], 1925, стр. 74—76). В 1830 г. Г. выступил вместе с Булгариным против Пушкина; Пушкин в 1831 г. задел его в памфлетах «Торжество

дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем», где он выведен под именем Высухина (см.: Иванов-Разумник. Н. И. Греч и его записки. В кн.: Н. И. Греч. Записки о моей жизни. Изд. «Academia», М.—Л., 1930, стр. 22). В позднейших своих записках Г. пытался отделить себя от Булгарина и создать впечатление своей непричастности к пасквилям на Пушкина в «Северной пчеле» (там же, стр. 700—703). Есть сведения, что Пушкин не отождествлял полностью позиции Булгарина и Г. и даже вел переговоры с Г. об его участии в замышляемой газете (там же, стр. 303; Н. К. Пиксанов. Несостоявшаяся газета Пушкина «Дневник» (1831—1832). *ПиС*, вып. V, стр. 30—74). По воспоминаниям В. Бурнашева (впрочем, мало достоверным), Пушкин посещал литературные вечера Г. в 1834—1835 гг.; анекдотический эпизод с разговором Пушкина и Булгарина на одном из вечеров см.: В. Б‹урнашев›. Из воспоминаний петербургского старожила. «Заря», 1871, № 4, стр. 3—45; В. Каллаш. Заметки о Пушкине. Пушкин на литературном вечере у Греча. *РА*, 1901, кн. II, вып. 6, стр. 251—254. В 1834 г. Пушкин встречался с Г. на новоселье у Смирдина (*см.*), а также на совещании участников «Энциклопедического лексикона» Плюшара. В 1836 г. Г. в письме Пушкину восторженно приветствовал стихотворение «Полководец» (*Акад.*, XVI, № 1258; см. также: Н. И. Греч. Записки о моей жизни, стр. 349). В предсмертные дни Пушкин выражал соболезнование Г. по поводу кончины его сына (И. Т. Спасский. Последние дни А. С. Пушкина. *Анненков*, стр. 449 (ср.: *Щеголев*, стр. 182, 202); *РС*, 1881, № 5, стр. 158—159; по-видимому, на первом источнике основан и полуапокрифический рассказ В. П. Бурнашева, см.: *РА*, 1872, № 9, стлб. 1787—1802). *В. В.*

Гримм Фридрих Мельхиор, барон (1723—1807) — немецкий писатель-энциклопедист, идеолог просвещенного абсолютизма, корреспондент Екатерины II и Фридриха II. С 1753 г. в течение почти 40 лет вел систематический обзор новостей французской литературы и искусства, который в виде писем рассылал разным царствующим особам, в том числе и Екатерине II. Эта «Корреспонденция» была издана после смерти Г. и имелась в библиотеке Пушкина (Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot, depuis 1753 jusqu'en 1790. Nouvelle édition. Paris, 1829—1831, 15 томов: *Библ. П.*, № 831). Пушкин в статье «Александр Радищев» назвал Г. «странствующим агентом французской философии», имея в виду частые переезды Г. (он жил и служил в разных городах Европы: Париже, Франкфурте, Вене, Петербурге, Готе, Гамбурге). *Я. Л.*

Гринвальд Родион Егорович (1797—1877) — свиты е. в. генерал-майор, командир (с 1833 г.) Кавалергардского полка. Сделал блестящую карьеру после 14 декабря, когда был послан в Москву арестовать офицеров-декабристов. «Мнение» Г. от 27 февраля 1837 г. о приговоре над участниками дуэли между Пушкиным и Дантесом и другие подписанные им документы см.: *Дело о дуэли*, стр. 6—7, 24, 31, 37, 39. О Г. см.: Сборник биографий кавалергардов, т. IV, СПб., 1908, стр. 3—24. *Я. Л.*

Губанов Степан Савельевич (ум. до 7 мая 1836 г.) — губернский землемер в Рязани.

Губанова — жена С. С. Губанова.

Губернаторша см. Бибикова Е. И.

Гут — варшавский ресторатор, которому задолжал Л. С. Пушкин. Последний переправил счет Пушкину, но тот его не оплатил, и в 1848 г. О. С. Павлищева писала мужу из Петербурга: «Брат (Лев Сергеевич) просит тебя прислать счет того, что он должен Гуту, он был уверен, что он ему заплатил, или что заплатил мой брат Александр. Он весь вспыхнул, как узнал про этот долг» (*ИРЛИ*, ф. 244, оп. 20, № 94). *О. П.*

Давид — царь израильский (царствовал с 1055 по 1015 г. до н. э.).

** **Давыдов** Денис Васильевич (1784—1839) — поэт, герой Отечественной войны 1812 г., партизан. Участник «Арзамаса». Пушкин познакомился с ним в конце 1818 или начале 1819 г. (см.: *Летопись*, стр. 166, 746) и

впоследствии вспоминал, что был обязан Д.-поэту некоторыми особенностями своего поэтического творчества (*РА*, 1874, кн. II, стр. 732; *РА*, 1880, кн. III, стр. 444; П. П. Вяземский. Александр Сергеевич Пушкин. 1826—1837. По документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям. СПб., 1880, стр. 71; ср.: Б. П. Городецкий. Лирика Пушкина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 79—85). Пушкин посвятил Д. стихи «Недавно я в часы свободы»; возможно, к нему же относится набросок 1821 г. «Я слушаю тебя и сердцем молодею». В 1814—1815 гг. Д. был недолгое время в сфере декабристских влияний (его двоюродный брат В. Л. Давыдов — известный деятель Южного тайного общества). С 1823 г. Д., вынужденный уйти в отставку как «вольнодумец», жил в Москве; при Николае I опала становится открытой, так как Д. был одним из преданных сторонников А. П. Ермолова. В начале 1831 г. Д. неоднократно встречался с Пушкиным в Москве: 4 января ездил с ним в Остафьево к кн. Вяземскому (см.: *Письма*, т. III, стр. 131); в 20-х числах января в Остафьеве же беседовал с Пушкиным о польских делах (*РА*, 1902, кн. I, стр. 49); 11 февраля посетил Пушкина (*Барсуков*, кн. III, стр. 247; *ПиС*, вып. XXIII—XXIV, стр. 112); 17 февраля участвовал в «мальчишнике» по случаю свадьбы Пушкина (*PC*, 1884, № 7, стр. 134; см., однако: Н. Задонский. Денис Давыдов. Историческая хроника. Книга 2-я. Изд. «Молодая гвардия», 1962, стр. 432. Здесь на основании неопубликованных писем Д. к жене устанавливается, что с 15 января по 12 марта 1831 г. Д. был на пути из Москвы в Польшу; документы эти в свете имеющихся данных требуют дополнительной критической проверки). По-видимому, в этот период общения с Д. Пушкин дописал одну строфу в стихотворении Д. «Люблю тебя, как сабли лоск...» (Н. О. Лернер. Стихотворная складчина Пушкина и Дениса Давыдова. *ПиС*, вып. XXXVI, стр. 21—25; см. также: *Письма*, т. III, стр. 134). В 1830-х годах Д. жил в своем имении Маза Сызранского уезда Симбирской губернии; в его письмах этого времени постоянны упоминания о Пушкине (см.: *Письма*, т. III, стр. 533; *Стар. и нов.*, кн. XXII; отд. издание: Письма поэта-партизана Д. В. Давыдова к князю Вяземскому. Пгр., 1917). Д. живо откликнулся на известие о начале издания «Современника» и напечатал ряд стихотворений и статей в тт. III и IV. В январе 1836 г. Д. в Петербурге видится с Пушкиным (Д. Давыдов, Полное собрание стихотворений, ред. и прим. В. Н. Орлова, Л., 1933, стр. 285; «Вестник археологии и истории», вып. XVIII, СПб., 1909, отд. 1, стр. 11; *Лит. арх.*, 1. 1938, стр. 14—15); в это время Пушкин подарил Д. экземпляр «Истории Пугачевского бунта» с посвятительным стихотворением «Тебе, певцу, тебе, герою!..», которое Д. называл своим «brevêt d'mmortalité» (патентом на бессмертие) (*Стар. и нов.*, кн. XXII, стр. 69); 28 января 1836 г. Д. участвовал в обеде у Карлгофа вместе с Пушкиным (*РВ*, 1881, сентябрь, стр. 150—152). 20 февраля 1836 г. Д. писал Вяземскому из Москвы: «...кланяйся Жуковскому и Пушкину; вы трое сделали то, что я о кратковременном пребывании моем в Петербурге вспоминаю с душевным удовольствием» (*Стар. и нов.*, кн. XXII, стр. 62—63). Смерть Пушкина произвела на Д. тяжкое впечатление (там же, стр. 67—68). О Д. и Пушкине см. также: Б. А. Садовский. Русская камена. М., 1910, стр. 19—51; *Дн. Модз.*, стр. 230—231; *Дн. Сав.*, стр. 518—520; *Рассказы о П.*, стр. 44. Известно 2 письма Пушкина к Д. и 14 — Д. к Пушкину *В. В.*

Даль Владимир Иванович (1801—1872) — врач по образованию, писатель, этнограф и лексикограф. Окончил медицинский факультет Дерптского университета. В 1833—1840 гг., после четырехлетней военно-медицинской практики, служил чиновником особых поручений при оренбургском военном губернаторе В. А. Перовском. Знакомство Д. с Пушкиным относится к 1832 г., когда он посетил поэта, чтобы «представиться» ему и передать свои «Русские сказки. Пяток первый» (СПб., 1832). Их сближению способствовал общий интерес к литературной обработке фольклора и к изучению народного языка (см.: *Рассказы о П.*, стр. 21). В 1833 г.

они вновь встретились во время пребывания Пушкина в Оренбурге, провели вместе около трех дней, совершили поездку в Берды для сбора сведений о Пугачеве, много беседовали, охотились и т. д. (см.: *Рассказы о П.*, стр. 21—22; ср.: *РВ*, 1890, кн. 10, стр. 5—8; *РС*, 1907, № 10, стр. 63—67). Тогда же, по свидетельству Д., Пушкин сообщил ему сюжет сказки «О Георгии Храбром и о волке» (см. прим. Д. в кн.: Повести, сказки и рассказы казака Луганского, ч. II. СПб., 1846, стр. 459; в первом издании сказки: *БдЧ*, 1836, т. XIV, ч. II, стр. 133—144, — это примечание отсутствует; см.: М. К. Азадовский. Сказка, рассказанная Пушкиным Далю. *П. Врем.*, т. 4—5, стр. 488—490). Высказывалось предположение, что в Оренбурге Пушкин узнал от Д. сюжет «Сказки о рыбаке и рыбке», оконченной в Михайловском 14 октября 1833 г. По воспоминаниям П. И. Мельникова-Печерского, рукопись сказки с надписью «Твоя от твоих! Сказочнику казаку Луганскому, сказочник Александр Пушкин» поэт подарил Д. (см.: *РВ*, 1873, кн. 3, стр. 298; *Рукою П.*, стр. 725). Однако сообщение П. И. Мельникова не подтверждено документально, а названному предположению (см.: В. Майков. Сказка о рыбаке и рыбке Пушкина и ее источники. СПб., 1892, стр. 10—11, 15—16; Л. Н. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 425—426; Н. О. Лернер. Примечания. *Венг.*, т. VI, стр. 444—445) был противопоставлен другой взгляд на источники сказки (см.: *П. Итоги и проблемы*, стр. 439—441). По другому, также оспоренному ныне предположению, Д. в Оренбурге подсказал Пушкину сюжет, легший в основу «Мертвых душ» Гоголя (Е. А. Бобров. Два вопроса из творчества Н. В. Гоголя. *Изв. ОРЯС*, 1910, т. XV, кн. I, стр. 63—83; ср.: Е. Смирнова-Чикина. Кто «хозяин» названия и сюжета «Мертвые души»? *РЛ*, 1959, № 3, стр. 189—191). В конце 1836—начале 1837 г. Д. и Пушкин встречались в Петербурге, см. свидетельства П. И. Бартенева (*РА*, 1872, стлб. 2026) и П. И. Мельникова-Печерского (*РВ*, 1873, № 3, стр. 301—302). Вероятно, в это время Д. передал Пушкину свою статью «Во всеуслышание», найденную после смерти поэта в его бумагах и предназначавшуюся, по мнению П. И. Бартенева, для пушкинского «Современника» (см.: *РА*, 1880, № 3, стр. 473—480. А. С. Пушкин. Новонайденные его сочинения... Вып. I. М., 1881, стр. 40—48; *Рукою П.*, стр. 725; «Атеней», кн. 1—2, Л., 1924, стр. 23). Критикуя журнальную позицию Сенковского, Д. противопоставлял ей «благое направление» «Современника» и «Московского наблюдателя». 28 января 1837 г., узнав о дуэли и ранении Пушкина, Д. принял участие в его лечении и до конца неотлучно находился при нем (*Щеголев*, стр. 187—188, 192—194, 203—210). После смерти Пушкина Д. получил от вдовы поэта его перстень с изумрудом и сюртук, бывший на нем во время дуэли. По распоряжению Опеки ему был препровожден экземпляр посмертного издания сочинений Пушкина (см.: *Архив опеки*, стр. 227). Перечень книг Д., которые находились в библиотеке Пушкина, см.: *ЛН*, т. 16—18, стр. 994, №№ 20—22. Д. принадлежит известная записка о дуэли и смерти Пушкина; не раз возвращался он к воспоминаниям и рассказам о поэте (см.: *Рассказы о П.*, стр. 67—68; Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников. Ред. С. Я. Гессена. ГИХЛ, Л., 1936, стр. 627). Кроме того, Д. оставил ряд разрозненных замечаний о поддержке Пушкиным его словаря, о языке Пушкина и т. д. (см.: Я. К. Грот, Труды, т. II, СПб., 1899, стр. 11; т. III, СПб., 1901, стр. 397). О значении Пушкина для творчества Д. см.: И. Божерянов. Памяти В. И. Даля. *РС*, 1907, № 12, стр. 280; М. И. Фетисов. Первые русские повести на казахские темы. Изд. АН КазССР, Алма-Ата, 1950, стр. 80—81. О личных и творческих отношениях Пушкина и Д. см.: Л. Н. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 414—433; Д. Н. Соколов. Пушкин в Оренбурге. *ПиС*, вып. XXIII—XXIV, стр. 69, 76 (ср.: там же, стр. 301—304); Ник. Модестов. В. И. Даль в Оренбурге. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, 1913, вып. 27, стр. 11, 29—31, 33; А. М. Скрабова. Раннее творчество В. И. Даля. Автореферат [канд.] диссертации. М., 1950, стр. 4—5 (Моск. пед. инст. им. В. П. Потемкина). *Н. П.*

Дантес (d'Anthès) Геккерн Жорж, барон (1812—1895) — убийца Пушкина, французский роялист, после Июльской революции — участник заговора герцогини Беррийской, которая собирала в Вандее контрреволюционные отряды для восстановления Бурбонов. В октябре 1833 г. Д. приехал в Россию искать счастья и карьеры, имея рекомендацию на имя Николая I от его шурина принца Вильгельма прусского. Поддержанный В. Ф. Адлербергом, И. О. Сухозанетом и другими представителями военно-придворного мира, Д. в январе 1834 г. был допущен к офицерскому экзамену — на льготных условиях, не зная русского языка, — и принят корнетом в Кавалергардский полк (*Щеголев*, стр. 16—27). Об этом Пушкин записал в своем дневнике 26 января 1834 г.: «Барон д'Антес и маркиз де Пина, два шуана, будут приняты в гвардию прямо офицерами. Гвардия ропщет» (*Акад.*, XII, стр. 319). Названием «шуан», подсказанным, вероятно, известным романом Бальзака «Шуаны» (1829), Пушкин точно определил политическую физиономию Дантеса как крайнего легитимиста и контрреволюционного заговорщика: принятие его в гвардию было со стороны Николая I демонстрацией против июльского режима, казавшегося ему порождением революции. Благодаря своей политической репутации, покровительству царя и тому, что он был усыновлен голландским посланником бароном Геккерном, Д. скоро вошел в петербургское светское общество и стал одним из его любимцев; этому способствовали его веселый нрав, легкое и непритязательное остроумие, умение нравиться. Д. встречался с Пушкиным на великосветских собраниях и балах, где вскоре обратил особое внимание на Наталью Николаевну. В 1835 г. он начал открыто за ней ухаживать, а с начала 1836 г. эти ухаживания стали предметом сплетен. Чувства свои к Н. Н. Пушкиной Д. выразил — насколько искренне, другой вопрос — в двух письмах к Л. Геккерну, от 20 января и 14 февраля 1836 г., извлеченных из семейного архива Дантесов-Геккернов французским биографом Пушкина Анри Труайа (H e n r i T r o y a t. Pouchkine, I—II. Paris, 1946. Ср.: М. А. Ц я в л о в с к и й. Новые материалы для биографии Пушкина. *Звенья*, т. IX, 1951, стр. 172—185). 10 января 1837 г. состоялась свадьба Д. с Е. Н. Гончаровой (*см.*). После роковой для Пушкина дуэли с Д. последний был разжалован в рядовые и выслан с жандармом из России. В дальнейшем Д. принял деятельное участие в политической жизни Франции, из легитимистов перейдя в бонапартисты и после революции 1848 г. став активным пособником Луи Наполеона — впоследствии Наполеона III в его антиреспубликанских замыслах. После установления Второй империи Д. был послан Наполеоном в 1852 г. в Россию с чрезвычайным поручением к Николаю I; затем был назначен в сенат, где заседал среди крайних правых. После крушения империи в 1870 г. он отошел от политической деятельности и, составив себе большое состояние, удалился в частную жизнь. Известно одно письмо Д. к Пушкину. *О. П.*

Дашков Дмитрий Васильевич (1788—1839) — государственный деятель и литератор. Один из основателей «Арзамаса», автор известной брошюры «О легчайшем способе возражать на критики» (1811), где содержалась резкая критика трактата Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге. . .» с карамзинистских позиций. Брошюра была в библиотеке Пушкина (*Библ. П.*, № 119); статью о ней последний предполагал написать для «Современника» (*Рукою П.*, стр. 281); упоминание о брошюре Д. как об этапе в истории русской критики см.: *Акад.*, XII, стр. 65. Пушкин познакомился с Д. еще в 1811 г. (*Акад.*, XII, стр. 308) и затем общался с ним в «Арзамасе», где Д. носил прозвище «Чу». Сатирическая кантата Д. «Венчание Шутовского» была переписана Пушкиным в его лицейский дневник 1815 г. (*Акад.*, XII, стр. 295—297). В 1828 г., будучи товарищем министра внутренних дел, Д. выступил с официальным опровержением секретного доноса в III отделение, направленного против Вяземского и любомудров, с которыми в это время общался Пушкин (Б. Л. М о д з а л е в с к и й. Пушкин под тайным надзором. Изд. 3-е. «Атеней», Л., 1925,

стр. 88—93). По-видимому, Д. был одним из тех «молодых министров», к которым Пушкин собирался обратиться за содействием для получения разрешения на издание газеты в 1830 г. (*Акад.*, XIV, № 473). Д. постоянно интересовался литературной деятельностью Пушкина; в 1824 г. он просил Пушкина через Вяземского написать стихи на смерть Байрона (*ЛН*, т. 58, стр. 46; ср. также: *РА*, 1868, № 4, стлб. 600). С 1832 г. Д. был министром юстиции. В 1835 г. через Д. был разрешен допуск Пушкина в архив Министерства иностранных дел для работы над «Историей Пугачева». В дневнике за февраль 1834 г. Пушкин упоминает о разрыве Д. с Уваровым (*Акад.*, XII, стр. 337). Сохранились (в передаче П. И. Бартенева) отзывы Пушкина о моральной твердости Д., которого он называл «бронзой» (*РА*, 1891, № 2, стр. 333; 1905, кн. II, стр. 251; 1907, № 5, стр. 136). За подписью Д. было в 1837 г. послано Н. Н. Пушкиной извещение о разрешении учинить опеку над детьми и имуществом Пушкина (*Арх. опеки*, стр. 343—344). *В. В.*

Державин Гавриил Романович (1743—1816). Со стихами Д. Пушкин познакомился очень рано. Их чтение и разбор входили в программу уже 1-го года обучения в Лицее (1812) (см.: *Летопись*, стр. 42). Первые упоминания имени Д. в стихах Пушкина относятся к 1814 г. («К другу стихотворцу», «Князю А. М. Горчакову», «К Батюшкову», «Воспоминания в Царском Селе»). 8 января 1815 г. на публичном экзамене в Лицее Пушкин единственный раз в жизни видел Д., читал в его присутствии свои «Воспоминания в Царском Селе» (см.: *Летопись*, стр. 71—72). О «восхищении» Д. Пушкин не раз вспоминал позднее (см.: *Акад.*, I, стр. 194; VI, стр. 165; XII, 158). В произведениях конца 1810-х—начала 1820-х годов Пушкин соотносит с Д. свое творчество, выделяя в поэзии Д. то черты далекие («кадило лести»: *Акад.*, II, стр. 545), то близкие себе («бич вельмож»: *Акад.*, II, стр. 269; поэтические картины Кавказа и Бессарабии: *Акад.*, IV, стр. 115; II, стр. 235; XI, стр. 22). Свое «окончательное мнение» о Д. Пушкин выразил в 1825 г., перечитав Д. под влиянием споров с его поклонником (см.: *Акад.*, XI, стр. 273) А. А. Дельвигом: «Кумир Державина 1/4 золотой 3/4 свинцовый» (*Акад.*, XIII, № 175). И в другом месте: «Его гений думал по-татарски — а русской грамоты не знал за недосугом» (*Акад.*, XIII, № 177). Полемика с В. К. Кюхельбекером об одическом жанре побуждает Пушкина противопоставить смелость Д. в употреблении «риторических фигуров и тропов» высшей смелости, «где план обширный объемлется творческою мыслию» (см.: *Акад.*, XI, 42, 60—61, 70). В 1830-е годы Д. продолжает присутствовать в сознании Пушкина. В поэзии Д. Пушкина привлекают ее «яркая и неровная живопись» (*Акад.*, XI, стр. 110), внимание к обыденным сторонам жизни (см.: *Акад.*, V, стр. 101), мастерство сжатой характеристики (см. эпиграфы из Д. в «Арапе Петра Великого», «Гробовщике», «Скупом рыцаре», «Дубровском», «Осени», «Египетских ночах»). В «Истории Пугачева» Пушкин проследил участие Д. в действиях против Пугачева. Письма Д., относящиеся ко времени восстания, а также «Объяснения на сочинения Державина» (СПб., 1834) были использованы им в числе других исторических источников (см.: *Акад.*, IX, стр. 104, 110, 114, 203—205). См. о Пушкине и Д.: Д. Благой. Пушкин и русская литература XVIII века. В кн.: Пушкин — родоначальник новой русской литературы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 113—116, 120—122; Б. Томашевский. Поэтическое наследие Пушкина. Там же, стр. 264—265; Б. Томашевский. Пушкин, кн. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 55—63, 121—123, 153—156; Б. П. Городецкий. Лирика Пушкина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 40—66; Б. Мейлах. Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 101—104, 167—168; Г. С. Татищева. Пушкин и Державин. «Вестник ЛГУ», № 14, Серия истории, языка и литературы, вып. 3, 1965, стр. 106—116. *Н. П.*

** **Дмитриев** Иван Иванович (1760—1837) — поэт-сентименталист, ближайший друг и соратник Карамзина. Расцвет творчества Д. относится

к 1790-м—началу 1800-х годов. С этого времени Д. — крупнейший, признанный авторитет в кругу карамзинистов. С 1797 г. член Российской академии. В том же году Д. назначен был товарищем министра уделов, а вскоре — обер-прокурором Сената. В 1810—1814 гг. Д. — министр юстиции; выйдя в отставку, он поселился в Москве, до конца жизни оставаясь для своих литературных друзей «второю ипостасью» Карамзина (см.: В. А. Жуковский, Сочинения, т. VI, Пб., 1878, стр. 433). Еще до Лицея Пушкин мог видеть Д. — давнего приятеля С. Л. и В. Л. Пушкиных, повторял наизусть его стихи (см.: *Летопись*, стр. 6 и 12; ср.: *Акад.*, XII, стр. 308). Разбор басен Д. входил в программу лицейского курса словесности (*Летопись*, стр. 42). В поэзии лицейских лет начиная со стихотворения «К другу стихотворцу» (1814) Д. упоминается в числе лучших русских поэтов (см.: *Акад.*, I, стр. 26, 98, 251). Пушкин с благодарностью вспоминает о похвале Д. своему «слабому дару» (*Акад.*, I, стр. 194). В эпиграмме «На Каченовского» (1818; *Акад.*, II, стр. 61) Пушкин продолжил полемику Д. с хулителем «Истории» Карамзина и заслужил этим комплименты и признательность Д. (см.: И. И. Дмитриев, Сочинения, т. II, СПб., 1895, стр. 233. Ср.: там же, стр. 230, 247, 249—250; *РА*, 1867, стлб. 1108). Появление «Руслана и Людмилы» вызвало перелом в отношениях Пушкина и Д. В письмах к друзьям Д. выразил отрицательное отношение к поэме, хотя и обставил его различными оговорками (см. их сводку и анализ в кн.: Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 352—354). Отзыв Д. без упоминания его имени был процитирован в печати А. Ф. Воейковым (см.: *Сын от.*, 1820, ч. 65, № 43, стр. 115). Это могло послужить толчком к переоценке творчества Д., совпавшей по времени с формированием у Пушкина своей концепции истории русской литературы. Крайняя точка этой переоценки — письма к Вяземскому от 4 ноября 1823 г. (черновое) и от 8 марта 1824 г., где полностью отрицаются литературные заслуги Д. (см.: *Акад.*, XIII, №№ 63а и 78; ср.: там же, №№ 35, 49, 70а, 81, 87; см. также: *Вяземский*, т. I, стр. 158—161). В последующие годы оценка Д. лишается этих полемических крайностей, чему отчасти способствует и личное знакомство Пушкина с Д. в сентябре 1826 г. (см.: Архив бр. Тургеневых, вып. 6. Пгр., 1921, стр. 42). С середины 1820-х годов Пушкин нередко опирается на произведения Д. в литературной полемике, заимствует из них эпиграфы, встречается с Д. во время своих приездов в Москву и приездов Д. в Петербург, посылает ему свои сочинения и т. д. (см.: *Акад.*, III, стр. 750; VI, стр. 87, 139, 272, 480, 498, 621; VIII, стр. 3; XI, стр. 156; XIV, № 409; *Рукою П.*, стр. 717 и 722 и др.). С 1829 г. между Д. и Пушкиным завязывается переписка, учащаются свидетельства взаимного интереса и уважения. В работе над «Историей Пугачева» Пушкин использует записки Д. и его устные рассказы. Другие рассказы Д. в передаче Пушкина см.: *Акад.*, XII, стр. 161 и 352. Особый интерес Д. вызвал пушкинский «Современник» (см.: Письма И. И. Дмитриева к кн. П. А. Вяземскому 1810—1836 гг. СПб., 1898, стр. 70, 71; *РС*, 1899, № 11, стр. 318 и др.). Во II томе «Современника» появилось замечание Д. о его омониме, в дальнейшем Пушкин собирался перепечатать в журнале стихотворение Д. «Путешествие В. Л. П‹ушкина›» со своим предисловием (см.: *Акад.*, XII, стр. 93), но по просьбе Вяземского «уступил» его для «Старины и новизны» (см.: Письма И. И. Дмитриева к кн. П. А. Вяземскому, стр. 76 и 143). Известие о гибели Пушкина Д. воспринял с глубокой грустью, с интересом следил за посмертной публикацией его сочинений (см.: там же, стр. 81; ср.: *РС*, 1899, № 9, стр. 536). О Пушкине и Д. см.: Влад. Чулицкий. И. И. Дмитриев. *ЖМНП*, 1902, кн. 5, отд. II, стр. 23—32; Д. Д. Благой. Пушкин и русская литература XVIII века. В кн.: Пушкин — родоначальник новой русской литературы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 113—114; Г. Макогоненко. Пушкин и Дмитриев. *РЛ*, 1966, № 4, стр. 19—36; о частных случаях преемственности между Д. и Пушкиным см. также: Н. О. Лернер. Пушкинологические этюды. *Звенья*,

т. 5, стр. 80—81; А. Н. Соколов. От комической поэмы к социально-психологическому роману. (О композиции «Евгения Онегина»). Труды Орехово-Зуевск. пед. инст., М., 1936, стр. 80; Б. П. Городецкий. Лирика Пушкина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 68—71 и др. Известно 5 писем Пушкина к Д. и 7 писем Д. к Пушкину. *Н. П.*

Долгорукова («Долгорукая-Малиновская») Екатерина Алексеевна, княгиня, урожд. Малиновская (1811—1872), — дочь директора Московского архива Коллегии иностранных дел А. Ф. Малиновского, жена офицера лейб-гвардии Гусарского полка кн. Р. А. Долгорукова, подруга юности Н. Н. Пушкиной, умная и образованная женщина. Д. благоговела перед Пушкиным. По сообщению Бартенева, «от умиравшего Пушкина не отходила она по целым часам и, стоя на коленях у его ложа, слушала его последние заветы жене и друзьям» (*РА*, 1912, № 9, стр. 86—87, ср.: *РА*, 1908, кн. III, стр. 295). Никто из современников поэта, однако, не подтверждает этого сообщения. Была приятельницей Лермонтова — однополчанина ее мужа. Рассказы ее о Пушкине записаны Бартеневым (*Рассказы о П.*, стр. 62—64, 136—137) и Ф. Толем (Декабристы на поселении. М., 1926, стр. 142—144). *Я. Л.*

Доливо-Добровольский Флор Иосифович (1776—1852) — владелец дачи на Каменном острове, где жили Пушкины летом 1836 г., действительный тайный советник, член Совета при главноначальствующем над Почтовым департаментом. См.: *П. Врем.*, т. 2, стр. 19; М. Яшин. Дача на Каменном острове. «Нева», 1965, № 2, стр. 187—190. *В. В.*

** **Дондуков-Корсаков** Михаил Александрович, князь (1794—1869) — с 1833 г. попечитель Петербургского учебного округа, второй вице-президент и председательствующий в правлении Академии наук (с 1835 г.). Как попечитель учебного округа, был председателем Петербургского цензурного комитета. Был близок к Уварову, с которым, по слухам, имел противоестественную связь. Пушкин относил свои цензурные затруднения в большой мере за счет личной ненависти к нему Уварова и Д.-К. Результатом этих взаимоотношений была эпиграмма Пушкина «В Академии наук»; по свидетельству Краевского, Пушкин скрывал свое авторство и проговорился только потому, что Краевский случайно видел автограф (слова Краевского записаны П. И. Бартеневым и М. И. Семевским: *РА*, 1892, № 8, стр. 489—490; *РС*, 1880, № 9, стр. 219—220). Соболевский сообщал, однако, что Пушкин жалел об эпиграмме, узнав ближе Д.-К. (письмо к М. Н. Лонгинову, 1855: *ПиС*, вып. XXXI—XXXII, стр. 39). После смерти Пушкина Д.-К. по поручению Уварова сделал выговор Краевскому за публикацию извещения о смерти поэта в «Лит. прибавлениях к Русскому инвалиду» (*РС*, 1880, № 7, стр. 537). О Д.-К. см. также: *Дн. Модз.*, стр. 244—245; Л. Ильинский. Эпиграмма «В Академии наук...». *ПиС*, вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 205—212. Известно 3 письма Пушкина к Д.-К. и 4 письма Д.-К. к Пушкину. *В. В.*

** **Дубельт** Леонтий Васильевич (1792—1862) — жандармский генерал, с 1835 г. начальник штаба корпуса жандармов, с 1839 г. управляющий III отделением и член Главного управления цензуры. Пользовался расположением Бенкендорфа и имел на него влияние. Известен как гонитель русской литературы. Жестокость Д. вместе с внешней учтивостью дали ему в обществе прозвище le général Double («двуличный генерал») (Н. С. Голицын. Два события из моей жизни. *РС*, 1890, № 11, стр. 378). Это прозвище совпадает с характеристикой, которую дал Д. Герцен, отмечавший наряду с умом «что-то волчье и даже лисье» в его чертах, «тонкую смышленость хищных зверей», «уклончивость и заносчивость» и одновременно учтивость (*Герцен*, т. IX, стр. 57—58). После смерти Пушкина Д. было поручено вместе с Жуковским разобрать бумаги поэта. Характер участия Д. в этой работе можно установить на основании писем Жуковского к Бенкендорфу и записей в журнале, который велся во время разбора (см.: *Щеголев*, стр. 217—220, 228—231, 239—244, 477, 504; М. А. Цявловский. «Посмертный обыск» у Пушкина. В кн.: М. А. Цявловский.

Статьи о Пушкине. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 276—334). Отношение Д. к Пушкину выразилось в выговоре, полученном А. А. Краевским за опубликование в 1839 г. в «Отечественных записках» неизвестных произведений поэта. Д. передал Краевскому, что «довольно этой дряни, сочинений-то вашего Пушкина при жизни его напечатано, чтобы продолжать еще и по смерти его отыскивать неизданные его творения да печатать их» (*РС*, 1881, № 3, стр. 714). Сохранилось одно письмо Д. к Пушкину и ответ Пушкина. О Д. см.: *Лемке*, стр. 120—125. *Я. Л.*

Дурачок Д. — неустановленное лицо.

** **Дуров** Василий Андреевич (1799—ум. после 1860) — брат Н. А. Дуровой (*см.*). С 1814 г. находился на военной службе, в 1824 г. был произведен в ротмистры. С 1825 г. городничий в г. Сарапуле, за просрочку отпуска был в 1829 г. уволен от должности. В 1831—1835 гг. городничий в Елабуге, затем снова в Сарапуле (1839—1848). В конце 1848 г. городничий в Кунгуре, затем в Глазове. В бытность Д. городничим в Елабуге «под судом был об открытых при Елабужском рекрутском присутствии во время 98 набора злоупотреблениях и беспорядках, где он был членом, но от суда и следствия освобожден с представлением начальству иметь за действиями его по службе особое наблюдение» (формулярный список Д. см.: Труды Вятской ученой архивной комиссии, 1913, вып. III—IV, стр. 204—205). Пушкин познакомился с Д. в 1829 г. на Кавказе, где тот «лечился от какой-то удивительной болезни, вроде каталепсии, и играл с утра до ночи в карты» (запись Пушкина в Table-talk: *Акад.*, XII, стр. 167—168). «Цинизм Дурова, — вспоминает М. И. Пущин, — восхищал и удивлял Пушкина; забота его была постоянная заставлять Дурова что-нибудь рассказывать из своих приключений, которые заставляли Пушкина хохотать от души; с утра он отыскивал Дурова и поздно вечером расставался с ним» (М. И. Пущин. Встреча с Пушкиным за Кавказом. *РВ*, 1893, № 9, стр. 160—167; ср.: А. Е. Розен. Декабристы на Кавказе в 1826—1850 гг. *РС*, 1884, т. XLI, стр. 335—336. См. также: Н. Н. Блинов. «Кавалерист-девица» и Дуровы. *ИВ*, 1888, № 2, стр. 414—420). Известно 2 письма Пушкина к Д. Одно письмо Д. к Пушкину известно в кратком пересказе Пушкина (*Акад.*, XII, стр. 168). *О. П.*

** **Дурова** Надежда Андреевна, по мужу Чернова, псевдоним — А. А. Александров (1783—1866), — писательница, женщина-офицер («Кавалерист-девица»), участница войн с наполеоновской Францией в 1806—1807 и 1812—1814 гг. (была в сражениях при Фридланде, под Смоленском и Бородином), имела воинские награды. После того как обнаружилось, что под именем улана Соколова скрывается женщина, Александр I произвел ее в офицеры, назначив корнетом в Мариупольский гусарский полк под именем Александра Андреевича Александрова. В Бородинском сражении Д. была контужена, после чего служила ординарцем у М. И. Кутузова. В 1816 г. в чине штабс-ротмистра вышла в отставку и жила в Сарапуле, Кунгуре, а после смерти брата — кунгурского городничего (см. выше) — навсегда поселилась в Елабуге, где и скончалась. В 1835 г. (см.: *Акад.*, XVI, № 1084) Д. предложила Пушкину свои записки — видимо, как материал, который он может отредактировать. Получив рукопись значительно позже, Пушкин напечатал во II томе «Современника» 1836 г. ее записки о 1812 г., снабдив их предисловием, в котором говорилось: «С неизъяснимым участием прочли мы признания женщины, столь необыкновенной; с изумлением увидели, что нежные пальчики, — некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым, живописным и пламенным» (*Акад.*, XII, стр. 164). Подробный разбор «Записок» дал Д. В. Давыдов в письме к Пушкину от 10 августа 1836 г. (*Акад.*, XVI, № 1241; см. также: *Акад.*, XVI, № 1261). В том же 1836 г. записки Д. были напечатаны полностью отдельным изданием уже без участия Пушкина («Кавалерист-девица. Происшествие в России, в 2 частях». Издал Иван Бутовский. СПб.). Оценку записок Д. дал В. Г. Белинский (*Белинский*, т. III, стр. 149). Д. оставила воспоминания

о Пушкине, с которым она несколько раз встречалась во время своего пребывания в Петербурге («Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения». СПб., 1838). Известно 3 письма Пушкина к Д. и 8 ее писем к Пушкину за 1835—1836 гг. См. о Д.: Б. Смиренский. Надежда Дурова. В кн.: Надежда Дурова. Записки кавалерист-девицы. Казань, Татарское книжн. изд., 1960, стр. III—XXIV. *О. П.*

Дьяков Алексей Николаевич (1790—1837) — полковник, помещик Слободско-Украинской губернии, вдовец, вторично женившийся на Елизавете Алексеевне Окуловой.

Дюме (Dumé) — ресторатор в Петербурге, имел ресторан на углу Малой Морской и Гороховой улиц (ныне улицы Гоголя и Дзержинского), пользовавшийся репутацией одного из лучших в городе. Пушкин бывал в ресторане Д., так же как и его отец и брат. См.: А. Яцевич. Пушкинский Петербург. Л., 1935, стр. 259—261. *О. П.*

Дюрье (Durier) — владелец модного магазина в Петербурге.

Екатерина II (1729—1796) — императрица (с 1762 г.). Памфлетную оценку личности и внутриполитической деятельности Е. Пушкин дал в «Заметках по русской истории XVIII века» (1822); в 1830-е годы Пушкин уточняет и даже изменяет некоторые из своих прежних выводов, пытаясь дать анализ социального значения деятельности Е. и в некоторых случаях идеализируя «век Е.» в полемических целях. См.: Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. I (1813—1824). Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 577, 584; П. Н. Берков. 1) Пушкинская концепция истории русской литературы XVIII века. *П. Иссл. и мат.*, т. IV, стр. 79—89; 2) Пушкин и Екатерина II. Уч. зап. ЛГУ, № 200, серия филол. наук, вып. 25, 1955, стр. 212—215; Новонайденный автограф Пушкина. Изд. «Наука», М.—Л., 1968, стр. 87—105. *В. В.*

Елена Павловна, вел. княгиня, урожд. принцесса Виртембергская (1806—1873), — жена вел. кн. Михаила Павловича. Была образованна, начитанна, интересовалась литературой и искусством, а также общественными вопросами. Это выделяло ее среди других членов царской семьи. Современники высоко отзывались о ее уме, такте, умении вести беседу (см.: *Дн. Модз.*, стр. 186—189). Вяземский в письме к жене 2 января 1832 г. выражал опасение, что Е. П. «здесь не заживется, ибо не уживется, и что разногласие ее с прочими членами царской семьи слишком резко» (*Звенья*, т. IX, стр. 237). Е. П. была хорошо знакома с Пушкиным, находила его беседу «очень занимательной» (письмо ее к мужу 26 декабря 1836 г.: *ЛН*, т. 58, стр. 135, там же характеристика ее отношения к трагедии Пушкина); в ее записках к Жуковскому, написанных после дуэли Пушкина с Дантесом, выражается глубокая тревога по поводу ранения Пушкина (см.: *Щеголев*, стр. 189; *ЛН*, т. 58, стр. 134—136). Встречи с Е. П. не раз отмечаются в дневнике и письмах поэта (см.: *Акад.*, XII, XIII, XV, по указ.). *Я. Л.*

Емельян (Амельян) —слуга Пушкиных.

Ермолова Жозефина-Шарлотта, урожд. графиня де Лассаль (1794— ум. в 50-х годах в Париже), — дочь наполеоновского генерала, жена генерал-майора (с 1835 г.) М. А. Ермолова. Пушкин упоминает о ней в дневниковой записи от 28 ноября 1834 г. (*Акад.*, XII, стр. 333), передавая каламбур, основанный на ее девичьей фамилии (Lassale — la sale, грязная).

Есаулов Андрей Петрович (побочный сын помещика Есаулова, официально носил фамилию Петров; ум. в 1850-х годах) — композитор, скрипач и дирижер, автор ряда романсов на слова Пушкина, В. А. Жуковского, П. А. Катенина (см.: *Письма*, т. III, стр. 307—310; С. С. Попов. А. П. Есаулов. (Биографический очерк). «Сов. музыка», 1937, № 5, стр. 86—89; А. Глумов. Музыкальный мир Пушкина. Музгиз. М.—Л., 1950, стр. 235—244). Знакомство Пушкина с Е. относится, по-видимому, к концу 1820-х—началу 1830-х годов и произошло через П. В. Нащокина, который оказывал Е. помощь и покровительство. После возвращения

из Болдина, зимой 1830—1831 гг., Пушкин передал Е. текст нового, оконченного 5 октября 1830 г. и еще не опубликованного стихотворения «Прощание» («В последний раз твой образ милый»). Романс, написанный Е. на этот текст, упоминается летом 1831 г. в переписке поэта с Нащокиным (см.: *Акад.*, XIV, №№ 617, 619, 650, 659). В первом из указанных писем Нащокин пишет о Е.: «Он почти столько же тебя знает и любит, как и я». По маловероятному утверждению П. В. Анненкова, основанному, по-видимому, на рассказах Нащокина, «Русалка» была задумана Пушкиным как либретто для оперы Е.; для него же А. Ф. Вельтманом было написано либретто «Летняя ночь». Об этой «опере Вельтмана» Пушкин спрашивал Нащокина в 1832 г. (*Акад.*, XV, № 777), что свидетельствует об интересе поэта к замыслу Е. (см.: *Анненков*, т. I, стр. 365; ср.: *Белинский*, т. VII, стр. 563; М. Загорский. Пушкин и театр. Изд. «Искусство», М.—Л., 1940, стр. 188—195). 28 июня 1833 г. Е. вместе с Нащокиным приехал в Петербург и уже на следующий день встретился с Пушкиным, посетившим Нащокина (Н. И. Куликов. А. С. Пушкин и П. В. Нащокин. *PC*, 1881, № 8, стр. 603—606). Уезжая в Москву, Нащокин, видимо, поручил устроенного им на службу в императорский театр Е. заботам Пушкина. В 1834 г. Пушкин и Соболевский следили за жизнью Е. и пытались повлиять на его судьбу (*Акад.*, XV, №№ 897, 924). Пушкин познакомил Е. и с М. Л. Яковлевым, которому Е. посвятил свой романс «Notturno» на слова Е. А. Ган. В 1834 г. был издан второй романс Е. на пушкинский текст «Гишпанская песнь» («Ночной зефир»). О пушкинских романсах Е. см.: С. С. Попов. Забытый романс А. Есаулова на текст Пушкина. (К новой публикации романса «Прощание»). «Сов. музыка», 1937, № 5, стр. 81—85; В. А. Васина-Гроссман. Русский классический романс XIX века. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 30, 38; Н. В. Измайлов. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов. *П. Иссл. и мат.*, т. II, стр. 18. *Н. П.*

Жадимеровский Петр Алексеевич (1791—1844) — фридрихсгамский первостатейный купец, домовладелец; ему принадлежал так называемый «таировский» дом на углу Гороховой и Морской улиц, где Пушкин жил в 1832—1833 гг. См.: А. Яцевич. Пушкинский Петербург. Л., 1935, стр. 246—250.

** **Жандр** Андрей Андреевич (1789—1873) — драматург, друг А. И. Одоевского, Грибоедова, близкий к декабристам. В 1836 г. директор канцелярии Морского министерства. Пушкин познакомился с Ж. в 1818—1819 гг. на вечерах кн. А. А. Шаховского (*Летопись*, стр. 169); в дальнейшем высоко оценивал трагедию «Венцеслав», переведенную Ж. из Ротру (*Акад.*, XI, стр. 141; XIII, № 213). Пушкин сохранил связь с Ж. и в конце жизни; есть свидетельство Ж., что Пушкин брал у него для чтения не напечатанный еще роман В. С. Миклашевич «Село Михайловское» (И. Данилов. Забытая писательница. *ИВ*, 1900, № 7, стр. 195). Известно одно письмо Пушкина к Ж. *В. В.*

Жиденок-лекарь см. В.

** **Жобар** (Jobard) Альфонс (1793—ум. после 1855) — профессор греческой и латинской словесности и французской литературы Казанского университета (1822—1824). Получив эту должность при покровительстве попечителя М. Л. Магницкого, Ж. скоро вызвал его неудовольствие непрерывными выступлениями против злоупотреблений и несправедливостей с позиций формальной законности. Столкновения Ж. с членами университетского совета и с ректором послужили причиной увольнения его из университета (5 сентября 1824 г.), а последовавшая борьба его против М. Л. Магницкого, а затем против министров народного просвещения кн. К. А. Ливена и (позднее) С. С. Уварова окончилась в 1836 г. высылкой Ж. из России. Особая министерская комиссия, назначенная для расследования дела Ж., подтвердила, однако, некоторые отмеченные им злоупотребления. Впоследствии Ж. жил в Вене, где, по непроверенным слухам, переданным М. Д. Бутурлиным, «не гнушался... ролью полицей-

ского секретного агента» (*РА*, 1898, № 5, стр. 10). Свои впечатления от пребывания в России Ж. изложил в издании «Extrait de mes mémoires sur la Russie» (Wien, 1854) и прислал его в 1855 г. П. А. Вяземскому (картотека Б. Л. Модзалевского: *ИРЛИ*). См. о Ж.: Н. П. Загоскин. Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета (1804—1904), ч. I. Казань, 1904, стр. 84—85; Е. М. Феоктистов. Материалы для истории просвещения в России, I. Магницкий. СПб., 1865, стр. 109—123; *РА*, 1897, № 5, стр. 37 (Записки М. Д. Бутурлина); *РС*, 1893, № 5, стр. 337 (Воспоминания В. И. Панаева); *РС*, 1899, № 3, стр. 43 (Дневник Г. И. Вилламова); *РА*, 1912, № 1, стр. 361 (письмо гр. Д. Н. Толстого к М. Д. Бутурлину). В 1836 г. Ж. перевел на французский язык оду Пушкина «На выздоровление Лукулла» и пытался использовать ее в своей борьбе против Уварова, что и послужило поводом для высылки его из России (см.: В. В. Никольский. Жобар и Пушкин. *РС*, 1880, № 7, стр. 555—564). Известно одно письмо Пушкина к Ж. и два письма Ж. к Пушкину. *Н. П.*

Жорж (M-me George) — петербургская акушерка, судя по подчеркнутому Пушкиным неправильному произношению, — француженка из южной Франции.

** **Жуковский** Василий Андреевич (1783—1852) — поэт, один из самых близких к Пушкину старших современников, его друг с 1815 г., когда они познакомились в Лицее, и до конца жизни Пушкина. Литературно-творческие их отношения были сложны и прошли ряд этапов: со стороны Пушкина — от прямого ученичества (см. элегии 1816 г.) до иронического отрицания (начало IV песни «Руслана и Людмилы») и до признания большей значимости балладного творчества Катенина сравнительно с балладами Ж. (1833) при неизменном признании большого положительного влияния «поэзии Ж. на дух нашей словесности», а также на «слог», т. е. язык и стиль ее (спор о Ж. с Рылеевым и Бестужевым в 1824—1825 гг.); со стороны Ж. — раннее и сохранившееся навсегда признание Пушкина «победителем-учеником», а себя — «побежденным-учителем» (1820) при коренных расхождениях во взглядах на поэзию: известны, например, упреки Ж. Пушкину за отсутствие в его поэзии «цели», т. е. морально-дидактической направленности, и за «вред», причиненный тем, чтó Пушкин написал «возмутительного для порядка и нравственности» (1825—1826). См. об этом: *Белинский*, т. VII, стр. 219—221 и сл.; вступительные статьи к последним изданиям сочинений Ж.; И. Эйгес. Пушкин и Жуковский. В кн.: Пушкин — родоначальник новой русской литературы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 193—216; Г. А. Гуковский. Пушкин и русские романтики. Саратов, 1946, стр. 11—106 и далее pass.; И. М. Семенко. Пушкин и Жуковский. Научные доклады высшей школы. «Филологические науки», 1964, № 4, стр. 118—130. Что касается биографических, личных и общественных отношений между Пушкиным и Ж., то они определяются прежде всего той нежной, почти отеческой любовью и заботливостью, которую питал к Пушкину Ж., и полным доверием, с которым относился к Ж. Пушкин; вместе с тем их разделяло глубокое различие, даже противоположность их общественно-политических, моральных, философских взглядов, что вносило нередко осложнения в их взаимоотношения. Пушкин обращался к Ж. за советом и помощью во всех трудных, тем более угрожающих обстоятельствах жизни: при решении вопроса о высылке Пушкина, в апреле 1820 г. (обратился к Ж., по-видимому, не сам поэт, а его отец, С. Л. Пушкин, но это не меняет дела); во время ссоры Пушкина с отцом, осенью 1824 г.; при попытке Пушкина выехать из Михайловского за границу под предлогом лечения, летом 1825 г.; после поражения восстания декабристов, в 1826 г. (позднее Ж. выехал за границу и в момент возвращения Пушкина из ссылки отсутствовал); в хлопотах о разрешении издания «Бориса Годунова» (1829) и о самом издании трагедии (1830); в установлении нового общественного положения Пушкина и его

отношений с Николаем I (летом 1831 г.); в «ссоре» Пушкина с царем и Бенкендорфом, вызванной желанием поэта уйти в отставку (в конце июня—начале июля 1834 г.); наконец в истории первой несостоявшейся дуэли Пушкина с Дантесом, в ноябре 1836 г. Во всех этих случаях проявляются искренняя и нежная заботливость Ж. о Пушкине и доверие Пушкина к своему другу; вместе с тем сказываются и глубокие, порою острые расхождения между ними, различия в отношениях к власти и в понимании норм общественного поведения. Пушкин не раз восставал против мнений и советов Ж. и тем не менее почти всегда в конце концов следовал его указаниям. Лишь в одном, последнем решении он сознательно не обратился к Ж. за советом — очевидно, чтобы избежать всякого вмешательства: в момент отправки второго вызова Дантесу, приведшего к дуэли 27 января 1837 г. В последние часы жизни Пушкина и после его смерти Ж. выступал как ближайший его друг и душеприказчик: был автором известного письма к С. Л. Пушкину, имевшего целью очистить и укрепить и память поэта, и положение его семьи и его друзей в глазах властей; убедил Николая I в необходимости материальной помощи семье; выхлопотал разрешение на посмертные издания «Современника» (где поместил произведения, нашедшиеся в бумагах поэта) и собрания его сочинений в 8, потом в 11 томах, тексты для которого сам правил; участвовал в тяжелой и мучительной для него разборке бумаг Пушкина, производившейся жандармским генералом Дубельтом. В этих заботах сказались с особой силою и любовь Ж. к погибшему другу, и глубокие различия в общественно-политических и литературных позициях между ними, и двойственность, шаткость, уступчивость самого Ж., но вместе с тем и огромные трудности, которые он сумел преодолеть. Взаимоотношения между Пушкиным и Ж. — один из важнейших вопросов в личной и общественно-литературной биографии Пушкина — до сих пор не подвергались монографическому исследованию (если не считать краткую сводку В. Ф. Саводника в московском издании «Дневника Пушкина», 1923, стр. 84—100). Основным материалом является их переписка (*Акад.*, XIII—XVI) и комментарии Б. Л. и Л. Б. Модзалевских в «*Письмах*» (тт. I—III); документы об участии Ж. в преддуэльных событиях 1836 г. и в делах, касающихся Пушкина, его сочинений и его семьи после дуэли, собраны и критически рассмотрены П. Е. Щеголевым (*Щеголев*); дополнения к этим материалам — в работах М. А. Цявловского (см.: М. А. Цявловский. Статьи о Пушкине. 1962, стр. 276—311 и сл.), Б. В. Казанского (см.: *П. Врем.*, т. 1, стр. 236—249; т. 3, стр. 445—457), И. А. Боричевского (см.: *П. Врем.*, т. 3, стр. 371—392), М. И. Яшина (см.: «Звезда», 1963, № 8, стр. 159—184; № 9, стр. 166—187) и др.

Из переписки Пушкина с Ж., возникшей в конце 1816 г. (см.: *Акад.*, XVI, стр. 429), сохранилось 12 писем Пушкина (из которых 2 входят в наст. издание) и 26 писем Ж. (из них 15 за 1834—1837 гг.). Установить количество не дошедших до нас писем того и другого корреспондентов не представляется возможным. *Н. И.*

Забела Константин Петрович (род. 1813) — дворянин Полтавской губернии. В 1823—1830 гг. кадет Павловского кадетского корпуса. Как «недисциплинированный», выпущен в гражданскую службу с чином 14-го класса. С 30 декабря 1830 г. по 7 января 1835 г. мелкий канцелярист в департаменте Министерства юстиции и других присутственных местах Петербурга. 7 мая 1835 г. зачислен портупей-юнкером на Кавказ в Кабардинский егерский полк. Участвовал в походах 1835—1839 гг. против горцев и, отличившись в ряде сражений, в 1841 г. вышел в отставку в чине штабс-капитана. См.: В. Л. Модзалевский. Малороссийский родословник, т. II. Киев, 1910, стр. 96; А. Зиссерман. История 80-го пехотного Кабардинского полка (1726—1880). СПб., 1881, стр. 95, 109; ср.: А. Н. Петров. Исторический очерк Павловского военного училища, Павловского кадетского корпуса и имп. военно-сиротского дома. 1798—1898. СПб., 1898, стр. 468—469. Позднее З. служил в Малороссии в долж-

ности начальника инвалидной команды и (в 1865 г.) в чине майора (см.: Памятная книжка Полтавской губернии за 1865 год. Полтава, 1865, отд. V, стр. 82). Данными о знакомстве Пушкина с З. мы не располагаем. Ходатайствовать за З. перед В. Д. Вольховским он мог по просьбе П. А. Плетнева, в 1815—1831 гг. преподававшего в Павловском кадетском корпусе, где учился З. Об отсутствии близости между Пушкиным и З. говорит, по-видимому, и то, что поэт титулует его графом, между тем как малороссийские представители фамилии Забела никогда не имели этого титула (см.: С. Васильевич. Титулованные роды Российской империи, т. I—II. СПб., 1910. Ср.: там же, т. II, стр. 74, № 26). Справка составлена по материалам картотеки Л. А. Черейского. *Н. П.*

** **Загоскин** Михаил Николаевич (1789—1852) — драматург и романист. Комедии З. в 1815—1820 гг. пользовались широкой популярностью и оказали известное воздействие на формирование взглядов Пушкина на театр (см.: Ал. Слонимский. Пушкин и комедия 1815—1820 гг. *П. Врем.*, т. 2, стр. 23—42). Будучи членом С.-Петербургского Вольного общества любителей российской словесности, З. примыкал к правому крылу общества, выступавшему против «либеральных» произведений «молодых поэтов», под которыми понимался и П. (см.: *Базанов*, стр. 124—126, 234); ему же принадлежит и стихотворный памфлет против группировавшихся вокруг Пушкина поэтов «Послание к Людмилу» (*ВЕ*, 1823, № 7, стр. 204—215; «Соревнователь», 1823, № 4, стр. 69—70). Первый исторический роман З. «Юрий Милославский» нашел горячую поддержку у Пушкина и писателей его круга; Пушкин поместил в «Литературной газете» краткую, но очень сочувственную рецензию (*Акад.*, XI, стр. 92—93). В дальнейшем «Литературная газета» поддерживала З.-романиста, противопоставляя его Булгарину (см.: *Письма*, т. II, стр. 364—365; *ЛН*, т. 58, стр. 93—94); другой роман З., «Рославлев» (1831), посланный Пушкину через О. М. Сомова (*РС*, 1902, № 9, стр. 620), не удовлетворил Пушкина ни своей официозной концепцией войны 1812 г., ни своей художественной стороной (см. его переписку с Вяземским в июле—сентябре 1831 г.: *Акад.*, XIV, №№ 625, 629, 662, 672; см. также: *Письма к Хитрово*, стр. 107—112); он послужил стимулом к созданию «Рославлева» Пушкина (повесть напечатана им частично, под заглавием «Отрывок из неизданных записок дамы (1811 год)»: *Совр.*, 1836, т. III, стр. 197—203; о полемическом характере повести по отношению к З. см.: М. Гельфанд. Из истории классовой борьбы в русской литературе XIX в. «Литература и марксизм», 1930, кн. 4—5, стр. 55—97; комментарии в изд.: А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, т. VII, Гослитиздат, М., 1938, стр. 837—842; А. И. Грушкин. «Рославлев». *П. Врем.*, т. 6, стр. 326—337; С. М. Петров. Исторический роман А. С. Пушкина. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 78—106). С 1831 г. З. — директор московских театров. В 1835 г. он написал и поставил на сцене в Москве комедию-пасквиль «Недовольные», направленную против Чаадаева и М. Ф. Орлова; постановка этой комедии была встречена с возмущением передовыми кругами, в том числе Пушкиным (Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского. Гослитиздат, М., 1958, стр. 112—113; о комедии см.: Т. И. Усакина. Памфлет М. Н. Загоскина на П. Я. Чаадаева и М. Ф. Орлова. В кн.: Декабристы в Москве. Сборник статей. Изд. «Московский рабочий», М., 1963, стр. 162—184); отрицательный отзыв Пушкина о комедии З. см.: *Акад.*, XII, стр. 11. Известно 3 письма Пушкина к З. и одно — З. к Пушкину. *В. В.*

Загряжская Екатерина Ивановна (1779—1842) — тетка Н. Н. Пушкиной, единокровная сестра ее матери Н. И. Гончаровой, фрейлина с 1808 г., влиятельная при дворе. Нежно любила Н. Н. Пушкину, которую, по словам имп. Александры Федоровны, считала «дочерью своего сердца» (*Акад.*, XII, стр. 324). Она оплачивала туалеты Н. Н. Пушкиной, была для нее «моральным авторитетом», «руководительницей и советчицей в свете и, наконец, материальной опорой» (*Щеголев*, стр. 39, 61—62). Относилась с симпатией к Пушкину. Письма поэта полны благодарных и сердечных

упоминаний о «тётке». О постоянном участии З. в семейных делах Пушкина писала О. С. Павлищева мужу (см.: *ПиС*, вып. XII, стр. 107—108). З. играла видную роль в истории последней дуэли Пушкина, вместе с Жуковским улаживала конфликт в ноябре 1836 г. после первого вызова. После смерти Пушкина она непримиримо относилась к его врагам и недоброжелателям. И. Г. Полетика, враждебная к Пушкину, писала о З. в ноябре 1838 г. Е. Н. Гончаровой-Дантес: «Удивительно, как эта женщина меня любит, она скрежещет зубами, когда должна здороваться со мною» (*Звенья*, т. IX, стр. 180). *Я. Л.*

Загряжская Наталья Кирилловна, урожд. гр. Разумовская (1747—1837), — тетка (по мужу) Н. И. Гончаровой (матери Н. Н. Пушкиной) и Ек. И. Загряжской, кавалерственная дама ордена св. Екатерины. З. имела большой вес в дворцовых и светских кругах, с детства вращалась в кругу придворной знати, была свидетельницей шести царствований; острый, наблюдательный ум и отличная память делали ее интересной собеседницей и рассказчицей. Разойдясь с мужем, она отдала состояние своим родственникам Кочубеям и жила у них. Пушкин, будучи женихом, летом 1830 г. представлялся З. (описание этого представления см. в его письме к Н. Н. Гончаровой около 29 июля 1830 г.: *Акад.*, XIV, № 507). По словам П. А. Вяземского, Пушкин «заслушивался рассказов Натальи Кирилловны: он ловил при ней отголоски поколений и обществ, которые уже сошли с лица земли; он в беседе с нею находил необыкновенную прелесть историческую и поэтическую» (*Вяземский*, т. VIII, стр. 184—185). Некоторые рассказы З. поэт по совету Жуковского записал в дневник и включил в «Table-talk» (см.: *БЗ*, т. 1, 1858, № 18, стр. 551; *Акад.*, XII, стр. 174—177). О З. см.: Л. Н. М а й к о в. Н. К. Загряжская. В кн.: Л. Н. М а й к о в. Пушкин. СПб., 1899, стр. 397—413; *Дн. Модз.*, стр. 58—60. *Я. Л.*

Зонтаг (Sontag) Генриетта-Гертруда-Вальпургис, по мужу гр. Росси (1806—1854), — знаменитая немецкая певица. В 1828 г. вышла замуж за сардинского посланника в Париже графа Росси, но из-за ее недворянского происхождения и артистической деятельности брак их оставался сначала тайным, и она сохраняла сценическое имя M-lle Зонтаг. Позднее она была возведена прусским королем в дворянское достоинство и получила фамилию фон Лауенштейн, после чего покинула сцену, продолжая выступать в концертах. В 1830 г. З. гастролировала в Петербурге и Москве (см.: *Звенья*, т. VI, стр. 301—303). Поэт И. И. Козлов посвятил ей стихотворение «Вчера ты пела». *Я. Л.*

Иван III Васильевич (у Пушкина — Иван и Иоанн) (1440—1505) — великий князь московский (с 1462 г.).

Иван IV Васильевич Грозный (у Пушкина также — Иоанн) (1530—1584) — русский царь (с 1547 г.).

Иванов Фирс (Фирска) — один из сподвижников Пугачева, пытавшийся в августе 1774 г. захватить Симбирск. См.: *Акад.*, IX, стр. 74.

Иванова Аграфена — губернская секретарша, московская домовладелица, в ее доме (Воротниковский пер., 12) в 1836 г. жил П. В. Нащокин, у которого в мае останавливался Пушкин. См.: Н. П. Ч у л к о в. Пушкин-москвич. В кн.: Пушкин в Москве. М., 1930 (Труды Общества изучения Московской области, вып. 7), стр. 84, 89, 93.

Игорь — сын Рюрика, князь киевский (912—945).

** **Ишимова** Александра Осиповна (1804—1881) — детская писательница и переводчица; начала свою литературную деятельность в 1831 г. переводом книги Ж. Дроза «Искусство быть счастливым»; в 1832—1833 гг. занималась педагогической деятельностью и переводами (с английского). В 1834 г. принимается за свой главный труд — «Историю России в рассказах для детей», составленную по Карамзину и другим источникам; первые рассказы были отданы ею на просмотр Плетневу, который дал им высокую оценку и много сделал для пропаганды ее работы. Постоянное общение И. с Плетнёвым началось, по-видимому, с 1834 г. (ср. неездан-

ное письмо ее к Плетневу от 15 августа 1840 г., где И. говорит об их почти шестилетнем знакомстве: *ИРЛИ*, ф. 234, оп. 3, ед. 274, л. 4 об.): с этого времени Плетнев — постоянный покровитель и литературный советчик И. На вечерах Плетнева И. познакомилась с Пушкиным, Жуковским, Вяземским, Одоевским и др. Об И. см. статью Ю. В. Фоминой в кн.: Материалы по истории русской детской литературы, вып. 1. М., 1927, стр. 215—224. Известно 2 письма к ней Пушкина и одно письмо ее к Пушкину (все 1837 г.). *В. В.*

** **Каверин** Петр Павлович (1794—1855) — приятель Пушкина, офицер лейб-гвардии Гусарского полка (одновременно с Чаадаевым). К. имел в полку репутацию бреттера и кутилы; но вместе с тем был человеком широко образованным; в 1810—1812 гг. слушал с Н. И. и С. И. Тургеневыми лекции в Геттингенском университете; был дружен с Вяземским, Грибоедовым, ему были не чужды литературные интересы. Пушкин познакомился с К. в 1816 г. и в дальнейшем отмечал не только удальство и бреттерство К., но и его любовь к интеллектуальным занятиям (см. стихотворения «К Каверину», «К портрету Каверина», 1816). Упоминания о К. есть в южных письмах Пушкина, а также в «Евгении Онегине». По семейному преданию, К. был арестован в связи со следствием по делу декабристов. В тетрадях К. сохранялось большое количество копий со стихотворений Пушкина. В 1826 г. сношения Пушкина и К. возобновились; несколько ранее (1825 г.) К. участвовал в распространении запрещенных стихов Пушкина (Л. А. Мандрыкина и Т. Г. Цявловская. Распространение вольнолюбивых стихов Пушкина Кавериным и Щербининым. *ЛН*, т. 60, кн. 1, стр. 393—404). О Пушкине и К. см.: Ю. Н. Щербачев. Приятели Пушкина Михаил Андреевич Щербинин и Петр Павлович Каверин. М., 1913. Известно 2 письма Пушкина к К. *В. В.*

Калашников Михаил Иванович (1774 или 1775—1858) — крестьянин сельца Михайловского, крепостной Ганнибалов. В начале 20-х годов К. был приказчиком или «управителем» в Михайловском, в связи с чем неоднократно упоминается в письмах Пушкина времени ссылки. В 1826 г. К. переехал с семьей в Болдино, назначенный управляющим нижегородскими имениями Пушкиных (с января 1825 г.). Его хозяйствование в Болдине привело имение к упадку, а его самого обогатило. Болдинские крестьяне в своих коллективных письмах к Пушкину жаловались на К., которого они считали главным виновником своего разорения (*Акад.*, XV, №№ 857, 999), и сам Пушкин не доверял К. Направленный управляющим в Болдино летом 1834 г., К. Рейхман писал Пушкину 22 июля того же года: «Вы меня рекомендовали Михаиле Иванову, но я в нем ничего не нашел благонадежного, чрез его крестьяне ваши совсем разорились, в бытность же вашу прошлого года в вотчинах крестьяне ваши хотели вам на его жаловаться» (*Акад.*, XV, № 956). В 1840 г. по поручению опеки К. доставил из Петербурга в Святогорский монастырь памятник на могилу поэта. Известно 18 писем К. к Пушкину; письма Пушкина к К. неизвестны. См.: *Лет. ГЛМ*, стр. 95—112; *П. и мужики*, стр. 83—93, 100—112. *О. П.*

** **Канкрин** Егор Францевич, граф (1774—1845) — военный инженер, архитектор, автор одного романа и ряда сочинений по военным, финансовым и другим вопросам; в 1822—1844 гг. министр финансов и член Государственного совета. К. старался улучшить и стабилизировать расстроенное войнами с Наполеоном финансовое положение России экономным расходованием средств, в начале 1840-х годов провел денежную реформу, установив твердый курс серебряного рубля по отношению к ассигнационному (1 руб. серебром = 3.5 руб. ассигнациями). Пушкин обращался к К. с ходатайством о выдаче ссуды А. Н. Гончарову; все денежные дела Пушкина в 30-х годах (ссуды, уплата долгов и пр.) также велись через К. После смерти Пушкина К. выполнял распоряжения Николая I по представлению Жуковского о сложении с семьи Пушкина его долгов казне, уплате его частных долгов, назначении пенсии вдове и детям, ассигнова-

нии средств на издание сочинений поэта и пр. Известно 4 письма Пушкина к К. и одно письмо К. к Пушкину. *О. П.*

Канкрина Екатерина Захаровна, графиня, урожд. Муравьева (1795—1849), — жена министра финансов гр. Е. Ф. Канкрина, сестра декабриста А. З. Муравьева.

** **Карадыкин** Николай Николаевич — сын тайного советника, члена императорского кабинета Н. М. Карадыкина, вышел в отставку в чине поручика; игрок и кутила. К. упоминается в связи с делом о «Гавриилиаде», возникшим в 1828 г. (*Дела III отд.*, стр. 311 и сл.). Известна записка Пушкина к К., которому он был должен 300 рублей. На записке К. сделана помета о получении им от опеки долга Пушкина (*ПиС*, вып. XIII, стр. 117; см. также: *Арх. опеки*, стр. 113). *О. П.*

Карамзин Александр Николаевич (1815—1888) — второй сын Н. М. и Е. А. Карамзиных. В 1833 г. окончил юридический факультет Дерптского университета, затем служил в гвардейской конной артиллерии; выйдя в отставку, поселился в деревне, налаживая пошатнувшееся хозяйство Карамзиных. Был литературно одаренным человеком (в 1839 г. напечатана его поэма «Борис Ульин», в которой заметно влияние «Евгения Онегина»). Его письма 1836—1837 гг. к брату Андрею обнаруживают тонкое понимание творчества Пушкина, свойственное только немногим из современников поэта. Из всех детей Е. А. Карамзиной он был самым последовательным и непримиримым обличителем Дантеса и всех, кто стал на сторону убийцы поэта (См.: *Карамзины*, стр. 85, 96—97, 99, 116, 117, 119, 132, 154, 156, 182, 190—194. Сведения о К. см.: там же, стр. 35—39). *Я. Л.*

Карамзин Андрей Николаевич (1814—1854) — старший сын историографа. По окончании в 1833 г. Дерптского университета поступил вместе с братом Александром в гвардейскую конную артиллерию. В мае 1836 г. из-за болезни выехал за границу, откуда вернулся в Россию в октябре 1837 г. Дальнейшую биографию К. и сводку литературы о нем см.: Н. В. Измайлов. Пушкин и семейство Карамзиных. *Карамзины*, стр. 30—35. Отношения Пушкина с К. определяются давней близостью поэта с семьей Карамзиных. Еще ребенком К. не раз видел Пушкина в доме своей матери. 16 мая 1828 г. К. присутствовал при чтении поэтом «Бориса Годунова» в доме гр. Лаваль (см.: *ЛН*, т. 58, стр. 79—80). По возвращении в 1833 г. из Дерпта в Петербург он входит в число личных знакомых поэта. В начале 1836 г. К. был посредником между Пушкиным и В. А. Соллогубом в связи с их предполагавшейся дуэлью (см.: *Акад.*, XVI, № 1127; ср.: *Соллогуб*, стр. 520—521). Отношение К. к Пушкину — поэту и человеку нашло отражение в его письмах из-за границы к родным. Так, о «Капитанской дочке» он отзывается как о «прелестной повести», которая «выше всего современного писанного в этом роде»; пишет, что «с восхищением прочел „Медного всадника“», и выражает сожаление, что «лучшее выпущено» (см.: *Стар. и нов.*, кн. XVII, стр. 291, 321). Отклики К. на смерть Пушкина, в которых он обнаружил «понимание общих, а не только частных и личных причин, приведших Пушкина к гибели», «принадлежат к числу наиболее значительных среди высказываний современников». Но, встретясь с Дантесом летом 1837 г. в Баден-Бадене, он возобновил с убийцей Пушкина прежние светско-дружеские отношения. См.: *Карамзины*, стр. 32—33, 399—405. *Н. П.*

Карамзин Николай Михайлович (1766—1826). Ребенком Пушкин не раз видел К. в доме своих родителей в Москве (см.: *Летопись*, стр. 6, 10). К 1815 г. относятся первые известные нам упоминания Пушкина о К. (*Акад.*, I, стр. 99; XII, стр. 302). В 1816—1817 гг. Пушкин бывал у К., жившего в Царском Селе, а К. навещал Пушкина-лицеиста (см.: *Летопись*, стр. 94—100, 103, 117, 118; ср.: *Акад.*, I, стр. 194). В феврале 1818 г. Пушкин «с жадностию» прочел первые 8 томов «Истории» К. (*Акад.*, XII, стр. 305); отрывки из нее он, по-видимому, знал в рукописи (см.: *Летопись*, стр. 97, 101; ср.: *Акад.*, XIII, № 127). Пушкин высоко оценивает труд К. (см.: *Акад.*, II, стр. 61 и 535), но его, как и представителей

декабристских кругов, отталкивают консервативные политические выводы К., которые привели к его спорам с историком и написанию эпиграммы «В его истории изящность, простота» (*Акад.*, XII, стр. 189 и 306; XVII, стр. 16; см. также: Б. Томашевский. Пушкин, кн. I, Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 225—227; т. II, 1961, стр. 159—163. Ср.: М. В. Нечкина. Декабрист М. Орлов — критик «Истории» Н. М. Карамзина. *ЛН*, т. 59, стр. 558—561; И. Н. Медведева. Записка Никиты Муравьева... Там же, стр. 569, 573, 579). В годы, предшествующие ссылке поэта, был момент, когда К. «отстранил от себя» Пушкина (см.: *Акад.*, XIII, № 272), вероятно, под влиянием политического разномыслия. Тем не менее в 1820 г. он способствовал смягчению его участи, но при этом взял с Пушкина слово «2 года ничего не писать противу правительства» (*Акад.*, XIII, № 164; ср.: Письма Н. М. Карамзина к кн. П. А. Вяземскому. СПб., 1897, стр. 101 и 156; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, стр. 286—287, 290). С начала 1820-х годов все более ощутимо расхождение литературных позиций Пушкина и К. В 1822 г. поэт, признавая прозу К. «лучшей в нашей литературе», считает, что это «еще похвала небольшая» (*Акад.*, XI, стр. 18; ср.: XII, стр. 192). Отзывы К. 1822—1824 гг. о «Кавказском пленнике» и «Цыганах» также свидетельствуют о неприемлемости для него поэтической системы Пушкина (см.: Письма Н. М. Карамзина к кн. П. А. Вяземскому, стр. 197; Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву, стр. 337, 370—371). По позднейшему свидетельству Пушкина, К. «под конец» был ему «чужд» (*Акад.*, XIV, № 570). Работа над «Борисом Годуновым» побуждает Пушкина к новому углубленному изучению «Истории» К. (см.: *П. Итоги и проблемы*, стр. 564; здесь же — основная литература вопроса). Через Вяземского и Жуковского Пушкин информирует К. о замысле трагедии, а они передают ему советы историка (*Акад.*, XIII, №№ 183, 206, 212, 214). Смерть К. способствовала формированию у Пушкина его общей исторической оценки. В «Истории» К. он теперь видит «не только произведение великого писателя, но и подвиг честного человека» (*Акад.*, XI, стр. 47). Пушкин побуждает Вяземского высказать в печати «все» о К. в противовес официозным статьям, вызванным его смертью, а сам хочет подготовить к печати извлечения из своих записок, связанные с К. (см.: *Акад.*, XII, стр. 305—307; см. также XIII, №№ 272, 273, 292, 340). Частичным осуществлением этого замысла было включение фрагмента о К. в «Отрывки из писем, мысли и замечания» (1827; *Акад.*, XI, стр. 57; см. также: Б. С. Мейлах. Из политической биографии Пушкина после восстания декабристов. В кн.: Проблемы современной филологии. Изд. «Наука», М., 1965, стр. 427—431). В 1830-х годах К. для Пушкина — символ независимой литературной и общественной позиции писателя в России. Оценивая К. как «первого нашего историка и последнего летописца», Пушкин в полемике с Н. А. Полевым подчеркивает его значение (1830; *Акад.*, XI, стр. 119—122), не раз отмечает заслуги К. в истории русского языка и прозы (*Акад.*, VIII, стр. 150; XI, стр. 249 и др.). Один из последних замыслов Пушкина — публикация в «Современнике» извлечений из записки К. «О древней и новой России», осуществленная посмертно, с его примечанием (*Акад.*, XII, стр. 185). Особый вопрос представляет воздействие творческого наследия К. на становление различных жанров творчества Пушкина и на отдельные его произведения («Илья Муромец» К. и «Бова» и «Руслан и Людмила» Пушкина; повести К. и «Повести Белкина»; отражение «Истории Государства Российского» в «Руслане и Людмиле», «Борисе Годунове» и т. д.), а также отношение Пушкина к методу и концепции К.-историка. Сводку литературы см.: *П. Итоги и проблемы* (по указ.); ср. также: И. Тойбин. «История Государства Российского» Н. М. Карамзина в творческой жизни Пушкина. *РЛ*, 1966, № 4, стр. 37—48. *Н. П.*

Карамзина Екатерина Андреевна (1780—1851) — побочная дочь кн. А. И. Вяземского, единокровная сестра П. А. Вяземского, до замужества носила фамилию Колывановой, по месту рождения в Ревеле (Колывани),

с 1804 г. — вторая жена Н. М. Карамзина. Одна из самых выдающихся женщин Петербургского общества, была хорошо образованна, живо интересовалась вопросами литературы, истории, европейской политики. Литературный салон Карамзиных, возглавленный ею после смерти мужа в 1826 г., был одним из культурнейших центров Петербурга. Пушкин познакомился с К. в 1816 г. в Царском Селе, где Карамзины прожили 4 месяца летом, и проводил у них «свободное время свое во все лето» (Лицейские письма А. М. Горчакова 1814—1818 гг.: *КА*, 1936, т. 6, стр. 194). В это время К. стала предметом юношеской влюбленности поэта (в его так называемом «дон-жуанском списке» она значится под именем «Катерины II»), что дало основание Ю. Н. Тынянову считать К. «безыменной» любовью Пушкина (Ю. Н. Тынянов. Безыменная любовь. *Лит. совр.*, 1939, № 5—6, стр. 243—262). Эта точка зрения не разделяется другими исследователями. В письмах поэта из ссылки и позднее имя К. упоминается всегда с теплотой и глубоким уважением. После возвращения из ссылки Пушкин (сперва один, потом с женой) был постоянным посетителем ее салона и близким другом семьи. Во все серьезные моменты своей жизни он вспоминал о К. В 1830 г., собираясь жениться, он писал Вяземскому: «Сказывал ты Катерине Андр.‹еевне› о моей помолвке? Я уверен в ее участии — но передай мне ее слова — они нужны моему сердцу, и теперь не совсем счастливому» (*Акад.*, XIV, № 473); ей первой он сообщил о своей состоявшейся свадьбе. Его письмо об этом не сохранилось, но ее ответное письмо наполнено материнской тревогой за будущее поэта (*Акад.*, XIV, № 582). Раненый Пушкин 28 января выразил желание проститься с К. Об этом свидании сохранились записи Жуковского и других современников; сама К. рассказала о нем в письме к сыну Андрею (см.: *Карамзины*, стр. 166—167, 388). Подробнее о К. см.: Н. В. Измайлов. Пушкин и семейство Карамзиных. *Карамзины*, стр. 15—26; *Дн. Модз.*, стр. 31—35. Известно одно письмо К. к Пушкину (*Акад.*, XIV, № 582) и приписка в письме к нему П. А. Вяземского (там же, № 405). Письма Пушкина к К. неизвестны. *Я. Л.*

Карамзина Софья Николаевна (1802—1856) — старшая дочь Н. М. Карамзина от первого брака. Была умна и начитанна, остроумна и занимательна в беседе и вместе с мачехой Е. А. Карамзиной играла главную роль в салоне Карамзиных. О ее незаурядности свидетельствует дружба с Лермонтовым, вошедшим в салон Карамзиных уже после смерти Пушкина. Лермонтов записал в альбом К. стихотворение «Любил и я в былые годы»; обращенная к ней строка «Люблю я парадоксы ваши» свидетельствует об остроте ее ума. Пушкин относился к К. дружественно; эта дружба даже служила Н. Н. Пушкиной поводом к ревности; в 1827 г. поэт записал в альбом К. стихотворение «Три ключа». Однако наблюдательность и ум К., при всей остроте, не были очень глубокими. Начиная с осени 1836 г. ее письма к брату Андрею дают последовательную, хотя и неполную и одностороннюю, хронику развития отношений между Пушкиным, его женой и Дантесом. Но именно эти письма показывают, что, постоянно встречаясь с Пушкиным и Дантесом и имея возможность следить почти изо дня в день за развитием трагической ситуации, она долго не могла правильно оценить положение. В письмах к брату Андрею она изображает драму поэта как обычный в свете «треугольник», причем связанная с ней тревога поэта и его поведение кажутся ей неоправданными и смешными. После предложения Дантеса Е. Н. Гончаровой ее сочувствие всецело на стороне Дантеса, — и только смерть Пушкина заставила ее глубже взглянуть на события и пересмотреть свое отношение к ним. Подробнее о К. см.: Н. В. Измайлов. Пушкин и семейство Карамзиных. *Карамзины*, стр. 26—30; *Письма*, т. III, стр. 288—289. *Я. Л.*

Каратыгин Василий Андреевич (1802—1853) — выдающийся петербургский трагический актер позднеклассической школы, переводчик пьес, знаток сценического искусства. Пушкин был знаком с К. до ссылки (4 декабря 1825 г. он писал Катенину, что «радуется успехам Каратыгина»:

Акад., XIII, № 230), Знакомство возобновилось в 1827 г., но близким его нельзя назвать, хотя в библиотеке поэта сохранилась переведенная К. комедия «Двое за четверых» (1827) с дарительной надписью (*Библ. П.*, № 179). Условная манера игры К. была чужда Пушкину, и этим объясняется свидетельство Нащокина, что Пушкин «не ценил» К. (*Рассказы о П.*, стр. 43). Не противоречит этому свидетельству и единственная (косвенная) оценка К. в письме к Н. Н. Пушкиной (№ 63), так как, не принимая манеру К., Пушкин ценил его мастерство и даже предоставил ему для его бенефиса 1 февраля 1837 г. «Скупого рыцаря». Смерть Пушкина и в связи с этим боязнь «излишнего энтузиазма» публики вызвали запрещение спектакля (см. письмо А. И. Тургенева к А. И. Нефедьевой от 1 февраля 1837 г.: *ПиС*, вып. VI, стр. 66—67). К творчеству Пушкина конца 20-х—начала 30-х годов К. относился неприязненно, о «Полтаве» он писал Катенину 25 мая 1829 г.: «гора родила мышь» (*БЗ*, 1861, № 19, стлб. 599), а «Бориса Годунова» назвал галиматьей в шекспировском роде (письмо ему же от 5 марта 1831 г.: там же, стлб. 600). В письме К. к Катенину от 19 марта 1837 г. содержится описание обстоятельств смерти Пушкина (*РС*, 1880, № 10, стр. 288—289). См. также: Каратыгина А. М. *Я. Л.*

Каратыгина (Колосова) Александра Михайловна, урожд. Колосова (1802—1880), — петербургская драматическая актриса, жена трагика В. А. Каратыгина, дебютировала 16 декабря 1818 г. Впечатление от ее первых выступлений Пушкин выразил в стихотворении «О ты, надежда нашей сцены» (1818), но уже в начале 1819 г. написал на К. злую эпиграмму «Все пленяет нас в Эсфири». К. считала поводом к эпиграмме личные мотивы (А. М. Каратыгина. Мое знакомство с А. С. Пушкиным. *РС*, 1880, № 7, стр. 569), однако и эпиграмму, и противоречивость в суждениях Пушкина о К. лучше всего объясняет набросок его статьи «Мои замечания об русском театре» (1820), где, признавая талант К., Пушкин упрекает ее за недостаточную работу над ролями и любовь к внешним эффектам, противопоставляя ей Е. С. Семенову. 6 июня 1826 г. Катенин сообщал Пушкину, что К. «с охотою возмется играть» в «Борисе Годунове» (*Акад.*, XIII, № 269). После возвращения из ссылки поэт возобновил знакомство с Каратыгиными, которые в это время занимали первые места в петербургской труппе русской драмы; в начале 30-х годов читал у них в доме «Бориса Годунова» и хотел, чтобы Каратыгины «прочитали на театре сцену у фонтана» (А. М. Каратыгина. Мое знакомство с Пушкиным, стр. 571). Об отношениях Пушкина и Каратыгиных см.: П. А. Каратыгин. Записки, т. II. Изд. «Academia», Л., 1930, стр. 310—322; Н. Литвиненко. Взгляды Пушкина на драму и театр. В кн.: Пушкин и театр. Изд. «Искусство», М., 1953, стр. 82—83; И. Медведева. Екатерина Семенова. Жизнь и творчество трагической актрисы. Изд. «Искусство», М., 1964, стр. 202—209 и по указ. (Колосова). *Я. Л.*

M^de^ Katherine — по-видимому, владелица модного и обувного магазина и мастерской в Петербурге.

** **Катенин** Павел Александрович (1792—1853) — поэт, критик, драматург, страстный театрал, участник раннедекабристского «Военного общества», один из руководителей младшего поколения литературных «архаистов». Пушкин познакомился с К. летом 1817 г. и впервые посетил его в июле—августе 1818 г. Через К. Пушкин сблизился с кружком Шаховского и группировавшимся вокруг К. «левым флангом» молодых театралов. К. претендовал на роль литературного наставника Пушкина и оказал на него некоторое влияние, отучив его от «односторонней» приверженности к традиции «Арзамаса» (см.: *Акад.*, XIII, № 245; Л. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 331; сам К. в позднейших мемуарах преувеличивал степень этого влияния). Пушкин ценил оригинальность и смелость поэтического творчества К. и воспринял некоторые его эстетические принципы, в частности использование просторечия для создания фольклор-

ного колорита; возможно влияние К. в «Руслане и Людмиле» и в некоторых балладах («Жених» и др.). К. даже считал, что Пушкин «обокрал» его «Убийцу» (письмо Н. И. Бахтину от 28 ноября 1827 г.). Пушкин выделял К. как талантливого и эрудированного литературного теоретика и критика (*Акад.*, XIII, №№ 87, 266; XIV, № 560), предлагал ему совместное издание журнала, а в 1830 г. напечатал в «Литературной газете» серию статей К. «Размышления и разборы». В целом литературные позиции Пушкина и К. были различны и в ряде моментов антагонистичны; Пушкин определял характер и образ мыслей К. как принадлежащий XVIII в. (*Акад.*, XIII, № 13; см. также № 35). Отзывы К. о произведениях Пушкина, как правило, отрицательны; крайне резкую оценку он дал «Бахчисарайскому фонтану», «Песням западных славян» и особенно «Борису Годунову» (см.: Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину. СПб., 1912, по указ.; письмо неизвестному от 1 февраля 1831 г.: Сб. «Помощь голодающим». М., 1892, стр. 253—258; Л. Н. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 320—321; *ЛН*, т. 58, стр. 101—102). Лучшими произведениями Пушкина К. признавал «Евгения Онегина», «Капитанскую дочку», «Графа Нулина», балладу «Утопленник» и сказку «О рыбаке и рыбке». Личные отношения Пушкина и К., при внешней теплоте и дружественности, были сложны; этому способствовали болезненное самолюбие и нетерпимость К. В 1822 г. за подчеркнутое фрондерство К. был выслан в свое имение Шаево под Кологривом и наезжал в Петербург изредка; так, 17 июня 1827 г. он возобновил знакомство Пушкина с Каратыгиной (П. А. Каратыгин. Записки, т. II. Л., 1930, стр. 283). В 1828 г. между Пушкиным и К. возникла завуалированная, но острая полемика; в стихотворение «Старая быль», посланное Пушкину для напечатания, К. ввел скрытое обвинение Пушкина в ренегатстве; Пушкин возразил саркастическим «Ответом Катенину»; отзвуки этой полемики есть и в «Анчаре» (Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы. Изд. «Прибой», 1929, стр. 160 и след.; В. В. Виноградов. Стиль Пушкина. Гослитиздат, М., 1941, стр. 422—426). Личное общение Пушкина и К. возобновилось в 1832 и 1833 гг., когда К. на короткое время приехал в Петербург. 7 января 1833 г. оба они были одновременно приняты в члены Российской академии. В 1834 г. состоялась последняя встреча Пушкина и К. К 1833 г. относится сочувственная рецензия Пушкина на вышедший том сочинений К. (*Акад.*, XI, стр. 220—221); в 1835—1836 гг. К. посылал Пушкину свои стихи для издания (*ЛН*, т. 60, кн. 1, стр. 583—586; *Акад.*, XVI, №№ 1022, 1060, 1069, 1078, 1173). Сохранились мемуары К. о Пушкине, очень точные фактически, но тенденциозные в части изложения его отношений с Пушкиным (*ЛН*, т. 16—18, стр. 619—656); большую ценность представляют свидетельства К. о творческой истории 8-й главы «Евгения Онегина» (П. А. Попов. Новые материалы о жизни и творчестве А. С. Пушкина. «Лит. критик», 1940, № 7—8, стр. 230—245; Т. Г. Цявловская. О работе над «Летописью жизни и творчества Пушкина». *П. Иссл. и мат.* Труды III Всесоюзной Пушкинской конференции. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр, 382—384); о Пушкине и К. см. также: В. Миллер. Катенин и Пушкин. В кн.: Пушкинский сборник..., М., 1900; Г. Ермакова-Битнер. П. А. Катенин. В кн.: П. А. Катенин. Стихотворения. Изд. «Сов. писатель», М.—Л., 1963. *В. В.*

* **Керн** Анна Петровна, урожд. Полторацкая, во втором браке Маркова-Виноградская (1800—1879), — племянница П. А. Осиповой-Вульф, замужем с 1817 г. за генерал-лейтенантом Е. Ф. Керном (1765—1841). К. оставила ценные воспоминания о Пушкине, с которым она познакомилась в 1819 г. (А. П. Керн. Воспоминания. Изд. «Academia», Л., 1929). К., приехав в 1825 г. в Тригорское, вызвала у Пушкина яркое, но кратковременное чувство, выразившееся в стихотворении «К***» («Я помню чудное мгновенье»). Встречи их продолжались в Петербурге в 1827—1829 гг. После женитьбы Пушкина в его отношениях с К. наступило заметное отдаление, а после тщетной попытки Пушкина помочь ей в хлопотах по

выкупу имения они, по словам К., больше «не переписывались и виделись уже очень редко» (*ПиС*, вып. V, стр. 155). О ее отношениях с Пушкиным см. статью Б. Л. Модзалевского в кн.: *Венг.*, т. III, стр. 585—606 и в кн.: Б. Л. Модзалевский. А. П. Керн. Л., 1924; *Письма*, тт. I—III, по указ. К. была близко знакома с родителями поэта, дружна с его сестрой Ольгой. Дружеские отношения К. с Дельвигом и его женой установились с 1826 г. в Петербурге, где Керн вошла в круг литераторов (Ю. Н. Верховский. А. П. Керн и ее среда. В кн.: А. П. Керн. Воспоминания, стр. XVII и сл.). Известно 11 писем Пушкина к К. (в том числе одно с письмом якобы к П. А. Осиповой: *Акад.*, XIII, № 208; коллективное: там же, № 346; приписка к записке Е. М. Хитрово: XVI, № 1329, а также приписка в письме Анны Н. Вульф: XIII, Dubia, № 4) и 2 письма Керн к Пушкину (одно совместно с А. Г. Родзянко: XIII, № 168, и приписка в письме Анны Н. Вульф: там же, № 281). О судьбе и публикации писем Пушкина к К. см.: Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о книгах. М., 1959, стр. 303—314; О. С. Соловьева. Новые данные об автографах Пушкина. *Врем. ПК, 1962*, стр. 11—12. *О. П.*

Кесарь см. Цезарь.

Киреев — гусарский поручик, возможно Киреев Алексей Николаевич (1812—1849), — муж знаменитой московской красавицы Александры Васильевны Алябьевой, воспетой Пушкиным («К вельможе»). Отличаясь «пылкостью характера», вовлекавшей его «во многие ошибки» (см.: *РА*, 1902, кн. II, стр. 169), К. неоднократно менял роды деятельности. Некоторое время он был на военной службе, но вскоре оставил ее и занялся устройством собственных имений. В 1832 г. он женился (см.: *РА*, 1902, № 2, стр. 281). В феврале 1836 г. Киреевы приезжали в Петербург на масленицу (см.: *ОА*, III, стр. 296; подробнее о К. см.: там же, примечания, стр. 677—678). *Р. И.*

* **Клейнмихель** Петр Андреевич (1793—1869) — генерал-адъютант, член Государственного совета. Бывший адъютант и ученик Аракчеева, К. пользовался особым расположением Александра I, потом Николая I. С 1819 г. начальник штаба Управления военными поселениями, с 1832 г. дежурный генерал Главного штаба, с 1835 г. директор Департамента военных поселений, одновременно возглавляющий Инспекторский департамент Военного министерства; впоследствии К. генерал-от-инфантерии, граф (с 1839 г.), главноуправляющий путями сообщения и публичными зданиями и во всей своей деятельности — один из характернейших представителей николаевского генералитета (см.: *РБС*; *Дн. Сав.*, стр. 419—420). В 1827, 1829 гг. К., будучи начальником штаба военных поселений, принимал участие в розысках среди офицеров списков «Оды на вольность» (см.: *КА*, 1937, кн. 1, стр, 241—247). Отношения Пушкина с К. носили официальный характер. Сохранилось одно письмо Пушкина к К. и два письма К. к поэту, связанные с историческими разысканиями Пушкина в подведомственном К. архиве Инспекторского департамента. *Н. П.*

Клиндер (Клюндер, Klünder, у Пушкина ошибочно Криднер) Александр Иванович — немец по национальности («пруссак»), художник, работавший в Петербурге, с 1841 г. академик портретной акварельной живописи. Написал портреты Лермонтова и Е. А. Баратынского. *Я. Л.*

Кнерцер Андрей Христофорович (Knoerzer Heinrich-Adam; 1789—1853) — механик, позднее (к началу 1850-х годов) московский почетный гражданин и купец второй гильдии. В 1830-х годах К. — доверенное лицо П. В. Нащокина. Отсюда упоминания о нем в переписке Пушкина и Нащокина (см.: *Акад.*, XIV, № 718; XV, № 721 и др.) и знакомство с ним Пушкина. В начале 1832 г. Пушкин вел переговоры с А. Д. Балашовым о продаже им К. земли в Тюфилях (под Москвой), где Нащокин при содействии К. собирался построить мельницу (см.: *Акад.*, XV, №№ 723, 725, 726, 729; ср.: Б. Л. Модзалевский. Новинки пушкинского текста по рукописям Пушкинского дома. Сборник Пушкинского дома на 1923 год.

ГИЗ, Пгр,, 1922, стр. 12—17; *ЛН*, т. 16—18, стр. 582). В 1834 г. К. вновь обращается к Пушкину — на этот раз за поддержкой в получении патента на какое-то техническое изобретение (см.: *Акад*., XV, №№ 873, 874, 924). По-видимому, деловые отношения с К. внушили Пушкину сомнения в его честности (см. письмо 140). Сохранилось одно письмо Кнерцера к Пушкину; письма Пушкина к К. неизвестны. *Н. П.*

** **Княжевич** Дмитрий Максимович (1788—1844) — литератор и журналист, крупный чиновник. В 1830-х годах был директором Департамента гос. казначейства и Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов (см.: *РБС*; см. также: М. А‹л е к с е е в›. Пушкин и Д. М. Княжевич. В кн.: Пушкин. Статьи и материалы. Вып. I. Одесса, 1925, стр. 60—62). Как литератор К. выступил в конце 1800-х годов в журнале А. Е. Измайлова «Цветник». С 1821 г. был членом Вольного общества любителей российской словесности, а в 1825 г. — его вице-президентом (см.: *Базанов*, по указ.). В 1822—1823 гг. вместе с братьями, А. М. и В. М. Княжевичами, издавал литературные прибавления к «Сыну отечества» Н. И. Греча, в 1837 г. был избран в члены Российской академии (см.: М. И. С у х о м л и н о в. История Российской академии. Вып. VII. СПб., 1885, стр. 476—477). С середины 1837 г. К. — попечитель Одесского учебного округа. В 1839—1840 гг. по его почину издавался «Одесский альманах». Об отношениях К. с литературным окружением С. Т. Аксакова и его знакомстве с Н. В. Гоголем см.: *ЛН*, т. 58, стр. 566—568. Высказывалось предположение, что Пушкин и К. могли быть знакомы еще «по Арзамасу» (см.: *РБС*), но с 1813 по июль 1820 г. К. служил за границей. Версия о встречах Пушкина и К. в Одессе также опровергается фактами биографии К. (см.: М. А‹л е к с е е в›. Пушкин и Д. М. Княжевич). В 1825 г. Пушкин знал К. лишь по литературным выступлениям, которые не встречали у него сочувствия (см.: *Акад*., II, стр. 421; ср.: *Акад*., XIII, № 241). Знакомство К. с Пушкиным могло произойти только по возвращении поэта из ссылки и едва ли было близким. После смерти Пушкина К. писал С. Т. Аксакову: «Пушкина жаль, очень жаль! А еще более жаль, что почти все наши отличные таланты кончают подобным образом: вспомните о Грибоедове, Рылееве, Батюшкове, Милонове, Озерове и пр. и пр. и пр.» (*ЛН*, т. 58, стр. 140). Известно одно письмо К. к Пушкину и одно — Пушкина к К., то и другое официального характера. Отнесение к К. письма Пушкина из Михайловского от начала декабря 1824 г. ошибочно (см.: М. А‹л е к с е е в›. Пушкин и Д. М. Княжевич; Л. Б. М о д з а л е в с к и й. Новые корреспонденты Пушкина. *П. Врем*., т. 6, стр. 409—411). *Н. П.*

Княжнина Варвара Алексеевна, урожд. Караулова (1774—1842), — друг детства Н. О. Пушкиной, была замужем за А. Я. Княжниным, сыном знаменитого драматурга, также литератором и близким знакомым братьев Булгаковых, Вяземского, С. Л. Пушкина, служившего одновременно с ним в Измайловском полку. К. в молодости писала стихи и переводила с французского языка. Владея имением (с. Иваньковым) в Новоржевском уезде Псковской губ., К. могла общаться с Пушкиными во время их поездок в Михайловское. К. неоднократно оказывала дружескую помощь родителям поэта. С. Л. Пушкин занимал у нее деньги (см.: *Лит. арх*., т. 1, стр. 69). Н. О. Пушкина часто упоминает К. в своей переписке с дочерью (см.: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 20, № 169, по указ.; ср.: *ПиС*, вып. XIV, стр. 25). В октябре 1835 г., внезапно заболев, Н. О. Пушкина остановилась в доме К. (см.: *ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 175). *Р. И.*

Козловский Петр Борисович, князь (1783—1840) — дипломат, писатель-дилетант, близкий знакомый Вяземского, Жуковского, Тургенева; член русской миссии, затем поверенный в делах в Сардинии; большую часть жизни провел за границей, где общался с Ж. де Местром, Шатобрианом, г-жой де Сталь, Фарнгагеном фон Энзе, Гейне и др. Дружба Пушкина с К. началась с первого их знакомства в конце 1835 г. или начале 1836 г. (*ОА*, т. III, стр. 279; *Вяземский*, т. II, стр. 290, 292). К. посвящено стихо-

творение Пушкина «Ценитель умственных творений исполинских» (1836). По просьбе К. Пушкин начал перевод X сатиры Ювенала (*Вяземский*, т. II, стр. 293—294; письмо Вяземского Дмитриеву от 17 июня 1837 г.: *РА*, 1868, стлб. 655). Пушкина привлекало в К. как его большое личное обаяние, так и его энциклопедическая образованность, которая делала его чрезвычайно полезным сотрудником «Современника». Пушкин напечатал в журнале две статьи К.: «Разбор парижского математического ежегодника на 1836 год» (*Совр.*, 1836, т. 1) и «О надежде» по теории вероятности (1836, т. 3) и заказал третью — по теории паровых машин (*ЛН*, т. 58, стр. 132); об этой статье, напечатанной уже после смерти Пушкина (*Совр.*, 1837, т. VII, стр. 51—86), Пушкин просил Вяземского напомнить К. в канун дуэли, 26 января 1837 г. (*Совр.*, 1837, т. VII, стр. 52). Позиция К. в его печатных выступлениях во многом совпадала с позицией Пушкина (В. В. Е р о ф е е в. «Современник» Пушкина в журнально-литературном движении 30-х годов XIX века. Автореферат [канд.] дисс., Л., 1952; М. П. Е р е м и н. Пушкин-публицист. Гослитиздат, М., 1963, стр. 433). В 1836—1837 гг., живя в Варшаве, К. живо интересовался делами Пушкина, который, согласно его мнению, «был рожден на славу и просвещение своих соотечественников»; с распространением сведений о преддуэльных событиях выражал беспокойство о судьбе Пушкина, после дуэли он безоговорочно осудил Дантеса (*ЛН*, т. 58, стр. 134, 145). О К. и Пушкине см. также: Глеб С т р у в е. Русский европеец. Изд. «Дело», С.-Франциско, 1950, стр. 108—119. *В. В.*

Кольцов Алексей Васильевич (1809—1842) — поэт. Время знакомства Пушкина с К. неизвестно. А. А. Краевский относит его к началу 1836 г. (*ЛН*, т. 58, стр. 125—126), однако на картине неизвестного художника «Суббота у Жуковского», датируемой 1834—1835 гг., изображены среди других лиц Пушкин и К. (см. илл. в кн.: *Карамзины*, между стр. 36 и 37). К. был у Пушкина незадолго до его смерти. Воспоминание К. об этой встрече сохранилось в передаче А. М. Юдина (Опыты в сочинениях студентов Харьковского университета, т. I, 1846, стр. 221). Пушкин напечатал в «Современнике» (1836, т. II) стихотворение К. «Урожай» и тепло отозвался о его стихах в статье, подписанной А. Б. (Письмо к издателю. *Совр.*, т. III, стр. 328). Этот отзыв подтверждается письмом В. П. Давыдова к Краевскому от 7 (19) мая 1836 г. (*ЛН*, т. 58, стр. 124). Не противоречит этому и отзыв Пушкина о К., передаваемый Краевским, как о «человеке с большим талантом, широким кругозором, но бедном знаниями и образованием, отчего эта ширь рассыпается более в фразах» (*ЛН*, т. 58, стр. 126). Смерть Пушкина произвела на К. громадное впечатление — см. его письмо А. Краевскому от 13 марта 1837 г. (А. В. К о л ь ц о в, Полное собрание сочинений, СПб., 1909, стр. 166) и посвященное гибели Пушкина стихотворение «Лес» (*Сын от.*, 1838, № 3, стр. 17). *Я. Л.*

Конисский Георгий (1717—1795) — белорусский писатель, архиепископ, преподаватель, затем ректор Киевской духовной академии. Сочинения К. были изданы в 1835 г. в Петербурге в 2-х томах; на это издание Пушкин откликнулся рецензией (*Совр.*, 1836, т. 1, стр. 85—110; *Акад.*, XII, стр. 12—24). К. ошибочно приписывалась «История Русов» — один из основных источников по истории Украины XII—XVII вв. (принадлежащий на самом деле перу Г. А. Полетики и его сына В. Г. Полетики); с ней познакомил Пушкина Максимович в 1829 г. По-видимому, в связи с изучением «Истории Русов» стоят пушкинские наброски 1831 г. по истории Украины (*Акад.*, XII, стр. 196—198). По свидетельству О. М. Бодянского, Пушкин добивался издания «Истории Русов» («Чтения в Московском обществе истории и древностей российских», кн. 1, М., 1871, стр. 221—222); издание не было осуществлено из-за цензурных препятствий, и Пушкин ограничился публикацией отрывков из «Истории Русов» в рецензии на собрание сочинений Георгия Конисского в «Современнике». См.: *ЛН*, т. 58, стр. 211—221; см. также: В. П. Г о р л е н к о. Южнорусские очерки и портреты. Киев, 1898, стр. 48 и след. *В. В.*

** **Коншин** Николай Михайлович (1793—1859) — второстепенный поэт. Участник кампании 1812—1814 гг. В 1820 г., будучи ротным командиром Нейшлотского пехотного полка, сблизился со служившим под его начальством Е. А. Баратынским, а через него — с А. А. Дельвигом и П. А. Плетневым. С 1821 г. К. — член Вольного общества любителей российской словесности (см.: *Базанов*, стр. 444 и др.), печатал стихи и переводы с французского в журналах и альманахах 1820-х годов. В 1829 г. совместно с бар. Е. Ф. Розеном издал альманах «Царское Село». С этого времени выступает также как прозаик. Автор «Двух повестей» (СПб., 1833) и исторического романа «Граф Обоянский, или Смоленск в 1812 г.» (СПб., 1834). С 1829 г. К. служил правителем канцелярии главноуправляющего Царским Селом. В 1837—1849 гг. директор училищ Тверской губернии. В эти годы К. обратился к историческим разысканиям. См. о К.: *РБС*; А. И. Кирпичников. Очерки по истории новой русской литературы. Изд. 2-е. Т. II. М., 1903, стр. 90—121; *Письма*, т. I, стр. 400; т. III, стр. 324. Из первых упоминаний Пушкина о К. (1825) видно, что к этому времени он знал стихи К., которыми увлекался Плетнев (см.: *Письма*, т. I, стр. 400—401), но не разделял этого увлечения (см.: *Акад.*, XIII, №№ 135 и 206). В 1829 г. Пушкин дал в альманах К. «Царское Село» три стихотворения. Наиболее интенсивное личное общение Пушкина с К. падает на лето 1831 г., когда поэт жил в Царском Селе. К. снабжал Пушкина газетами и журналами, сообщал ему сведения о современных событиях, например о восстании в Новгородских военных поселениях и пр. (см.: *Акад.*, XIV, №№ 646, 647), делился с Пушкиным своими литературными замыслами и был посвящен в некоторые творческие планы поэта (см.: *Акад.*, XIV, № 666). В последующие годы не раз обращался к Пушкину с разного рода просьбами (см.: *Акад.*, XV, № 877; письма 4, 219). В библиотеке Пушкина сохранилась книга К. «Две повести» с дарительной надписью автора (см.: *Библ. П.*, № 192), а в бумагах К. — беловой автограф статьи Пушкина «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и список стихотворения «Моя родословная», рукою К., с поправками и подписью Пушкина (*Рук. ПД, 1964*, №№ 927 и 1090). Кроме того, в текст своих воспоминаний о В. А. Жуковском К. включил неизвестную из других источников стихотворную записку Пушкина к Жуковскому («Штабс-капитану, Гёте, Грею...» — см.: *РС*, 1897, кн. 2, стр. 275. Ср.: *Акад.*, II, стр. 131, 1073). Известно 3 письма Пушкина к К. и 3 письма К. к Пушкину. *Н. П.*

Корнуолл Барри (Barry Cornwall — псевдоним, настоящее имя и фамилия Брайан Уоллер Проктер — Procter) (1787—1874) — английский поэт и драматург. Пушкин познакомился с произведениями Б. К. по изд.: The Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall. Paris, 1829, хотя имя его мог встречать и ранее. Вариант названия «маленьких трагедий» — «драматические сцены» — возможно, восходит к «Dramatic Scenes» Б. К. В ряде произведений Пушкина 1829—1831 гг. есть реминисценции или творческая перекличка с Б. К. («Заклинание», «Эхо»; может быть, также «Обвал» и «Домик в Коломне»); возможно, что к этому же времени относятся и наброски перевода из поэмы «Marcian Colonna» (Неизданный Пушкин. Пб., изд. «Атеней», 1922, стр. 141—144), хотя не исключается датировка их 1835 г. (*Рукою П.*, стр. 96). В 1835—1836 гг. Пушкин продолжает сохранять интерес к Б. К., который в посмертном «Современнике» назван «последним... собеседником» в литературной жизни Пушкина (*Совр.*, 1837, т. VIII, стр. 75). В библиотеке Пушкина сохранился т. CI «Baudry's Collection of Ancient and Modern British Authors», содержащий «Избранные статьи» из журнала «Эдинбургское обозрение» (Selections from the Edinburgh Review, vol. II, 1835), с разрезанной статьей о Б. К. (см.: *Библ. П.*, № 585, стр. 154). В 1835 г. Пушкин начал переводить драматический отрывок Б. К. «The Falcon» («Сокол»). О Пушкине и Б. К. см.: Н. В. Яковлев. «Последний литературный собеседник Пушкина» (Бари Корнуоль). *ПиС*, вып. XXVIII, стр. 5—28. *В. В.*

** **Корсаков** Петр Александрович (1790—1844) — литератор, с 1835 г. цензор Петербургского цензурного комитета, брат лицеиста Н. А. Корсакова и М. А. Дондукова-Корсакова. В 1817 г. в издаваемом им совместно с Загоскиным и Похорским журнале «Северный наблюдатель» поместил несколько стихотворений Пушкина. К. пытался облегчить прохождение через цензуру произведений Пушкина, и Пушкин в 1836 г. настойчиво стремился, чтобы К. был назначен его цензором; помимо «Капитанской дочки», он передал К. на цензурование III и IV части «Стихотворений», которые готовил новым изданием; они были процензурованы 2 декабря 1836 г. (см.: *Библ. П.*, № 308, стр. 83; *ПиС*, вып. XIII, стр. 109; Л. Б. Модзалевский. Новое о неосуществленном издании Пушкина 1836 г. «Книжные новости», 1936, № 7, стр. 19—21; Р. Б. Заборова. Автограф письма А. С. Пушкина к А. А. Плюшару. *П. Иссл. и мат.*, т. II, стр. 225). В 1841 г., будучи соиздателем журнала «Маяк», напечатал в нем полученное от барона Гревеница лицейское стихотворение Пушкина «Mon portrait» с чрезвычайно благожелательным комментарием мемуарного характера («Маяк», 1840, ч. III. Словесность, Стихотворения, стр. 134; С. В‹енгеров›. «Mon portrait». *Венг.*, т. I, СПб., 1907, стр. 168—169). Биографию К. см.: *Гастфрейнд. Товарищи П.*, т. I, стр. 440—450. Известны 2 письма Пушкина к К. и 2 письма К. к Пушкину. *В. В.*

** **Корф** Модест Андреевич, барон, с 1872 г. граф (1800—1876) — товарищ Пушкина по Лицею. Окончив курс с серебряной медалью, К. служил по Министерству юстиции, с 1819 г. в Комиссии по составлению законов, преобразованной в 1826 г. во II отделение собственной е. и. в. канцелярии. Здесь под начальством М. М. Сперанского К. сделал блестящую чиновничью карьеру, которой способствовал его политический консерватизм. С 1830 г. К. — директор Департамента податей и сборов; в 1831 г. он назначен управляющим делами Комитета министров; в 1834 г. статс-секретарь; пользуется милостью и доверием Николая I и исполняет должность государственного секретаря. С 1843 г. К. — член Государственного совета; в 1849—1861 гг. директор Публичной библиотеки. Кроме того, К. — автор ряда трудов библиографического и исторического характера; среди них печальной известностью пользуется книга «Восшествие на престол имп. Николая I» (1857) — официозная версия восстания декабристов, вызвавшая гневную отповедь Герцена в «Колоколе» (*Герцен*, т. XIII, стр. 35—46). См. о К.: *Гастфрейнд. Товарищи П.*, т. I, стр. 455—494; *Дн. Модз.*, стр. 138—139. Между К. и Пушкиным никогда не существовало дружеской близости. Уже в Лицее К. относился к Пушкину недружелюбно. После Лицея К. и Пушкин жили некоторое время в одном доме (см.: *Летопись*, стр. 159; ср.: *Акад.*, XIII, № 24). По возвращении из ссылки Пушкин встречался с К. по преимуществу на лицейских сходках, а с 1834 г. также при дворе (см.: *Акад.*, XII, стр. 324). К. принадлежит записка о Лицее, содержащая его воспоминания о Пушкине (см.: Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899, стр. 222—254). Ценность ее как источника снижает недружелюбно пристрастное отношение К. к поэту (см.: *Дн. Модз.*, стр. 138—139; Б. Томашевский. Пушкин, кн. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 695—696 и по указ.). В 1870-х годах К. был членом Комитета по сооружению памятника Пушкину. Известны 2 письма Пушкина к К. и 2 письма К. к Пушкину. *Н. П.*

Кочубей Виктор Павлович, князь (1768—1834) — дипломат и государственный деятель, личный друг Александра I, когда тот был великим князем, а после вступления его на престол — участник «Негласного комитета»; с учреждением министерств — министр внутренних дел (1802—1807, 1819—1827); при Николае I председатель Государственного совета и Комитета министров. Один из богатейших помещиков России, он был убежденным противником реформ и стоял на позициях охраны дворянских прав и привилегий. В дневнике Пушкина есть записи о назначении К. канцлером и о его смерти (*Акад.*, XII, стр. 327, 331), в которых Пушкин

характеризует его как «ничтожного человека». О К. см.: *Дн. Модз.*, стр. 201—203. *Я. Л.*

Кочубей Мария Васильевна, княгиня, урожд. Васильчикова (1779—1844), — жена В. П. Кочубея, племянница и воспитанница Н. К. Загряжской, которая была к ней очень привязана. Эпизод, связанный с замужеством М. В. Васильчиковой, см. в очерке Л. Н. Майкова «Наталья Кирилловна Загряжская» в кн.: Л. Н. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 405. *Я. Л.*

** **Краевский** Андрей Александрович (1810—1889) — журналист и издатель. Побочный сын незаконной дочери екатерининского вельможи Н. П. Архарова. В 1828 г. окончил Московский университет. В 1828—1829 гг. сотрудник журнала «Московский вестник». С 1831 г. К. живет в Петербурге и служит в Министерстве народного просвещения. С 1834 г. — помощник редактора «Журнала Министерства народного просвещения», в 1837—1839 гг. редактирует «Литературные прибавления к Русскому инвалиду»; впоследствии как издатель журнала «Отечественные записки» (1839—1868) и газеты «Голос» (1863—1883) приобрел репутацию беспринципного дельца, журналиста-предпринимателя. Пушкин познакомился с К. не позднее июня 1835 г., когда К. выступил посредником между ним и редакцией журнала «Московский наблюдатель». В том же году Пушкин дал согласие сотрудничать в журнале «Северный зритель», задуманном К. совместно с В. Ф. Одоевским (см.: А. П. Могилянский. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок». Изв. АН СССР, серия истории и философии, 1949, т. VI, № 3, стр. 209—210). В январе 1836 г. К. сообщал М. П. Погодину о своих встречах с Пушкиным (см.: *ЛН*, т. 16—18, стр. 716), а в мае 1836 г. он был привлечен П. А. Плетневым для помощи по изданию «Современника» (см.: *ЛН*, т. 58, стр. 126). В августе 1836 г. К. и Одоевский, еще раньше замышлявшие издание энциклопедического журнала и неудовлетворенные «Современником», пытаются добиться от поэта согласия на его реорганизацию с предоставлением им прав фактических соредакторов (см.: *Акад., Спр. том*, стр. 74—75; *ЛН*, т. 58, стр. 289—296). Около этого же времени они по согласованию с С. С. Уваровым ходатайствуют о разрешении им с 1837 г. периодического издания «Русский сборник» с программой, соответствующей видам правительства (см.: А. П. Могилянский. А. С. Пушкин и В. Ф. Одоевский как создатели обновленных «Отечественных записок», стр. 215—220). По-видимому, с этим связан перелом в отношениях Пушкина и К. и прекращение деловой переписки между ними после августа 1836 г. Существует, однако, позднейшее свидетельство И. П. Сахарова об участии К. в обсуждении состава IV книжки журнала (см.: *РА*, 1873, № 1, стлб. 974). После смерти Пушкина К. вместе с ближайшими друзьями поэта выносил из квартиры его гроб, участвовал в разборе его библиотеки и бумаг, а также в издании и распространении «Современника» (см. об этом: *ЛН*, т. 16—18, стр. 722—724). Долгое время К. считали автором некролога Пушкина в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду», написанного Одоевским (см.: Р. Б. Заборова. Неизданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине. *П. Иссл. и мат.*, т. I, стр. 320—328). Воспоминаний о своем знакомстве с Пушкиным К. не оставил, но его рассказы были записаны П. И. Бартеневым (*РА*, 1892, № 8, стр. 489—490) и М. И. Семевским (*РС*, 1880, кн. 11, стр. 220), а отдельные сообщения о встречах с поэтом содержатся в письмах К. (см., например: *ЛН*, т. 16—18, стр. 716; т. 58, стр. 126). О К. 1830-х годов и его отношениях с Пушкиным см.: Вл. Орлов. Молодой Краевский. В кн.: Вл. Орлов. Пути и судьбы. Изд. «Сов. писатель», М.—Л., 1963, стр. 321—342. Сохранилось 6 записок Пушкина к К. и одно письмо К. (совместно с Одоевским) к Пушкину. *Н. П.*

Красовский Александр Иванович (1780—1857) — цензор Петербургского цензурного комитета (1821—1828), потом председатель Комитета цензуры

иностранной (с 1833 г. до смерти), наиболее реакционный, тупой и фанатический из цензоров. Пушкин испытывал не раз его давление. 13 июня 1824 г. он писал брату в связи с назначением А. С. Шишкова министром народного просвещения: «С переменою министерства ожидаю и перемены цензуры. А жаль... la coupe était pleine ‹чаша была полна›. Бируков и Красовский не в терпеж были глупы, своенравны и притеснительны. Это долго не могло продлиться» (*Акад.*, XIII, № 88). В том же году в письме к Вяземскому он жаловался: «скучно писать про себя — или справляясь в уме с таблицей умножения глупости Бирукова, разделенного на Красовского» (там же, № 103). О К. Пушкин упоминает в эпиграмме «Тимковский царствовал» и в «Элегии на смерть Анны Львовны», сочиненной вместе с Дельвигом. *Я. Л.*

Кривая кузина — неустановленное лицо.

** **Крылов** Александр Лукич (1798—1853) — профессор Санкт-Петербургского университета; читал всеобщую и отечественную историю, географию и статистику. Редактор «Журнала Министерства народного просвещения»; с 1835 г. цензор С.-Петербургского цензурного комитета. В 1836 г. назначен цензором «Современника». Деятельность К. как цензора отличалась исключительным даже в условиях цензурного режима 1830-х годов формализмом и бюрократичностью и вызвала резкое недовольство Пушкина. О К. как цензоре см. *РБС*; *Никитенко*, т. 1, стр. 180, 182. Известны 2 письма Пушкина к К. и 3 письма К. к Пушкину. *В. В.*

Кукольник Нестор Васильевич (1809—1868) — писатель позднеромантического реакционного направления («ложно-величавой школы», по выражению И. С. Тургенева), автор стихотворений, псевдоисторических романов, повестей и пьес, пользовавшихся в 30-х годах большой популярностью. Из его драматических произведений особую известность получила казенно-патриотическая драма «Рука всевышнего отечество спасла» (1834), изображающая подвиг Минина и Пожарского. За резко отрицательный отзыв о ней был запрещен «Московский телеграф». Пушкин познакомился с К. в конце марта 1834 г. (запись в дневнике 2 апреля: *Акад.*, XII, стр. 323), но их отношения не выходили за пределы официальных. Пушкин относился иронически к личности К. и не признавал в нем таланта. Еще два отзыва Пушкина о К. сохранили современники. 10 января 1836 г. А. В. Никитенко записал в дневнике: «Однажды у Плетнева зашла речь о последнем ‹Кукольнике›. Пушкин ‹...› сказал: „А что; ведь у Кукольника есть хорошие стихи? Говорят, что у него есть и мысли“» (*Никитенко*, т. 1, стр. 178); по воспоминаниям Е. А. Драшусовой (Карлгоф), Пушкин сказал о К., что «в нем жар не поэзии, а лихорадки» (*РВ*, 1881, № 9, стр. 152). К. знал об отрицательном отношении Пушкина и в своем дневнике по поводу его смерти записал: «он был злейший мой враг» («Баян», 1888, № 11, стр. 98). В драматической фантазии «Доменикино», которая носит автобиографический характер, под именем Ланфранко — низкого завистника — выведен Пушкин (см.: там же, № 10, стр. 90). *Я. Л.*

* **Кюхельбекер** Вильгельм Карлович (1797—1846) — поэт, лицейский товарищ Пушкина, декабрист. К. был одним из наиболее близких Пушкину лицеистов, хотя неуравновешенность его характера и постоянные литературные расхождения с Пушкиным часто приводили к затяжным ссорам еще в лицейские годы (см. об их отношениях: В. Гаевский. Пушкин в Лицее... *Совр.*, 1863, № 7, стр. 140, 149; П. Бартенев. Пушкин в южной России. М., 1914, стр. 101—102, прим.; *РА*, 1910, № 5, стр. 46—48; Н. Греч. Записки о моей жизни. Изд. «Academia», М.—Л., 1930, стр. 463; *РС*, 1875, № 7, стр. 338; 1888, № 11, стр. 414; Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, тт. I—III, СПб., 1896, по указ.; Д. Кобеко. Имп. Царскосельский лицей. СПб., 1911, стр. 144 и сл.; С. Бонди. Новые страницы Пушкина. Изд. «Мир», М., 1931, стр. 83—91; письмо К. к Жуковскому от

10 ноября 1840 г. *РА*, 1871, № 2, стр. 0178 и др.). К 1817—1819 гг. относится ряд стихотворных посланий К. к Пушкину. В 1820 г. К. выступает в Вольном обществе любителей российской словесности с программным стихотворением «Поэты»; выступление это было формой демонстрации в защиту Пушкина, высылаемого из Петербурга (см. об этом: *Базанов*, стр. 141 и след.; о последовавшем доносе В. Н. Каразина на К. см.: *РС*, 1899, № 5, стр. 277—279). С 1820 г. личного общения Пушкина с К. не было, однако литературные взаимоотношения поддерживались чрезвычайно интенсивно. В 1822—1824 гг. происходит ссора, едва не окончившаяся разрывом. Ссора была связана с ростом литературных разногласий; сблизившись с Грибоедовым, К. резко выступает против элегической поэзии и «русского байронизма», косвенно задевая и Пушкина (в статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие»: «Мнемозина», ч. II, 1824). К 1822—1825 гг. относится и ряд критических отзывов Пушкина в письмах о произведениях К. (*Акад.*, XIII, №№ 39, 231, 232). Более благосклонно отозвался он о трагедии «Аргивяне», отметив введение К. в русскую поэзию белого ямба (*Акад.*, XI, 141; Ю. Тынянов. «Аргивяне», неизданная трагедия Кюхельбекера. В кн.: Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы. Изд. «Прибой», Л., 1929; Э. Найдич. Новое о трагедии Кюхельбекера «Аргивяне». *ЛН*, т. 59, стр. 527—529; «Атеней», 1924, кн. 1—2, стр. 164—166). Пушкин полемизировал и с критическими статьями К., хотя ценил его эрудицию и критическую проницательность (*Акад.*, XIII, №№ 200, 228; XI, стр. 41). По-видимому, К. адресовано известное письмо Пушкина 1824 г. с признанием в атеизме (Б. В. Томашевский. Пушкин, кн. 1. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 666—670). К. принял участие в восстании на Сенатской площади и был арестован после неудавшегося побега; в 1827 г. Пушкин и К. случайно встретились на станции Залазы при переводе К. из Шлиссельбурга в Динабургскую крепость (*Акад.*, XII, стр. 307; рапорт фельдъегеря Подгорного об этой встрече см.: *РС*, 1901, № 3, стр. 578); в дальнейшем Пушкин постоянно возвращается к мысли о судьбе ссыльного К. (Н. Лернер. Памяти Пушкина. «Былое», 1924, № 25, стр. 3—11; *РА*, 1871, № 2, стр. 0177; 1901, кн. II, стр. 239—240). В 1830 г., по-видимому при содействии Пушкина, в «Литературной газете» печатаются «Мысли о Макбете» К. (Ю. Левин. В. К. Кюхельбекер — автор «Мыслей о Макбете». *РЛ*, 1961, № 4, стр. 191—192). В дальнейшем Пушкин берет на себя хлопоты по изданию сочинений К. К. отправляет ему поэмы «Зоровавель», «Юрий и Ксения» и статью «Поэзия и проза»; последняя не дошла до Пушкина, так как была задержана III отделением. При прямом содействии Пушкина была в 1835 г. издана мистерия К. «Ижорский» и в 1836 г. — «Русский Декамерон 1831 года» (см.: *Письма*, т. III, стр. 355—356; Декабристы и их время. Изд. АН СССР, М.—Л., 1953, стр. 68; Р. Б. Заборова. Об издании Пушкиным мистерии Кюхельбекера «Ижорский». *П. Иссл. и мат.*, т. IV, стр. 405—407; В. Орлов. Статья Кюхельбекера «Поэзия и проза» (1835—1836). *ЛН*, т. 59, кн. 1, стр. 381—394; Н. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. Изд. Всесоюзн. книжн. палаты, М., 1962, стр. 416—419). Письма К. из ссылки и его дневник содержат многочисленные упоминания о Пушкине и отзывы о его произведениях. Образ Пушкина появляется и в целом ряде стихотворений К., написанных в годы заточения и ссылки, особенно после смерти Пушкина, которую К. пережил как тяжелую личную утрату (см., например, стихотворения «Лицейская годовщина» (1837), «Тени Пушкина» (1837), «Три тени» (1840) и др.). Пушкину К. посвятил поэму «Сирота» (1833). Сводку данных о связях Пушкина и К. см.: Дневник Кюхельбекера, изд. «Прибой», 1929, стр. 318—326; Ю. Тынянов. 1) В. К. Кюхельбекер. В кн.: В. К. Кюхельбекер. Лирика и поэмы, т. 1. Изд. «Сов. писатель», 1939; 2) Пушкин и Кюхельбекер. *ЛН*, т. 16—18, стр. 321—378; о поэзии Пушкина в системе критических взглядов К.: Н. И. Мордовченко. Русская критика первой четверти XIX века. Изд. АН СССР, М.—Л., 1959. *В. В.*

** **Лажечников** Иван Иванович (1792—1869) — писатель: мемуарист и романист. Участвовал в войне 1812 г. и в походе 1813—1814 гг. В декабре 1819 г. вышел в отставку и с 1821 г. служил по Министерству народного просвещения. В 1831—1837 гг. директор училищ Тверской губернии. Впоследствии тверской, потом витебский вице-губернатор (1842—1854) и цензор Петербургского цензурного комитета (1856—1858). В печати Л. начал выступать с 1807 г., но внимание к себе привлек «Походными записками русского офицера» (1817; отд. изд. 1820). В 1831 г. вышел первый исторический роман Л. «Последний Новик», в 1835 г. — «Ледяной дом». (См.: С. Венгеров. И. И. Лажечников. В кн.: И. Лажечников, Сочинения, т. I, СПб.—М., 1883, стр. I—CLXXXVIII; Б. Л. Модзалевский. Пушкин и Лажечников. В кн.: Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 95—122). Знакомство Пушкина и Л. произошло в конце 1819 г., когда Л. уговорил майора Денисевича, вызвавшего Пушкина на дуэль, извиниться перед поэтом. Оно не имело, однако, продолжения. Начиная с 1831 г. Л. посылает Пушкину свои книги, в 1834 г. — материалы по истории Пугачева (см. наст. изд., прим. к письму 38). К ноябрю 1835 г. относится спор Пушкина с Л. по поводу «Ледяного дома» (см. письмо 133; *Акад.*, XVI, № 1110). Свои возражения Л. Пушкин собирался тогда же развить в специальной статье, которую, однако, не написал (см. начало ее: *Рукою П.*, стр. 213). Спор с Л. он в 1836 г. замышлял продолжить публикацией в «Современнике» исторических документов, прояснявших характер Волынского, Бирона, Тредьяковского (см.: Н. Петрунина. Два замысла Пушкина для «Современника». *РЛ*, 1966, № 4, стр. 153—160). 24 и 25 января 1837 г. Л., находившийся в Петербурге в связи с хлопотами о своей отставке, был у Пушкина, но оба раза не застал его дома. В 1856 г. Л. напечатал статью «Знакомство мое с Пушкиным» (*РВ*, 1856, т. I, февраль, кн. 2, стр. 603—622). Сохранилось 3 письма Пушкина к Л. и 3 письма Л. к Пушкину. Автографы писем Пушкина, посланные Л. М. Н. Лонгинову при письме от 16 ноября 1858 г., в настоящее время неизвестны (см.: Б. Л. Модзалевский. Пушкин и Лажечников, стр. 114—115). *Н. П.*

Лангер Валериан Платонович (1802—после 1865) — художник, переводчик, теоретик искусства, в конце 1830-х годов крайне придирчивый и бюрократически настроенный цензор. Воспитанник Лицея (II выпуска). Был знаком с Пушкиным, возможно, уже в лицейские годы; в дальнейшем встречался с ним в кругу лицейских товарищей у Эристова и Дельвига (см. воспоминания П. А. Путятина: *РС*, 1887, № 1, стр. 109; А. П. Керн. Воспоминания. Изд. «Academia», Л., 1929, стр. 274). В 1830—1831 гг. Л. принимал участие в «Литературной газете» как переводчик и художественный критик (см. письмо О. М. Сомова М. А. Максимовичу 12 декабря 1829 г.: *РА*, 1908, кн. III, стр. 260; Список работ Л. см.: Е. М. Блинова. «Литературная газета» А. А. Дельвига и А. С. Пушкина. 1830—1831. Указатель содержания. М., 1966, по именному указ.). Как художник Л. выступил еще в Лицее и в 1820—1830-х годах много работал в технике литографии. Л. принадлежит 6 фронтисписов к «Северным цветам» и несколько виньеток (в том числе к альманаху «Подснежник на 1829 год»). Работы Л. — книжного графика талантливы, хотя и не вполне самостоятельны, и ориентируются на французский романтический орнамент. О Л. см.: Д. Кобеко. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. СПб., 1911, по указ., особ. стр. 121, 130—131, 446, 505; Н. Соловьев. Воспитанник Императорского Лицея Валериан Лангер. «Старые годы», 1912, № 1, стр. 35—50. *В. В.*

Лебедев Федор Федотович — протодьякон царскосельской придворной церкви, до 1816 г. служивший в смоленской епархии, затем переведенный дьяконом в собор Зимнего дворца, а с 1829 г. — в Царское Село. Из-за наклонности к запоям Л. был на замечании, и приказ царя о возвращении его в смоленскую епархию был отдан уже в 1830 г. 9 октября 1833 г. приказ о переводе его в епархиальное ведомство за «неприличное сану

его поведение» был повторен, однако дьякон надеялся остаться в «здешней епархии», для чего прибегнул к посредничеству Н. М. Коншина, в то время правителя канцелярии Главноуправляющего Царским Селом; Коншин в свою очередь обратился с соответствующей просьбой к Пушкину, знакомому с обер-прокурором Синода С. Д. Нечаевым. (Подробнее о нем см.: С. Г. Рункевич. Из церковно-общественной жизни второй четверти нашего столетия. «Христианское чтение», 1896, т. CCI, ч. 1, вып. 1, стр. 154—155; см. также: *ПиС*, вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 254—255). Пушкин принял участие в судьбе протодьякона, однако, по-видимому, не смог ему помочь. *Р. И.*

Лелевель Иоахим (1786—1861) — известный польский историк, принимавший деятельное участие в польском восстании 1830—1831 гг.; был членом революционного правительства в качестве министра народного просвещения. После подавления восстания принужден был эмигрировать и поселился в Париже, где продолжал свою политическую деятельность. Речь Л., в которой он упомянул о Пушкине, см.: Polska, dzieje i rzeczy jej rozpatrywane przez Joachima Lelewela. Poznań, 1864. T. XX. Mowy i pisma polityczne, s. 188—198. О Л. и его русских связях см.: *РС*, 1878, № 8, стр. 633—656; № 9, стр. 75—98 (критика Л. «Истории государства Российского» Карамзина); А. М. Басевич. 1) Иоахим Лелевель. Юные годы и научно-педагогическая деятельность в 1809—1824 годах. Уч. зап. Марийского пед. инст., т. 17, Йошкар-Ола, 1958, стр. 59—116; 2) Иоахим Лелевель накануне и в период польского восстания 1830—1831 годов. Там же, т. 21, 1958, стр. 244—290; Б. С. Попков. Иоахим Лелевель в оценке современной польской историографии. В кн.: Из истории революционного движения польского народа. М., 1964, стр. 69—82. *О. П.*

Литта Юлий Помпеевич, граф (1763—1839), итальянец по национальности, — обер-камергер двора, член Государственного совета. После получения Пушкиным в начале 1834 г. звания камер-юнкера Л. стал прямым его начальником по придворной службе; своими обязанностями поэт очень тяготился и всячески старался избегать их; см. записи в дневнике 16 апреля и 28 ноября 1834 г. (*Акад.*, XII, стр. 326, 332; *Дн. Модз.*, стр. 159—160).

Лобанов Михаил Евстафьевич (1787—1846) — поэт, драматург и переводчик. С 1820 г. член Вольного общества любителей российской словесности (*Базанов*, стр. 443 и др.), с 1828 г. член Российской академии, с 1845 г. действительный член Отделения русского языка и словесности Академии наук (см.: Н. А. Янчук. Литературные заметки. *Изв. ОРЯС*, 1907, т. XII, кн. IV, стр. 214—223; комментарии Н. К. Козмина в кн.: Пушкин, Сочинения, т. IX, кн. 2, Изд. АН СССР, Л., 1929, стр. 796—801; комментарии С. А. Венгерова в кн.: В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. II, СПб., 1900, стр. 538—540). Как литератор Л. был сторонником классицизма. Известность ему принесли переводы «Ифигении в Авлиде» и «Федры» Расина, поставленные на сцене с Е. Семеновой в главных ролях (см.: И. Медведева. Екатерина Семенова. Изд. «Искусство», М., 1964, по указ.). К 1830-м годам окончательно определилась реакционная литературно-политическая позиция Л. Знакомство Пушкина с Л. могло начаться в 1818—1819 гг., когда они встречались на вечерах у А. А. Шаховского (см.: *Летопись*, стр. 169). Первое упоминание Пушкина об «измеренных строках» Л. относится к 1820 г. («Мои замечания об русском театре»: *Акад.*, XI, стр. 10; на автографе этой статьи — позднейшие пометы Гнедича и Л.; последний оценивал статью Пушкина как «сумасбродную»; см.: *Акад.*, XI, стр. 529). В 1824 г. Пушкин в письме к брату характеризовал лобановский перевод «Федры» как «гадость», считая, что Л. лишил стихи Расина «смысла, точности и гармонии» (*Акад.*, XIII, № 76). В 1835 г. Л. напечатал трагедию «Борис Годунов», полемически направленную с охранительных позиций против трагедии Пушкина (см.: А. Л. Слонимский. «Борис Годунов» и драматургия 1820-х гг. В кн.: «Борис Годунов» А. С. Пушкина. Л., 1936, стр. 47; М. Загорский. Пушкин и театр. Изд. «Искусство», М.—Л., 1940, стр. 113—114; Г. А. Гуковский.

Пушкин и проблемы реалистического стиля. Гослитиздат, М., 1957, стр. 65—68). В не дошедшем до нас письме Пушкина к П. А. Катенину от апреля (?) 1836 г. шла речь об этой трагедии Л. и ее отрицательном приеме критикой (см.: *Акад.*, XVI, № 1060). Ср. отзыв В. Г. Белинского: *Белинский*, т. I, стр. 210—211. 18 января 1836 г. Л. выступил в Российской академии с речью, содержавшей политические нападки на новейшую французскую и русскую литературу и требовавшей усиления цензурно-охранительных мер. Брошюра «Заседание, бывшее в Имп. Российской академии 18 января 1836 г.» (СПб., 1836) с этой речью Л., сопровожденной пометами Пушкина, сохранилась в библиотеке поэта (см.: Л. Б. Модзалевский. Библиотека Пушкина. *ЛН*, т. 16—18, стр. 1020—1021). Упомянув о речи Л. в статье «Российская академия» (*Акад.*, XII, стр. 44—45), Пушкин дал ему отпор в статье «Мнение М. Е. Лобанова о духе словесности, как иностранной, так и отечественной» (*Акад.*, XII, стр. 67—74). См.: Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. Изд. «Сов. писатель», Л., 1960, стр. 74, 168—169, 369—370; *ЛН*, т. 56, кн. II, стр. 233, 251—252; Б. Мейлах. Пушкин и его эпоха. Гослитиздат, М., 1958, стр. 491. В бумагах Л. сохранились его записи о присутствии Пушкина 19 февраля 1832 г. на «новосельном» обеде у А. Ф. Смирдина и 6 февраля 1833 г. на похоронах Гнедича (см.: *ПиС*, вып. XXIX—XXX, стр. 34—35; вып. XXXI—XXXII, стр. 111—118). См. также полемику о значении экземпляра «Стихотворений Пушкина» (1829) с вписанным рукою Л. окончанием элегии «Ненастный день потух» для установления ее текста: *Ефр.*, *1882*, т. I, стр. 533 (прим. П. А. Ефремова); М. Л. Гофман. Окончание элегии «Ненастный день потух». «Пушкинист», т. IV, ГИЗ, М.—Пгр., 1922, стр. 229—232; Метатель бисера [Н. О. Лернер]. Пушкинисты и их открытия. «Жизнь искусства», Пгр., 1923, № 5, стр. 9—10. *И. П.*

Ломоносов Михаил Васильевич (1711—1765). В пушкинскую пору признавался прежде всего классическим поэтом, создателем русской поэзии и русского языка. Но Пушкин воспринимал и оценивал Л. с разных сторон — как человека, как ученого и в последнюю очередь как поэта. Его восхищали гордость и смелая независимость Л., присущее ему чувство собственного достоинства (см.: Путешествие из Москвы в Петербург. *Акад.*, XI, стр. 254). Так же неизменно высоко ценил Пушкин научные заслуги Л. (см.: М. П. Алексеев. Пушкин и наука его времени. *П. Исслед. и мат.*, т. I, стр. 34—36), но отношение его к Л.-поэту испытывало некоторые колебания (материалы, раскрывающие отношение Пушкина к Л., почти исчерпывающе собраны в статье Д. Д. Благого «Пушкин и русская литература XVIII в.» в сб.: Пушкин — родоначальник новой русской литературы, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 101—166). Первоначально он полностью отказывал Л. в звании поэта (см. письмо к А. А. Бестужеву от конца мая—начала июня 1825: *Акад.*, XIII, № 175, и статью 1825 г. «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен Крылова»: *Акад.*, XI, стр. 32—33). Отзвуки этих же суждений слышатся и в «Путешествии из Москвы в Петербург». Новый взгляд выражен в статье 1836 г. «Мнение М. Е. Лобанова...»: «У Ломоносова оспаривали (весьма неосновательно) титло поэта...» (*Акад.*, XII, стр. 72). Эти колебания связаны с двойственной позицией поэта: историко-литературной, с одной стороны, и современно-полемической — с другой (см.: П. Н. Берков. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века, ч. I. Изд. ЛГУ, Л., 1964, стр. 47). В творчестве Пушкина заметны отклики ломоносовской поэтической традиции (см.: Б. И. Коплан. «Полтавский бой» Пушкина и оды Ломоносова. *ПиС*, вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 113—121; Д. Благой. Диалектика литературной преемственности. «Вопросы литературы», 1962, № 2, стр. 102—111). *Я. Л.*

Львов Алексей Иванович — богатый помещик Псковской губернии, сосед Осиповых и знакомый Пушкина, с 1823 по 1826 г. губернский предводитель дворянства. В июле 1826 г. был одним из лиц, допрошенных тайным агентом Бошняком, который расследовал «поведение» Пушкина,

подозреваемого в «возбуждении к вольности крестьян». Л. показал, что «Пушкин живет очень смирно и что совершенно несправедливо, чтоб он старался возбуждать народ» (см.: «Былое», 1918, № 2, стр. 71—74). В 1836 г. Павлищев предполагал продать ему Михайловское (*Акад.*, XVI, № 1238), однако продажа не состоялась. К Пушкину Л., по-видимому, относился доброжелательно, поддерживая знакомство через Осиповых. *Р. И.*

Львов Владимир Владимирович, князь (1804—1856) — чиновник и детский писатель. С 1837 г. был соиздателем (вместе с А. Н. Очкиным) журнала «Детская библиотека. . .». В 1850—1852 гг. Л. был цензором Московского цензурного комитета и за разрешение к печати первого отдельного издания «Записок охотника» И. С. Тургенева отставлен от службы распоряжением Николая I. *Б. Б.*

Людовик XVIII (1755—1824) — брат Людовика XVI, граф Прованский, потом французский король (1814—1824). В 1791 г. бежал из Франции и возглавил контрреволюционную эмиграцию. Вернулся во Францию в 1814 г., при реставрации Бурбонов.

** **Люценко** Ефим Петрович (1776—1854) — чиновник, поэт, писатель, переводчик. С 1792 г. сотрудник ряда периодических изданий («Приятное и полезное препровождение времени», «Ипокрена» и др.); автор нескольких од, травестийной поэмы «Похищение Прозерпины» (1795, совместно с А. Котельницким) и переводов, а также сочинений по агрономии и педагогике. В 1816—1818 гг. был деятельным членом и, по-видимому, одним из учредителей Общества соревнователей просвещения и благотворения. В 1811—1813 гг. Л. служил секретарем хозяйственного правления Царскосельского Лицея, затем в канцелярии Военного министерства, в провиантском депо; в 1843 г. имел чин статского советника. Издание Пушкиным «Вастолы» (сказки Виланда «Pervonte, oder die Wünsche») в переводе Л., имевшее целью материальную помощь переводчику, послужило поводом к оскорбительной для Пушкина статье в «Библиотеке для чтения», где перевод приписывался самому Пушкину. На эту статью Пушкин ответил в «Современнике» (1836, т. I, стр. 303—304; *Акад.*, XII, стр. 26), где отводил обвинение в том, будто бы «издатель „Вастолы“ хотел присвоить себе чужое произведение, выставя свое имя на книге, им изданной», но из этических соображений оставлял в тайне имя автора; близкое заявление сделал в печати и Шевырев (С. П. Шевырев. Перечень наблюдателя. *М. набл.*, 1836, ч. VI, март, кн. 1, стр. 88—90). Резко отрицательный отзыв о «Вастоле» в переводе Л. принадлежит Белинскому («Молва», 1836, № 2; *Белинский*, т. I, стр. 72—75; см. также: «Молва», 1836, № 1, стр. 6—7). Белинский также отводил авторство Пушкина. Между тем имя Л. как переводчика «Вастолы» было названо в периодической печати еще до статьи Пушкина (в «Живописном обозрении», 1836, т. I, стр. 294); но это указание либо прошло незамеченным, либо сознательно игнорировалось в литературно-полемических целях. Результатом толков в обществе вокруг издания «Вастолы» был конфликт Пушкина с С. С. Хлюстиным, едва не закончившийся дуэлью (см.: Б. Л. Модзалевский. Пушкин и Ефим Петрович Люценко. *РС*, 1898, № 4, стр. 73—88). Известно одно письмо Пушкина к Л. *В. В.*

Люцероде (Lützerode) Карл-Август, барон (1794—1864) — генерал-адъютант короля Саксонии, саксонский посланник в Петербурге (1832—1840). В первый же год пребывания в России Л. приобрел репутацию человека, искренне интересующегося русским языком, историей, литературой (см.: *Карамзины*, стр. 347; *РА*, 1868, стлб. 634; 1902, кн. I, стр. 604). О его «просвещенном уважении к русским писателям и вообще к русской славе» тогда же писал П. А. Плетнев (*СПч.*, 1833, № 162, 21 июля, стр. 646). Эти качества Л. послужили основой для сближения его с Вяземским, Плетневым, Жуковским, Карамзиными, позднее — с А. И. Тургеневым (см.: *Щеголев*, стр. 279—283, 286, 288, 298—300). Л. принадлежат отдельные переводы на немецкий язык стихов Е. А. Баратынского,

В. Г. Бенедиктова, А. В. Кольцова (см.: *ОА*, т. III, стр. 237, 610). Дочь Л., А. фон Габленц, писала в своих воспоминаниях, что, живя в Петербурге, ее родители «общались с разными писателями <...>, в особенности с поэтом Пушкиным» (*ЛН*, т. 58, стр. 138). Пушкин познакомился с Л., по-видимому, вскоре по приезде его в Россию. 26 марта 1833 г. поэт упомянул Л. в стихотворной шутке, написанной совместно с Вяземским, «Надо помянуть...» (см.: *Акад.*, III, стр. 487); 14 июля 1833 г. Пушкин и Л. присутствовали на обеде, данном в Петербурге в честь И. И. Дмитриева, и участвовали в подписке на памятник Н. М. Карамзину (см.: *СПч.*, 1833, № 162, 21 июля, стр. 646). По указанию В. И. Саитова, не подтвержденному, однако, ссылкой на источник, Л. принадлежит также немецкий перевод повести «Капитанская дочка» (см.: *ОА*, т. III, стр. 610). Глубокое понимание значения Пушкина Л. проявил после смерти поэта. Жуковский в известном письме к С. Л. Пушкину сообщал, что в день похорон Пушкина Л. отменил у себя обычный танцевальный вечер (см.: *Щеголев*, стр. 192). В своих донесениях Саксонскому правительству о дуэли и смерти поэта Л. называет Пушкина «со времени смерти Гёте и Байрона первым поэтом современной эпохи» и одновременно констатирует «наличие в высшем обществе малого представления о гении Пушкина и его деятельности» (*Щеголев*, стр. 395—399). *Н. П.*

Максимович Михаил Александрович (1804—1873) — писатель и историк литературы, этнограф, фольклорист, ботаник. Учился в Московском университете на словесном, затем на физико-математическом факультете. После защиты в 1827 г. магистерской диссертации — адъюнкт, а с 1833 г. ординарный профессор ботаники. В 1834 г. М. переехал в Киев, где получил кафедру словесности во вновь образованном университете. В 1834—1835 гг. был ректором Киевского университета. С 1841 г. в отставке. В 1824 г. В. Ф. Одоевский, привлеченный естественнонаучными трудами М., ввел его в круг московских литераторов, среди которых были Веневитинов, Ив. Киреевский, Баратынский, Шевырев и др. Тогда же М. познакомился и сблизился с Погодиным. В 1827 г. он выпустил сборник «Малороссийские песни» (два других сборника украинских песен, изданных М., вышли в свет в 1834 и 1849 гг.), а в 1830 г. альманах «Денница», продолжавшийся в 1831 и 1834 гг. (см. о нем: В. Данилов. «Денница», альманах М. А. Максимовича. *РФВ*, 1915, № 3, стр. 16—54). Впоследствии М. издавал журналы «Киевлянин» (1840—1850) и «Украинец» (1859 и 1864). В 1859 г. вышло «Слово о полку Игореве» в украинском переводе М. (см. о М.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета, ч. II, М., 1855, стр. 1—22; Биографический словарь профессоров и преподавателей университета св. Владимира (1834—1884), Киев, 1884, стр. 379—397; *Письма*, т. III, стр. 165—166). Пушкин познакомился с М. в Москве в конце 1826 г., однако отношения их навсегда остались в рамках неблизкого литературного знакомства. В 1829 г. по выходе «Полтавы» М. выступил в «Атенее» (1829, № 6, стр. 501—515) со статьей «О поэме Пушкина „Полтава“ в историческом отношении» (см.: *П. Итоги и проблемы*, стр. 25—26). По позднейшему свидетельству М. (см.: М. Максимович, Собрание сочинений, т. III, Киев, 1880, стр. 496), Пушкин, возвратившись из поездки в Закавказье, благодарил его за эту статью (о времени этой встречи Пушкина и М. см. дневниковую запись М. П. Погодина от 1 октября 1829 г.: *ПиС*, вып. XXIII—XXIV, стр. 102). Тогда же М. познакомил Пушкина с «Историей Русов» и подарил ему список этой хроники (см.: *ЛН*, т. 58, стр. 211—221), а поэт, как вспоминал М., читал и использовал в переписке «Малороссийские песни», изданные М. («Лит. вестник», 1902, кн. 1, стр. 113). В том же 1829 г. М. через посредство П. А. Вяземского получил у Пушкина для своего альманаха «Денница на 1830 год» две первые сцены из «Бориса Годунова» (см.: *РФВ*, 1915, № 3, стр. 18—19). На выход альманаха М. Пушкин откликнулся на страницах «Литературной газеты» приветственной рецензией (см.: *Акад.*, XII, стр. 103—109). В «Деннице на 1831 год» появи-

лись сочинения Пушкина «Песня» («Пью за здравие Мери»), «Цыганы» («Над лесистыми брегами»), эпиграмма «Не то беда, Авдей Флюгарин», отрывок о «Полтаве» из «Опровержений на критики». Из примечания М. к последней публикации видно, что статью «Опровержения на критики» он знал в рукописи целиком (см.: «Денница на 1831 год», М., 1831, стр. 130). В напечатанном здесь же «Обозрении русской словесности 1830 года» М. встал на защиту Пушкина против Булгарина, а в ходе журнальной полемики, вызванной «Обозрением», использовал ранние памфлеты Пушкина, направленные против Булгарина (см.: Вас. Гиппиус. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830—1831 гг. *П. Врем.*, т. 6, стр. 244—245, 249—250). Однако «Денница» М. оставалась для Пушкина «чужой» в противовес «своей» «Литературной газете» (см.: *Акад.*, XIV, №№ 557 и 562; ср.: там же, №№ 555 и 564). Приступив в 1831 г. к изданию «Северных цветов» в пользу семьи А. А. Дельвига, Пушкин через О. М. Сомова предложил М. участвовать в альманахе ботаническими трудами и благодарил его за исполнение этой просьбы (см. письма О. М. Сомова к М. от 28 сентября и 9 ноября 1831 г.: *РА*, 1908, кн. III, вып. 10, стр. 264—265). В 1833—1834 гг. посредником между Пушкиным и М. выступал Н. В. Гоголь. Через Гоголя М. просил у Пушкина стихов для своей «Денницы», переслал поэту экземпляр «Украинских народных песен» и т. д. (см.: Ф. Я. Прийма. «Слово о полку Игореве» в творчестве Гоголя. В кн.: Гоголь. Статьи и материалы. Изд. ЛГУ, Л., 1954, стр. 144—146). Своими изучениями «Слова о полку Игореве» М. содействовал углублению интереса Пушкина к этому памятнику (см.: М. А. Цявловский. Статьи о Пушкине. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 207—239; В. В. Данилов. М. А. Максимович в работе над «Словом о полку Игореве». В кн.: «Слово о полку Игореве». Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 285—287; Ф. Я. Прийма. «Слово о полку Игореве» в творчестве Гоголя). В библиотеке Пушкина сохранился ряд трудов М. с его дарительными надписями (см.: *Библ. П.*, №№ 224—227). Несмотря на просьбу П. И. Бартенева, М. так и не написал воспоминаний о Пушкине. Отдельные его рассказы о поэте были записаны О. М. Бодянским (см.: *РС*, 1888, № 11, стр. 412) и Бартеневым (*РА*, 1898, № 7, стр. 480). См. также отрывок мемуарного характера в письме М. к Погодину (1845; в кн. М.: Собрание сочинений, т. III, стр. 496), а также публикацию заметки М., устанавливающей авторство Пушкина в отношении эпиграммы на Булгарина, напечатанной в «Деннице» (*ВЕ*, 1887, кн. 5, стр. 408—410). *Н. П.*

Малиновский Алексей Федорович (1762—1840) — брат первого директора Лицея, историк и археограф, управляющий (с 1814 г.) Московским архивом Коллегии иностранных дел, писатель и переводчик. (См.: Н. П. Колюпанов. Биография А. И. Кошелева, т. I, кн. II. М., 1889, стр. 56—59; *Гастфрейнд. Товарищи П.*, т. III, стр. 300—307). М. имел репутацию знатока архивных источников (см., например: *ОА*, т. II, стр. 232, 239), но как управляющий Архивом был известен как человек, «который думает, что архив ‹...› тогда только важен, пока неизвестен» (см.: *Акад.*, XV, № 810; ср.: *ОА*, т. IV, стр. 5, 18, 19; *РА*, 1882, № 5, стр. 113—114). С М., старинным другом своих родителей (см.: *Лет. ГЛМ*, стр. 455), Пушкин познакомился, вероятно, очень рано. См. также: *Летопись*, стр. 78. В 1830 г. М. и Пушкин встречались в Москве (см.: *ЛН*, т. 16—18, стр. 804—805). Жена М., Анна Петровна (урожд. Исленева, 1770—1847), способствовала браку Пушкина с Н. Н. Гончаровой и была посаженой матерью со стороны невесты (см.: *РА*, 1881, № 2, стр. 497—498; 1902, № 1, стр. 53). В 1835—1836 гг. Пушкин не раз обращался к М. как начальнику Архива: вначале через В. А. Поленова в связи с поисками следственного дела о Пугачеве, затем лично в работе над «Историей Петра». Тогда же М. должен был интересовать Пушкина как участник первого издания «Слова о полку Игореве» (1800). В черновиках статьи Пушкина, посвященной «Слову», М. назван среди «истинных знатоков, своим авторитетом подтвердивших подлинность памятника» (*Акад.*, XII, стр. 387,

388). В библиотеке Пушкина сохранилась книга М. «Биографические сведения о князе Дмитрии Михайловиче Пожарском» (М., 1817) с пометами, принадлежность которых Пушкину не установлена (см.: *Библ. П.*, № 228). *Н. П.*

Мальцов Иван Сергеевич (1807—1880) — дипломат. Служа в Московском архиве Коллегии иностранных дел, был близок кругу «любомудров» и участвовал в «Московском вестнике»; в 1828—1829 гг. был старшим секретарем при Грибоедове в составе его дипломатической миссии и один спасся при разгроме русского посольства. Вернувшись из Тегерана после убийства Грибоедова, сделал удачную дипломатическую карьеру. В конце 1830-х годов М., Соболевский и Колошин организовали в Петербурге «Сампсониевскую бумагопрядильную мануфактуру». 2 февраля 1837 г. М. написал Соболевскому письмо о смерти «нашего милого и любезного» Пушкина (см.: *П. Врем.*, т. 2, стр. 18—19; Выписки из писем Ивана Сергеевича Мальцева к Сергею Александровичу Соболевскому. С предисловием и примечаниями Н. П. Барсукова. СПб., 1904; *ЛН*, т. 16—18, стр. 754). *В. В.*

Мезон (Maison) Николя-Жозеф (1771—1840) — французский генерал, участник Наполеоновских войн; после отречения Наполеона (1814) перешел на сторону Людовика XVIII, который сделал его пэром Франции; с декабря 1833 г. был французским послом при русском дворе. См. о нем запись в дневнике Пушкина 22 июля 1834 г. (*Акад.*, XII, стр. 331).

Меншиков Александр Сергеевич, светлейший князь (1787—1869) — правнук знаменитого А. Д. Меншикова; с 1828 г. начальник Главного морского штаба, контр-адмирал и член комитета министров; в 1833 г. произведен в полные адмиралы (см. запись в дневнике Пушкина от 6 декабря 1833 г.: *Акад.*, XII, стр. 317). С 1836 г. управлял Морским министерством. При незаурядном уме и способностях М. был известен как человек черствый, эгоистичный и беспринципный, равнодушный к порученному ему делу, что сказалось впоследствии на его деятельности во время Крымской войны. О нем. см.: *Дн. Модз.*, стр. 65—66.

Мердер Карл Карлович (1788—1834) — генерал-адъютант, генерал-майор, воспитатель наследника Александра Николаевича, будущего Александра II. Современники отмечали доброту и порядочность М., которые сочетались с ограниченностью (см.: *Дн. Модз.*, стр. 163—165). Несмотря на то что наследник был к нему очень привязан, М. не оказал заметного влияния на своего воспитанника. Пушкин, однако же, записал в дневнике 25 апреля 1834 г.: «Мердер умер — человек добрый и честный, незаменимый» (*Акад.*, XII, стр. 327; ср. запись 3 мая 1834 г.: там же, стр. 328).

Местр (Maistre) Жозеф, граф де (1753—1821) (у Пушкина — Мейстр, Мейстер) — французский политический писатель и философ, идеолог католической реакции. Будучи сардинским посланником, жил с 1803 г. в Петербурге; в 1811—1812 гг. пользовался значительным влиянием при дворе. М. был одним из активных распространителей католицизма среди русской аристократии; с изгнанием иезуитов М. вынужден был покинуть Россию (1817). М. имел довольно широкий круг знакомств в среде русской аристократии и дворянской интеллигенции; его идеи оказали влияние на ряд философов и социологов, знакомых и даже близких Пушкину — М. С. Лунина, П. Я. Чаадаева и др. (см.: М. Степанов. Жозеф де Местр в России. *ЛН*, т. 29—30, стр. 576—625). В библиотеке Пушкина сохранилось несколько книг М. (см.: *Библ. П.*, стр. 279, №№ 1122—1123). Интерес Пушкина к М. мог поддерживаться личным общением с его знакомыми — в первую очередь М. Ф. Орловым, а также философско-историческими спорами с Чаадаевым. О «поэтической» и «страшной» странице о палаче из книги М. «Les Soirées de Saint-Pétersbourg» Пушкин упоминает в статье «О записках Самсона» (1830; *Акад.*, XI, стр. 94); возможно, что описание петербургской ночи и статуи Петра в той же книге М. отразилось в «Медном всаднике». Высказывалось также предположение, что книга М., содержащая апологию войны, явилась одним из поводов кишиневского спора

«о вечном мире» (1821). См.: М. Алексеев. Пушкин и проблема «вечного мира». *РЛ*, 1958, № 3, стр. 35—39. *В. В.*

Мещерская Екатерина Николаевна, княгиня, урожд. Карамзина (1806—1867), — старшая дочь Н. М. Карамзина от второго брака. 27 апреля 1828 г. вышла замуж за кн. П. И. Мещерского и с тех пор значительную часть времени проводила с ним в его тверской деревне. Пушкин относился к ней дружески и в день ее именин 24 ноября 1827 г. записал ей в альбом стихотворение «Акафист Екатерине Николаевне Карамзиной». В период, предшествовавший дуэли, М. с большим участием относилась к Пушкину; это отразилось в известном ее письме к золовке М. И. Мещерской (позднее — жене И. Н. Гончарова) о смерти поэта, в котором дана очень точная и глубокая оценка общественного значения гибели поэта (см. в кн.: Я. К. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887, стр. 286—290; более полный текст см.: *ПиС*, вып. VI, стр. 94—97). О М. см.: *Карамзины*, стр. 28—30 и по указ. *Я. Л.*

Мещерский Николай Петрович, князь (1829—1901) — старший сын Е. Н. и П. И. Мещерских.

Мещерский Петр Иванович, князь (1802—1876) — подполковник гвардии в отставке, с 1828 г. муж Е. Н. Карамзиной.

Михельсон Иван Иванович (1740—1807) — генерал-от-кавалерии. Участник Семилетней войны, турецкой кампании 1770 г., действий против польских конфедератов. В декабре 1773 г. М. в чине подполковника был назначен в войска, направленные против Пугачева, и сыграл активную, во многом решающую роль в подавлении восстания. Позднее М. — участник шведской войны 1788—1789 гг., в 1806 г. главнокомандующий днестровской армией, действующей против турок (см.: И. И. Ореус. Михельсон, победитель Пугачева. *РС*, 1876, № 1, стр. 192—209). Рапорты М. о его действиях против пугачевских войск интересовали Пушкина уже в самом начале работы над «Историей Пугачева» (см.: *Акад.*, XV, № 803; ср.: там же, № 809). В процессе исследования Пушкин пришел к выводу об определяющей роли М. в деле подавления восстания (см.: *Акад.*, IX, стр. 58, 59, 67, 75; XVI, № 1355). Помимо «Истории Пугачева», пушкинская оценка М. отразилась в «Замечаниях о бунте» и в статье «Об „Истории Пугачевского бунта“» (*Акад.*, IX, стр. 375, 391—392). Беглые упоминания о М. встречаются также в «Капитанской дочке» (*Акад.*, VIII, стр. 364, 928). *Н. П.*

Монтень (Монтань, Montaigne) Мишель (1533—1592) — французский историк, скептик и моралист, противник теологии и схоластики, автор «Опытов» («Essais», 1580), книги скептических раздумий и наблюдений в области человеческой психики, личной и социальной этики. Жанр «Опытов» широко культивировался в литературе конца XVIII и начала XIX в. Пушкин отдал ему дань, написав «Отрывки из писем, мысли и замечания» (1827). Пушкин читал и цитировал М. (см. набросок предисловия к «Борису Годунову»: *Акад.*, XI, стр. 140) и был знаком с дневником его путешествия по Италии. «Опыты» были в библиотеке Пушкина (см.: *Библ. П.*, № 1185) и, по-видимому, входили в круг его постоянного чтения. Следом знакомства с М. является соответствие вступительных строф стихотворения «Брожу ли я вдоль улиц шумных» (1829) с основными взглядами М. на отношение человека к смерти (см.: Б. Томашевский. Пушкин и Франция. Изд. «Сов. писатель», Л., 1960, стр. 103—104). *Я. Л.*

** **Мордвинов** Александр Николаевич (1792—1869) — управляющий III отделением, назначенный 1 сентября 1831 г. на место скончавшегося М. Я. фон Фока. Был воспитанником известного генерала Н. Н. Муравьева и другом детства Александра Н. Муравьева (декабриста); Н. Н. Муравьева (Карского) и М. Н. Муравьева (Виленского). Участвовал в войне 1812 г., затем служил в Министерстве полиции, собственной е. и. в. канцелярии, занимал пост помощника статс-секретаря Государственного совета. С 1834 г. статс-секретарь. В 1839 г. был по распоряжению Николая I уволен от

службы за разрешение напечатать портрет декабриста А. А. Бестужева (Марлинского). В дальнейшем, однако, занимал посты вятского гражданского губернатора, директора Департамента разных податей и сборов, сенатора. Умер в чине действительного тайного советника. (См.: *ПиС*, вып. VI, стр. 110—113). Как ближайший сотрудник Бенкендорфа, М. был обычным посредником в его сношениях с Пушкиным. После смерти Пушкина через М. было отправлено распоряжение Бенкендорфа псковскому губернатору Пещурову о запрещении всяких церемоний при встрече тела (*ПиС*, вып. VI, стр. 109—110); М. же собрал относящиеся к Пушкину секретные дела III отделения (*Поляков*, стр. 6). Известно 3 письма Пушкина к М. и 6 писем М. к Пушкину. *В. В.*

** **Муравьев** Андрей Николаевич (1806—1874) — поэт, писатель по религиозным вопросам. Брат Муравьевых: Александра Н. (декабриста), М. Н. (Виленского) и Н. Н. (Карского). Ученик С. Е. Раича, в 1820-х годах член основанного им кружка поэтов, близкого к «любомудрам»; в 1825 г. познакомился с Грибоедовым и совершил с ним путешествие по Крыму; в 1827 г. выпустил сборник стихов «Таврида». Участвовал в турецкой кампании 1828—1829 гг., затем совершил путешествие на Восток, описанное им в «Путешествии ко святым местам в 1830 году» (СПб., 1832). С 1831 г. в Петербурге, служил сначала в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, затем, с 1833 г., в Синоде. С 1836 г. камергер (см.: *Письма*, т. III, стр. 607—610). М. познакомился с Пушкиным в Москве осенью или зимой 1826 г. в доме Е. А. Баратынского. Тогда же Пушкин упоминает его среди предполагаемых сотрудников «Московского вестника» (см.: *Рукою П.*, стр. 310—311). К 1827 г. относится эпиграмма Пушкина «Лук звенит, стрела трепещет», в которой М. назван «Бельведерским Митрофаном» (см. мемуары М.: Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, стр. 13—14; ср.: М. Д. Бутурлин. Записки. *РА*, 1897, № 6, стр. 178). Ассоциация М. с фонвизинским Митрофаном была у Пушкина, по-видимому, устойчивой (см.: *Акад.*, XV, № 839). В том же году в неопубликованной заметке об альманахе «Северная лира» Пушкин «с надеждой и радостию» отмечал первые стихи М. (*Акад.*, XI, стр. 48. См.: Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 340—345). Известен восторженный отзыв М. в письме к М. П. Погодину от 27 ноября 1827 г. об отрывке из поэмы Пушкина «Вадим», появившемся в «Московском вестнике»; он свидетельствует о знакомстве М. с «Вадимом» в рукописи (см.: *ЛН*, т. 16—18, стр. 696). В 1832 г. Пушкин собирался в особой заметке приветствовать путевые записки М., противопоставляя их «поэтическим романам» на ту же тему (см.: *Акад.*, XI, стр. 217). В этом, по-видимому, и смысл упоминания имени М. в плане статьи «О новейших романах» (1832; см.: *Акад.*, XII, стр. 204). В предисловии к «Путешествию в Арзрум» (1835) Пушкин сослался на М. как на поэта, одновременно с ним бывшего в турецком походе и тоже не воспевшего военные подвиги Паскевича (*Акад.*, VIII, стр. 443, 1023, 1025). В 1836 г. Пушкин пригласил М. участвовать в «Современнике». Здесь были напечатаны отрывок из трагедии М. «Битва при Тивериаде» с предисловием автора (т. II) и статья «Вечер в Царском Селе» (т. IV; см.: Е. Рыскин. Из истории пушкинского «Современника». *РЛ*, 1961, № 2, стр. 196—199; см. также: *Рыскин*, стр. 45—46, 60—62). В библиотеке Пушкина сохранились два экземпляра «Путешествия ко святым местам» М. (издания 1832 и 1835 гг.; см.: *Библ. П.*, №№ 242—243), у М. же — подаренная ему поэтом «Краткая история построения Нежинского Благовещенского монастыря» (там же, стр. XVII—XVIII). О своем общении с Пушкиным М. рассказал в упомянутых выше мемуарах «Знакомство с русскими поэтами» (Киев, 1871). Сохранилось одно письмо Пушкина к М.; письма М. к Пушкину неизвестны. *Н. П.*

Мусина-Пушкина Эмилия Карловна, графиня, урожд. Шернваль фон Валлен (1810—1846), — жена гр. В. А. Мусина-Пушкина (замешанного в деле декабристов, с которым Пушкин встречался во время поездки в Арзрум), воспетая Лермонтовым и Вяземским. А. О. Смирнова писала,

что «в Петербурге произвели фурор ее белокурые волосы, её синие глаза и черные брови» (А. О. Смирнова. Записки, дневник, воспоминания. Изд. «Мир». М., 1931, стр. 189). М.-П. соперничала в красоте с Н. Н. Пушкиной, и современники постоянно сравнивали красоту этих двух женщин (см.: *ПиС*, вып. XV, стр. 84; запись в дневнике А. И. Тургенева 30 ноября 1836 г.: *Щеголев*, стр. 275); Д. Ф. Фикельмон отметила в своем дневнике «поклонение» Пушкина красоте М.-П. (запись 17 ноября 1832 г.; см.: Н. Раевский. Если заговорят портреты. Изд. «Жазушы», Алма-Ата, 1965, стр. 108; Н. В. Измайлов, опубликовавший эту запись во «Временнике Пушкинской комиссии» (1962, стр. 35—36), ошибочно отнес ее к М. А. Мусиной-Пушкиной). М.-П. переписывалась с Вяземским (см.: *РА*, 1900, кн. I, стр. 391—399); в письме к ней от 16 февраля 1837 г. Вяземский писал о причинах и обстоятельствах дуэли. *Я. Л.*

Мясоедов Павел Николаевич (1799—1868) — лицеист I выпуска. По своим способностям был одним из последних в выпуске. Под именем Мясожорова и Осло-Доясомева постоянно высмеивался в лицейских рукописных журналах. Из Лицея М. был выпущен офицером в армию (см.: *Гастфрейнд. Товарищи П.*, т. III, стр. 357—373) и уехал из Петербурга, после чего Пушкин встречался с ним, по-видимому, только в 1836 г., когда, приехав в столицу, М. дал лицеистам обед и затем участвовал в праздновании 25-летия Лицея (см.: *Рукою П.*, стр. 736—737; *Гастфрейнд. Товарищи П.*, т. III, стр. 371). *Н. П.*

Надеждин Николай Иванович (1804—1856) — журналист и критик. В 1829 г. выступил в «Вестнике Европы» с рядом рецензий и статей, где с позиций, близких классицистской эстетике, резко осудил «Графа Нулина», «Евгения Онегина» и «Полтаву» за «незначительность содержания», «бытописательство» и прямую «безнравственность» (*ВЕ*, 1829, №№ 3, 8, 9; 1830, № 7). Критические статьи Н., резкие и безапелляционные по тону, вызвали ряд памфлетов и эпиграмм со стороны Пушкина: «Мальчишка Фебу гимн поднес», «Надеясь на мое презренье», «Общество московских литераторов» и др.; полемику с Н. он ведет и в критических статьях начала 1830-х годов — «О новейших блюстителях нравственности», «История русского народа... статья II» и др. (см.: *Письма*, т. II, стр. 441—442; т. III, стр. 128; см. также: В. В. Гиппиус. «Вестник Европы» 1802—1830 гг. Уч. зап. ЛГУ, серия филол. наук, вып. 3, 1939, стр. 206—228; Е. П. Жегалкина. Надеждин — критик Пушкина. Уч. зап. Московск. пед. инст. им. Крупской, т. 66, Труды кафедры русской литературы, вып. 4, 1958, стр. 79—101; о полемических ответах Пушкина см.: «Звезда», 1930, № 7, стр. 222—223; С. Бонди. Новые страницы Пушкина. Изд. «Мир», М., 1931, стр. 52; М. Цявловский. Эпиграмма «Седой Свистов». *Звенья*, т. IX, стр. 163—167). Личное знакомство Н. и Пушкина произошло у Погодина 23 марта 1830 г. (*ПиС*, вып. XXIII—XXIV, стр. 104—105; *Акад.*, XII, стр. 159) и не привело к взаимному сближению (о завязавшихся у Пушкина с Н. через Погодина чисто деловых отношениях см.: *Акад.*, XIV, №№ 491, 494). В дальнейшем Погодин неоднократно предпринимал попытки «обратить» друг к другу Пушкина и Н.; ср., например, эту тенденцию в «Письме к издателю „Московского вестника“» С. Т. Аксакова, опубликованном Погодиным («Московский вестник», 1830, № 6, стр. 203); письмо это нравилось Пушкину и способствовало тому, что Н. признал себя впоследствии «неправым» (см.: С. Т. Аксаков. Литературные и театральные воспоминания. Собрание сочинений в 4 т., т. 3, Гослитиздат, М., 1956, стр. 518). Резкий антагонизм между Пушкиным и Н. идет на спад к 1831 г., когда Н. выступил как союзник Пушкина в борьбе с Булгариным и Полевым и стал издателем «Телескопа», куда перешли литературные союзники Пушкина по «Московскому вестнику», в частности Погодин. В начале января 1831 г. Н. послал Пушкину билет на получение «Телескопа»; в ответ Пушкин отправил ему через Погодина экземпляр вышедшего «Бориса Годунова» (*Акад.*, XIV, № 558), которому Н. посвятил серьезную и благожелательную рецензию («Телескоп», 1831, № 4). В 1831 г. Пушкин печатает в «Те-

лескопе» (опять при посредничестве Погодина) стихотворение «Герой» и полемические статьи «Феофилакта Косичкина», соотносящиеся с выступлениями против Булгарина самого Н. (Вас. Гиппиус. Пушкин в борьбе с Булгариным в 1830—1831 гг. *П. Врем.*, 6, стр. 235—255; ср. также письмо Н. к Погодину 5 октября 1831 г., где он интересуется мнением Пушкина о журнале: *ЛН*, т. 16—18, стр. 712). Сотрудничество в «Телескопе» Пушкин, по-видимому, рассматривал как вынужденное; в 1832 г. он выражает Погодину резкое недовольство статьей Н. о VIII главе «Онегина» («Телескоп», 1832, № 9; ср.: *Акад.*, XV, №№ 765, 768; *Письма*, т. III, стр. 512—513). Однако и в период издания «Современника» Пушкин продолжал считать Н. своим журнальным союзником. Об отношениях Пушкина с Н. — издателем «Телескопа» и «Молвы» см. также: Н. К. Козмин. Николай Иванович Надеждин. СПб., 1912, стр. 367—409; его же примечания в изд.: Сочинения Пушкина, т. IX, Изд. АН СССР, Л., 1929 (по указ.). В 1836 г. Н. подвергся репрессиям за напечатание «Философического письма» Чаадаева и был сослан в Усть-Сысольск. В 1839 г. он опубликовал свои отзывы и краткие заметки о Пушкине («Одесский альманах на 1840 год», Одесса, 1839, стр. 14—22 и 332; см. о них: П. Н. Берков. Заметка к биографии А. С. Пушкина (Пушкин в Аккермане). «Вестник ЛГУ», 1949, № 6, стр. 140—144; С. Осовцов. Кто был автором «Литературной летописи Одессы»? *РЛ*, 1966, № 1, стр. 145—150). По указанию самого Н., у него были письма от Пушкина; в настоящее время ни они, ни ответные письма Н. неизвестны (см. письмо Н. к А. А. Краевскому 29 января 1840 г. *Изв. ОРЯС*, 1905, т. X, № 4, стр. 305—311). *В. В.*

Наполеон I Бонапарт (1769—1821) — французский император. Интерес Пушкина к личности Н. был связан с оценкой событий 1812—1815 гг., свидетелем которых Пушкин был (см. ранние стихотворения «Воспоминания в Царском Селе», «Наполеон на Эльбе», «Принцу Оранскому» и др.), а также с проблемой национально-освободительных и революционно-политических движений в Европе (об эволюции отношения Пушкина к Наполеону см. подробнее: Б. Реизов. Пушкин и Наполеон. «Русская литература», 1966, № 4, стр. 49—58; см. также сводку материалов в кн.: *П. Итоги и проблемы*, стр. 240—241). *Р. И.*

Нарышкин Дмитрий Львович (1758—1838) — обер-егермейстер двора, муж Марии Антоновны, рожд. княжны Святополк-Четвертинской (ум. 1854), известной своей многолетней близостью к Александру I. Имя Н. упомянуто в анонимном «дипломе», полученном Пушкиным 4 ноября 1836 г., что дало основание многим современным биографам Пушкина видеть в «дипломе» намек на отношение Николая I к Н. Н. Пушкиной. В доме Д. Л. и М. А. Нарышкиных (на набережной Фонтанки, теперь дом 21) 29 апреля 1834 г. петербургское дворянство дало бал по случаю совершеннолетия наследника. См. запись в дневнике Пушкина за 3 мая 1834 г. (*Акад.*, XII, стр. 327—328). *Я. Л.*

Нарышкин Кирилл Александрович (1786—1838) — обер-гофмаршал двора, член Государственного совета, отец А. К. Воронцовой-Дашковой (*см.*); был известен своим остроумием. В своем дневнике 16 апреля 1834 г. (*Акад.*, XII, стр. 326) Пушкин записал один из каламбуров Н. См. также запись 17 марта 1834 г. (там же, стр. 322).

Нащокин Василий Воинович (род. в 1796 г.) — старший брат друга Пушкина П. В. Нащокина (*см.*). Участник войны 1812—1815 гг. (в составе конного полка Костромского ополчения). В 1815 г. уволен от службы и зачислен в общую канцелярию Военного министерства, откуда вышел в отставку в начале 1816 г. Н. был женат на А. Н. Пановой. Умер он в своем родовом имении, с. Шишкине Костромского уезда, где и погребен (см.: *Письма*, т. III, стр. 467). В начале 1830-х годов, очевидно вследствие неудачной семейной жизни, Н. спился и попал под влияние разных сомнительных личностей (см. об этом в письме П. В. Нащокина к Пушкину от декабря 1831 г.: *Акад.*, XIV, № 718, где дана яркая картина упадка нра-

вов в усадьбе, некогда принадлежавшей отцу Н. — одному из «замечательнейших лиц Екатерининского века» (*Акад*., XI, стр. 189; ср. ответ Пушкина: *Акад*., XV, № 729). *Н. П.*

** **Нащокин** Павел Воинович (1801—1854) — один из ближайших друзей Пушкина. Воспитывался в Благородном пансионе при Лицее (1814—1815), где учился вместе с Л. С. Пушкиным (см.: *Летопись*, стр. 56, 76). С 1819 по 1823 г. служил последовательно в лейб-гвардии Измайловском, Кавалергардском и Кирасирском полках. Вышел в отставку в чине поручика. К середине 1820-х годов жил в Москве, где в 1834 г. женился на В. А. Нагаевой (Нарской). См. о Н.: Дело Московского дворянского депутатского собрания о дворянстве поручика П. В. Нащокина (*ГИАМО*). Пушкин познакомился и подружился с Н. еще в лицейские годы. Их общение продолжалось в 1819—1820 гг. (см.: *Летопись*, стр. 199—200; ср.: *Рассказы о П*., стр. 27, 74; *Акад*., XIII, № 112), но перешло в тесную дружбу лишь при встрече в Москве в 1826 г. Во время своих приездов в Москву Пушкин, как правило, останавливался у Н. (см.: *Рассказы о П*., стр. 75), постоянно делился с ним своими литературными планами и житейскими заботами. Переписка Пушкина с Н. (1830—1836) свидетельствует об их исключительной привязанности и полной дружеской откровенности. Собираясь жениться, Пушкин советовался с Н., Н. также был Пушкину «обязан женитьбою своей». Пушкин крестил дочь Н. от цыганки Ольги Андреевны, а Н. специально приезжал в июле 1833 г. в Петербург для крестин сына Пушкина Александра. При постоянных денежных затруднениях Пушкина Н. всегда приходил к нему на помощь. Высоко ценя дар Н.-рассказчика, Пушкин не раз побуждал его писать свои записки (см. наст. изд., прим. 3 к письму 177). К рассказам Н. восходит фабула «Дубровского», а также ряд деталей в начале романа «Русский Пелам», в замысле которого отразились черты личности Н. (см.: П. В. Анненков. Литературные проекты А. С. Пушкина. *ВЕ*, 1881, кн. 7, стр. 41; 48; ср.: А. В. Чичерин. Пушкинские замыслы прозаического романа. Уч. зап. Львовск. гос. унив., т. XXIV, стр. 92, 96). В 1836 г. Н. был, по-видимому, одним из инициаторов переговоров о приглашении Белинского в «Современник». После смерти Пушкина, которую Н. пережил как тяжелую личную утрату, он проявлял заботу о его семье и содействовал увековечению его памяти, заказав И. П. Витали его бюст, а К. Мазеру — портрет (см.: *ЛН*, т. 16—18, стр. 724, 754; т. 58, стр. 146; письма Н. Н. Пушкиной к Н. см.: «Искусство», 1923, № 1, стр. 326—328; *РА*, 1904, кн. III, вып. 12, стр. 602; «Книжные новости», 1937, № 4, стр. 52—53). В 1851—1853 гг. П. И. Бартенев записал ряд рассказов Н. и его жены о Пушкине (см.: *Рассказы о П*., стр. 24—49). Большую мемориальную ценность имеет так называемый «Нащокинский домик» — модель одной из квартир Н. в Москве, в которой бывал Пушкин (см. о нем: Г. И. Назарова. «Нащокинский домик». В кн.: Пушкин и его время. Вып. I. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1962, стр. 499—510). О Пушкине и Н. см.: Н. И. Куликов. А. С. Пушкин и П. В. Нащокин. *РС*, 1880, кн. 12, стр. 989—998; 1881, кн. 8, стр. 599—622; М. О. Гершензон. Друг Пушкина П. В. Нащокин. *Р. мысль*, 1904, кн. 4, стр. 109—124; то же: *Венг*., т. V, стр. 18—29). Сохранилось 26 писем Пушкина к Н. (и одно — в числе Dubia) и 23 письма Н. к Пушкину. Переписка дошла до нас неполностью. *Н. П.*

Нащокина Вера Александровна, в девичестве Нагаева (1811(?)—1900), — жена П. В. Нащокина (*см*.). Разногласия в указаниях на ее девическую фамилию (Нарская — А. Б. Лобанов-Ростовский. Русская родословная книга, т. II. СПб., 1895, стр. 27; Нашева — там же, стр. 465; Нащокина — Н. И. Куликов. А. С. Пушкин и П. В. Нащокин. *РС*, 1880, кн. 12, стр. 993; московская мещанская дочь девица Нагаева — Метрическая выпись из брачной книги, хранящаяся в *ГИАМО* (Дело Московского дворянского депутатского собрания о дворянстве поручика П. В. Нащокина); Снарская — В. Вересаев. Спутники Пушкина, т. 2. Изд. «Сов. писатель», М., 1937, стр. 246) указывают на ее незаконное происхождение.

По свидетельству П. И. Бартенева (*РА*, 1904, № 11, стр. 446), Н. была дочерью двоюродного брата П. В. Нащокина Петра Александровича Нащокина; сама Н. пишет, что отцом ее был А. Нарский, в доме которого она и воспитывалась (см.: *П. в восп. совр.*, стр. 440). В действительности Н. — внебрачная дочь троюродного брата П. В. Нащокина, гофмаршала Павла I, тайного советника и камергера Александра Петровича Нащокина. Фамилия Нарская (по местоположению имения, где Н. родилась) не была, видимо, узаконена: по документам она Нагаева. Пушкин познакомился с Н. в ноябре 1833 г., когда она стала невестой П. В. Нащокина, одобрял выбор друга и радовался, когда тот женился. Н., по собственному свидетельству, еще в девичестве любила «дивные творения» Пушкина, а после замужества видела в нем лучшего друга и «положительно... родного» человека; смерть поэта была для Н. «самым страшным ударом в ее жизни с мужем» (*П. в восп. совр.*, стр. 440, 442, 450). В 1851 г. П. И. Бартенев записал рассказы П. В. и В. А. Нащокиных о Пушкине (см.: *Рассказы о П.*, стр. 24—28). После смерти мужа, в 80-х годах, Н. разобрала его архив и переслала пушкинские материалы Л. И. Поливанову (см.: Пушкин и его время. Вып. I. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1962, стр. 284—285). В 1898—1899 гг., когда Н. осталась единственной живой современницей поэта, ее воспоминания о нем неоднократно записывались. Наиболее интересной и полной является запись И. Родионова («Новое время» (Илл. прибавления), 1898, № 8115, 30 сентября; № 8122, 7 октября; № 8129, 14 октября. То же в кн.: *П. в восп. совр.*, стр. 440—452). Некоторые дополнительные подробности см.: Н. Ежов. У современницы Пушкина. «Новое время», 1899, № 8343, 21 мая, стр. 3—4; № 8346, 24 мая, стр. 3. Перепечатано в кн.: М. А. Цявловский. Книга воспоминаний о Пушкине. Изд. «Мир», М., 1931, стр. 312—319. В справке использованы неизданные материалы, сообщенные Н. Н. Белянчиковым, В. А. Нащокиной-Зюзиной и Н. А. Раевским. *Н. П.*

Нащокина Екатерина Павловна — старшая дочь П. В. и В. А. Нащокиных (род. в 1834 г.).

** **Нессельроде** Дмитрий Карлович, граф (1816—1891) — сын управляющего Министерством иностранных дел гр. К. В. Нессельроде и М. Д. Нессельроде, рожд. Гурьевой (дочери министра финансов при Александре I гр. Д. А. Гурьева). Н. служил по ведомству иностранных дел (где числился на службе и Пушкин), занимая в 1835 г. должность переводчика 10-го класса (см.: Месяцеслов и общий штат Российской империи на 1836 год, ч. I, стр. 394), а в следующем году — третьего секретаря канцелярии министерства (Месяцеслов ... на 1837 год, стр. 432); в 1838 г. он пожалован в камер-юнкеры (Месяцеслов ... на 1839 год, стр. 24). Не выделяясь ничем, но пользуясь влиянием и связями своего отца, Н. делает успешную карьеру по службе и при дворе. В сохранившихся весьма скупых свидетельствах современников он почти целиком заслонен фигурой канцлера, своего отца. Мать Н. была злейшим врагом Пушкина и близкой приятельницей Геккерна (*Щеголев*, по указ.). Положение и вес родителей Н. в самых высоких кругах петербургской знати открывали ему двери всех великосветских и дипломатических салонов Петербурга; в одном из этих салонов с ним мог познакомиться Пушкин и получать от него новинки западноевропейской литературы, присылаемые с дипломатической почтой, что еще не свидетельствует о сходстве их литературных интересов. Известно одно письмо Пушкина к Н. Письма Н. к Пушкину неизвестны. *Р. И.*

Нестор — древнерусский писатель XI—начала XII в., монах Киево-Печерского монастыря. Н. считают составителем старейшей редакции «Повести временных лет» (1113). С летописью Н. Пушкин был знаком по «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина и по отдельным изданиям русских летописей. Ряд таких изданий имелся в его личной библиотеке (см.: *Библ. П.*, №№ 220, 221, 321, 431, 1240). С летописей Пушкин в 1829 (?) г. предполагал начать свою историю русской литературы (*Акад.*,

XII, стр. 208). К летописи Н. восходит сюжет «Песни о вещем Олеге». В 1836 г. Пушкин изучал исследование А.-Л. Шлецера «Нестор» и сделал при чтении его ряд заметок (*Акад.*, XII, стр. 207—208). *Н. П.*

** **Нечаев** Степан Дмитриевич (1792—1860) — второстепенный литератор, обер-прокурор Святейшего Синода в 1833—1836 гг. Начав свою службу в 1811 г. в Коллегии иностранных дел, он с 1817 по 1823 г. был уже директором училищ Тульской губ., с 1824 г. чиновником особых поручений в канцелярии московского военного генерал-губернатора Д. В. Голицына. 28 сентября 1826 г. был откомандирован в помощь гр. А. Г. Строганову для расследования раскола в Пермской губ. (см.: *РА*, 1893, кн. I, стр. 42—43). О результатах его командировки см. обзор этой экспедиции, составленный по документам архива С. Д. Нечаева («Братское слово», 1893, № 7, стр. 532—564). Получив за нее несколько наград, Н. с 13 июня 1827 г. был причислен к собств. е. и. в. канцелярии и с этого времени живет в Петербурге, делая весьма успешную служебную карьеру. В декабре 1828 г. при содействии А. Н. Голицына и обер-прокурора Синода П. С. Мещерского (родственника жены Н., Софьи Сергеевны, урожд. Мальцевой) он получает должность за обер-прокурорским столом, в отсутствие П. С. Мещерского исполняя обязанности обер-прокурора. 2 апреля 1833 г. Н. был назначен обер-прокурором и пробыл в этой должности до 1836 г. (подробнее об этом периоде его деятельности см.: Ф. Благовидов. Обер-прокуроры Святейшего Синода. Изд. 2-е, Казань, 1908; И. Я. Чистович. Руководящие деятели духовного просвещения в России. СПб., 1894; см. также: *РС*, 1885, № 7, стр. 12—26; *РА*, 1893, кн. II, стр. 135—160). После отставки Н. был произведен в тайные советники, а затем назначен сенатором. В 20-е годы был известен как поэт и автор статей по вопросам археологии; был членом Общества любителей российской словесности (см.: Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете, М., 1911, стр. 204—205). Произведения Н. начиная с 1816 г. печатались в «Русском вестнике», в «Трудах Вольного общества любителей российской словесности», «Полярной звезде», «Мнемозине», «Урании» и других альманахах и журналах конца 20-х—30-х годов. Н. был дружен с С. А. Соболевским, П. А. Вяземским, А. И. Тургеневым и другими близкими Пушкину лицами, через которых Н., по-видимому, познакомился с Пушкиным. Н. мог присутствовать на состоявшемся у Соболевского 10 сентября 1826 г. чтении «Бориса Годунова». Встречался с Пушкиным и позднее, в Петербурге и Москве, но не принадлежал ни к числу друзей поэта, ни к числу коротких его знакомых. Письма Н. к Пушкину неизвестны. До нас дошли 2 письма Пушкина к Н. *Р. И.*

** **Никитенко** Александр Васильевич (1805—1877) — литератор, критик, профессор Петербургского университета, с 1834 г. цензор, позднее академик. Познакомился с Пушкиным 8 июня 1827 г. у А. П. Керн, которой Н. был увлечен в это время. В качестве цензора «Библиотеки для чтения» и альманахов Смирдина цензуровал «Анджело» и ряд стихотворений Пушкина. Был цензором «Поэм и повестей» и IV части «Стихотворений» Пушкина. Цензурные изъятия в «Анджело» и «Сказке о золотом петушке» вызвали сильнейшее недовольство Пушкина (резкий отзыв его о Н.-цензоре см.: *Акад.*, XII, стр. 337). Оставил дневник, содержащий чрезвычайно ценный материал по истории цензуры, в частности о взаимоотношениях Пушкина с цензурой. Отношение Н. к личности Пушкина сдержанно-неблагоприятное; оно определялось, с одной стороны, официальным положением Н.-цензора, с другой — тем, что Н., происхождением из вольноотпущенных крепостных, в большой мере находился под влиянием слухов об аристократическом высокомерии Пушкина, его корыстолюбии и т. д. Это не мешало Н. сознавать выдающуюся роль Пушкина в истории русской культуры; гибель Пушкина Н. расценивал как трагедию поэта, подчинившегося законам аристократической «касты». Н., будучи профессором Петербургского университета, неоднократно пытался определить в своих лекциях значение и общественный смысл творчества

Пушкина, которое считал переходным от чисто «эстетического» периода к периоду общественного самосознания и критицизма. В 1860-е годы Н. принял сторону либеральной критики и противопоставлял творчество Пушкина революционно-демократическим веяниям в литературе. Известны одно письмо Пушкина к Н. и одно Н. к Пушкину. *В. В.*

Никитин — по-видимому, поручик учебного карабинерного полка, художник, автор портрета генерал-адъютанта П. X. Граббе и его дочерей, получивший в 1854 г. звание неклассного художника от Академии художеств. См.: *П. Врем.*, т. 2, стр. 18; С. Н. Кондаков. Список русских художников. В кн.: Имп. СПб. Академия художеств. 1764—1914, т. II, стр. 139; *PC*, 1896, № 10, стр. 116—117 (письмо П. X. Граббе к А. П. Ермолову 9 апреля 1856 г.). *В. В.*

* **Николай I Павлович** (1796—1855) — император, вступил на престол 14 декабря 1825 г. после подавления восстания декабристов. Чтобы привлечь на свою сторону общественное мнение, Н. вызвал Пушкина из ссылки и после аудиенции 8 сентября 1826 г. объявил о «прощении» поэта и обещал сам быть его цензором (реконструкцию разговора Пушкина и Н. см.: С. М. Бонди. Встреча Пушкина с Николаем I в 1826 г. В кн.: Тринадцатая Всесоюзная пушкинская конференция. Тезисы докладов. Изд. АН СССР, Л., 1961, стр. 8). Пушкин на какое-то время поверил в «милости» царя, его желание либеральных реформ и в возможность быть его советчиком. С этими настроениями связаны его записка «О народном воспитании» (1826), «Стансы» (1826) и «Друзьям» (1828). Однако вскоре он понял неосновательность этих надежд, хотя и в последующие годы не пропускал возможности воздействовать на политику Н. Именно такой характер носят написанные специально для царя «Замечания о бунте» (1834), переданные ему вместе с изданием «Истории Пугачева». Критическое отношение к Н. выражено в полной мере в дневнике поэта (анализ записей Пушкина о Н. см.: П. Е. Щеголев. Пушкин о Николае I. *Дн. Модз.*, стр. XIII—XXVI). Н. в свою очередь сознавал оппозиционность Пушкина и продолжал разыгрывать «покровителя» поэта, угнетая его и как человека, и как писателя. Пожалование камер-юнкером поставило Пушкина в смешное положение, право работать в архивах связывалось с несением придворной службы, ссуды из царской казны опутывали денежными обязательствами. В 1834—1835 гг. Пушкин два раза подавал прошение об отставке, это вызывало недовольство Н. и угрозу закрыть доступ в архивы. Пушкин был вынужден оставаться в Петербурге и вести жизнь не по средствам в ненавистном придворном кругу. Цензурные замечания Н. лишили Пушкина возможности напечатать при жизни «Медный всадник», «Песни о Стеньке Разине», задержали на 5 лет публикацию «Бориса Годунова» (см.: Т. Зенгер. Николай I — редактор Пушкина. *ЛН*, т. 16—18, стр. 513—536). Роль Н. в трагедии Пушкина не исчерпывается официальными отношениями. Его увлечение Н. Н. Пушкиной (многочисленные упоминания об этом см. в письмах и дневнике Пушкина) не только вызывало раздражение поэта, но и было основным сюжетом анонимного письма, полученного 4 ноября и послужившего поводом к первому вызову. Это же письмо, задевавшее Н., автором которого Пушкин считал Геккерна (исследователи полагают, что Пушкин о своих подозрениях сообщил царю, см.: П. Е. Щеголев. Пушкин и Николай I. В кн.: П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. М.—Л., 1931, стр. 69—149), было причиной отзыва Геккерна из России. Наиболее четко отношение царя к Пушкину проявилось после дуэли. Н. обещал умирающему позаботиться о его семье при условии исполнения им христианского долга (его записка к Пушкину (*Акад.*, XVI, Dubia, № 10), написанная в ночь с 27 на 28 января 1837 г. и посланная через Н. Ф. Арендта для прочтения и возвращенная, вызывала разные мнения — до признания ее «апокрифической», но ее существование подтверждается рядом свидетельств. О записке см.: *Щеголев*, стр. 183—184 и др.; Б. Л. Модзалевский и др. Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Изд. «Атеней»,

Пгр., 1924, стр. 51—73; ср.: *Карамзины*, стр. 170 и 391—392, где пересмотрена точка зрения предыдущих авторов), бумаги поэта после смерти были опечатаны, приняты меры против возможной народной манифестации (см.: М. И. Яшин. Хроника преддуэльных дней. «Звезда», 1963, № 9, стр. 185—187), тело увезено из Петербурга, журналы получили выговоры за помещение некрологов, Лермонтов был выслан за стихотворение на смерть поэта (об отношении Н. к смерти Пушкина см. указанную статью Яшина, а также: Е. В. Муза и Д. В. Сеземан. Неизвестное письмо Николая I о дуэли и смерти Пушкина. *Врем. ПК*, *1962*, стр. 38—40). Пушкин писал Н. дважды: в мае—июне 1826 г. (*Акад.*, XIII, № 270), в августе 1828 г. — письмо по поводу «Гавриилиады», которое, по-видимому, содержало признание в авторстве, но не дошло до нас (см.: *Лемке*, стр. 491—492). Н. писал Пушкину один раз (см. выше). *Я. Л.*

Новомленский — по указанию П. В. Анненкова, московский студент, который ухаживал за Н. Н. Гончаровой до ее замужества (см.: Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Изд. «Прибой», 1929, стр. 364; ср.: П. Е. Щеголев. Пушкин и московские студенты в 1831. *ИВ,* 1904, № 4, стр. 207—222). *Я. Л.*

** **Нордин** (Nordin, у Пушкина — Нординг) Густав (1799—1867) — шведский дипломат, в 1830-е годы секретарь шведско-норвежского посольства, с декабря 1836 по март 1837 г. исполнял обязанности поверенного в делах Швеции в России. К этому времени относится его знакомство с Пушкиным. Как видно из дневника поэта, их разговоры касались русской истории (*Акад.*, XII, стр. 334). 6(18) февраля 1837 г. Н. направил своему правительству донесение о дуэли и смерти Пушкина, в котором высоко отозвался о поэте и обнаружил знакомство с замыслами его исторических исследований (*Щеголев,* стр. 376—377). См. также: Э. Э. Найдич. Письмо Пушкина к Густаву Нордину. *П. Иссл. и мат.,* т. II, стр. 217—223. *Н. П.*

* **Норов** Авраам Сергеевич (1795—1869) — поэт и писатель, бывший военный. Участник войны 1812 г., потерявший ногу под Бородином. Путешествовал по Европе (в 1821 г.), Египту, Нубии и Палестине (в 1834 г.). Описания его путешествий пользовались большим успехом. В 1853—1858 гг. был министром народного просвещения. Пушкин познакомился с Н. после возвращения в Петербург (*Никитенко*, т. II, стр. 523), был с ним на «ты», пользовался его библиотекой (*Акад.*, XV, № 860), однако отрицательно относился к его переводам, отметив в рецензии на альманах «Северная лира на 1827 г.», что Н. «не должно было бы переводить Dante» (*Акад.*, XI, стр. 48). Н. написал стихи на смерть Пушкина (В. В. Каллаш. Русские поэты о Пушкине. М., 1899, стр. 88). В библиотеке Пушкина сохранилась одна книга Н. — «Путешествие по Сицилии в 1822 г.», ч. 2. СПб., 1828 (*Библ. П.,* № 257). Пушкин подарил Н. «Poésies sur la constitution unigenitus. Recueillies par le Chevalier de G...», 1724, с дарственной надписью (см.: *Рукою П.*, стр. 729; *ЛН*, т. 16—18, стр. 1022; *Рук. ПД*, *1937*, № 757). У Н. хранились два автографа Пушкина (отрывок из «Русалки» и черновик примечаний к «Евгению Онегину». См.: *Рук. ПД*, *1937*, №№ 147 и 172), переданные им впоследствии Я. К. Гроту. Сохранилось 2 письма Пушкина к Н., письма Н. к Пушкину неизвестны. Подробнее о Н. см.: *Письма*, т. III, стр. 661—663. *Я. Л.*

Оболенская Наталья Андреевна, княжна (1812—1901) — дочь попечителя Московского учебного округа кн. Андрея Петровича Оболенского (1769—1852). С апреля 1834 г. фрейлина; позднее была замужем за С. П. Озеровым (1809—1884), офицером лейб-гвардии Литовского полка.

** **Одоевский** Владимир Федорович, князь (1804—1869) — разносторонний мыслитель, писатель, музыкальный критик, общественный деятель; участник московского кружка «любомудров» и издатель (совместно с В. К. Кюхельбекером) альманаха «Мнемозина» (4 кн., 1824—1825), где напечатано несколько стихотворений Пушкина. О. был автором романсов

на слова Пушкина (см.: *П. в печ.*, №№ 127, 135, 1179). Время личного знакомства О. с Пушкиным не установлено, но оно состоялось не позже января 1830 г. (*ЛН*, т. 58, стр. 258). В 30-х годах почти все литературно-общественные и журнально-издательские дела и планы О. так или иначе были связаны с Пушкиным: в 1833 г. — замысел альманаха «Тройчатка» (*Акад.*, XV, №№ 850, 855), в 1835 г. — замысел «Современного летописца политики, наук и литературы» (*Акад.*, XVI, № 1064), в 1835 г. — «Московского наблюдателя», куда О. активно привлекал Пушкина (*ГПБ*, ф. 850, № 408, л. 30 об.); при издании «Современника» (1836 г.) О. оказывал Пушкину разнообразную помощь: был посредником между ним и Б. А. Враским, директором Гуттенберговой типографии, в которой печатался «Современник» (*ЛН*, т. 58, стр. 131); взял на себя (вместе с П. А. Плетневым и с помощью А. А. Краевского) составление и корректуру т. II журнала (*Акад.*, XVI, № 1158 и стр. 232; *ЛН*, т. 58, стр. 128, 131—132); помогал в комплектовании I(V) т. на 1837 г. Идея реорганизации «Современника», исходившая от О. и А. А. Краевского, предполагала самое тесное и активное сотрудничество с Пушкиным (*Акад.*, XVII, стр. 74—75). В 1834 г. Пушкин и О. заняли одинаковую позицию по отношению к издателям «Конверсационс-лексикона». Незадолго до смерти Пушкина О. написал статью «О нападениях петербургских журналов на поэта Пушкина», которую в то время ему не удалось напечатать из-за цензурных препятствий (*РА*, 1864, стлб. 824—831). О. был автором некролога в «Литературных прибавлениях к Русскому инвалиду» (1837, № 5, стр. 48; *Карамзины*, стр. 176) и статей, посвященных памяти Пушкина (см.: Р. Б. З а б о р о в а. Неизданные статьи В. Ф. Одоевского о Пушкине. *П. Исслед. и мат.*, т. I, стр. 313—342). О. участвовал в посмертном издании «Современника» (редактировал кн. VII, 1837 г.) и в подготовке «посмертного» собрания сочинений Пушкина (1838). Первый известный отзыв Пушкина об О. относится к 1827 г., когда Пушкин, редактируя «Московский вестник», отметил в разборе «Памятника отечественных муз», написанном О., «много умного и справедливого», указав одновременно и на чрезмерно резкие высказывания по адресу ряда писателей (*РС*, 1904, № 3, стр. 705—706). Пушкин высоко ценил рассказ О. «Квартет Бетховена» (там же, № 4, стр. 206). Статью О. «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей литературе» Пушкин назвал «дельной, умной и сильной» и поместил ее в «Современнике» (т. II, стр. 206—217). Статью О. «Как пишутся у нас романы» он напечатал в III томе журнала (стр. 48—51). Пушкин просил у О. для «Современника» одну из его повестей — «Княжну Зизи» или «Сильфиду», но два других произведения О., предложенные им в «Современник», — «Сегелиель, или Дон-Кихот XIX столетия» и «Разговор недовольных» — он отклонил. Данные о взаимоотношениях между Пушкиным и О. см. в работах: П. Н. С а к у л и н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. . ., т. I, ч. II, М., 1913, стр. 321—330; Н. В. И з м а й л о в. Пушкин и князь В. Ф. Одоевский. В кн.: Пушкин в мировой литературе. ГИЗ, Л., 1926, стр. 289—308. Из переписки между Пушкиным и О. сохранилось 20 писем и записок Пушкина и 6 писем О. *Б. Б.*

Озеров Иван Петрович (1806—1880) — чиновник русского посольства в Бадене, с 1836 г. первый секретарь посольства, впоследствии там же поверенный в делах, затем посланник в Португалии и Баварии. С 1832 г. был женат на графине Р. В. Шлиппенбах, по словам П. А. Вяземского, «прусачке небогатой, но, сказывают, милой» (*Звенья*, т. IX, стр. 344). *Я. Л.*

Озерова Розалия Васильевна, урожд. гр. Шлиппенбах (род. 1808), — жена И. П. Озерова.

Окулов (Акулов) Матвей Алексеевич (1792—1853) — муж сестры П. В. Нащокина Анастасии Воиновны, сын херсонского гражданского губернатора А. М. Окулова (1766—1821), участник Отечественной войны 1812 г.; в 1824 г. командовал Арзамасским егерским полком; с 1829 г. в отставке. С 1830 г. и до смерти — директор училищ Московской губернии. Квартира О., помещавшаяся в здании гимназии у храма Христа-

спасителя (ныне Волхонка, д. 16 или 18, см.: Н. П. Чулков. Пушкин-москвич. В сб.: А. С. Пушкин в Москве. Труды Общества изучения Московской области, вып. 7, М., 1930, стр. 85 и 90), была обычным местом встреч московских литераторов, артистов и художников, со многими из которых О. был хорошо знаком. Упоминания об О. постоянны в переписке Пушкина с Нащокиным. *В. В.*

Окулова Варвара Алексеевна (1802—1879) — сестра М. А. и Е. А. Окуловых.

Окулова (Акулова) Елизавета Алексеевна (1806—1886) — сестра М. А. и В. А. Окуловых. Имела хороший голос, за который П. А. Вяземский называл ее «Соловьевой». Отзывы о ней и ее пении см. в письмах Вяземского к жене (*Звенья,* т. IX, по указ.). 3 мая 1836 г. О. вышла замуж за Дьякова (*см.*). *Я. Л.*

Олег (Олег Вещий) — князь киевский (879—912). Источниками сведений о походах О. Пушкину служили как «История государства Российского» Карамзина, так, по-видимому, и тексты летописей (см.: К. А. Немировская. «Песнь о вещем Олеге» и летописное сказание. Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена, т. 76, каф. русского языка, Л., 1949, стр. 13—56). *В. В.*

Оливье Александр Карлович — капитан лейб-гвардии Павловского полка, владелец дома на Пантелеймоновской улице (№ 113 Литейной части, теперь д. № 5 по ул. Пестеля), в котором с 1 сентября 1833 г. до середины августа 1834 г. жили Пушкины. Об О. и его доме см.: А. Яцевич. Пушкинский Петербург. Изд. Пушк. общ., Л., 1935, стр. 57—59, 62, 63, 249. Контракт на наем этой квартиры Н. Н. Пушкиной опубликован в кн.: *Лит. арх.,* т. I, стр. 72—73. *Я. Л.*

Орлов Михаил Федорович (1788—1842) — генерал-майор, участник Отечественной войны 1812 г., член «Арзамаса» (кличка «Рейн»), член Союза благоденствия, позднее близкий к Южному тайному обществу, но не входивший в него. В 1823 г. отстранен от службы в связи с делом В. Ф. Раевского, обвиненного в политической пропаганде среди солдат. После декабрьского восстания О. полгода сидел в крепости, потом был отдан под надзор полиции. С 1831 г. ему было разрешено жить в Москве, но из общественной жизни он был вычеркнут. О трагичности политической судьбы О. писал А. И. Герцен в дневнике (запись 26 марта 1842 г., см.: *Герцен,* т. II, стр. 201—203). Пушкин познакомился с О. в 1817 г. в Петербурге, но особенно часто общался с ним и бывал в доме Орловых (с 1821 г. О. был женат на Ек. Н. Раевской) в 1821—1822 гг. в Кишиневе, где О. командовал 16-й пехотной дивизией. К этому времени относятся политические споры Пушкина и О., которые отразились в заметке Пушкина «О вечном мире» и в шутливом послании к Гнедичу «В стране, где Юлией венчанный» (см.: Б. В. Томашевский. Пушкин и вечный мир. «Звезда», 1930, № 7, стр. 227—230; М. П. Алексеев. Пушкин и проблема «вечного мира». *РЛ,* 1958, № 3, стр. 3—39). В набросках своей автобиографии Пушкин иронически отозвался о возражениях О. на «Историю государства Российского» Карамзина (*Акад.,* XII, стр. 306; см. об этом: М. В. Нечкина. Декабрист Михаил Орлов — критик «Истории» Н. М. Карамзина. *ЛН,* т. 59, стр. 558, 560—561). В 30-х годах Пушкин поддерживал связь с О. (см.: *Акад.,* XIV, № 596). В 1830 г. Пушкин тепло отозвался в «Литературной газете» о написанной О. «Некрологии генерала-от-кавалерии Н. Н. Раевского» (*Акад.,* XI, стр. 84), а к 1833—1834 гг. относятся заметки Пушкина о книге О. «О государственном кредите», которую он получил от автора с рукописными добавлениями всех исключенных цензурою мест (см.: *Библ. П.,* № 270; *Акад.,* XII, стр. 206—207; С. Я. Боровой. Новые материалы о книге декабриста М. Ф. Орлова «О государственном кредите». В кн.: Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 17. М., 1955, стр. 159—191). Отзывы О. о творчестве Пушкина см.: *РА,* 1885, кн. I, стр. 141; *ЛН,* т. 58, стр. 66—67; т. 60, кн. 1, стр. 37, 40, 42, 43; см. также: М. О. Гершензон. История мо-

лодой России. ГИЗ, М.—Пг., 1923, стр. 9—78; Восстание декабристов. Материалы, т. VIII. Алфавит декабристов. Под ред. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса. Л., 1925, стр. 368—370; С. С. Ланда. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816—1821 гг. (Из политической деятельности П. А. Вяземского, Н. И. и С. И. Тургеневых и М. Ф. Орлова). В кн.: Пушкин и его время. Вып. I. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1962, стр. 67—231. *Я. Л.*

Осипова Мария Ивановна (1820—1896) — дочь П. А. Осиповой от второго ее брака с И. С. Осиповым. Росла и воспитывалась в Тригорском. Пушкин знал О. с самого раннего ее детства (см.: М. И. Семевский. Прогулка в Тригорское. В кн.: А. Н. Вульф. Дневники. Изд. «Федерация», М., 1929, стр. 71—72). После 1826 г. он встречался с ней во время своих приездов в Михайловское. О. сохранила в памяти несколько ярких эпизодов из биографии Пушкина (см.: *Рукою П.*, стр. 755—756; *П. в восп. совр.*, стр. 301—306). Осенью 1835 г. юная О. (в это время 15-летняя девушка) напомнила Пушкину свою старшую сестру А. И. Беклешову. По-видимому, О. внушила Пушкину стихотворение «Я думал сердце позабыло» (1835 г.) (см.: Труды Публичной библиотеки им. Ленина, вып. III, изд. «Academia», 1934, стр. 42—43). В январе 1837 г. О. вместе с матерью и младшей сестрой Екатериной была в Тригорском и присутствовала при погребении Пушкина (Е. И. Фок. Рассказы о Пушкине, записанные В. П. Острогорским. В кн.: *П. в восп. совр.*, стр. 307). О дальнейших взаимоотношениях О. с семейством Пушкиных см.: *ПиС*, вып. XXI—XXII, стр. 403—410. *Р. И.*

** **Осипова** Прасковья Александровна, урожд. Вындомская (1781—1859), — владелица Тригорского, близкая знакомая Пушкина. В первом браке (с 1799 г.) была замужем за Н. И. Вульфом (ум. в 1813 г.), от которого имела пятерых детей. Вторично вышла замуж за И. С. Осипова, умершего в 1824 г., и имела от него двух дочерей. С Пушкиным она познакомилась в 1817 г., по выходе его из Лицея (*РА*, 1867, стлб. 119—120. См. также стихотворение Пушкина «Простите, верные дубравы», 1817). Это знакомство упрочилось и перешло в тесную дружбу в годы пребывания Пушкина в михайловской ссылке (1824—1826), которую О. сумела скрасить, окружив поэта вниманием, заботой и сочувствием. Будучи хорошо образованной и начитанной, в совершенстве владея французским и немецким языками, живо интересуясь современной русской литературой, О. выделялась серьезностью своих умственных запросов из среды провинциального дворянства, окружавшего Пушкина в годы ссылки. Поэтому дружеские контакты этих лет идут по самым различным линиям, затрагивая семейные отношения, литературные мнения, практические начинания и проекты. О. знала о ссоре Пушкина с отцом в 1824 г., когда поэт, порвав с ним, некоторое время жил в Тригорском, и о его прошении на имя псковского губернатора Адеркаса, которое, по-видимому благодаря ее вмешательству, было остановлено и не дошло до губернатора (*Акад.*, XIII, №№ 109, 110; *РА*, 1872, стлб. 2358—2359); знала она и о предполагаемом побеге Пушкина за границу (см.: *Акад.*, XIII, № 158). О. была в переписке со многими друзьями Пушкина — Дельвигом, Жуковским, Плетневым, Баратынским, Языковым, А. Тургеневым. Пушкин посвятил ей стихотворения: «Подражания Корану», «Быть может, уж не долго мне», «Цветы последние». Пушкин всегда прислушивался к мнениям О. и советовался с нею в своих хозяйственных начинаниях. Так, в 1831 г., намереваясь приобрести небольшой участок земли с домиком вблизи Михайловского (Савкину Горку), Пушкин обсуждал этот проект с О. (см.: *Акад.*, XIV, №№ 622, 635, 644, 661, 675, 683). К помощи и советам О. он прибегнул и в 1834 г., вступив в управление Болдиным. Желая после смерти матери взять в собственность Михайловское, он советуется с О. и об этом. Пушкин, приезжая в Михайловское, широко пользовался библиотекой Тригорского, брал из нее книги и в свою очередь дарил книги О. и членам ее семьи (см.: А. Н. Вульф. Дневники. Изд. «Федерация», М., 1929, стр. 37—38; *ПиС*, вып. I, стр. 11; каталог библиотеки Тригорского см.: там же, стр. 19—52).

В письмах к Пушкину О. не раз благодарит поэта за присланные ей книги и журналы (*Акад.*, XVI, № 1254, 1310). Записи ее в семейных месяцесловах и календарях сохранили многие даты пребывания Пушкина в Псковской губернии, сведения о переписке с поэтом и его родственниками и другие ценные биографические данные (см.: *ПиС*, вып. I, стр. 139—153). О. искренне оплакивала смерть Пушкина (см.: *ПиС*, вып. I, стр. 53—57; О. И. Попова. Неопубликованное письмо П. А. Осиповой к А. И. Тургеневу. *П. Иссл. и мат.*, т. IV, стр. 366—370; письмо Г. А. Строганова к О.: *Арх. опеки*, стр. 299). Из обширной переписки Пушкина с О. сохранились 24 письма Пушкина к ней (и два конверта от несохранившихся писем, а также одно в разд. Dubia) и 16 писем О. к Пушкину. *Р. И.*

Очкин Амплий Николаевич (1791—1865) — чиновник, писатель и переводчик. В 1820-х годах сотрудничал в «Благонамеренном», «Соревнователе просвещения», позднее — в «Северной пчеле», «Библиотеке для чтения» и других изданиях. В 1835—1838 гг. издавал журнал «Детская библиотека...» (с 1837 г. совместно с В. В. Львовым), в который через В. Ф. Одоевского приглашал к сотрудничеству Пушкина. С 1837 г. заведовал редакцией «Санкт-Петербургских ведомостей». В статье о Мильтоне и Шатобриановом переводе «Потерянного рая» Пушкин цитирует «Сен-Марса» А. де Виньи в переводе О. (2-е изд., ч. III, СПб., 1835, стр. 188—191; см.: *Акад.*, XII, стр. 141—143; *Библ. П.*, № 75). *Б. Б.*

Павел I Петрович (1754—1801) — император, вступил на престол в 1796 г., а в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. был убит заговорщиками во главе с гр. П. А. Паленом. Пушкин изобразил смерть П. в оде «Вольность» (1817). В «Заметках по русской истории XVIII века» он сравнивал П. с сумасшедшим тираном Калигулой (*Акад.*, XI, стр. 17). Позже с настойчивостью историка Пушкин собирал рассказы участников заговора 11 марта (см. его записи в дневнике 8 марта, 17 марта, 21 мая, 9 августа 1834 г. и в «Table-talk»: *Акад.*, XII, стр. 161, 177, 321, 322, 329—331). Эти записи он, по-видимому, предполагал использовать для задуманной им «Истории моего времени» (см.: И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 4-е. Изд. «Сов. писатель», М., 1964, стр. 401—413). Кроме того, Пушкин собирался писать драму о П. См. перечень его драматических замыслов, составленный в 1826—1828 гг. (*Рукою П.*, стр. 276; *Акад.*, т. VII <Первое издание> АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 376). *Я. Л.*

Павлищев Лев Николаевич («Лёля») (1834—1915) — сын О. С. и Н. И. Павлищевых. Учился в Училище правоведения и на юридическом факультете Петербургского университета; служил в Департаменте уделов, с 1865 по 1871 г. находился на службе в Варшаве редактором русской официозной газеты «Варшавский дневник»; в 1876—1896 гг. чиновник Главного интендантского управления. Автор нескольких статей и заметок о Пушкине в разных изданиях. Обширную семейную переписку своих родителей между собою и с семьей Пушкиных (С. Л. и Н. О. Пушкиными) П. включил отрывками в свои мемуары и в «Семейную хронику», вышедшую отдельной книгой (Л. Павлищев. Воспоминания об А. С. Пушкине. Из семейной хроники. М., 1890), причем напечатал тексты с большими искажениями, комбинируя и даже подделывая целые письма, как это выяснилось при издании подлинных текстов (*ПиС*, вып. XII, XIV, XV, XVII—XVIII, XXIII—XXIV; см. также публикацию: В. Враская. Пушкин в переписке родственников. *ЛН*, т. 16—18, стр. 771—773). *О. П.*

** **Павлищев** Николай Иванович (1801—1879) — муж сестры Пушкина Ольги Сергеевны, во втором браке был женат на С. В. Демарской. В 1819 г. кончил Лицейский Благородный пансион в Царском Селе, где обучался вместе с Л. С. Пушкиным, М. И. Глинкой, П. В. Нащокиным, С. А. Соболевским. Служил в Департаменте народного просвещения, затем был на военной службе, в 1825 г. вышел в отставку. В Петербурге сблизился с кружком Дельвига. В 1829 г. вместе с М. И. Глинкой издал «Лирический альбом на 1829 г.», занимался музыкой, сотрудничал в «Литератур-

ной газете», перевел романы Манцони «Обрученные» (1831; первый русский перевод) и «Патриции», роман Фан дер Фельде «Богемская девичья война», позднее сотрудничал в «Москвитянине» и «Северной пчеле». В 1831 г. поступил на службу в Царство Польское, был управляющим канцелярией генерал-интенданта, помощником секретаря Государственного совета Царства Польского, впоследствии обер-прокурором варшавских департаментов Сената и сенатором, дослужился до чина тайного советника. П. — автор научных трудов: «Польская история», «Исторический атлас России», «Поездка в Червонную Русь» и др. (см.: Л. Павлищев. Воспоминания об А. С. Пушкине. 1890, стр. 41—49, и его же статью об отце в *РБС*). Отношения П. с Пушкиным носили чисто деловой и сдержанно-официальный характер; П. в своих письмах досаждал Пушкину бесконечными домогательствами денежного характера, пытаясь всеми средствами получить от него в то время, когда поэт принял на себя заведование имущественными делами семьи Пушкиных (1834—1836), наследственную часть Михайловского, полагающуюся Ольге Сергеевне, а также домогаясь выплаты приданого, уплаты долгов Льва Сергеевича, сделанных через его, П., посредство, и т. д. При этом П. прибегал к прямому обману, завышая стоимость Михайловского, и к другим неблаговидным действиям, вызывавшим крайнее раздражение Пушкина. Из переписки Пушкина с П. сохранилось 6 писем Пушкина и 12 писем П. (последнее отправлено из Варшавы уже после смерти Пушкина). *О. П.*

* **Павлищева** Ольга Сергеевна, урожд. Пушкина (1797—1868), — сестра поэта. В детстве была дружна с ним, была слушателем его детских стихов и зрителем его театральных постановок. П. посвящено одно из первых лицейских посланий — «К сестре» (1814; *Акад.*, I, стр. 40—43). Разлученный с сестрой в годы южной ссылки, Пушкин вновь встретился с ней по приезде в Михайловское. В октябре 1824 г., во время конфликта, возникшего между Пушкиным и его родителями, которые обвинили поэта в проповеди атеизма брату и сестре, П. приняла сторону поэта и даже выражала желание остаться с ним после отъезда семейства в Петербург (см.: *Акад.*, XIII, №№ 107 и 110; ср.: И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Гослитиздат, М., 1956, стр. 81). О дружеской близости, существовавшей в это время между Пушкиным и П., свидетельствуют его обращенные к ней приписки в письмах к Л. С. Пушкину, приветственные упоминания о ней в письмах к брату и друзьям. В августе 1825 г., после неудавшейся попытки добиться перемены в своей судьбе, именно к сестре поэт обращает письмо, отразившее его горечь и разочарование (см.: *Акад.*, XIII, № 204). Когда П. 26 января 1828 г. тайком от отца обвенчалась с Н. И. Павлищевым (*см.*), Пушкин по поручению матери встречал и благословлял новобрачных на их временной квартире (см.. А. П. Керн. Воспоминания. Изд. «Academia», Л., 1929, стр. 331). В 1830-х годах отношения Пушкина с сестрой были осложнены беззастенчивыми имущественными претензиями ее мужа, под влиянием которого находилась и она. Тем не менее письма П. 1830-х годов к родителям и к мужу — важный источник для биографии поэта (см.: *ПиС*, вып. XII, стр. 75—120; вып. XIV, стр. 13—28; вып. XV, стр. 43—136; вып. XVII—XVIII, стр. 156—204; вып. XXIII—XXIV, стр. 200—222). Подлинники их находятся в *ИРЛИ* (ф. 244, оп. 20, №№ 83, 94, 95), но до сих пор не напечатаны полностью. Позднее по просьбе П. В. Анненкова ею были составлены «Воспоминания о детстве А. С. Пушкина (со слов сестры его О. С. Павлищевой), написанные в С. П.бурге 26 октября 1851» (*Лет. ГЛМ*, стр. 451—464; ср.: Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 305—317). См. также о П.: Н. Лернер. Сестра Пушкина. *Венг.*, т. I, стр. 81—87. Регулярной переписки между Пушкиным и П. не было. Сохранилось 5 писем Пушкина к П. (из них 4 приписки в письмах к брату и родителям) и одно ее письмо к поэту — приписка в письме к нему П. А. Вяземского. Переписка, однако, сохранилась далеко не полностью (см.: *Летопись*, стр. 23, 26, 329, 586, 637, 713, 719; ср.: *Рукою П.*, стр. 155). ***Н. П.***

Павлов Николай Матвеевич — бывший чиновник 8-го класса Артиллерийского департамента Военного министерства, брат соблазненной Апрелевым (*см.*) девушки; в день свадьбы Апрелева с Надеждою Кобылиной (26 апреля 1836 г.) П., смертельно ранивший Апрелева, был (в двадцать четыре часа) судим военным судом, лишен прав состояния и отправлен на Кавказ солдатом с правом выслуги (см.: *Никитенко*, т. I, стр. 183—184; *СПч.*, 1836, № 124, 3 июня; *РА*, 1889, кн. I, стр. 519; 1906, кн. III, стр. 433—434). *Р. И.*

Панин Петр Иванович, граф (1721—1789) — военный и государственный деятель, генерал-аншеф. Был участником войн с Турцией и Швецией в 1730—1740-х годах. В семилетнюю войну (1756—1763) проявил себя талантливым военачальником. Деятельно участвовал в работе Сената и Комиссии по составлению Нового уложения. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. командовал Второй армией, взявшей Бендеры. В 1770 г. впал в немилость у Екатерины II. В 1774 г. возглавил на последнем этапе подавление пугачевского восстания. Интерес Пушкина к П. связан с работой его над «Историей Пугачева». Письма П. были в числе первых документальных источников «Истории» (см.: *Акад.*, XV, № 816; ср.: *Акад.*, IX, стр. 174, 195, 202—203). В рукописных материалах Пушкина для «Истории Пугачева» сохранился ряд сведений о П. (*Акад.*, IX, стр. 493, 498, 500, 719—721, 772, 782, 784). Д. Н. Бантыш-Каменский (*см.*) при письме к Пушкину от 7 мая 1834 г. (см.: *Акад.*, XV, № 933) сообщил ему текст составленной им биографии П., которая легла в основу биографической справки о нем, приведенной Пушкиным в примечаниях к VIII главе «Истории Пугачева». *Н. П.*

Паскевич Иван Федорович (1782—1856) — один из наиболее видных военных и административных деятелей царствования Николая I. Сын полтавского мещанина, разбогатевшего на поставках соли казне. В 1800 г. — поручик Преображенского полка, флигель-адъютант Павла I. В конце царствования Александра I — генерал-адъютант. Еще в бытность Николая I великим князем пользовался его расположением, и это способствовало его блестящей карьере с самого начала нового царствования. С 1826 г. П. на Кавказе, где в 1827 г. сменил отставленного А. П. Ермолова на посту командира Кавказского корпуса. Командовал войсками во время персидской кампании (1827—1828), за что получил титул графа Эриванского. В 1828—1829 гг. руководил действиями против турок в Азии и был произведен в генерал-фельдмаршалы. В 1831 г. за подавление польского восстания пожалован титулом светлейшего князя Варшавского с назначением наместником Царства Польского. При ограниченных военных способностях П. отличался честолюбием, умением выдвигаться за счет своих подчиненных, которым платил неблагодарностью (см.: А. П. Щербатов. Генерал-фельдмаршал кн. Паскевич. Его жизнь и деятельность. СПб., 1888—1904, тт. I—VII; *РБС*). Личное общение Пушкина с П. относится ко времени его поездки на театр военных действий против Турции в июне—июле 1829 г. Получив разрешение П., Пушкин 14 июня прибыл в расположение русских войск, где был представлен П. Проделав с армией путь до Арзрума, Пушкин 19 июля простился с П. и выехал в обратный путь. Общение поднадзорного поэта с сосланными на Кавказ по делу декабристов вызвало недовольство П., а настояния П., чтобы Пушкин находился при нем неотлучно, тяготили поэта (см. свидетельства Н. Б. Потокского: *РС*, 1880, кн. 7, стр. 583; М. И. Пущина в кн.: И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Гослитиздат, М., 1956, стр. 365). Вопреки вероятным расчетам П., Пушкин не воспел его побед в Турции, за что поэта упрекала официозная печать (см.: *СПч.*, 1830, № 35, 22 марта; ср.: *Акад.*, V, стр. 371, 410). На эти упреки, повторенные французским писателем-дипломатом В. Фонтанье, Пушкин возразил в предисловии к «Путешествию в Арзрум», защищая свою поэтическую независимость (см.: *Акад.*, VIII, стр. 443—444). Характеристика военной тактики П. в этом предисловии и приведенный в I главе отзыв А. П. Ермолова о П., напечатанный лишь в 1861 г. в «Полярной звезде»

Герцена и Огарева, дают основание предполагать, что Пушкин разделял критическое отношение прогрессивных кругов к деятельности П. Тем не менее в 1831 г. в «Бородинской годовщине» Пушкин посвятил П. две строфы, вызвавшие благодарственный отзыв П. в письме к В. А. Жуковскому (*РА*, 1875, № 3, стр. 460). В бумагах Пушкина сохранилась копия с донесений П. Николаю I от 16—28 июня 1829 г., использованная им в работе над «Путешествием в Арзрум» (см.: *Лет. ГЛМ*, стр. 197—217). После смерти Пушкина П. писал о нем Николаю I: «Жаль Пушкина как литератора: в то время, когда его талант созревал, но человек он был дурной» (см.: *Изв. ОРЯС*, 1896, т. I, кн. 1, стр. 106—107). См. о П.: *Путеводитель*, стр. 271—272; Ю. Тынянов. О «Путешествии в Арзрум». *П. Врем.*, т. 2, стр. 64—69; В. Шадури. Декабристская литература и грузинская общественность. Изд. «Заря Востока», Тбилиси, 1958, стр. 389—406. *Н. П.*

Пелагея Ивановна — экономка или нянька Пушкиных.

** **Пеньковский** Иосиф (Осип) Матвеевич (год рождения неизвестен; умер в Саранске в 1885 или 1886 г.) — белорусский дворянин, управляющий имениями Пушкиных Болдино и Кистенево с октября 1833 г. (*П. и мужики*, стр. 230—232). Имеющиеся отзывы благоприятно характеризуют П., однако Пушкин вначале относился к нему недоверчиво. «Управители меня морочили», — записал он в дневнике 28 ноября 1834 г. (*Акад.*, XII, стр. 322), приравнивая П. к его предшественнику, М. И. Калашникову, обкрадывавшему владельцев и грабившему крестьян. Затем, как видно из писем его к П., Пушкин изменил свое отношение к управителю, так как последний полностью оправдал его доверие. П. управлял имениями Пушкиных до 50-х годов (*П. и мужики*, стр. 202—205). Известны 4 письма Пушкина к П., а также доверенность, выданная им П. (все в наст. изд.); кроме того, сохранилось «Положение о довольствии», выданное Пушкиным П. 30 октября 1834 г. (*Рукою П.*, стр. 769—770) и 13 писем П. к Пушкину. О П. см.: *П. и мужики*, стр. 109—116 и 189—211; *ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 163, 165, 179, 184, 190, 202; вып. XXIII—XXIV, стр. 205, 210—211; *Рукою П.*, стр. 772—773; *Лет. ГЛМ*, стр. 119—192. *О. П.*

Перовский Алексей Алексеевич (псевд. Антоний Погорельский, 1787—1836) — писатель, близкий к кругу старших арзамасцев, историк, филолог и естествоиспытатель, один из основателей Общества любителей российской словесности, автор повестей, объединенных в сборник «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» (1828), и пользовавшегося большим успехом романа «Монастырка» (ч. I, 1830; ч. II, 1833). Пушкин познакомился с П. в период 1816—1820 гг. (см.: В. Вацуро. Неизвестная статья А. А. Перовского о «Руслане и Людмиле». *Врем. ПК, 1963*, М.—Л., 1963, стр. 50—51). В 1820 г. П. выступил в защиту «Руслана и Людмилы» против А. Ф. Воейкова. Его антикритика была по достоинству оценена Пушкиным (см.: *Акад.*, XIII, № 18). Литературный дебют П. — рассказ «Лафертовская маковница» — был с восторгом встречен Пушкиным (*Акад.*, XIII, № 152). Весной 1828 г. Пушкин читал у П. «Бориса Годунова» (см.: *Вяземский*, т. I, стр. 184). В 1830—1831 гг. П. сотрудничал в «Литературной газете». Пушкин относился к П. дружески и, приезжая в Москву, бывал у него (см.: Н. П. Чулков. Пушкин-москвич. В кн.: Пушкин в Москве. М., 1930, стр. 85, 86, 90). Об этом свидетельствует и единственное дошедшее до нас письмо П. к Пушкину (январь—первая половина февраля 1833 г.: *Акад.*, XV, № 792). О П. см.: *ОА*, т. I, стр. 470—471, 522; А. И. Кирпичников. Очерки по истории новой русской литературы. СПб., 1896, стр. 76—120. *Я. Л.*

** **Перовский** Василий Алексеевич (1795—1857) — военный и административный деятель николаевского царствования. Окончил курс в Московском университете, затем в Муравьевском училище колонновожатых. Участник Бородинского сражения, попал в плен при занятии французами Москвы, освобожден был лишь по окончании войны. В 1818 г. назначен адъютантом к вел. кн. Николаю Павловичу. В день 14 декабря 1825 г. неотлучно находился при Николае I. 15 апреля 1833 г. П. назначен орен-

бургским военным губернатором и командующим Отдельным Оренбургским корпусом (занимал этот пост до 1842 г.). В декабре 1833 г. получил чин генерал-лейтенанта (см. запись в дневнике Пушкина: *Акад.*, XII, стр. 317). Позднее П. — граф (с 1855 г.), генерал-от-кавалерии, генерал-адъютант, член Государственного совета. По своему родству с А. А. Перовским и тесной дружбе с В. А. Жуковским П. был близок к литературным кругам. Его письма из-за границы к В. А. Жуковскому (см.: «Северные цветы на 1825 год»; *РС*, 1903, № 7, стр. 124—129) свидетельствуют о литературной одаренности. Современники характеризуют П. как «европейски образованного», «необыкновенных дарований» человека (см.: *Дн. Модз.*, стр. 64—65). Пушкин был с П. в приятельских отношениях и на «ты». Знакомство их произошло, вероятно, по выходе Пушкина из Лицея, — возможно, через Жуковского (см.: *РА*, 1878, № 1, стр. 373; ср.: *Летопись*, стр. 128, 739). В годы михайловской ссылки П. уже хорошо известен Пушкину (см.: *Акад.*, XIII, №№ 139, 206). О встречах Пушкина с П. в Петербурге в конце 1829— начале 1830 г. свидетельствует запись в дневнике К. С. Сербиновича от 16 января 1830 г. (*ЛН*, т. 58, стр. 258), а также составленный Пушкиным список лиц, которым он рассылал свои визитные карточки к новому 1830 г. (*Рукою П.*, стр. 322, 326). Во время пребывания Пушкина в Оренбурге 18—20 сентября 1833 г. он останавливался в доме П. (см.: *РА*, 1833, № 1, стр. 78). Существовала версия о том, что при отъезде Пушкина из Оренбурга П. «отдал ему из своей канцелярии все дела о Пугачеве, и Пушкин их увез с собой» (П. Юдин. Памяти А. С. Пушкина. Некоторые подробности о его пребывании в Оренбурге. *РА*, 1899, № 5, стр. 138). Соображения о том, какие материалы могли быть извлечены Пушкиным из оренбургского архива, содержатся в статье Н. В. Измайлова «Об архивных материалах Пушкина для „Истории Пугачева“» (*П. Иссл. и мат.*, т. III, стр. 438—454). Однако последними исследованиями убедительно доказано, что обращение Пушкина к оренбургским архивам если и имело место, то ограничилось лишь беглым их просмотром (см.: Р. В. Овчинников. К вопросу о работе А. С. Пушкина в русских провинциальных архивах. «Сов. архивы», 1967, № 4, стр. 63—69). С пребыванием Пушкина в доме П. мемуаристы связывают происхождение темы гоголевского «Ревизора» (см.: *РА*, 1865, стлб. 1212—1213; *Соллогуб*, стр. 516. Перечень литературы о судьбе этого сюжета у Пушкина и о сообщении его Гоголю см.: *Письма*, т. III, стр. 620—621). Иронический ответ П. на полученное им после отъезда Пушкина из Оренбурга предписание установить за поэтом полицейский надзор см.: *РС*, 1883, № 1, стр. 78. Зиму 1836—1837 гг. П. провел в Петербурге. Он знал от В. Ф. Вяземской о готовящейся дуэли (см. записанные П. И. Бартеневым «Рассказы П. А. и В. Ф. Вяземских о Пушкине»: *РА*, 1888, № 7, стр. 310). Известно одно письмо Пушкина к П., другие, если и существовали, были уничтожены П. вместе с остальными его бумагами (см.: *ВЕ*, 1901, кн. 4, стр. 537). Письма П. к Пушкину неизвестны. *Н. П.*

Перфильев Степан Васильевич (1796—1878) — генерал, участник войны 1812 г.; с 1827 г. служил в корпусе жандармов. В 1828—1830 гг. находился в Москве, участвовал в работе комиссии по принятию предварительных мер против холеры; с 1831 г. рязанский гражданский губернатор; 20 января 1836 г. снова вступил в корпус жандармов и служил в Москве. Впоследствии был начальником 2-го округа жандармов и генералом-от-кавалерии. *В. В.*

Перцов Эраст Петрович (1804—1873) — литератор и публицист. Окончил Московский университетский благородный пансион (1823). Жил и служил в Петербурге, исключая 1830-е годы, проведенные в Казани (см. статью Б. Л. Модзалевского в *РБС*). Вольномыслие П. уже в 1834 г. послужило поводом для доноса в III отделение, который был оставлен без последствий лишь благодаря положительному отзыву гр. П. И. Апраксина (*см.*) В 1861 г. П., корреспондировавший Герцену в «Колокол», был арестован, но дело ограничилось кратковременной ссылкой в Новгород (см.: Н. Калинин. Пушкин в Казани. Казань, 1942, стр. 34; А. Санин. Записки современника

о 1861 г. *КА*, 1926, т. 3, стр. 118—164). В 1824 г. П. опубликовал несколько переводов в «Сибирском вестнике» (ч. II, стр. 76, 82, 126), а к концу 1820-х годов приобрел известность своими «шаловливыми» стихами, в которых Вяземский находил «много перца, соли и веселости». К этому времени относится, по-видимому, и знакомство с П. Пушкина, который в середине 1830 г. знал «наизусть» стихи П. (см.: П. А. Вяземский. Записные книжки. Изд. АН СССР, М., 1963, стр. 170 (запись от 15 июня 1830 г.); Е. А. Баратынский. Письмо к И. В. Киреевскому от 18 января 1832 г. В кн.: Татевский сборник С. А. Рачинского. СПб., 1899, стр. 32). В 1831 г. вышла в свет комедия П. «Искусство брать взятки», а в 1833 г. — «Андрей Бичев, или Смешны мне люди» (см.: *Библ. П.*, № 283). По свидетельству Н. И. Тарасенко-Отрешкова, в 1832 г. Пушкин через П. вел с ним переговоры об участии в издании газеты «Дневник» (*ИВ*, 1886, кн. 2, стр. 388—389); вопреки сообщению мемуариста, эти переговоры происходили, вероятно, не в начале 1832 г., когда П. находился в Казани, а не ранее марта—апреля, когда он был в Москве (см.: Татевский сборник, стр. 42) и затем в Петербурге. В 1830-х годах П. печатает стихи в казанском журнале «Заволжский муравей» и в «Библиотеке для чтения», сотрудничает в «Северной пчеле». Постоянный член кружка А. А. Фукс (*см.*), П. был «одним из двигателей казанской общественной жизни» (А. С. Архангельский. А. С. Пушкин в Казани. Казань, 1899, стр. 12). Познакомившийся с ним в эти годы Е. А. Баратынский писал, что П. «человек очень умный и очень образованный, с решительным талантом» (Татевский сборник, стр. 32). У казанцев существовало предание, что во время пребывания в Казани в сентябре 1833 г. Пушкин останавливался в доме П., но оно недостоверно (см.: Н. П. Загоскин. А. С. Пушкин в Казани. *ИВ*, 1899, кн. 5, стр. 594; ср.: А. С. Бобров. А. С. Пушкин в Казани. *ПиС*, вып. III, стр. 31, 34—35). 7 сентября Пушкин обедал у П. и играл с ним в шахматы (П. П. Перцов. Что я слышал о Пушкине. «30 дней», 1937, № 2, стр. 79—80), вечером того же дня они были у К. Ф. Фукса (см.: А. А. Фукс. А. С. Пушкин в Казани. *РС*, 1899, № 5, стр. 259, 260). В 1834 г. Пушкин и П. встречались в Петербурге (см. наст. изд., письмо 75). В 1844 г., когда Г. Г. Гагарин предложил опеке безвозмездно использовать подготовлявшиеся им иллюстрации, П. подал две сметы на издание сочинений Пушкина, оговорив, что вознаграждения за свои труды он «не полагает» (*Архив опеки*, стр. 256—261). В архиве И. В. Киреевского сохранилось стихотворение П. «Пушкину» («Счастлив любимец наслажденья», см.: *ЛН*, т. 16—18, стр. 1041). *Н. П.*

Петр I (1672—1725) — русский царь. С 1831 г. Пушкин занимается историей П. в качестве государственного историографа. Трактовка П. Пушкиным расходилась с официально принятой: Пушкин рассматривал деятельность П. как «революцию», приведшую к перераспределению социальных сил (падение могущества землевладельческой знати и духовенства, создание «новой аристократии» и т. д.); общественная структура современной Пушкину России, с его точки зрения, в значительной мере была последствием реформ П. Хронологию занятий Пушкина историей П. и свод литературы см.: *Письма*, т. III, стр. 359—363; *П. Итоги и проблемы*, стр. 510—511. *В. В.*

Пещуров Алексей Никитич (1779—1849) — опочецкий, Псковской губ., помещик, хороший знакомый П. А. Осиповой-Вульф, дядя товарища Пушкина по Лицею кн. А. М. Горчакова; присутствовал на выпускном экзамене I курса в Лицее. В 1822—1829 гг. опочецкий уездный, в 1827—1829 гг. псковский губернский предводитель дворянства, затем витебский (1829—1830) и псковский (1830—1839) гражданский губернатор, с 1839 г. сенатор. Во время ссылки Пушкина в Михайловское П. было поручено, как уездному предводителю дворянства, наблюдение за поэтом, которое он сначала возложил на С. Л. Пушкина, а затем, после ссоры Пушкина с отцом и отъезда последнего в Петербург, взял на себя, но, по-видимому, осуществлял формально. В 1825 г. Пушкин бывал у П. в его имении Лямоново,

в 69 верстах от Михайловского (*Акад.*, XIII, №№ 201, 206), был там и во время приезда к П. в 1825 г. А. М. Горчакова (*Акад.*, XIII, №№ 214, 218; Я. К. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887, стр. 296; *Летопись*, стр. 632). Будучи псковским губернатором, П. давал распоряжения по погребению тела Пушкина (*ПиС*, вып. VI, стр. 109—116; вып. VIII, стр. 74—75; *РС*, 1907, кн. II, стр. 453—457). О П. см.: *Письма*, т. I, стр. 356—357, 487—488; *Летопись*, по указ.; И. И. Соколов. Воспоминания. *ИВ*, 1900, № 8, стр. 383—385; Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 152—153. *О. П.*

** **Плетнев** Петр Александрович (1792—1865) — поэт и критик, профессор и ректор Петербургского университета, один из ближайших друзей Пушкина. Знакомство их произошло у родителей Пушкина, по-видимому между 25 и 31 декабря 1816 г. (*Летопись*, стр. 107, 736; см. также: *Письма*, т. I, стр. 258—259), сближение их относится к периоду между Лицеем и ссылкой Пушкина (см.: В. Н. Жизнь и литературная деятельность П. А. Плетнева. *РС*, 1908, № 6, стр. 648—655). П. не раз принимал на себя хлопоты по изданию произведений Пушкина, а 7 сентября 1828 г. получил от него формальную доверенность на ведение всех издательских дел (*РА*, 1912, № 6, стр. 311; Я. Л. Левкович. К истории статьи Пушкина «Альманашник». *П. Иссл. и мат.*, т. I, стр. 273). При участии П. были изданы отдельные главы «Евгения Онегина» (кроме II), «Стихотворения А. Пушкина» (1826), «Полтава», «Стихотворения» (части I и II, 1829), «Борис Годунов», «Повести Белкина» и др. Отдельные издания II и V глав «Евгения Онегина», а также его второе полное издание (1837) Пушкин посвятил П. и к нему же хотел писать в 1833 и 1835 гг. стихотворные объяснения по поводу его советов продолжать роман (*Акад.*, III, стр. 326 и 395). Связи П. с Пушкиным навлекли на него подозрение в неблагонадежности и послужили основанием для секретного следствия «О связи учителя Плетнева с литератором Пушкиным» (1826; см.: *Письма*, т. II, стр. 150—151), впрочем оставшегося без последствий. П. ближайшим образом участвовал в издании «Северных цветов» и «Литературной газеты», с издателем которых А. А. Дельвигом его связывала тесная дружба (см.: *Письма*, т. III, стр. 206 и сл., — о попытке Пушкина побудить П. к написанию биографии Дельвига); существует экземпляр «Северных цветов на 1832 год» с дарственной надписью Пушкина П. «в память Дельвига» от 15 февраля 1832 г. (см.: О. Грудцова. Один из автографов. «Пионер», 1962, № 6, стр. 75). П. неоднократно выступал с критическими статьями и отзывами о Пушкине. В 1835—1836 гг. он был одним из ближайших помощников Пушкина в его журнальных начинаниях и в работе над «Современником». В последние годы жизни Пушкин — частый посетитель квартиры П. и его дачи в Лесном (см.: *Рассказы о П.*, стр. 31; В. И. Шенрок. Материалы для биографии Гоголя, т. I. М., 1892, стр. 362; см. также: «Русское обозрение», 1896, т. XXXIX, май, стр. 382; И. С. Тургенев. Литературный вечер у Плетнева. В кн.: И. С. Тургенев, Сочинения, т. XIV, Изд. АН СССР, 1967, стр. 11—21; *Никитенко*, т. I, стр. 193; *ПиС*, вып. XIII, стр. 31). П. присутствовал при кончине Пушкина и позднее критиковал рассказ о ней Жуковского за неточность (см.: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III, СПб., 1896, стр. 159; см. также: *ИВ*, 1887, № 7, стр. 21). После смерти Пушкина П. с 1838 г. стал редактором-издателем «Современника», где выступал с биографическими и некрологическими статьями о Пушкине (*Совр.*, 1838, т. IX, стр. 48—56, 57—63; т. X, стр. 21—52). Его восторженное отношение к творчеству и личности Пушкина отразилось в целом ряде характеристик и мемуарных зарисовок, главным образом в его переписке (см.: П. А. Плетнев, Сочинения и переписка, т. III, Пб., 1885, стр. 242—243, 743; Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, тт. I—III, СПб., 1896, по указ.; см. также: В. Каминский. П. А. Плетнев и его отношения к Жуковскому и Пушкину. *РС*, 1904, № 9, стр. 616—627). Свою основную задачу П. видел в охранении и культивировании «пушкинских начал» в литературе, которые он понимал чрезвычайно узко и кон-

серватйвно (см. его письмо Гоголю 27 октября 1844 г.: *РВ*, 1890, № 11, стр. 35; Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. I, стр. 495—496). В руках П. оставалось несколько рукописей Пушкина, которые он начал публиковать в «Современнике» (1838), вызвав тем недовольство опекунов семьи Пушкина (см.: *Арх. опеки*, стр. 177, 188—189, 221—224; *ЛН*, т. 58, стр. 151—152). Сохранилось 30 писем Пушкина к П. и 23 письма П. к Пушкину. По-видимому, переписка дошла до нас не полностью (см.: Я. Грот. Заметка о переписке Пушкина с Плетневым. В кн.: Я. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1887, стр. 172—173). *В. В.*

Плетнева Ольга Петровна (1830—1853) — дочь П. А. Плетнева, после смерти матери (в 1839 г.) воспитывалась у детской писательницы А. О. Ишимовой, в 1851 г. вышла замуж за Александра Борисовича Лакиера.

Плещеев Александр Павлович (1793—1867) — дворянин Пензенской губ., окончил 2-й кадетский корпус, с 1818 по 1827 г. служил в Петербурге, в 1835 г. был назначен командиром 5-й артиллерийской бригады, через 4 года произведен в генерал-майоры, уволен от службы в 1847 г. (Полный список шефов, бригадных, дивизионных и батарейных командиров и офицеров лейб-гвардии 2-й артилл. бригады. СПб., 1898, стр. 52). Время знакомства П. с Пушкиным не установлено, но, судя по письмам П. к Пушкину 1835 и 1836 гг., их связывали довольно близкие приятельские отношения (обращение на «ты» и весь тон писем, см.: *Акад.*, XVI, №№ 1070 и 1257). По-видимому, П. издавна был связан и с Л. С. Пушкиным (см.: *Акад.*, XIII, № 146; *Письма*, т. I, стр. 121 и 413). О П. см. также записки гр. М. Д. Бутурлина (*РА*, 1897, кн. II, стр. 386). Известно 2 письма П. к Пушкину, на которые последний, по-видимому, не отвечал. *О. П.*

** **Плюшар** Адольф Александрович (1806—1865) — известный петербургский издатель и книгопродавец, владелец типографии, в которой напечатаны «Повести покойного Ив. Петр. Белкина, изданные А. П.» (СПб., 1831). В 1835—1841 гг. П. издавал известный под его именем «Энциклопедический лексикон», явившийся одной из первых русских энциклопедий; вышло 17 томов из намеченных 24. Известно отрицательное отношение Пушкина к «Лексикону», что объяснялось предполагавшимся сотрудничеством в нем Греча, Сенковского и Булгарина при руководящей роли Н. И. Греча, но самая идея издания заинтересовала Пушкина, и он ее одобрял. Отказавшись сотрудничать в словаре, Пушкин позднее изменил свое отношение к нему, став подписчиком словаря (см.: *Библ. П.*, № 439). В конце 1836 г. Пушкин заключил с П. условие об издании сборника своих стихотворений; издание не состоялось вследствие смерти Пушкина. О П. см.: *РБС*; Вл. Андерсон. Семейство Плюшар — типографы. *Р. библ.*, 1911, кн. I, стр. 38—39; Р. Б. Заборова. Автограф письма Пушкина к Плюшару. *П. Иссл. и мат.*, т. II, стр. 224—228. Известно одно письмо Пушкина к П. и одно письмо П. к Пушкину. *О. П.*

** **Погодин** Михаил Петрович (1800—1875) — историк, прозаик, драматург, журналист, в 1820-х годах активный член кружка «любомудров» и издатель «Московского вестника». С ранних лет следил за творчеством Пушкина; в 1823 г. напечатал сочувственный критический разбор «Кавказского пленника» (*ВЕ*, 1823, № 1, стр. 35—57); в 1826 г. через Вяземского просил Пушкина участвовать в издаваемом им альманахе «Урания», где Пушкин напечатал несколько стихотворений. Познакомился с Пушкиным лично 11 сентября 1826 г. В 1827—1830 гг., в период издания «Московского вестника», общение Пушкина и П. наиболее тесно; их связывают как литературные, так и деловые отношения (М. Цявловский. Пушкин по документам Погодинского архива. *ПиС*, вып. XIX—XX, стр. 63—94; вып. XXIII—XXIV, стр. 101—122; М. П. Погодин. 1) Из воспоминаний о Пушкине. *РА*, 1865, стлб. 95—108; 1870, стлб. 1947; 2) Воспоминания о С. П. Шевыреве. *ЖМНП*, 1869, № 2, стр. 401—408; *РС*, 1904, № 3, стр. 705; Пушкин по документам архива М. П. Погодина: *ЛН*, т. 16—18, стр. 679—724; «Утро», М., 1868, стр. 435—436). Пушкин ценил повести П. «Невеста

на ярмарке» и «Черная немочь», а также его критический обзор «Взгляд на кабинеты журналов и политические их отношения между собою» («Московский вестник», 1830, №№ 8—10, 14—24) и статью «Исторические размышления об отношениях Польши к России» в «Телескопе» (1831, № 7: М. П. Погодин. Петр I. СПб., 1873, стр. 161; С. И. Пономарев. М. А. Максимович. СПб., 1872, стр. 13—14). Особый интерес у Пушкина вызвала драма П. «Марфа Посадница», как опыт создания народной драмы, о чем Пушкин готовил специальную статью (*Акад.*, XI, стр. 177—183; Б. С. Мейлах. Художественное мышление Пушкина как творческий процесс. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 124—132; см. также: *РЛ*, 1963, № 1, стр. 244—247; «Вопросы литературы», 1963, № 7, стр. 192—194). В 1831 г. Пушкин хлопочет об издании трагедии П. «Петр I», не пропускаемой III отделением (*Письма*, т. III, стр. 322—323). Ценя П. как журналиста, Пушкин в 1832 г. собирался привлечь его к сотрудничеству в замышляемой им политической газете (*РА*, 1897, № 4, стр. 657); однако к 1830-м годам все больше обнаруживается скрытый антагонизм исторических и литературных позиций Пушкина и П.; П. скептически относится к историческим занятиям Пушкина, к его полемическим выступлениям, резко недоброжелательно встречает «Литературную газету» (*РА*, 1882, № 5, стр. 124—125; № 6, стр. 130, 178); в свою очередь Пушкин не разделяет увлечения П. немецкой романтической философией, его фаталистических исторических концепций (И. М. Тойбин. Пушкин и Погодин. Уч. зап. Курск. пед. инст., вып. V. (Гуманитарный цикл), Курск, 1956, стр. 70—122), его оценки исторических работ Карамзина; вступает с ним в полемику по ряду более частных вопросов: об истории Годунова (*Акад.*, XII, стр. 243—256; Б. Модзалевский. Замечания Пушкина на статью Погодина о Борисе Годунове. *ПиС*, вып. XIII, стр. 147—162), о журнальной тактике и критике (*Акад.*, XI, стр. 123—124). Во второй половине 1830-х годов общение Пушкина и П. случайно. После гибели Пушкина П. стремится «заклеймить» Дантеса (см.: *П. Врем.*, т. 3, стр. 397—398; см. также письмо его Шафарику 21 февраля 1837 г.: «Центральная Европа», № 2 (март—апрель), Прага, 1937, стр. 101); заботится о собирании и сохранении оставшихся после Пушкина произведений (М. А. Цявловский. Погодин о «посмертных» произведениях Пушкина. *Звенья*, т. VI, стр. 152—155). В 1850—1860-х годах П. намеревался последовательно изложить свои воспоминания о Пушкине, но ограничился лишь отдельными отрывочными заметками, дающими, однако, ряд существенных деталей к биографии Пушкина («Москвитянин», 1855, № 4, кн. 2, стр. 146; М. П. Погодин. Простая речь о мудреных вещах. Изд. 3-е. М., 1875, отд. II, стр. 17—25; Л. Б. Модзалевский. Неизвестные рассказы о детстве Пушкина. «Юный пролетарий», 1936, № 19—20, стр. 8; М. А. Цявловский. Замечания М. П. Погодина на «Материалы для биографии Пушкина» П. В. Анненкова. *ЛН*, т. 58, стр. 348—356). См. также: *Барсуков* (по указ.); *П. Итоги и проблемы*, стр. 213—217. Известно 33 письма Пушкина к П. и 10 — П. к Пушкину. *В. В.*

Покатилов Василий Осипович (у Пушкина — Покотилов; умер 23 декабря 1838 г.) — окончил 2-й кадетский корпус (1805), затем до 1830 г. служил в артиллерийских частях. В 1830 г. П. заместил умершего атамана Уральского казачьего войска Д. М. Бородина, а 9 декабря 1833 г. был по представлению В. А. Перовского утвержден Наказным атаманом. См. о П.: Б. Л. Модзалевский. Новинки пушкинского текста по рукописям Пушкинского дома. В кн.: Сборник Пушкинского дома на 1923 г. ГИЗ, Пгр., 1922, стр. 21—27. Пушкин познакомился с П. в 1833 г. во время своего пребывания в Уральске (21—23 сентября). «Тамошний атаман и казаки приняли меня славно, — писал Пушкин жене, — дали мне два обеда, подпили за мое здоровье, на перерыв давали мне все известия, в которых имел нужду» (*Акад.*, XV, № 849). В благодарность за оказанные ему гостеприимство и помощь Пушкин переслал П. через В. А. Перовского экземпляр «Истории Пугачевского бунта». (Экземпляр этот теперь неизвестен). *Н. П.*

** **Полевой** Ксенофонт Алексеевич (1801—1867) — критик и журналист, брат издателя «Московского телеграфа»; в 1831—1834 гг. фактический руководитель журнала и активный участник борьбы с «литературной аристократией», главой которой считал Пушкина. Статьи П., в большинстве случаев анонимные, часто приписывались его брату Н. А. Полевому (В. Г. Березина. Н. А. Полевой в «Московском телеграфе». Уч. зап. ЛГУ, 1954, № 173, вып. 20, стр. 86—142). П. познакомился с Пушкиным в 1826 г. у своего брата, к которому привез Пушкина Соболевский (*Полевой*, стр. 227, 228). Несмотря на взаимное недоброжелательство, П. и Пушкин в 1826—1827 гг. встречались еще несколько раз на литературных вечерах у Н. А. Полевого; П. посещал Пушкина и в Петербурге (*Полевой*, стр. 234—235, 273; *ЛН*, т. 58, стр. 266). П. принадлежит обширная статья «О сочинениях Пушкина» («Московский телеграф», 1829, т. XXVII, № 10; анализ ее см.: М. К. Азадовский. Н. М. Языков. В кн.: Н. М. Языков, Полное собрание стихотворений, изд. «Academia», М.—Л., 1934, стр. 34). В 1834 г. П. выступил как комиссионер по продаже «Истории Пугачева», а затем предлагал свое посредничество в распространении «Современника». После смерти Пушкина П. печатает в «Живописном обозрении» (1837, ч. III, стр. 77—80) биографическую статью о Пушкине с воспоминаниями о встречах с поэтом в 1826 г. (см.: В. Каллаш. Заметки о Пушкине. *РА*, 1901, кн. II, стр. 250—251; комментарий Каллаша неточен). В дальнейшем, в 1850-х годах, П. пишет свои мемуары; преследуя цели журнальной полемики, он в значительной степени искажал картину литературной жизни 1830-х годов, стараясь реабилитировать Н. А. Полевого и с нескрываемым недоброжелательством оценивая деятельность Пушкина (см. также: *СПч.*, 1859, №№ 129, 169). Позиция П. в это время откровенно реакционна. Против нападок П. на Пушкина выступил в «Современнике» Н. А. Некрасов (*ЛН*, т. 49—50, стр. 262—264; *Некрасов*, т. IX, стр. 362—365). Известно одно письмо Пушкина к П. и одно — П. к Пушкину. *В. В.*

* **Полевой** Николай Алексеевич (1796—1846) — журналист, критик, беллетрист, историк, издатель журнала «Московский телеграф» (1825—1834), где вначале выступил как защитник и пропагандист Пушкина. Связи с журналом П. Пушкин устанавливал через Вяземского и Соболевского (*Акад.*, XIII, №№ 111, 118; *ЛН*, т. 16—18, стр. 728—730; т. 58, стр. 64, 66) и через них напечатал там несколько стихотворений. В письме к П. в августе 1825 г. Пушкин характеризовал «Московский телеграф» как «лучший из всех наших журналов» (*Акад.*, XIII, № 195), от систематического сотрудничества, однако, отказался, не желая связывать себя обязательствами. На протяжении 1825 г. определилась и неудовлетворенность Пушкина критическими выступлениями П. — «педанта и невежды» (*Акад.*, XIII, № 214); при личной встрече с П. в 1826 г. Пушкин уже не скрывает своего к нему нерасположения (*Полевой*, стр. 223 и сл.). Окончательный отход Пушкина от «Московского телеграфа» был связан с участием его в «Московском вестнике» (см.: Погодин); в 1828 г. Пушкин просит Языкова «наложить руку на журналистов, особенно на „Телеграф“» (*ЛН*, т. 58, стр. 94). Разрыв его с П. наступил в 1829 г., когда П. выступил с резкой критикой «Истории государства Российского» Карамзина и заключил союз с «Северной пчелой» против так называемой «литературной аристократии», к которой он относил и Пушкина. Однако еще в 1829 г. Пушкин стал на сторону П. в его полемике с Каченовским, напечатав эпиграмму «Журналами обиженный жестоко...» и полемическую статью «Отрывок из литературных летописей» (см. свод литературы об этом: Пушкин, Сочинения, т. IX, кн. 2, Изд. АН СССР, Л., 1929, стр. 111—129). В 1830—1831 гг. П. печатает ряд критических заметок, памфлетов и пародий, направленных против Пушкина, в том числе известный памфлет «Утро в кабинете знатного барина», содержавший обвинение Пушкина в низкопоклонстве перед знатью. Пушкин ответил несколькими полемическими выступлениями, в большинстве случаев оставшимися в рукописи («Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений» и др.); по-видимому, им же (совместно

с Дельвигом) написана крайне резкая заметка «Новые выходки противу так называемой литературной нашей аристократии...», опубликованная затем в «Литературной газете» (1830, № 45, 9 августа; *Акад.*, XI, стр. 282). В полемике 1830—1831 гг. выявилась антагонистичность социальных позиций Пушкина и П., тяготевшего к буржуазному радикализму. В то же время П., даже критикуя Пушкина, продолжает заявлять себя сторонником его поэзии — ср. отклики П. на «Полтаву», «Бориса Годунова», VI главу Онегина» и др.; со своей стороны Пушкин выступает со статьями об «Истории русского народа» П., которые были единственной в литературе тех лет попыткой объективной полемики с исторической концепцией П. (*Акад.*, XI, стр. 119, 125). Однако антагонизм Пушкина и П. не исчез; в 1834 г. Пушкин приветствовал закрытие «Московского телеграфа» — как по идеологическим мотивам, так и по убеждению, что П., подобно Булгарину, «баловень полиции» (*Акад.*, XII, стр. 324; ср. аналогичный отзыв С. А. Хомякова: *Барсуков*, кн. IV, стр. 26—27); очень резкие отзывы Пушкина в 1836—1837 гг. об «Истории русского народа» см.: *Акад.*, XII, стр. 286, и *ПиС*, вып. XIII, стр. 32; о возможной ассоциации П. и Радищева в статье «Александр Радищев» см.: М. И. Сухомлинов. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению, т. 1. СПб., 1889, стр. 649—650; П. Н. Сакулин. Пушкин и Радищев. М.—Пб., 1920, стр. 32—33. О Пушкине и П. периода издания «Московского телеграфа» см.: *Письма*, тт. I—III, по указ.; Пушкин, Сочинения, т. IX, кн. 2, Изд. АН СССР, Л., 1929, по указ.; Н. К. Козмин. Очерки по истории русского романтизма. Н. А. Полевой как выразитель литературных направлений современной ему эпохи. СПб., 1903, по указ.; *Полевой*, по указ., особенно стр. 428, 433—435, 458—460 (со сводом литературы); *Дн. Модз.*, стр. 128—130; Л. А. Хмелецкая. А. С. Пушкин и журнал Н. А. Полевого «Московский телеграф». Уч. зап. Моск. гос. пед. инст. им. Потемкина, т. 94, вып. 8, 1959, стр. 133—160; *П. Итоги и проблемы*, стр. 221—225. После 1834 г. литературные взаимоотношения Пушкина и П. прекращаются; в 1834 г. братья Полевые выступают в качестве комиссионеров по продаже «Истории Пугачевского бунта». В 1835—1836 гг. П. является фактическим издателем «Живописного обозрения», где поместил статью «Памятник Петру Великому в Петербурге», вызвавшую одобрение Николая I; не исключено, что выраженное в этой статье сомнение в возможности современных историков оценить величие Петра было намеком и на исторические занятия Пушкина («Живописное обозрение», 1835, ч. 1, лист 14, стр. 106—107; см. также: «Живописное обозрение», 1837, ч. III, стр. 80; о попытке П. получить доступ в архивы для занятий историей Петра см. письмо ему Бенкендорфа 25 января 1836 г.: *РА*, 1905, № 10, стр. 208—209 (в *РС*, 1897, № 11, стр. 385—386, напечатано как письмо Дубельта); разрешения П. не получил, так как «историографом Петра» был уже назначен Пушкин). Смерть Пушкина произвела тяжелое впечатление на П. (см.: *Стар. и нов.*, кн. IX, стр. 326); в 1837 г. он печатает некрологическую статью о Пушкине, где с романтических позиций пытается осмыслить его роль и значение в современной литературе (*БдЧ*, 1837, т. XXI, отд. I, стр. 181—198); в статьях 1838—1840-х годов он неоднократно возвращается к Пушкину, оценивая его как выдающееся явление русской литературы и культуры (см.: *Письма*, т. III, стр. 122; см. также: М. Ванюшина. Журнальная и литературно-критическая деятельность Н. А. Полевого после закрытия «Московского телеграфа» (1836—1846). Автореферат [канд]. дисс., М., 1954). Известно 3 письма Пушкина к П. и 2 — П. к Пушкину. *В. В.*

** **Поленов** Василий Алексеевич (1776—1851) — крупный чиновник Коллегии (с 1832 г. Министерства) иностранных дел, где занимал должности правителя канцелярии Коллегии (с 1817 г.), позднее директора Департамента внутренних сношений, управляющего Департаментом хозяйственных и счетных дел Министерства, а также управляющего Главным, а с 1834 г. и Государственным архивом. Автор ряда филологических и исторических работ. С 1828 г. член Российской академии, с 1842 г. — Академии

наук (см.: *ЖМНП*, 1852, ч. LXIII, отдел 3, стр. 31—40). Отношения между Пушкиным и П., носившие сугубо официальный характер, возникли в связи со службой поэта в Министерстве иностранных дел и с его работой в архивах. Вместе с Д. Н. Блудовым и К. С. Сербиновичем П. в 1832 г. вводил Пушкина в курс архивных разысканий (см.: *Акад.*, XV, № 739). С П. Пушкин имел дела по службе и впоследствии (см.: *Гастфрейнд. Документы*, стр. 27—28, 30—32). В статье «Российская Академия» (1836) Пушкин оценил составленную П. биографию И. И. Лепехина как «статью дельную, полную, прекрасно изложенную, словом, истинно академическую» (*Акад.*, XII, стр. 45). Однако пометы Пушкина на полях брошюры «Заседание, бывшее в Имп. Российской академии 18 января 1836», в которой напечатана эта статья П., показывают, что она удовлетворяла поэта не во всем (см.: Пушкин, Сочинения, т. IX, кн. 2, Изд. АН СССР, Л., 1929, стр. 976). Об отношении П. к творчеству Пушкина позволяют судить две его заметки, сохранившиеся среди записей П. «О книгах» в его архиве (*ГПБ*). Первая касается книги «Стихотворения А. Пушкина» (1826), в которой П. увидел «собрание безделок, но безделок, показывающих особое дарование сочинителя. Ежели бы предметом стихов не было по большей части сладострастие, близкое к разврату, сие собрание можно было бы назвать одним из лучших на нашем языке» (*ГПБ*, ф. 595, № 7, л. 90). Вторая запись П. относится к «Борису Годунову». «В сем сочинении, — пишет он, — собрано несколько картин из времен Годунова. Выливаются местами прекрасные стихи; но, прочитав целое сочинение, невольно спросишь: что это такое? — Это не поэма, не роман, не трагедия и не творение гения» (там же, л. 101). В сборник «Смесь», также хранящийся в архиве П., им включена как пушкинская эпиграмма П. А. Вяземского «Флюгарин, вот поляк примерный!», а следом за ней — две направленные против Пушкина «антиэпиграммы» за подписью «А. Θ», принадлежащие Булгарину. Эти эпиграммы, известные только в списке П., опубликованы Каллашем с ошибочными датой (1830) и названием («Аннѣ эпиграммы»). См.: В. В. Каллаш. Puschkiniana. Вып. 2. Киев, 1903, стр. 105. Известно одно письмо Пушкина к П., письма П. к Пушкину неизвестны. *Н. П.*

Полетика Идалия Григорьевна, урожд. Обортей (ум. 1889 г.), — побочная дочь графа Г. А. Строганова, свойственника Пушкина, жена полковника Кавалергардского полка А. М. Полетики. Близкая приятельница Н. Н. Пушкиной, у которой она часто бывала. Была дружна с Дантесом, всячески поощряла его ухаживание за Н. Н. Пушкиной и играла крайне неблаговидную роль в истории дуэли. На ее квартире состоялось свидание Дантеса с Н. Н. Пушкиной, которое мемуаристы, например В. Ф. Вяземская (*РА*, 1888, кн. II, стр. 310), А. П. Арапова («Новое время», 1908, 2 января, № 11425), а вслед за ними и биографы (*Щеголев*, стр. 126—127, 432) считали непосредственным поводом ко второму, январскому вызову Геккерна Пушкиным. Попытка опровергнуть эти данные и отнести свидание к периоду до первого вызова сделана Яшиным (М. И. Яшин. Хроника преддуэльных дней. «Звезда», 1963, № 8, стр. 174). Активная роль П. в истории дуэли Пушкина косвенно подтверждается тем, что Н. Н. Пушкина, вернувшись в 1839 г. в Петербург, не бывала в доме П. и «никогда не говорила с ней о прошлом» (письмо П. к Е. Н. Дантес-Гончаровой от конца 1838—начала 1839 г.: *Звенья*, т. IX, стр. 182). Современники и биографы отмечали, что П. «питала совершенно исключительное чувство ненависти к самой памяти Пушкина» (*Щеголев*, стр. 72) и сохранила это чувство до самой смерти (см.: *РА*, 1911, кн. I, стр. 175—176; см. также воспоминания Е. Г. Милашевич: *РА*, 1908, кн. III, стр. 294—295). После дуэли П. была полностью на стороне Дантеса. В письмах к Дантесу и к его жене в 1837—1839 гг. она горячо сочувствует убийце Пушкина и злорадствует по поводу неоправдавшихся надежд на доходы с посмертного издания сочинений поэта (*Звенья*, т. IX, стр. 178—183; см. также: *Щеголев*, стр. 337—338). Эту не-

навистъ Бартенев объясняет тем, что Пушкин «не внимал сердечным излияниям невзрачной Идалии Григорьевны и однажды, едучи с нею в карете, чем-то оскорбил ее» (*РА*, 1908, кн. III, стр. 295). П. С. Шереметев относит к П. эпизод, рассказанный в дневнике В. П. Горчакова, о некоей Аделаиде Александровне, оскорбленной Пушкиным (см.: М. А. Цявловский. Книга воспоминаний о Пушкине. Изд. «Мир», М., 1931, стр. 212). О П. см.: *Письма*, т. III, стр. 534—535; И. С. Зильберштейн. Парижские находки. «Огонек», 1966, № 47, стр. 26—27. *Я. Л.*

Полонский Василий Иванович — столоначальник в Гражданской палате, доверенный Н. И. Павлищева, которого последний рекомендовал Пушкину для составления объявления о продаже Михайловского (*Акад.*, XVI, № 1238). *О. П.*

Полье (**Polier**) **Варвара Петровна, графиня, урожд. княжна Шаховская**, в первом браке гр. Шувалова, в третьем — кн. ди Бутера (1796—1870). В 1830 г. умер ее второй муж гр. А. А. Полье, швейцарец из Лозанны, принявший русское подданство. После его смерти графиня поселилась в своей усадьбе в Парголове, под Петербургом. Сюда летом 1830 г. приезжал Пушкин к Е. И. Загряжской, которая жила у гр. Полье (см.: Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 352; письмо Пушкина к Н. Н. Гончаровой от 30 июля 1830 г.: *Акад.*, XIV, № 508). *Я. Л.*

Потемкин Григорий Александрович, князь Таврический (1739—1791) — военный и политический деятель, генерал-фельдмаршал. С 1775 г. фаворит Екатерины II, имевший решающее влияние на ее внутреннюю и внешнюю политику. Член Совета императрицы, вице-президент, а с 1784 г. президент Военной коллегии. П. интересовал Пушкина как человек, занимавший «второе место в государстве» (*Акад.*, XI, стр. 15). 1770—1780-е годы поэт называл «временем кн. Потемкина» (*Акад.*, XI, стр. 56). Полнее всего взгляд Пушкина на П. отразился в «Заметках по русской истории XVIII в.» (1822), где Пушкин различает П. — «любимца» Екатерины, обреченного «презрению потомства», и П. — государственного деятеля, который «разделит с Екатериною часть воинской ее славы» (*Акад.*, XI, стр. 15). В библиотеке Пушкина сохранились два сочинения о П. (см.: Л. Модзалевский. Библиотека Пушкина. *ЛН*, т. 16—18, стр. 996, №№ 29—30). В произведениях Пушкина разных лет упоминается П. — фаворит Екатерины (см.: Акад., II, стр. 868—869; IV, стр. 30; IX, стр. 41; XII, стр. 313). Через Гончаровых Пушкин породнился с Загряжскими, бывшими в родстве с П. (см.: *Письма*, т. III, стр. 604). Рассказы, слышанные Пушкиным от Н. К. Загряжской, занимают центральное место среди анекдотов о П., записанных поэтом в 1830-е годы, что свидетельствует об интересе его к личности П. (см.: *Акад.*, XI, стр. 190—191; XII, стр. 156, 170—174, 176—177). *Н. П.*

Потоцкая Мария Алексеевна, графиня, урожд. кн. Салтыкова (1806—1845), — жена гр. Б. С. Потоцкого, сестра жены известного военного и государственного деятеля графа П. Д. Киселева, светская знакомая и предмет увлечения П. А. Вяземского (см.: *ОА*, тт. II—III, по указ). Восторженный отзыв о П. оставил также И. И. Козлов, посвятивший ей несколько стихотворений (*Стар. и нов.*, кн. XI, стр. 56). *В. В.*

Пугачев Емельян Иванович (ок. 1742—1775) — вождь крестьянского восстания 1773—1775 гг. Интерес Пушкина к истории П. был непосредственно связан с размышлениями о перспективах социально-политического развития России («революция снизу»). Анализ литературы о концепции П. у Пушкина — историка и художника см.: *П. Итоги и проблемы*, стр. 506—510; А. С. Пушкин. Капитанская дочка. Изд. «Наука», М., 1964. *В. В.*

Пушкин Александр Александрович («Сашка», «рыжий Сашка»), **р. 14 июля 1833, ум. 19 июля 1914** — старший сын поэта. Образование получил сперва во 2-й С.-Петербургской гимназии, затем в Пажеском

корпусе, сделал большую военно-административную карьеру, вплоть до чина генерала-от-кавалерии, председателя Московского присутствия Опекунского совета (подробнее см.: *Письма*, т. III, стр. 591—592). Ему принадлежала после смерти матери основная часть рукописного наследия Пушкина. В 1880 г., во время торжеств при открытии памятника Пушкину в Москве, он принес в дар Румянцевскому музею (теперь Гос. библиотека СССР им. В. И. Ленина) рабочие тетради поэта и его письма к жене, последние «под известным срочным запретом» (*ПиС,* вып. XIX—XX, стр. VII—VIII), хотя они были уже напечатаны в 1878 г. Тургеневым. У себя он оставил только дневник Пушкина 1833—1835 гг., позволив С. А. Юрьеву напечатать отрывки из него в «Русской мысли» (1880, кн. VI, стр. 1—10) и считая полную публикацию по политическим и семейным соображениям невозможной. Впоследствии, в 1919 г., дневник поэта также поступил в Румянцевский музей. У А. А. Пушкина было от двух браков 13 детей, от которых пошли живущие ныне в СССР и за рубежом потомки поэта. *Я. Л.*

* **Пушкин** Василий Львович (1766—1830) — старший брат С. Л. Пушкина, поэт, член «Арзамаса»; получил домашнее образование, прекрасно владел несколькими европейскими языками, пользовался известностью в литературных кругах, был завсегдатаем многих барских салонов. После Москвы, где он вел светский образ жизни, переехал в Петербург, служил некоторое время в Измайловском полку, в 1797 г. вышел в отставку и вернулся в Москву. В 1803—1804 гг. во время бракоразводного процесса (окончившегося в 1806 г.) побывал в Германии, Франции и Англии; его путевые письма, адресованные Н. М. Карамзину, печатались в «Вестнике Европы». В 1812 г. во время вступления французов в Москву выехал в Нижний Новгород, потеряв в Москве немало своих ценностей. До конца жизни П. вел веселую светскую жизнь, сильно подорвавшую его средства; в конце жизни страдал подагрой. На его похоронах присутствовали многие литераторы, в числе которых был А. С. Пушкин, взявший на себя расходы и хлопоты, связанные с похоронами дяди. П. писал стихотворные повести, антологические стихотворения, басни, сатиры, сказки; большая часть его произведений — переводы из Горация, Тибулла, Катулла, Парни, Лафонтена и др. П. обладал незаурядным талантом версификатора. Со временем его произведения становились бледнее. В 1811 г. им написана поэма «Опасный сосед», получившая в то время большое распространение в списках. В 1816 г. во время посещения Петербурга П. был принят в члены «Арзамаса» (см. его стихотворную характеристику, данную В. А. Жуковским, «Послание к кн. Вяземскому и В. Л. Пушкину»: В. А. Ж у к о в с к и й, Стихотворения, изд. «Сов. писатель», Л., 1956, стр. 151). В 1811 г. П. отвез Пушкина в Лицей; он один из первых угадал в племяннике поэтический талант, оказал влияние на раннее творчество Пушкина (см. его письмо к Пушкину в Лицей от 17 апреля 1816 г.: *Акад.*, XIII, № 3). Свидетельством высокой оценки П. творчества поэта являются два его стихотворных послания к последнему от 1829 и 1830 гг. В его стихотворной повести «Капитан Храбров», написанной в эти же годы, заметно несомненное влияние «Евгения Онегина» и «Графа Нулина». Пушкин в своем раннем творчестве неоднократно обращается к дяде (см.: «Городок», 1815, послание «К Дельвигу», 1815, «Дяде, назвавшему сочинителя братом», 1816. стихотворное послание «В. Л. Пушкину», 1816: *Акад.*, XIII, стр. 4—6; «Скажи, парнасский мой отец», 1817). Позднее отношение Пушкина к П. стало ироническим, в 1825 г. в пародии «Ох тетенька, ох Анна Львовна. . .» он вместе с Дельвигом больно задел дядю, который долгое время не мог забыть обиду. Во время болезни П. Пушкиным вместе с Вяземским и Жуковским было сочинено «Арзамасское послание» к П., оставшееся в бумагах Пушкина и, очевидно, неотосланное (*Письма*, т. II, стр. 458). Сохранилось 3 письма Пушкина к дяде и 2 письма последнего к поэту. См. о нем: История русской литературы, Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, т. V, стр. 139—141;

Мих. Лонгинов. Заметка об отношениях А. С. Пушкина к дяде его В. Л. Пушкину. *РА*, 1863, стлб. 868—871; Н. К. Пиксанов. Дядя и племянник. *Венг.*, т. V, стр. XVII—XXII; В. В. Вересаев. Родственники Пушкина. М., 1933, стр. 17—23. *О. П.*

Пушкин Григорий Александрович (1835—1905) — младший сын Пушкина. Учился в Пажеском корпусе, откуда в 1853 г. вышел корнетом в лейб-гвардии Конный полк (прослужил в нем до 1860 г.). В 1862 г. был переведен в ведомство Министерства внутренних дел; в 1866 г. получил чин надворного советника, в 1867 г. — коллежского советника, в 1896 г. — статского советника. С 1866 г. постоянно жил в Михайловском, которое выкупил при разделе имущества между детьми Пушкина (см.: *Арх. опеки*, стр. 321—325, 268). В 1899 г. (в столетнюю годовщину со дня рождения поэта) продал Михайловское в казну, поселившись в имении жены своей Варвары Алексеевны, урожд. Мельниковой, — Маркутье (Маркучае) под Вильно (см.: Т. Тэсс. Под нашим небом. М., 1953, стр. 196—207). В этом имении он умер, оставшись бездетным (подробнее о нем см.: Ю. Шокальский. Григорий Александрович Пушкин. Личные воспоминания. *ПиС.*, вып. IV, стр. 187—195; см. также некрологи и сообщения о его смерти в газетах: «Виленский вестник», 1905, № 686, 17 августа; № 691, 23 августа; № 693, 25 августа; «Русь», 1905, № 195, 21 августа; «Новое время», 1905, № 10588, и др.). *Р. И.*

** **Пушкин** Лев Сергеевич (1805—1852) — младший брат поэта, учился в Благородном пансионе при Главном педагогическом институте, где одним из его преподавателей был В. К. Кюхельбекер. В 1820 г. вышел из пансиона, не окончив курса. После этого жил в доме отца. В 1824 г. поступил в Департамент духовных дел иностранных исповеданий; не проявив интереса к службе, в 1826 г. вышел в отставку. В 1827 г. был определен юнкером в Нижегородский драгунский полк под начальство Н. Н. Раевского-младшего. В составе этого полка принял участие в персидской кампании, получил боевое крещение в сражении при Джаван-Булахе, после которого был произведен в прапорщики. Весь 1828 г. и значительную часть 1829 г. провел в непрерывных походах персидской кампании, после чего вернулся в Россию, где, находясь в отпуске, проживал в Петербурге, а затем в Москве. В 1831 г. возвратился в Тифлис, был переведен в Финляндский драгунский полк и участвовал в польской кампании. В конце 1832 г. вышел в отставку в чине капитана и поселился в Варшаве. Осенью 1833 г. перебрался в Петербург, где по своему обыкновению вел беспорядочную жизнь — «бил баклуши», делал долги; сделал попытку вступить на гражданскую службу чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел (пробыл там с 14 апреля по 30 июля 1834 г.) и по собственному прошению был уволен. В 1836 г. снова вернулся под начальство Н. Н. Раевского, командующего Черноморской береговой линией, участвовал в походах против горцев. В 1842 г. был уволен из военной службы и с 1843 г. до смерти (ум. 19 июля 1852 г.) находился в Одессе на службе в должности члена Одесской портовой таможни (Архив Раевских, под ред. Б. Л. Модзалевского, тт. I—III; извлечение из формулярного списка Л. С. Пушкина: Л. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 37—40). В годы южной и михайловской ссылки между братьями была оживленная дружеская переписка; П. исполнял различные просьбы брата, преимущественно литературного характера, при этом он познакомился со многими литераторами, с некоторыми из них вступил в дружеские отношения. Обладая превосходной памятью, он читал многие произведения своего брата, в числе которых были и не предназначавшиеся для печати. «С ним, можно сказать, погребены многие стихотворения брата его, не изданные, может быть, даже и не записанные, которые он один знал наизусть» (*РА*, 1874, кн. I, стлб. 1341, 1345; *Вяземский*, т. VIII, стр. 236). У П. было незаурядное поэтическое дарование, которое, однако, не получило дальнейшего развития из-за его лени; кроме того, он считал свои стихи слабыми по

сравнению со стихами брата. П. — автор стихотворения «Петр Великий», привлекшего внимание Белинского. Небрежность, с которою П. вел дела брата во время его ссылки, привела к заметному охлаждению поэта к нему; к началу 1830-х годов письма Пушкина к П. становятся реже, а их тон делается раздражительным и суровым. Причиной тому явилась праздная жизнь, которую вел П., его безудержное мотовство. За исключением небольшого «Биографического известия об А. С. Пушкине до 26-го года» («Москвитянин», 1853, № 10, кн. 2, стр. 50—58), П. не оставил никаких воспоминаний о своем брате, которому он доставил немало неприятностей и хлопот своею распущенностью и бесконечными долгами, оплаченными Пушкиным. Сохранилось 40 писем Пушкина к брату и 4 письма последнего к поэту. См. о нем: *Письма*, тт. I—III, по указ.; Л. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 1—40; статья Н. О. Лернера в *РБС*. *О. П.*

** **Пушкин** Сергей Львович (1767—1848) — отец поэта, с детства был записан в армию, с 1775 г. зачислен в гвардию, в 1797 г. оставил службу в егерском полку, выйдя в отставку в чине коллежского асессора, состоял чиновником в Комиссариатском штате в Москве, а с 1814 г. был в Варшаве начальником Комиссариатской комиссии резервной армии; в 1817 г. вышел в отставку в чине 5-го класса, после чего больше нигде не служил. В 1796 г. С. Л. Пушкин женился на Н. О. Ганнибал, получив за женой около 2 тыс. десятин к 7 тыс., которыми он владел в Нижегородской губернии. Получив светское воспитание, в совершенстве зная французский язык, С. Л. Пушкин вел праздную жизнь, совершенно не занимаясь управлением своими имениями, запустив в них хозяйство и передоверив управление нижегородской вотчиной М. И. Калашникову (*Щеголев*; *П. и мужики*). Не занимаясь воспитанием своих детей, он относился к ним с полным равнодушием. У Пушкина никогда не было с отцом близости, их отчуждению сильно способствовала ссылка поэта, а когда П. согласился взять на себя официальный надзор за сыном во время его михайловской ссылки, между ними произошла крупная ссора, приведшая к длительному разрыву, вплоть до 1828 г. Отношения между отцом, отличавшимся всегда большим лицемерием, и поэтом оставались всю жизнь холодными. Сохранилось 6 писем Пушкина к отцу и 3 письма П. к сыну. См.: Пушкин в переписке родственников. *ЛН*, т. 16—18, стр. 771—802; В. В. Вересаев. Родственники Пушкина. М., 1933, стр. 3—14. *О. П.*

Пушкина Мария Александровна (р. 19 мая 1832 — ум. 1919) — старшая дочь поэта; с декабря 1852 г. фрейлина, в 1860 г. вышла замуж за генерал-майора Л. Н. Гартунга, который в 1877 г. застрелился. По словам П. И. Бартенева, «выросши, она заняла красоты у своей красавицы матери, а от сходства с отцом сохранила тот искренний задушевный смех, о котором А. С. Хомяков говаривал, что смех Пушкина был так же увлекателен, как его стихи» (*РА*, 1907, № 6, 3-я стр. обложки; ср.: *РА*, 1895, кн. I, стр. 369—370). В 60-х годах с М. А. Пушкиной-Гартунг, жившей в то время в Туле, познакомился Л. Н. Толстой и придал некоторые черты ее внешности Анне Карениной (см.: Т. А. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. Воспоминания. Приокское книжн. изд., Тула, 1964, стр. 465. Ср. воспоминания о наружности М. А. Гартунг правнучки Пушкина С. П. Воронцовой-Вельяминовой в прим. на стр. 501 той же книги). *Я. Л.*

* **Пушкина** Надежда Осиповна, рожденная Ганнибал (1775—1836) — мать поэта. Судя по месту, которое уделено ей в воспоминаниях О. С. Павлищевой о детстве Пушкина, П. не принимала близкого участия в воспитании детей и не скрывала предпочтения, «которое оказывала сперва к дочери, а потом к меньшему сыну Льву Сергеевичу» (см.: *Лет. ГЛМ*, стр. 452, 455). Довольно частые посещения ею старшего сына в Лицее (см.: *Летопись*, стр. 56, 57 и далее по указ.), как и самый переезд Пушкиных из Москвы в Петербург, совпадают по времени с помещением «Ле-

вушки» в Лицейский благородный пансион. В начале михайловской ссылки поэта П. разделяла, по-видимому, опасения своего мужа, обвинявшего Пушкина в проповеди атеизма брату и сестре (см.: *Акад.*, XIII, №№ 107 и 110). Тем не менее в 1826 г. она, по совету Карамзина и Жуковского, обращалась к Николаю I с просьбой разрешить Пушкину поездку в Ригу или другое место для операции по случаю аневризма в ноге (см.: *Письма*, т. I, стр. 447, 469—470). Некоторое сближение между Пушкиным и его родителями происходит в 1830-х годах, когда в связи с расстройством их хозяйственных дел и все ухудшающимся здоровьем П. поэт взял на себя заботу о них (управление имениями и т. д.). Это не помешало возникновению в свете толков о том, что Пушкин и его жена недостаточно внимательны к П. Во время последней болезни матери Пушкин, по свидетельству Е. Н. Вревской, своими неустанными заботами о ней заставил П. сожалеть о своем прежнем несправедливом отношении к сыну. Пушкин же, скорбя о кончине матери, «жаловался на судьбу» за то, что он так недолго «пользовался нежностью материнской» (*РВ*, 1869, кн. 11, стр. 89). После смерти П. Пушкин сам отвез ее тело для погребения в Святогорский монастырь. См. о П.: В. В. Вересаев. Родственники Пушкина. Журнгазобъединение, М., 1933, стр. 14—16. Переписки между Пушкиным и П., по-видимому, не существовало. Известны лишь 2 обращенные к ней приписки в письмах Пушкина к С. Л. Пушкину и одна ее приписка в письме С. Л. Пушкина к поэту. *Н. П.*

Пушкина Наталья Александровна (1836—1913) — младшая дочь поэта. Воспитывалась сначала дома, затем в одном из привилегированных женских учебных заведений Петербурга. Около 1853 г. вышла замуж за гвардейского офицера М. Л. Дубельта (сына начальника штаба жандармского корпуса Л. В. Дубельта). Этот брак оказался неудачным, и после развода П. в 1867 г. вышла замуж вторично за принца Николая-Вильгельма Нассауского, получив при этом (ввиду морганатичности брака) титул графини Меренберг, и с этого времени жила за границей. Умерла в Канне. В 1876 г. после безуспешных попыток продать подлинники писем Пушкина к жене П. предоставила их в распоряжение И. С. Тургенева для опубликования (см.: *Тургенев*, Письма, тт. XI и XII, кн. 1, по указ.; ср.: *Письма*, т. I, стр. XIV—XVI; т. II, стр. 446—447). В 1880 г. П. присутствовала в Москве при открытии памятника поэту, а в 1899 г. — на праздновании его столетнего юбилея. Сохранился в записи М. И. Семевского рассказ П. — семейные воспоминания, связанные с дуэлью и смертью Пушкина (см. кн.: Б. Л. Модзалевский и др. Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Изд. «Атеней», Пб., 1924, стр. 126—130). Биографию П., а также сведения о ее потомстве см.: Н. Невзоров. К биографии А. С. Пушкина. СПб., 1899, стр. 18; Н. А. Меренберг. [Некролог]. *ИВ*, 1913, кн. 4, стр. 381—382; Н. Лернер. Зарубежное потомство Пушкина. «Столица и усадьба», 1916, № 67, 1 октября, стр. 18—19. *Н. П.*

** **Пушкина** Наталья Николаевна, **урожд. Гончарова**, во втором браке Ланская (1812—1863), — жена Пушкина. До замужества жила у деда А. Н. Гончарова в Полотняном заводе или с родителями в Москве. От брака с Пушкиным у нее было четверо детей: Мария, Александр, Григорий и Наталья. Пушкин впервые увидел Н. Н. на балу у известного московского танцмейстера Иогеля «около начала 1829 года» (П. П. Вяземский. А. С. Пушкин по документам Остафьевского архива и личным воспоминаниям. В кн.: А. С. Пушкин. Новонайденные его сочинения..., т. II, М., 1885, стр. 42), сразу же влюбился (см. его письмо к Н. И. Гончаровой от 5 апреля 1830 г.: *Акад.*, XIV, № 461) и через Ф. И. Толстого сделал предложение. Получив 1 мая 1829 г. неопределенный ответ, уехал на Кавказ. Второе предложение в апреле 1830 г. было принято при условии письменного подтверждения от Бенкендорфа, что Пушкин не находится под надзором полиции (*Акад.*, XIV, №№ 463, 470). 6 мая состоялась помолвка, на которую рассылались билеты (см.: Девят-

надцатый век, т. I, СПб., 1872, стр. 883), однако свадьба состоялась только 18 февраля 1831 г. Причиной задержки были ссоры Пушкина с тещей и ее нежелание выдать замуж дочь без приданого при полном отсутствии средств. Пушкину пришлось самому дать денег на приданое, якобы в долг, а для этого заложить имение (см.: *Акад.*, XIV, № 577). Рассказ о знакомстве Пушкина с Гончаровыми и его сватовстве оставлен С. Н. Гончаровым (*РА*, 1881, кн. II, стр. 497—498). Размолвки с тещей, неуверенность в чувствах невесты и материальная неустроенность вызывали у Пушкина сомнения в будущем счастье (см. его письма 1830—1831 гг. к Н. И. Гончаровой, В. Ф. Вяземской, П. А. Плетневу, Н. И. Кривцову: *Акад.*, XIV, №№ 461, 518, 519, 523, 574). Современники отмечали подавленное состояние поэта на мальчишнике, устроенном им накануне свадьбы (см.: *Рассказы о П.*, стр. 53, 129—131). Настроения Пушкина перед свадьбой отразились и в прозаическом отрывке 1830 г. «Участь моя решена» (И. Фейнберг едва ли прав, отрицая всякое автобиографическое значение этого отрывка. См.: И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 3-е. Изд. «Сов. писатель», М., 1962, стр. 334—339). Однако после свадьбы сомнения Пушкина рассеялись. Об этом свидетельствуют его письма к друзьям (например, письма 1831 г. к Плетневу: *Акад.*, XIV, №№ 580, 585) и письма к самой Н. Н. «С твоим лицом ничего сравнить нельзя на свете — а душу твою люблю я еще более твоего лица», — писал ей Пушкин (письмо от 21 августа 1833 г.: *Акад.*, XV, № 838). О дружеских отношениях супругов писал и С. Н. Гончаров (см. стр. 389). В литературе утвердилось мнение, что Н. Н. была эгоистична и чужда интересам мужа (см.: *Щеголев*, стр. 45—57). Этому способствовали дошедшие до нас отзывы современников, которые восхищались красотой Н. Н. и умалчивали о ее уме и характере, а иногда и прямо писали о невысоком уровне ее духовных интересов (см. записи в дневнике Д. В. Фикельмон 25 октября 1831 г. и 22 ноября 1832 г.: *Врем. ПК, 1962*, М.—Л., 1963, стр. 34—35). Подобные суждения могут быть объяснены застенчивостью Н. Н. О. С. Павлищева писала мужу, что ее невестка «совсем не глупа, но еще несколько застенчива» (*ПиС*, т. XV, стр. 84, подлинник по-французски). Опубликованные в 1964 г. письма Н. Н. к брату Д. Н. Гончарову (М. И. Яшин. Пушкин и Гончаровы. «Звезда», 1964, № 8, стр. 173—181) позволяют составить более полное представление о характере Н. Н. До сих пор было известно только 3 ее письма 1830—1831 гг. к деду А. Н. Гончарову (*Лет. ГЛМ*, стр. 410—411, 415—418) и приписка в письме Пушкина к нему же (*Акад.*, XIV, № 579). Остальные относятся ко времени вдовства и носят официальный характер. См.: *Арх. опеки*, стр. 147, 287, 315, 317, 319, 344. Письма к брату свидетельствуют о высоких душевных качествах и показывают, что Н. Н. принимала близкое участие в делах мужа, в частности связанных с изданием «Современника». Н. Н. способствовала сближению Пушкина со двором, сам поэт объяснял свое камер-юнкерство тем, что «двору хотелось, чтобы Н. Н. танцевала в Аничкове» (*Акад.*, XII, стр. 318). Это желание двора связано с увлечением Николая I женой Пушкина. В истории дуэли Н. Н. играла пассивную роль: она была верной женой, хотя, несомненно, была увлечена Дантесом (см. его письма 1836 г. к Луи Геккерну: *Звенья*, кн. IX, стр. 172—185). После смерти Пушкина друзья с сожалением отмечали, что «если сейчас она и убита горем, то это не будет ни длительно, ни глубоко» (*Карамзины*, стр. 186), однако это мнение могло быть следствием предубеждения. После смерти Пушкина Н. Н., выполняя его волю, два года провела в Полотняном заводе у брата Д. Н. Гончарова. 18 июня 1844 г. она вышла замуж за генерал-адъютанта П. П. Ланского (1799—1877), от которого имела трех дочерей. Одна из них, А. П. Арапова, оставила воспоминания («Новое время», 1907, №№ 11406—11421; 1908, №№ 11425—11449), написанные тенденциозно и недоброжелательно по отношению к Пушкину. Письма Пушкина к Н. Н. дошли до нас, по-видимому, полностью; всего их 78. Письма Н. Н. к нему неизвестны,

кроме приписки в письме к Пушкину ее матери (*Акад.*, XV, № 939), остальные не разысканы. *Я. Л.*

Пьяница-поэт — неустановленное лицо.

Радищев Александр Николаевич (1749—1802) — писатель, поэт, общественный деятель. Первое обращение Пушкина к нему, по-видимому, связано с выходом в свет собрания сочинений Р. (1807—1811), вызвавшего широкий общественный резонанс; это собрание сочинений, приобретенное, вероятно, позднее, было в библиотеке П. (*Библ. П.*, стр. 83). Имя Р. Пушкин упоминает в поэме «Бова» (1814) в связи с попытками Р. создать народно-героическую поэму «русским складом», без рифм. В 1817—1819 гг. Пушкин остро интересуется личностью и политической деятельностью Р., получая сведения о нем, по-видимому, от Карамзина и Вяземского, собиравшего материалы о Р.; в период южной ссылки Пушкин общается с людьми, широко информированными о жизни и деятельности Р. (Инзов, Тучков, М. С. Воронцов, в библиотеке которого хранился архив А. Воронцова с обширным собранием радищевских материалов. См.: В. П. Семенников. Пушкин и Радищев. В кн.: В. П. Семенников. Радищев. Очерки и исследования. ГИЗ, М.—Пгр., 1923, стр. 252; М. П. Алексеев. Пушкин и библиотека Воронцова. В кн.: Пушкин. Статьи и материалы. Под ред. М. П. Алексеева. Вып. II. Одесса, 1926, стр. 92—98; Ю. М. Лотман. Источники сведений Пушкина о Радищеве (1819—1822). В кн.: Пушкин и его время. Вып. I. Изд. Гос. Эрмитажа, Л., 1962, стр. 45—66. С «Вольностью» Р. соотносится ода Пушкина «Вольность», концепция которой восходит, однако, не к Р., а к умеренному крылу Союза благоденствия; возможно, что идейное влияние Р. сказалось в «Деревне» (1819). В 1822 г. Пушкин упоминает о Р. как о «враге рабства» в «Послании к цензору»; в 1823 г. упрекает Бестужева за умолчание о Р. в обзоре «Взгляд на старую и новую словесность в России» (*Акад.*, XIII, № 53); скрытое упоминание Р. и его замысла сибирской поэмы о Ермаке есть в «Воображаемом разговоре с Александром I» (1825; см.: В. П. Семенников. Радищев, стр. 248—249). Интерес Пушкина к Р. особенно возрастает в 1833—1836 гг., в период работы над «Путешествием из Москвы в Петербург» и статьей «Александр Радищев». Пушкин пользуется при изучении биографии Р. как немногочисленными печатными материалами («Житие Ф. В. Ушакова» Р., указы о суде над Р. в Полном собрании законов; см. также кн.: Переписка императрицы Екатерины II с разными особами. СПб., 1807, бывшую в библиотеке Пушкина; из нее взято приведенное в статье «Александр Радищев» письмо Екатерины к Я. А. Брюсу о предании Р. суду: *Библ. П.*, стр. 76; *Акад.*, XII, стр. 37), так и рукописными и устными источниками («Записками» А. В. Храповицкого, см.: *Акад.*, XII, стр. 37; «Записками» Е. Р. Дашковой, см.: *Рукою П.*, стр. 589—593; возможно, рассказами И. И. Дмитриева и др., см.: В. П. Семенников. Радищев, стр. 251—256). Существует свидетельство П. А. Радищева, что Пушкин собирал «в последний год своей жизни» материалы о Р., намереваясь писать его биографию (*РВ*, 1858, № 23, стр. 430); в это же время он покупает и уникальный экземпляр «Путешествия из Петербурга в Москву», бывший в Тайной экспедиции, с пометами, принадлежащими, как он считал, Екатерине II, как показывает сделанная им на книге владельческая запись (см. *Рукою П.*, стр. 603—604). В статье «Александр Радищев», предназначавшейся для «Современника», Пушкин воспользовался проблематикой радищевского «Путешествия» для постановки важных общественно-политических проблем своего времени. В черновой редакции «Памятника» (1836) была строка: «Что вслед Радищеву восславил я свободу». Сопоставление идеологических позиций Пушкина и Р. — предмет обширной литературы; историю изучения их до революции см.: П. Н. Сакулин. Пушкин и Радищев. Новое решение старого вопроса. Изд. «Альциона», М., 1920; обзор точек зрения в советское время: А. М. Куканов. Проблема «Пушкин и Радищев в дореволюционном и советском пушкиноведении. Уч. зап. Мордовск.

унив. (серия литературоведения), № 21, Мордовское книжн. изд., Саранск, 1962, стр. 27—87 (эта статья имеет лакуны и содержит ряд неоправданных оценок); см. также: Б. С. Мейлах. «Путешествие из Москвы в Петербург» Пушкина. *Изв. ОЛЯ*, 1949, т. 8, вып. 3, стр. 216—228; Научный ежегодник за 1954 г. Саратовск. унив., Саратов, 1955, стр. 149—154; *ЛН*, т. 58, стр. 222—242; П. Н. Берков. Введение в изучение истории русской литературы XVIII века, ч. I. Изд. ЛГУ, Л., 1964, стр. 47—50. Предмет особого изучения — вопрос об отношении Пушкина к Р. как писателю, историку и теоретику литературы. Пушкин внимательно относился к Р. — исследователю русского стиха — и к некоторым его конкретным литературным оценкам (см.: В. П. Семенников. Радищев, стр. 282—319). *В. В.*

Раевская Екатерина Петровна, урожд. Киндякова (ум. 1839), — жена (с 11 ноября 1834 г.) А. Н. Раевского. Историю ее замужества см.: *Дн. Модз.*, стр. 209—210.

Раевский Александр Николаевич (1795—1868) — старший сын генерала Н. Н. Раевского, участник войны 1812 г., человек острого, насмешливого ума. Пушкин познакомился с ним летом 1820 г. и в пору общения на Кавказе и в Крыму испытал некоторое влияние Р. Свое отношение к Р. Пушкин выразил в стихотворении 1823 г. «Демон» — название стихотворения стало прозвищем Р. По свидетельству Ф. Ф. Вигеля, Р. сыграл неблаговидную роль в высылке Пушкина из Одессы в 1824 г. (Ф. Ф. Вигель. Записки, ч. VI. М., 1892, стр. 171—172). С этим эпизодом комментаторы связывают стихотворение Пушкина 1824 г. «Коварность» (см.: *Венг.*, т. III, стр. 528—531). Был арестован в связи с делом декабристов, но вскоре освобожден. В 1828 г. по просьбе М. С. Воронцова, ревновавшего Р. к Е. К. Воронцовой, был выслан из Одессы в Полтаву. Публичный скандал, устроенный Р. Воронцовой перед отъездом, Пушкин вспомнил в ноябре 1836 г., после получения анонимных писем, когда говорил В. Ф. Вяземской, что «громкие подвиги Раевского» будут казаться детской игрой в сравнении с его местью Геккерну (см.: *Акад.*, XVI, № 1287). В январе 1834 г. Р. получил разрешение жить в Москве. Здесь с ним встречался Пушкин. 11 ноября 1834 г. Р. женился на Е. П. Киндяковой. О Р. см.: *Дн. Модз.*, стр. 208—210; *Дн. Сав.*, стр. 478—482; *Путеводитель*, стр. 306; *Письма,* т. I, стр. 214—215; т. II, стр. 135—136; т. III, стр. 615—616. *Я. Л.*

Разин Степан Тимофеевич (?—1671) — руководитель восстания крестьян и казаков в 1667—1671 гг. Интерес к восстанию Р. как материалу для поэтического осмысления, а затем и как к историческому факту сохранился у Пушкина начиная с 1820-х годов (см.: Л. П. Гроссман. Степан Разин в творчестве Пушкина. Уч. зап. Моск. пед. инст. им. Потемкина, т. XX, вып. 2, 1952, стр. 54—81). *В. В.*

Раух Егор Иванович (1789—1864) — доктор медицины и хирургии, с 1829 г. — лейб-медик имп. Александры Федоровны, один из лучших врачей Петербурга (см.: *РБС*; *РС*, 1900, № 11, стр. 487). Во время болезни Н. О. Пушкиной в 1835 г. (см. наст. изд., № 132) был приглашен на консилиум, а затем лечил ее (о том, что она была довольна его лечением, см. письмо Н. О. Пушкиной к О. С. Павлищевой: *ИРЛИ*, ф. 244, оп. 20, № 169). *Р. И.*

Рахманов см. Рохманов.

Реймер см. Ремер.

Рейф Филипп Иванович (Карл-Филипп, 1792—1872) — швейцарец по происхождению, лексикограф, автор ряда трудов по грамматике и лексикографии. В 1830-х годах участник Энциклопедического лексикона Плюшара по иностранной словесности. В 1835—1836 гг. выпустил двухтомный «Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или Этимологический лексикон русского языка» (Dictionnaire russe-français, dans lequel les mots russes sont classés par familles, ou dictionnaire étymologique de la langue russe. Vol. 1—2.

St.-Pétersb., 1835—1836); словарь этот, представленный в рукописи в 1832 г. в Академию наук и рецензированный Кругом, Грефе, Шармуа, Востоковым и Гречем, получил в 1833 г. полную премию имени П. Н. Демидова. *В. В.*

Рейхман Карл (ум. 1835) — немец-агроном, управляющий имением П. А. Осиповой Малинники. В августе 1833 г. Пушкин заезжал в Малинники, где Р. «попотчивал его шнапсом» (см.: *Акад.*, XV, № 838). В июне 1834 г. Пушкин, по совету А. Н. Вульфа, пригласил Р. для управления Болдиным, но Р. пробыл в Болдине 9 дней и, увидев, что имение близко к разорению, отказался от управления. См.: *П. и мужики*, стр. 112—114; А. Н. Вульф. Дневник. Изд. «Федерация», М., 1929, стр. 116—117; *Письма*, т. III, стр. 602. Известно одно письмо Р. к Пушкину. Письма Пушкина к Р. неизвестны. *Я. Л.*

Ремер (Реймер) Николай Федорович (1806—1889) — чиновник Министерства иностранных дел, служил при Неаполитанской миссии, в 1843 г. временно находился в Петербурге при председателе Государственного совета; впоследствии сенатор, действительный тайный советник. Будучи на 7 лет моложе Пушкина, был пожалован в звание камер-юнкера одновременно с ним (*СПч.*, 1834, № 2, 3 января, стр. 5), что неоднократно с раздражением отмечал поэт в письмах и дневнике (см.: *Акад.*, XII, стр. 318). *Я. Л.*

** **Репнин** Николай Григорьевич, князь (1778—1845) — генерал-от-кавалерии, старший брат декабриста С. Г. Волконского, получивший фамилию своего деда по матери фельдмаршала кн. Н. В. Репнина. В 1805—1806 гг. участвовал в войне с Наполеоном, в 1812 г. — в Отечественной войне. В 1813—1814 гг. был генерал-губернатором Саксонии. В 1816—1834 гг. на посту малороссийского генерал-губернатора вызвал к себе вражду помещиков-крепостников и заслужил популярность в передовых кругах общества, в особенности своей речью 1818 г. к полтавскому и черниговскому дворянству, в которой «призывал помещиков к добровольному ограничению крестьянских повинностей» (Г. М. Дейч и Г. М. Фридлендер. «Деревня» Пушкина и антикрепостническая мысль конца 1810-х годов. *ЛН*, т. 60, кн. 1, стр. 384). С 1834 г. член Государственного совета (см.: Сборник биографий кавалергардов, т. III, СПб., 1906, стр. 49—67; см. также: *РБС*). До нас дошла тетрадь 1817—1820 гг., свидетельствующая об одинаково враждебном отношении консервативных кругов к речи Р. 1818 г. и к вольнолюбивой лирике Пушкина (см.: П. Н. Сакулин. «Недостойно Пушкина». *ПиС*, вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 47—56). По свидетельству поэта, он, относясь к Р. с уважением и признательностью, не был лично с ним знаком. Сохранилось 2 письма Пушкина к Р. и одно письмо Р. к поэту. *Н. П.*

Рингель — немец, управляющий Михайловским, которого Н. И. Павлищев прогнал за воровство и обман в июне 1836 г. (см. письма Н. И. Павлищева к А. С. Пушкину: *Акад.*, XVI, №№ 1221, 1240, 1345).

Розен Григорий Владимирович, барон (1782—1841) — генерал-от-инфантерии, командир Отдельного Кавказского корпуса и Главноуправляющий Грузией в 1831—1837 гг., под начальством которого служил одно время Л. С. Пушкин. См. о нем: Н. М. Затворницкий. Столетие военного министерства. 1802—1902, т. II, кн. 2. СПб., 1902, стр. 469; В. И. Сафонович. Воспоминания. *РА*, 1902, кн. I, стр. 112; 1903, кн. III, стр. 575; Н. А. Титов. Воспоминания. «Древняя и новая Россия», 1878, № 12, стр. 276; Г. И. Филипсон. Воспоминания. *РА*, 1883, кн. II, стр. 125, 139, 194; *Гастфрейнд. Товарищи П.*, т. I (глава о В. Д. Вольховском). *О. П.*

Рохманов (у Пушкина — Рахманов) Алексей Федорович (1799—1862) — богатый москвич, родом из калужских дворян, двоюродный брат поэта А. А. Дельвига: их матери были родными сестрами (см.: *Письма*, т. III, стр. 281). В 1831—1833 гг. Р. — доверенное лицо и заимодавец Пушкина и П. В. Нащокина и в связи с этим не раз упоминается в их переписке. В конце 1831—начале 1832 г. Пушкин поручил Р. выкуп заложен-

ных бриллиантов жены (см.: *Акад.*, XIV, № 718; XV, № 736). Известны 2 письма Р. к Пушкину. Письма Пушкина к Р. (см.: *Акад.*, XV, №№ 729, 735, 736, 748) до нас не дошли. *Н. П.*

Рыбушкин Михаил Самсонович (1792—1849) — казанский журналист, историк и литератор. С 1812 г. служил по учебному ведомству. В 1823—1835 гг. адъюнкт российской словесности Казанского университета по кафедре славянской грамматики (см.: Н. И. Мамаев. Записки. *ИВ*, 1901, кн. 4, стр. 69; Е. А. Бобров. А. А. Фукс и казанские литераторы 30—40-х годов. *РА*, 1904, № 7, стр. 19). С 1823 г. Р. участвовал в редактировании «Казанского вестника», а в 1832—1834 гг. вместе с М. В. Полиновским издавал журнал «Заволжский муравей». В 1834 г. он член-издатель Казанского общества любителей отечественной словесности (Месяцеслов на 1834 год, ч. I, стр. 560). Р. поместил в казанских журналах ряд литературных и исторических статей. В 1834 г. выпустил книгу «Краткая история города Казани». (См.: Н. П. Загоскин. Биографический словарь профессоров и преподавателей Казанского университета. Казань, 1904, стр. 155—156; Некролог Р.: *ЖМНП*, 1849, ч. LXIII, № 3, отд. VII, стр. 53—54; Н. Я. Агафонов. Заволжская вивлиофика. Вып. I. Казань, 1887, стр. 52—54; А. С. Архангельский. А. С. Пушкин в Казани. Казань, 1890, стр. 10; Е. А. Бобров. А. А. Фукс и казанские литераторы 30—40-х годов, стр. 19—20). В 1814 г. Р. напечатал трагедию в прозе «Иоанн, или Взятие Казани». Полемика между рецензентом «Сына отечества» и Р., окончившаяся поражением последнего, послужила поводом для эпиграммы Пушкина-лицеиста «На Рыбушкина» (*Акад.*, I, стр. 77; впервые под заглавием «Эпиграмма» и за подписью «1 . . . 17—14»: «Российский музеум», 1815, № 6, стр. 270. Адресат установлен Б. В. Томашевским в кн.: А. Пушкин, Сочинения, ГИХЛ, Л., 1936, стр. 284, 853; см. также: П. Усачев. К эпиграмме Пушкина на Рыбушкина. «Сталинградская правда», 1937, № 4, 5 января, стр. 3). Во время пребывания Пушкина в Казани в 1833 г. Р. был, вероятно, представлен ему как знаток местной истории, но ни он сам, ни его труды не заинтересовали поэта; в 1834 г. Р. прислал ему свою «Краткую историю города Казани», которая осталась в библиотеке Пушкина неразрезанной (см.: *Библ. П.*, № 339, ч. I отсутствует). По выходе «Истории Пугачевского бунта» Пушкин отправил экземпляр ее Р. через А. А. Фукс, но посылка не дошла до нее, а посылая вторично, Пушкин уже не вспомнил о Р. В бытность Р. директором училищ Астраханской губернии ни сам он, ни подведомственные ему заведения не приняли участия в подписке на посмертное собрание сочинений Пушкина (см.: П. Юдин. Памяти А. С. Пушкина. *РА*, 1899, № 2, стр. 141). *Н. П.*

Рычков Петр Иванович (1712—1777) — первый член-корреспондент имп. Академии наук (с 1759 г.), историк Оренбургского края и прилегающих областей Российской империи (см.: П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова. СПб., 1867). К сочинениям Р. Пушкин обратился в 1830-х годах в связи с работой над «Историей Пугачева» и «Историей Петра». В его библиотеке сохранилась «Оренбургская топография» Р. с пометами Пушкина, а также «Ежемесячные сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» за 1759 г., где напечатана «Оренбургская история» Р. (см.: *Библ. П.*, №№ 342 и 514; на полях «Оренбургской истории» также имеются карандашные пометы, принадлежность которых Пушкину не установлена). Использование этих сочинений в работе над «Историей Пугачева» и «Историей Петра» подтверждается прямыми свидетельствами Пушкина (см.: *Акад.*, IX, по указ.; X, стр. 243). Основным источником для «Истории Пугачева» служило рукописное сочинение Р., опубликованное затем во II томе «Истории» под названием «Осада Оренбурга. (Летопись Рычкова)». Оценивая труды Р. в статье «Об „Истории Пугачевского бунта“», Пушкин писал, что они «ознаменованы истинной ученостию и добросовестностию — достоинствами, столь редкими в наше время» (*Акад.*, IX, стр. 390). О характере использования сочинений Р. в «Истории Пугачева» см.: А. И. Грушкин. Пушкин 30-х годов

в борьбе с официозной историографией. *П. Врем.*, т. 4—5, стр. 218—221, 233, 245—246, 251—252; Г. П. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками. Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, по указ.; От «Капитанской дочки» к «Запискам охотника». Саратов, 1959, стр. 117; Л. А. Шейман. Пушкин и киргизы. Киргизучпедгиз, Фрунзе, 1963, стр. 45—49; А. И. Чхеидзе. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Изд. «Литература и искусство», Тбилиси, 1963, стр. 60—61, 80—88 и др. *П. П.*

Савельев Петр Яковлевич (р. 1811) — в 1834 г. поручик Кавалергардского полка. В ноябре 1835 г. в Ставрополе «за игрою в бостон» у него произошла ссора с штабс-капитаном Горголи, которого он обвинил в нечестной игре. Горголи извинился, но в марте 1836 г., по возвращении полка в Москву, дело всплыло снова и С. был разжалован в рядовые и назначен в Нижегородский драгунский полк. В Москве слухи об этом происшествии передавались в искаженном виде. О С. см.: Сборник биографий кавалергардов, т. IV, СПб., 1908, стр. 66—67. *Я. Л.*

Санд Жорж, псевдоним Авроры Дюдеван (1807—1876), — французская писательница романтического направления, поборница эмансипации женщин, протестовала против лицемерия и фальши буржуазно-дворянских форм брака. Отзывов Пушкина о Ж. С. почти не сохранилось, кроме упоминания в письме к жене (№ 127) и в отрывке «Мы проводили вечер на даче», где одна из героинь называет Ж. С. «такой же бесстыдницей», как Клеопатра. Возможно, что Пушкин не ставил творчество Ж. С. высоко; ее произведения не упоминаются в списке французских романов, разбор которых он хотел писать в 1832 г. (О новейших романах: *Акад.*, XII, стр. 204), что, по-видимому, показывает, что Пушкин не придавал ее творчеству большого значения. Тем не менее Б. В. Томашевский отметил несколько моментов, сближающих «Дубровского» с романом Ж. С. «Валентина» (см. статью: «„Дубровский" и социальный роман Жорж Санд» в кн.: Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. Изд. «Сов. писатель», Л., 1960, стр. 404—422). *Я. Л.*

Сахаров Иван Петрович (1807—1863) — этнограф и фольклорист, собиратель древнерусских рукописей. Познакомился с Пушкиным не позднее последних месяцев 1836 г., когда Одоевский рекомендовал в «Современник» фрагмент из готовившейся к печати книги С. «Сказания русского народа о семейной жизни своих предков». Пушкин согласился, но не успел напечатать его. Одну из своих встреч с Пушкиным за три дня до дуэли С. описал в воспоминаниях (*РА*, 1873, № 6, стлб. 955). После смерти Пушкина С. помогал А. А. Краевскому разбирать библиотеку поэта (см.: И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Л., 1950, стр. 97). *Б. Б.*

Святослав Игоревич — князь киевский (942—973).

Семен (Рене-Семен) Август Иванович (1783—1862) — книгоиздатель и содержатель типографии в Москве. Родился в Париже; приехал в Россию, по-видимому, в 1809 г. В 1812 г. управляющий в типографии Н. С. Всеволожского, с 1818 г. инспектор Московской синодальной типографии. С 1820 по 1846 г. арендует типографию при Московском отделении Медико-хирургической академии («типография Августа Семена»), превратив ее в лучшую московскую типографию. Из произведений Пушкина С. напечатал отдельными изданиями «Бахчисарайский фонтан» (1824), «Евгений Онегин», глава II (1826), «Цыганы» (1827), «Братья разбойники» (1-е издание и не поступившее в продажу 2-е издание, 1827). В 1830-е годы С. близок с Н. А. Полевым, совместно с которым издавал в 1835—1837 гг. иллюстрированный журнал «Живописное обозрение» (в дальнейшем редактирование перешло к К. А. Полевому и А. А. Стойковичу); журнал был очень популярен и имел тираж до 5000 экз. (см.: Б. Л. Модзалевский. Август Иванович Семен. СПб., 1903; *Полевой*, стр. 332—333 и комм., стр. 485). *В. В.*

Сенковский Осип Иванович (1800—1858) — ученый-востоковед, писатель, критик и журналист; с 1834 г. редактор «Библиотеки для чтения». Первый отзыв Пушкина о С. относится к 1824 г., когда он с похвалой

отозвался об «арабской сказке» С. «Витязь буланого коня», напечатанной в «Полярной звезде» (*Акад.*, XIII, № 77). В 1834—1835 гг. Пушкин участвует в «Библиотеке для чтения», где помещает ряд произведений в стихах и прозе. К 1834 г. относится письмо С. к Пушкину, в котором С. восторженно приветствует «Пиковую даму» как произведение, открывающее новый этап в развитии русской прозы (*Акад.*, XV, № 881); этот отзыв он печатно повторил в «Библиотеке для чтения» (1834, т. III, № 4, отд. VI, стр. 5) и затем напечатал там же сочувственные отзывы об «Анджело», «Песнях западных славян», «Повестях Белкина», «Истории Пугачева» и других произведениях (*БдЧ*, 1834, т. III, отд. V, стр. 41—42; т. VI, отд. VI, стр. 2; т. X, отд. V, стр. 21—38; т. XII, отд. VI, стр. 17—19, и т. д.). Пушкин отдавал должное С. как талантливому журналисту и знатоку Востока, хотя его раздражали беспринципность и развязность С.-критика. К началу января 1836 г. Пушкин отказывается от участия в «Библиотеке для чтения». Расхождение Пушкина с С. было вызвано непримиримостью их литературно-общественных позиций; Пушкин видел в С. представителя «коммерческой литературы», главу литературного предпринимательства. После ухода Пушкина из «Библиотеки для чтения» С. допускает ряд выпадов против него; есть мнение, что именно Пушкин понимается под «упавшей литературной репутацией» (см. повесть С. «Записки домового»: *БдЧ*, 1835, т. XIII, отд. I, стр. 82—83). С основанием «Современника» С. делает попытку уронить в глазах читателя конкурирующий журнал еще до его выхода, печатая памфлетную заметку о якобы полемической направленности журнала Пушкина против «Библиотеки для чтения» (*БдЧ*, 1836, т. XV, № 4, отд. VI. «Литературная летопись. Разные известия», стр. 67—70; ответ Пушкина: *Акад.*, XII, стр. 184; кроме того, кто-то из сторонников Пушкина (возможно, В. Ф. Одоевский) ответил С. в «Северной пчеле»: 1836, № 36). «Современник» вступил в полемику с С. статьей Гоголя «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 году»; в «Письме к издателю», подписанном А. Б. (*Совр.*, 1836, т. III, стр. 321—329; *Акад.*, XII, стр. 94—98), Пушкин несколько двусмысленно взял под защиту С. Пушкин не дал места в «Современнике» некоторым другим прямым выступлениям против С. (рондо Катенина «Фантазия, златое сновиденье»: *Акад.*, XVI, № 1173; возражению П. И. Мартоса против письма А. Б.: *Акад.*, XVI, № 1262). О письме А. Б. и журнальных взаимоотношениях Пушкина и С. см.: сб. «Атеней», кн. 1—2, 1924, стр. 15—24; В. В. Гиппиус. Литературное общение Гоголя с Пушкиным. Уч. зап. Пермск. унив., вып. 2, 1931, стр. 61—126; В. Г. Березина. Из истории «Современника» Пушкина. *П. Иссл. и мат.*, т. 1, стр. 278—312; В. Каверин. Барон Брамбеус. Изд. «Наука», М., 1966, стр. 74—80. После смерти Пушкина С. пытался опереться на его авторитет для обоснования своей борьбы против архаизмов в литературной речи (*БдЧ*, 1838, т. 27, отд. VI, рецензия на «Сочинения Александра Пушкина», тт. 1—3). В 1840 и 1841 гг. в «Библиотеке для чтения» появились статьи, характеризующие Пушкина как великого национального поэта (тт. 39, 49). *В. В.*

Сиркур (Circourt) Адольф де, граф (1801—1879) — французский публицист, историк, географ и критик; был знаком и переписывался с А. И. Тургеневым, Чаадаевым, Вяземским, Жуковским. Автор ряда статей о России и русской литературе, которые помещал во французских и швейцарских периодических изданиях. Разговор С. с Меццофанти о Пушкине передан А. И. Тургеневым (Архив бр. Тургеневых, вып. VI, Пгр., 1921, стр. 153). С. принадлежат три специальные статьи о Пушкине: Boris Godounof. — Pouchkine. — Revue française et étrangère, 1838; Pouchkine. Sa biographie. — Dictionnaire de la Conversation — и оставшаяся в рукописи статья: Notice sur les œuvres de Pouchkine. В 1836 и начале 1840-х годов С. посетил Россию. С 1830 г. С. женат был на Анастасии Семеновне Хлюстиной (1808—1863), сестре С. С. Хлюстина (*см.*), женщине очень образованной, с прочными литературными интересами; салон А. С. Хлюстиной в Париже объединял видных ученых и литераторов; в литературных кру-

гах Парижа она была известна как «борисфенская Корина». С Пушкиным она познакомилась в 1835 г., во время поездки в Россию. Ей принадлежит статья «Александр Пушкин», напечатанная в «Bibliothèque universelle...» (1837). Известно ее письмо к В. А. Жуковскому от 11(23) декабря 1837 г., написанное под впечатлением смерти Пушкина, с восторженной характеристикой его личности (*ЛН,* т. 58, стр. 152—153). О Сиркурах см.: Huber-Saladin. Le Comte de Circourt, son temps, ses écrits. Madame de Circourt, son salon, ses correspondances. Paris, 1881; см. также: *ОА,* т. III, Примечания, стр. 635—636. *В. В.*

Сихлер Л. (Sichler) — известная петербургская модистка. Ее магазин помещался на Большой Морской, в доме Храповицкого, № 31. У С. Н. Н. Пушкина заказывала свои наряды. Имя С. неоднократно встречается в пушкинских подсчетах долгов в 1834—1836 гг. (см.: *Рукою П.,* стр. 377, 383). Среди постоянных кредиторов Пушкин дважды упоминает С. и в письмах к жене. После смерти поэта счет С. был среди других предъявлен Опеке и оплачен ею (см.: *Архив опеки,* стр. 146—147). *Н. П.*

** **Скобельцын** Федор Афанасьевич (р. 1781) — тамбовский помещик, игрок, приезжавший в Петербург. Знакомый Вяземских, у которых останавливался, когда они жили в доме Баташева. По словам П. П. Вяземского, Пушкин рассказывал, «что Скобельцын лицо историческое, что он тот самый Скобельцын, который приказом императора Павла Петровича был переведен из гвардии „за лицо, наводящее уныние“» (П. П. Вяземский. Пушкин и Скобельцын. *ИВ,* 1880, июнь, стр. 390—391; см. также сб.: «Венок на памятник Пушкину», СПб., 1880, стр. 337—340). Известно одно письмо Пушкина к С. и записка С. к П. А. Вяземскому, в которой С. сообщает о невозможности для него удовлетворить просьбу Пушкина о займе. *О. П.*

Скотт (Scott) Вальтер (Вальтер Скотт) (1771—1832) — английский романист, поэт, историк и критик, создатель господствовавшего в 20—30-е годы жанра исторического романа. Пушкин был знаком с творчеством В. С. уже на юге (см.: *Акад.,* XIII, № 74). В михайловской ссылке творчество В. С. было для него «пищей души» (*Акад.,* XIII, № 115) и поэт постоянно просил новых его произведений; в «Литературной газете» (1830) он назвал его «шотландским чародеем» (*Акад.*, XI, стр. 92), и в 30-х годах, в деревенском уединении, В. С. оставался его любимым чтением. Пушкин высоко ценил в В. С. его умение воссоздавать «историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании», и при этом представлять исторических героев и события «домашним образом» (*Акад.,* XI, стр. 92; XII, стр. 195), т. е. его реалистический метод изображения исторических событий и героев. Опыт В. С. Пушкин использовал во многих линиях своей прозы, в построении исторических романов «Арап Петра Великого», «Дубровский», «Капитанская дочка». Об отношении Пушкина к романистике В. С. см.: Д. П. Якубович. 1) Из заметок о Пушкине и Вальтер Скотте. *ПиС*, вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 122—140; 2) «Капитанская дочка» и романы Вальтера Скотта. *П. Врем.*, т. 4—5, стр. 165—197; В. Жирмунский. Пушкин и западные литературы. *П. Врем.*, т. 3, стр. 83—87; Н. Л. Степанов. Проза Пушкина. Изд. АН СССР, М., 1962, стр. 96—107, 130—131, 219; Н. В. Измайлов. Капитанская дочка. В кн.: История русского романа, т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1962, стр. 184—185; С. М. Петров. Исторический роман Пушкина. Изд. АН СССР, М., 1953, стр. 37—39, 43, 45—47, и др. *Я. Л.*

Смирдин Александр Филиппович (1795—1857) — петербургский книгопродавец и издатель, сыгравший выдающуюся роль в развитии книжного дела и профессионализации писательского труда в 1830-е годы. Наследник книжной торговли В. А. Плавильщикова, он в 1831—1832 гг. перенес свою книжную лавку и библиотеку для чтения в дом Петровской церкви на Невском проспекте, превратив ее в литературный салон; обед по случаю новоселья, на котором присутствовал и Пушкин, был попыткой С. объединить вокруг своего салона всех петербургских литераторов (см.: *Письма*, т. II, стр. 277—278; т. III, стр. 510—511); анекдот о замечании

Пушкина насчет Греча и Булгарина на обеде С. рассказан со слов Греча В. Бурнашевым (см.: В. Б‹урнашев›. Из воспоминаний петербургского старожила. Четверги у Греча. «Заря», 1871, апрель, стр. 26) и в несколько ином варианте Н. Н. Терпигоревым в «Заметке об А. С. Пушкине» (*РС*, 1870, № 4, стр. 473—474). В честь С. были в 1833 и 1834 гг. изданы 2 тома сборника «Новоселье», где Пушкин напечатал «Домик в Коломне» и «Анджело». Рассказ о посещении Пушкиным и Соболевским лавки С. и сочинении эпиграммы «К Смирдину как ни придешь» см.: И. И. Панаев. Литературные воспоминания. Гослитиздат, 1950, стр. 38—39 (ср.: В. А. Соллогуб. Воспоминания. Изд. «Academia», М.—Л., 1931, стр. 360; см. также: *Венг.*, т. VI, стр. 498; *Рассказы о П.*, стр. 86—87). Систематические контакты с Пушкиным С. начал покупкой напечатанного Вяземским «Бахчисарайского фонтана». В 1830 г. С. покупает через Плетнева право на продажу нераспроданных экземпляров всех ранее вышедших произведений Пушкина на 4 года, выплачивая Пушкину ежемесячно 600 руб. ассигнациями (см.: Ник. Смирнов-Сокольский. Рассказы о прижизненных изданиях Пушкина. М., 1962, стр. 212—216, 241—244). В 1827—1828 гг. С. выпустил вторые издания поэм «Бахчисарайский фонтан», «Кавказский пленник» и «Руслан и Людмила». Позднее С. сам издавал или покупал полностью тиражи «Бориса Годунова» (1831), «Евгения Онегина» (1833), «Стихотворений», часть 4 (1835), «Поэм и повестей Александра Пушкина» (ч. 1—2, 1835). В 1834 г. С. начал издание журнала «Библиотека для чтения», под негласной редакцией О. И. Сенковского, с необычайно высокими по тому времени авторскими гонорарами; в заметках Анненкова сохранились сведения о том, что Пушкину С. платил по 11 руб. за стих и предлагал 2000 руб. в год, «лишь бы писал, что хотел» (Б. Модзалевский. Пушкин. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 340); за стихотворение «Гусар» Пушкин получил от С. 1000 руб. (там же, стр. 340), по другим сведениям — 2000 руб. (*Венг.*, т. VI, стр. 437). Возможно, что к этому периоду относится эпизод с покупкой рукописи Пушкина, рассказанный со слов С. А. Я. Панаевой (А. Панаева. Воспоминания. 1824—1870. Изд. 4-е. Изд. «Academia», М.—Л., 1933, стр. 344—346). С конца 1835 г. в связи с отходом Пушкина от «Библиотеки для чтения» и замыслом «Современника» наступает, по-видимому, расхождение между Пушкиным и С., который предлагает Пушкину 1500 руб. за отказ от издания журнала, но безуспешно, и ограничивается ролью комиссионера. О С. см.: Ник. Смирнов-Сокольский. Книжная лавка А. Ф. Смирдина. Изд. Всесоюзн. Книжн. палаты, М., 1957. *В. В.*

Смирнов Николай Михайлович (1807—1870) — богатый помещик, с 1829 г. камер-юнкер, с марта 1835 по сентябрь 1837 г. чиновник при русской миссии в Берлине, впоследствии калужский (1844—1851), затем петербургский (1855—1861) губернатор и сенатор. Пушкин познакомился с ним в 1828 г. и был к нему дружески расположен. В январе 1832 г. С. женился на А. О. Россет, причем Пушкин был его шафером на свадьбе. С. оставил небольшие, но ценные воспоминания о Пушкине за последние шесть лет жизни поэта (Из памятных заметок Н. М. Смирнова. *РА*, 1882, кн. I, № 2, стр. 229—239). См. также публикацию А. А. Зимина отрывка из дневника С. 1834 г. (Пушкину тридцать пять лет. «Неделя», 1962, № 40, стр. 50). Известно одно письмо С. к Пушкину. Письма Пушкина к С. неизвестны; вероятно, их и не было. *Я. Л.*

* **Смирнова** Александра Осиповна, урожд. Россет (1809—1882), — дочь французского эмигранта О. И. Россета, коменданта одесского порта, и его жены Н. И. Лорер, сестры декабриста Н. И. Лорера. Воспитывалась в Екатерининском институте, где была ученицей Плетнева; в 1826 г. назначена фрейлиной; в 1832 г. вышла замуж за Н. М. Смирнова. Была умна, остроумна, наблюдательна, любила литературу, в особенности поэзию, обладала тонким поэтическим вкусом. Удачную характеристику ее дал И. С. Аксаков: «Ее красота, столько раз воспетая поэтами, не величавая и блестящая красота форм (она была очень невысокого роста), а южная красота тон-

ких, правильных линий смуглого лица и черных, бодрых, проницательных глаз, вся оживленная блеском острой мысли, ее пытливый, свободный ум и искреннее влечение к интересам высшего строя — искусства, поэзии, знания — скоро создали ей при дворе и в свете исключительное положение. Дружба с Плетневым и Жуковским ... свела ее с Пушкиным, и скромная фрейлинская келья на 4-м этаже Зимнего дворца сделалась местом постоянного сборища всех знаменитостей тогдашнего литературного мира» (Некролог А. О. Смирновой. «Русь», 1882, № 37). С. была в дружбе с Пушкиным, Жуковским, Вяземским, А. И. Тургеневым, позднее — с Лермонтовым и Гоголем. Имя ее упоминается в переписке Вяземского с А. И. Тургеневым (*ОА*, тт. III—V), в письмах Вяземского к жене (*Звенья*, т. VI), в письмах и дневнике Пушкина (*Акад.*, XII, XIV—XVI). Ей посвящали стихи многие поэты, в том числе Жуковский, Вяземский, Лермонтов, Ростопчина. Пушкин писал о ней в стихотворении «Ее глаза» (1828); ценя ее дар рассказчицы, он побуждал ее писать записки и 18 марта 1832 г. подарил ей альбом с надписью на заглавном листе «Исторические записки А. О. С‹мирновой›» и ниже, в виде эпиграфа, записал стихотворение «В тревоге пестрой и бесплодной», где дана ее сжатая и выразительная характеристика (см.: *Рукою П.*, стр. 658—659). С. оставила интересные записки, насыщенные данными о Пушкине и его окружении (см.: А. О. Смирнова. Записки, дневник, воспоминания. Со статьями Л. В. Крестовой. Изд. «Мир», М., 1931). Отрывок из них под названием «Воспоминания о Жуковском и Пушкине» был напечатан в «Русском архиве» (1871, № 11, стлб. 1869—1883). Пользовавшиеся прежде большой известностью «Записки А. О. Смирновой» («Сев. вестник», 1893, №№ 6—12, отд. изд., ч. I—II, СПб., 1895—1897), на которые ссылались многие исследователи, являются фальсификацией, целиком написанной ее дочерью О. Н. Смирновой. Сохранилась одна записка С. к Пушкину. Писем Пушкина к ней не сохранилось; по ее собственному свидетельству (*РА*, 1871, № 11, стлб. 1882), они не были в переписке и писем от Пушкина она не получала, если не считать надпись его на экземпляре стихотворения «Клеветникам России» (*Акад.*, XIV, № 677). Об отношениях С. и Пушкина см. также: *Письма*, т. III, по указ., и оба издания Дневника Пушкина (*Дн. Модз.* и *Дн. Сав.*). *Я. Л.*

** **Соболевский** Сергей Александрович (1803—1870) — библиофил и библиограф, известный эпиграмматист, близкий друг Пушкина. Познакомился с ним через Л. С. Пушкина, своего однокашника по Благородному пансиону при Главном педагогическом институте, в 1818 г. (*Летопись*, стр. 141); в дальнейшем неоднократно встречался с ним у Кюхельбекера, у которого обучался русской словесности (М. Беляев. Отрывок из воспоминаний С. А. Соболевского о Пушкине. В кн.: Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Изд. «Атеней», Пб., 1924, стр. 121—126). Уже в 1818 г. Пушкин давал С. некоторые поручения по издательским делам и ходатайствовал за него перед А. И. Тургеневым, ограждая от притеснений ректора Кавелина (*Акад.*, XIII, № 8); в 1820 г. С. вместе с Л. С. Пушкиным готовит к печати «Руслана и Людмилу» (П. Бартенев. Пушкин в южной России. М., 1914, стр. 26); в 1825 г. он один из посредников между Пушкиным и журналом Полевого (*см.*) «Московский телеграф» (*РА*, 1878, № 11, стр. 395—398). Личное сближение и почти ежедневное общение Пушкина и С. относится к сентябрю 1826 г.; через С. Пушкин устанавливает личную связь с Мицкевичем, братьями Полевыми и группой литераторов, составивших затем круг «Московского вестника» (ср. донос 1827 г. на С., якобы принадлежащего к «либеральной шайке» «любомудров» и Полевого и желающего увлечь Пушкина за границу: *ИВ*, 1886, № 3, стр. 522—523). На квартире С. состоялось чтение «Бориса Годунова» 10 сентября 1826 г.; в той же квартире (на Собачьей площадке, на углу Борисоглебского переулка, в доме А. А. Ренкевич) Пушкин останавливался 19 декабря 1826 г. и жил до 19 мая 1827 г. (см.: Н. П. Чулков. Пушкин-москвич. В кн.: А. С. Пушкин в Москве. М., 1930, стр. 49—64; *Барсуков*, кн. II, стр. 63—64;

Полевой, стр. 227, 234—235). При посредстве С. Пушкин в это время вел и свои хозяйственные, финансовые и издательские дела (расчеты с издателями «Московского вестника», издание «Братьев-разбойников», позднее продажа «Истории Пугачевского бунта» и др.: *РА*, 1878, № 11, стр. 381; *ЛН*, т. 16—18, стр. 695, 732—741; т. 58, стр. 68—70; об участии С. в устройстве хозяйственных дел Пушкина в это и более позднее время см. также: *Рукою П.* и *Арх. опеки*, по указ.). С. принимал большое участие в устранении дуэлей Пушкина с Ф. Толстым и В. Д. Соломирским (Н. О. Лернер. Несостоявшаяся дуэль Пушкина в 1827 году. *PC*, 1907, № 6, стр. 101—104); С. подарил Пушкин свой портрет работы Тропинина (см. о нем: *ЛН*, т. 58, стр. 344—346; «Прометей», 1967, т. 2, стр. 179—185). Человек живой и непринужденный, даже бесцеремонный в поведении, гастроном и острослов, С. привлекал Пушкина как яркая и оригинальная личность; Пушкин ценил его искреннюю привязанность, повседневную помощь и видел широту и разносторонность его литературных интересов, переходившую иной раз в блестящую эрудированность в ряде специальных вопросов библиографии и истории литературы; Пушкину нравились и эпиграммы и экспромты С. (см. издание их под ред. В. В. Каллаша: С. А. Соболевский. Эпиграммы и экспромты. М., 1912). 18 октября 1828 г. С. выехал за границу (А. Виноградов. Мериме в письмах к Соболевскому. М., 1928, стр. 17) и до 1833 г. жил главным образом в Италии и Франции, где завел обширные литературные знакомства. Заграничные письма С. друзьям (главным образом С. П. Шевыреву и И. В. Киреевскому) содержат отзывы о стихах Пушкина и хранят следы живого интереса к его жизни и творчеству. Вернулся С. из-за границы 22 июля 1833 г.; он привез в подарок Пушкину запрещенное в России издание сочинений Адама Мицкевича, в том числе 3-ю часть поэмы «Дзяды» (в т. IV) (см.: *Библ. П.*, стр. 288—289). На 1834—1835 гг. падает период интенсивного общения Пушкина и С. (ср. сообщение Н. О. Пушкиной 3 марта 1834 г., что они «неразлучны»: *ЛН*, т. 16—18, стр. 787; то же — в письме О. С. Павлищевой мужу 22 ноября 1835 г.: *ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 194; ср. также: *Соллогуб*, стр. 565—566). С. был посредником в литературном общении Пушкина и Мериме (А. Виноградов. Мериме в письмах к Соболевскому, стр. 44 и след.; *ЛН*, т. 16—18, стр. 758—770); с 1828 г. он при поддержке и участии Пушкина работает над сборником народных песен для издания (*Рукою П.*, стр. 430—438; *ЛН*, т. 79, стр. 30, 39, 179—182, 223). В августе 1836 г. С. вновь уехал за границу (А. Виноградов. Мериме в письмах к Соболевскому, стр. 67), где его и застало известие о смерти Пушкина. По мнению современников и самого С., он был единственным, кто мог удержать Пушкина от дуэли (*Соллогуб*, стр. 365; Я. Березин-Ширяев. Сергей Александрович Соболевский. СПб, 1892, стр. 7). В ценнейшей библиотеке С. были автографы Пушкина и уникальные экземпляры его книг (см. о некоторых из них: *ИВ*, 1885, № 2, стр. 686—687; *ПиС*, вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 1—10; «Книжные новости», 1936, № 11, стр. 22). Связных воспоминаний о Пушкине С. не оставил, ограничившись рассказом о нескольких бытовых эпизодах, однако большую ценность представляют его свидетельства по разным вопросам биографии и творчества Пушкина, сообщенные им, в частности, П. И. Бартеневу в виде маргиналий (см.: *Рассказы о П.; Лит. арх.*, т. I, по указ.; Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Изд. «Прибой», Л., 1929, по указ.). Известно 9 писем Пушкина к С. и одно С. к Пушкину. Переписка сохранилась неполностью (ср. указание Бартенева на письмо Пушкина 1827 г., до нас не дошедшее: *РА*, 1878, № 11, стр. 394). О С. и Пушкине см.: Соболевский — друг Пушкина. Со статьей В. И. Саитова. СПб, 1922; *Письма*, т. I, стр. 194; *Дн. Модз.*, стр. 94—95; *Дн. Сав.*, стр. 268—271. *В. В.*

** **Соколов** Петр Иванович (1764—1835) — долголетний член (с 1793 г.) и непременный секретарь (с 1802 г.) Российской академии. Был причислен к Академии «для исправления дел» в 1784 г., в том же году получил степень магистра. С 1797 по 1829 г. С. был издателем «С.-Петербургских ве-

домостей». В 1819 г. определен библиотекарем русского отдела Библиотеки Академии наук. С 1824 г. действительный статский советник, член Главного правления училищ и Ученого комитета при нем (см.: М. И. Сухомлинов. История Российской академии, т. VII. СПб., 1885, стр. 387—397; *РБС; Письма,* т. III, стр. 581—582). Злую, но, по-видимому, верную характеристику С. дал А. Ф. Воейков в своей сатире «Дом сумасшедших» (см.: Поэты-сатирики конца XVIII—начала XIX в. Изд. «Сов. писатель», Л., 1959, стр. 670—671). С конца 1832 г., когда Пушкин стал членом Российской академии, он был с С. в официальных отношениях, но был очень невысокого мнения о нем (см. письмо 89). Сохранился черновик одного официального письма Пушкина к С. Письма С. к Пушкину неизвестны. *Н. П.*

** **Соллогуб** Владимир Александрович, граф (1813—1882) — писатель и чиновник; окончил в 1834 г. Дерптский университет. Начал выступать в литературе после смерти Пушкина, напечатав в т. I (V) посмертного «Современника» рассказ «Два студента». С 1835 г. находился на службе в Министерстве внутренних дел чиновником особых поручений. К началу 1836 г. относится его столкновение с Пушкиным, едва не кончившееся дуэлью. Во время переписки и переговоров по этому поводу С. находился в командировке в Твери, откуда был откомандирован весной 1836 г. в Витебск. К осени 1836 г. он вернулся в Петербург, где ему «пришлось быть и свидетелем и актером драмы, окончившейся смертью великого Пушкина» (*Соллогуб*, стр. 354). В ноябре 1836 г. С. должен был быть секундантом Пушкина в предполагавшейся дуэли его с Дантесом (в связи с анонимным пасквилем, полученным Пушкиным 4 ноября). Сохранилось 2 письма Пушкина к С. и 4 письма С. к Пушкину. Воспоминания С., не раз публиковавшиеся начиная с 1865 г., содержат очень ценные и точные данные о несостоявшейся дуэли Пушкина с Дантесом (в ноябре 1836 г.), а также о вызове на дуэль Пушкиным С. в январе 1836 г. (*Соллогуб*, стр. 353—375, 520—528). *О. П.*

Соллогуб Надежда Львовна, графиня, в замужестве (с 1836 г.) Свистунова (1815—1903), — двоюродная сестра писателя В. А. Соллогуба и племянница лицейского товарища Пушкина кн. А. М. Горчакова, до замужества фрейлина вел. кн. Елены Павловны. Пушкин был ею увлечен и, по словам В. Ф. Вяземской, «открыто ухаживал» за нею (*РА*, 1888, кн. II, стр. 309). Свое чувство к ней он выразил в стихотворении «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу. . .» (1832 г.). Увлечение это вызывало ревность Н. Н. Пушкиной, которая, возможно, имела некоторое основание. Известно, например, что 27 мая 1833 г. Н. Л. Соллогуб выехала из Кронштадта за границу. Т. Г. Цявловская связывает с желанием Пушкина ее проводить билет, выданный ему на проезд из Петербурга в Кронштадт с датой «26 мая 1833 г.» (см.: *ЛН*, т. 58, стр. 114; билет опубликован — см.: *Лит. арх.*, т. I, стр. 7). Дополнительные сведения о С. см.: *Венг.*, т. VI, стр. 428—429; *Дн. Сав.*, стр. 363—364; *Письма*, т. III, стр. 540; Н. Ашукин. Новые автографы Пушкина. *Звенья,* кн. 2, стр. 221—222. *Я. Л.*

Соллогуб Софья Ивановна, графиня, урожд. Архарова (1791—1854), — мать писателя В. А. Соллогуба, тетка Н. Л. Соллогуб, жена церемониймейстера гр. А. И. Соллогуба (1787—1843). По словам современника, была «известна своим умом и любезностью» (В. М. Еропкин. Из воспоминаний. *РА*, 1878, кн. I, стр. 175). Ее острый язык отмечает и О. Н. Смирнова (*РС*, 1888, № 7, стр. 52). Ей посвящена статья П. А. Плетнева «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах» в альманахе «Северные цветы на 1825 год». *Я. Л.*

Сонцов Матвей Михайлович (1779—1847) — муж тетки Пушкина (сестры его отца) Елизаветы Львовны. Камергер, богатый помещик, был близок к московским литературным кругам и даже сам пробовал свои силы в качестве переводчика (см.: *ОА*, т. III, стр. 473). По свидетельству И. А. Арсеньева, «толстый, постоянно пыхтевший, чванный и вечно всем недовольный» Сонцов отличался напыщенностью и скупостью (*ИВ*, 1887,

т. XXVII, стр. 79—80). Много насмешек вызвало его камергерство (см.: *Вяземский*, т. VIII, стр. 159). Е. А. Баратынский и С. А. Соболевский сочинили по этому поводу шуточное стихотворение «Жил да был петух индейский»; обиженные члены семейства Сонцовых приписывали его Пушкину (см.: *Акад.*, XIV, № 385; см. также: *Письма*, т. II, стр. 195—196 и указ. имен). Пушкин разделял ироническое отношение современников к С. См. его переписку (*Акад.*, тт. XIII—XVI, по указ.) и шуточную элегию «На смерть Анны Львовны» (1825). В мае 1830 г., будучи женихом, Пушкин познакомил С. с Н. Н. Гончаровой (*Акад.*, XIV, № 474). *Я. Л.*

Сонцова Екатерина Матвеевна (ум. 4 января 1864 г.) — кузина Пушкина, дочь его тетки по отцу Е. Л. Сонцовой и М. М. Сонцова.

Сонцова Елизавета Львовна, урожд. Пушкина (1776—1848 гг.), — сестра С. Л. Пушкина, замужем за М. М. Сонцовым. Была фальшива, любила разыгрывать высокие чувства; по словам знавшей ее в 1832 г. Е. И. Раевской, С. «была уже пожилой женщиной, но полна претензиями». Позднее о Пушкине не говорила она иначе, как вздымая очи к потолку: «Mon neveu, pauvre victime! ‹Мой племянник, бедная жертва!›» (*РА*, 1888, кн. I, стр. 301). Пушкин относился к ней, как и ко всему ее семейству, иронически. (См. также Сонцов М. М.). *Я. Л.*

Сонцова Ольга Матвеевна (ум. 1880) — кузина Пушкина, дочь его тетки по отцу Е. Л. Сонцовой и М. М. Сонцова.

Сорохтин — по указанию П. В. Анненкова, московский студент, который ухаживал за Н. Н. Гончаровой до ее замужества (см.: Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Изд. «Прибой», 1929, стр. 364, ср.: П. Е. Щеголев. 1) Пушкин и московские студенты в 1831 г. *ИВ*, 1904, № 4, стр. 207—222; 2) Из жизни и творчества Пушкина. ГИХЛ, М.—Л., 1931, стр. 300—314). *Я. Л.*

Софья Астафьевна (Остафьевна) — содержательница известного в начале XIX в. увеселительного заведения в Петербурге; о ней упоминает Пушкин в одном из черновых набросков к «Пиковой даме» — «Года четыре назад...» (*Акад.*, VIII, стр. 834) — и в письмах к Дельвигу (*Акад.*, XIV, № 395) и к М. О. Судиенко (*Акад.*, XV, № 722).

Спасский Иван Тимофеевич (1795—1861) — доктор медицины, профессор Медико-хирургической академии по кафедре зоологии и минералогии, младший акушер Выборгской части. Был постоянным домашним врачом Пушкиных, однако, по словам К. К. Данзаса, Пушкин «мало имел к нему доверия» (*Аммосов*, стр. 31). После смертельного ранения Пушкина почти все время был при нем и уже 2 февраля 1837 г. составил подробную записку о его болезни и смерти «Последние дни А. С. Пушкина. Рассказ очевидца», которая сразу широко распространилась в списках (впервые напечатана: *БЗ*, т. II, 1859, № 18, стр. 555—559). По свидетельству современника, записка Спасского «послужила отчасти материалом для известного письма Жуковского» о смерти Пушкина (М. Н. Лонгинов. Последние дни жизни и кончина А. С. Пушкина. «Современная летопись», воскресные прибавления к «Московским ведомостям», 1863, № 18, май, стр. 12—13). В записке С. впервые приведена легендарная фраза Пушкина в адрес царя («скажи, жаль, что умираю, весь его был бы»), в которой исследователи усматривают «редакторскую руку Жуковского» (см. кн.: Пушкин в воспоминаниях современников. Л., 1936, стр. 633). *Я. Л.*

Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839) — в 1808—1812 гг. доверенное лицо и ближайший сотрудник Александра I по всем вопросам внутренней политики государства. В 1812 г., после перехода Александра I на реакционный политический курс, был отстранен от всех должностей и выслан из Петербурга. В 1816 г. возвращен на службу генерал-губернатором Западной Сибири, в 1821 г. стал членом Государственного совета, руководил работами по изданию «Полного собрания законов Российской империи» (1830) и составлению «Свода законов» (1832). Когда Пушкин познакомился со С., неизвестно. Граф С. Г. Строганов рассказывал биографу С. М. А. Корфу, что Пушкин часто бывал у С. по воскресеньям, особенно

в 1834 г., когда печаталась «История Пугачевского бунта» (М. А. Корф. Жизнь Сперанского, т. II. СПб., 1861, стр. 349). Пушкин считал С. наиболее выдающимся государственным деятелем современной России (см. записи в дневнике: *Акад.*, XII, стр. 318, 323, 324). С. в свою очередь высоко ценил Пушкина, сперва как поэта, потом и как историка. Еще в 1820 г. он писал дочери из Тобольска: «Руслана я знаю по некоторым отрывкам. Он действительно имеет замашку и крылья гения» (*РА*, 1868, стлб. 1790). О совете С. Пушкину «писать историю моего ‹т. е. Пушкина› времени» см. запись в дневнике поэта 2 апреля 1834 г. (*Акад.*, XII, стр. 324). *Я. Л.*

Сталь (Staël, 1766—1817) Анна Луиза Жермена де, баронесса — французская писательница и политический деятель, автор знаменитых романов «Дельфина» (1802), «Коринна» (1807), трактата «О Германии» (1810) и ряда политических сочинений («Взгляд на главнейшие события французской революции», 1818, и др.). Наряду с Б. Констаном была главой кружка французских либералов, пришедшего в резкое противоречие с военной диктатурой Наполеона; в 1812 г. С. вынуждена была бежать в Англию (через Россию); впечатления С. о России отразились в ее мемуарах «Десять лет изгнания», вышедших посмертно в 1821 г. Пушкин испытал воздействие романов С. и книги «О Германии», ставшей манифестом романтической школы (ср. упоминания С. в черновиках «Онегина»: *Акад.*, VI, стр. 219, 439, 546); возможно, что чтение «Коринны» отразилось в «Египетских ночах» (см.: Е. Казанович. К источникам «Египетских ночей». *Звенья*, III—IV, стр. 190—191). Книга С. «Взгляд на главнейшие события французской революции» способствовала формированию политического либерализма Пушкина; взгляды его на конституционную политическую систему, на роль аристократии и т. д. совпадают со взглядами С. (см.: Б. Томашевский. Пушкин. Кн. II. Материалы к монографии (1824—1837). Изд. АН СССР, М.—Л., 1961, стр. 337—340); в произведениях Пушкина есть и цитаты из этой книги (эпиграф к IV главе «Онегина»: *Акад.*, VI, стр. 75; статья о «Юрии Милославском»: *Акад.*, XI, стр. 93; см. также: Новонайденный автограф Пушкина. Изд. «Наука», М.—Л., 1968, стр. 121). Очень высоко оценивал Пушкин и мемуары С.; на их основе он изобразил самую С. в качестве одного из действующих лиц «Рославлева». См.: *Путеводитель*, стр. 341—343. *В. В.*

Столыпин Павел Григорьевич (1806—1836) — отставной поручик л.-гв. Конного полка (см.: Список офицеров л.-гв. Конного полка, стр. 301; В. В. Руммель и В. В. Голубцов. Родословная роспись русских дворянских фамилий, т. II. СПб., 1887, стр. 417, № 32). С. утонул, упав с палубы парохода, следовавшего в Кронштадт. Тело С. не было найдено (подробности см.: *РА*, 1906, кн. III, стр. 433—434, 435—436, 470). *Р. И.*

** **Строганов** Григорий Александрович, граф (1770—1857) — бывший дипломат, член Государственного совета, свойственник Пушкина (двоюродный брат Н. И. Гончаровой, матери Н. Н. Пушкиной). С. пользовался «большим уважением двора и всего общества» (*РА*, 1908, кн. III, стр. 295). С. и его вторая жена Юлия Петровна (урожд. д'Альмейда, графиня д'Оейнгаузен, от которой у него была дочь Идалия Григорьевна, в замужестве Полетика, *см.*) были посажеными отцом и матерью Е. Н. Гончаровой на ее свадьбе с Дантесом (*Щеголев*, стр. 360). С последним, как и с его приемным отцом Геккерном, Строгановы были в дружеских отношениях. В истории последней дуэли Пушкина С. был всецело на стороне Дантеса, а Геккерн-отец называл С. своим другом и после получения оскорбительного письма Пушкина советовался с С., как ему поступить. В ответ на подарок Геккерна-отца, пославшего ему на память при отъезде из России старинный хрустальный бокал, С. писал ему: «Когда ваш сын Жорж узнает, что этот бокал находится у меня, скажите ему, что дядя его Строганов хранит его как память о благородном и честном поведении, которым отмечены последние месяцы его пребывания в России. Если наказанный преступник является примером для толпы, то невинно осужден-

ный, без надежды на восстановление имени, имеет право на сочувствие всех честных людей» (там же, стр. 347). Однако С. взял на себя все распоряжения и расходы по отпеванию и похоронам Пушкина, желая устроить похоронную церемонию «возможно торжественнее» (там же, стр. 256, 265—266). Он был назначен председателем Опекунства над детьми и имуществом поэта и исполнял эти обязанности до февраля 1846 г. О С. см.: *Дн. Модз.*, стр. 150—154. Известно одно письмо Пушкина к С. Письмо С. к Пушкину, на которое отвечает последний, не сохранилось. *О. П.*

** **Сухоруков** Василий Дмитриевич (1794—(1795?) — 1841) казачий офицер, историк войска Донского. В 1815 г. со степенью кандидата прав окончил Харьковский университет и был зачислен в штат канцелярии войска Донского. В 1819—1820 гг. под руководством И. Ф. Богдановича участвовал в работе над статистическим описанием казачьих округов, после чего ему было поручено руководство составлением военной истории войска Донского. В 1821 г. С. привлек внимание А. И. Чернышова, который взял его с собой в Петербург. Пребывание в столице (1821—1825) С. использовал для собирания архивных материалов по истории казачества. В 1823 г. был принят в члены Вольного общества любителей российской словесности. В 1824 г. совместно с декабристом А. О. Корниловичем издал альманах «Русская старина». В 1826 г. за причастность к делу декабристов С. был взят под тайный надзор, а в 1827 г. у него были отобраны его труд по истории войска Донского и все материалы к нему. Сам С. был переведен на Кавказ, где по рекомендации А. С. Грибоедова И. Ф. Паскевич использовал его для составления исторического описания войны 1828—1829 гг. В 1830 г. за статьи в «Тифлисских ведомостях», вызвавшие гнев Николая I, С. был выслан в Финляндию, но через год переведен обратно на Дон с условием использования его «только по кордонной службе». С 1839 г. в отставке. С сочинениями С. Пушкин, по-видимому, познакомился еще в 1824 г., по выходе альманаха «Русская старина» (см.: *Акад.*, XIII, №№ 120 и 139). Личное их знакомство произошло летом 1829 г. в армии Паскевича: в Арзруме поэт проводил вечера в беседах «с умным и любезным» С. (*Акад.*, VIII, стр. 479). В 1831 г. Пушкин подал Бенкендорфу записку о С. с просьбой облегчить его участь и разрешить продолжить исторические труды (см.: *Акад.*, *Спр. том*, стр. 70—71). Ответом ему было неудовольствие Чернышова, переданное через Бенкендорфа (см.: *Акад.*, XIV, № 665). В работе над «Историей Пугачева» Пушкин использовал статью С. «О внутреннем состоянии донских казаков в конце XVI столетия» (см.: *Акад.*, IX, стр. 9 и 90). Вновь Пушкин попытался привлечь внимание к судьбе С., представив в 1835 г. на царскую цензуру (см. письмо 94) «Путешествие в Арзрум», а затем напечатав его в «Современнике» (см. замечание о С. в V главе «Путешествия»: *Акад.*, VIII, стр. 479). К 1836 г. относится его попытка привлечь С. к сотрудничеству в «Современнике». О С. и его отношениях с Пушкиным см.: Ан. Линин. Историк войска Донского В. Д. Сухоруков и А. С. Пушкин. В кн.: Пушкин. 1837—1937. Азчериздат, Ростов н/Д., 1937, стр. 76—124; В. Шадури. Декабристская литература и грузинская общественность. Изд. «Заря Востока», Тбилиси, 1958, стр. 258—264. *Н. П.*

Сухорукова Ольга Васильевна, урожд. Швецова, — с 1836 г. жена В. Д. Сухорукова (*см.*).

Тарасенко-Отрешков Наркис Иванович (у Пушкина также: Атрешков, Отрыжков) (1805—1873) — чиновник и писатель-экономист, издававший в 1833—1834 гг. «Журнал общеполезных сведений. . .». Познакомился с Пушкиным в 1832 г. (*ИВ*, 1886, № 2, стр. 388), когда Пушкин предложил ему заведовать изданием предполагавшейся газеты «Дневник» (*Акад.*, XV, дел. бум., № 12; *ИВ*, 1883, № 12, стр. 535; П. В. Анненков. Воспоминания и критические очерки, отд. III. СПб., 1881, стр. 258). В 1835 г. вышла брошюра Т.-О. «Об устроении железных дорог в России», где доказывалась якобы ненужность и убыточность строительства железной дороги между

Петербургом и Москвой; критический разбор этой брошюры, сделанный М. С. Волковым, Пушкин собирался поместить в «Современнике». В феврале 1837 г., по желанию III отделения (в котором Т.-О. был, по-видимому, тайным сотрудником) и к неудовольствию близких Пушкину лиц (*РС*, 1880, № 8, стр. 804), Т.-О. был назначен членом опекунства над детьми и имуществом поэта и принял участие в посмертном издании сочинений Пушкина, хотя не имел необходимых познаний и относился к делу небрежно (П. В. Анненков. Воспоминания и критические очерки, стр. 258; Б. Л. Модзалевский и др. Новые материалы о дуэли и смерти Пушкина. Пгр., 1924, стр. 129—130; *Рассказы о П.*, стр. 27, 76—77). В ИРЛИ хранится рукопись Т.-О. «Значение Пушкина в русской словесности», содержащая воспоминания о Пушкине (частично опубликована: *ИВ*, 1886, № 2, стр. 388—391; *РС*, 1908, № 2, стр. 428—433). Лермонтов вывел Т.-О. в «Княгине Лиговской» (гл. VI) под фамилией Горшенко (см.: Н. Лернер. Оригинал одного из героев Лермонтова. «Нива», 1913, № 37, стр. 731—732). *Б. Б.*

** **Тардиф де Мелло** (Tardif de Mello) — французский литератор и переводчик, автор ряда сочинений по политике и педагогике. В течение 14 лет жил в России и изучал русский язык и литературу при Харьковском и Петербургском университетах; с ректором последнего А. А. Дегуровым поддерживал связь и позднее. В 1848 г. принимал участие в клубе Н. И. Сазонова «Fraternité des peuples» («Братство народов»). Т. обращался к Пушкину дважды (второй раз письмом от 4 декабря (22 ноября) 1836 г., см.: *Акад.*, XVI, № 1298) с просьбой доставить ему материалы для книги о русской литературе; в 1854 г. издал «Историю умственного развития России» («Histoire intellectuelle de l'Empire de Russie...»), где отвел центральное место Пушкину, поместив его биографию и несколько своих переводов сочинений Пушкина. Известно одно письмо Пушкина к Т. и одно Т. к Пушкину. См.: П. Щеголев. Пушкин и Тардиф. (Неизданное и неизвестное). «Звезда», 1930, № 7, стр. 232—240. *В. В.*

Тарквиний Гордый (Tarquinius Superbus; правил ок. 534—510 гг. до н. э.) — по преданию, последний, седьмой царь Древнего Рима. Свергнут восстанием патрициев и плебеев, поводом для которого послужило самоубийство Лукреции, знатной римлянки, обесчещенной сыном Т. Г. Тарквинием Секстом. После Т. начался новый период в истории Рима — республиканский. По собственному признанию Пушкина (см.: *Акад.*, XI, стр. 188), «мысль пародировать историю» падения Тарквиниев и написанную на этот сюжет поэму Шекспира «Лукреция» послужила толчком для создания поэмы «Граф Нулин», которая в первой беловой редакции даже носила название «Новый Тарквиний» (см. *Акад.*, V, стр. 10, 11, 88, 169; см. также: *Акад.*, XII, стр. 306). *Н. П.*

Теннер (Tanner) Джон — американец, проведший тридцать лет среди индейцев и оставивший «Записки»; французское их издание (John Tanner. Mémoires. Paris, 1835) было в библиотеке Пушкина; на основании их Пушкин написал статью «Джон Теннер» (*Акад.*, XII, стр. 104—132).

Тиберий (Tiberius) Клавдий-Нерон (42 г. до н. э. — 37 г. н. э.) — римский император (14—37 гг. н. э.), преемник Августа, завершивший установление самодержавной власти в Древнем Риме, известный своей жестокостью и коварством. В 1824 г. Пушкин сопоставлял Александра I с Т. (*Акад.*, XIII, № 89). Та же аналогия скрыто присутствует в «Замечаниях на Анналы Тацита» (1825; *Акад.*, XII, стр. 192—194), где в центре преступления и двуличие Т. В 1825 г., после безуспешной попытки добиться от Александра I смягчения своей участи, Пушкин вновь возвращается к этой параллели, иронически замечая, что древний тиран Т. был более человеколюбив, нежели современный; здесь же он называет Т. одним «из величайших государственных умов древности» (*Акад.*, XIII, № 187). Анализ суждений Пушкина о Т. см: М. М. Покровский. Пушкин и античность. *П. Врем.*, т. 4—5, стр. 50—52; Д. П. Якубович. Античность в творчестве Пушкина. *П. Врем.*, т. 6, стр. 154—157; И. Д. Аму-

син. Пушкин и Тацит. Там же, стр. 166—176; Б. В. Томашевский. Пушкин и Франция. Изд. «Сов. писатель», Л., 1960, стр. 70—71. *Н. П.*

Тимирязева («Тимерязева») Софья Федоровна, урожд. Вадковская, по первому браку Безобразова (1799—1875), — сестра декабриста Ф. Ф. Вадковского. Ее муж И. С. Тимирязев (1790—1867) — генерал-майор, адъютант вел. кн. Константина Павловича, позднее астраханский губернатор. Пушкин бывал в доме Тимирязевых (см. воспоминания их сына Ф. И. Тимирязева «Страницы прошлого»: *РА*, 1884, № 4, стр. 300, 313). *Я. Л.*

Токвиль (Toqueville) Алексис-Шарль-Анри Клерель де, граф (1805—1859) — французский социолог и государственный деятель, по своим политическим симпатиям сторонник либерально-легитимной монархии. Широкую популярность получила книга Т. «О демократии в Америке» (De la Démocratie en Amérique, первые две части, 1835), которая явилась результатом внимательного изучения политической и социальной жизни САСШ и принесла Т. репутацию защитника демократии. О книге Т. сообщил из Парижа 16 февраля 1836 г. А. И. Тургенев как о выдающейся литературной новинке (*Совр.*, 1836, т. 1, стр. 273—274); во фрагменте письма Т., изъятом из печатного текста, содержалось изложение концепции Т. о закономерном историческом процессе уравнения сословий (см.: А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники (1825—1826 гг.). М.—Л., 1964, стр. 516. 22(10) февраля 1836 г. Тургенев переслал экземпляр книги Т. Вяземскому и Жуковскому для А. Н. Татаринова (*ОА*, т. III, стр. 298—299). «Демократия в Америке» была для Пушкина одним из основных источников для изучения исторических судеб «аристократии» и складывающихся буржуазных отношений, т. е. того процесса, который он наблюдал и в России; резко отрицательную характеристику «демократии» Пушкин дал в «Джоне Теннере», где сказалось чтение «славной» книги Т. (*Акад.*, XII, стр. 105). Книга Т. была в библиотеке Пушкина (*Библ. П.*, № 1440, стр. 350). *В. В.*

Толстая Сарра Федоровна, графиня (1821—1838) — дочь гр. Ф. И. Толстого («Американца»), талантливая поэтесса, названная Белинским «особенно замечательной» среди женщин-писательниц (*Белинский*, т. V, стр. 536). По отзывам современников, «была болезненна и психически ненормальна» (С. Л. Толстой. Федор Толстой Американец. М., 1926, стр. 93—94). В 1839 г. вышли посмертно «Сочинения в стихах и прозе графини С. Ф. Толстой. Переводы с немецкого и английского языков». В продажу книга не поступила, так как была предназначена только для членов семьи. Белинский в 1841 г. собирался писать на нее рецензию для «Современника» Плетнева (*Белинский*, т. XII, стр. 11), но не осуществил этого намерения. *Я. Л.*

* **Толстой** Федор Иванович, граф (1782—1846), прозванный «Американцем», так как он некоторое время провел на Алеутских островах; умный и талантливый человек, известный своим пренебрежением к принятым моральным нормам, бреттер, кутила и картежник, игравший часто наверняка. Л. Н. Толстой, который был двоюродным племянником Т., называл его «необыкновенным, преступным и привлекательным человеком» (см.: С. Л. Толстой. Федор Толстой Американец. М., 1926, стр. 76). Отношение к нему современников было противоречивым. Вяземский, Д. Давыдов, Батюшков были дружны с ним, Грибоедов же заклеймил его в «Горе от ума» («Ночной разбойник, дуэлист, В Камчатку сослан был, вернулся алеутом, И крепко на руку нечист»). Пушкин дружески встречался с Т. в Петербурге, а будучи уже в ссылке, узнал, что Т. распространил клевету, будто поэта высекли в Тайной канцелярии (см.: *Акад.*, XIII, № 38; см. также: *ЛН*, т. 16—18, стр. 678). Ответом на сплетню были резкие выпады против Т. в стихах Пушкина («В жизни мрачной и презренной», 1820; «Чаадаеву», 1821) и отказ от намеченного эпиграфа к «Кавказскому пленнику» («Под бурей рока твердый камень, В волненьях страсти — легкий лист»), так как эти стихи Вяземского были посвящены Т. Т. ответил Пушкину эпиграммой, узнав о которой поэт собирался

представить его «во всем блеске в 4-й песне Онегина» (*Акад.*, XIII, № 159), но упомянул о нем только иносказательно, говоря о «презренной клевете, на чердаке вралем рожденной», и воспроизвел некоторые его черты в образе старого дуэлиста Зарецкого (см.: Н. О. Лернер. С кого Пушкин списал Зарецкого. *РС*, 1908, № 2, стр. 419—427). Возвратясь из ссылки, Пушкин собирался вызвать Т. на дуэль, но друзья их помирили, и Пушкин в 1829 г. через Т. сделал предложение Н. Н. Гончаровой. В рукописях Пушкина сохранилась зарисовка портрета Т. (см.: Т. Цявловская. Рисунки Пушкина. «Юность», 1964, № 8, стр. 95—96). С. Л. Толстой считал, что Т. был прототипом Сильвио. Сохранилось (в черновике) одно письмо и одна записка (коллективная) Пушкина к Т., с ответной запиской Т. (*Акад.*, XIV, №№ 398, 399). *Я. Л.*

** **Толь** Карл Федорович, граф (1777—1842) — военный и государственный деятель. Участник швейцарского похода Суворова, русско-французской войны 1805 г., турецких кампаний 1806 и 1809 гг., Отечественной войны 1812 г. и похода 1814 г. Во время войны с Турцией (1829) начальник штаба главнокомандующего гр. И. И. Дибича. С декабря 1830 г. начальник штаба армии Дибича, посланной на подавление польского восстания. После смерти Дибича временно (в течение 14 дней) командовал армией. С 1833 г. Т. — главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями. См. о нем: К. Край. Справочный энциклопедический словарь, т. X. СПб., 1848, стр. 324—326. Свидетельства, связывающие имена Пушкина и Т., единичны. Пушкин упоминает о Т. один раз, в письме к Вяземскому от 11 июня 1831 г. в связи с временным назначением Т. главнокомандующим русскими войсками в Польше. Он считал Т. серьезным военачальником, способным добиться перелома в ходе войны (см.: *Акад.*, XIV, № 610). В конце 1836—начале 1837 г. Пушкин послал Т. экземпляр «Истории Пугачевского бунта». Сохранилось одно письмо Пушкина к Т. и одно — Т. к Пушкину. *Н. П.*

Тредьяковский Василий Кириллович (1703—1769) — поэт и ученый-филолог. Стихи Т. Пушкин, по-видимому, знал уже в Лицее. Имя Т. для Пушкина-лицеиста — символ бездарной и бессмысленной метромании (см.: *Акад.*, I, стр. 21, 25, 74, 195). Значение этого символа сужено и конкретизировано в произведениях 1829—1831 гг., где Т. является олицетворением литературного староверства и служит Пушкину в борьбе против Каченовского, Надеждина и др. (см.: *Акад.*, III, стр. 153, 156; XI, стр. 85, 216). Но уже с начала 1820-х годов Пушкин знакомится глубже с трудами Т. по русскому стихосложению и языку (см.: *Акад.*, XI, стр. 33; XII, стр. 191). Он приобретает «Слово о витийстве» и два тома «Сочинений и переводов» Т. (см.: Г. Г. Ариель-Залесская. К изучению истории библиотеки А. С. Пушкина. *П. Иссл.* и *мат.*, т. 2, стр. 340—343). Статья Т. «Способ к сложению стихов» сохранила следы чтения Пушкина около (не ранее) 1832 г. (см.: *Библ. П.*, №№ 389, 390). Чтение стихов Т. отразилось во вступлении к «Медному всаднику» (см.: Л. Тимофеев. «Медный всадник». В кн.: Пушкин. Сб. статей под ред. А. Еголина. М., 1936, стр. 231; Е. В. Матвеева. Пушкин и Тредьяковский. Уч. зап. Ленингр. пед. инст. им. А. И. Герцена, т. 76, 1949, стр. 179—188). Знание работ Т. по русской грамматике сказалось в статьях 1836 г. (см.: *Акад.*, XII, стр. 96, 148). Наиболее полно взгляд Пушкина на труды Т. и их высокая историческая оценка выражены в «Путешествии из Москвы в Петербург» (1834; *Акад.*, XI, стр. 253—254, 262; ср.: *Акад.*, XII, стр. 35). Окончательное мнение Пушкина о месте Т. в истории русской науки и словесности, синтезирующее его отзывы о «вечном труженике» (*Акад.*, XI, стр. 269; XII, стр. 169), отразилось в планах статьи «О ничтожестве литературы русской» (1834), где Пушкин ставит Т. — стиховеда и лингвиста — выше Ломоносова и Сумарокова, добавляя, однако, что влияние Т. «уничтожается его бездарностью» (*Акад.*, XI, стр. 494—495). В середине 1830-х годов ряд обстоятельств личной биографии заставил Пушкина по-новому осмыслить давно известные (см.: *Акад.*, XI, стр. 53) анекдоты

о Т. и увидеть в них свидетельство униженного положения писателя в России. С этим связана полемика Пушкина с И. И. Лажечниковым в 1835 г. (по поводу изображения Т. в «Ледяном доме») и как продолжение ее — пушкинский замысел публикации в «Современнике» «Рапорта» Т. в Академию наук об унижениях и побоях, нанесенных ему А. П. Волынским (см.: Н. Петрунина. Два замысла Пушкина для «Современника». *РЛ*, 1966, № 4, стр. 153—160). *Н. П.*

** **Тургенев** Александр Иванович (1784—1845) — общественный деятель, историк и литератор, близкий друг и литературный единомышленник Карамзина, Жуковского, Вяземского, брат декабриста Н. И. Тургенева. Друг Пушкина. В 1811 г. содействовал поступлению его в Лицей (*Летопись*, стр. 20). Первое упоминание Т. о Пушкине в переписке относится к 1811 г. (письмо Вяземскому от 18 августа 1811 г.: *П. Иссл. и мат.*, т. IV, стр. 36); в дальнейшем их литературное общение становится все более тесным. Т. был участником «Арзамаса», где носил прозвище «Эолова арфа» (ставшее и его литературным псевдонимом), и примыкал к умеренному крылу общества. Отношение Пушкина к Т. в это время дружески почтительное, что не исключало и подтрунивания над любовными увлечениями Т. и в особенности над его деятельностью в качестве директора Департамента духовных дел иностранных исповеданий (отчего Пушкин в шутку называл его в письмах «кардиналом» и «преосвященством»: *Акад.*, XIII, №№ 10, 25; об ироническом отношении Пушкина к знакомым Т. из протестантского духовенства см. также: С. Дурылин. Пушкин и пасторы. (Из забытых свидетельств о Пушкине). «30 дней», 1937, № 2, стр. 83—86). В 1817—1820 гг. Пушкин — частый посетитель дома Тургеневых на Фонтанке; в кругу Тургеневых создаются ода «Вольность» и «Деревня» (сам Т., политически более умеренный, нежели его братья, склонен был упрекать Пушкина в «преувеличениях»). Обзор литературы о «Вольности» и «Деревне» в связи с позицией тургеневского кружка см.: *П. Итоги и проблемы*, стр. 180—183; об общественно-политических взглядах Т. см. также: А. Шебунин. Братья Тургеневы и дворянское общество александровской эпохи. В кн.: Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936, стр. 5—86; В. В. Пугачев. 1) Из истории общественно-политической мысли начала XIX века (От Радищева к декабристам). Уч. зап. Горьковск. унив., вып. 57, Горький, 1962, стр. 24—90; 2) А. И. Тургенев в 1825—1826 годах (по неизданным материалам). Там же, вып. 58, 1963, стр. 465—476. В 1817 г. Пушкин пишет «Послание Тургеневу» (о нем см.: *Письма*, т. I, стр. 191). В своей обширной переписке и дневниках Т. неоднократно упоминает о Пушкине, проявляя острый интерес к его литературной деятельности; в 1820 г. он стал на сторону Пушкина в полемике вокруг «Руслана и Людмилы»; с другой стороны, в 1825 г. резко осудил его за эпиграммы на «отца Карамзина». См.: А. Н. Шебунин. Пушкин по неопубликованным материалам архива братьев Тургеневых. *П. Врем.*, т. I, стр. 196—200; *ОА*, тт. I—III, по указ.; Архив братьев Тургеневых, вып. VI. Пгр., 1921, по указ.; Письма Александра Тургенева Булгаковым. Соцэкгиз, М., 1939, по указ.; А. А. Фомин. Александр Тургенев и Пушкин. *Венг.*, т. VI, стр. 339—348. С середины 1825 г. Т. живет за границей, заведя обширные литературные и дружеские связи со многими выдающимися деятелями Англии, Франции, Германии и Италии. После разгрома восстания 14 декабря 1825 г. жизнь Т. проходит в непрерывных хлопотах за брата, Н. И. Тургенева, осужденного по первому разряду «государственных преступников» и ставшего политическим эмигрантом; с 1826 г. растут оппозиционные настроения Т. по отношению к правительству и происходит резкий разрыв с теми из бывших «арзамасцев», которые стали участниками суда над декабристами (в первую очередь с Блудовым). См. материалы об этом: Письма А. И. Тургенева к Н. И. Тургеневу. Лейпциг, 1872. Отношение правительства к Т. в это время крайне подозрительное и недоброжелательное. В Россию Т. при-

езжает в 1826—1837 гг. четыре раза: в апреле 1826 г. (до середины июля; живет в Петербурге); в июне 1831 г. (до середины июня 1832 г.; Москва, Петербург); в середине мая 1834 г. (до января 1835 г.; Москва, Симбирск, Петербург); в июле 1836 г. (до июня 1837 г.; Москва, Симбирск, Петербург, Псков, Михайловское). В 1831—1832 и 1834—1835 гг. Т. близко общается с Пушкиным, который стремится привлечь его к литературному сотрудничеству (см.: *Акад.*, XIV, № 625; М. Гиллельсон. 1) Пушкин в дневниках А. И. Тургенева 1831—1834 годов. *РЛ*, 1964, № 1, стр. 125—134; 2) А. И. Тургенев и его литературное наследие. В кн.: А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники (1825—1826). Изд. «Наука», М.—Л., 1964, стр. 464—465, 469—470); беседы Пушкина и Т. в это время касаются острых общественно-политических тем, в том числе польских событий, общественной жизни западноевропейских государств, декабрького движения. Т. оставил свидетельства о работе Пушкина над X главой «Онегина» (см.: В. Истрин. Из документов архива братьев Тургеневых, II. Отрывок из «Путешествия Онегина». *ЖМНП*, 1913, ч. XLIV, кн. 3, отд. 2, стр. 15—26), позднее — над «Словом о полку Игореве» (*Щеголев*, стр. 278), «Памятником» (М. П. Алексеев. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг. . .». Проблемы его изучения. Изд. «Наука», Л., 1967, стр. 19—25) и др. (ср. также: *ЛН*, т. 58, стр. 48—49, 104, 105—106, 118 и след.). Близость Пушкина и Т. в эти годы поддерживается и постоянным интересом обоих к русской истории; в распоряжении Т. с середины 1830-х годов находится обширный свод материалов по истории России, собранный им в архивах Ватикана, Рима, Лондона и Парижа; об общении Пушкина и Т. в это время см. также письма Т. к Е. А. Свербеевой («Московский пушкинист», 1927, вып. 1, стр. 24) и И. С. Аржевитинову (*РА*, 1903, кн. I, стр. 143); об обмене книгами между ними см.: *Р. Библ.*, 1916, кн. 4, стр. 34—35; «Альманах библиофила», Л., 1929, стр. 70—71. В 1836 г. Т. становится одним из активных сотрудников «Современника» (*ОА*, т. III, по указ.; М. И. Гиллельсон. А. И. Тургенев и его литературное наследие, стр. 482 и след.). В 1836—1837 гг. связи Т. с Пушкиным особенно тесны из-за общности занятий и близкого соседства (Т. жил в гостинице Демута на месте нынешнего дома № 40 по Мойке: «Московский пушкинист», 1927, вып. 1, стр. 26); они виделись почти каждый день, но о готовящейся дуэли Т. осведомлен не был. Т. был в числе немногих друзей у постели умирающего Пушкина и описал смерть его в нескольких письмах (*ПиС*, вып. VI, стр. 50, 54, 55); он же сопровождал тело Пушкина в Святогорский монастырь. См.: *РА*, 1864, № 4, стлб. 469—471; *ПиС*, вып. I, стр. 53—64; вып. VI, стр. 69 и след.; вып. VIII, стр. 52; «Московский пушкинист», 1927, вып. 1, стр. 23—41; *Щеголев*, по указ.; *Арх. опеки*, стр. 350; *Карамзины*, по указ.; *П. Иссл. и мат.*, т. IV, стр. 366—370. В архиве Т. сохранялись рукописи Пушкина (А. Фомин. Новые рукописи А. С. Пушкина. *Р. библ.*, 1911, кн. 5, стр. 7—30; см. также: Отчет о деятельности ОРЯС АН за 1912 год. . ., СПб., 1912, стр. 1—66 прилож.). Известно 9 писем Пушкина к Т. и 3 письма Т. к Пушкину, *В. В.*

Тьерри (Thierry) Огюстен (1795—1856) — один из крупнейших либеральных французских историков романтической школы периода Реставрации, создатель буржуазной теории классовой борьбы. Пушкин с большим интересом относился к новой французской исторической школе, в том числе к Т. В 1831 г., начав работу над историей французской революции, он опирался и на труды Т. (см.: Б. Томашевский. Пушкин и Франция. Изд. «Сов. писатель», Л., 1960, стр. 204). Импонировала Пушкину также своеобразная манера изложения Т., не исключавшая элементов художественности. Эта особенность была им отмечена в рецензии на «Историю русского народа» Н. А. Полевого (*Акад.*, XI, стр. 121). Вместе с тем Пушкин понимал необходимость самостоятельной разработки исторических вопросов, поэтому он упрекает Полевого за безусловное следование Т. и другим историкам романтической школы. Основные

работы Т., в том числе и наиболее известная «История завоевания Англии норманнами» (Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands... Paris, 1830) были в библиотеке Пушкина (см.: *Библ. П.*, №№ 1432, 1433). *Я. Л.*

Убри Сергей Павлович — дризенский уездный предводитель дворянства; в 1832 г. за произнесенную им речь о том, что дворянство должно составить оппозицию против чиновников, ему был объявлен выговор; затем он был выслан на жительство в Калугу под надзор губернатора И. М. Бибикова. Очевидно, в Калуге и произошла его встреча с Н. Н. Пушкиной и ее сестрами (см.: Д. Н. Свербеев. Записки, т. 1. М., 1899, стр. 301—304). *Я. Л.*

* **Уваров** Сергей Семенович, с 1846 г. граф (1786—1855) — государственный деятель, создатель известной формулы «православие, самодержавие, народность». С 1818 г. президент Академии наук. В апреле 1832 г. назначен товарищем министра народного просвещения, в марте 1833 г. — управляющим этим министерством, а в апреле 1834 г. — министром. В период крайней реакции (1849) уволен от должности министра, но сохранил пост президента Академии наук. У. принадлежит ряд сочинений по вопросам классической филологии и археологии (их перечень см.: *РА*, 1871, стлб. 2106—2107). Отзывы современников характеризуют У. как человека блестящих, но несколько поверхностных дарований, многосторонне образованного, как знатока и любителя искусств и в то же время подчеркивают его тщеславие, карьеризм, способность к низким и нечистым поступкам (см.: *Дн. Модз.*, стр. 145—146; *Дн. Сав.*, стр. 358—362; С. Дурылин. Г-жа де Сталь и ее русские отношения. *ЛН*, т. 33—34, стр. 225—232). Знакомство Пушкина с У. произошло, по-видимому, в кругу участников «Арзамаса», одним из основателей которого был У. (см.: *Летопись*, стр. 82—84, 136, 152, 207). В 1824 г. по выходе «Бахчисарайского фонтана», с которым друзья Пушкина связывали надежды на облегчение участи ссыльного поэта, У., уже успевший заслужить среди арзамасцев репутацию беспринципного карьериста, «отдал императрице экземпляр „Фонтана“ прежде Карамзина и все испортил» (*ОА*, т. III, стр. 33). В начале 1830-х годов У. разыгрывал роль покровителя Пушкина и ценителя его таланта. Летом 1831 г. он предлагал Пушкину поддержать перед Бенкендорфом проект газеты «Дневник» и обещал поэту «первое свободное кресло» в Российской академии (см.: *Акад.*, XIV, № 645), но был «уязвлен» тем, что газета была разрешена через Блудова (*РА*, 1897, кн. I, стр. 657). В октябре 1831 г. У. при комплиментарном письме послал Пушкину свой вольный французский перевод оды «Клеветникам России», но одновременно и Бенкендорфу с предложением использовать перевод в политических целях (см.: П. Е. Щеголев. Из жизни и творчества Пушкина. М.—Л., 1931, стр. 352—357; *Письма*, т. III, стр. 429—430). 27 сентября 1832 г. Пушкин вместе с У. посетил Московский университет, где У. в лестных выражениях представил поэта студентам (см.: И. А. Гончаров, Собрание сочинений, т. 7, М., 1954, стр. 207—208; *Труды и дни*, стр. 270). Подобные отношения сохранялись между ними еще в начале 1834 г. (см.: *Акад.*, XII, стр. 324—325), но переменились в связи с борьбой, которую У. вел против Бенкендорфа за разграничение сфер влияния, и в частности за полную власть над цензурой. В апреле 1834 г., по личному распоряжению У., были произведены цензурные изъятия из поэмы «Анджело». Это стало известно Пушкину (см.: *Никитенко*, т. I, стр. 140—142). Однако в мае 1834 г. Пушкин считал еще возможным обращаться к У. с ходатайством за Гоголя. Первое свидетельство решительного перелома в отношении Пушкина к У. — его дневниковая запись от конца февраля 1835 г., где он характеризует У. как «большого подлеца», ссылаясь на политические обвинения и цензурные притеснения с его стороны (*Акад.*, XII, стр. 337). В начале апреля 1835 г. Пушкин оказывается вынужденным жаловаться Бенкендорфу на «неприязнь» У. и связанные

с ней цензурные притеснения. Тогда же он раздраженно реагировал на назначение клеврета У. Дондукова-Корсакова вице-президентом Академии наук. Реплика по этому поводу в письме к И. И. Дмитриеву и эпиграмма «В Академии наук» направлены в равной мере против Дондукова и У. (см.: Л. Ильинский. Эпиграмма «В Академии наук». *ПиС*, вып. XXXVIII—XXXIX, стр. 205—212; см. также: *РС*, 1881, № 8, стр. 616). В сентябре 1835 г. в ответ на запрос Пушкина У. официально потребовал, чтобы произведения поэта (кроме высочайше одобренных) проходили общую цензуру. С появлением направленной против У. сатиры «На выздоровление Лукулла» отношения между поэтом и У. приобрели открыто враждебный характер. Это сказалось на цензурной истории «Современника». В декабре 1836 г. Пушкин читал и предполагал в дальнейшем использовать в «Современнике» заметки Вяземского на книгу Н. Г. Устрялова (*см.*) «О системе прагматической русской истории», представлявшие собой памфлет против У. (см.: *Акад.*, XII, стр. 285—286). Враждебное отношение У. к Пушкину и позднее к самой памяти о нем (см.: *Никитенко*, т. I, стр. 195; Н. И. Греч. Записки о моей жизни. Изд. «Academia», М.—Л., 1930, стр. 629) послужило основанием для мнения о причастности У. и его окружения к делу об анонимном пасквиле (см.: *Щеголев*, стр. 470—471). Сохранилось одно письмо Пушкина к У. и одно У. к Пушкину. *Н. П.*

Устрялов Николай Герасимович (1805—1870) — историк, экстраординарный профессор Санкт-Петербургского университета, с 5 марта 1837 г. адъюнкт Академии наук, в дальнейшем академик. Специалист по русской истории средних веков. Личное знакомство Пушкина и У. относится к последним годам жизни П., первое упоминание о нем П. относится к 17 марта 1834 г., когда они встретились на совещании редакторов Энциклопедического лексикона Плюшара (*Акад.*, XII, стр. 322). По свидетельству сына историка, Пушкин обращался к У. с расспросами о предполагаемых им исторических трудах и следил за его научной деятельностью (*ИВ*, 1884, № 6, стр. 581); в «Дневнике» он характеризует как «важную вещь» материалы процесса над патриархом Никоном, которые предполагал издать У. В библиотеке Пушкина сохранились изданные У. «Сказания современников о Димитрии Самозванце» (ч. I—V, СПб., 1831—1834) и «Сказания князя Курбского» (ч. I—II, СПб., 1833) (*Библ. П.*, стр. 107—109); эти же книги Пушкин пересылал Кюхельбекеру в Свеаборгскую крепость. Об отношении Пушкина к книге У. «О системе прагматической русской истории» (СПб., 1836) см.: *ЛН*, т. 16—18, стр. 605—606. Существует одно письмо У. к Пушкину. *В. В.*

** **Ушаков** Николай Иванович (1802—1861) — военный писатель и историк. Окончив в 1821 г. I кадетский корпус, служил на Кавказе, где участвовал во многих экспедициях и в турецкой кампании 1828—1829 гг. Здесь начал службу при гр. Паскевиче и в качестве его адъютанта находился при нем во время подавления польского восстания 1831 г. Позднее (до 1853 г.) У. — правитель канцелярии гр. Паскевича и его доверенное лицо. Умер в чине генерал-лейтенанта (см. заметку П. И. Бартенева в кн.: Девятнадцатый век, кн. II. М., 1872, стр. 02). В 1836 г. У. издал «Историю военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 годах», где упомянул об участии Пушкина в перестрелке 14 июня 1829 г. Экземпляр этой книги он подарил Пушкину (см.: *Библ. П.*, № 402). Имеются, однако, свидетельства, что в своей книге У. широко использовал материалы, изъятые у поднадзорного В. Д. Сухорукова (Ан. Линин. Историк войска Донского В. Д. Сухоруков и А. С. Пушкин. В кн.: Пушкин. 1837—1937. Азчериздат, Ростов н/Д., 1937, стр. 83, 121). Известно одно письмо Пушкина к У. *Н. П.*

Фариков Александр Феофанович (ум. 1852 г.) — петербургский книгопродавец (до 1840 г.) и издатель. Начал свою деятельность в книжной торговле Глазуновых; с 1828 г. открыл свою книжную торговлю в Гостином дворе, по Суконной линии (см.: Материалы для истории русской

книжной торговли. СПб., 1879, стр. 24). С Ф. были связаны братья Полевые (см. в кн.: Записки Ксенофонта Алексеевича Полевого. СПб., 1888, стр. 450, 486). *В. В.*

Федоров Борис Михайлович (1798—1875) — литератор и журналист. Печатался с 1813 г. В 1815 г. вместе с А. Ф. Рихтером и др. издавал журнал архаического направления «Кабинет Аспазии». С 1819 г. член Вольного общества любителей словесности, где принадлежал к консервативному крылу (см.: *Базанов*, стр. 443 и др.; *Стар. и нов.*, кн. VIII, стр. 30—31). С 1818 по 1826 г. служил в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий; в 1821—1824 гг. был секретарем при директоре Департамента А. И. Тургеневе, который относился к Ф. с расположением и покровительствовал ему. Через Тургенева познакомился с Н. М. Карамзиным, который также оказывал ему покровительство (см.: *РС*, 1874, № 9, стр. 70—71 (ср.: *РС*, 1899, № 1, стр. 213); *РС*, 1874, № 10, стр. 260; *ОА*, т. III, стр. 25); но среди молодежи из окружения Карамзина не пользовался уважением (см.: *ОА*, т. II, стр. 329; *Акад.*, XIII, № 279). Писал много и печатался в «Соревнователе», «Благонамеренном», «Московском телеграфе», «Северной пчеле», «Лит. приб. к Русск. инвалиду», «Библиотеке для чтения» и др. Не раз сам выступал как издатель. В 1830—1840-х годах был связан с III отделением и имел репутацию крайнего ретрограда (см.: *Стар. и нов.*, кн. II, стр. 177, 240; *ОА*, т. III, стр. 268; *ИВ*, 1888, № 10, стр. 107—108; *Никитенко*, т. I, стр. 297; *Лемке*, стр. 309—315). С мая 1833 г. член Российской академии (см.: М. И. Сухомлинов. История Российской академии, т. VII. СПб., 1885, стр. 472—473). См. о Ф.: Знакомые. Альбом М. И. Семевского. СПб., 1888, стр. 19; «Илл. неделя», 1875, № 17, 4 мая, стр. 271; А. К. Покровская. Федоров Б. М. В кн.: Материалы по истории русской детской литературы. Вып. I. М., 1927, стр. 135—149. Иронически-пренебрежительное отношение Пушкина к Ф. сложилось еще в Лицее и упрочилось в последующие годы (см.: *Акад.*, I, стр. 161; ср.: *Акад.*, VI, стр. 301; XIII, № 232). В 1824 г. Ф. напечатал рецензию на «Бахчисарайский фонтан» («Благонамеренный», 1824, № 7, стр. 54—67). В своем дневнике и эпиграммах 1820-х годов Ф., «принимая» Пушкина, выступал против пушкинского направления в целом (см.: *Р. библ.*, 1911, кн. 5, стр. 32—33; В. Каллаш. Puschkiniana. Вып. II. Киев, 1902, стр. 73—74; см. также: Б. Томашевский. Пушкин. Кн. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 522—523). У Пушкина литературно-критические приемы и содержание выступлений Ф. уже в середине 1820-х годов ассоциировались с позицией Булгарина (см.: *Акад.*, XIII, № 214; XIV, № 381). В 1826 г. Ф., по-видимому при содействии А. И. Тургенева, получил для своего альманаха «Памятник отечественных муз» несколько ранних стихотворений Пушкина, к которым он своевольно присоединил отрывки из «Фавна и пастушки». Против этого от имени Пушкина печатно протестовал О. М. Сомов (см.: «Северные цветы на 1829 год», СПб., 1828, стр. 35—36), а сам поэт видел в поступке Ф. пример «неуважения к литературной собственности» (см.: *Акад.*, XI, стр. 82 и 157). Ю. М. Лотман предлагает в этой публикации видеть отклик на декабрьское восстание, что сомнительно (см.: Уч. зап. Тартуск. унив., вып. 98, 1960, стр. 136—139). В 1827 г. Пушкин напечатал эпиграмму «Русскому Геснеру», которую Б. В. Томашевский отнес к Ф. (см.: «Книга и революция», 1922, № 7, стр. 48—49; *Акад. в 10 т.*, т. III, стр. 524—525. Против этого возражает Т. Г. Цявловская: *Летопись*, стр. 753; *Гослит. в 10 т.*, т. 2, стр. 698). Первые свидетельства о личном общении Пушкина и Ф. относятся к лету 1827 г. (см. дневник К. С. Сербиновича: *ЛН*, т. 58, стр. 256, и самого Ф.: *Р. библ.*, 1911, кн. 5, стр. 33). Посещения Ф., видимо, тяготили Пушкина и вызвали его эпиграмму «Пожалуй, Федоров, ко мне не приходи» (*Акад.*, III, стр. 122). В 1828 г. Ф. издал единственный том журнала «Санкт-Петербургский зритель», где поместил свой разбор IV и V глав «Евгения Онегина», иронически встреченный Пушкиным (см.: *Акад.*, VI, стр. 193, 194 (прим. 23, 24, 32, 33, 36),

536; XI, стр. 149; XIV, № 395). По свидетельству П. А. Плетнева (см.: Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III. СПб., 1896, стр. 401), в стихотворении 1829 г. «Собранье насекомых» под «мелкой букашкой» разумеется «Борька» Ф. Одно время Пушкину приписывали эпиграмму на Ф. («Федорова Бо́рьки. . .»), принадлежащую А. А. Дельвигу (см.: «Иллюстрация», 1875, № 15, 17 апреля; «Илл. неделя», 1875, № 17, 4 мая, стр. 271; А. А. Дельвиг, Полное собрание стихотворений, изд. «Сов. писатель», Л., 1959, стр. 185, 321—322). Упоминавшийся выше дневник Ф. 1827—1828 гг. представляет интерес сведениями о встречах Ф. с Пушкиным, его отзывами о стихотворениях поэта и т. д. (см.: *Р. библ.*, 1911, кн. 5, стр. 32—35; некоторые дополнения в кн.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1907 г. СПб., 1914, стр. 42—43). О Пушкине и Ф. см. также: *Путеводитель*, стр. 358. *Н. П.*

Феофан (Феофан Прокопович, 1681—1736) — выдающийся церковный и политический деятель, один из ближайших сподвижников Петра I. Способствовал отмене патриаршества и учреждению Синода; в качестве митрополита новгородского и одного из руководителей Синода проводил политику секуляризации. Документы, освещающие эту сторону деятельности Ф., в подавляющем большинстве своем опубликованы не были; в изучении ее Пушкин опирался, по-видимому, прежде всего на сочинения самого Ф. На официозную «Историю императора Петра Великого от рождения его до полтавской баталии», изданную под именем Ф. кн. Щербатовым в 1773 г., Пушкин неоднократно ссылался в «Истории Петра». Пушкину были известны факты участия Ф. в дворцовых интригах, в частности содействие возведению на престол Екатерины I (*Акад.*, X, стр. 288); сведения этого рода он мог почерпнуть и из просмотренных им опубликованных и архивных материалов (например, из «журналов» Петра, записок Бассевича; см.: И. Фейнберг. Незавершенные работы Пушкина. Изд. 4-е. М., 1964, стр. 159 и т. д.). Характеристику Ф. как честолюбивого архиерея, из лести и подобострастия угождавшего Петру, дал, в частности, М. М. Щербатов («О повреждении нравов в России»; сочинение это было известно в многочисленных списках; см.: П. П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. II. СПб., 1862, стр. 575). *В. В.*

Фиески (Fieschi) Джузеппе (1790 (?)—1836) — организатор бонапартистского заговора против короля Луи-Филиппа в 1835 г.; суд над Ф. в Париже привлек к себе внимание мировой общественности и отразился в парижских корреспонденциях А. И. Тургенева. См.: *ОА*, т. III, по указ.; А. И. Тургенев. Хроника русского. Дневники. (1825—1826). Изд. «Наука», М.—Л., 1964 (по указ.).

* **Фикельмон Дарья Федоровна, графиня (1804—1863)** — дочь Е. М. Хитрово от первого брака с гр. Ф. И. Тизенгаузеном, погибшим в сражении под Аустерлицем. С 1821 г. жена гр. К.-Л. Фикельмона (*см.*). Одна из наиболее заметных петербургских красавиц, женщина незаурядного ума, большой литературной культуры, независимая в суждениях. Ее салон в Петербурге (в австрийском посольстве на Дворцовой набережной) был светским, литературным и политическим центром, где, по словам Вяземского, «и дипломаты, и Пушкин были дома» (*Вяземский*, т. VII, стр. 226). Пушкин познакомился с супругами Ф. в ноябре (до 10 декабря) 1829 г. (см.: Н. Раевский. Если заговорят портреты. Изд. «Жазуши», Алма-Ата, 1965, стр. 88—89) и стал частым посетителем их салона, где он мог узнавать заграничные политические новости, не пропускавшиеся в русскую печать. На рауте у Ф. 16 ноября 1836 г. произошло столкновение Пушкина с Дантесом, известное по воспоминаниям В. А. Соллогуба (*Соллогуб*, стр. 363). По свидетельству П. И. Бартенева, Ф. «по примеру матери своей высоко ценила и горячо любила гениального поэта» (*РА*, 1911, кн. III, № 9, обл.). Существует мнение, идущее от П. В. Нащокина, что между Пушкиным и Ф. существовали более близкие отношения, чем просто светское знакомство (см.: М. Цявловский. Пушкин и графиня

Д. Ф. Фикельмон. «Голос минувшего», 1922, № 2, стр. 108—123). Некоторые исследователи оспаривают это мнение (Л. Гроссман. Этюды о Пушкине. М.—Пгр., 1923, стр. 77—113; Н. В. Измайлов. Комментарий. В кн.: *Письма к Хитрово*, стр. 56—57). Разбор этого вопроса см. в указанной книге Н. Раевского, глава «Д. Ф. Фикельмон в жизни Пушкина», стр. 86—134. До нас дошло только одно письмо Пушкина к Ф. от 25 апреля 1830 г. (*Акад.*, XVI, № 1374/466а; *Спр. том* (XVII), стр. 76) и одна ее записка к поэту от 11 января 1830 г. (*Акад.*, XIV, № 446, с неточной, предположительной датой), но ее имя часто встречается в дневнике и письмах Пушкина. В письмах Ф. к П. А. Вяземскому (*РА*, 1884, кн. II, № 4, стр. 418—419) и в ее дневнике в свою очередь имеются замечательные по глубине и тонкости записи о Пушкине, о его жене, а также подробный рассказ об обстоятельствах дуэли и смерти поэта. Дневник был обнаружен Н. А. Раевским в Чехословакии у потомков графини (см.: Н. Раевский. Если заговорят портреты, стр. 44 и след., особенно 53—54). Отрывок о дуэли и смерти Пушкина был напечатан в 1956 г. (Е. М. Хмелевская. Новый документ о дуэли и смерти Пушкина. *П. Иссл. и мат.*, т. I, 1956, стр. 343—350); в 1959 г. в Чехословакии были опубликованы все записи, относящиеся к Пушкину (А. В. Флоровский. Пушкин на страницах дневника графини Д. Ф. Фикельмон. Slavia, Praha, 1959, ročn. XXVIII, seš. 4, стр. 555—578. Извлечения из публикации Флоровского см.: *Врем. ПК*, 1962, стр. 32—37). Общий обзор дневника с многочисленными выдержками сделан также А. В. Флоровским (Дневник графини Д. Ф. Фикельмон. Wiener slavistisches Jahrbuch, Bd. VII, Graz-Köln, 1960, стр. 49—99). См. также указанную выше книгу Н. Раевского, стр. 44—182; *Письма к Хитрово*, по указ. *Я. Л.*

Фикельмон Карл-Людвиг, граф (1777—1857) — австрийский генерал и дипломат, с 1829 г. посол в Петербурге, сторонник и проводник политики Меттерниха, но без его крайней реакционности. В 1821 г. он во Флоренции женился на дочери Е. М. Хитрово гр. Д. Ф. Тизенгаузен, которая была моложе его на 27 лет (см. о ней выше). Человек многостороннего образования, Ф. оставил ряд книг по вопросам современной политики на французском, итальянском, немецком и голландском языках (см.: *Дн. Модз.*, стр. 36—38). Был расположен к Пушкину, который часто бывал в доме Ф. и пользовался книгами из его библиотеки. О расположении Ф. к Пушкину свидетельствует дружеская записка Ф. от 27 апреля 1835 г., вместе с которой он посылает Пушкину два «контрабандных» тома сочинений Г. Гейне, изд. 1835 г. (*Акад.*, XVI, № 1052). В сочувственном тоне написано и официальное донесение Ф. Меттерниху о дуэли и смерти Пушкина (*Щеголев*, стр. 375—376). См. также: Н. Раевский. Если заговорят портреты. Алма-Ата, 1965, стр. 61—66; *Письма к Хитрово*, стр. 154. *Я. Л.*

Фирска см. Иванов Фирс.

Фонвизин Денис Иванович (1745—1792) — драматург. Пушкин видел в Ф. одну из крупнейших фигур в русской литературе XVIII в., постоянно отмечая силу и оригинальность его дарования и считая «Недоросль» «единственным памятником народной сатиры» («Опровержение на критики», 1830: *Акад.*, XI, стр. 155; см. также его «Заметки по русской истории XVIII века» (*Акад.*, XI, стр. 16) и рецензию на 2-е издание «Вечеров на хуторе близ Диканьки», 1836: *Акад.*, XII, стр. 27 и др.). Фигура Ф.-сатирика, обличителя общественных нравов, появляется в ранней поэме Пушкина «Тень Фонвизина» (1815), созданной под влиянием «Послания к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» Ф. В оценках Ф. Пушкин расходится с историографической традицией, обычно в 20—30-е годы недооценившей творчество Ф. (см.: П. Н. Берков. Пушкинская концепция истории русской литературы XVIII века. *П. Иссл. и мат.*, т. IV, стр. 87—88; см. также: А. З. Жаворонков. Пушкин о сатире. Уч. зап. Новгородск. пед. инст., историко-филол. факультет, т. I, вып. 1, Новгород, 1956, стр. 85). В 1830 г. Пушкин печатает в «Литературной газете» неизданное произведение Ф. «Разговор у княгини Халдиной» (№ 3) и затем статью

«О разговоре у княгини Халдиной» (№ 7; *Акад.*, XI, стр. 96) — ответ на заметку Булгарина, высказавшего сомнение в ее подлинности. Как статья, так и публикация были связаны с многолетней работой Вяземского над биографией Ф., работой, в которой Пушкин принимал деятельное участие. Как Вяземского, так и Пушкина остро интересовала роль Ф. в общественном и литературном движении его времени; Пушкин многократно определял Ф. как «друга свободы», подчеркивая самостоятельность и оппозиционность его общественной позиции и его социальный критицизм (*Акад.*, I, стр. 161; II, стр. 269; VI, стр. 12; XI, стр. 16), хотя и замечал, что на его характер наложила известную печать обстановка двора (*Акад.*, XI, стр. 226, 253). Пушкин сделал ряд замечаний на работу Вяземского; соглашаясь с основными положениями работы, Пушкин возражал против отрицательной оценки Вяземским французских впечатлений Ф., в частности резкого критицизма сатирика по отношению к быту и культуре Франции XVIII в. (П. Вяземский. Жизнь Фон-Визина. СПб., 1848, стр. 572). Чтение Ф. отразилось в ряде произведений Пушкина в виде реминисценций, цитат, эпиграфов, даже использования образных средств (ср.: «Простаковы», «Скотинины» — в «Евгении Онегине»: *Акад.*, VI, стр. 109; в «Романе в письмах»: *Акад.*, VIII, стр. 53; характеристика Савельича в «Капитанской дочке» стихом из «Послания к слугам моим»: *Акад.*, VIII, стр. 284 и др.). См.: Д. Благой. Пушкин и русская литература XVIII века. В кн.: Пушкин — родоначальник новой русской литературы. Изд. АН СССР, М.—Л., 1941, стр. 148—166; Новонайденный автограф Пушкина. (Заметки на книге П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине»). Изд. «Наука», М.—Л., 1968. *В. В.*

Фридрих-Вильгельм (1795—1861) — прусский наследный принц, впоследствии (с 1840 г.) король Фридрих-Вильгельм IV, брат имп. Александры Федоровны. О его пребывании в России с 13 июня по 1 августа 1834 г. Пушкин сделал запись в дневнике в 20-х числах июня (*Акад.*, XII, стр. 331).

** **Фукс** Александра Андреевна, урожд. Апехтина (ум. в 1853 г.), — племянница казанского поэта Г. П. Каменева, автора «Громвала», жена профессора К. Ф. Фукса (*см.*). Стихи и этнографические очерки Ф. печатались в казанском журнале «Заволжский муравей» и в «Казанских губернских ведомостях»; в 1838 г. в «Библиотеке для чтения» появилась ее повесть «Черная коса» (т. 28, стр. 209—257), ряд сочинений Ф. вышел отдельными изданиями. Литературный салон Ф., существовавший четверть века и бывший средоточием местной интеллигенции, составил эпоху в общественной жизни Казани (см.: М. Ф. де-Пуле. Отец и сын. *РВ*, 1875, № 9, стр. 619, 621; Е. А. Бобров. А. А. Фукс и казанские литераторы 30—40-х годов. *РС*, 1904, № 6, стр. 481—509; № 7, стр. 6—35). Ф. была знакома с Е. А. Баратынским, И. В. Киреевским, Н. М. Языковым. Пушкин познакомился с Ф. в Казани 7 сентября 1833 г., когда провел вечер в ее доме. Источником сведений о знакомстве и последующих отношениях между Пушкиным и Ф. служат воспоминания Ф. «Пушкин в Казани» («Казанские губ. ведомости», 1844, № 2, 10 января); письмо Пушкина к Н. Н. Пушкиной от 12 сентября 1833 г. (*Акад.*, XV, № 845) и последующая переписка между Пушкиным и Ф. Ф. оставила подробный рассказ о содержании своего единственного разговора с Пушкиным. По выходе «Истории Пугачевского бунта» поэт послал экземпляр книги Ф. Противоречие между светски-любезным тоном писем Пушкина к Ф. и иронической характеристикой ее в письме к жене не раз служило предметом специального внимания (см.: *Письма*, т. III, стр. 627). Эта характеристика побудила П. А. Суворова безосновательно приписать Пушкину эпиграмму «О ты, младая муза» и ошибочно отнести ее к Ф. (см.: *М. вед.*, 1898, № 44, 13 февраля, стр. 4; ср. возражение: Е. Д. Пушкин и «муза Закамских берегов». *М. вед.*, 1898, № 58, 28 февраля, стр. 2, и отклики: «Одесские новости», 1898, № 4246; «Петербургская газета»,

1898, № 127). Для Пушкина, привлеченного в дом Фуксов историческими познаниями хозяина, знакомство с Ф. носило случайный характер, для нее же поэт до конца дней оставался предметом восторженного поклонения. 8 сентября 1833 г. Ф. написала стихи «На проезд А. С. Пушкина чрез Казань». Несмотря на то что Пушкин явно уклонился от поэтического ответа, Ф. продолжала посылать ему и последующие издания своих стихов и прозы (см.: *Библ. П.*, №№ 409—411). С готовностью откликнулась Ф. и на сделанное ей Пушкиным предложение участвовать в «Современнике», но ее сочинения там не появились. Под влиянием Пушкина возник у Ф. замысел не дошедшего до нас романа «Зюлима, или Пугачев в Казани». Подробные сведения о Ф. и ее знакомстве с Пушкиным см.: *Письма*, т. III, стр. 623—627. Известно 4 письма Пушкина к Ф. и 4 письма Ф. к Пушкину. Письма Ф. сохранились неполностью. *Н. П.*

Фукс Карл Федорович (1776—1846) — муж А. А. Фукс (*см.*), профессор естественной истории и ботаники (1805—1818), затем терапии, патологии и клиники Казанского университета; ректор университета (1823—1824, 1825—1828); знаток местного края. С 1 июля 1833 г. в отставке. Деятельный сотрудник казанских изданий («Казанский вестник», «Заволжский муравей», «Казанские губ. ведомости»). Пушкин познакомился с Ф. 7 сентября 1833 г. в Казани, где Ф. оказал ему содействие в сборе сведений о Пугачеве (см.: *Акад.*, XV, № 845; прим. 2 к главе VIII «Истории Пугачева»: *Акад.*, IX, стр. 116; А. А. Фукс. Пушкин в Казани. *РС*, 1899, кн. 5, стр. 258). Упоминания о Ф. в письмах Пушкина к А. А. Фукс свидетельствуют об уважительном отношении к нему поэта. В библиотеке Пушкина был оттиск сочинения Ф. «Путешествие по Башкирскому Уралу» («Казанский вестник», 1832, ч. XXXV—XXXVI; см.: *ЛН*, т. 16—18, стр. 1009). По воспоминаниям Ф., вошедшим в его предисловие к неопубликованному роману А. А. Фукс «Зюлима, или Пугачев в Казани», Пушкин взял с него слово продолжить собирание материалов о Пугачеве. Это слово Ф. сдержал после смерти поэта (см.: М. Ф. де-Пуле. Отец и сын. *РВ*, 1875, № 8, стр. 620). О Ф. см. также: *Письма*, т. III, стр. 632—634. *Н. П.*

Хвостов Александр Семенович (1753—1820) — переводчик и поэт, двоюродный брат известного графомана Д. И. Хвостова (*см.*). В конце 1770-х—начале 1780-х годов близок к так называемому «львовско-державинскому литературному кружку». С 1793 г. член Российской академии; со времени основания «Беседы любителей российского слова» (1811) член ее и председатель ее 3-го разряда. Был известен как острослов, автор рукописных и изустно передаваемых стихотворных памфлетов и эпиграмм. Х. принадлежит памфлет на Фонвизина «Послание к творцу послания, или Копия к оригиналу»; нападения Х. на Фонвизина вызвали в начале 1780-х годов литературную полемику (см. эпиграмму на него И. И. Хемницера в изд.: И. И. Хемницер, Полное собрание стихотворений, изд. «Сов. писатель», М.—Л., 1963, стр. 217). *В. В.*

* **Хвостов** Дмитрий Иванович, граф (1757—1835) — стихотворец, член Российской академии и «Беседы любителей русского слова», с 1807 г. — сенатор. См. о нем в *РБС*. Сочинения Х., архаические по своему характеру, постоянно служили мишенью для насмешек его современников, и Пушкина в том числе. Уже в стихотворениях лицейского периода Х. то под своим именем, то под традиционными кличками (Графов, Графон, Свистов, Хлыстов) осмеивается среди других участников «Беседы». Упоминания о Х. в стихотворениях Пушкина этих и последующих лет собраны М. А. Цявловским (см.: *Путеводитель*, стр. 364). В 1825 г. Пушкин написал пародийную «Оду его сият. гр. Дм. Ив. Хвостову» (*Акад.*, II, стр. 387—389), направленную одновременно против Х. и пропагандистов жанра оды В. К. Кюхельбекера и К. Ф. Рылеева (см.: Ю. Тынянов. Архаисты и новаторы. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 206—218). К 1830 г. относятся первые свидетельства о встречах Пушкина и Х., а в 1831 (по случаю выхода стихотворения «Клеветникам России») и 1832 гг. Х. «в знак отличного уважения к дарованиям» поэта (*Акад.*,

XIV, № 695) дважды посвящал ему стихи (см.: В. Каллаш. Русские поэты о Пушкине. М., 1899, стр. 301—304). В связи с этим между Пушкиным и Х. произошел обмен письмами. В том же 1832 г. Х. дважды дарил Пушкину свои сочинения (см.: *Библ. П.*, №№ 412—413; ср.: *ЛН*, т. 58, стр. 108). Высказывалось предположение, что в эти годы Пушкин с уважением относился к Х.-сенатору, известному своей честностью и умеренным либерализмом, и беседовал с ним о новых сенатских постановлениях (см.: *ЛН*, т. 16—18, стр. 598—599; ср.: *Рук. ПД*, *1937*, стр. 598—599). Отношение Пушкина к Х.-поэту всегда саркастически-насмешливое (см., например: *Акад.*, III, стр. 487, 494 и 898; XIV, №№ 652, 702). Таково и упоминание о Х. в «Медном всаднике» (*Акад.*, V, стр. 145; см.: Л. В. Пумпянский. «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII в. *П. Врем.*, т. 4—5, стр. 101—104, 107—108). Из отзывов Х. о Пушкине видно, что, признавая дарование поэта, он в то же время расценивал его с позиций поэтики классицизма (см.: *ЛН*, т. 58, стр. 108; *PC*, 1911, № 8, стр. 338; П. О. Морозов. Д. И. Хвостов. *PC*, 1892, № 8, стр. 413—414; А. В. Западов. Пушкин и Хвостов. *Лит. арх.*, т. I, стр. 265—272). Сохранилось одно письмо Пушкина к Х. и 2 письма Х. к поэту. О Пушкине и Х см. также: *Дн. Сав.*, стр. 547—551. *Н. П.*

* **Хитрово** Елизавета Михайловна, **урожд. Голенищева-Кутузова**, в первом браке гр. Тизенгаузен (1783—1839), — дочь фельдмаршала кн. М. И. Кутузова-Смоленского. Первый ее муж гр. Фердинанд (Федор Иванович) Тизенгаузен погиб в 1805 г. под Аустерлицем, оставив ей двух дочерей: Екатерину, впоследствии камер-фрейлину (1803—1888), и Дарью, впоследствии гр. Д. Ф. Фикельмон (*см.*). В 1811 г. Е. М. вышла замуж вторично, за генерал-майора Н. Ф. Хитрово, который умер в 1819 г. во Флоренции, где занимал до 1817 г. должность русского поверенного в делах. После его смерти Х. с дочерьми еще несколько лет прожила за границей (главным образом в Италии и Австрии) и в 1826 или 1827 г. вернулась в Россию, в Петербург. В 1827 г. состоялось ее знакомство с Пушкиным, перешедшее в долголетнюю дружбу (см.: Н. В. Измайлов. Пушкин и Е. М. Хитрова. *Письма к Хитрово*, стр. 143—204). Европейски образованная, живо интересующаяся современной литературой, бывшая в силу своих широких придворных и дипломатических связей в курсе новейших общественно-политических и литературных событий Европы, Х. была вместе с тем искренней патриоткой, преданной хранительницей славы своего отца и ревностной поклонницей русской литературы. В числе ее друзей и знакомых мы находим видных русских поэтов и писателей, таких как Вяземский, Жуковский, Козлов, А. И. Тургенев, Соллогуб и др. Многим из них она не раз оказывала бескорыстную дружескую помощь. Особенно деятельное участие Х. принимала в делах Пушкина, как чисто практических, житейских, так и литературно-общественных, участие, основанное не только на глубокой личной привязанности, но и на восторженном преклонении перед гением поэта и на понимании национального и исторического значения его деятельности. Наиболее интенсивным периодом ее общения с Пушкиным были 1830—1831 годы, на которые приходится и подавляющее большинство писем Пушкина к Х., затрагивающих широкий круг животрепещущих проблем современной политической и литературной жизни: Июльскую революцию во Франции, польское восстание 1831 г., новинки русской и французской литературы, собственные творческие планы Пушкина и т. п. (см. об этом статьи Б. В. Томашевского и М. Д. Беляева в кн.: *Письма к Хитрово*, стр. 205—361). Есть все данные утверждать, что и в последующие годы, до самой трагической гибели Пушкина, Х. продолжала оставаться преданным и близким его другом. О встречах Пушкина и Х. весной 1834 г. пишет Н. О. Пушкина О. С. Павлищевой (*ЛН*, т. 16—18, стр. 788). В июле 1834 г. Х. вместе с Жуковским хлопотала о том, чтобы в деле с отставкой Пушкина не было неблагоприятных последствий. По просьбе Пушкина и совместно с ним она принимала участие

в делах А. П. Керн (*Письма*, т. III, стр. 77, 516—518). Х. продолжала и в 1830-е годы горячо интересоваться судьбой литературных произведений Пушкина (см.: Ю. М. Лотман. Из истории полемики вокруг седьмой главы «Евгения Онегина». (Письмо Е. М. Хитрово к неизвестному издателю). *Врем. ПК.*, 1962, стр. 52—57; подробные данные об отношениях Х. и Пушкина в связи с публикацией стихотворения «Полководец» (1835) см.: *П. Врем.*, т. 4—5, стр. 125—164). В ноябре 1836 г. в числе других близких знакомых и друзей Пушкина Х. получила анонимный пасквиль, пересланный ею нераспечатанным Пушкину, который, по свидетельству В. А. Соллогуба, написал Х. не дошедшее до нас письмо по поводу «безыменного письма» (*Соллогуб*, стр. 358). Смерть Пушкина Х. пережила как большое личное горе (см.: *Вяземский*, т. VIII, стр. 494). Она приезжала повидаться с умирающим Пушкиным (*ПиС*, вып. VI, стр. 52, 54). Характер отношений Х. к Пушкину позволяет полностью отбросить распространенную в светских кругах версию о причастности ее к преддуэльным событиям (см. переписку В. Г. Теплякова с Р. С. Эдлинг в марте 1837 г.: *ЛН*, т. 58, стр. 143). До нас дошло 26 писем Пушкина к Х. и 6 писем Х. к Пушкину. ***Р. И.***

Хлопуша (Соколов Афанасий) — один из вождей пугачевского движения, получивший у Пугачева «чин» «над заводскими крестьянами полковник», руководил литьем пушек для пугачевских войск.

** **Хлюстин Семен Семенович** (1810—1844) — светский знакомый Пушкина и Н. Н. Гончаровой. Учился за границей; по возвращении в Россию служил в С.-Петербургском уланском полку, участвовал в турецкой войне 1828—1829 гг., вышел в отставку в чине поручика. В 1834 г. чиновник особых поручений по Министерству внутренних дел. Состоял действительным членом Общества испытателей природы и членом-сотрудником Общества любителей словесности при Московском университете. Был дружен с М. Ф. Орловым и переводил на французский язык его книгу «О государственном кредите»; поссорившись с Орловым, уничтожил свой перевод (см.: *РС*, 1892, № 5, стр. 224). О литературных интересах Х. писал в 1834 г. Вяземский, давший ему сдержанно одобрительную характеристику (*ОА*, т. III, стр. 262). Связи Х. в литературном мире укреплялись еще и благодаря тому, что его сестра А. С. Хлюстина была замужем за гр. Сиркуром (*см.*). В начале 1836 г. Х. выступал в качестве посредника в предполагавшейся дуэли Пушкина с В. А. Соллогубом (Б. Модзалевский. Пушкин. Изд. «Прибой», Л., 1929, стр. 375; *Соллогуб*, стр. 523—524). В том же году у Пушкина было с Х. резкое столкновение, едва не окончившееся дуэлью. Известно 2 письма Пушкина к Х. и 2 — Х. к Пушкину. О Х. см. также в ст.: И. С. Зильберштейн. Парижские находки. О чем повествуют акварельные портреты Пушкинской поры... «Огонек», 1967, № 31, июль, стр. 25—27 (с репродукцией портрета Х. работы А. П. Брюллова). *В. В.*

Хмельницкий Александр Иванович (род. 1803 ?) — журналист; в 1836 г., в самом начале своей деятельности, находясь в трудном материальном положении, обратился к Пушкину с просьбой о помощи, и Пушкин ходатайствовал о нем перед А. А. Жандром. В конце 1850-х годов Х. был уполномоченным графа Г. А. Кушелева-Безбородко и активным сотрудником издаваемого им журнала «Русское слово». Отрицательная характеристика личности Х. дана Н. В. Шелгуновым (см.: Н. В. Шелгунов. Л. П. Шелгунова. М. Л. Михайлов. Воспоминания. В двух томах. Т. 1. Гослитиздат, 1967, стр. 129—130; см. также в воспоминаниях Л. П. Шелгуновой: там же, т. II, стр. 114; ср. записки Е. А. Штакеншнейдер: *РВ*, 1901, № 6, стр. 448—450; А. А. Григорьев. Материалы для биографии. Под ред. Вл. Княжнина. Пг., 1917, стр. 257). Сводку данных о Х. см.: *ЛН*, т. 16—18, стр. 583—584. *В. В.*

Хомяков Алексей Степанович (1804—1860) — писатель, впоследствии один из идеологов славянофильства. Пушкин познакомился с Х. 12 октября 1826 г. на чтении «Бориса Годунова» у Веневитиновых, где после Пушкина Х. читал свою трагедию «Ермак» (см.: *Барсуков*, кн. II, стр. 45). Х. входил

в кружок «любомудров», предпринявших в 1827 г. издание «Московского вестника»; 24 декабря 1826 г. на обеде у Х. по случаю «рождения» журнала был Пушкин. В 1827—1828 гг. Х. жил в Петербурге, посещал салоны Е. А. Карамзиной и В. Ф. Одоевского, где, несомненно, часто встречался с Пушкиным (см.: *Р. библ.*, 1916, № 6, стр. 67). В Москве встречи бывали у Погодина (см.: *Барсуков*, там же) и в других местах. Пушкин хорошо отзывался о стихах Х. и критически о его трагедиях (см.: *Акад.*, XIV, № 702; см. также наброски предисловия к «Борису Годунову» и статью «О народной драме и драме „Марфа Посадница"»: *Акад.*, XI, стр. 141, 180). Наиболее резко это мнение выражено в дневниковой записи 2 апреля 1834 г.: «Кук‹ольник› пишет Ляпунова. Хомяков тоже. — Ни тот, ни другой не напишут хорошей трагедии. Барон Розен имеет более таланта» (*Акад.*, XII, стр. 323). Отзывов Х. о творчестве Пушкина не сохранилось; смерть поэта произвела на него сильное впечатление, причем главную долю вины он приписывал «гадости общества Петербургского» (см. его письма к Н. М. Языкову: *РА*, 1884, кн. III, стр. 202—203). См. также: *Дн. Модз.*, стр. 118—120; *Дн. Сав.*, стр. 335—339. *Я. Л.*

Цезарь (Caesar; у Пушкина — Кесарь) Гай Юлий (100—44 гг. до н. э.) — древнеримский государственный деятель, полководец и писатель. В 49 г. до н. э. был провозглашен пожизненным диктатором. Убит заговорщиками из республиканской аристократии во главе с Брутом и Кассием. Ц. никогда не вызывал симпатий Пушкина. Следуя декабристским воззрениям, он в стихотворении 1821 г. «Кинжал» прославляет его убийство как торжество закона, справедливости и вольности (*Акад.*, II, стр. 173). В 1824 г. презрительно-пренебрежительное отношение к Бруту Пушкин вложил в уста торжествующего Александра I, несущего народам «тихую неволю» (*Акад.*, II, стр. 311). Против попыток «позорить убийство» Ц. Пушкин выступает в записке «О народном воспитании», причем объявляет «Брута защитником и мстителем коренных постановлений отечества, а Кесаря честолюбивым возмутителем» (*Акад.*, XI, стр. 47). Эта трактовка вызвала неудовольствие Николая I (см.: М. М. Покровский. Пушкин и античность. *П. Врем.*, т. 4—5, стр. 48). В поэме «Анджело» (1833) одно из речений Ц. вложено в уста «надменного» и «злобного» Анджело (*Акад.*, V, стр. 127). Об отношении Пушкина к Ц. см.: Д. П. Якубович. Античность в творчестве Пушкина. *П. Врем.*, т. 6, стр. 106, 138, 151, 154 и др. *Н. П.*

** **Чаадаев** Петр Яковлевич (1794—1856) — философ, писатель, автор «Философических писем». Участник войны 1812 г. и европейского похода 1814 г.; в 1816—1821 гг. офицер лейб-гвардии Гусарского полка, стоявшего в Царском Селе; всю остальную жизнь не служил. Один из близких друзей Пушкина, который познакомился с ним у Карамзиных в 1816 г. (*Летопись*, стр. 97); в ранний период биографии Пушкина оказывал на него большое влияние. Ч. был близок к ранним декабристским организациям, к идеям которых приобщал и Пушкина. Пушкин посвятил Ч. три послания (1818, 1821, 1824, а также надпись «К портрету Чаадаева», 1820), в которых отразились их беседы политического характера (об их отношениях см.: М. Гершензон. Чаадаев и Пушкин. *Венг.*, т. VI, стр. 258—265; В. А. Меликян. П. Я. Чаадаев и А. С. Пушкин. Уч. зап. Ереванск. пед. инст., Ереван, 1949, № 1, стр. 81—92; Ф. И. Берелевич. П. Я. Чаадаев и А. С. Пушкин. Уч. зап. Тюменск. пед. инст., т. XVIII, каф. истории, вып. 5, Тюмень, 1962, стр. 121—147; см. также: *Письма*, тт. I—III, по указ.). В 1819 г. через посредство Ч. Пушкин представил Александру I стихотворение «Деревня» (см.: М. А. Цявловский. Представление «Деревни» Александру I. *П. Иссл. и мат.*, т. II, стр. 382—385, а также кн.: М. А. Цявловский. Статьи о Пушкине. М., 1962, стр. 365—369); благодаря заступничеству Ч. грозившая Пушкину ссылка в Сибирь или Соловецкий монастырь была заменена высылкой на юг (*Летопись*, стр. 212). После возвращения Пушкина из ссылки Ч. 10 сентября 1826 г. присутствовал на чтении «Бориса Годунова» у Соболевского (*ПиС*, вып. XXXI—XXXII, стр. 40). Пушкин неоднократно посещал Ч. в Москве. По-видимому, еще до ссылки

Пушкин взял у Ч. книгу Хэзлитта «Застольные беседы» (М. А. Цявловский. Заметки о Пушкине. *ПиС*, вып. XVII—XVIII, стр. 50, 55); обмен книгами совершался и в дальнейшем; в библиотеке Пушкина сохранился экземпляр книги Fr. Ancillon (Ансильона) «Pensées sur l'homme, ses rapports et ses intérêts» (Berlin, 1829), с пометами рукой Ч. (*Библ. П.*, № 540, стр. 139—141). В 1831 г. Пушкин послал ему экземпляр «Бориса Годунова» с запиской (*Письма*, т. III, стр. 123; *Акад.*, XIV, № 556; *Рук. ПД, 1964*, № 1413) и пытался издать несколько «Философических писем» (*Письма*, т. III, стр. 334—336). Пушкин нередко упоминает о Ч. в переписке. В письме к А. И. Тургеневу (декабрь 1836 или январь 1837 г.) Ч. просит сообщить Пушкину, что он занят историей Петра, и дает высокую оценку «Капитанской дочке» (П. Я. Чаадаев, Сочинения и письма, т. 1, М., 1913, стр. 200; т. II, М., 1914, стр. 208); о «грациозном гении» Пушкина он говорит также в «Апологии сумасшедшего» (1837 или 1838). В 1840—1850-е годы Ч. сохранял теплые воспоминания о Пушкине, однако попытки Погодина, Шевырева и др. добиться от него мемуаров о Пушкине успехом не увенчались (см. письма его: П. Я. Чаадаев, Сочинения и письма, т. 1, стр. 306—307, 421—424, 294, 286). Позднее П. Бартенев пытался поставить под сомнение близость Пушкина и Ч.; это вызвало возражения лиц, близко знавших Пушкина, например Соболевского, который заявил, что Ч. — «один из лучших друзей Пушкина» (*Лет. ГЛМ*, стр. 502; см. также письмо Ч. к С. П. Шевыреву (1854 г.) в кн.: Л. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 327—328). В настоящее время сохранилось 3 письма Пушкина к Ч. и 2 отрывка, предположительно отнесенных к Ч.; писем Ч. к Пушкину — 5. В письме к С. Л. Пушкину от второй половины февраля 1837 г. Ч. указывает, что из многочисленных писем Пушкина разных лет у него осталось лишь одно (*ПиС*, вып. VIII, стр. 53; это сохранившееся письмо от 6 июля 1831 г.). Бартеневу Ч. сообщал, что остальные письма он сжег, — вероятно, после истории с «Философическим письмом» в 1836 г. П. Бартенев. Пушкин в южной России. М., 1914, стр. 16; ср.: *Лет. ГЛМ*, стр. 502). *В. В.*

* **Чернышев** Александр Иванович, граф (1785—1857) — военный и государственный деятель, один из наиболее реакционных и нелюбимых в обществе сановников николаевского царствования. Участник войн с Наполеоном 1805—1807 гг., Отечественной войны 1812 г. и европейского похода 1814 г. В Следственной комиссии по делу о декабристах (1825—1826) Ч. был одним из наиболее деятельных членов, за что в 1826 г. возведен в графское достоинство. С 1827 г. управлял Военным министерством, в 1832 г. назначен военным министром. В 1841 г. Ч. получил титул князя, в 1849 г. назначен председателем Государственного совета (см. о нем: Сборник биографий кавалергардов, т. III, СПб., 1906, стр. 68—91; *Дн. Сав.*, стр. 347—351). Пушкин встречался с Ч. по выходе из Лицея, в 1817—1819 гг. (см.: *Летопись*, стр. 137, 744; ср.: *Акад.*, XIII, № 196). Знакомство их носило, по-видимому, исключительно светский характер, причем Ч. относился к поэту высокомерно-покровительственно (см.: И. И. Пущин. Записки о Пушкине. Письма. Гослитиздат, М., 1956, стр. 70). В 1830-х годах Пушкин не раз имел дело с Ч. как с военным министром. Летом 1831 г. он обратился к Бенкендорфу с просьбой облегчить участь преследуемого Ч. В. Д. Сухорукова (см.: *Акад.*, *Спр. том*, стр. 70—71) и получил от Бенкендорфа уведомление, что гр. Ч. нашел желание Сухорукова получить назад отобранные у него исторические материалы «не только неосновательным, но даже дерзким» (*Акад.*, XIV, № 665; см. также выше, в справке о Сухорукове). В 1833 г. начинается официальная переписка между Пушкиным и Ч., связанная с историческими разысканиями поэта в Архивах Военного министерства (см.: *Письма*, т. III, стр. 559—561), причем свой интерес к документам по истории Пугачева Пушкин счел необходимым замаскировать в глазах Ч. ссылкой на занятия биографией Суворова (см.: *ЛН*, т. 16—18, стр. 443—446). В марте 1836 г. Пушкин обратился к Ч. за разрешением на публикацию в «Современнике» статьи Д. В. Давыдова «Занятие Дрездена». Ч. «по заведенному порядку» передал рукопись в Военно-цен-

зурный комитет (см.: *Акад.*, XVI, № 1149), где рукопись сильно пострадала от цензуры. Письмо Пушкина к Давыдову с сообщением об этом до нас не дошло. Ответ Давыдова см.: *Акад.*, XVI, № 1198. Отрицательное отношение Пушкина к Ч. сказалось в его дневниковой записи от 2 апреля 1834 г. (см.: *Акад.*, XII, стр. 323). После смерти Пушкина Ч. писал к его вдове в связи с волей Николая I о помещении в Пажеский корпус сыновей Пушкина (см.: *Арх. опеки*, стр. 356). Сохранилось 3 письма Пушкина к Ч. и 5 писем Ч. к Пушкину. Письма Пушкина дошли до нас не полностью (см.: *Акад.*, XVI, № 1149). *Н. П.*

Чернышева Надежда Григорьевна, графиня (1813—1853) — сестра декабриста гр. З. Г. Чернышева. В 1833 г. в нее влюбился Д. Н. Гончаров, сделал ей предложение, но получил отказ (см. письмо Пушкина к жене от 26 августа 1833 г.: *Акад.*, XV, № 839). В 1838 г. Ч. вышла замуж за кн. Г. А. Долгорукова. О ней см.: *Письма*, т. III, стр. 607, 610.

Чертков Александр Дмитриевич (1789—1858) — председатель Московского общества истории и древностей российских, историк, археолог и нумизмат, основатель знаменитой Чертковской библиотеки. Пушкин был знаком с Ч. и встречался с ним в Москве в 1836 г. О Ч. и его библиотеке см. статью П. И. Бартенева (*РА*, 1863, № 1, стлб. 2—19). Характеристику Ч. и его жены см. в воспоминаниях С. М. Загоскина (*ИВ*, 1900, № 2, стр. 521—522). *Я. Л.*

Черткова Елизавета Григорьевна, урожд. гр. Чернышева (1805—1858), — сестра декабриста гр. З. Г. Чернышева и А. Г. Муравьевой, жена А. Д. Черткова. Была дружна с Н. В. Гоголем (см. шутливое письмо к ней Гоголя 1839 г.: *Гоголь*, т. XI, стр. 236—237 и 414). Пушкин состоял в родстве с Ч. (см.: М. В. Юзефович. Памяти Пушкина. *РА*, 1880, № 3, стр. 444); бывал в доме Чертковых (см. его письма 172 и 174). Характеристику Ч. дает С. М. Загоскин (*ИВ*, 1900, № 2, стр. 521—522). *Я. Л.*

Чичерина Екатерина Петровна (ум. 1874) — фрейлина, дочь генерал-адъютанта Петра Александровича Чичерина; приходилась Пушкину четвероюродной сестрой, через его бабку и крестную мать Ольгу Васильевну Пушкину, урожд. Чичерину (1732—1802).

Шаликов Петр Иванович, князь (1768—1852) — поэт и журналист, эпигон Карамзина: в 1830-е годы литературная деятельность Ш., доводившего до предела культ «чувствительности» и сентиментальности, была объектом постоянных насмешек и пародий. Ш. издавал «Дамский журнал» (1823—1833) и был редактором «Московских ведомостей» (1813—1838). В 1822 г. Ш. обратился к Пушкину со стихотворным посланием; в дальнейшем неоднократно печатал благожелательные отзывы о нем в «Дамском журнале» (см.: В. Каллаш. 1) Мелкие заметки о Пушкине. «Литературный вестник», 1901, кн. 4, стр. 409; 2) Puschkiniana. Вып. 1. Киев, 1902, стр. 31—33; стихи о Пушкине в «Дамском журнале» см.: там же, стр. 78, 79, 88, 94; М. Лонгинов, Сочинения, т. I, М., 1915, стр. 110; *П. Иссл. и мат.*, т. IV, стр. 399). Личное знакомство Ш. и Пушкина состоялось не ранее 1827 г.; в 1829 г. они встречались в Москве, в доме Ушаковых и у В. Л. Пушкина (Из записок А. А. Кононова. *БЗ*, 1859, № 10, стр. 307—308; Л. Н. Майков. Пушкин. СПб., 1899, стр. 362, 365). Отношение Пушкина к Ш. неизменно ироническое (ср. сочиненную им совместно с Баратынским эпиграмму «Князь Шаликов, газетчик наш печальный»: Н. Лернер. Заметки о Пушкине. *ПиС*, вып. XVI, стр. 50). Упоминания о Ш. неоднократно встречаются в письмах П. Сводку основных данных о Ш. и Пушкине см.: *ЛН*, т. 16—18, стр. 603—604. Известно одно письмо Ш. к Пушкину. *В. В.*

Шванвич Александр Мартынович (1726 или 1727—1792) — отец М. А. Шванвича (*см.*); о нем Пушкин упоминает как об антагонисте А. Г. Орлова, которому он разрубил щеку в трактирной драке (*Акад.*, IX, стр. 479—480); он же — «старик отец», якобы бросившийся в ноги Екатерине для спасения сына, участника пугачевского восстания (см. ниже). Биографию Ш. см.: Г. Блок. Путь в Берду. (Пушкин и Шванвичи). «Звезда», 1940, № 10, стр. 209—214. *В. В.*

Шванвич Михаил Александрович (1755—после 1775) — сын предыдущего, подпоручик 2-го гренадерского полка, взятый в плен Пугачевым и перешедший к нему на службу в качестве есаула; был переводчиком в пугачевских войсках, затем исправлял обязанности атамана; в 1774 г., после роспуска бердинской армии, сдался оренбургскому губернатору Рейнсдорпу; по сентенции 31 декабря 1774 г. был «ошельмован» преломлением шпаги над головой и лишен дворянства (*Акад.*, IX, стр. 374); предания о заступничестве за Ш. А. Г. Орлова и помиловании Ш. по просьбе отца апокрифичны. См.: Г. Блок. Путь в Берду. (Пушкин и Шванвичи). «Звезда», 1940, № 10, стр. 214—217; № 11, стр. 139—144. *В. В.*

Шекспир (Shakespeare) Вильям (1564—1616) — великий английский драматург. Первое известное упоминание имени Ш. у Пушкина — в письме к В. К. Кюхельбекеру (?) от апреля—первой половины мая 1824 г. (*Акад.*, XIII, № 82; *Гослит. в 10 т.*, т. IX, № 73); знакомство Пушкина с произведениями Ш. относится к началу 1820-х годов, сперва по французскому изданию 1821 г., затем в подлиннике. Воздействие драматургии Ш. Пушкин испытал в «Борисе Годунове»; изучение Ш. помогает Пушкину в окончательном отказе от эстетических традиций французского классицизма. Пушкин неоднократно возвращался к анализу типов Ш., в которых он видел образцы народности и реалистического психологизма (см., например: *Акад.*, XI, стр. 40; XII, стр. 159—160); упоминания и цитаты из Ш. постоянны у Пушкина с середины 1820-х годов. Чтение Ш. отразилось также в «Маленьких трагедиях»; в 1833 г. Пушкин начал переводить «Меру за меру» Ш., на основе которой он создает «Анджело». Анализ данных об отношении Пушкина к Ш. и литературу вопроса см.: Шекспир и русская культура. Под ред. акад. М. П. Алексеева. Изд. «Наука», М.—Л., 1965, стр. 162—200 (Гл. III. Пушкинская пора. 2. А. С. Пушкин — ст. М. П. Алексеева). *В. В.*

* **Шишков** Александр Семенович (1754—1841) — адмирал, президент Российской академии, почетный член имп. Академии наук, в 1824—1828 гг. министр народного просвещения и глава цензурного ведомства. Председатель и вдохновитель реакционной «Беседы любителей русского слова» (1811—1816), автор «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка» (1802). Пушкин еще в Лицее активно включился в борьбу карамзинистов против шишковистов (см. его стихотворения 1815—1816 гг. «Угрюмых тройка есть певцов», «К Жуковскому», два послания к В. Л. Пушкину, «Тень Фонвизина»). Однако, когда Ш. сменил на посту министра народного просвещения мракобеса А. Н. Голицына, Пушкин приветствовал его, надеясь на облегчение цензуры, «ожидал добра для литературы вообще» (см.: *Акад.*, XIII, № 88, см. также №№ 87, 89, 129 и стихотворение 1824 г. «Второе послание цензору») и приписывал влиянию Ш. «оживление» в словесности (см.: *Акад.*, XIII, № 175). В 30-е годы отношение Пушкина к историческим и филологическим трудам Ш. оставалось отрицательным (см. его замечания на «Песнь о полку Игореве» 1836 г.: *Акад.*, XII, стр. 149, и главу «Черпая грязь» черновой редакции «Путешествия из Москвы в Петербург», 1833—1834: *Акад.*, XI, стр. 226). 3 декабря 1832 г. Пушкин по предложению Ш. был избран членом Российской академии (вместе с П. А. Катениным, М. Н. Загоскиным, А. И. Маловым и Д. И. Языковым), но в деятельности ее активно не участвовал (см.: Л. Б. Модзалевский. Пушкин — член Российской академии. «Вестник АН СССР», 1937, № 2—3, стр. 245—250) и резко отрицательно относился к деятельности в ней Ш., который, по его словам, «набил академию попами» (*Акад.*, XII, стр. 337). Подробнее о Ш. и Пушкине см.: *Дн. Модз.*, стр. 242; *Дн. Сав.*, стр. 535—537; *Письма*, тт. I—III, по указ. Известно одно (черновое) письмо Пушкина к Ш., 1824 г. *Я. Л.*

Шишкова Екатерина Васильевна, урожд. Юрьева, — жена Дмитрия Семеновича Шишкова, брата А. С. Шишкова.

Шишкова Прасковья (Полина) Дмитриевна, дочь Д. С. Шишкова и Е. В. Шишковой, племянница А. С. Шишкова, фрейлина (с 7 января 1825 г.

по 1839 г.), затем была замужем за А. А. Ушаковым (ум. 1852). Ее портрет работы О. Кипренского см. в журнале «Художник» (1964, № 8).

Щеглов Николай Прокофьевич (1794—1831) — профессор физики Петербургского университета, цензор С.-Петербургского цензурного комитета; в 1830 г. цензуровал, сменив К. С. Сербиновича, «Литературную газету» и в 1831 г. — «Северные цветы», проявляя при этом крайний педантизм и придирчивость; в 1830 г. Пушкин просил о его замене (*Акад.*, XIV, № 444; *ПиС,* вып. XXIX—XXX, стр. 63—66). О возможном знакомстве Пушкина с трудами Щ. по железнодорожному строительству см.: М. П. Алексеев. Пушкин и наука его времени. *П. Иссл. и мат.*, т. I, стр. 113—115. *В. В.*

Щепкин Михаил Семенович (1788—1868) — актер Московского Малого театра, бывший до 1821 г. крепостным. Пушкин познакомился с ним в Москве после возвращения из ссылки (27 мая 1829 г. они оба были на завтраке у М. П. Погодина. См.: *ПиС*, вып. XIX—XX, стр. 94; *Барсуков*, кн. II, стр. 304), но еще до знакомства он неоднократно видел Щ. на сцене (см.: С. Дурылин и Д. Щепкин. Пушкин и Щепкин. «30 дней», 1937, № 10, стр. 81—88). 9 июня 1832 г. в бенефис Щ. в Петербургском Большом театре была поставлена инсценировка «Цыган». Пушкин, который в это время был в Петербурге, вероятно, видел этот спектакль. В 30-е годы во время поездок Пушкина в Москву они часто встречались у Нащокина (см.: Д. А. Смирнов. Два утра у Щепкина. В кн.: Ежегодник имп. театров, сезон 1907—1908 гг., стр. 206); кроме того, Пушкин заходил к Щ.; у него же в 1836 г. должно было состояться знакомство Пушкина с Белинским (см. воспоминания А. Щепкиной: *РА*, 1889, кн. I, стр. 549). Поэт убеждал Щ. писать мемуары и 17 мая 1836 г. подарил ему тетрадь для будущих записок, куда сам вписал начальные строки (см.: *Рукою П.*, стр. 639; *Рук. ПД, 1964*, № 1708). Подробнее о взаимоотношениях Пушкина и Щ. см. указанную выше статью С. Дурылина и Д. Щепкина, а также: С. Дурылин. Пушкин и Щепкин. «Театр», 1949, № 5, стр. 69—80; А. В. Дерман. Московского Малого театра актер Щепкин. М., 1951, стр. 130—132. *Я. Л.*

Энгельгардт Василий Васильевич (1785—1837) — приятель Пушкина, отставной полковник, член «Зеленой лампы». По словам П. А. Вяземского, «расточительный богач, не пренебрегающий весельями жизни, крупный игрок, впрочем, кажется, на веку своем более проигравший, нежели выигравший, построитель в Петербурге дома, сбивающегося немножко на парижский Пале-Рояль со своими публичными увеселениями, кофейнями, ресторанами. Построение этого дома было событием в общественной жизни столицы. Пушкин очень любил Энгельгардта за то, что он охотно играл в карты, и за то, что очень удачно играл словами. Острые выходки и забавные куплеты его ходили по городу» (*Вяземский*, т. 1, стр. XVII—XVIII). В 1819 г. Пушкин посвятил Э. послание «NN» («Я ускользнул от Эскулапа»), сочетающее характерные для круга «Зеленой лампы» эпикурейские и вольнолюбивые мотивы. В письме к брату из ссылки в декабре 1824 г. Пушкин посылал Э. поклоны и вспоминал о его обедах (*Акад.*, XIII, №№ 120 и 124). Когда Л. С. Пушкин задолжал за комнату в гостинице в доме Э. на Невском проспекте, 3 мая 1834 г. Пушкин выдал Э. вексель на 1300 рублей, который был оплачен опекой (см.: *Рукою П.*, стр. 378; *Рук. ПД, 1964*, № 1657). *Я. Л.*

Эристов Дмитрий Алексеевич, князь (1797—1859) — приятель Пушкина. Обучался в Полоцкой иезуитской коллегии, затем в Царскосельском лицее, по окончании которого (1820) служил в Комиссии составления законов, преобразованной в 1826 г. во II отделение собственной е. и. в. канцелярии, затем в Морском министерстве. Умер сенатором, тайным советником и генерал-аудитором флота (см.: *Письма*, т. I, стр. 517—518). Среди современников Э. слыл весельчаком и балагуром, наделенным даром «передразнивать голосом и движениями», фокусником и чревовещателем (см.: А. И. Дельвиг. Мои воспоминания, т. I. М., 1912, стр. 51; А. Н. Вульф. Дневник. *ПиС*, вып. XXI—XXII, стр. 22). Был известен как автор устных куплетов (см.: *Акад.*, XIII, № 224). Куплеты, сочиненные Э. совместно

с Дельвигом и Л. С. Пушкиным, были в 50-х годах приписаны А. С. Пушкину (*см.*: *ПиС*, вып. XXXI—XXXII, стр. 43). Э. сотрудничал в «Энциклопедическом лексиконе» Плюшара по отделу истории России, а также истории искусств и художеств, а позднее — в начальных томах Военно-энциклопедического лексикона Л. И. Зедделера. Печатался в ряде периодических изданий, а в 1836 г. совместно с М. Л. Яковлевым издал «Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых». Первое знакомство Пушкина с Э. относится к годам пребывания Пушкина в Лицее; затем оно было прервано и возобновилось лишь по возвращении Пушкина из ссылки. Приехав в 1827 г. в Петербург, Пушкин нашел Э. вошедшим за последние годы в круг его друзей — Дельвига и др. Переписка поэта и воспоминания современников указывают на постоянные встречи Пушкина и Э. в этот период (см.: *Акад.*, XV, №№ 865, 1020; А. П. Керн. Воспоминания. Изд. «Academia», Л., 1929, стр. 274; Н. И. Куликов. А. С. Пушкин и П. В. Нащокин. *РС*, 1881, № 8, стр. 604—605; Я. К. Грот. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. СПб., 1899, стр. 282; Б. Никольский. Последняя дуэль Пушкина. СПб., 1901, стр. 55, 97). В 1834 г. Пушкин использовал неизданный «Исторический словарь» Э. и М. Л. Яковлева как исторический источник при окончательной обработке «Истории Пугачева» (см. статью Пушкина «Об „Истории Пугачевского бунта“»: *Акад.*, IX, стр. 381, а также черновой вариант примечания 16 к пятой главе «Истории Пугачева»: *Акад.*, IX, стр. 457). В 1836 г. в рецензии, напечатанной в «Современнике» (т. III, стр. 310—314), Пушкин высоко оценил другую работу Э. и Яковлева — «Словарь о святых» (*Акад.*, XII, стр. 101). *Н. П.*

Юрьев Василий Гаврилович — прапорщик гвардейской инвалидной роты, занимавшийся ростовщичеством, у которого Пушкин неоднократно занимал деньги. Имеются заемные письма Пушкина от 22 апреля 1835 г. на сумму 6 тыс. руб. и от 19 сентября 1836 г. на сумму 10 тыс. руб., выданные Ю. (*Лит. арх.*, I, стр. 67; *Рукою П.*, стр. 809; см. также: *ПиС*, вып. XIII, стр. 96, 103; *Рук. ПД*, *1937*, № 819; *1964*, № 1675). Заемное письмо Н. Н. Пушкиной от 30 декабря 1836 г., выданное Ю., см.: *Арх. опеки*, стр. 114 (там же письмо Н. Н. Пушкиной к Ю. и его письмо к ней — стр. 115, 116). Долги Пушкина Ю. после смерти поэта были оплачены опекой (*Арх. опеки*, стр. 151, 154, 374, 375). *О. П.*

Языков Александр Михайлович (1799—1874) — брат Н. М. Языкова (*см.*). Познакомился с Пушкиным в 1827 г. в Петербурге. Пересылал Н. М. Языкову из Петербурга стихи Пушкина и служил посредником между обоими поэтами; в 1830 г. Пушкин, бывая у Языковых, часто видится с Я. С 1831 г. вместе с братьями Я. принимал участие в осуществлении пушкинского плана собирания народных песен (*ЛН*, т. 79, стр. 342). В переписке Я. с Н. М. Языковым и В. Д. Комовским постоянны упоминания о Пушкине и новых его произведениях; положительно оценив «Бориса Годунова», Я. скептически отозвался о работе Пушкина над историей Петра и отрицательно — о сказках, «Выздоровлении Лукулла» и «Истории Пугачева», для которой он, видимо, сообщал Пушкину материалы. 11—12 сентября 1833 г. Пушкин посетил с. Языково и общался с Я.; вторично он заехал в Языково 29 сентября. В письмах 1837 г. Я. остро интересуется подробностями дуэли и смерти Пушкина. О Я. и Пушкине см.: Д. Н. Садовников. Отзывы современников о Пушкине. *ИВ*, 1883, № 12, стр. 520—542; *Письма*, т. III, стр. 640—641; *ЛН*, т. 58 (по указ.). Письма Пушкина к Я., как и Я. к Пушкину, неизвестны; по-видимому, их и не было. *В. В.*

Языков Дмитрий Иванович (1773—1845) — археограф, член (с 1833 г.) и непременный секретарь (с 1835 г.) Российской академии. В 1841 г. назначен ординарным академиком по Отделению русского языка и словесности Академии наук. О деятельности Я. в Российской академии см.: М. И. Сухомлинов. История Российской академии, т. VIII. СПб., 1888, по указ.; В. И. Срезневский. Сведения о рукописях, печатных изданиях и других предметах, поступивших в Рукописное отделение Библиотеки имп.

Академии наук в 1903 г. СПб., 1904, стр. 215—216. Биографию Я. см. в *РБС*. В Российскую академию Я. был избран в один день с Пушкиным (см.: *Письма*, т. III, стр. 582—583), а обстоятельства, предшествовавшие назначению Я. на должность непременного секретаря, иронически обсуждались Пушкиным в его переписке с И. И. Дмитриевым. В статье 1836 г. «Российская академия» Пушкин излагает речь Я. об истории Академии (см.: *Акад.*, XII, стр. 41—44). Сохранилось одно официальное письмо Я. к Пушкину (*Акад.*, XVI, № 1099); мог существовать ответ, но он до нас не дошел. *Н. П.*

** **Языков** Николай Михайлович (1803—1846) — поэт. Познакомился с Пушкиным будучи студентом Дерптского университета (и уже составив себе поэтическое имя) через общего знакомого — А. Н. Вульфа. Отношение Я. к Пушкину до их личного знакомства настороженно-недоброжелательное; не исключена возможность, что на Я. повлияли отрицательные отзывы о Пушкине проф. В. М. Перевощикова (см.: Письма Н. М. Языкова к родным за дерптский период его жизни (1822—1829). СПб., 1913 (Языковский архив, вып. 1), стр. 26; Е. В. Петухов. Дерптский период жизни Н. М. Языкова (1822—1829). Биографические заметки. Там же, стр. 20—21). Пушкин с большим вниманием следил за поэтической деятельностью Я. и приглашал его в Михайловское (см. его послания к Вульфу «Здравствуй, Вульф, приятель мой» и к Я. «Издревле сладостный союз...», 1824). Личное знакомство Я. с Пушкиным в Михайловском (в 1826 г.) во многом было переломным событием в отношении Я. к Пушкину (см.: *Письма*, т. II, стр. 200—201). К этому времени относятся и совместные пародии Пушкина и Я. на апологи И. И. Дмитриева (см.: Н. Лернер. Из поэтического наследия Пушкина. «Нравоучительные четверостишия» Пушкина и Н. М. Языкова. «Сев. записки», 1913, апрель, стр. 116—119). Однако его оценки поэтического творчества Пушкина и в дальнейшем сдержанны и нередко неблагоприятны; исключения представляют «Борис Годунов», «Арап Петра Великого» и отчасти «Полтава» (см.: Д. Н. Садовников. Отзывы современников о Пушкине. *ИВ*, 1883, № 12, стр. 520—542; *ВЕ*, 1897, кн. 12, стр. 603; *РС*, 1903, № 3, стр. 485; № 4, стр. 153; Письма Н. М. Языкова к родным..., стр. 290, 374, 381; *ЛН*, т. 19—21, стр. 33—104; *П. Врем.*, 1, стр. 381—383; упоминания о Пушкине см. также: *РС*, 1903, № 3, стр. 531). Отталкивание Я. от творчества Пушкина в 1820-е годы обусловлено восприятием Я. эстетических принципов гражданского романтизма декабристов, с их пониманием «возвышенного» и «героического»; в 1830-е годы Я. отвергает поэзию Пушкина с позиций романтического метода и романтического восприятия народности; его сказки полемически, а иногда пародийно направлены против Пушкина. Одновременно Я. и испытывает на себе воздействие пушкинского творчества; известно замечание Пушкина: «Баратынский и Я. мои ученики — я уж у них учиться не буду» (запись в дневнике Б. М. Федорова 24 апреля 1828 г.: *Р. библ.*, 1911, № 5, стр. 34). Отзывы Пушкина о Я., как правило, положительны и подчеркивают эмоциональную напряженность и энергию поэтической речи Я. (см.: *РС*, 1884, № 7, стр. 143; *Гоголь*, т. VIII, стр. 387; *РС*, 1893, № 4, стр. 115; С. П. Шевырев. Николай Михайлович Языков. «Московский городской листок», 1847, 9 января, и др.). Весной 1830 г. Пушкин часто бывает у Я. (см.: *ИВ*, 1883, № 12, стр. 529); в конце 1820-х и в 1830-х годах он неоднократно пытается привлечь Я. к постоянному участию в «Северных цветах», «Литературной газете», замышляемых им альманахах и затем в «Современнике» (ср. его слова: «Я надеюсь на Николая Языкова, как на скалу» в записках В. Ф. Щербакова. *Ефр.*, *1903*, т. VIII, стр. 110; *ЛН*, т. 58, стр. 82, 92, 94, 106—108; *Письма*, т. III, стр. 423, 435; *ЛН*, т. 19—21, стр. 61). В 1832—1833 гг. Пушкин принимает участие в подготовке сборника русских народных песен П. Киреевского и Я. (см. Письма П. В. Киреевского к Н. М. Языкову. Изд. АН СССР, М.—Л., 1935, стр. 27 и вступительную статью М. К. Азадовского; А. Д. Соймонов. Новые материалы о Пушкине и П. В. Киреевском. «Известия АН СССР», ОЛЯ, 1961, т. XX, вып. 2 (март—апрель), стр. 148—153). В 1833 г. Пушкин посетил Я. в его имении Симбирской губ. (*Письма*,

т. III, стр. 640—641). В 1834—1836 гг. Пушкин и Я. не встречаются; в это время Я. уже тяжело болен и на время прекращает поэтическую деятельность. Известие о дуэли и смерти Пушкина Я. получил от Вульфа и Хомякова (*РА*, 1884, № 5, стр. 202—203; А. С. Хомяков, Сочинения, т. VIII, М., 1900, стр. 89—90). 12 июля 1837 г. он пишет Вульфу о своем впечатлении от гибели Пушкина, которого, по его мнению, «погубил большой свет», где «не житье поэтам», и интересуется неоконченными произведениями в бумагах Пушкина (*РС*, 1903, № 3, стр. 489, 490); в письме к А. Н. Вульфу от 22 апреля 1846 г. Я. противопоставляет время Пушкина нынешнему — «пошлому» и «прозаическому» (там же, стр. 495). Сохранилось 6 писем Пушкина к Я. и 2 письма — Я. к Пушкину. *В. В.*

Языков Петр Михайлович (1798—1851) — старший брат Н. М. Языкова (*см.*), геолог. Познакомился с Пушкиным во время визита последнего в Языково 29 сентября 1833 г.; вначале принял его враждебно, но затем между Пушкиным и Я. установились дружественные отношения; в мае 1836 г. Пушкин «расхваливал» Я. Хомякову (Б. В. Шапошников. Письма Е. М. Языковой о Пушкине. «Искусство», 1928, № 1—2, стр. 156; *ИВ*, 1883, кн. 12, стр. 537). Возможно, что Я., как и А. М. Языков (*см.*), сообщал Пушкину предания о Пугачеве (*ЛН*, т. 58, стр. 232); ему принадлежат уникальные записи песен о Пугачеве (*ЛН*, т. 79, стр. 343, 346). Я. оставил в своих записках анекдот о Пушкине, относящийся к пребыванию поэта в Болдине в 1830 г. (*РА*, 1874, № 3, стлб. 799—800). О Я. см.: *Письма*, т. III, стр. 634—635. *В. В.*

Языкова Екатерина Михайловна (1817—1852) — сестра поэта Н. М. Языкова, жена (с 1836 г.) А. С. Хомякова. Впечатления Е. М. Хомяковой от встреч с Пушкиным в Москве зафиксированы ею в письмах к Н. М. Языкову; в письмах к сестре П. М. Бестужевой и Н. М. Языкову от февраля 1837 г. она с большим сочувствием пишет о смерти поэта (Письма Е. М. Языковой о Пушкине. «Искусство», 1928, № 1—2, стр. 153—168). *Я. Л.*

** **Яковлев** Иван Алексеевич (1804—1882) — сын известного богача, откупщика, владельца многомиллионного состояния (*РА*, 1891, № 6, стр. 659). Я. славился своими причудами, кутежами и был заядлым картежником. См.: Из воспоминаний Д. Д. Оболенского, *РА*, 1895, кн. I, стр. 367—368; ср.: *РС*, 1875, т. XV, стр. 216. В 1829 г. Я. уехал в Париж, где он прожил около 20 лет, изредка приезжая в Россию (*РА*, 1895, кн. I, стр. 368; см. также: *Акад.*, XIV, № 435). Еще до своего первого отъезда в Париж Я. был одним из постоянных партнеров Пушкина по карточной игре; Пушкин проиграл ему 6 тыс. руб. (см.: *Акад.*, XIV, № 412). Возможно, Я. был в числе тех лиц, с которыми Пушкин связывал свои планы отъезда за границу. В письме к И. А. Муханову от 8 декабря 1829 г., посланном из Парижа, Я. писал: «Благодарю за несколько слов о Пушкине. Если он не уехал в деревню на зиму, то кланяйтесь поэту-герою. Он чуть ли не должен получить отсюда небольшого приглашения анонимного. Дойдет ли до него? А не худо было бы ему потрудиться пожаловать куда зовут» (*РА*, 1899, № 6, стр. 356). В 1832 г. Пушкин упоминает о Я. как о человеке, состоящем с ним в «дружеских сношениях» (см.: *Акад.*, XV, № 722). Летом 1836 г. Я. вернулся в Петербург, и прежнее знакомство, очевидно, возобновилось. Более подробные сведения о Я. собраны Б. Л. Модзалевским (см.: *Письма*, т. II, стр. 355—356). Сохранилось 2 письма Пушкина к Я. (оба касающиеся долга Пушкина Я.). Письма Я. к Пушкину неизвестны. *Р. И.*

** **Яковлев** Михаил Лукьянович (1798—1868) — товарищ Пушкина по Лицею, искусный имитатор, певец и композитор-дилетант. В Лицее писал басни, участвовал (1812—1813) в издании рукописных журналов «Для удовольствия и пользы» и «Юные пловцы» (последнего вместе с Пушкиным). За веселый нрав был любим товарищами, которые называли его «паяс 200 №№» (перечень этих номеров см.: К. Я. Грот. Пушкинский Лицей. СПб., 1911, стр. 80—81) и «комедиант». В первые два года лицейской жизни Я. вместе с Пушкиным написал не дошедшую до нас комедию «Так водится в свете» (см.: *Совр.*, 1863, № 7, стр. 155; Б. Томашевский. Пуш-

кин. Кн. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 32—33). В 1814—1815 гг. Пушкин посвятил Я. строфу в стихотворении «Пирующие студенты» (см.: *Гастфрейнд. Товарищи П.*, т. II, стр. 228—229; *Стар. и нов.*, кн. VIII, стр. 38. Ср.: Б. Томашевский. Пушкин, кн. I, стр. 705) и упомянул его в «Послании к Галичу». По окончании Лицея Я. служил в Москве (1817—1826) и до возвращения Пушкина из ссылки с ним не встречался. В январе 1827 г. был переведен в Петербург, во II отделение собственной е. и. в. канцелярии, где сделал успешную карьеру. Впоследствии тайный советник, сенатор. В 1825 г. Я. напечатал свой романс «Слеза» на стихи Пушкина («Мнемозина», 1825, ч. IV, Приложение; оттиск нот с поправкой Пушкина см.: *ИРЛИ*, № 896). После ссылки Пушкин встречался с Я. преимущественно у А. А. Дельвига, с которым Я. был дружен с Лицея. А. И. Дельвиг (см. кн.: А. И. Дельвиг. Мои воспоминания, т. I, М., 1912, стр. 72) сообщает, что Пушкин обходился с Я. «несколько надменно, за что ему часто доставалось от Дельвига». В 1830-х годах отношения Пушкина и Я. стали более близкими. В эти годы Я. — «староста Лицейский», хранитель лицейских традиций. У него происходили годичные собрания первокурсников, хранился архив лицейского братства. Предполагают, что к Я. обращено стихотворение 1832 г. «В альбом» («Долго сих листов заветных»; см.: А. Пушкин. Сочинения. Ред. Б. Томашевского. ГИХЛ, Л., 1936, стр. 863). В 1834 г. в типографии II отделения, которой заведовал Я., при его помощи печаталась «История Пугачева». Мнение, по которому Я. осуществлял цензорское наблюдение за изданием (см.: А. И. Чхеидзе. «История Пугачева» А. С. Пушкина. Тбилиси, 1963, стр. 152—157), ничем не доказано. На последней стадии работы над «Историей Пугачева» Пушкин использовал как исторический источник неопубликованный «Исторический словарь» Я. и Д. А. Эристова (см.: *Акад.*, IX, стр. 381, 457). В 1836 г. он написал рецензию на их же «Словарь о святых» (*Совр.*, 1836, т. III, стр. 310—314). Известны три романса Я. на слова Пушкина: «Слеза». «Зимний вечер» и «Признание». В. П. Гаевский располагал не дошедшими до нас воспоминаниями Я. о Пушкине (см., например: *Совр.*, 1863, № 7, стр. 155 и др.). Сохранились реплики Я. на тенденциозные мемуары о Пушкине С. Д. Комовского (Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников, ГИХЛ, 1936, стр. 87—91). Отдельные сообщения о Пушкине см. также в письмах Я. к В. Д. Вольховскому (*Гастфрейнд. Товарищи П.*, т. I, стр. 154—155; т. II, стр. 250—251 и др.). Известно 10 писем Пушкина к Я. и 7 писем Я. к Пушкину. О Я. см. также: М. Глинка. Записки. Музгиз, Л., 1953, стр. 62—63; *Лит. газ.*, 1831, № 23, стр. 190; Е. Сушкова. Записки. Изд. «Academia», Л., 1928, стр. 175; *РС*, 1886, август, стр. 351 (отзыв Е. А. Ган); 1903, № 6, стр. 630—631; «Древняя и новая Россия», 1878. т. III, стр. 274 (отзыв Н. А. Титова); История русской музыки в нотных образцах, т. 3, Музгиз, М.—Л., 1952, стр. 401—402; А. Глумов. Музыкальный мир Пушкина. Музгиз, М.—Л., 1950, стр. 148—149 и др. *Н. П.*

Яковлева Арина Родионовна (1758—1828) — няня Пушкина, крепостная его бабушки М. А. Ганнибал. В 1799 г. получила «вольную», но не воспользовалась ею и осталась в семье Пушкиных. Пушкин был к ней очень привязан, сохранил два ее письма, написанных чужой рукой под ее диктовку (*Акад.*, XIII, № 313, 320); в письме к сестре О. С. Пушкиной из Михайловского от 10—15 августа 1825 г. (*Акад.*, XIII, № 204) под диктовку няни он приписал ее приветствие Ольге. Пушкин с большой нежностью вспоминал о ней в своих письмах. Об А. Р. он говорит в ряде произведений, частью обращенных к ней: «Разговор книгопродавца с поэтом», «Зимний вечер», «Подруга дней моих суровых», «Вновь я посетил» и др. Воспоминания об А. Р. отразились также в образах няни Татьяны Лариной и няни Владимира Дубровского (см.: Н. О. Лернер. Арина Родионовна и няня Дубровского. *ПиС*, вып. VII, стр. 68—72. Подробнее о ней см.: *Письма*, т. I, стр. 366; А. И. Ульянский. Няня Пушкина. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940). Сохранилось 2 письма Я. к Пушкину (см. выше). Письма Пушкина к ней неизвестны. *Я. Л.*

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Акад. — А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, тт. I—XVI, Изд. АН СССР, М.—Л. 1937—1949; *Спр. том* — Справочный том (XVII), 1959.

Акад. в 10 т. — А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949; изд. 2-е. 1956—1958.

Academia — А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений в шести томах, изд. «Academia»—Гослитиздат, М.—Л., 1936—1938.

Аммосов — А. Аммосов. Последние дни жизни и кончина Александра Сергеевича Пушкина. Со слов бывшего его лицейского товарища и секунданта Константина Карловича Данзаса. СПб., 1863.

Анненков — Сочинения Пушкина с приложением материалов для его биографии, портрета, снимков с его почерка и с его рисунков и проч. Изд. П. В. Анненкова. Тт. I—VII. СПб., 1855—1857.

Арх. опеки — Летописи Государственного Литературного музея, кн. V. Архив опеки Пушкина. Ред. и коммент. П. С. Попова. Изд. Гос. Литер. музея. М.—Л., 1939.

Базанов — В. Г. Базанов. Ученая республика. Изд. «Наука», М.—Л., 1964.

Барсуков — Н. П. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. I—XXII. СПб., 1888—1910.

БдЧ — Библиотека для чтения.

Белинский — В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений в 13 томах, М., 1953—1959. (АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом)).

БЗ — Библиографические записки.

Библ. П. — Б. Л. Модзалевский. Библиотека А. С. Пушкина. Библиографическое описание. СПб., 1910. (Пушкин и его современники, вып. IX—X).

Богаевская — К. П. Богаевская. Пушкин в печати за сто лет. (1837—1937). Под ред. М. А. Цявловского. Соцэкгиз, М., 1938.

Бюлл. РО — В. В. Данилов и М. П. Султан-Шах. Документальные материалы об А. С. Пушкине. Краткое описание. В кн.: Бюллетени рукописного отдела Пушкинского дома, вып. VI, VIII. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956—1959.

ВЕ — Вестник Европы.

Венг. — Пушкин, тт. I—VI, изд. Брокгауза—Ефрона, СПб., 1907—1915. (Библиотека великих писателей. Под ред. С. А. Венгерова).

Врем. ПК — Временник Пушкинской комиссии. 1962—1963. Изд. АН СССР—«Наука», М.—Л., 1963—1966. (АН СССР. Отделение литературы и языка. Пушкинская комиссия).

Вяземский — П. А. Вяземский, Полное собрание сочинений, т. I—XII. СПб., 1878—1896.

Гастфрейнд. Документы — Н. Гастфрейнд. Пушкин. Документы Государственного и С.-Петербургского архива Министерства иностранных дел, относящиеся к службе его 1831—1837 гг. СПб., 1900.

Гастфрейнд. Товарищи П. — Н. Гастфрейнд. Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому лицею. Материалы для словаря лицеистов 1-го курса 1811—1817 гг., тт. I—III. СПб., 1912—1913.

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

ГИАМО — Государственный Исторический архив Московской области.

Гоголь — Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, тт. I—XIV, М.—Л., 1937—1952. (АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом)).

Гослит. в 10 т. — А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в десяти томах, под ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Гослитиздат, М., 1959—1962.

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Дела III отд. — Дела III отделения собственной е. и. в. канцелярии об А. С. Пушкине. Предисл. и ред. С. Сухонина. СПб., 1906.

Дело о дуэли — Дуэль Пушкина с Дантесом-Геккереном. Подлинное военно-судное дело 1837 г. СПб., 1900.

Дн. Модз. — А. С. Пушкин. Дневник. 1833—1835. Под ред. и с объяснит. прим. Б. Л. Модзалевского и со статьей П. Е. Щеголева. Госиздат, М.—Пгр., 1923.

Дн. Сав. — А. С. Пушкин. Дневник. 1833—1835 гг. Под ред. В. Ф. Саводника. Госиздат, М.—Пгр., 1923. (Труды гос. Румянцевского музея, вып. I).

Ефр., 1882 — А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, тт. I—VII, под ред. П. А. Ефремова, М., 1882; *Ефр., 1887* — то же, СПб., 1887; *Ефр., 1903, 1905* — то же, СПб., 1903—1905.

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

Звенья — Звенья. Сборник материалов и документов по истории литературы, искусства и общественной мысли XIV—XX века. Под ред. Влад. Бонч-Бруевича. Изд. «Academia» — Госкультпросветиздат, М.—Л., 1932—1951.

ИВ — Исторический вестник.

Изв. ОЛЯ — Известия Академии наук СССР, Отделение литературы и языка АН СССР.

ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР (Ленинград).

КА — Красный архив.

Карамзины — Пушкин в письмах Карамзиных 1836—1837 годов. М.—Л., 1960. (АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом)).

Лемке — М. К. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. По подлинным делам Третьего отделения собственной е. и. в. канцелярии. СПб., 1908.

Лет. ГЛМ — Летописи Государственного Литературного музея, кн. I. Пушкин. Ред. М. А. Цявловского. Изд. Жургазобъединение, М.—Л., 1936.

Летопись — М. А. Цявловский. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, т. I. М., 1951. (АН СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького).

Лит. арх. — Литературный архив. Материалы по истории литературы и общественного движения, т. I. Под ред. С. Д. Балухатого, Н. К. Пиксанова и О. В. Цехновицера. Изд. АН СССР, М.—Л., 1938.

Лит. газ. — Литературная газета.

Лит. приб. — Литературные прибавления к «Русскому инвалиду».

Лит. совр. — Литературный современник.

ЛН — Литературное наследство.

М. вед. — Московские ведомости.

М. набл. — Московский наблюдатель.

Никитенко — А. В. Никитенко. Дневник. В трех томах. Гослитиздат, Л., 1955—1956.

ОА — Остафьевский архив князей Вяземских. Под. ред. и с прим. В. И. Саитова. Тт. I—V. СПб., 1899—1913.

ОЗ — Отечественные записки.

П. в печ. — Н. Синявский и М. Цявловский. Пушкин в печати. 1814—1837. Хронологический указатель произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. Изд. 2-е, испр. Соцэкгиз, М., 1938.

П. в восп. совр. — Пушкин в воспоминаниях современников. Гослитиздат, М., 1950.

П. Врем. — Пушкин. Временник Пушкинской комиссии, тт. 1—6. Изд. АН СССР, М.—Л., 1936—1941.

Переписка — Пушкин. Переписка. Под ред. и с прим. В. И. Саитова. Тт. I—III. Изд. имп. Акад. наук. СПб., 1906—1911.

П. и мужики — П. Е. Щеголев. Пушкин и мужики. По неизданным материалам. Изд. «Федерация», М., 1928.

ПиС — Пушкин и его современники. Материалы и исследования, вып. I—XXXIX. СПб., 1903—1930.

П. Иссл. и мат. — Пушкин. Исследования и материалы, тт. I—IV. М.—Л., 1956—1962. (АН СССР. Институт русской литературы. (Пушкинский дом)).

Письма — Пушкин. Письма. 1815—1833. Тт. I—II. Под ред. и с прим. Б. Л. Модзалевского. Госиздат, М.—Л., 1926—1928 (Труды Пушкинского дома АН СССР). Т. III. Под ред. и с прим. Л. Б. Модзалевского. Изд. «Academia». М.—Л., 1935.

Письма к Хитрово — Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827—1832. Изд. АН СССР, Л., 1927. (Труды Пушкинского дома, вып. XLVIII).

П. Итоги и проблемы — Пушкин. Итоги и проблемы изучения. Коллективная монография под ред. Б. П. Городецкого, Н. В. Измайлова, Б. С. Мейлаха. Изд. «Наука», М.—Л., 1966. (АН СССР, Институт русской литературы (Пушкинский дом)).

Полевой — Николай Алексеевич Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов XIX века. Ред. и прим. Вл. Орлова. Изд. писателей в Ленинграде, Л., 1934.

Поляков — А. С. Поляков. О смерти Пушкина. (По новым данным). Пб., 1922. (Труды Пушкинского дома при Российской академии наук).

Путеводитель — А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений в шести томах, приложение к журналу «Красная нива» на 1931 г. Т. VI. Путеводитель по Пушкину. ГИХЛ, М.—Л., 1931.

РА — Русский архив.

Рассказы о П. — Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым в 1850—1860 годах. Вступ. статья и прим. М. Цявловского. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1925.

Р. библ. — Русский библиофил.

РБС — Русский биографический словарь. СПб., 1896—1918.

РВ — Русский вестник.

РЛ — Русская литература.

РС — Русская старина.

Рук. ГПБ — Л. Б. Модзалевский. Рукописи Пушкина в собрании Государственной Публичной библиотеки в Ленинграде. Изд. «Academia», Л., 1929. (Рукописи Пушкина в библиотеках, музеях и архивохранилищах СССР. Краткое описание. Вып. I).

Рукою П. — Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. Подготовили к печати и комментировали М. А. Цявловский, Л. Б. Модзалевский, Т. Г. Зенгер. Изд. «Academia», М.—Л., 1935.
Рук. ПД, 1937 — Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме. Научное описание. Изд. АН СССР, М.—Л., 1937. (АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом)).
Рук. ПД, 1964 — О. С. Соловьева. Рукописи Пушкина, поступившие в Пушкинский дом после 1937 года. Краткое описание. Изд. «Наука», М.—Л., 1964. (АН СССР. Институт русской литературы (Пушкинский дом)).
РФВ — Русский филологический вестник.
Рыскин — Е. И. Рыскин. Журнал А. С. Пушкина «Современник». 1836—1837. Указатель содержания. Изд. «Книга», М., 1967.
Соллогуб — В. А. Соллогуб. Воспоминания. Ред., предисл. и прим. С. П. Шестерикова. Вступит. статья П. К. Губера. Изд. «Academia», М.—Л., 1931.
СПб. вед. — Санкт-Петербургские ведомости.
СПч. — Северная пчела.
Стар. и нов. — Старина и новизна.
Сын от. — Сын отечества.
Труды и дни — Н. О. Лернер. Труды и дни Пушкина. Изд. 2-е, испр. и доп., СПб., 1910.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (Ленинград).
Шляпкин — И. А. Шляпкин. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903.
Щеголев — П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. Исследование и материалы. Изд. 3-е. Госиздат, М.—Л., 1928.
Якушкин. Рукописи — В. Е. Якушкин. Рукописи А. С. Пушкина, хранящиеся в Румянцевском музее в Москве. Русская старина, 1884, т. XLI, стр. 413—436, 647—662; т. XLII, стр. 87—110, 325—354, 533—572; т. XLIII, стр. 1—54, 313—330, 641—653; т. XLIV, стр. 75—92, 335—374, 515, 588.

УКАЗАТЕЛЬ ПИСЕМ ПО АДРЕСАТАМ[1]

[1] Цифры указывают номера писем.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ПУШКИНА

СОДЕРЖАНИЕ

ПУШКИН

Письма последних лет

1834—1837

Утверждено к печати Институтом русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР

Редактор издательства *Н. А. Храмцова*. Художник *М. И. Разулевич*
Технический редактор *Л. М. Семенова*
Корректоры *К. И. Видре*, *В. А. Пузиков* и *Г. И. Шер*

Сдано в набор 3/VII 1968 г. Подписано к печати 3/III 1969 г. РИСО АН СССР № 6-151В
Формат бумаги 60×90¹/₁₆ Бум. л. 16¹/₂. Печ. л. 33=33 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 42,27.
Изд. № 3681. Тип. зак. № 1176. М-12249. Тираж 10000. Бумага № 1.

Цена 2 р. 86 к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». Ленинград, В-34, 9-я линия, д. 12